

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

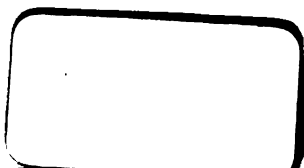
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Pr. 278975 d. 80

266

42
/ 649

Мав

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ.

№ 4410

11/11

2000

11/11

2000

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

42
649

ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ ССХХХІІ.

Мад — Франс.

№ 2410

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Басейная, № 2).

1877.

ЗОЛОТЫЯ СЕРДЦА.

III.

ОБИТАТЕЛИ МАІОРСКОЙ КОЛОНИИ.

На утро я шель къ маіору. Его усадьба, которую всѣ величали «полубарскимъ выселкомъ», находилась верстахъ въ трехъ отъ деревни, въ которой жилъ я, и верстахъ въ двухъ отъ Морозовыхъ. Полубарскій выселокъ представлялъ изъ себя нѣчто оригинальное: это была кучка плотныхъ, здоровыхъ, обыкновенныхъ крестьянскихъ избъ, вытянувшихся на косогорѣ передъ рѣчью; сзади, эта кучка примыкала къ садамъ, переходившимъ въ березовую рошу, а передъ нею стояли въ одиночку службы: амбары, овины. Избъ всего на всего было четыре, изъ которыхъ двѣ—одна, напоминавшая собою маленькіе, пятиконные домики уѣздныхъ городовъ, а другая, просто крестьянская, принадлежали маіору, прочія—его пайщикамъ: выселившемуся изъ села юрному мужиченкѣ Чуйкѣ, первѣйшему маіорскому другу и слугѣ, привязавшемуся къ нему, какъ собака, и вольноотпущенному дворовому человѣку, старику-камердинеру, большому философу и резонѣру, вѣчно спорившему съ маіоромъ и препиравшемуся съ нимъ по поводу разныхъ «господскихъ» и «мужичьихъ» вопросовъ... Эти три оригинальные хозяина-собственника выдѣлились изъ общаго сельско-господскаго строя и образовали соборъ, неностижно какимъ образомъ, особую колонію еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Ключекъ земли, на которой они поселились, принадлежалъ маіору. Маіоръ предложилъ сначала поселиться Чуйкѣ, а затѣмъ и Трошѣ (такъ звали камердинера, хотя ему уже было лѣтъ подъ семьдесятъ; онъ былъ въ свое

время любимецъ одного богатаго барина, и тотъ никогда не звалъ его иначе, какъ нѣжнымъ прозвищемъ «Троша», которое и утвердилось за нимъ на вѣки, несмотря на то, что старикъ очень сердился, когда мужики называли его такъ). Они поселились, раздѣлили землю на пай и завели общее хозяйство: сняли вмѣстѣ у сосѣдей помѣщиковъ землю и стали пахать; скупили у крестьянъ скоть—и завели скотный дворъ. Первымъ вофотилой во всей этой «хозяйственной обстановкѣ» былъ Чуйка, которому маіоръ, по романтичности, а Троша, по «господской апатіи и лѣни», довѣрились волей-неволей вполне. Была, впрочемъ, тутъ разнища: маіоръ довѣрялся вполне, беззаветно, хотя и слѣдилъ самъ за хозяйствомъ или, по крайней мѣрѣ, дѣлалъ видъ, что слѣдилъ, ибо по живости своей натуры постоянно во все вникалъ, всегда шумѣлъ, всюду совался (на что Чуйка смотрѣлъ хитро-нискохитительно и любовно), а Троша, напротивъ, постоянно ворчалъ, упрекалъ Чуйку за какія-то якобы «мазурническія дѣла», которыя больше сочинялъ самъ и которыхъ въ дѣйствительности не видалъ. Упрекалъ за всякое приобрѣтеніе, какое Чуйка дѣлалъ въ своемъ личномъ хозяйствѣ: купить, напримеръ, Чуйка самоваръ, Троша уже направляется къ маіору и «конфиденціально» доносить, прося обратить вниманіе.

— Миѣ что! говорить онъ при этомъ:—миѣ не надо. Я это не по жадности какой вамъ докладываю, сударь... А только, примѣчательно, что онъ очень ужъ юрокъ, очень въ вашу довѣренность вошелъ... Натурально, маіоръ, при первомъ свиданіи, передавалъ эти слова Чуйкѣ, который волновался и шелъ сейчасъ-же «требовать объясненій» отъ Троши. Троша былъ, однако, большой руки трусъ и боялся настойчиваго, крикливаго характера Чуйки; онъ тотчасъ же начиналъ врать и отбоживаться, вздыхать о людской несправедливости и угощать Чуйку чаемъ, за которымъ убѣдительно доказывалъ, что маіоръ—большой руки выдумщикъ, и что онъ на него, Трошу, постоянно взводитъ напраслину. Чуйка успокоивался этими объясненіями—и все входило въ обычную колею. Онъ продолжалъ дѣятельно и неустанно блюсти общую хозяйственную обстановку, смотрѣть за рабочими, за скотомъ, ѣздить и маклачить на базарахъ; Троша, по прежнему, продолжалъ ходить лѣниво изъ сарая въ сарай, въ барскомъ пальмерстонѣ и вытертой бобровой фуражкѣ, понюхивать табакъ и, ворча, сидѣть на лавочкѣ около своей «горницы», какъ звалъ онъ свою избу; а маіоръ постоянно странствовалъ и «велъ баталію» на земскихъ собраніяхъ, у мировыхъ судей, на волостныхъ сходахъ, въ присутствіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ и даже въ окружномъ судѣ. Это была чрезвычай-

но живучая и подвижная натура. Несмотря на свои 60 лѣтъ, на сѣдые волосы, на разбитыя ревматизмомъ и болью, отъ за-
сѣвшей въ правой лажѣ пули, ноги, онъ не зналъ устали и
постоянно кипятился, кричалъ съ мужиками, кричалъ съ госпо-
дами—и только выпивалъ стаканъ за стаканомъ воду, да выти-
ралъ красное отъ волненія лицо большимъ ситцевымъ платкомъ.
Между натурой Чуйки и маіора было много общаго, и это-то,
вѣроятно, и свело ихъ.

Таковы были обитатели «полубарской усадьбы», этой своеоб-
разной колоніи, таковы были ихъ отношенія другъ къ другу.
Все это, понятно, я узналъ не вдругъ.

Я подходилъ къ усадбѣ въ то время, когда уже у «господ-
скаго дома» (маіорскій домъ звали «господскимъ») стояла куч-
ка мужиковъ, изъ которыхъ одни были—дальніе, другіе—вче-
рашніе знакомцы, говорившіе съ Морозовымъ. Послѣдніе, какъ
люди «свои», развязно сидѣли на крылечкѣ, а первые недоувѣр-
чиво и боязливо слушали Чуйку, который, не видя меня, горя-
чо разговаривалъ съ ними. Такъ какъ видимо было, что маіора
нѣтъ еще дома, то я приостановился, облокотившись на рѣшет-
ку палисады, и сталъ вслушиваться.

— Милый баринъ—они-съ, г. маіоръ, говорилъ Чуйка:—вы
не опасайтесь, мы съ г. маіоромъ давно ужъ по крестьянскимъ
правамъ состоимъ...

— Разберете васъ тутъ лѣшій, прости Господи! проворчалъ
одинъ угрюмый мужикъ, видимо раздраженный трескотней Чуй-
ки и увѣренный, что онъ только среди «своихъ»:—Всѣ вы нын-
че на счетъ этихъ правовъ развѣзжаете...

— А вы чьи? спросили пришлые мужики Чуйку.

— Мы? Ихніе-съ были, маіорскіе. А теперича они съ нами
поселились на равныхъ правахъ...

— На какихъ на равныхъ?

— На всякихъ, на крестьянскихъ... Нда-съ!

— Да онъ баринъ, что-ли?.. Али такъ... изъ кантонистовъ?
полубопытствовали пришлые.

— Баринъ!.. Знамо, баринъ, улыкнулись на недогадливость
пришлыхъ «свойскіе» мужики.

— Баринъ! какимъ-то своеобразнымъ тономъ прокричалъ Чуй-
ка:—они—маіоръ и ничего больше!..

— Такъ какже это онъ, почтенный, въ монахи затесался?
интересовался одинъ изъ пришлыхъ.

— Въ монахи! Опять тутъ пустое слово, какъ будто въ ко-
нецъ обидѣвшись на несообразительность пришлыхъ мужиковъ,
сердито проворчалъ Чуйка:—въ міру они, въ безбрачій—пятьде-

сять лѣтъ жизни произошли... Двадцать лѣтъ тому назадъ, какъ они, г. маіоръ, изволили свою вотчину послѣ покойниковъ родителей своихъ, на волю отпустить, тутъ они и на безбрачіе пообѣщались... Нда!.. До всемилостивѣйшаго манифеста изволили въ этомъ обѣтѣ пребывать, а девятнадцатаго февраля, въ незабвенный день, явились къ нашему батюшкѣ. Сблаговолите, говорить, батюшка, теперича съ меня безбрачіе снять и обвѣнчать на вдовѣ — крестьянкѣ Василисѣ Ивановой. И теперь они во вдовствѣ, при дочкѣ, божіею милостію...

— А вы при немъ какъ состоите?..

— Мы у нихъ по конторской части. Ну и въ тожъ время вмѣстѣ землю поднимаемъ. Коммерцію ведемъ скотинкой... Мы на паяхъ. А впрочемъ, прибавилъ Чуйка, поправивъ фуражку:—обождите. Они сейчасъ будутъ и все вамъ скажутъ, что ежели можемъ.

— Да вы, почтенный, съ маіоромъ-то аблакаты, что ли, будете?

— Аблакаты? Нѣтъ, не выйдетъ такъ, подумавши что-то, отвѣчалъ Чуйка:—мы только единственно... И по судамъ ходимъ, но только не въ томъ видѣ... Вы вотъ г. маіора спросите. Они всякую, напримѣръ, фальшь очень чудесно видятъ... Напримѣръ, по земству, даже очень ихъ эти земцы не любятъ. Обождите! предложилъ Чуйка, заключивъ рекомендацію своего первѣйшаго пріятеля, пайщика и патрона—старого маіора, репутаціей котораго онъ дорожилъ больше всего на свѣтѣ, и не упустилъ случая выставить личность старика въ наивыгоднѣйшемъ свѣтѣ, не пренебрегая даже, какъ замѣтно, украшениями изъ области своей личной фантазіи.

Чуйка приставилъ козырькомъ руку къ глазамъ, посмотрѣлъ по направленію пыльной дороги, затѣмъ моментально юркнулъ въ одинъ сарай, потомъ въ другой, подбѣжалъ къ амбару, освидѣтельствовалъ засовъ, притворилъ калитку дома, погладилъ мимоходомъ лежавшаго пса, тутъ же кстати успѣлъ подразнить обидчиваго индюка и, наконецъ, вновь посмотрѣлъ изъ подъ ладони на дорогу.

— А вонъ и они-съ, господинъ маіоръ!

Чуйка еще разъ показалъ фуражкой по направленію къ ѣхавшему вдаль экипажу и бросился отворять ворота сарая. Черезъ нѣсколько минутъ въѣхалъ въ проселокъ знакомый маіорскій экипажъ, плетушка изъ обыкновенныхъ ивовыхъ прутьевъ, поставленная на легкія дроги; въ плетушкѣ сидѣлъ маіоръ и осторожно и внимательно правилъ здоровой, коренастой лошадыю. Едва лошадь остановилась у сарая, Чуйка обязательно высадилъ

маіора, поддержавъ его подъ руки, и затѣмъ ввелъ лошадь въ сарай. Маіоръ, въ старомъ военномъ плащѣ и фуражкѣ, храбро постукивая своими плісовыми сапожками и грозно-добродушно поглядывая изъ подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей, сѣрыми безцвѣтными глазами на стоявшихъ у крыльца мужиковъ, подошелъ къ нимъ и крикнулъ свое обычное военное привѣтствіе: «здорово, ребята!»

— Здравія желаемъ, ваше сіятельство! отвѣтили, ухмыляясь въ широкія бороды, «свойскіе» мужики.

— Зачѣмъ маіоръ нуженъ, молодцы? спросилъ онъ, обращаясь къ пришлымъ.

— Да мы вотъ, ваше сіятельство, какъ значить наслышаны объ вашей милости...

— Ладно, ладно! знаю, что наслышаны... Про маіора худо не говорятъ... Объ землѣ?

— Такъ точно. Объ чемъ больше, какъ не объ ней.

Мужики всѣ вразъ что-то заговорили, стараясь возможно почтительнѣе и опредѣленнѣе объяснить маіору свое дѣло.

— Смирно! крикнулъ вдругъ маіоръ командирскимъ голосомъ:— слушать команды! Объясняй, когда команда будетъ! Отойдѣ къ сторонѣ!

Пришлие мужики совершенно растерялись при такомъ оборотѣ дѣла и поспѣшили сбиться въ кучу за крыльцомъ.

Въ это время подошелъ я.

— Что вы все воюете въ мирное время? шута спросилъ я его.

— А! Здравствуйте!.. Иначе нельзя-сь: форма и дисциплина, батюшка, давали направленіе великимъ событіямъ. Не будь ихъ— былъ бы хаосъ... и я бы ничего не могъ сдѣлать, еслибъ не придерживался этого принципа... Вамъ что? обратился онъ къ «свойскимъ».

— Мы, ваше сіятельство, по командѣ, снова улыбаясь въ бороды, отвѣчали они.

— Ермилъ Петровъ, доложи!

— Мы, ваше сіятельство, какъ значитъ, началъ тяжелой поступью свою рѣчь Ермилъ Петровъ:— какъ мы изволили вамъ тогда докладывать, выходитъ, что ежели касательно...

— У Морозова были?

— Это значить у Петра Петровича Малова?

— Ну, да.

— Были-сь... Ну, только упирается, послалъ къ вашей милости... говорить, что эти дѣла ему не подѣ стать, а вашей милости въ самый разъ.

— «Нашей милости!» Бѣлоручки! ученые! выкрикивать маіоръ crescendo:—нашей милости—мужиція бороды, а имъ—великія дѣла! Наполеоны! Ступайте въ *нижъ*! крикнулъ маіоръ, сверкая глазами и теребя сѣдой усъ:—нагѣво кругомъ, маршъ!

— Ваше сіятельство! загадѣли мужики:—это вамъ Ермиль сглуна наговорилъ! А вы извольте, ваше сіятельство, прислушать...

— Слушать команду! крикнулъ маіоръ: отойди къ сторонѣ! Мужики отошли. Молчаніе.

— Прошу васъ въ мои апартаменты, пригласилъ меня маіоръ, показывая рукою въ дверь.—Я пошелъ, но, обернувшись, замѣтилъ, какъ маіоръ вдругъ почти сбѣжалъ съ крыльца къ мужикамъ и заговорилъ съ самой плачовой миной...

— Голубчики! подождите! Усталъ я, ей-Богу, усталъ... Повѣрите ли, во рту пересохло. Я только позавтракаю, рюмочку-другую пропущу... А вы присядьте!

Я вошелъ въ переднюю и услышалъ за дверью голоса въ со-сѣдней комнатѣ. Я прислушался.

— Блаженни алчущіе и жаждущіе правды, яко тѣи насытятся, истово выговаривая каждый слогъ и скандуя, читалъ кто-то старческимъ, шепелявымъ, но еще внятнымъ голосомъ.

— А какимъ образомъ они, Кузьминяшна, насытятся? разслышалъ я голосъ маіорской дочери:—какъ ты думаешь, что по твоему должно разумѣть подъ словомъ «насытятся»? Будутъ блаженствовать? Да?..

— Умрутъ, Катюшенья. Умрутъ за ближнихъ. И Христосъ Господь нашъ, Спаситель, душу свою положилъ за овцы, и всѣ, кто искалъ правды... Всѣ насытились. Сколько было подвижниковъ, мучениковъ, рыцарей храбрыхъ и благородныхъ, воиновъ и проповѣдниковъ— всѣ легли за братій и насытились...

Мнѣ не хотѣлось прерывать разговора, но опасеніе быть обвиненнымъ въ подслушиваніи заставило меня взяться за ручку двери. Я вошелъ. Въ маленькой, уютной и замѣчательно чистой гостиной съ блѣдно-голубыми обоями, по бокамъ стола, стояшаго въ простѣянкѣ между окнами, сидѣли двѣ собесѣдницы: маіорская дочь и какая-то старушка, лицо которой я не успѣлъ еще рассмотреть. Катерина Егоровна (такъ величали дочку маіора) сидѣла наклонившись надъ шитьемъ; ея блѣлое, почти матовое, но съ здоровымъ румянцемъ лицо рѣзко выдѣлялось изъ полупрозрачной тѣни на блѣдно-зеленомъ фонѣ отъ листьевъ,

вторыми было сплошь застлано все окно. Старушка сидѣла противъ нея съ чулкомъ въ рукахъ и смотрѣла сквозь большія оловянные очки, державшіяся на толстыхъ шнуркахъ, на разложенную передъ нею книгу.

На мой поклонъ Катерина Егоровна медленно подняла голову и слегка кивнула ею въ то время, какъ по лицу ея пробѣжала какая-то тѣнь, а старушка, снимая очки и не вставая, нѣсколько разъ мотнула мнѣ съдой головой.

— А маіоръ все у васъ воюеть, все практикуеть, по привычкѣ, старыя военныя приемы, проговорилъ я, чувствуя, что говорю пошлость и только думая о томъ, что надо же что-нибудь сказать.

— Да... онъ иногда любить шутить, лѣниво отвѣтила Катя, очевидно, все еще не выходя изъ подъ вліянія какой-то идеи, какихъ-то образовъ, которые овладѣли ея мыслью.

Я не сталъ ей мѣшать больше раздѣлываться съ ними, какъ она хочетъ, и внимательно сталъ вглядываться въ оригинальную старушку, такъ поразившую меня своей философіей. Я смотрѣлъ въ ея сѣрые, безцвѣтные, но еще бойкіе и выразительные глаза, на ея вытянувшійся длинный худой носъ, на выдавшійся совсѣмъ лопаточкой, которую можно было съ большимъ удобствомъ замѣнить табакерку, насыпавъ на нее щепоть табаку, дрожащій нервно подбородокъ, съ нѣсколькими длинными сѣдыми волосами, на всю ея длинную, костлявую фигурку—и вдругъ меня охватило какое то далекое, неопредѣленное воспоминаніе. Чей-то знакомый, дорогой образъ мелькнулъ разъ, другой, третій въ моемъ воображеніи, и моментально передо мной пронеслось все мое дѣтство: знакомый образъ былъ уловленъ, весь цѣликомъ, ясно, рельефно и опредѣленно. Да, это была Кузьминична, это была моя «старая нянька» (такъ звали ее въ отличіе отъ молодыхъ), пестунъ моихъ младенческихъ лѣтъ, моего юнаго ума, воображенія и фантазіи... И она еще все жива!

— Кузьминична... няня, это—ты? вскрикнулъ я, сіяя всей своей персоной.

Старушка вздрогнула, заморгала усиленно губами и задергала подбородкомъ, потомъ наскоро протерла слезившіяся глаза, затѣмъ опять заморгала, всматриваясь въ меня.

— Николушка! Такъ, такъ... ты! Ну, устарѣла я... Конченъ путь живота моего! проговорила она строго.

— Стали у тебя глаза ужъ слабы, няня. На тебѣ чего взыскивать! а вотъ я и молодежь—да тебя не узналъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говори, глаза тутъ не при чемъ. Сердце провѣщать перестало. Чутье пропало, сердце-вѣщунъ холодѣеть.

Охолодало... Пришелъ конецъ пути живота моего! повторила она еще разъ.—Ужь это вѣрно; сердце охолодѣетъ если—умеръ тогда человекъ, тогда ужъ онъ не отъ жизни... На свѣтѣ жить безъ сердца нельзя, продолжала она резонировать и потомъ вдругъ перемѣнила тонъ:—ну-ко-ся, ну-ко-ся! Ахъ, я глупая! Не признала! А вѣдь я его, Катюшенька, до девятаго годочка выхаживала, до тѣхъ самыхъ поръ, какъ въ еднаюгу увезли его. Да ты къ чему это больной-то, родной мой?

— Пережилъ больше, чѣмъ нужно, няня — вотъ въ чемъ дѣло.

Она внимательно посмотрѣла мнѣ въ лицо, сжала сухія, тонкія губы и покачала въ раздумьи головой.

— Ты у меня люби его, тихо, но строго приказала она Катѣ, которая улыбнулась: — у него сердце есть, хорошее сердце... Всѣмъ можетъ человекъ перемѣниться, а сердцемъ нельзя. Сердце не вырвешь. Ну чего тамъ, старикъ-то твой нейдетъ? Пора бы и закусить. Вотъ погодите-жь, коли такъ, я ужъ хоть этимъ заслужу!

Она зашумѣла въ карманѣ ключами и, подмигнувъ мнѣ, вышла.

Я еще никакъ не могъ освободиться отъ всплывшихъ въ моей памяти картинъ дѣтства. Я долго смотрѣлъ на дверь, въ которую вышла старушка, и цѣликомъ погрузился въ море воспоминаній, совершенно забывъ о присутствіи Кати.

Да, я какъ теперь вижу въ моей дѣтской эту старушку (она и тогда была уже, двадцать лѣтъ назадъ, такой-же старушкой, или, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось, что она нисколько не измѣнилась). Мы одни, салная свѣчка горитъ, потрескивая, глухо постукиваютъ ея спицы и беззвучно шевелятся ея губы, считая петли; я всегда вслухъ съ нею училъ уроки: былъ ли то Законъ Божій, или арифметика, или исторія — я все читалъ ей вслухъ и каждый урокъ раза по-два, по-три; она всегда слушала съ неизмѣннымъ любопытствомъ, вниманіемъ и серьезностію. Какъ теперь помню, меня чрезвычайно удивляло одно обстоятельство. Я еще не умѣлъ читать бойко, т. е. не умѣлъ впередъ отгадывать то выраженіе, которое должно слѣдовать по смыслу рѣчи, и потому часто, желая прочесть скорѣе, вралъ или заминался; въ это время Кузьминишна всегда поправляла меня или подсказывала «наизусть», не глядя въ книгу. Помню, съ какимъ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ уваженіемъ, смотрѣлъ я въ ея строгое лицо, обращенное къ чулку, и долго не въ состояніи былъ продолжать. «Ты чего-же, Николушка, остановился?»

спрашивала она меня.—Да я, няня, думаю—какъ ты это такъ, неучившись, отгадывать умѣешь?—А ты думалъ, что вы только одни умны, что ужъ простые люди и разумнѣя не имѣють... Нѣтъ, Колушка, разумомъ Богъ никого не обидѣлъ... Но я все же сомнѣвался, чтобы однимъ разумомъ можно было узнать всякіе тамъ Гвардафуй, да Гибралтары, и полагалъ, что она непременно когда нибудь географію Ободовскаго изучала. Такъ я и не могъ постигнуть ея умнѣя отгадывать впередъ географическія названія, пока не догадался, что уроки-то я съ ней вмѣстѣ училъ и перечитывалъ одно и то же нѣсколько разъ вслухъ.

Помню я и то время, когда, сложивъ книги, помолвившись, ложился я спать, а она садилась на край моей кровати и начинала мнѣ рассказывать. Замѣчательно, что въ ея рассказахъ всегда отсутствовалъ «чудовищный и бѣсовскій» элементъ; въ ея рассказахъ никогда не встрѣчалось, какъ это бываетъ у всѣхъ другихъ, ни бабы-аги, ни «кипятъ котлы кипучіе, точатъ ножи булатные», ни чудовища съ рыбьими головами,—напротивъ: всѣ ея рассказы больше воспѣвали геройскіе или, по крайней мѣрѣ, генеральскіе подвиги, Кутузовыхъ, Суворовыхъ, даже рыцарей-крестоносцевъ, англійскихъ королей и проч. Или подвиги мученичества и добрыхъ дѣлъ изъ Четы-Миней. Конечно, это объясняется тѣмъ, что она была грамотна и въ свободное время читала житія святыхъ, а въ молодости ей, кажется, попадали въ руки «батальныя» сочиненія и даже рыцарскіе романы. Одинъ рассказъ ея поразилъ меня впоследствии удивительнымъ сходствомъ съ романомъ Вальтера Скотта «Айвенго». Она была старая крѣпостная дѣвка, но изъ хорошаго, образованнаго помѣщичьяго дома, и жила сначала въ горничныхъ при барышнѣ, жившей со старикомъ отцомъ, кончавшимъ свой вѣкъ среди уединенія деревни и своей библіотеки, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, а затѣмъ была послѣ ключницей. Барышня читала вслухъ съ нею всѣ книги изъ библіотеки отца и сама выучила ее грамотѣ. Старикъ—отецъ обращался хорошо съ своими крѣпостными, а бывавшіе у него знакомые нисколько не шокировались тѣмъ, что его дочь читала книжки съ крѣпостной горничной и даже иногда заговаривали при послѣдней о «матеряхъ важныхъ».—Все это имѣло на ея характеръ значительное вліяніе. Ея міросозерцаніе далеко хватало за предѣлы народныхъ воззрѣній, а натура ея приобрѣла стойкость, развязность и удивительную безбоязненность. Замѣчательнѣе всего въ ней было полное отсутствіе холопства, даже самаго невиннаго и добродушнаго... За смертію стараго барина и отъѣздомъ за границу его дочери, она перебралась въ городъ и черезъ нѣ-

сколько лѣтъ попала въ наше семейство. Къ кому она ни попадала, она тотчасъ же всѣхъ прибирала къ рукамъ и начинала царствовать въ домѣ. Но эта власть никогда никѣмъ особенно не чувствовалась. Такъ властвовала она и надъ моими родственателями, еще молодыми въ то время людьми.

Наше семейство составляло одну изъ неособенно важныхъ спицъ обширѣйшей чиновничьей общины, связанной родствомъ и принципомъ «рука руку моетъ». Кузьминична и въ этой общинѣ усиѣла составить себѣ репутацію «толковой дѣвки» и пользовалась отъ нея если не уваженіемъ, то боязливо сдержаннымъ отношеніемъ. Послѣднее опять таки внушала она къ себѣ своей упорной настойчивостью и безбоязненностью. Она умѣла «рѣзать правду-матку» въ глаза всѣмъ чинамъ общины, которые, хотя и съ усмѣшкой, но тѣмъ не менѣе ѣжились подъ этой «правдой-маткой». Я никогда не забуду одного обстоятельства, которое рѣзко характеризуетъ настойчивость и безбоязненность, съ которыми Кузьминична преслѣдовала свои цѣли. Аккуратно каждое первое число мѣсяца, когда отецъ получалъ жалованье, она являлась къ нему въ кабинетъ, едва онъ возвращался домой со службы, и съ смиренно-строгой рѣшимостью на лицѣ, сложивъ на груди руки, становилась въ углу у двери. Отецъ въ это время всегда бывалъ крайне раздражителенъ и раздразованъ всевозможными кредиторами, осаждающими обыкновенно въ этотъ день чиновниковъ, начиная отъ самыхъ дверей мѣста ихъ служенія вплоть до семейныхъ очаговъ, не давая пропустить рюмку воды, съѣсть кусокъ пирога. Кузьминична терпѣливо выжидала всю эту стаю «хищниковъ, архиплутовъ и архибестій», выслушивала брань и споры между ними и хозяевами и, когда, наконецъ, стая удалялась, а раздраженіе хозяина доходило до послѣдней степени, она твердо выговаривала: «пожалуйте жалованье!» Раздраженные супруги неистово набрасывались на нее, въ конецъ огорченные такой «мушкетерскою нечувствительностью», ставили ей на видъ всю неделикатность ея отношеній къ семейству, въ которомъ она жила шесть лѣтъ, обвиняли ее за это даже въ «неблагодарности». Но Кузьминична упорно смотрѣла въ уголь, молча выслушивала все это, и снова выговаривала: «никакъ нельзя-съ... пожалуйте жалованье!» — Да вѣдь ни на что не нужно тебѣ его! вѣдь также растратяши деньги ребятишкамъ на пряники... Неужели чувства нѣтъ пождать немного! внушительно усовѣщивали ее отецъ и мать. «Никакъ невозможно, пожалуйте что слѣдуетъ по уговору. Въ животѣ и смерти Богъ воленъ», настойчиво твердила Кузьминична, пока, наконецъ, разсерженный хозяинъ не бросалъ ей трехъ-

рублевую бумажку, посылая ее «ко всѣмъ чертямъ, чтобъ и духу ея не пахло». Кузьминична на это смиренно раскланивалась, благодарила за хлѣбъ-за-соль, и уходила связывать въ узелокъ свои пожитки.

Намъ это всегда нравилось, мы окружали ее, разбирая ея доскутки, и только уже подъ конецъ, когда узнавали въ чемъ дѣло—начинали реветъ. Само собой разумѣется, что все кончалось ничѣмъ. На ея жалованье, въ крутыя времена, покупались намъ, «ребятишкамъ», лекарства, шились на именины рубашенки, штанишки, посылались съ оказіей въ деревню какой-то Глашѣ гостинцы. А одинъ разъ съ этимъ «жалованьемъ» случилась вотъ какая оказія. Въ одно прекрасное утро, надъ нашей семьей разразилось несчастіе: отцу отказали отъ мѣста въ виду какихъ-то не совсѣмъ чистыхъ побужденій со стороны начальника. Семья осталась не причѣмъ; въ немногіе мѣсяцы было перезаложено все, что можно было заложить, и къ тому времени, какъ отецъ нашелъ какое-то ничтожное мѣсто, семьѣ нечего было бы ѣсть, еслибы каждаго раннимъ утромъ Кузьминична не отправлялась на рынокъ и не приносила оттуда необходимое количество харчей. Ея трудовыя деньги уходили быстро, и также быстро возрастало ея негодование при видѣ нѣкогда благоденствовавшей, а теперь голодавшей семьи. Наконецъ, она рѣшилась. Однимъ утромъ, принявъ на себя личину смиренной просительницы, пробралась она въ кабинетъ бывшаго начальника отца и тамъ, преобразившись въ старую Мегеру, «вырѣзала всю правду-матку» ему въ лицо, пока насильно не вытащили ее лакеи. Она этимъ не удовольствовалась и пошла съ жалобой къ «г-ну начальнику губерніи» и грозилъ «идти дальше», еслибы не успокоили ее на сѣзжемъ дворѣ, гдѣ просидѣла она недѣли двѣ. Изъ послѣдняго она снова вернулась къ намъ въ смиренномъ сознаніи совершеннаго долга.

Повторяю: все это—и картины дѣтства, и типичный образъ старухи-няньки во всѣхъ его деталяхъ—пронеслось въ моемъ воображеніи почти моментально и вызвало столько пріятныхъ ощущеній, что мнѣ вдругъ захотѣлось подѣлиться ими съ кѣмъ-нибудь, и я передалъ все выше-писанное маіорской дочери. Къ моему удивленію, задумчивая, сосредоточенная Катя внезапно оживилась при моемъ разсказѣ; ея глаза весело заиграли, она постоянно перебивала меня торопливо и дополняла, какъ-будто переживала вмѣстѣ со мной одно и тоже прошлое и, наконецъ, сказала:— «Да, все это было и въ моемъ дѣтствѣ. Впрочемъ, я

прибавлю вамъ еще кое-что про Кузьминину и про себя, если уже на то пошло».

Но, я лучше начну новую главу и передамъ въ ней только «кое-что», сообщенное мнѣ Катей, но и все, что я узналъ о маіорѣ и его дочери.

IV.

Исторія покаянія.

Двадцать два года тому назадъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ полубарскій выселокъ, былъ лѣсъ, а позади этого лѣса, въ разстояніи полуторы версты, стоялъ небольшой помѣщичій домъ, довольно ветхій, весь заросшій кругомъ старымъ, запущеннымъ садомъ, сзади котораго лѣпились убогія избы небольшой господской деревеньки. Лѣтъ пять, какъ уже этотъ барскій домъ былъ наглухо запертъ, послѣ смерти стариковъ, барина и барыни, умершихъ скоро одинъ за другимъ и оставившихъ свою небольшую усадьбочку наслѣднику-сыну, дравшемуся въ то время на Малаховомъ Курганѣ. Въ ожиданіи пріѣзда «молодого» барина, старый домъ оберегала семья дряхлаго дворецкаго, поселившаяся въ людской. Вся эта стража состояла изъ старика-отца—дворецкаго, старухи-матери, бывшей барской ключницы, молодой ихъ восемнадцатилѣтней дочери, Паши, юнаго племянника старика, сироты-Кузи, да штуецъ пяти старыхъ псовъ, съ которыми Кузя ходилъ на охоту. Мирно управлялъ старый дворецкій имѣніемъ молодого наслѣдника и, вѣрный слову, данному старику-барину, честно блюлъ интересы барскаго имѣнія. Кончилась война, пріѣхалъ наслѣдникъ, оказавшійся зрѣлымъ мужчиной, за копченнымъ пороховымъ дымомъ и закаленнымъ жизнью, какъ кажется, прожитой не безъ тревоженій. Баринъ поселился въ уединеніи стараго дома и занялся охотой, кое-что почитывая по временамъ, да балагурия по вечерамъ съ семействомъ своего крѣпостнаго.

Онъ ничего не измѣнилъ въ исконномъ обычномъ теченіи жизни въ его помѣстьи, развѣ только сократилъ кой-какія излишнія повинности, установленныя еще Богъ знаетъ когда, въ родѣ доставленія на барскій дворъ грибовъ и ягодъ. Онъ, казалось, не тосковалъ, былъ веселъ, выпивалъ со старымъ дворецкимъ, навѣщалъ кое-кого изъ сосѣднихъ помѣщиковъ и любезничалъ съ своей крѣпостной дѣвушкой Пашей. Какъ и слѣдовало ожидать, эти любезности разыгрались въ очень

обыкновенную исторію и могли бы кончиться тоже очень обыкновенно, еслибъ молодой баринъ не былъ, во-первыхъ, отчасти «тронуть духомъ вѣка», а, во-вторыхъ, не считался «честнымъ русскимъ воинномъ». Въ виду послѣднихъ условий, барская интрижка получила нѣсколько иной, хотя и романичный, но тяжелый ходъ. Честный воинъ и волтерьянецъ не имѣлъ ничего противъ брака съ крѣпостной дѣвкой и даже считалъ для себя это долгомъ, но старыя традиціи окружающей общественной жизни ставили для этого непроходимыя преграды. Честный воинъ, добрый и любящій, храбрый и рѣшительный на полѣ битвы съ героями, и слабый, нерѣшительный на полѣ брани съ пигмеями мелочной жизни, сдѣлался жертвою томительныхъ душевныхъ колебаній между долгомъ, совѣстью и сознаниемъ *просто* человѣка и таковыми же, но уже окультивированными въ крѣпостнической средѣ. Эта томительная, душевная двойственность выразилась въ немъ еще болѣе съ беременностію Паши, но храбрый воинъ и тутъ не рѣшался... И въ то время, пока старуха-мать Паши бѣжала на поиски за повитухой, «честный воинъ» предавался скорбнымъ думамъ о мрачномъ будущемъ нарождающагося созданія, и каялся, и оплевывалъ въ душѣ свою нерѣшительность, свою косность, пока не донеслись до его слуха слова: «Ну, гдѣ у васъ тутъ отецъ-то? Куда ты, батюшка, запропастился? На, принимай: твоя дочь-то! Нечего отлынивать!» Эти слова поразили его своимъ необычнымъ тономъ, такъ какъ ихъ произносила простая деревенская баба: передъ нимъ стояла Кузьминична, держа на рукахъ крошечную Катю и поднося ее сконфузившемуся и растерявшемуся волтерьянцу.

Это событіе какъ разъ совпадало съ тѣмъ временемъ, когда Кузьминична, по устройствѣ благополучно дѣлъ въ нашей семьѣ, вдругъ заскучала по деревнѣ, по какой-то дѣвушкѣ Глашкѣ, о которой она часто вздыхала, и ушла отъ насъ, вопреки слезнымъ упрощиваніямъ. Какъ кажется, она уже не нашла въ живыхъ ни прежней своей барыни, ни дѣвушки Глашки, и поселилась въ одной изъ сосѣднихъ деревень, въ качествѣ лекарки и повитухи, гдѣ и нашла ее мать Паши. Волтерьянецъ вдругъ проникся къ ней необыкновеннымъ уваженіемъ, упросилъ ходить ее за больной Пашей и ребенкомъ и, наконецъ, уговорилъ остаться совсѣмъ въ его домѣ. Она легко согласилась и скоро безавѣтно привязалась къ новому семейству.

Подростала Катя, дитя «случайной семьи», выздоравливала и вновь хворала ее мать; волтерьянецъ-маіоръ, ее отецъ, продолжалъ по прежнему молодухествовать между двумя крайностями, любовью къ своей семьѣ и общественнымъ мнѣніемъ, между которыми онъ,

для успокоенія, проложилъ очень оригинальную тропинку, скроенную изъ все-какихъ курьезныхъ силлогизмовъ. Силлогизмы эти собственно были придуманы на случай столбовенной съ Кузьминичиной, которая не оставляла маіора въ покоѣ, забравъ власть надъ его «барскимъ домомъ».

Кузьминичина, вступивъ въ этотъ домъ, тотчасъ поставила себѣ очень опредѣленную цѣль—и стала преслѣдовать ее безобоязненно и неуклонно. Прежде всего, она ходила за хворой Пашей и холила ее, какъ свою дочь, въ воспоминаніе о какой-то таинственной «дѣвушкѣ Глашкѣ», на которой почему-то были сосредоточены всѣ струны ея сердца. Затѣмъ, она всецѣло захватила въ свои руки воспитаніе маленькой Кати—и въ этомъ воспитаніи старалась «провести принципъ». Она старалась до ничтожныхъ мелочей окружить ее тою обстановкой барскаго аристократа, которую помнила со времени своей юности, пропитывала ее всѣми воззрѣніями, какія успѣла удержать ея память отъ воспитанія своей бывшей госпожи: главной ея цѣлью было во что бы ни стало—видѣть въ маленькой Катѣ заправскую барышню. Въ этомъ руководилъ ея тонкій политическій расчетъ: этимъ путемъ она хотѣла нерѣшительнаго маіора сбить на всѣхъ пунктахъ, постоянно, неуклонно, всякой мелочью давая ему знать, что Катя его—такая же дочь, какая была бы и отъ барскаго брака, и этимъ отрѣзывая ему всякое отступленіе. Можетъ быть, въ ней даже жила идея—да и навѣрно жила—что изъ мужички легко стать барыней, а изъ барыни мужичкой. Она практиковала эту идею на дѣлѣ; заставила маіора нанять старую гувернантку-нѣмку, купить фортепіано, каждый мѣсяць умѣла прогонять его въ городъ за нарядами... Маіоръ, добродушно посмѣиваясь, исполнялъ все это, но вѣнчаться все-таки не рѣшался... «Ну, постой, окружу же я тебя, хромой чортъ!» ворчала вслухъ Кузьминичина, а маіоръ выпивалъ рюмку, набивалъ трубку и посмѣивался въ полу-сѣдые усы, слушая, какъ величала его Кузьминичина за дверью (онъ хромалъ отъ засѣвшей въ ляжкѣ пули, которая съ годами сильно стала донимать его)...

Странныя бывають оазисы въ жизни русскаго человѣка: иногда онъ выкидываетъ неожиданныя штуки—то покажетъ примѣръ неимоверной храбрости, когда былъ завѣдомо трусь, то вдругъ удивитъ всѣхъ грандіознымъ подвигомъ самопожертвованія, когда былъ извѣстенъ всѣмъ за «шишигу» и «прійдоху», то всѣмъ признанный за человѣка радикальнаго, безобоязненнаго, упорнаго и настойчиваго во всѣхъ чрезвычайныхъ и важныхъ обстоятельствахъ, вдругъ окажется, что, никакъ *не можетъ* (ну вотъ рѣшительно *никогда*) разстаться съ кой-какими мелочами, малень-

ими предразсудками, несмотря на то, что отъ нихъ зависятъ многія важныя обстоятельства. Таковъ былъ и маіоръ. Охва-ченнѣй движеніемъ, начавшимся вскорѣ послѣ войны, онъ весь всецѣло предался крестьянскому дѣлу: выписывалъ журналы и вдругъ отпустилъ своихъ крестьянъ на волю, когда сгорѣла ихъ деревенька, и переселилъ ихъ на новое мѣсто, въ другомъ уѣздѣ. А между тѣмъ, онъ все еще никакъ не рѣшался стать передъ алтаремъ съ бывшей своею крестьянской дѣвкой, въ кото-рой души не чаялъ, не могъ признать свою дочь за дочь и вдругъ вспыхивалъ весь, какъ зарево, терялся, когда прїѣзжалъ кто-нибудь изъ помѣщиковъ, и торопилъ гостя къ себѣ въ ка-бинетъ.

Кузьминична, при видѣ такого малодушія, приходила въ не-обычайное негодованіе. Она связывала свои узлы, входила въ кабинетъ маіора, показывая пальцемъ на образа, поражала его грозными рѣчами и, наконецъ, просила расчета или, лучше сказать, не расчета, а просто отставки. За смертію таин-ственной «дѣвушки Глашки», которая, какъ я узналъ впослед-ствіи, была единственнымъ плодомъ увлеченія ея юности, Кузь-минична отрелася окончательно отъ всякаго корыстолюбія и предалась всей душой своей Катѣ, заглушивъ въ себѣ всѣ личныя потребности. Маіоръ спѣшилъ успокоить ее и пускалъ въ ходъ силлогизмы, въ родѣ тѣхъ, каковыми характеризо-валъ его Чуйка — плодъ его «глубокихъ соображеній» и хит-рыхъ извивовъ ума, которымъ онъ предавался послѣ кажды-го нападенія Кузьминичны. Кузьминична рѣдко сдавалась на эти компромиссы, и тогда маіоръ давалъ ей честное слово, что *скоро, очень скоро* онъ рѣшится. Маіоръ чего-то ждалъ, ждалъ лихорадочно, какъ ждала тогда этого *что-то* половина Россіи... Наступилъ «незабвенный день» 19-е февраля; маіоръ пришелъ въ какое-то странное, возбужденное состояніе, одѣлся въ пол-ную маіорскую форму и, какъ-то особенно многозначительно по-смотрѣвъ на Кузьминичну, уѣхалъ къ попу въ ближайшее село.

Вскорѣ послѣ манифеста была его свадьба. Кузьминична ус-ловилась. Но какъ она горько разочаровалась бы, еслибъ была наблюдательнымъ психологомъ, еслибъ могла заглянуть въ душу маіора, въ душу каждаго тогдашняго волтерьянца. «И чего онъ, хромой чортъ, еще малодушествуетъ!» воскликнула бы она въ отчаяніи. А маіоръ, дѣйствительно, опять малодуствовалъ, но замѣтила это, гдѣ несчастію, уже не Кузьминична, а другое су-щество.

Пока росла Катя среди дикаго однообразія своей уединенной усадьбы, пока вѣрили ея молодыя физическія силы и еще спалъ

*

рефлектирующей умъ, пока она довольствовалась глѣсными экскурсіями съ Кузей, подвигами безстрашія относительно волговъ и иныхъ глѣсныхъ чудовищъ, все шло мирно и спокойно; даже смерть матери, случившаяся на двѣнадцатомъ году жизни Кати, не произвела на нее никакого пробуждающаго дѣйствія. Но вотъ наступилъ тотъ критическій періодъ, въ который закладываются въ душѣ человѣка первые «краеугольные камни» нравственнаго зданія, тѣ камни, которыми уже нѣтъ разрушенія, которыми обуславливается великая тайна будущаго развитія. Кузьминишна ждала давно этого дня, когда ея Катѣ ступнуло шестнадцать лѣтъ, и она давно уже готовила маіора къ этому дню. Давно ея настояніями все было припасено и приготовлено, чтобы достойно встрѣтить этотъ день. Маіоръ и здѣсь какъ-то стихійно подчинялся во всемъ Кузьминишѣ—и долженъ былъ рѣшиться вывести свою Катю въ «провинціальный свѣтъ». По мнѣнію Кузьминишны, онъ необходимо долженъ былъ рѣшиться прожить зиму въ губернскомъ городѣ и показать людямъ свою Катю. Маіоръ поѣхалъ.

Онъ, Катя и Кузьминишна—въ маленькомъ домикѣ губернскаго города. Декабрь. Въ городѣ особенное оживленіе по поводу дворянскихъ выборовъ. Начались балы. На одинъ изъ нихъ должна была выѣхать въ первый разъ Катя. Наканунѣ этого дня, всѣ взволнованы:—и Катя, и маіоръ, и сама Кузьминишна. Наконецъ, напутствуемые благословеніемъ старухи, отецъ и дочь ѣдутъ «въ свѣтъ». Малодушіе маіора принимаетъ все большіе и большіе размѣры. Они въ залѣ. Катя чувствуетъ, какъ дрожитъ рука отца, какъ онъ вспыхиваетъ при каждомъ нескромномъ вопросѣ, предлагаемомъ ему, какъ, наконецъ—все это она слышитъ—онъ малодушно отрекается отъ своей дочери, въ необычайномъ волненіи и смущеніи стоя передъ одной сановитой особой, и называетъ ее своей «племянницей, дальней родней». Она, въ недоумѣніи, смотритъ на новое для нея общество; ее гнетутъ любопытные взгляды барынь, разсматривающихъ ее, какъ оригинальный монстръ, и чутко слышатся ей фразы: «дѣтя случайной семьи»... «несчастный плодъ свободомыслія»... Вся—недоумѣніе, вся—напряженная, сосредоточенная пытливость, вернулась она домой. Рефлексъ взялъ свое. Нѣсколько разъ, послѣ бессонныхъ ночей, хотѣла она спросить отца, спросить—что это значить? но маіоръ, очевидно, избѣгалъ ея. Онъ сталъ пропадать по цѣлымъ днямъ. Онъ ѣздилъ по всѣмъ дворянамъ, гдѣ чуялъ обѣдъ, и пріѣзжалъ пьянымъ. Наконецъ, она ему сказала: «спада, я не хочу этой жизни... Уѣдемъ въ деревню»... И, къ

удмеленію Кузьминичны, маіоръ тотчасъ же нанялъ лошадей, и они вернулись въ деревню.

Кузьминична не узнавала своей рѣзвой Кати. Катя «засолидничала», но такъ и слѣдовало, по мнѣнію Кузьминичны. Только она не понимала, почему отецъ избѣгалъ своей дочери. Увы! она не постигала всей бездны его малодушія. Но умъ Кати работалъ энергично, быстро. Нѣтъ больше лѣса, полей, луговъ— не существуетъ для нея уже Кузя; разрозненныя книжки журналовъ заняли ея дни и ночи... Съ какимъ-то гнетущимъ страхомъ, смѣшаннымъ съ малодушнымъ отчаяніемъ, наблюдалъ маіоръ рѣзкій переломъ, совершившійся въ его дочери, и, тѣмъ глубже онъ старался вникнуть въ причины этого перелома, тѣмъ малодушнѣе становился онъ, тѣмъ чаще предавался онъ покаяннымъ самооплевываніямъ. Мало-по малу, онъ прекратилъ всякія связи съ знакомыми помѣщиками; сталъ запивать, лежаться съ мужиками. А въ это время, Катя неослабно работала надъ собою: въ своемъ уединеніи, поглощала жадно все, что только могла найти печатнаго въ безалаберной библиотекѣ отца; и только изрѣдка разнообразила свое уединеніе, навѣщая съ Кузьминичной старую попадью и молодую дьяконицу ближайшаго села, да одну вдову-помѣщицу, проживавшую мирно и тихо съ своей племянницей въ сосѣдней усадьбѣ. Въ этихъ семействахъ навѣзали на праздникъ молодые люди, заглядывавшіе въ медвѣжки углы, гдѣ проживали «авторы ихъ дней». Они были вѣстниками о какой-то иной бурливой и непонятной жизни, кипѣвшей гдѣ-то тамъ далеко, за дремучими лѣсами, за необозримо-длинной стѣнью.

Прошли два томительные года; капля за каплей, жадно воспринимала Катя случайныя вѣсти изъ далекаго міра... «Папа, я не могу больше жить здѣсь, я уѣду», однимъ вечеромъ, наконецъ, рѣшилась Катя выговорить отцу давно уже созрѣвшее въ ней рѣшеніе, когда онъ былъ особенно веселъ, распивая съ старикомъ-дворецкимъ рябиновую. Волтерьянецъ не понялъ сначала объ чемъ говорила ему дочь, но, казалось, смутно чувствовалъ что-то и горько-застѣнчиво улыбнулся ей. Старый дворецкій ровно ничего не понялъ и продолжалъ благодушно сіять своими обезцвѣтѣвшими глазами, и только, когда подслушивавшая за дверью Кузьминична, ворвавшись въ комнату, грозно крикнула маіору: «да ты слышишь-ли, сударь, что дочь-то тебѣ говорить?»— всѣ вдругъ всполошились, не то сконфузившись, не то испугавшись чего-то. Старикъ-дворецкій внезапно заторопился «къ себѣ, на кухню», побрякивая и утирая усы и бороду; маіоръ почему-то быстро налилъ рюмку, быстро проглотилъ вод-

ку и тотчас же поставилъ графинъ на окно, а Кузьминишна торопливо отыскала въ карманѣ очки и, надѣвъ ихъ, стала черезъ нихъ строго и внимательно смотрѣть то на отца, то на дочь.

Маіоръ прошелся по комнатѣ и стремительно вернулся опять къ окну, опять проглотилъ рюмку водки, съ трескомъ захлопнулъ графинъ и затѣмъ, сѣвъ въ кресло, стоявшее въ тѣни, сталъ набивать трубку «жуковиыъ». Сѣла и Катя, серьезная, задумчивая, но съ какой-то нетерпѣливой рѣшимостью на лицѣ; ея щеки и лобъ горѣли; въ глазахъ бѣгали искорки взволнованной мысли. Сѣла и Кузьминишна противъ отца и дочери и все еще не переставала глядѣть на нихъ въ упоръ поверкъ своихъ очковъ. Молчалъ маіоръ, молчала дочь. «Да ты, сударь, спросишь, что-ли: куда она у тебя собирается?» не вытерпѣвъ, выпалила Кузьминишна, повернувшись всѣмъ негодующимъ лицомъ къ маіору. Маіоръ вздрогнулъ, завертѣлся, усиленно затанулся— и завашился... «Я ѣду въ столицу, скороговоркой сказала Катя, предупреждая смущеніе отца:—я ѣду жить съ людьми... ѣду учиться...» Она хотѣла было продолжать, замкнулась, и замолчала... Маіоръ усиленно засопѣлъ трубкой, опять нервно завертѣлся на стулѣ и заговорилъ, прерывая рѣчь попыквиваніями въ чубукъ:—«Что-жъ?.. учиться... да, дѣло хорошее... это хорошо... Что-жъ? Я не могъ... я виноватъ! Я недостойный!»

— Папа, папа!.. Нѣтъ, не надо такъ!—вдругъ прервала его странную рѣчь Катя:—зачѣмъ? Этого не нужно... Это я сама... тутъ никто не виноватъ, кромѣ меня!

— Да ты скажи: чему это ты учиться ѣдешь, сударыня? Чему ты не научилась еще? направила свою грозную физиономію Кузьминишна уже на Катю.

— Учиться? улынулась Катя:—многому, а прежде всего лечить... Пойду въ фельдшерицы, въ повивальныя бабки...

Кузьминишна такъ и вскочила со стула и остановилась посреди комнаты въ необычайномъ недоумѣніи: первая мысль ея была, что ея мистифируютъ.

— Да ты, сударь, не слышишь, что-ли, что она говоритъ? дернула она маіора за рукавъ.—Али тебѣ не стыдно за дворянскую дочь?

Маіоръ усиленно тянулъ изъ чубука. Кузьминишна подождала отвѣта, но онъ молчалъ.

— Ну, такъ этому не бывать, азартно рѣшила она и ушла, громко хлопнувъ дверью.

Отецъ и дочь остались одни и молчали.

— Мнѣ, папа, завтра хочется ѣхать, первая прервала молча-

нѣ Катя. Ты меня проводишь до города, прибавила она съ усиленіемъ и вдругъ вся вспыхнула: въ первый разъ сказала она отцу «ты», приученная говорить съ младенчества вѣжливое «вы», и это маленькое слово дѣвкимъ, терзающимъ диссонансомъ рѣзнуло ея ухо.

— А дальше? почти шопотомъ спросилъ маіоръ, котораго все сильнѣе и сильнѣе охватывала боязнь чего-то, у котораго падали силы подъ наплывомъ чего-то гнетущаго, неопредѣленнаго и неостыжимаго.

— А дальше... дальше не нужно... Дальше я не хочу никого...

— И не хочешь даже?..

— Да... и не хочу! слабо и нервнѣтельно выговорила Катя.

Маіоръ поднялся—и вдругъ заморгалъ глазами; щеки у него передернуло, губы свело судорогой: онъ сидѣлся {удыбнуться...

— Я теперь, папа, спать пойду. Мы поговоримъ еще завтра, сказала Катя и вышла, угнетенная первой борьбой.

По уходѣ ея, маіоръ опять сѣлъ въ кресло и пролилъ покаянныя слезы.

А въ это время, Кузьминичиной овладѣла ужасная мысль, что съ рѣшеніемъ Кати та цѣль, неуклонно достиженію которой посвятила она всю свою любовь, всѣ свои заботы, исчезаетъ окончательно, что ея «принципъ» (повторяемъ, что у Кузьминичиныхъ были всегда принципы не менѣе крѣпкіе, чѣмъ у образованныхъ людей), ея идея, которую хотѣла она осуществить въ лицѣ Кати, подрывалась въ корень, и изъ Кати, какъ и изъ тысячи ей подобныхъ, случайныхъ существъ, являвшихся результатомъ барской прихоти и рабства, должно было выйдти нѣчто, уже давно знакомое, несущее на себѣ пролятіе отверженія. Эта мысль глубоко волновала ее, и со всею силой своей старческой энергіи возстала она противъ намѣренія Кати.

Она уговаривала ее, сердилась на нее, грозила больше «не звать и не вѣдать» ея, не молиться за нее, наконецъ, рѣшилась даже на непохвальное дѣло, стараясь тихими нашептываніями разныхъ ужасовъ возстановить слабago отца противъ Кати. Но все было напрасно: воля и настойчивость Кати были достойны ея воспитательницы. Несмотря на то, что Кузьминичиной почти на цѣлую недѣлю удалось задержать разными способами отъѣздъ нервнѣтельнаго маіора и Кати, однимъ раннимъ утромъ, наконецъ, подъѣхала къ маіорской усадьбѣ давножданная Катей тройка пунтовыхъ лошадей. Въ это же замѣчательное утро совершилось нѣчто неожиданное и съ Кузьминичиной: она вдругъ круто измѣнила свой образъ дѣйствій, принялась быстро и за-

ботливо собирать и связывать вещи Кати, изрёдка только ворча себѣ что-то подъ носъ. Катя улыбалась, смотря на нее, а Кузьминична, замѣтивъ это, полу-сердито, полу-нѣжно говорила ей: «ну, такъ хорошо же! поѣзжай, поѣзжай... Хорошо же! хорошо же!» Говоря это, Кузьминична лукаво подергивала головой и хранила какую-то тайну: очевидно, въ душѣ ея опять зрѣла идея. Всѣ вышли на крыльцо; весело поздравлявъ колокольчикъ, весела была и Катя; около крыльца собрались ближніе «добрые люди», въ шапкахъ и безъ шапокъ, нарочно и мимоходомъ, мало зная или совсѣмъ не зная, что за стремленія и куда влекутъ уѣзжающихъ, но всѣ—съ сердечнымъ напутствіемъ на широко улыбающихся лицахъ.

— Ну, поѣзжай—хорошо же! проговорила въ послѣдній разъ Кузьминична, благословляя костлявою рукою Катю и не отирая съ лица бѣжавшихъ слезъ. Заскрипѣлъ тарантасъ, застучали колеса; «добрые люди» вслѣдъ за Кузьминичной осѣнились вѣстнымъ знаменіемъ—и Катя скрылась надолго изъ родного гнѣзда.

Черезъ мѣсяцъ вернулся майоръ домой, скучный, разслабленный, разбитый. Двѣ недѣли кутилъ онъ въ губернскомъ городѣ послѣ проводовъ Кати, пока не прокутилъ всѣ бывшія съ нимъ деньги. Приѣхавъ, онъ вновь запылъ и съ каждымъ днемъ падалъ все ниже и ниже, нравственно и физически: онъ теперь порвалъ уже окончательно всякую связь съ сосѣдними дворами; онъ стыдился себя, а они гнушались имъ; сталъ ходить по деревенскимъ кабакамъ, таскаться съ Кузей, сдѣлавшимся ловкимъ кулачкомъ, по ярмаркамъ, по сельскимъ трактирамъ. Здѣсь онъ то бушевалъ, то проливалъ покаянныя слезы, нѣсколько разъ подвергался опасности быть избитымъ, а иногда совсѣмъ потерять жизнь, но всегда былъ спасемъ самоотверженно Кузей, любившимъ его какой-то странной любовью. Иногда онъ запирался дома и грустилъ, грустилъ глубоко, давалъ обѣты «вести осмысленный образъ жизни». Это всегда случилось разъ въ мѣсяцъ, когда на посылаемне имъ ежемѣсячно Катѣ 30 рублей, онъ получалъ ея короткое письмо. «Я получила, папа, твои деньги; здорова, счастлива, учусь. Твоя Катя». Онъ цѣлый день носился съ этимъ письмомъ, вышивалъ только передъ обѣдомъ и ужиномъ, но на слѣдующій день опять ослабѣвалъ, проклиналъ себя и пилъ и плакалъ, плакалъ и пилъ...

Еслибы знала это Катя? Но было ли бы лучше, еслибы она знала? Прошло четыре мѣсяца—какъ вдругъ, вмѣсто ожидаемаго письма, майоръ получаетъ обратно посланную имъ обычную сумму... Дрогнули руки майора, ноги подкосились, мысль, что она умерла, рванула его за сердце. Но онъ видитъ на адресѣ

ея почеркъ; онъ дрожащими рукамі сламываетъ печать—и читаетъ: «Папа, я больше не хочу жить *твоими* деньгами. Я откажусь отъ всего, что мнѣ напоминаетъ *то...* прошлое... Больше не безпокойся присылать мнѣ... Я знаю, ты будешь сердиться. Но я такъ хочу и, чтобы избѣжать ни къ чему не могущихъ привести переговоровъ—не пишу тебѣ своего адреса.—Катерина Маслова» (это была фамилія ея матери по отцу—дворецкому; фамилія же маіора была Усташевъ). Маіоръ облокотился обѣими рукамі на столъ, положилъ передъ собою письмо и долго, сквозь слезы, смотрѣлъ на сливавшіяся его строки. Онъ просидѣлъ такъ, нешелохнувшись, два часа—и, когда поднялся, Кузьминична «не увидала на немъ лица»... На ея ужасъ, онъ отвѣтилъ отрывисто: «все одно... умерла... т. е. нѣтъ, я... а для нея умеръ». Онъ заскрипѣлъ зубами—и, молча, показавъ невидимо кому-то кулакъ, велѣлъ заложить лошадей и поѣхалъ въ ближайшее торговое село.

Давно уже окрестные крестьяне не разъ высказывали добродушное желаніе, зная маіора за хорошаго и умнаго человѣка, «приспособить къ чему-нибудь» его барское ничего-недѣланіе; давно ужъ они пытались поэксплуатировать въ свою пользу его знанія, но безалаберность маіора, а отчасти и дворянскій гоноръ, не позволяли ему подчиниться этой «добродушной эксплуатаціи». Но мужики словно чутьемъ чувствовали, что рано или поздно онъ будетъ *ихъ*, да и самъ маіоръ давалъ надежду на это, потому что часто, знаясь съ ними, онъ волей-неволей втягивался въ ихъ интересы, давалъ совѣты — то злобно, съ какой-то ехидной преднамѣренностію, съ желаніемъ напасть или имъ, или помѣщикамъ, или начальству, то добродушно и безкорыстно, любовно и заботливо. Мужички надеждамъ суждено было осуществиться: дикимъ, злымъ, пьянымъ протестомъ пошелъ маіоръ на это «приспособленье». Ходя по кабакамъ и трактирамъ, нарочно искалъ онъ матеріала для этого приспособленія: ни одна мужицкая просьба, ни одна жалоба, ни одно недоразумѣніе между мужиками и помѣщиками, и тѣхъ и другихъ между посредниками—не оставались имъ безъ вниманія. Сначала полетѣли всевозможныя «просьбы», «обжалованія», «протесты», которые онъ строчилъ по кабакамъ, и, наконецъ, когда увидѣлъ, что эти «протесты» остаются въ большинствѣ случаевъ мертвой буквой, онъ не вытерпѣлъ — и сталъ принимать на себя личныя ходатайства. Скоро имя маіора загремѣло по окрестной палестинѣ: онъ сталъ «тоской и насадой» посредниковъ, помѣщиковъ и мировыхъ съѣздовъ. Всѣ окрестные помѣщики негодовали на него, и, только благодаря его севасто-

польскимъ заслугамъ, да пятидесятилѣтнему возрасту, удалось ему остаться «неприкосновеннымъ». Маіоръ чувствовалъ, что онъ — «не одинъ въ полѣ воинъ», и еще энергичнѣе направилъ свою дѣятельность: скоро онъ сдѣлался «тоской и надсадой» уже не однихъ посредниковъ, но дѣлаго мѣстнаго земства. Вся эта дѣятельность, сначала какая-то стихійная, безпутная, вскорѣ мало-по-малу поглотила дѣликомъ душу маіора; маіоръ пересталъ пьянствовать, въ немъ забродило и ожгло кое-что изъ стараго, онъ перечиталъ даже кое-какія книжки, не безъ дрожащихъ на рѣсницахъ слѣзъ. Въ немъ иногда закипала надежда, что еще не все пропало для него... Иногда эти надежды такъ радужно сіяли передъ нимъ, что идея любви и всепрощенія осѣняла его уставшую душу. Но чаще онъ чувствовалъ, что что-то «утекло», утекло невозвратно. Въ эти минуты его сердце разрывалось тоскою о рано умершей женѣ, о потерянной дочери, и только неустанно-шумная, не дающая очнуться дѣятельность среди наплывавшихъ нуждъ сѣраго люда — помогла ему перенести эту тоску. Когда дѣятельность его стала разумнѣе и отчасти спокойнѣе, онъ занялся своимъ имѣніемъ, подъ давленіемъ Кузя, сдѣлавшагося въ это время извѣстнымъ всему окрестному люду подъ именемъ Чуйки, и скоро на мѣстѣ старой усадьбы «обосновалась» та оригинальная колонія, которую прозвали «полубарскимъ выселкомъ»...

Шли годы — другой, третій, четвертый...

Былъ душный іюльскій вечеръ; въ воздухѣ еще чуялись дневная гарь и пыль, неуслѣвшая улечься. Нынѣшнее лѣто было очень тяжело для окрестной палестины; нестерпимые жары и засухи привели къ пожарамъ, скотскимъ падежамъ и холерѣ. Маіоръ, Троша и Чуйка, сидя на крылечкѣ маіорскаго дома, вели медленную бесѣду о «тяжеломъ времени», причины котораго Троша, по обыкновенію, искалъ въ освобожденіи крестьянъ и народной, вслѣдствіе этого, «необстоятельности», а Чуйка, печалуясь о павшихъ у нихъ двухъ коровахъ, путемъ какихъ-то хитрыхъ соображеній, пришелъ къ заключенію, что все это отъ того, что «въ людяхъ вѣры нѣтъ».

— Гдѣ нынче подвижники? Нынче, братъ, ихъ за брилліанты не сыщешь! Ежели бы въ старыя времена, такъ въ эдакую тяжелую пору сколько бы подвижниковъ было! Сейчас бы иноки во власяницы одѣались, патриархи бы облеглись во вретнице, бояре и гостинные богатые люди, изыйдя на площади и разодравъ одежды своя, посыпавъ главы пепломъ и отженивъ животовъ своихъ — пошли бы босы и наги по всей земли русской,

индѣ учаще, индѣ милосердствую, ичдѣ-же возноса и укрѣпляя мѣтущийся духъ. Вотъ какъ прописано въ книжкахъ... А нынче — все въ копѣйку, въ мамонтъ ушло! заключилъ Чуйка, взволнованно поправивъ на головѣ фуражку.

Троша на это только скептически покачалъ головой и свосилъ глаза, понюхавъ табакъ. А въ головѣ у него егосила мысль: — «вотъ онъ — шишига-то! Аа-ахъ! Подвижники! А примѣрно, кто первымъ дѣломъ по базарамъ малячить? Въ праздникъ божій, чѣмъ бы лобъ перекрестить, а онъ, еле забрезжится, ужъ на армангѣ и скупаеть гдѣ ни то? А теперь опять — изъ какихъ это капиталовъ, позвольте спросить, ваша супруга форсы задаетъ: — что ни гдѣто — новый сарафанъ... Подвижники!»... Троша такъ увлекся этими размышленіями, что даже забылъ о присутствіи Чуйки и хотѣлъ было уже сообщить ихъ маіору. Какъ вдругъ издали послышался шумъ колесъ; изъ-за угла повернула телега — и маіоръ, поднявшись, уже пристально всматривался въ подъѣзжавшихъ: изъ-за широкой спины мужика, сидѣвшаго безъ шапки, въ одной посконной рубахѣ на передкѣ, показалась шляпа, зонтикъ. Сердце маіора забилося. Еще минута — и онъ вдругъ какъ-то автоматически снялъ фуражку, обнаживъ свою серебряную голову, и, опираясь другою рукою на суковатую палку, замеръ подѣ неожиданнымъ наплывомъ чѣго-то неизвѣстнаго, какъ замираеть на мгновение челоуѣкъ послѣ ослѣпившей его молніи, въ ожиданіи, что, вотъ-вотъ еще секунда, и ужасный, потрясающій ударъ разразится надъ его головой...

Ката, не давъ остановиться лошадямъ, выскочила изъ телеги, быстрыми, но неровными и слабыми шагами, подошла къ отцу и, взявъ его старую руку, крѣпко сжала, безъ словъ, безъ поцѣлуевъ. Что-то невыразимое словомъ было въ этомъ пожатіи для маіора: изъ его глазъ хлынули потокомъ слезы и сразу смочили, какъ благодатной росой, его старческое, доброе лицо. Ката поспѣшно отерла платкомъ эти слезы и, молча, поцѣловала его въ лобъ.

— Пойдемъ, пойдемъ, прошепталъ маіоръ: — вонъ туда, ко мнѣ... Онъ заторопился и чуть не упалъ отъ волненія, но Чуйка успѣлъ уже поддержать его.

Отецъ и дочь вошли въ домъ, а Троша, давно уже лѣниво стацившій съ головы своей бобровый вартузъ, недовольно опять натянулъ его на голову: въ пріѣздѣ барышни ему чувствовалось опять «что-нибудь новое», что могло нарушить его мирный покой, хотя бы самымъ отдаленнымъ и косвеннымъ путемъ.

А въ это время маіоръ, усадивъ передъ собою дочь, говорилъ ей съ умоляющей просьбой въ глазахъ.

— Голубушка! пожми мнѣ еще руку, еще *такъ* пожми... Мнѣ ничего больше не нужно!..

Онъ ловилъ ея руки, и она жала ему ихъ крѣпко, съ слезами и страданіемъ въ глазахъ, смотря въ его розовое, влажное лицо, обрамленное сѣдыми, подстриженными подъ гребенку волосами и длинными усами, висѣвшими надъ плохо-выбритой нижней частью лица.

— И надолго? боязливо спросилъ маіоръ Катю.

— Да, надолго... теперъ надолго...

— А-а!.. Ты, значить, слышала обо мнѣ? стыдливо спросилъ маіоръ.

— Да, я слышала... Но нѣтъ... нѣтъ... я не поэтому! вспыхнула Катя:—я совсѣмъ по другому... *совсѣмъ по-другому*, повторила она задумчиво.

— И въ такое время! Ты не слыхала, можетъ быть: у насъ здѣсь вокругъ холера...

— Слышала и это. Но мнѣ все равно... Вѣдь ты же не боишься? А Кузьминишна ужъ навѣрно не боится? Чѣмъ я хуже васъ?

Въ дверяхъ показалась строгая фигура Кузьминишны.

— Такъ и надо... Омойтесь въ банѣ покаянія и очиститесь въ горнилѣ смерти! проговорила она наставительнымъ тономъ, молясь въ передній уголъ.

Катя бросилась-было къ ней, но Кузьминишна чопорно и серьезно распѣловалась съ ней и смиренно, скрестивъ на груди руки (это ея обычная поза въ чрезвычайныхъ случаяхъ), встала въ углу у двери. Кузьминишна сердилась: она не могла простить Катѣ ея «безчувственнаго забвенія» ихъ, какъ будто ихъ совсѣмъ на свѣтѣ не было, какъ будто они не любили или не умѣли уже, или отвыкли любить, какъ будто въ нихъ (т. е. въ маіоръ, въ ней и «во всѣхъ прочихъ»), подразумевала она) сердца не было, сердце вдругъ застыло и охолодѣло. Она многое ей простила, она, въ продолженіи долгихъ четырехъ лѣтъ, предаваясь наединѣ размышленіямъ о странномъ поведеніи Кати, о крутомъ переломѣ въ ея характерѣ, многое угадала, хотя и смутно, но угадала и, чѣмъ больше угадывала, тѣмъ больше прощала ей, но одного не могла простить—именно: «зачѣмъ сердце забыли, вѣдь сердце-то также болѣло и страдало и у другихъ, а забыли сердце, уму дали, да отищенію волю!»

Но не долго, конечно, Кузьминишна фигурировала въ этой роли огорченной матроны: она даже не выдержала, и нѣсколькихъ минутъ молчанія, въ продолженіи которыхъ отецъ безмолвно наслаждался, смотря въ милое, дорогое лицо своей дочери

и въ каждой чертѣ ища то того, стараго, то совѣтъ, *совсѣмъ новаго*. Въ немъ было и то, и другое: отъ стараго осталась дѣтская улыбка, иногда бойкій, рѣзкій взглядъ варихъ глазъ, отъ новаго—строгость и угловатость чертъ на лицѣ и печать какого-то глубокаго страданія, но такого, которое доставляло чело-вѣку много свѣтлыхъ, отрадныхъ минутъ... Всего же поразительнѣе было въ ней—строгая простота, почти аскетическая, изъ подъ которой хотя и была ежеминутно свѣжая, знойная струя молодой, полной силы жизни, но, тѣмъ не менѣе, нисколько не вредила общему впечатлѣнію. Кузьминишна не утерпѣла; ее волновало это «безпечальное созерцаніе» маіоромъ своей дочери.

— А вы бы, сударь, полюбпытствовали: чему ваша дочка изволила научиться въ иныхъ земляхъ?—предложила она маіору.

— И всему, няня, и очень немногому, поспѣшила отвѣтить Катя.

— Такъ все-жъ таки научилась дѣльному... или таетъ? пере-спросила Кузьминишна.

— Кое-чему и дѣльному... Приѣхала вотъ въ бабки сюда, въ земство.

— Гм... Ну, такъ хорошо!.. Постой-же! погрозила ей, улыбаясь, Кузьминишна и тотчасъ заволновалась, зашумѣла ключами, и лицо ея приняло то озабоченное выраженіе домовитыхъ матерей, съ которыми они любятъ угощать своихъ возвращающихся изъ ученья дѣтей. Кузьминишна устраивала праздни-къ деревенскаго кулинарнаго искусства, сбивъ съ ногъ для этого дѣла почти всю колонію, даже невозмутимаго Трошу, котораго заста-вила ловить курицу, забѣжавшую отъ страха передъ гонящейся за нею Кузьминишной къ нему въ огородъ.

Три дня Кузьминишна справляла по старозавѣтному празд-нику въ ознаменованіе возвращенія «блудной дщери»: то зако-лола лучшаго гуся, то индюшку, то кацуна. Но въ то время какъ, увлекшись слишкомъ воспроизведеніемъ притчи о «блуд-номъ сынѣ», она забыла о всякой гигиенической предосторожно-сти, маіоръ, напротивъ, ооружилъ свою дочь самою нѣжною за-ботливостью и въ каждой мелочи старался парализовать слиш-комъ усердное гостепрѣмство Кузьминишны. За обѣдомъ, онъ—то возьметъ у Кати съ тарелки слишкомъ жирный кусокъ и по-ложить ей тщательно выбранный имъ другой, то нѣжно спря-четъ у нея изъ подъ глазъ миску съ земляничкой и сливками, когда та слишкомъ увлечется давно невиданною ею деревен-скою роскошью, то запретъ садъ на ключъ въ опасеніи, чтобы его дорогая Катя опять слишкомъ не увлеклась красными виш-нями, которыя она такъ любила. По вечерамъ, когда Катя вый-

детъ въ садѣ, или ночью, когда она заснетъ мирнымъ здоровымъ сномъ, маіоръ тщательно дезинфекцировалъ карболкой и ждановской жидкостью, и уксусомъ четырехъ разбойниковъ не только комнаты дома, но и всю усадьбу; принудилъ даже и Кузю, и Трошу заботиться объ атмосферѣ своихъ жилищъ. Его опасливость за нѣжно-любимую и неожиданно возвращенную ему дочь доходила до нервной и томительной боязни; онъ страдалъ бессонницей, его видало въ жаръ при мысли, что вотъ-вотъ занесутъ холеру въ его усадьбу; онъ даже не подпускалъ мужиковъ изъ окрестныхъ деревень близко къ своей деревнѣ. Часто ночью, раза два заглядывалъ онъ въ спальню Кати и чутко прислушивался къ ея мѣрному дыханію... Онъ даже рисковалъ очень строго поступить съ Кузьминишной: голосомъ, устранившимъ всякое возраженіе, онъ запретилъ ей на сажень удалиться изъ усадьбы, а тѣмъ паче ходить въ окрестныя деревни—лечить или принимать у себя крестьянскихъ беременных бабъ. Но бабы все-таки ухитрялись всевозможными способами проводить бдительность маіора и проскользать на медицинскія консультации Кузьминишны такъ ловко, что маіоръ никогда бы не зналъ объ этомъ, еслибы не усердіе Троши, который, еще болѣе маіора боаясь холеры, уже по своей личной трусости, доносилъ ему о замѣченныхъ имъ бабьихъ ухищреніяхъ, нарушавшихъ всякія карантинныя предосторожности. Но скоро случилось такое непредвидѣнное событіе, которое сразу положило конецъ этой охранительной войнѣ маіора и Троши противъ сосѣднихъ бабъ. Случилось это событіе какъ разъ по прошествіи трехъ дней съ пріѣзда Кати, когда Кузьминишна положила предѣлъ устроенному въ честь возвращенія «блудной дочери» празднику деревенскаго кулинарнаго искусства. На третій день къ вечеру, Катя случайно зашла въ избу Кузьминишны и застала у нея проскользнувшихъ изъ подъ присмотра маіора двухъ деревенскихъ пациентокъ; пациентки-было смутились, но Катя смутилась еще больше, когда ей сказали, подъ какой охраной держитъ маіоръ свою усадьбу. Какая-то жгучая мысль пронеслась въ ея головѣ, краска бросилась въ лицо, и она какъ-то смущенно и порывисто стала спрашивать бабъ о здоровьи, изслѣдовать, давать имъ совѣты и, наконецъ, велѣла имъ на завтра прямо приходить къ ней, а если кто задержитъ ихъ, то сказать, что сама барышня такъ приказала. Бабы ушли, а Катя и Кузьминишна цѣлый вечеръ побесѣдовали о бабьихъ болѣзняхъ. Катя какъ будто очнулась, какъ будто вспомнила неотложность какой то обязанности, и ночью долго горѣлъ въ ея комнатѣ огонь, долго просматривала она медицинскія книги, то-

ровниво, нервно, какъ будто собирался куда-то. Въ эту же ночь не спалося и Кузьминишна: какія-то мысли не давали ей покоя; вѣскольго разъ вставала она съ лавки и молилась о укрѣпленіи въ чемъ-то, и спасеніи отъ чего-то. На слѣдующій день-рано утромъ, съ подогомъ въ рукавъ и узелкомъ съ какими-то сладобьями, тихо прошла она въ комнату Кати. Катя была уже одѣта въ простую сѣренькую блузу, затянутую кожанымъ ремнемъ съ клеенчатой шляпой на головѣ.

— Ты не бойся, Катюшка, шеннула Кузьминишна:—я ужъ за тебя молилась, а теперь сама помолись.

— Хорошо, няня; я про себя въ умѣ помолюсь.

— Съ молитвой-то лучше... а вотъ ужъ какъ боялась за тебя, не рѣшалась все—да помолилась—и трусить перестала... Вѣра, сказано, горами двигаетъ... Иисусъ-Навинъ съ вѣрой то солнышко остановилъ... А ты шляпку-то сними, вдругъ посовѣтывала она Катѣ:—повяжись платкомъ, для насъ, деревенскихъ, лучше такъ-то...

Катя наскоро сняла шляпу, покрыла голову бѣлымъ носовымъ платкомъ и вышла вслѣдъ за крестившейся на ходу Кузьминишной.

Едва вышли они за околицу, какъ на встрѣчу имъ показался маіоръ, ѣхавшій съ Трошей съ полевыхъ работъ. Кузьминишна перекрестилась.

— Куда? вскрикнулъ маіоръ, въ необычайномъ недоумѣніи и останавливая лошадь, едва только они поровнялись. Троша-было поднесъ руку къ своему брововому бартузу, чтобы съ подобающимъ уваженіемъ раскланяться съ «барышней», какъ вдругъ его рука такъ и застыла на облупленномъ и вытопившемся на солнцѣ козырѣ. Увы! онъ услыхалъ слѣдующія слова Кузьминишны, ворчливо обращенныя ея къ маіору:

— Ну, батюшка, сказала она:—не все праздновать; пора и другихъ вспомнить... не даромъ, поди, учились.

Маіоръ уже готовъ былъ что-то еще крикнуть.

— Мы идемъ въ деревню: тамъ много больныхъ, предупредила его Катя.

— Старуха! Съумасшедшая! Это ты! ты! закричалъ маіоръ, выскакивая изъ плетушки и въ негодованіи наступая на Кузьминишну.

— Папа, твердо выговорила Катя:—она не виновата... Я должна была сама...

Маіоръ и Катя, оба были взволнованы; у послѣдней на минуту въ глазахъ сверкнулъ какой-то странный огонь, который раньше не приходилось замѣчать маіору. Онъ наскоро снялъ

фуражку, наскоро перекрестился и, молча вскочивъ въ плетушку, погналъ лошадь...

— Ну, теперь загубили!.. какъ пить дадутъ!.. я говорилъ! Мое слово съ вѣтра не бываетъ! ворчалъ Троша, безпокойно вертась рядомъ съ маіоромъ.—Сударь! Прикажите нанежайше вернуться, пока не поздно!

Вплоть до усадьбы продолжалъ волноваться Троша, нѣсколько разъ вызывая къ маіору, но маіоръ продолжалъ упорно молчать и, пріѣхавши домой, бросилъ Трошѣ вожжи, выскочилъ изъ плетушки и скрылся въ своемъ кабинетѣ. Долго сидѣлъ онъ здѣсь, молча выкуривая трубку за трубкой; глаза его нерѣдко наполнялись слезами, нитъ овладѣвалъ малодушный страхъ передъ чѣмъ-то. «Опять! шепталь онъ:—что если теперь она также взглянетъ? Если опять отрѣшится отъ меня? Пойметъ-ли она, что теперь уже не то... что теперь уже это я изъ любви къ ней, къ ней одной... Но—спросить—зачѣмъ же къ ней одной?»

Покаянныя мысли вновь обули душу маіора, но уже это было его послѣднее покаяніе.

V.

«ВЪ РА СЕРДЦА».

Общія впечатлѣнія дѣтства скорѣе и вѣрнѣе всего сближаютъ людей. Такъ было и теперь. Вызванныя мною въ душѣ Кати воспоминанія какъ-то незамѣтно нарушили ея сдержанность и холодность; она увлеклась, читая на моемъ лицѣ, что я переживаю тѣ же самыя ощущенія, какія овладѣли ею, и къ концу разсказа мы были какъ будто давно знакомы. А послѣдній эпизодъ съ бабами и выходка Кузьминичны, когда она, вопреки всѣмъ маіорскимъ предосторожностямъ, повела Катю въ деревню, окваченную эпидеміей (этотъ эпизодъ Катя разсказала нѣсколько иначе, нежели передалъ его я: она прямо всю инициативу дѣла приписала Кузьминичнѣ, предоставивъ себѣ только пассивную роль, даже прибавила, какъ она будто бы струсил), заставили насъ даже очень добродушно расхохотаться. Въ концѣ-концовъ, Катя, кажется, осталась довольна мною, въ особенности при рекомендаціи Кузьминичны, по которой оказывалось, что у меня «сердце есть»... Увлечшись такою довѣрчивостью Кати, я какъ-то невольнo спросилъ ее:

— Скажите, что васъ заставило вернуться сюда и жить

здѣсь? Неужели только желаніе служить земной повивальной бабкой?

— Нѣтъ, отвѣтила Катя и тотчасъ же насторожилась.

— Васъ обманули тамъ?

— Тотъ не обманываетъ, кто обманывается самъ, произнесла она докторальнымъ тономъ, въ которомъ уже и слѣда не было прежней задушевности.

Но я, хотя и замѣтилъ это, хотѣлъ уже разузнать все, что мнѣ не доставало для пониманія «исторіи маіорской дочери».

— Значить, вы сами извѣрились?..

— Дѣ, предупредила она мой вопросъ.

— И, какъ заблудшая дщерь, вернулась сюда, чтобы обратиться къ старой вѣрѣ?

— Нѣтъ, не къ старой, а найти...

— И нашли?..

— Отчасти... Да что вы меня допрашиваете? рѣзко спросила она.

— Меня это очень интересуетъ, потому что я самъ извѣрился... Вы мнѣ не вѣрите?

Она посмотрѣла мнѣ въ лицо.

— Нѣтъ, вѣрю, твердо сказала она послѣ небольшого молчанія. — Я объ васъ слыхала.

— Скажите, въ чемъ же суть?

— Вы знаете Башкирова?

— Знаю... Но, насколько мнѣ извѣстно, онъ—не теоретикъ...

— Дѣ, онъ—не теоретикъ... У него нѣтъ системы. Но онъ самъ—воплощеніе вѣры сердца...

— Какъ вы сказали?

— «Вѣра сердца»... Это несомнѣнно точно, но еще нѣтъ названія, такъ какъ все это пока очень неопредѣленно... Башкировъ самъ по себѣ—фактъ, воплощеніе этой вѣры...

Я замаялся и думалъ, что ей отвѣтить. Въ это время за дверью послышался голосъ маіора.

— Наполеоны! Волтеры! кричалъ онъ.

— Дѣ, этотъ грѣхъ за нами изъ вѣковъ, отвѣтилъ кто-то, сильно шапкая на о.

Катя быстро встала, вся вспыхнувъ отъ чего-то: можетъ быть, она узнала голосъ гостя.

— Говорите же что-нибудь... Вы понимаете, напримѣръ, что такое Кузьминшишна? почти шопотомъ и нетерпѣливо спросила она меня.

— Понимаю.

Т. ССXXXII. — Отд. I.

— Ну, вы должны чувствовать и это... эту «вбру сердца»? сказала она и вышла в сосѣдную комнату.

— Каточник! Ката!.. Поймалъ, наконецъ, братъ!.. Поймалъ! Ха, ха, ха! кричалъ маіоръ, проталкивая свади въ дверь какую-то странную фигуру.

— Ничаво, я теперь не убѣгу, протяжно проговаривалъ оригинально-принимаемый гость.

Признаюсь, не скажи онъ ничего, я не скоро узналъ бы въ этой странной фигурѣ Башкирова. Весь въ пыли и поту, въ старой синей поддевкѣ, подпоясанной веревочкой, въ брюкахъ, засунутыхъ въ дѣтярные сапоги, съ широко-улыбающейся потной физиономіей и довольными глазами, прикрытыми большими синими очками.—онъ былъ оригиналенъ и неузнаваемъ.

— Ха, ха, ха, братъ! Поймалъ! Старуха! Припирай двери! За-совомъ! Крѣпче! суетился видимо чрезвычайно чѣмъ-то довольный маіоръ.

— Ничаво, я теперь не уйду. Я и самъ изусталъ, говорилъ Башкировъ, садясь несмѣло на стулъ около двери и вытираясь болыими вѣтчаыми платкомъ.

— Ката! Гдѣ же она? оиврался маіоръ.—Ты посмотри-ка: затащилъ, братъ, затащилъ!

— Наконецъ-то! сказала Ката, скорою походкой выходя изъ сосѣдной комнаты прямо къ Башкирову, и пожала ему крѣпко руку.

— Потная. Издалека иду, виноватъ! протанулъ конфузливо Башкировъ, вытирая руку платкомъ уже послѣ того, какъ Ката ее пожала.

Ката ничего не отвѣтила и снова сѣла на прежнее мѣсто, съ серьезнымъ любопытствомъ устремивъ взглядъ на Башкирова и нѣсколько даже подавшись впередъ корпусомъ, какъ бы ожидая разъясненія и этого визита, и странности костюма, въ серьезной дѣли которыхъ она, повидимому, не сомнѣвалась.

— Нѣтъ, ты спроси, Каточникъ: гдѣ онъ былъ? Какую онъ штуку сдѣлалъ... нѣтъ не «сдѣлалъ», а какъ?.. оборудовалъ? Дѣ? обратился маіоръ къ Башкирову.

— Оборудовалъ.

— Дѣ, дѣ! никто вѣдь не сдумѣлъ, никто не смогъ... А нашъ-геніаль-го, Морозовъ-то... Кабовъ!.. Ха, ха, ха!.. Отказалъ!.. Вотъ они, Наполеоны! Волтеры!..

— Какое же это дѣло? спросила Ката.

— Да я тебѣ, кажется, говорилъ, я тебѣ, кажется, рассказывалъ? Нѣтъ? заторопился маіоръ, говорившій всегда скороговоркой вода хотѣлъ сообщить что-нибудь чрезвычайное, какъ

будто боясь, чтобъ его не предупредили.—Помнишь, добросельцы съ красносельцами хотѣли сообща луга и пашни снять у Диего? У нихъ вѣдь совсѣмъ луговъ нѣтъ, на пашнѣ скотъ пасутъ, и то по болотамъ; а рядомъ, у Диего, поёмщина въ полтораста десятинъ лежитъ дарма: ни себѣ, ни людямъ. Кулаки къ нему сколько разъ-было понавѣдывались, цѣны нагнали страшныя—всѣхъ выгнали; мужички потомъ сами ходили, авось-де счастье не выпадетъ ли имъ—и ихъ выгналъ! Вотъ, извольте видѣть, молодой человекъ (это майоръ ко мнѣ обратился), мужички просто смотрѣтъ безъ слезъ не могутъ на эти луга. У нихъ скотина — кожа, да кости, а подъ глазами — пойма... Да-съ, такъ вотъ какаѧ, можно сказать, поразительная картина была! Думали-думали мужики и надумали кого-нибудь со стороны подослать къ Дикому: сейчасъ, конечно, ко мнѣ. Ну, я ихъ спровадилъ къ Морозову — все же скорѣе можетъ успѣтъ нѣкоторымъ образомъ: чуть не родные они съ Дикимъ. А нашъ генералъ-то, каковъ!.. Какъ вы думаете: чтѣ онъ сдѣлалъ? А? Отка-залъ!.. Да, отказалъ!.. «Я, говорите, тутъ никакого успѣха не предвижу, братцы, потому что мы съ Дикимъ слишкомъ въ убѣжденіяхъ расходимся. Ступайте къ майору! онъ самъ — помощикъ!» Каковъ!.. А? Къ майору! А майоръ—чтѣ? Майоръ, стало-бытъ, не имѣетъ убѣжденій? А?

Майоръ заходилъ въ волненіи по комнатамъ.

— Старушенція! да скоро ли ты намъ водки-то дашь? вдругъ крикнулъ онъ, обращаясь куда-то за стѣною.

— Несу, несу... Слышу ужъ! говорила Кузьминична, внося подносъ съ закуской и ставя его на столъ. — У насъ, бывало, у барина моего, вотъ такъ же: говорятъ-говорятъ объ этихъ Волгерахъ-то, да и понапѣются... Здравствуйте, батюшка! поклонилась она Башкирову.

— Здравствуйте, здравствуйте, баушка, привставъ, сказалъ Башкировъ и подавъ ей съ самымъ задушевнымъ добродушіемъ руку, къ которой несмѣло прикоснулась своими пальцами Кузьминична.

— А вы знакомы? спросила Катя, по обыкновенію широко стирывая глаза.

— Мы... по малости собесѣдовали, отвѣтилъ Башкировъ.

— Кто меня не знаетъ?.. Всѣ меня, старуху, знаютъ... Натко-съ, какую махину годовъ прожила! замѣтила Кузьминична, скромно уходя и тихонько притворяя за собою дверь.

— Хорошая баба, куда хороша!.. съ видимымъ удовольствіемъ проговорилъ Башкировъ и даже потеръ большими красными и толстыми руками свои колѣни.

— Нда! такъ вотъ маіоръ, дѣлать нечего, и отиравился, заговорилъ маіоръ, прожѣвывая огурецъ и успѣвъ уже подъ шумокъ выпить:—А вы выпейте-ка... Пьешь вѣдь? спросилъ онъ Башкирова! (маіоръ частенько говорилъ «ты» тѣмъ, къ кому, въ данную минуту, чувствовалъ особое расположеніе).

— Отчего-жъ? Пью... Нельзя не пить!..

— Я, братъ, знаю! ты не изъ этихъ, не изъ геніаловъ... Отъ царской да отъ мужицкой чарки никогда не отказывайся! Грѣхъ! Да, такъ вотъ и «поѣхалъ нашъ Иванъ, за кольцомъ на окіянь»... Ужъ именно — окіянь! Насилу принялъ... Изъ ума выжили!

— Хорошій мужикъ... Бѣда—хорошій! опять съ особымъ удовольствіемъ замѣтилъ Башкировъ, выпивая, въ полоборотъ отъ Кати, водку, и затѣмъ почему-то сконфузился и покраснѣлъ.

— Хорошій, братъ—это вѣрно. Только тутъ немножко тово... винта не хватаетъ. Ну, да это—особая статья. Наконецъ, добрался до него... Говоритъ: «такъ и такъ: ежели даже по христіанскы»... И—Боже мой!.. Поднялся, зашумѣлъ, заплевалъ... «Я, говорить, тебя уважалъ, старикъ, когда ты тѣмъ кровь портилъ... Ну, а мужицкое брюхо растить—я тебѣ помогать не намѣренъ»!.. Бился, бился—съ тѣмъ и отъѣхалъ!

— Чѣмъ же кончилось это дѣло? спросила Катя, внимательно всматриваясь въ хитро-улыбавшееся лицо маіора, которое давало поводъ предполагать, что «штука-то» еще впереди.

— А ты вотъ его спроси! показалъ маіоръ на Башкирова:— Вотъ Дикой всѣхъ прогналъ, всѣмъ оглобли завернулъ,—а ему не завернулъ, его не прогналъ! А почему?.. А потому, что вотъ онъ, не-Волтеръ, когда у одного мужика сошникъ лопнулъ, а пора была страдная, ни ваять негдѣ, ни послать въ городъ некого, ни самому отъ бороны оторваться нельзя—вотъ онъ, не-Волтеръ, пѣхтурой въ городъ отмахалъ 20 верстъ, а къ вечеру мужику сошникъ принесъ! Нѣтъ, ты расскажи! Пускай онъ самъ расскажетъ. Ну, какъ ты ухитрился? какъ ты оборудовалъ? А?.. вѣдь отдалъ онъ мужичкамъ луга на сѣмъ?

— Одинъ лужокъ отдалъ, сказалъ Башкировъ.

— Ну, какъ же, какъ же ты оборудовалъ? спрашивалъ маіоръ и, подсѣвъ рядомъ къ нему на стулъ, сталъ набивать трубку у себя въ колѣняхъ, приготовляясь слушать.

— Да я не знаю... само сдѣлалось, протянулъ конфузивно Башкировъ и засунулъ руки между колѣнъ.

— Нѣтъ, ты рассказывай все порядкомъ, какъ было. Мы, братъ, поймемъ.

— Сегодня утромъ приходятъ мужики ко мнѣ, началъ об-

стойательно излагать Башкировъ:—и говорятъ: «сходи ты, сдѣлай милость, къ нему самъ! что это, Господи, Царь небесный, за ока-ми! Вѣдь мы не милостыню просимъ у его; деньги впередъ уплатимъ!» Ну, ладно, говорю, коли такъ — испробуемъ... На-дѣлъ вотъ эту хламидку-то, взялъ хлѣба кусокъ за пазуху и пошелъ. Прихожу и говорю: доложите, молъ, лекарь пришелъ... Конечно, глаза таращутъ слуги-то. Велѣлъ войти. Вхожу, сей-часъ передъ образомъ три поклона положилъ, говорю: «къ ва-шей милости». — Ты кто такой? — Лекарь, говорю. — «Знахарь»? — Нѣту, батюшка, какъ быть: изъ ученыхъ... Вотъ извольте по-смотреть, и сейчасъ ему на столъ дипломъ выложилъ; онъ сей-часъ же издивился. «А! говорить, прошу покорно садитесь» — и кресло мнѣ ногой придвинулъ. — Охоты! принеси намъ вина! Приказалъ, а самъ съ меня глазъ не спускаетъ. Все охажи-ваетъ ими меня съ головы до пятка. — «По какому дѣлу-съ? Вы, кажется, обдѣляли, ищете мѣста? Выводить, деньгами, нѣсколь-кими рублями могу снабдить; а болѣе ничего не могу... Я ни съ кѣмъ теперь не имѣю ничего общаго — ни съ земствомъ, ни съ администраціей!».. Ну, я ему сейчасъ и доложилъ. — «Чего-съ? Вамъ что за дѣло? возрился онъ на меня: — вы служите? мо-жете быть, въ гласные хотите?» Нѣту, говорю, не хочу... «Имѣете практику?».. — Нѣту, не имѣю, а лечить лечу, кому надобность есть... «Извините, а васъ не понимаю!» говорить — и поклонился мнѣ.

— Ха, ха, ха!.. Вотъ тутъ и раскуси! восторгался маіоръ, по-стоянно повертываясь на стулѣ, перекладывая ноги съ одной на другую, попыхивая въ чубукъ и, въ самыхъ интересныхъ мѣ-стахъ, ероша свои сѣдые волосы:—Ну, ну! подгонялъ онъ.

— Ну, я ему тутъ и сталъ докладывать:—мы, говорю, другъ друга, ваше—ство, скоро поймемъ, потому что вы отрѣшились, и я—отрѣшился... Ну, и повелъ въ эдакомъ родѣ параллель... Онъ все слушалъ, все слушалъ. — «Признаюсь, говорить, не ожидалъ. Хорошо, говорить, я согласенъ! интересный вы молодой чело-вѣкъ, заходите ко мнѣ!» Ну, я теперича пойду ужъ, заключилъ Башкировъ, тяжело вздохнувъ, какъ будто, сдѣлавъ этотъ док-ладъ, почувствовалъ себя совершенно свободнымъ.

— Куда? куда? вскочилъ маіоръ: — старушенція! Припирайъ дверь!..

— Да чего же я здѣсь буду приятно собесѣдовать, когда му-жикъ меня ждуть! Нѣтъ, ужъ я пойду!

— Да, да, ступайте! торопливо проговорила Катя и, быстро вставъ съ мѣста, пожала ему руку еще сильнѣе, чѣмъ прежде.

— Ну, нечего дѣлать!.. хоть подѣлujemy, братъ, на прощанье!

сказалъ маіору, при всякомъ удобномъ случаѣ падкій на нѣжныя изліянія, — и распѣловался съ Башкировымъ.

— Хорошій, старикъ! преговорижъ, улыбаясь Башкировъ, взглядывая то на маіора, то на Катю. Очевидно, впрочемъ, эта фраза назначалась собственно для Кати. Щеки Кати покрылись легкимъ румянцемъ довольства, и она вновь съ глубокимъ чувствомъ признательности пожала Башкирову руку. Мнѣ почему-то неволью припоминалась при этомъ сцена у Морозовыхъ на именинахъ, когда Катя на легкое раздраженіе Морозова, вызванное наивнымъ докладомъ маіора о своихъ заслугахъ, рѣзко отвѣчала: «папа, уйдемъ отсюда... насъ здѣсь обижаютъ». — Сопоставленіе казалось мнѣ знаменательнымъ.

— Теперь вы, наконецъ, поняли?.. Видѣли, что такое она? спросила меня Катя, нѣсколько напряженнымъ голосомъ, когда Башкировъ вышелъ въ сопровожденіи маіора, не переставшаго еще долго за дверью кого-то хвалить и кого-то бранить.

— Отчасти, сказалъ я: — впрочемъ, все это я зналъ объ немъ и раньше... Но вѣдь онъ, можетъ быть, исключеніе?

— Нѣтъ, нѣтъ, настойчиво отвѣтила она, какъ-то особенно высоко поднявъ голову и проводя рукой по волосамъ, которые слегка всклокочилъ легкой вѣтеръ, пробивавшійся въ окно, сквозь застывшую его зелень: — потому что иначе невозможно было бы жить... по крайней мѣрѣ, для меня... Я лучше объясню вамъ примѣромъ: что сдѣлали бы вы, еслибы тотъ храмъ, въ которомъ вы молились, обратили въ торжище, одни — сознательно, другіе — помогая по недоразумѣнію или по неопытности?

— Я ушелъ бы изъ этого храма, унося въ своемъ сердцѣ Бога и свою вѣру, отвѣтилъ я.

— И только?

— И только.

— Нѣтъ, этого мало... Нужно же проявить въ какихъ-нибудь формахъ свою вѣру... А онѣ не должны быть настолько податливы и растяжимы, чтобы дать мѣсто лицемерію, или обману... Вотъ что нужно найти, чтобы спасти себя и всѣхъ!

— И возможное осуществленіе этого вы находите въ Башкировѣ? спросилъ было я, но въ это время вернулся маіоръ. Я успѣлъ только по глазамъ Кати замѣтить, что врядъ ли бы она на этотъ вопросъ отвѣтила безъ колебанія — «да».

Она, очевидно, еще изучала его.

— И Орскъ — романтизмъ! А? помните вы это? крикнулъ маіоръ, обращаясь ко мнѣ: — И Орскъ — романтизмъ! каково!.. Вотъ

тебѣ сынъ народа! Какъ прошли цивилизованную школу, да по-
нюкали культурнаго житья, да ежели еще при этомъ жена бо-
гатая...

— Папа! ты слишкомъ сталъ нападать на Петра Петровича,
забѣгла Ката, влады со стола на колѣни шитье и принимаея
снова за прерванную работу.

— Какъ нападать? вѣдь ты сама видѣла! нѣсколько недо-
уивая, обратился маіоръ къ дочери:—и вѣдь ты, кажется, сама...

— Тогда, папа, было дѣло принципа, но собственно самъ по
себѣ онъ—человѣкъ очень хорошій!

— Ну, извини. Я что-то мало тутъ понимаю...

— Морозовъ, прежде всего—очень хорошій человѣкъ; онъ не
падаетъ такъ низко, какъ ты думаешь, продолжала Катя:—я его
уважаю... я уважала и его принципы, я сама жила его вѣрой,
и жила теперь... Но я знаю, я увѣрена, рано или поздно, Моро-
зовъ воймуть это.

Все это Катя проговорила нѣсколько взволнованнымъ голо-
сомъ, нервно дѣлая складки на полотнѣ.

— Ну, да, ну, да! защищай его! сказалъ маіоръ, любовно по-
сидѣваясь и подмигивая мнѣ на дочь:—воспитатель вѣдь твой!
Какъ, какъ ты говорила про него? «Онъ—пахарь, онъ—сѣятель,
онъ бросилъ первыя зерна»... Такъ, что-ли? А до жатвы ему нѣтъ
дѣла?

— Да, жатва не его, едва слышно проговорила задумчиво
Катя.

— То-то вотъ и есть! А, что я тебѣ говорилъ? Я тебѣ гово-
рилъ: онъ—Рудинъ! Вы думаете, Рудинъ были и быльемъ коро-
сли? Нѣтъ, братъ, они живучи! Ты думаешь, что онъ артели
устраиваетъ, такъ будто и дѣло дѣлаетъ? А я тебѣ скажу, что
все это—таже рудинщина, только въ иныхъ формахъ. Знаемъ мы
жъ—этихъ разочарованныхъ Наполеоновъ-то, что «по свѣту
рыщутъ, дѣла себѣ исполнскаго ищутъ»!

— Да, это отчасти справедливо. Я не сомнѣваюсь, что онъ
можетъ умереть такъ же, какъ умеръ Рудинъ. Но если ты го-
воришь въ иномъ смыслѣ, въ смыслѣ фразы, въ смыслѣ наду-
таго ученаго самогибнiя—это неправда. Нѣтъ, нѣтъ! это не-
правда! Въ немъ сильны хорошіе инстинкты, онъ чутокъ къ
истинѣ! торопливо проговорила Катя, какъ будто боясь, чтобы
ее не перебили.

— Ну, да, ну, да! развѣ съ вами можно сговорить! То изъ-за
одного слова чуть скандала у него не надѣлала; меня, старика,
утащила, а теперь...

Въ эту минуту въ дверяхъ показался Чуйка.

— Ты что, Кузя? спросилъ его маіоръ.

Чуйка сѣлъ у двери.

— Г. Башкировъ, кажись, изволили навѣстить? спросилъ онъ, больше обращаясь къ Катѣ.

— Какже, какже! отвѣчалъ маіоръ: — навѣстили! А ты его встрѣтилъ?

— Встрѣтилъ-съ; идутъ, палочкой помакиваютъ. Сожалѣю, что не потрафилъ сюда ко времени.

— А что, Кузя, онъ тебѣ нравится? спросила, улыбувшись, Катя.

— Какже! протянулъ Чуйка, съ какимъ-то непередаваемымъ выраженіемъ въ голосѣ.

— Чѣмъ же онъ тебѣ нравится? спросила опять Катя, по лицу которой было замѣтно, что она очень хорошо знала и то, что Башкировъ нравился Кузѣ, и почему онъ ему нравился; очевидно, эти вопросы задавались съ цѣлью только еще разъ услышать подтвержденіе любимой идеи, а отчасти, можетъ быть, еще болѣе убѣдить меня.

Кузя нескоро отвѣчалъ на этотъ вопросъ; онъ сначала изъ подлюбы посмотрѣлъ на Катю, потомъ на меня, потеръ колѣни и, зашпнаясь, проговорилъ: «а потому—какъ вполнѣ человѣкъ... ежели судя какъ по настоящему времени»...

— Ну, ладно! мнѣ, братъ, некогда! сказалъ маіоръ, когда Чуйка придумывалъ, что сказать дальше.

— Это такъ точно, подхватилъ онъ, быстро вскакивая и запахивая полы чуйки:—мужики томятся. Пожалуйте-съ!

— Сейчасъ, сейчасъ, вотъ только еще трубочку выкурю... Ну, а какое ты сообщеніе хотѣлъ сдѣлать?

— А вотъ насчетъ этой самой алебастровой артели господина Морозова-съ.

— Былъ тамъ? съ видимымъ интересомъ спросилъ маіоръ, раскуривая трубку.

— Былъ-съ.

— Видѣлъ его?

— Его не видалъ, потому еще почестъ на зарѣ ходилъ... прокладилъ. А съ мужиками собесѣдовалъ. Ничего, говорить, мы согласны! Ну, честь-честью, пригласили меня поутренничать: кашницу они вчерашнюю въ котелкѣ разогрѣли; а сейчасъ-же къ нему примостился... Люблю я такъ ѣсть! Пары съ рѣчки поднимаются, холодкомъ танеть, дымкомъ понакиваетъ изъ-подъ котелка... Помнишь, въ нѣкыя-то времена, какъ помоложе были, какіе мы теплинны на рѣчкѣ около лѣсу зажигали: дымъ-то у

насъ выше дѣсу стоячаго, выше облака ходячаго подымался!.. улыбка Кузя, обращаясь къ Катѣ.

Его глаза забѣгали и засіяли, все лицо засвѣтилось улыбкой и онъ весело и любовно глядѣлъ въ лицо Кати, какъ бы видя передъ собой не эту взрослую, солидную дѣвушку, но бойкую тринадцати, четырнадцати-лѣтнюю дикарку, полную, румяную и загорѣлую, съ кучей растрепанныхъ кудрей на головѣ, съ которой дѣлалъ онъ нѣвогда дѣсныя экскурси. Катя улыбнулась на это обращеніе къ ней Кузи, но улыбнулась такъ, какъ улыбается юность при свиданіи съ старой няней на ея длинные и обстоятельные рассказы о томъ времени, когда эта юность и какъ, сначала, ползала, потомъ «пѣшкомъ» подъ столъ ходила», когда и какъ расшибала себѣ носъ и проч. Кузя такъ же-было пустился, поощренный улыбкой Кати, въ подобныя же подробности, но маіоръ докуривъ трубку и заторопился.

— Ну, пошелъ, пошелъ! правду говорить мужики, что у тебя чирей на языкѣ. Что-же Морозовъ-то, Морозовъ-то что-же?

— А господинъ Морозовъ, такъ надо полагать, нашего брата не допускать.

— А, а! отчего-жъ такъ? спросилъ маіоръ и бѣгло взглянулъ на дочь.

— А такъ, надо полагать, что они противъ насъ мнѣніе имѣютъ, въ томъ родѣ, что мы, по своей коммерческой практикѣ, въ ихъ понятіи, кулаки выходимъ. Ну, а они, г. Морозовъ, артели свою на подборѣ устраиваютъ. Тутъ тоже, рассказывали, одинъ мужичекъ, съ пахлей сбимшись, пристанища не находя, прослышалъ объ этой самой артели — и къ нимъ было... Ну, тоже г. Морозовъ отказалъ, т. е. этимъ самымъ артельнымъ мужичкамъ растолковалъ, что-де имъ наистрожайше нужно народъ избирать!

— Такъ, такъ! намъ чистенькихъ подавай! взволновался маіоръ, быстро выпилъ еще рюмку водки, взялъ фуражку, сказалъ мнѣ, шаркнувъ ножкой: «прошу извинить» и вышелъ.

— Это точно... ежли подборъ, размышлялъ Кузя, разводя руками:—только вѣдь для этого нужно, чтобы было дано... А кому это дано? спросилъ онъ меня, улыбаясь: — никому не дано-съ еще по настоящему времени суда... ха, ха! закончилъ онъ, особенно внушительно подчеркивая слово дано, и за тѣмъ, расклававшись, тоже вышелъ.

Я взглянулъ на Катю: она сидѣла, низко наклонивъ голову къ лѣтню, и нервно сѣнила окончить шовъ; все лицо ея и уши сплошь были залиты краской, вѣроятно, вслѣдствіе сильнаго внутренняго волненія; она не поднимала головы, очевидно, стараясь скрыть отъ меня это волненіе; но, наконѣцъ, не выдержала, уси-

ленно стегнула два раза нглой и, вклада на столъ работу, поднялась, выпрямилась во весь ростъ и вдохнула полной грудью лившійся въ окно изъ сада свѣжій ароматическій воздухъ.

— Вы пойдете сегодня къ Морозову? спросила она меня дѣловымъ тономъ и прищурила глаза, вѣроятно, желая хоть нѣсколько умѣрить ихъ блескъ.

Я сказала, что пойду.

— Пожалуйста, занесите отъ меня записку... нѣсколько строкъ. Я сейчасъ напишу.

Она быстро вышла въ свою комнату. Въ полу-отворенную дверь я видѣла, какъ она, взявъ первый попавшійся листокъ бумаги, лихорадочно стала писать. Написать нѣсколько строкъ, она отбросила этотъ листокъ и принялась писать на другомъ. Она сидѣла ко мнѣ спиной, и я не могъ видѣть выраженія ея лица; но краска все еще покрывала ея слегка загорѣлую шею. Наконецъ, она вышла ко мнѣ, читая на ходу письмо.

— Вотъ, заговорила было она.—Или нѣтъ... это бесполезно... этого мало!

Она быстро скомкала въ руцѣ письмо, сунула его въ карманъ и, взявъ со стола легкой шейный платокъ, накиннула его на голову.

— Хотите, по дорогѣ? спросила она меня, слегка подвывая платокъ у подбородка.

— Съ удовольствіемъ. Вы куда же?

— Къ Морозову.

— Но вѣдь теперь—самое жаркое время?

— Это мнѣ все равно—я его должна видѣть.

— Мы пойдемъ съ вами адѣсь, сказала Катя, выходя не на такъ называвшееся мужиками «парадное крыльцо» маіорскаго дома, со стороны котораго слышался шумный говоръ, а въ узенькіи сѣни, изъ которыхъ маленькая дверь вела въ садъ.

— Какъ вы думаете: не вать ли большой дождевой зонтикъ? Должно быть, очень жарко; да, пожалуй, и гроза соберется. проговорила она, смотря изъ подъ ладони на безоблачное небо.— Ступайте вотъ по этой дорожкѣ. Я васъ нагоню.

Я сошелъ въ садъ. Маіорскій садъ былъ обыкновенный провинціальный садикъ, съ кривыми полу-вросшими дорожками, съ полусгнившими деревянными скамьями, сидомъ закрытыми крапивою, съ густой травой, среди которой особенно высоко выдаются сочные дягилы; одна сторона сада сплошь заросла густымъ веникикомъ, надъ которымъ подымались корявыя абло-

ни съ кое-гдѣ обломленными сучьями и берестовыми пластырями, подвязанными мочалками вкругъ стволовъ; другая сторона была исключительно посвящена ягодамъ: густо разросшіеся кусты малины, смородины и кружовника, подобранные снизу въ берегородочки изъ старыхъ драницъ, такъ густо заросли предоставленную имъ мѣстность, что помѣстившаяся было среди нихъ молодая рябина, заглушенная ими, стала сохнуть; только въ дальнемъ углу, густая древняя ель, вѣроятно, оставшаяся отъ бывшаго когда-то здѣсь лѣса, могуче подымала свою пирамидальную вершину и парила надъ всей окрестной растительностью, усыпавъ широкую площадь засохшими иглами и шишками; вкругъ ея еще здороваго смолистаго ствола была сдѣлана изъ трехъ скамеекъ бесѣдка, тутъ же стоялъ треснувшій отъ дождей и солнца, волнившій красный столикъ; на немъ видѣлся клубокъ нитокъ, вязальныя спицы, книга и маіорскій табачный кесетъ; вѣроятно, это было любимое мѣсто, гдѣ собирались на мирную бесѣду всѣ обитатели маіорской колоніи.

За садомъ начинались гуменики, обращенные въ маіорской усадьбѣ въ огороды; длинныя ряды грядъ зелѣли разнообразной сочной листвою, среди нея были разбросаны маленькія яблоня и груши, какъ подростки, нуждавшіеся въ обильномъ и жирномъ черноземѣ; подпертыя козелками на хорошо взрыленной и часто поливаемой землѣ, онѣ видимо росли подъ бдительнымъ надзоромъ чьей-то заботливой руки; нѣкоторыя изъ нихъ начинали уже набирать плоды, и стая всякой прожорливой птицы усилленно нападала на нихъ и на гряды съ огурцами, насколько не пугаясь стараго маіорскаго мундира, распаленнаго на крестѣ изъ колебѣ, и стараго повойника Кузьминичны, вѣчавшаго то мѣсто, на которомъ пернатя должны были предполагать строгую главу военнаго стража. Впрочемъ, строгій стражъ оказался теперь самъ на лицо и въ подобномъ же повойникѣ: въ дальнемъ углу огорода я увидѣлъ Кузьминичну, которая съ большимъ сухимъ суконъ въ рукахъ бѣгала между грядками съ азартомъ нападая и покрикивая необычайно строгимъ голосомъ на глумившихся надъ ней воробьевъ. Я подошелъ къ ней; она выразила было желаніе вступить со мною въ длинную бесѣду и, уже взявъ за руку, потащила меня подъ забѣтную ель, какъ въ это время нагнала насъ Катя, съ большимъ распущеннымъ парусинымъ зонтикомъ.

— Пойдемте, торопливо сказала она.

— Да куда ты его тащишь? запротестовала Кузьминична: — не успѣла я съ нимъ и двухъ словъ перемолвить.

— Послѣ, Кузьминична, послѣ. Намъ нужно, проговорила Катя, уже прохода къ выходу.

Слышно было, что Кузьминична что-то забормотала, но разобратъ было никакъ нельзя; черезъ минуту она уже начала вновь съ сучкомъ въ рукѣ военныя дѣйствія противъ прожорливой птицы.

За огородомъ мы пошли съ Катей по гладко протоптанной и обросшей по краямъ полевой морозной бороздѣ, между озимымъ полемъ и паромъ. Катя мѣрной и увѣренной поступью шла впереди меня, задумчиво наклонивъ голову и твердой рукой держа тяжелый старинный зонтикъ, съ одного бока котораго мѣрно прыгало большое мѣдное кольцо.

Было время послѣ-обѣденнаго отдыха, и отчасти поэтому, отчасти вслѣдствіе томящаго зноя, кругомъ не было видно ни одной живой души. Надъ высохшимъ и трескавшимся на солнцѣ паромъ ирѣдка пролетали одинъ за другимъ вороны, пристально всматривая полевыхъ мышей. Во всей окрестности чувствовалась томительная тишь, и въ воздухѣ проносились только рѣдкіе звуки то скрипѣвшихъ гдѣ-то далеко колесъ, то фырканье лошади, бродившей въ ближайшемъ оврагѣ, то шумъ отъ пронесшейся стаи галокъ, да карканье вороны, усѣвшейся на брошенную среди пашни борону.

Мы шли нѣсколько времени молча.

— Ахъ, а васъ совсѣмъ замучила... Посмотрите, что съ вами: на васъ лица нѣтъ! вскрикнула Катя, обернувшись ко мнѣ.

Дѣйствительно, я изнемогалъ отъ жары.

— Давайте руку, теперь недалеко, сказала она и, не дожидаясь моего согласія, взяла меня подъ руку.

Поднявшись изъ оврага, мы очутились у стараго, полусгнившаго и кое-гдѣ уже растасканнаго, вѣроятно, крестьянами на дрова, забора изъ толстыхъ кольевъ, окружавшаго Морозовскій садъ. Мы не стали обходить его, а прямо прошли въ отворенную калиточку, заросшую бурьяномъ, сквозь который пробита была свѣжая тропа.

Изъ чащи густо разросшихся деревьевъ повѣяло свѣжестью; несмотря на жаръ, воздухъ здѣсь былъ влаженъ, вѣроятно, отъ находившагося не вдалекѣ пруда, силою покрытаго зеленью. Эта часть сада была запущена и мало кѣмъ посѣщалась, что замѣтно было по той безобязанности, съ какою помѣстились здѣсь на жительство цѣлыя колоніи воронъ, грачей и галокъ, унизавшихъ гнѣздами старыя вязы. Сопровождаемые карканьемъ, мы вышли въ другую часть сада, гдѣ уже были замѣтны слѣды культуры: расчищенные дорожки были усыпаны пескомъ; по бо-

намъ къ кое-гдѣ видѣлись цвѣточныя клумбы; попадались скамейки, запрятанныя въ глушь сиреней, брошенные грабли, валившіяся на боку лейки. Наконецъ, мы свернули на главную аллею, примыкавшую къ барскому дому. На террасѣ мы замѣтили Лизавету Николаевну, сидѣвшую за столомъ, уставленнымъ мисками и блюдами, и отбиравшую ягоды. Она насъ не замѣтила, пока Катя, оставивъ мою руку, не вбѣжала быстро на лестницу террасы. Лизавета Николаевна вздрогнула и смѣшалась.

— Извините, что мы прошли здѣсь... такъ ближе... Петръ Петровичъ дома? спросила Катя, наскоро пожимая ей руку.

— Да, дома. Кажется, онъ тамъ... въ комнатахъ.

— Могу я его видѣть?

— Да, конечно. Отчего же! заминаясь говорила, все еще не успѣвши придти въ себя, Лизавета Николаевна, вытирая перелачканныя краснымъ сокомъ руки.

Батя сдернула съ головы платокъ, слегка поправила волосы и вышла въ залу.

— Здравствуйте! я васъ и не замѣтила, сказала Лизавета Николаевна, протянувъ мнѣ руку:—садитесь... или, можетъ быть, и вы хотите туда, къ мужу? спросила она, стараясь не смотрѣть мнѣ въ лицо.

Я сказалъ, что останусь съ ней, и сѣлъ возлѣ перилъ. Сначала мы молчали, затѣмъ перекинулись нѣсколькими пустыми фразами о погодѣ, о кое-какихъ общихъ знакомыхъ — и снова замолчали. Лизаветѣ Николаевнѣ, казалось, чувствовалось нѣсколько не по себѣ. Движенія ея были нервные, порывисты. Наконецъ, она крикнула дѣвушку, заставила ее отбирать ягоды и спросила: «баринъ у себя, въ кабинетѣ?» Бѣлобрысая, глѣтъ 12 дѣвушка, съ растрепанной короткой косичкой на затылкѣ, отвѣчала, что онъ въ саду, и что барышня прошла черезъ другое крыльцо туда же.

— Пойдемте и мы въ аллею, пригласила меня Лизавета Николаевна:—здѣсь душно.

Мы тихо спустились съ террасы и также тихо пошли къ аллеѣ. Я замѣтилъ, что, чѣмъ ближе мы подходили къ ней, тѣмъ медленнѣе ступала Лизавета Николаевна; казалось, она нарочно задерживала шаги.

— Не правда ли, какъ у насъ хорошо здѣсь? сказала она, когда мы вошли подъ густую сѣнь древнихъ липъ, какъ будто дремавшихъ въ пріятной истомѣ, опустивъ неподвижныя вѣтви, въ которыхъ не шелухнулся ни одинъ листъ. Такъ неподвижно, пригрѣтые солнцемъ, дремлютъ на завалинкахъ драхмы дере-

венскіе старцы, и въ ихъ жилахъ медленно движется спокойная, старческая кровь. — Еслибы всѣмъ можно было жить такъ же, какъ мы! продолжала она:— сколько свободы для любимыхъ думъ, для любимой работы, безъ мысли о давающей нуждѣ, о кускѣ насущнаго хлѣба! — Знаете что? Если еще теперь невозможно это дать всѣмъ, всѣмъ, то я, по крайней мѣрѣ, эти мирные, завѣтные уголки предложила бы нашимъ работникамъ мысли, этимъ бѣднякамъ, изнывающимъ по душнымъ меблированнымъ комнатамъ столицъ, по чердакамъ и подваламъ... Какъ вы думаете, хорошо бы это было? Сколько сохранилось бы тогда надорванныхъ грудей, преждевременныхъ смертей! Сколько сохранилось бы для родины драгоценныхъ созданий мысли и фантазій!

Я посмотрѣлъ на Лизавету Николаевну: она говорила совершенно серьёзно; ея глаза смотрѣли вдаль и, казалось, ясно видѣли уже передъ собой этотъ будущій пріютъ работниковъ мысли.

— Вотъ вамъ примѣръ: Петя... Сколько даромъ потрачено было имъ силъ на борьбу съ нуждою! Онъ долженъ былъ размѣнять свой умъ, свои знанія на мелочь... А теперь...

Но она не договорила; изъ глубины аллея донесся до насъ громкій, рѣзкій голосъ Кати, вѣроятно, говорившей съ Петромъ Петровичемъ. Лизавета Николаевна вдрогнула и замерла, невольно вслушиваясь въ этотъ голосъ.

— Зачѣмъ вы меня обманули? вы меня обманывали? спрашивала Катя, нѣсколько понизивъ голосъ:— вы,— мой учитель?

— Нѣтъ, я васъ не обманывалъ, глухо отвѣчалъ Петръ Петровичъ.

— Что же васъ держитъ здѣсь?.. Зачѣмъ вы живете въ атмосферѣ этого расслабляющаго общества? Вы полюбили эту жизнь, а сами... сами—чему вы учили меня?..

— Нѣтъ, я не люблю этой жизни!

— Но что же васъ держитъ здѣсь?

Лизавета Николаевна медленно и какъ-то автоматически подвинулась впередъ.

Я взглянулъ на нее; она была блѣдна, въ лицѣ ни кровинки, глаза лихорадочно заблестали.

— Что съ вами? спросилъ я, взявъ ее за руку (руки были влажны и холодны).

— Ахъ, эта... ужасная дѣвушка! Зачѣмъ она... зачѣмъ? прошептала Лизавета Николаевна и, закрывъ лицо руками, бросилась отъ меня, заглушивъ рыданіе, обратно къ террасѣ.

Я не хотѣлъ смущать ее своими услугами—и остался. Не вла-

лѣтъ отъ меня была старая, сгнившая скамейка. Я присѣлъ на нее.

Вдругъ какъ-то стало совсѣмъ тихо; стрекотавшіе въ травѣ кузнечики замолкли всѣ разомъ, словно по уговору; стая воробьевъ, щеголявшая на одной изъ сосѣднихъ лѣтъ, мгновенно поднялась, прошумѣла крыльями—и пропала куда-то. Изъ чащи не слышно было никакого звука. Вѣроятно, Катя и Морозовъ прошли по неразчищенной дорожкѣ, вышедшей въ чащѣ деревьевъ, дальше. Мнѣ не хотѣлось уходить; почему-то думалось, что я еще услышу отвѣтъ Морозова. Скоро, дѣйствительно, до меня долетѣлъ невнятный говоръ; послышалось хрустѣнье вылившихся сухихъ вѣтокъ, шуршанье платья о траву.

— И вы можете такъ жить? донесся до меня голосъ Кати:— отъ скуки повторяя зады, которые давно потеряли смыслъ?

— Тяжело, но жить нужно, отвѣчала Морозовъ.

— Нѣтъ, такъ нельзя!.. Это неправда!.. Вы только хотите прикрыться этимъ. Вы, не замѣчая, можете быть, сами, съ каждымъ днемъ все дальше уходите отъ тѣхъ, среди которыхъ вы родились. Въ васъ гложетъ истинный правды; вы утратили чуткость сердца. Да, вы меня обманывали!

— Вы слишкомъ строги ко мнѣ, глухо проговорилъ Морозовъ.—Вы слишкомъ строги, повторилъ онъ, послѣ небольшого молчанія:—я не обманывалъ васъ, покуда вѣрилъ... Но теперь...

— Да? переспросила Катя, не давъ ему договорить:— Ну... такъ вы еще придете... если вы честны! Иначе — невозможно жить...

Изъ за деревьевъ показалось платье Кати, но тотчасъ же опять пропало. Вѣроятно, она вернулась.

— Знаете ли, заговорила она тихо:— вы... вы берете на себя большой грѣхъ!

— Я?

— Да, вы, своимъ малодушіемъ, своимъ сомнѣніемъ. Вы не можете не знать, что я привыкла вѣрить въ васъ, идти съ вами рука объ руку. Я не могу оставить васъ; я нравственно связана съ вами!.. Вы должны рѣшить. До свиданія!

Изъ чащи показалась Катя; ея лицо и щеки пылали; она шла торопливой, ровной походкой, приложивъ лѣвую руку къ разгорѣвшемуся лбу; глаза ея были опущены въ землю. Подойдя къ скамьѣ, на которой я сидѣлъ, она безучастно и равнодушно взглянула на меня и, не останавливаясь, не сказавъ ни слова, прошла мимо.

(Продолженіе будетъ).

Н. Златовратскій.

За днями ненастными съ темными тучами
Земля дождалась красныхъ дней,
И знойное солнце лучами могучими
Любовно свергаетъ на ней.

Вблизи ли, вдали ли, мнѣ видится, слышится,
Что мѣрь, наслаждаясь, живетъ...
Такъ радостно въ полѣ былинки колышутся,
Такъ весело птичка поетъ!

И въ запахахъ, въ блескѣ, въ журчаніи, въ шелестѣ
Такъ явственъ восторгъ бытія,
Что, сердцемъ подвластенъ всей жизненной прелести,
Съ природою ожилъ и я...

О, сердце безумное, сердце живучее,
Открытое благамъ земли —
Ужель одиночества слезы горючія
Насквозь твоихъ ранъ не прожгли?

Чего тебѣ ждать, когда нѣтъ уже болѣе
Любовнаго сердца съ тобой?..
Плачь, плачь надъ былою счастливою долею
И вѣчную память ей пой!..

Іюль 1876.

II.

Чувствъ и думъ несмѣтный рой
И толпа воспоминаній
Всюду слѣдуютъ за мной
По пути моихъ страданій...

Надо высказать мнѣ ихъ;
 Мой замкнутый міръ имъ тѣсенъ;
 Сердце, въ память дней былыхъ,
 Просить пѣсенъ.

Спѣлъ бы я, какъ въ эти дни,
 Мнѣ свѣтъ, не заходило
 Всеобъемлющей любви
 Лучезарное свѣтило;
 Какъ оно, сгорѣвъ до тла,
 Меркло, грустно потухая,
 И ужъ нѣтъ его... Пришла
 Ночь глухая.

Душу вылилъ бы я всю,
 Воплотилъ бы сердце въ звуки!
 Пѣсни про любовь мою,
 И про счастье, и про муки,
 Про глубокую тоску —
 Ихъ святости не нарушать...
 Спѣлъ бы я, да не могу —
 Слезы душать...

III.

Привѣтъ весны.

Взгляни: зима ужъ миновала;
 На землю я сошла опять...
 Съ волненьемъ радостнымъ, бывало,
 Ты выходилъ меня встрѣчать.

Взгляни, какъ праздничныя дани
 Землѣ я снова приношу;
 Какъ по воздушной зыбкой тлани
 Живыми красками пишу.

Ты грозовыя видѣлъ тучи?
 Вчера ты слышалъ первый громъ?
 Взгляни теперь, какъ садъ пахучій
 Блестить, обрызганный дождемъ.

Среди воскреснувшей природы
 Ты слышишь: свѣту в толгу
 Мои пернатые рачеоды
 Поютъ восторженно хвалу.

Самъ восторгаясь этимъ пѣньемъ
 Въ лучахъ ливющаго дня,
 Бывало, съ радостнымъ волненьемъ
 Ты выходилъ встрѣчать меня...

Но нѣтъ теперь къ тебѣ отвѣза;
 Твоя душа уже не та...
 Ты нѣмъ, какъ подъ шумящей нвой
 Нѣма могильная плита.

Прилившей жизнью не взволнованъ,
 Упорно ты глядишь назадъ;
 И, сердцемъ къ прошлому прикованъ,
 Свой сторожишь зарытый кладъ...

Алексѣй Жемчужниковъ.

Женева. Апрель 1877.

НОВѢЙШЕЕ ФАБРИЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВЕЛИКОБРИТАНІИ.

(Report of the Commissioners appointed to inquire into the working of the Factory and Workshops Acts with a view to their consolidation and amendment etc. II vol. London, 1876).

V.

РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ. — ОБЩІЯ ПРАВИЛА. — РАСПРЕДѢЛЕНІЕ РАБОЧИХЪ ЧАСОВЪ. — ГРАНИЦЫ ИХЪ. — ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ РАБОТЫ ВЪ ОДИНЪ ПРИЕМЪ.

На основаніи всѣхъ послѣднихъ фабричныхъ актовъ работа должна была отправляться въ опредѣленный 12-часовой періодъ, который обнималъ время отъ 6 часовъ утра до 6 час. вечера или отъ 7 час. утра до 7 час. вечера. Предписаніе это коммиссія рекомендуетъ удержать и на будущее время и распространить его на всѣ мастерскія, въ которыхъ до настоящаго времени граница эта была значительно шире. Прежніе акты, въ особенности же актъ 1848 года, наглядно доказали, что безъ предписаній въ этомъ родѣ не существуетъ никакой возможности вынудить подчиненіе закону, такъ какъ болѣе обширный періодъ времени, дозволеннаго для работы, допускаетъ самыя разнообразныя перестановки рабочихъ часовъ, за которыми нельзя услѣдить инспектору. Отсутствие подобныхъ правилъ въ актѣ о мастерскихъ является однимъ изъ главныхъ его недостатковъ.

Въ нѣкоторыхъ прежнихъ актахъ существовали предписанія, дозволявшія въ этомъ отношеніи извѣстный выборъ. Такъ, на примѣръ, лѣтомъ занятія должны были отправляться отъ 6 час. утра до 6 час. вечера, зимою же отъ 7 до 7 или отъ 6 до 6, смотря по желанію. Далѣе, модификаціей акта 1867 года давалась возможность работать въ нѣкоторыхъ отрасляхъ круглый годъ отъ 7 до 7 или же отъ 8 до 8, а на основаніи акта 1874 года, хотя и не допускалось никакихъ модификацій, но зато отъ 7 ч. утра до 7 ч. вечера можно было работать въ теченіи всего

*

года. Это послѣднее дозволеніе во многихъ случаяхъ не могло быть примѣнено къ дѣлу вслѣдствіе сопротивленія рабочихъ, нежелающихъ оставаться на фабрикѣ долѣ обыкновеннаго въ вечернее время. Изъ одной таблицы, составленной инспекторомъ *Бекеромъ*, видно, что изъ 1053 фабрикъ тканей въ Ланкаширѣ 632 работали отъ 6 ч. утра, 365 отъ 6½ и только 7 отъ 7 ч. до соответствующихъ часовъ вечера. Въ Ирландіи число фабрикъ, начинавшихъ занятія съ 7 ч. равнялось 34 изъ 173. Особенно господствуетъ обычай начинать съ 6 ч. утра на сѣверѣ—тутъ можно даже провести черту, по другую сторону которой преобладаютъ другія обыкновенія.

Соображаясь съ показаніями заинтересованныхъ сторонъ, коммиссія предлагаетъ дозволить работать отъ 6½ до 6½ или отъ 7 до 7 часовъ, смотря по желанію. Только въ специальныхъ случаяхъ должно даваться, по ея мнѣнію, дозволеніе работать отъ болѣе поздняго до болѣе поздняго часа. Въ настоящее время это разрѣшается иногда министромъ путемъ особой модификаціи. Но коммиссія не одобряетъ специальныхъ облегченій закона въ пользу отдѣльныхъ классовъ или лицъ. Онѣ служатъ причиною зависти и недовольства сосѣдей, усложняютъ надзоръ инспекціи и влекутъ за собою болѣе легкій обходъ постановленій закона. Модификаціи должны быть внесены въ статутъ и обоснованы понятнымъ принципомъ, имѣющимъ примѣненіе къ цѣлой отрасли индустріи, а не къ отдѣльнымъ хозяевамъ. Министру же должна быть предоставлена возможность распространенія ихъ на другія сродныя отрасли, представляющія подобныя же мотивы, но не иначе, какъ при посредствѣ парламента, въ который должно вноситься каждое такое постановленіе на извѣстный срокъ и приводиться впоследствии въ исполненіе только при томъ условіи, если не встрѣтитъ противодѣйствія со стороны парламента. По мнѣнію коммиссіи, число такихъ нуждающихся въ специальныхъ облегченіяхъ въ этомъ смыслѣ отраслей весьма незначительно. Она предлагаетъ, чтобы въ законъ былъ внесенъ списокъ учреждений, въ которыхъ дозволялось бы работать отъ 8 часовъ утра до 8 вечера. Въ число подобныхъ учреждений должны войти типографіи, переплетныя и различные виды производства одежды, какъ-то шитье мужскаго и дамскаго платья, шитье дамскихъ шляпъ, шитье сорочекъ и воротниковъ, изготовленіе соломенныхъ шляпъ, магазины готовой одежды и изготовленіе бахрамы, дамскихъ украшеній, юпокъ, корсетовъ и т. п. Основаніе для подобной модификаціи въ этихъ отрасляхъ индустріи—общій обычай.

Въ кружевныхъ фабричныхъ заведеніяхъ молодѣжи мужскаго

пола, начиная отъ 16 лѣтъ, въ настоящее время разрѣшается работать отъ 4 ч. утра до 10 ч. вечера, съ тѣмъ условіемъ, чтобы не работали утромъ и вечеромъ одного и того же дня, или же вечеромъ и утромъ одной и той же ночи, и чтобы общая продолжительность работы не превышала 9 часовъ. Противъ этого ограниченія, подтвержденнаго актомъ 1874 года, комиссія не возражаетъ, находя его соответствующимъ специальнымъ требованіямъ производства кружевъ.

Въ пекарняхъ необходимо удержать существующую модификацію относящагося къ нимъ спеціальнаго акта, на основаніи которой дозволяется мальчишкамъ старше 16 лѣтъ работать отъ 5 часовъ утра до 9 вечера, но только слѣдуетъ дополнить это предписаніе въ томъ смыслѣ, чтобы общая продолжительность работы не превышала 9 часовъ. Это ограниченіе также имѣетъ цѣлю удовлетворить спеціальной потребности промысла, въ основаніи которой лежатъ привычки публики имѣть каждое утро свѣжій хлѣбъ.

Дальнѣйшія предписанія объ устройствѣ рабочаго дня относятся къ назначенію времени для принятія пищи и для отдыха. Мы видѣли выше, что актъ 1874 года комбинировалъ работу, не превышающую 12 час. періода съ двумя часами отдыха изъ числа этихъ 12 часовъ. Но въ томъ же самомъ актѣ запрещается гнать работу въ одинъ приемъ долѣе $4\frac{1}{2}$ часовъ. Мотивъ для подобнаго уменьшенія работы имѣетъ, по мнѣнію комиссіи, значеніе только для фабрикаціи тканей, къ которой онъ и былъ примѣненъ въ актѣ 1874 года, какъ убѣждаютъ въ томъ согласныя показанія хозяевъ и рабочихъ, увѣряющихъ, что, наставшая на немъ, можно причинить серьезныя неудобства въ производствахъ смѣшанномъ и мелкихъ товаровъ, не доставляя никому пользы. Въ соединеніи съ другимъ весьма важнымъ предписаніемъ, гдѣ послѣднее практикуется, а именно съ запрещеніемъ рабочимъ оставаться въ мастерской во время принятія пищи и отдыха, оно повлечетъ за собою два выхода въ день: изъ фабрики при работѣ, превышающей 9 часовъ труда ($4\frac{1}{2} + 4\frac{1}{2}$), или хотя и не превышающей, но съ такимъ распределеніемъ часовъ, что ихъ нельзя раздѣлить въ точности пополамъ. Въ этомъ смыслѣ высказывается, напримѣръ, представитель бирмингемскихъ пугочниковъ-хозяевъ, *Шаркеръ* (4346), по словамъ котораго уменьшеніе работы въ одинъ приемъ до $4\frac{1}{2}$ часовъ имѣло бы послѣдствіемъ нарушеніе установившагося, весьма выгоднаго для обѣихъ сторонъ обычая работать отъ 8 ч. утра до 1 часу пополудни безъ перерыва и обѣдать отъ 1 часу до 2. Когда рабочіе живутъ далеко, это неудобство возрастаетъ

еще болѣе. Вотъ, напримѣръ, что говорить относительно фабрикаціи тканей въ Уорвикширѣ и въ Оксфордширѣ (субъ-инспекторъ *Стридинеръ* (Прил. С, 37): «Большая часть фабрикъ этого рода суть фабрики лентъ, каретной тесьмы, эластическихъ тканей и т. п. Лѣтніе часы до 1875 года были отъ 6 до 6, съ получасовымъ періодомъ на завтракъ. Періодъ дѣйствительной работы никогда не превосходилъ лѣтомъ 4½ часовъ и смѣнялся временемъ для принятія пищи или 30-минутнымъ отдыхомъ. Но зимою былъ на этихъ фабрикахъ по всему округу обычай работать отъ 8 ч. до 7 и дѣлить рабочий день въ 10 часовъ на двѣ равныя половины, по 5 часовъ каждая, съ остановкою отъ 1 ч. до 2 пополудни на обѣдъ. Со времени акта 1874 года были вообще установлены, хотя съ большимъ противоудѣльствомъ и въ сопровожденіи жалобъ и демонстрацій, слѣдующіе часы: отъ 7 до 8½ час. утра, отъ 9 ч. утра до 1 часу пополудни и отъ 2 ч. пополудни до 6½ ч. вечера. Но въ наилучше устроенныхъ заведеніяхъ жалобы женщинъ и дѣвушекъ на тягость покидать свой домъ въ непривычно ранній часъ и послѣ полутора-часовой работы покидать теплую фабрику для холодной улицы, чтобы съѣсть свой спѣшный завтракъ, были приняты такъ близко къ сердцу предпринимателями, что они пожертвовали въ теченіи зимняго полугодія цѣлымъ часомъ рабочаго времени, начиная работу не раньше 8½ ч. утра останавливая ее отъ 1 ч. до 2 ч. пополудни и заканчивая въ 6½ ч. вечера».

Ту же самую жалобу заявляли и суконные фабриканты въ Страудѣ, поддержанную депутаціею ихъ рабочихъ, которая представляла комиссію, что измѣненіе часовъ, введенное актомъ 1874 года, оказывается чрезвычайно неудобнымъ для рабочихъ, живущихъ часто на значительномъ разстояніи отъ фабрики и отдающихъ предпочтеніе обычаю завтракать и ужинать передъ началомъ и послѣ окончанія работы. Жалобы эти не ограничивались однимъ югомъ Англіи. Представители шелковыхъ фабрикъ въ Ливѣ, согласно съ депутатами отъ ассоціаціи рабочихъ, также становятся на стражѣ для охраны старой 5-часовой системы безъ перерыва. Впрочемъ, встрѣчаются иногда и противоположныя мнѣнія. Такъ, напримѣръ, рабочий *Бреммеръ*, секретарь ассоціаціи рабочихъ по одному изъ процессовъ, служащихъ къ дополненію бѣленія и крашенія, высказывается (16,491) въ томъ смыслѣ, что пяти-часовой періодъ слишкомъ продолжителенъ для женщинъ и долженъ быть замѣненъ 4½-часовымъ.

На основаніи всѣхъ этихъ показаній комиссія приходитъ къ заключенію, что, оставляя упомянутую 4½-часовую систему въ полной силѣ въ фабрикаціи тканей, гдѣ она могла имѣть извѣст-

ную важность, не слѣдуетъ распространять ее на другія отрасли промышленности. Она рекомендуетъ, чтобы въ этомъ отношеніи, какъ и въ отношеніи къ нормальной продолжительности рабочаго дня, правило для общаго класса фабрикъ не подвергалось ассимиляціи съ правиломъ для фабрикаціи тканей, но чтобы въ первомъ случаѣ, 5 часовъ оставались максимальнымъ періодомъ работы въ одинъ пріемъ. По нашему мнѣнію, вопросъ этотъ представляется дѣйствительно настолько частнымъ, что разрѣшеніе его зависить вполне отъ другого болѣе общаго вопроса, а именно—отъ продолжительности рабочаго дня. Еслибы упомянутое выше «пожертвованіе» лишнимъ часомъ стало общимъ правиломъ для всѣхъ отраслей промышленности и отдѣльныхъ предпріятій, иными словами: еслибы 9-часовой рабочей день сталъ общею нормою—то вопросъ о невыгодахъ, сопряженныхъ съ переходами съ мѣста на мѣсто, самъ собою пересталъ бы существовать, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились бы и сѣтованія заинтересованныхъ въ немъ лицъ.

Чтобы облегчить выполненіе всѣхъ упомянутыхъ выше постановленій, въ законъ было еще внесено предписаніе, чтобы время для принятія пищи было бы одно и то же для всѣхъ рабочихъ фабрики, если только измѣненіе этого правила не допускается по специальной причинѣ инспекторомъ. Исключенія сдѣланы только относительно доменныхъ печей, желѣзныхъ и стеклянныхъ заводовъ, бумажныхъ фабрикъ, типографій и нѣкоторыхъ другихъ фабрикъ или процессовъ, въ примѣненіи къ которымъ несоблюденіе общаго правила можетъ быть допущено съ разрѣшенія министра. Поводами тутъ служатъ специальныя требованія процессовъ производства. Списокъ этотъ, по мнѣнію комиссіи, долженъ быть внесенъ въ консолидированный актъ безъ всякихъ новыхъ дополненій.

Подобно этому, комиссіа рекомендуетъ оставить безъ измѣненія какъ самый законъ, такъ и модификаціи его, относящіяся къ запрещенію работать или оставаться въ рабочихъ помѣщеніяхъ въ теченіи времени, назначеннаго для принятія пищи. Законъ этотъ, точно такъ же, какъ и предыдущій, имѣлъ весьма разумную цѣль—облегчить лицамъ инспекторскаго персонала надзоръ за выполненіемъ предписаній акта относительно продолжительности и распредѣленія рабочаго времени и тѣмъ воспрепятствовать работѣ въ неподлежащее время. Что касается модификацій, то поводы къ нимъ въ данномъ случаѣ и списокъ отраслей, на которыя онѣ распространяются, суть однѣ и тѣ же съ предыдущимъ случаемъ, за исключеніемъ только доменныхъ печей и нѣкоторыхъ отдѣленій стеклянныхъ заводовъ.

VI.

Рабочее время. Ограниченія и исключенія. Излишнее время. Возстановленіе потеряннаго времени. Работа ночная, по праздникамъ и по субботамъ.

Изложенныя выше правила опредѣляютъ общую норму продолжительности и распредѣленія рабочаго времени на фабрикахъ и въ мастерскихъ. Но, къ сожалѣнію, законъ допускаетъ въ этомъ отношеніи громадное множество ограниченій и исключеній, которыя, въ примѣненіи къ нѣкоторымъ отраслямъ промышленности, почти уничтожаютъ собою общія правила. Къ числу такихъ ограниченій относятся въ первомъ планѣ дозволеніе работать въ извѣстныхъ случаяхъ *измѣненное время* и право на *возстановленіе времени, потеряннаго* подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ специально упоминаемыхъ обстоятельствъ.

Разсмотримъ сначала первую модификацію. Этимъ путемъ министру предоставляется власть разрѣшать въ любой отрасли работу для мальчиковъ старше 16 лѣтъ, по 15 часовъ въ день, въ теченіи 72 дней въ годъ; въ типографіяхъ, для мальчиковъ старше 16 лѣтъ, по 15 часовъ въ день, не ограничивая числа дней въ году; въ переплетныхъ мастерскихъ, для молодежи старше 16 лѣтъ и для женщинъ, по 14 часовъ въ день, въ теченіи 26 дней въ году, а для молодежи старше 14 лѣтъ—въ теченіи 36 дней въ году; въ изготовленіи сухихъ плодовъ и рыбы для женщинъ—по 14 часовъ въ день—96 дней въ году; на кирпичныхъ и черепичныхъ заводахъ для мальчиковъ старше 14 лѣтъ и для женщинъ—по 14 часовъ въ день, въ теченіи трехъ дней въ недѣлю, въ лѣтніе мѣсяцы; и, наконецъ, въ тѣхъ промышленныхъ процессахъ, которые, по своей природѣ, зависятъ отъ состоянія погоды, для молодыхъ старше 14 лѣтъ и для женщинъ—по 14 часовъ въ день, въ продолженіи 26 дней въ году.

Изъ этихъ предписаній коммиссія предлагаетъ оставить безъ измѣненія тѣ, которыя касаются женщинъ въ процессахъ сушенія и сохраненія рыбы—14 часовъ въ теченіи 96 дней—и внести это ограниченіе въ актъ. Матеріалъ здѣсь легко погибаетъ и вывозится на рынокъ въ большихъ количествахъ и въ такое время, котораго нельзя и регулировать, ни предсказать.

По отношенію къ остальнымъ отраслямъ той же категоріи, коммиссія рекомендуетъ спеціализировать соотвѣтствующія имъ модификаціи въ статутѣ съ предоставленіемъ министру права рас-

пространять ихъ на другія подобныя же отрасли. Это предписаніе должно разрѣшать занятія по 14 часовъ въ день не болѣе 5 дней въ недѣлю или 48 дней въ годъ—для молодежи, старше 14 лѣтъ и для женщинъ, но съ такимъ расчетомъ, чтобы въ составъ этихъ 14 часовъ входило и время, установленное для принятія пищи. Сверхъ того, необходимо присоединить сюда постановленіе, въ силу котораго излишнее время никогда не продолжалось бы долѣе 9 час. вечера.

Тѣ отрасли промышленности, на которыя желаетъ комиссія распространить эти модификаціи, суть трехъ родовъ. Къ первой категоріи принадлежатъ тѣ процессы, которые находятся въ зависимости отъ состоянія погоды и могутъ подвергаться перерывамъ вслѣдствіе дождя или мороза. Здѣсь ограниченіе общаго закона можетъ быть въ принципѣ подвергнуто условіямъ, подобнымъ тѣмъ, на основаніи которыхъ въ настоящее время покрывается потерянное время въ вододѣйствующихъ заведеніяхъ, а именно—отработки по извѣстному числу часовъ въ день. Но такъ какъ содержаніе реэстровъ потерянного времени повлекло бы за собою затрудненіе въ такихъ, напр., процессахъ, какъ изготовленіе кирпичей, гдѣ не существуетъ машинъ, остановка которыхъ представляетъ опредѣленный и легко замѣтный фактъ, то комиссія полагаетъ, что лучше оставить существующее правило безъ всякихъ ограниченій, за исключеніемъ только максимума 48 дней въ годъ.

Ко второй категоріи относятся такія отрасли, въ которыхъ внезапное давленіе на работу происходитъ вслѣдствіе экстренности заказовъ со стороны покупателя, каковы типографіи съ случайными заказами, въ особенности, провинціальныя, изготовленіе женскихъ шляпъ и платьевъ въ связи съ свадебными, пріемными, похоронными и траурными заказами. Сама комиссія соглашается, что не существуетъ другихъ родовъ занятій, которые бы нуждались болѣе этихъ въ приведеніи къ абсолютно необходимымъ границамъ. Посмотримъ, что говорятъ въ данномъ случаѣ свидѣтельскія показанія.

Согласно утвержденію инспектора-ассистента *Кольса* (2014 и слѣд.), въ настоящее время въ отрасляхъ этой категоріи работа женщинъ достигаетъ часто 14 часовъ въ день: этому злу онъ предлагаетъ помочь разрѣшеніемъ начинать и кончать работу вѣже нынѣшняго, а именно начинать въ 8 часовъ утра и оканчивать въ 8 часовъ вечера. Упомянутый выше капелланъ *Блэнтъ* (2612) приводилъ, какъ мы видѣли, примѣры, показывающіе, что въ процессахъ складыванія печатной бумаги занятія длятся иногда до 11 часовъ ночи, и, сверхъ того, рабочіе получаютъ

для складыванія по 1,000 листовъ бумаги на ночь. Лондонскій субъ-инспекторъ *Гендерсонъ* доказывалъ комиссиі (2662), что въ нѣкоторыхъ отрасляхъ даннаго разряда, напримѣръ, въ шитьѣ мужскаго бѣлья, почти вся работа раздается на домъ, причемъ излишняя, особенно мужская работа, необыкновенно широко распространена.

Но все это показанія лицъ постороннихъ, а вотъ что свидѣтельствуютъ сами рабочіе. Нѣкая *Патерсонъ*, членъ и секретарь чуть ли не единственной въ настоящее время въ Англии ассоціаціи для пособія рабочимъ женщинамъ въ устройствѣ средствъ сопротивленія (*Woman's Protective Provident League*) приводитъ случаи (2751), когда женщины работаютъ до 12-ти часовъ надъ изготовленіемъ ковровъ; во избѣжаніе подобныхъ злоупотребленій она смѣло совѣтуетъ (2746) отмѣнить модификацію объ излишнемъ времени въ примѣненіи къ тѣмъ разрядамъ занятій данной категоріи, гдѣ работаютъ однѣ только женщины. Тоже самое подтверждается другою женщиною *Гитерли*, секретарешъ ассоціаціи женскихъ портныхъ и шпачичковъ и членомъ комитета упомянутой лиги. Вотъ одно изъ ея показаній (2778): ...«онѣ (рабочія) высказываются противъ дополнительныхъ рабочихъ часовъ во время сезона, но онѣ не видятъ, что можетъ сдѣлать для нихъ инспекторъ; онѣ не находятъ, чтобы надъ ними была инспекція. Сколько мнѣ извѣстно, онѣ ничего не знаютъ объ инспекціи... Я спросила объ этомъ у нѣсколькихъ женщинъ, которыя, какъ я знала, работаютъ въ одномъ и томъ же домѣ: одна 4 года, другая 9 лѣтъ, третья 14, четвертая 15; но ни одна изъ нихъ не имѣла никакого представленія объ инспекторѣ... Всѣ онѣ думаютъ, что законъ даетъ родъ санкціи продолжительной работѣ. Тѣ изъ нихъ, которыя работаютъ на машинѣ (швейной), трудятся теперь дольше, чѣмъ было вначалѣ, когда машина только-что была введена въ употребленіе. Это весьма нездоровая работа, когда она длится долго, безъ перерыва; она влечетъ за собою весьма разнообразныя болѣзни, нныя спеціально женскія, нныя нѣтъ, напримѣръ, пляску св. Витта и эпилепсію. Обыкновенно работа продолжается отъ 9-ти часовъ утра до 7-ми часовъ вечера, но, мѣстами, отъ 8-ми до 8-ми, какъ и у другихъ рабочихъ. По моему мнѣнію, были бы весьма желательны инспекторы-женщины. Мнѣ кажется, что причина, вслѣдствіе которой инспекція не можетъ быть дѣйствительною, заключается въ томъ, что женщины берутъ работу на домъ. Одна изъ членовъ нашей ассоціаціи, весьма интеллигентная личность, перебивала во многихъ домахъ и говоритъ, что женщины, соглашаясь брать на домъ работу, совершенно лишаютъ се-

ѣя особія со стороны акта». Законъ, по нѣвнню свидѣтельницы, оказывается въ подобныхъ случаяхъ бессильнымъ; остается только одна надежда—на рабочіе союзы среди женщинъ. Согласно съ показаніями этихъ двухъ женщинъ, свидѣтельствовала комиссія и третья женщина, тоже работница (въ переплетной мастерской), нѣвкая А. В., по словамъ которой (2791) модификація относительно излишняго времени примѣняется у нихъ долѣе 96 дней. «Есть много заведеній, говоритъ она: — работающихъ по 10-ти дней въ теченіи каждаго мѣсяца отъ 8-ми часовъ утра до 10 вечера. Только въ нѣкоторыхъ работаютъ излишнее время съ сентября по Рождество».

Что касается предпринимателей и патроновъ, то они, само собой разумѣется, высказываются въ совершенно противоположномъ смыслѣ. Такъ, напримѣръ, членъ фирмы *Малль и К^о*. *Малль* ходатайствуетъ, чтобы модификація относительно излишняго времени въ примѣненіи къ сезону была еще расширена, потому что только въ такомъ случаѣ они могутъ болѣе или менѣе обезпечить трудъ женщинъ. «У насъ, говоритъ онъ (3481):— множество женщинъ-рабочихъ, которыя имѣютъ работу, напримѣръ, на недѣлю, но которыхъ въ концѣ недѣли мы принуждены отпускать за недостаткомъ работы, хотя среди слѣдующей недѣли мы опять можемъ нуждаться въ нѣскольکو большемъ числѣ рукъ»... Ту же самую жалобу повторяютъ и многіе другіе хозяева, напримѣръ, производители искусственныхъ цвѣтовъ, бомбоньерокъ и пр., и пр.—всѣ они выпрашиваютъ дозволенія работать долѣе нынѣшняго, ссылаясь въ особенности на то, что сами, молъ, рабочіе будутъ за это весьма благодарны¹. Одному изъ патроновъ членъ комиссіи напомнилъ пѣсню о ру-

¹ Въ подобныхъ случаяхъ аргументація патроновъ одна и та же во всемъ мѣрѣ. Въ началѣ настоящей статьи мы замѣтили, что, въ теченіи нынѣшняго гѣта, швейцарское національное собраніе разсматривало проектъ фабричнаго закона. На основаніи этого проекта, рабочій день не долженъ на будущее время превышать 11 часовъ. Слѣдующая замѣтка показываетъ, какъ относится къ этому предписанію мѣстные фабриканты (*Beilage zum Intelligenz Blatt, Bern, № 179, 1876*): «Въ «Швейц. Торг. Газету» пишутъ, отъ имени одной бумажной фабрики: «мы позволимъ себѣ сообщить вамъ одинъ случай, который можетъ послужить маленькимъ дополненіемъ къ объясненію фабричнаго закона и, въ особенности, столь энергически рекомендуемаго нормальнаго рабочаго дня. Мы имѣемъ намѣреніе расширить наше предпріятіе и будемъ въслѣдствіи работать днемъ и ночью, разумѣется, съ двойнымъ персоналомъ, въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ фабрики, въ которыхъ до сихъ поръ работали только 12—16 часовъ (!). Именно по этой причинѣ одинъ прилежный и добросовѣстный рабочій потребовалъ у насъ сегодня расчета, объясняя имо такимъ образомъ, что онъ находитъ неудобнымъ работать въ будущемъ только по 12 часовъ и не имѣть возможности, подобно нынѣшнему, трудиться въ теченіи такъ-называемыхъ излишнихъ часовъ».

банкъ Гуда, но тотъ не растрогался нисколько, а продолжалъ по прежнему настаивать, что «въ его промыслѣ 12—13 часовъ работы въ день составляютъ абсолютную необходимость». Депутатъ отъ одной шелковой торговой фирмы предъявилъ даже петицію хозяевъ, которые просятъ разрѣшить имъ работать въ теченіи 120 дней въ годъ, по два часа въ день лишнихъ, для удовлетворенія требованій заказчиковъ, которые только и заявляютъ что два раза въ годъ — весною и осенью по два мѣсяца. Представитель интересовъ одной изготовительницы женскихъ шляпъ, мужъ ея, *Вилліамъ Гринитъ*, высказывая подобное требованіе, подчеркиваетъ его слѣдующею энергическою фразою (13,502): «я думаю, что суббота не есть надлежащій день для полупраздника. Это — *грабёжъ* (robbery) у предпринимателя...» Наконецъ, портной *Канъ* жаловался (14,156), какъ мы видѣли, на то, что принужденъ отпускать своихъ *двухъ* работницъ *однимъ* разъ въ недѣлю (въ субботу) въ *четыре часа пополудни!*

Всѣми классами хозяевъ, говоритъ коммиссія: — пускался въ ходъ аргументъ, въ основаніи котораго лежали колебанія рынка и необходимость работать въ соответствии съ требованіями заказчиковъ, но, тѣмъ не менѣе, не существуетъ другихъ случаевъ, въ которыхъ строгое выполненіе закона, сокращающаго рабочей день, было бы большимъ благодѣяніемъ для рабочаго. «Весьма значительное число заказовъ публики, которые существовали обычай откладывать до послѣдней минуты и отягощать, такимъ образомъ, уже и безъ того заваленныхъ по горло занятіями рабочихъ, не только можетъ быть столь же легко предъявляемъ такъ, чтобы оставалась бездна времени для ихъ выполненія, но и будетъ такъ предъявляемо, и даже предъявляется такъ, когда потребитель поставляется въ извѣстность, что, въ противномъ случаѣ, онъ рискуетъ потерей наиболее удобнаго времени для удовлетворенія его требованій». Именно находя, что это справедливо, рабочіе нѣкоторыхъ изъ наиболее отягченныхъ завазанъ отраслей, говорили коммиссіи:—что отъ реформы фабричнаго закона требуется не дальнѣйшее сокращеніе рабочаго дня, а отмена всякаго рода модификацій. Коммиссія согласна съ этимъ настолько, что, по ея мнѣнію, нѣтъ необходимости удерживать въ актѣ какую бы то ни было модификацію, которая не распространится хоть современемъ на цѣлую отрасль (?). Она надѣется, что употребленіе излишняго времени въ отрасляхъ индустріи этого втораго класса можетъ быть доведено до ничтожнѣйшей величины. Она рекомендуетъ внести въ актъ слѣдующее постановленіе: существующая модификація излишняго времени удерживается, но съ тѣмъ, чтобы отработанное въ данную эпоху из-

лишнее время вычитывалось затѣмъ изъ узаконенныхъ 60-ти часовъ работы по получасу въ день, въ теченіи свободныхъ 6-ти мѣсяцевъ, что въ общей массѣ должно составить, вмѣсто нынѣшнихъ $10\frac{1}{2}$ часовъ работы, только 10. Примѣненіе этого постановленія, полагаетъ комиссія, отлучить отъ практики работать излишнее время и приучить публику къ своевременнымъ заказамъ.

Только-что изложенное мнѣніе комиссіи представляетъ намъ новый образецъ того духа компромисса, проявленія котораго встрѣчались намъ уже въ другихъ случаяхъ. Она совершенно согласна, что злоупотребленія излишнимъ трудомъ, подъ предлогомъ модификаціи, достигаютъ громадныхъ размѣровъ; она видитъ ясно, что главная причина этого зла состоитъ въ неправильныхъ и несвоевременныхъ заказахъ публики, но все-таки не рѣшается устранить модификацію совсѣмъ, а предлагаетъ полумѣру, вслѣдствіе которой сгущенію труда въ теченіи извѣстныхъ періодовъ должно соотвѣтствовать разрѣженіе его въ другое время. Но вѣдь такимъ образомъ нисколько нельзя разсчитывать на уменьшеніе вреда, происходящаго для молодежи и женщинъ отъ усиленной работы въ теченіи излишняго времени, отъ работы въ продолженіи ночи? Помимо этого, мы теперь видимъ, что комиссія рѣшается въ иныхъ случаяхъ хоть отчасти посягнуть на священнѣйшіе интересы самой публики, заказчиковъ, тогда какъ выше, по отношенію къ магазинамъ и лавкамъ, она высказывала взглядъ совершенно противоположный. Къ чему-же такая непослѣдовательность?

Кромѣ упомянутыхъ двухъ видовъ промышленности, продолжаетъ комиссія, существуетъ еще третій, въ которомъ приливъ работы обусловливается не внезапными и непредвидѣнными, а правильно возвращающимися и неизбежными заказами. Таковы: типографія, литографія и переплетныя мастерскія. Наиболѣе кидаящийся въ глаза случай касается публикаціи росписаній желѣзно-дорожныхъ поѣздовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ печатаются въ числѣ 10—12,000 экземпляровъ и представляются въ типографіи только въ концѣ мѣсяца. Въ подобномъ же положеніи находятся типографіи, печатающія періодическія изданія, и переплетныя, въ которыхъ накопляется цѣлая масса работы въ теченіи 3—4 зимнихъ мѣсяцевъ. Комиссія справедливо выражаетъ недоумѣніе, почему печатаніе ежемѣсячнаго журнала должно откладываться до послѣдняго момента передъ выходомъ въ свѣтъ, или почему директоры желѣзно-дорожныхъ компаній, производя періодическія измѣненія въ приходѣ и отходѣ поѣздовъ, не предъявляютъ заблаговременно своихъ таблицъ, чтобы

дать возможность успѣть по нимъ составить столь любимыя публикою компиляціи? Комиссія предлагаетъ распространить на эти отрасли модификацію въ томъ же видѣ, въ какомъ она редактирована ею относительно отраслей второго разряда.

Къ числу упомянутыхъ видовъ индустрій, по мнѣнію комиссіи, слѣдуетъ присоединить еще нѣкоторые другіе, а именно: къ первой категоріи—кромѣ черепичныхъ и кирпичныхъ заводовъ, производство канатовъ на открытомъ воздухѣ, производство клея и нѣкоторые виды обработки льна; по второй категоріи—обширную группу отраслей, которыя подчинены существующимъ модификаціямъ съ разрѣшенія министра, какъ-то: всевозможные виды изготовленія одежды, шляпъ и обуви, изготовленіе конфетъ, валентинокъ, рождественскихъ подарковъ, коробочекъ, альманаховъ, игральныхъ картъ и тому под.

Среди только-что переименованныхъ отраслей промышленности есть нѣкоторыя такія, по отношенію къ которымъ давленіе заказовъ можно до извѣстной степени предсказать—напримѣръ: изготовленіе рождественскихъ подарковъ, валентинокъ и альманаховъ. Въ подобныхъ случаяхъ, привилегія работать излишнее время можетъ быть подвергаема болѣе дѣйствительнымъ ограниченіямъ, нежели тогда, когда приливъ заказовъ зависитъ отъ случайныхъ обстоятельствъ. Но, съ другой стороны, та же привилегія, по мнѣнію комиссіи, можетъ быть со временемъ распространена на такія отрасли, въ которыхъ, хотя накопленіе заказовъ и можетъ быть предсказано, но въ то же время, благодаря большому объему товаровъ или ихъ недолговѣчности, нѣтъ возможности сохранять ихъ въ большихъ количествахъ въ теченіи продолжительнаго времени. Таково, напримѣръ, положеніе производителей коробокъ, товаръ которыхъ занимаетъ слишкомъ много мѣста для того, чтобы можно было его держать въ рабочемъ помѣщеніи, или производителей сухарей, продукты которыхъ не могутъ держаться долго. Что касается этихъ послѣднихъ, то, по мнѣнію комиссіи, модификація, позволяющая имъ работать излишнее время въ теченіи 48 дней въ году, легко вознаградитъ ихъ за то, что они будутъ подчинены дѣйствию общихъ законовъ о фабрикахъ (рѣчь, само собою разумѣется, идетъ о хозяевахъ, а не о рабочихъ).

Таковы важнѣйшія изъ тѣхъ измѣненій, которыя предлагаютъ комиссіею по отношенію къ дѣйствующимъ модификаціямъ объ излишнемъ времени. Нетрудно видѣть, что всѣ они носятъ характеръ весьма перѣшительный и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ нѣтълико не представляютъ улучшенія, но еще распространяютъ дозволеніе работать излишнее время на

такіе разряды занятій, въ которыхъ оно не допускалось прежде. Наиболѣе существенное достоинство рекомендуемыхъ комиссію новыхъ постановленій заключается въ томъ, что они будутъ отличаться нѣсколько большими единообразіемъ и простотой. Но они, повидимому, не будутъ находиться почти ни въ какомъ соотвѣтствіи съ тѣмъ яснымъ и совершенно правильнымъ пониманіемъ зла излишней работы, которое, какъ мы видѣли выше, обнаружила въ данномъ случаѣ наша комиссія.

Дальнѣйшимъ видомъ дозволеннаго способа пользоваться дополнительнымъ временемъ рабочаго представляется *возстановленіе потеряннаго времени*. Модификаціи этого рода внесены впервые въ актъ 1844 года: на основаніи одной изъ нихъ, предоставляется владѣльцамъ вододѣйствующихъ заведеній покрывать потерянное время, въ размѣрѣ одного часа въ день въ теченіи ближайшихъ шести мѣсяцевъ, слѣдующихъ за остановкою машины, происшедшей вслѣдствіе недостатка или изобилія воды; на основаніи другой, потерянное такимъ образомъ время можетъ быть возстановляемо въ теченіи ближайшей ночи, слѣдующей за остановкою машины, но съ тѣмъ, чтобы отъ этого не возрастало общее количество дневной работы. Актъ 1850 года первое изъ этихъ предписаній было ограничено такимъ образомъ: чтобы не дозволялась работа съ этою цѣлью послѣ 7 часовъ полудня, а второе было выражено болѣе опредѣленно, а именно: ночная работа была допущена исключительно между 6 часами вечера и 6 часами утра; продолжительность же дневной работы опредѣлена въ 10½ часовъ. Помимо этого было еще предписано, чтобы первая модификація относилась къ труду дѣтей, молодежи и женщинъ, вторая же — къ труду исключительно молодежи и женщинъ. Предписанія эти были повторены въ актѣ 1867 и распространены имъ безъ всякой надобности на стеклянные заводы, а впоследствии, въ актѣ 1870 года, они примѣняются также къ бѣленію и крашенію въ случаѣ снѣга или мороза, а также — въ этомъ только случаѣ — вслѣдствіе ломки машинъ.

Право на возстановленіе потеряннаго времени, вслѣдствіе ломки машинъ, испрашивается теперь также и другими фабрикантами, кромѣ бѣльщицъ и красильщицъ. Но, основательно выходя, что это право представляетъ собою только премію на содержаніе старыхъ и дурныхъ машинъ, комиссія предлагаетъ не распространять его на другія отрасли, но и совсѣмъ выбросить изъ статута.

Гораздо болѣе значенія слѣдуетъ придавать, по мнѣнію комиссіи, случаю потери времени отъ дурнаго состоянія погоды, разумѣя подъ послѣднимъ какъ недостатокъ или изобиліе воды

въ вододѣйствующихъ заведеніяхъ, такъ и морозъ или снѣгъ по отношенію къ бѣлильнямъ и красильнямъ, а также дождь по отношенію къ кирпичнымъ заводамъ. Комиссія находитъ, что было бы желательно объединить всѣ предписанія, касающіяся потеряннаго времени, въ формѣ, подобной той, которую она выше рекомендовала относительно излишняго времени. Такая форма предписанія имѣла бы то преимущество, что, вслѣдствіе обозначенія максимальнаго числа дней въ году, въ теченіи котораго можетъ быть допускаемо излишнее рабочее время, стали бы невозможны злоупотребленія въ родѣ тѣхъ, которыя были замѣчены въ вододѣйствующихъ заведеніяхъ: здѣсь часто нарочно увеличиваютъ разбѣры нормальной силы воды и превращаютъ, такимъ образомъ, обыкновенную, повседневную работу—въ работу съ потерянными отъ недостатка воды временемъ, чтобы имѣть потомъ возможность, когда количество воды увеличится—восстанавливать потерянное время. Комиссія предлагаетъ, чтобы упомянутая выше граница 48 дней въ годъ была распространена и на вододѣйствующія заведенія, которыя должны, вслѣдствіе этого, составить четвертый разрядъ фабрикъ, встрѣчающихся въ работѣ затрудненія. Въ данномъ случаѣ эти затрудненія происходятъ не отъ давленія заказовъ, какъ это было во второмъ и въ третьемъ изъ упомянутыхъ разрядахъ, а отъ естественныхъ причинъ, подобныхъ тѣмъ, которыя были на лицо въ первомъ разрядѣ, съ тою однако же разницею, что тамъ онѣ препятствовали продолжать работу, здѣсь же препятствуютъ только употреблять въ дѣло известную механическую силу. Въ виду злоупотребленій, въ родѣ означеннаго выше, комиссія рекомендуетъ въ данномъ случаѣ удержать предписаніе, на основаніи котораго, количество излишняго времени не должно превышать дѣйствительнаго разбѣра потеряннаго времени ¹. Предписаніе это

¹ Вотъ что говорить по этому поводу бывшій фабричный рабочій *Мидлтонъ*, 17,231. В. ... Не знаете ли вы, какого мѣтнія держатся рабочіе относительно привилегіи восстанавливать потерянное время въ вододѣйствующихъ заведеніяхъ?—О. Я могу рассказать, что я видѣлъ, когда посѣтилъ Валькерберъ и Инперлейтентъ, на берегахъ Тивда, два года назадъ. Разъ это было весной, другой разъ осенью, и въ обоихъ случаяхъ работы шли отъ 6 час. утра до 9 часовъ вечера по 4 дня въ недѣлю, и это подѣл предлогахъ потери времени. 17,232. В. Говоря «подѣл предлогахъ», вы предполагаете, что этотъ предлогъ былъ фальшивый?—О. Да. 17,233. В. Работа на самомъ дѣлѣ передъ тѣмъ не останавливалась?—О. Нѣтъ. Я это знаю изъ лучшихъ источниковъ—отъ самихъ рабочихъ; но работа шла отъ 6 часовъ утра до 9 час. вечера въ обоихъ случаяхъ, когда я былъ тамъ, и такъ бываетъ всегда во время сезона. Рабочіе говорили мнѣ, что нѣкоторыя девяти-лѣтнія дѣвочки, отработавши періодъ времени отъ 6 часовъ утра до 9 час. вечера, работали на другой день около часу послѣ 6 часовъ утра, не будучи почти въ состояніи протереть себѣ глаза

находится въ строгомъ соотвѣтствіи съ предложеннымъ выше ограниченіемъ относительно второго и третьяго разрядовъ фабрикъ, подвергающихся въ производствѣ затрудненіямъ, а именно—чтобы излишнему времени работы въ теченіи одной части года соотвѣтствовало уменьшеніе рабочего времени въ продолженіи другой его части. При соблюденіи этихъ условій, нѣтъ надобности оставлять бѣлильни и красильни въ 48-дневной нормы, а потому ихъ слѣдуетъ отнести въ первый разрядъ фабрикъ, на ряду съ другими производствами, которыя ведутся на открытомъ воздухѣ, какъ-то: канатное дѣло, кирпичные заводы и проч. Всѣ эти предписанія съ успѣхомъ замѣняютъ то постановленіе акта 1844 года, которое, какъ мы видѣли, допускаетъ поворотіе потеряннаго времени по одному часу въ день. Что же касается другого отдѣленія этаго акта, на основаніи котораго дозволяется, при посредствѣ молодежи и женщинъ, возстановлять потерянное время въ ближайшую ночь, слѣдующую за остановкою машинъ, то его коммиссія совѣтуетъ просто отмѣнить, какъ весьма предосудительную мѣру въ отношеніи къ рабочимъ и дающую большое облегченіе для обхода постановленій закона.

Остается еще одинъ спорный пунктъ въ законодательствѣ по этому предмету. Актомъ 1874 года право возстановленія потеряннаго времени было отнято у индустріи тканей, причемъ 1-е января 1876 года было объявлено срокомъ, когда должно было прекратиться дѣйствіе прежнихъ постановленій. Но депутація отъ торговой палаты въ Дунди осаждала коммиссію просьбами ходатайствовать объ отмѣнѣ этого запрещенія. Въ подтвержде-

и узнать, въ какомъ состояніи онѣ находятся, потому что онѣ были многи́хъ источени работой предидущаго дня». По словамъ того же *Мидльтона*, система эта практикуется и въ другихъ мѣстностяхъ и повсюду, къ ущербу рабочихъ, которые утверждаютъ, что нужно прежде усилить инспекцію, а потомъ уже узнавать, гдѣ возстановляется, а гдѣ не возстановляется потерянное время. Мѣстами, въ сухую погоду, вода дѣйствительно не работаетъ, но фабрики злоупотребляютъ и этими случаями, отработывая потомъ гораздо больше. Хотя нѣкоторые рабочіе, продолжаетъ онъ:—и стануть работать сами и заставляютъ работать семью сколько угодно времени, ради увеличенія платы, но многія рабочіе высказываются противъ излишняго труда. Еслибы даже уничтоженіе модификаціи о потерянномъ времени и отзывалось дурно на интересахъ рабочихъ, то этому можно помочь увеличеніемъ количества паровой силы, которая не можетъ обойтись сельскимъ фабрикантамъ особенно дорого, въ виду большей подчиненности и сравнительной дешевизны сельскихъ рабочихъ. Въ такомъ же смыслѣ высказывается о потерянномъ времени и субъ-инспекторъ *Куллеръ*, по словамъ котораго (20,714 и слѣд.), поль этихъ предлогахъ заставляютъ работать до 10 часовъ ночи маленькихъ дѣтей. Онъ требуетъ уничтоженія этой привилегіи въ настоящее время хотя въ тѣхъ заведеніяхъ, въ которыхъ есть дополнительный паръ, внослѣдствіи же во всѣхъ, безъ исключенія.

ніе этихъ просьбъ, депутаты представили комиссіи статистическія данныя, показывающія, что потеря отъ избытія или отъ недостатка воды бываетъ въ производствѣ тканей по временамъ довольно значительна. Къ подобнымъ же заключеніямъ приводятъ и показанія владѣльцевъ вододѣйствующихъ фабрикъ на сѣверѣ Ирландіи. Субъ-инспекторъ *Камеронъ* подтвердилъ эти показанія, свидѣтельствуя, что въ 1874 году, изъ 35 фабрикъ Бельфаста на 8 потеря времени, отъ недостатка и отъ избытія воды, простиралась отъ 1³/₄ часа до 150 часовъ.

На основаніи статистическихъ свѣдѣній, извлеченныхъ изъ разныхъ официальныхъ источниковъ самою комиссіею, во всемъ Соединенномъ Королевствѣ оказывается 1413 вододѣйствующихъ фабрикъ, производящихъ ткани. Въ 1871 году сумма лошадиныхъ силъ, доставляемыхъ этимъ фабрикамъ водою, относится къ суммѣ лошадиныхъ силъ дѣйствующаго въ нихъ пара, въ Англіи и въ Валлисѣ, какъ 19,547 къ 419,389, въ Шотландіи—какъ 72,02 къ 68,314 и въ Ирландіи—какъ 8,293 : 25,032. Изъ этихъ данныхъ, комиссія заключаетъ, что водяная сила важна (?); отъ нея зависитъ существованіе многихъ людей, и, поэтому, фабриканты имѣютъ право рассчитывать на нѣкоторое снисхожденіе, которое будетъ умѣстно тѣмъ болѣе, что въ пользу фабрикаціи тканей никогда еще не допускалось модификаціи излишней работы.

Но, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что въ настоящее время на большихъ вододѣйствующихъ фабрикахъ, для возмѣщенія потери времени, отъ избытка или отъ недостатка воды, употребляется дополнительный паръ, а въ самой Англіи это обыкновеніе распространилось повсемѣстно. Ясное дѣло, говоритъ комиссія:—что въ подобныхъ случаяхъ не можетъ быть и рѣчи о правѣ на модификацію, хотя сами фабриканты и тутъ добиваются ея. Слѣдующія статистическія данныя даютъ болѣе или менѣе точное понятіе о взаимномъ отношеніи фабрикъ, употребляющихъ одну только воду, и фабрикъ, имѣющихъ дополнительный паръ: изъ числа 1413 упомянутыхъ выше заведеній 629 не имѣютъ пара вовсе, 86 работаютъ паромъ въ размѣрѣ, меньшемъ ³/₄ принадлежащей имъ силы воды, и 707—или около половины—имѣютъ паровую силу, равную или даже превышающую ³/₄ силы воды.

Возникаетъ вопросъ: почему бы и всѣмъ остальнымъ вододѣйствующимъ фабрикамъ не послѣдовать примѣру своихъ предшественниковъ и не объявиться дополнительнымъ паромъ, примѣненіе котораго, во время недостатка или избытка воды, положило бы естественный вонецъ всякимъ модификаціямъ потерян-

наго времени? Но вотъ что отвѣчаетъ на это управляющій фабриками *Финэй и К^о* въ Динстонѣ и въ Кэтринѣ, *Мортонъ* (2848): «Въ подобныхъ маленькихъ фабрикахъ не можетъ быть и рѣчи объ употребленіи пара въ качествѣ вспомогательной силы; многія изъ нихъ находятся въ округахъ, въ которыхъ уголь можно достать только по чрезмѣрнымъ и раззорительнымъ цѣнамъ, и повсюду это принудило бы владѣльцевъ израсходовать двойной капиталъ на движущую силу, т. е. понести такіе издержки, которыя оказываются совершенно излишними и нисколько не покрываются другими выгодами силы воды. Эти фабрики образуютъ маленькіе промышленные центры для доставленія занятій *излишню* женщинъ и дѣтей, а также другихъ рабочихъ, встрѣчающихся тамъ и самъ въ земледѣльческихъ округахъ; поэтому, закрытіе ихъ было бы, безъ сомнѣнія, *несправедливостью* относительно тѣхъ округовъ, въ которыхъ онѣ расположены, лишая многихъ людей работы по близости къ ихъ жилищамъ, лишая цѣнности капиталъ, приспособленный къ пользованію силой воды, и оставляя эту силу пропадать даромъ, не говоря уже о свойственномъ фабричной промышленности стремленіи къ перемѣщенію въ тѣ округа, которые уже переполнены и гдѣ множество угля и онъ дешевъ».

Несмотря на то, что эта, въ цѣломъ, довольно уже избытая аргументація встрѣтила сильныя возраженія, въ которыхъ указывалось на дешевизну силы воды и рабочихъ рукъ, какъ на ресурсы, съ избыткомъ могущіе вознаграждать патროновъ этихъ заведеній за расходы на дополнительный паръ, но она упорно поддерживалась и другими представителями капитала въ этой отрасли индустріи и даже обогащалась новыми точками зрѣнія. Такъ, напримѣръ, *Греть* изъ Гандфорда (Чеширъ) шлетъ комиссіи слѣдующее трогательное посланіе, до крайности напоминающее политико-экономическія словонаверженія нашего русскаго философа и публициста г. Леонарда ¹. (Прил. Д. 70): «Мнѣ ка-

¹ Въ статьѣ своей: «О наймѣ рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ» въ объявленіяхъ 19-го № газеты «Голось» за 1876 годъ, г. *Леонардъ* увѣряетъ публику въ слѣдующемъ: «Другая еще особенность, свойственная полевымъ работамъ, состоитъ въ томъ, что полевая работа въ высшей степени, по преимуществу, санитарна и гигиенична. Онѣ имѣютъ свойство, при умѣренности и при хорошей пищѣ и водѣ, *жить* и укрѣплять какъ физическія, такъ и духовныя силы. Кто не завидовалъ дѣвушкамъ и мальчикамъ, стоящимъ по колѣна въ душистой, свѣже-скошенной травѣ и стягивающимъ ее къ себѣ въ ручи граблями». Весь этотъ монологъ написанъ словно по соглашенію съ упомянутымъ въ текстѣ г. *Гретью*. Но *les beaux esprits* ne pensent point нисколько въ мысляхъ, а и въ заключеніяхъ. Подобно *Гретью*, который уже въ качествѣ англичанина не станетъ тратить королю даромъ и очень хорошо знаетъ, для чего восхвалялъ прелесть сельскаго быта, г. *Леонардъ* тоже не даетъ промаха, дѣлая слѣдующій выводъ

жется это (отнятие вышеупомянутой привилегіи) совершенно ненужнымъ наказаніемъ для весьма полезнаго и благодѣтельнаго класса фабрикъ—вододѣйствующихъ заведеній провинціи, класса промышленныхъ учрежденій, который должно скорѣе поддерживать и охранять, чѣмъ подвергать стѣсненіямъ и несправедливостямъ. Хорошо управляемая фабрика въ провинціи есть великое благословеніе для сосѣдства. Она доставляетъ занятія излишнему населенію, даетъ заработокъ земледѣльческимъ рабочимъ и поднимаетъ уровень потребностей и нравственности (кто бы повѣрилъ послѣднему?). Рабочіе, употребляемые тутъ въ дѣло, здоровы и счастливы, благодаря болѣе чистой атмосферѣ и обстановкѣ и лучшему стилю жилищъ. Они легко могутъ выдерживать ежедневную работу въ излишніе часы, когда отработываютъ потерянное время. Въ городахъ это можетъ быть нежелательно, да и невозможно. Здоровый видъ «рукъ» на сельскихъ фабрикахъ и даже красный цвѣтъ ихъ лицъ доказываетъ ясно, насколько далеки отъ вредныхъ вліяній ихъ занятія. Я никогда не слышалъ на этихъ фабрикахъ ни одной жалобы по поводу того, что приходилось работать по лишнему часу въ день. Я не думаю, чтобы на это смотрѣли, какъ на затрудненіе.

Всѣ эти филиппики въ пользу сохраненія привилегіи потеряннаго времени, отобранной актомъ 1874 года, встрѣчаютъ противодѣйствія въ тѣхъ фабрикантахъ, которые работаютъ при помощи одного только пара. Эти послѣдніе также ходатайствуютъ о подобной же модификаціи въ свою пользу въ тѣхъ случаяхъ, когда бываетъ засуха (?) и, чтобы подчеркнуть свое требованіе повразумительнѣе, они съ чисто мэфистофельскою ироніею разоблачаютъ патроны вододѣйствующихъ фабрикъ. Такъ, по словамъ одного изъ нихъ *Гайнда* (17,435), не менѣе $\frac{9}{10}$ вододѣйствующихъ заведеній уже имѣютъ дополнительный паръ и слѣд. не нуждаются въ привилегіи возстановлять потерянное время, не говоря уже о дешевизнѣ механической силы (воды)

въ своей довольно длинной и несовсѣмъ грамотной пасторали: «можно, слѣдовательно, при такихъ санитарныхъ условіяхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, требовать отъ рабочихъ большей аккуратности, добросовѣстности и *продолжительности* въ работахъ, добровольно на себя взятыхъ». Тожественность мнѣній выходитъ просто поразительная, словно имѣешь дѣло съ близнецами! Если бы я имѣлъ возможность бесѣдовать съ г. *Грегомъ*, то отвѣтилъ бы ему на его пѣсноишіе совершенно такимъ же образомъ, какъ быто когда-то замѣчено по поводу послѣдней тирады г. *Леонарда* («Кіевск. Тел.», № 23, 1875): «Ахъ, какой пассаж! еще куда бы ни шла аккуратность, хотя и неизвѣстно, почему именно ея и именно г. *Леонарду* долженъ рабочій платить за блескъ дѣтлаго солнца и за душной запахъ сѣна, но почему же *продолжительность*? Вѣдь это выходитъ «она къ нему, а онъ ко мнѣ», вѣдь это значить солнечный свѣтъ перечеканивать въ монету—и все это, спасая общенародный интересъ—fi donci!»

и задѣльной платы въ этихъ деревенскихъ учрежденіяхъ, а, по мнѣнію *Канса* (17,439), лучше дать привилегію челоуѣку, который работаетъ одною силою, чѣмъ тому, который употребляетъ въ дѣло двѣ силы, и слѣд., можетъ остановку дѣйствія одной изъ нихъ покрывать дѣйствіемъ другой.

Приводя къ общему знаменателю всѣ эти мнѣнія, комиссія приходитъ къ заключенію, что не существуетъ основаній лишать фабрикацію тваней той привилегіи, которой; по сдѣланному ею выше предложенію, будутъ пользоваться вододѣйствующія заведенія страны, а потому полагаетъ распространить на тѣ изъ числа этихъ фабрикъ, которыя работаютъ водою, модификацію, позволяющую работать по лишнему полчаса въ день въ теченіи извѣстнаго времени для возстановленія потери отъ положенія уровня воды.

Такимъ образомъ мы опять встрѣчаемъ случай, въ которомъ объединеніе существующихъ законовъ сыиграетъ для рабочихъ извѣстныхъ отраслей промышленности не менѣе плачевную роль, чѣмъ та, которая выпала на долю нѣкоторыхъ мелкихъ итальянскихъ государствъ по объединеніи Италіи: послѣднія до объединенія имѣли иногда весьма незначительные государственные долги, а, по вступленіи въ итальянское королевство, стали должниками на громадную сумму; первые до консолидаціи акта пользовались «привилегією» не возстановлять потерянное не по ихъ винѣ время, послѣ же консолидаціи эту привилегію теряютъ. Непослѣдовательность комиссії въ данномъ случаѣ тѣмъ характеристичнѣе, что, какъ мы только что видѣли, ничтожную пропорцію вододѣйствующихъ фабрикъ тваней она считаетъ весьма высокою, тогда какъ прежде находила незаслуживающаго вниманія безконечно высшую пропорцію состоящихъ подъ покровительствомъ закона лицъ, работающихъ въ общемъ классѣ фабрикъ. Правда и то, что тамъ дѣло шло объ *уменьшеніи* на полчаса рабочаго времени, тутъ же идетъ оно объ *увеличеніи* его на столько же.

Ограниченія общихъ правилъ относительно рабочаго времени еще не исчерпываются разсмотрѣнными нами постановленіями объ излишнемъ времени и о возстановленіи потеряннаго времени. Къ ихъ числу слѣдуетъ еще присоединить предписаніе о *ночной работѣ* и о *работѣ по субботамъ и по праздникамъ*. Эти послѣднія мы изложимъ по возможности короче, чтобы скорѣе перейти къ дальнѣйшимъ отдѣламъ трудовъ комиссії.

Намъ уже извѣстно, что общія правила не позволяютъ ночной работы дѣтямъ, женщинамъ и молодежи. Но существуютъ и исключенія. Такъ, напримѣръ, разрѣшается давать ночную работу

мальчикамъ старше 16 лѣтъ въ типографіяхъ, но съ тѣмъ, чтобы она, во-первыхъ, не превышала 10 часовъ въ одну ночь (въ сутки) и во-вторыхъ, исполнялась бы не каждую недѣлю, а черезъ недѣлю. Есть также предписанія, дозволяющія занимать работою дѣтей старше 13 лѣтъ въ теченіи 6 или 7 ночей, каждая двѣ недѣли, въ доменныхъ печахъ, на чугунныхъ заводахъ, на бумажныхъ фабрикахъ и вообще въ вододѣйствующихъ заведеніяхъ. Министру предоставляется право распространять это дозволеніе на другія отрасли промышленности, и, такимъ образомъ, общее правило остается въ сущности мертвою буквою.

Что касается собственно типографій, то единственнымъ, по мнѣнію комиссіи, случаямъ когда, упомянутая модификація имѣла примѣненіе, является печатаніе провинціальныхъ газетъ, выходящихъ одинъ или два раза въ недѣлю. Комиссія рекомендуетъ, чтобы въ подобныхъ случаяхъ была предоставлена власть употреблять въ работу мальчиковъ старше 16-лѣтняго возраста въ теченіи двухъ ночей въ недѣлю.

По отношенію къ ночной работѣ въ доменныхъ печахъ и на чугунныхъ заводахъ комиссія встрѣтилась съ весьма сильнымъ и хорошо поддержаннымъ, по ея мнѣнію, требованіемъ дозволить работать ночью дѣтямъ, начиная уже не съ 16, а съ 12-лѣтняго возраста. Комиссія не желаетъ измѣненія существующихъ постановленій, но, ссылаясь на то, что въ этой отрасли индустріи, по самой ея природѣ, требующей непрерывной дневной и ночной работы, число рабочихъ дѣтей весьма ограничено, думаетъ помочь горю заводчиковъ тѣмъ, что въ консолидированный актъ будетъ внесено предписаніе, на основаніи котораго дозволяется работать «полное время» (а слѣд. и ночная работа) всѣмъ дѣтямъ, достигшимъ 13-лѣтняго возраста, если только они имѣютъ возможность представлять надлежащее свидѣтельство о воспитаніи, въ противномъ же случаѣ—по достиженіи 14 лѣтъ. Нетрудно видѣть, что нежеланіе комиссіи въ данномъ случаѣ измѣнять законъ повлечетъ за собою не устраненіе ночной работы дѣтей, а, напротивъ того, расширение ея, потому что будетъ пониженъ возрастъ, съ котораго разрѣшается эта послѣдняя. Эту новую «льготу» въ пользу заводчиковъ необходимо также причислить къ плодамъ предстоящаго объединенія.

Ночную работу на бумажныхъ фабрикахъ и въ вододѣйствующихъ заведеніяхъ вообще комиссія предлагаетъ уничтожить. Относительно стекляннхъ фабрикъ, гдѣ допускается особымъ актомъ весьма сложная система четырехъ, пяти и шести смѣнъ въ недѣлю по 14, 12 и 10 часовъ съ ночною работою, она рекомендуетъ остаться при прежнихъ предписаніяхъ съ небольшими дополненіями.

Что касается субботней работы, то наиболѣе интересный случай ограниченія здѣсь слѣдующій. На основаніи одного изъ предписаній акта 1874 года запрещается работать по субботамъ въ теченіи двухъ недѣль подъ рядъ тѣмъ дѣтямъ, которыя трудятся на двѣ смѣны—утреннюю и послѣобѣденную; иными словами: не допускается, чтобы являлась для чистки машинъ въ субботу послѣ обѣда та смѣна дѣтей, которая не работала въ тотъ день утромъ. Противъ этого сильно возстали фабриканты тканей, говоря, что невозможность пользоваться услугами дѣтей для чистки машинъ причиняетъ имъ серьезныя неудобства. Такъ, *Теннентъ* (13,135) высказывается на этотъ счетъ слѣдующимъ образомъ: «Мы можемъ работать только 56 часовъ (въ недѣлю), а не 56½ ч., допускаемыхъ актомъ, потому что въ субботу вамъ нельзя заставить рабочихъ трудиться послѣ 12½ часовъ: они хотятъ имѣть свои полпраздника въ субботу, точно такъ же, какъ имѣли ихъ прежде»... Чтобы избѣгнуть послѣдствій этого ограниченія, фабриканты замѣнили систему полудневныхъ смѣнъ системою смѣнъ дневныхъ (*alternate system*), вслѣдствіе чего, понятно, получили возможность обойти предписаніе, въ которомъ говорится только о дѣтяхъ, работающихъ или поутру, или вечеромъ. Система дневныхъ смѣнъ весьма вредна для дѣтей, потому что заставляетъ ихъ работать по 10 часовъ въ день. Не менѣе неудовлетворительною оказывается она и съ точки зрѣнія посѣщенія дѣтьми школъ. Но, вмѣсто того, чтобы рекомендовать въ данномъ случаѣ отмѣну ея, комиссія предлагаетъ уничтожить то предписаніе акта, которое, по выраженію фабриканта *Фильдена* (10,029), «дозволяетъ каждой смѣнѣ дѣтей *играть* по два дня подъ рядъ (субботу и воскресенье) черезъ каждую недѣлю» и, такимъ образомъ, допустить чистку дѣтьми машинъ по субботамъ ¹.

Относительно запрещенія работать по воскресеньямъ и по праздникамъ возраженій комиссіи никто не заявлялъ. Высказывалось только довольно сильное недовольство противъ запрещенія работать въ страстную пятницу, которое, въ связи съ отсутствіемъ занятій въ страстную субботу и затѣмъ въ теченіи еще 3—4 дней, влечетъ за собою потерю цѣлой недѣли рабочаго времени въ эпоху прилива заказовъ—безъ сомнѣнія, весьма важное несчастіе. Комиссія полагаетъ, что этотъ праздничный день легко можетъ быть захваченъ другимъ.

Заканчивая этимъ отдѣлъ объ ограниченіяхъ и исключеніяхъ изъ общихъ правилъ, регулирующихъ трудъ на фабрикахъ и

¹ За которую, слѣдуетъ прибавить, ровно ничего не платится.

мастерскихъ, и вообще о предписаніяхъ, относящихся къ рабочему времени, мы не можемъ еще разъ не подтвердить сказаннаго нами вначалѣ, а именно что, помимо страшной сложности, которую отличается англійское фабричное законодательство, оно допускаетъ такую массу различнаго рода модификацій, что сами общія правила остаются при весьма сомнительномъ значеніи. Модификаціи эти не всегда являлись результатомъ духа компромисса, который царитъ повсюду во внѣшней, какъ и во внутренней политикѣ, въ наукѣ и въ частной жизни англійчанъ. По временамъ, онѣ представляли плодъ зрѣлаго размышленія и изученія специальныхъ потребностей той или другой отрасли промышленности. Но какъ бы то ни было, а онѣ, почти безъ исключенія, рассчитаны на удовлетвореніе интересовъ только одной заинтересованной стороны—хозяевъ, и слишкомъ уже пренебрегаютъ интересами другой. Нельзя сказать, чтобы образъ дѣйствій нынѣшней комиссіи представлялъ собою значительное отступленіе отъ этого правила. Напротивъ того, мы неоднократно имѣли случай замѣтить, что предлагаемое ею объединеніе далеко не всегда отличается характеромъ улучшенія и облегченія существующихъ предписаній, и, хотя комиссія сама высказывается противъ «единообразія для единообразія», но нѣтъ возможности не сознаться, что и для нея не лишено значенія начало «*vivat consolidatio, pereat mundus*». Да послужать всѣ эти недостатки существующаго англійскаго фабричнаго законодательства и трудовъ комиссіи, равно какъ и крупныя достоинства тѣхъ и другихъ, урокомъ и примѣромъ для составителей соответствующихъ предписаній въ другихъ странахъ.

VII.

Образованіе. Способъ его распространенія. Возрастъ начинающихъ работать. Посѣщеніе школъ по системѣ «полувремени» — Возрастъ полнорабочихъ.

Намъ пришлось остановиться настолько продолжительно на разсмотрѣніи законодательства, относящагося къ труду, что, волей неволей, оказывается необходимымъ изложить возможно короче остальные отдѣлы трудовъ комиссіи. Вторымъ изъ нихъ является отдѣлъ о посѣщеніи школъ дѣтьми, работающими на фабрикахъ и въ мастерскихъ, къ которому мы теперь и обратимся.

Въ началѣ второй главы мы имѣли случай видѣть, что, по

отношенію къ образованію фабричныхъ дѣтей, законодательство допускаетъ такъ называемую англичанами систему «полувремени» (halftime), въ силу которой дѣти обязаны проводить въ рабочемъ помѣщеніи только извѣстную часть дня—утромъ или послѣ обѣда; свободное же отъ такихъ занятій время посвящать ученію въ школь. Система эта, по словамъ коммисіи, будучи основана на косвенной обязательности посѣщенія школь, принесла сама по себѣ достаточно крупныя результаты, если сравнить ихъ съ неудовлетворительными послѣдствіями той системы, изъ которой элементъ принудительности былъ совершенно исключенъ. Ревностные защитники системы неполной работы дошли въ своихъ восхваленіяхъ даже до того, что стали утверждать, будто-бы при ней достигнуты лучшіе результаты, нежели при посвященіи школь цѣлаго дня времени; иными словами: будто, по отношенію къ посѣщенію школы, половина почти столь-же хороша, какъ и цѣлое. Столь широко поставленное подобное предположеніе въ настоящее время никакъ болѣе не поддерживается. Вотъ напр., какъ объясняетъ положеніе этого дѣла *Кинъ*, депутатъ отъ школьныхъ учителей Брандфордскаго Округа (Прил. С., 71):

«Есть еще одинъ вопросъ, о которомъ мнѣ всегда казалось необходимымъ упоминать, когда только представляется возможность: это—относительныя способности дѣтей, оставшихся въ школь, полдня и тѣхъ, которыя пребываютъ въ ней цѣлый день. *Г. Форстеръ* утверждалъ въ палатѣ общинъ и г. *Туфнелъ* впоследствии повторилъ то же, что, благодаря болѣе остротѣ ума, приобретаемой на фабрикахъ, дѣти перваго разряда могутъ съ успѣхомъ соперничать съ дѣтьми втораго разряда. Я никогда въ жизни не встрѣчалъ ни одного школьнаго учителя, который, занимаясь преподаваніемъ въ теченіи продолжительнаго времени, согласился бы съ этимъ мнѣніемъ. Хотя не полнорабочіе посѣтители школь въ этомъ округѣ дѣйствительно острѣе тѣхъ, которые учатся цѣлый день, и я полагаю, что то же самое имѣетъ мѣсто во всѣхъ другихъ округахъ, но это различіе не дѣлаетъ ихъ способными выдержать такой же экзаменъ или знать предметъ, изъ котораго они экзаменуются, такъ же основательно, какъ дѣти втораго разряда».

То обстоятельство, что фабричныя дѣти вообще остроумнѣе остальныхъ, безъ сомнѣнія, способствовало поднятію уровня результатовъ, представляемыхъ ихъ ученіемъ. Еще болѣе важнымъ элементомъ въ полученіи этихъ результатовъ была большая правильность въ посѣщеніи фабричными дѣтьми школь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ эта система была какъ слѣдуетъ приведена

въ дѣйствіе. И дѣйствительно, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что дѣтя, посѣщающее школу по 13—14 часовъ въ недѣлю, круглый годъ, въ качествѣ условія для возможности работать въ промышленномъ учрежденіи, на которую его родители вообще обращаютъ больше вниманія, чѣмъ на самое обученіе въ школѣ, имѣя надъ головою патрона, который обязанъ отослать его обратно въ школу, когда оно гуляетъ, и правительственнаго инспектора, который наблюдаетъ, чтобы эти обязанности выполнялись — истратитъ на воспитаніе больше времени, чѣмъ другое дѣтя, которое номинально присутствуетъ въ школѣ 25 часовъ въ недѣлю, но съ довольно безразличною правильностью. Но въ настоящее время, когда принудительное посѣщеніе школъ во многихъ случаяхъ вынуждается въ теченіи полныхъ 25 часовъ, слѣдуетъ несомнѣнно ожидать, что, въ сравненіи съ дѣтьми, находящимися въ вѣдѣніи школьныхъ бюро, которыя обладаютъ властью къ принужденію и употребляютъ ее въ дѣйствіе, неполнорабочіе стануть отставать все болѣе и болѣе. Приобрѣтеть-ли въ теченіи короткаго времени система принудительнаго первоначальнаго образованія всеобщее распространеніе или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, по мнѣнію комиссіи, представляетъ вопросъ первостепенной важности — доставить неполнорабочимъ дѣтямъ всевозможныя выгоды для подготовленія ихъ къ тѣмъ болѣе суровымъ условіямъ, при которыхъ имъ придется въ будущемъ вести борьбу за существованіе съ своими товарищами. Но, помимо всего прочаго, необходимо подвергнуть немедленному измѣненію нѣкоторыя постановленія существующаго законодательства, направленные къ ихъ невыгодѣ.

Первая изъ этихъ невыгодъ въ настоящее время — анормальное отсутствіе дѣйствительнаго обезпеченія достаточности школъ (на сколько дѣло идетъ о фабрикахъ вообще и о мастерскихъ — 2-й и 3-й классы), въ которыя посылаются неполнорабочіе и которыя законъ принуждаетъ ихъ посѣщать. Въ настоящее время существуетъ особая корпорація школьныхъ инспекторовъ, исключительное назначеніе которой состоитъ въ удостовѣреніи достаточности школъ, и актомъ 1874 года на нее возложена обязанность объявлять въ, случаѣ надобности, негодными тѣ школы, которыя посѣщаются дѣтьми, работающими на фабрикахъ тканей. Но, къ сожалѣнію, постановленіе это только и ограничивается названною отраслью индустріи и не распространяется даже на Ирландію. Комиссія рекомендуетъ немедленно же примѣнить его ко всѣмъ, безъ исключенія, мастерскимъ и фабрикамъ, такъ какъ надзоръ за годностью преподаванія со стороны фабричныхъ инспекторовъ оказался недѣйствительнымъ.

Необходимо также, по мнѣнію комиссіи, принять мѣры къ посѣщенію дѣтьми школъ еще до вступленія ихъ на фабрику, потому что только въ такомъ случаѣ они будутъ поставлены въ одинаковыя условія съ прочими учениками. Въ настоящее время подобныхъ мѣръ не существуетъ, и какъ родители ожидаютъ, что дитя станетъ посѣщать школу, когда начнетъ работать, то и не посылаютъ его до тѣхъ поръ учиться, такъ что въ этомъ случаѣ законъ о полувремени случайно и косвенно приноситъ плохую услугу дѣлу народнаго образованія. Но, независимо отъ этого, заслуживаетъ также сожалѣнія и положеніе учителя, которому приходится втолковывать неполнорабочему самыя элементарныя вещи. Въ этомъ же смыслѣ, если не будетъ составлено дополнительныхъ постановленій, можетъ оказаться весьма вреднымъ предписаніе акта 1874 года, въ силу котораго дозволенный возрастъ начала работы возвышается отъ прежнихъ 8 лѣтъ до 10 лѣтъ, такъ какъ въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ дѣти могутъ перестать и учиться.

Если обратиться къ прецедентамъ, то предписаніе акта о дѣтяхъ земледѣльцевъ 1873 года, на основаніи котораго извѣстное число посѣщеній школы требуется какъ условіе для возможности начать работу — является въ глазахъ комиссіи первымъ средствомъ, которое было принято законодательствомъ для устраненія упомянутаго зла. Правда, актъ этотъ является мертвою буквою, что въ данномъ случаѣ происходитъ, частью отъ недостатка надзора, частью же отъ ложности самого принципа, по которому предполагается у родителей такая предусмотрительность, какой они не могутъ имѣть въ дѣйствительности. Родители должны, въ силу этого принципа, за цѣлый годъ впередъ предвидѣть, что дитяти понадобится свидѣтельство о посѣщеніи школы, и учитывать число праздно проводимыхъ дитятей часовъ, чтобы набралось, сколько надобно, школьныхъ. Еще въ одномъ актѣ — объ угольныхъ копахъ, 1868, вышедшемъ еще до отмѣны въ этой отрасли дѣтской работы до 12-лѣтняго возраста — постановлялось, чтобы дѣти 10 лѣтъ отъ роду предъ-авляли, при поступленіи на работу, свидѣтельство объ умѣнн читать и писать, въ противномъ же случаѣ, они должны были посѣщать школу по системѣ «полувремени». Но требованіе подобной «единицы знанія» имѣетъ опять таки неудобство, а именно оно сводитъ знанія дѣтей къ минимуму того, что требуется отъ нихъ, и тѣмъ препятствуетъ подлежащему развитію натуръ особенно талантливыхъ. Во избѣжаніе этого, необходимо комбинировать такую единицу знанія съ позднѣйшимъ посѣщеніемъ школы, чтобы эти требованія не исключали, а дополняли

одно другое. Но, дѣлая такое предложеніе, комиссія опасается, что въ этомъ случаѣ, даже при бѣльшей его обязательности, чѣмъ та, когда предварительное образованіе и позднѣйшее посѣщеніе школы требуются порознь — ей могутъ сдѣлать возраженіе, что требованіе это повлечетъ за собою на практикѣ только къ исключенію съ рынка труда на нѣкоторое время массы дѣтей, которыя уже достигли возраста, требуемаго законодательствомъ для вступленія въ работу на фабрикахъ. Намъ лично кажется, что это не было бы чрезмѣрно большимъ несчастіемъ, тѣмъ болѣе, что въ другихъ странахъ, напр. въ Германіи и въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи, возрастъ, съ котораго дозволяется дѣтямъ начинать работу, значительно превышаетъ норму англійскую. Но комиссія замѣчаетъ, что, такъ какъ низто не сдѣлалъ бы предложенія исключить *nascida* (?) дѣтей рабочаго класса изъ тѣхъ отраслей труда, въ которыхъ они могутъ снискивать себѣ пропитаніе, какъ бы мало ни имѣли они свѣдѣній, то необходимо установить извѣстный возрастъ, напр. годомъ позже обыкновеннаго, начиная съ котораго дѣти освобождаются отъ всякихъ условій образованія. Она приходитъ къ общему заключенію, что, для вынужденія посѣщенія школъ младшими дѣтьми, необходимы предписанія помимо фабричныхъ актовъ, и что, вслѣдствіе отсутствія подобныхъ предписаній, существующая фабричная система, съ точки зрѣнія образованія, страдаетъ безнадежными недостатками.

По мнѣнію комиссії, не существуетъ никакого повода проводить по отношенію къ образованію, различіе между дѣтьми, работающими на фабрикахъ и подчиненными фабричнымъ актмъ, и дѣтьми, трудящимися въ другихъ, не регулированныхъ отрасляхъ индустріи, какъ напр. въ земледѣліи, въ бродячихъ занятіяхъ и т. п. Вся разница между ними заключается только въ прямомъ и въ косвенномъ принужденіи посѣщать школы. Противорѣчія между этими двумя системами не существуютъ, онѣ только столкнулись въ Англійи на одномъ и томъ же достаточно широкомъ полѣ. Прямая обязательность должна быть основаніемъ, а косвенная — частнымъ случаемъ. Но вопросъ: можетъ ли быть косвенная обязательность достаточна сама по себѣ, благодаря увеличенію числа инспекторовъ и распространенію фабричнаго законодательства на другія отрасли промышленности? — долженъ, по мнѣнію комиссії, быть рѣшенъ отрицательно. Пока подобная система была одна только въ силѣ, она страдала тѣмъ фатальнымъ недостаткомъ, что случай лѣности и запущенности дѣтей былъ совершенно упущенъ изъ виду.

Быть можетъ, замѣтаетъ, продолжаетъ комиссія, что система

косвеннаго принужденія путемъ условнаго дозволенія работать, имѣть то важное преимущество, что распространяется постепенно съ одной отрасли на другую, между тѣмъ какъ система прямого вмѣшательства подѣйствовала бы на всѣ отрасли разомъ. Исходя изъ этого мнѣнія, отъ насъ потребовали бы, вѣроятно, во-первыхъ, улучшенія началъ системы «полувремени», гдѣ она существуетъ, во-вторыхъ—устраненія тѣхъ аномалій, которыя имѣютъ мѣсто въ мастерскихъ, въ земледѣліи, въ рудникахъ (несовершенная форма обязательности), и, въ-третьихъ, распространенія системы «полувремени» на другія отрасли промышленности.

Но возможна ли хоть одна изъ этихъ мѣръ? Можно, конечно, усилить надзоръ, но система «полувремени» будетъ все же нарушаема въ обширныхъ размѣрахъ. Аномаліи закона можно, конечно, уничтожить, но замѣщеніе старыхъ постановленій новыми, болѣе строгими, повлечетъ за собою еще болѣе частыя нарушенія. При распространеніи системы косвеннаго принужденія на другія отрасли промышленности, можно встрѣтиться съ весьма серьезнымъ возраженіемъ, что неудобно и даже несправедливо, чтобы обязательство посѣщенія школы казалось налогомъ на энергію однихъ только рабочихъ дѣтей и притомъ тѣхъ только, занятія которыхъ по другимъ совсѣмъ причинамъ были выбраны закономъ для регулированія размѣровъ рабочаго дня. Еще болѣе: такъ какъ обязательность не можетъ простирается на періодъ времени внѣ занятій, то мы, говоритъ комиссія, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, несомнѣнно натолкнемся на аномалію, что, когда дѣтей случайно берутъ съ работы, то увѣренность въ посѣщеніи ими школы прекращается какъ разъ въ то время, когда, по всѣмъ поводамъ оно можетъ быть достигнуто съ наименьшею жесткостью. Но если устранить даже и эти соображенія, то все-таки остается упомянутый выше аргументъ, что прямое принужденіе всего болѣе нужно для тѣхъ дѣтей, которыя еще слишкомъ молоды для работы и слѣд. ускользнуть отъ принужденія косвеннаго.

Въ теченіи нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ начало обязательнаго обученія получило въ Англіи законодательное признаніе въ «актѣ объ элементарномъ образованіи» 1870 года (Elementary Education Act) и установлено для Шотландіи «актомъ объ образованіи» 1872 года (Education Act). Во время своихъ изслѣдованій, комиссія получила многочисленныя показанія относительно дѣйствія этихъ актовъ и имѣетъ возможность положительно утверждать, что, хотя новизна и рискованность внесенія въ законъ принудительной системы обученія и представляли мало

параллелей въ исторіи новѣйшаго законодательства страны, но что, тѣмъ не менѣе, оно было принято заинтересованнымъ въ немъ населеніемъ съ удивительно ничтожною оппозиціей и уже принесло удовлетворительные результаты. Власти, на которыя было возложено приведеніе этихъ актовъ въ дѣйствіе, составляли иногда спеціальныя правила для посѣщенія школъ тѣми дѣтьми, которыя были заняты промышленною работою. Въ другихъ случаяхъ, онѣ дѣйствовали на основаніи фабричнаго законодательства, признавая въ немъ готовую систему для состоящихъ въ ихъ распоряженіи дѣтей. Наконецъ, въ третьихъ случаяхъ, фабричныя законы были до известной степени игнорируемы, и система «полувремени», различающаяся въ подробностяхъ, но такая же въ общихъ чертахъ, была учреждена бокъ-о-бокъ съ системою фабричныхъ законовъ и пригнѣяема въ занятіяхъ, на которыя не распространяются послѣдніе. Существуетъ, однакоже, одна существенная разница между системою «полувремени» на основаніи фабричныхъ законовъ и подобною же системою, находящеюся въ вѣдѣніи акта о воспитаніи. Разница эта состоитъ въ томъ, что дитя, подчиненное первой изъ этихъ системъ, пользуется въ дѣйствительности привилегіею оставаться въ школѣ менѣе продолжительное время, тогда какъ подчиненное второй исполняетъ исключительную обязанность. Нельзя сомнѣваться, что слѣдуетъ поощрять чувство именно первой изъ этихъ двухъ категорій, находящееся въ согласіи съ идеями, которыя желательно придать широкое распространеніе. Хотя на практикѣ этотъ взглядъ въ настоящее время не раздѣляется, но комиссія полагаетъ, что, еслибы дѣти, подчиненныя дѣйствию фабричныхъ законовъ, продолжали и впредь разсматриваться не какъ спеціально пощаженыя законодателемъ, посредствомъ ослабленія въ ихъ пользу общей обязательности — что и есть въ дѣйствительности — а какъ несущія спеціальную повинность посѣщенія школы, то это повлекло бы за собою потерю одного изъ крупныхъ преимуществъ, способныхъ облегчить администрацію закона.

Обращаясь къ вопросу исключительно съ точки зрѣнія своихъ изслѣдованій, комиссія находитъ, что справедливость и послѣдовательность одинаково требуютъ, чтобы было вынуждаемо закономъ посѣщеніе школъ всѣми дѣтьми, безъ исключенія — все равно, занимаютъ или не занимаютъ они работою — при чемъ система «полувремени» составляла бы родъ ослабленія закона и допускалась бы въ будущемъ какъ привилегія, а не какъ сильно возлагаемая тягость. Комиссія придерживается мнѣнія, что, при такомъ взглядѣ на дѣло, можно придать постановке-

нѣмъ о «полувремени» характеръ болѣе строгій, избавить ихъ отъ значительнаго тренія и сдѣлать менѣе возможнымъ ихъ нарушеніе.

Привилегію «полувремени» комиссія желала бы еще поставить въ зависимость отъ наличности специальныхъ гарантій, что посѣщеніе школъ дѣтми будетъ носить регулярный характеръ. Въ тѣхъ отрасляхъ, которыя находятся подъ вѣдѣніемъ фабричныхъ законовъ, гарантія этого рода заключается въ возложеніи отвѣтственности за неправильное посѣщеніе дѣтми школъ на ихъ предпринимателя. Такъ какъ эта система была найдена наиболѣе дѣйствительною, то комиссія предлагаетъ распространить ея дѣйствіе на всѣ отрасли промышленности, въ которыхъ можно найти опредѣленнаго и отвѣтственнаго предпринимателя, и, сверхъ того, надѣется, что, при новомъ характерѣ права на занятіе дѣтей работою, значительно уменьшится число тѣхъ случаевъ, когда въ настоящее время бываетъ затруднительно признать то или другое лицо за предпринимателя. Даже въ домашнихъ занятіяхъ, по мнѣнію комиссіи, опасеніе потерять право на дѣтскую работу будетъ значительно способствовать надзору предпринимателей за правильнымъ посѣщеніемъ дѣтми школъ и облегчить дѣло инспекціи.

Первый вопросъ по отношенію къ системѣ «полувремени» есть вопросъ о *возрастѣ, съ котораго начинается «полувременное» присутствіе дѣтми въ школахъ.* Насколько дѣло касается отраслей промышленности, регулируемыхъ закономъ, то возрастъ этотъ, понятно, есть тотъ же самый, съ котораго начинается и «полувременная», *исполная работа.* Въ настоящее время послѣдній возрастъ, на основаніи закона, опредѣляется для фабрикаціи тканей въ 10 лѣтъ, для прочихъ фабрикъ и мастерскихъ въ 8 лѣтъ, для земледѣлія также—8, для подземныхъ отдѣленій рудниковъ—12 лѣтъ. Помимо этого, существуютъ еще исключительныя предписанія, отодвигающія этотъ возрастъ въ извѣстныхъ отрасляхъ занятій, которыя предполагаются вредными для здоровья или не соответствующими нѣжному возрасту дѣтей: объ этихъ послѣднихъ отрасляхъ мы скажемъ ниже, когда будемъ говорить о запрещенной работѣ.

Возрастъ начинающихъ работать есть одинъ изъ такихъ пунктовъ, относительно котораго, по мнѣнію комиссіи, желательно ассимилированіе закона. Тѣ фабрики, въ которыхъ возрастъ вступленія въ работу нѣсколько поднятъ, справедливо жалуются на привилегіи сосѣдей. Самый низкій возрастъ, съ котораго дозволяются занятія, естественно дѣлается единицею, и, когда

дѣти его достигли, родители не желаютъ оставлять ихъ далѣе въ школѣ. Они посылаютъ ихъ, вслѣдствіе этого, на такую работу, которая открыта для послѣднихъ на основаніи закона. Подобныя отрасли поглощаютъ дѣтей и удерживаютъ дольше того возраста, когда можно бываетъ дѣтямъ поступить на другія мѣста. Особенно сильно сознается эта неправоѣрность въ фабрикаціи тканей. Такъ, напр. *Джемсъ Бутъ* (9581) говорить по этому поводу слѣдующее: «Мои рабочіе жалуются на затрудненія, которыя представляетъ для нихъ присканіе неполнорабочихъ и полнорабочихъ, вслѣдствіе того, что дѣтей допускаютъ работать на бумажныхъ фабрикахъ, въ бѣлизныхъ и въ типографіяхъ раньше, чѣмъ на хлопко-прядильныхъ фабрикахъ... Посылать своихъ дѣтей на работу въ болѣе ранній возрастъ, чтобы они могли приобрести себѣ что-нибудь для поддержки существованія семейства, составляетъ важный вопросъ для рабочаго населенія, и послѣдствіе этого то, что они посылаютъ дѣтей въ такія занятія, гдѣ послѣднія всего ранѣе добываютъ себѣ нѣсколько денегъ». Того же самаго мнѣнія придерживается и другой патронъ *Кондеръ* (8608), и оба они выражаютъ желаніе, чтобы во всѣхъ отрасляхъ промышленности возрастъ былъ одинъ и тотъ же.

Комиссія рекомендуетъ поднять во всѣхъ видахъ занятій возрастъ начинающихъ работать до 10 лѣтъ, что необходимо не только въ видахъ здоровья дѣтей, но также и въ видахъ педагогическихъ, чтобы дать дѣтямъ возможность посѣщать школу до поступленія въ работу. Въ пользу 10-лѣтняго возраста высказывается вся корпорація инспекторовъ, большинство давшихъ показанія хозяевъ и рабочихъ, а равно медицинскіе и педагогическіе авторитеты. Замѣтимъ мимоходомъ, что, хотя это измѣненіе въ законѣ составитъ нѣкоторый шагъ впередъ англійскаго фабричнаго законодательства, но что, тѣмъ не менѣе, шагъ этотъ крайне ничтоженъ въ сравненіи даже съ тѣмъ, что сдѣлано въ этомъ отношеніи на континентѣ. Такъ, напр. въ Германіи возрастъ начинающихъ — 14-лѣтній, въ Швейцаріи, на основаніи *новаго* закона, также 14-лѣтній, а во Франціи—12-лѣтній.

Въ пользу нѣкоторыхъ отдѣльныхъ отраслей занятій комиссію просили сдѣлать исключенія изъ общаго правила. Таковы—плетеніе соломы въ Бедфордширѣ и въ окрестностяхъ, вязаніе кружевъ для подушекъ, шитье шляпъ, мотанье пражы для ручныхъ ткачей и для вязальщиковъ, мануфактура игловокъ и крючковой для ловли рыбы и шитье перчатокъ. Это суть, болѣею частью, занятія, отправляемыя рабочими на дому, въ которыхъ дѣти

употребляются въ очень раннемъ возрастѣ и которыхъ, какъ утверждаютъ, дѣти не могутъ изучить, не принимаясь за дѣло какъ только могутъ рано, какъ *только могутъ владѣть пальцами*. Но на этотъ разъ комиссія держится строго, какъ и вообще во всемъ, что касается образованія. Она прямо говоритъ, что не можетъ допустить, чтобы необходимость поучиться шить или дѣлать кружево была достаточной причиною для лишенія дѣтей принадлежащей имъ доли въ благодѣяніяхъ образованія. Подлежать сомнѣнію, продолжаетъ комиссія, можно ли разсматривать эти отрасли, какъ такія, которыя должны вызвать особое законодательство во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда благоденствіе промышленности кладется на вѣсы вмѣстѣ съ интересами дѣтей, которыя должны его ей доставить. Кромѣ того, повидимому, судьба этихъ мелкихъ отраслей состоитъ въ постепенномъ слитіи при лучшей организаціи и болѣе обильномъ капиталѣ фабричной системы; и, если справедливо, что они поддерживаютъ свое существованіе исключительно полнымъ поглощеніемъ дѣтей младшихъ возрастовъ, то объ этомъ *потребленіи*, быть можетъ (?), слѣдуетъ сожалѣть. Комиссія увѣрена, что дѣти, начинающія работать съ 10-лѣтняго возраста, еще не слишкомъ стары для изученія любого ремесла, и, не желая нарушать общаго правила, которое тѣмъ легче будетъ выполняться, чѣмъ менѣе будетъ изъ него исключеній, рекомендуетъ остаться при немъ и въ настоящемъ случаѣ.

Комиссія часто говорила, что, оставляя въ сторонѣ квалификацію возраста и физическихъ способностей къ труду, желательно потребовать извѣстной массы предварительнаго воспитанія, какъ условія для начинающихъ работать. Но комиссія придерживается мнѣнія, что, если система принудительнаго посѣщенія школъ, которую она рекомендуетъ такъ настоятельно, будетъ вынуждаема повсемѣстно, то, по всей вѣроятности, она будетъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли. Если это не такъ, то необходимо будетъ принять, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя косвенныя средства, о которыхъ комиссія упоминала. Выше были уже указаны два такія средства, а именно: извѣстное число предварительныхъ посѣщеній школы и прохожденіе педагогической нормы, соотвѣтствующей возрасту. Первое изъ этихъ средствъ можетъ быть разсматриваемо, по мнѣнію комиссіи, какъ правило, второе — какъ дополненіе къ нему въ исключительныхъ случаяхъ. Что именно слѣдуетъ признавать нормою, это — дѣло рѣшенія департамента просвѣщенія, какъ и признано уже актомъ 1874 года, относительно условій для начала полной работы. Число же посѣщеній

можетъ быть ограничено цифрою 300 въ теченіи каждаго изъ двухъ непосредственно предшествующихъ рабочему возрасту лѣтъ. Въ постановленіи объ этомъ предметѣ слѣдуетъ также присоединить дополненіе въ томъ смыслѣ, что дѣти, не сдѣлавшее полного числа посѣщеній, можетъ дополнить его, но, по прошествіи еще одного года, вообще освобождается отъ всякихъ требованій по отношенію къ образованію. Само собою разумѣется, что это послѣднее предписаніе имѣетъ чисто отрицательную цѣль—не лишить человека окончательно возможности добывать себѣ средства существованія, если, по тѣмъ или по другимъ случайнымъ причинамъ, достиженіе требуемой закономъ нормы предварительнаго образованія оказалось невыполнимымъ.

Обращаясь къ ближайшему рассмотрѣнію самой системы «полу-времени» по отношенію къ посѣщенію школъ, можно различить два главные ея вида. Первая форма этой системы состоитъ въ томъ, что дѣти посѣщаютъ школу поутру или послѣ обѣда въ теченіи той или другой недѣли—черезъ недѣлю. Въ этомъ своемъ видѣ система «полувремени» является, собственно говоря, простымъ дополненіемъ къ акту 1844 года, въ силу котораго ни одно дитя, употребляемое въ работу до обѣда, не можетъ быть принуждаемо къ ней послѣ обѣда. Въ актѣ 1874 года, система эта была опредѣлена, какъ работа на двѣ смѣны—утреннюю и послѣобѣденную. Съ педагогической точки зрѣнія, эта система, по мнѣнію комиссіи, оказывается лучше всѣхъ прочихъ, и въ фабрикаціи тканей она исполнялась безъ всякихъ серьезныхъ затрудненій. Только одинъ пунктъ, кажется, потребуетъ нѣкоторой поправки.

Законодатель полагалъ, что на тѣхъ фабрикахъ, которыя нуждаются въ дѣтскомъ трудѣ, должны быть постоянно двѣ смѣны дѣтей—одна въ работѣ въ теченіи половины дня, когда другая въ школѣ, и наоборотъ. Утреннее посѣщеніе школы опредѣлено въ три часа, послѣ-обѣденное, фактически (но не на основаніи закона), доведено до 2¹/₂ часовъ. Никакое предписаніе не обязываетъ заставлять утреннюю и послѣобѣденную смѣну дѣтей отъ времени до времени мѣняться часами, но это соблюдается почти вездѣ. Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ состоитъ на лицо всего одна смѣна дѣтей, этотъ порядокъ не наблюдается, и одни и тѣ же дѣти постоянно работаютъ утромъ, а учатся послѣ обѣда. Такимъ образомъ, рабочее время дѣтей возрастало весьма сильно—насколько утренная работа продолжительнѣе послѣобѣденной—а время посѣщенія школы, напротивъ того, уменьшалось. Помимо этого, въ подобныхъ случаяхъ, понижался также и уровень образованія, такъ какъ въ большей части школъ

известные предметы преподаются только утром. Но мнѣнїе комиссия, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣти употребляются въ работу и утромъ, и послѣ обѣда, необходимо предписать, чтобы тѣ, которые работаютъ въ теченїи одной недѣли поутру и учатся послѣ обѣда, въ теченїи другой недѣли работали бы послѣ обѣда и учились поутру.

Вторая форма системы «полувремени» есть такъ-называемая «чередуемая система» (alternate system); дозволенная впервые актомъ 1844 года, но, какъ замѣчено было во второй главѣ, не иначе, какъ подъ условїемъ добровольнаго уменьшенїа хозяйствомъ рабочаго дня до 10 часовъ вѣсто 10¹/₂. Вслѣдствїе этого послѣдняго условїа, система эта употреблялась рѣдко, но, начиная съ 1874 года, когда 10-часовая норма стала обязательною для фабрикаціи тканей, она стала усваиваться предпринимателями въ болѣе частыхъ случаяхъ. Большая часть покаяній направлена противъ нея. Одна изъ ея невыгодъ заключается въ томъ, что при ней дѣти употребляются въ работу черезъ день въ теченїи такого времени, которое не соответствуетъ ихъ силамъ, и это не вознаграждается остаткомъ школьнаго времени. Дальнѣйшее ея неудобство — совмѣстное ея употребленїе съ первою формою системы «полувремени», которое влечетъ за собою громадное добавочное усложненїе въ порядкѣ школьныхъ классовъ и въ назначенїи времени для принятїа пищи и тѣмъ лишаетъ дѣтей возможности посѣщать уроки по различнымъ предметамъ преподаванїа. Выгоды этой системы состоятъ въ томъ, что при ней достигается для дѣтей значительное сбереженїе времени, какъ вслѣдствїе уменьшенїа числа переходовъ владѣ и впередъ изъ школы на фабрику и обратно, такъ и вслѣдствїе устраненїа необходимости дѣтямъ, работающимъ въ грязныхъ отрасляхъ индустріи, мыться и чиститься каждый день во время обѣда передъ тѣмъ, какъ идти въ школу, и замѣни этой каждо-дневной чистки приведенїемъ себя въ порядокъ для упомянутой дѣли только черезъ день. Въ некоторыхъ округахъ, являющїеся болѣе расброшенно и рѣдко, быть-можетъ, okazается абсолютною необходимостью усвоить эту форму системы «полувремени», такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ треугольничья образованїа домогъ, школоу и мѣстоу работы, okazывается чрезвычайно громаднымъ. Принимая въ соображенїе эти преимущества «чередуемой системы» въ однихъ и неудобства ея въ другихъ случаяхъ, комиссия предпичаетъ привести употребленїе ея въ зависимость отъ разрѣшенїа министра въ томъ или въ другомъ отдѣльномъ случаѣ!

Та система «полувремени», которая усвоена была актомъ «о

*

на выполнении фабричного акта. Оглянувшись как-то вокруг себя на фабрике, я увидел здоровяка мальчика, который выглядел очень молодым. Я спросил его: сколько вам лет?—13, отвечал он мнѣ.—Откуда вы знаете, что вам 13 лет?—Мнѣ сказала мать, что мнѣ 13.—А сколько вам было лет, пока вам не сказала мать, что вам 13?—Девять. Я обратился тогда къ нашимъ редакторамъ и написалъ, что о мальчикѣ есть свидѣтельство, что онъ выгляделъ 13-лѣтнимъ. Онъ имѣлъ надлежащее свидѣтельство, хотя ему было только 9 лѣтъ. Таковы факты на основаніи свидѣтельскихъ показаній. Но комиссия все же не отнаивается къ улучшенію положенія этого дѣла въ Шотландіи и ожидаетъ блаженныхъ послѣдствій отъ соединенной дѣятельности фабричныхъ и педагогическихъ властей. Но, помимо этого, увеличеніе спроса на дѣтскую работу, которое въ настоящее время замѣтно повсюду въ Великобританіи, по всей вѣроятности, побуждаетъ комиссію, поведать хозяевъ къ усвоенію порядковъ, согласныхъ съ законными условіями занятія, какъ это уже бывало въ другихъ случаяхъ.

Остается взглянуть на вопросъ о томъ: съ какого возраста молодежь считается, по англійскимъ законамъ, въ числѣ *молодыхъ рабочихъ*, т. е. имѣющихъ право или обязанность, какъ кому угодно, работать въ теченіи 10¹/₂ или 10 часовъ, смотря по роду занятій? Во всѣхъ прежнихъ актахъ для этой цѣли фиксировался 13-лѣтній возрастъ, и то же самое предписаніе повсѣрело въ актахъ объ элементарномъ образованіи. Нѣкоторое измѣненіе въ этомъ общемъ правилѣ произведено актомъ 1874 года, на основаніи котораго возрастъ полнорабочихъ былъ возвышенъ на одинъ годъ въ тѣхъ случаяхъ, когда 13-лѣтніе дѣти не могутъ представить надлежащаго школьнаго свидѣтельства. Нѣкоторые изъ спрошенныхъ комиссіею лицъ весьма сильно настаивали на томъ, что, если это послѣднее постановленіе не будетъ доведено до соответствующихъ расширеній актомъ объ элементарномъ образованіи, то оно повлечетъ за собою тѣ же самыя неудобства, которыя происходятъ отъ возвышенія возраста дѣтскаго труда, при отсутствіи общаго правила относительно принудительнаго посѣщенія школы. Мальчики и дѣвочки 13 лѣтъ, которыхъ законъ не признаетъ за полнорабочихъ въ производствѣ тканей, не могутъ, говоря вообще, заниматься на фабрикахъ по системѣ «полуработы» и тѣмъ болѣе напримутся за нее, если они до тѣхъ поръ не работали вовсе, а станутъ искать себѣ занятій въ некоторыхъ отрасляхъ, не подчиненныхъ регламентами вообще или этому предписанію въ частности, или

не останутся вовсе безъ работы. Въ то же время не существуетъ никакой власти даже въ городахъ, гдѣ дѣйствуетъ принудительное обученіе, уполномоченной посылать такихъ дѣтей въ школу, и, такимъ образомъ, предписаніе это способствовать, по иждивенію комиссіи, уменьшенію предложенія труда въ фабрикаціи тканей, не принося въ тоже время соответствующей педагогической выгоды. Этотъ недосмотръ законодателя, говоритъ комиссія, долженъ быть устраненъ, и на будущее время никакое предположеніе, ограничивающее занятія дѣтей, не должно разсматриваться отдѣльно отъ соответствующаго педагогическаго предписанія относительно утилизаціи сбереженнаго, такимъ образомъ, дѣтскаго времени.

Не желая, по разнымъ причинамъ, соглашаться на распространеніе упомянутаго предписанія акта 1874 года на другія отрасли промышленности, комиссія, однако, отъ всей души одобряетъ тотъ принципъ, въ силу котораго переходъ отъ полуроботы къ полной работѣ условливается школьной квалификаціей. Только она предлагаетъ въ этомъ случаѣ комбинировать требованія известной нормы знанія съ опредѣленнымъ числомъ посѣщеній школы и признавать полноробочими только тѣхъ 13-лѣтнихъ дѣтей, которые будутъ соответствовать предписаннымъ, такимъ образомъ, образовательнымъ условіямъ. Что же касается остальныхъ дѣтей, то они должны продолжать подчиняться принудительнымъ предписаніямъ акта о воспитаніи еще въ теченіи года, т. е. до 14-лѣтняго возраста. Въ этомъ видѣ постановленія о возрастѣ полноробочныхъ должны быть примѣнены ко всевозможнымъ отраслямъ промышленности.

Мы рассмотрѣли на предыдущихъ страницахъ наиболѣе характеристическія черты дѣйствующей въ настоящее время въ Великобритани системы посѣщенія школъ фабричными дѣтьми, а также наиболѣе существенныя изъ тѣхъ измѣненій, которыя предлагаются въ этой системѣ настоящею комиссіею. Рекомендунія ея мѣры носятъ и въ данномъ случаѣ, какъ и въ предыдущемъ, довольно робкій и нерѣшительный характеръ и представляють, быть-можетъ, весьма незначительный шагъ впередъ на пути улучшенія существующихъ фабричныхъ постановленій. Нельзя, однако, не замѣтить, что на этотъ разъ предложенія комиссіи отличаются однимъ важнымъ достоинствомъ, котораго не представляли прежде, а именно—довольно строгою послѣдовательностью, въ основаніи которой лежитъ не стремленіе къ ассимиляціи существующихъ законовъ во что бы то ни стало, а обдуманное желаніе поднять до известной нормы общій уровень

образования дѣтей-рабочихъ. Именно поэтому мы не встрѣчаемъ въ данномъ случаѣ никакихъ колебаній и выданій изъ стороны въ сторону, никакихъ недомолвокъ и умолчаній, ничего, словомъ, такого, что выдавало бы заднюю мысль—накормить волковъ и сохранить овецъ. Напротивъ того, въ тѣхъ довольно, впрочемъ, немногочисленныхъ столкновенияхъ, которыя приходилось выдерживать въ глазахъ комиссiи интересамъ элементарнаго образованiя съ интересами такъ называемой «промышленности», а въ сущности съ карманомъ того или другого отдѣльнаго предпринимателя, комиссiя немедленно беретъ подъ свою защиту первые, выразительно объясняя мотивы такого образа дѣйствiй. И такъ, по отношенiю къ этому вопросу мы снова встрѣчаемся, въ лицѣ членовъ нашей комиссiи, съ тѣмъ довольно рѣдкимъ въ настоящее время типомъ человѣческой природы, который мы предложили бы назвать *homo sapiens* и который отличается тѣмъ, что видитъ вещи какъ онѣ есть въ дѣйствительности, а не съвозь свѣтлыя или темныя очки той или другой партiи. Говоримъ «по отношенiю къ этому вопросу», такъ какъ въ предыдущемъ отдѣлѣ своихъ трудовъ комиссiя далеко не вездѣ и не всегда выявляла намъ свою принадлежность къ указанному типу, хотя все-таки обнаруживала ее чаще, чѣмъ это бываетъ при подобныхъ обстоятельствахъ въ большей части другихъ случаевъ. Вглянемъ теперь, какъ относится комиссiя къ нѣкоторымъ другимъ вопросамъ фабричнаго законодательства, которые намъ остается еще разсмотрѣть.

VIII.

Санитарныя мѣры.—Свидѣтельства и врачи.—Условiя рабочихъ помѣщенiй.—Огороживанiе машинъ.—Здоровье женщинъ.—Запрещенная работа.—Инстанция.

На основанiи существующаго закона, для всѣхъ поступающихъ въ работу дѣтей и молодыхъ людей до 16-лѣтняго возраста требуются *свидѣтельства врача* о возрастѣ и о физической способности къ труду. За ничтожными исключениями, свидѣтельства эти должны быть возобновляемы при каждомъ переходѣ съ одной фабрики на другую. Это обстоятельство, а также сопряженные съ нимъ лишнiя издержки, составляютъ въ настоящее время предметъ всеобщихъ жалобъ. Къ этому присоединяется также заявленiе неудовольствiя по поводу того, что свидѣтельства выдаются врачами въ высшей степени неправильно и случайно

и, вслѣдствіе этого, въ громадномъ большинствѣ случаевъ представляютъ весьма плохую гарантію противъ зла, на устраненіе котораго они рассчитаны законодателемъ. Сплошь да рядомъ случаются примѣры, что, не получивъ свидѣтельства отъ одного врача, дѣти отправляются къ другому и легко достигаютъ своей цѣли, а потомъ фабричный инспекторъ находитъ за работою цѣлую толпу дѣтей, возрастъ которыхъ, по всѣмъ признакамъ, гораздо ниже показаннаго врачомъ. Возникающія, вслѣдствіе всего этого, неопредѣленность отношеній и взаимная зависть являются весьма серьезными препятствіями для дѣйствія закона. Съ другой же стороны, когда врачъ настаиваетъ на точномъ исполненіи требованій закона, ему приходится стоять на стражѣ противу всевозможныхъ обмановъ и соблазновъ.

Для устраненія всѣхъ этихъ недостатковъ и злоупотребленій существующей системы выдачи свидѣтельствъ, коммиссія предлагаетъ, чтобы на будущее время выдавалось только одно свидѣтельство и не врачомъ, а бюро, ведущимъ реестры движенію населенія, съ дополнительной помѣткою врача о физической годности дѣтати къ занятію на фабрикѣ. Правило это, по предложенію коммиссіи, должно имѣть всеобщее примѣненіе и, между прочимъ, обнимать собою также и случай дѣтей, работающихъ въ мастерскихъ, которые до настоящаго времени были совсѣмъ избавлены отъ предъявленія медицинскіхъ свидѣтельствъ.

Коммиссія отдаетъ полную справедливость тому вниманію и интересу, съ которыми относятся къ своимъ обязанностямъ многіе изъ выдающихъ свидѣтельства врачей, и выражаетъ мнѣніе, что широкое участіе въ дѣлѣ администраціи фабричнаго законодательства представителей медицинской профессіи, отличающейся своими научными познаніями и общимъ развитіемъ, немало способствовало надлежащему приему фабричныхъ актовъ со стороны заинтересованнаго населенія.

Весьма многіе изъ этихъ врачей свидѣтельствовали передъ коммиссіею, что ухудшеніе физическаго состоянія населенія въ фабричныхъ городахъ въ послѣдніе годы возрастало все болѣе и болѣе. Въ этомъ смыслѣ заслужили особенно широкую извѣстность и даже повлекли за собою журнальную полемику (см. напр., «*Saturday-Review*», 1875, july 10, показанія болтонскаго врача *Ferriscon* (9858 и слѣд.), по словамъ котораго, цѣлая половина дѣтей, приходившихъ къ нему за медицинскими свидѣтельствами въ теченіи 1869—73 года, оказывалась негодною къ работѣ. Онъ дѣлалъ надъ дѣтьми разнородныя изслѣдованія—опредѣлялъ ихъ ростъ, вѣсъ и тому под., и на основаніи своихъ опытовъ, считаетъ себя вправѣ утверждать, что здоровье

жизнь ухудшается съ году на годъ. Главныя причины этого явления заключаются, по мнѣнію этого врача, въ неумѣренномъ образѣ жизни фабричныхъ рабочихъ, въ замѣнѣ молока чаемъ и въ раннемъ употребленіи табуку. Что касается употребленія въ пищу чая, то, по его наблюденіямъ, оно оказываетъ, сравнительно съ потребленіемъ молока, крайне вредное вліяніе на ростъ дѣтяти. Сверхъ того, около половины воѣхъ дѣтей отъ 12 до 20-лѣтняго возраста предаются въ настоящее время куренію и нюханію табуку. Тотъ же взглядъ подтверждается и другими врачами. Такъ, напр., врачъ *Аридонъ* находитъ значительное улучшеніе въ одеждѣ и въ манерахъ нѣмѣнскихъ фабричныхъ дѣтей (1836), но физическаго улучшенія не находитъ и приписываетъ это обстоятельство кратковременному дѣйствію фабричныхъ поставовленій, которое еще не могло вознаграждать за послѣдствія чрезмѣрной работы въ прежнее время. По словамъ шеффилдскаго врача *Ардена* (12,090), 13-лѣтнія дѣти кажутся часто 11-лѣтними отъ недостаточнаго роста и прироста, по этой причинѣ, въ развитіи мускуловъ. Всему виной въ данномъ случаѣ, по его мнѣнію, дурной образъ жизни и особенно невѣжество родителей. Той же самой причинѣ приписываютъ ухудшеніе физическаго здоровья дѣтей патронъ *Гинтеръ* (12,181) и врачъ *Поттманъ* (12,779), изъ которыхъ первый особенно настаиваетъ на томъ, что самая работа тутъ не причесть, второй же, на основаніи 30-лѣтняго опыта, увѣряетъ, что въ настоящее время дѣти одного и того же возраста цѣлою головою ниже, чѣмъ 30 лѣтъ тому назадъ. По мнѣнію доктора *Ватсона* (15,745), ослабленіе дѣтскихъ организмовъ имѣетъ причину чрезмѣрную работу родителей до приведенія въ дѣйствіе настоящихъ фабричныхъ поставовленій, несоотвѣтствующій нѣжному возрасту родъ работы, кормленіе матерью ребенка во время работы и т. п. Онъ утверждаетъ, сверхъ того, что и въ настоящее время медицинскій надзоръ за дѣтьми предупреждаетъ весьма многія вредныя послѣдствія фабричной работы. Врачъ *Мердонъ* (17,657) перечисляетъ цѣлый рядъ явленій, оказывающихъ крайне пагубное вліяніе на физическое развитіе фабричныхъ рабочихъ, какъ-то: неумѣренное употребленіе опиума какъ взрослые, такъ и дѣтьми, несоотвѣтствующая организму пища, пьянство взрослыхъ, особенно возрастающее въ послѣднее время среди женщинъ, дурная домашняя обстановка, куренье и нюханье табуку. Наконецъ, священникъ *Друммонъ* (19,673) обращаетъ вниманіе комиссіи на чрезмѣрную нервную раздражительность работающихъ на фабрикахъ дѣвочекъ, которая, между прочимъ, выражается въ наклонности къ безпричинному крику

и смѣху, и объясняютъ это явленіе разными занятіями на фабрикахъ и въ школахъ.

Что касается самой коммисіи, то она не сомнѣвается, что среди населенія, которое въ теченіи болѣе чѣмъ одного поколѣнія живетъ въ переносныхъ людскихъ лодкахъ, существуетъ работою въ производствѣ тканей и дышетъ недоровой атмосферой, должно встрѣяться вообще болѣе слабое физическое развитіе и, быть можетъ, даже менѣе крѣпкое сложеніе, чѣмъ среди тѣхъ, кто пользуется здоровымъ воздухомъ и лицею. Она двоякъ соглашается съ заявленными ей мнѣніями, что образъ жизни значительной части фабричнаго населенія оказываетъ на его здоровье болѣе вредное вліяніе, нежели условія промышленныя его занятія. Поспѣшно приготовленная и послѣднѣю сдѣланная цѣпа, небрежное отношеніе къ младенцамъ, поручаемымъ нянчѣмъ-ребенку, неумѣренность и вообще употребленіе табаку среди маленькихъ мальчиковъ — таковы могущія причины вырожденія рабочаго населенія. Съ другой же стороны, коммисія можетъ сослаться на свидѣтельство *Бриджса* и *Гоммеса* (Цирк. Д., 85), на основаніи котораго общее впечатлѣніе, произведенное на нихъ дѣтьми, работающими на фабрикахъ, было во многихъ отношеніяхъ *неблагоприятное*, а, въ сравненіи съ дѣтьми восточной части Лондона или сельскихъ частей *Дидерпула*, было даже *замѣтно лучше*. Въ замѣчательномъ и работливо составленномъ трудѣ врача *Роберта*, находящемся въ предложеніяхъ къ изслѣдованіямъ коммисіи, показано, что въ теченіи послѣднихъ 40 лѣтъ произошло всеобщее улучшеніе въ физическомъ развитіи фабричныхъ дѣтей, такъ что окружающая среда дѣтей одного и того же возраста оказывается въ настоящее время на цѣлый дюймъ шире, чѣмъ 40 лѣтъ тому назадъ. Коммисія надѣется, что болѣе распространеніе образованія и другія благотворныя вліянія, дѣйствующія въ обществѣ, будутъ способствовать поддержанію въ народѣ болѣе благоразумнаго экономическаго образа жизни и это сокращеніе рабочаго дня, ставшее въ настоящее время нормою почти во всѣхъ отрасляхъ промышленности, повлечетъ за собою въ тѣченіи слѣдующаго поколѣнія результаты столь же прогрессивныя и удовлетворительныя, какъ и тѣ, которые уже достигнуты, благодаря внимательству въ занятія женщннъ и дѣтей на фабрикахъ и въ мастерскихъ.

Но ограничиваясь требованіемъ медицинскихъ свидѣтельствъ отъ поступающихъ въ работу дѣтей, законодательство предписываетъ, сверхъ того, цѣлый рядъ мѣръ, относящихся къ санитарнымъ условіямъ рабочихъ помѣщеній. Древнѣйшее предписа-

ніе въ этомъ родѣ повелѣваетъ, чтобы потолокъ и стѣны фабрики мылись мыломъ и чтобы число оконъ было достаточно для доставленія постоянного притока свѣжаго воздуха (Act of 42, Geo. 3 с. 78). Предписаніе это повторялось и въ послѣдующихъ актахъ, но, такъ какъ оно до настоящаго времени носитъ болѣе и менѣе частный и спеціальнѣйшій характеръ, то коммиссія предлагаетъ распространить его дѣйствіе на всѣ фабрики и мастерскія, чтобы каждый предприниматель обязывался держать рабочее помѣщеніе въ чистотѣ и, насколько это возможно, удалять вентиляціей всевозможныя газы, пыль и всякую иную нечистоту, составляющую результатъ мануфактурнаго процесса и оказывающую вредное вліяніе на здоровье. Помимо этого, необходимо, по мнѣнію коммиссіи, въ будущемъ консолидированномъ актѣ выяснить отношенія между постановленіями общихъ санитарныхъ актовъ и тѣхъ предписаній, которыя внесены въ фабричное законодательство. Это тѣмъ болѣе важно, что въ настоящее время существуютъ нѣкоторые недоразумѣнія по отношенію къ санитарной юрисдикціи фабричныхъ инспекторовъ и мѣстныхъ властей, послѣдствіемъ которыхъ является, напр. то обстоятельство, что мастерскія остаются въ сторонѣ отъ всякаго санитарнаго надзора. Коммиссія рекомендуетъ, чтобы обязанности и соответствующая имъ юрисдикція мѣстныхъ властей были сохранены во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда фабрика или мастерская является частью жилья и въ ней работаютъ исключительно жильцы дома. Она предлагаетъ, сверхъ того, чтобы вынужденіе исполненія санитарныхъ предписаній было вѣдѣно въ непремѣнную обязанность фабричныхъ инспекторовъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, на которые распространяется ихъ власть, и чтобы инспектору дано было право призывать къ содѣйствію мѣстныхъ санитарныхъ чиновниковъ, окружныхъ врачей и другіе медицинскіе и санитарные авторитеты для совѣщанія съ ними по вопросу о санитарныхъ условіяхъ фабрики или мастерской и о мѣрахъ къ ихъ улучшенію.

Изъ числа спеціальныхъ постановленій коммиссіи обращаемъ вниманіе на то изъ нихъ, которое было внесено въ актъ 1844 года и имѣло цѣлью оказать защиту лицамъ, занятіе которыхъ состоитъ въ смачиваніи льняной пражы и т. п. Постановленіе это не исполнялось какъ слѣдуетъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ отчетъ гг. *Бриджса* и *Гольмса*: «Средства, которыя употребляются для того, чтобы рабочіе не подвергались мокротѣ и брызгамъ, состоятъ или въ помѣщеніи передъ веретенами щита и въ снабженіи рабочихъ фартуками или же, какъ это дѣлается вообще въ Ирландіи, въ одномъ только по-

сдѣланы... Но фартухи, въ которыхъ работаютъ прядильщики и которые носятъ поверхъ легкой одежды, не доставляютъ ни въ какомъ случаѣ достаточной защиты отъ сырости, и въ нѣкоторыхъ помѣщеніяхъ количество пара, удаляемое изъ желобовъ, по временамъ бываетъ такъ велико, что сырость постоянно выветъ сверху». Но нѣкій *Кармиказъ* — фирмы братьевъ *Бакстеръ*, указалъ комиссіи на болѣе дѣйствительное средство противъ этого зла, практикуемое у нихъ въ Дунди: «при смазываніи пряжи, брызги, отбрасываемыя веретенами... служатъ причиною большого неудобства для рабочихъ, потому что дѣлаютъ сырыми полы, комнаты и платье самихъ рабочихъ (дѣвушекъ). Чтобы избѣгнуть этого, мы уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ ввели желѣзный экранъ передъ веретенами на такомъ отъ нихъ разстояніи, чтобы не помѣшать связывать концевъ пряжи и другимъ подобнымъ операціямъ. Этотъ экранъ и загнутъ такимъ образомъ, что походитъ на желобъ доковой крыши, собирающій воду, а потому онъ служитъ для скопленія всѣхъ брызговъ, которыя потомъ стекаютъ съ него въ концѣ рамы въ общую водосточную трубу и выносятся вонъ вмѣстѣ съ брызгами всѣхъ прочихъ рамъ. Это дѣлаетъ комнату болѣе удобною и полъ болѣе сухимъ и даетъ возможность два раза въ недѣлю мыть полы мыломъ»... Комиссія надѣется, что упомянутое постановленіе будетъ соблюдаться впредь лучше нижшняго.

Дальнѣйшее специальное предписаніе (1867 года) даетъ фабричному инспектору право настаивать на употребленіи вентиляторовъ въ шлифовальныхъ мастерскихъ, чтобы предупредить вдыханіе пыли. Это предписаніе должно быть, по мнѣнію комиссіи, удержано въ полной силѣ, и комиссія сожалѣетъ, что до настоящаго времени оно дѣйствовало не на столько существенно, чтобы произвести прочное улучшеніе въ положеніи рабочихъ въ наиболѣе опасномъ процессѣ, къ которому оно пригнѣтается. По словамъ врача *Ардемъ* въ Шеффилдѣ (12073—5), средняя жизнь каждаго изъ 100 шлифовальщиковъ не продолжается долѣе 35 лѣтъ. «Сами шлифовальщики вамъ скажутъ, утверждаетъ онъ:—что шлифовальщикъ 40 лѣтъ есть рѣдкость и что на него смотреть какъ на старика». Впрочемъ, врачъ *Ардемъ* соглашается, что въ теченіи послѣднихъ 10—12 лѣтъ, вслѣдствіе введенія въ Шеффилдѣ вентиляторовъ, заболѣваемость шлифовальщиковъ уменьшилась болѣе, чѣмъ на половину. Комиссія призываетъ, сверхъ того, вниманіе публики къ одному случаю, въ надеждѣ, что гласность можетъ повести къ какому-нибудь изобрѣтенію, которое могло-бы устранить слѣдующее без-

образное явленіе: тонкіе сорта фарфора, для поддержанія надлежательности разотрѣванія, укладываются въ моробки съ пескомъ и въ такомъ видѣ помѣщаются передъ огнемъ; послѣ пропеченія — песокъ, крѣпко пристающій къ сырой глиня; удаляется посредствомъ щетокъ; и такимъ образомъ рабочіе постоянно находятся въ атмосферѣ, прѣисполненной частичками мелкой пыли. Почти невѣроятно, что столь простое дѣло не можетъ обойтись безъ близкаго присутствія человѣка; и коммиссія говорила хорошіе авторитеты, что рабочіе, трудящіеся при такихъ условіяхъ, неизбежно теряютъ здоровье, а болѣею частью, теряютъ и жизнь. Существуетъ одно механическое приспособленіе для отвлеченія большей части подобной пыли, и оно употребляется на мануфактурѣ *Минтона*; но и оно не исполнѣ дѣйствительно, и въ то же время слишкомъ дорого. Употребленіе респираторовъ совѣтовали довольно часто и; быть можетъ; оно современемъ будетъ вынуждаться съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ теперь. Не подлежитъ сомнѣнію, что дѣвушка; работающія въ гончарныхъ мануфактурахъ, слишкомъ беззаботны для этого и; по мнѣнію коммисіи, покорятся только болѣе строгимъ мѣрамъ, чѣмъ тѣ; которыя практикуются въ настоящее время.

Оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя другія спеціальныя постановленія, перейдемъ къ разсмотрѣнію мѣръ, относящихся къ *охраненію машинъ*. Мѣры эти, по свидѣтельству коммисіи; оказались весьма полезными и; принимая въ соображеніе страшное число ежегодно происходящихъ несчастныхъ случаевъ; не могутъ считаться слишкомъ строгими. Тѣмъ не менѣе, и въ этомъ отношеніи остается еще сдѣлать весьма многое, и прежде всего необходимо придать постановленія объ этомъ предметѣ болѣе универсальный характеръ, чѣмъ тотъ, который они отличаются въ настоящее время, иными словами — распространить ихъ дѣйствіе на всѣ, безъ исключенія, опасныя машины. Помимо этого, коммиссія совѣтуетъ, по предложенію, между прочимъ, субъ-инспектора *Мостана*, внести въ консолидированный актъ постановленіе, въ силу котораго подвергались бы наказанію предприниматели, снимающіе ограду даже на время, подъ предлогомъ починки и т. п., вслѣдствіе чего нерѣдко происходятъ значительныя несчастія.

По отношенію къ *защитѣ женщинъ* коммисіи нерѣдко приходилось выслушивать мнѣнія; что въ этомъ направленіи законодательство сдѣлало уже все возможное и что ему скорѣе слѣдовало идти назадъ; нежели впередъ. Сама коммиссія полагаетъ, что, несмотря на свои благоухѣтельныя послѣдствія, та часть законодательства о фабрикахъ, которая относится къ труду выро-

слихъ женщинъ, не должна считаться неизмѣнною и вѣчною, но, по всей вѣроятности, мало-по-малу, теряетъ свое значеніе. Условія, которыя будутъ, по мнѣнію комиссіи, способствовать достиженію этого результата, состоятъ, во-первыхъ, въ постепенномъ улучшеніи общества, а во-вторыхъ, въ учрежденіи среди женщинъ-работчихъ такихъ организацій, которыя были бы сходны съ союзами сопротивленія¹, такъ сильно способствующими улучшенію положенія мужчинъ. Подобныхъ организацій, однакоже, до сихъ поръ еще у женщинъ не существуетъ; и удачная забастовка, происходившая изъ-за возвышенія платы между работницами въ Батли и въ Дьюсбюри, можетъ быть признана исключительною. Такъ-называемая стачка вязальщицъ чулокъ въ Лейчестерѣ, на основаніи ближайшихъ изслѣдованій, оказалась комбинаціей между ними и продавцами чулокъ и была направлена противу ненужнаго вмѣшательства посредниковъ. Союзы сопротивленія, устроенные благотворителями между инваси, переплетчицами и обойщиками въ Лондонѣ, еле-еле существуютъ. Въ виду всего этого, комиссія высказывается въ пользу сохраненія непринимосновеннымъ существующаго законодательства о женщинахъ, находя, что еще не пришло время не только отменить его, но даже и подвергать какому-либо серьезнымъ модификаціямъ.

Нѣкоторые свидѣтели особенно настаивали на введеніи въ законодательство одного новаго ограниченія въ интересахъ казѣ дѣтей, такъ и самыхъ матерей. Высокій уровень смертности среди малолѣтнихъ дѣтей въ фабричныхъ городахъ приписывается не только несоотвѣтствующей организу пищѣ и другимъ вреднымъ для здоровья условіямъ, неразлучнымъ съ жизнью въ городѣ, но также отсутствію (находящейся на фабрикѣ) матери въ первое время жизни младенца, а отчасти и слишкомъ продолжительному пребыванію на работѣ будущей матери въ теченіи періода беременности². На этомъ основаніи, напримѣръ, *Бриджъ* и *Галлсъ*, въ своемъ отчетѣ, высказываются въ пользу необходимости принятія какихъ-нибудь мѣръ для ограниченія работы матерей-кормилицъ. Они прибавляютъ слѣдующее: «Намъ

¹ Trades unions.

² Въ этомъ отношеніи привлеку къ себѣ особенное вниманіе прессы (см., напримѣръ, «*Saturday-Review*» 1876, Oct. 2, p. 419, слѣдующій случай, сообщенный субъ-инспекторомъ *Бреуэромъ* въ отчетѣ, представленномъ инспектору *Вестру*: «Управляющій одного кирпичнаго завода въ Black Country замѣтилъ однажды, что перетаскивающая глину дѣвушка имѣетъ весьма болѣзненный видъ; полагая, что она пропьянствовала всю предъидущую ночь, онъ крикнулъ ей: «зачѣмъ вы поднимаете сегодня такъ много, Клара?» — И въ бы не поднимали больше, отвѣчала она:—еслибы родили ночью младенца».

не кажется невыполнимымъ и, во всякомъ случаѣ, кажется весьма желательнымъ такое приспособленіе, благодаря которому матери новорожденныхъ младенцевъ получили бы возможность или посвящать работѣ только половину времени, или даже совсѣмъ оставлять на время фабрику».

Находя, что введеніе въ данномъ случаѣ системы «полувремени» было бы мѣрою крайне непопулярною и потому затруднительною, комиссія не останавливается передъ нею и старается выяснитъ вопросъ: не представляется ли средствъ къ совершенному прекращенію работы родильницъ? Комиссія не желаетъ умалать зла, достаточно подтвержденнаго многими фактами, известными уже и палатѣ, и публикѣ. Обращаясь къ иностраннымъ законодательствамъ, комиссія узнала, что, по новому швейцарскому союзному закону, «запрещается работать на фабрикѣ въ теченіи шести недѣль до и послѣ родовъ». Подобное же постановленіе существуетъ также и въ Австріи. Но вопросъ состоитъ въ томъ: выполняется ли оно надлежащимъ образомъ? По поводу примѣненія на континентѣ подобныхъ постановленій, свидѣтель Менделла (2370) объяснилъ комиссіи слѣдующее: «... Я нашелъ, что въ Гларусѣ и въ другихъ кантонахъ этотъ законъ былъ уже въ дѣйстви, и сказалъ члену фабричной комиссіи, что не понимаю, какъ они могутъ приводить его въ исполненіе—вѣдь женщина можетъ это скрыть и отъ нихъ, и отъ себя самой? Онъ отвѣчалъ мнѣ на это: однакоже, законъ на практикѣ дѣйствуетъ; та или другая женщина, конечно, можетъ ввести въ заблужденіе, но, среднимъ числомъ, замужнія женщины умѣютъ подраздѣлять свое время надлежащимъ образомъ; за мѣсяць до родовъ или около этого онѣ оставляютъ работу и восстанавливаютъ балансъ впоследствии.—Но если женщина работаетъ до самаго момента родовъ, спросилъ я:—какъ накажете вы ее?—Мы не можемъ наказать ее иначе, былъ отвѣтъ:—какъ только тѣмъ, чтобы она оставалась дома все время, предназначенное для нея». Отсюда слѣдуетъ, заключаетъ комиссія:—что на предпринимателя не возлагается отвѣтственности за нарушение закона. По крайней мѣрѣ, въ фабричномъ законѣ нѣтъ такого предписанія. А, за отсутствіемъ его, какъ можно услѣдить за выполненіемъ закона? Еще въ Швейцаріи это, можетъ быть, легко, потому что предприниматель знаетъ всю предшествующую жизнь своихъ рабочихъ. Но, по отношенію къ Великобританіи, комиссія не рѣшается предложить такой мѣры (?) и рассчитываетъ на благотѣльные послѣдствія отъ общественныхъ учрежденій для кормленія младенцевъ (а мать?).

Остается рассмотреть вопросъ о *запрещенной работѣ*. На

основаніи существующихъ постановленій, абсолютно воспрещает- ся работать женщинамъ въ подземныхъ частяхъ рудниковъ и въ процессахъ плавленія и крашенія стекла въ стекляннѣй ману- фактурѣ; дѣвушкамъ ниже 16 лѣтъ, помимо этого, на кирпич- ныхъ заводахъ (обыкновенныхъ); мальчикамъ ниже 12 лѣтъ въ стекляннѣй мануфактурѣ и дѣтямъ ниже 11 лѣтъ въ процес- сахъ шлифованія металловъ и разрѣзыванія пилы.

Что касается новыхъ дополненій, которыхъ требуютъ эти пред- писанія, то въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вни- манія слѣдующій случай. Рѣчь идетъ объ участіи женщинъ въ производствѣ гвоздей и цѣпей въ округахъ Black-Country, объ которомъ высказывались до того часто, что комиссія не рѣ- шается пройти его молчаніемъ. Вопросъ этотъ поднимался да- же въ парламентъ и въ сильной степени занялъ собою обще- ственное мнѣніе. Инспекторъ *Бэмеръ*, въ своемъ отчетѣ 1874 года, призываетъ особенное вниманіе министерства къ отчету двухъ своихъ субъ-инспекторовъ и утверждалъ, что сами рабо- чіе настоятельно требуютъ, чтобы трудъ женщинъ и дѣтей въ этой отрасли промышленности былъ подвергнутъ ограниченію. Одинъ изъ числа инспекторовъ школы *Самфордъ*, въ свою оче- редь, свидѣтельствовалъ, что рабочіе жаждутъ болѣе строгаго надзора за посѣщеніемъ ихъ дѣтьми школъ. Въ добавокъ къ этому, комиссію поразили нѣкоторые весьма грустные сообще- нія мѣстной прессы относительно преобладающаго въ этомъ округѣ жестокаго обычая мужчинъ проводить большую часть своего времени въ праздности и принуждать къ работѣ свои семейства. Убѣдившись въ важности этого вопроса, комиссія рѣ- шилась допросить самихъ рабочихъ и посѣтить кузнечныя ма- стерскія.

Еще раньше, чѣмъ комиссія успѣла достигнуть этого округа, появился новый отчетъ инспектора *Бэмера* за полугодіе, окончив- шееся 30-го апрѣля 1875 года, въ которомъ онъ цитируетъ нѣ- которыя мѣста отчета субъ-инспектора *Бреуэра* и другіе источ- ники, въ доказательство крайней жестокости и повальнаго пьян- ства гвоздепильщиковъ и цѣповильщиковъ Black-Country. Комиссія находитъ чрезвычайно затруднительнымъ оцѣнить значеніе по- добныхъ показаній. Она не сомнѣвается, что пьянство здѣсь су- ществуетъ и что народъ этотъ грубъ. Но это можетъ быть, по ея мнѣнію, сказано съ равнымъ правомъ о любой части страны. Собственный опытъ убѣждаетъ ее въ томъ, что нравы населенія отличаются грубостью во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ занятія имѣютъ грязный характеръ, и пьянство дѣлается чрезвычайнымъ, гдѣ работа происходитъ въ помѣщеніяхъ съ высокою темпера-
Т. ССXXXII. — Отд. I.

турю. Оба эти условия соединяются въ цѣпочномъ и гвоздарномъ занятіяхъ. Но, напр., въ Шеффилдѣ секретарь союза шлифовальныхъ ножицъ *Гам* говорилъ то же самое о рабочихъ этой послѣдней отрасли, а именно—что около половины ихъ пьютъ по понедѣльникамъ больше, чѣмъ нужно. Тоже явлено существуетъ, въ извѣстныхъ разбѣрахъ, въ гончарномъ округѣ, и комиссія опасается, что въ Ланкаширѣ дѣло находится не въ лучшемъ положеніи. Такимъ образомъ, есть немало и довольно грустныхъ обстоятельствъ, доказывающихъ, что помянутая характеристика прилагается не къ одному только округу гвоздевицъ и цѣповицъ. Въ своемъ стремленіи улучшить положеніе рабочаго населенія въ этомъ разрядѣ занятій, субъ-инспекторъ *Бреуэръ*, по мнѣнію комиссій, отчасти преувеличилъ дѣло. Но, выражаясь такимъ образомъ, комиссія нисколько не жаляется умалить громадныхъ заслугъ этого представителя инспекціи по части надзора за посѣщеніемъ дѣтскими школь въ этой мѣстности, на точномъ основаніи акта о мастерскихъ. Еще въ 1874 году, г. *Бреуэръ* показывалъ цифру дѣтей, посѣщающихъ школы, въ 732 человека, а въ 1875 году она уже возрасла до 1,088 не говоря о томъ, что, до поступленія на должность *Бреуэра*, постановленія о посѣщеніи школь въ этомъ округѣ никѣмъ не охранялись и не соблюдались. Комиссія вообще надѣется, что строгое исполненіе акта о воспитаніи, вмѣстѣ съ регулированіемъ труда, въ которомъ народъ уже подготовленъ, будутъ способствовать постепенному устраненію недостатковъ въ социальномъ и въ моральномъ положеніи какъ помянутаго округа, такъ и другихъ сродныхъ съ нимъ.

Производство гвоздей и цѣпей ведется болѣею частью въ маленькихъ мастерскихъ. По словамъ *Бреуэра*, въ его округѣ находится около 10,000 мастерскихъ, изъ которыхъ въ каждой работаетъ, среднимъ числомъ, по 3½ лица. Относительно продолжительности труда онъ утверждаетъ, что женщины, молодежь и дѣти постоянно работаютъ больше, чѣмъ слѣдуетъ. На основаніи доставленныхъ ей показаній, комиссія соглашается съ этимъ мнѣніемъ настолько, что излишняя работа встрѣчается въ теченіи извѣстныхъ дней. Но общая масса труда, по ея словамъ, не достигаетъ въ недѣлю узаконенной нормы, т. е. 60 часовъ. Работа, дѣйствительно, въ высшей степени неправильна, что происходитъ, между прочимъ, отъ того обстоятельства, что мужчины въ *Black-Country*, подобно своимъ товарищамъ въ Шеффилдѣ и въ другихъ мануфактурныхъ городахъ среднихъ графствъ, усвоили себѣ обычай праздновать понедѣльникъ и часть вторника, накопля такимъ образомъ цѣлую массу работы

на остальные дни недѣли. Услѣдить въ подобномъ случаѣ за нарушеніемъ закона инспектору весьма затруднительно, такъ какъ, на основаніи акта о мастерскихъ, состояція подъ опекою закона лица могутъ работать отъ 5-часовъ утра до до 9-часовъ вечера. Съ другой же стороны, работа лицъ, всѣхъ возрастовъ и половъ въ этомъ промислѣ тѣснѣйшимъ образомъ между собою связана. Дѣти и молодежь обыкновенно помогаютъ здѣсь мужчинамъ и женщинамъ тѣмъ, что раздуваютъ мѣха, когда тѣ работаютъ. Вотъ что говорить по этому предмету *Блэнтъ* (5,810): «если мужчинѣ нужно вставать въ 5-часовъ утра, а дѣти могутъ вставать только въ 7, то ему лучше оставаться въ постели, такъ какъ ему нельзя работать безъ нихъ». А отвѣтъ *Грина* (5989) слѣдующій: В. «Если женщины будутъ оставаться на работѣ до 9-часовъ, а дѣти только до 6 или до 7, то не представитъ ли это затрудненій? О. Небольшое затрудненіе произойдетъ отъ того, что онѣ поддерживаютъ свой огонь посредствомъ угля въ маленькой печкѣ среди комнаты, и еслибы дѣти кончали работу въ 7 часовъ, а мать продолжала бы ее до 9 часовъ, то расходъ угля для раскалыванія желѣза былъ бы такой же, какъ еслибы и дѣти продолжали работать».

Несмотря, однако, на существованіе столь тѣсной связи между трудомъ мужчинъ и трудомъ опеваемыхъ закономъ личностей, мужчины настоятельно просили комиссію уменьшить предѣлы рабочаго дня въ мастерскихъ до 12-часовъ. Просьба эта будетъ удовлетворена, если, согласно извѣстному намъ предложенію комиссіи, актъ о мастерскихъ подвергнется ассимиляціи съ актами о фабрикахъ.

Нѣкоторые свидѣтели настаивали въ своихъ показаніяхъ на необходимости запретить женщинамъ изготовлять тяжелые гвозди и цѣпи. Но комиссія опасается неискренности нѣкоторыхъ изъ подобныхъ показаній мужчинъ, какъ вызываемыхъ иногда соперничествомъ. Такое, напр., соперничество существуетъ между тѣми округами, гдѣ трудъ женщинъ имѣетъ широкое распространеніе, и тѣми, гдѣ онъ употребляется весьма рѣдко. Слѣдующее показаніе *Странджера*¹ изъ Ольдъ-Гилла свидѣтельствуетъ, по мнѣнію комиссіи, каково вліяніе на занятіе мужчинъ оказываетъ работа женщинъ. «Способъ, посредствомъ котораго ведется въ этомъ округѣ цѣпное дѣло, есть слѣдующій: на первомъ планѣ тутъ стоятъ козлевы или, какъ ихъ обыкновенно у насъ называютъ, мастера; за ними слѣдуютъ подрядчики или посредники, называемые ховѣйскими людьми; эти послѣдніе содержатъ

¹ Рабочій изъ Вальсала (5488).

помѣщенія съ 1—2 и даже съ 10 огнями, въ которыхъ они работаютъ съ своими семействами и рабочими, мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки — всѣ вмѣстѣ. Способъ, которымъ раздается работа изъ хозяйскаго склада, представляетъ родъ аукциона на изнанку. Въ понедѣльные утрянъ, хозяйскіе люди собираются около хозяйскаго склада, гдѣ хозяинъ говоритъ имъ, въ какой работѣ онъ нуждается, и, если только работа очень важна, онъ стѣсываетъ каждого по очереди и спрашивается объ ихъ цѣнѣ, постоянно отдавая работу тому, кто беретъ всего меньше. Но часто случается, что мастера имѣютъ неособенно спѣшные заказы, напр., не раньше конца трехъ мѣсяцевъ или нѣсколько позже. При такихъ условіяхъ, когда хозяйскіе люди являются по обыкновенію къ хозяйскому складу, ища работы, то самъ хозяинъ не показывается, а посылаетъ отъ себя кого-нибудь изъ подчиненныхъ, которые съ недовольнымъ видомъ говорятъ людямъ, что дѣло идетъ плохо, что хозяинъ нѣтъ дома и что онъ боится, что заказовъ вовсе не будетъ, если не понизятся сильно цѣны. Это продѣлывается день за днемъ до тѣхъ поръ, пока часть рабочихъ, сохранившихъ самоуваженіе, съ неудовольствіемъ уходитъ прочь, оставляя работать наиболѣе нуждающихся, которые принуждены согласиться на всякія условія хозяина, и тогда эти послѣдніе съ женами и дѣтьми работаютъ день и ночь, сколько только могутъ, чтобы возстановить потерянное время. До введенія въ дѣйствіе актовъ о фабрикахъ и мастерскихъ, молодыя женщины и дѣвушки точно такъ же, какъ и мужчины работали всю ночь, особенно наканунѣ праздниковъ. Общія послѣдствія такого состоянія вещей вполнѣ очевидны. Оно принуждаетъ мужчинъ работать столь же дешево, какъ и дѣтей и женщинъ, и, кромѣ того, они обязаны выполнять такое громадное количество работы для поддержанія своего существованія, что не имѣютъ времени заняться, какъ слѣдуетъ, своимъ дѣломъ; побужденіе къ хорошей работѣ устраняется чрезмѣрнымъ соперничествомъ, и такимъ образомъ, благодаря безотвѣтности дѣтей и женщинъ, рынокъ переполняется дешевой, но дранной работой. Что касается самихъ дѣтей и женщинъ, то ихъ положеніе весьма тяжело. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ, мнѣ встрѣчались случаи, что они брались дѣлать шесть паръ американскихъ постромокъ (? traces), содержащихъ около 4 дюймовъ слишкомъ колець изъ $\frac{1}{4}$ дюймаго желѣза за 9 центовъ. Дѣйствіе этого на вальсальскую промышленность въ полномъ смыслѣ слова опустошительно, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ: за тотъ же самый родъ труда, за который вальсальскій цѣповщикъ беретъ 10 шилл., рабочій этого округа

(Ольдъ-Гилль) получаетъ только 6 шилл. 9 пенсовъ». На основаніи этихъ и другихъ подобныхъ фактовъ, *Стримджеръ* ходатайствуетъ, чтобы было сдѣлано что-нибудь для доведенія рабочаго дня дѣтей и женщинъ до минимума.

Рабочіе союзы Вальсала, продолжаетъ комиссія, постановили правиломъ запрещеніе труда дѣтей и женщинъ въ изготовленіи цѣпей и гвоздей. Но они допускаютъ, что въ другихъ мѣстныхъ стахъ этого было бы недостаточно. Одинъ изъ нихъ, *Гаррисонъ*, прямо говоритъ: «мы знаемъ, что это—вопросъ о задѣльной платѣ и, притомъ, весьма серьезный». Другая депутація цѣповщиковъ выражалась въ такомъ же родѣ. Такъ, *Вудгоузъ* (5729) жаловался, что «тѣ плавильщики и угольщики, которые женились на женщинахъ, умѣющихъ дѣлать цѣпи, наносятъ намъ больше обиды, чѣмъ всякій другой классъ мужчинъ. Эти люди подлапываются подъ насъ по части цѣпей и весьма часто перебиваютъ намъ плату за трудъ». Можно бы привести еще больше показаній, говоритъ комиссія, но достаточно и этихъ, чтобы подтвердить ту мысль, что во всемъ этомъ проявляется довольно естественное раздраженіе, которое чувствуютъ мужчины по поводу обезцѣненія ихъ труда соперничествомъ женщинъ. Возможно также, что ихъ стремленіе добиться такихъ постановленій, которыя ограничили бы работу женщинъ, могло произвольно повести ихъ къ преувеличенію тѣхъ явленій, которыя говорятъ въ пользу ихъ взгляда на вещи. Общимъ правиломъ, по мнѣнію комиссіи, женщины не употребляются для производства самыхъ тяжелыхъ гвоздей и цѣпей. Суда по нѣкоторымъ показаніямъ, этотъ обычай ограничивается только однимъ ольд-гилльскимъ округомъ, да и здѣсь онъ существуетъ, благодаря единственно нѣкоторымъ временнымъ обстоятельствамъ¹.

¹ Эти временныя обстоятельства, по словамъ гвоздещика *Балла*, состоятъ въ томъ, что въ недавнее время нѣкоторыми достаточными гвоздевыми заводами въ этомъ округѣ паровые молоты, и какъ, вслѣдъ затѣмъ, цѣна гвоздей упала, то, вмѣсто дорогого труда мужчинъ, стали употреблять дешевый трудъ женщинъ и дѣтей, которымъ только поэтому, молъ, и пришлось выдѣлывать громадной величины гвозди. Временной характеръ этого явленія, по мнѣнію *Балла*, обуславливается состояніемъ цѣны на работу мужчинъ, и онъ надѣется, что, какъ только эта цѣна упадетъ, то мѣста женщинъ и дѣтей снова займутъ мужчины и производство тяжелыхъ гвоздей и цѣпей трудомъ первыхъ само собою прекратится. Между тѣмъ, суда по громадному множеству жалобъ со стороны рабочихъ, трудно думать, чтобы въ данномъ случаѣ дѣло шло о чемъ-либо временномъ и случайномъ. Набогѣе близкое къ истинѣ предположеніе есть то, что, подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго соперничества, плата за трудъ понизилась здѣсь до такой степени, что мужчины часто не заходятъ для себя возможнымъ браться за дѣло и оставляютъ его на долю женщинъ и дѣтей. Вѣтъ можетъ, именно въ этомъ обстоятельствѣ слѣдуетъ

Принимая въ соображеніе всю совокупность извѣстныхъ ей фактовъ и доводовъ, комиссія вполне соглашается, что трудъ нѣкоторыхъ женщинъ въ гвоздарномъ и цѣпочномъ промыслахъ оказывается чрезмѣрно тяжелымъ и нездоровымъ. Но... затрудняясь провести разграничительную черту между тѣми видами работы, которые носятъ подобный характеръ, и другими, которые имъ не отличаются, она не можетъ рѣшиться порекомендовать, въ данномъ случаѣ, какое-либо противодѣйствующее предписаніе. Она рассчитываетъ единственно на здравый смыслъ самихъ женщинъ (?), которыя, вѣроятно, не захотятъ продолжать столь вредной работы, и на общественное мнѣніе округа, которое высказывается относительно послѣдней крайне неодобрительно.

Нѣкоторые изъ свидѣтелей обращались съ ходатайствомъ объ отиѣнѣ запрещенія работать на кирпичныхъ заводахъ дѣвушкамъ до 16 лѣтъ. Они ссылались на то, что большая часть дѣвушекъ избираетъ себѣ родъ занятій гораздо ранѣе достиженія этого возраста, и потому кирпичные заводы не могутъ найти себѣ потребнаго имъ персонала женщинъ. Комиссія нашла, что въ огневыхъ кирпичныхъ заводахъ дѣвушки употребляются на переноску кирпичей. Онѣ поднимаютъ кирпичи отъ 7 до 8 фунтовъ вѣсу каждый, относить ихъ на разстояніи 10—12 ярдовъ и возвращаются обратно. Онѣ совершаютъ эту операцію около 500 разъ въ день, проходя, такимъ образомъ, разстояніе около 6 миль, въ теченіи половины котораго онѣ нагружены вѣсомъ около 15 фунтовъ. Онѣ движутся какъ только могутъ быстро, и работа ихъ еще сильно увеличивается отъ того, что онѣ постоянно нагибаются и поворачиваются, но она не имѣетъ безусловно непрерывнаго характера. На основаніи личныхъ наблюденій, комиссія утверждаетъ, что работа эта тяжела, но что она не является особенно вредною или несоотвѣтствующею для женщины достаточной зрѣлости. На обыкновенныхъ кирпичныхъ заводахъ Стаффордшира еще не искоренилось обыкновеніе переноски сырой глины на формироваальной столѣ, хотя оно и находится на пути къ исчезновенію, благодаря лучшимъ приспособленіямъ въ постройкахъ и въ механизмѣ. Это занятіе труднѣе и вреднѣе, чѣмъ переноска уже сформированныхъ кирпичей. Глину носятъ въ рукахъ и на головѣ, кирпичи—на маленькихъ доскахъ. Два

искать источникъ для объясненія той неудобопонятной лѣности (воздеашиковъ и цѣповщиковъ-мужчинъ, на которую указывали комиссія многие свидѣтели. Намъ кажется, что показанія *Стриджера* и *Балла* должны быть одинаково объясняемы въ только-что указанномъ нами смыслѣ. Сверхъ того, нѣкоторые изъ свидѣтелей (напримѣръ *Гримъ* 6065) доказываютъ, что въ данномъ случаѣ лѣность мужчинъ представляетъ не болѣе, какъ исключительное явленіе.

куса глины, взятые въ присутствіи комиссіи изъ рукъ дѣвушки-носильщицы, моложе 18 лѣтъ, вѣсили 84 фунта (1). Носильщица находится въ постоянномъ движеніи: она почти бѣгаетъ рысью. Передняя часть ея тѣла и платье постоянно мокры и покрыты гнию. По мнѣнію комиссіи, существуетъ лишь ничтожное число занятій, которыя имѣли бы болѣе отталкивающей характеръ и такъ мало соответствовали бы молодымъ дѣвушкамъ и даже дѣтямъ обоюго пола. При такихъ обстоятельствахъ, комиссія не только не советуетъ отменять запрещенія работать на кирпичныхъ заводахъ дѣвушкамъ до 16 лѣтъ, но выражаетъ, сверхъ того, желаніе, чтобы не дозволялось употреблять здѣсь въ дѣло также и мальчиковъ до 14 лѣтъ.

Одни изъ свидѣтелей просили далѣе комиссію настаивать на запрещеніи женской работы въ солеварняхъ; другіе, напротивъ того, требовали (патроны) назначенія въ этой отрасли промышленности болѣе раннихъ часовъ для женщинъ, чтобы удовлетворить условіямъ, при которыхъ она отправляется. Комиссія находить, что работа въ солеварняхъ есть для женщинъ вполне несоответствующая, что она совершается при весьма высокой температурѣ и въ атмосферѣ, полной пару. Не рѣшаясь на абсолютное запрещеніе, комиссія предлагаетъ примѣнять къ этому роду занятій то же предписаніе, какъ и къ кирпичнымъ заводамъ, чтобы помѣнать образованію новаго поколѣнія работницъ въ этой отрасли.

Комиссіи было замѣчено, что нѣкоторые виды промышленности, не упомянутые специально въ законѣ, какъ напримѣръ, наведеніе на стекла зеркальной амальгамы и производство свинцовыхъ бѣлизъ—дѣйствуютъ безусловно разрушительно на здоровье рабочихъ, если только не принимаются заботливыя мѣры по части мытья, перемѣны платья и т. п. Комиссія предлагаетъ внести въ актъ предписаніе о запрещеніи здѣсь дѣтской работы до 16 лѣтъ и, сверхъ того, о разрѣшеніи министру запрещать работу до того же возраста во всѣхъ другихъ подобныхъ отрасляхъ. Помимо этого, по ея мнѣнію, министру, должно быть предоставлено право запрещенія дѣвушкамъ до 16 лѣтъ и дѣтямъ всякой иной работы, хотя бы и неупомянутой въ актѣ, если она окажется не соответствующею ихъ возрасту и полу.

Въ нѣкоторыхъ другихъ родахъ занятій, помимо упомянутыхъ выше, комиссія предлагаетъ нѣсколько поднять существующій запретный возрастъ и довести его, вмѣсто 11 и 12 лѣтъ, до 13: таковы—обрубываніе пилы и шлифованіе металловъ (теперь запрещено до 11 лѣтъ), плавленіе и крошеніе стекла (теперь до 12 лѣтъ) и обмакиваніе въ растворъ спичекъ. Наконецъ, по

мнѣнію комиссіи, необходимо также запретить дѣтямъ старше 3 хъ лѣтняго возраста и женщинамъ постоянное пребываніе на канальныхъ судахъ, чтобы тѣмъ способствовать образованію дѣтей и устраненію зла, происходящаго отъ занятія въ данномъ случаѣ вредными для тѣхъ и для другихъ работами.

Въ отдѣлѣ санитарныхъ мѣръ мы снова наталкиваемся на путаницу и безду противорѣчій въ мнѣніяхъ нашей комиссіи. Наряду съ небольшимъ числомъ вполне дѣльныхъ и основательныхъ предложеній опять таки являются недомолвки, неясности и даже вещи двусмысленныя. Такъ, напримѣръ, запрещеніе дѣвушкамъ работать въ солеварняхъ и на кирпичныхъ заводахъ, а также запрещеніе дѣтямъ заниматься наведеніемъ амальгамы на зеркала, и тому под. носятъ вполне гуманный характеръ и заслуживаютъ всякаго поощренія. Но ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать того же о голословномъ отрицаніи показаній множества врачей относительно ухудшенія физическаго состоянія населенія фабрикъ и мастерскихъ, о неменѣе бездоказательномъ отрицаніи необходимости запретить беременнымъ женщинамъ и родильницамъ оставаться на фабрикахъ и, наконецъ, о совершенно непостижимомъ упорствѣ, съ которымъ комиссіа не рѣшается ограничить работу женщинъ въ производствѣ цѣпей и гвоздей. Что касается перваго пункта, а именно вопроса о здоровьи рабочаго населенія, то онъ, безъ сомнѣнія, представляется весьма сложнымъ, и указаніемъ на куренье и нюханье табаку или на поспѣшное изготовленіе пищи тутъ ровно ничего нельзя подѣлать. Всѣ такіа или подобныа причины только манятъ любопытство и подстрекаютъ умъ узнать, отчего зависятъ онѣ сами? Отчего, напримѣръ, пища готовится и съѣдается поспѣшно? Отчего дѣти поручаются надзору другихъ дѣтей чуть-чуть постарше? Откуда берется неумѣренный и, какъ выражается комиссіа, не экономическій образъ жизни? Неужели же такъ таки и повѣрить комиссіи, что всѣ эти вещи не находятся ни въ какомъ соотношеніи съ родомъ занятій, т. е. съ распредѣленіемъ фабричныхъ часовъ, вѣчнымъ недосугомъ, неумѣренностью въ завтрашнемъ днѣ и со множествомъ другихъ условий капиталистической продукціи, дѣйствіе которыхъ въ указанномъ направленіи не составляетъ въ настоящее время ни малѣйшей тайны?—Относительно вопроса о родильницахъ и о беременныхъ женщинахъ сама комиссіа ссылается на весьма соблазнительный примѣръ швейцарскаго законодательства, но въ примѣненіи къ Великобританіи считаетъ разрѣшеніе его въ томъ же смыслѣ невозможнымъ. Единственная причина такого воздержанія за-

ключается въ томъ, что англійскій фабрикантъ не знаетъ и не можетъ знать всей подготовкой своихъ рабочихъ въ такой же степени, какъ швейцарскій. Но «почему сіе важно?» Если не самъ фабрикантъ, то его управляющій, надсмотрщики, надзиратели, наконецъ, сами рабочіе всегда могутъ указать на беременную женщину, если только сама она найдетъ для себя выгоднымъ почему либо скрывать свое положеніе. Уже будто дѣйствительно такъ трудно различить беременную женщину отъ не беременной?

Наконецъ, по третьему вопросу—относительно женщинъ, изготовляющихъ гвозди и дѣпи—образъ дѣйствій комиссіи является совершенно непонятнымъ. Отвергая ходатайство о запрещеніи работы, она ссылается, во-первыхъ, на то, что трудно провести разграничительную черту между тяжелой и легкой работой, во-вторыхъ—на то, что работа женщинъ тяжела не общимъ правиломъ, а только въ исключительномъ случаѣ и, въ-третьихъ, главнымъ образомъ—на то, что вся агитація по этому дѣлу поднята мужчинами изъ за соперничества съ женщинами. Что касается перваго аргумента, то стоило только хорошенько подумать, и требуемая черта сейчасъ нашлась бы: сами рабочіе не разъ указывали комиссіи, что та или иная *длина* и *ширина* гвоздей или дѣпей не подь силу женщинамъ и дѣтямъ. Въ пользу втораго аргумента найдется самое большое два, три показанія; всѣ же остальные говорятъ противное. Наконецъ, относительно третьяго аргумента можно представить такое множество возраженій, что онъ не устоитъ ни одной минуты. Ограничимся лишь нѣкоторыми. Прежде всего: на какомъ основаніи комиссія заподозрѣваетъ искренность показаній всѣхъ рабочихъ только потому, что нѣкоторые изъ нихъ категорически высказались противъ соперничества женщинъ и дѣтей? Далѣе. Какимъ образомъ можно совмѣстить ту лѣность мужчинъ, о которой говоритъ сама комиссія, съ желаніемъ ихъ, почти единодушнымъ, устранить отъ работы дѣтей и женщинъ, трудъ которыхъ поощраетъ эту лѣность? Помимо этого, не указалъ ли свидѣтель *Стринджеръ* на причину излишней работы въ теченіи послѣднихъ дней недѣли, которая заключается въ томъ, что въ первые дни недѣли идутъ торги съ хозяиномъ? Наконецъ, неизвѣстно, почему можно находить неодобрительнымъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи, стремленіе отца семейства, чтобы жена и дѣти его не истощали себя излишней работой за ничтожную плату, не покрывающую первыхъ потребностей? Вѣдь комиссія не имѣла ровно никакихъ доказательствъ, что подобныя ходатайства предъявлялись ей восторженными женщинами и дѣтями лицами?

IX.

Составъ и дѣятельность инспекціи.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ, и статья наша кончена. Комиссія обращаетъ еще вниманіе на вопросъ не нуждается ли въ какихъ-нибудь серьезныхъ измѣненіяхъ существующая система надзора за исполненіемъ предписаній, регулирующихъ трудъ на фабрикахъ и въ мастерскихъ? Съ этою цѣлью она останавливается на разсмотрѣніи состава и дѣятельности корпораціи фабричныхъ инспекторовъ Великобританіи. Оказывается, что, по мѣрѣ возрастанія числа актовъ, увеличивалось постепенно и самое число членовъ инспекторскаго персонала, такъ какъ каждый новый актъ приносилъ съ собою и новыя обязанности. Въ промежутокъ времени отъ 1833 года по 1844 годъ, въ Великобританіи существовало всего 4 инспектора и отъ 8 до 14 субъ-инспекторовъ, а число учреждений, подлежащихъ надзору, не превышало въ это время — 4,200. Въ 1867 году число субъ-инспекторовъ возросло до 25, а учреждений до 8,000, но за то число инспекторовъ уменьшилось до 2, вслѣдствіе освобожденія двухъ вакансій. Подъ вліяніемъ широкаго распространенія, даннаго въ этомъ году фабричному законодательству, цифра состоящихъ подъ надзоромъ фабрикъ достигла 30,000 и потребовала соответствующаго увеличенія числа инспекціи. Въ виду установленія большаго единообразія въ системѣ надзора, было рѣшено не увеличивать болѣе числа инспекторовъ, а создать вмѣсто этого новую степень инспекторовъ-ассистентовъ, числомъ 2, которые могли бы, находясь подъ вѣдѣніемъ инспекторовъ, наблюдать за 37 субъ-инспекторами. Въ 1871 году, благодаря освобожденію мѣстныхъ властей отъ надзора за мастерскими, обязанности инспекторскаго персонала возросли въ такой мѣрѣ, которая никогда не была какъ слѣдуетъ приведена въ извѣстность. Число учреждений, присоединенныхъ, вслѣдствіе этого, къ прежнимъ, достигало, по тогдашней оцѣнкѣ, 110,000, но впоследствии было уменьшено до 20,000. Для удовлетворенія потребностямъ надзора въ этихъ новыхъ учрежденіяхъ, число инспекторовъ-ассистентовъ было доведено до 4 и установлена новая должность младшихъ субъ-инспекторовъ, которые должны были служить помощниками субъ-инспекторовъ.

Въ настоящее время, корпорація состоитъ изъ 2 инспекторовъ, 4 инспекторовъ-ассистентовъ, 38 субъ-инспекторовъ и 11 млад-

ныхъ субъ-инспекторовъ. Помимо этого, субъ-инспектора подраздѣляются еще по отношенію къ размѣру жалованья на двѣ группы классовъ, причѣмъ содержаніе каждаго класса возвышается съ году на годъ—въ видахъ удержанія на службѣ людей, особенно опытныхъ и образованныхъ.

Со времени перваго учрежденія инспекціи обязанности ея существенно измѣнились. Первые 4 инспектора имѣли назначеніемъ содержать подъ своимъ личнымъ надзоромъ то небольшое число фабрикъ—около $\frac{1}{12}$ части нынѣшняго, которое было подвергнуто регламентации. Въ настоящее время, прежнее дѣло инспекторовъ выполняется субъ-инспекторами. Увеличеніе ихъ числа и тотъ особенный характеръ, которымъ отличаются многіе новѣйшіе акты, какъ по отношенію къ обширному объему власти, предоставляемой ими инспекціи, такъ и по отношенію ко множеству содержащихся въ нихъ неясныхъ модификацій, значительно увеличили обязанности и отвѣтственность нынѣшнихъ 2 инспекторовъ и 4 инспекторовъ-ассистентовъ.

Что они прекрасно справляются съ поманутыми обязанностями и отвѣтственностью, доказывается всеобщей популярностью фабричнаго законодательства и тѣмъ обстоятельствомъ, что на нихъ же была недавно возложена администрація мастерскихъ, а также великимъ улучшеніемъ въ положеніи рабочихъ классовъ. Но это, по мнѣнію комиссіи, нисколько не мѣшаетъ существованію нѣкоторыхъ недостатковъ въ организаціи этихъ высшихъ представителей инспекціи. Такъ напримѣръ, комиссія находитъ, что равноправность двухъ инспекторовъ препятствуетъ имъ дѣйствовать вполне согласно и тѣмъ вредитъ единству администраціи. Инспекторъ *Редгрэвъ* говорилъ комиссіи, что онъ обыкновенно не вчиняетъ иска противъ предпринимателя за нарушение закона вслѣдствіе одного того факта, что найдетъ въ мастерской дѣтя или женщину по прошествіи узаконеннаго часа, между тѣмъ какъ инспекторъ *Бекеръ* утверждалъ, что поступаетъ въ подобныхъ случаяхъ наоборотъ. И дѣйствительно, число судебныхъ преслѣдованій, вчиняемыхъ *Бекеромъ* въ теченіи года, превышаетъ почти вдвое соответствующую цифру въ отчетахъ *Редгрэва*. Комиссія держится мнѣнія, что даже прежніе періодическіе съѣзды 4 инспекторовъ были лучшимъ учрежденіемъ, тѣмъ то почти полнѣйшее отсутствіе связи, какое существуетъ въ настоящее время между двумя инспекторами: однимъ, живущимъ въ Лондонѣ, а другимъ—въ средней Англіи. Поэтому, комиссія предлагаетъ на будущее время удержать только одного инспектора, который бы подчинялся министерству (?) и жилъ въ Лондонѣ.

Что касается должности инспектора-ассистента, то, по мнѣнію комиссіи, она должна представлять собою нѣчто въ родѣ должности намѣстника инспектора; инспекторъ-ассистентъ долженъ быть непосредственнымъ главою надъ субъ-инспекторами, санкціонировать вчиняемые ими искы, направлять ихъ дѣятельность и т. д. Но этой власти ассистенту дано не было: онъ занималъ чуть не должность клерка при инспекторѣ, рассматривалъ отчетъ субъ-инспекторовъ и т. под. На это подчиненное положеніе ассистенты жаловались комиссіи, и она полагаетъ, что по отношенію къ нимъ большая децентрализація власти будетъ имѣть благія послѣдствія. Совсѣмъ другое дѣло должность субъ-инспектора: эта послѣдняя—по мнѣнію комиссіи, должна оставаться по прежнему подчиненною, для удовлетворенія требованій единообразія въ отправленіи надзора за фабриками.

Въ нѣкоторыхъ округахъ свидѣтели изъ рабочаго класса жаловались комиссіи, что они встрѣчаютъ затрудненія въ доступѣ къ субъ-инспектору, когда представляютъ ему случай систематической излишней работы и притѣсненій со стороны хозяина, а также обвиняли субъ-инспектора въ небрежности и въ индифферентизмѣ. Комиссія нашла, что въ бѣльшей части случаевъ субъ-инспекторъ не пренебрегалъ жалобами, хотя и не производилъ изслѣдованія тѣми самыми способами, которые предлагались ему истцами, но что, тѣмъ не менѣе, есть и правда въ жалобахъ на малодоступность этихъ чиновниковъ. Такъ, напр., весьма многіе субъ-инспекторы прямо заявляли комиссіи, что они не желаютъ дозволить, чтобы представители рабочаго класса приходили съ своими жалобами въ ихъ частныя жилища, и что для этого существуетъ почта. Комиссія не споритъ противъ того, что скромные размѣры помѣщенія субъ-инспектора, получающаго отъ 300 до 400 ф. ст. въ годъ, оправдываютъ отчасти подобный образъ дѣйствій. Но съ другой стороны, если вспомнить всеобщее сопротивление рабочихъ подписыванію на бумагѣ своего имени и отсутствіе довѣрія къ чиновнику, который неизвѣстно гдѣ живетъ (публикуется только официальный адресъ субъ-инспектора, т. е. названіе главнаго города части округа), то ясно, говорить комиссія, что это лишаетъ подобныя лица возможности дѣлать конфиденціальныя сообщенія, и что при такихъ условіяхъ, весьма многіе рабочіе и особенно женщины воздержатся отъ заявленія своихъ жалобъ. На этомъ основаніи комиссія считаетъ необходимымъ, чтобы субъ-инспекторъ имѣлъ особую комнату для приѣма просителей, если не во всякое время дня и ночи, то хоть въ опредѣленные дни и часы.

Хотя консолидація актовъ, говоритъ комиссія, и не увели-

читать разительно числа учреждений, подлежащих надзору, но она все же усложнить обязанности корпорации инспекторовъ. Во всякомъ случаѣ, подчиненіе фабричнымъ законамъ 100,000 мастерскихъ будетъ предпріятіемъ довольно смѣлымъ. Даже въ настоящее время инспекторы не въ состояніи посѣтить всѣхъ мастерскихъ, и мѣстами этихъ послѣднихъ такое множество, и онѣ такъ разбросаны, что трудно даже предсказать, когда онѣ будутъ посѣщены. Таково, напр. положеніе субъ-инспектора *Мидл-Кима* въ Манчестерѣ, подѣ вѣдомствомъ котораго состоитъ 4000 мастерскихъ, *Буллера* на западѣ Англій — 10,000 мастерскихъ, въ томъ числѣ посѣщенныхъ 4000 и т. д. Въ октябрѣ 1872 года общее число мастерскихъ, по счету субъ-инспекторовъ, доходило до 109,324, а число визитовъ, сдѣланныхъ въ теченіи года 48 субъ-инспекторами, было только 30,664. Можно имѣть несомнѣнную увѣренность, что, при такихъ условіяхъ, неудобныя постановленія навѣрное нарушаются, и даже вѣроятно, что въ значительной степени они остаются до сихъ поръ просто неизвѣстными.

Помимо этого, для вынужденія подчиненія закону одного визита далеко недостаточно. По мнѣнію комиссіи, хозяева, расположенные въ нарушенію предписаній, почерпаютъ полнѣйшую безопасность въ своей многочисленности и неизвѣстности; и хотя въ послѣднемъ счетѣ они столь же неохотно соглашаются на внимательство въ ихъ дѣла законодателя, какъ и хозяева прежнихъ фабрикъ, но они еще менѣе способны оцѣнить поводы и пользу подобной регламентаціи. Вслѣдствіе этого, нарушенія закона въ мастерскихъ болѣе часты, а преслѣдованіе значительно труднѣе. Посѣщая по необходимости рѣдко, напр., то отдѣленіе своего участка, въ которомъ помѣщаются маленькія кирпичные заводы, субъ-инспекторъ можетъ видѣть дѣтей, быстро разбѣгающихся въ различныхъ направленіяхъ, подобно маленькимъ рыбкамъ изъ прорванной сѣти. Въ деревняхъ, гдѣ кууютъ гвозди и дѣлаютъ и плетутъ солому, приближеніе его телеграфуется и предупреждается, и онъ можетъ слышать, что излишняя работа и незаконная эксплуатація опекаемыхъ имъ личностей происходить въ мѣстности, въ которой самъ онъ не нашелъ никакихъ злоупотребленій. Одинъ дѣятельный субъ-инспекторъ говорилъ комиссіи, что ему удалось однажды лично подкараулить 4 или 5 маленькихъ дѣтей на кирпичномъ заводѣ, которыхъ пртали молодія женщины. Другой рассказывалъ, что даже тайное его приближеніе къ деревнѣ почти неизбѣжно наблюдалось и предупреждалось. Нѣкоторые изъ членовъ самой комиссіи, при посѣщеніи подобной деревни въ сообществѣ субъ-инспектора, видѣли

маленькую дѣвочку, которая бѣжала по улицѣ и кричала въ окна мастерскихъ что-то такое, чего не трудно было угадать значеніе. Но, кромѣ этого, въ то время, какъ преслѣдованіе судомъ для владѣльца большой фабрики есть уже само по себѣ наказаніе и обвинительный приговоръ—серьезный упрекъ, по отношенію къ владѣльцамъ мелкихъ мастерскихъ общественное мнѣніе не имѣетъ подобной силы, и все ограничивается часто недостаточнымъ денежнымъ штрафомъ.

Но хотя комиссія не желаетъ умалять зло, происходящее отъ нарушенія и часто даже отъ невѣдѣнія закона, однако, она обращаетъ вниманіе на то, что инспекторскій персоналъ, все-таки, сдѣлалъ очень много по отношенію къ регулированію труда въ мастерскихъ. Актъ «о мастерскихъ», имѣлъ назначеніемъ искоренить то состояніе вещей, которое было описано въ отчетахъ комиссіи «о занятіяхъ дѣтей (Children's Employment Commission)» 1862—67 года. Эти отчеты показали, что не только на фабрикахъ, но и въ мастерскихъ, существуютъ громадныя злоупотребленія въ формѣ излишней работы дѣтей и женщинъ. Въ нихъ было также ясно доказано, что стремленіе ограничить дѣйствіе фабричнаго законодательства одними только большими заведениями повлекло бы за собою перемѣщеніе работы изъ обширныхъ и хорошо управляемыхъ учреждений въ заведенія менѣе здоровыя и хуже регулируемыя. По этимъ-то причинамъ, были изданы предписанія, ограничивающія рабочій день и вынуждающія посѣщеніе дѣтьми швель. Первые оказались вполне недостаточными, вторыя, насколько зависѣли отъ первыхъ, также впоследствии пали. Такъ, напр., субъ-инспекторъ *Бреуэръ* говоритъ (Прил. С., 32): «Что касается рабочаго періода въ 6¹/₂ часовъ, то онъ вообще не соблюдается; я думаю, что говорю по совѣсти, утверждая, что почти каждое, если не каждое, дитя (въ мастерскихъ) работаетъ почти полное время». Но, съ другой стороны, комиссія ссылается на то, что въ теченіи ея изслѣдованій ей было сообщенно лишь небольшое число случаевъ излишней работы дѣтей и женщинъ, и она полагаетъ, что зло, подобное тому, о которомъ говорили ей по отношенію къ занятіямъ въ родѣ портняжества, плетенія кружевъ и производства кирпичей, встрѣчало сильныя препятствія. *Реддъ* указываетъ на достойное удивленія улучшеніе въ положеніи лицъ, находящихся подъ охраною акта о мастерскихъ, гдѣ онъ былъ приводимъ въ дѣйствіе, особенно же молодыхъ швей и дѣтей въ отрасляхъ индустріи, вредныхъ для здоровья. Сама комиссія имѣла доказательства, что фабричное законодательство не поумѣншало поглощенію маленькихъ мастерскихъ большими фабриками,

которое сильно возрастаетъ въ теченіи послѣднихъ лѣтъ. Въ виду этого, коммиссія считаетъ себя вправе ожидать благодѣтельныхъ послѣдствій отъ всей совокупности предложенныхъ ей мѣръ и, для болѣе вѣрнаго обезпеченія успѣха, совѣтуетъ назначить въ помощь нынѣшнимъ субъ-инспекторамъ нѣсколько мѣстныхъ должностныхъ лицъ, которые находились бы подъ начальствомъ послѣднихъ.

Изъ этого краткаго и неполнаго очерка фабричной инспекціи читатель все же можетъ съ достаточною ясностью заключить, какое сложное и громадное дѣло выполняется въ этой странѣ при помощи сравнительно крайне ничтожнаго числа дѣятелей. Что же касается добросовѣстности въ отправленіи англійскими инспекторами своихъ обязанностей, то въ этомъ отношеніи они, можно сказать, находятся въ нволированномъ положеніи и съ давнихъ поръ уже приобрѣли извѣстность своими безпристрастіемъ и стойкостью въ охраненіи интересовъ личностей, состоящихъ подъ покровительствомъ закона. Само собою разумѣется, что нѣтъ правила безъ исключенія, и самое увеличеніе числа инспекторовъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, должно было способствовать ухудшенію ихъ состава. Этимъ обстоятельствомъ, быть можетъ, объясняются и нѣкоторыя изъ тѣхъ жалобъ, о которыхъ шла рѣчь выше, а именно—заявленіе претензій на малодоступность или на индифферентное отношеніе къ дѣлу надзора того или другого отдѣльнаго инспектора. Въ томъ же самомъ направленіи легко могло подѣйствовать и введеніе въ инспекцію бюрократической іерархіи, которой въ началѣ не существовало и которую, какъ мы видѣли, хочеть еще усилить наша коммиссія. Подчиненіе однихъ инспекторовъ другимъ и всѣхъ вмѣстѣ министру лишаетъ эту должность той независимости, которая должна бы составлять естественный атрибутъ ея. Потребность эта, если мы не ошибаемся, сознается также и французскимъ законодательствомъ, на основаніи котораго (законъ 19 мая 1874 года) непосредственная власть надъ инспекторами вручается особой коммиссіи при министерствѣ торговли, представляющей отчетъ о дѣятельности инспекціи прямо президенту республики (§ 20—24). Въ исторіи самой англійской инспекціи бывали случаи, когда инспекторы открыто отказывались слѣдовать распоряженіямъ министра. Такъ, напримѣръ, въ циркулярѣ отъ 5 августа 1848 года, министръ внутреннихъ дѣлъ *Джорджъ Грей* предписывалъ инспекторамъ вообще не вчинать исковъ за нарушеніе буквы закона, если только не можетъ быть доказано, что такъ называемая *relay-*

system (объ ней см. выше) не злоупотребуется въ смыслѣ отягощенія молодежи и женщинъ работою, превышающею 10 часовъ». Нѣкоторые изъ инспекторовъ, особенно въ Шотландіи, приняли это распоряженіе къ руководству, другіе же—англійскіе—объявили прямо, что министръ не имѣетъ диктаторской власти для отміны законовъ, и продолжали судебныя преслѣдованія за нарушенія акта. Нѣчего и говорить, что случаи къ подобнымъ столкновеніямъ должны встрѣчаться рѣже уже въ настоящее время и совсѣмъ прекратятся, если нынѣшней комиссіи удастся провести свой проектъ соединенія высшей инспекторской власти въ лицѣ одного только инспектора, подчиненнаго непосредственно министру.

Разсмотрѣніемъ вопросовъ, относящихся къ инспекціи, мы заключили весь обзоръ трудовъ послѣдней англійской комиссіи. Собраніе показаній спрошенныхъ ею лицъ представляетъ такой громадно-изобильный источникъ свѣдѣній, что исчерпать его вполне нѣтъ возможности и думать. Нашъ обзоръ является не болѣе, какъ общимъ краткимъ конспектомъ наиболѣе интереснаго матеріала, относящагося къ важнѣйшимъ изъ тѣхъ вопросовъ, которыми занималась комиссія. Но мы нисколько не ручаемся, что не опустили весьма многихъ существенныхъ показаній по другимъ вопросамъ, и даже навѣрное полагаемъ, что такихъ свѣдѣній содержится еще въ трудахъ комиссіи весьма изрядное количество. Но, какъ ни недостаточенъ въ этомъ смыслѣ нашъ очеркъ и какъ онъ ни кратокъ, все же онъ вполне отчетливо показываетъ, въ какую ширь и глубь идутъ изслѣдованія парламентскихъ комиссій и фабричнаго законодательства Великобританіи и какую пространную сферу дѣйствія занимаютъ продолжительность рабочаго дня и другія сопрягающіяся съ нею явленія въ такомъ образцовомъ капиталистическомъ хозяйствѣ, каково британское.

Н. Зиберъ.

ЖЕНСКАЯ ЖИЗНЬ.

БАРЬШНЯ.

VIII.

Опять я въ Холмахъ. Бругомъ, по старому, какъ заведенные часы, тихо, тоскливо, безлюдно; спокойная, засасывающая жизнь, точно мягкая, теплая тина, вновь окутала меня.

Но природа жива, она живыми ключемъ бьетъ вездѣ и находитъ тысячу отголосковъ въ моемъ сердцѣ. Я сильнѣе чувствую наслажденіе и отъ шума разбушевавагося лѣса, и отъ яркаго, ослѣпительнаго весенняго солнца; меня радуеть кукареку, который доноситъ утренній свѣжій вѣтерокъ изъ деревни, вмѣстѣ съ дымокъ изъ избъ, и теплый воздухъ, и нѣжная травка по оврагу. Все полно для меня смысла и жизни, но все это служить только дополненіемъ къ тому сильному и страстному чувству, которое охватило меня. Я вся поглощена моей любовью, мой внутренній міръ такъ полонъ, что я не чувствую даже настоящей потребности въ присутствіи самого Вали. Мнѣ и безъ него хорошо — я живу и дышу полной грудью. Образъ Вали ярко стоитъ передъ моими умственными глазами; я его украсила и щедро надѣлила всевозможными совершенствами. Для меня онъ что-то необычайное, свѣтлое, чистое, и я отношусь индифферентно ко всему, что не онъ и не мое чувство къ нему. Отношенія мои къ окружающимъ стали ровнѣе, покойнѣе; я менѣе кипчусь и перестала надоѣдать матушкѣ и Марусенькѣ своими требованіями. Онѣ мною довольны. Я даже заслужила ихъ одобреніе за тщательно вышитую прошивку по полотну, которую я почти не замѣтила, когда вышивала. Я сдѣлалась любевна съ сосѣдями, когда они пріѣзжали посмотреть на меня: я умѣла съ ними говорить, умѣла ихъ занимать, хотя, въ этотъ разъ они сдѣлались мнѣ еще болѣе чужды, чѣмъ прежде. Во мнѣ было точно два человѣка: одинъ, поглощенный исключительной лю-

Т. ССХХХІІ.—Отд. I. 8

бовью къ Вали, другой— котораго я показывала въ публику. И чѣмъ безучастнѣе, холоднѣе были мои отношенія къ этой публикѣ, тѣмъ я болѣе выигрывала со стороны манеръ, тѣмъ болѣе были мною довольны.

— Ты стала, Варенька, совсѣмъ солидная; съ тобой и поговорить можно, и все такое... говорила мнѣ Настасья Петровна.— Очень, очень солидная дѣвица!.. Не правда ли, Серафима Игнатьевна?

— Да, ваша правда. Петербургъ ей пользу принесъ...

— Вѣроятно, матушка, ты не одними вертопрашествами занималась? Это сейчасъ видно; у тебя и тонъ другой, и почти тельнѣе стала, и манеры пріятнѣе... Вотъ когда можно хвалить— хвалю; и маменькѣ пріятно!

Я слегка улыбалась и не сердилась: мнѣ было все равно. Только послѣдъ въ городъ имѣла для меня значеніе; я лихорадочно ждала писемъ, но не особенно огорчалась, если приходили иногда цѣлыя недѣли и даже больше, и я ничего не имѣла отъ Вали. Я вѣрила и любила. Естественно, я зачитывалась письмами Вали; одинъ видъ конверта съ его надписью наполнял мое сердце блаженствомъ. Я запоминала эти письма чуть не наизусть, но, перечитывая, находила въ нихъ всякой разъ что-нибудь новое, что-нибудь такое, чего я прежде не замѣтила.

Два мѣсяца жила я въ такомъ состояніи; былъ май, теплый, душистый. Я начала уже разсчитывать пріѣздъ Вали и съ болѣе пимъ нетерпѣніемъ ждать его писемъ. Но писемъ какъ нарочно не было: двѣ «оказіи» въ городъ не привезли мнѣ ничего; при третьей, я получила письмо отъ Наденьки, которое перевернуло весь мой міръ, всѣ мои мысли, всѣ мои ощущенія— все, чѣмъ я жила. Она писала:

«Наконецъ-то мы уѣзжаемъ въ деревню, милая Варенька. Представь себѣ, сегодня— 15 мая, а мы все еще въ Петербургѣ, и все по поводу моего приданого!.. Но ты себѣ и воображать не можешь, сколько было дѣла, сколько хлопотъ, заботъ, сколько неприятностей— просто не знаю, какъ голубушка-маменька вынесла все это, и не заболѣла? Особое милосердіе Божіе! Ужь я и не знаю, какъ благодарить Господа, что онъ поберегъ... И какъ ея хватило на все—мы только удивляемся! Да и безъ Дашеньки мы бы тоже пропали; не знаю откуда у нея брались силы вынести на своихъ плечахъ всѣ эти передрыги! Начиная съ того, что французенка, рекомендованная Alexandrine для кофты, оказалась просто мошенница: украла батистъ, и не досчитываются много аршинъ валансень и прошивокъ, и, къ довершенію всего—кофты узки на цѣлый палець! Не правда ли, удовольствіе?»

Хорошо еще, что мы не послушали совѣта Ивана и Вали и не уѣхали въ деревню раньше окончанія приданого! Ну, конечно, кофты отдали передѣлать; но сколько было бѣготни, чтобы подобрать прошивки — ужасъ! Добрѣйшая Робель оказала себя при этомъ самой преданной женщиной и необходимой: она лоскутъ лежала. Потому, была исторія съ мѣткой на простыняхъ и на парадныхъ наволочкахъ — все это вышло не такъ, какъ нужно. Говорятъ, всѣ эти неудачи — къ счастью? Не знаю, дай-то Богъ! А тутъ еще у маменьки сердечное горе: Любѣ и André стало завидно, что мои брилліанты вышли хороши! И надо отдать справедливость Брейтфусу! чтó за севинье сдѣлать онъ! Прелесть, восторгъ! Ну, братцы и сестрицы и расширѣли, находить, что мои брилліанты лучше, хотя, по правдѣ сказать, все это — вздоръ: по записи видно, что они столько же получили, сколько и я. Развѣ Любѣ не дали жалованннхъ серегъ? Развѣ я завидовала ей опаламъ? Маменькѣ угодно было дать — ей воля! Но это еще не все. Главная ихъ претензія заключается въ томъ, что маменька отдала мнѣ свои два солитера и пожаловала свое старое серебро. Вотъ чего не могутъ переварить мои сестрицы и братцы! Иванъ наговорилъ дерзостей маман; сказалъ, что она вовсе не имѣла права отдавать мнѣ солитеры, потому что они родовые, серебро также. Каково? Маман очень огорчилась, да и я поплакала таки довольноно. Какой моментъ выбрали, чтобы дѣлать непріятности! Говорятъ, будто Alexandrine въ душѣ поддерживала Ивана, и это такъ, а этому вѣрю... Ну, да Богъ съ ними, но Каролина Карловна увѣряетъ, что нужно въ подобныхъ случаяхъ философствовать, и я ей вѣрю; нужно держать себя выше всего этого. Каролина Карловна — такая же милая, какъ и была, хочетъ меня непременно выучить дѣлать персиковое и вообще всякое варенье, говорить, что это необходимо, такъ какъ я буду скоро хозяйкой. Въ самомъ дѣлѣ, подумай, Варюша, вѣдь скоро, скоро я буду замужняя! Довольно мнѣ быть на посылакахъ у моихъ сестрицъ и разыгрывать послѣднюю роль въ семьѣ! Знаешь, Варя, старайся-ка и ты скорѣе выйти замужъ: начальства поменьше будетъ...

«Ну, чтó тебѣ сказать еще? Я такъ счастлива, что мы, наконецъ, уѣзжаемъ въ деревню, что и рассказать не могу; а просто даже не вѣрю, что приказали укладывать вещи — такъ мнѣ надобно этотъ противный Петербургъ! Знакомые всѣ разъѣхались; Alexandrine потащила своего мужа за-границу, но къ свадьбѣ будетъ, привезетъ платье изъ Парижа. Маман выписываетъ мнѣ черезъ нее бездну вещей. Масловы уѣхали на воды, Вревскіе и внягнни, и всѣ уѣхали: кто въ деревню, кто въ Царское;

*

мы одиѣ, да несчастная Катерина Григорьевна: у нея нервы или что-то въ родѣ паралича. Впрочемъ, Дашенька увѣряетъ, что это больше отъ злобы и что она капризничаетъ. Въ Петербургѣ духота, пыль, ничего нѣтъ, все порядочное разбѣжалось, дома красать — просто противно! Братья безпрестанно ѣздятъ въ Павловскъ, а Валя усердно бѣгаетъ за Миллѣ—знаешь, французская актриса? Иванъ свелъ его за кулисы, и съ тѣхъ поръ онъ за ней ухаживаетъ. Дашенька говоритъ, что тутъ ничего нѣтъ предосудительнаго, пусть онъ перебѣсится—это даже хорошо, потому что предохранить его отъ серьезныхъ увлеченій, которыя могутъ быть опасны, хотя и смѣшно ожидать чего-нибудь серьезнаго въ его годы. Тѣмъ не менѣе, Валя, кажется, очень увлеченъ, и Дашенька опять-таки находитъ, что это хорошо... Просто удивляюсь: чтѣ бы онъ ни сдѣлалъ, все для нея мило и все она поощряетъ. Она возится съ нимъ, какъ съ какимъ-то сокровищемъ, только испортитъ молодого человѣка, а потомъ будетъ плакаться. Но, понимаешь, это—не наше дѣло! Богъ съ ними со всѣми, свое спокойствіе дороже всего! Дашенька тебя цѣлуетъ и желаетъ всего хорошаго. Знаешь?.. только не выдай меня! Мнѣ кажется, что она тебя не любитъ; она думаетъ о тебѣ совсѣмъ, совсѣмъ нехорошо; она какъ-то насъ увѣряла, что ты—интриганка, что ты знаешь, гдѣ раки зимуютъ... представь! Ахъ, да! еще, что ты—эгоистка, что ты только о себѣ думаешь, лишь бы тебѣ было хорошо, и никогда не примешь во вниманіе, что исполненіемъ твоихъ прихотей можешь повредить всѣмъ. Вообще, бранила... Сергѣй ужасно заступался; Валя вышелъ изъ себя, разбранился, наговорилъ дерзостей; мало того, онъ даже въ продолженіи цѣлаго дня не говорилъ съ нею. Вышла глупѣйшая исторія. Будешь писать Валѣ, скажи, чтобы онъ больше этого не дѣлалъ. Для чего это дѣлать? напрашиваться только на сцены, на исторіи! Да, кромѣ того, все это на тебѣ же отзовется: вѣдь, Дашенькѣ, конечно, неприятно, что братья противъ нея изъ-за тебя. Я тебя люблю не меньше, чѣмъ братья, но молчу же. Для чего говорить? Всякій долженъ оставаться при своихъ мысляхъ. Андрюша, конечно, передалъ дашенькины слова Сашенькѣ. Сашенька была недовольна, вышла сплетка, виѣшалась Лрба — и поднялась исторія. Дашенька плакала, потомъ онѣ помирились; André остался виноватъ, какъ и всегда. Хорошо, что я выхожу замужъ, а то виноватой была бы непременно я. Просто не знаю, какъ благодарить Бога, что выхожу замужъ, и что Онъ, милосердый Отецъ, послалъ мнѣ заступника! Аркадій Петровичъ тебѣ кланяется; я его зову теперь Аркадій; онъ—все такой же чудесный

человѣкъ, и я все болѣе и болѣе цѣню его. Выписалъ мнѣ цѣлуд карьеру темныхъ аметистовъ на шею: нитку чудесную, длинную; громадные аметисты, и точно такіе же для пуговицъ на цѣлое платье: *très élégant et tout-à-fait distingué!* Это будетъ очень мило на сѣромъ поплинѣ. Отъ конфетъ я отказалась, такъ онѣ мнѣ надоели! зато у насъ въ домѣ за все это время лавка Смурова: ягодъ, клубники, вишенъ, малины пропасть! А у васъ, я думаю, еще огурцы не поспѣли? Вѣдненькая Валя! Жаль, что ты далеко отъ Петербурга, всего бы я тебѣ послала. Вотъ почему я не терплю деревню—отъ всего нужно отказываться...

«Ну, вотъ и всѣ новости!.. Ахъ, да! поговариваютъ, что Валя къ Рождеству можно будетъ сдѣлать камеръ-юнкеромъ, и вообще ему теперь дорога скатертью. Ты знаешь, что Николай Петровичъ въ силѣ, ну, и князь, и всѣ хлопочутъ, всѣ общаются, думаютъ даже его послать нынче за-границу съ чѣмъ-то. Маша ужасно счастлива; вчера ѣздила къ Спасителю, отслужила молебенъ. Видишь, какое я тебѣ длинное письмо написала. Обнимаю тебя. Пиши!».

Валя указываетъ за Миллѣ! Эти слова, точно что-то тяжелое, подавляющее, неожиданно унали на меня и придавили; я долго сидѣла молча и ничего не могла сообразить. Я машинально повторяла: «Валя указываетъ за Миллѣ! Валя увлеченъ Миллѣ!» Потомъ, мало-по-малу, явилось сознаніе, явилось острое, жгучее, развѣдающее ощущеніе. Я чувствовала боль, чуть ли не физическую боль: мнѣ сдавило горло, не хватало дыханія. Я рыдалась. Я громко, судорожно-порывисто рыдала. Это былъ сильный и страстный взрывъ. И я находила какое-то удовольствіе въ этомъ выраженіи моего горя, въ этомъ отчаянномъ порывѣ; я слушала себя, когда плакала, и плакала такъ долго, пока не утомилась. Потомъ мнѣ представилось: а вдругъ это—не правда? вдругъ все это выдумки Дарьи Ѳедоровны? Наденька сама не могла же видѣть, какъ указывалъ Валя за Миллѣ! Эта мысль меня внезапно отрезвила: я перестала плакать. Мои чувства точно притупились, все притихло и замолкло; я заснула.

На утро я встала разбитая, точно послѣ перенесенной болѣзни; во мнѣ что-то ныло, я была въ тревогѣ и уже не чувствовала себя счастливой попрежнему. Со страхомъ стала я ждать письма. Наконецъ, оно пришло. Валя писалъ, между прочимъ:

«Вамъ, вѣроятно, передали объ моемъ *soit disant* указываньи за Миллѣ: по крайней мѣрѣ, я такъ понялъ изъ словъ Дашеньки. Но, милая, дорогая моя! неужели вы этому повѣрили? Неужели я могу промѣнять мое сокровище на подобную женщину,

которую всякій имѣетъ право любить и быть ею любимымъ? Развѣ я не понимаю, какая разница между вами и ею? Развѣ я могу промѣнять васъ? Вы только это подумайте!.. Промѣнять мое счастье, мою лучшую сторону меня самого, мою голубку! Вся эта исторія, всѣ эти поддразниванья вышли изъ того, что я ѣздилъ съ Викторомъ Масловымъ въ Павловскъ и встрѣтилъ на музыкѣ Миллѣ. Она насъ пригласила, и я у нея два раза пилъ чай—вотъ и все. Она очень милая женщина—это правда, привлекательная—это также правда, но не для меня; все мое сердце, всѣ мои мысли заняты другою, и вы знаете хорошо гѣмъ, а если не знаете, то должны непремѣнно знать. Изъ этого пустякаго случая Дашенька раздула исторію; дразнить меня и хотеть во что бы то ни стало увѣрить всѣхъ, а главное меня самого, что я увлеченъ Миллѣ. Это даже меня разсердило, такъ что я пересталъ бывать у Миллѣ, и очень сожалѣю, потому что она—простая, симпатичная и веселая женщина...

«Но не въ этомъ дѣло, это все пустяки. Главная моя забота состоитъ теперь въ томъ, чтобы приличнымъ образомъ ретироваться съ той дороги, которую назначаютъ мнѣ. Конечно, вы понимаете, что мнѣ немислимо оставаться больше въ нашемъ министерствѣ, въ виду нашей свадьбы, тѣмъ болѣе, что настоятельно поговариваютъ къ новому году послать меня съ графомъ Пренскимъ въ Баварію. Маменька, Дашенька, Люба и Alexandre хлопчутъ объ этомъ изъ всѣхъ силъ, это—ихъ *idée fixe*. Маменькѣ представляется непремѣнно, что въ скоромъ времени я буду первымъ секретаремъ посольства, а тамъ, пожалуй, меня сдѣлаютъ самимъ Горчаковымъ. Ихъ мечты вообще идутъ очень далеко: меня вонили на дѣтскій балъ и приказали танцовать съ некрасивой дѣвочкой, зачесанной *à la chinoise*, неловкой и робкой; позади насъ торчала злѣйшая англичанка. Мнѣ было жалъ бѣднажку, и я съ ней протанцовалъ два раза. Что же оказывается? я танцовалъ съ своей будущей невѣстой, именно съ той особой, которая должна меня вытащить за уши въ государственные люди! Но, когда я сказалъ, что этой цѣной враждъ ли кто рѣшится купить постъ самого канцлера, маменька удивилась и наивнѣйшимъ образомъ сказала мнѣ: «не хочешь? ну, мы отъищемъ другую; только напрасно, къ семнадцати годамъ она выровняется, потомъ будетъ первая невѣста въ Петербургѣ и прямо поставитъ мужа на ноги: за ней 300 тысячъ и надежды». Но, сказавъ это, старушка струсила: она выдала прежде времени планъ Дашеньки и умоляла меня не проболтаться ей. Нравится вамъ наша семейная дипломатія?

«Нужно очень осторожно разочаровать ихъ въ ихъ мечтахъ и

млизіяхъ. Право, тяжело быть Веніаминномъ въ семьѣ, такимъ лицомъ, на которомъ сосредоточены всѣ мечты и планы близкихъ и дорогихъ людей. Я рѣшительно завидую Сергѣю, Павлу и другимъ братьямъ: отъ нихъ никто ничего не ждетъ, ни карьеръ, ни поддержки рода, и они живутъ въ свое удовольствіе. Подъ часъ это дѣлается совсѣмъ несносно, тѣмъ болѣе, что это и несправедливо: не долженъ же я за всѣхъ отвѣчать! И въ одно прекрасное утро они очень удивятся, когда я подамъ въ отставку. Только вы понимаете, что я этого сейчасъ сдѣлать не могу, потому что у меня нѣтъ ничего подходящаго въ виду. Я писалъ Томсону въ Одессу о мѣстѣ... Я не могу здѣсь хлопотать черезъ старыя связи: все узнается, и поднимется исторія раньше времени, такая исторія, которая можетъ намъ повредить. Я поэтому и напоминаю вамъ еще разъ, чтобы вы молчали о нашей любви и нашихъ отношеніяхъ; я не хочу, чтобы кто-нибудь могъ упрекнуть васъ, что вы помѣшали моей карьерѣ. Я не хочу, чтобы мои поступки приписаны были вамъ. Я какъ-то въ разговорѣ, между прочимъ, сказалъ Дашенькѣ, что мнѣ не по душѣ служба въ министерствѣ, что я хочу перемѣнить ее—если бы вы знали, Варя, какая поднялась исторія! Дашенька чуть не плакала, укоряла меня въ жестокосердіи, въ неблагодарности, говорила, что я убью маменьку и ее, что нечестно платить такъ за любовь! Она доказала, какъ дважды два четыре, что я—ихъ личная гордость и надежда на будущее, а потому не имѣю право увлечься отъ моего пути. Послали за Сашенькой, и та стала усовѣщивать меня не говорить глупостей и, ради какихъ-то вздорныхъ идей, не жертвовать спокойствіемъ и счастьемъ людей, для которыхъ я—все. Вообще исторія вышла чрезвычайно непріятная и тяжелая. Пишу вамъ объ этомъ для того, чтобы вы поняли, что мнѣ предстоитъ не малая борьба, и что, слѣдовательно, надо время, чтобы заставить ихъ всѣхъ смотрѣть на дѣло иначе... Но я этого достигну, будьте увѣрены!..

«Конечно, вся эта борьба не должна васъ беспокоить, милая моя дѣвочка, дорогая и любимая; я ни на что не посмотрю, я сдѣлаю все, что нужно, чтобы добиться счастья назвать васъ своею. Не думайте, что я потеряю что-нибудь, если выйду изъ нашего министерства: напротивъ, я выиграю: женатому человеку, не особенно богатому и безъ большихъ связей, трудно служить и трудно пробить себѣ дорогу въ нашемъ министерствѣ. Я могу и хочу работать на пользу родины въ такой средѣ, гдѣ моя работа можетъ быть больше пригодна и осязательна. И вы, дорогая и любимая, можете быть мнѣ полезной на моемъ новомъ поприщѣ вашимъ свѣтлымъ и честнымъ взглядомъ на ве-

щи. Мы будемъ жить тихо, смиренно, гдѣ-нибудь въ провинціи, покуда наши денежные дѣла не устроятся и покуда мы вообще не станемъ на ноги. Тогда мы воротимся въ Петербургъ и докажемъ нашимъ родственникамъ, что на другой почвѣ и при другихъ условіяхъ я добился всего, чего они хотѣли для меня и для себя. Я хочу добиться отъ нихъ признанія, что и они счастливы моимъ выборомъ и моимъ счастіемъ. Они должны будутъ полюбить васъ, какъ мою жену, и гордиться вами такъ, какъ я горжусь—это мнѣ нужно, и это будетъ.

«Но если всѣ эти планы не удадутся, если родные будутъ упираться, то Богъ съ ними—имъ же хуже; я рѣшился на все; подыщу какое-нибудь мало-мальски подходящее мѣсто, приѣду къ вамъ, сыграемъ свадьбу и уѣдемъ».

Въ постъ-скриптѣ Валя писалъ, что, въ настоящую минуту, вся семья сильно занята хлопотами о его командировкѣ за границу: «Представился случай ѣхать теперь же, на короткое время; маменька и Дашенька схватились за это, какъ за якорь спасенія. Но, конечно, я не поѣду, чтѣ бы онѣ тамъ ни дѣлали: я такъ прямо и сказалъ, что не поѣду. Эта поѣздка можетъ только отдалить меня отъ моей цѣли, и потому я ихъ хочу приучить по немногу къ тому, что будетъ».

Я прочитала это письмо нѣсколько разъ; сначала оно меня обрадовало, но потомъ я задумалась. Невеселыя мысли поднялись у меня въ головѣ, грустныя, тяжелыя; мнѣ вдругъ стало казаться совсѣмъ ясно, что вся эта любовь, всѣ эти мечты о счастьи, о свадьбѣ не должны осуществиться. Грозно встали въ умъ моему всѣ препятствія къ нашему соединенію: Валѣ нужно много и долго бороться прежде, чѣмъ онъ добьется того, чего хочетъ. Нашей свадьбой, со всѣми ея послѣдствіями, онъ нанесетъ ударъ всѣмъ, кого любить, жестокой ударъ, котораго они не предвидятъ и который рушитъ всѣ ихъ планы и надежды. Хорошо ли это? У меня нѣтъ связей, я не могу помочь Валѣ, я могу только тормозить его дѣятельность, закрыть всѣ шансы къ успѣху. Я хорошо понимаю, что я—не та невѣста, которая имъ нужна; мнѣ горько, что они всѣ будутъ плакаться на меня, что я разбила карьеру ихъ любимца и дѣйствовала втихомолку. Дарья Федоровна будетъ имѣть полное основаніе говорить, что я эгоистка и ради своихъ цѣлей способна повредить всѣмъ, даже Валѣ. Но это все ничего, все можно перенести, лишь бы я составила его счастье? Не увѣрена ли я въ этомъ? Чтѣ во мнѣ есть такого, чтѣ можетъ замѣнить ему то, чего онъ лишится, и вознаградить за то, чтѣ перенесетъ ради меня? Чтѣ я ему дамъ взамѣнъ? Мою любовь? Велика важность!

Жгучія слезы мѣшали мнѣ думать. Кто же можетъ не любить его? Его всякая должна полюбить, такъ же какъ и я, сильно, горячо! Что я такое? Небогатая деревенская барышня, не красивая, ни чѣмъ не выдающаяся. И притомъ, я не хочу, чтобы отъ меня бросили, какъ бросаютъ всѣхъ мужа жонъ, на другой годъ свадьбы! Ну, что во мнѣ есть? И я со злобой стала смотреть въ зеркало. Зеркало опять показало мнѣ лицо обыкновенное, ни дурное, ни красивое, блѣдноватое, правда, не глупое, но вотъ и все. А я бы хотѣла видѣть красавицу! Я заплакала съ горя и злобы. Господи, хоть бы я чѣмъ-нибудь отличалась отъ всѣхъ претендентокъ! И у меня сразу явилось въ мысляхъ множество претендентокъ на любовь Вали. И чѣмъ я могу отличиться? Даже таланта никакого нѣтъ: ни пѣть, ни играть. Даже картинъ не понимаю. Послѣдній разъ Масловъ увѣралъ, что сама по себѣ, я не могу отличить хорошую картину отъ дурной, знаменитую статую отъ посредственной; я спорила, что могу, и вѣдь осрамилась, при всѣхъ осрамилась! Въ Эрмитажѣ, какъ нарочно, я ни одной картины не похвалила, которую слѣдовало хвалить; прошла мимо Корреджіо и даже замѣтила, что у его святыхъ мужичи противныя лица, рыжія и хитрыя, и на святыхъ не похожи! Но вѣдь я не знала, что это Корреджіо, меня просто водили съ злымъ умысломъ и ничего не говорили. Конечно, мнѣ было непріятно, когда всѣ засмѣялись... Всѣ знаютъ, всѣ умѣютъ судить о произведеніяхъ искусства, я одна — ничего не знаю и не понимаю, и мнѣ даже скучно, когда объ этомъ говорятъ. Мнѣ скучно тоже, когда говорятъ о музыкѣ, я ее также не понимаю. Развѣ я не зѣвала въ «Жизни за Царя»? развѣ чуть-чуть не заснула въ «Донъ-Жуанѣ»? Развѣ я не нахожу всѣ оперы длинными и утомительными? Развѣ я могу отличить, почему Тамберликъ хорошъ въ одномъ дѣйствіи, а въ другомъ слабъ? А по чемъ я знаю?

Я знаю только одно: что Валя хорошо поетъ, что его пѣніе хватаетъ меня за сердце, и я вся холодѣю; я знаю, что есть такія мѣста въ оперѣ и такія пѣсни, которыя отзываются въ моей душѣ, но я не слыхала, чтобы ихъ хвалили. Я разъ рискнула похвалить то, что мнѣ нравится: всѣ закричали, что это — балалайка, безвкусица, и всѣ надо мною стали смѣяться. Понятно, я замолчала и не знала что сказать. Вотъ Наденька — та «знать» чтѣ сказать, я одна не знаю.

Можетъ ли это быть пріятно Валѣ? Развѣ ему не будетъ тяжела моя ограниченность, моя глупость? Мужъ любитъ только тогда жену, когда она удовлетворяетъ его самолюбію. А я чѣмъ могу удовлетворить? Ни вида, ни талантовъ, ни состоянія, ни

значенія; я только встану поперекъ его дороги. Валя честолюбивъ, и я помѣшаю ему. «Благородное честолюбіе—это великій рычагъ для великихъ дѣлъ!» слышу я голосъ Николая Петровича; и вдругъ я помѣшаю! Я, которая жизнью готова пожертвовать для него, для моего Вали—я встану поперекъ его дороги! и развѣ можно съ увѣренностью сказать, что самъ Валя не будетъ сожалѣть о прошломъ?

Могу ли я, должна ли поощрять Валию на напрасную борьбу, когда мы сами ничего не знаемъ? Вѣдь я, единственно я, причиною всего—и борьбы, и всего тяжелаго, что выпадетъ на долю Вали. Должна ли я принять отъ него всѣ эти жертвы? Онъ слишкомъ много мнѣ даетъ, а я, я только принимаю; онъ теряетъ, а я выигрываю. Нѣтъ, я не хочу этого положенія! Я хочу равной доли съ любимымъ человѣкомъ, я не хочу его связывать, я не хочу, чтобы онъ ради меня велъ борьбу съ тѣмъ, что ему дорого и близко, и что ему свое. Пусть онъ дѣлаетъ такъ, какъ хочетъ, но для себя, а не для меня; я боюсь раскаянія, боюсь поворота, я не вынесу... И я плакала по цѣлымъ днямъ тяжелыми обидными слезами, но эти слезы не облегчали меня, а гнетомъ ложились мнѣ на грудь. Мысль моя росла все въ томъ же направленіи, крѣпла и крѣпла, мнѣ рельефнѣе представлялись препятствія, непріятности, раскаяніе, все дурное на пути Вали, и я вдругъ какъ-то рѣшилась отказать отъ него... Я безъ слезъ, съ сухими глазами, сидѣла на своей постели и думала, какъ и что мнѣ писать Валѣ?

Наконецъ, письмо было написано и отослано.

Тяжелое бремя спало у меня съ плечъ. Я стала покойнѣе. Я сдѣлала трудное дѣло и отдыхала. Я почти ничего не чувствовала, ни горя, ни радости; я была какъ-то апатична, мнѣ было все равно.

Осталось у меня, однако, точно физическое ощущеніе чего-то тяжелаго, что было со мною когда-то давно, только не вчера, не сегодня; что оно прошло, и это хорошо, что прошло, и я должна постараться забыть это хорошенько, совсѣмъ, совсѣмъ забыть, а то будетъ больно...

Я стала уходить изъ дому, но не далеко: мнѣ было лѣнь идти дальше рощи. Мнѣ кляли коверъ чуть ли не надъ обрывомъ; у ногъ моихъ не вдалекѣ свѣтилось озеро, надъ головою трепетали листья, шумѣли верхушки деревьевъ, и я лежала. Около меня лежала работа и книга, но я не работала, и не читала. Я, почти не думая, смотрѣла, какъ плыли облака по голубому небу, какъ пробивался, точно пронизывался свѣтъ сквозь густую листву, какъ шелестели листья на вѣтвяхъ, какъ бѣгали около ковра

курьки и одинъ за другимъ поднимались по старой, мшистой корѣ березы. Я смотрѣла, какъ въ далекѣ вралась осторожно кошка за птицами и какъ онѣ, чиркая и поскакивая, отлетали; потомъ я дремала, потомъ разсматривала узоръ на коврѣ и водила по узору пальцемъ, до тѣхъ поръ, пока это дѣлалось неудобнымъ. Такъ прошло нѣсколько дней, прошла недѣля, другая.

IX.

Было часовъ шесть вечера, жаръ спалъ; я сидѣла на балконѣ, въ рукахъ у меня была работа, но я не работала. Я прислонилась головой къ колоннѣ, закрыла глаза и прислушивалась: откуда то издали доносились звуки колокольчика. Сердце мое стучало громко, сильно; я боялась шевельнуться. Въ домѣ услышали колокольчикъ и забѣгали; началась суматоха. Колокольчикъ приближался, видѣлся уже экипажъ тройкой. Наташа стремглавъ бросилась на чердакъ, смотрѣть изъ слухового окна.

— Одеты Свирскихъ на козлахъ! крикнула она сверху.

Я похолодѣла и, полуживая, ждала. Я почти не замѣтила, какъ въѣхалъ въ село тарантасъ, какъ мелькнула свѣтлая фуражка и кто-то торопливо шелъ по саду къ балкону. Передо мною стоялъ Сережа, радостно протягивая мнѣ свою руку, ловко за-затянутую въ перчатку.

— А Валя? чуть слышно проговорила я, поблѣвшими губами.

— Валя? Валя у всѣхъ цѣлуетъ ручки, онъ совершенно здоровъ; впрочемъ, я его видѣла давно, больше десяти дней тому назадъ...

— Что съ нимъ?

— Съ нимъ? Ничего—благоденствуетъ; что съ нимъ можетъ быть? впрочемъ, нѣтъ, онъ теперь отбывается: его тянутъ изъ всѣхъ силъ въ гору, а онъ просится на лужокъ. Смѣшной мальчикъ!

— Смѣшной? Тутъ ничего нѣтъ смѣшнаго; я не знаю, надъ чѣмъ тутъ можно смѣяться? И я покраснѣла.

— Извините! Какая она у васъ стала строгая, Марья Дементьевна, сейчасъ и выговоръ! Однако, Варя, какъ вы похудѣли! Милая моя дѣвочка, что съ вами? Вы совсѣмъ измѣнились! Онъ взялъ меня за обѣ руки и съ участіемъ глядѣлъ мнѣ въ глаза.— Милая, что случилось? вы больны?

Слезы хлынули у меня градомъ; я плакала, но и улыбалась сквозь слезы.

— Ничего, ничего, говорила я:—это такъ... сейчасъ пройдетъ... погодите! вотъ мнѣ ужъ и сдѣлалось легче.

Сережа принялъ озабоченный видъ; онъ слегка поблѣднѣлъ и внимательно разсматривалъ меня; Марусенька была озадачена, и на лицѣ ея выразилось недовольство. Она сказала, что не понимаетъ что со мною и отказывается даже понимать: «нынче дѣвушки стали какія-то мудренныя—совсѣмъ не тѣ; сначала Варенька всѣмъ надоѣдала, точно оса: до всего ей было дѣло, а теперь, есть ли она, нѣтъ ли ея—мы и не знаемъ»...

Я была рада видѣть Сережу; выплакавшись, я оживилась, расспрашивала его обо всемъ, обо всѣхъ, кромѣ Вали; я не могла выговорить это имя. Къ вечеру пріѣхала мама съ пустоши и очень удивилась пріѣзду Сережи.

— Сережа, ты ли это? сказала она радостно:—какими судьбами? Вотъ не ожидала!

— Маменька поручила осмотрѣть Мальцево; говорятъ, тамъ страшно воруютъ дѣсь, всю дачу чуть ли не вырубил. Ну, я и воспользовался случаемъ, заѣхалъ къ вамъ.

— Вотъ-то неожиданность! Но, знаешь ли: вѣдь ты даль краю верстъ семьдесятъ?

— Семидесяти нѣтъ, верстъ пятьдесятъ!

— Ну, однако, спасибо!

— Захотѣлъ взглянуть на Вареньку:—вы знаете, она—наша общая любимица... Да и васъ посмотрѣть хотѣлъ—ужъ очень давно не видалъ!

— Ну, что тетушка, Сашенька, Дашенька?

— Отъ Сашеньки къ вамъ письмо; всѣ здоровы, только маменька въ большихъ хлопотахъ.

— Да, это съ приданнымъ!

— Нѣтъ, приданое почти кончено; съ Всеволодомъ забота. Устроили ему командировку за границу недѣли на три, нужно ѣхать, а Всеволодъ—на попятный дворъ. Всѣ бьются около него: и маменька, и Сашенька, и Дашенька. Главнымъ манеромъ, конечно, Дашенька...

— Съ чего же это онъ такъ?

— Не знаю, блажитъ!.. Ну, конечно, его уговарять, уломать, и поѣдетъ онъ своимъ порядкомъ.

— Почему вы думаете, что его можно уговорить, если онъ не захочетъ? спросила я съ сильнымъ замираніемъ сердца.

— Потому, во первыхъ, что Вали, при всемъ своемъ упрямствѣ, безхарактеренъ. Конечно, силой противъ него ничего не подѣлаешь, но никто противъ него силы и не употребляетъ. Съ нимъ нужна другая сноровка. Ну, а на эти дѣла Дашенька—мастеръ..

— Я не думаю, что она может заставить Вали идти противъ убъжденій, сказала я робко и нерѣшительно, а у самой сердце билось словно пойманная птица.

— Какія же тутъ убъжденія? Человѣку предлагаютъ съѣздить за границу по тому дѣлу, которому онъ служитъ, и онъ отказывается. Воля ваша, это что-то непонятно...

— Для васъ, да, это непонятно... Но, вѣроятно, Вали знаетъ, почему онъ такъ дѣлаетъ, сказала я, вспыхнувъ.

— Знаетъ ли, нѣтъ ли—это до меня не касается; но я знаю только, что Вали поѣдетъ за границу, и очень скоро... Эта поѣздка—идея Дашеньки, она что-то очень хлопотала, а гдѣ же Вали устоять противъ Дашеньки, когда она примется за дѣло!..

— Право, Сережа, вы ошибаетесь! Вы, кажется, не совсѣмъ хорошо знаете Вали, сказала я, нѣсколько встревоженная его увѣреннымъ тономъ.

— Не могу я ошибиться; я знаю его хорошо и знаю Дашеньку. Гдѣ ему съ ней справиться? Сначала съ ней сдѣлается дурно, и она заплачетъ, потомъ маменьку доведетъ до дурноты—та заплачетъ—ну, онъ и сдастся! И я не могу устоять противъ этого, и вся разница между мной и Валею въ томъ, что я раньше знаю, что сдамся, а Вали, напротивъ, всегда убъждаетъ, что онъ не уступитъ...

— Зачѣмъ ты ѣдешь въ Мальцево? Развѣ ты теперь занимаешься дѣлами? спросила матушка.

— Я. Надо же кому-нибудь. Три года вѣдь не плачены проценты въ опекунской совѣтъ; вездѣ все запущено, денегъ нѣтъ, а расходъ большой...

— Но развѣ ты понимаешь что-нибудь?

— Конечно, ничего не понимаю; но у меня есть дѣльный конторщикъ: онъ всѣ эти законы, какъ свои пять пальцевъ знаетъ, напишетъ, а я подпишу.

— Какой конторщикъ? спросила мама.

— Изъ Ельца, Дмитрій Порфирьевъ.

— Послушай, Сережа, я слышала объ немъ, что онъ прожженный—берегись!.. Дѣло онъ, положимъ, знаетъ, но...

— И я это слышала, но думаю, что тутъ прибавлено много. И зачѣмъ онъ будетъ воровать?—ему и у меня хорошо.

Сережа былъ глѣтъ на шесть, на семь старше Вали. Нѣсколько глѣтъ тому назадъ, когда онъ еще былъ драгуномъ, онъ былъ сильно влюбленъ въ красивую, веселую вдовушку, сестру эскадроннаго командира; любовь была взаимная, и поговаривали о свадьбѣ. Вдовушка пріѣзжала къ Свиринымъ и обворожила всѣхъ; она мило становилась на колѣни передъ Софьей Ивановной, цѣ-

ловала ея руки и говорила «таман». Сережа блаженствовалъ. Онъ сильно любилъ свою красавицу-невѣсту. Потомъ, вдругъ разнесся слухъ, что вдовушка измѣнила Серезжѣ и кокетничаетъ съ другимъ; потомъ услышали, что она—невѣста, но уже не Серезжи. Сережа былъ глубоко потрясенъ; онъ слегъ, съ нимъ сдѣлалась горячка; но вдовушка и затѣмъ не тронулась, и въ тотъ день, когда доктора объявили, что Сережа внѣ опасности, вѣнчалась съ полковымъ командиромъ. Послѣ болѣзни, Сережа отправился за границу, пробылъ тамъ годъ, сосеучился и воротился домой. Перенесенное горе положило на него свою печать; даже выраженіе лица его измѣнилось; видъ у него былъ какой-то болѣзненный, сосредоточенный. Несмотря на разсѣянную жизнь, которую онъ велъ, онъ былъ постоянно грустенъ и относился ко всему индифферентно; увѣрялъ, что терпѣть не можетъ женщинъ, но, вѣрнѣе, онъ ихъ боялся, въ особенности кокетливыхъ и веселыхъ, молодыхъ и красивыхъ; онъ блѣднѣлъ и молчалъ въ ихъ присутствіи. Со старушками онъ былъ большой другъ, и всѣ старушки восхищались имъ. Семья смотрѣла на него, какъ на больного и нѣсколько страннаго человѣка, но не тревожила его, да и самъ онъ не принималъ большого участія въ общей жизни, а жилъ особнякомъ.

Наденька шопотомъ рассказала мнѣ его исторію и просила, ради всего святаго, не говорить ничего Серезжѣ, потому что это запрещено.

— Но знаешь, говорила она:—мнѣ это удивительно, да и всѣмъ нашимъ... такая любовь! Точно въ романѣ! Еще еслибы онъ былъ дѣвушка, барышня—это я понимаю, это бываетъ... Но чтобы мущина... чуть не умеръ—неслыханно! Онъ и до сихъ поръ ее помнить, посмотри, какой онъ блѣдный! Это все отъ любви... Каролина Карловна знаетъ это: въ Курляндіи у нихъ это бываетъ, онъ знала такого... Сережа нынѣшній годъ лучше, гораздо лучше... Теперь онъ ужъ смѣется, но еслибы ты видѣла его въ прежніе годы! Мы даже удивились, когда онъ протанцовалъ съ тобою кадрили! Матап очень его хочетъ женить; говорить, тогда все съ него какъ рукой сниметъ!

Эти слова заставляли меня разсматривать Серезжу съ особеннымъ любопытствомъ. Но, несмотря на наши дружескія отношенія, я никогда не стояла къ нему близко; между нами была его прожитая жизнь.

Вѣсть о пріѣздѣ петербургскаго гостя разнеслась по окрестностямъ. Сосѣди стали пріѣзжать съ спеціальной цѣлью посмотреть на него, и, конечно, изъ первыхъ пріѣхали сорокинскія барышни. Но прежде ихъ пріѣзда, пришло письмо отъ Наста-

съ Петровны, въ которомъ она торжественно объявляла, что, съ Божіей помощью, ея племянница, Ольга Степановна, дала слово достойнѣйшему и прекраснѣйшему человѣку, Ефиму Павловичу Пестичу. Дня черезъ четыре послѣ письма, пріѣхали сами Волковы. Настасья Петровна была особенно величественна, Серафима Игнатьевна во всемъ парадѣ, при высокой гребенкѣ и въ широкихъ брыжахъ. Оленькино лицо совсѣмъ просвѣтлѣло: она улыбалась и точно помолодѣла. Я ей это замѣтила.

— И вы находите, что я измѣнилась? да? Въ самомъ дѣлѣ измѣнилась? Вы не шутите?

— Право, не шучу!

— И это всѣ находятъ! сказала она радостно.—Но вѣдь я измѣнилась къ лучшему—не правда ли? И Оленька съ тревогой смотрѣла на меня.

— Конечно. Вы похорошѣли.

— Пойдемте къ вамъ; мнѣ нужно многое сказать... вѣдь я—невѣста! Милая! вѣдь я—невѣста!

— Слышала и поздравляю; очень рада за васъ.

— Да, да! Когда онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, я думала, что я умру... Онъ—честный, хорошій человѣкъ; онъ не посмотрѣлъ на всѣ сплетки, которыя распустили про меня, онъ не поубѣрилъ. Онъ цѣловалъ мои руки, и я заплакала. Точно сердце мое растаяло... О! Варенька! я буду хорошая жена? да?

Я была тронута; мнѣ въ первый разъ представилась Оленька въ другомъ видѣ.

— Вы его любите? спросила я съ участіемъ.

— Да! О, теперь никто не посмѣетъ въ меня бросить грязью... никто! У меня будетъ мужъ!.. не такъ ли?.. говорила Оленька возбужденнымъ тономъ, но въ то же время пытливо глядя на меня.

— Но въ васъ и такъ никто не бросаетъ грязью, откуда вы это взяли?

— Не бросаетъ!.. Ну, тѣмъ лучше; но все-таки перемываютъ косточки. А? перемываютъ? Оленька старалась улыбнуться, но улыбка выходила неловкая.

— И этого не знаю; не думаю, не слышала.

— Не слышали? тѣмъ лучше... это, впрочемъ—все пустяки... про кого не говорятъ!.. Вотъ увѣряютъ, что вы влюблены въ Воинова и скучаете, что онъ къ вамъ не ѣдетъ? Вѣдь это вздоръ, не правда ли? Васъ вѣдь не для того отпускали въ Петербургъ, чтобы отвлечь отъ него?

— Конечно, нѣтъ! Я вспыхнула.

— Я знаю, что вѣтъ! Вотъ такъ и всѣ сплетни, такъ-то и про меня... Натурально, это меня прежде не смущало, а теперь, понимаете, мое положеніе совсѣмъ не то... Я для мужа должна беречь свое имя... Чтобы не дошло до него... ни подъ какимъ видомъ... Вѣдь такъ?

— Да, сказала я нерѣшительно. Я не знала что сказать.

— Да, это необходимо. Я ему прямо сказала: вы изъ другого уѣзда, вы недавно въ нашихъ краяхъ; натурально, вы меня не знаете... Справьтесь обо мнѣ, вотъ хоть у Морозовыхъ — онъ очень уважаетъ и вашу матушку, и Марью Деметьевну — онѣ меня знаютъ. Я—бѣдная дѣвушка, у меня много недоброжелателей, въ особенности теперь, когда мнѣ такое счастье. Какъ вы думаете, Варенька, будутъ меня ему ругать? Ну, жилинскія барышни, наприимѣръ, а, главнымъ образомъ, ихъ тетка? будутъ?..

— Богъ знаетъ, Оленька, съ чего это вы выдумываете!

— О, вы не знаете! зависть вѣдь! Я выхожу замужъ! Я ему такъ и сказала:—теперь пойдутъ исторіи, чтобы разстроить все. А меня не кому защитить, кромѣ васъ... Я ему такъ и сказала. Онъ былъ тронуть.

— Я не понимаю, Оленька, для чего вы говорите: «защитить» — точно вы маленькая! Я бы такъ не сказала: много ему чести.

— О, Варенька, вы ничего не понимаете! Мужъ — это все; онъ постойтъ... Онъ далъ мнѣ слово ни съ кѣмъ не говорить, кромѣ Софьи Алексѣевны, ни съ кѣмъ! Онъ — хорошій человекъ, Варенька!

Я молчала.

— Послушайте, Варенька, вы скажете вашей мамѣ? вновь заговорила она просительнымъ тономъ, съ мольбой смотря мнѣ въ глаза: — пусть она меня похвалитъ! Да? Не правда ли, она меня похвалитъ? Вѣдь она ничего не знаетъ обо мнѣ дурнаго? да?

— Конечно, ничего.

Оленька молча поцаловала меня нѣсколько разъ.

Присмотрѣвшись ближе, я замѣтила въ ней еще большую перемѣну, чѣмъ ту, которая поразила меня въ первый моментъ. Что она дѣйствительно помолодѣла и похорошѣла — въ этомъ не могло быть сомнѣнія; самыя манеры ея стали какія-то округленныя, чуть ли не полныя достоинства, хотя она по прежнему была въ букахъ или пестрыхъ лентахъ и сувенирахъ. Но лицо ее измѣнило выраженіе: мысль свѣтилась въ глазахъ, лицо озарялась проблесками чувства и радости, а иногда, вдругъ, со-

всѣмъ неожиданно, какой-то страхъ, чуть ли не ужасъ выступилъ въ ея чертахъ, она блѣднѣла и умоляла.

— Что съ вами, Оленька? спрашивала я ее.

— Ничего, это пройдетъ, колеть въ сердце... Вы знаете, у меня должно быть, аневризмъ. Я умру рано—это вѣрно.

Въ залѣ мы нашли исправника и маіора Пестыка; Сережи не было въ комнатѣ. Лицо Оленьки засвѣтилось радостью, когда она увидѣла жениха; она взяла его за руку и молча сѣла рядомъ.

Настасья Петровна съ жаромъ говорила исправнику:

— Нѣтъ, батюшка, ты этого и не выдумывай, вѣтъ новыхъ порядковъ я не желаю... и не допущу!.. Съ чего это ты придешь у меня рыться въ саду?.. Это—мой садъ, собственный. Воля, твоя, покажи мнѣ предписаніе отъ губернатора! Скажите, пожалуйста... рыться!

— Да какъ же не рыться, Настасья Петровна?—Исправникъ видимо шутилъ.—Сами посудите: мнѣ говорить, у Настасьи Петровны въ саду подъ старой липой...

— Оленька, милая! перестань вертѣть этой куклой, она—фарфоровая! раздражительно перебиваетъ Настасья Петровна.

— Младенецъ... то есть, скелетъ, продолжаетъ исправникъ:—ну, долженъ же я узнать: какъ? откуда? что? Вотъ погодите, придетъ временное отдѣленіе, мы и разберемъ! Исправникъ смѣлся.

Настасья Петровна совсѣмъ разсердилась.

— А тебѣ теплѣе отъ этого будетъ?.. Чинъ, что ли, получишь, если сбѣдную дѣвку засѣкутъ и въ Сибирь пошлютъ?..

— Позвольте, позвольте. Вотъ вы изволили сами, такъ сказать, признать...

— Ничего я не признавала...

— Да, какъ же вы сказали...

— Ничего я не говорила... А тебѣ стыдно; ты—сынъ почтенныхъ родителей, а такими дряггами занимаешься; стыдно, сударыня!..

— Да кто вамъ рассказалъ всю эту исторію о скелетѣ? приступила Марусенька къ исправнику.

— Никто, мать моя, сплетни! отвѣчала за него Настасья Петровна:—мало ли ихъ, благожелателей-то! А я вотъ что сдѣлаю: завтра же прикажу отыскать этотъ скелетъ, если онъ только есть, и велю похоронить въ лѣсу, а тамъ—ищи вѣтра въ полѣ... Нѣтъ, батюшка, при моей жизни ничего не найдешь, а тамъ какъ хочешь! Хоть меня заподозривай!

— Настасья Петровна! сказала съ укоромъ матушка.

Т. ССХХХІІ. — Отд. I.

— Станется отъ нихъ, все станется, мать моя! Всего можно ждать...

Исправникъ разразился добродушнымъ смѣломъ. Его щеки дрожали, и онъ заливался тоненькимъ дискантомъ.

— Матушка, попутиты! говорилъ онъ, махая руками.—Я хотѣлъ только посмотреть: такъ ли вы будете отстанывать своихъ крѣпостныхъ теперь, какъ прежде!

— И всегда буду за нихъ стоять, видить Богъ—всегда... Конечно, если они не будутъ грубить! У меня, батюшка, все пойдетъ по старому—никакихъ я перемены не допущу! Намъ съ Серафимой Игнатьевной хватитъ дѣтей у меня нѣтъ, а землю не съѣмъ; землю оставлю Оленькѣ въ приданое.

Но Пестикъ протестовалъ.

— Объ приданомъ не заботьтесь, тетушка! Ольга Степановна—самы капиталъ... какъ честный офицеръ, драгоцѣнный капиталъ! Маиоръ поцѣловалъ у Оленьки руку.

Радостная и чуть ли не торжествующая улыбка освѣтила лицо невѣсты; она молча сжала его руку и не шевелилась.

За обѣдомъ маиоръ сидѣлъ около невѣсты; онъ держалъ себя галантно, но нѣсколько покровительственно. Онъ совивалъ себя защитникомъ и покровителемъ слабой женщины и съ чувствомъ собственнаго достоинства принималъ поздравленія.

Послѣ обѣда, онъ непременно желалъ со мною объясниться. Мы видѣлись съ нимъ въ первый разъ послѣ приключенія съ Воиновымъ.

— Я боюсь смотрѣть вамъ въ глаза, Варвара Борисовна; ваша матушка меня проститъ, но вы?.. Увѣряю васъ честью, честью благороднаго офицера, что тутъ вышло недоразумѣнїе! Я такъ понималъ: взаимная, горячая любовь... строгая мать... и прочее-съ... Ну, а я всегда на сторонѣ угнетенныхъ!

— Я на васъ не сержусь, прошептала я, сильно сконфуженная.

— Онъ слушалъ меня и не сердился! чувствую свою вину, въ особенности теперь, въ качествѣ будущаго мужа и отца семейства, — сказалъ Серожка. — Послѣднія слова маиора адресовалъ Серожѣ.

— И что же, Серожка? — спросила я. — Чего вы говорите, честь благородной барышни? Этого не надо въ такой дѣтской — все, можно сказать, отъ меня произошло. А тутъ вдругъ такой пассажъ, чуть не помянувши!

— Что жъ, я даже завидую Варенькѣ! сказала Оленька, робко улыбаясь.

— И сохрани васъ Богъ, Ольга Степановна!—Я не говорю о Варварѣ Борисовнѣ,—онѣ тутъ не причемъ, да и ничего, слава Богу, не случилось,—а вообще... Это очень нехорошо, когда и благородной барышни на языкѣ у всѣхъ!

— Но все таки...

— Нѣтъ-съ, Ольга Степановна! почему я васъ люблю, почему я васъ высоко цѣню? Почему я счастливъ и горжусь? Потому что вы, какъ фиалочка, притаились въ травѣ и никто васъ не видитъ!

Онъ съ галантнымъ видомъ поцѣловалъ ея руку. Она вспыхнула и потушилась.

Х.

На другой день, послѣ отъѣзда гостей, пришло письмо отъ Вали. Онъ писалъ, что уступилъ соединеннымъ просьбамъ маменьки, Дашеньки и Сашеньки и принялъ командировку, но что это ни къ чему его не обязываетъ. Затѣмъ, онъ самымъ обстоятельнымъ манеромъ объяснялъ, что командировка можетъ даже помочь ему, хотя, въ сущности, въ этихъ объясненіяхъ проглядывало больше всего желаніе оправдать себя въ моихъ глазахъ. Наконецъ, онъ говорилъ о мѣстѣ, которое ему предлагаютъ въ Херсонской Губерніи, о своихъ надеждахъ устроиться какъ можно лучше.

Вообще письмо дышало любовью, довѣріемъ, страстью. Видно, что онъ не получилъ еще моего отказа.

Я горько плакала надъ этимъ письмомъ, но мое рѣшеніе не измѣнилось. Много горькаго, тяжелаго, обиднаго пережила я въ эти часы. Я поняла, что сдѣлала умно, отказавшись отъ Вали: все равно, онъ не сумѣлъ бы отстоять наше счастье; пожалуй, его не допустили бы даже до свадьбы. Эта мысль подвралась какъ-то незамѣтно, независимо отъ моей воли, и хотя я тотчасъ отвергла ее съ негодованіемъ, но она осталась. Я цѣлый день просидѣла въ своей комнатѣ одна, съ моей горькой, неотвязной думой; къ вечеру я вышла.

— Валя уѣхалъ въ командировку, сказала я Сережѣ.

— Вотъ какъ! Я вѣдь вамъ говорилъ, помните? Этого нужно было ожидать... Впрочемъ, я никогда не могъ себѣ уяснить, зачѣмъ онъ такъ упирался? Фантазеръ!

Сережа пробылъ у насъ больше двухъ недѣль. При немъ я нѣсколько ожила; мнѣ было легче въ его присутствіи переживать мое мучительное рѣшеніе. Онъ меня развлекалъ; я меньше

думала о томъ, что такимъ гнетомъ лежало на моей душѣ. И потомъ, Сережа самъ страдалъ...

Я стала съ большимъ сочувствіемъ относиться къ Сережѣ, и не одно только любопытство заставляло меня разсматривать его блѣдное лицо, его грустные, близорукіе глаза. На этомъ лицѣ я читала повѣсть тяжелаго горя, и я ему сочувствовала, мнѣ его было жалъ. Я всегда радовалась, когда могла вызвать улыбку на его блѣдныя губы, когда слышала его смѣхъ. Его смѣхъ напоминалъ мнѣ смѣхъ Вали, такой же музыкальный, мягкій. Онъ даже самъ былъ немного похожъ на Валу, въ особенности теперь, когда они были врозь; ростъ у нихъ былъ одинаковый, и въ манерѣ, въ словахъ, въ движеніяхъ было что-то общее. Я часто смотрѣла на Сережу и думала о Валѣ.

Приближался день, назначенный Сережей къ отъѣзду. Я съ грустью смотрѣла на приготовленія.

— Прощайте, Сережа, когда-то мы опять увидимся! говорила я:—скучно будетъ теперь!

Сережа молчалъ и въ раздумьи теребилъ свою шляпу.

— Знаете ли, Варя, для чего я, собственно, пріѣхалъ? сказавъ онъ вдругъ, пристально смотря мнѣ въ глаза.

Я почему-то покраснѣла.

— Я пріѣхалъ спросить васъ: не пойдете ли вы за меня за-
мужъ?

Онъ сказалъ это—и съ замѣшательствомъ ждалъ отвѣта.

— Богъ съ вами, Сережа! Что вы такое говорите?

— Чего же вы испугались? Голосъ Сережи былъ едва слышенъ; онъ страшно поблѣднѣлъ.—Вамъ это неприятно?.. Я такъ и зналъ...

Я молчала, я не могла придти въ себя.

— Я долженъ былъ ожидать этого... Моя жизнь — неудачная жизнь! На мою долю не выпало счастья быть любимымъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, не то. Голубчикъ, Сережа! совсѣмъ не то..

Мое сердце нило. Горячія слезы хлынули изъ глазъ.

— Не плачьте, Варя! вы—добрая... Не огорчайтесь. Мнѣ не нужно вашего сожалѣнія... Какъ ни дорого ваше участіе, но я не хочу его... Ну же, перестаньте плакать!..

Бѣдняга меня утѣшалъ.

— Мнѣ больно видѣть ваши слезы... Ну, что же такое! это ничего, милая, ничего! Забудьте, что я вамъ сказалъ; я ошибся... какъ и всегда.. Не плачьте же, Варя... право, тяжело!..

— Я не объ васъ плачу... нѣтъ, не объ васъ... я объ себѣ... Я несчастлива... а... а... люблю...

— Вы? Вы любите? Вы, моя маленькая Варя? И вы несчаст-

ливы? Въ голосѣ Сережи было столько неподдѣльной доброты и участія, что я въ своемъ эгоизмѣ не подумала, какъ ему тяжело самому: я прижалась къ его плечу — обняла его и рыдала еще сильнѣе.

— Я люблю... Валию, шептала я сквозь рыданія.

— Валию? Ну, такъ что же? А онъ любить? Сережа говорить ласково, но какии-то беззвучнымъ, умирающимъ тономъ, не шепелясь и не перемѣняя положенія.

— Да, шептала я.

— Отчего же слезы? Отчего же вы несчастны?.. Ну, и любите! Сережа слабымъ голосомъ пытался меня утѣшить, пытался улыбнуться, а у самого слезы стояли въ горлѣ. — Валия вѣдь хорошая!..

— Но я не должна его любить! Я рѣшила.. и взяла свое слово назадъ.

— Взяли свое слово назадъ? Не должны?.. Не понимаю, Варя!

Онъ смотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ. Но я уже могла говорить; я уже выплакала свое горе на груди человѣка преданнаго, который принялъ во мнѣ участіе, и мнѣ вдругъ стало удивительно легко, точно я сбросила съ себя половину тяжести, которая меня угнетала.

Надо полагать, что я принадлежала къ числу тѣхъ эснансивныхъ русскихъ натуръ, имя которымъ легионъ и которымъ необыкновенно трудно таить одиноко, въ глубинѣ души, и горе, и радость. Имъ непремѣнно нужно сдать куда-нибудь свои впечатлѣнія, какъ-нибудь ихъ пристроить, чтобы кто-нибудь внимательно, съ участіемъ, вникнулся съ ними. Я нашла такую душу, и мнѣ стало легче. Я почти хладнокровно рассказала Сережѣ все: и нашу любовь, наши планы и мои волненія, и рѣшеніе, къ которому я пришла. И все это вдругъ перешло въ область прошедшаго. Я какъ будто отдыхала отъ пережитой бури, отъ этой внезапно нахлынувшей страсти, которая явилась Богъ знаетъ какъ, захватила меня всю цѣликомъ, а теперь, вдругъ, точно ея ужъ и нѣтъ! Она ужъ не угнетаетъ меня, она точно вылилась вся, въ этихъ слезахъ, въ этихъ признаніяхъ.

— Послушайте, Варя, вѣдь это сумасшествіе! вдругъ разговоришь Сережа своимъ тихимъ голосомъ: зачѣмъ это никому не нужное самоотверженіе? Вы будете сожалѣть о немъ; вѣроятно, и Валия...

— Валия будетъ сожалѣть теперь—это правда, но не потому, отвѣтила я совершенно свободно. — Нѣтъ, я не хочу жертв—я

не могу принять их! Кто мнѣ поручится, что Валя не будетъ впоследствии сожалѣть?

— Сожалѣть о томъ, что сталъ вашимъ мужемъ? Вы не понимаете, что вы говорите, Варя! Какія же тутъ жертвы! Сережа не выдержалъ, у него блеснули слезы, голосъ его совсѣмъ оборвался, и онъ закрылъ лицо руками.

Теперь уже я стала его утѣшать; я отняла его руки отъ смоченнаго слезами лица, поцѣловала его въ щеку и долго говорила ему какія-то безсвязныя слова. Мнѣ было жаль его, но опять-таки, въ своемъ жестокомъ, молодомъ эгоизмѣ, я была почти довольна, что все такъ вышло. Лично объ немъ, о его страданіи, я мало думала, а думала только о счастіи быть любимой, быть для человѣка всѣмъ — и радостью, и горемъ.

— Нѣтъ, Варя, такъ нельзя! продолжалъ Сережа: — вы должны хорошенько обдумать прежде, чѣмъ рѣшиться.

— Я обдумала. Вы сами говорите, что Валя безхарактеренъ, а какъ вы думаете: можно ли выйти за человѣка, когда предполагаешь, что онъ когда нибудь отнесется къ вамъ, какъ къ преградѣ, когда онъ будетъ молить разныхъ Дашенокъ о прощеніи, будетъ желать, чтобъ онѣ похвалили его и приложили печать ко всему, что онъ сдѣлалъ? говорила я уже въ раздраженіи.

Сережа смотрѣлъ на меня во всѣ глаза; легкій румянецъ окрасилъ его щеки; онъ слушалъ внимательно.

— Развѣ можно отвѣтить за завтрашній день Вали? вѣдь поѣхалъ же онъ въ командировку?

— А, такъ вотъ въ чемъ дѣло!

— Ну, да, вѣдь онъ поѣхалъ? А онъ не долженъ былъ ѣхать; онъ долженъ былъ хлопотать совсѣмъ объ другомъ. Если теперь не время было хлопотать, онъ долженъ былъ пріѣхать сюда... Ну, и дальше все такъ будетъ. Его уговорять, а если не уговорять, то выплачуть.

Я была сильно возбуждена; Сережа сталъ защищать Валию, но защита его шла вяло. Я ему почти не возражала.

Насъ уже давно звали ужинать, но мы не пошли. Наступила тихая, теплая, торжественная ночь; все смолкло, точно вымерло; ни одного звука, только соловьи громко заливались за рошей надъ оврагомъ. Отражалась луна въ озерѣ, серебрилась зыбь; все окрасилось матовымъ, блѣднымъ цвѣтомъ. Отъ дома и деревьевъ ложилась уворчатая тѣнь. Окна въ столовую стояли настежь; отсюда изъ подъ опущенныхъ гардинъ, широкой полосой легъ красно-матовый свѣтъ отъ лампы. Потомъ, этотъ свѣтъ погасъ; въ домѣ прекратилось движеніе, все угомонилось, а мы все еще сидѣли и говорили.

Сергея рассказывалъ мнѣ исторію своей любви, своего разочарованія, своего горя. Онъ ее считалъ ребенкомъ, беззаботной... Она совсѣмъ была похожа на дѣвочку, и онъ ей вѣрилъ... но она никогда не хотѣла дать ему права считать себя ея официальнымъ женихомъ; она смѣялась и говорила, что онъ тогда будетъ слишкомъ предъавлять свои права. Нужно подождать, нужно испытать силу его любви... И онъ ждалъ и вѣрилъ. Потомъ, одинъ изъ друзей пробовалъ открыть ему глаза. Но Сергей не только не повѣрилъ, но былъ глубоко возмущенъ. Она узнала объ этомъ, плакала, увѣряла, что все—ложь, что этотъ другъ мститъ ей за отвергнутую любовь. И Сергей поссорился съ своимъ старымъ другомъ. Потомъ однажды «это случилось», и случилось совсѣмъ неожиданно, когда онъ ѣздилъ въ отпускъ на свадьбу въ André!

— Тогда я хотѣлъ умереть. Я не хотѣлъ принимать лекарства, я дѣлалъ все, что могъ, но меня вылечили. Я долго послѣ того былъ глубоко несчастенъ; весь міръ казался мнѣ какимъ-то нечистымъ, порочнымъ. Вездѣ я видѣлъ обманъ, ложь, притворство, я чувствовалъ около себя пустоту, холодъ... Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, покуда вы не вышли изъ института. Я первый открылъ, что вы прелестны... Я понялъ разницу, которая была между вами и ею, я понялъ ея искусственность. Вы были сама природа, вы не знали вашихъ достоинствъ... Наша семейная жизнь еще рельефнѣе выказывала васъ...

Сергея говорилъ это точно въ раздумьѣ. Но, признаюсь, мнѣ было приятно слушать его. Я краснѣла, я знала, что не должна этого слушать, но все-таки слушала.

— Я удивился, когда почувствовалъ, что сердце мое сильнѣе и безновѣйнѣе бьется въ вашемъ присутствіи, но я не долго былъ слѣпъ и понялъ, что вы для меня! И я былъ счастливъ этимъ открытіемъ, счастливъ своимъ возрожденіемъ къ жизни. Я не зналъ, какъ благодарить Бога, что все старое прошло и мнѣ ужъ было не надо его... Я понялъ, что та любовь была не любовь. Подумайте! вѣдь я могъ жениться на ней, и потомъ только понять! Меня миновала эта чаша! Теперь, видя васъ, понимаю, чего я избавился. Она была слишкомъ земная.

— А я—небесная? И я улыбнулась.

— Нѣтъ не то, я не такъ выразился. Въ ея любви было что-то грубое, вы этого не понимаете. Въ ней была страсть, но она была неспособна чувствовать. Нѣтъ! не можетъ человѣкъ 22 лѣтъ, почти мальчикъ, который еще не знаетъ себя, взять обязательство на всю жизнь!

— Вот видите! прощентала я: — и Валя тоже бы потомъ говорить.

— Относительно васъ? Никогда! Относительно васъ ошибиться нельзя! Нѣтъ, вы этого не говорите!.

Мнѣ стало совсѣмъ совѣстно; я была убѣждена, что это неправда, но мнѣ все-таки пріятно это слушать.

Сереза продолжалъ.

— Я на васъ смотрѣлъ, какъ на ребенка; я и эту зиму восхищался вами, любилъ васъ, но мысль добиваться вашей любви мнѣ не приходила въ голову. Только подъѣзжая сюда, я рѣшился переговорить, сказать вамъ... спросить. И была минута... Вы меня не вините въ излишнемъ самолюбіи... была минута, мнѣ казалось, что вы... что вы не отвергнете меня.

Онъ замолчалъ. Молчала и я. Стояла совсѣмъ ночь, совсѣмъ тишина... Пахло холодкомъ; я немного озябла. У меня стали слипаться глаза, но я боялась уйти: мнѣ казалось, что я его обижу.

На другой день Сереза уѣхалъ; на прощаньи онъ меня спросилъ.

— Можно мнѣ будетъ заѣхать къ вамъ на возвратномъ пути изъ Мальцева?

— О да, непременно! сказала я опрометчиво.

Сереза крѣпко поцѣловалъ мою руку, и я покрасѣла. Онъ цѣловалъ ее въ первый разъ.

XI.

Прошелъ почти мѣсяцъ. Отъ Вали я получила три письма; онъ все еще былъ за-границей и сильно тосковалъ, что не имѣлъ обо мнѣ никакихъ извѣстій. Дѣла, противъ всякаго ожиданія, задержали его дольше, нежели онъ предполагалъ; раньше августа онъ не могъ вернуться. Онъ выходилъ изъ себя и увѣрялъ, что его больше не поймаютъ; умолялъ меня сжалиться надъ нимъ и писать два раза въ недѣлю. Но я не писала; со мною происходило нѣчто странное. Я была покойна и почти ничего не чувствовала, но знала, что надо мною виситъ что-то большое, грозное. Я и теперь не хотѣла формулировать свои ощущенія, но знала, что боюсь письма Вали въ отвѣтъ на мое, а еще больше боялась его пріѣзда. И вдругъ все это совпадетъ съ пріѣздомъ Серезы! Вѣдный Сереза!

Чтобы отвлечь себя отъ этихъ мыслей, я стала принимать большее участіе въ судьбѣ Оленьки; безпрестанно бывала въ Со-

рокиѣ, и ревностно занялась приданымъ. Сама Оленька начала меня интересоваться. Предстоющая брачная жизнь поглощала ее всю. Нотолько къ главному, но и къ каждой мелочи, входящей въ составъ ея будущей семейной жизни, она относилась торжественно и серьезно. Она посвящала меня въ тайны привычекъ Ефима Павловича, рассказывала, что онъ любитъ курить трубку, сидя на крылечкѣ за стаканомъ чая, что онъ не носитъ подтяжекъ, а ремень; она сама собиралась кормить его собакъ и его старую лошадь—ему это будетъ нравиться!—и непременно хотѣла выучиться играть на гитарѣ.

Она больше всего хлопотала о чепчикахъ и капотахъ и предполагала носить ихъ постоянно, чтобы фактически всеѣмъ доказать, что она—замужняя.

— Безъ чепчика—точно дѣвчонка! то ли дѣло, когда молодая въ наколѣхъ и капотѣхъ—всякій видитъ, кто она... Это такъ мило, въ особенности, если она полненькая!

Ее сокрушила мысль, что она не довольно полненькая, и она употребляла всѣ усилія сдѣлаться толще: пила разные мучные взвары, ржаной кофе, ѣла толокно, лепешки. Она у всѣхъ спрашивала совѣтовъ, не пропускала ни одной дворовой бабы безъ вопроса.

— Тетка, не знаешь ли, что надо дѣлать, чтобы быть толще?

— Не знаю, родимая... Это отъ Бога, говорила одна.

— Ышь слаще, вотъ и будешь въ тѣлѣ, говорила другая.

— Горя не знай, совѣтовала третья.

— Нѣтъ, вы только не хотите сказать! видишь, какая ты толстая, Матрена!

— Она—прикащица!

— Ее мужъ жалѣеть!

— А это правда, что мужъ любитъ жену, когда она толстая?

— Толстая лучше... Какъ же!

Но не всегда Ольга Степановна была весела и полна сладкихъ заботъ о будущемъ. Иногда она точно старѣла, глубокія борозды проходили по ея лбу, и выраженіе страха спускалось на ея лицо. Въ эти минуты она всегда увѣряла, что у нея спазмы въ груди и ей нуженъ покой. И чѣмъ ближе подходило время къ свадьбѣ, тѣмъ контрасты дѣлались рѣзче, тѣмъ чаще находили на нее минуты глубокаго унынія. Жениха своего она любила съ трогательной нѣжностью, такъ что было даже забавно видѣть почтительныя ласки, которыя она расточала этому толстенькому, бодренькому маіору. Ефимъ Павловичъ, съ своей стороны, былъ деликатенъ и какъ-то остороженъ въ обращеніи

съ нею, точно онъ относился къ хрупкому, дорогому предмету. Онъ конфузливо и съ горячей, вѣжливой благодарностью принималъ всё доказательства ея любви. Объ ней онъ всегда говорилъ съ уваженіемъ, но это уваженіе основывалось на тѣхъ началахъ, что было страшно за Оленьку. Она ему казалась чуть ли не цвѣткомъ, чуть ли не безтѣлеснымъ и безгрѣшнымъ созданиемъ. Черезъ чуръ ужъ много свѣтлыхъ красокъ и идеализма впадалъ въ свою любовь этотъ бодренькій, отставной маіоръ. Какъ-то трудно вызались вмѣстѣ его наружность и фигура съ его любовью, словами и мечтаніями.

Разъ вечеромъ, послѣ дождя, мы сидѣли съ нимъ на ступенькахъ балкона. По дорожкамъ стояли лужи. Оленька въ сапогахъ ходила по саду и рвала мокрые цвѣты на букетъ. Онъ слѣдилъ за нею и съ безпокойствомъ говорилъ, что его мучаетъ одно обстоятельство его жизни, давно прошедшее, но все-таки бывшее.

— Мучаетъ меня это обстоятельство—не знаю, какъ съ нимъ и подойти къ Ольгѣ Степановнѣ...

Онъ видимо желалъ высказаться, а я ужасно желала знать, такъ что нѣтъ ничего мудренаго, что, наконецъ, онъ высказался и просилъ у меня совѣта, какимъ путемъ передать Ольгѣ Степановнѣ это приключеніе.

— Любили? спросила я съ большимъ любопытствомъ.

— То есть, какая же это любовь, сударыня!.. какъ честный офицеръ, блажь одна... Известное дѣло, молодость—ну, и жуировалъ! А теперь, вотъ извольте! Ну, какъ я ей скажу—вѣдь она—барышня!

Маіоръ вдругъ замолеъ и сталъ прислушиваться; мнѣ тоже послышалось что-то. Наконецъ, до насъ явственно донеслись рыданія: плакалъ кто-то въ двухъ шагахъ отъ насъ, въ бесѣдкѣ, заросшей жимолостью.

Маіоръ побѣжалъ; я за нимъ.

Плакала Оленька; она стояла на колѣняхъ передъ скамейкой и, закрывъ лицо руками, судорожно рыдала, такъ что все ея тѣло вздрагивало.

Я поскорѣе убѣжала. Кстати меня ужъ искали: Марусенька собиралась домой.

Дома насъ ждалъ Сережа съ письмомъ отъ Вали, которое онъ взялъ въ городѣ на почтѣ. Я поняла, что наступила рѣшительная минута, та минута, которой я боялась больше всего.

— Прочитайте это письмо здѣсь, говорилъ мнѣ Сережа умоляющимъ голосомъ:—я узнаю мою судьбу по вашему лицу.

Но я не рѣшилась на это и ушла въ свою комнату. До сей

минуты я все еще ждала чего-то, какого-то чуда, какого-то вмешательства, которое, помимо моей воли, перетасует факты, и я буду счастлива по-прежнему. А теперь вот... вот оно, это решение!

И вдруг Валя согласится съ моими доводами и не будет протестовать?

Отъ этой мысли дрожь пробѣжала по мнѣ, точно я во второй разъ потеряла Валу...

Дрожащей рукой схватила я письмо и хотѣла скорѣе знать правду, скорѣе, скорѣе... Но буквы бѣгали въ глазахъ, и я ничего не понимала... Наконецъ, я поняла. Валя не сдавался, Валя выходилъ изъ себя, Валя доказывалъ, что этого не должно быть и не будетъ, что онъ не отдастъ мнѣ моего слова назадъ, что я не вольна распоряжаться имъ и не имѣю права рѣшать за него.

И что же! Минуту тому назадъ, я была чуть ли не въ отчаяніи отъ мысли, что Валя можетъ отказаться отъ меня, а теперь я опять рѣшила, вторично рѣшила, почти холодно, почти сознательно, почти безъ увлеченія страсти, что *такъ надо*...

Мнѣ оставалось одно, и самое тяжелое: видѣть Валу и лично подтвердить мой отказъ; тогда я буду свободна совсѣмъ. Сердце мое точно очерствѣло; я не могла плавать, но чувствовала, что тогда будетъ конецъ всему, конецъ моей радости, конецъ моему счастью.

Я вышла въ гостиную и держала себя холодно и равнодушно. Сережа не сказалъ мнѣ ни слова по поводу письма, очевидно, выжидал, что я заговорю сама; но я не говорила.

Въ этотъ прїездъ, Сережа пробылъ у насъ недолго, меньше недѣли; у него въ Мальцевѣ шли работы, но дней черезъ десять онъ намѣревался прїехать на болѣе продолжительный срокъ. Сережа не говорилъ много о любви, окружилъ меня лаской и заботами. Я понимала свою власть надъ нимъ и, въ качествѣ больной и измученной, принимала его ухаживанье. Когда онъ уѣхалъ, я почувствовала пустоту. Мнѣ стало скучно, но приготовленія къ свадьбѣ Оленьки оживили меня.

Мы поѣхали въ Сорокино за четыре дня; гостей съѣхалось много. Почетные гости ночевали въ домѣ, барышнямъ были отведены трапезныя и сушильни. Поздно, до вторыхъ пѣтуховъ, разносился ихъ хохотъ, говоръ и немолчная болтовня. Я одна, въ качествѣ подружки невесты, спала въ ея комнатѣ. Дѣвичникъ справили по всѣмъ старымъ обычаямъ: мы водили невесту въ баню съ пѣснями; бабы стояли въ сѣняхъ, и звонко, раздражительно неслись ихъ заунывные пѣсни.

По морю уточка булалася
Свѣрая колоскалася...

Мы всё плакали, невѣста больше всѣхъ, точно свадьба ея была подневольная. Женихъ дарилъ всѣхъ; ему также пѣли пѣсни. Въ домѣ была ужасная суматоха; всѣ бѣгали, суетились. Кушанье принялись готовить за два дня.

Наканунѣ свадьбы, чтобы не мѣшать приготовлениямъ, устроили катанье: всѣ уѣхали на мельницу ловить рыбу. Въ домѣ остались хозяева, женихъ съ невѣстой и я.

Всѣ сидѣли въ спальной Настасьи Петровны. Женихъ держалъ за руку Оленьку и почувствованнымъ голосомъ благодарилъ барышень Волковыхъ за ихъ любовь и попеченіе о сироткѣ... Потомъ онъ снялъ кольцо съ своего мизинца и надѣлъ его на палецъ Оленьки.

— Это моя матушка даетъ вамъ, моя милая, свое кольцо! она, за часъ до своей кончины, отдала мнѣ его съ приказомъ надѣть моей невѣстѣ... Носите его, и пусть милость Божія будетъ надъ вами!

Но тутъ случилось что-то совсѣмъ неожиданное: Оленька съ громкимъ воплемъ упала на колѣни передъ женихомъ.

— Я васъ не стою! я васъ обманула! Я всѣхъ обманула... у меня былъ ребенокъ! кричала она въ какомъ-то истерическомъ вступленіи.

Мы такъ и застыли на мѣстахъ.

Пестикъ всвочилъ, какъ ужаленный; на немъ не было лица. У Настасьи Петровны опустились руки; она съ ужасомъ смотрѣла на Оленьку. У всѣхъ захватило дыханіе; всѣ молчали, точно пораженные громомъ.

— Да, у меня былъ ребенокъ, говорила Оленька, въ смертномъ отчаяніи ломая руки.

Пестикъ съ гнѣвнымъ, презрительнымъ жестомъ оттолкнулъ ее отъ себя.

— Подлая! развратная! прошипѣлъ онъ не своимъ голосомъ. Оленька продолжала валяться у его ногъ.

— Простите меня!.. Нѣтъ, не прощайте... убейте лучше! говорила она, задыхаясь.—Моя жизнь — пытка, адская жизнь, съ тѣхъ поръ, какъ я ваша невѣста...

— Прочь! говорилъ съ негодованіемъ и омерзеніемъ маіоръ.— Ай, да тетушки! уберегли дѣвочку! честь вамъ!..

Настасья Петровна встала грозная. Не слыша словъ Пестика, она медленно подошла къ Оленькѣ и холоднымъ беззвучнымъ голосомъ спросила:

— Кто это былъ, и когда?

Но Пестикъ отстранилъ ее сильной рукой.

— Нѣтъ-съ, позвольте! теперь, это мое дѣло!.. она убила меня... она должна мнѣ казаться... Кто былъ вашъ любовникъ?

Майоръ говорилъ не своимъ голосомъ; видъ его былъ страшенъ, глаза злобно сверкали.

Оленька, блѣдная, полумертвая, заговорила тихо, еле шевеля губами.

— Сначала, это былъ дядя; я была дѣвчонка, онъ въ нѣкомъ видѣ... онъ меня билъ...

— Почему? сказала холодно Настасья Петровна.

Оленька молчала; на лицѣ у нея было ужасное страданіе.

— Ну! сказала Настасья Петровна.

— Контрорщикъ, сынъ старосты, съ трудомъ проговорила Оленька.

Майоръ сталъ искать шапку; онъ не удостоилъ взгляда блѣдную дѣвушку, которая лежала у его ногъ, блѣдная и неподвижная.

— Вы понимаете, Настасья Петровна, сказалъ онъ:—что между мною и этой... «дамой»—все кончено!.. Здѣсь оставаться...

Оленька встала, взвизгнула, схватила за сердце и упала во весь ростъ.

Майоръ вышелъ; за нимъ побѣжала Серафима Игнатьевна.

ХІІ.

Свадьба, однако, состоялась, на другой день, какъ было назначено: майора, соединенными усиліями матушки и Марусеньки, уговорили не наносить позора дѣвушкамъ, такъ какъ никто не зналъ о ея прошедшемъ. Согласитесь сами: все уже готово для свадьбы, гости на лицо, рябчики зажарены, мороженое удалось, сухари напечены, и вдругъ—женихъ уѣдетъ! Что будутъ говорить о невѣстѣ? Майоръ сдался на просьбы, но съ тѣмъ, что послѣ свадьбы онъ уѣдетъ немедленно.

Оленька не выходила изъ своей спальни. Она была совсѣмъ больна, совсѣмъ разбита: до вѣнчанія, она не видала жениха. Съ утра онъ ушелъ купаться и воротился только за часъ; на это никто не обратилъ вниманія: всѣ думали, что онъ исполнилъ обычай, не дозволявшій жениху видѣть невѣсту въ день свадьбы.

Въ подвѣнчномъ нарядѣ Оленька была до того страшна, до того похожа на мертвую, что порѣшили единогласно дать ей рюмку вина, подрумянить и намазать красной помадой ея губы.

Мое сердце сжалось отъ состраданія, при видѣ одиночества Оленьки. Тетки обращались съ ней съ какой-то суровой снисходительностью. Настасья Петровна выглядѣла еще надменнѣе, еще холоднѣе. Намъ поручили уговорить гостей не оставаться долго послѣ вѣнчанія, въ виду несомнѣнной богизни невѣсты. Нѣкоторыхъ, кто жилъ далеко, матушка пригласила къ себѣ.

Въ церкви, женихъ съ официальнымъ видомъ подошелъ къ невѣстѣ и подалъ ей руку; онъ также похудѣлъ за этотъ день и точно осунулся. Съ невѣстой чуть не сдѣлалось дурно, когда она подала ему руку; ноги у нея положительно подвоялись, но ее поддерживали. Гости шептались: они поняли, что тутъ что то неладное, и съ любопытствомъ стали разсматривать Пестика и Оленьку.

Послѣ шампанскаго и поздравленія, матушка стала прощаться; она громко говорила, что пора ѣхать, что надо оставить молодую въ покоѣ, что она больна. Всѣ поднялись, и уѣхали за-свѣтло.

Молодые остались у тетокъ.

На утро къ намъ пріѣхалъ гонецъ съ письмомъ отъ Серафимы Игнатьевны. Она писала, что вчера, вслѣдъ за гостями уѣхалъ маіоръ, съ тѣмъ, чтобы никогда не возвращаться, а Оленька умираетъ. Серафима Игнатьевна просила матушку пріѣхать и непременно привезти меня.

Мы тотчасъ же поѣхали. Совсѣмъ другой видъ, уже не праздничный, былъ въ Сорокинѣ: шторы въ домѣ были спущены, стояла тишина, пахло лекарствомъ, всѣ ходили на цыпочкахъ. Оленька, блѣдная, совсѣмъ мертвенная, лежала высоко на свадебныхъ подушкахъ; на ней была парадная кофта, парадный чепчикъ, на рукѣ блестѣло вѣнчальное кольцо. Все было, чего она такъ добивалась, и она умирала! Слабая улыбка освѣтила ея лицо, когда она насъ увидѣла.

— Послали за мимъ? торопливо спросила матушка, подзывая къ окну Серафиму Игнатьевну.

— Нѣтъ еще; мы хотѣли посоветоваться съ вами; у насъ вышло разногласіе; Настасья Петровна находитъ, что это не нужно...

— И не нужно, такъ же холодно, такъ же методично, какъ всегда, сказала Настасья Петровна.

— Но вѣдь она плохо!.. возразила матушка шепотомъ.

— На все воля Божія!

Оленька застонала.

— Варенька, сказала она тихо:— пусть мнѣ дадутъ вина, мнѣ

нужно говорить съ вами... только я ихъ не хочу... Скажите, чтобы онѣ ушли...

Я передала теткамъ желаніе больной.

— Я не знаю, можно ли это? сказала нерѣшительно Настасья Петровна.—Софья Алексѣевна, вы ничего не имѣете противъ этого желанія?

— Ничего, сказала матушка.

Мы остались вдвоемъ. Оленька протянула мнѣ руку.

— Я васъ не пугаю? Я вамъ не противна?..

— Ахъ, Оленька! Богъ съ вами, что вы говорите?..

— Спасибо, я это знала... Вы меня выслушаете?.. Мнѣ нужно сказать... мнѣ вѣдь некому... Я вѣдь совсѣмъ одинокая, совсѣмъ...

— Успокойтесь, Оленька!

— Да, я успокоюсь, когда выскажу все... Мнѣ надо высказаться... мнѣ надо было давно высказаться, но развѣ я могла? И кому? Я думала будетъ мужъ, защитникъ, и я буду, какъ всѣ... буду своимъ домомъ жить. Я думала, онъ будетъ ласковый, онъ обо мнѣ заботиться будетъ... а вотъ!.. И напрасно все это думала, потому что у кого на совѣсти то, что у меня... тому нельзя... Знаете ли? я прежде не знала, что буду отъ этого мучиться... точно я ничего не дѣлала дурного!.. Бывало вѣдь и радостно... но это было давно... И знаете, именно тогда, когда я поступала дурно... Вотъ какая я была скверная! Ахъ, худо жить, когда вы совсѣмъ, совсѣмъ никому ненужны!

— У васъ теткѣ есть, онѣ, вѣрно, васъ любятъ! сказала я, чтобы утѣшить ее.

— Любить? Оленька усмѣхнулась.—Не говорите объ этомъ. Слушайте-ка. Я была очень молода, когда меня взяли изъ института, мнѣ было четырнадцать лѣтъ; никто не хотѣлъ за меня платить, меня такъ и бросили. Ну, я, конечно, была рада; я была веселая, живая, не такая, какой вы меня узнали! Ну, я ахъ всѣхъ беспокоила, онѣ меня и отдали брату моего отца. Всѣ знали, что онъ—подлецъ, и Настасья Петровна знала. Жена у него глупая, только индюшекъ разводила, да черносливъ ѣла, а зимой спала. Дядя сталъ ко мнѣ приставать, а я ничего не понимала. Кормилъ меня, наряжалъ, шампанскимъ поилъ, вероломъ выгучилъ ѣздить, амазонку изъ Москвы выписалъ... Я жила такъ почти полгода, и сталъ онъ мнѣ такъ противенъ, что я вамъ рассказать не могу!.. Ну, а потомъ пришелъ конторщикъ и пожалѣлъ меня... И я ужъ не чувствовала угрызений совѣсти, стала совсѣмъ отчаянная... Даже дядѣ сказала, что люблю кон-

торщика, а его терпѣть не могу... Потомъ, сосѣди стали замѣчать, говорить; узнала Настасья Петровна и взяла меня.

— Отчего же вы раньше не обратились къ Настасьѣ Петровнѣ?

— Я ее прежде ужасно боялась; она—точно дама классная, такая холодная...

Оленька закрыла глаза и замолчала; потомъ выпила вина.

— Я жила здѣсь больше году, продолжала она:—и первое время была довольна; спокойно было. Умеръ дядя. Конторщикъ откупился на волю и пришелъ сюда... Онъ—еодосьинъ племянникъ... Ну... и я должна была... только этого никто не зналъ!.. Я вамъ гадка? Да, я северная; натура моя такая развратная—онъ правду сказалъ! Теперь, я это понимаю... Вотъ тѣти живутъ и никого не любятъ. А я вѣдь была довольна, что онъ меня любилъ... любилъ крѣпостной! Потомъ, Еодосья настояла—и онъ ушелъ.

Оленька опять закрыла глаза, опять замолчала. Грудь ее тяжело дышала. Она забылась на нѣсколько минутъ.

— Вы здѣсь? начала она вновь, отрывая глаза:—что я вамъ говорила?

— Вы говорили:—онъ ушелъ.

— Да, онъ ушелъ... и я объ немъ скучала! Что же вы не отвернетесь отъ меня? Вѣдь гадже этого ничего не можетъ быть? Скучала... объ крѣпостномъ!

— Успокойтесь, бѣдная моя!

— Да, бѣдная! Меня никогда никто не жалѣлъ! Когда онъ ушелъ, мнѣ стало еще хуже... Такъ танулось девять лѣтъ, девять длинныхъ лѣтъ... Потомъ я перестала скучать, свылась, ожилась... Никто меня не сваталъ, жениковъ не было... никому я не была нужна... Надо мною стали смѣяться—я знала это; говорили, что старая дѣвка жениковъ ловить. И вдругъ—онъ!

Оленька заметалась въ постели, слабый румянецъ показался у нея на щекѣ.

— Когда онъ сказалъ, что любить и женится на мнѣ... я думала, что я умру! Такъ я была счастлива! Только не долго. Зачѣмъ онъ мнѣ такъ вѣрилъ? Зачѣмъ онъ такъ хорошо говорилъ обо мнѣ? Это были все стрѣлы... жгучія стрѣлы... Онѣ звинили. Вотъ я когда поняла, какая должна быть барышня, настоящая... вотъ какъ вы! Надо, чтобы душа у нея была, какъ цвѣтокъ, чтобы она ничего не знала, ничего!.. Ну, я и не могла стерпѣть... Силъ не стало... Когда я узнала, какой онъ самъ чистый, какъ безпокоится обо мнѣ, какъ вѣритъ мнѣ... Помните, на балконѣ онъ говорилъ вамъ...

Оленька закашлялась, кровь хлынула горломъ..

Я испугалась, бросилась за тетями. Принесли льду, уксусу, зюбрь. Меня увели.

Потомъ мнѣ сказали, что она заснула; въ домѣ стояла тишина, точно все вымерло. Я ушла въ садъ, меня колотила дрожь.

Послали нарочнаго за Пестикомъ; не было сомнѣнія, что ей было плохо. Докторъ все не прѣзжалъ.

Вечеромъ меня опять позвали къ ней, ей видимо было хуже.

— Скажите ему, чтобы онъ меня простилъ! еле прошептала она.

— Онъ самъ прѣдетъ, вы ему сами скажете.

— Развѣ онъ можетъ простить?

— Можетъ, можетъ!..

— Скажите ему, что мнѣ жаль...

Оленька не дожидая вечера другого дня; мужъ прѣхалъ, но она была въ забытѣи. Онъ былъ въ отчаяніи.

Исповѣдь Оленьки произвела на меня ужасное впечатлѣніе. Жизнь оказалась мнѣ такой грозной, неумолимой! Вотъ Пестикъ говорить, что красота женской души въ невѣдѣніи,—ну, и женился бы онъ тогда, когда Оленька была въ этой красотѣ, въ 19 лѣтъ! Бѣдная, какъ тоскливо, безразсѣтно тянулась ея жизнь! Ужасно! А моя? И я вдругъ испугалась своего будущаго одиночества: вѣдь и я буду одинокая. Здѣсь, въ трущобѣ, въ этомъ лѣсу, на безлюднѣ тащить свою жизнь, безъ интереса и безъ смысла.

Уѣдетъ Сережа въ Петербургъ, и я останусь одна... Что же меня ждетъ здѣсь? Неужели моя жизнь такъ и кончится ничѣмъ, и я буду, какъ Марусенька, солить грибы?

Опять Холмы стали мнѣ казаться мѣстомъ заточенія, унынія и тоски. Я стала боиться осени.

Сережа засталъ меня въ очень благопріятномъ настроеніи относительно его плановъ. Мы съ нимъ говорили обо всемъ, и объ Валѣ, и обо мнѣ. Я могла уже говорить о моей любви къ Валѣ, какъ о чемъ то прошедшемъ, поверхностно, не заглядывая въ глубь, не тревожа верхнихъ слоевъ тѣхъ новыхъ впечатлѣній, которые залегли и плотно прикрыли прошедшее.

Однако, я все-таки не дала слова Сережѣ, несмотря на его желаніе, хотя это и не мѣшало намъ строить планы о будущей совмѣстной жизни. Сережа часто говорилъ мнѣ о своей любви. Съ тѣхъ поръ, какъ мы стали чаще видѣться, и я увѣрила его, что не пойду за Валю, любовь его вспыхнула ярче и замѣтнѣе. Онъ говорилъ, что довольствуется тѣмъ чувствомъ, которое я имѣю къ нему, что остальное придетъ само собою, что онъ вы-

Но онъ не уступалъ. Я стояла, какъ приговоренная къ смерти, и чувствовала одно: что нужно говорить «нѣтъ».

— Я васъ не люблю больше! крикнула я послѣднимъ крикомъ наболѣвшей души.

— Это ложь—вы меня любите!

— Нѣтъ, я иду замужъ за другого... я даю слово Сережѣ!

— И я приму это слово... впоследствии! вручилъ меня Сережа.

Вали остоленѣлъ. Я едва дотанцилась до своей комнаты, заперла ее на замокъ и тутъ же у дверей потеряла сознание. Когда я пришла въ себя, было утро, надо мною сидѣла мама и докторъ. Марусенька двигалась, какъ тѣнь. У обѣихъ были измученныя лица.

Марусенька очень удивлялась странности поведенія Свердловскихъ. «Слыханное ли дѣло! пріѣхать на одинъ день, точно съ визитомъ, такую даль. И уѣхали, почти не простясь!»

Матушка догадывалась о чемъ-то, но не говорила со мною ни слова. Она только пытливо смотрѣла на меня.

Въ декабрѣ пріѣхалъ Сережа. Я была довольна его пріѣзду. Онъ очень осторожно спросилъ меня, какіе мои планы, и думал ли я сдержать слово, данное въ такой критическій моментъ.

Въ мартѣ назначили свадьбу.

А—въ.

ЖЕРТВА ФИЛАНТРОПИИ.

(La fille Elisa).

РОМАНЪ .

Эдмона Гонкура.

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

Среди мужчинъ, женщинъ, дѣтей, цѣлой толпы, въ одну минуту нахлынувшей на станцію желѣзной дороги, муниципальный гвардеецъ посадилъ Элизу въ вагонъ, съ надписью: «Арестантскій». И эту толпу, и маленькую птичку, спорхнувшую съ крыши вагона, когда открывались дверцы, все это съ болѣзненной наблюдательностью примѣтили глаза осужденной, такъ же, какъ и рѣсотку, нарисованную на вагонѣ, въ подражаніе настоящей.

Она была помилована, «въ самомъ дѣлѣ», помилована. Гильотина не отрубитъ ей головы. Ея тѣло не зароютъ въ холодную землю, которую она теперь видѣла передъ собой покрытою сѣгомъ. Завтра, на разсвѣтѣ, любопытные, обыкновенно расхаживающіе въ подобныхъ случаяхъ по площади Ларокеттъ, въ ожиданіи казни преступницы, не разбудятъ ея отъ сна. Она будетъ жить!

«Поездъ двинулся... Она удаляется отъ мѣста казни... Ее дѣйствительно не хотятъ убивать... Чтѣ они тамъ такое говорили ей?... Она поняла только одно, что она не умретъ. Ахъ! да. Она теперь вспомнила. Въ какомъ-то приходѣ освятили колоколь, и священникъ по этому поводу выпросилъ ей помилованіе. Она будетъ жить. Ха! ха! она будетъ жить!» И она рѣзко захохотала.

Но въ ту же минуту, ей стало стыдно, и она принялась осматриваться вокругъ себя. Входя въ темный вагонъ, она не обратила вниманія, былъ ли въ немъ еще кто нибудь. Убѣдившись,

что никого не было, она опять начала нервно хохотать, словно не имѣя силъ удержать взрывовъ этого дикаго хохота.

Наконецъ, осужденная сдѣлалась вдругъ серьезна и черезъ нѣсколько минутъ со вздохомъ произнесла: «Про меня нельзя сказать, что моея крестной матерью была добрая фея!»

Поездъ мчался на всѣхъ парахъ. Элиза погрузились въ забытьѣ, а мысли ея походили на мрачный кошмаръ человѣка, которому кажется, что онъ стоитъ на кораблѣ, быстро идущемъ ко дну, посреди океана... Свистокъ, голосъ кондуктора, прокричавшаго названіе станціи, чьи-то тяжелые шаги на пескѣ, около вагона, вывели ее изъ оцѣпенѣнія. Ею вдругъ овладѣло желаніе видѣть, что происходитъ тамъ. Подъ скамейкой противъ нея, у самаго пола, была щель, пропускавшая узенькую полоску свѣта. Она бросилась ничкомъ на полъ и приложила глазъ къ этой щели. По тропинкѣ, ведущей къ небольшому домику, изъ трубы котораго вился дымъ, весело шли, окруженные прыгающими дѣтьми, мужчина и женщина, съ послѣдностью людей, возвращающихся, послѣ недолгаго отсутствія, къ своему очагу...

Путешествіе продолжалось, начиная казаться Элизѣ безконечнымъ, хотя она сознавала, что еще очень недавно выѣхала изъ Парижа. Вдругъ, словно припомнивъ что-то, давно забытое, она быстро принялась шарить въ черной сомоленной корзинкѣ съ бѣлымъ, и вытащивъ оттуда засаленную бумажку, спрятала ее въ волосы своего густаго шиньона. Свистки, выкрики станціи, остановки, все шло своимъ чередомъ, но по мѣрѣ того, какъ осужденная приближалась къ мѣсту своего заключенія, желаніе поскорѣй пріѣхать смѣнилось въ ней какимъ-то неопредѣленнымъ страхомъ неизвѣстнаго будущаго, заставлявшимъ сердце ея биться, какъ сердце трепещущей птички, которую держатъ въ рукахъ.

— Не здѣсь ли? Ей показалось, что она слышитъ названіе той самой мѣстности, которую ей называли въ Парижѣ; и она инстинктивно слѣзлась, смалась, подобно ребенку, когда ему грозятъ тѣмъ, чего онъ боится. Нѣтъ, она ошиблась. Всѣ выходили, а за ней никто не являлся. Вдругъ, дверца быстро отворилась, и суровый голосъ велѣлъ ей выйти. Она встала; но глаза ея, совсѣмъ отвышіе отъ свѣта и видѣвшіе, въ теченіи нѣсколькихъ дней, только мракъ тюрьмы для приговоренныхъ къ смерти, на минуту ослѣпило яркое зимнее солнце. И такъ какъ она ступала ощупью, то человѣкъ съ грубымъ голосомъ, вытолкнулъ ее изъ вагона.

На нее наводила въ Парижѣ ужась толпа, тѣснившаяся вокругъ нея, съ криками: «убійца! убійца!» Она боялась, что эта

тогда встрѣтить ее и въ томъ городѣ, гдѣ находилась тюрьма. Но на станціи никого уже не было. Ее вывели изъ вагона только тогда, когда всѣ разошлись.

Элиза искала взглядомъ карету, которая должна везти ее въ тюрьму, когда два человѣка въ синихъ мундирахъ подошли къ ней съ обѣихъ сторонъ и заставили ее идти между ними. Тюренная администрація не находила нужнымъ тратиться на омнибусъ, когда желѣзнодорожный поѣздъ привозилъ ей одного или двухъ арестантовъ. Элиза шла между своими безмолвными провожатыми вдоль улицъ предмѣстья. Рѣдкіе прохожіе, встрѣчавшіеся ей на пути, не поднимали даже головы. Въ Нуарльѣ арестанты были не въ диковину: ихъ видѣли почти каждый день.

Они поднимались въ гору между садами. Утромъ, иней, покрывавшій деревья, замерзъ, и листья казались хрустальными; ледяная оболочка этихъ листьевъ, падая поминутно на мостовую, звенѣла какъ разбитое стекло.

Элизѣ показалось, что она прошла подъ аркой старинныхъ городскихъ воротъ, на которыхъ въ трещинѣ стараго камня росло большое дерево. Она была какъ съ просонья и механически передвигала ноги, не давая себѣ ни въ чемъ хорошенько отчета. При поворотѣ въ одну улицу она увидѣла передъ собой вали, надъ воротами бѣлаго каменнаго дома, черную надпись: «Центральный рабочій и исправительный домъ».

Ворота открылись. Ей представилось, что она уже заперта въ четырехъ стѣнахъ, но, увидѣвъ еще надъ головой своей небо, она вздохнула глубоко, почти вслухъ. Она находилась во дворѣ, по угламъ котораго возвышались четыре новые кирпичные флигеля, выкрашенные свѣтлой, веселой краской. Дворъ этотъ мели женщины, въ красныхъ чепчикахъ, въ синихъ казакшахъ и деревянныхъ башмакахъ. Онѣ глядѣли изъ подлбья и съ такимъ выраженіемъ, какового Элиза никогда не встрѣчала въ глазахъ существа, находящагося на свободѣ. Провожатые направили ее къ крыльцу какой-то старинной башни, подведенной подъ одинъ общій фасадъ съ новыми постройками. Она вошла въ сѣни, гдѣ замѣтила небольшую печь и конторку съ массивными ногами, стоявшую въ углубленіи окна. Въ полуотворенную дверь сосѣдней комнаты виднѣлась часть кровати съ соломеннымъ тюфякомъ. Привратникъ потребовалъ, чтобы она отдала свои деньги и драгоценныя вещи. Она вынула изъ кармана портмоне, сняла съ шеи маленькій медальонъ и вынула изъ ушей большія височія серьги. Привратникъ замѣтилъ, что у ней есть еще на пальцѣ кольцо. Это было жал-

кое серебряное кольцо съ сердечкомъ изъ синяго стекла. Она сняла его, какъ бы съ сожалѣнiемъ, не отводя глазъ отъ перегородки, раздѣлявшей комнату пополамъ и состоявшей изъ толстыхъ четырехъугольныхъ колебовъ, въ родѣ тѣхъ, которые въ зоологическомъ саду окружаютъ слоновъ. Она смотрѣла на желѣзную дверь, на запоры, и носдри ея раздувались, какъ у дикаго звѣря, чуждаго кѣткѣ, куда его должны посадить. Забывшись, она медлила отдать кольцо, и привратникъ самъ взял его у нея изъ рукъ. Когда онъ кончилъ переписывать бумагу, врученную ему однимъ изъ провожатыхъ Элизы, другой, къ ея величайшему удивленiю, вывелъ ее изъ сѣной тюрьмы, и пошелъ съ ней черезъ узкiй проходъ, между высокими стѣнами, къ маленькому домику, стоявшему въ саду. Это былъ лазаретъ. Послѣ медицинскаго осмотра, провожатый снова повелъ ее къ воротамъ, и заставилъ подняться по деревянной лѣстницѣ, пропитанной запахомъ горячаго хлѣба и сырого бѣлья, въ просторную комнату о двухъ окнахъ, выходившихъ на узкiй дворъ, гдѣ на протянутыхъ веревкахъ сушились сотни женскихъ рубашекъ. Не успѣла она войти, какъ сестра милосердiя, въ сѣромъ платьѣ и съ строгимъ лицомъ, приказала ей раздѣться.

Она медленно, съ остановками, съ лѣнливыми движенiями, стала снимать съ себя платье, развязывать шнурки, видимо желая сохранить на своемъ тѣлѣ, хоть нѣсколько минутъ еще, одежду свободнаго существа. Складывая около себя, вещь за вещь, свой бѣдный костюмъ, она видѣла, какъ другая арестантка брала для нея съ полокъ синiй полосатный платокъ, дрогетовую юбку, рубашку изъ толстаго холста, въ родѣ тѣхъ, которыя сушились на дворѣ, шерстяные чулки и деревянные башмаки. Наконецъ, Элиза надѣла арестантскую форму, съ двойнымъ номеромъ на рукавѣ:—съ номеромъ бѣлья, подъ которымъ она значилась въ спискѣ, и съ номеромъ бѣлья. Этотъ номеръ долженъ былъ отнынѣ замѣнить ей имя.

Сестра милосердiя съ головы до ногъ осмотрѣла новопринятую и сказала что-то дежурной арестанткѣ, которая, подойдя къ Элизѣ, подняла руки къ ея головѣ. Та сдѣлала вдругъ нормальное движенiе, какъ будто сопротивляясь; но тотчасъ же успокоилась, убѣдившись, что ей хотать только запратать подъ платокъ волосы, торчавшiе на вискахъ. Послѣ этого, дежурная арестантка подняла съ полу вещи Элизы и, завязавъ ихъ въ салфетку, пришла къ узлу кожаный ярычекъ, на которомъ сестра милосердiя сдѣлала какую-то надпись. Потомъ, обѣ женщины понесли узелъ въ сосѣдную комнату. Элиза машинально пошла за ними, и сестра милосердiя не препатствовала ей. Ма-

лишь комната эта носила названіе «магазина». По всѣмъ четыремъ стѣнамъ ея, отъ пола до потолка, или бѣлыя деревянные полки, загроможденные узлами, подобными тому, какой сдѣлала женщина сейчасъ изъ вещей Элизы. Ихъ было такое множество, что они совсѣмъ почти заслоняли небольшое окно, освѣщавшее комнату; потолка не было видно; они исчезали подъ черными и желтыми соломенными корзинами, прибитыми къ нему. Въ одномъ мѣстѣ, между полками, висѣло на гвоздѣ новое шерстяное платье сѣраго цвѣта.

— А! уже! сказала сестра милосердія.

— Да, отвѣчала арестантка, влѣзая на стулъ и проталкивая узелъ Элизы въ углубленіе окна:—это платье для той, что исправилась и вступаетъ въ монастырь... Оно обошлось 26 франковъ.

И арестантка усиливалась втиснуть корзину Элизы между другими, уже висѣвшими на потолокъ. Усталая, разбитая, изнеможенная и отъ времени до времени вздрагивая всѣмъ тѣломъ, какъ это бываетъ съ рудокопами, которыхъ успѣли возвратити къ жизни, послѣ земельного обвала, Элиза туго смотрѣла на эти узлы. Одинъ узелъ нѣсколько развязался, и изъ него выглядывала старомодная матерія, въ родѣ той, какую Элиза, будучи еще ребенкомъ, видѣла на своей матери. И воображенію Элизы представлялась на минуту, женщина, вошедшая сюда молодой и выходящая старухой, въ платьѣ, какое носили четверть вѣка назадъ. Были узлы совсѣмъ пожелтѣвшіе отъ времени и въ складкахъ которыхъ видѣлась паутина съ крыльями мертвыхъ мухъ. Замѣтивъ на всѣхъ этихъ узлахъ кожаные ярлыки съ надписью, Элиза подошла ближе къ одному изъ нихъ и прочла: «№ 3093. Вступила 7-го марта 1849. Вышла 7-го марта 1867». «Эти два числа означаютъ количество лѣтъ... но сколько лѣтъ именно это составитъ?..» Голова ея была такъ пуста, изнеможенье такъ велико, что она не въ состояніи была ничего сообразить и стала считать по пальцамъ: «1850, 51, 52, 53, 54, 55»... Но вдругъ посреди этого счета остановилась, и руки ея упали... Что ей годъ! Года для нея не существуютъ... она будетъ здѣсь всегда, всегда, всегда!..

II.

Элиза слышала какъ за ней затворились двери тюрьмы. Она выходила, наконецъ, въ этихъ стѣнахъ, которыя должны были выпустити только трупъ узницы. Она легла спать на кровати,

шириной въ 70 сантиметровъ, съ тюфякомъ въ 12 фунтовъ, съ сѣрымъ шерстянымъ одѣяломъ.

На другой день, въ пять съ половиной часовъ, она встала, выслушала молитву, прочтенную сестрой милосердія и сошла внизъ въ столовую за кускомъ хлѣба. Въ шесть съ половиной часовъ, она была въ мастерской и шила до девяти. Въ девять часовъ, она опять спустилась въ столовую къ завтраку, состоявшему изъ сухихъ овощей, въ количествѣ трехъ децилитровъ и кружки воды. Въ девять съ половиной, она гуляла по площадкѣ. Въ десять, возвратилась въ мастерскую и шила до четырехъ. Въ четыре сошла въ столовую къ обѣду, состоявшему изъ тѣхъ же сухихъ овощей и воды. Въ четыре съ половиной опять гуляла. Въ пять отправилась въ мастерскую и шила до ночи. Съ наступленіемъ ночи легла спать.

Каждый день повторялось одно и то же—тѣ же занятія, та же прогулка, та же пища, тѣ же хожденія вверхъ и внизъ по лѣстницѣ въ назначенные часы.

Много дней прошло прежде, чѣмъ Элиза дала себѣ настоящій отчетъ въ своемъ новомъ существованіи, почувствовала постигшую ее кару, и сознала умерщвленіе своего тѣла и духа. Подобно человѣку, ошеломленному ударомъ по головѣ и устоявшему на ногахъ, она находилась въ состояніи какаго-то умственного оцѣпенѣнія, мѣшавшаго ей видѣть, чувствовать, страдать. Она выносила все съ тупымъ отсутствіемъ мысли, двигалась и дѣйствовала механически. Но, однажды утромъ, во время рекреаціи, въ ней проснулась способность ощущать человѣческія страданія.

Каждый день, на площадкѣ, окруженной высокими стѣнами, безъ травы и деревьевъ, съ узенькими дорожками въ два кирпича, образовавшими красный четырехугольникъ посреди сѣрой мостовой двора, арестантки гуськомъ, на разстояніи аршина одна отъ другой, должны были прогуливаться, заложивъ руки за спину и съ опущенными глазами. Элиза въ тотъ день уже разъ двадцать обошла неумолимый четырехугольникъ, когда случайно поднявъ глаза отъ земли къ голубому небу—увидѣла спины своихъ товарокъ, и страшная дѣйствительность вдругъ предстала передъ ней. Ужасъ овладѣлъ ею, и она инстинктивно стала ощущать себя руками, чтобы удостовериться, жива ли она. Посреди этихъ безмолвно двигавшихся существъ, этой процессіи автоматовъ, этого соннаго шествія, этого мѣрнаго, правильнаго стука деревянныхъ башмаковъ, несчастной Элизѣ, на минуту, представилось, что она очутилась въ кругу существъ, переставшихъ жить и осужденныхъ вѣчно возвращаться на этой площадкѣ.

А шестіе продолжалось, наводя своимъ мертвымъ гуломъ невыразимую печаль на обывателей Нуарльё, гулавшихъ по городскому валу.

III.

Въ мастерской, гдѣ работала Элиза, у правой стѣны возвышалась каеэдра, съ которой сестра милосердія, неподвижная, какъ каменная статуя, надирала за арестантками. Противъ Элизы, подъ распятіемъ, бѣлая надпись на голубомъ фонѣ, гласившая: «Богъ меня видитъ», смотрѣла на залъ, подобно большому раскрытому оку Провидѣнія; а пониже этого всевидящаго ока находилось едва замѣтное отверстіе, просверленное въ двери гвоздемъ, для наблюденій инспектора, обходявшаго корридоры.

Арестантки, съ одутловатыми блѣдными лицами, напоминали выздоравливающихъ больныхъ въ госпиталѣ. У нихъ были четырехугольные черепа, свидѣтельствовавшіе объ упрямствѣ, закоренѣлости, мрачной злобѣ. Лица ихъ были, повидимому, лишены всякаго выраженія, но подъ этимъ лицемѣрнымъ умерщвленіемъ живни чувствовалось, однакожь, затаенное пламя страстей; взглядъ ихъ, безжизненный и опущенный, въ присутствіи посѣтителей и властей, медленно подымался и съ ненавистнымъ лобопытствомъ слѣдилъ за ними, когда они уходили, повернувшись спиной. Онѣ занимались всякаго рода работами, шили бѣлье, изготовляли корсеты, плели соломенные шляпы, нивали четки; многія работали на швейныхъ машинахъ; не болѣе трехъ или четырехъ вышивали въ пальцахъ.

Работа шла безпрерывная, вѣчно возобновлявшаяся, и ничто не ободряло, не одушевляло ея; хоть бы слово, хоть бы восклицаніе, выражающее удовольствіе, что урокъ конченъ! Только, отъ времени до времени, на этой нѣмой мануфактурѣ, посреди *постояннаго молчанія*, слышался стукъ наперстка о спинку стула, извѣщавшій надзирательницу, что какая-нибудь женщина кончила заданную ей работу и ждетъ слѣдующей.

Постоянное молчаніе! Много выстрадала Элиза. стараясь приучить себя къ суровой системѣ. Отвыкнуть говорить! но развѣ это не противорѣчитъ человѣческой природѣ! Слово! но развѣ оно—не такой же признакъ живни, какъ біеніе пульса; развѣ это не есть внезапное, невольное выраженіе душевныхъ движеній? И какое живое существо, если только у него завязанъ ротъ, не будетъ говорить съ живыми же существами, среди которыхъ оно живетъ, съ которыми безпрестанно сталкивается на работѣ, на

прогуляй?.. Никогда не говорить! Элиза старалась исполнить это; но вѣдь она была женщина, была существо чувства, ощущенія, существо, дѣтская впечатлительность котораго, помимо воли, вырывалась наружу, изливалась въ потокѣ безконечныхъ словъ. Никогда не говорить! но женскіе монашескіе ордена, давашіе обѣтъ молчанія—и тѣ никогда не были въ состояніи соблюдать его строго. А ей еще нужно было восторжествовать надъ этими маленькими, гнѣвными вспышками, которыя у женщинъ ея класса всегда разрѣшаются крикомъ. Никогда не говорить!.. И вотъ она безпрестанно шевелила губами, какъ будто жевала что-то, съ судорожнымъ подергиваніемъ лица.. Въ Нуарль — не было ли это просто провинціальной легендой? — городскіе жители рассказывали пріѣзжимъ, что система *постояннаго молчанія* порождала у женщинъ, заключенныхъ въ тюрьму, горловыя болѣзни, для предотвращения которыхъ ихъ заставляли пѣть по праздникамъ за обѣдней?

IV.

Въ мастерской Элизѣ пришлось случайно сидѣть съ утра до вечера между двумя женщинами; первая изъ нихъ, высокая, сухая, костлявая крестьянка, была старшей арестанткой въ тюрьмѣ, гдѣ высидѣла тридцать шесть лѣтъ. Тюремное заключеніе, несмотря на всю его тягость, повидимому, нисколько не повліяло на эту желѣзную натуру. Долгіе убійственные годы молчанія не помѣшали ей сохранить вполне и умъ, и здоровье. Она была приговорена къ каторгѣ за убійство матери въ сообщничествѣ съ отцомъ; она собственноручно добила камнями тѣло, всплывшее въ колодецѣ еще съ признаками жизни. Она наводила ужасъ своимъ безстрастіемъ, окаменѣlostью своихъ чертъ, всей своей безмолвной фигурой. Она не шевелилась, глаза ея ничего не видѣли, когда передъ ней наказывали другую арестантку; но Элиза слышала, какъ непреклонная старуха, сквозь стиснутые зубы, пѣдила про себя: что мнѣ другіе! здѣсь каждый *расклебываетъ свою бѣду какъ знаешь*. Этой товарищѣ Элиза боялась.

Другая сосѣдка ея была совсѣмъ еще молодая жертва этой гнусной системы, смѣшивающей въ одномъ обществѣ существованіи женщинъ, приговоренныхъ и къ вѣчной каторгѣ, и къ годичному тюремному заключенію. Несчастная узница несла кару за прелюбодѣяніе. Согбенная подъ тяжестью стыда, она вѣчно сидѣла за пальцами; и изъ глазъ ея по временамъ падали слезы,

блестѣнія какъ росники на вышитыхъ шелкомъ цвѣткахъ. Эту Элиза презирала, находя ее слишкомъ малодушной.

Въ дивной натурѣ Элизы, всегда походившей на упрямую козу, готовую, при каждомъ прикосновеніи къ ней, бодаться, чувство сопротивленія еще усилилось съ тѣхъ поръ, какъ надъ ней тяготѣла рука правосудія. Притомъ-же, беззастѣнливое ея преступленіе заставляло ее высоко держать голову. Посреди этихъ женщинъ, по большей части воровокъ, гордое сознание чести придавало всему существу Элизы какой-то негодующій и презрительный оттѣнокъ. Но сердце ея возмущалось безмолвно. Никакимъ нарушеніемъ дисциплины, ни словомъ, ни дѣйствіемъ, не выражала она своего протеста: онъ былъ въ ея взглядѣ; въ ея фигурѣ, въ дрожаніи ея молчаливыхъ губъ.

И за то, начальница, директоръ, инспекторъ, всѣ склонны были выказывать строгость къ этой «нераскаленной грѣшницѣ», которая еще въ добавокъ нажила себѣ опаснаго врага въ надзирательницѣ, обязанной наблюдать за работами и распределять ихъ.

Элиза грубо дала ей понять свое отвращеніе къ комедіи облегченій, къ низкому лицемерству и ханжеству, съ помощью которой заключенная часто дѣлается въ тюрьмѣ помощницей надзирательницы.

V.

Быть живой и сознавать себя мертвымъ для другихъ, видѣть себя покинутой родными, друзьями, знакомыми, сомнѣваться, чтобъ кто-нибудь пожалѣлъ о васъ, нести свою кару одиноко, не слыша сочувственнаго слова, дающаго человѣку силу страдать и продолжать жить, страдая, ободряющаго его въ безутѣшномъ горѣ—такова была судьба Элизы, въ теченія двухъ лѣтъ ни разу не вызванной въ приемную, не получившей ни одного письма и о которой не вспомнилъ, никто изъ тѣхъ, съ кѣмъ она вмѣстѣ жила ребенкомъ, дѣвучкой или женщиной.

Заключенныя имѣли право писать къ роднымъ, но не чаще одного раза въ два мѣсяца, да и то, если не подвергались, въ продолженіи этого времени, взысканію. Тогда имъ выдавался бланкъ, на которомъ сверху было напечатано: «корреспонденція, при полученіи и при отправленіи, читается». Элизѣ стоило огромныхъ усилій не навлекать на себя взысканій; но она чувствовала такую потребность сочувствія, что ей нѣсколько разъ удалось добиться этого бланка. Она писала ко всѣмъ, но-

сившимъ ея фамилію, подъ предлогомъ семейныхъ дѣлъ—единственная корреспонденція, которая дозволялась тутъ—умоляя ихъ отозваться на ея письма хоть нѣсколькими строками и доказать тѣмъ, что объ ея существованіи еще не забыли. Но никто не отвѣтилъ, никто не подарилъ ея, Христа ради, ни однимъ словомъ. Повсюду молчаніе, повсюду забвеніе.

Иногда Элизѣ казалось, что она похоронена живою, и на минуту весь тюремный персоналъ принималъ въ глазахъ ея видъ призракъ, порожденныхъ страшнымъ кошмаромъ. Жить и ничего не знать о своихъ, ничего не знать о другихъ, ничего не знать ни о чемъ! А инстинктивное любопытство, желаніе узнать, что творится на бѣломъ свѣтѣ? А интересъ человѣка ко всему человеческому, а эта потребность принимать участіе въ событіяхъ, происходящихъ даже въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ вселенной? Не имѣть возможности удовлетворить всему этому... никогда, никогда! Жить въ безусловномъ невѣдѣніи всего—какое ужасное, невыносимое существованіе! По мѣрѣ того, какъ долгіе годы слѣдуютъ одинъ за другимъ, это страшное невѣдѣніе наводитъ мучительный страхъ даже на самыхъ тупыхъ. Выдавались дни, когда Элиза готова была заплатить своей кровью за вѣсть... о чемъ? Она и сама не знала; ничто, конечно, не интересовало, не трогало ея лично, но ей хотѣлось узнать хоть что-нибудь, хотѣлось, чтобъ лучъ свѣта пронизалъ въ густой мракъ ея существа. Иногда на площадѣ, во время своей механической прогулки, она вдругъ останавливалась, прислушиваясь къ шагамъ гулявшихъ буржуа, къ дѣтскимъ голосамъ, звучавшимъ въ отдаленіи, какъ будто эти шаги и эти голоса могли сообщить ей что-нибудь новое. Два или три раза въ теченіи пяти лѣтъ доносились до нея съ городского вала звуки шарманки, наигрывавшей модный мотивъ—вотъ все, что она узнала о переменахъ, происшедшихъ на свѣтѣ за это долгое время.

Однажды, впрочемъ, стекольщики вставляли стекло на внутреннемъ дворѣ тюрьмы, и Элиза подняла съ земли клочекъ прошлогодней газеты, въ который у одного изъ нихъ былъ завернуть табакъ. Она жадно прочла три или четыре извѣстія о парижскихъ уличныхъ происшествіяхъ, напечатанныхъ на этомъ клочкѣ, и потомъ, въ мастерской, спряталъ его подъ свои рабочія принадлежности, то и дѣло заглядывала въ него. Глаза ея при этомъ горѣли, какъ у набожной женщины, читающей молитвенникъ. Цѣлый мѣсяцъ сна была счастлива этой находкою. Потомъ, прежняя ночь, съ своей черной тайной, снова закрылась надъ ней.

Она завистливо смотрѣла на своихъ товарокъ, когда онѣ, по-

слѣ свиданія съ родными, возвращались изъ пріемной, и лица ихъ, передъ тѣмъ мрачныя и унылыя, озаряло минутное счастье. Въ числѣ такихъ товаровъ была сестра одной проститутки, съ которой Элиза жила въ улицѣ Suffgen и которая аккуратно каждые полгода посѣщала тюрьму. Однажды, на другой день послѣ того, какъ арестантка видѣлась съ сестрой своей, Элиза, мучимая неодолимымъ желаніемъ узнать, что дѣлается за стѣнами тюрьмы, сходя съ лѣстницы, сдѣлала видъ, что потеряла башмакъ, приблизилась къ товарѣ и незамѣтно сунула ей въ руку толстую бумажку, свернутую трубочкой. Она ухитрилась вырѣзать изъ своего молитвенника печатныя буквы, изъ которыхъ составила слова, и наклеила ихъ хлѣбнымъ макишемъ на дно коробочки отъ свѣтиленъ. Такимъ образомъ, каждые полгода, когда арестантку навѣщала сестра ея, Элиза спрашивала свою товарку, и та отвѣчала ей тѣмъ же способомъ.

VI.

Была поздняя ночь. Въ мрачномъ, безконечно танувшемся, незкомъ и душномъ дортуарѣ, закопѣлыя лампы бросали тусклый дрожащій свѣтъ на рѣзкія формы арестантокъ, спавшихъ подъ сѣрыми одѣлами, чуткимъ, недовѣрчивымъ сномъ, въ принужденныхъ позахъ. Утренняя заря начинала чуть-чуть свѣтъ на желѣзныхъ рѣшеткахъ оконъ. На кровати, нѣсколько возвышавшейся надъ всѣми другими, крѣпко спала надзирательница.

Одна Элиза еще не засыпала. Приподнявъ на минуту голову и вверивъ взоръ въ темноту, она приглядывалась и прислушивалась. Это повторялось нѣсколько разъ. Потому, въ постели Элизы слышались слабыя звуки, точно что-нибудь грызла мышь. Закинувъ голову на подушку, лежа въ обманчивой неподвижности, Элиза одной рукой, потихоньку распарывала уголъ своего матраца... Черезъ нѣсколько минутъ, она вынула изъ шерсти бумажку, которую на желѣзной дорогѣ спрятала въ свой шиньонъ, потомъ хранила у себя въ карманѣ, каждые полгода перекладывая изъ лѣтняго платья въ зимнее и изъ зимняго въ лѣтнее, и, наконецъ, зашила въ тюфякъ.

Это было письмо, написанное кровью, за исключеніемъ одного слова—слова «смерть», которое, вѣроятно, изъ суевѣрной боязни, было выведено обыкновенными чернилами. Кровавыя строчки, значительно выцвѣтшія на пожелтѣвшей отъ времени бумагѣ,

были едва видны; но Элиза читала ихъ болѣе памятью, нежели глазами.

«Дорогая жѣнушка.

«Мнѣ очень было скучно, когда я ушелъ отъ тебя; потому что видѣться съ тобой для меня большое удовольствіе. Я послѣ этихъ свиданій самъ не свой хожу цѣлые дни. Въ головѣ у меня кавардакъ, а сердце совсѣмъ раскиснеть. И видѣ у меня на службѣ небось прекислый. Мнѣ кажется, я не доживу до твоего отпуски. Ждать всю недѣлю—шутка ли! Мнѣ бы хотѣлось, чтобы мы всегда были вдвоемъ. Когда тебя нѣтъ—меня къ тебѣ такъ и тянетъ. Ты еще не знаешь, Элиза, — какой у меня характеръ влюбчивый. Я былъ такимъ и до поступленія въ полкъ. Это большое несчастье для спасенія души моей, что я попалъ въ Парижъ и встрѣтился съ тобой. Совѣсть часто меня упрекаетъ; но что дѣлать! Я не въ силахъ совладать съ своей страстью. Такъ, стало быть, рѣшено, мы въ то воскресенье отправимся за городъ, въ лѣсъ. Вѣдь ты этого желаешь? Помни, что ты помялась на крестѣ—любить меня одного; Элиза, ласки твои запечатлѣны въ моемъ сердцѣ. Этой клятвой уста твои запечатлѣли ихъ. Элиза, я люблю тебя; обожаю тебя, моя безцѣнная жена, съ безумнымъ восторгомъ, который ты развела по всѣмъ моимъ жиламъ. Ничто въ мірѣ не можетъ меня заставить забыть твоихъ ласкъ, твоихъ огненныхъ поцѣлуевъ. Одна смерть развѣ можетъ заставить.

«Твой любовникъ на всю жизнь

«Тоншамъ, рядовой 71-го линейнаго полка.

«Напомадь свои волосы той же самой помадой, какъ и въ первый разъ».

Перечитавъ письмо, Элиза долго держала его на груди своей, подъ скрепченными руками; и мало по малу страшный, роковой день воскресъ въ ея памяти, какъ будто она снова переживала его...

VII.

Какъ хорошо начался этотъ день!.. Она, какъ теперь, видитъ передъ собой небольшую комнату въ ресторанѣ, гдѣ она сидѣла за столомъ съ своимъ «милымъ дружкомъ»; прямо передъ ней узенькая струйка воды, падающая въ синій стальной шаръ, вдѣланный въ скалу изъ раковины, въ которомъ непрерывно кружатся маленькія серебрянныя рыбки. Мимо открытаго окна то и дѣло летаютъ, воркуя, голуби; къ рѣшеткѣ окна привязанъ старый воронъ, которому

могло быть дѣтъ сто и который, словно потерявъ свой птичій разсудокъ, все скакалъ на одной ногѣ. На камнѣхъ, подъ стеклянными колпаками, флёръ-д'оранжевый вѣнокъ и рядомъ сачокъ для ловли рыбокъ, плавающихъ въ синемъ стеклянномъ бассейнѣ. И какой это былъ славный рестораникъ; онъ вовсе не походилъ на тѣ когребки, куда она обыкновенно хаживала. Никто изъ окружающихъ не презиралъ ея, и гарсонъ говорилъ ей «madame», равнясь со всѣми другими дамами, находившимися тутъ. После обѣда, взяли открытый экипажъ и повалили за городъ. Они быстро неслись, и вѣтеръ развѣвалъ ея волосы. Такая прогулка была давнишней мечтой Элизы... На набережной Шильо они слѣзли; нужно было идти пѣшкомъ по самому берегу Сены. Она не сводила глазъ съ воды, и, когда подняла ихъ, Парижъ остался уже далеко позади. Они находились въ полѣ. Сквозь большую сѣть, сохнувшую на деревѣ, она увидѣла не то пастуха, не то солдата, сторожившаго стадо грязныхъ овецъ, съ старымъ солдатскимъ мѣшкомъ за спиной. Ей показалось страннымъ, что она потеряла изъ виду куполь Инвалиднаго Дома, который привыкла всегда видѣть передъ собой. Вотъ и Булонскій Лѣсъ... «Милый дружокъ» въ тѣни деревьевъ говорилъ такіа нѣжныя слова, такимъ ласковымъ голосомъ... Элиза, опираясь на него одной рукой, другой рассыянно обрывала по дорогѣ стебли высокой полевой травы. Изъ большихъ аллеѣ они свернули въ маленькія; лѣсъ становился все гуще, и вскорѣ они очутились передъ большими воротами, около которыхъ росли кусты бѣлаго и розоваго шиповника.

Это было кладбище, на которомъ уже перестали хоронить. Элизѣ казалось, что она еще видитъ передъ собой надпись на воротахъ: «Старое булонское кладбище», видитъ всѣ дорожки и извилины этой забитой рошцы, которую отрывали только по воскресеньямъ. Ей захотѣлось обойти ее всю, какъ обходить незнакомое и привлекательное мѣстечко, заглянуть въ самые уединенные уголки, узнать всѣ маленькія тропинки, куда заграждалъ входъ колючій кустарникъ. Но, утомившись, какъ женщина, непривыкшая къ ходьбѣ, она повалилась на холмикъ, весь поросшій маргаритками, подъ которымъ покоился ребенокъ. Она была вся полна спокойствія и чистаго счастья. Это жилище смерти, но смерти, утратившей свой ужасъ, навѣвало теперь только тихое раздумье... Онъ, молчаливый, легъ нѣсколько пониже ея, принакнувъ одной щекой къ свѣжей травѣ. Она чувствовала сквозъ свое платье горячее лицо его. Она инстинктивно встала и направилась къ воротамъ, но онъ усадилъ ее нѣ-

сколько подалеже на полуразвалившийся камень, осѣненный большими плакучими вѣтвями.

— Нѣтъ! нѣтъ! воскликнула вдругъ Элиза и, быстро вскочивъ, снова пошла къ выходу изъ кладбища.

У нея было какое-то предчувствіе, что должно случиться несчастіе, и, однакожь, ноги ея медленно двигались... Она шла маленькими шагами и на ходу вынула изъ кармана свой ножикъ, которымъ срѣзывала себѣ для бузета розы, очищая вѣтки ихъ отъ шиповъ. Она дошла до угла кладбища, гдѣ находились развалины сторожки и мѣстность была волнистая. Два-три человека, случайно зашедшіе сюда, бросивъ взглядъ на этотъ пустынный уголокъ, ушли назадъ. Солдатикъ растянулся въ одномъ углубленіи, въ родѣ овража, какъ бы намѣреваясь соснуть. Она сѣла подлѣ него, продолжая дѣлать свой бузетъ и, держа ножъ то въ одной, то въ другой рукѣ. Съ материнской лаской закрывъ свободной рукой пылавшіе глаза влюбленнаго солдата, она сказала ему: «спи!»

Вдругъ она почувствовала себя въ его объятіяхъ. Онъ молча, схватилъ ее обѣими руками. Она съ яростью стала сопротивляться, и ей казалось во время этой борьбы, что руки, обвивающія шею ея, наносили ей пощечины...

— Не искушай меня! У меня въ глазахъ кровь! кричала Элиза, вскочивъ на ноги и держа ножъ въ рукахъ. Во время этой короткой борьбы съ ней произошелъ одинъ изъ тѣхъ припадковъ безумнаго, кровожаднаго гнѣва, присущихъ такого рода женщинамъ.

О! какъ хорошо она помнила этотъ мигъ!.. Солнце было такое знойное, жгучее... тысячи маленькихъ летающихъ насѣкомыхъ жужжали въ воздухѣ. Кусты, закрывавшіе могилы, разливали какой-то медовый запахъ, какъ вишневныя деревья на ея родинѣ, когда они были въ цвѣту. Листвы еще не было на деревьяхъ, но почки надувались и лоснились... И посреди всего этого—она видѣла передъ собой лицо своего любовника, глупо смѣявшееся...

Это длилось не болѣе секунды... Потомъ онъ бросился на нее, на ножъ, упалъ на колѣно и, раненный, все еще старался обхватить ее своими слабѣющими руками...

«Да!.. Все это произошло именно такъ. Но другіе удары ножа?.. Ахъ! да... У нея помутилось въ головѣ, ею овладѣло бѣшенство, желаніе убивать; и она нанесла ему еще четыре или пять ударовъ; и, нанося ихъ, все кричала: «Удерживай меня, удерживай... что-жъ ты меня не удерживаешь!»

Зачѣмъ она не рассказала всего этого своему адвокату или

хоть кому-нибудь... Впрочемъ, что же тутъ интереснаго... И притомъ, нужно было сознаваться, что она—последняя изъ послѣднихъ, записанная въ полиціи — вздумала вдругъ любить, какъ честная, дѣломудренная молодая дѣвушка... Нѣтъ, такихъ вещей нельзя было рассказывать. Надъ ней насмѣялись бы. И, наконецъ, ее все равно осудили бы, потому что она убила... Только, можетъ быть, не повѣрили бы, что она сдѣлала это изъ за 10 франковъ, которыхъ не нашла на немъ.

И, раздумывая на своей узкой постели объ этихъ таинственныхъ, сокровенныхъ побужденіяхъ, которымъ она повиновалась тогда и въ которыхъ ровно ничего не могла понять, она спрашивала себя, въ концѣ концовъ: за что же милосердный Богъ покинулъ ее въ эту минуту?

Солдатъ, убитый Элизой, былъ только по мундиру солдатъ. Смирный и кроткій, онъ походилъ скорѣй на красную дѣвушку. Даже въ манерѣ его обнимать было что-то женственное; и онъ, смѣясь, объяснялъ это тѣмъ, что прежде имѣлъ привычку, въ дождь и сильные холода, укрывать подъ своимъ балахономъ самаго маленькаго агненка своего стада. До того дня, какъ онъ вынулъ жребій—онъ былъ пастухомъ. Знакомый всѣмъ меланхолическій, созерцательный силуэтъ молодого парня, который, упершись подбородкомъ въ длинную палку, стоитъ у окраины дуга, между тѣмъ какъ около него вертится собака съ сверкающими глазами—это былъ его силуэтъ. Его жизнь проходила подъ дождемъ и бурей; съ восьми лѣтъ онъ видѣлъ утреннюю и вечернюю зарю каждаго дня; и, подобно ббльшей части пастуховъ, исполненный боязливой вѣры въ сверхъестественное, признавалъ внимательство въ жизнь какихъ-то темныхъ, таинственныхъ силъ. Онъ родился въ глуши, въ отдаленномъ департаментѣ, гдѣ еще ходили допотопные дилижансы и на каждомъ перекресткѣ стоялъ каменный крестъ—посреди отсталаго населенія, въ которомъ прошедшее старой провинціи оставалось неприкосновеннымъ. По воскресеньямъ—сначала ребенкомъ, потомъ взрослымъ парнемъ—онъ скидывалъ съ себя блузу и надѣвалъ бѣлую рубашку, чтобы пѣтъ на клиросѣ. Онъ и позже оставался вѣрующимъ; въ полѣ, подъ полуденнымъ солнцемъ, посреди своихъ овецъ, онъ каждую недѣлю, въ часы обѣдни, читалъ свой молитвенникъ и, переносясь воображеніемъ въ церковь—падалъ ницъ. Къ этому рвенію прикѣшивался у него неопредѣленный, смутный мистицизмъ, порождаемый иногда въ невѣжественныхъ натурахъ уединеніемъ, жизнью съ глазу на глазъ съ природой. Когда вноша сталъ зрѣлымъ человекомъ, часть этой религіозности обратилась на женщину.

Военная жизнь была тяжела бѣднягѣ-пастуху. Онъ считаль годы, мѣсяцы, недѣли, отдѣляющіе его отъ того дня, когда ему, послѣ семилѣтней службы, опять можно будетъ возвратиться къ своимъ степямъ и животнымъ. Но такъ какъ у него была покорность христіанина, то онъ безропотно и просто исполнялъ свои солдатскія обязанности; онъ былъ почтителенъ къ своему капитану, почтителенъ къ своему капралу; но жилъ, однакожъ, особнякомъ, въ своемъ углу, не завязывая отношеній съ другими, хотя при случаѣ и оказывалъ имъ маленькія услуги. Онъ оставался сыномъ своей родины, не измѣняя ни мыслей, ни привычекъ своихъ; и, нечувствительный къ насмѣшкамъ товарищей, каждый день, чуть только забрежжетъ утро, молился на колѣняхъ подлѣ своей кровати, что заставляло проснувшихся солдатъ говорить: «Э! да Таншонъ ужъ ѣсть свой тюфякъ!»

Этотъ вѣрующій, этотъ набожный человекъ не могъ, однако же, устоять въ Парижѣ противъ искушеній и совладать съ чувственными порывами своего темперамента. И эта слабость, эти паденія были источникомъ непрерывныхъ душевныхъ терзаній для бывшаго пастуха. Онъ боялся ада, съ его страшными муками, боялся дьявола, который «уже являлся ему однажды, въ видѣ большого бѣлаго волка», и эта боязнь овлаждѣвала имъ тѣмъ сильнѣе, что онъ съ каждымъ днемъ чувствовалъ себя все менѣе и менѣе способнымъ противиться женщинамъ, бороться съ искушеніямъ плоти.

Въ теченіи недѣли Элиза каждую ночь перечитывала его письмо; потомъ стала перечитывать рѣже и, наконецъ, совсѣмъ забыла его въ своемъ тюфякѣ. Однажды, впрочемъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, она опять достала забытую бумажку, но на этотъ разъ уже не поцѣловала ея, какъ дѣлала это прежде, а нѣсколько минутъ вертѣла въ рукахъ. Въ ней, очевидно, происходила борьба, кончившаяся тѣмъ, что она уничтожила письмо. Она долго рвала его на мелкіе, мелкіе кусочки, какъ будто находила удовольствіе въ этомъ истребленіи. Среди убійственного однообразія и пустоты этой затворнической жизни, среди этого мрака, наполнявшаго душу Элизы, инстинктивная потребность нѣжности пробуждала въ ней воспоминаніе о «миломъ», и она находила тайную отраду въ этомъ обращеніи къ единственному свѣтлому эпизоду своей жизни... Но вызванный ея мыслію образъ недолго сохранялъ свою привлекательность. Онъ вскорѣ уступилъ мѣсто другому — тому, котораго она видѣла передъ собой на булонскомъ кладбищѣ, съ глупой слястолюбивой улыбкой на губахъ. Это не былъ уже «милый», а просто убитый ею человекъ, черты котораго, въ минуту пред-

смертной агонии, имѣли мало общаго съ чертами того. И, мало-по-малу, она стала чувствовать отвращеніе, ненависть къ этому человѣку, который, въ сущности, былъ виною всѣхъ ея несчастій. Она уже старалась отогнать отъ себя его призракъ. Такъ иногда люди, утративъ близкое существо, сошедшее въ могилу безумнымъ, и, видя во снѣ его черты, искаженныя бѣшенствомъ, вызываютъ къ ночному мразу, чтобы онъ не воскресалъ передъ ними ужаснаго образа. Наконецъ, образъ возлюбленнаго, безъ сожалѣнія и укора совѣсти, былъ заброшенъ несчастной узницей въ самую глубь ея памяти...

VIII.

Элиза надѣялась привыкнуть современемъ къ молчанію, но прошло нѣсколько лѣтъ, а она все чувствовала ту же потребность говорить, какъ и въ первый день своего вступленія въ тюрьму. Порой она шевелила губами, составляла фразу, которую не слышала, но чувствовала. Она дѣлала это, близко, близко нагнувшись къ шпилью, для того, чтобы тотчасъ заглушить имъ слово, еслибы оно, по неосторожности, сорвалось у нея съ языка. Но этотъ неполный говоръ скоро пересталъ удовлетворять ее. Какъ бы желая удостовѣриться, есть ли у ней еще въ горлѣ звуки, она вдругъ, ко всеобщему изумленію арестантокъ, думавшихъ, что она помѣшалась, начинала громко произносить отрывистыя слова, цѣлыя фразы, безъ связи и смысла, и, несмотря на угрозы надзирательницы, продолжала свои монологи до тѣхъ поръ, пока ея не вывели изъ мастерской, гдѣ, посреди *постояннаго молчанія*, еще долго не умирало эхо взбунтовавшагося слова.

Послѣ своего бѣгства изъ дому, Элиза ни разу не видѣла своей матери. Впрочемъ, нѣтъ—однажды она видѣла ее издали, когда та являлась въ судъ давать показанія. Какъ извѣстно читателю, дочь не питала особенной нѣжности къ этой матери, постоянно внушавшей ей въ дѣтствѣ ужасъ и причинившей ей столько горя. Но потребность нѣжности, свойственная человѣческому сердцу, заставляла теперь Элизу, чувствовавшую себя со времени своего тюремнаго заключенія совсѣмъ одинокою на землѣ—часто вспоминать о старухѣ. Нѣсколько разъ она писала къ ней, но эти письма, такъ же, какъ и письма ко всѣмъ другимъ лицамъ, остались безъ отвѣта. Поэтому заключенная была очень удивлена, когда ей сказали однажды, что мать ожидаетъ ее въ приемной.

Приемная въ центральной тюрьмѣ состоитъ изъ трехъ клѣтокъ или, лучше, изъ трехъ большихъ кладовыхъ для съѣстныхъ

припасовъ, примыкающихъ одна къ другой и обнесенныхъ желѣзною рѣшеткой. Въ правой клѣткѣ помѣщаются родныхъ, въ средней сидитъ съ работой, на соломенномъ стулѣ надзирательница, въ лѣвой находится арестантка. Ни поцалуя, ни пожатія руки. Задушевное слово, нѣжный порывъ — парализованы присутствіемъ неподвижной, суровой свидѣтельницы. Даже взгляды должны проникать сквозь двойную желѣзную рѣшетку.

Да, это была, дѣйствительно, ея мать! Житейскія невзгоды наложили свою печать на остатки ея красоты. Еще болѣе жесткости замѣчалось въ ея чертахъ. Она походила на какую-то сивиллу въ капавейкѣ рыночной торговли. Повивальная бабка держала за руку маленькую дѣвочку.

— Да ты ничего на видъ-то! Еще потолстѣла, пожалуй. Ну, что-жь, я рада... хоть ты мнѣ и много повредила въ моемъ ремеслѣ...

Мать Элизы оборвала свою рѣчь и обратилась къ дѣвочкѣ, пратавшей свое лицо въ складкахъ ея платья.

— Вѣдь я сказала тебѣ, что это — сестра твоя; чего-жь ты хнычешь, негодная? Я ее прижила безъ тебя, продолжала она, повернувшись къ Элизѣ. — Ты на меня не сердись, дочка, что я не отвѣчала тебѣ? Ты знаешь, я — писать не охотница.

Потомъ она полѣзла въ карманъ, гдѣ звенѣло множество разныхъ предметовъ, достала оттуда табакерку и, захвативъ щепоть табаку, медленно, долго нюхала, какъ всѣ старыя повивальныя бабки.

— Не везетъ мнѣ, дочка, въ моемъ кварталѣ, скажу тебѣ. Каждый день какія-нибудь придирки. Одна жилища мнѣ говорила, что въ Америкѣ лучше на этотъ счетъ, меньше стѣсненія, ты понимаешь?..

Элиза понимала. Она предчувствовала, что ея мать преслѣдуютъ за какія-нибудь темныя дѣла.

— Такъ вотъ я подумала-подумала, да и закрыла свою лавочку. Все до нитки спустила... всѣ кровати распродала, и ту дорогую, что, помнишь, стояла у меня въ желтой комнатѣ. А на дорогу все не хватаетъ... Ѣхать-то очень далеко. Тогда я сказала себѣ: дочка у меня добрая... и потомъ — на что ей теперь деньги? Вѣдь она на всю жизнь посажена.

Элиза грустно смотрѣла на свою мать. Въ первую минуту, она подумала, что та просто пришла повидаться съ ней. Но оказывалось, что старуха явилась затѣмъ, чтобъ вылянчить у нея скудные деньги, заработанныя ею въ тюрьмѣ.

— Что-жь ты молчишь? Ты отказываешь своей матери? Вотъ какова она, госпожа-надзирательница! А ужъ чего я, кажется, для нея не дѣлала!..

— Я оставлю только шесть франковъ себѣ на гробъ; я не хочу, чтобъ меня хоронили на общественный счетъ... Больше мнѣ ничего не надо. Остальное я пришло тебѣ, матушка.

Элиза произнесла эти слова медленно и потомъ вдругъ подышалась со слезами, желая положить конецъ свиданію.

— Вотъ настоящая дочь! вскричала старуха, обрадованная.— Я повторяю это теперь, какъ говорила въ дни несчастія присажннмъ, приговорившимъ дитя мое къ смерти! На нее иногда находить... но, въ сущности, у нея золотое сердце...

И, приподнявъ голову дѣвочки, которая опять утонулась лицомъ въ ея платье, она прибавила:

— Ну, присядь хорошенько сестрицѣ...

Когда Элиза опять вошла въ мастерскую, она была очень блѣдна. Въ послѣдніе годы ее заставляли блѣднѣть только физическія страданія, причиняемыя тюремной жизнью; послѣ свиданія съ матерью она нашла въ себѣ новый источникъ нравственныхъ мукъ.

IX.

Все, что въ душѣ заключеннаго возстаетъ противъ общества и властей, все озлобленіе, таящееся въ немъ, подъ личиною покорности—вдругъ улеглось въ Элизѣ. Она выбилась изъ силъ и чувствовала себя побѣжденной; она признала надъ собой всемогущую, разрушительную силу тюрьмы, этого желѣзнаго гнета, съ каждымъ днемъ все больше и больше давившаго ее. Въ ней не оставалось болѣе матерьяла для нравственнаго сопротивленія. Такъ иногда конь, готовый каждую минуту стать на дыбы и заржать, бываетъ доведенъ до того, что, при появленіи укротителя, весь дрожитъ, робко опустивъ голову. У Элизы уже не было тѣхъ порывовъ бѣшеной злобы, во время которыхъ ей хотѣлось вопить ножницы въ грудь надзирательницы. Несправедливое наказаніе, отъ кого бы оно ни шло, не могло вызвать на гнѣвъ, искаженныя уста ея гнѣвнаго шопота. Когда инспекторъ или директоръ дѣлали ей замѣчаніе, въ голосѣ ея звучали теперь лицемѣрно-плаксивыя ноты; во взглядѣ читалось лживое, напускное смиреніе, и вся ея дрожащая фигура выражала раболѣпную, трусливую покорность. Это лицемѣріе, названное одной инспектрисой «язвою тюремъ» и до такой степени возмущавшее сначала Элизу, явилось, наконецъ, и у ней; и она, подобно всѣмъ другимъ арестанткамъ, умертвивъ въ себѣ человѣческое достоинство, ложью во взглядѣ, въ движеніяхъ, въ голосѣ, вымаливала теперь облегченіе своей участи. И такъ какъ это облегченіе достигалось преимущественно религіозностью, т

Элиза прикинулась набожной, исповѣдывалась, причащалась, и, вслѣдствіи заискивая въ сестрахъ милосердія, старалась обратить на себя вниманіе начальницы.

Тюремное заключеніе не было для нея болѣе искушеніемъ. Воображеніе ея отвыкло создавать разныя невозможныя случайности, обѣщающія узнику близкое освобожденіе и о которыхъ онъ обыкновенно такъ охотно мечтаетъ. Она не пугалась болѣе вѣдѣности наказанія, можетъ быть, даже забывала о ней. Наконецъ, даже въ этой убійственной системѣ молчанія она начала находить что-то успокоительное, позволяющее мысли ея лѣживо дремать въ смутномъ, унижительномъ забытіи. Когда директоръ внезапно обращался къ ней съ какимъ-нибудь вопросомъ, на который нужно было тотчасъ же отвѣчать, это причинило ей почти физическое страданіе, и она, наконецъ, стала отвѣчать какими-то невнятнымъ бормотаніемъ, движеніемъ губъ, ничего не говорившимъ. Она не пыталась даже освѣтить лучемъ воспоминанія блаженный мракъ и пустоту своего ума. Вспоминать сдѣлалось для Элизы усиленіемъ, утомленіемъ!

Въ тюрьмѣ были крутыя высокія лѣстницы съ поворотами, и арестантки спускались съ нихъ по четыре въ рядъ; Элиза съ нѣкотораго времени стала бояться пустоты подъ своими ногами, бояться шаговъ арестантокъ у себя за спиной; вмѣстѣ съ этимъ непонятнымъ страхомъ, у ней явилась какая-то неловкость, вялость въ пальцахъ, и вещи падали часто изъ рукъ ея. Элиза съ удивленіемъ замѣчала за собой, что она, такая разборчивая на пищу и столько разъ оставлявшая свою порцію не тронутой, вдругъ стала ѣсть все, что ни попадалось ей, съ скотской прозорливостью. Она воровала даже у своихъ товарокъ марки, которыя выдавались желающимъ получить за выработанныя деньги лучшую пищу.

X.

— № 7,999. Приблизьтесь.

Арестантка не двигалась.

— Э! вы тамъ... Оглохли, что-ли?

Элиза рѣшилась встать и съ равнодушнымъ, слушающимъ видомъ оперлась на загорожку.

Она находилась въ залѣ, называвшейся преторіей, и гдѣ по субботамъ происходила конфирмація наказаній провинившихся арестантовъ. Наказанія эти, требуемыя сестрой-обвинительницей, черезъ посредство начальницы, и утверждаемыя директоромъ, обсуждались тюремными властями коллегіально.

На эстрадахъ сидѣлъ директоръ, на своемъ президентскомъ

вреслі; по правую сторону отъ него помѣщались начальница и сестра-обвинительница, по лѣвую—инспекторъ и патеръ.

Три большія окна, позади судей, были плотно закрыты коленкоровыми гардинами, и въ полусвѣтѣ, лица этихъ женщинъ и мужчинъ казались еще суровѣе. На голыхъ стѣнахъ залы—ни картинъ, ни изваяній, ни символа милосердія, который бы могъ пробудить надежду въ сердца виновнаго.

Прямо передъ судьями танулась извѣстная деревянная загорода, раздѣлявшая комнату на двѣ части и за которой обвиняемыя смиренно сидѣли на длинной скамейкѣ.

Директоръ продолжалъ.

— Кража марокъ; отказъ отъ работы; каждую субботу—одна и таже исторія. Гм! что вы на это скажете?

Начальница тюрьмы была 80-ти-лѣтняя старуха, съ восковымъ лицомъ, съ мутнымъ взглядомъ, устремленнымъ въ пространство, съ утомленными движеніями, съ медленной рѣчью. Вся ея блѣдная особа походила на холодную и трагическую фигуру—Разочарованія. Въ ея долгой жизни было, дѣйствительно, столько обманутыхъ надеждъ, разрушенныхъ мечтаній; она видѣла такъ много обращенныхъ на истинный путь арестантокъ и черезъ двѣ недѣли послѣ своего выхода изъ тюрьмы опять попадавшихъ въ нее, что давно уже отчаялась въ перерожденіи этого грѣшнаго міра, который, однакожь, обязана была спасать. Святая старушка вовсе не признавала дѣйствительности краткосрочнаго заключенія; и арестантокъ, посаженныхъ въ видахъ исправленія, съ величайшимъ презрѣніемъ называла «потаскушками». Она также весьма недовѣрливо относилась къ раскаянью преступницъ—большихъ преступницъ—тѣхъ, «которыя убили». (Ея кроткія уста не страшились вымолвить этого слова). По ея мнѣнію, только посредствомъ вѣчнаго заключенія, въ соединеніи съ религиозными увѣщаніями, еще можно было надѣяться возвратить этихъ женщинъ къ Богу. Элиза убила, она осуждена была на вѣчное заключеніе; казалось, что она удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ, необходимымъ для того, чтобы начальница занялась спасеніемъ души ея. Но Элиза была проститутка. Она принадлежала къ тому классу женщинъ, къ которому начальница, несмотря на свои христіанскія усилія, никогда не могла побѣдить въ себѣ отвращенія, отвращенія, такъ сказать, физическаго, потому что ей гадко было даже прикасаться къ этимъ несчастнымъ. Патеръ не пыталъ къ нимъ этого отвращенія; онъ даже иногда не прочь былъ поговорить съ ними, добродушнымъ, отеческимъ тономъ, кажимъ судьи говорить съ негодяями, которыхъ они посылаютъ на галеры; но онъ былъ убѣжденъ, что онѣ рождены и должны умереть «въ грѣхѣ», и что трудиться надъ ихъ исправ-

леніемъ совершенно напрасно. Скептицизмъ патера отличался отъ скептицизма начальницы только тѣмъ, что первый былъ веселаго и безпечнаго свойства, тогда какъ послѣдній носилъ на себѣ отпечатокъ какого-то мрачнаго отчаянія.

Не встрѣчая поощренія ни со стороны начальницы, ни со стороны патера, Элиза обратилась къ сестрамъ милосердія, съ которыми тюремные порядки ставили ее наиболѣе часто въ соприкосновеніе. И очень можетъ быть, что эта лицемерная набожность изъ корыстныхъ цѣлей, превратилась бы въ истинное религиозное чувство, еслибы, въ минуты упадка духа, Элиза нашла въ окружающихъ сочувствіе и поддержку. Она никогда не была невѣрующей, и у тюремнаго начальства сохранялся медальонъ съ образкомъ, который отъ нея отобрали въ тотъ день, какъ она пріѣхала. Напускное невѣріе явилось у Элизы только въ тюрьмѣ, гдѣ непокорная арестантка нашла въ религіи помощницу власти. Сестры милосердія точно также не отозвались на призывъ Элизы. Начальница, патеръ, сестры, не отталкивая ее безусловно, дали ей почувствовать, что они понимаютъ, съ какою цѣлью арестантка старается выказать себя передъ ними набожной.

Тогда Элиза какъ будто одеревенѣла. Самое тѣло ея, казалось, утратило чувствительность. Она всегда была забкая и въ холодныя ночи дрожала въ дортуарѣ. Теперь ей не было холодно. Если ей случалось ушибиться, то ощущеніе, произведенное ушибомъ, уже не казалось ей непосредственнымъ, а чѣмъ-то отдаленнымъ, едва до нея касающимся. Тоже самое происходило и съ ея душевными движеніями.

Элиза ничего не говорила.

— Запрещеніе прогулки, лишеніе скоромной пищи по воскресеньямъ вамъ все ни по чѣмъ! какъ стѣнѣ горохъ! Не посадятъ ли ее на черствый хлѣбъ? Какъ вы объ этомъ думаете, матушка? прибавилъ директоръ, обращаясь къ начальницѣ.

Та, молча, едва замѣтно, кивнула головой въ знакъ согласія.

— На черствый хлѣбъ; повторилъ директоръ Элизѣ. — Слышите ли вы это? Говорятъ, что вы очень любите покушать, такъ, можетъ быть, это придется вамъ не совсѣмъ понутру?

Опять никакого отвѣта.

— Вы, какъ видно, рѣшились не отвѣчать своему директору?

Элиза продолжала молчать.

— Ну, говорите же, деревянная башка. Я хочу, чтобъ вы говорили! вскричалъ съ яростью директоръ.

Элиза все молчала.

— Природенная испорченность! со вздохомъ вымолвилъ патеръ, вертя большими пальцами своихъ рукъ.

— Такъ, значить, это—открытое сопротивленіе, номеръ 7,999? Отвѣта не было.

— Скажите, по крайней мѣрѣ, что вы впередъ не будете? Увидите, господа, что упрямецъ не скажетъ даже и этого!

И на этотъ разъ Элиза не произнесла ни слова; только поджала глаза на директора. Она плотно сомкнула губы, въ твердой рѣшимости молчать. По лицу ея пробѣжало мрачное облако ненависти. Передъ судьями, казалось, стоялъ тупое, озлобленное существо.

— Я, какъ вамъ извѣстно, стою за нравственныя наказанія, сказалъ возбѣшенный директоръ, нагнувшись къ уху инспектора:— но, право, бываютъ минуты, когда приходишь къ убѣжденію, что плеть была бы здѣсь дѣломъ нелишнимъ!

Директоръ тюрьмы, марсельскій уроженецъ, былъ комически-маленькій человѣчекъ, у котораго, при лысомъ черепѣ, лицо совсѣмъ поросло волосами. Голова его безпрестанно потѣла и не могла выносить шляпы. Съ утра до ночи онъ бѣгалъ съ обнаженной головой по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ что-нибудь изготовлялось для арестантокъ, одежда, кушанье, и т. д., инспектировалъ, контролировалъ, наблюдалъ, вѣсилъ, отмѣривалъ, выказывая неутомимую дѣятельность, зорко слѣдя за тѣмъ, чтобы каждая арестантка получала все, что слѣдуетъ ей по положенію; онъ готовъ былъ поставить верхъ двомъ всю тюрьму и прогнать подрядчика за недочетъ одного дециметра сухихъ овощей въ порціи арестантки. Время его всецѣло принадлежало тюрьмѣ; ею одною была занята его мысль, и днемъ, и въ бессонныя ночи. Вся жизнь его была непрерывной заботой о матеріальномъ благосостояніи арестантокъ. Въ его глазахъ, управленіе тюрьмой было чѣмъ-то въ родѣ миссіонерскаго подвига; и, несмотря на все это, онъ часто являлся безчеловѣчнымъ начальникомъ, отличавшимся той жестокостью, которая развивается въ систематическомъ буржуа при нагнѣшемъ противорѣчій единственной идеѣ, засѣвшей въ его коническомъ черепѣ.

Криминалисть американской школы, директоръ вѣрилъ въ управленіе преступниковъ посредствомъ молчанія. Ни скудные результаты, полученные имъ во время своего личнаго завѣдыванія тюрьмой, ни свидѣтельство уголовной статистики о постоянно возрастающей цифрѣ рецидивистовъ—какъ мужичинъ такъ и женщинъ—за послѣднія двадцать лѣтъ не могли поколебать этой упрямой вѣры и убѣдить его въ напрасной жестокости системы. По его мнѣнію, арестантка могла страдать только въ томъ случаѣ, если ей шерстяное платье было плохой доброты или если ей не выдавали положенной порціи; что же касается до остального, то все это—«пустыя выдумки докторовъ», какъ онъ

выражался. Онъ находилъ, что постоянное молчаніе есть отличное гигиеническое средство для души и тѣла. Впрочемъ, онъ чаще всего, съ гордымъ презрѣніемъ экономиста и фанатика, не допускалъ даже и преній объ этой системѣ, которая была для него чѣмъ-то въ родѣ символа вѣри. Случалось порой, что этотъ маленькій фантазеръ расположенъ былъ видѣть въ невольныхъ проступкахъ арестанттокъ формальный протестъ противъ его личныхъ идей, въ соединеніи съ непоттительностью къ его обидчивой особѣ. Тогда директоръ, вступая въ борьбу съ натурой, не переносившей молчанія, доходилъ до такой безпощадной строгости, до такихъ суровыхъ жестокихъ мѣръ, которыя, при современномъ смягченіи тюремныхъ наказаній, напоминали пытки стараго времени и придавали миниатюрной фигурѣ задержаннаго филантропа видъ полишинеля-вампира.

XI.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, Элиза опять стояла передъ тѣми же судьями, такая же неповорная и озлобленная.

— А! вы—все та же! говорилъ ей директоръ, дрожащій отъ гнѣва голосомъ.— Впрочемъ, нѣтъ; вы съ каждой недѣлей становитесь упрямѣй и хуже. О! я заставлю васъ говорить, голубушка! Я знаю. Но прежде, чѣмъ прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ, посмотримъ, не будетъ ли кто счастливѣе меня.

Отозвавшись на этотъ призывъ, начальница строго обратилась къ Элизѣ.

— Вы слышали, что говорилъ г. директоръ? Вы тотчасъ же должны выразить свое раскаяніе, свое сожалѣніе о сдѣланныхъ вами проступкахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обѣщать, что будете впредѣ вести себя лучше. Въ противномъ случаѣ—вы навлекете на себя самое строгое наказаніе, потому что ваша неповорность выходитъ изъ всѣхъ предѣловъ...

Начальница вдругъ остановилась, вида, какъ мало дѣйствія производятъ ея увѣщанія на арестантку.

Когда начальница замолчала, инспекторъ, рыжій голландецъ, все время приглаживавшій обѣими руками свои жесткіе волосы, также попытался сказать нѣсколько словъ обвиняемой.

— Ну, перестань же, дитя мое; что за упрямство! началъ онъ добродушнымъ голосомъ. — Прежде ты была не такая! начальство было всегда довольно тобой. Что же это вдругъ съ тобой сдѣлалось? Полно же! ты вѣдь знаешь, что здѣсь никому не доставляетъ удовольствія наказывать. Ну, Элиза, повончимъ все это. Расскажи намъ сейчасъ, почему ты не хочешь...

— *Хочу, но не могу*, вскричала Элиза, съ отчаяніемъ и дрожа

всѣмъ тѣломъ. Дружеское, фамиллярное обращеніе инспектора, вызвавшаго ее по имени, глубоко потрясло ее.

— Это часто бываетъ со мной, г. инспекторъ, влинусь вамъ; хочу, но не могу.

Нѣсколько разъ еще повторила Элиза жалобнымъ голосомъ: «Да, хочу, но не могу»; и, наконецъ, истерически зарыдала.

— Ну, скоро ли этому будетъ конецъ? крикнулъ директоръ, который въ этотъ день былъ сердитъ, потому что тюрьму посѣтилъ одинъ англійскій экономистъ, приготовившій брошюру противъ системы молчанія.— Что вы намъ тутъ носите? Человѣкъ можетъ все, что захочетъ. Прошу васъ прекратить эту драму. Довольно виднеть. Вотъ мы посмотримъ, не возвратитъ ли вамъ силу воли *одиночное заключеніе*. (Директоръ никогда не употреблялъ слово *каторга*). Перейдемъ къ слѣдующей! № 9007!

По окончаніи засѣданія, обвинительница Элизы отвела директора въ сторону и сказала ему:

— Я не знаю... но номеръ 7999, кажется, съ нѣкотораго времени не въ нормальномъ состояніи... У него являтся какія-то странности... Не попросить ли тюремнаго доктора, чтобъ онъ его освидѣтельствовалъ...

— Отличная мысль! проиически отвѣчалъ директоръ.— Васъ просто ослѣпило вдохновеніе! Докторъ имѣетъ привычку находить сумасшедшими всѣхъ нашихъ лѣнтяевъ.

— Но, однаковожъ... попыталась было робко возразить сестра милосердія.

— О! если вы непремѣнно считаете это нужнымъ... то конечно... Я знаю, что всѣ здѣсь смотрятъ на меня, какъ на челоуѣка системы, котораго не можетъ убѣдить очевидность... (Онъ искалъ посмотрѣть на инспектора), но теперь, я, какъ директоръ, требую, желаю,—и непремѣнно,—чтобы нашъ добрый докторъ представилъ свое заключеніе...

Нѣсколько дней спустя, тюремный докторъ заявилъ въ своемъ доносѣніи о здоровьи Элизы, что арестантка не имѣла яснаго сознанія о вещахъ, утратила способность сосредоточивать вниманіе и повинуется побужденіямъ, чуждымъ ея воли. Онъ указывалъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, на кражу марокъ, на прозорство, развившееся у Элизы и обыкновенно являющееся предвѣстникомъ умственного отупленія. Онъ говорилъ, что она—еще не сумасшедшая, но уже неполнѣй обладаетъ свободной волей и потому не можетъ нести отвѣтственности за свои поступки. Въ заключеніе, онъ требовалъ, чтобъ система не была примѣняема къ ней во всей строгости и чтобъ ей принесли работу, соответствующую ослабленію ея умственныхъ силъ.

Тогда Элизу перевели изъ мастерской, гдѣ она нѣсколько лѣтъ работала на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ верхній этажъ стараго зданія, въ башмачную.

XII.

Башмачная была обширная, мрачная конната съ закопѣлымъ потолкомъ, нагрѣвавшаяся чугуною печью, труба которой выходила въ окно. По стѣнамъ, пропитаннымъ несмываемой грязью и представлявшимъ рѣзкій контрастъ съ чистотой остальной тюрьмы, была развѣшена всякая дрянь. На полу валялись нитки, куски каменнаго угля, раздавленные деревянными башмаками, стояли лужи. Въ душномъ и спѣрномъ воздухѣ пахло кожей и потомъ людей, переставшихъ умываться. По одну сторону комнаты, на стульяхъ, а по другую на скамейкахъ, сидѣли двумя группами около шестидесяти старухъ и робко жались другъ къ другу, какъ маленькія школьницы въ классѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ, еще способныя къ башмачной работѣ, дѣлали передки; но большая часть подрубляла платки для инвалидовъ. Многія были заняты работой, уже не требовавшей ни вниманія, ни особеннаго проворства и силы въ пальцахъ; трепали ленъ, щипали веревки, сортировали тряпки. Вообще, женщины, занимавшіяся въ башмачной и которыхъ тюремная администрація называла «тронутыми», были плохія работницы. Однѣ изъ нихъ, положивъ передъ собой работу, сидѣли по цѣлымъ часамъ сложа руки и хлопаютъ глазами. Другія, повертѣвъ ее въ рукахъ и что-нибудь въ ней намортивъ, бросали ее съ отвращеніемъ. Большинство же, поработавъ съ четверть часа и откинувшись къ спинкѣ своего стула, чувствовали уже себя обезсиленными, побѣжденными, неспособными къ большому прилежанію. Двѣ или три арестантки прилебывали маленькими глотками изъ кружки тизану; и, когда она была выпита, цѣлые часы сидѣли нагнувшись надъ кружкой и смотрѣли на дно ея.

Между самыми старыми, одна, въ большихъ желѣзныхъ очкахъ, имѣвшая суровый, непреклонный видъ парен, съ утра до ночи сидѣла, облокотаясь на столъ и подпирая обѣими руками свой подбородокъ. Около старухи, молодая арестантка, еще красивая, но заплывшая жиромъ, весь день прохаживалась взадъ и впередъ безъ всякаго дѣла, безпрестанно барабана по стеклу пальцами. Отъ времени до времени, появленіе сестры милосердія, заставляло нѣкоторыхъ на минуту встать за прерванную работу; но онѣ почти тотчасъ же бросали ее и снова принимали прежнія окаменѣлыя позы. Въ башмачной не существовало уже того, что замѣчалось еще въ остальной тюрьмѣ—щегольства го-

ловными платками, которые там появлялись съ нѣкоторымъ кокетствомъ, съ нѣкоторой граціей, показывавшей, что женщина еще не совсѣмъ умерла въ арестанткѣ.

Женщины эти не были сумасшедшими, но уже впади въ идиотизмъ. Ихъ не наказывали за лѣность, и довольствовались тѣмъ, что работаютъ ихъ неловкіе, грязные пальцы.

Въ башмачной, Элиза начала мало по малу спускаться по всѣмъ ступенямъ человѣческой природы, незамѣтно приводящимъ разумное существо къ состоянію звѣря. Сначала ее заставляли обрублять клѣтчатые платки; потомъ посадили за сортировку тряпокъ; наконецъ, признанная негодной ни къ какому занятію, она цѣлыя дни проводила въ тупомъ созерцаніи, что-то ворзая себѣ подъ носъ.

Тогда въ головѣ этой сороколѣтней женщины какъ-бы водворился мовгъ ребенка. Ее утѣшали, словно четырехлѣтнюю дѣвочку, всякіе пустяки. Выдавался ли ей, вмѣсто стараго головнаго платка, новый, она радостно улыбалась, проводила по немъ нѣсколько разъ рукой, и губы ея шептали: «какой красивый!» Присылала ли какая-нибудь дама-благотворительница арестанткамъ корзинку фруктовъ—глаза ея, при видѣ пяти или шести сливъ, остававшихся на пустой тарелкѣ, загорались жадностью, и она начинала хлопать въ ладоши.

Одновременно съ этимъ возрожденіемъ въ Элизѣ первыхъ ребяческихъ ощущеній, любопытное явленіе стало замѣчаться въ ея памяти; изъ этой памяти исчезали цѣлыя полосы жизни; Элиза мало по малу забыла свое пребываніе въ домѣ матери, въ Бурлемонѣ, въ улицѣ Sufren, свою тюремную жизнь; не помнила даже того, что было вчера. Но, по мѣрѣ того, какъ уходили во мракъ воспоминанія о ближайшихъ событіяхъ, все ярче и ярче выступали передъ нею годы раннаго дѣтства, проведенные вдалекѣ отъ Парижа, въ Вогезскихъ Горахъ, въ деревушкѣ, у сестры ея матери, выступали со всѣми подробностями. И, какъ это бываешь иногда съ умирающими въ послѣднія минуты агоніи, воспоминаліа о занятіяхъ, играхъ, удовольствіяхъ дѣтства сопровождалась у Элизы бессознательными ребяческими движеніями, мимикой.

Она была въ лѣсу; нервные листья зазеленѣли на вязахъ. Она искала гнѣздъ крошечныхъ птичекъ, скрывающихся между корнями деревьевъ. Она съ толпою дѣвочекъ собирала чернику. Губы у всѣхъ были словно вымазаны чернилами. Она смѣялась надъ тѣми, у которыхъ корзинки были на половину пустыя.

Она ловила раковъ, счастливая и веселая, и въ старыхъ башмакахъ, надѣтыхъ на босую ногу, двигалась въ свѣжей водѣ, спотыкаясь чуть не на каждомъ шагѣ и смотря на про-

зрачный свѣтлый ручей, заставившій дѣвочку, когда она увидѣла Марну, воскликнуть: У! какой здѣсь былъ сильный дождь!

Она играла въ зимніе вечера съ подругами «въ жандармы» и въ «пачки», обливая водой изъ чапан ту дѣвочку, которая не могла удержаться отъ смѣха, когда ей кричали со всѣхъ сторонъ равныя глупости. Она ходила на богомолье и шептала заученныя молитвы, смотря на дрожащее пламя свѣтъ, зажженныхъ передъ образомъ Богородицы. Она сидѣла на главной деревенской улицѣ, подлѣ странствующихъ итальянскихъ лудильщиковъ, съ восторгомъ слѣдя цѣлый день за тѣмъ, какъ подъ руками этихъ людей почернѣвшая внутренность старыхъ котловъ становилась серебрянной и блестящей. Она несла въ своихъ маленькихъ рученкахъ огромный пятиугольный пирогъ, который въ Богосскихъ Горахъ дарятъ деревенскимъ дѣтямъ на Рождествѣ ихъ крестныя матери. Она восхищалась марionетками, спрашивая себя: удастся ли ей на тѣ деньги, которыя подарятъ ей, когда будетъ ярмарка, купить своей жукѣ такое же красивое платье, какія были на этихъ марionеткахъ, платьевъ при мерцаніи двухъ свѣчей?

Но между всѣми этими воспоминаніями, въ которыхъ теперь проходила вся жизнь Элизы, было одно, сдѣлавшееся ежедневнымъ, востолненнымъ, обычнымъ, непокидавшимъ ея почти никогда: это—воспоминаніе о веселой веснѣ въ деревнѣ. Надъ головой несчастной больной арестантки, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теравшей сознаніе окружающаго, вѣчно цвѣли теперь вишневая деревья ея родины. Утренняя молитва въ тюрьмѣ заставляла уже Элизу гуляющей по зеленымъ лугамъ, усыпаннымъ маргаритками, по тѣмъ лугамъ, которые видѣли ея первые дѣтскіе шаги. Вешнее голубое небо сверкало надъ ней; серебряныя нити носились въ воздухѣ. Она шла подъ деревьями, покрытыми бѣлымъ цвѣтомъ, посреди которыхъ чернѣли порхавшія цѣлыми стаями птички. Она шла, а со всѣхъ вѣтвей падали непрерывнымъ дождемъ бѣлые лепестки, кружась въ воздухѣ и съ медленнымъ колыханіемъ опускаясь на землю, подобно бабочкамъ, на крылья которыхъ они походили.

Въ полдень, она неподвижно лежала подъ легкой тѣнью этихъ цвѣтущихъ вершинъ, вдыхая въ себя медовый запахъ цвѣтовъ, согрѣваемыхъ солнцемъ, и слушала чирканье птичекъ, счастливая, внутренне восхищенная тѣмъ, что бѣлый дождь не переставалъ щекотать ея лицо, ея шею, ея дѣтскую наготу. Иногда вѣтеръ уносилъ отъ нея лепестки, и она, медленно махая руками въ воздухѣ, возвращала ихъ къ себѣ. Такъ проводила она дни—цѣлые дни, хорона себя подъ этимъ цвѣточнымъ свѣгомъ...

Ильвица бѣдной арестантки доходила до того, что она опѣлѣвшими пальцами почти недвижавшей руки все описывала въ смирномъ тюремномъ воздухѣ какіе-то круги, какъ бы жала привлечь на себя бѣлые лепестки, падавшіе съ цвѣтушихъ деревьевъ родной Ажольской Долины...

XIII.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мнѣ случилось гостить въ одномъ замкѣ, въ окрестностяхъ Нуарльё. Однажды, отъ нечего дѣлать, наше общество вѣдумало осмотрѣть женскую тюрьму. Мы сѣли въ экипажи. Выль грустный, осенній день. По сѣрому небу носились тучи; блѣдная рѣка катилась посреди однообразной мѣловой равнины, и весь этотъ мертвый плоскій пейзажъ замыкался на горизонтѣ волнистыми, каменными массами. Вскорѣ мы увидѣли передъ собой Нуарльё, съ его стариннымъ валомъ, обратившимся въ мѣсто для прогулокъ, съ его зеленѣющимъ кладбищемъ, съ окруженной стриженными деревьями площадкой для танцевъ и высокими стѣнами женской тюрьмы, по одну сторону которой находится исправительный домъ для молодыхъ арестантокъ, по другую—домъ сумасшедшихъ.

Мы остановились у супрефекта, знавшаго съ владѣльцемъ замка. Насъ ввели въ небольшой залъ, гдѣ развѣшаны были литографіи Фелона въ палисандровыхъ рамкахъ и охотничьи трофеи, осѣненные тирольской шляпой, подъ которыми лежалъ на фортепьяно романсъ Надо.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ супрефектъ. Онъ принадлежалъ къ породѣ супрефектовъ веселыхъ. — «У насъ все отлично устроено, вскричалъ онъ съ комической интонаціей пале-рояльскаго актѣра, подписывая въ то же время какую-то официальную бумагу:—превосходно, какъ нельзя лучше... Домъ сумасшедшихъ рядомъ съ тюрьмой, такъ что переводить арестантовъ ничего не стоитъ...» Потомъ, застегнувъ на вторую пуговицу перчатку цвѣта gris perle, подавъ руку дамѣ, съ граціей танцора, сдѣланнаго супрефектомъ за то, что онъ хорошо дирижировалъ котильйономъ въ Парижѣ.

Мы осматривали женскую тюрьму долго и обстоятельно, размыкаемые все время остроумными шутками нашего любезнаго чичероне, и уже хотѣли удалиться, когда директоръ настоялъ, чтобы мы посѣтили еще лазаретъ.

Мы вошли въ просторную комнату, гдѣ находились двѣнадцать кроватей.

— Четыре процента смертности! Только четыре процента, господа! повторяя самодовольно миниатюрный директоръ, за нашими синнами.

Я останоѣился передъ одной кроватью, на которой лежала, въ ужасающей неподвижности, женщина, очевидно, страдавшая болѣзью спиннаго мозга. Надъ головой ея прибитъ былъ номеръ и за нимъ торчала засохшая, освященная вѣтка. У изголовья больной безмолвно стояла дежурная арестантка, казавшаяся олицетвореннымъ *Постояннымъ Молчаніемъ*, сторожившимъ смерть.

— Это—приговоренная къ смертной казни... проститутка Элиза... ея процессъ когда-то надѣлалъ большого шума... Но замѣьте, господа, четыре процента! тотчасъ же прибавилъ директоръ.

Я внимательно посмотрѣлъ на эту женщину съ омертвѣлымъ лицомъ, съ глазами уже не видѣвшими, и одинъ только губы которой сохраняли еще признакъ жизни. Она выпячивала ихъ по направленію къ сидѣлкѣ, какъ бы желая что-то сказать и не смѣя.

— Но, господа! воскликнулъ я, съ нѣкоторымъ раздраженіемъ въ голосъ:—неужели вы не позволяете вашимъ больнымъ говорить даже въ агоніи?

— О, помилуйте!.. Не правда ли, г. директоръ, вѣдь мы—все не такіе формалисты? съ веселымъ видомъ сказалъ супрефектъ и обратился къ больной: — говорите, говорите, моя милая, сколько хотите.

Но позволеніе пришло слишкомъ поздно. И супрефекты не могутъ заставить говорить мертвыхъ! ¹.

А. П.

Конецъ.

¹ Въ первой части этого романа вѣрались слѣдующія опечатки, которыя считаемъ нужнымъ оговорить. На стр. 569-й, въ 11-й строкѣ напечатано: *коммѣщикомъ-адвокатомъ*, слѣдуетъ читать *новопримытымъ адвокатомъ (stagiairem)* и на стр. 592-й, въ 3-й строкѣ, вмѣсто *неустоиво покачивалась*, слѣдуетъ читать *тихо и покачивалась*.

ФИЗИЧЕСКІЙ ТРУДЪ,

КАКЪ НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТЪ ОБРАЗОВАНІЯ.

IV.

Обыкновенно думаютъ, что число людей въ государствѣ, занимающихся чистыми, благородными профессіями, и людей ничего не дѣлающихъ очень мало; а число занимающихся мускульною работою — очень велико. Такъ оно дѣйствительно и кажется съ перваго взгляда на дѣло, пока не возьмешь въ руки статистики и не пожелаешь провѣрить своего «кажется». Возьмемъ для примѣра Россію, страну, безъ всякаго сомнѣнія, такую, въ которой умственной жизни и умственныхъ профессій гораздо меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, и въ то же время страну, въ которой крестьянское населеніе преобладаетъ надъ привилегированнымъ гораздо больше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Россію не разъ даже иностранцы называли мужичьимъ государствомъ... Но если мы попробуемъ высчитать число рукъ, добывающихъ въ Россіи хлѣбъ, сырье и другіе продукты сельскаго хозяйства, составляющіе главную массу нашихъ богатствъ, то увидимъ слѣдующее. По свѣдѣніямъ «Статистич. Времен. Россійск. Имперіи», (Вып. 1, Спб. 1871 года), населеніе 60 европейскихъ губерній по сословіямъ представлялось въ слѣдующемъ видѣ:

	Душъ об. пола.
Дворянъ потомственныхъ обоюго пола.	591,266
Дворянъ личныхъ и служащихъ	327,764
Духовенства	633,185
Городскихъ сословій	6.907,071
Сельскихъ сословій	56.270,541
Военныхъ сословій	3,743,358
Иностранцевъ	148,125
Лицъ, не принадлежащихъ къ означеннымъ сословіямъ	743,231
	69.964,541

*

Оставляя въ сторонѣ военныя сословія, изъ которыхъ многіе живутъ въ городахъ, не занимаютъ сельскимъ хозяйствомъ и состоятъ на дѣйствительной службѣ, общая цифра населенія уменьшится на 3.743,358 душъ; но это мало измѣнитъ расчетъ. Остановимся собственно на сельскомъ сословіи, выполняющемъ всѣ земледѣльческія и сельскохозяйственныя работы, такъ какъ остальные сословія не прикладываютъ, конечно, личнаго труда къ землѣ, хотя бы нѣкоторые изъ сельскаго духовенства и иностранцевъ и составляли исключеніе изъ общаго правила. Считать всѣ 56 мил. обрабатывающими землю ни въ какую силу нельзя: многіе изъ нихъ работаютъ на фабрикахъ, заводахъ и у ремесленниковъ въ городахъ, многіе занимаются специально кустарнымъ производствомъ въ деревняхъ, многіе торгуютъ, уходятъ въ отхожіе промыслы, нанимаются въ качествѣ прислуги, батраковъ и проч. Къ сожалѣнію, недостатокъ статистическихъ свѣдѣній не позволяетъ намъ вычислить этой весьма значительной цифры, почему и приходится ограничиться на счетъ нея однимъ только замѣчаніемъ. Затѣмъ, нельзя считать всѣ 56 мил. работниками и потому, что сюда входятъ и малолѣтныя, и старики, которые не работаютъ. Опредѣлить приблизительно число тѣхъ и другихъ можно при помощи таблицъ возрастовъ Буняковского, составленныхъ имъ въ 1862 году для 10 тыс. мужскаго и для 10 тыс. женскаго населенія. Мы не приводимъ здѣсь этихъ таблицъ, такъ какъ онѣ слишкомъ длинны. Если, слѣдуя академику Веселовскому, раздѣлить населеніе на рабочее (мужчины отъ 18 до 60 лѣтъ и женщины отъ 16 до 55 лѣтъ), полурбочее (мужч. отъ 14 до 18 и отъ 60 до 65 лѣтъ и женщины отъ 12 до 16 и отъ 55 до 60 л.) и нерабочіе (моложе и старше этихъ возрастовъ), то получимъ на каждыя 100 душъ:

Не рабочихъ	39,19%	мужчинъ	и	37,80%	женщинъ
Полурбочихъ	10,60%	»		12,40%	»
и рабочихъ	50,21%	»		49,80%	»

Замѣтимъ, между прочимъ, что академикъ Веселовскій, опредѣляя рабочей возрастъ до 60 лѣтъ, впадаетъ, какъ намъ кажется, въ большую ошибку, потому что оставаться полнымъ работникомъ до такого возраста трудно, въ особенности въ крестьянскомъ быту. Намъ кажется, что возрастъ этотъ необходимо было бы уменьшить, по крайней мѣрѣ, до 50 лѣтъ¹. Но, оставая въ расчетѣ даже подраздѣленіе г. Веселовскаго, мы получимъ весьма невыгодное отношеніе между производительнымъ и не

¹ Въ измѣненіяхъ, произведенныхъ въ прошломъ году законодательнымъ порядкомъ въ Уставѣ о воинск. повин., возрастъ, способный къ труду, считается отъ 18 до 55 лѣтъ.

производительнымъ населеніемъ. Изъ 56.270,541 душъ, при предположеніи, что число мужчинъ равно числу женщинъ, мы получимъ:

Не рабочихъ: 11.027,222 мужчинъ и 10.085,132 женщинъ

Полуробочихъ: 2.982,339 > 3.488,773 >

Рабочихъ 14.125,719 > 14.011,363 >

Если мы обратимъ вниманіе на то, что большая часть полевыхъ работъ исполняется мужчинами, а женщины хлопотать больше дома, около нерабочаго населенія и домохозяйства, то и увидимъ какое незначительное, сравнительно съ населеніемъ, число лицъ прокармливаютъ Россію. На этомъ же населеніи лежить по преимуществу вся тяжесть податей и налоговъ. Кромѣ того, это же самое населеніе поставлено въ такія условія, что должно добывать хлѣбъ и прочее сырье и для вывоза за границу, обрабатывая для этого какъ свои, такъ помѣщичьи и купеческія земли, слѣдовательно, не ограничивается только производствомъ предметовъ для внутренняго потребленія, ꙗ отдааетъ еще значительную долю труда на прокормленіе другихъ странъ.— Въ 1874 г., не считая болѣе 33¹/₂ мил. руб. лѣснаго товара, около 6 мил. пуд. пеньки, болѣе 10 мил. льна и павла и громаднаго количества другихъ продуктовъ, одного хлѣба было вывезено за границу болѣе 26¹/₂ мил. четвертей. Получаемые въ обиліи предметы роскоши, разумѣется, идутъ не къ крестьянину. Если мы обратимъ еще вниманіе на тотъ фактъ, что крестьянское населеніе наше не вкусило еще плодовъ нашихъ фабрикъ и заводовъ и не получаетъ отъ нихъ и изъ городовъ почти ничего или очень мало, а добываетъ все необходимое для себя, начиная съ пищи и одежды до сохи и борони, по большей части само дома, то поймемъ, что остальное рабочее населеніе, питающееся его хлѣбомъ и носящее рубашку изъ его льна, работаетъ исключительно на себя или на удовлетвореніе потребностей высшихъ классовъ.—Фабрикъ, производящихъ предметы народнаго потребленія, у насъ очень мало; произведенія ихъ по большей части потребляются въ городахъ и идутъ на вывозъ; городскіе портные шьютъ сюртуки, которые изнашиваются въ городахъ; сапожники дѣлаютъ сапоги, которые также изнашиваются городскими жителями; извозчики (которыхъ въ одномъ Петербургѣ насчитывалось недавно до 30 тыс., а въ Москвѣ еще больше) перевозятъ съ мѣста на мѣсто тѣхъ, которые не производятъ никакихъ матеріальныхъ цѣнностей, которыя потреблялись бы крестьяниномъ и т. д. Еслибы городъ удовлетворялъ еще духовнымъ потребностямъ деревенскаго населенія! Но, за исключеніемъ азбучекъ, да грубыхъ произведеній московскихъ мануфактуристовъ—Манукиныхъ и Леукиныхъ, наводящихъ Россію

глупыми сказками и глубочными картинами, городъ ничего не даетъ деревнѣ. Число работниковъ, безъ всякаго сомнѣнія, еще значительно уменьшается тѣмъ, что не всѣ они круглый годъ пользуются исправнымъ здоровьемъ и что извѣстный процентъ изъ нихъ постоянно болѣетъ хроническими болѣзнями. Извѣстный процентъ отвлекается также постоянно судами, администраціей, исполненіемъ натуральныхъ повинностей, разными житейскими случайностями и проч. Если сосчитать всѣ эти, хоть и весьма небольшія цифры, то изъ нихъ навѣрное получится весьма почтенная цифра. Точно также и число лицъ привилегированныхъ положеній состоитъ обыкновенно изъ самыхъ незначительныхъ, даже микроскопическихъ рубрикъ, а между тѣмъ въ общемъ итогѣ получается громадное число неработающихъ. Самое увеличеніе числа неработающихъ также обыкновенно происходитъ почти незамѣтно, а въ концѣ концовъ выражается огромною цифрою. По свидѣтельству Прудона, число чиновниковъ во Франціи, увеличиваясь постепенно съ 1830 по 1848 годъ, возросло на 30 тыс. человекъ и достигло до 568,365 чел. Изъ каждыхъ 9 человекъ 1 жилъ, такимъ образомъ, на счетъ бюджета государства или общины. Увеличеніе арміи происходило въ это время также по маленьку, но военный бюджетъ съ 323 мил. франковъ увеличился, въ концѣ концовъ, до 535.837,000 фр. Военная служба, обременяя населеніе налогами, отрываетъ въ то же время еще массу гражданъ въ самую лучшую пору ихъ жизни отъ работъ, распредѣляемыхъ вслѣдствіе этого между остающимися, и ложится, слѣдовательно, на послѣднихъ двойною тяжестью. Работать имъ, волею-неволею, приходится черезъ силу, а это сопровождается самыми печальными послѣдствіями: сокращеніемъ жизни, болѣзнями и проч. Въ особенности наглядно проявляются эти послѣдствія на фабрикахъ, гдѣ трудъ тяжелѣе и продолжительнѣе и гдѣ условія труда вообще хуже, тѣмъ въ деревнѣ, вслѣдствіе самаго устройства фабрикъ и вслѣдствіе того, что капиталистическое хозяйство тамъ совсѣмъ уже водворилось. Работа черезъ силу, въ особенности при плохой пищѣ, дѣйствуетъ крайне разрушительно на человѣческой организмъ. Каждый, по всей вѣроятности, знаетъ или слышалъ о большой болѣзненности и смертности рабочихъ и о множествѣ специально-рабочихъ болѣзней. Уменьшеніе роста рекрутъ замѣчено во всѣхъ странахъ, гдѣ только были сдѣланы наблюденія. Ростъ людей достаточныхъ и рабочихъ далеко неодинаковъ — это уже доказано для Франціи, Англии и Бельгіи (Кетлэ). Средняя продолжительность жизни падаетъ въ рабочемъ классѣ до 20 и иногда даже до 16 лѣтъ, смотря по работѣ, а изъ 100 родив-

шихся доживаютъ до 60 лѣтъ среди фабричныхъ только 9 чело­вѣкъ и среди ремесленниковъ 11 чел., тогда какъ у купцовъ средней руки до этого возраста доживаютъ 26 чел. и у людей богатыхъ 45 чел. Въ Англiи средняя продолжительность жизни gentry—44 г., а рабочаго—22 г. (Чадвикъ). Прусскій дворянинъ живетъ 50 лѣтъ, а рабочiй 32 года. Непосильная и недо­статочно-оплачиваемая работа отцовъ вызываетъ на работу дѣ­тей и женщинъ, которыя также непосильно работаютъ. Значе­нiе и послѣдствiя этой работы достаточно оцѣнены К. Марксомъ въ его «Капиталѣ», куда мы и отсылаемъ читателя, желающаго подробнѣе ознакомиться съ означеннымъ вопросомъ. Непосиль­ная работа женщинъ, въ особенности во время беременности, кромѣ непосредственнаго вреда для нихъ, сопровождается, раз­умѣется, вредомъ и для нарождающихся поколѣнiй. Что изъ 100 родившихся въ рабочемъ классѣ до 5 лѣтъ вымираетъ 50%, это несомнѣнно, весьма много зависитъ и отъ тяжелой работы матерей. Непосильная работа дѣтей, начинающаяся съ самаго раннаго воз­раста (есть 8-ми и даже 5-ти-лѣтнiе работники), производитъ оста­новку роста и останавливаетъ развитiе умственныхъ способностей, такъ какъ все питанiе идетъ на работу. Кромѣ того, являются вѣчные спутники подобнаго положенiя вещей—многочисленныя болѣзни и уродства, въ которыхъ въ особенности принимаютъ дѣятельную роль дурно устроенныя машины, заставляющiя ра­ботать только одною какою-нибудь частью тѣла. Тоже самое производятъ и одностороннiя манипуляци, вызываемыя крайнимъ раздѣленiемъ труда. Брюкке, объясняя, почему старинная соло­морѣзка, устроенная такъ, что на ней можно работать всѣмъ тѣломъ, пережила нѣсколько другихъ, даже болѣе совершенныхъ соломорѣзокъ, устроенныхъ иначе, говорить, что машины не­премѣнно «должны быть устроены такъ, чтобы на нихъ возмож­но было работать возможно болѣшимъ числомъ мускуловъ, раз­ными частями тѣла»¹. Но, конечно, фабриканты не стануть читать Брюкке и интересоваться физиологическими и педаго­гическими вопросами. Когда дѣти работаютъ по 14 — 16 и даже болѣе часовъ въ сутки (см. «Капиталѣ» Маркса), то можетъ ли быть даже и рѣчь о физиологическихъ тонкостяхъ?.. Однако, эти тонкости и непосильная работа, въ связи съ наслѣдственностью и бѣдностью, производятъ ужасныя послѣдствiя. Вотъ какую картину представило Ж. Симону юношество Францiи, когда онъ присутствовалъ на одномъ изъ рекрутскихъ наборовъ: «Собрано было всего, говорить Ж. Симонъ:—325 т. молодыхъ людей, дви-

¹ «Учебн. физиологiя». Слб. 1876 г. Т. I, стр. 254.

гающихся передъ нашими глазами. Вотъ впереди идетъ отрядъ изъ 18,106 челов. неуказаннаго малаго роста; за нимъ 80,525 слабосильныхъ, чахоточныхъ и вообще плохого развитія; за нимъ едваковыляють увѣчные, убогіе отъ рожденія и съ разными недостатками: грыжами и т. п., въ количествѣ 15,988 человекъ. Потомъ слѣдуютъ толпы горбатыхъ, хромихъ, кривоногихъ въ 9,100 чел., людей, у которыхъ поражено какое-нибудь внѣшнее чувство (слухъ, зрѣніе)—6,934 чел., за которыми маршируетъ рота зябъ и нѣмыхъ въ 953 чел., далѣе выступаютъ беззубые, въ числѣ 4,118 чел. и полный корпусъ въ 5,114 чел., у которыхъ венерическая болѣзнь исковеркала все, и до 2,529 чел. несчастныхъ людей съ сыпями!.. Наконецъ, являются, грустно связать, 5,213 страдающихъ золотухой и, что еще грустнѣе, 2,158 слабоумныхъ, дураковъ, паралитиковъ и прочихъ душевныхъ больныхъ. Въ хвостѣ этого полчища съ разными убежденіями и болѣзнями двигается еще 8,236 чел.» (Ж. Симонъ «L'ouvrièr», р. 55). Картина, достойная кисти лучшихъ художниковъ XIX ст.! Картина, которая, по своему драматизму и мысли, конечно, пережила бы и затмила бы собою всѣ картины, которыя они пишутъ. Изъ 325,000 французскаго юношества 109,000, т. е. болѣе $\frac{1}{3}$ исковерканныхъ, изуродованныхъ и обезсиленныхъ жизнью. Вотъ почему въ особенности мы и говоримъ, что должно быть обращено скорѣе вниманіе на такое положеніе вещей. Вотъ почему въ особенности многочисленное населеніе, уклоняющееся отъ труда, и должно снять часть тягостей съ людей, обреченныхъ исключительно на физическій трудъ. Это, во-первыхъ, ихъ прямая и нравственная, и гражданская обязанность, а, во-вторыхъ, они при этомъ не только не рискуютъ своимъ благополучіемъ, а должны даже выиграть какъ въ отношеніи здоровья и умственной силы, такъ и въ отношеніи довольства, котораго они не знаютъ, приученные и привыкшіе къ искусственнымъ и болѣею частью грубымъ наслажденіямъ. Въ области умственнаго труда, вслѣдствіе его чрезмѣрности, происходитъ, по всей вѣроятности, тоже самое, что и въ области физическаго труда. Мы получили бы навѣрное такую же печальную картину умственнаго состоянія общества, еслибы какой-нибудь психіатръ-художникъ могъ изобразить его намъ. Мы почти увѣрены въ томъ, что душевная болѣзненность и уродливость такъ же велики въ привилегированныхъ классахъ, какъ и физическая болѣзненность и уродливость рабочихъ. Вопросъ, конечно, очень трудный, но есть всѣ основанія ставить его. Не знаете ли вы множество такихъ людей, «идей и наклонности которыхъ обращаются около одного ограниченнаго кружка, въ сферѣ не-

посредственныхъ нуждъ и заботъ о чувственной природѣ, и, между тѣмъ, какъ они обнаруживаютъ въ этомъ кружкѣ конятность, достаточную живость, даже умѣренное остроуміе—всякая духовная, идеальная жизнь и относящаяся къ ней стремленія кажутся имъ чуждыми?»¹ Вы, конечно, знаете много такихъ людей; таково наше большинство, толкующее по пѣлымъ часамъ объ обѣдахъ, о соусахъ, подливкахъ и проч. Намъ кажется подобное состояніе нормальнымъ, а между тѣмъ для психіатра подобное состояніе очень часто есть «умѣренное психическое расслабленіе». Не знаете ли вы такихъ людей, которые, нисколько не стѣсняясь, выказываютъ свои половыя влеченія самымъ открытымъ образомъ? Душевно-больные часто выказываютъ эти влеченія, и психіатры видятъ въ этомъ болѣзненные симптомы². Не знаете ли вы такихъ людей, которые, находясь какъ бы въ полусонномъ состояніи, выказываютъ равнодушіе къ вѣшнему міру, отсутствіе самостоятельности, непостоянство, слабость воли, внимательности, памяти, инициативы, и вообще всего, что составляетъ внутреннее «я» человѣка? Въ психіатріи это — «характерные признаки» слабыхъ степеней идиотизма, крайнія состоянія котораго не представляютъ уже никакихъ слѣдовъ умственной индивидуальности. Не знаете ли вы такихъ людей, у которыхъ субъективность и эгоизмъ составляютъ преобладающія стремленія въ жизни и доходятъ до узкости? Человѣкъ все относитъ къ себѣ, все сравниваетъ съ собою, думаетъ исключительно о себѣ и т. д. Психіатры видятъ въ этомъ зачастую признаки болѣзни и называютъ такое состояніе ипохондрической субъективностью или ипехондрическимъ эгоизмомъ. Въ этомъ ненормально разросшемся «я», они видятъ «суженіе зрачка духовнаго глаза», такъ какъ до сознанія доходить только единственный видимый имъ предметъ—душевная боль, на которую обращается все вниманіе и которая, подобно физической боли, выступаетъ обыкновенно на первый планъ сознанія и подавляетъ все остальное. Узкій эгоизмъ встрѣчается часто и въ другихъ болѣзняхъ: такъ, напримѣръ, говоря объ идиотахъ, Гринингеръ говоритъ, что они, болѣею частью—«грубые эгоисты и лѣтныя, лѣность которыхъ можно преодолѣть только насиліемъ или растомомъ на наслажденіе». Не знаете ли вы такихъ людей, у которыхъ замѣчается «ужасный внутренній страхъ, которымъ постоянно угрожаютъ несчастія: то больному кажется, будто міръ долженъ скоро уничтожиться; то, что наступаетъ время всеобщаго

¹ Гринингеръ «Душевные Болѣзни».

² Ibid., §§ 23—24.

истребленія; то, что составляются противъ него заговоры, при чемъ нерѣдко появляется идея собственной вины и т. д. Подобное состояніе весьма обыкновенно въ «меланхоліи съ тупоуміемъ». Не знаете ли вы такихъ людей, у которыхъ мышленіе какъ бы ослабло, у которыхъ большой кругъ идей какъ бы забылся, у которыхъ замѣтны: равнодушіе, довольство всѣмъ, добродушная апатія и уменьшенная энергія воли? Это—легкія степени «безсмыслія». Вотъ какъ эту болѣзнь характеризуетъ Гринингеръ, когда она уже развилась вполне: «Добродушная апатія безсмысленныхъ обнаруживается довольно характеристично относительно ихъ положенія въ домахъ умалишенныхъ. Они всѣ почти безъ исключенія переносятъ очень легко свое заключеніе, никогда не составляютъ заговоровъ (хоть число ихъ очень благопріятствуетъ этому); одинъ сторожъ управляетъ ими, какъ стадомъ. Если одного наказали или пристыдили, то это рѣшительно не смущаетъ остальныхъ»¹. Замѣтимъ, между прочимъ, что въ такомъ состояніи люди хорошо ѣдятъ и живутъ подолгу: «въ каждомъ попечительномъ домѣ умалишенныхъ встрѣчаются такіе больные, которые уже многіе десятки лѣтъ находятся въ относительно хорошемъ состояніи здоровья и достигаютъ преклоннаго возраста» (§ 150). Въ безсмысліи, при общемъ помѣшательствѣ, люди даже жирѣютъ иногда (§ 153). Тоже самое замѣчается и въ апатическомъ слабоуміи, въ которомъ питаніе часто вполне удовлетворительно, больные жирны, прозорливы и спятъ крѣпко и продолжительно. Все это, разумѣется, не составляетъ общаго правила и не исключаетъ возможности заболѣванія отъ другихъ общечеловѣческихъ болѣзней. Что касается до долговѣчности, то кретины также живутъ иногда подолгу — до 60—70 лѣтъ (§ 167). Рѣзкихъ и острыхъ формъ душевныхъ болѣзней, разумѣется, мы мало видимъ въ жизни, такъ какъ такіе больные находятся уже въ больницахъ, на рукахъ врачей; но несомнѣнно, что въ жизни чрезвычайно много людей, которые представляютъ собою разныя степенни слабоумія и психическихъ аномалій или несутъ на себѣ, въ видѣ несомнѣнныхъ конституціонныхъ поврежденій, слѣды медленно идущаго или уже закончившагося болѣзненнаго процесса, который могъ происходить тихо, могъ проявляться незамѣтнымъ, терпимымъ и даже неизвѣстнымъ намъ образомъ. Въ особенности подобныя случаи возможны и, вѣроятно, часты въ дѣтскомъ возрастѣ: «всевозможныя психическія разстройства въ дѣтскомъ возрастѣ производятъ тотъ общій результатъ, что задерживаютъ ум-

¹ Ibid., § 147.

ственное развитіе» (§ 163). Область психіатріи—еще очень темная область. Лелю говорилъ, что далеко «не всё помѣшанные находятъ подъ кровомъ домовъ, для нихъ назначенныхъ» и что «отъ полнаго здраваго философскаго ума до совершеннаго помѣшательства есть много степеней, о которыхъ всякому хорошо бы имѣть понятіе» и т. д. Почти тоже высказываютъ и новѣйшіе психіатры: между душевнымъ разстройствомъ и душевнымъ здоровьемъ нѣтъ рѣзкой границы ¹, говоритъ Маудсли. Крайне важно, продвигаетъ онъ, признать между ними пограничную область, но еще важнѣе старательно изучить сомнительные случаи, которыми «книшить эта область». Обыкновенно думаютъ, что всякій больной долженъ непременно кричать, махать руками, ломаться или говорить чепуху, но есть много случаевъ «помѣшательства, гдѣ умственное разстройство мало или вовсе незамѣтно»; даже «нѣкоторыя изъ наиболѣе опасныхъ формъ душевныхъ болѣзней принадлежать именно къ этой категоріи...» ² Сколько затрудненій испытываетъ часто врачъ при экспертизѣ на судѣ; сколько затрудненій испытываютъ часто присяжные! «Я самъ читалъ, говоритъ Гризингеръ:—мнѣніе! спеціалстовъ-психіатровъ, которые, послѣ полугодоваго наблюденія челоуѣка у себя въ заведеніи, не могли рѣшить — сумасшедшій ли онъ, или нѣтъ, и есть нѣсколько старыхъ и болѣе новыхъ случаевъ (Reiner, Stockhausen), что послѣ долгаго спеціального наблюденія знаменитости по психіатріи высказывали совершенно противоположныя мнѣнія» ³. Вообще діагностика психическихъ болѣзней чрезвычайно затруднительна при настоящихъ нашихъ знаніяхъ. Въ симптомологию психическихъ болѣзней входитъ очень мало опредѣленныхъ и несомнѣнныхъ случаевъ, кромѣ которыхъ «есть множество среднихъ состояній, смѣшанныхъ формъ, неполнѣ выразившихся разстройствъ, не соответствующихъ вполнѣ типическимъ формамъ» (§ 72). У многихъ больныхъ нѣтъ утвердившихся безумныхъ представленій, нѣтъ сумасбродныхъ мыслей, или, по крайней мѣрѣ, они ихъ не высказываютъ. Больной нерѣдко «можетъ говорить разумно, здраво, т. е. безъ грубыхъ ошибокъ и невѣрностей, объ обыкновенныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, можетъ различать добро и зло, вѣрно и, повидимому, разсудительно выбирать средства для исполненія своихъ намѣреній, своими дѣйствіями показывать, что онъ признаетъ извѣстные поступки преступными, можетъ избѣгать наказанія и т. д.»; но «несмотря на

¹ Маудсли. «Отвѣтственность при душевн. болѣзни.» Спб. 1875 г. стр. 43.

² Ibid стр. 79.

³ Гризингеръ § 69.

все это, его настроеніе, весь его характер могутъ быть глубоко измѣнены». Подобное состояніе замѣчается въ особенности въ началѣ психическихъ болѣзней: въ умѣренныхъ степеняхъ меланхолиі, *folie raisonnante*, и «очень часто даже въ началѣ параличнаго слабоумія. Если болѣзнь развивается быстро, то скоро, разумѣется, наступаютъ крайнія состоянія, но болѣзнь можетъ идти медленно, можетъ быть задержана или неполнѣ излечена, какъ это болѣею частью и бываетъ, причемъ болѣзнь принимаетъ уже другія формы — формы психическаго расслабленія (полное излеченіе душевныхъ болѣзней достигается очень рѣдко). Положимъ, что во всякой психической болѣзни поражается разсудительность, но это пораженіе разсудительности чрезвычайно разнообразно и имѣетъ много степеней (§ 23). Въ ипохондріи, напр., разсудокъ и даже остроуміе весьма часто сохраняются не только въ комбинаціяхъ на любимую тѣму, но и относительно другихъ объективныхъ предметовъ, и только въ сильныхъ уже степеняхъ болѣзни наступаетъ темное и угрюмое слабоуміе (§ 114). Въ экзальтированномъ помѣшательствѣ также часто нѣтъ очевиднаго расстройтва разсудка: больной, напр., постоянно занимается чѣмъ-нибудь — дѣлаетъ спекуляціи, покупаетъ и продаетъ, строитъ и проч. (§ 139), что дѣлаютъ и здоровые; больной оправдываетъ свои дѣйствія доводами, «которые не выходятъ изъ предѣловъ возможности и не являются положительно безумными». Подобнаго больнаго чрезвычайно легко смѣшать съ чловѣкомъ, имѣющимъ вздорный характеръ, странности и причуды, тогда какъ состояніе его составляетъ маниакальную форму *folie raisonnante*. Состояніе это является медленно и иногда долго остается посрединѣ между выздоровленіемъ и переходомъ въ крайнія его формы — бѣшенство или полное безуміе. Больные не всегда угрюмы, но часто бываютъ веселы, самодовольны, хвастливы, часто танцуютъ, поютъ и проч. Нѣкоторыя болѣзненные состоянія идутъ такъ медленно, что становятся «обычными и переходятъ въ постоянныя особенности характера». Гринингеръ совѣтуетъ не забывать одного: что можно говорить «совершенно здраво, но своими дѣйствіями, поступками и даже упущеніями выказывать душевное расстройство» (§§ 72 и 140). Въ состояніяхъ, противоположныхъ раздражительности, а именно: въ состояніяхъ душевной тупости, діагнозъ также чрезвычайно труденъ, такъ какъ больные часто «совершенно въ своемъ умѣ» (§ 41). Состоянія психическаго расслабленія также весьма разнообразны, начиная съ вялости представленій до полнаго безсмыслія, до совершеннаго распадена духовной жизни. Проявленіе аномальныхъ наклонностей, свободное выраженіе всякихъ желаній, болѣзненнымъ

меченія и прочія странности, которыми отличаются душевно-больные, встрѣчаются и въ «здоровой жизни, частью въ странныхъ привычкахъ и капризныхъ, разсѣянныхъ дѣйствіяхъ, составляющихъ иногда даже какъ бы смѣшное добавленіе многихъ великихъ умовъ, сильно занятыхъ внутренне (что служить поводомъ къ множеству анекдотовъ объ ученыхъ), частью же въ направленіяхъ воли и поступкахъ подъ вліяніемъ страстей и волненій» (§ 47). Такъ называемая невмѣляемость, по мнѣнію Грингера, гораздо чаще является результатомъ временнаго ненормальнаго состоянія: галлюцинацій, возбужденія, путаницы идей и т. д., чѣмъ помѣшательства (§ 47). Словомъ: при настоящихъ нашихъ знаніяхъ, мы не можемъ еще опредѣлить границы между душевнымъ здоровьемъ и болѣзнію, хотя граница эта, безъ всякаго сомнѣнія, существуетъ. Область нашего сужденія значительно расширяется, когда человѣкъ становится трупомъ и тогда мы можемъ исследовать его мозгъ, но и здѣсь, благодаря тому, что подвергается анатомическимъ вскрытіямъ только сравнительно ничтожное количество людей (а при вскрытіяхъ другого рода больныхъ, къ сожалѣнію, на мозгъ обращаютъ только общее, поверхностное вниманіе), мы не знаемъ еще весьма многого; мы знаемъ многія неправильности черепа, знаемъ множество болѣзней мозга — опухоли, отеки, кровоизліянія, отвердѣнія, отложенія, атрофіи, гипертрофіи, разложеніе, атероматозное перерожденіе артерій, остеодиты и т. д., но мы не знаемъ въ тоже время болѣе тонкихъ измѣненій, когда, при несомнѣнной душевной болѣзни, мы не находимъ или, лучше сказать, не можемъ найти въ мозгу измѣненій. Къ сожалѣнію, не всякій врачъ — хорошій химикъ и не у всякаго врача есть порядочный микроскопъ и другіе необходимые инструменты. Къ сожалѣнію, поле научнаго изслѣдованія еще значительно суживается предрасудками, благодаря которымъ многіе родственники умершихъ не позволяютъ врачу коснуться ихъ труповъ. Мы увѣрены, что многіе люди, которыхъ мы считаемъ здоровыми, представляли бы намъ несомнѣнныя патологическія измѣненія мозга. При настоящихъ условіяхъ жизни и уровнѣ общественнаго развитія, мы легко можемъ не замѣчать психическихъ расстройствъ. Полагаться на собственные ощущенія каждаго также нельзя: анестезія душевно-больныхъ была замѣчена во многихъ случаяхъ и подвергалась многочисленнымъ изслѣдованіямъ; не только при элементарныхъ расстройствахъ, но и въ очень глубокихъ поврежденіяхъ, умалишенные «въ большей части случаевъ не имѣютъ ощущенія болѣзни, не признаютъ себя больными и говорятъ, что они вполне здоровы» (§ 48). Еще ме-

нѣе, разумѣется, человѣкъ можетъ сознавать свою глухость. Та симптомологія, которая основана преимущественно на чисто-психическихъ обнаруженіяхъ, каковы, напр., измѣненія воли, памяти, внутренняго «я», эгоизмъ, потеря нравственности, свободы и т. п., несмотря на всю свою шаткость, оказывается гораздо болѣе надежнымъ руководителемъ въ діагнозѣ психическихъ болѣзней, и ею то по большей части и руководствуются психіатры. Чаще всего, какъ увидимъ ниже, въ жизни должны встрѣчаться различныя состоянія психической слабости, умѣренного идиотизма, недостаточнаго и неправильнаго развитія. Говоря о кретинизмѣ, Гривингеръ высказываетъ, что бесполезно было бы устанавливать много степеней и переходовъ кретинизма, но «совершенно справедливо» различать кретиновъ и полукретиновъ, потому что послѣднія состоянія «переходятъ, помощью безчисленнаго количества промежуточныхъ степеней, безъ всякихъ границъ, незамѣтно въ здоровое состояніе» (§ 155). Тоже самое, конечно, можно сказать и объ идиотизмѣ, гдѣ такое множество степеней, гдѣ также есть полудиоты или такіе, у которыхъ слишкомъ рано остановилось развитіе—«отсталые», гдѣ есть цѣлая обширная категорія тупоумныхъ людей съ прирожденными или усвоенными въ раннемъ возрастѣ склонностями къ злобѣ, жестокости и т. п., но которые успѣли развиться настолько, чтобы жить самостоятельно въ свѣтѣ. Вирховъ, кромѣ разныхъ другихъ отличій кретинизма отъ идиотизма, различаетъ ихъ еще слѣдующимъ образомъ: то, что появляется вслѣдствіе территориальныхъ условій ночвы и мѣстности, есть кретинизмъ, а что вслѣдствіе социальнихъ условій—идиотизмъ. Можетъ быть такое опредѣленіе и несовсѣмъ точно, такъ какъ кретинизмъ встрѣчается и въ большихъ городахъ у живущихъ въ низменныхъ, переполненныхъ, душныхъ и холодныхъ помѣщеніяхъ (Гривингеръ § 157), причемъ мiasmатическое вліяніе, въ связи съ другими причинами, вліяютъ, вѣроятно такъ же, какъ и мѣстность, тѣмъ не менѣе, оно весьма характерно. Во всякомъ случаѣ, это двѣ параллельныя болѣзни, изъ которыхъ одна гораздо болѣе изслѣдована, чѣмъ другая. Замѣчательно, что въ мѣстностяхъ, гдѣ кретинизмъ составляетъ эндемическую болѣзнь, встрѣчаются дѣйствительно всѣ типы неправильнаго развитія головы и тѣла и на всемъ населеніи лежитъ какой-то особый отпечатокъ: встрѣчаются кретины, полукретины, глупцы и проч. Даже тѣ индивидуумы, которые считаются здоровыми и разумными, болѣею частью некрасивы, ограничены, лѣнны; попадаетса между ними также «множество узкихъ филистеровъ, которые нѣкомъ образомъ не вознаграждаютъ недостатокъ ума хорошими душев-

ными качествами» (§ 172). Тоже самое, по всей вѣроятности, производить и идиотизмъ: по всей вѣроятности, на всемъ населеніи, живущемъ въ ненормальныхъ социальныхъ условіяхъ и въ особенности подвергающемся дурному воспитанію, лежитъ отпечатокъ этого состоянія. Существенный характеръ всѣхъ идиотическихъ состояній есть слабость представленій и служенія духовнаго міра, которыя далеко не всегда распространяются на всѣ стороны психической жизни; въ нѣкоторыхъ случаяхъ отдѣльныя и даже довольно обширныя представленія «остаются свободными и способными даже къ значительному развитію» (§ 156). У идиотовъ замѣчается нерѣдко особенная ловкость и даже односторонніе таланты: механической, музыкальный, арифметическій, память словъ, знаковъ, мѣстности и т. п. Морель приводитъ въ примѣръ одного нѣмого идиота, который выказывалъ «чрезвычайный талантъ въ игрѣ на барабанѣ». Положимъ, что таланты наследуются (отецъ только-что указаннаго идиота былъ барабанщикъ, дѣдъ—тамбур-мажоръ), но идиоты способны оказывать успѣхи и въ воспитаніи: они могутъ дѣлаться даже пригодными къ какой-нибудь «полезной, подражательной, не требующей собственной инициативы дѣятельности», могутъ становиться приличными по своимъ мыслямъ и поступкамъ, въ весьма, впрочемъ, «узкомъ кругѣ обыденной жизни». Воспитываемые и находящіеся въ лучшей обстановкѣ идиоты значительно разнятся по способностямъ отъ заброшенныхъ безъ вниманія (§ 163). «Мы видѣли, говорить профессоръ Сенкей:—прекрасное судно, построенное идиотомъ въ въ Эрсвудѣ; другой идиотъ могъ отвѣчать почти на каждый вопросъ изъ англійской исторіи ¹⁾. Нѣкоторые идиоты, продолжаетъ Сенкей:—проявляютъ большія способности въ собираніи и копленіи денегъ, что считается, какъ извѣстно, въ нашъ денежный вѣкъ чуть ли не главнымъ признакомъ умственныхъ способностей. Затѣмъ, классифицируя различныя виды умственного расстройства, онъ указываетъ еще на «слабоумныхъ», которые безвредны и добросовѣстно исполняютъ возложенныя на нихъ обязанности, и на особый «обширный классъ» лицъ, встрѣчаемыхъ въ обществѣ, которыхъ обыкновенно не причисляютъ къ идиотамъ, но которые имѣютъ слабыя умственныя способности. Маудсли также приводитъ въ примѣръ нѣкоторыхъ слабоумныхъ, которые развились въ одномъ какомъ-либо направленіи: «Они, говоритъ онъ:—обнаруживаютъ, напр., поразительную память къ разнымъ подробностямъ, хорошо помнятъ числа, цифры, имена, мельчайшія обстоятельства, сопровождавшія какое-нибудь отдаленное со-

¹ У. Сенкей. «Лекціи о душевн. болѣзни.» Омб. 1868 г.

бытіе, пре которое они воспоминають и рассказываютъ съ величайшею точностію и вѣрностію; или же отличаются какими-нибудь особенными механическими талантами; или, наконецъ, обнаруживаютъ хитрость, которая, новидимому, стоитъ въ совершенномъ противорѣчій съ ихъ общею умственною тупостію»¹.

Еслибы мы отъ этихъ сомнительныхъ случаевъ обратились за справками къ статистицѣ, даннымъ которой хотя и весьма неточны, но въ общемъ все таки имѣютъ нѣкоторое значеніе, то и тутъ увидѣли бы слѣдующее: число самоубійствъ и душевнобольныхъ значительно возрастаетъ за послѣднее время. Что касается до самоубійствъ, то въ этомъ можно убѣдиться, начиная съ работъ Каспера въ Берлинѣ и французской официальной статистики министерства юстиціи, по многихъ изслѣдованіямъ. Что же касается собственно до увеличенія сумасшествій, то по этому поводу также имѣется не мало данныхъ и съ этимъ согласно большинству нынѣшнихъ психіатровъ. Число умалишенныхъ прежде полагали для средней Европы: 1 на 1,000 жителей; въ настоящее время для Европы и Америки это отношеніе принимается среднимъ числомъ въ 1 на 500 жит., причеиъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пропорція мѣняется до 1 на 100 жит. (Могсаи). Можетъ быть, это увеличеніе отчасти зависѣло отъ болѣе точныхъ приеиовъ статистики и увеличенія числа домовъ призранія, но несомнѣнно, что происходило и происходитъ и увеличеніе сумасшествій. Въ Виртембергѣ въ теченіе 21 года отношеніе 1 къ 1,500 измѣнилось въ 1 къ 943. Утверждаютъ, что въ Англіи число умалишенныхъ удешарилось за 20 лѣтъ (Bucnill and Tuke Psychol. med.). Если это свидѣтельство возбуждаетъ сомнѣніе, то несомнѣнно, что число сумасшествій въ Англіи между молодыми учительницами, гувернантками и т. д. печально велико (Гривингеръ). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, приблизительное число умалишенныхъ въ городахъ было слѣдующее: въ Лондонѣ 1 изъ 200, въ Парижѣ 1 изъ 222, въ Миланѣ 1 изъ 242, въ Туринѣ 1 изъ 344, во Флоренціи 1 изъ 338, въ Дрезденѣ 1 изъ 466 и въ Петербургѣ 1 изъ 3,142 (Дескюре). Гривингеръ раздѣляетъ мнѣніе большей части нынѣшнихъ психіатровъ, что число умалишенныхъ за послѣднее время дѣйствительно возрастаетъ и что обстоятельство это находится въ связи съ нынѣшними общественными условіями: усиленіемъ мозговой дѣятельности, отклоненіемъ отъ простыхъ нравовъ, распространеніемъ искусственныхъ, духовныхъ и физическихъ наслажденій, что ведетъ за собою новыя, неизвѣстныя

¹ Г. Маудсли «Отвѣты. при душев. болѣзи», гл. III, стр. 75.

прежде наклонности и страсти и т. д. (§ 85). Тоже самое высказываетъ и Гисленъ, а именно: что условія новѣйшаго общества въ Европѣ и Америкѣ поддерживаютъ общее раздраженіе мозга, похожее на опьяненіе, далеко отклонившееся отъ естественнаго и нормальнаго состоянія и предрасполагающее къ душевнымъ разстройствамъ. Бриерръ-де-Буамонъ высказался еще рѣшительнѣе; онъ говоритъ: чѣмъ больше цивилизація, тѣмъ чаще и разнообразнѣе сумасшествія. И дѣйствительно, на волю замѣчается слѣдующій фактъ: тамъ вообще гораздо меньше сумасшествій, чѣмъ въ Европѣ, но въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ водворилась европейская цивилизація, отношенія сравниваются (Гринингеръ, § 84). Крупныя историческія событія, общественныя бѣдствія, горькія разочарованія, честолюбивыя стремленія, рискованныя предпріятія и вообще все то, что вызываетъ сильныя душевныя волненія, психіатры считаютъ въ числѣ причинъ, увеличивающихъ сумасшествія. Бригамъ изъ Бостона утверждаетъ, что число умалишенныхъ въ Америкѣ очень велико, благодаря торговому, политическому и религіозному возбужденію. Въ домахъ умалишенныхъ дѣйствительно немало Мессій, Крезовъ, Александровъ Македонскихъ, претендентовъ на разные престолы, банкировъ, королей, князей и прочихъ знатныхъ и богатыхъ особъ. Но «замѣчательно то, какъ говоритъ Гринингеръ, что большіе политическіе перевороты имѣютъ гораздо меньшее вліяніе на число сумасшествій, нежели можно было ожидать этого а priori. Эскироль замѣтилъ это уже относительно первой французской революціи; революціонныя движенія 1830, и въ особенности 1848 года, не произвели также, какъ видно изъ многочисленныхъ свѣдѣній, собранныхъ во Франціи и Германіи (чему противорѣчитъ статистика одного, можетъ быть, Бриерръ-де-Буамона), никакого или только незначительное увеличеніе числа сумасшествій» (§ 85). Точно стремленіе къ свободѣ составляетъ волю естественное и безвредное для ума стремленіе, а стремленія къ наживѣ, знатности и разнымъ другимъ цѣлямъ вредны? Хотя для объясненія этого и есть нѣкоторые данныя, но удержимся пока отъ обобщеній. Что же касается до другого факта—что во Франціи вообще нѣсколько меньше сумасшествій, чѣмъ въ другихъ странахъ—то онъ, какъ намъ кажется, можетъ быть объясненъ тѣмъ, что нація съ лучшею матеріальною обстановкою, съ болѣе сильнымъ внутреннимъ «я», нація, успѣвшая лучше приспособиться къ общественнымъ условіямъ и согласовать интересы личности и общества съ наименьшею потерею свободы, лучше противустоятъ въ общемъ круговоротѣ вредныхъ вліяній отклоненію отъ перво-

бытныхъ нравовъ и дурной системѣ воспитанія (которая во Франціи также весьма неудовлетворительна), причемъ, замѣтимъ между прочимъ, собственно система чрезмѣрнаго воспитанія не можетъ значительно измѣнять общаго $\%$ душевно-больныхъ, такъ какъ чрезмѣрному воспитанію подвергаются только весьма немногіе, только привилегированные классы, на которыхъ она и производитъ все свое вредное вліяніе. Относительно сумасшествій по сословіямъ нѣтъ пока статистическихъ работъ, а безъ нихъ трудно представить безспорныя цифры, въ особенности, при условіяхъ, когда богатые держатъ больныхъ дома, стыдятся обнаружить положеніе своихъ родственниковъ и воспитываютъ идиотовъ настолько, что они становятся приличными для обыкновенной свѣтской жизни, и когда, съ другой стороны, голодъ, бѣдность и нужда низшихъ классовъ являются также весьма сильными причинами душевныхъ болѣзней. Но вообще можно съ большою увѣренностью думать, что высшіе классы представляютъ бѣльшее число душевно-больныхъ. Это замѣчено уже весьма многими учеными. Чѣмъ меньше физическаго труда требуетъ занятіе, тѣмъ оно даетъ больше сумасшествій, говоритъ Ferrus. Гривингеръ подчеркиваетъ фактъ значительной наследственной идиотіи среднихъ и высшихъ классовъ. Мартини, наблюдавшій въ теченіи 25 лѣтъ душевно-больныхъ, нашелъ въ высшихъ классахъ $\frac{1}{3}$, а въ среднемъ и низшемъ $\frac{1}{4}$ случаевъ «официально доказанной наследственности» сумасшествия. Эскироль нашелъ ее у бѣдныхъ нѣсколько болѣе $\frac{1}{4}$, а у богатыхъ около $\frac{3}{5}$. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что наблюденія производились опять-таки преимущественно въ домахъ умиащенныхъ, гдѣ бываетъ сравнительно мало богатыхъ. Но намъ собственно неособенно интересны цифры официально-сумасшедшихъ; насъ гораздо больше интересуютъ тѣ общіе продукты школы и жизни, которые считаются прекрасными и здоровыми продуктами, но которые, въ сущности, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, представляютъ собою больныхъ людей. Психіатрія или не имѣетъ для нихъ масштаба, или не имѣетъ никакой возможности сдѣлать ихъ предметомъ своего изслѣдованія, потому что они представляютъ собою слишкомъ громадную массу. Чрезмѣрное спиритуалистское воспитаніе и неправильная жизнь должны производить чрезвычайно вредныя психическія вліянія. Наслѣдственность, которая, въ данномъ случаѣ, хотя и не играетъ бѣльшей роли, чѣмъ въ другихъ болѣзняхъ, тѣмъ не менѣе должна, конечно, только упрочивать вредныя вліянія и должна являться весьма важнымъ факторомъ въ предрасположеніи молодыхъ поколѣній къ душевнымъ болѣзнямъ. Бли-

жайшія причины душевныхъ болѣзней у дѣтей, говоритъ Грингеръ, лежатъ «въ раздражительности мозга, частью прирожденной, частью возбужденной дурнымъ воспитаніемъ» (§ 87). Но воспитанію оный, повидимому, придаетъ большую роль, чѣмъ наслѣдственности: указывая на то, какъ часто начало болѣзни кроется въ раннемъ періодѣ дѣтства, когда характеръ только-что слагается, оный говоритъ, что вполне раздѣляетъ мнѣніе Адлера — что въ наслѣдственности сумасшествія имѣетъ большое значеніе «позднѣйшее заимствованіе особенностей характера», когда ребенокъ подражаетъ извращеннымъ жизненнымъ воззрѣніямъ и направленіямъ, которыя и препятствуютъ развитію здоровой душевной жизни. Что касается собственно до воспитанія, то вліяніе его на психическую сторону человѣка чрезвычайно обширно и сложно. «Главнымъ недостаткомъ воспитанія, говоритъ цитируемый нами авторъ: — можно считать слишкомъ раннее умственное напряженіе, при которомъ преждевременность духовныхъ процессовъ задерживаетъ здоровое физическое развитіе, производитъ слишкомъ сильное раздраженіе мозга и кладетъ зародышъ позднѣйшей болѣзненности и слабости. Но еще важнѣе вредныя и извращенныя вліянія на чувство и волю ребенка; бываютъ случаи, что чрезмѣрная строгость, холодное, отталкивающее обращеніе родителей съ дѣтьми, постоянное оскорбленіе и подавленіе чувствъ ребенка препятствуютъ развитію хорошихъ естественныхъ склонностей и нѣжныхъ привязанностей. Это уже съ ранняго возраста производитъ въ человѣкѣ тяжелое противорѣчіе съ внѣшнимъ міромъ» и т. д. (§ 94). Насилованіе дѣтскихъ наклонностей и стремленій, когда, напр., человѣкъ хочетъ быть священникомъ, а его дѣлаютъ мясникомъ, когда оный хочетъ быть историкомъ, а его дѣлаютъ математикомъ, и т. п., также можетъ быть причиною душевныхъ болѣзней: «если человѣкъ принужденъ заниматься однимъ, тогда какъ всѣми своими душевными силами оный стремится къ другому, то это производитъ очень часто продолжительныя душевныя движенія, изъ которыхъ развивается даже сумасшествіе» (§ 30). Въ другомъ мѣстѣ Грингеръ говоритъ, что «психическая боль можетъ быть возбуждена всѣмъ, что нарушаетъ нормальный ходъ и послѣдовательную связь представлений, составляющихъ человеческое «я», и такимъ образомъ ограничиваетъ свободу этого «я»... (§ 21). Психическія разстройства въ дѣтскомъ возрастѣ, какъ мы говорили уже, въ большинствѣ случаевъ имѣютъ общій характеръ — остановку дальнѣйшаго психического прогресса: неокрѣпшій еще дѣтскій умъ быстро приходитъ къ конечнымъ состояніямъ, проявляющимся остановкою развитія...» (§ 87). Разстройство физическаго

здоровья, къ которому такъ небрежна шлола, также во многихъ случаяхъ является причиною душевныхъ болѣзней. «Болѣзнь мозга очень часто возникаетъ только тогда, когда уже, послѣ долгихъ колебаній, постепенно установилось и развилось глубоко патологическое измѣненіе въ какой-нибудь другой части организма (§ 90). Хроническія болѣзни всего организма очень часто бываютъ причиною сумасшествія (§ 106); чахотка (tuberculosis) весьма нерѣдко производитъ душевное расстройство (§ 106); болѣзни сердца, артерій, брюшныхъ и половыхъ органовъ, въ особенности во время полового развитія, также могутъ быть причинами душевныхъ болѣзней (§§ 107—8). Мы считаемъ нужнымъ указать еще на слѣдующее: существуетъ весьма распространенное мнѣніе, и мнѣніе, въ которомъ есть нѣкоторая доля истины, что, однако, не мѣшаетъ ему быть вполне невѣрнымъ: что слабость, нѣкоторая болѣзненность организма и нѣкоторые нервы благоприятны и составляютъ даже какъ бы нѣкоторое условіе для высокой умственной дѣятельности. Приводятъ обыкновенно въ примѣръ нѣкоторыхъ великихъ людей, имѣвшихъ слабое здоровье, приводятъ въ примѣръ галлюцинаціи Тассо, Гёте, В. Скотта, Спинозы, Паскаля, странности нѣкоторыхъ ученыхъ и т. п. По этому поводу въ особенности хорошо говоритъ Спенсеръ въ своей психологіи, мысли котораго мнѣ хотѣлось бы, однако, нѣсколько болѣе разъяснить. Онъ говоритъ, что, вслѣдствіе унаслѣдованныхъ особенностей, вслѣдствіе особенностей воспитанія и образа жизни, «высокія психическія обнаруженія извѣстныхъ родовъ могутъ существовать вмѣстѣ съ слабымъ тѣлосложеніемъ», но что это—скорѣе отступленіе отъ общаго правила, чѣмъ правило, потому что всегда можно «прослѣдить связь между обиліемъ физической силы и энергіею мысли и чувства, а также между дряблостью тѣлосложенія и сравнительною инертностью, какъ умственной, такъ и эмоціональной»¹. Когда нервная система дѣйствуетъ подъ высокимъ давленіемъ, то этому соответствуетъ возникновеніе идей болѣе ясныхъ, болѣе многочисленныхъ и обширныхъ, «область сознанія въ одно и тоже время и расширяется, и проясняется». Человѣкъ обнаруживаетъ изобиліе идей, находчивость, рѣшительность, присутствіе духа и не боится трудностей. И наоборотъ: у человѣка, нервная система котораго дѣйствуетъ подъ низкимъ давленіемъ, «мысли приходятъ медленно и тянутся одною нитью вмѣсто того, чтобы являться быстро, цѣлою колонною» и т. д. Спенсеръ сопоставляетъ рядомъ молодые и старыя умы, способности людей силь-

¹ Г. Спенсеръ. «Основанія Психологіи». т. II, стр. 326.

наго тѣлосложенія и слабыхъ, состоянія возбужденія и угнетенія въ одномъ и томъ же индивидуумѣ и особенно наглядно подтверждаетъ только-что сказанное анализомъ сна. И въ самомъ дѣлѣ, когда наступаетъ сонъ, то очень легко прослѣдить, какъ мысль слабѣетъ, какъ количество идей уменьшается и наиболѣе сложныя и слабыя связи между ними нарушаются. Сначала «мысль покидаетъ свои наиболѣе отдаленныя и наименѣе избитыя пути и ограничиваетъ свои экскурсіи наиболѣе знакомыми и часто посѣщаемыми тропинками; замѣчанія и наметки, имѣющіе характеръ общихъ мѣстъ, замѣняютъ собою остроуміе и серьезное разсужденіе». Служиваясь далѣе, сознание мало-по-малу обезличивается составленнымъ «чуть не изъ однихъ только тѣхъ почти автоматическихъ истолкованій впечатлѣній, получаемыхъ отъ окружающихъ предметовъ, которыя составляютъ узнаваніе этихъ предметовъ». Наконецъ, когда кровообращеніе упало до требуемой высоты, то перестаютъ быть узнаваемы даже мѣста и лица.¹ Съ другой стороны мы знаемъ слѣдующее: въ то время, какъ между различными нашими способностями существуетъ антагонизмъ, борьба за ту долю энергіи и матерьяловъ, которые они получаютъ изъ общаго запаса питанія, въ тоже время между ними существуетъ такая глубокая солидарность, что правильная и тѣмъ болѣе высокая дѣятельность каждой изъ нихъ обуславливается правильною дѣятельностью другихъ. Какъ движеніе, пищевареніе, эмоціи и проч. могутъ ослаблять умъ до того, что «самыя простыя отношенія идей становятся слабыми и смутными», точно также и наоборотъ—усиленная умственная дѣятельность можетъ ослаблять другія способности въ весьма значительной степени. Здѣсь-то вотъ именно и весьма легко смѣшать причину съ слѣдствіемъ, принявъ усиленную умственную дѣятельность за слѣдствіе, когда она, по всей вѣроятности, составляетъ причину нервности, болѣзненности и вообще физическаго ослабленія. Но ослабленіе это, выражающееся, разумѣется, въ ослабленіи и разстройствѣ соответственныхъ органовъ, можетъ идти только до извѣстнаго предѣла, за которымъ самое отправленіе мозга начнетъ дѣлаться слабымъ, неправильнымъ и болѣзненнымъ. Такимъ образомъ: высокія психическія обнаруженія, вѣроятно, возможны только въ весьма умѣренно и условно ослабленныхъ организаціяхъ, или же они возможны только въ теченіи болѣе или менѣе ограниченнаго времени, т. е., пока ослабленіе организма не перешло роковаго предѣла, при чемъ замѣтимъ, между прочимъ, что искусственно поддерживать

¹ Ibid., стр. 329—30.

ослабленіе на одномъ уровнѣ чрезвычайно трудно, въ особенности если ослабляющая причина будетъ дѣйствовать постоянно, что слабыя организациі весьма расположены къ заболѣваніямъ и т. д. Истина высокаго психическаго отправления лежитъ, вѣроятно, въ равномѣрномъ и всестороннемъ развитіи человѣка, съ такимъ порядкомъ отправления, чтобы умственная дѣятельность поглощала весь избытокъ питанія, который пошолъ бы на излишнюю дѣятельность другихъ органовъ. Что касается собственно до психическихъ обнаруженій при болѣзненномъ раздраженіи мозга, то объ этомъ можно сказать слѣдующее: гиперемическій мозгъ, дѣйствительно, на самыя слабыя впечатлѣнія будетъ реагировать съ такою силою, съ какою онъ, при обыкновенныхъ условіяхъ, не могъ бы реагировать; мышленіе можетъ сдѣлаться яснѣе, живѣе и проч., но подобныя состоянія чисто случайны, весьма неустойчивы и непрочны. Ждать при подобныхъ условіяхъ, однихъ и тѣхъ же соотносительныхъ психическихъ эффектовъ нельзя. Первое вещество имѣетъ чрезвычайно нѣжное, сложное и столь подвижное молекулярное строеніе, которое каждую минуту готово, при малѣйшемъ измѣненіи условій, переходить изъ одного своего изомерическаго состоянія въ другое, и потому достаточно самаго незначительнаго давленія, чтобы оно начало реагировать совершенно иначе. Увеличѣся на самую незначительную степень гиперемія — а руководить тѣмъ, чтобы она не увеличивалась и не уменьшалась полагаемъ, очень трудно, если только не невозможно — и мы услышимъ бредъ, увидимъ галлюцинаціи... Примѣръ этому можно видѣть въ умѣренныхъ степеняхъ психической экзальтации: сначала является усиленіе «адоровой (?) способности мышленія», воспоминанія оживаютъ, память усиливается, является иногда остроуміе, смѣлость сужденія и проч.; но скоро количественное возбужденіе достигаетъ такого предѣла, что наступаетъ быстро-тѣснящаяся послѣдовательность представленій, которыя слѣдуютъ другъ за другомъ съ какою-то дикою торопливостью, безъ всякой опредѣленности и связи между собою: «впечатлѣнія часто измѣняются галлюцинаціями и иллюзіями», въ сознаніи возникаетъ неограниченное количество образовъ, фразъ, словъ, чиселъ, которые возникаютъ совершенно изолированно другъ отъ друга и т. д. ¹ (Гризингеръ). Рядомъ съ вышеуказанными фактами нервныхъ отправления подъ высокимъ и слабымъ давленіемъ существуетъ тотъ несомнѣнный фактъ, что одно изъ условій правильной нервной дѣятельности заключается

¹ Ibid., стр. 135.

въ отсутствіи слишкомъ большаго давленія. ¹ «Если питаніе ка-кого-нибудь мозгового сплетенія, говоритъ Спенсеръ:—очень сильно измѣнено въ качественномъ отношеніи вслѣдствіе значительнаго избытка крови, то есть большая вѣроятность, что мысли и чувства, берущія здѣсь начало, будутъ усилены въ такой степени, которая превратитъ ихъ въ иллюзію — и вотъ мы имѣемъ мономанію или однопредметное помѣшательство». ² Когда хроническое разстройство сосудистой системы или разстройство питанія распространяется не на одно, а на многія или на всѣ мозговья сплетенія, то является общее помѣшательство. Но этого мало: состояніе гипереміи, продолжаясь долго, производитъ структурныя измѣненія во всѣхъ тканяхъ, которыя она охватывала. «Усиливая на нѣкоторое время въ слишкомъ значительной степени норму молекулярнаго обмѣна, производя утолщенія и отложенія и покидая нервный аппаратъ въ состояніи деградаціи, несовмѣстимой съ надлежащимъ выполненіемъ его отправления, гиперемія можетъ—послѣ того, какъ она дѣлала соотносительныя психическія состоянія черезъ мѣру живыми—закончиться ослабленіемъ этихъ же самыхъ психическихъ состояній и произвести такимъ образомъ другую форму душевной болѣзни, отличную отъ первоначальной ея формы». Такъ оно дѣйствительно и бываетъ въ большинствѣ случаевъ. Возвышенныя настроенія обыкновенно смѣняются разслабленіемъ. Но и этого мало: есть всѣ основанія сомнѣваться въ правильности и безошибочности всякаго усиленнаго болѣзненнымъ процессомъ мозга мышленія. Не только сильныя, но даже слабыя нервныя разстройства «должны часто возбуждать смутныя и неопредѣленныя субъективныя ощущенія, которыя могутъ примѣшиваться къ чувствованіямъ объективнаго происхожденія и измѣнять ихъ качественный характеръ». Такъ что, если болѣзненно-раздраженный нервный аппаратъ и проявлялъ высокую психическую силу, то проявлялъ ее часто случайно, прійдя случайно въ наиблагоприятнѣйшее для этого состояніе. Еслибы мы произвели наблюденія, то навѣрное нашли бы немало примѣровъ какъ скорого упадка душевныхъ силъ и сумасшествій, такъ и глубокихъ разстройствъ физическаго здоровья и смертности людей, обнаруживавшихъ высокую умственную дѣятельность при такихъ обстоятельствахъ. Развѣ мало та-кихъ случаевъ, что человѣкъ занимался мирною паукою, потомъ вдругъ превратился въ Наполеона? развѣ профессоръ Титель не отправился въ сумасшедшій домъ римскимъ императоромъ? Развѣ мало такихъ случаевъ, что блестящія способности вдругъ

¹ Спенсеръ «Основ. Псих.» т. I, стр. 75.

² Ibid., т. II, стр. 346.

становились самыми должными, даже как бы пониженными и вообще значительно измененными? Развѣ Ньютонъ, открывшій прежде тяготѣніе, впоследствии не доказывалъ, что папа—антихристъ? развѣ Огюсть-Контъ, раздвинувшій границы нашего духовнаго міра, не писалъ затѣмъ много глупостей? и т. д. Развѣ мало больныхъ ученыхъ и молодыхъ высокихъ силъ, преждевременно сошедшихъ въ могилу?! Ради того, чтобы открыть что-нибудь въ родѣ ньютоновскаго тяготѣнія и создать нѣчто въ родѣ философіи О. Конта, можетъ быть, и стоило бы стремиться привести возможно большее количество умовъ въ подобное состояніе; но вся бѣда въ томъ, что мы не знаемъ—каково именно это состояніе и при какихъ условіяхъ оно получается; затѣмъ, какъ увидимъ ниже, воспитаніе большинства великихъ людей, не исключая даже и самого Ньютона, было нѣсколько инымъ, чѣмъ наше, и, во всякомъ случаѣ, наше чрезмѣрно спиритуалистское воспитаніе, доводящее нервную систему дѣтей до болѣзненнаго состоянія, можно считать далеко нераціональнымъ. Когда на одно вѣрное открытіе приходится чуть ли не миллионъ ученыхъ глупостей, когда на одного великаго ученаго приходятся миллионы сумасшедшихъ и простыхъ резонеровъ, которые превращаются въ сторожей науки и простыхъ перетирателей хлама, то, кажется, можно считать условія, производящія такое умственное состояніе, нераціональными. Высокія психическія обнаруженія слабыхъ и болѣзненныхъ организацій представляютъ собою еще чрезвычайно интересное явленіе въ вопросахъ наследственности: они не выживаютъ въ лицѣ потомства, они представляютъ ненормальныя отступленія «отъ того конституціоннаго равновѣсія, которое необходимо для выживанія въ лицѣ черезъ будущія поколѣнія»... Спенсеръ преимущественно съ этой точки зрѣнія и смотритъ на высокія психическія обнаруженія, существующія вмѣстѣ съ слабымъ тѣлосложеніемъ. Потомство ихъ оказывается хилымъ, слабымъ, все болѣе и болѣе вырождается и вымираетъ. Кроме того, можно замѣтить слѣдующее: вслѣдствіе ли физической слабости и болѣзненности организма, вслѣдствіе ли какого-либо особеннаго состоянія, въ которое приходитъ мозгъ подъ вліяніемъ чрезмѣрныхъ занятій и т. п. по какимъ-либо другимъ причинамъ, но высокія психическія способности, по крайней мѣрѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не передаются потомству, что составляетъ какъ бы противорѣчіе всѣмъ законамъ наследственности. Всѣмъ полагаемъ, навѣстенъ тотъ фактъ, что великіе люди либо совсѣмъ не имѣли дѣтей, либо имѣли такихъ дѣтей, которыя были далеко не такъ велики, какъ отцы. Мы имѣемъ, правда, нѣсколько примѣровъ

наслѣдственности талантовъ и способностей, но случаи эти весьма рѣдки, состоятъ по большей части изъ умѣренныхъ дарованій и точно будто произошли при особыхъ, исключительныхъ условіяхъ, составляя, такимъ образомъ, какъ бы исключеніе изъ общаго правила вмѣсто того, чтобы представлять собою правило. Въ сочиненіяхъ о наслѣдственности можно встрѣтить множество натажекъ: то, что у такого-то гениальнаго человѣка была гениальная дочь, гений которой впрочемъ не проявился; то, что всѣ дѣти такого-то поэта отличались поэтическимъ талантомъ, который не развился, и проч.; но все это нисколько не опровергаетъ того факта, что дѣти большинства великихъ людей не только не выше ихъ и не равны имъ по силамъ, какъ этого можно было бы ожидать, но являются людьми самыми обыкновенными и нерѣдко даже глуповатыми. Мы боимся вдаться здѣсь въ подробности и скажемъ лучше о другомъ, до извѣстной степени аналогичномъ съ только-что указаннымъ фактъ, а именно: въ массѣ привилегированной интеллигенціи наслѣдственная передача умственныхъ способностей также далеко не сопровождается тѣми результатами, какихъ слѣдовало бы ожидать а priori. Мы не замѣчаемъ здѣсь, во-первыхъ, значительнаго общаго умственнаго роста: общій умственный уровень среднихъ и высшихъ классовъ весьма невысокъ; люди (работники), которые въ теченіи многихъ поколѣній чрезмѣрно работаютъ физически и очень мало занимаются умственно, люди, которые далеко должны были бы отстать отъ занимающихся умственно, оказываются на повѣрку вовсе не такъ далеко отставшими: отдѣльныя личности изъ низшихъ классовъ, которымъ удается получить необходимое образованіе, очень часто становятся въ первые ряды интеллигенціи. Затѣмъ мы замѣчаемъ въ привилегированной средѣ врожденное расположеніе къ слабоумію и сумасшествію, что отчасти, можетъ быть, зависитъ, какъ объясняетъ это Гринингеръ (хотя это и подлежитъ еще сомнѣнію), отъ замкнутости сословій и недостаточности обновленія другою кровью, ибо «явственно замѣтно въ высшихъ классахъ нѣкоторыхъ странъ врожденное расположеніе къ помѣшательству, замѣтно также въ еврейскомъ населеніи и въ особенности у англійскихъ квакеровъ» (§ 92); но главную роль здѣсь играетъ, разумѣется, чрезмѣрное воспитаніе, односторонняя умственная дѣятельность, небрежное отношеніе къ физическому здоровью и вообще далеко неестественная жизнь. Человѣчество можетъ придти къ вырожденію, кромѣ разстройствъ своего здоровья и физическихъ болѣзней, и другимъ путемъ: постоянно увеличивающаяся передача предрасположенія къ душевнымъ болѣзнямъ «приводитъ, наконецъ,

къ формамъ ослабленія, къ слабоумію и идиотизму, и, такъ какъ субъекты этого послѣдняго рода мало сдособны къ размноженію, то съ ними и погасаетъ подобная раса совершенно» (Морель, Маудсли, Грингеръ). Вырожденіе отдѣльныхъ семействъ можно иногда замѣтить, но вырожденіе цѣлыхъ сословій и тѣмъ болѣе расъ идетъ обыкновенно очень медленно. Ослабленіе и ухудшеніе двигается постепенно: «долгое время наслѣдственное вліяніе замѣчается только въ нѣкоторыхъ членахъ семейства, тогда какъ другіе отличаются часто необыкновенными умственными способностями, и даже первые не представляютъ дѣйствительнаго характера упадка и вырожденія»¹. Наслѣдственность выражается не всегда прямо и рѣзко: такъ, напримѣръ, у сумасшедшихъ вовсе не всегда рождаются всѣ дѣти сумасшедшими — нѣкоторые изъ нихъ страдаютъ эпилепсіей, нѣкоторые раздраженіемъ спиннаго мозга или невралгіями, истериками и т. п., а нѣкоторые, повидимому, совершенно здоровы; иногда же родители — вовсе не сумасшедшіе и выказываютъ только нѣкоторую странность характера и наклонностей, вспыльчивость и т. п., а дѣти у нихъ рождаются сумасшедшія. Вырожденіе можетъ также значительно задерживаться различными обстоятельствами: измѣненіемъ условий жизни, воспитанія и проч. Бракъ душевно-разстроенныхъ въ умѣренной степени, выздоровѣвшихъ отъ болѣзни и людей умственно-ограниченныхъ (дѣтей не имѣютъ только полные идиоты, а полу-идиоты плодятся успѣшно) съ людьми здоровыми и умными въ частныхъ случаяхъ также можетъ задерживать вырожденіе; но это же самое обстоятельство для расы, если условія жизни и воспитанія не измѣняются, можетъ быть вреднымъ, расширяя предрасположеніе къ душевнымъ болѣзнямъ на большее число людей. Спенсеръ съ отгнѣномъ сильнаго негодованія говоритъ о томъ, что принимаются «искусственныя мѣры, дающія глупцамъ и празднолюбцамъ возможность размножаться на счетъ способныхъ и трудолюбивыхъ»².

Такимъ образомъ, читатель, въ жизни гораздо больше всевозможнымъ образомъ психически-разстроенныхъ и глупыхъ людей, чѣмъ это вамъ, можетъ быть, казалось. Но отчего же, скажете вы, мы такъ мало замѣчаемъ это? А оттого, что мы воспитались и жили съ тѣмъ порядкомъ вещей, съ тѣмъ узкимъ кругомъ дѣятельности, въ которомъ и глупый, и умный человекъ равны между собою, одинаково проявляютъ и только одинаково и могутъ проявлять свои способности. Оттого, что всякій Акакій Акакіевичъ у насъ считается все-таки интеллигентнымъ чело-

¹ Грингеръ § 93.

² «Основ. Псих.» т. I, стр. 292.

вѣкомъ, оттого, что мы никакъ не можемъ представить себѣ, чтобы строитель желѣзныхъ дорогъ или судовъ могъ быть такимъ же идиотомъ, какъ и идиотъ, описанный Сенкеемъ. Оттого, что художникъ, умѣющій рисовать большія картины, не имѣя въ душѣ ни идеала, ни одной живой мысли, и рисующій одинаково охотно лошадь, голую женщину или идиллію въ то время, когда въ жизни идетъ драма, можетъ считаться у насъ все-таки замѣчательнымъ художникомъ, а, значитъ, и двигателемъ прогресса. Оттого, что профессоръ математики или какихъ-нибудь мертвыхъ языковъ можетъ безпрепятственно считать себя и безстрастнымъ свѣтломъ, проходящимъ тамъ, гдѣ-то въ небесныхъ высяхъ, и бросающимъ оттуда свѣтъ на отдаленныя поколѣнія, и человѣкомъ, требующимъ въ то же время большаго земнаго жалованья; оттого, что богатство сдѣлалось у насъ синонимомъ ума, а бѣдность синонимомъ глупости; оттого, что богатство стало, по выраженію Гоббса, могуществомъ и общественнымъ идеаломъ, а умственные и нравственные задачи отодвинулись на задній планъ, оттого, что мы предаемся той же дикой вакханаліи, каковой предавались и древніе, и потеряли всякое чутье къ истинѣ. Живетъ большинство изъ насъ недурно, жизнь ласкаетъ насъ, а, при такихъ условіяхъ, даже злые и опасные идиоты, какъ свидѣтельствуеть Грзингеръ, становятся любезными и спокойными. Однимъ изъ главныхъ признаковъ ослабленія умственныхъ способностей психіатры считаютъ служеніе міросозерцанія человѣка и чрезвычайно ограниченный кругъ умственной дѣятельности. Но великъ ли кругъ умственной дѣятельности купца, рантье, ростовщика, чиновника, ведущаго, положимъ, входящій и исходящій журналъ, офицера, занятаго только фронтовою службою, и т. д.? Однимъ изъ первыхъ признаковъ психическаго расстройства, который обнаруживается ранѣ всякаго другого, психіатры считаютъ «притупленіе или совершенное извращеніе нравственнаго чувства» (Маудсли); но много ли у насъ людей истинно нравственныхъ и великъ ли кругъ нашей нравственности вообще? Господствующія въ жизни цѣли—богатство, общественное положеніе, власть и т. п.—возбуждая, при соперничествѣ, многія дурныя страсти, производятъ душевныя страданія обманутаго честолюбія, ревности, скорби о потерянномъ состояніи и проч., которыя, являясь обыкновенно нравственными причинами помѣшательства, представляются, по словамъ Маудсли, такого рода страданіями, «жертвою которыхъ правильно развитой человѣкъ не долженъ былъ бы становиться». Указывая далѣе на непослѣдовательность людей, Маудсли говоритъ, что все существо ихъ «непослѣдовательно»; онъ приводитъ въ примѣръ травлю

звѣрей и созданіе обществъ покровительства животнымъ (такихъ примѣровъ можно было бы привести множество) и говорить: «возможно ли быть сильнымъ существу, которое враждуетъ само съ собою, чѣмъ вѣрованія въ разладъ съ дѣлами?» Невозможно, чтобы человѣкъ, непослѣдовательный въ одномъ случаѣ, «имѣлъ правильный взглядъ на все остальное»¹.

Фактовъ дурнаго моральнаго состоянія общества чрезвычайно много. Мы ихъ найдемъ и въ политикѣ: въ видѣ разныхъ объединеній, сепаратизмовъ и поглощеній, въ видѣ нежившательства, взаимной неискренности и вѣчнаго взаимнаго надувательства, въ видѣ кровопролитій, контрибуцій и проч. Развѣ много разумности въ тѣхъ, напримѣръ, отношеніяхъ, которыя существуютъ даже между дружественными народами? «Вѣчно вооруженные, вѣчно наблюдающіе другъ за другомъ, они какъ будто наканунѣ битвы; границы покрыты всевозможными часовыми, мирный путешественникъ не можетъ спокойно пробѣжать мимо ихъ; въ одномъ мѣстѣ его спрашиваютъ, беспокоятъ, въ другомъ обыскиваютъ, берутъ выкупъ»². Мы найдемъ эти факты и въ наукѣ, двигающейся черепашинымъ шагомъ, поглощенной мелочами и въ тоже время проникнутой страшнымъ чванствомъ и доктринерствомъ. Мы найдемъ эти факты на каждомъ шагу и въ жизни, въ видѣ самыхъ нелѣпныхъ идей, обычаевъ, разныхъ маній и проч. Развѣ спиритизмъ, который недавно охватилъ собою высшіе кружки нашего общества и людей даже просвѣщенныхъ, не показываетъ, что они ушли недалеко отъ того состоянія, когда человѣкъ вѣрилъ въ колдовство и сверхъестественныя чудеса? Давно ли, во время американской войны за рабство, почти всѣ представители высшихъ и среднихъ классовъ Англій и даже тѣ, которые называли себя либералами, выказывали ярое сочувствіе Югу?—«Я съ глубокимъ отвращеніемъ, говоритъ Милль:—смотрѣлъ на это сочувствіе и тутъ только вполне ясно убѣдился, какъ мало были развиты умы нашихъ вліятельныхъ классовъ и какое незначительное вліяніе имѣли на нихъ тѣ либеральныя мнѣнія, которыя они привыкли высказывать».³ А система нашего воспитанія и презрѣніе къ физической дѣятельности развѣ это не факты низкаго умственнаго уровня общества? А тѣ эпидемическія увлеченія спекуляціей, та алчность наживы, которая періодически охватываетъ высшіе и средніе слои общества, заставляя ихъ утрачивать и разумъ, и совѣсть, и стыдъ, и все человѣческое—развѣ это не признаки дурнаго моральна-

¹ «Отъѣзта. при дух. болѣзн.» стр. 358—361.

² Кеттл «Соц. Сист.» стр. 226.

³ Милль «Автобіографія», стр. 285.

го состоянія общества? То луковницы тюльпана, то акціи какого-нибудь «малыяго музерея» заставляютъ ихъ горячечне метаться изъ стороны въ сторону, давить другъ друга, совершать кражи, подлоги и, послѣ неудачи, ломать въ отчаяніи руки... Въ книгѣ М. Вирта («Истор. торгов. кризис.») читатель найдетъ не мало примѣровъ этому. Здѣсь слѣдуетъ указать на несомнѣнно развращающее значеніе всѣхъ этого рода вліяній на народъ и подроставшія поколѣнія. Уже Эскироль говорилъ о нравственной заразительности, о моральномъ контактѣ (*morale contagion*). Свойство психической природы человѣка таково, что нравственное состояніе, поступки, взгляды и страсти одного индивидуума отражаются на другомъ и даже на многихъ окружающихъ его людяхъ. Элементарный примѣръ этому можно видѣть: въ зѣвотѣ, въ жестахъ и т. п. Точно также заразительны: смѣхъ, грусть, слезы, страхъ, жестокость, религиозныя вѣрованія, преступленія, даже самоубійства. Психіатры не разъ протестовали противъ подробнаго и картиннаго описанія разныхъ преступленій и процессовъ. Развѣ банковыя кражи, роскошь и биржевыя плутни не передаются людямъ, живущимъ внѣ банковъ, гостинныхъ и биржи? М. Виртъ указываетъ не мало примѣровъ какъ за господами бросалась ихъ прислуга въ водоворотъ спекуляціи, какъ за богатыми шли бѣдняки и рабочіе. Подростающія поколѣнія и собственно народъ, составляющій компактную массу (обстоятельство чрезвычайно благоприятное въ данномъ случаѣ), наиболѣе склонны къ контактичности и раздражительности сильнымъ и взрослымъ, на которыхъ постоянно обращено ихъ вниманіе¹. Замѣчательно также то, что высшіе и средніе классы не только не гарантированы отъ психическихъ эпидемій, но, напротивъ, представляютъ для нихъ весьма удобную почву и являются даже ихъ источникомъ, по крайней мѣрѣ, въ эпидеміяхъ меркантильнаго характера. Это совершенно противорѣчило бы всѣмъ нашимъ знаніямъ, еслибы только умственное развитіе этихъ классовъ было правильно. Говоря о физическомъ трудѣ и возводя его на степень необходимаго условія жизни и даже на степень гражданской обязанности каждаго человѣка, я предчувствую возраженіе: не сдѣлается ли тогда жизнь еще матеріальнѣе, чѣмъ теперь, и не поучинитъ ли себѣ этотъ матеріализмъ еще больше наши духовныя потребности? Разумѣется, для человѣчества было бы громаднымъ несчастіемъ, еслибы человѣческой геній, грѣющій и освѣщающій міръ, вдругъ исчезъ, еслибы наука остановилась въ своемъ развитіи, знаніе очутилось въ состояніи презрѣнія и че-

¹ «Нервно-психическій контактъ и душевн. эпидеміи». В. Кандицкій. См. сборникъ «Природа». Москва, 1876 г., № 2.

ловѣчество, потерявъ свои духовные идеалы, перешло бы къ поклоненію грубой физической силѣ и матеріальнымъ благамъ. Это было бы большимъ несчастіемъ для человѣчества и его цивилизаціи, чѣмъ нашествіе гунновъ и сожженіе александрійской бібліотеки. Но я думаю, что здѣсь не только не можетъ быть рѣчи о поклоненіи физической силѣ и угнетеніи нравственныхъ идеаловъ, а можетъ быть рѣчь только какъ разъ объ обратномъ. Человѣческій умъ отказывается представить себѣ большее несчастіе для человѣчества, чѣмъ то, въ которомъ оно находится въ настоящее время, когда народный геній дѣйствительно приносится въ жертву малочисленному меньшинству, когда наука и знаніе недоступны для народа и находятся въ исключительномъ, монопольномъ пользованіи этого меньшинства, сдѣлавшаго изъ нихъ наследственную статью дохода, когда сама наука становится, вслѣдствіе этого, безжизненною и мертвою. Давно ли нѣмецкіе ученые—историки и правовѣды—доказывали, съ научной точки зрѣнія, законность и необходимость крѣпостного права? Гдѣ эти завоеванія науки, если не считать работъ Дарвина и Либиха въ области естествознанія, о которомъ такъ много кричали и шумѣли? Не въ томъ ли, что одинъ ученый нашолъ удобнымъ примѣнить электричество къ тѣлеснымъ наказаніямъ, (Бэнъ), а другой сдѣлалъ изслѣдованіе и написалъ трактатъ объ экономическомъ значеніи воинской повинности, вслѣдствіе которой производительность труда работника будто бы сильно должна выиграть (г. Дегеръ)? Карлъ Фогтъ счелъ нужнымъ оправдать это и, разумѣется, опровергъ. Парижская академія не сочла Дарвина достойнымъ занять въ академіи вакантное кресло—у него, видите ли, не научный методъ—и посадила въ это кресло русскаго ученаго Брандта, у котораго вполнѣ научный методъ. Повѣрьте, что на землѣ былъ и есть не одинъ Ньютонъ, не одинъ Коперникъ и Галилей, которымъ не удалось и не удастся проявить своего генія только потому, что недостаетъ научнаго образованія. Если бы меньшинство, монополизирующее науку, отличалось еще какими-нибудь особенными умственными способностями, то было бы хоть какое-нибудь право въ ихъ монополіи, но этого нѣтъ.—Факты показываютъ даже обратное: живое слово раздается въ наукѣ обыкновенно не съ жертвенника, говорится обыкновенно не жрецами, а раздается откуда-то изъ темнаго угла, изъ массы. Если бы отдѣленіе знанія отъ труда было не злоупотребленіемъ, а имѣло бы хоть какія-нибудь разумныя основанія, то и этого нѣтъ, какъ мы уже достаточно показали въ прежнихъ очеркахъ. — Еслибы, нагружая человѣческую голову знаніями, впирая туда науку, какъ картинно выражается

Спенсеръ, мы получали дѣйствительно человѣка наиболѣе интеллектуальнаго, но и этого нѣтъ. Между тѣмъ, иди дѣло иначе, мы видѣли бы совершенно иное и въ жизни, и въ наукѣ. Если мы посмотримъ, кто является настоящимъ двигателемъ знанія и человѣческой цивилизаціи, то, конечно, удивимся тому, что они обязаны гораздо больше не специально для того существующимъ институтамъ, не присяжнымъ дѣятелямъ науки, а какимъ-то недоучкамъ, какимъ-то совсѣмъ незамѣтнымъ и темнымъ личностямъ. И появляются-то эти личности совсѣмъ не оттуда, откуда бы ихъ можно было ждать: не изъ богатой и образованной среды, а изъ среды бѣдняковъ и изъ среды простого народа. Астрономъ Адамсъ—сынъ очень бѣднаго фермера. Р. Оуенъ—сынъ бѣдныхъ родителей. Ньютонъ—сынъ незначительнаго помѣщика и арендатора имѣнія, приносявшаго 30 фунтовъ годоваго дохода. Извѣстный мореплаватель Куэкъ и поэтъ Бѣрнсъ—дѣти рабочихъ. Р. Аркрайта мы видимъ мальчикомъ въ цирюльнѣ, Шекспира чесальщикомъ на фабрикѣ, а геолога Г. Миллера рабочимъ въ каменоломнѣ. Гѣнтеръ, Гаррисонъ и Ли—дѣти плотниковъ. Математикъ Симпсонъ—сынъ ткача. Натуралистъ Т. Эдварсъ—сынъ сапожника. Ньюкоменъ и Фарадэй—дѣти кузнецовъ. Муррэй и Дж. Лейденъ—дѣти пастуховъ. А. Линкольнъ—сынъ бѣднаго земледѣльца. Уатта мы видимъ рабочимъ въ мастерской математическихъ инструментовъ, Стефенсона, сына кочегара—пастухомъ, рабочимъ въ каменоломнѣ и машинистомъ. Ваффина—мачтовымъ слугою, Шовеля—кауть-юнгою, Гершеля (сынъ бѣднаго музыканта)—играющимъ въ военномъ оркестрѣ на гобой, Дж. Брауна—поденщикомъ-каменьщикомъ, д-ра Ливингстона—рабочимъ на хлопчатобумажной фабрикѣ¹. Мы могли бы перечислить и еще много именъ, которымъ обязано человѣчество своею цивилизаціею, но достаточно и приведенныхъ. Смотри на исторію цивилизаціи съ этой точки трѣнія, І. Шерръ имѣлъ полное право написать слѣдующія строки: «Все доброе, прекрасное, великое, все, что изъ человѣка-животнаго сдѣлало человѣка въ высшемъ смыслѣ, все, чѣмъ зиждется и держится, красится и гордится человѣческое общество—все это вышло отъ бѣдняка, и только отъ одного него вездѣ и испоконъ вѣковъ. Нигдѣ и никогда

¹ И въ Россіи не мало замѣчательныхъ людей вышло изъ простого народа и изъ бѣдныхъ классовъ: Патриархъ Никонъ—сынъ крестьянина, Кулибинъ—сынъ мѣщанина, Слѣпушинъ—сынъ крестьянина, Ломоносовъ—крестьянинъ, Посошковъ—крестьянинъ, Ступинъ—мѣщанинъ, Г. С. Сковорода—мѣщанинъ, Кольцовъ и Никитинъ—тоже изъ мѣщанъ, Шевченко—изъ крѣпостныхъ, актеръ Щепкинъ—также изъ крѣпостныхъ, Сперанскій—сынъ бѣднаго сельскаго священника и т. д.

изъ пышныхъ палатъ не прорывалась на Божій свѣтъ ни одна свѣтлая, эмансипирующая идея, ни одна ратующая за свободу мысль, никакое открытіе, опредѣляющее міровныя судьбы, никакой принципъ къ облегченію человѣческаго жребія, ни одна яркая искра добраго гения. Всѣ пророки, посланники небесъ, глашатаи новыхъ доктринъ всегда высылались только бѣднымъ людомъ. Только объ одномъ принцѣ—о Савъ-Ямунн-Буддѣ—извѣстно, что онъ былъ объятъ идеею «о всей скорби человѣчества», но и этотъ одинъ сознавалъ, что прежде, чѣмъ начать свою пропаганду, ему нужно было сдѣлаться бѣднякомъ»¹. Вотъ кому обязанъ міръ своею цивилизаціею, а не монополистамъ науки, не жрецамъ ея, не официальнымъ ея представителямъ! Они даже мѣшали прогрессу знанія; они враждовали съ каждою появляющеюся въ міръ новою идеею и старались всѣми силами погубить ее, совершенно забывая, что погубить идею нельзя. Припомнимъ, что Сократъ на 72 г. жизни былъ обвиненъ учеными аэніянами въ ереси и развращеніи юности и былъ принужденъ выпить ядъ. Погибъ и Галилей, осужденный за движеніе земли, противорѣчившее тогдашней космогоніи. Химическія изслѣдованія привели Роджера Бэкона въ темницу, гдѣ онъ и умеръ. Везаль также заплатилъ жизнью за то, что положилъ основаніе анатоміи, попробовавъ изучать трупы. Кеплеръ, Ньютонъ, Франклинъ, Декартъ, Локкъ и многіе другіе обвинялись въ безбожии и ереси. Самъ великій Глашатаи христіанства былъ преслѣдуемъ и распнатъ ученѣйшими и благороднѣйшими мужами Іудей—фарисеями и садукееми, которые видѣли въ немъ богоотступника, утописта и анархиста. Когда Гарвей открылъ кровообращеніе, то медики объявили его безумнымъ, и практика его, какъ врача, сильно упала. Тоже самое произошло и съ Чарльзомъ Бэлемъ: работая надъ нервной системою, онъ съ каждымъ обнародованіемъ своихъ опытовъ наживалъ враговъ между врачами и терялъ практику. Докторъ Дженнеръ, 20 лѣтъ работавшій надъ оспопрививаніемъ и испробовавшій его съ успѣхомъ на своихъ дѣтахъ, встрѣтилъ сильную оппозицію въ лицѣ присяжныхъ ученыхъ; съ каеодръ было провозглашено, что оспопрививаніе есть «дѣло дьявола»;² ни одинъ врачъ не хотѣлъ испробовать его, и всѣ смѣялись надъ несчастнымъ Дженнеромъ. Говорили, что у дѣтей съ привитою оспою вырастаютъ рога, лицо мѣняется и они начинаютъ мычать и проч. Гайдъ говорилъ, что его любили и уважали всѣ, за исключеніемъ профессоровъ музы-

¹ «Комедія Всем. Исторіи».

² Самодѣтельность, Смайльсъ, Сиб. 1866 г.

ки. Сколько бился несчастный Фультонъ съ своимъ парокоромъ прежде, чѣмъ доказалъ его примѣнимость. Первый его парокоръ «Клермонтъ» былъ переименованъ въ Folly-Foulton (фультоновская глупость, дурачество), пока не забороздилъ колесами воду и не двинулся съ мѣста. Уатту 30 лѣтъ пришлось бороться съ равнодушіемъ ученыхъ и общества прежде, чѣмъ удалось устроить свою паровую машину. Знаменитый Тьеръ былъ настолько проникателемъ, что, смотря на дѣйствовавшую уже желѣзную дорогу, находилъ ее полезною только для забавы. Удивительно, какъ всѣ эти изобрѣтенія еще осуществились такъ скоро. «Гдѣ бы великая душа, говорить Гейне: — ни облекла своихъ мыслей въ слово — вездѣ является для нея Голгофа. «Жизненное знаніе, говорить Спенсеръ: — благодаря которому мы достигли настоящей степени національнаго развитія и которое служить теперь основаніемъ всего нашего существованія, это знаніе приобрѣтено въ темныхъ углахъ и закоулкахъ, тогда какъ присяжные дѣятели обученія пережевывали почти одиѣ только мертвыя формулы». «И не будь другого ученія, добавляетъ Спенсеръ: — кромѣ того, которое преподается въ нашихъ общественныхъ школахъ, Англія была бы теперь тѣмъ же, чѣмъ была въ феодальныхъ временахъ.¹ Школа давно уже находится позади жизни и, вмѣсто того, чтобы быть защитницей и расадницей новаго знанія, является защитницей и расадницей рутинны. Точно это средніе вѣка, когда университеты охраняли древнее понятіе о правѣ отъ нашествія варваровъ. Но тогда университеты были полны жизни, были пульсомъ политическихъ и общественныхъ движеній и сражались за дѣйствительную цивилизацію, а не съ цивилизаціей. Консервативный характеръ школы не подлежитъ никакому сомнѣнію — новыя идеи и новое знаніе обыкновенно прежде распространяются и укрѣпляются въ жизни и затѣмъ уже проникаютъ въ школу; школа даже стоитъ какъ-то совсѣмъ особнякомъ отъ жизни. И обязана она этимъ больше всего, разумѣется, присяжнымъ дѣятелямъ науки. Спенсеръ замѣчаетъ, что предметы, которые исключаются изъ англійскихъ школъ, суть именно тѣ, которые ближе всего касаются жизни. Пишутъ, что въ Италіи, въ этомъ бывшемъ центрѣ просвѣщенія, «до сихъ поръ сохранились университеты, въ которыхъ преподаютъ римское право, философію, грамматику и риторику въ томъ видѣ, какъ онѣ преподавались въ VI или VII вѣкѣ и что итальянскіе

¹ «Опытъ» стр. 85.

университеты до сихъ поръ «во всѣхъ своихъ латинскихъ рѣчахъ зовутъ варварствомъ всю германскую науку». — Вотъ тутъ и выходи изъ школъ Ньютоны и Галилеи, Уатты и Аркрайты! Появленіе ихъ станетъ совсѣмъ немислимымъ, если мы припомнимъ еще спиритуалистическую жадность школь, выражающуюся въ массѣ строго обязательныхъ предметовъ, и систему крайняго стѣсненія свободы и самостоятельности въ образованіи. Система эта какъ желѣзнымъ кольцомъ стягиваетъ развивающійся умъ и въ особенности оказывается пагубною въ высшихъ школахъ, когда многіе чувствуютъ непреборимую потребность въ самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ и, конечно, могли бы сдѣлать много полезныхъ изслѣдованій. — Припомнимъ что говоритъ Спенсеръ о стѣсненіи самостоятельности въ умственныхъ занятіяхъ и о важности самообразованія. Онъ доказываетъ, что мы такъ мало знаемъ еще о законахъ развитія человѣческаго духа, что нельзя «покуда и предложить, чтобы даже самыя лучшіе изъ нашихъ методовъ обученія были истинные методы или хоть приближались къ истиннымъ»; онъ доказываетъ, что, имѣя только нѣсколько общихъ представленій насчетъ развитія умственныхъ способностей, съ нашей стороны въ высшей степени самонадѣянно думать, что мы «обладаемъ наукою, на которой должно быть основано искусство воспитанія», и непростительно примѣнять свои умозрѣнія къ дѣлу воспитанія въ качествѣ науки; онъ доказываетъ, что умственные способности вырабатываются и комбинируются самопроизвольно и въ извѣстной послѣдовательности, причемъ требуютъ именно извѣстнаго рода знанія, а потому крайне нерационально не придерживаться естественнаго способа дѣйствія умственныхъ силъ и обременять умъ знаніями, которыя вовсе ненужны ему. Все это только притупляетъ и портитъ способности и порождаетъ отвращеніе къ знанію. Педагоги не знаютъ той психологической истины, что въ «духовномъ организмѣ», точно такъ же, какъ и въ физическомъ, «все, что не можетъ быть ассимилировано или усвоено организмомъ, или выбрасывается изъ него вонъ, или остается въ формѣ инороднаго вещества, безъ жизненнаго значенія»¹.

Никогда не слѣдуетъ забывать, что «во всѣхъ возрастахъ ребенокъ любить ту умственную дѣятельность, которая полезна для него и не любить той, которая бесполезна». ² «Люди, которые въ дѣтствѣ пріобрѣтали знаніе въ формѣ скучныхъ уро-

¹ Льюисъ, «Вопросы о жизни и духѣ». Спб. 1876 г. т. II, стр. 194.

² Г. Спенсеръ «Олпты» стр. 76.

ковъ, соединенныхъ съ угрозами наказаній, люди, въ которыхъ никогда не старались развить привычки самостоятельныхъ изслѣдованій, едва ли будутъ заниматься науками впоследствии, говоритъ Спенсеръ:—между тѣмъ какъ, при другихъ условіяхъ, они, вѣроятно, всю жизнь будутъ продолжать то самообразованіе, которое начали въ юности». ¹ Спенсеръ глубоко убѣжденъ въ этомъ и говоритъ, что пока законы духовнаго міра останутся тѣ же, эти послѣдствія неминуемы.—Доказавъ съ неумолимою логикою, что система черезмѣрнаго подневольнаго обученія порождаетъ отвращеніе къ знанію и портитъ способности, Спенсеръ высказываетъ слѣдующее: «Кто пойметъ это, пойметъ и то, что мы можемъ слѣдовать дисциплинѣ природы до самаго конца, что, при искусномъ веденіи, можемъ до зрѣлыхъ лѣтъ сохранять за умомъ способность саморазвитія первыхъ періодовъ дѣтства и что только этимъ путемъ могутъ явиться высочайшія силы и высочайшая дѣятельность». ² И высочайшія силы дѣйствительно явились именно такимъ путемъ, т. е. путемъ саморазвитія, путемъ самостоятельныхъ умственныхъ занятій. Многие изъ великихъ людей, какъ мы говорили уже, были въ школѣ лѣтними и туницами, многие даже совсѣмъ не были въ школѣ, и всѣ безъ исключенія сами работали надъ собою. Аркрайтъ никогда не былъ въ школѣ. Фультонъ получилъ самое скудное образованіе. Фарадэй получилъ образованіе у переплетчика, у котораго работалъ 22 года. Геологъ В. Смитъ получилъ образованіе въ деревенской школѣ. Гуго Миллеръ — въ каменоломнѣ. Стефенсонъ—тамъ же. Гдѣ имъ, дѣтямъ кузнецовъ, вочегаровъ, плотниковъ и чернорабочихъ, было думать о школѣ, когда съ самыхъ маленькихъ лѣтъ они должны были работать изъ-за куса хлѣба! Мы видѣли уже, что многие великіе люди весьма плохо учились. Ньютонъ считался въ школѣ «тупымъ» и былъ однимъ изъ послѣднихъ учениковъ. Свифтъ провалился въ дублинскомъ университетѣ. Чальмерсъ и Кукъ были выгнаны изъ школы, какъ «безнадежно глупые». Шериданъ даже матерью считался «за неисправимо-тупого мальчика». И. Барроу считался неспособнымъ. Вѣрнсъ—тоже. Говардъ считался очень неспособнымъ. Уаттъ очень плохо учился. Альфіери вышелъ изъ школы съ тѣми же познаніями, какъ и поступилъ. Чаттертонъ былъ выгнанъ изъ школы съ объясненіемъ, что «это—такой глупецъ, изъ котораго никогда и ничего не выйдетъ». О кембриджскомъ

¹ Ibid., стр. 117.

² Ibid., стр. 91.

профессоръ-ориенталистъ Ли школьный учитель далъ отзывъ, что это — «однѣ изъ самыхъ тупыхъ мальчиковъ». Гѣмфри-Дэви плохо учился, и, когда сдѣлался знаменитъ, то учитель его Кардью высказалъ: «когда онъ учился за меня, то я не могъ замѣтить въ немъ тѣхъ способностей, которыми онъ такъ прославился». Мало ли чего не замѣчаютъ гг. Кардью! Вотъ, напримеръ, профессоръ эдинбургскаго университета Дальзелъ также не замѣчалъ въ Вальтеръ-Скоттѣ ничего, кромѣ тупости, и даже высказалъ о немъ предсказаніе, что «тупымъ онъ былъ, тупымъ же и останется»,¹ но жестоко ошибся. Было бы гораздо лучше, еслибы гг. Кардью, Дальзели и проч., вмѣсто предсказаній, обращали больше вниманія на систему своего преподаванія. Въ то время, какъ всѣ эти лѣнтяи и тупицы, которыхъ они выгоняли изъ школы, становились въ жизни борцами за новыя идеи и прокладывали новыя пути для цивилизаціи, способныя и прилежныя дѣти, которымъ выдавались аттестаты, дипломы и имена которыхъ записывались на похвальные доски, становились, по большей части, людьми самыми посредственными и исчезали въ жизни безслѣдно. Обыкновенно «мальчика осуждаютъ, какъ тупицу, только потому, что ему тяжело дается заучиваніе на память, хотя его постиганіе отвлеченныхъ истинъ можетъ оказаться болѣе живымъ, чѣмъ у его учителя». ² Часто мальчика называютъ лѣнтяемъ только потому, что его утомленный или заболѣвающій мозгъ ищетъ покоя, что, какъ говоритъ Грингеръ, совершается вполне инстинктивно и требовало бы прежде всего не принужденій и наказаній, а «удаленія большинства даже привычныхъ, а тѣмъ болѣе сильныхъ или вредныхъ раздраженій». Часто мальчика называютъ лѣнтяемъ только потому, что онъ не можетъ потреблять мертвечины, которую открываетъ ему его болѣе сильное чутье. Наиболѣе способнымъ дѣтямъ душно въ школѣ: никола не только не удовлетворяетъ, но и какъ-то гнететъ ихъ. Гѣмфри-Дэви считалъ, напримеръ, для себя самымъ счастливымъ обстоятельствомъ то, что ему было можно «такъ много наслаждаться праздностью въ школѣ». Когда 14-лѣтній Бокль, хорошо учившійся, получилъ первую премію за математику и когда отецъ спросилъ его: какую награду онъ хочетъ получить отъ него за это? то мальчикъ попросилъ одного — позволенія оставить школу и самому заняться своимъ образованіемъ. Отецъ Бокля былъ настолько уменъ и добръ, что

¹ Смайльсъ. «Самодѣятельность» Спб. 1866 г.

² Г. Спенсеръ. «Основ. Соціологія» Спб. 1876 г, стр. 94, т. I.

согласился на это, и, только благодаря, можетъ быть, этому, мальчикъ и сдѣлался Генрихомъ Томасомъ Воклемъ¹. Д. С. Милль съ глубокимъ чувствомъ благодарности говоритъ о томъ, что отецъ спасъ его отъ школы, и о томъ, что онъ «почти съ самаго начала могъ мыслить самостоятельно». Педагоги думаютъ, что предоставленіе ученикамъ большей свободы въ образованіи поведетъ въ гѣни, диллетантизму или даже ничего недѣланію. Они такъ плохо знаютъ человѣческую природу и естественныя науки вообще, что даже убѣждены въ этомъ. Между тѣмъ, вотъ что говоритъ Феленбергъ, въ авторитету котораго Спенсеръ относится съ большимъ уваженіемъ: «Опытъ доказалъ мнѣ, говоритъ онъ: — что гѣнность молодѣжи до того противоположна ихъ естественной склонности въ дѣятельности, что она всегда соединена съ какинъ-нибудь органическимъ недостаткомъ, если не происходитъ отъ дурного воспитанія». Вольфъ, оставивъ школу, не сдѣлался гѣнтаемъ, имѣя въ тому полную возможность; Милль не сдѣлался гѣнтаемъ; другіе также не сдѣлались гѣнтами. Что касается до диллетантизма, понятія крайне условнаго, то многочисленныя имена, на которыя я указалъ, не были, кажется, диллетантами, но еслибы даже они, съ точки зрѣнія официальной науки, и оказались диллетантами, то мы только могли бы желать, чтобы было побольше такихъ диллетантовъ и, наоборотъ, было поменьше такихъ официальныхъ

¹ Намъ очень жаль, что авторъ, доказывая совершенно вѣрную мысль, что современная школа поставлена неудовлетворительно, что она загромождаетъ молодые умы множествомъ знаній, вовсе ненужныхъ, или непримѣненныхъ къ ихъ индивидуальнымъ склонностямъ и воспримчивости, что она отнимаетъ у нихъ иногда всякую возможность ихъ собственной самодѣятельности, самъ падаетъ между тѣмъ въ крайнюю утрировку и парадоксальность. Такъ въ данномъ случаѣ, указанная на примѣръ дѣтскихъ личностей, которыя или все не были въ школѣ, или бросили школу въ самомъ юномъ возрастѣ, и, однако, сдѣлались знаменитостями въ наукѣ, онъ отрицаетъ совершенно пользу современной школы. Авторъ забываетъ, что эти личности не болѣе, какъ единицы въ исторіи человѣческаго развитія, что притомъ всѣ они развились помимо школы, только благодаря тѣмъ или другимъ случайнымъ благотворнымъ обстоятельствамъ, способствовавшимъ ихъ развитію, что имъ—этимъ единицамъ могутъ быть противопоставлены тысячи людей, которые ежегодно оставляютъ школу и которые, несмотря на то, что приобретаютъ полную свободу для научной самодѣятельности, бросаютъ, однако, науку вмѣстѣ съ выходомъ изъ школы, да и въ жизни зачастую дѣлаются людьми, нигуда негодными. Все это доказываетъ, что объ улучшеніи современной школы заботиться слѣдуетъ, но пренебрегать ею, какъ она ни плоха, никакъ не слѣдуетъ. Какъ ни плоха была московская законоучаская академія и александровская семинарія, но мы, навѣрное, не имѣли бы упоминаемыхъ авторомъ ни Ломоносова, ни Сперанскаго, еслибы они не учились въ этихъ плохихъ школахъ. *Примѣч. ред.*

нихъ ученыхъ, которымъ дороже всего форма знанія и мелочи и которые совсѣмъ оказываются неспособными двигать впередъ науку и цивилизацію. Что касается до того, что при свободѣ знаніе непремѣнно выиграло бы, то это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Это вѣрно какъ по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ, такъ и по отношенію къ цѣлымъ эпохамъ и народамъ. Мы не можемъ представить себѣ: какимъ образомъ человѣкъ, которому мы не выдали еще аттестата на совершеннолѣтіе, можетъ свободно заниматься наукою? Онъ возьмется за политическую экономію, химію и геологію въ то время, когда ему болѣе сродно заниматься арифметикой и грамматикой; онъ возьмется за обзоръ конституцій, не зная географіи и исторіи государствъ; онъ станетъ изучать право, не зная латинской грамматики, и проч. Мы говоримъ все это съ такою увѣренностью и аллобоньемъ, что будто навѣрное знаемъ о естественной преемственности знанія и о сродствѣ наукъ съ извѣстными возрастами. Мы такъ мало привыкли относиться по человѣчески къ дѣтямъ и юношеству, что не только не уважаемъ, но даже не признаемъ ихъ здраваго смысла и ихъ естественныхъ духовныхъ потребностей. До самаго поздняго совершеннолѣтія мы видимъ въ нихъ не людей, думающихъ зачастую не хуже насъ и способныхъ къ самостоятельной умственной жизни, но какую-то мертвую, безформенную массу, изъ которой мы призваны лѣпить человѣка по своему образу и подобию. И исторія, и жизнь чуть ли не ежедневно опровергаютъ насъ въ этомъ, но мы не вѣримъ имъ. Джіованни Пико ди-Мирандола 16-ти лѣтъ принадлежалъ уже къ числу первѣйшихъ профессоровъ церковнаго права въ Болоньѣ, а на 23 году бросилъ въ Римѣ перчатку всему ученому міру конца XV столѣтія, предложивъ вести диспутъ по 900 тезисамъ, обнимающимъ собою чуть ли не всѣ отрасли тогдашняго знанія. Многія открытія и великія идеи зародились въ головахъ людей тогда, когда они не вышли еще изъ юношескаго возраста. Лучшія произведенія искусствъ и литературы принадлежатъ молодому возрасту. Нашъ Добролюбовъ окончилъ свое полезное земное поприще 24 лѣтъ, то-есть въ такомъ возрастѣ, когда многіе, если только не большая часть, сидятъ еще въ школѣ. Д. С. Милль, неотличавшійся блескомъ ума и невыходившій изъ уровня обыкновенныхъ дѣтей, какъ онъ самъ говоритъ о себѣ, даетъ намъ блестящій примѣръ какъ высокаго развитія умственныхъ способностей въ раннемъ возрастѣ, такъ и ранней научной дѣятельности, благодаря системѣ Джэмса Милля, поощрявшаго самостоятельныя занятія мальчика и открывшаго ему высшія отра-

сли знанія въ то время, когда ему, по нашимъ понятіямъ, было болѣе сродно заниматься географіей и грамматикой. Мы видимъ Д. С. Милля съ самаго ранняго дѣтства, лѣтъ съ 6—7, читающимъ греческихъ и римскихъ классиковъ¹. Онъ читаетъ Геродота, Ксенофонта, Сократа, Лаэртія, Исократы, Платона, Софокла, Эврипида, Фукидида, Аристофана, Демосоена, Θεокрита, Анакреона, Діонисія, Полибія, Лукреція, Эсхила, Ливія, Аристотеля, Корнелія-Непота, Цезаря, Фэдра, Ливія, Саллюстія, Овидія, Теренція и друг. Чтеніе это доставляетъ ему большое удовольствіе и происходитъ безъ принужденія. Онъ читаетъ въ тоже время: историческія сочиненія Юма, Нибура, Гиббона, Гука, Ватсона, Роллена, Беркиса, Милляра, Мозгейма, Стелла, Дютти и Мэри, читаетъ путешествія, читаетъ «Донъ Кихота», «Тысячу и одну ночь», «Робинзона» и даже «Высокопоставленнаго Дурака», сочиненія Брука, книги, которыя самъ отецъ доставалъ ему. Онъ изучаетъ ариметику, геометрію, алгебру, дифференціальное исчисленіе и другіе отдѣлы высшей математики. Онъ пишетъ компіляціи и сочиненія: 11-ти лѣтъ онъ написалъ, напримѣръ, цѣлый томъ «Исторіи римскихъ государственныхъ учрежденій» по Титу-Ливію и Діодору. Онъ обсуждаетъ конституціонные вопросы, является защитникомъ демократіи и становится большимъ спорщикомъ со старшими, къ разговору съ которыми его поощряетъ отецъ. «Въ 11 лѣтъ, говоритъ Милль:—однимъ изъ любимыхъ моихъ развлеченій были опыты науки (къ сожалѣнію, опытовъ не дѣлалось): я съ жадностью поглощалъ книги о химіи и читалъ физику». 12 лѣтъ Милль принялся за схоластическую логику и сталъ читать Гоббса. Объ изученіи логики онъ говоритъ слѣдующее: «Нѣтъ ни одного предмета во всемъ обширномъ курсѣ моего воспитанія, которому я былъ бы столько обязанъ за развитіе способности правильно мыслить». 13 лѣтъ Милль принялся и, при помощи отца, прошелъ полный курсъ политической экономіи. Онъ читалъ Ад. Смита и Риккардо. 14 лѣтъ Милль принялся за изученіе римскаго права и читалъ Бенгата, при чемъ бенгатовскій принципъ «наибольшаго блага для наибольшаго числа людей»: совершенно охватилъ его; въ это же время онъ читалъ также: Локка, Гельвеція, Гартлея, Кондильяка, Юма, Брауна, а также Тацита, Квинтиліана и Ювенала. 17 лѣтъ Милль поступилъ на службу въ «Остъ-Индскую

¹ Отецъ научилъ его греческому языку 3-хъ лѣтъ, а латинскому 7-ми лѣтъ, т. е. въ томъ возрастѣ, когда мы обыкновенно учимъ дѣтей современнымъ иностраннымъ языкамъ.

компанію», и образованіе его закончилось; по крайней мѣрѣ, Джемсъ Милль считалъ его оконченнымъ и не помогалъ уже больше сыну въ занятіяхъ. Зналъ въ это время Милль, разумеется, очень много, такъ много, что отецъ даже опасался за развитіе въ сынѣ высомощія. Вотъ какъ шло воспитаніе Милля. Во все время онъ чувствовалъ себя самостоятельнымъ человекомъ и вступалъ часто въ жаркіе диспуты съ отцомъ; «собственно уроки, говоритъ Милль:—составляли только часть моего воспитанія: большая доля ученія заключалась въ чтеніи книгъ и въ разговорахъ съ отцомъ во время прогулокъ», а читалъ Милль что хотѣлъ и «кого хотѣлъ», какъ онъ самъ выражается. Благодаря отцу, говоритъ Милль: «я выступилъ на жизненный путь, могу смѣло сказать, двадцатью лѣтъю годами раньше моихъ сверстниковъ»¹. Еще разъ повторяю: напрасно педагоги думаютъ, что высшіе вопросы и высшее знаніе недоступны молодымъ возрастамъ и что прежде, чѣмъ допустить къ нимъ человѣка, надо сначала проморить и вымучить его тѣми мертвыми умственными тяжестями, которыми набиты наши программы. При меньшей педагогической жадности и при болѣе свободѣ образованія, не только многіе выступали бы въ жизнь 25 годами ранѣе, но и знали бы гораздо больше; а это чрезвычайно важно не только въ интересахъ самаго знанія, но и въ томъ отношеніи, что воспитаніе немногихъ не стоило бы такъ дорого и болѣе число людей могло бы пользоваться наукою. Но обратимъ вниманіе на то, чѣмъ Милль остался недоволенъ въ своемъ воспитаніи, когда, войдя въ зрѣлый возрастъ, онъ могъ бросить на него уже совершенно безпристрастный взглядъ? А вотъ чѣмъ: недостаточностью физическихъ упражненій и энергій, которыя, какъ мы уже видѣли, тѣсно вьжуются между собою, отсутствіемъ товарищества и излишней книжностью своего образованія, если можно такъ выразиться. Мое воспитаніе, говоритъ онъ:—«приготовило меня скорѣе къ тому, чтобъ знать, чѣмъ къ тому, чтобъ дѣйствовать». Вслѣдствіе отсутствія товарищей, будучи постоянно въ обществѣ взрослыхъ и серьезныхъ людей, увлекаемый книгами, Милль совершенно ушелъ въ книги, не упражнялся физически и довольствовался одними только утренними прогулками. Спокойныя занятія не могли придать дѣятельности его ума иного направленія, кромѣ того, которое сообщалось ему учебными занятіями. «Поэтому я долго, говоритъ Милль:—и въ нѣкоторой степени во всю жизнь, отличался недо-

¹ «Автобіогр.» стр. 83.

статкомъ умственнаго и физическаго проворства. Мой умъ, такъ же какъ и мои руки, дѣйствовали очень неудовлетворительно, когда онъ примѣнялся или долженъ былъ примѣняться къ практическимъ подробностямъ ежедневной жизни...»¹ Это свидѣтельство Милля чрезвычайно знаменательно. Замѣченные имъ недостатки воспитанія проходятъ незамѣтною струею даже черезъ всѣ его сочиненія они-то именно и заставляютъ его иногда избѣгать категорической постановки вопросовъ, или же, когда вопросы поставлены ребромъ, влестуть его въ дилеттизмъ и компромиссамъ, которые такъ несправедливо дѣйствуютъ въ такомъ сильномъ умѣ и въ такой честной личности, какъ Милль.

Недостатки, замѣченные Миллемъ въ своемъ воспитаніи, разлукнется, встрѣчаются—и встрѣчаются еще въ большихъ размѣрахъ и въ школахъ, гдѣ книжность стоитъ на первомъ планѣ, гдѣ чрезмѣрное и безтолковое при томъ обученіе возводится даже на стѣпень требованія и гдѣ физическое развитіе находится еще въ большемъ пренебреженіи. Недостатки эти въ школахъ увеличиваются еще тѣмъ, что воспитанники остаются подъ вредными вліяніями очень продолжительное время. Отдѣленіе знанія отъ жизни, исключительность и чрезмѣрность умственныхъ занятій, недостатокъ энергіи, книжность и проч., это—все тѣ же роковыя послѣдствія отдѣленія умственнаго человѣка отъ физическаго.

Мы нѣсколько разъ говорили уже, что подъ такимъ раздѣленіемъ человѣка нѣтъ ни физиологическихъ, ни биологическихъ, ни социологическихъ основаній и что единственнымъ основаніемъ послужили ему невѣжество и грубое своекорыстіе меньшинства. Очень можетъ быть, что прежде трудъ былъ тяжелъ и изнурителенъ, что отнять у другого человѣка то, что онъ добылъ, было гораздо легче, чѣмъ добыть самому; но теперь, при настоящихъ условіяхъ производства, есть всѣ основанія предполагать, что то количество труда, которое выпало бы на долю каждаго человѣка, въ случаѣ равномернаго распредѣленія его между людьми, не только не было бы обременительно, но, легко можетъ быть, что оказалось бы даже недостаточнымъ для произведенія всей суммы необходимой для организма мускульной дѣятельности, и человѣчеству пришлось бы либо увеличить производство, либо прибѣгнуть къ какимъ-либо добавочнымъ упражненіямъ. Это раздѣленіе человѣка не можетъ быть оправдано даже съ модной и господствующей точки зрѣнія экономическаго раздѣленія труда, потому что раздѣленіе труда десятью спосо-

¹ Ibid, стр. 89.

бани могло бы быть устроено без раздѣленія человѣка, что, какъ мы видѣли въ первомъ очеркѣ, должно бы было повлечь за собою даже выгоды производства; наконецъ, что не ради экономическаго раздѣленія труда или вообще какихъ-либо отдаленныхъ соображеній совершилось раздѣленіе человѣка—можно вполне убѣдиться изъ того, что раздѣленіе и специализація занятій могли бы совершаться безъ привилегій, безъ львиной доли одного и безъ голоданія другого участника въ производствѣ, чего, однако, нѣтъ. Кастовое устройство, явившись на первыхъ ступеняхъ цивилизаціи, пустило глубокіе корни въ живыя, и, хотя *стволь его несколько разъ слабилась* и уничтожался разсвирѣпѣвшими политическими потоками, но на мѣстѣ его скоро появлялись новые побѣги. Знаніе, бывшее привилегіею кастъ и орудіемъ эксплуатаціи труда, съ появленіемъ на общественной аренѣ капитала, сдѣлалось привилегіею капитала и также является орудіемъ эксплуатаціи труда. — Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда либерализмъ дѣлалъ знаніе открытымъ для всѣхъ, не дѣлая его въ тоже время возможнымъ для всѣхъ и оставляя за нимъ привилегіи, знаніе продолжало играть ту же самую роль: оно либо подчинялось капиталу, либо вступало съ нимъ въ самую тѣсную дружбу, либо, благодаря привилегированности своего положенія, неминуемо выражавшейся въ вещественныхъ формахъ, скоро само становилось капиталомъ и усваивало себѣ всѣ капиталистскія свойства. Трудъ оставался всегда одинъ, въ положеніи обособленномъ, и когда онъ теперь ставитъ и ученаго, и богатаго на одну доску, то имѣетъ къ тому основанія. До такой негнѣности могли дойти человѣческія отношенія. Самыя энергическія усилія наиболѣе честныхъ представителей мысли не могли заставить ихъ не только соединиться между собою въ ассоціацію, но и идти рядомъ, потому что раздѣленіе слишкомъ глубоко, потому что оно не ограничивается одною экономическою стороною, но и становится физиологическимъ раздѣленіемъ. И школа является однимъ изъ первыхъ и однимъ изъ главныхъ средствъ такого раздѣленія. Культивируя человѣка чуть ли не до 25-лѣтняго возраста, она, какъ понятно, отучаетъ его отъ труда и устанавливаетъ въ его организмѣ совершенно особое равновѣсіе силъ, совершенно особенную жизнедѣятельность. Не работавъ до 25 лѣтъ, человѣку уже трудно пріучить себя къ работѣ, хотя и не невозможно. Кромѣ того, пробывъ лучшую пору жизни въ положеніи подневольномъ и зависимомъ, человѣкъ, по весьма естественнымъ причинамъ, начинаетъ стремиться къ свободѣ и наслажденіямъ, не особенно справляясь и не отдавая себѣ точнаго отчета объ экономической сторонѣ своихъ наслажденій и о

тѣсно связанныхъ съ ними интересахъ другихъ лицъ. При особенно высокомъ среднемъ уровнѣ умственнаго развитія, эти sprawy совершенно забываются. Кроме того, пробывъ въ школѣ до 25 лѣтъ, человѣкъ достигаетъ и даже переходитъ тотъ возрастъ, когда наступаетъ для него пора спариваться и плодиться: по выходѣ изъ школы, онъ обыкновенно спѣшитъ скорее жениться, и тогда новая жизнь и новыя заботы совершенно поглощаютъ собою всѣ теоретическіе и гражданскіе вопросы, которые, можетъ быть, волновали его. Такъ, по крайней мѣрѣ, происходитъ въ большинствѣ случаевъ. Я знаю, что многіе изъ юношей совершенно искренно мечтаютъ и собираются творить благо на землѣ и приносить пользу обществу, но становятся обыкновенно жертвою своихъ стихійныхъ силъ, и благія намѣренія ихъ остаются благими намѣреніями. Я знаю, что многіе изъ людей, высокостоящихъ въ умственномъ отношеніи, совершенно искренно мечтаютъ о томъ, что интеллектуальный человѣкъ, не взирая на свои привилегіи, можетъ приносить огромныя услуги обществу и быть вполне производительнымъ его членомъ, но, къ сожалѣнію, мечты ихъ не оправдываются. Конечно, Ньютонъ, Коперникъ, Галилей, Колумбъ, Уаттъ, Аркрайтъ и другіе великіе умы принесли громадную пользу человѣчеству, гораздо большую пользу, чѣмъ сотни и тысячи физическихъ работниковъ; но можно ли забывать при этомъ, что за Ньютонами и Галилеями обыкновенно идутъ также сотни и тысячи, если только не миллионы, людей самыхъ посредственныхъ способностей, которые только воображаютъ о себѣ, что они—Ньютоны и Галилеи, или желали бы ими сдѣлаться? Они тычутъ обыкновенно пальцемъ въ Ньютоновъ и Галилеевъ и требуютъ себѣ привилегіи прежде, чѣмъ совершили что-нибудь для человѣчества. Каждому, по всей вѣроятности, хотѣлось бы быть великимъ человѣкомъ и плохой, конечно, тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ, но для чего же, въ чаши великихъ дѣлъ, требовать привилегій воспитанія и роскоши въ жизни? Какъ будто великая дѣятельность ими только и обусловлена! Многолѣтнее привилегированное воспитаніе стоитъ дорого націи, а жизненная роскошь вовсе не валится съ неба въ видѣ небесной манны. Конечно, мы видимъ, къ сожалѣнію, нѣкоторыхъ великихъ людей, живущихъ очень роскошно и оправдывающихъ свое положеніе тѣмъ, что для правильной умственной дѣятельности нужна, молъ, хорошая обстановка, такъ: Бэкона мы видимъ лордомъ-канцлеромъ, Роско, Риккардо и Грота—банкирами, Нибура—директоромъ берлинскаго банка и т. д. Но большинство истинно великихъ людей, конечно, не задумывалась,

отдало бы всё блага земли за свои идеи, и если мы припомним как жили они, съ какими трудностями боролись и как жертвовали собою, то, разумеется, поймемъ, что нравственное чувство было ихъ главнымъ стимуломъ и главнымъ вознагражденіемъ за ихъ дѣла. Сознаніе приносимой человѣчеству пользы, сознаніе общаго счастья для человѣка развитаго и не испорченнаго есть, разумеется, самый чистый и высокій источникъ наслажденія. Возможность работать умственно и поддерживать на извѣстной высотѣ духовныя силы требуетъ, разумеется, извѣстной бездѣльной обстановки; точно такъ же, какъ требуетъ бездѣльной обстановки и поддержаніе физическихъ силъ. И никогда, и никѣмъ еще не было доказано, чтобы умственная дѣятельность требовала большихъ комфортавъ и даже роскоши, тѣмъ дѣятельность физическая, хотя пытавшихся доказать это было едва ли больше, тѣмъ сѣрыхъ кошекъ. Еслибы роскошь терпѣлась и допускалась даже обществомъ для какого-нибудь исключительнаго человѣка, то для всей касты она ни въ какую силу не могла бы быть допущена, потому что повлекла бы за собою нищету, чему мы видѣли уже многочисленныя примѣры изъ исторіи. Между тѣмъ, у людей, идущихъ за Ньютонами и Галилеями, требованіе привилегій выступаетъ обыкновенно на первый планъ: въ громадномъ большинствѣ случаевъ привилегія составляетъ главную цѣль ихъ жизни, и развѣ только изрѣдка шевелится мысль о принесеніи обществу пользы. Очень можетъ быть, что у многихъ есть и совершенно искреннее заблужденіе на счетъ своихъ способностей и на счетъ способностей близкихъ имъ людей, но, признавая эту искренность и относясь къ ней съ полнымъ уваженіемъ, какъ къ хорошему чувству, мы въ тоже время признаемъ крайне несправедливымъ отнимать у большинства, у всей націи возможность развитія и употреблать всё средства и всё силы для того, чтобы сдѣлать изъ искренняго человѣка Ньютона. Это становится совершенно неумѣстной деликатностью къ искреннему человѣку и въ тоже время крайнею неделикатностью къ большинству, которое, ужъ по одному только тому, что оно—большинство, можетъ дать и неизмѣримо большее количество полезныхъ умственныхъ силъ.

Къ тому же, и искреннихъ заблужденій вовсе не такъ мало, какъ кажется съ перваго взгляда. Вы навѣрное не встрѣтите ни одной привилегированной семьи, гдѣ бы не было настоящаго гениальнаго ребенка—какого-нибудь Феди, Васи или Мити. Отецъ и мать спѣшатъ сообщить вамъ несомнѣнные доказательства его ума или какія-нибудь умныя эксцентричныя выходки; спѣшатъ разсказать вамъ, что онъ чуждается сверстниковъ и все думаетъ

и читаетъ, читаетъ, несмотря на то, что у него отбираются книги, и опять думаетъ. Ну, словомъ—ни дать, ни взять, великій человѣкъ. Такіе рассказы, говорю я, можно услышать чуть ли не отъ каждаго отца и матери, такихъ гениальныхъ дѣтей можно встрѣтить чуть ли не въ каждой семьѣ, и мы вполне принимаемъ родительскія чувства въ данномъ случаѣ—каждой матери, конечно, хотѣлось бы родить Ньютона — но еслибы изъ гениальныхъ дѣтей только отчасти выходили гениальные люди, то у насъ давно бы уже было, по крайней мѣрѣ, на каждую квадратную милю по гению; но, къ сожалѣнію, родительскія чувства обманываютъ, и изъ гениальныхъ дѣтей обыкновенно выходятъ вовсе не Ньютоны, а исправные чиновники, офицеры, инженеры, выходятъ Авакинъ Авакиевичи, мичманы Дырки и даже Держи-Морды, которымъ нетолько не интересны какіе-либо общечеловѣческіе вопросы, но которымъ, кромѣ хорошаго оклада жалованья, ничего не нужно. И вся дѣятельность человѣка высшей культуры на общественную пользу или, выражаясь высокопарнѣе, на алтарь общественнаго служенія ограничивается по большей части служебною карьерою, научною дѣятельностью, имѣющею больше въ виду потомство, или, въ лучшемъ случаѣ, въ тѣхъ общихъ либеральныхъ заботахъ о просвѣщеніи массъ элементарными школами, въ заботахъ о народной нравственности путемъ проповѣди идей трезвости, трудолюбія, терпѣнія и воздержанія и въ хлопотахъ о развитіи изящнаго вкуса путемъ распространенія классическихъ произведеній искусствъ—скульптуры, живописи и поэзіи. Конечно, всѣ эти заботы чрезвычайно похвальны со стороны людей, предающихся имъ, конечно, онѣ не останутся и безъ послѣдствій для грядущихъ поколѣній, и единственно что мы можемъ возразить въ данномъ случаѣ, такъ это только то, что заботы о просвѣщеніи массъ элементарными школами и статуями вовсе не новы и даютъ слишкомъ малые и, при томъ, постоянно разрушаемые другими вліяніями результаты живущимъ людямъ, у которыхъ въ тоже время берется очень много въ пользу высшей культуры. Одно образованіе культурнаго человѣка, при столь продолжительномъ пребываніи въ школѣ, стоитъ очень и очень недешево. Крайній недостатокъ школьной статистики не позволяетъ намъ вычислить точную цифру—во что именно обходится государству воспитанникъ, прошедшій чрезъ гимназію и какое-либо изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Журналъ «Министерства Народнаго Просвѣщенія», къ сожалѣнію, не изобилуетъ статистикою. Но вотъ, напримѣръ, нѣсколько свѣдѣній изъ отчетовъ государственнаго контроля, по которымъ читатель можетъ соста-

вить себѣ приблизительное понятіе о томъ долгѣ обществу, который ложится на каждого изъ окончивающихъ курсъ въ университетѣ. 1872 года, на 8 университетовъ было израсходовано 2.194,024 р., а студентовъ въ нихъ находилось 6,115 чел.; слѣдовательно, каждый изъ нихъ обходился казнѣ около 359 р. въ годъ. Въ 1873 г. на университеты было израсходовано 2.280,170 р., при 5,689 студентахъ; слѣдовательно, каждый изъ нихъ обходился казнѣ около 401 р. въ годъ. Если по этимъ цифрамъ сдѣлать расчетъ на 4 года, то мы увидимъ, что каждый университетскій слушатель обходится казнѣ въ теченіи 4 лѣтъ отъ 1436 р. до 1604 р. Въ нѣкоторыхъ университетахъ студенты обходятся гораздо дороже: такъ, въ 1869 г. студентъ харьковскаго университета обходился въ 418 р., кievскаго въ 432 р., новороссійскаго въ 460 р. и казанскаго въ 614 р. ¹, или отъ 1672 р. до 2456 р. въ теченіи 4 лѣтъ. Прикладывая сюда стоимость образованія въ гимназій, мы получимъ очень большую цифру. Но, собственно говоря, дѣлать такимъ образомъ расчетъ нельзя, какъ потому, что расходъ на учащихся не ограничивается однѣми издержками на учебныя заведенія—большинство изъ нихъ живетъ на другія средства—такъ и потому, что далеко не всѣ студенты и гимназисты кончаютъ курсъ. Это отчасти можно видѣть уже изъ распредѣленія учениковъ по классамъ. Въ началѣ 1874—5 учебн. года 44,183 гимназиста распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: въ приготовительномъ классѣ 15,7%, въ I—20,9%, во II—19,8%, въ III—15,8%, въ IV—11,7%, въ V—7,3%, въ VI—5,7%, и въ VII съ двухгодичнымъ курсомъ 6,5%. Еще меньше процентъ учениковъ, доходящихъ до выпускныхъ экзаменовъ, такъ напримѣръ: въ 1866 г. въ 79 гимназіяхъ изъ 20,150 воспитанниковъ держали экзаменъ въ VII классѣ только 1148 человекъ, то-есть, около 4%, а выдержали только 720 человекъ то-есть, около 3%; въ 1873 году изъ 90 классическихъ среднеучебныхъ заведеній (87 гимназій и 3 училища) могли подвергнуться испытанію зрѣлости только 881 ученикъ, изъ которыхъ 110 чел. не были допущены къ экзамену «за малоуспѣшность и по нравственной незрѣлости»; слѣдовательно, подверглись испытанію только по 8 чел. изъ заведенія, а получили аттестатъ зрѣлости только по 6 чел. изъ заведенія ². Къ сожалѣнію, общее число воспитанниковъ, бывшихъ въ это время въ 90 заведеніяхъ, неизвѣстно, такъ что нельзя выразить процентнаго отношенія окончившихъ курсъ къ общему числу

¹ Военно-статистическ. Сбюрн.

² «Журналъ Министерства нар просв.» № 4, 1874 г.

обучавшихся. Но отношеніе это очень слабо: въ томъ же 1873 г., по свѣдѣніямъ госуд. контроля, въ 123 гимназіяхъ и 44 прогимназіяхъ было 41,712 воспитанниковъ, а кончило курсъ только 1,239 чел. Въ это же время было выключено и вышло изъ гимназій и прогимназій, некончивъ курса, 10,792 челов. Такимъ образомъ, изъ 100 учащихся кончили курсъ только 2,4% а, 25,8% въ теченіи одного только года, должны были выйти изъ заведеній. Въ 1874 г. дошли до испытанія въ зрѣлости только 1090 гимназистовъ, а выдержали испытаніе только 773 челов. Въ 1875 г. изъ 44,183, учениковъ гимназій выбыли до окончанія курса 9,162 челов., подверглись испытанію зрѣлости 1,305 чел. а выдержали его только 918 челов., т. е. 2%. Въ петербургскомъ университетѣ, въ 1873 г., изъ 1,210 студентовъ кончили курсъ 194 человѣка, а въ 1874 г., изъ 1,142 студентовъ—только 123 чел. Были годы, когда филологическій факультетъ петербургскаго университета выпускалъ только по 1 воспитаннику и когда на восточномъ факультетѣ число профессоровъ превышало даже число студентовъ. И это было не особенно давно—въ 60-хъ годахъ ¹ и т. д. Если разложить всю сумму расходовъ по заведеніямъ только на кончающихъ курсъ, то мы увидѣли бы, что они обходятся очень дорого странѣ. Сравнивая бюджетъ нашего мин. нар. просвѣщенія съ бюджетами другихъ министерствъ, мы увидимъ, что онъ представляетъ собою микроскопическую цифру, но изъ этой микроскопической цифры большая часть уходитъ на среднія и высшія учебныя заведенія, гдѣ воспитываются почти исключительно только дѣти высшихъ и среднихъ классовъ. Наши гимназіи, напр., не заключаютъ въ своемъ составѣ и 5%, сельскихъ сословій, тогда какъ городскихъ сословій въ нихъ 26%, а дворянъ и чиновниковъ 64%. Наша сколько-нибудь либеральная пресса притупила уже нерва, указывая на недостаточность собственно народнаго образованія ². Не говоря уже объ Америкѣ, гдѣ общественныя школы съ короннымъ образовательнымъ курсомъ открыты бесплатно всѣмъ отъ 5 до 18 лѣтъ, гдѣ ежегодно затрачивается, по меньшей мѣрѣ, 450,000,000 франковъ на школы, гдѣ до 200,000 школъ и гдѣ, по меньшей мѣрѣ, 7,000,000 дѣтей пользуются такимъ образованіемъ, которое въ Европѣ получаютъ только дѣти высшихъ классовъ, ³ мы можемъ видѣть, что всѣ европейскія государства сдѣлали гораздо больше насъ въ этомъ отношеніи. Не го-

¹ Писаревъ, томъ V «Школа. и жизнь».

² Въ 1874 г. начальныхъ народныхъ училищъ у насъ было 22,768 съ 942,487; въ 1873 г. содержаніе 21,212 училищъ стоило 4,762,678 р.

³ Гинно «Общественное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ».

воря уже о всѣхъ важныхъ послѣдствіяхъ народнаго образованія вообще, мы замѣчаемъ все болѣе и болѣе распространяющееся убѣжденіе, что поднятіе умственнаго уровня націи является охраною государства отъ многихъ золъ и, какъ прямое слѣдствіе этого, все болѣе и болѣе распространяющійся взглядъ— что распространеніе образованія становится обязательнымъ какъ для государства, такъ и для каждаго гражданина. Пруссія, обнародовавшая въ 1819 г. законъ объ обязательномъ образованіи, законъ, вызвавшій сначала сильное неудовольствіе и протесты противъ нарушенія семейныхъ правъ, чрезъ 12 лѣтъ увидѣла значительное уменьшеніе преступленій. Въ Америкѣ, гдѣ законъ обявываетъ родителей давать дѣтямъ образованіе, хотя и не принуждаетъ дѣтей посѣщать непременно общественныя школы, что, въ сущности, дѣлаетъ образованіе также обязательнымъ, гдѣ во многихъ штатахъ фабриканты, хозяева и вообще всѣ, имѣющіе подъ своимъ руководствомъ дѣтей отъ 8 до 15 лѣтъ, обязываются посылать ихъ въ общественныя школы — постоянно высказываются тѣже самыя взгляды. «Мудрая и справедливая администрація, говоритъ Л. Бэконъ:—должна стараться, чтобы ни одно дитя не было лишено полнаго образованія. Государству столь же необходимо учреждать и поддерживать систему общественныхъ школъ, какъ защищаться отъ дикарей, существованіе которыхъ грозитъ опасностью обществу». Окружной начальникъ школъ Провиденціи высказывается еще рѣзче: «Администрація, говоритъ онъ:—оказалась бы вполне слѣпою, еслибы предпочла не издерживать нѣсколькихъ сотенъ долларовъ для предупрежденія преступленій, вмѣсто того, чтобы тратить тысячи долларовъ для наказанія преступленій и излеченія тѣхъ бѣдствій, какія они влекутъ за собою». На Сандвичевыхъ Островахъ, гдѣ введена и преобладаетъ система безвозмезднаго обязательнаго образованія, гдѣ бюджетъ народнаго просвѣщенія составляетъ $\frac{1}{6}$ всѣхъ государственныхъ издержекъ, гдѣ въ лѣтописяхъ парламента не было примѣра, чтобы палаты ограничили бюджетъ, требуемый правительствомъ на общественныя школы, и гдѣ поэтому нѣтъ ни одного безграмотнаго 20-лѣтняго мужчины или женщины, какъ то свидѣтельствуетъ министръ финансовъ, Г. Де-Вариньи—высказывается тоже самое. Вотъ что, напр., говоритъ одинъ богатый туземный землевладѣлецъ: «Лучше употреблять деньги на преподавателей, чѣмъ на полицію... Каждый долларъ, который мы заплатимъ въ пользу образованія, послужитъ къ обезпеченію нашей будущности. Не станемъ жалѣть этихъ издержекъ и будемъ смотрѣть на нихъ, какъ на трату для застрахованія нашихъ домовъ отъ пожара. Сосчитайте, что намъ стоили полиція

и суды за нѣсколько лѣтъ тому назадъ и во что они обходятся теперь? Намъ приходится меньше тратить въ послѣднемъ случаѣ, если мы платимъ больше на образованіе». Къ сожалѣнію, русскіе землевладѣльцы значительно отстали отъ землевладѣльцевъ Сандвичевыхъ Острововъ; къ сожалѣнію, и изъ лагеря образованныхъ людей у насъ нерѣдко раздаются протесты противъ безвозмезднаго и обязательнаго образованія. Мнѣ вспоминается по этому поводу доводы одного докладчика комитета конфектурскихъ школъ. «Боязливые люди скажутъ, говорить онъ:— что мы не имѣемъ права накладывать подобныя законы! Какъ? Вы имѣете право посылать человѣка въ тюрьму и не имѣете права посылать его въ школу? Имѣете законъ, разрѣшающій вѣшать (suspend by the gallows) и не имѣете право научить его 10 заповѣдямъ? Имѣете право обезчестить человѣка навсегда и не считаете себя въ правѣ приготовить его къ честной жизни»? ¹

Не уклоняемся, однако, въ сторону. Какъ ни прекрасно все то, что сдѣлано и что въ особенности говорится о народномъ образованіи въ Америкѣ, Европѣ и даже на Сандвичевыхъ Островахъ, раздѣленіе человѣчества на интеллектуальную и мускульную половину все-таки еще не разрѣшается этимъ. Разумѣется знаніе, сдѣлавшись болѣе демократическимъ, можетъ вывести человѣчество на путь спасенія скорѣе, чѣмъ какое-либо другое вліяніе, но и при немъ жизнь легко можетъ пойти по старой, избитой колеѣ. Государства, можетъ быть, будутъ видѣть меньше грубаго воровства и сократятъ штаты полиціи, граждане, можетъ быть, будутъ больше уважать чужую собственность, изъ народа, по всей вѣроятности, будутъ выходить отдѣльныя личности, которые будутъ дѣлаться профессорами, учеными, чиновниками, негоціантами, банкирами и проч.; но только этимъ можетъ и ограничиться все дѣло и, общій порядокъ вещей можетъ остаться неизмѣннымъ. Обязательное образованіе можетъ ограничиться для большинства только крайне элементарнымъ образованіемъ, только тѣмъ, что оно выучится читать, писать и считать, чѣмъ многіе и думаютъ ограничить программу народныхъ школъ и чему является сильнымъ залогомъ бѣдность и чрезмерный физическій трудъ; занятія дѣтей, принужденныхъ черзмѣрно работать изъ за насущнаго хлѣба, могутъ сдѣлаться весьма неудовлетворительными, хотя бы и въ даровой школѣ; отдѣльныя личности изъ бѣдняковъ, пробиваясь впередъ и становясь въ привилегированное положеніе, могутъ показать собою только смѣну лицъ и нисколько не облегчить физическаго труда; наплывъ желающихъ привилегій можетъ создать множество

¹ Ibid, стр. 129.

ненужных мѣстъ и должностей; оставшіяся за игатою физическій работникъ можетъ нести на себѣ тоже бремя непосильнаго труда и получать ту же самую заработную плату; несмотря даже на значительную степень полученнаго имъ образованія, онъ можетъ обрѣтаться въ нищету и остаться тѣмъ же вычнымъ животнымъ и, послѣ 12—16 часовъ тяжелаго мускульнаго труда, быть совершенно неспособнымъ къ умственнымъ занятіямъ; для похищенія чужой собственности могутъ быть изобрѣтены пути, противъ которыхъ ничего не подѣлаютъ суды и полиція и т. д. Все это мы уже отчасти и видимъ въ Америкѣ. Школьное дѣло тамъ уже опирается до нѣкоторой степени на фабричное законодательство: не воспрещай законъ дѣтямъ работу до извѣстнаго возраста, не ограничивай числа часовъ дѣтскаго труда и не обявляй фабрикантовъ посылать ихъ въ школу—школы, навѣрное не посѣщались бы такъ аккуратно. Отдѣльныя личности изъ бѣдняковъ, приобрѣтая состояніе или достигая высшаго образованія, становятся капиталистами. Заработная плата физическаго работника, правда, еще высока, но находится вполне въ капиталистическихъ условіяхъ и ничѣмъ не гарантирована отъ паденія до крайняго minimum'a: стоило только на рынкѣ труда появиться китайцу, какъ американецъ сталъ получать гораздо меньше. Спекуляція раззоряетъ состояніе; уваженіе къ доллару, въ связи съ стремленіемъ къ роскоши, проникаетъ собою всѣ отношенія людей и выражается злостными банкротствами, взяточничествомъ и т. д.; словомъ—въ Америкѣ дѣлается тоже самое, что и въ остальной капиталистической Европѣ, гдѣ «въ настоящее время, по выраженію Шеффле, происходитъ воровство въ обширныхъ размѣрахъ, предъ которымъ даже прежнее разбойничье рыцарство и теократическая десятина были благородными занятіями», и которое «ведетъ къ почести, вмѣсто того, чтобы вести въ смиренительный домъ». Всѣ злоупотребленія до такой степени легальны, что полиція и судъ противъ нихъ безсильны; всѣ злоупотребленія до того тонки и такъ перенутаны съ промышленнымъ прогрессомъ и либерализмомъ, что законодатель, не рискуя оказаться консервативнымъ и не останавливая прогрессивнаго движенія, не можетъ принять какихъ-либо мѣръ. Культурный человѣкъ общается еще работнику изобрѣсти новыя машины; вотъ что, между прочимъ, говоритъ Милль по этому поводу: «до сихъ поръ еще сомнительно—облегчили ли хоть одному человѣку трудъ для насущнаго хлѣба всѣ наши механическія изобрѣтенія; они дали возможность большому числу людей жить тою же тяжелою, острожною жизнью и большому числу фабрикантовъ съ товарищами обогащаться. Они увели-

чили удобства жизни средних сословій, но они еще не начали производить въ человѣческой судьбѣ тѣ великія перемѣны, къ совершенію которыхъ назначены они своею сущностью и своею будущностью ¹⁾. Еслибы машины оставались въ рукахъ работника, то онѣ, конечно, облегчали бы его трудъ и давали ему дѣйствительное улучшение жизни, вмѣсто общаемаго и въ высшей степени сомнительнаго удешевленія продуктовъ. Еслибы машинъ было изобрѣтено такъ много, что онѣ охватили бы собою все производство, въ чемъ мы не сомнѣваемся, что это когда-нибудь да наступитъ, то, по всей вѣроятности, удешевленіе продуктовъ дѣйствительно было бы значительно, но этого пока еще нѣтъ и, главное, для того, чтобы это время наступило скорѣе, нужно привлечь возможно большее число людей къ умственной дѣятельности, т. е. дать возможность человѣку, работающему мускулами по 12 — 16 часовъ въ сутки, имѣть досугъ для умственныхъ занятій и открыть всеобщую доступность ко всему человѣческому знанію, а не къ однимъ только азбукамъ. При всемъ этомъ не надо упускать изъ виду слѣдующаго: что введеніе машинъ обыкновенно или сокращаетъ число рабочихъ рукъ, или перемѣщаетъ ихъ и что послѣднее станетъ невозможнымъ при распространеніи машинъ на всю промышленность; что удешевленіе продуктовъ вызываетъ обыкновенно паденіе заработной платы; и, наконецъ, что, какъ бы значительно ни удешевлились продукты, но, если мнѣ не на что будетъ покушать ихъ, то я все-таки останусь бѣднякомъ и могу даже умереть съ голоду среди живаго пира. Таковъ ужъ характеръ капиталистическаго порядка, таковы ужъ послѣдствія физіологическаго и экономическаго раздѣленія человѣка. Тѣмъ-то вотъ въ особенности и важно распространеніе идеи о необходимости физическаго труда для каждаго человѣка, что такимъ путемъ, и, по всей вѣроятности, только такимъ именно путемъ, и можно дать иное направленіе жизни и положить конецъ всей экономической путаницѣ, всемі хитросплетеніямъ, обманамъ, лжи и лицемерію, которыми полна жизнь. Взаимное дѣйствіе физическихъ и духовныхъ силъ, отырывая человѣку болѣе широкій кругъ дѣятельности и цѣлый рядъ неизвѣстныхъ ему наслажденій, въ то же время связано съ цѣлыми группами совершенно особыхъ коматій, съ совершенно особымъ міросозерцаніемъ, которое, по всей вѣроятности, поведетъ къ тому, что духовная дѣятельность отпадетъ отъ всякой прерогативы, отъ всякихъ преимуществъ и будетъ направлена на общественную

¹⁾ «Политическая Экономія» т. II, стр. 279.

пользу съ тою искренностью и безкорыстіемъ, какія рѣдко доводилось видѣть человѣчеству. Кромѣ денегъ и конкуренціи, есть другіе двигатели духа, двигатели болѣе высокіе. Вопросы объ услугахъ, о производительномъ и непроизводительномъ трудѣ, о полезной и бесполезной дѣятельности, объ участіи въ производствѣ умственнаго элемента, о распредѣленіи прибылей и проч., надъ чѣмъ ломали и ломаютъ головы экономисты, могутъ сдѣлаться чрезвычайно простыми и несложными. Это упрощеніе сложныхъ понятій очень важно, потому что сложность ихъ далеко не соответствуетъ крайне простымъ отношеніямъ человѣчества, какими они были всегда и остались до сихъ поръ, и только затемняетъ народное сознаніе. Я знаю, что многіе, въ особенности спиритуалисты, склонны будутъ усмотрѣть въ распространеніи физическаго труда признакъ или, по крайней мѣрѣ, наклонность къ нивелированію общества, одна мысль о которомъ приводитъ уже ихъ въ уныніе и крайнее смущеніе, такъ какъ это, по ихъ мнѣнію, должно непременно повлечь за собою упадокъ духовныхъ силъ и стремленій. Мы уже отчасти говорили по этому поводу, но считаемъ нужнымъ еще разъ повторить, что эти и всѣ подобныя имъ опасенія неосновательны. Давая полную духовную свободу людямъ и не давая только привилегій и монополій, мы, кажется, далеко будемъ отъ нивелированія. Соединеніе духовной дѣятельности съ физическою непременно должно сдѣлать первую совершеннѣе и глубже. Облегчая многихъ отъ чрезмѣрнаго физическаго труда и призывая всѣхъ къ свободной умственной дѣятельности, мы, конечно, вызовемъ большую работу ума и большее разнообразіе духовныхъ силъ, чѣмъ теперь. Мы будемъ такимъ образомъ даже дѣйствовать противъ нивелированія, противъ того возмутительнаго нивелированія, которое выражается въ мнимомъ разнообразіи немногихъ насчетъ поголовнаго однообразія всѣхъ. А что это разнообразіе немногихъ есть дѣйствительно только мнимое разнообразіе, то это можно видѣть на каждомъ шагѣ, смотря на нашу интеллигенцію, постоянно уклоняющуюся не только отъ всякихъ возвышеннѣхъ, но и отъ всякихъ самостоятельныхъ путей дѣятельности, и вѣчно стремящуюся либо отдать себя на чиновничью пенсію, либо пристроиться къ невѣжественнымъ капиталистамъ и сколотить себѣ вокругъ нихъ капиталаецъ. Милль въ своей книгѣ «О свободѣ», указывая на то, что въ современномъ обществѣ чрезвычайно мало эксцентриковъ, высказываетъ, между прочимъ, такую мысль, что сумма эксцентричности въ обществѣ всегда пропорціональна суммѣ даровитости, нравственнаго мужества и умственной силы, которыми располагаетъ общество. Онъ счи-

тѣтъ подобное положеніе даже опаснымъ для общества. Мы видимъ много примѣровъ совмѣщенія физическаго труда съ высокою умственною дѣятельностью, и физическій трудъ не только не понижаетъ, а даже возвышаетъ послѣднюю, придавая и личности самихъ дѣятелей какую-то особенную возвышенность. Лютеръ, среди множества другихъ занятій, усердно работалъ физически и зарабатывалъ себѣ пропитаніе садоводствомъ, огородничествомъ и плотничнымъ ремесломъ. Апостолъ Павелъ говорилъ: «кто не хочетъ трудиться — не будетъ и ѣсть», и самъ онъ зарабатывалъ себѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ и постоянно утѣшался тою мыслью, что онъ никому не въ тягость. Св. Бонифацій высаживалъ въ Британію на проповѣдь съ евангеліемъ въ одной рукѣ и съ плотничными инструментами въ другой. Петръ I думалъ о великихъ государственныхъ реформахъ и въ то же время отдавалъ немало времени самому разнообразному физическому труду. Фергюсонъ занимался астрономіей и пасъ стадо овецъ. Дрю занимался философіей и чинилъ старыя сапоги. Стонъ изучалъ математику и работалъ поденщиномъ въ саду. Шиллеръ нерѣдко говорилъ, что онъ весьма доволенъ тѣмъ, что ему приходится ежедневно исполнять какой-нибудь «механическій трудъ». Боррети считалъ физическій трудъ необходимымъ условіемъ успѣшности умственныхъ занятій и часто бросалъ науку и шлоъ для освѣженія ума въ кузницу. Ньютонъ до того въ дѣтствѣ пристрастился къ механическимъ занятіямъ, что цѣлый день въ его комнатѣ раздавался шумъ пилы и стукъ молота¹. Мы думаемъ, что большинство великихъ людей, вышедшихъ изъ бѣдныхъ классовъ и работавшихъ въ юности, даже обязаны своею великостью совмѣщенію физической дѣятельности съ духовною, причемъ удачная комбинація той и другой дѣятельности, безъ преобладанія какой-либо изъ нихъ, произошла, разумѣется, только благодаря случайности или внутреннему голосу ихъ природы, руководившему ими при ихъ занятіяхъ. Если мы попробовали бы сопоставить рядомъ современнаго интеллигентнаго человѣка, который презираетъ физическій трудъ, стыдится его и въ то же время неспособенъ совершить ничего въ области духа, съ царемъ, работающимъ топоромъ на верфи, или съ Бонифаціемъ, идущимъ на проповѣдь съ евангеліемъ и плотничными инструментами, то, разумѣется, увидѣли бы все ничтожество перваго и все величіе вторыхъ. Еслибы жизнь ставила нашему интеллигентному человѣку передъ смертію вопросъ: что онъ сдѣлалъ путнаго на землѣ,

¹ Смалльсъ. «Самодѣятельность».

много ли принесъ пользы обществу и возвратилъ ли не крайней мѣрѣ потребленный имъ капиталъ? то, конечно, весьма немногие могли бы утвердительно отвѣтить даже на послѣдній вопросъ и ограничились бы тѣми двусмысленностями, тѣми общими словами, которыя такъ часто приходится слышать: «влияли, образовывали, просвѣщали темныя массы, содѣйствовали прогрессу, проповѣдывали цивилизацію» и т. п. Въ особенности интересно то, что простой народъ всегда понималъ и понимаетъ умственную дѣятельность, какъ привилегію на болѣе легкое и пріятное занятіе или даже какъ привилегію на большую или меньшую правдоность, и всегда относилъ ее въ одинъ разрядъ съ привилегіями капитала. Онъ всегда дѣлилъ людей на тѣхъ, которые работаютъ сами, и на тѣхъ, которые не работаютъ. Взглядъ этотъ высказывается все рѣзче и категоричнѣе и сопровождается протестомъ противъ привилегій и стремленіемъ—либо поставить умственный трудъ наравнѣ съ физическимъ въ одинакія условія вознагражденія, либо, если онъ является элементомъ глубокаго обособленнаго и несправимо привилегированнаго, совсѣмъ исключить его изъ сферы послѣдняго. Въ послѣднемъ смыслѣ не разъ высказывались французскіе рабочіе. Въ 1873 г., въ Женевѣ, на конгрессѣ федералистовъ, былъ поставленъ вопросъ о томъ, что считается членомъ рабочихъ союзовъ можетъ только физическій работникъ. Въ земледѣльческихъ округахъ Англій, рабочіе также нѣсколько разъ поднимали и обсуждали этотъ вопросъ. Идея обязательности физическаго труда еще смутно носится въ сознаніи европейскаго рабочаго; но въ ней очень много жизни, она развивается, а потому, какъ бы ни была она для насъ непріятна, мы обязаны быть къ ней внимательны. Относительно равнаго вознагражденія умственнаго и физическаго труда также не разъ заявлялось рабочими разныхъ странъ. Въ этомъ смыслѣ высказалось недавно даже наше русское крестьянство: устраивая ссудо-сберегательныя товарищества, комитетъ товариществъ придавалъ для успѣха дѣла важное значеніе личности распорядителя, завѣдывающаго товариществомъ, и потому, дабы распорядителями являлись люди болѣе образованные, многократно убѣждалъ крестьянъ положить распорядителямъ приличное жалованье, отчисливъ для этого изъ прибылей извѣстный %; но крестьяне остались глухи къ голосу культурныхъ людей или, выражаясь словами князя Васильчикова, оказались «очень скупы на вознагражденіе умственнаго и письменнаго труда».

Они или владутъ распорядителю самое маленькое и совсѣмъ неприличное для образованнаго человѣка жалованье, или же, въ большинствѣ случаевъ, платятъ ему за каждый день засѣда-

нѣ столько, сколько получаетъ въ это время заработной платы педантннй рабочий. Если, напримѣръ, рабочий получаетъ 15 копеекъ, то и они платятъ 15 коп. распорядителю, и иной порядокъ вещей кажется несправедливымъ; въ несправедливости его убѣждены и нѣкоторые экономисты. Вотъ что, напримѣръ, говорить Торнтонъ, человекъ очень умѣренный, но способность котораго къ тонкому анализу экономическихъ явленій высоко оценена Миллемъ: «Разсуждая здраво, говоритъ онъ:—какой разумной естественной причиной можно объяснить необходимость различія между платой за ручной и умственный трудъ? Отчего одно и то же мѣрило не можетъ служить для оцѣнки вознагражденія за тотъ и другой трудъ. Не потому, конечно, чтобы ручной трудъ имѣлъ какое-либо особое средство съ 15 шилл. въ недѣлю, не потому, конечно, чтобы тяжелый трудъ цѣлаго дня стоилъ бы менѣе усилій человеку, работающему руками, чѣмъ человеку, работающему умомъ... Такъ не требуется ли для умственнаго труда болѣе высшихъ способностей, чѣмъ для ручнаго? Но плохи притязанія на высшя способности того человека, который не сознаетъ, что дѣятельность этихъ самыхъ способностей составляетъ привилегію и несетъ въ себѣ самой избыточную и вполне соразмѣрную награду. Что же касается до тѣхъ, которые, зная это, тѣмъ не менѣе полагаютъ, что, имѣя лучшую работу, они по тому самому должны получать и большую плату, то они походятъ на турецкихъ аничаровъ, которые, съѣвъ цѣлое селеніе, требовали прибавки жалованья за потертые и притупленные зубы. Но, быть можетъ, грубые получатели (рабочіе) неестественно высокой платы не знаютъ какъ употребить ее съ пользой? Быть можетъ, это и правда, по крайней мѣрѣ, сначала, но они скоро привыкнутъ»¹. Торнтонъ находитъ, что существуетъ только одна причина, почему умственный трудъ получаетъ большее вознагражденіе: «Потому что обстоятельства обыкновенно даютъ ему возможность получать больше». Указавъ на эти распространенныя взгляды на физическій и умственный трудъ, мы должны сказать еще, что въ то время, какъ вопросъ о равенствѣ вознагражденія и необходимости физическаго труда для каждаго человека носится еще смутно въ сознаніи европейскаго рабочаго, онъ разрѣшенъ уже болѣе или менѣе удовлетворительно религіозными сектантами Америки. У Мормоновъ всѣ работаютъ: тамъ «не одинъ апостолъ пахнетъ землю и не одинъ патріархъ править волами»², говоритъ Диксонъ. Мормонскіе старѣйшины живутъ тѣмъ, что выработы-

¹ «Трудъ», 1870 г.

² «Новая Америка».

вадгъ своими руками, и ничего не берутъ за свое высшее служеніе церкви, чѣмъ, конечно, только выигрывать въ общественномъ мнѣніи. Трудъ у мормоновъ вовсе даже не составляетъ обязанности въ нашемъ смыслѣ слова, вовсе не связанъ съ полицейскими мѣрами, но, сознанный, уважаемый и положенный краеугольнымъ камнемъ жизни, онъ сдѣлался религіозною, нравственною и физиологическою потребностью каждаго. Они провозгласили даже физическій трудъ *благороднымъ*, чего никогда еще не было провозглашено, хотя въ полезности его и не сомнѣвались. Вотъ благодаря чему, мормоны и совершили тѣ чудеса, о которыхъ мы упоминали нѣсколько выше. Правда, что тутъ играли роль и другіе весьма важные принципы, которые магически влекли людей въ мормонство и увеличивали ихъ силу: двери мормонской церкви были открыты каждому; каждый могъ при этомъ не терять своей индивидуальности и старой вѣры и могъ только присовокупить къ послѣдней новое ученіе; проповѣдь мормоновъ вращалась преимущественно въ средѣ бѣднаго и рабочаго класса и не ограничивалась однимъ только словомъ, а переходила и въ дѣло: проповѣдники предлагали голоднымъ хлѣбъ, бездомнымъ скитальцамъ кровъ, обнаженнымъ—одежду, мастеровымъ—фабрики, крестьянамъ—фермы. Такимъ образомъ, Юнгъ на вопросъ Диксона: «какъ же вы все это совершили?» могъ, не затрудняясь, отвѣтить: «очень просто—силою вѣры и труда, исполняя то, что проповѣдуемъ, вѣруя въ то, что говоримъ». У шенеровъ, гдѣ также не влекутъ къ работѣ насильно, гдѣ даже нѣтъ ни судовъ, ни полиціи, ни судей, гдѣ каждый свободенъ и, явившись непрощеннымъ, можетъ и уйти безъ препятствій, никто не гнѣится даже подъ предлогомъ умственныхъ занятій и духовныхъ созерцаній. Шенеры, повидимому, лучше мормоновъ изслѣдовали вопросы труда: они въ особенности любятъ разнообразить занятія; каждый изъ нихъ знаетъ по нѣскольку ремеслъ и земледѣліе и часто переходить отъ одного дѣла къ другому. Благодаря рациональному труду и строгой гигиенѣ, они достигли того, что настолько мало болѣютъ, что смѣются надъ болѣзнями и отрицаютъ докторовъ. Напрасно было бы думать, что религіозныя вѣрованія составляютъ и у мормоновъ главный цементъ ихъ общности, или, по крайней мѣрѣ, вѣрованія ихъ вовсе не выражаются въ той узкой обрядности, которую мы считаемъ за первый религіозный признакъ: театръ ихъ полонъ народа, а храмъ недостроенъ, концерты и оперы ежедневно раздаются на берегахъ Соленого Озера; Юнгъ поощрялъ всякія удовольствія, а насчетъ пищи, говоритъ Диксонъ, не безпокой-

тось: «Эпикуреецъ въ Новомъ Иерусалимѣ можетъ найти такія радости, о которыхъ тщетно выдыхалъ бы въ Вашингтонѣ и Нью-Йоркѣ». Напрасно было бы думать, что сектанты Америки, возложивъ физическій трудъ въ основу общественности, теряютъ въ умственномъ отношеніи: нѣтъ, у нихъ есть очень образованные и ученые люди; у нихъ много школъ, издаются журналы, газеты — мормоны издавали даже газету во время своего пути изъ Нуово къ Соленому Озеру—словомъ, у нихъ каждый работаетъ мускулами и мозгомъ. Нойсесъ, старѣйшина перфекционистовъ, жаловался даже на излишекъ научныхъ занятій; но кромѣ того, они дѣлаютъ великое научное дѣло—производятъ тщательно записываемые опыты надъ духомъ и тѣломъ человѣка, оставленными въ инныя социальныя условія. Значеніе подобныхъ опытовъ можетъ быть чрезвычайно велико. Спенсеръ, въ введеніи къ своей психологій, говори о томъ, какъ важно изученіе духовной стороны человѣка вообще и, въ особенности, въ процессѣ приспособленія его къ общественнымъ условіямъ, какъ важно имѣть правильное понятіе о постоянно вліяющей другъ на друга и переформирующей другъ друга «взаимно-зависимости природы личности, съ одной стороны, и общественнаго строя—съ другой», высказываетъ, что это можетъ уяснить намъ многія перемены, совершающіяся въ человѣческихъ судьбахъ, можетъ повліять на наши идеи о политическихъ распорядкахъ, послужить въ оцѣнѣ разныхъ учреждений и сдѣлаться «преградой для важныхъ бѣдствій, причиняемыхъ невѣжествомъ законодательствомъ». Если бы еще общественныя условія всегда представляли собою только строго необходимыя и безъисходныя стѣсненія для человѣка или всегда наилучшимъ образомъ вліяли на его развитіе и отношеніе къ обществу; но въ строѣ существующихъ обществъ много совершенно ненужныхъ стѣсненій, много не только содѣйствующихъ, а даже извращающихъ человѣческую природу вліаній. Человѣкъ, поставленный въ лучшія общественныя условія, часто проявляетъ совершенно новыя склонности, свойства, чувства и способности, и проявленія эти, въ большинствѣ случаевъ, гораздо лучше и выше тѣхъ, которыя создаются существующимъ общественнымъ строемъ. Словомъ—опыты, о которыхъ мы говоримъ, составляютъ очень цѣнный матеріалъ въ рукахъ социологовъ будущаго; а намъ пока они съ неумолимою убѣдительною доказываютъ, что, кромѣ нужды денегъ и конкуренціи, для труда есть другіе двигатели, лежащіе въ самой природѣ человѣка и въ болѣе гармонической социальной обстановкѣ. Что въ природѣ человѣка вовсе нѣтъ задатковъ отвращенія къ физическому труду, что чувство это, подобно многимъ

другимъ чувствамъ, воспитано въ человѣкѣ общественнымъ строемъ и школою—этому есть многочисленныя примѣры какъ въ жизни отдѣльныхъ лицъ, такъ и въ жизни цѣлыхъ народовъ. Не надобно забывать, что жизнь и школа вліяли въ этомъ направленіи на человѣка въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ. Если большинство дикарей, по свидѣтельству путешественниковъ, отличаются отвращеніемъ къ труду, то между ними есть племена, у которыхъ не замѣчается этого: если тодосы «безпечны и лѣнивы», если били «презирають и ненавидяють трудъ», то сантолы «не имѣють непреодолимой лѣности», бушмены часто переходятъ «къ крайней ревности къ труду» и т. д. Въ нѣкоторыхъ племенахъ замѣчается также слѣдующее: въ то время, какъ мужчины не любятъ труда, женщины отличаются трудолюбіемъ. Это замѣчено въ Индіи у билловъ, у племенъ Нага и Куки, а также въ Африкѣ въ Ло-Анго и на Золотомъ Берегу ¹. Но въ то время, какъ дикари лѣнятся и сваливаютъ трудъ на слабѣйшихъ, напримѣръ, на женщину, они вовсе не предаются полной бездѣтельности: большая часть дикихъ отличаются подвижностью, живостью, быстротою и ловкостью на охотѣ и войнѣ, которымъ они предаются съ удовольствіемъ; они, вѣроятно всею, просто ищутъ дѣятельностей болѣе пріятныхъ и такихъ, гдѣ бы расходование силъ не было чрезмѣрно велико и не сопровождалось страданіемъ отъ усталости, что замѣтимъ, между прочимъ, вполне естественно въ человѣкѣ вообще и въ человѣкѣ, у котораго чрезвычайно слабо альтруистическое чувство въ особенности. Правда, что на охотѣ дикарь нерѣдко расходуетъ столько же или даже болѣе силъ, чѣмъ это потребовалось бы при трудѣ, но это—застренный расходъ, соединенный съ внѣшнимъ удовольствіемъ, съ волненіемъ и съ расчетомъ на добычу; какъ только этотъ расходъ силъ становится постояннымъ (добыча дичи, напримѣръ, становится трудною), то мы видимъ, что дикари переходятъ къ пастушеству, земледѣлію и т. д. Кромѣ того, дикарь часто не трудится потому, что не умѣетъ извлекать изъ труда необходимую пользу, и не отказывается отъ него, какъ только достигаетъ этого умѣнья: сколько труда тратится, напримѣръ, дикарями на выдѣлку стрѣлъ и домашней утвари; у эскимосовъ уже много ручныхъ работъ, а у малайско-полинезийскихъ

¹ Г. Спенсеръ «Основанія Соціологіи». Сиб. 1876 г., т. I, стр. 67—8. Последній фактъ есть, вѣроятно, результатъ общественнаго міросозерданія. Объяснить его наследственностью пола было бы гораздо легче, но этому противорѣчатъ множество другихъ фактовъ, и, во всякомъ случаѣ, это было бы преждевременно, такъ какъ вопросы наследственной передачи способностей по поламъ далеко еще не настолько разработаны.

двѣрей существуетъ даже значительная промышленность. Непримыслимый способъ расходованія силъ при трудѣ также можетъ вызывать отвращеніе къ нему, пока человѣкъ не привыкнетъ. Вообще же слѣдуетъ сказать, что состояніе полной бездѣятельности совершенно неестественно для человѣка и вызываетъ даже чувство страданія...¹ Правда, что страданія отъ бездѣятельности или алканія, какъ ихъ называетъ Спенсеръ, не выражаются обыкновенно въ такихъ рѣзкихъ ощущеніяхъ, какъ страданія отъ чрезмѣрной дѣятельности, такъ какъ абсолютной бездѣятельности обыкновенно не бываетъ: глаза видятъ, осязаніе дѣйствуетъ, желудокъ работаетъ и т. д. Это скорѣе беспокойныя ощущенія, которыя, однако, при приближеніи къ абсолютной бездѣятельности, становятся очень сильными такъ, напримѣръ, зрѣніе и слухъ въ обыкновенныхъ условіяхъ составляютъ по большей части индифферентныя процессы, не доставляющіе ни удовольствія, ни страданія, но заключите человѣка въ темницу, чтобы онъ ничего не слышалъ и не видѣлъ, то въ немъ возникнуть очень сильныя страданія. А голодь, жажда и бездѣятельность мозга развѣ не производятъ самыхъ несчастныхъ состояній духа? Мускульная бездѣятельность также выражается «раздражительностью», которую мы въ особенности часто замѣчаемъ у дѣтей. Для здороваго человѣка, говоритъ Спенсеръ, послѣ хорошаго отдыха, ощущеніе, сопровождающее абсолютную бездѣятельность мускуловъ, положительно невыносимо...»² Не замѣчая этого состоянія на себѣ, вы, читатель, не подумайте, что Спенсеръ его преувеличиваетъ. Не забывайте, что вы ходите гулять, ѣздите по знакомымъ, тратите много силъ на пищевареніе и т. д. Не забывайте, наконецъ, того, что въ громадномъ и сложномъ процессѣ приспособленія къ условіямъ существованія, какъ внѣшнимъ, такъ и общественнымъ, человѣкъ дѣйствовать всегда съ чрезвычайно малымъ запасомъ знаній окружающей природы и самого себя, почему не могъ цѣлесообразно руководить этимъ процессомъ и достигалъ обыкновенно какого-нибудь односторонняго приспособленія, которое сопровождалось полною неприспособленностью другихъ частей организма. Вслѣдствіе подавленія однихъ сторонъ и чрезмѣрной дѣятельности другихъ, естественно, возникали излишества, невоздержность и придумывались разныя искусственныя наслажденія для удовлетворенія подавленныхъ потребностей, или вознагражденія себя за нихъ удовлетвореніемъ другихъ потребностей, при чемъ эти

¹ Г. Спенсеръ. «Основ. Псих.» т. I, глав. IX.

² Спенсеръ. Ibid., стр. 286.

искусственныя наслажденія часто оказывались весьма вредными для здоровья. Все это производило глубокой и сложно-запутанной разладъ въ естественныхъ связяхъ между удовольствіями и полезными для организма дѣятельностями, которыя, при нормальныхъ условіяхъ, должны были бы быть соотносительными другъ другу, точно такъ же, какъ, съ другой стороны, страданія должны бы были быть соотносительными вредныхъ для него дѣятельностей. Связь между ними до такой степени иногда запутана и затемнена, что «подастъ даже нѣкоторымъ поводъ къ предположеніямъ о существованіи связей совершенно обратнаго свойства»¹. «Чувствованія, говоритъ Спенсеръ:—которыя никогда не завели бы людей на ложный путь, еслибы всѣ другія ихъ чувствованія имѣли приличествующія имъ сферы дѣятельности, становятся ложными руководителями, когда эти другія чувствованія бывають подавлены». Затѣмъ, говоря о многочисленныхъ разладахъ между влеченіями природы и требованіями цивилизованной жизни, Спенсеръ указываетъ еще на наше невниманіе къ руководству и указаніямъ унаслѣдованныхъ нами чувствованій отъ предковъ, что служитъ источникомъ многихъ нашихъ бѣдствій. Сидятія занятія, продолжающіяся цѣлыя годы, въ спертomъ комнатномъ воздухѣ, вмѣсто подвижной, разнообразной жизни на открытомъ воздухѣ, какую вели наши предки, приводятъ «къ такому вырожденію физическаго состоянія, при которомъ унаслѣдованныя чувствованія находятся въ величайшей дисгармоніи съ выработанными такой жизнью требованіями тѣла. Пища, которая кажется особенно вкусною и желательною и которая первоначально дѣйствительно была бы вполне пригодною, оказывается неудобоваримою. Воздухъ, доставляющій наслажденіе своею свѣжестью человѣку сильному и здоровому, приноситъ простуду и ревматизмъ»². Возвращаясь собственно къ физическому труду, мы должны сказать, что въ человѣкѣ есть естественная потребность въ физической дѣятельности, которая, несмотря на разныя постоянно угнетающія и угнетающія ее вліянія, все-таки прорывается наружу въ каждомъ ребенкѣ и въ каждомъ взросломъ здоровомъ человѣкѣ; организмъ человека постоянно вступаетъ въ сильную борьбу съ стѣсняющими эту потребность вліяніями, постоянно стремится, такъ или иначе, прямо или косвенно, удовлетворять ей. Въ человѣкѣ нѣтъ, можетъ быть, только привычки къ труду, т. е. къ труду, какъ къ извѣстному виду физической дѣятельности, какъ къ извѣстному способу траты силъ. Но не лучше

¹ Г. Спенсеръ. «Основ. Псих.» т. I, стр. 292.

² Г. Спенсеръ. «Основ. Псих.» т. I, стр. 290—1.

ли тратить силы на полезную, какъ для самого индивидуума, такъ и для общества, мускульную дѣятельность, чѣмъ на чрезвычайное и вредное для себя и для общества-пищевареніе? Не лучше ли постараться выработать въ себѣ привычку къ труду, который можетъ быть чрезвычайно разнообразенъ и можетъ вестись такъ цѣлесообразно, что будетъ только полезенъ для организма, чѣмъ стараться подавлять въ себѣ естественную потребность въ физической дѣятельности и причинять этимъ сильный вредъ организму? Очень можетъ быть, что бездѣятельность произвела уже и производитъ нѣкоторые болѣе или менѣе существенныя измѣненія въ организмѣ и преимущественно въ мускулахъ привилегированнаго человѣка. Физиологи говорятъ намъ, что грудныя мышцы птицъ имѣютъ бѣлый цвѣтъ потому, что происходитъ жировое перерожденіе ихъ ¹ (Дж. Ч. Дрэнперъ). У птицотвъ, отличающихся крайнею лѣнностью, также весьма нерѣдко встрѣчается жировое перерожденіе мышцъ, сопровождающееся мышечнымъ расслабленіемъ ² (Гризингеръ). Еслибы подобныя или какія либо другія измѣненія были замѣчены и у всѣхъ вообще неработающихъ и бездѣятельныхъ классовъ, что выразилось бы крайнею неохотою и затруднительностью въ дѣятельности, то, въ виду страшнаго вреда для организма отъ бездѣятельности, слѣдовало бы скорѣе будить уснувшія силы, возбуждать и вызывать уснувшія способности. При этомъ слѣдуетъ всегда помнить, что вредъ отъ бездѣятельности не выражается только въ видѣ вреда для физическаго здоровья человѣка, но сопровождается и крайнимъ вредомъ для духовнаго міра. слѣдуетъ всегда помнить, что «мускульная помощь требуется не только для истолкованія получаемыхъ нами впечатлѣній, но даже для самаго полученія впечатлѣній въ ихъ высшихъ формахъ» (Спенсеръ), что «каждый психическій фактъ есть произведеніе дѣятельности чувствъ, мозга и мышцъ» и что каждое душевное состояніе непремѣнно представляется «функциею трехъ переменныхъ» (Льюисъ). Гризингеръ, Маудсли и вообще всѣ лучшіе психіатры считаютъ физическій трудъ однимъ изъ лучшихъ средствъ для излеченія душевныхъ болѣзней, для восстановленія нарушеннаго въ организмѣ равновѣсія силъ. Гризингеръ находитъ, что физическія работы въ особенности «крайне благоприятны для лицъ высшихъ сословій» (§ 223). Что касается собственно чувства

¹ Дж. Ч. Дрэнперъ «Руковод. къ изученію анатоміи, фізіол. и гігіены». 1866 г. Слб.

² «Душевн. болѣзни» § 165.

уваженія къ труду, которое, къ сожалѣнію, такъ мало развито въ привилегированныхъ классахъ, то чувство это, не представляя собою ничего неестественнаго и будучи скорѣе вполне естественнымъ чувствомъ, всегда можетъ быть легко воспитано. Мы видимъ самыя рѣшительныя доказательства воспитанія чувствъ и иногда даже самыхъ негнѣсныхъ чувствъ въ человѣкѣ: какимъ образомъ, напр., развилась въ Римѣ страсть къ благовопіямъ и приносіямъ, на доставку которыхъ требовалось чуть-ли не такое же количество кораблей, какъ и на доставку хлѣба? какимъ образомъ развилась страсть къ гладиаторству и безчеловѣчному бою человека съ звѣрами, сохранившаяся еще до сихъ поръ въ Испаніи? какимъ образомъ охотникъ, часто человѣкъ высоко-гуманный, наслаждается на охотѣ только ловкостью своей стрѣльбы и не замѣчаетъ даже страданій животнаго? какимъ образомъ человѣкъ причувствуетъ къ войнѣ и къ чести своего полка, за которую иногда одинъ полкъ идетъ на другой?! Тоже самое и съ физическимъ трудомъ. Мы знаемъ, что въ древней Италіи, во время, предшествовавшее героическому періоду Рима, и даже вначалѣ этого періода, земледѣльческій трудъ не только не презирался, а даже находился въ почетѣ. Плиніи говоритъ, что «въ тѣ времена земля обрабатывалась даже руками полководцевъ и почва ликовала подъ плугомъ, украшеннымъ лаврами и которымъ водили оратаи, удостоенный триумфа». Воины съ удовольствіемъ возвращались къ плугу, и любовь эта къ землѣ долго еще и послѣ проявлялась въ римскихъ солдатахъ, пока не наступило полное развращеніе нравовъ. Плиніи говоритъ въ своей «Ест. Ист.», что высочайшею наградою полководцу и мужественному гражданину былъ *jugugum*¹, т. е. поземельный участокъ; что древнѣйшія прозвища происходили отъ земледѣльческихъ предметовъ: *Pilluppius* отъ *pillum*—пестъ для толченія зерна, *Piso* отъ *piso*—толку зерно, *Fabius* отъ *fabia*—бобъ, *Lentulus* отъ *lens*—чечевица, *Cicero* отъ *cicera*—горохъ, *Babulens* отъ *bos*—быкъ и т. д.; что высшею похвалою было назвать человѣка хорошимъ земледѣльцемъ; что городскія трибы считались состоящими изъ людей дѣшвыхъ и занимали второе мѣсто послѣ сельскихъ. Въ томъ же самомъ Римѣ, черезъ нѣсколько столѣтій, когда начались завоеванія, когда рабство расширилось и развились роскошь и прядность, мы встрѣчаемъ уже не уваженіе, а крайнее презрѣ-

¹ Въ то время въ Римѣ было двѣ единицы поземельной мѣры: *jugugum*—количество земли, которое могло быть обработано паромъ воловъ въ одинъ день и *actus*—паромъ же воловъ въ одну сѣну.

ніе къ труду, о чемъ мы говорили уже нѣсколько выше. Если рассказъ о томъ, что Цинцинать пахалъ землю въ то время, когда послы сената пришли сообщить ему о его выборѣ въ диктаторы, и нешѣренъ, какъ это думаютъ нѣкоторые историки, то во всякомъ случаѣ онъ рисуеъ намъ нравы и чувства древняго Рима, когда господа, по крайней мѣрѣ, не стыдились работать. Въ работѣ господъ съ рабами или наемниками, разумѣется, очень мало назидательнаго, но люди непремѣнно должны пойти дальше, какъ подъ вліяніемъ самого воспитанія чувства уваженія и привычки къ труду, такъ и подъ вліяніемъ успѣховъ мысли, подъ давленіемъ общераспространеннаго убѣжденія въ необходимости труда для каждаго и требованія самой жизни... Воспитаніе чувства уваженія и привычки къ труду, при постоянномъ упражненіи, должно развивать ихъ, причемъ это развитіе не можетъ оставаться особнякомъ, не захватывая другихъ чувствъ и вообще всего человѣческаго міросозерцанія. «Чѣмъ чаще мы будемъ заставлять извѣстныя состоянія сознанія слѣдовать другъ за другомъ въ извѣстномъ порядкѣ, тѣмъ сильнѣе становятся ихъ стремленіе вызывать другъ друга въ этомъ порядкѣ» ¹. «Обыденныя факты привычки показываютъ, какъ легко организуются наклонности, какъ дѣйствія, имѣвшія сначала характеръ попытокъ, трудныя, медленныя становятся необходимыми, легкими и быстрыми» ². Не даромъ сложилась пословица: привычка — вторая натура. Подъ вліяніемъ наслѣдственности привычки должны, конечно, только упрочиваться. «Вмѣстѣ съ измѣненнымъ тѣлеснымъ строеніемъ, произведеннымъ новыми жизненными привычками, закрѣпляются будущимъ поколѣніемъ и измѣненныя нервныя стремленія, произведенныя такими новыми жизненными привычками» (Спенсеръ). Подъ вліяніемъ упражненія и наслѣдственности, говоритъ Льюисъ, «произвольныя дѣйствія становятся невольными, невольныя — автоматическими» и т. д. Вотъ что, между прочимъ, высказываетъ Милль по поводу физическаго труда: «Воспитаніе, привычка и развитіе чувствъ побуждаютъ любого человѣка копать землю или тѣять на пользу своей родины съ такою же готовностью, съ какою онъ сражается за нее. Конечно, только медленно и постепенно, только путемъ разумной системы образованія, поддержанной въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній, люди могутъ быть доведены до подобнаго положенія. Но преграда къ достиженію этой цѣли лежитъ не въ

¹ Г. Спенсеръ «Основ. Псих.» т. II, стр. 140.

² Льюисъ «Вопросы о жиз. и духѣ» т. I, стр. 228.

основномъ стрѣхъ человѣческой природы. Сочувствіе къ общему благу въ настоящее время такъ слабо въ большинствѣ людей не потому, чтобъ его не было въ нихъ, а потому, что умъ не привыкъ работать въ этомъ направленіи, такъ какъ онъ вѣчно, и днемъ, и ночью, работаетъ надо всѣмъ, что касается нашихъ личныхъ интересовъ. Это сочувствіе къ общему благу, если только его будутъ поддерживать такъ же, какъ теперь поддерживаютъ личный интересъ, ежедневныя условія жизни, любовь къ отличію и страхъ позора, можетъ одушевить самыхъ обыкновенныхъ людей энергическими усиліями и крайнимъ самопожертвованіемъ на пути къ общему благополучію. Глубоко вкоренившееся, составляющее главную общую черту существующаго общественнаго порядка эгонистическое чувство такъ глубоко засѣло въ насъ только потому, что всѣ существующія учрежденія способствуютъ его развитію»¹. Намъ кажется, что для воспитанія чувства уваженія къ труду и самой привычки къ нему вовсе не нужно такого продолжительнаго времени, какъ думаетъ Милль: если изъ самаго мирнаго земледѣльца въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ можно воспитывать воинственнаго человѣка, умирающаго за свое знамя, то нужно не больше времени и для воспитанія другого чувства, чувства болѣе естественнаго; если въ теченіи жизни человѣкъ можетъ приспособляться къ верховой ѣздѣ, къ катанью на велосипедѣ и просиживанью по цѣлымъ днямъ за конторкой или столомъ, то въ теченіи же своей жизни онъ можетъ приспособиться и къ труду. Ведите только воспитаніе только и усердно. Еслибы я былъ человѣкомъ могущественнымъ въ Европѣ или даже въ какой-нибудь отдѣльной странѣ, то я, не задумываясь, сдѣлалъ бы физическій трудъ обязательнымъ для каждаго гражданина и былъ бы вполне увѣренъ, что страна моя скоро достигнетъ громаднаго матеріальнаго могущества, выиграетъ въ личной свободѣ и достигнетъ такой умственной высоты, какой еще не видѣлъ міръ. Я знаю, что противъ меня подняли бы гвалтъ немногочисленные патриціи и жрецы мертвой науки; я предпологаю, что меня назвали бы даже новымъ тираномъ и варваромъ, но мнѣ не трудно было бы понять, что недовольные хотаятъ только снова рассказывать мнѣ сказку о жемчугѣ, которую Менений Агриппа, старый римскій сенаторъ, рассказывалъ плебеямъ—сказку, которую я давно уже знаю и которую постоянно рассказывать нельзя. Но, къ сожалѣнію, я не могущественный человѣкъ, а неизвѣстный, да, при томъ еще, русскій

¹ «Автобіогр.» стр. 246.

писатель, и потому мнѣ приходится ограничиться только заявленіемъ, что презирать физическій трудъ и не работать—очень нерационально или, говоря проще, очень глупо и, въ большинствѣ случаевъ, даже безчестно; что идея обязательнаго физическаго труда, хотя и смутно еще носится въ сознаниіи человѣчества, но все болѣе и болѣе выясняется, развивается и рано или поздно вступить въ жизнь; что не признавать и не уважать эту идею, въ виду всего пройденнаго человѣчествомъ пути, въ виду послѣднихъ событій исторіи и успѣховъ знанія—нельзя.

НИЩІЯ ДѢТИ.

(Съ французскаго).

I.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Весною раннею, когда подсыѣжннхъ бѣлый
Является на свѣтъ, когда дрожить несмѣлый
Новорожденный листъ, когда, въ глухой норѣ
Соскучась за зиму, выходятъ на зарѣ
Рѣзвятся кролики, когда въ лазурн чистой
Пѣвуньи первыя, собравшись голосистой,
Веселою семьей, пронесатся, когда
Лякуеть Божій міръ—въ ту пору изъ гнѣзда
Малютки-нищіе собираются въ дорогу:
Приходится теперь покинуть имъ берлогу,
Гдѣ зиму всю они проспали, какъ сурки,
Межъ тѣмъ, какъ съ пѣсенкой томительной тоски
У печки мать плела изъ тростника корзинны;
Взваливъ ихъ мальчики на тощенькія спины
И стануть этимъ хлѣбъ насущный добывать...
Отца по осени снесли въ могилу. Мать,
Какъ ни работаетъ, но за паемъ землянки
Не въ силахъ ужъ платить; простась съ дѣтьми, въ служанки
Пойдетъ она къ чужимъ. А будущей зимой
Сойдется вновь семья, скопивши грошъ—другой
За пору лѣтнюю... Въ дорогу же, въ дорогу!
Съ рыданьемъ въ голосъ мать помолилась Богу,
Послѣдній поцѣлуй послѣднимъ сыномъ взять—
И двинулись они. Храбрится старшій братъ

И свѣцеть гѣсенку. Но слезы выступаютъ...
 Нѣтъ, не заплачетъ онъ: вѣдь старшіе скрываютъ
 Отъ младшихъ горести и слабости свои...
 И мальчикъ въ десять лѣтъ—уже глава семьи.

II.

ПЕРВОЕ ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Зима недалеко, и изъ краевъ чужихъ
 Идутъ они домой. Прохожіе на нихъ
 Сердито изъоса посматриваютъ; дѣти
 Отъ нихъ сторонятся въ испугѣ... Правда, эти
 Бродяги-странники по виду несовсѣмъ
 Довѣріе къ себѣ внушаютъ. А межъ тѣмъ,
 Ихъ только трое здѣсь, и старшему межъ ними
 Всего лишь десять лѣтъ!.. Но, Боже мой, какими
 Слѣдами страшными на нихъ легло все то,
 Чтѣ бѣдными дѣтми уже пережито!
 Въ злобѣщемъ взглядѣ ихъ, на лицахъ истощенныхъ
 Чье сердце не прочтеть, что рядъ ночей бессонныхъ
 Малютки провели на камняхъ мостовой,
 Что сырость ѣдкая и ядовитый зной
 Не разъ вливались въ ихъ полунагое тѣло,
 Что голодать для нихъ—естественное дѣло,
 Что часто падали въ безсиліи они
 Подъ тѣми окнами, гдѣ яркіе огни
 Сверкали весело на пиршествѣ блудницы,
 Что сутки цѣлыя по улицамъ столицы
 Бродить случалось имъ, не слыша, какъ звучитъ
 Грошъ въ нищенской ругѣ, что сытый сибаритъ
 Не разъ отъазывалъ имъ въ черствомъ лѣмтѣ хлѣба,
 Что оттого теперь ни благодати неба,
 Ни помощи людей они себѣ не ждутъ,
 И злая ненависть нашла уже пріютъ
 Въ младенческихъ сердцахъ!...

Но вотъ ужъ недалеко
 Тотъ домъ, гдѣ мать живетъ; вопль гнѣвнаго упрека
 Смокаетъ на устахъ, и злоба смягчена:
 Вѣдь на груди своей согрѣветъ ихъ она,
 Родимая... Увы! работа не подъ силу
 Сломала эту жизньъ; убогую могилу

*

Небрежно приютить заброшенный погостъ,
И, въ утѣшеніе за долгій, горькій постъ,
Хлѣбъ ласки и любви здѣсь не получаютъ дѣти...
И вновь они одни, одни въ холодномъ свѣтѣ,
И вновь ходи, ходи съ зари и до зари,
И снова нищенствуй, и съ бою вновь бори
У псовъ на улицѣ голокъ, объѣдокъ каждый,
И снова издыхай отъ голода и жажды!..
Но это разомъ ихъ въ вороншекъ обратить;
Не стануть плавать—нѣтъ: имъ гордость говорить,
Что слезы годны лишь для труса, попрошайки,
И мальчишекъ въ десять лѣтъ—уже начальнишекъ шайки.

Петръ Вейсбергъ.

ЖИЗНЬ РАБОЧИХЪ ВЪ АНГЛІЙСКОЙ ГІВАНІѢ.

РОМАНЪ

Эдуарда Дженкинса.

автора «Дженкинсова Младенца»

VIII.

Въ тотъ самый день, когда Диллу былъ приговоренъ къ тюремному заключенію, а Крэгъ неожиданно возвратился въ *Belle Savante*, мистеръ Марстонъ пришелъ домой къ обѣду въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Вообще, дни судебныхъ засѣданій, кромѣ физической усталости отъ долгаго пребыванія въ душной, зловонной комнатѣ, наполненной индусами и неграми, подвергли почтеннаго джентльмена и нравственной борьбѣ между двумя противоположными стремленіями: исполнить свой долгъ и поддержать хорошія отношенія съ своими пріятелями, клянтаторами. Но, въ этотъ день, очевидно, равновѣсіе между этими двумя нравственными побужденіями, повидимому, было совершенно нарушено. Къ его несчастью, Изабелла, бывшая въ послѣднее время постоянно не въ своей тарелкѣ, встрѣтила его съ самой ангельской улыбкой, и тѣмъ лишила возможности выместить на ней свое раздраженіе. Онъ съ сердцемъ отвернулся отъ нея, когда она весело его подѣловала, и началъ что-то искать на своемъ письменномъ столѣ, сердито разбрасывая по сторонамъ книги и бумаги, потомъ легъ въ гамакъ, черезъ минуту выскочилъ изъ него и сталъ поспѣшными шагами ходить взадъ и впередъ по галлерей, словно была зима и онъ чувствовалъ необходимость согрѣться.

— Что съ вами, папа? воскликнула, наконецъ, Изабелла, дохто смотрѣвшая съ безмолвнымъ изумленіемъ на непонятныя эволюціи суждья: — что случилось? Палата отиѣнила ваше рѣшеніе или Гонималесь предъавилъ на васъ искъ?

— Ни то, ни другое, отвѣчалъ Марстонъ:— мнѣ просто опротивѣла эта проклятая колонія.

— Но, папа, я уже не впервые слышу отъ васъ это замѣчаніе и сама часто его повторяю. Поэтому, оно не можетъ быть единственной причиной вашего волненія.

— Какого волненія, Балла? воскликнулъ судья съ нетерпѣніемъ:— я не понимаю, что ты говоришь.

— Вотъ видите, мистеръ Марстонъ, отвѣчала молодая дѣвушка, подбѣгая къ отцу и съ веселой, счастливой улыбкой трепля его за бакенбарды:— съ тѣхъ поръ, что вы вернулись изъ суда, вы одержимы... ну, знаете, сэръ, *тѣмъ*, о которомъ говорится въ св. Писаніи; и я желала бы знать, гдѣ вы его поймали.

— Балла, не дурачься, промолвилъ судья, удивленный неожиданной игривостью дочери:— я очень разстроены и не безъ причины.

— Такъ лягте въ гамакъ и успокойтесь, сказала Изабелла:— а я причешу ваши растрепавшіеся волосы и намочу голову флоридской водой. Это васъ освѣжить.

Подъ вліяніемъ нѣжныхъ ласкъ дочери, омраченное чело Марстона нѣсколько прояснилось, но на сердцѣ у него все еще было тяжело.

— Ну, рассказывайте, что случилось? спросила Балла:— вы совсѣмъ не походите на себя.

— Я думаю, можно взбѣситься отъ адѣшной жизни, отвѣчалъ онъ:— цѣлый день приходится разбирать мелочныя дразги и глупые споры лживыхъ, обманчивыхъ эмигрантовъ и корыстныхъ плантаторовъ. Но чортъ возьми! Эти плантаторы думаютъ, что я—ихъ слуга, а не представитель королевскаго правосудія. Какъ ты думаешь, что сегодня сдѣлалъ Друмондъ?

— Я всего жду отъ мистера Друмонда. Онъ—рѣшительный человѣкъ, и я увѣрена, что его рука не дрогнула бы совершить убійство, еслибъ онъ считалъ его необходимымъ для спасенія общества, хотя наврядъ ли зашелъ бы такъ далеко изъ личныхъ цѣлей.

— Тихе, тихе, сказалъ судья, поднимая руку и указывая на дверь:— насъ могутъ подслушать; помнишь, какъ на дняхъ незамѣтно подкрался Гонзалесъ. Друмондъ во многихъ отношеніяхъ хорошій человѣкъ, хотя по природѣ тиранъ; но можетъ себѣ представить, онъ сегодня осмѣлился сдѣлать мнѣ публичный выговоръ за то, что, по его мнѣнію, я на судѣ слишкомъ милостиво отнесся къ одному изъ его куліевъ. Нѣсколько времени тому назадъ, этотъ человѣкъ уже судился за побой, нанесенныя противному негру, кучеру Друмонда, и послѣдній также

дулся на меня, что я приговорилъ его только въ тюрьму, а не въ рабочей домъ.

— Этого кулія зовутъ Диллу? спросила Изабелла.

— Да, но ты почему знаешь его имя?

— Вы, вѣроятно, помните, что, когда я, по вашему желанію, ходила читать молодому зрителю Друмонда...

— Гмъ! ты все повторяешь, что ты по моему желанію ходила къ этому молодому человѣку. Ужъ не приглянулся ли онъ тебѣ?

Изабелла вся вспыхнула, но отецъ этого не замѣтилъ, такъ какъ онъ смотрѣлъ въ другую сторону.

— Вы, женщины, всегда пользуетесь слабостью или добротой мужчинъ, продолжалъ онъ:—промолвись только словомъ, и тебѣ вѣчно будутъ попрекать. Но что же ты хотѣла сказать объ этомъ молодомъ зрителѣ?

— Только то, что у мистера Брэга была сидѣлкой жена Диллу. Я случайно ее видѣла сегодня; она—славная женщина и очень гордится о мужѣ. Она говоритъ, папа, что вы его совершенно несправедливо присудили въ тюрьму.

— Какъ ей этого не говорить! воскликнулъ судья:—ни одинъ кулія никогда не признаетъ справедливымъ рѣшеніе суда. Они думаютъ, что мы, судьи, дѣйствуемъ за одно съ плантаторами противъ нихъ.

— А составили они себѣ такое понятіе оттого, что вы дружны съ плантаторами.

— Конечно, они такъ прямо и говорятъ, не понимая, что можно быть пріятелемъ съ тажущимися вѣкъ суда и честнымъ судьей во время исполненія своихъ обязанностей.

— Жена Диллу говорила мнѣ именно нѣчто подобное.

— Богъ съ ней. Дай мнѣ окончить мой разсказъ. Диллу судили сегодня за отлучку отъ работы. Онъ, по словамъ самого Друмонда, одинъ изъ лучшихъ его работниковъ и въ четыре дня окончилъ всю свою недѣльную работу, такъ что считалъ себя свободнымъ на остальные дни, хотя, по буквѣ закона, какъ я его понимаю, подобное возраженіе не оправдываетъ подсудимаго. Но я считалъ своимъ долгомъ признать это облегчающимъ обстоятельствомъ, потому что даже ты поймешь...

— Благодарю васъ, папа.

— Ты даже поймешь, повторилъ судья, не обращая вниманія на слова дочери:—что подсудимый былъ правъ, если не по буквѣ, то по духу закона. И все-таки Друмондъ, Реджеръ и Лангтонъ страшно набросились на меня за снисхожденіе къ куліямъ. Они кричали, что и безъ того трудно справиться съ

рабочими, а если судьи станут имъ потакать, то не будетъ съ ними удержу. Все это, конечно, старая сказка. Но, чортъ возьми! еслибъ намъ можно было съ тобою жить въ этой проклятой трущобѣ, не говоря ни съ кѣмъ ни слова, то я, разумѣется, наплевалъ бы на нихъ всѣхъ, и строго исполнялъ бы свой долгъ.

— А развѣ вы, папа, теперь не строго исполняете свой долгъ? сказала Изабелла, смотря прямо въ глаза отцу.

— Конечно, я... исполнил свой долгъ, мнѣ... по крайней мѣрѣ, стараюсь его исполнить, отвѣчалъ судья, поставленный въ тупикъ.

Хотя сомнѣнiе, выразившееся въ этихъ словахъ, часто преслѣдовало Марстона, оно никогда такъ ясно и опредѣленно не представлялось ему, какъ теперь, но все-таки самолюбіе мѣшало ему прямо сознаться въ неисполненіи своего долга.

— Тебѣ не слѣдуетъ, Белла, выражаться такъ рѣзко, продолжалъ онъ, не вполне отдавая себѣ отчетъ въ своихъ словахъ:— я стараюсь исполнять свой долгъ, но ощущаю какое-то некріпкое чувство, мѣшающее мнѣ... то есть, удерживающее меня...

— Вы не хотите, конечно, сказать, папа, что вышніи соображенія руководятъ вашими судебными рѣшеніями?

— Нѣтъ, Белла, до этого еще не дошло, отвѣчалъ судья, боясь открыто признаться въ томъ, что было, впрочемъ, вполне ясно для его сердца.

Но миссъ Марстонъ, отличаясь по природѣ искренностью и прямою, дала опредѣленную форму укорамъ совѣсти судьи.

— Да, папа, вы именно это хотѣли сказать, произнесла она, соглашаясь теперь съ взглядомъ Лучки на англійское правосудіе:—знаете, какъ бы я поступала на вашемъ мѣстѣ? Я исполнила бы строго мой долгъ, не опасаясь послѣдствій. Не думайте обо мнѣ. Я могу обойтись безъ общества мистера Друмонда, мистрисъ Лочъ, блѣдной миссъ Битъ и другихъ плантаторскихъ семействъ. И вы въ глубинѣ души тоже не цѣните никого изъ нашихъ знакомыхъ, но все-таки не желаете ни съ кѣмъ ссориться. Однако, ужасно подумать, что малѣйшая ваша ошибка можетъ причинить несчастье бѣднымъ куликамъ.

— Не стоитъ сожалѣть ихъ: это хитрые, коварные, низкіе люди!

— Такъ зачѣмъ же вы беспокоитесь объ нихъ, мистеръ Марстонъ? воскликнула Белла торжествующимъ тономъ:— зачѣмъ же вы сердитесь на то, что вамъ сказалъ Друмондъ? Еслибъ онъ или мистеръ Реджериъ посмѣли со мною такъ обойтись, то я знала бы, что имъ отвѣтить.

— Пожалуйста, миссъ Марстонъ, не пергите моихъ дѣлъ не-

промышленнѣе внимательствомъ; и въ безъ того трудно жить, сказавъ судья строгимъ тономъ.

— Обѣдъ подавъ, миссис Велли, сѣзавъ Саркофагъ, показываясь въ дверяхъ, и Марстонъ очень обрадовался этому неожиданному окончанію непріятнаго разговора.

Дѣйствительно, почтенный судья былъ правъ; онъ старался исполнить свой долгъ въ мелочахъ, несмотря на неудовольствіе и упреки плантаторовъ. Положеніе судьи въ английской колоніи, всеоблагодѣющей куліи, чрезвычайно затруднительное. Всѣ плантаторы не спускаютъ съ него астребнаго взгляда, и малѣйшая тѣнь милосердія или простого безпристрастія относительно рабочихъ считается оскорбленіемъ плантаторовъ и опаснымъ, неполитичнымъ дѣйствіемъ, какъ будто справедливость можетъ быть когда-нибудь неполитичной! Тоже самое чувство выражается въ послѣднее время и государственными людьми Индіи, въ родѣ генералъ-губернатора Бенгаліи, который утверждалъ, что такъ какъ Индія должна быть управляема деспотически, то чѣмъ деспотичнѣе абсолютнѣе, тѣмъ лучше. Подобные люди могутъ считать неблагоразумнымъ допускать въ индійцахъ малѣйшее сомнѣніе на счетъ справедливости английскихъ судовъ, но мы, англійскій народъ, никогда не согласимся владѣть страной или хоть уголкомъ земли на такихъ условіяхъ, которыя прямо противорѣчатъ великимъ идеямъ права, свободы и справедливости. Мы знаемъ, какъ далеко однажды возникшій и безпрерывственно развивающійся деспотизмъ можетъ завести даже англійскій народъ, такъ давно привыкшій къ свободѣ въ теоріи и практикѣ. Гражданскіе чиновники и плантаторы не должны забывать, что мы не доволимъ отнять у своихъ согражданъ, какого бы цѣта ни была ихъ кожа, неотъемлемое право всякаго человѣка обсуждать рѣшеніе суда, особливо, когда дѣло идетъ о жизни и свободѣ подсудимыхъ.

Но возвратимся къ мистеру Марстону. Несмотря на все его желаніе быть правосуднымъ судьей, онъ естественно и почти невольно поддавалъ подъ влияніе окружающихъ его людей, которые грубо осуждали каждый мягкій его приговоръ и осипали его оскорбленіями за малѣйшую попытку быть безпристрастнымъ. Что же касается до дѣла Дилгу, то ивнѣе Марстона о томъ, что законъ былъ противъ индуса, торжественно было опровергнуто другимъ судьей въ той же англійской Гвианѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, по счастью, подсудимый имѣлъ опытнаго адвоката, который доказавъ, что не только духъ, но даже и буква закона вполне дозволяли кулію, окончившему недѣльную работу въ три или четыре дня, быть свободнымъ остальное время. Но Мар-

стою, конечно, и не подозревалъ, что онъ постановилъ несправедливый приговоръ. Онъ поверхностно взглянулъ на букву закона и считалъ, что, несмотря на сильное предубѣжденіе противъ обвиняемаго, сдѣлалъ все, что было возможно въ его пользу, и смягчилъ наказаніе, рискуя за это расстроиться съ Друмондомъ. Такимъ образомъ, невинный человекъ сталъ несчастной жертвой ненамѣреннаго, почти бессознательнаго пристрастія, неизбежнаго слѣдствія сложныхъ вѣнскихъ вліяній и судебныхъ обычаевъ, отрицающихъ всякую мысль о милосердіи. Единственный человекъ, который могъ бы представить судѣ настоящее дѣло въ должномъ свѣтѣ и настоять на справедливомъ его разрѣшеніи, былъ главный агентъ по дѣламъ эмиграціи, но ему воспрещалось являться въ судѣ безъ разрѣшенія губернатора, и къ тому же онъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи необходимыхъ суммъ для найма адвокатовъ. Изъ всего этого ясно вытекаетъ, какъ необходимо подробно изучить положеніе невольниковъ и куліевъ, чтобъ обнаружить всю глубину хитрости и лицемерія, съ которыми люди создаютъ, скрывая ихъ отъ остальнаго міра подъ маской правосудія, милосердія и общаго интереса—невыносимыя условія жизни для тысячъ, десятковъ тысячъ ближнихъ.

Но если судъ надъ Диллу возбудилъ негодованіе плантаторовъ, то каково же было ихъ бѣшенство, когда черезъ нѣсколько дней распространилась вѣсть о неожиданномъ, неслыханномъ въ англійской Гвианѣ событіи. Мистеръ Вильямсъ, одинъ изъ немногихъ адвокатовъ, скромно существовавшихъ крохами, на давшихими со стола генералъ-аторнея и генералъ-солситора, избравшихъ въ колоніи прокурорское оло, представилъ его превосходительству Томасу Вальзингаму петицію, подписанную 20,000 индусовъ и нѣсколькими тысячами китайцевъ. Въ этомъ документѣ, въ простыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ былъ смѣло изложенъ цѣлый рядъ невыносимыхъ злоупотребленій, отъ которыхъ подписавшіе петицію просили губернатора, какъ представителя ихъ, навѣки избавиться.

Когда Вильямсъ, отличавшійся прямою, вошелъ въ кабинетъ губернатора въ сопровожденіи негра, который несъ громадный круглый свертокъ, его превосходительство сталъ въ тупикъ.

— Здравствуйте, мистеръ Вильямсъ, сказалъ онъ, смутно подозревая цѣль его посѣщенія: — что это вы принесли? Отчего вы не оставили этотъ свертокъ у секретара?

— Я объяснилъ ему, ваше превосходительство, что это такое и онъ разрѣшилъ мнѣ представить лично вамъ петицію отъ 20,000 куліевъ, и...

— Позвольте, мистеръ Вильямсъ! воскликнулъ губернаторъ, смотря со страхомъ на свертокъ бумаги, словно въ ней скрыта была пороковая мина: — петиція отъ куліевъ! Это совершенно неправильно и незаконно. Вы понимаете, что я долженъ прежде посоветоваться съ коронными юристами. Это — вопросъ очень серьезный, мистеръ Вильямсъ, и совершенно новый. Такого пригѣра еще не бывало.

— Конечно, ваше превосходительство, отвѣчалъ адвокат: — поэтому я и надѣюсь, что вы обратите на настоящее дѣло все ваше вниманіе. Эта петиція подается вашему превосходительству, какъ представителю королевы, и, пользуясь своимъ несомнѣннымъ конституціоннымъ правомъ, подписавшіе петицію указываютъ на злоупотребленія...

— Позвольте, мистеръ Вильямсъ, я не могу принять тотчасъ этой петиціи; возьмите ее назадъ; а я посоветуюсь съ генералъ-губернаторомъ.

— Неужели вы, ваше превосходительство, отвѣчалъ Вильямсъ съ упорствомъ исстаго валийца: — находите нужнымъ спрашивать совѣта у юристовъ о томъ: можно ли принять петицію или нѣтъ?

— Извините меня, мистеръ Вильямсъ, воскликнулъ губернаторъ, вспыхнувъ: — но я не признаю за вами права подвергать меня допросу о томъ, что я считаю нужнымъ или нѣтъ. Я, какъ вы сами говорите — не королева, а только ея представитель, поэтому, я не вполне увѣренъ, что долженъ во всѣхъ случаяхъ дѣйствовать также, какъ приличествуетъ ея величеству. Вы, мистеръ Вильямсъ; гораздо лучше послали бы петицію въ Лондонъ, Виндзоръ, Бальмораль, Осборнъ или... куда тамъ слѣдуетъ. Я же, принявъ петицію, могу себя совершенно скомпрометировать; вѣдь мнѣ даже неизвѣстно, что въ этой бумагѣ.

Съ этими словами губернаторъ вскочилъ съ кресла и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ въ большомъ волненіи.

— Вашему превосходительству очень легко узнать содержаніе этой бумаги; стоитъ только ее прочесть, сказалъ Вильямсъ: — я ее тотчасъ разверну.

— Боже избави, мистеръ Вильямсъ! воскликнулъ губернаторъ: — я вамъ запрещаю развертывать свертокъ, прибавилъ онъ, видя, что адвокатъ смѣло дернулъ за шнурокъ, которымъ перевязана была петиція: — унесите его отсюда!

Последнія слова относились къ негру, державшему свертокъ, и онъ тотчасъ исчезъ въ дверяхъ кабинета съ злополучнымъ документомъ. Въ ту же минуту губернаторъ позволилъ и гнѣвно сказалъ вошедшему секретарю:

— Мистеръ Культуретъ, я удивляюсь, какъ вы допустили до

меня мистера Вильямса по такому важному дѣлу безъ предварительнаго доклада. Онъ принесть съ собою цѣлый свертокъ бумагъ, которыя называютъ петиціей, а вы пропускаете его прямо во мнѣ въ кабинетъ, точно онъ пришелъ съ простымъ визитомъ.

— Извините, сэръ, но я полагаю, что принатіе петиціи обязательно.

— А кто вамъ далъ право это полагать? заревѣлъ губернаторъ: — въ этой бумагѣ, можетъ быть, заключаются клеветы и обвиненія противъ правительства...

— Да, въ ней именно заключаются обвиненія противъ правительства, замѣтилъ Вильямсъ.

— Прошу меня не перебивать, сэръ! Я хотѣлъ прибавить, что, быть можетъ, эти обвиненія направлены противъ меня, а вы должны знать, сэръ, что, если я приму подобную бумагу, то она тотчасъ становится государственнымъ актомъ; ее можетъ потребовать министерство и напечатать въ «Синей Книгѣ».

Секретарь стоялъ молча, но Вильямсъ, на котораго несколько не дѣйствовалъ гнѣвъ губернатора, преспокойно сказалъ:

— Мы именно этого и желаемъ, ваше превосходительство.

— Неужели! воскликнулъ губернаторъ, выходя изъ себя: — а кто эти мы? Шайка несчастныхъ эмигрантовъ и нищій адвокатъ, пользующійся недовольствомъ бѣдняковъ, чтобъ нажать власть!

— Извините, ваше превосходительство, отвѣчалъ съ достоинствомъ Вильямсъ: — но я даже вамъ не позволю такъ говорить со мною. Я явился къ вамъ, исполняя свой долгъ въ отношеніи къ избравшимъ меня клиентамъ, и потому въ послѣдній разъ спрашиваю у вашего превосходительства: примете ли вы петицію? да или нѣтъ?

— Нѣтъ, не приму, сказалъ губернаторъ, бросаясь въ кресло: — прощайте, сэръ.

Вильямсъ поклонился и вышелъ изъ комнаты. Онъ уже не разъ въ этой пламенной, тропической колоніи выказывалъ замѣчательное хладнокровіе и самообладаніе; въ тому же онъ хорошо зналъ Вальсинггана и рѣшился ждать, когда спадетъ губернаторскій гнѣвъ.

Дѣйствительно, какъ только его превосходительство немного успокоился, болѣе благоразумныя мысли взяли верхъ въ его головѣ. Онъ зналъ, что Вильямсъ былъ рѣшительный, смѣлый, неустрашимый человѣкъ, и вовсе не желалъ, чтобъ онъ обратился на него съ жалобой къ министру колоніи, власть котораго надъ представителями королевы во всѣхъ частяхъ свѣта

такъ велика, что англійскій народъ даже этого не подозреваетъ. Вальлингему, однако, это было извѣстно по опыту, и онъ изъ осторожности спросилъ совѣта коронныхъ юристовъ. Оба: генерал-атаorney и генерал-соллициторъ не посмѣли разойтись съ нимъ во мнѣніи и объявили, что подобная петиція, которая могла только нарушить общественное спокойствіе и возбудить народное волненіе, не должна была быть принята. Они жили среди плантаторовъ, и потому неудивительно, что ихъ мысли и мнѣнія приняли характеръ плантаторскій.

Кромѣ того, губернаторъ созвалъ совѣтъ для обсужденія этого вопроса, такъ какъ приходили извѣстія ото всюду, что кулиа, узнавъ объ отказѣ въ принятіи петиціи, выражаютъ безпокойный, буйный характеръ. Совѣтъ состоялъ въ равной долѣ изъ официальныхъ членовъ и плантаторовъ; впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ были, въ одно и то же время, и чиновниками, и плантаторами. Совѣтъ также высказался въ пользу непринятія петиціи, хотя ни одинъ изъ его членовъ не зналъ содержанія этого документа.

Но мистеръ Вильямсъ не призналъ себя побѣжденнымъ и сдѣлалъ смѣлый стратегическій шагъ. Онъ написалъ письмо къ министру колоній и въ пламенныхъ выраженіяхъ разсказалъ свое свиданіе съ губернаторомъ и его отказъ отъ пріема петиціи, которая была приложена въ копіи. Все это онъ писалъ губернатору, прося его, по обмолвленію, доставить письмо министру. Такимъ образомъ, его превосходительство было вынуждено дѣйствовать подъ своей личной отвѣтственностью. Онъ очень хорошо зналъ, что, если онъ откажется отъ пересылки въ министерство этихъ документовъ, то они очутятся тамъ и безъ него и министръ потребуетъ отъ него объясненій насчетъ его дѣйствій, а всякому чиновнику чрезвычайно тяжело давать объясненія по такому дѣлу, о которомъ онъ самъ своевременно не увѣдомилъ начальство. Поэтому, послѣ нѣсколькихъ бессонныхъ ночей и продолжительной борьбы между гордостью и благоразуміемъ, губернаторъ рѣшилъ, что гораздо лучше принять петицію и отправить ее въ Лондонъ съ своими замѣчаніями.

Что же касается до мистера Вильямса, то онъ нисколько не удивился, когда секретарь губернатора явился къ нему въ портъ и попросилъ отъ имени его превосходительства не посылать письма къ министру, а позвать его снова въ губернаторскій домъ съ спорнымъ сверткомъ.

Какъ только плантаторамъ стало извѣстно объ этомъ возмутительномъ поступкѣ нѣкаго адвокатинни и несмысленной сла-

бости губернатора, то ихъ негодованію не было границъ. Сердце гвианской столицы, Джорджтоунскій клубъ, гдѣ утромъ собирались для подкрѣпленія силъ всевозможными горячительными напитками, а вечеромъ для виста и бильярда — было съ пламенно, лихорадочно, несмотря на громадное количество уничтожаемыхъ прохладительныхъ напитковъ. Никогда крытыя галереи и залы клуба не были такъ переполнены посѣтителями и не оглашались такимъ несмолкаемымъ оживленнымъ говоромъ. Торговцы, чиновники, плантаторы, управляющіе помѣстьями, страпчіе кричали, горячились, махали кулаками, наполняли тропическій воздухъ бранью и проклятіями; но всѣхъ энергичнѣе и откровеннѣе выражался Друмондъ среди самыхъ вліятельныхъ гражданъ англійской Гвианы.

— Старая баба, трусь, идиотъ! кричалъ онъ, осыпая подобными лестными эпитетами отсутствующую голову его превосходительства, представителя королевы: — на кой онъ чортъ принялъ эту грязную, подлую бумагу, взводящую самыя низкія клеветы на честныхъ джентльменовъ!

— Слушайте! слушайте! воскликнулъ одинъ изъ самыхъ грубыхъ, жестокихъ плантаторовъ, по имени Гаррисъ.

— Все это дѣло негодяя португальца и разбойника адвокатишки, продолжалъ Друмондъ: — ихъ дома слѣдовало бы иллюминировать по нашему!

— Слушайте, слушайте! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Если Друмондъ, обыкновенно осторожный и хладнокровный человѣкъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ за свое благоразуміе, доходилъ до того, что открыто проповѣдывалъ поджоги, то въ какомъ же расплавленномъ состояніи находились окружающіе его тропическія натуры! Но вскорѣ, среди общаго шума, раздался голосъ другого, также хладнокровнаго и разумнаго человѣка, мистера Ингльдо, одного изъ богатѣйшихъ и способнѣйшихъ агентовъ колоніи. Эти спокойные, осторожные люди имѣли, въ минуты общественнаго волненія, самое могучее, опасное вліяніе, такъ какъ сами они держатся въ сторонѣ отъ всякихъ безпорядковъ, а другіе подбиваютъ на всевозможныя неистовства.

— Господа! сказалъ онъ, спокойнымъ, рѣшительнымъ тономъ: — обсудимъ этотъ вопросъ серьёзно, обстоятельно. Во-первыхъ, рассмотримъ коварный заговоръ Гонзалеса, Вильямса и нѣкоторыхъ другихъ неизвестныхъ лицъ, съ цѣлью возбудить кулиевъ противъ тѣхъ, которые, какъ намъ всѣмъ извѣстно — лучшіе ихъ друзья. Естественно, что каждый плантаторъ или управляющій обязанъ прежде всего развѣдать въ своемъ помѣстьѣ,

кто среди кулиевъ—зачинщики этого преступнаго бунта. Во-вторыхъ, нашему разрѣшенію подлежитъ вопросъ: какъ поступить въ отношеніи новорнаго, не патріотическаго и революціоннаго поведенія—я стыжусь сказать—*бллаго* негодяя Вильямса? (Громкіе крики прерываютъ тутъ оратора). Господа, умоляю васъ, будьте хладнокровнѣе. Конечно, нѣтъ того наказанія, какъ бы жестоко оно ни было, котораго не заслужилъ бы низкій злодѣй, продающій свои несчастныя способности подлымъ заговорщикамъ для распространенія среди бѣдныхъ, невѣжественныхъ работниковъ идей вполне непрактичныхъ (общее шумное одобреніе), но, которне, овладѣвъ тупыми умами кулиевъ, сдѣлають невозможнымъ даже тотъ умѣренный успѣхъ, которымъ пользуются ваша торговля, промышленность и земледѣліе. Наконецъ, господа, въ-третьихъ, намъ надо обсудить печальную слабость и колебаніе гг... гг... исполнительной власти.

Врывъ шумнаго негодованія прервалъ на нѣсколько минутъ рѣчь оратора, и отголосокъ этихъ разъяренныхъ криковъ, вѣроятно, достигъ до ушей его превосходительства, такъ какъ губернаторскій домъ находился не въ далекихъ и всѣ окна въ немъ были открыты.

— Относительно исполнительной власти, продолжалъ Ингльдо, возвышая голосъ:—мы теперь не можемъ ничего сдѣлать. Мы, по несчастію, не имѣемъ права ее смѣнить, мы не свободный, независимый народъ. Губернаторъ рѣшился отправить къ министру колоній позорный документъ, представляющійся клеветой противъ всѣхъ насъ, имѣющихъ какое-нибудь отношеніе къ интересамъ колоніи. Поэтому, предоставимъ нашимъ лондонскимъ друзьямъ, членамъ «Сахарнаго комитета», достойно вознаграждать... гг... исполнительную власть, а сами займемся наиболее важнымъ вопросомъ: какъ слѣдуетъ намъ встрѣтить грозящую намъ опасность, какъ защитить себя отъ грабежа и убійства?

Последнее слово оратора было гораздо ближе къ дѣйствительности, чѣмъ онъ предполагалъ, ибо въ эту самую минуту раздался случайный выстрѣлъ изъ револьвера, которымъ неосторожно махалъ одинъ изъ плантаторовъ, и пуля проеивистѣла надъ головою мистера Ингльдо.

— Вотъ видите, господа, продолжалъ онъ, когда улеглось волненіе, возбужденное этимъ неожиданнымъ эпизодомъ, и обтирая холодныя капли пота, выступившія у него на лбу отъ невольнаго страха:—мы находимся въ такомъ положеніи, когда каждую минуту наша жизнь въ опасности. Насъ мало, и со всѣхъ сторонъ насъ окружаетъ громадное населеніе рабочихъ, которыхъ низкіе заговорщики возстаноятъ противъ насъ.

Волненіе среди слушателей достигло до апогея. Ораторъ затронулъ слабую струну каждаго изъ плантаторовъ. Они опасались болѣе всего и совершенно справедливо, чтобъ въ сердцахъ бѣдныхъ людей, истинными друзьями которыхъ они себя считали, не проснулось, наконецъ, сознание добра и зла, правды и несправедливости.

— Господа! прибавилъ Ингльде:—мы должны принять тотчасъ необходимыя мѣры для охраненія своей жизни и собственности. Я полагаю: надо арестовать Вильямса и Гонзалеса, увеличить полицейскую силу специальными бѣлыми полицменами, объявить всю колонію на военномъ положеніи и послать пароходъ въ Барбадосъ за новымъ отрядомъ солдатъ.

Рѣчь Ингльде какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала напряженному состоянію умовъ его слушателей и въ ту же минуту былъ образованъ комитетъ безопасности. Друмендъ былъ избранъ въ предсѣдатели и немедленно былъ составленъ адресъ къ губернатору съ энергичнымъ требованіемъ арестовать Вильямса за содѣйствіе куліамъ. Этотъ адресъ особая депутація, не теряя ни минуты, вручила губернатору; но онъ, хотя принялъ ее очень любезно, однако, отказался наотрѣвъ отъ исполненія ея желаній.

Когда депутація возвратилась въ клубъ и громогласно объявила о неудачѣ своего посольства, то страсти разыгрались съ еще болѣею силой и общее волненіе достигло до ужасающаго размѣровъ. Трудно себѣ представить читателямъ, непокидавшимъ Англии, до какого унижательнаго положенія страха и трепета могутъ дойти англійскіе джентльмены, живущіе въ небольшомъ количествѣ среди многочисленнаго населенія туземцевъ или вывезенныхъ изъ другихъ странъ рабочихъ, съ которыми они, по ихъ собственнымъ словамъ, обходятся слѣпымъ мѣтвомъ и челолюбиво. Несмотря на всѣ подобныя лицемѣрныя увѣренія о своей добротѣ и гуманности, они не могутъ не придти въ ужасъ при одной мысли, что громадное орудающее ихъ большинство людей, имѣющихъ полное право жаловаться на несправедливое и жестокое съ ними обращеніе, неожиданно помяло свое право и рѣшилось, такъ или иначе, положить конецъ злоупотребленіямъ, доводящимъ ихъ до отчаянія и гибели. Къ этому страху, естественно, присоединяется и злоба, если опасность грозитъ не только личности, но и матеріальнымъ интересамъ этихъ почтенныхъ англійскихъ джентльменовъ.

Среди всеобщаго сматенія, случилось новое обстоятельство, немедленно собравшее всѣхъ посѣтителей клуба на крытую галлерею, выходящую на улицу. Одинъ изъ плантаторовъ, случайно подойдя къ окну, замѣтилъ, что мимо клуба шелъ Гонзалесъ,

но несчастью, увидавшій гнѣвные взоры, устремленные на него, только тогда когда уже поздно было отойти въ сторону. Плантаторъ указалъ своимъ товарищамъ на общаго врага, и мистеръ Гаррисъ, управляющій помѣстьемъ на арабійскомъ берегу, извѣстный своей грубой жестокостью, тотчасъ сбѣжалъ по лѣстницѣ на улицу, махая плеткой изъ воловьей кожи. Остановившись передъ удивленнымъ Гонзалесомъ, онъ молча схватилъ его за воротъ.

— Оставьте меня, сэръ, сказалъ португалецъ спокойно, стараясь высвободиться изъ рукъ неожиданнаго врага и невольно сожалея, что онъ не захватилъ изъ дома своего охотничьяго ножа.

— Оставить тебя, проклятый разбойникъ! воскликнулъ Гаррисъ: — ты вѣрно идешь къ своему сообщнику Вильямсу? Что ты, негодяй, затѣялъ съ кулиями?

— Все, что я дѣлаю, вполне законно, и еще разъ прошу васъ, оставьте меня. Иначе я буду вынужденъ жаловаться на васъ въ судъ.

— Жаловаться? заревѣлъ плантаторъ: — ну, такъ вотъ тебѣ, собака, чтобъ было на что жаловаться.

Съ этими словами онъ нанесъ изъ всей силы ударъ плеткой по лицу португальца, мгновенно покрывшемуся багрово-синимъ рубцомъ, а затѣмъ посыпались безчисленные удары по головѣ, плечамъ и туловищу, плохо защищенному легкой лѣтней одеждой. Долго продолжалась эта импровизированная экзекуція, пока палачъ не усталъ, а несчастная его жертва не грохнулась безчувственно на землю.

Все это видѣли благородные, мужественные британцы, сбѣжавшіеся на галерею, и ни одинъ изъ нихъ не протянулъ руки, чтобъ остановить бѣшенаго звѣря и положить конецъ отвратительной сценѣ. Между ними были даже чиновники, но и они, повидимому, одобряли это возмутительное самоуправство, считая его полезнымъ съ высшей государственной точки зрѣнія. Когда же Гаррисъ бросилъ почти бездыханное тѣло португальца и вернулся въ клубъ, едва переводя дыханіе отъ усталости, его встрѣтили громкой, шумной оваціей.

— Славно, молодецъ! мы за васъ стоимъ! раздавалось со всѣхъ сторонъ, и плантаторы сдержали свое слово.

Долго лежалъ Гонзалесъ безъ чувствъ на землѣ подъ палящими лучами тропическаго солнца, но никто изъ быстро-собравшейся вокругъ него толпы португальцевъ, негровъ и кулиевъ не смѣлъ оказать ему помощи. Наконецъ, двѣ монахини изъ католической обители подняли его на носилки и, съ помощью

нѣсколькихъ его друзей, унесли къ себѣ. Гонзалесъ былъ хорошо извѣстенъ во всей колоніи и глубоко-уважаемъ соотечественниками; поэтому, никогда англійскіе плантаторы, составляющіе незначительное меньшинство въ колоніи, не находились въ такой опасности, какъ въ этотъ день, но уже не отъ подозрѣваемыхъ индикуевъ, а отъ разгнѣванныхъ, пламенныхъ португальцевъ. Еслибы въ средѣ послѣднихъ нашелся энергичный, рѣшительный человѣкъ, который взялъ бы на себя руководить народнымъ движеніемъ, то немного писемъ пошло бы въ Европу съ слѣдующимъ пароходомъ изъ Демерары.

IX.

Возвратясь вечеромъ въ Belle Suzanne, Друмондъ разсказалъ собравшимся къ ужину зрителямъ обо всемъ, что случилось въ Джорджтаунѣ.

— Господа! прибавилъ онъ, окончивъ свой разсказъ: — мы всё находимся въ очень опасномъ положеніи и должны быть готовы принять участіе въ усмиреніи возстанія, которое я считаю очень вѣроятнымъ, хотя, никто не можетъ сказать, когда и гдѣ оно начнется. Между нашими куліями также уже давно замѣтны слѣды недовольства. Я полагаю, что вы, Читерь, правы, и Диллу, дѣйствительно, принималъ участіе въ составленіи петиціи. Онъ вскорѣ вернется изъ тюрьмы, и тогда за нимъ надо строго слѣдить. Онъ — самый ловкій и храбрый человѣкъ во всемъ помѣстьѣ, развѣ только Гунумунъ можетъ помѣряться съ нимъ.

— Да, сэръ, Гунумунъ ему не уступить въ хитрости и силѣ, замѣтилъ Читерь.

— Насчетъ его хитрости я не сомнѣваюсь, продолжалъ Друмондъ: — но никому изъ индусовъ нельзя довѣрять. Слѣдите зорко за всѣми куліями, но особенно за Диллу.

Проняся эти слова, Друмондъ знаменательно посмотрѣлъ на Крага, который сидѣлъ молча, нахмуривъ брови. Въ послѣдніе дни молодой шотландецъ былъ выведенъ изъ себя несправедливымъ, жестокимъ обращеніемъ въ Belle Suzanne съ куліями, особенно съ Лучми. Дѣйствительно, какъ только, по его просьбѣ, бѣдную женщину помѣстили въ лазаретъ, Читерь послалъ туда Рамдулу и, на основаніи одного ея показанія, что Лучми притворяется беременной, ее отправили, не подвергая докторскому освидѣтельствованію, снова на работу, а Гунумунъ принялъ мѣры, чтобъ ее заставляли съ утра до ночи полоть поля. Крагъ узналъ объ этомъ только черезъ два дня, когда уже было поздно;

Лучи вдругъ почувствовала приближеніе родовъ и, послѣшно отпавшая въ лазаретъ, родила съ величайшей опасностью для жизни мертвого ребенка.

— А вы не думаете, мистеръ Друмондъ, сказала Крэгъ рѣзко, не обращая вниманія на то, что хозяинъ находился далеко не въ милостивомъ расположеніи духа: — что Диллу былъ бы вовсе не опасенъ, еслибъ съ нимъ лучше обходились? Помните, какъ онъ хорошо велъ себя во время ареста Чинафу!

— Чортъ возьми! воскликнулъ Друмондъ:—не время быть мягкимъ теперь, когда всѣмъ намъ грозитъ смерть. Если Диллу одинъ разъ хорошо велъ себя, то я и хотѣлъ за это его вознаграждать, но онъ самъ, негодяй, воспротивился и довелъ себя до тюрьмы. Слыхали вы, что о немъ говоритъ Читеръ? Гунумунъ же прямо обвиняетъ его въ составленіи заговора съ другими индусами.

— Мнѣ ничего не говорилъ мистеръ Читеръ, отвѣчалъ Крэгъ: — а Диллу мнѣ всегда казался тихимъ, работающимъ кулией.

— Не заботьтесь о немъ, замѣтилъ Друмондъ:—я боюсь, что онъ надѣляетъ намъ много хлопотъ по возвращеніи изъ тюрьмы.

— Можетъ быть, отвѣчалъ Крэгъ сухо: — то, что онъ услышитъ отъ своей жены, конечно, не смягчитъ его сердца въ отношеніи мистера Читера и Гунумуна. Я согласенъ, что если онъ придетъ въ бѣшенство, то имъ не сдобровать.

— На что вы намекаете? произнесъ Читеръ, поблѣднѣвъ отъ страха и злобы: — я не имѣлъ ничего общаго съ этой женщиной.

— Я васъ ни въ чемъ не обвиняю, но Диллу, какъ вамъ извѣстно—сильный и смѣлый индусъ, и узнавъ о томъ, что случилось съ его женою и что вы послали ее изъ лазарета на работу, онъ можетъ вывести самое неожиданное для васъ заключеніе.

— Чортъ васъ возьми, сэръ! воскликнулъ Читеръ внѣ себя отъ гнѣва:—вы мнѣ дадите удовлетвореніе за...

— Довольно, господа! произнесъ грозно Друмондъ:—теперь не время для ссоръ и каждый изъ васъ, который вадумаетъ ссориться съ товарищемъ, будетъ имѣть дѣло со мною, а если я узнаю о дракѣ или дуэли, то убью на мѣстѣ соперниковъ. Успокойтесь, Читеръ, Крэгъ—еще юноша. А вы, Крэгъ, затѣмъ хвѣшиваетесь въ дѣло этихъ негодяевъ? Мы теперь должны хвѣствовать всѣ за одно, охраняя свою жизнь и собственность. Вскорѣ будетъ праздникъ *Таджи*; мы не можемъ его отпѣнить, а вѣрьте мнѣ—тутъ будетъ работа чорту. Не говорите ни кому, но я вамъ привезъ оружіе, прибавилъ онъ, раздавая каждому

*

смотрителю по револьверу:—не показывайте вида, что вы боитесь индусовъ, но слѣдите за ними зорко и доносите мнѣ о всемъ, что случится. Крапитонъ, примите мѣры, чтобы каждую ночь, прежде чѣмъ идти спать, двое изъ васъ осматривали аккуратно всѣ жилища кулиевъ.

Опасенія Друмонда на счетъ приближенія праздника *Таджи* имѣли основаніе. Этотъ праздникъ, соответствующій магометанскому Могуруну въ Индіи, возбуждаетъ безпокойство мѣстныхъ властей и плантаторовъ даже въ мирное время, потому что кули, собираясь толпами для его празднованія, устраиваютъ нѣчто въ родѣ карнавала и происходящія тутъ поединки часто оканчиваются очень печально. Пользуясь этимъ удобнымъ случаемъ, они сводятъ между собою счеты по старымъ распрямъ, и однажды дѣло дошло до правильной битвы между кулиами трехъ помѣстій, съ одной стороны, и трехъ—съ другой, причемъ было убито два человѣка и нѣсколько ранено ружейными выстрѣлами, не считая множества пострадавшихъ отъ палочныхъ ударовъ и бросанія кирпичей. Въ настоящее же время волненіе между кулиами было такъ сильно, что нельзя было не опасаться серьезныхъ беспорядковъ во время *Таджи*.

Такимъ образомъ, естественно, что Друмондъ, подчиняясь общей паникѣ, находился въ возбужденномъ состояніи человѣка, думающаго только о самосохраненіи и считающаго совершенно искренно, что въ минуту общественной опасности, доброта—непростительная слабость, а недостаточно горячій сторонникъ—презрѣнный измѣнникъ. Въ его глазахъ, для спасенія колоній отъ тяжелаго удара, если не отъ совершенной гибели, необходимо дружный отпоръ всѣхъ бѣлыхъ, и, конечно, онъ не могъ допустить, чтобы его смотритель подчинялъ великое дѣло самосохраненія отвлеченной идеѣ справедливости, и потому онъ очень рассердился на Крага, тѣмъ болѣе, что въ сущности любилъ молодого шотландца.

Съ своей стороны, Крагъ, обдумывая все, что онъ слышалъ за ужинномъ, не могъ не сознать, что его положеніе было неловкое, даже опасное. Тонъ Друмонда, его странное, необычайное волненіе и совершенно новый въ немъ цинизмъ возбуждали неприятныя мысли въ головѣ неопытнаго юноши. Если осторожный, благоразумный, практическій хозяинъ Belle Suzanne выходилъ изъ себя и терялъ всякое самообладаніе, то чего было ожидать отъ болѣе грубыхъ и слабыхъ натуръ! Что касается Читера, то Крагъ ломалъ себѣ голову: зачѣмъ этотъ злобный мулатъ преслѣдовалъ Лучми и Диллу? Онъ не зналъ о неприятной исторіи, бывшей у Читера съ молодымъ индусомъ, но былъ

убѣжденъ, что онъ, по какой-то невѣдомой причинѣ, намѣренно заставилъ Лучми черезъ силу работать. Чувство благодарности къ ея заботливому уходу о немъ, во время его болѣзни, побуждало Крэгга, особливо теперь, въ критическую минуту для погѣбства и всей колоніи, принять ее подъ свое покровительство. Онъ былъ увѣренъ, что Диллу, по выходѣ изъ тюрьмы, сдѣлаетъ что-нибудь смѣлое, отважное, и рѣшился, во что бы то ни стало, оказать помощь женщинѣ, которой онъ былъ обязанъ жизнью. Но какъ было ему поступить въ этомъ затруднительномъ положеніи, въ виду грозныхъ предостереженій Друмонда? Не зная, какія мѣры лучше принять для обезпеченія судьбы бѣдной женщины, онъ вспомнилъ о добромъ обращеніи съ нею Нины и, рассказавъ ей въ чемъ дѣло, просилъ у нея совѣта.

— Берегитесь, масса Крэгъ, отвѣчала она:—Друмондъ ужасно взбѣшенъ на васъ. Когда вы ушли, онъ сказалъ Крамптону, что вы—дуракъ и идиотъ, а если онъ узнаетъ, что вы потакаете куліямъ, то подвергнетъ васъ жестокому наказанію. Берегитесь, мистеръ Крэгъ, вы не знаете, до чего теряютъ голову эти люди, когда дѣло идетъ объ ихъ безопасности. Потому, остерегайтесь Четера и Мартинго. Я давно слѣжу за ними; они васъ ужасно ненавидятъ. Я сама слышала, какъ они говорили, что васъ необходимо выжить отсюда.

Крэгъ закусылъ губу и тяжело перевелъ дыханіе. Неужели онъ не былъ свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и ему могли помѣшать исполнить то, что онъ считалъ своей обязанностью? Его благородная, мужественная натура возстала противъ подобной мысли.

— Нина, отвѣчалъ онъ:—еслибъ не эта бѣдная женщина, я самъ ушелъ бы отсюда. Мнѣ опротивѣла эта жизнь, но благодарность къ Лучми и еще другія причины удерживаютъ меня.

Нина улыбнулась, но, такъ какъ они разговаривали въ сумеркахъ, то Крэгъ этого не замѣтилъ.

— Еслибъ вы когда-нибудь навѣстили миссъ Марстонъ, сказала она тихо:—то, быть можетъ, эта прекрасная молодая дѣвушка помогла бы вамъ въ вашихъ заботахъ о Лучми.

— Отличная мысль, Нина! воскликнулъ Крэгъ:—женскій совѣтъ всегда лучше мужскаго. Можетъ быть, миссъ Марстонъ уговоритъ своего отца сдѣлать что-нибудь для бѣдной женщины.

Въ послѣднихъ словахъ Крэгга ясно выразилась его почти дѣтская наивность, такъ какъ нельзя было ожидать, чтобы судья выѣхался во внутреннія дѣла Друмонда по управленію его погѣбства. Но мысль эта успокоила молодого человѣка, и въ сердцѣ его возродилась надежда. Кромѣ того, онъ былъ радъ уви-

дать эту прелестную молодую дѣвушку и откровенно поговорить о своемъ затруднительномъ положеніи съ такимъ умнымъ, симпатичнымъ существомъ. Сердце его давно жаждало сочувствія, а въ послѣднее время онъ не только любовался на миссъ Марстонъ по воскресеньямъ въ церкви, но, получивъ любезное приглашеніе отъ мистера Марстона, былъ раза два у него и заставлялъ дома только одну Изабеллу, которая принимала живѣйшее участіе въ куліяхъ, конечно, только потому, что она интересовалась самимъ Крэгомъ. Она спрашивала Крэга объ его занятіяхъ, о положеніи куліевъ и съ восторгомъ замѣчала, какъ разумно и справедливо онъ говорилъ объ отношеніяхъ хозяевъ къ рабочимъ. Послѣ ухода Крэга, она передавала его слова отцу, на котораго они производили сильное впечатлѣніе, хотя онъ и старался ихъ опровергать. Въ сущности же, онъ очень уважалъ молодого зрителя за то, что онъ не раздѣлялъ узкихъ, корыстныхъ мнѣній своего хозяина и товарищей, но конечно, онъ изъ осторожности не высказывалъ этого никому. Что же касается самого Крэга, то болѣе близкое знакомство съ Изабеллой, вмѣстѣ съ воспоминаніемъ объ ея добротѣ къ нему во время его болѣзни, развили въ немъ глубокое къ ней сочувствіе, которое еще не переходило въ болѣе пламенное чувство, благодаря его осторожному, строго честному характеру и отсутствію прямого поощренія со стороны скромной молодой дѣвушки.

Въ слѣдующее воскресенье, онъ, при выходѣ изъ церкви, подошелъ къ Изабеллѣ Марстонъ и, видя, что отецъ ея былъ занятъ оживленнымъ разговоромъ съ двумя плантаторами, предложилъ проводить ее домой. Онъ никогда еще не рѣшался на такой смѣлый шагъ, но молодая дѣвушка съ улыбкой согласилась.

— Миссъ Марстонъ, сказалъ онъ по дорогѣ: — я знаю, что вы интересуетесь Лучми. Помните, я разъ видѣлъ васъ у нея въ жилищѣ?

Валла очень хорошо помнила эту встрѣчу и слегка покраснѣла.

— Она была больна и теперь очень несчастна, продолжалъ Крэгъ: — ея мужъ все еще въ тюрьмѣ, она одна, среди чужихъ людей, и если я смѣю при васъ говорить о такомъ предметѣ, то мнѣ кажется, что ее преслѣдуютъ двое смотрителей. Я не хочу ихъ обвинять ни въ чемъ дурномъ; они часто имѣютъ дѣло съ хитрыми, безсовѣстными рабочими и, быть можетъ, считаютъ Лучми за дурную женщину, хотя я убѣжденъ, что она — хорошая и достойная во всѣхъ отношеніяхъ; иначе, прибавилъ

онъ, бросая восторженный взглядъ на молодую дѣвушку:—я не позволяю бы себѣ говорить вамъ о ней.

— Все, что я знаю о Лучми, говорить только въ ея пользу, отбѣчала съ жаромъ Изабелла, тронутая лестнымъ комплиментомъ юноши:—я очень желала бы помочь ей выдти изъ ея терпимнаго положенія, которое, очевидно, не по ней.

— Я чрезвычайно радъ это слышать! воскликнулъ Крэгъ:— я также убѣжденъ, что она достойна лучшей участи. Но, право, не знаю, какъ спасти ее отъ несчастной судьбы. Диллу обязанъ отслужить свои года у Друмонта, и тотъ, конечно, не отпуститъ его ранѣ срока. Кромѣ того, онъ считаетъ Диллу непокорнымъ и даже открыто враждебнымъ работникомъ, такъ что на Друмонта невозможно надѣяться. Лучми теперь въ госпиталѣ и все, что я могъ бы сдѣлать для нея, только возбудить подозрѣніе противъ меня въ настоящую критическую минуту; поэтому, я думаю спросить у васъ совѣта, что мнѣ дѣлать. Или, быть можетъ, вы сами будете такъ добры, что возьмете на себя попеченіе о ней. Извините меня, что я васъ беспокою; но вы знаете, какъ много я ей обязанъ.

Эти прямыя, откровенныя слова Крэга привели въ нѣкоторое смущеніе молодую дѣвушку. Она могла сожалѣть Лучми, какъ бѣдное, несчастное созданіе, но, какъ женщина, которою интересовался Крэгъ, юная индустанка была ей антипатична. Однако, борьба между мелочной ревностью и искренней добротою не можетъ долго продолжаться въ благородномъ сердцѣ, а потому Изабелла всею душою отдалась добродѣлю, которое, повидимому, такъ интересовало юношу.

— Я думаю, что намъ лучше теперь прекратить этотъ разговоръ, сказала она поспѣшно:—вонъ идетъ папа, а онъ слишкомъ дружелюбенъ съ Друмондомъ, чтобъ помочь намъ въ этомъ дѣлѣ. Я пойду завтра къ Лучми и посмотрю, что можно будетъ для нея сдѣлать. Благодарю васъ, мистеръ Крэгъ, что вы довѣрились мнѣ, несмотря на мою молодость и неопытность.

— Моя мать говаривала, что сердце женщины умнѣе двухъ мужскихъ головъ.

— Но я еще не женщина, сказала Бэлла, покраснѣвъ:—если слова вашей матери и справедливы. Но будьте увѣрены, я сдѣлаю все, что могу. Вотъ и папа.

Судья очень любезно пожалъ руку Крэгу и, въ удивленію обожая молодыхъ людей, пригласилъ его къ обѣду. Хотя болѣе не представилось случая продолжать прерванный разговоръ, но Крэгъ былъ очень счастливъ въ обществѣ Бэллы, а его простой, но толковый и умный разговоръ не только обворожилъ молодую

дѣвушку, но и Марстонъ, послѣ его ухода, отзывался въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ объ его способностяхъ и приличномъ обращеніи.

На другое утро, миссъ Марстонъ отправилась съ Саркофагомъ въ лазаретъ Belle Suzanne, гдѣ отыскала Лучми на галлерей. Ея мелодичный голосъ, добрыя слова, свѣтлая улыбка и чашка прекраснаго желе подѣйствовали чрезвычайно успокоительно на бѣдную больную.

Конечно такое необыкновенное посѣщеніе не, могло не дойти до свѣденія Друмонта, и онъ прямо отправился въ лазаретъ.

— Миссъ Марстонъ! воскликнулъ онъ, довольно грубо:—какимъ образомъ вы попали сюда? Что здѣсь можете интересоваться первую красавицу Демерары?

— Я пришла навѣстить бѣдную женщину, которая, я слышала, очень больна.

— Но откуда вы это узнали?

— Очень просто, отвѣчала Изабелла слегка покраснѣвъ:—напа вчера пригласилъ обѣдать мистера Крэга, и онъ, между прочимъ упомянулъ объ этой женщинѣ, которую я прежде видала раза два. Она меня всегда интересовала, а теперь, кажется, дѣйствительно очень больна и несчастна.

Друмонтъ взглянулъ на Лучми и согласился съ молодой дѣвушкой. Съ инстинктивнымъ состраданіемъ онъ опустился на одно колено передъ постелью больной и поправилъ ей подушки. Она вздрогнула и отвернулась отъ него. Онъ это замѣтилъ, и сердце его тотчасъ оледенѣло. Онъ всталъ и равнодушно провнесъ:

— Вы очень добры, миссъ Балла, что посѣтили больную, но за нею здѣсь хорошій уходъ, и ваши посѣщенія могутъ быть истолкованы въ дурную сторону. При томъ же, теперь вѣдусы такъ возбуждены, что вамъ даже опасно ходить по нашимъ помѣстьямъ.

Изабелла поняла, что Друмонтъ нарочно говорилъ такъ грубо, чтобъ сразу отнять у нея всякое желаніе вмѣшиваться въ дѣла его рабочихъ, но она такъ пламенно желала сдѣлать пріятное Кругу и вообще отличалась такимъ гордымъ, самостоятельнымъ характеромъ, что рѣзко отвѣчала:

— Я нисколько не боюсь кулиевъ, мистеръ Друмонтъ, и очень интересуюсь этой бѣдной женщиной. Но если вы не желаете, чтобъ я оказала ей какуюнибудь помощь, то скажите прямо и объясните почему?

— Вы меня не поняли, отвѣчалъ Друмонтъ, кусая губы:— я только боюсь за васъ.

— Если вы не желаете, я болѣе сюда не приду; но надѣюсь, что, когда она выздоровѣетъ, то вы не воспретите ей посѣщать меня?

Друммондъ согласился на это, хотя очень неохотно. Бедла поспѣшно удалилась. Могущественному плантатору очень не нравилось это посѣщеніе; онъ все болѣе и болѣе сердился на Крэга, который, какъ онъ подозревалъ, былъ главной причиной этого непрощеннаго вмѣшательства чужихъ людей въ дѣла его рабочихъ; но еще не наступило время для принятія рѣшительныхъ мѣръ, и онъ затанлъ негодованіе противъ юнаго смотрителя въ глубинѣ своего сердца.

Черезъ недѣлю послѣ посѣщенія миссъ Марстонъ, Лучми, хотя еще очень слабая, вышла изъ лазарета, чтобъ привести въ порядокъ свою хижину къ возвращенію мужа. Пробираясь медленными шагами къ своему скромному жилищу, она встрѣтила Крэга, который возвращался на мулъ съ дальняго поля, гдѣ работалъ его отрядъ. Увидавъ Лучми, онъ соскочилъ на землю и взявъ бѣдную женщину подъ руку, осторожно повелъ къ хижинѣ, отстоявшей не болѣе, какъ въ ста ярдахъ. Изнуренное лицо ея засвѣтилось благодарностью и удовольствіемъ. Достигнувъ двери дома, Крэгъ взялъ у нея изъ рукъ ключъ, отперъ дверь и, впустивъ ее въ комнату, остановился на порогѣ. Его мучила мысль, какъ она должна была чувствовать себя одинокой и несчастной. Черезъ минуту, онъ быстрыми шагами отправился въ Гинитаунъ и, войдя въ лавку одного изъ агентовъ несчастнаго Гонзалеса, купилъ все, что, по его мнѣнію, могло быть необходимымъ для Лучми въ подобныхъ обстоятельствахъ. Онъ долго размышлялъ о томъ, что именно купить, и, наконецъ, остановился на слѣдующихъ предметахъ: пяти фун. риса, небольшомъ горшкѣ меда, ящикѣ ночниковъ, коробѣ спичекъ, бутылкѣ водки, пол-ведра керосина, пол-штофѣ кокосоваго масла. Все это онъ завернулъ и тѣми же быстрыми шагами возвратился съ покупками въ Belle Suzanne, не замѣчая, что какъ въ Гинитаунѣ, такъ и обратно за нимъ слѣдовала по пятамъ, прячась за вустами, Рамдула, которой Читтеръ приказалъ зорко слѣдить за всѣми движеніями Крэга.

Остановившись у двери, онъ постучалъ, и Лучми показавшаяся на порогѣ чрезвычайно перепуганная. Было уже поздно, солнце только что сѣло, и мгновенно наступила тропическая темнота. Голосъ Крэга, однако, успокоилъ ее, и, войдя въ хижину онъ тотчасъ зажегъ ночникъ. Въ ту же минуту подкралась снаружи къ хижинѣ Рамдула и припала ухомъ къ стѣнѣ.

— Лучми, сказалъ Крэгъ, смотря на слезы, струившіяся по темнымъ щекамъ бѣдной женщины:—не плачьте. Я вамъ принесъ много вещей, взгляните.

Не смотря на развѣртываемыя вещи, она опустилась передъ нимъ на колѣни и поцѣловала ему руку прежде, чѣмъ онъ успѣлъ ее отдернуть. Но это первобытное выраженіе благодарности нисколько его не разсердило. Онъ нѣжно взглянулъ на нее. Хотя она сильно исхудала отъ болѣзни, но красота ея не исчезла и, при слабомъ мерцаніи ночника правильныя черты ея лица и блестящія темныя глаза поражали какой-то дивной прелестью. Рука ея горѣла и крѣпко пожимала пальцы молодого человѣка. Какое-то новое, невѣдомое чувство овладѣло имъ.

— О! масса слишкомъ добръ до Лучми! Благодарствуйте, благодарствуйте!

Она нагнулась еще ниже и припала губами къ его ногѣ. Въ этомъ дѣтскомъ энтузіазмѣ было что-то чарующее.

— Тихе, Лучми, что вы дѣлаете? сказала Крэгъ, взявъ ее за талию обѣими руками и, приподнявъ, поставилъ на ноги:— я принесъ вамъ это, потому что вы были очень добры ко мнѣ во время моей болѣзни. Покушайте чего-нибудь. А я долженъ уйти, прощайте!

Онъ посадилъ ее и поспѣшно выбѣжалъ изъ хижины. Какой-то страхъ напалъ на него. Держа въ рукахъ граціозную, стройную фигуру молодой женщины и чувствуя подъ своими пальцами биеіе ея сердца, онъ созналъ впервые, что она—не ребенокъ, а женщина. Въ первомъ минутѣ, онъ ощутилъ необъяснимое счастье, но потомъ ему сдѣлалось странно, и онъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ отъ рокового соблазна.

Волненіе, овладѣвшее имъ, было такъ сильно, что онъ не былъ въ состояніи явиться къ ужину, а долго ходилъ ночью взадъ и впередъ по полянѣ, пока не успокоился. Конечно, его отсутствіе было замѣчено, и на, другое утро Читеръ узналъ отъ Рамдуи о томъ, что Крэгъ былъ въ хижинѣ Лучми, но что именно тамъ произошло—шпіонка не могла вполне разсмотрѣть. Во всякомъ случаѣ, странное поведеніе Крэга служило доказательствомъ, что случилось нѣчто важное.

Между тѣмъ, Лучми не испытала тѣхъ пламенныхъ мученій, которыя терзали сердце юнаго зрителя. Она, какъ ребенокъ радовалась его добротѣ и чувствовала къ молодому человѣку только нѣжную привязанность, которая нисколько не грозила опасностью ея преданной любви къ мужу.

X.

Возвращеніе Диллу домой, послѣ мѣсячнаго тюремнаго заключенія, было самымъ мрачнымъ и опаснымъ моментомъ его жиз-

ив. Полный негодованія, ненависти и жажды мести, онъ готовъ былъ на всякій отчаянный шагъ, тѣмъ болѣе, что и въ тюрьмѣ доходили до него слухи о движеніи, происходившемъ среди кулиевъ, а дома его ожидало новое горе, которое послужило пороховой ниткой для взрыва мины. Подходя къ тонкимъ стѣнамъ своего жилища, онъ услышалъ плачь и стоны Лучми, которая, при видѣ мужа, тихо встала и, бросившись къ нему на шею, долго рыдала, не говоря ни слова. Черныя, ужасныя мысли боролись въ его головѣ. Онъ видѣлъ, что она была больна и съ нетерпѣніемъ поглядывала вокругъ себя въ надеждѣ увидать желаннаго ребенка. Но не видно было колибели, не слышно дѣтскаго крика.

— Лучми! воскликнулъ онъ: — жизнь моя! сердце мое! Душа моя скорбитъ, милая Лучми!

Онъ опустился на полъ, какъ бы сраженный горемъ, а Лучми, вставъ на колѣни, съ безновойствомъ смотрѣла на его изнуренное, испятое лицо.

— Дядю, сказала она, стараясь его успокоить: — не горюй! Лучше, что мы одни страдаемъ, чѣмъ дѣлать несчастнымъ еще третье маленькое невинное созданіе.

Дядю тяжело вдохнулъ и, поборовъ свое волненіе, всталъ, мрачный, рѣшительный. Онъ попросилъ пить и, когда жена подала ему чашку воды, то онъ только смочилъ губы и бросилъ чашку о дверь съ такой силой, что она разлетѣлась въдребезги.

— Клянусь источникомъ моей жизни, воскликнулъ онъ: — клянусь моимъ духомъ хранителемъ и Шивой, великимъ истребителемъ, и всѣми силами неба, земли и моря, что я всю жизнь посвящу мести низкимъ злодѣямъ, которые держатъ насъ въ неволѣ. Днемъ и ночью, во всѣ времена года, всюду и всегда я буду стремиться къ ихъ уничтоженію и гибели!

Эта вспышка, казалось, успокоила его, но Лучми тяжело вздохнула.

Прошло не болѣе недѣли послѣ возвращенія Дядю, какъ однажды, часа въ четыре, Изабелла Марстонъ неожиданно зашла въ его хижину, въ сопровожденіи Сарофага, который несъ корзинку съ различными лакомствами. Лучми сидѣла на порогѣ и, увидавъ молодую дѣвушку, встала и граціозно поклонилась. Нѣжная предупредительность Изабеллы во время посѣщенія ея лазарета совершенно побѣдила сердце индустанки, ревность которой была чисто инстинктивной и не шла далѣе желанія монополизировать вниманіе Крѣга. Тонкости платонической любви и соблазны преступной страсти были ей одинаково неиз-

вѣстны; она была слишкомъ невиннымъ ребенкомъ и слишкомъ любила мужа, чтобъ позволить своему воображенію увлечь ее по опасному пути.

— Здравствуйте, Лучми, сказала Бэлла:—вы поправились?

— Да, мисса, и мужъ вернулся, отвѣчала индустанка, указывая на Диллу, который внутри хижины рѣзалъ на длинныя полоски листы пестрой, блестящей бумаги.

— А! промолвила Бэлла:—вы дѣлаете приготовленія къ Таджи! Я совсѣмъ забыла, что вашъ праздникъ приближается.

Диллу всталъ съ низенькаго стула, на которомъ сидѣлъ, и взглянулъ на красивую молодую дѣвушку, стоявшую въ дверяхъ его хижины. Она была очаровательна при яркомъ солнечномъ освѣщеніи, но на лицѣ его не показалось пригѣтливой улыбки, и его насупленный взглядъ выражалъ попрежнему мрачное сознаніе переносимыхъ несправедливостей.

— Да, отвѣчалъ онъ, кивая головой:—Таджа наступаетъ.

— Диллу, продолжала Бэлла: — я познакомилась съ Лучми, когда вы... когда васъ не было дома. Мнѣ очень жаль васъ обоихъ, и я надѣюсь, что вы, Диллу, не были жертвою ошибки и не пострадали невинно.

— Гм! произнесъ Диллу, не взявъ протянутой ему руки, а низко кланаясь:—судья отправилъ Диллу въ тюрьму, но Диллу не сдѣлалъ ничего дурного. Таджа наступаетъ.

Индустанецъ не зналъ, съ кѣмъ говорилъ, а потому жена его тотчасъ сказала на ихъ родномъ языкѣ:

— О! Диллу, не будь такъ грубъ съ прекрасной миссой: она — дочь судьи.

Диллу бросилъ гнѣвный взглядъ на жену и отвѣчалъ скрежеща зубами:

— Измѣнница! ты хочешь предать меня врагамъ. Что ей здѣсь нужно?

Не обращая вниманія на упреки мужа, Лучми прижала къ своему сердцу протянутую руку молодой дѣвушки и потомъ насильно соединила ее съ рукою Диллу.

— Ты несправедливъ къ женѣ и оскорбляешь ее благодѣтельница, произнесла Лучми:—хотя она и дочь судьи, который сдѣлалъ тебѣ столько вреда, но она въ этомъ невиновата. Она навѣстила меня во время моей болѣзни и теперь, любезно вспомнивъ обо мнѣ, принесла подарки. Ты долженъ быть благодаренъ всякому, кто дѣлаетъ мнѣ добро.

Диллу взглянулъ подозрительно на Лучми и ея гостью; странная борьба, очевидно, происходила въ его сердцѣ. Наконецъ, онъ вырвалъ свою руку и поспѣшно вышелъ изъ хижины. Луч-

ми старалась извинить его поступокъ передъ Изабеллой, которая, хотя и не поняла словъ Диллу, но отгадала по тону и жестамъ ихъ смыслъ. Конечно, пламенная враждебность индуса возбудила въ ней безпокойство, но все же она сѣла подлѣ Лучми и съ удивительнымъ терпѣніемъ вывѣдала отъ нея всю исторію ея жизни, особливо ихъ несчастнаго существованія въ Belle Suzanne. Откровенныя сѣтованія индустанки на несчастную судьбу кулиевъ возбудили въ сердцѣ молодой англичанки совершенно новыя мысли и симпатіи. Совѣсть начала ее упрекать, что она вела спокойную, праздную жизнь, когда вокругъ нея была столько зла и несправедливости. Согласно то, что она слышала отъ Крѣга о положеніи кулиевъ, съ простымъ, искреннимъ разказомъ Лучми, она съ ужасомъ спрашивала себя: неужели это было правда и ея отецъ составлялъ звено роковой системы, обусловливавшей подобныя несправедливости? Тревожимая этими мыслями, она простилась съ Лучми и просила всегда рассчитывать на ея помощь, въ случаѣ новаго несчастія, которое, въ виду возбужденнаго состоянія Диллу, могло случиться очень скоро.

— Саркофагъ, сказала Балла, выйдя изъ хижины:—говорятъ, есть кратчайшій путь домой чрезъ сосѣднее помѣстье?

— Да, отвѣчалъ негръ:—но по этой дорогѣ возвращаются теперь съ работы всѣ кули, а вамъ небезопасно встрѣчать ихъ.

Въ головѣ Баллы блеснула мысль, что, если по этой дорогѣ шли всѣ кули, то ихъ сопровождали и смотрители, а потому она тотчасъ изъявила желаніе избрать этотъ кратчайшій путь. Конечно, въ подобномъ дѣйствіи молодой дѣвушки не было ничего удивительнаго, такъ какъ она уже давно не видала Крѣга.

Саркофагъ пошелъ впередъ, а Изабелла послѣдовала за нимъ. Съ первыхъ же шаговъ имъ стали попадаться на встрѣчу кули. На ихъ обнаженныхъ рукахъ и ногахъ видѣлись слѣды грязной, пыльной работы; они несли за плечами свои желѣзныя матышки или размахивали по воздуху острыми клинками, которыми пололи заросшія травой и кустарниками поля. Они останавливались и съ любопытствомъ смотрѣли на негра и его бѣлую госпожу; въ ихъ взглядахъ сверкала даже грубая злоба, и Балла видя, что ихъ число все увеличивалось, начала уже сожалѣть о томъ, что не пошла по обыкновенному пути. Чтò же касается до Саркофага, то онъ былъ внѣ себя отъ страха и въ сильномъ смущеніи сбился съ дороги, взявъ тропинку, которая оканчивалась на границѣ помѣстья и далѣе никуда не вела. Это еще болѣе изумило кулиевъ, и они остановились, не давая пройти этимъ страннымъ путникамъ.

Положеніе молодой дѣвушки было очень затруднительное. На лѣво отъ тропинки танулся каналъ въ 12 фут. ширины, а направо—боръ, заросшій тропической травой и кустарникомъ. Балла взглянула по сторонамъ, и всюду чернѣлись массы кулиевъ, которые могли совершенно безнаказанно подвергнуть ее всевозможнымъ оскорбленіямъ.

— Пропустите! произнесъ, наконецъ, Саркофагъ махая рукою:— это—миссъ Марстонъ, дочь судьи.

— Дочь судьи! раздалось въ толпѣ, и много злобныхъ взглядовъ устремилось на Баллу.

— Идіотъ! воскликнула молодая дѣвушка, гнѣвно взглянувъ на Саркофага; но въ ту же минуту его схватили трое или чет, веро кулиевъ и завязали руки на спину, но онъ огласилъ воздухъ такимъ страшнымъ крикомъ, что его тотчасъ отпустили. Почти въ тоже мгновеніе изъ ближайшихъ кустовъ высочилъ неожиданно Диллу и, пробивъ кулаками себѣ дорогу въ толпѣ къ мѣсту, гдѣ стояла Изабелла, сказалъ по индустантски нѣсколько гнѣвныхъ словъ. Кулии немедленно разошлись, а Диллу, указывая на дорогу, воскликнулъ: «масса Крэгъ!» и исчезъ за другими въ обружающихъ кустахъ.

— Миссъ Марстонъ! произнесъ Крэгъ, подъѣзжая на мулъ:— что вы здѣсь дѣлаете въ такое смутное время? Отчего вы такъ блѣдны? Что случилось? Почему кулии окружали васъ со всѣхъ сторонъ?

— Не пугайтесь, мистеръ Крэгъ, отвѣчала Балла, стараясь оправиться отъ своего смущенія:— все это пустяки, но я немного испугалась многочисленной толпы.

— Дайте мнѣ руку, миссъ Марстонъ, я провожу васъ до дому сказалъ Крэгъ:— а Саркофагъ отвелъ моего мула.

Поддерживая миссъ Марстонъ, Крэгъ чувствовалъ себя счастливымъ рыцаремъ, спасшимъ даму сердца, а Балла опиралась съ блаженствомъ на руку своего освободителя. Однако, когда она совершенно оправилась отъ смущенія, то нѣжно освободилась отъ его поддержки, считая неприличнымъ дозволять зрителю подобную вольность, хотя этого никто не видалъ. Крэгъ, съ своей стороны, былъ очень задумчивъ и мало говорилъ, такъ что они почти молча достигли судейскаго дома. Эта холодность юноши оскорбляла Баллу, но, въ сущности, она происходила только отъ излишней скромности юноши, который, помня жестокую борьбу, возбужденную въ его сердцѣ роковымъ соблазномъ, явившимся ему въ лицѣ бѣдной Лучми, боялся подпасть подъ чарующее вліяніе женской любви. Онъ не понималъ, что любовь такой женщины, какъ Балла, благотѣтельно согрѣваетъ сердце, развиваетъ

умъ и ставитъ цѣлью человѣческихъ стремленій здравые, возвышенные идеалы, вмѣсто удовлетворенія низкихъ страстей.

У дверей своего дома Балла остановилась; ей впервые вошла въ голову мысль, что они еще не рѣшили, какъ поступить относительно только-что случившагося эпизода.

— Войдите, пожалуйста, и поговорите объ этомъ съ отцомъ, сказала она, и Крэгъ повиновался, какъ бы чувствуя, что разговоръ съ судьей составлялъ его святую обязанность.

Марстонъ былъ очень испуганъ и раздосадованъ этой исторіей. Съ одной стороны, оказывалось, что куліи были одушевлены болѣе мятежными стремленіями, чѣмъ онъ полагалъ, а съ другой— роль его дочери была очень странная и трудно объяснимая.

— Тебѣ не слѣдовало идти самой, а позвать эту индустанку къ себѣ, если ты хотѣла ей благодѣтельствовать, сказалъ онъ:— Друмондъ очень разсердится, узнавъ объ этомъ происшествіи, а онъ ужъ и такъ хорошъ.

Но тутъ судья остановился, вспомнивъ, что передъ нимъ стоитъ подчиненное лицо Друмонда.

— Папа, вы не знаете, что я слышала! воскликнула Балла съ жаромъ:— бѣдную Лучми преслѣдовали самымъ ужаснымъ образомъ, и вы, папа, кажется, несправедливо осудили ея мужа. Все это была ошибка, и смотритель Друмонда далъ ложное показаніе.

Марстонъ взглянулъ на дочь съ изумленіемъ; ея смѣлость ставила его въ тупикъ.

— Я боюсь, мистеръ Марстонъ, что это правда, сказалъ Крэгъ искренно:— Лучми была жертвою жестокаго обращенія. Четерь и Гунумунъ составили, повидимому, заговоръ, чтобъ погубить ее и ея мужа. Вашъ приговоръ въ дѣлѣ Диллу былъ основанъ на ложныхъ показаніяхъ негодяя Читера.

— Гм! сказалъ судья съ раздраженіемъ и вскакивая съ мѣста:— Мистеръ Крэгъ! Мистеръ Крэгъ! вы напрасно со мною такъ говорите. Мнѣ не подобаетъ въ моемъ положеніи васъ слушать. Вы оба (сердце Баллы радостно забилося при этомъ первомъ соединеніи ихъ именъ) увѣраете меня, что я постановилъ несправедливый приговоръ и, кромѣ того, вы, мистеръ Крэгъ, отзываетесь о вашемъ товарищѣ самымъ недостойнымъ, даже преступнымъ образомъ, если не имѣете достовѣрныхъ доказательствъ въ справедливости вашихъ словъ.

— Можетъ быть, моихъ доказательствъ недостаточно, чтобъ обвинить его на судѣ, отвѣчалъ Крэгъ:— но, еслибы вы мнѣ позволили наединѣ передать вамъ всѣ факты этого дѣла, то я убѣжденъ, что вы признали бы со стороны Читера и Гунумуна низкій заговоръ противъ Диллу.

— Но я именно и не долженъ, какъ судья, слушать подобныхъ вѣ-судебныхъ показаній противъ лицъ, находящихся подъ моею юрисдикціей, воскликнулъ Марстонъ.

— Но, папа, сказала Бэлла:—вѣдь мистеръ Друмондъ приходилъ же до суда къ вамъ и рассказывалъ различныя исторіи о куліяхъ, дѣла которыхъ вы потомъ рѣшали.

Марстонъ бросилъ гнѣвный взглядъ на смѣлую молодую дѣвушу, но, вида нѣжную улыбку на ея лицѣ и сознавая, что Бэлла составляла для него какъ бы вѣншнюю совѣсть, сдался на капитуляцію.

— Невозможно спорить съ молодежью, сказалъ онъ:—но я думалъ, мистеръ Крэгъ, что вы, какъ практическій шотландецъ, не станете вѣрить романтическимъ бреднямъ о несуществующихъ злоупотребленіяхъ. Ну, дѣлать нечего, расскажите мнѣ все, что вамъ извѣстно, но помните, что я предоставляю себѣ право воспользоваться вашимъ показаніемъ.

Такимъ образомъ, Крэгъ рассказалъ печальную исторію Диллу и Лучми, которая не столько удивила, сколько возбудила гнѣвъ судьи. Дѣло было въ томъ, что въ этотъ самый день онъ имѣлъ крупный разговоръ съ Друмондомъ. Отличаясь природной смѣлостью, онъ не раздѣлялъ опасеній плантаторовъ на счетъ волненія, происходившаго между куліями, а потому его спокойные отвѣты на ихъ пламенные возгласы возбуждали всеобщее негодованіе. Когда разыгрываются общественныя страсти, то считаютъ измѣнникомъ всякаго, кто старается сохранить равновѣсіе и благоразуміе. Мало по малу, Марстонъ очутился въ совершенно изолированномъ положеніи и, благодаря его природному влеченію къ справедливости, возмѣшалъ подозрѣнія, которыя теперь вполне подтвердились словами Крэга и Беллы. Но всего болѣе его встревожило происшествіе съ дочерью въ Belle Suzanne. Онъ не сомнѣвался, что куліи, окружившіе Бэllu, хотѣли прибѣгнуть къ насилію, и этотъ фактъ былъ самымъ сильнымъ доказательствомъ, что между рабочими происходило опасное волненіе. Однако, съ другой стороны, онъ не могъ не признать себя обязаннымъ Диллу за спасеніе дочери, хотя оно и доказывало тайное соглашеніе между индусомъ и его товарищами. Онъ зналъ, что Друмондъ, въ теперешнемъ его настроеніи, услыжавъ объ этомъ фактѣ, приметъ мѣры къ отысканію виновныхъ и подвергнетъ ихъ примѣрному наказанію. Однимъ словомъ, Марстонъ находился въ самомъ затруднительномъ положеніи: долгъ обязывалъ его довести происшествіе до всеобщаго свѣдѣнія, но, въ тоже время, важныя, какъ личныя, такъ и общественныя соображенія побуждали его молчать. Обнародованіе этого факта сдѣла-

ло бы имя его дочери предметомъ всѣхъ разговоровъ, усилило бы раздраженіе Друмонда и привело бы къ открытой борьбѣ кулиевъ съ плантаторами. Поэтому, естественно и противъ своей воли, Марстонъ вступилъ въ конфиденціальное совѣщаніе съ своей дочерью и молодымъ зрителемъ, послѣ чего было рѣшено сохранить въ тайнѣ случившееся происшествіе, и Балла взялась научить Саркофага держать языкъ за зубами. Однако, вся эта исторія была не очень пріятна судья, который былъ оскорбленъ въ глубинѣ своего сердца необходимостью допустить Крэга до интимныхъ отношеній съ нимъ и дочерью. Впрочемъ, онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые никогда не надѣются на себя и ищутъ поддержки въ другихъ, а потому обошелся съ Крэгомъ очень любезно и просилъ его посѣщать его домъ чаще прежняго.

Въ то самое время, когда этотъ маленькій заговоръ составлялся у Марстона, происходило другого рода совѣщаніе, которое имѣло большое отношеніе къ предмету, обсуждавшемуся судьей, его дочерью и Крэгомъ.

Сосѣднимъ съ Belle-Suzanne помѣстьемъ Гофмана управлялъ голландскій креоль, по имени Флейшютцъ, потомокъ одного изъ тѣхъ знаменитыхъ голландцевъ, которые спасли богатую колонію отъ всеограшающаго дѣйствія моря, болотъ и пустыни. Съ другой стороны, кровь негра сказывалась въ немъ не только въ короткихъ, курчавыхъ волосахъ и толстыхъ губахъ, но и во многихъ чертахъ его характера и обращенія. Онъ былъ не очень успѣшнымъ плантаторомъ; управляемое имъ помѣстье находилось въ большомъ беспорядкѣ и, благодаря значительнымъ долгамъ, онъ не имѣлъ готовыхъ средствъ къ аккуратной расплатѣ съ рабочими. Медицинскій инспекторъ постоянно жаловался на дурное состояніе его лазарета, а куліи находились въ вѣчномъ волненіи отъ жестокаго обращенія какъ самого Флейшютца, такъ и его зрителей. Всѣмъ было извѣстно тираническое обращеніе этого плантатора съ своими рабочими, но губернаторъ не смѣлъ принимать никакихъ противъ него мѣръ. Естественно, что настоящее движеніе между куліями всего болѣе свирѣпствовало въ помѣстьѣ Гофмана и самыми энергичными сторонниками петиціи были тамошніе рабочіе.

Среди этихъ заговорщиковъ самое видное мѣсто занималъ Рамзани, бывший нѣкогда солдатомъ въ Индіи и отличавшійся ловкостью, хитростью, воинской выправкой и знаніемъ англійскаго языка. Акулу избралъ его въ предводителя кулиевъ въ помѣстьѣ Гофмана, и потому Диллу находился съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ. Они часто видѣлись, и между ними происхо-

дили долги совѣщанія о томъ, какъ лучше распространить возникшее между куліями движеніе. Одно изъ такихъ совѣщаній именно и случилось вечеромъ того дня, когда Крэгъ спасъ Баллу отъ нападенія куліевъ.

— Зачѣмъ намъ ждать отвѣта королевы на нашу петицію, говорилъ Рамзами съ своей обычной сѣблостью: — если мы будемъ еще ждать, то насъ свяжутъ по рукамъ и по ногамъ. Вскорѣ ни одинъ индусъ не будетъ свободенъ, даже по истеченіи контракта. Сегодня изданъ законъ, что всякій свободный человѣкъ обязанъ носить при себѣ портретъ, снятый солнцемъ, и за который надо заплатить четыре доллара; въ противномъ случаѣ, его схватятъ и посадятъ въ тюрьму. Мало этого, всѣ ружья и пистолеты закуплены плантаторами.

— А вы почему это знаете? спросилъ Диллу.

— Я хотѣлъ сегодня купить пистолеть, отвѣчалъ хладнокровно бывшій солдатъ.

— Вы правы, намъ нечего медлить. Они хотятъ насъ всѣхъ истребить, такъ мы прежде отомстимъ имъ за все.

— Я поклялся омыть кровью проклятаго управляющаго это лезвее! воскликнулъ Рамзами, махая большимъ охотничьимъ ножомъ:—онъ хуже вашего хозяина, онъ—не англичанинъ, а низкій негръ.

— Я также поклялся, произнесъ Диллу:—убить судью, приговорившаго меня несправедливо къ тюремному заключенію.

— Да, да! судья и хозяинъ—одно и тоже. Вашъ врагъ живетъ здѣсь не по далеку; его не любятъ и у него нѣтъ стражи, но все же онъ—сильный, могучій человѣкъ и известъ его надо тайно. Вы могли бы его отравить. Знаете вы негра, доктора и закладнателя, по имени Оба?

Диллу, молча, покачалъ головою.

— Вамъ не мѣшало бы познакомиться съ нимъ. Негры считаютъ его за Бога, и власть его безгранична. Онъ живетъ среди лѣсной чащи, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Гинитоуна. Вамъ стоитъ только принести ему подобающую жертву и назвать вашего врага; Онъ тайно и ловко изведетъ его. Иногда онъ отравливаетъ траву, по которой ходятъ босикомъ; въ другой разъ, онъ дѣлаетъ легкую царапину на вашей рукѣ или ногѣ булавкой, пропитанной внутренностями разложившагося трупа, и вы умираете въ ужасной агоніи.

Диллу вздрогнулъ.

— Но, продолжалъ Рамзами: — я не знаю, сдѣлаетъ ли онъ что-нибудь для насъ. Лучше, другъ мой, купите вотъ такой ножъ.

Съ этими словами онъ подалъ Диллу острый, блестящій, аме-

риканскій ножъ. Молодой индусъ взялъ и лихорадочно сжалъ въ рукахъ это орудіе мести. Въ ту самую минуту въ хижину, полу-освѣщенную лампой, вошелъ кто-то, и Диллу замахнулся.

— Тихе, тихе! это—Акулу, произнесъ Рамзами.

— Что это съ вами, Диллу? воскликнулъ мадрасецъ, изумленный видѣніемъ имъ сценой:—что это вы практикуетесь? Отложите оружіе; оно необходимо только въ крайнемъ случаѣ.

— Вы сами насъ подбили, а теперь хотите, чтобъ мы пошли на попятный, отвѣчалъ Рамзами.

— Нѣтъ, никогда, произнесъ Акулу:—но я желаю, чтобъ вы дѣйствовали осторожно. Плантаторы хотятъ поставить васъ въ затруднительное положеніе, и, если вы позволите себѣ хоть малѣйшее насиліе, то совершенно предадите себя въ ихъ руки.

— Но развѣ мы не можемъ ихъ пересилить! воскликнулъ Диллу съ жаромъ:—насъ вѣдь двадцать противъ одного.

— Нѣтъ, отвѣчалъ мадрасецъ:—они всѣ вооружены, а между куліями мало такихъ храбрыхъ и сильныхъ людей, какъ вы оба. Берегитесь, вы только заплатите своей головой, а толку не будетъ никакого. Я слышалъ отъ адвоката, мистера Вильямса, что плантаторы требуютъ отъ губернатора вооруженія всѣхъ бѣлыхъ и образованія изъ нихъ временной полиціи. Они уже послали за добавочнымъ отрядомъ солдатъ; всѣ дороги заняты полицейскими, и каждый свободный человѣкъ долженъ носить на себѣ свой паспортъ и фотографическій портретъ.

— Мы сегодня пропустили очень удобный случай, но дѣлать было нечего, сказалъ Диллу:—дочь судьи, прекрасная, бѣлая, молодая дѣвушка, шла по полю въ сопровожденіи только несчастнаго негра; наши куліи окружили ее и воспользовались бы этимъ случаемъ, чтобъ отомстить ея отцу; но она была очень добра къ Лучми и въ ту самую минуту возвращалась отъ нея. Я не могъ позволить, чтобъ до нея кто-нибудь дотронулся, и разогналъ всѣхъ. По счастью, тутъ явился смотритель Крэгъ и отвелъ ее домой. Онъ—единственный добрый человѣкъ во всемъ помѣстьѣ.

— Я слышалъ о немъ, отвѣчалъ Акулу:—Гонзалесъ считаетъ его честнымъ и благороднымъ юношей.

— Моя жена ухаживала за нимъ во время его болѣзни и отзывается о немъ съ лучшей стороны. Но онъ слишкомъ часто у нея бываетъ, прибавилъ молодой индусъ, насулпя брови.

— Не бойтесь его, отвѣчалъ Акулу:—онъ другъ куліевъ. Не будьте такимъ пламеннымъ и ревнивымъ.

— Можетъ быть, я въ этомъ отношеніи виноватъ, промолвилъ Диллу.

*

— Мнѣ надо идти въ другое помѣстье, сказала мадрасецъ: — мистеръ Вильямъ просилъ меня предупредить васъ всѣхъ о томъ, чтобы вы вели себя тихо и не пытались сдѣлать возстанія. Черезъ двѣ недѣли будетъ *Таджа*.

— Мы къ ней и готовимся, отвѣчали въ одинъ голосъ Дялу и Рамсами.

— Распорядитесь такъ, чтобы спокойствіе не нарушалось и не было бы дано повода къ насилію со стороны плантаторовъ. Если они примутся за оружіе, то дѣло будетъ плохо. Ну, прощайте, желаю вамъ мира и спокойствія.

XI.

У человѣка, исполняющаго обязанности губернатора англійской колоніи, голова должна сидѣть крѣпко на плечахъ; но часто случается, что, напротивъ, голова эта, быть можетъ, и очень способная, качается во всѣ стороны самымъ легкомысленнымъ, аристократическимъ образомъ. Бѣдный Томасъ Валькингемъ, въ эту критическую минуту исторіи англійской Гвианы, чувствовалъ болѣе, чѣмъ когда либо, недостатокъ твердости въ позвонкахъ, поддерживавшихъ его проконсульскій мозгъ, и всею душою желалъ, чтобы на его мѣстѣ былъ кто-нибудь другой изъ губернаторовъ сосѣднихъ колоній. Онъ вполне сознавалъ всѣ опасности его блестящаго, но отвѣтственнаго положенія. Еслибы онъ сдѣлалъ ошибку, то англійскій народъ, правительство, министръ колоній и весь свѣтъ накинулись бы на него, а еслибы онъ поступилъ, какъ слѣдовало по отвѣченной справедливости, то рисковалъ прослыть за опаснаго идиота. Вспыхнувшее среди плантаторовъ и быстро разгоравшееся пламя лихорадочной паники жгло и ослѣпляло его. Противъ его воли и здравыхъ совѣтовъ, мѣстное законодательное собраніе (состоящее изъ членовъ, назначаемыхъ правительствомъ и выбранныхъ самимъ собраніемъ изъ кандидатовъ, представленныхъ избирательной коллегіей плантаторовъ) провело мѣру, которой онъ не сочувствовалъ, но и не желалъ противодействовать. Законъ о бѣлыхъ, уже достаточно строгій и прежде, былъ измѣненъ въ томъ духѣ, какъ говорилъ Адулу, и дѣйствительно, ни одинъ свободный куліи не имѣлъ права выходить изъ дома безъ паспорта и фотографическаго портрета (что стоило, по правительственной таксѣ, 6 долларовъ), а въ противномъ случаѣ подвергался тюремному заключенію на мѣсяць. На практикѣ, конечно, этотъ нелѣпый законъ, отдававшій въ руки плантаторовъ даже тѣхъ изъ куліевъ, которые выслужили срокъ своего контракта,

примѣнялся еще безобразнѣе: такъ, на первыхъ порахъ, полиція арестовала 20 куліевъ за неимѣніе при себѣ портретовъ, хотя они именно шли изъ своего помѣстья къ фотографу. Почти въ то же время, семеро дѣтей, несшихъ обѣдъ своимъ родителямъ на отдаленное поле въ помѣстьѣ Гофмана, были схвачены за непредъявленіе портретовъ и посажены въ тюрьму по опредѣленію ихъ же управляющаго, бывшаго въ то же время мировымъ судьей.

Видъ законодательнаго собранія, паника между плантаторами усмищалась все болѣе и болѣе, особенно въ клубѣ, гдѣ, попрежнему, главнымъ ораторомъ былъ мистеръ Ингльдо.

— Сэръ, говорилъ онъ губернатору, являясь съ депутаціей отъ плантаторовъ:— народъ гвианскій возсталъ во всемъ своемъ величіи. Наши права поправны; наша конституція, благополучно существовавшая со времени завоеванія колоніи у голландцевъ, подвержена опасности; нашимъ вольностямъ, личной свободѣ и собственности грозятъ уничтоженіемъ революціонные агитаторы. Куліи вступили въ союзъ съ коммунистами и тайными заговорщиками изъ Лондона. Но, сэръ, мы не погибнемъ безъ борьбы.

Дѣйствительно, они рѣшились вступить въ борьбу и дѣлали энергичныя приготовленія, хотя, въ сущности, никто ихъ не трогалъ и не было ни малѣйшихъ слѣдовъ возстанія между куліями. Весь мятежъ, причинившій такую панику, заключался въ подачѣ куліями петиціи на имя ея величества королевы, которая въ глазахъ туземцевъ английскихъ колоній сосредоточиваетъ въ себѣ всю силу и слабость, всю справедливость и жестокость, все добро и зло англійскаго владычества. Не видя передъ собою ни ушей, которые хотѣли бы выслушать ихъ жалобы, ни сердца, которое сочувственно откликнулось бы къ ихъ бѣдствіямъ, куліи обратились къ ступенямъ англійскаго престола, этого славнаго идеала и грустной дѣйствительности. Но въ этомъ-то именно и видѣли плантаторы самое ужасное преступленіе; тамъ-то именно, у ступеней престола, они и не хотѣли встрѣтиться съ дерзкими рабами, которыхъ привыкли считать лишенными всякихъ общественныхъ и конституціонныхъ правъ. Поэтому, они, устами Ингльдо, съ такою самоувѣренностью и называли себя гвианскимъ народомъ. Неужели только они, нѣсколько сотенъ бѣлыхъ, были народъ, граждане, а полтораста тысячъ куліевъ, негровъ и мулатовъ составляли лишь машины для производства сахара и обогащенія англійскихъ спекуляторовъ? Подобная иллюзія—не специальное явленіе въ Гвианѣ; быть можетъ, еслибъ мы съ тобою, читатель, наживали большія деньги, благодаря той или другой существующей системѣ и боялись, съ ея измѣненіемъ

на пользу общую, потерять свои доходы, мы такъ же стали бы называть себя исключительно народомъ и готовы были бы отстаивать свои привилегіи съ оружіемъ въ рукахъ. Стоитъ только спрятать свою совѣсть въ карманъ, и вы можете сдѣлаться добросовѣстнымъ воромъ и приличнымъ негоддемъ.

Вообще, въ эту критическую минуту плантаторы вели себя самымъ магіавелическимъ образомъ. Они скупили ружья и пистолеты во всѣхъ лавкахъ и ходили по улицамъ вооруженные. Они шумно требовали у губернатора привода къ присягѣ охотниковъ-полисменовъ, вооруженія Джорджтоуна пушками, объявленія военнаго положенія и вызова войска изъ сосѣднихъ колоній. Томасъ Валькинггамъ отвѣчалъ на это, что нигдѣ не было безпорядковъ, никто не убитъ и не раненъ, а потому онъ не желалъ возбуждать къ насилію уже и то взволнованныхъ куліевъ. Вслѣдствіе такого отвѣта, Ингльдю открыто называлъ губернатора трусомъ, Друмондъ—бабой, а мѣстная газета «Пѣтухъ Свободы»—идіотомъ, дуракомъ, политическимъ евнухомъ. Поощряемые подобными возгласами, плантаторы и управляющіе ходили взадъ и впередъ по своимъ помѣстьямъ, махая оружіемъ и угрожая куліямъ. Послѣдніе естественно пришли къ той мысли, что ихъ хотятъ всѣхъ перебить, а потому, также изъ страха, стали соединяться въ отдѣльныя группы для самозащиты.

Однажды утромъ, въ это смутное время, губернаторъ писалъ въ своемъ кабинетѣ важную депешу министру колоній, когда секретарь доложилъ, что его желаетъ видѣть католическій епископъ. Валькинггамъ насупилъ брови. Происшествіе съ Гонзалесомъ еще продолжало волновать португальское населеніе, хотя онъ, мало-по-малу, оправлялся отъ нанесенныхъ ему ранъ, и губернаторъ отгадалъ, что хитрый прелать пришелъ къ нему объясниться по этому непріятному, затруднительному дѣлу.

— Вы, ваше превосходительство, совершенно свободны? спросилъ епископъ по-англійски, кланяясь очень почтительно и съ достоинствомъ протягивая руку:—если нѣтъ, то я лучше зайду въ другой разъ.

— Помилуйте, уважаемый прелать, отвѣчалъ любезно губернаторъ:—вы такъ рѣдко удостоиваете меня своими посѣщеніями, что я все брошу ради васъ.

— Благодарю за вашу любезность, сказалъ епископъ съ улыбкой:—но вы завалены дѣлами, да и я постоянно занятъ, такъ что намъ не время посѣщать другъ друга. Пока все идетъ хорошо намъ нечего надождать одинъ другому визитами, хотя они мнѣ всегда доставляютъ большое удовольствіе.

— Такъ я долженъ понять, что не все идетъ хорошо, если вы ко мнѣ пожаловали?

— Да, я буду откровененъ съ вами, ваше превосходительство, произнесъ епископъ, подозрительно сверкая своими хитрыми глазами:—три недѣли тому назадъ, моего соотечественника и единовѣрца, Гонзалеса, избилъ почти до смерти плантаторъ, по имени Гарисъ. Молитвами Пресвятой Дѣвы, онъ поправляется, но все португальское населеніе, чрезвычайно взволнованное и оскорбленное этимъ происшествіемъ, ждетъ отъ вашего превосходительства примѣрнаго наказанія злодѣю.

— Вы знаете, уважаемый прелать, отвѣчалъ губернаторъ, стараясь избѣгнуть пытливаго взора епископа:—что въ послѣднее время колонія такъ взволнована политическимъ движеніемъ, что все вниманіе правительства сосредоточено на этомъ вопросѣ и мы не имѣли времени рассмотретьъ подробно несчастный уличный скандалъ, о которомъ вы говорите.

— Какъ! воскликнулъ епископъ:—вы называете уличнымъ скандаломъ публичное избиеніе моего соплеменника? Португальцы смотрять на это дѣло иначе и считаютъ его очень важнымъ. Они говорятъ, что каждое, хотя бы самое маловажное нарушеніе закона съ ихъ стороны наказывается строгимъ образомъ; на примѣръ, тотъ же самый Гонзалесъ былъ подвергаемъ тяжелымъ штрафамъ за предполагаемое неисполненіе питейныхъ уставовъ; но когда плантаторъ почти убилъ челоуѣка, то его не отдають подь судъ. Вы понимаете, ваше превосходительство, что этого достаточно для возбужденія общаго недовольства.

Епископъ говорилъ тихо, мягко, но пристально смотрѣлъ при этомъ на губернатора, который безспокойно бралъ на своемъ креслѣ.

— Общественное мнѣніе очень возбуждено, уважаемый прелать, отвѣчалъ Валькингамъ, стараясь отразить нападеніе:—и я увѣренъ, что вы уговорите вашихъ соотечественниковъ отложить рассмотрѣніе ихъ справедливыхъ жалобъ до болѣе удобнаго времени, когда минуетъ гроза.

— Я не могу взять на себя подобной отвѣтственности. Португальское населеніе, благодаря моимъ усиліямъ, терпѣливо молчало до сихъ поръ, но это не можетъ продлиться, если вы не арестуете Гариса и не подвергнете его суду.

— Боже милостивый! воскликнулъ губернаторъ:—неужели вы хотите удвоить наши затрудненія? арестъ Гариса возбудитъ непременно кровопролитіе. Подумайте, умоляю васъ, о спокойствіи и благоденствіи всей колоніи.

— Господинъ губернаторъ, отвѣчалъ епископъ рѣшительнымъ тономъ:—подь спокойствіемъ и благоденствіемъ всей колоніи вы разумѣете только спокойствіе и благоденствіе плантаторовъ. Все

здѣсь дѣлается въ ихъ интересахъ. Вспомните, ваше превосходительство, какъ несправедливо вашъ законъ поступилъ съ нашей святой церковью по дѣлу о наслѣдствѣ дона-Діега. Сколько лѣтъ тому назадъ, этотъ набожный христіанинъ оставилъ всѣ свои помѣстья церкви, и мы доселѣ не можемъ добиться, чтобы вы передали ихъ въ наше завѣдываніе.

— Вы знаете, уважаемый прелать, что я не могу измѣнять законы, замѣтилъ Валькингамъ.

— Знаю, что вы не можете измѣнять и распоряженій администратора, которому подлежитъ это дѣло, сказалъ съ улыбкой епископъ:—но, если онъ виновенъ въ явной несправедливости, то вы можете обратить ваше вниманіе на его незаконныя дѣяствія.

— Будьте увѣрены, что я уже обратилъ вниманіе на это дѣло но тутъ примѣшиваются сложныя условія старыхъ голландскихъ законовъ.

— Позвольте мнѣ напомнить вашему превосходительству, что эти сложные, старые законы не мѣшаютъ англичанамъ получать безъ всякаго труда оставленныя имъ наслѣдства.

— Я уже писалъ объ этомъ министру колоній, сказалъ губернаторъ, выдавая намѣреніе за совершившійся фактъ:—а о дѣлѣ Гонзалеса я посоветуюсь съ генераль-аторнеемъ. Теперь же отложимъ всѣ эти вопросы до болѣе спокойнаго времени, и позвольте мнѣ надѣяться, что вы, какъ служитель алтара, употребите все свое могущественное вліяніе, чтобы успокоить опасное волненіе. Будьте увѣрены, что при первой возможности, ваши желанія будутъ исполнѣны удовлетворены.

— Я боюсь, ваше превосходительство, что только преданіе суду Гариса и передача церкви наслѣдства дона-Діега можетъ положить конецъ опасному волненію, какъ вы сами изволили выразиться.

Дѣло о наслѣдствѣ дона Дьего было постояннымъ *bête noire* губернатора. Этотъ богатый португалецъ завѣщалъ свои обширныя помѣстья католической церкви, но какой то недостатокъ въ документѣ, съ формальной точки зрѣнія, дозволилъ англійскимъ властямъ признать это наслѣдство выморочнымъ и отдать его въ управленіе мѣстнымъ чиновникамъ, которые пользовались при этомъ значительными побочными доходами.

— Я обещаю вамъ рассмотреть эти оба дѣла, произнесъ губернаторъ, чувствуя, что хитрый епископъ прижалъ его къ стѣнѣ:—когда вамъ будетъ угодно снова пожаловать, чтобы подробнѣе поговорить о нихъ?

— Завтра, отвѣчалъ поспѣшно прелать:—завтра, въ виду узаннаго вами же опаснаго волненія въ колоніи.

— Хорошо, я васъ жду завтра, отвѣчалъ губернаторъ, не умѣя скрыть своего неудовольствія:—но я буду разсчитывать на ваше любезное содѣйствіе.

— Всегда готовъ служить вашему превосходительству, столь мудро управляющему этой колоніей. До завтра, ваше превосходительство! честь имѣю кляняться.

Едва епископъ вышелъ изъ комнаты, какъ губернаторъ позвонилъ секретаря.

— Пошлите тотчасъ за генералъ-аторнеемъ, сказалъ онъ:—и приготовьте бумагу на его имя для начатія судебного преслѣдованія мистера Джорджа Гариса за нанесеніе побоевъ Гонзалесу.

Въ тотъ же день, по всей колоніи разнеслась вѣсть объ арестѣ смѣлаго бойца за привилегіи плантаторовъ.

Между тѣмъ, приближеніе Таджи ознаменовывалось значительными приготовлениями съ обѣихъ сторонъ. Буліи, по обыкновенію, подготовляли въ тайнѣ всѣ необходимыя принадлежности празднества: одежду, инструменты и оружіе. Съ своей стороны, бѣлые принимали всѣ мѣры, которыя только могъ внушить страхъ ожидаемаго возстанія.

Читеръ, пользовавшійся въ послѣднее время полнымъ довѣріемъ Друмонда, зорко слѣдилъ съ помощью Гунумуна за куліями въ Belle Suzanne; но Диллу былъ такъ ловокъ и энергиченъ, что всѣ попытки открыть тайну его товарищей остались тщетными. Конечно, Читеръ пользовался каждымъ случаемъ для наговоровъ на Крэгъ и случайно собралъ такіа свѣдѣнія о молодомъ смотрителѣ, которыя, какъ онъ хорошо зналъ, должны были привести въ бѣшенство хозяина.

Однажды утромъ, когда Крэгъ вставалъ съ постели въ общемъ дортуарѣ смотрителей, Читеръ съ другого конца комнаты крикнулъ, что Друмондъ желаетъ его видѣть прежде, чѣмъ онъ пойдетъ на работу, и будетъ его ждать у себя дома. Что-то особенное, роковое свѣтилось въ его глазахъ и улыбкѣ.

— Отчего вы не сказали мнѣ этого вчера вечеромъ? спросилъ Крэгъ.

— Успѣли узнать и сегодня, отвѣчалъ онъ рѣзко:—не на радость вы идете.

— Что вы хотите этимъ сказать? воскликнулъ съ сердцемъ Крэгъ.

— Ничего, отвѣчалъ Читеръ, стараясь казаться равнодушнымъ:—быть можетъ, мистеръ Друмондъ пожелаетъ узнать: что вы дѣлали съ миссъ Марстонъ въ прошлую пятницу на заднихъ поляхъ Belle Suzanne?

— Я вамъ запретилъ упоминать ея имя, воскликнулъ Крэгъ

громовымъ голосомъ и, въ два прыжка очутившись подлѣ Читера, схватилъ его за голову и сталъ колотить ее объ стѣну.

Другіе зрителя едва ихъ розняли; Читерь, упавъ на постель, громко зарыдалъ отъ боли и злости, а молодой шотландецъ, не обращая вниманія на брань и угрозы Читера, молча одѣлся и пошелъ къ хозяину въ очень мрачномъ настроеніи. Онъ невольно спрашивалъ себя: чѣмъ вознаграждалось неприятное чувство служить такому хозяину и съ такими товарищами?

— Я жду васъ уже десять минутъ, сэръ, сказалъ Друмондъ строго.

— Извините, мистеръ Друмондъ, я давалъ урокъ Читеру, какъ слѣдуетъ вести себя порядочному человѣку, отвѣчалъ Брэгъ съ необыкновенной смѣлостью.

— Неужели! Судь разберетъ—кто изъ васъ двухъ правъ. Но не угодно ли вамъ теперь объяснить мнѣ: почему вы не довели о происшествіи, случившемся въ прошлую пятницу и въ которомъ, повидимому, вы и миссъ Марстонъ играли главную роль?

— Не о чемъ было доносить. Молодая дѣвушка испугалась, вида вокругъ себя значительное число куліевъ, но ея никто не тронулъ и я проводилъ ее домой. Она и отецъ ея желали сохранить въ тайнѣ это обстоятельство.

— Вы говорите, что мистеръ Марстонъ принималъ участіе въ сокрытіи этого дѣла?

— Я полагаю, что мистеръ Марстонъ лучше всего самъ отвѣтитъ на вашъ вопросъ, потому что я могу своими словами причинить ему много вреда.

— А вы—сообщники?

— Я увѣренъ, что мистеръ Марстонъ неспособенъ сдѣлать что-нибудь недостойное.

— Я вижу, отвѣчалъ Друмондъ, съ язвительной улыбкой:—что вы его очень горячо защищаете. Онъ также, вѣроятно, отвѣтсая о васъ самымъ лестнымъ образомъ.

— Я сочту за честь заслужить доброе мнѣніе мистера Марстона, сказалъ Брэгъ.

Хладнокровіе молодого зрителя вывело Друмонда изъ себя, и онъ осыпалъ Брэга бранью и проклятіями. Послѣдній молча его выслушалъ, потомъ гордо поднялъ голову и, дрожа всѣмъ тѣломъ, сказалъ:

— Мистеръ Друмондъ, я прежде уважалъ васъ, но тепермой взгляды совершенно измѣнились. Поступая къ вамъ, я думалъ, что со мною будутъ обращаться, какъ съ джентльменомъ, и не позволю кому бы то ни было говорить со мною такъ, какъ вы осмѣлились сегодня.

Съ этими словами, онъ смѣло взглянулъ на Друмонта, а тотъ отвѣчалъ съ принужденнымъ смѣхомъ:

— Хорошо, сэръ, вы не будете болѣе выносить подобныхъ униженій. Вотъ бумага къ моему джоржтоунскому агенту; онъ выдастъ вамъ жалованіе за три мѣсяца и деньги на путешествіе. Дайте ему росписку. Пароходъ идетъ въ Англію на будущей недѣлѣ; но будьте такъ добры, увѣжайте отъ сюда сегодня же. Я надѣюсь, что вы не станете искать другого мѣста въ колоніи послѣ моего отказа, а я не могу держать у себя человѣка, который не исполняетъ данныхъ ему приказаній и поощряетъ нарушеніе дисциплины. Прощайте, Крэгъ, ваша неблагодарность очень меня огорчаетъ.

Сказавъ это, Друмонтъ отвернулся и быстро убѣжалъ. Ему было стыдно за себя и жалъ молодого человѣка.

Крэгъ долго не могъ придти въ себя, а потомъ глубоко задумался о неожиданной переměнѣ въ своей жизни.

— О! мистеръ Крэгъ! раздался вдругъ подлѣ него голосъ Нины:—какъ мнѣ жалъ васъ! Я никогда не видывала его такимъ сердитымъ. Просто его опуталъ дьяволъ. Куда вы дѣнетесь, милый мистеръ Крэгъ?

— Вы знаете все, что случилось? спросилъ онъ.

— Да. Читеръ былъ здѣсь вчера ночью послѣ ужина и разсказалъ длинную о васъ исторію. Гунмунъ не только былъ свидѣтелемъ того, что произошло между куліями и миссъ Баллой, но незамѣтно проводилъ ее и васъ до дома судьи. Одного только ни онъ, ни Читеръ не могли разузнать — имени того кулія, который спасъ миссъ Марстонъ. Я все это слышала вчера, но не могла выйти изъ дома, чтобъ увѣдомить васъ.

Крэгъ понялъ, что онъ былъ жертвой ненависти Читера и съ удовольствіемъ вспомнилъ, что нанесъ ему тяжелыя побой. Потомъ онъ подумалъ о дочери судьи, объ ея отцѣ, о Лучми и Диллу, котораго могли легко найти и погубить. Ему было горько расставаться съ ними со всѣми. Нѣкоторые изъ нихъ нуждались въ его помощи и покровительствѣ, а одна....

— Прощайте, Нина, сказалъ онъ:— да благословить васъ Господь. Тысячу разъ благодарю за вашу доброту ко мнѣ.

Нина залилась слезами.

— Вы не пойдете проститься съ миссъ Баллой? спросила она.

— Не знаю, отвѣчалъ Крэгъ нерѣшительно:— быть можетъ, мнѣ лучше къ ней не заходить.

— Нѣтъ, отправьтесь къ ней сейчасъ, сказала Нина, отирая слезы:—она всегда была очень добра къ вамъ, и я увѣрена, что ей будетъ больно, если вы уѣдете, не простясь.

— Гм! произнесъ Крэгъ, съ удовольствіемъ принимая совѣтъ доброй женщины.

Разставшись съ нею, онъ пошелъ домой, уложилъ свои вещи, одѣлся поприличнѣе и только-что собирался идти къ Лучми, а потомъ къ Марстону, какъ къ нему снова подбѣжала Нина, едва переводя дыханіе отъ усталости.

— Мистеръ Крэгъ, сказала она: — я сбѣгала къ Друмонду въ поле и просила, чтобъ онъ далъ вамъ экипажъ доѣхать до Джорджтоуна. Онъ согласился, хотя и послалъ меня прежде къ чорту.

— Бѣдная Нина! воскликнулъ юноша, крѣпко пожимая ей руку.

— Но вы, мистеръ Крэгъ, не ходите къ Марстону ранѣе 12 часовъ. Мистеръ Друмондъ отправляется къ нему на какое-то совѣщаніе. Вамъ не слѣдуетъ встрѣчаться. Пойдемте ко мнѣ и позавтракайте прежде, чѣмъ отправиться въ путь.

Подкрѣпивъ свои ослабѣвшія силы, Крэгъ взглянулъ на свое положеніе съ высшей точки зрѣнія. Онъ поступилъ справедливо, былъ здоровъ, молодъ, силенъ—слѣдовательно, ему нѣчего было бояться будущаго. Одно только его беспокоило, что онъ слишкомъ сильно избилъ Читера, къ которому, въ сущности, какъ къ мулату, нельзя было быть очень требовательнымъ, а потому онъ отправился къ нему попросить извиненія, но, не найдя его нигдѣ, пошелъ прямо въ хижину Диллу.

Молодой индусъ работалъ въ домѣ надъ приготовленіями къ Таджи, а Лучми варила рисъ къ завтраку. Увидавъ издали смотрителя, который въ послѣднее время избѣгалъ встрѣчи съ нею, Лучми вскрикнула отъ удовольствія и, подбѣжавъ къ нему, фамиллярно взяла его за руку, какъ невинный, любящій ребенокъ. Крэгъ положилъ свою большую руку на ея маленькую головку и приласкалъ ее такъ же, какъ ребенка.

Диллу все это видѣлъ, и, быть можетъ, въ другое время, эта сцена не возбудила бы въ немъ никакого подозрѣнія, ибо онъ уважалъ Крѣга и преданно любилъ свою жену. Но теперь его открытая, мужественная натура была такъ измучена несправедливымъ, жестокимъ обращеніемъ, что онъ думалъ о только мести, и странная фамиллярность его жены съ юнымъ англичаниномъ возбуждала въ немъ гнѣвъ и ревность.

— Мужъ мой дома, сказала между тѣмъ Лучми: — войдите, мистеръ Крэгъ, и поговорите съ нимъ.

Крэгъ подошелъ къ дверямъ и крикнулъ:

— Диллу! я пришелъ проститься; я уѣзжаю въ Англію.

— Вы уѣзжаете? воскликнулъ Диллу и выбѣжалъ изъ хижины.

Лучми всплеснула руками, и на лицѣ ея выразилось самое мрачное отчаяніе. Диллу взглянулъ на нее, и чело его совершенно омрачилось. Какъ могла она такъ пламенно сожалѣть объ отъѣздѣ чужого для нея человѣка? Но онъ удержался отъ сильной вспышки и сказалъ, обращаясь къ Крэггу:

— Зачѣмъ масса ѣдетъ? Куліи любятъ массу. Онъ всегда былъ добръ къ нимъ, и они будутъ плавать объ его отъѣздѣ. Всѣ смотрители и хозяева дурно обходятся съ куліями. Да впрочемъ...

И глаза его знаменательно остановились на приготовленіяхъ къ Таджи.

— Диллу! сказалъ Крэгъ, пристально взглянувъ на него и положивъ ему руку на плечо: — послушайтесь моего совѣта: будьте осторожны и спокойно доработывайте свой срокъ. У васъ довольно денегъ для возвращенія въ Индію. Ради себя и Лучми, не думайте причинить вредъ кому бы то ни было. Васъ схватятъ, посадятъ въ тюрьму и повѣсятъ—вотъ все, чего вы добьетесь.

— Ну, такъ что-жь! воскликнуть Диллу, сверкая глазами: — я былъ два раза въ тюрьмѣ безъ всякой причины, а теперь, по крайней мѣрѣ, меня накажутъ за дѣло. Прощайте.

Съ этими словами онъ бросился въ хижину и затворилъ за собою дверь. Крэгъ протянулъ руку Лучми, и въ глазахъ у него помутилось при видѣ, какъ залилась слезами молодая индустанка. Простившись съ нею, онъ поспѣшно отправился черезъ помятые Гофмана къ дому судьи.

Не успѣлъ онъ исчезнуть изъ вида, какъ Диллу вышелъ изъ хижины и, видѣ себя отъ злобы, началъ, въ первый разъ въ жизни, бить жену тонкой тростью. На ея крики сбѣжались сосѣдки и между ними Рамдула, которая издали незамѣтно слѣдила за всѣмъ, что произошло между Крэггомъ и куліями.

— Ага! произнесла она, съ язвительной улыбкой:—наконецъ-то онъ догадался, что это за женщина. Посмотримъ, будетъ ли она теперь по прежнему заирать носъ.

XII.

Въ виду опасности, повидимому, грозившей колоніи, губернаторъ распорядился о созывѣ чрезвычайныхъ собраній мировыхъ судей, съ цѣлью уяснить, въ какомъ положеніи находятся дѣла въ каждомъ изъ округовъ и какія мѣры должны быть приняты немедленно правительствомъ. Предсѣдателями этихъ собраній были, по закону, коронные окружные судьи, и въ Демерарскомъ округѣ эта тяжелая обязанность выпадала на долю мистера Мар-

стона. Онъ съ безпокойствомъ ожидалъ дня засѣданія, зная, что въ послѣднее время плантаторы стали смотрѣть на него подозрительно. Это явленіе объяснялось отчасти и дѣйствительной пережѣной, происшедшей въ немъ самомъ, подъ вліяніемъ свѣдѣній, сообщенныхъ ему Изабеллой и Крэггомъ о положеніи куліевъ. Кромѣ того, грубая критика его личныхъ дѣйствій со стороны плантаторовъ не только въ мѣстныхъ газетахъ, но и въ частныхъ разговорахъ, въ клубѣ побуждала честнаго, но нерѣшительнаго и безхарактернаго судью держать ухо остро, не дозволяя своимъ бывшимъ друзьямъ обойти его, какъ прежде. Онъ никакъ не могъ признать по совѣсти, чтобы куліи совершили преступленіе, подавъ петицію на имя королевы или чтобы Вильямсъ, написавшій за деньги эту петицію, заслуживалъ смертной казни. Поэтому, встрѣтивъ адвоката на улицѣ, онъ публично пожалъ ему руку, вслѣдствіе чего старшины клуба объявили ему, что онъ будетъ исключенъ изъ членовъ этого почтеннаго собранія, если и впредь будетъ поступать такъ неприлично. Конечно, онъ тотчасъ отослалъ свой членскій билетъ, что возбудило всеобщее негодованіе среди плантаторовъ и только усилило его рѣшимость не поддаваться. Такимъ образомъ, когда Флейшютцъ заключилъ въ тюрьму дѣтей куліевъ за то, что они, не имѣя при себѣ портретовъ, несли обѣдъ родителямъ въ поле, Марстонъ немедленно ихъ освободилъ, главнымъ образомъ, на томъ основаніи, что Флейшютцъ не имѣлъ права судить своихъ собственныхъ рабочихъ.

— Нельзя быть такимъ педантомъ въ критическую минуту! восклицалъ Друмондъ, осуждая громко въ клубѣ поведение судьи:—такія мѣры только докажутъ куліямъ, что у насъ нѣтъ единства, и поощрятъ ихъ къ немедленному возстанію.

— Въ эту торжественную минуту, когда опасность грозитъ гвіанскому народу, вѣщала Ингльдю:—всякій, кто не за насъ—измѣнникъ и врагъ колоніи.

Поэтому, не удивительно, что, когда, въ назначенный день, всѣ мировые судьи Демерарскаго Округа, бывшіе въ то же время плантаторами или управляющими помѣстій, собрались въ домъ Марстона, отношенія между членами собранія и ихъ предсѣдателемъ были чрезвычайно натянуты и холодны. Друмондъ прибылъ послѣднимъ, вмѣстѣ съ грубымъ, жестокимъ ирландскимъ плантаторомъ, по имени Макчинисъ. Входя по лѣстницѣ въ галлерей, гдѣ уже находились Марстонъ и остальные ихъ товарищи, они громко говорили между собою, такъ что каждое ихъ слово долетало до ушей судьи.

— Въ минуту всеобщей опасности, говорилъ Друмондъ:—ни-

кто не имѣеть права оставаться нейтральнымъ. Только подлый трусъ можетъ кормиться на нашъ счетъ въ мирное время и измѣнить намъ въ критическую минуту.

— Чортъ возьми, вы правы, отвѣчалъ Макчинисъ: — и я ему это скажу прямо въ лицо. Я бы желалъ, чтобъ онъ былъ на моемъ мѣстѣ и попробовалъ спать каждую ночь съ ожиданіемъ, что матежники нападутъ на его жилище.

Марстонъ слышалъ эти слова, и кровь хлынула къ его горлу, но онъ скрылъ свое волненіе и, пожавъ руку Друмонду, сказалъ:

— Мы теперь всѣ въ сборѣ; не угодно ли начать засѣданіе?

Потомъ онъ занялъ свое любимое мѣсто за письменнымъ столомъ и продолжалъ оффиціальнымъ тономъ:

— Его превосходительство, господинъ губернаторъ, выразилъ письменно желаніе, чтобы я собралъ отъ васъ, господа, свѣдѣнія о настоящемъ положеніи дѣлъ въ округѣ и о тѣхъ мѣрахъ, которые слѣдуетъ принять для сохраненія спокойствія въ колоніи. Конечно, вамъ лучше, чѣмъ мнѣ, извѣстно настроеніе кулеивъ, но я считаю необходимымъ указать, что въ теченіи послѣднихъ десяти дней ко мнѣ не поступало жалобъ на какіе бы то ни было насильственные поступки съ ихъ стороны, и, насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ неминуемой опасности, которая требовала бы чрезвычайныхъ мѣръ.

— Я полагаю, рѣзко произнесъ Друмондъ: — что ни одинъ бѣлый не сомнѣвается въ томъ, что всей колоніи грозитъ опасность. Надо быть осломъ, чтобъ не видѣть опасности, когда горсть плантаторовъ и зрителей окружена сорока тысячами рабочихъ, которые неожиданно предъявляютъ самыя нелѣпыя и невозможныя требованія.

— Мы только различно понимаемъ слово опасность, отвѣчалъ спокойно Марстонъ, закусивъ губу и сдерживая свое негодованіе: — я не считаю опасностью подачу петиціи и говорю только, что нѣтъ прямой опасности, то-есть намъ не грозитъ открытое возстаніе.

— Чортъ возьми всѣ возстанія и петиціи! грубо воскликнулъ Макчинисъ, успѣвшій за завтракомъ осушить не одну рюмку водки: — насъ всѣхъ убьютъ, какъ собакъ, прежде, чѣмъ вы признаете, что существуетъ опасность! Но мы сюда собрались не для того, чтобъ болтать вздоръ, а чтобъ принять мѣры для усмиренія этихъ чертей.

— Да, еслибъ усмирить всѣхъ чертей, то легче было бы жить на свѣтѣ, сказалъ Марстонъ, насупивъ брови и бросая мрачный

взоръ на Макчиниса, который тотчасъ присмирѣлъ:—но позвольте мнѣ вамъ напомнить, сэръ, что прежде всего мы должны вести себя здѣсь, какъ джентльмены. А теперь, господа, такъ какъ вы, повидимому, всѣ убѣждены, что опасность существуетъ, то приступимъ къ обсужденію тѣхъ мѣръ, которыя, по вашему мнѣнію, необходимы для водворенія спокойствія въ колоніи.

— Эти мѣры слѣдующія, сказалъ Друмондъ и, вынувъ изъ кармана бумагу, прочиталъ вслухъ:—1) объявленіе колоніи на военномъ положеніи; 2) воспрещеніе куліямъ отлучаться изъ своихъ помѣстій и праздновать Таджу; 3) преслѣдованіе судебнымъ порядкомъ Гонзалеса и Вильямса за подстрекательство куліевъ къ мятежу...

— Боже милостивый! воскликнулъ Марстонъ, теряя терпѣніе:—чѣмъ же вы оправдываете подобныя требованія?

— Развѣ вамъ неизвѣстно, мистеръ Марстонъ, отвѣчалъ злобно Друмондъ:— что петиція заключаетъ въ себѣ клеветы противъ законодательнаго собранія, исполнительной власти, судей, въ томъ числѣ и васъ, полиціи и всѣхъ плантаторовъ? Неужели вы думаете, что подобныя клеветы, публично выраженные, не возбуждаютъ глупый, невѣжественный народъ къ открытому возстанію?

— Я не считаю это необходимымъ результатомъ, произнесъ рѣшительно Марстонъ:— и все зависитъ отъ того, какъ будетъ принята ихъ жалоба.

— Я согласенъ съ мнѣніемъ мистера Марстона, промолвилъ пасторъ Тельферъ, котораго, какъ мѣстнаго служителя алтара, Марстонъ пригласилъ также на собраніе.

Всѣ присутствующіе, за исключеніемъ предсѣдателя, взглянули съ удивленіемъ и гнѣвомъ на маленькую фигуру пастора.

— Кой чортъ спрашивалъ вашего мнѣнія? воскликнулъ Макчинисъ:—или вы также стали измѣнникомъ и возстаете противъ тѣхъ, кто васъ кормитъ? Клянусь Богомъ...

— Замолчите, сэръ, произнесъ пасторъ, вскакивая съ своего мѣста:—вы можете, сколько угодно, поносить мою скромную личность, но, господа, не дозволяйте осквернять имя Божіе такимъ недостойнымъ устамъ.

Макчинисъ хотѣлъ броситься на смѣлаго маленькаго пророка, но Друмондъ защитилъ его своей могучей рукой.

Между тѣмъ, пренія принимали все болѣе и болѣе пламенный характеръ. Плантаторы рѣзко нападали на Марстона, а онъ твердо защищался и доказывалъ неосновательность ихъ доводовъ. Наконецъ, Друмондъ потерялъ терпѣніе.

— Я полагаю, господа, сказалъ онъ, вставая съ кресла:—что

если мы хотимъ принять мѣры къ поддержанію спокойствія въ округѣ, то намъ нѣчего разсчитывать на содѣйствіе нашего судьи. Но прежде, чѣмъ мы разойдемся, я расскажу вамъ одинъ фактъ, ясно доказывающій, какъ онъ неспособенъ занимать такое важное мѣсто въ настоящую критическую минуту. Онъ скрылъ отъ всѣхъ, что толпа куліевъ напала на миссъ Марстонъ въ моемъ помѣстьѣ на прошлой недѣлѣ и что ее спасъ одинъ изъ моихъ зрителей, котораго я сегодня прогналъ...

— Вы отказали Крэггу? воскликнулъ Марстонъ.

— Да, сэръ. Вы, кажется, находитесь съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ. И такъ, господа, мистеръ Марстонъ, въ обществѣ съ моимъ зрителемъ, скрылъ отъ насъ это важное событіе, доказывающее, какимъ мятельнымъ духомъ обуреваемы мои куліи, и я только случайно узналъ объ этомъ.

Всѣ плантаторы вскочили съ своихъ мѣстъ и устремили на Марстона грозные взгляды.

— Я не имѣлъ основанія полагать, чтобъ моей дочери грозила серьезная опасность, сказалъ судья съ большимъ достоинствомъ и не покидая своего кресла:—мистеръ Крэггъ, благоразумный и благородный молодой человѣкъ, также полагалъ, что на это обстоятельство не стоило обращать вниманія; наконецъ, согласитесь, господа, что это дѣло главнымъ образомъ касалось моей дочери. Впрочемъ, рѣзко прибавилъ онъ, вставая: — я отрицаю ваше право обсуждать мои поступки и дамъ за нихъ отвѣтъ кому слѣдуетъ. Засѣданіе закрыто.

Плантаторы удалились, вѣвъ себя отъ злобы, и за завтракомъ у Друмонда рѣшили обратиться къ губернатору съ требованіемъ немедленно удалить отъ должности Марстона.

Въ то самое время, какъ на галлерей судейскаго дома происходило шумное собраніе плантаторовъ, неподалеку, въ саду, разыгралась совершенно иная сцена, имѣвшая, быть можетъ, еще болѣе вліянія на послѣдующую жизнь Марстона.

Балла ясно видѣла перемѣну, происшедшую во взглядахъ ея отца и понимала, какъ эта перемѣна могла повліять на его положеніе въ колоніи; поэтому она съ безпокойствомъ ждала результата гнѣвныхъ преній плантаторовъ, грубые голоса которыхъ доносились до гостиной, гдѣ она тщетно старалась развлечь свои тревожныя мысли чтеніемъ новаго романа. Наконецъ, ей стало не подъ силу сидѣть на мѣстѣ, и она пошла въ садъ.

Не успѣла она сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ по тѣнистой аллеѣ, какъ вдругъ изъ-за зеленой колючей изгороди раздался знакомый, дорогой ей голосъ:

— Здравствуйте, миссъ Марстонъ.

— О! мистеръ Крэгъ! воскликнула она:—какъ вы меня испугали!

Она остановилась противъ молодого человѣка, поживавшаго ее глазами съ противоположной стороны изгороди, и одного взгляда достаточно было, чтобъ замѣтить на лицѣ его слѣды горя и безпокойства.

— Извините меня, миссъ Марстонъ, что я осмѣлился своимъ явиться къ вамъ, сказалъ скромно прогнанный смотритель:—но вы и отецъ вашъ были такъ добры ко мнѣ, что я не могъ уѣхать, не простившись съ вами.

— Проститесь, мистеръ Крэгъ! промолвила молодая дѣвушка, вспыхнувъ и черезъ мгновеніе смертельно поблѣднѣвъ:—куда вы ѣдете?

— Домой, въ Шотландію. Мистеръ Друмондъ отказалъ мнѣ.

Онъ еще не успѣлъ окончить этихъ словъ, какъ Балла вздрогнула, закрыла глаза, и Крэгъ едва успѣлъ, перескочивъ черезъ изгородь, удержать ее отъ паденія.

— Вамъ дурно, Балла... миссъ Марстонъ. Я сейчасъ позову кого-нибудь.

Онъ не сознавалъ произносимыхъ имъ словъ и съ новымъ невѣдомымъ чувствомъ смотрѣлъ на юную красавицу, почти лежавшую на его рукахъ. Ея маленькая бѣлая ручка крѣпко упиралась въ его плечо, а прелестное, благородное лицо покоилось на его груди. Глаза ея были закрыты, но когда онъ предложилъ позвать на помощь, то на мгновеніе эти окна жизни и чувства отворились.

— Пожалуйста, никого не зовите, промолвила она едва слышно и снова опустила отяжелѣвшія вѣки.

Прошло нѣсколько секундъ; молодая дѣвушка широко открыла глаза, освободилась изъ объятій Крэга и, вся вспыхнувъ, ясно, громко сказала:

— О! Артуръ, зачѣмъ вы уѣзжаете?

— Миссъ Марстонъ! Балла! воскликнулъ молодой человѣкъ въ неопisanномъ волненіи:—неужели вы... то есть мы... неужели вы любите меня?

— А вы, сэръ? спросила Балла съ сіяющей улыбкой.

— Я, Балла, любилъ бы васъ всѣмъ сердцемъ, еслибъ смѣлъ, медленно произнесъ скромный юноша, съ пламеннымъ недоумѣніемъ смотря ей прямо въ лицо.

— А! вы не смѣете? произнесла очаровательная красавица и ловительно закрылась зонтикомъ.

Тогда Крэгъ схватилъ ее вмѣстѣ съ зонтикомъ, приподнялъ и пламенно поцѣловалъ въ обѣ щеки.

— Балла, промолвилъ онъ:—я люблю тебя... я давно любилъ тебя, но не смѣлъ вѣрить своему счастью.

Молодая дѣвушка ничего не отвѣчала; она тихо плакала, но слезами радости. Когда же она снова подняла глаза, то лучезарный ихъ блескъ ослѣпилъ счастливаго юношу. Она протянула ему руку, и онъ такъ вѣрно ее схватилъ, что Балла не могла не вскрикнуть.

— Ну,пусти меня, Артуръ, милый Артуръ! сказала она:—походи за изгородью, пока я не махну изъ окна платкомъ. Дружокъ на галлерей, и я не хочу, чтобъ вы встрѣтились. Когда собраніе кончится, ты придешь и будешь завтракать съ нами.

Прежде, чѣмъ онъ опомнился, она уже исчезла.

Прошло три мѣсяца послѣ романтичной сцены въ саду судейскаго дома; пароходъ *Мерси* медленно выходилъ изъ устья Демерары. На палубѣ небольшая группа пассажировъ бросала послѣдній взглядъ на исчезающій изъ вида Джорджтоунъ. Среди этой группы стоялъ старикъ съ глубокими морщинами на лицѣ отъ недавнихъ трудовъ и безпокойства; онъ мрачно глядѣлъ на мелькавшіе вдали дома города и бормоталъ сквозь зубы что-то не очень лестное для покидаемой имъ колоніи. Подлѣ него находилась прелестная молодая дѣвушка и красивый, высокаго роста юноша, не спускавшіе другъ съ друга влюбленныхъ глазъ.

— Ну, прощай, проклятая страна! пронзешь, наконецъ, Марстонъ вслухъ:—и занесло же меня въ такую трупобу!

— Не говорите этого, папа! воскликнула Балла, смотря нѣжно на Крэга.

— Ужь ты меня извини, отвѣчалъ съ улыбкою Марстонъ:—я не могу находить вознагражденія за всѣ перенесенныя неприятности и потерю мѣста въ ворваніи двухъ влюбленныхъ голубковъ.

— Но, чтобы вы сдѣлали, сэръ, еслибъ не имѣли этого утѣшенія? сказала Балла.

— Вамъ нечего жалѣть этой страны; вы тамъ никого не оставили, никого не похоронили, сказала медленно молодая индустанка, грустно смотрявшая на мелькавшій вдали берегъ.

— Да, отвѣчалъ Марстонъ:—ваше горе, Лучми, глубже моего. Я, по крайней мѣрѣ, могу себя утѣшать мыслью, что исполнилъ свой долгъ и спасъ многихъ отъ гибели. Къ тому же, у меня дочь, хотя она и хочетъ меня бросить, а у васъ нѣтъ ни мужа, ни дѣтей.

*

Добрые слова его вызвали слезы на глазах бѣдной женщины, и Балла, отвѣдя въ сторону, старалась ее утѣшить.

Въ немногихъ словахъ можно разсказать все, что случилось въ эти три мѣсяца. Марстонъ принялъ въ свой домъ Крѣга, къ величайшему негодованію Друмонда, который прекратилъ съ нимъ всякія сношенія. Празднованіе Таджи произошло съ обычнымъ торжествомъ, несмотря на горячіе протесты плантаторовъ, и нигдѣ не былъ нарушенъ порядокъ, кромѣ несчастнаго Belle Suzanne, гдѣ случилось неожиданное кровавое происшествіе. Во время вечернихъ игръ, вдругъ, на устроенной аренѣ, появились два бойца, вооруженные толстыми дубинами и небольшими деревянными щитами. Оба были почти обнажены, и лица ихъ, такъ же какъ тѣло, были окрашены пестрыми полосами. «Гунумунъ!» «Диллу!» раздалось со всѣхъ сторонъ. Сначала они граціозно фехтовали своимъ тяжелымъ оружіемъ, но потомъ, когда кровь закипѣла въ ихъ жилахъ, жестокіе удары посыпались на щиты и обнаженные тѣла. Борьба завязалась не на шутку, кровь забрызгала землю вокругъ бойцовъ, и зрители едва могли разобрать ихъ фигуры, такъ крѣпко они схватились. Наконецъ, одна изъ дубинъ просвистѣла въ воздухъ надъ головами зѣвакъ; Гунумунъ лежалъ распостертый на землѣ, а Диллу стоялъ надъ нимъ, и кровь струилась по его лицу. Черезъ мгновеніе, въ рукахъ Гунумуна блеснулъ ножъ и острое лезвіе вошло въ грудь молодого индуса. Ссоставившись съ послѣдними силами, онъ ударилъ дубиной по головѣ своего коварнаго соперника и оба грохнулись на землю бездыханными трупами.

Мало-по-малу, движеніе между куліями утихло безъ принятія крайнихъ мѣръ, которыхъ требовали плантаторы; но нѣкоторые изъ главныхъ виновниковъ этой счастливой развязки должны были пострадать за свои благоразумныя, гуманныя дѣйствія, въ томъ числѣ и Марстонъ, который, видя непримиримую вражду Друмонда и другихъ плантаторовъ, самъ подалъ въ отставку.

Однако, въ послѣдствіи, министръ колоній одобрилъ его поведеніе и назначилъ губернаторомъ на островъ ***, гдѣ доселѣ онъ здравствуетъ, окруженный ловкимъ секретаремъ и его престелной женою.

Конецъ.

ИЗЪ ЛЕНА У.

I.

Зимняя ночь.

Спитъ воздухъ, скованный морозными цѣпями;
Снѣгъ у меня хруститъ злобѣще подъ ногами;
Дыханіе мое клубится паромъ; ледъ
На мнѣ, вокругъ меня... Впередъ, смѣлѣй впередъ!

Какое страшное, могильное молчанье!
На ели старая луна струитъ сіянье,
И, жаждою томясь забыться въ вѣчномъ снѣ,
Вѣтвями внизъ къ землѣ склоняются онѣ.

Зима, пройди мнѣ въ грудь, и тамъ безъ сожалѣнья
Навѣки заморозь всѣ дикія волненья,
Всѣ страсти бурныя, чтобъ и въ душѣ моей
Все умерло, какъ здѣсь, среди глухихъ полей!..

II.

Весеннее утро.

Соловьи и розы, пѣсни, аромат!
Тщетно ваши чары радость мнѣ сулятъ.
Ахъ, не жмитесь нѣжно къ сердцу моему,
Не пускайте свѣта въ мрачную тюрьму!

Много измѣнилось, многого ужъ нѣтъ
Съ той поры, какъ съ вами бѣдный вашъ поэтъ

Распростился... Долго по щекамъ его
Шла слезами осень счастья моего.

Наконецъ настала и зима. Морозъ
Въ сердцѣ мнѣ пробрался; что осталось слезъ —
Изушили онъ разомъ, и въ оковахъ льда
Всѣ цвѣты надежды сгибли навсегда.

Ароматъ и пѣсни, птицы и цвѣты!
Чары юной жизни, свѣжей красоты!
Не напоминайте нѣжной лаской мнѣ,
Что одинъ на свѣтѣ я—чужой веснѣ!

Петръ Вайнбергъ.

НА РѢКѢ.

(Фотографія).

I.

Сѣверное лѣто раскалилось. Сибирская язва глотает коней, захватывая и людей. Она знать начальства не хочет. Иванъ Аванасевичъ, предсѣдатель земской управы, отлучился изъ города на двое сутокъ въ свою усадьбу: не можетъ ли чѣмъ тамъ народу помочь. Но уполномоченный, онъ же управитель и кондукъ, лукавый Никифоръ, встрѣтилъ его и сообщилъ, что только что вернулся съ прирѣчнаго покоса. Въ прирѣчный городъ, по его словамъ, большая комиссія наѣхала и изъ губернии, и изъ Питера; доктора, генералы. По рѣкѣ ѣздить, народъ спрашиваютъ, мѣста оглядываютъ. У Ивана Аванасевича есть маленькій новосецъ на самой рѣкѣ, но его усадьба за болотомъ въ другомъ уѣздѣ. Этотъ уѣздъ, въ которомъ онъ земствуешь, тоже за болотами. Къ рѣкѣ не приткнулся. И комиссія не забыла, видно, его. А за болотомъ горя не меньше, чѣмъ на рѣкѣ. Заболотный земецъ рѣшается самолично освѣдомиться, что дѣлаетъ эта большая комиссія на большой рѣкѣ? Не поможетъ ли она маленькимъ людямъ? Въ городѣ, говорятъ, ея не найдешь уже. Вѣрнѣе, прямо на рѣкѣ искать; Никифоръ говорить, что она завтра будетъ около Ивана Аванасевича покоса.

— Я съ утра на рѣку поѣду, рѣшаетъ Иванъ Аванасевичъ.

- Одни изволите?
- Съ Гришей, на таратайгѣ.
- На лошади?

— Известно, не на себѣ таратайку поволоку. Милаго за-
ложи.

Въ глазахъ Ниеифора проступила его обычная почтительно скептическая улыбка. Ивана Аеанасьевича всегда отъ этой улыбки коробить.

— На лошади. Ну, такъ что? не могъ онъ удержаться отъ вопроса.

— Какъ изволите.

— Да что—какъ изволите?

— Какъ бы лошади не загубить. Комиссія-то на рѣкѣ не больно важить. Она за язвой бѣгаетъ, а язва, поди, отъ нея не бѣжить.

— Вздоръ это. Вымажь пахи у Милаго дегтемъ; чесноку на шею наважи. Сѣрной кислоты слабо водой разведи. Дай ему бутылку утромъ пораньше. Вздоръ.

Иванъ Аеанасьевичъ на улыбку Ниеифора всегда говорилъ вздоръ, а про себя думалъ «не вздоръ». И поэтому, утромъ, отиѣнилъ свои распоряженія касательнаго Милаго, и до солнышка выступилъ въ походъ по образу пѣшаго хожденія. Коренастый паренѣкъ Гриша, навьюченный корзинами съ лекарствами, посвистывая, шелъ за нимъ слѣдомъ, подбирая грабы по дорогѣ.

Ходу было восемь верстъ по болотнымъ гатамъ и корявымъ тропкамъ. Когда пѣшеходы вынырнули изъ влажнаго лѣса на сухой бечевникъ рѣки, солнышко давно успѣло взойти, разогрѣться, осушить росу на поемныхъ лугахъ, и воздухъ сталъ полегоньку раскисляться.

Рѣка вытекаетъ изъ большого озера, налитого бѣлой водой, съ мягкимъ перламутровымъ оттѣнкомъ. Но у рѣки и этого красиваго оттѣнка нѣтъ. Сѣрая, грязная, мутная, какъ Темза, какъ Гаронна, какъ Тибръ—издали похожая на тѣнистое обмелѣвшее русло, отъ самаго истока своего до Волги уныло течетъ она между плоскими берегами, то широко разливаясь, то круто капризно изгибаясь. словно она гоняется за красотами природы, а красоты природы упрамо убѣгаютъ отъ нея за большіе моховыя болота, уставленные хилымъ соснячкомъ, за косматые черныя лѣса. Сѣрыя воды рѣки громко рокочутъ мѣстами и вскипаютъ бѣлой пѣной у пороговъ, но пороги, дѣлая ее опасною для судоходства, не увеличиваютъ ея живописности. И Припорожье, большое село, словно вдавленное въ широкую площадь плоской пашни у самаго опаснаго порога, кишашее запасными лошадьми, бурлаками, прикащиками, звѣнящее цѣнами тузровъ, оглашаемое отчаянными посвистами буксирныхъ пароходовъ, бо-

рющихся съ льющимся имъ на встрѣчу, по подводнымъ камнямъ, потоку—это село, несмотря на всю наполняющую его дѣятельность полуголодныхъ лошадей и рабочихъ, несмотря на разгулъ прикащиковъ, не радуется ни взору, ни мысли; 35,000 лошадиныхъ труповъ, павшихъ въ теченіи немногихъ лѣтъ отъ сибирской язвы въ его предѣлахъ и зарытыхъ около, окружили его зловредной атмосферой и дурной репутаціей.

Когда Иванъ Аванасьевичъ вышелъ на бичевникъ, по рѣкѣ тянулись длинные караваны судовъ. Много по ней проходить хлѣба мимо тѣхъ, у кого его мало и какъ разъ тогда, когда в этого малаго вовсе нѣтъ. Полную чашу проносить мимо алчущихъ усть.

Въ шестидесятыхъ годахъ населеніе Прирѣчнаго Края ѣло мохъ и кору весной и лѣтомъ; и умирало... Компетентные люди—мы должны имъ вѣрить—говорятъ: населеніе умирало не отъ голоду, а отъ тифа, лихорадки. Но и компетентные люди не могутъ не вѣрить смерти и говорятъ: «да, умирало». А эти длинные караваны длинныхъ судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ для Англии и Франціи, въ теченіи каждаго долгаго лѣтнаго дня и все лѣто, отъ Ниволы до Ильи, проходили мимо. Ржаной муки не было въ городахъ, нетолько по деревнямъ.

— Остановите караваны, потребуйте, чтобы хлѣбъ былъ выданъ мѣстному населенію за деньги (одно то обстоятельство, что денегъ у голоднаго края было больше, чѣмъ хлѣба, говоритъ краснорѣчиво о размѣрахъ бѣдствія). Телеграфируйте въ Петербургъ, кому слѣдуетъ. Нельзя же такъ, въ самомъ дѣлѣ! вставалъ въ земской управѣ одинъ изъ земскихъ фантазеровъ.

Иванъ Аванасьевичъ направился къ ближайшему наволоку, зеленѣвшему за бичевникомъ. Это былъ его повозъ. Около наволока копошились рабочіе. Три бабы ворошили сѣно; два парня на длинныхъ вьюгахъ вѣтвинахъ волокли копну къ заготовленному для стога мѣсту, обозначенному стройнымъ высокимъ шестомъ. Трое мужиковъ-рабочихъ купались въ рѣкѣ. Знойно ужь было.

Увидя людей въ рѣкѣ, Иванъ Аванасьевичъ почувствовалъ, какъ у него замерло сердце. Рѣка была отравлена язвой.

— Что вы дѣлаете, что вы, каторожные, дѣлаете? закричалъ онъ съ бичевника купающимся.

— Ишь его нанесло! перешепнулись мужики между собою, вообразивъ, что баринъ ругается за оставленіе работы.—Кто его знаетъ, что проясится. Мужики бросились опретью къ рубахамъ и портямъ, валявшимся на берегу.

— Согрѣшеніе! замѣтилъ одинъ, въ попыткахъ столкнуться

съ пльвннмъ по водѣ вакнмъ-то большнмъ сѣрымъ, вздутымъ, лоснящнмъ тѣломъ.

— Опять? отозвался другой рабочей, прворно продѣвая свое мокрое тѣло въ рубаху.

— Опять? шестая съ утра. Падна!

Это былъ трупъ околѣвшей отъ извы лошади; онъ пльъ по рѣкѣ.

— Чтѣ шестая? приблвзая, спросилъ Иванъ Аванасевнчъ.

— Шестой конь, отвѣчали рабоче:—шестой съ утра пропльвааетъ. Падна!

— Много ихъ пльветъ?

— Есть-таки, батюшка. Цѣльный день пльвуть; судовые, какъ у ннхъ лошадь занеможетъ, такъ и вали ее въ рѣку. Все равно не оживетъ—знаютъ. Учужаться недосугъ; на бичевннкѣ оставлять не приказано.

— Зарывать приказано.

— Приказано-то слышнмъ, что приказано. Да коли недосугъ... Опять задннмъ караванамъ задержка.

— Лошадь въ рѣку, а тамъ управа съ исправннкѣмъ сирашнвай съ кого знатъ.

— Чей конь... чья провинность...

— Была и не стало... Вншь, какъ ее несетъ!

Теченіе быстро уносило трупъ; сверху подплывала новая пара.

— А чего береговые сторожа смотрятъ? освѣдомился Иванъ Аванасевнчъ.—Вѣдь они тутъ расставлены управой.

— А береговые сторожа, батюшка, сами у насъ на глазахъ намедни тоже въ рѣку пикаютъ. Хлопотъ, значнтъ, меньше.

— Да и слава тѣ Господи, что въ рѣку. По берегу-то ихъ и то страсть, что валяется; всѣхъ сторожамъ въ землѣ не упрятать. Воннца экая идетъ; въ водѣ все полегче! философскн заключилъ старшій мужнкъ, принимаясь за вилы и направляясь къ остожью.

Въ знойномъ лѣтнемъ воздухѣ стоялъ тяжелый смрадъ. Иванъ Аванасевнчъ запалилъ толстѣйшую папиросу.

— А вы бы курили, ребята, посовѣтовалъ онъ, и протянулъ нмъ пачку папирсъ.

— Мы не курнмъ, отозвались двое.

— Ваше же сѣно спалнмъ, небезъосновательно замѣтилъ третій.

— Въ нашнхъ зубахъ ваша бумажка и не курнтся, барнтъ! подрѣпилъ другой.

— Коли не курица, такъ пѣтухъ, дешево съострнлъ молодой паренъ къ общему удовольствію публики и очень жалобно взгля-

нужь на карманъ барскаго пальто, въ которомъ исчезли напирсы.

Въ сторонкѣ около маленькаго ольховаго кустарника, на трехъ жердяхъ, составленныхъ въ козлы, какъ солдатскія ружья на привалѣ, висѣлъ черный чугунокъ-котелокъ. Подъ котелкомъ былъ разложенъ огонь, въ котелкѣ что-то шипѣло и кипѣло, бѣлая пѣна выбѣгала на заоконные края. Иванъ Аванасьевичъ подошелъ, наклонился, заглянулъ въ котелокъ: рыба. Уха варится. Онъ устоялся на работкахъ.

— Это что? и онъ протянулъ свой указательный палецъ къ котелку, словно не видѣлъ, что это.

— Ушка, батюшка, отозвалась ближайшая баба.

— Изъ рѣчной-то рыбы?

— Однонотенъ ночью Прохоръ ставилъ, захватилъ съ дому. Рыбку Богъ далъ.

— Рѣчная рыба, и вода изъ рѣки?

— Изъ рѣки, батюшка Иванъ Аванасьевичъ, изъ рѣки, пояснѣлъ самъ Прохоръ, нѣжно уминая въ своихъ объятіяхъ копну сѣна.

Баринъ все глаза таранилъ. Все точно не понималъ. Онъ даже не чувствовалъ себя въ силахъ ругаться.

— Бога вы не боитесь, Бога не боитесь! Сами видите сколько падали плыветь.

— Рыбку-то Богъ даетъ, рыба не отравленная, заступился за рыбку Прохоръ.

— А вода, вода-то не отравленная? А? не видали вы падали-то, что-ли? Сейчасъ считали—шестая съ утра. Хотя бы на какой ручей за водой сходили. Лѣнь, а? Лѣнь?

— Пообѣдать-то вѣдь и намъ тоже хочется, сердито замѣтилъ доселѣ молчавшій мужикъ.—До ручья-то обгаты не досугъ. А рыбки-то... тоже намъ пообѣдать хочется.

А тѣмъ временемъ караваны одинъ за другимъ проползали по рѣкѣ.

Вотъ передовая барка показала изъ-за мыса, за ней видны мачты другихъ барокъ, съ тоненькими красными флагами на верхинахъ. Много этихъ красныхъ флаговъ полосуетса въ перспективѣ на голубомъ фонѣ яснаго неба. Суда двигаются плавно и беззвучно крадутса. Лошади ступаютъ почти неслышно, ихъ гонять по расконтанному берегу, около самой воды: мягче. По исколеченному и искошшему бичевнику жестко, козотко. Погонщикъ бредеть около лошадей, ему не до понуканья, особливо безъ нужды: зной, истома. Еще ноги волочить. На передней ло-

шади сидить мальчуганъ, худенькій, невзрачный; ноги, какъ плети, болтаются около выдающихся лошадиныхъ реберъ.

Тихо, сонно выдвигается караванъ изъ за мыса. И вдругъ все проснулось, зашумѣло.

Караванъ приблизился къ одному изъ миллионныхъ препятствій, къ одному изъ мостиковъ, перекинутыхъ черезъ вдававшіе въ рѣку мелкіе притоки; съ этихъ мостовъ лица, прѣзжавшія изъ Питера для изслѣдованія причинъ, для изысканія средствъ пресѣченія, для ослабленія, прекращенія сибирской язвы и проч. снимали фотографіи. И доселѣ показываютъ портреты этихъ мостовъ, пребывавшихъ въ хроническомъ разрушенномъ видѣ, своимъ знакомымъ, прибавляя: «это не пути сообщенія, это—пути сообщенія сибирской язвы».

Лошади, влчившія переднюю барку, подобрались къ одной изъ этихъ руинъ. Черезъ русло рѣченки по водѣ не перебраться. Надо обратиться къ услугамъ инвалида-моста. Надо значить лошадей подогнать, взогнать по крутому, истоптанному обрыву берега на ненавистное полотно бичевника. Стали подгонять.

Ослабленная бичева шлепнула по водѣ, копыта передовыхъ лошадей не то затопали, не то заскребли по деревянному настилу моста. Водоливъ съ барки заругался на погонщика, погонщикъ сталъ ругать верхового мальчика, мальчикъ лошадей. Животныя скользили ногами, падали на колѣни и мертвенно-безучастными глазами глядѣли въ сторону хлеставшаго ихъ немилосердно погонщика.

Заднія суда, не успѣвъ убавить ходу, набѣгали на переднія; ихъ бичевы шлепались, ихъ водоливы ругались. Крѣпкая брань бѣглымъ огнемъ перебѣгала по рѣкѣ.

— Эту-то, эту-то, сивую! оралъ съ судна водоливъ.—Ишь увалилась. Ты себя-то чего жалѣешь? Ну жги ее, жги...

— Что-бъ ты собаки сожрала, внушалъ бѣдной сивой, поощренный начальствомъ погонщикъ, измочаливая на сухихъ косякахъ влячи вторую ивовую дубинку.—Чтобъ тѣ нутро изглодало. Чего? и тѣ вытяну! вдругъ взялся на верхового мальчика.

Задняя лошадь, упавъ на откосъ берега, потянула передовыхъ, какъ разъ только что установившихъ было свои дрожащія ноги на плахахъ моста. Лошади потянулись, свернулись на откосъ въ клубокъ, мордами къ хвостамъ товарищей, и стиснули босые ноги мальчугана.

— Ой! дядинька, дядинька! взвылъ отъ боли ребенокъ.

Но дядинька обругалъ его, забылъ уже о человѣческомъ суще-

ствѣ, метался вокругъ скончившихся въ кучу лошадей и безъ разбора хлесталъ и коней и мальчишка.

Новый пруть вымочалился. Опъ швырнулъ его въ рѣку.

Скоро сказка сказывается, несморо дѣло дѣлается. Остальные суда и ихъ лошади успѣли установиться и притянуть, поджидая движенья передоваго. Кони ихъ стояли недвижимо, понуры головы, у самой воды.

Вдругъ задняя лошадь четвертаго судна потянула къ водѣ, передовыя и заднія тоже къ водѣ подвернулись и по брюхо погрузились въ рѣку.

Мальчишкѣ, сидѣвшій на передовой лошади этого судна, почувствовалъ, что его ноги по колѣно погрузились въ воду, замазалъ руками, какъ спугнутая птица крыльями. При помощи задняго погонщика, худенькаго бѣлобрысаго мужиченка съ жидкой бородкой и тощимъ лицомъ, обвязаннымъ тряпичей—изъ подъ тряпицы болтались сочные лоснястые листья какого-то воднаго растенія,—мальчуганъ извлекъ изъ рѣки свою лошадь, и всѣхъ остальныхъ, кремѣ задней.

Задняя рыжая кобыла глубоко затонула въ воду, втопталась въ вязкую тину, понурила голову, словно напиться хотѣла, и не могла. Только у ней въ горлѣ что-то шипѣло съ присвистомъ.

— Ишь ты! тихо, боязно, осторожно, чтобы не обратить на себя ругательное вниманіе прикащика, штабъ втораго помѣщался на ближайшей баркѣ, говорилъ худой мужиченко, вытаскивая передовыхъ.—Ишь ты, братецъ, какой ты? Ахъ, какой ты! сказывалъ я тебѣ—остерегись!

— Чего остерегись; ты остерегись! продолжая махать руками, зоралъ на него мальчишка. Мужиченка даже дѣтскаго окрику испугался и заговорилъ еще тише.

— Прошалъ я тебя: говорю, ливая, ливая держи. Что тутъ подѣлаешь? Гмъ. Ну, матушка, матушка, ну, добрая! льстилъ онъ кобылѣ. Но добрая не поддавалась на его лесть и продолжала стоять въ водѣ неподвижно, уныло, чутьчуть вздрагивая и шипя горломъ.

— Да въѣдъ у ней язва, воскликнулъ приблизившійся къ этой суетѣ, Иванъ Аванасъевичъ.

— Язва-то язва, оторопѣло подтвердилъ мужиченко:—язва.

— То она и въ воду полѣзла.

— То и въ воду полѣзла, опять подтвердилъ погонщикъ.—Пользительно. Знаетъ скотинка, что пользительно.

— Вольготно ей, вмѣшался одинъ изъ рабочикъ съ покоса.—Сказываютъ, бакинскій баринъ больныхъ коней все въ воду ставитъ, тѣмъ и отваживается.

— Ой, ты! подивился мужиченно.

— Пра.

— То она сердешная и просится въ воду. Смерти-то кому хочется! Скотинка, а помирать, поди, не охота.

— Да не то, что кони, а и мы-то, грѣшныя, въ пути нѣ, кого Господь посѣтитъ, кто спухнетъ, все листы изъ воды беремъ, къ опухоли прикладываемъ. Пользителямо.

— Покуда около самой этой воданой травы идешь, только и свѣтъ видишь, замѣтилъ повязанный тряпичей погонщикъ, подправляя грязными пальцами подъ грязную повязку, болтавшуюся около его щеки и шеи, бахрому зеленыхъ листьевъ. И опять принялся за лошадь.

— А у тебя что же? спросилъ его Иванъ Аванасьевичь.

— Опухло.

— Опухло? Отъ чего?

— Кто его знает!

— Можетъ, и сибирка, пояснилъ покосный рабочий. Иванъ Аванасьевичь сильно подозревалъ, что сибирка. А мужиченно взглянулъ на него такими апатично робкими, болѣзненными глазами, какими лошадь глядѣла на людей, тащившихъ ее за гриву и хвостъ изъ воды.

— Муха укусила. Божья воля, промолвилъ онъ.

Мухи большія, жгущія своимъ жаломъ овода летали роами надъ людьми и животными, перенося заразу съ больныхъ на здоровыхъ. Лошади были такъ изнурены, что даже своими истрепанными хвостами перестали отмахиваться отъ терзающихъ ихъ насѣкомыхъ. Люди только вздрогнуть, какъ острое жало насквозь проколеть и рубаху и кожу, и сотрутъ ладонью мучителя, а тѣхъ, которые носятя надъ головой, не отгоняютъ.

— Гдѣ ихъ тутъ отгонишь? Тьма тьмуцая.

Переднія суда успѣли двинуться впередъ, а одержимая язвой кобыла не двигалась съ мѣста. Съ судна послышалась начальническая брань. Повязанный мужиченно совсѣмъ растерялся, отъ испуга выбился изъ силъ, повязка спала съ его щеки на шею комутомъ, обнаживъ синебагровую твердую опухоль, заставляющую всю лѣвую щеку и видимо сдавливающую горло. Черное карбункулообразное роковое пятно остро выдавалось на опухоли около скулы.

— Да слышишь ты, закричалъ ругающемуся съ судна прикащику Иванъ Аванасьевичь:—болна лошадь. Ея не вытащишь.

— Болна, прахъ ее возьми! Чего съ ней? откликнулось съ судна.

— Сибирка.

— Ахъ!

— Чего тутъ? Вѣрно! отозвались мужики, собравшіеся около лошади.— Не потянетъ.

— Потянетъ—до Бережка только. Тамъ въ плесь, и чортъ съ ней. Гоо-ни.

— И до Бережка не вытянетъ. Только помѣха.

Лошадь хрипѣла и начинала шататься. Это была острая форма сибирки, дѣйствовавшая почти какъ ударъ.

— Ну, такъ руби ихъ, раздалось начальническое приказаніе.

— Чего рубить?

— Руби построжки ейныя. Не жениться тутъ станемъ... Живо! Иванъ Аванасьвичъ протестуетъ, но, конечно, бесплодно. Построжки отрублены. Погруженный по брюхо въ воду, вздрагивающій и шатающійся конь оставленъ на жертву смерти. Много коней пробѣжитъ мимо него еще живого и заразится. Онъ околѣетъ, погрузится въ воду, потомъ всплыветъ его трупъ—и опять много встрѣчныхъ коней заразится. Не впервые.

А судно ушло впередъ, и только мужиченко съ опухолью тоскливо оглянулся на оставшуюся лошадь и еще тоскливѣе поглядѣлъ на воду. Онъ не видитъ на ней водорослей. Ему нечѣмъ замѣнить растерянныхъ и растоптанныхъ въ суетѣ листьевъ, утолявшихъ смертельную боль.

Сутокъ не прошло, и его самого караванъ оставилъ сзади въ большомъ селѣ на рукахъ сотскаго, а на слѣдующіе сутки его почернѣвшій трупъ поспѣшно зарыли въ землю на кладбищѣ.

II.

Вверхъ по рѣкѣ, хлопотливо пытая, бѣжить пароходикъ — легенькій, чистенькій, веселенькій. На носу неестественно изогнулся золоченый рыцарь: Царь «Синій Усъ» — такъ зоветъ пароходикъ прислуга. На кормѣ казенный флагъ. Бѣлый парусинный навѣсъ, окомленный широкой зеленой полосой, защищаетъ отъ жгучихъ лучей полуденнаго июльскаго солнца большую группу официальныхъ лицъ, расположившихся на палубѣ пароходика.

Тучная фигура петербургскаго туза-специалиста, облеченная въ лѣтнее пальто соломеннаго цвѣта, плотно осѣвшая въ развалистое складное кресло, составляетъ центръ передового кружка, который, впрочемъ, эксцентриченъ, ибо у него есть и другой центръ: тузъ-энциклопидистъ, мѣстная верховная власть. Онъ сидитъ рядомъ съ тузомъ-специалистомъ, и тоже на развалистомъ складномъ креслѣ. Но сидитъ не плотно, безпокойно, будто собираетъ

ся раздавать приказанія, а, въ сущности, мучится мыслью: что бы мнѣ сказать такое...а? А когда скажетъ слово, вопросительно поглядитъ на стоящаго у противоположнаго борта лицомъ къ нему секретаря, а потомъ сладко-любовно въ глаза петербургскаго туза. И опять мучится, силясь самымъ молчаніемъ выразить, съ одной стороны, что онъ, начальство, съ другой, что уважаетъ авторитетъ петербургскаго туза-спеціалиста.

Послѣдній съ большимъ комфортомъ сосетъ сигару и только поводитъ изъ подъ широкихъ полей панамы темными вдумчивыми глазами съ одного собесѣдника на другого. Онъ мало говоритъ и много, внимательно слушаетъ.

Представитель мѣстнаго земства, крѣпкой молодой человѣкъ, подбирая пальцемъ усы въ правый уголъ энергичнаго рта, то же молчитъ, изрѣдка указывая на техническія красоты бичевника, достойныя камеры фотографа.

— *Pittoresque*, указываетъ онъ глазами на совершенно провалившійся мостикъ бичевника, по которому, не взирая на живописный беспорядокъ балокъ и полусгнившихъ плахъ, очевидно, ни проходу, ни проѣзду.

Тузы молча улыбаются. Но такъ улыбаются, что улыбка ихъ видимо беспокоитъ высокаго, статнаго, красиваго пожилого мужчину, съ очень веселой фізіономіей. На немъ бѣлый жилетъ, бѣлые невыразимые и просторные пальто съ зеленой выпушкой.

— Все къ началу навигаціи было исправлено, принимая улыбку тузовъ за вопросъ, поясняетъ онъ:—все до послѣдняго гвоздика... такъ вѣдь, Вячеславъ Станиславовичъ? подерѣпляется онъ, обращаясь къ стоящему за его спиной подчиненному юношѣ въ зеленыхъ же выпушкахъ и также хорошо откормленному. Получаетъ подерѣпительный отвѣтъ и, воодушевляясь, продолжаетъ.

— Все, до послѣдняго гвоздика... Мои офицеры—не офицеры—золото. Золото, не офицеры. Ничего не упустать... Да что же прикажите подѣлать противъ стихій, т.-е., можно сказать, противъ воли Божіей! Знаете, какъ была вода высока весной, даже послѣ начала навигаціи... Размыло - съ... Да, размыло... разнесло... въ то время вамъ изъ Петербурга и не добраться было къ намъ... распутица... а у насъ все было въ порядкѣ... до послѣдняго гвоздика.

Гвоздикъ онъ особенно отчеканилъ; отчеканилъ и сълъ, успокоенный тѣмъ, что тузы перестали улыбаться. А землецъ, опять провожая глазами оставшуюся за пароходомъ руну, лаконично повторяетъ:

— *Pittoresque*...

— Вѣдь сами знаете, что вода была необыкновенно высока.

обращаются къ нему зеленыя опушки, свергнувъ на него глазами: дескать, такъ бы и перервалъ тебя...

— Я развѣ говорю, что низка—я только говорю: pittoresque.

Тузы опять улыбаются; зеленая опушка краснорѣчиво, подробно, обстоятельно, неотразимо, внушительно передаетъ исторію своей трагической военной борьбы съ стихіями. А что разрушено весной въ половодье, послѣ починокъ — того не исправишь: сметы, отчеты, ассигновки, подрядчики, рабочіе—все оказывается на сторонѣ язвы.

Удивительно сколько у этой язвы союзниковъ. Тузы и земець слушаютъ неподвижно. На лицѣ юноши подчиненнаго горитъ готовность вѣтвенно подтвердить каждое слово своего начальника. Два независимые землевладѣльца, приглашенные тузами въ качествѣ экспертовъ, сидятъ на табуретахъ. У каждого изъ нихъ на языкѣ виситъ по проекту. Независимый землевладѣлецъ-практикъ, наконецъ, улучаетъ минуту и выкладываетъ свой проектъ.

— Настоящую водяную систему, т.-е. значительную ея часть, самую опасную часть закрыть, совсѣмъ закрыть—и провести маленький соединительный каналъ между рѣчками А. и Б. Но покуда это преобразование совершается, необходимо провести маленькую соединительную линію желѣзной дороги отъ одного пункта системы до другого.

И независимый землевладѣлецъ-практикъ, раздвинувъ указательный и большой пальцы руки, показываетъ, какую маленькую линію надо построить. Она будетъ стоять пустяки, сущіе пустяки, мѣстность самая благоприятная. Мѣстность ему знакома, какъ свои пять пальцевъ—да чего! по его землѣ должна пройти! значить, мѣстность извѣстна.

— Пустяки будетъ стоять, а государству сохранить миллионы... что я говорю миллионы?—миллиарды.

Мечта о концессіи оваряетъ его.

— А, по моему, нервно врывается въ его рѣчь нетерпѣливо грызшей ногти большихъ пальцевъ независимый землевладѣлецъ-фантазѣрь:—по моему, единственное, я вамъ говорю, единственное средство прекратить язву... и предупредить язву—это ассенизировать мѣстность.

Фантазѣрь пространно развиваетъ проектъ превращенія неоглядныхъ сѣдыхъ болотъ въ тучныя пастбища. Теперь скотъ хоронятъ на болотѣ, а тогда скотъ будетъ тучнѣть, здоровѣть. Стоитъ только большущимъ буравомъ просверлить большущую дыру въ глинистой подпочвѣ насквозь, и вся вода убѣжить въ подпочвенный слой—непремѣнно водопроницаемый...

Тузъ-энциклопедистъ, наведя глазами надлежащія справки, съ потугами рождаетъ акціому.

— Практичнѣе всего обезпечить снабженіе тяговыхъ лошадей кормомъ въ достаточномъ количествѣ и надлежащаго качества.

— Еще бы! восклицаютъ присутствующіе независимаго отѣна.

— Правда-съ, совершенная правда-съ! распѣваетъ хоръ зависимыхъ, а старикъ становой дѣлаетъ сладко восторженную фizioномію, въ которую обыкновенно складываются черты его измятаго лица, когда, проглотивъ рюмку англійской, онъ начинаетъ ощущать теплоту въ желудкѣ.

Тузъ-энциклопидистъ, поощренный восторгомъ толпы, въ свою очередь развиваетъ прозекъ объ устройствѣ складовъ овса, сѣна и проч.

— Это—чудеснѣйшая мысль, на ѳ протягиваетъ независимый капиталистъ купецъ-милліонеръ, содержащій себя въ добровольномъ рабствѣ у честолюбія.—Это—чудеснѣйшая идея. Я готовъ на свой счетъ построить на своей землѣ два склада, гдѣ будетъ указано...

У него на языкѣ виситъ слово «начальствомъ», но онъ воздерживается, ибо старается сохранить видъ просвѣщеннаго коммерсанта, а у просвѣщеннаго коммерсанта — какое же начальство!

Но тузъ-энциклопедистъ подслушиваетъ недосказанное слово и устремляетъ на него глаза.

— Видите, опять съ потугой выпускаетъ онъ драгоценныя слова:—какъ быстро можетъ дать плодъ хорошая мысль, обретенная на такую благодарную почву, какъ Архипъ Сидорычъ!

И онъ протягиваетъ благодарной почвѣ красивую широкую руку. А благодарная почва, не утрачивая своей независимой внѣшности, млѣетъ, ибо въ устремленномъ на него взглядѣ не только читаетъ представленіе къ награждѣ, но и видитъ самую награду, а въ ушахъ звучатъ поздравленія согражданъ.

— Да вамъ слѣдовало бы, Архипъ Сидорычъ, и поставку корма на себя взять.

— По всей-то рѣкѣ?

— По всей.

— Кромѣ его, не кому осилить такого подрада, произносить, какъ бы про себя, исправникъ, сидящій въ заднихъ рядахъ у борта.

Благодарная почва, себѣ на умѣ, улыбается и чувствуетъ, какъ въ боковомъ карманѣ, не то около сердца, не то около сердеч-

наго сосѣда—бумажника, пробѣгаютъ мурашки наслажденія. Въ головѣ складываются хорошія цифры.

— Очень хорошая мысль, замѣчаетъ губернской спеціалистъ съ крупнымъ чиномъ и мелкими свѣдѣніями: — сколько тысячъ лошадей будетъ спасено!

— А сколько тысячъ рублей я-то заработаю! мечтаетъ благодарная почва.

Вячеславъ Станиславовичъ, доселѣ скромно жавшійся брюхомъ къ спинѣ стула своего начальника, наскоро подсчитавъ въ умѣ выгоды, которыя онъ можетъ извлечь, если его пригласятъ заняться постройкой складовъ, призналъ настоящій моментъ удобнымъ для обращенія на себя вниманія. Онъ замѣчаетъ, что система кормовыхъ складовъ въ связи съ системой трупо-сжигательныхъ печей—радикально излечать край. Склады—идея туза энциклопедиста; трупо-сжигательныя печи—идея, которую народилъ принципаль Вячеслава Станиславовича. Естественно, что Вячеслава Станиславовича милостиво, даже дружески, выслушиваютъ. Толстый принципаль даже нѣжно поглядѣлъ на подчиненнаго черезъ плечо, словно поцѣловать хотѣлъ; но удержался и только выпустилъ съ душистымъ дымомъ сигары:—золото, золото, а не офицеръ.

Золото почтительно развиваетъ великую идею начальства. Какъ это, въ самомъ дѣлѣ, хорошо! По рѣкѣ будутъ плавать особаго устройства большія лодки, съ кранами и огромными крюками на канатахъ. Плыветъ по рѣкѣ лошадиный трупъ, его сейчасъ выуживаютъ крюкомъ, подтягиваютъ къ пункту, на которомъ устроена сжигательная печь. Тутъ—опять кранъ и крюки. Направили кранъ къ лодкѣ, задѣяли трупъ, вздернули кверху, повернули кранъ—прямо надъ пріемникомъ высочайшей трубы—трахъ и трупъ исчезъ въ горниль, а дымъ вмѣстѣ съ заразой улетѣлъ въ трубу.

— Золото, золото!

Проектъ вызываетъ споры. Не о существѣ—существо непогрѣшимо, какъ папа римскій — а о примѣненіи. На чей счетъ строить печи?

— На земскій!

— Государственное это дѣло, а не земское, замѣчаетъ принципаль, родитель идеи, опасующійся, чтобы ея выполненіе не ускользнуло отъ его золота.

— Во всякомъ случаѣ, чертежи и проекты должны быть рассмотрѣны строительнымъ отдѣленіемъ губернскаго правленія, брякаетъ тузъ-энциклопедистъ, не забывъ справиться предварительно въ глазахъ секретаря.

— Ни земству-сь, ни государству, ни земству-сь, ни государству, утверждаетъ помѣщикъ-практикъ. — Они обременены обязанностями. Общество, населеніе, масса-сь должна помогать государству и земству. Частной компаніи слѣдуетъ поручить постройку.

— Да, пожалуй, отзываются и родитель идеи, и благодарная почва. — Одному подрядъ, другому—наблюденіе за работами въ частной компаніи съ руки. Тузь-энциклопедистъ тоже соглашается, потому уже, коли частная компанія, такъ уже непременно и строительное отдѣленіе губернскаго правленія—значить, онъ не совсѣмъ глуло брякнулъ.

Губернскій специалистъ съ крупнымъ чиномъ любитъ заикать о томъ, что онъ книжки на иностранныхъ языкахъ читаетъ, и, упомянувъ немножко о Франкфуртѣ, и немножко объ Англии, рекомендуетъ трупы сожигать электричествомъ. Такъ, безъ печей, чтобы всѣ приспособленія на лодей были—поймалъ трупъ на крюкъ, пропустилъ токъ—и баста.

Изъ уваженія къ крупному чину и почтеннымъ лѣтамъ прожектёра, присутствующіе не препятствуютъ ему разыграть фантазію на невозможную тему.

А трупы плывутъ себѣ да плывутъ по сѣрой рѣкѣ, навстрѣчу бойкому пароходнику, словно не о нихъ и рѣчь.

— Ну-сь, а что вы намъ скажете? обращается тузь-специалистъ къ двумъ ѳздынымъ врачамъ, сидящимъ рядомъ съ исправникомъ.—Мы вашего мнѣнія не слышали, Андрей Андреевичъ, обращается онъ къ мужичинѣ среднихъ лѣтъ въ форменной фуражкѣ, съ богобоязненнымъ подобострастіемъ во взорѣ.

Андрей Андреевичъ не смѣлъ говорить, но у него давно захватывало духъ отъ одной мысли, что великій тузь-энциклопедистъ обратится къ нему съ вопросомъ. Андрей Андреевичъ приподнялся, приблизился къ центру и, приставивъ правую руку къ тощему брюшку, пропѣлъ точно робкій ученикъ на экзаменѣ.

Смысль его пѣсни былъ тотъ, что всѣ предложенныя мѣры превосходны. Тѣмъ болѣе, что онѣ не вызываютъ надобности увеличивать числа мѣстныхъ врачей. Увеличивать число врачей совершенно излишне; слѣдуетъ только прибавить разѣздныя деньги для врачей—и все тутъ, задача рѣшена. Одинъ врачъ выполнить дѣло за двоихъ, коли будетъ получать вдвое больше разѣздныхъ. Врачи тогда все продолжатъ и все предупредятъ.

Андрей Андреевичъ жилъ разѣздами. Получалъ деньги на пару, держалъ мерина и переѣзжалъ на своемъ каркѣ изъ де-

ревни въ деревню, не спѣша, но неустанно. Не спѣша, чтобы лошадь не заморить, неустанно, чтобы много верстѣ извѣздить. Выдавалъ по дорогѣ мужикамъ казенныя лекарства, которыхъ они не умѣли принимать, и раздавалъ казенныя совѣты, которыхъ они не умѣли понимать; избѣгалъ этимъ путемъ домашнихъ ссоръ съ женой, тяготящейся положеніемъ уѣздной лекариши, и представлялъ начальству необязательно крупныя цифры верстѣ, обломавшихъ его бока. Начальство его за это поощряло, прогоны оставались въ карманѣ; лошадку и его самого кормили помѣщики, у которыхъ онъ останавливался, и зажиточные мужички, нуждавшіеся въ казенныхъ лекарствахъ и казенныхъ совѣтахъ. Понятно, что Андрей Андреевичъ, вмѣстѣ съ своими боками и карманомъ, вѣровалъ въ существенную осязательную пользу развѣдочъ и осмѣлился пропѣть свое о нихъ мнѣніе.

Покуда Андрей Андреевичъ распѣвалъ свою арію, другой мѣстный врачъ безцеремонно хихикалъ и презрительно фыркалъ. Претензіи на неограниченный либерализмъ скрывались во всемъ его существѣ: въ физиономіи, постоянно подернутой иронической гримасой, въ жилетѣ, застегнутомъ до нижней пуговицы, въ шапкѣ Гарibaldi, сдвинутой на затылокъ, въ непочтительно поджатой подъ себя правой ногѣ и даже въ указательномъ пальцѣ. Онъ безпрестанно разматывалъ тряпочку, которою былъ завернуть этотъ палецъ и, обнаруживая отвратительный нарывъ, подносилъ его къ своему носу на виду у всѣхъ, въ ознаменованіе своей полнѣйшей независимости.

Прослушавъ, хихикая и фыркая, пѣсню своего коллеги объ увеличеніи развѣдочъ, онъ раскохотался, когда Андрей Андреевичъ зарпортовался до того, что выразилъ мнѣніе о полезности сокращенія числа врачей.

— Кого вы сокращать собираетесь? небезъосновательно замѣтилъ врачъ-либераль. — Вонъ, по сосѣдству, въ Медвѣдскомъ Уѣздѣ всего одинъ врачъ, а въ Волчьемъ старикашка отправился ad patres два мѣсяца—и два мѣсяца доктора добыть не могутъ. Кого вы тамъ сокращать-то станете? Хаха-фыръ.... Андрей Андреевичъ даже перепугался, тѣмъ болѣе, что и начальство не поощрило его прозекта. Онъ смиренно опустилсѣ на свамеечку, а глаза уставилъ на валившійся у его ногъ окурокъ начальнической сигары. Но въ душѣ влокотала злоба, услаждаемая надеждой, что ужъ этого либерала отдюютъ же, наконецъ, либо судья, либо лавочникъ. «А тебѣ бы все въ городѣ сидѣть! мысленно обращался онъ къ коллегѣ:—знаю я. Тебѣ хорошо сидѣть между двумя любовницами. Судейша сухонькая, купчиха рыжлая—обѣ кормятъ, пригрѣваютъ. На пуховикахъ-то вальтѣся

разумѣется, пріятнѣе, чѣмъ волеи на проселкѣ выдавливать..
Ужь попадешься ты...ты...»

Тѣмъ временемъ, тузъ-спеціалистъ резюмировалъ дебаты.

— Вотъ второй день, господа, заботливо произнесъ онъ:— мы ѣдимъ и разсуждаемъ. Мы высказали и выслушали много прозетовъ. Я не сомнѣваюсь, въ будущемъ большинство ихъ можетъ принести неоцѣнимыя блага. Но намъ надо нынче, тотчасъ что-либо предпринять. Забота о настоящемъ—не менѣе важная часть задачи, для разрѣшенія которой мы ѣдимъ, собираемъ свѣдѣнія, отрываемъ занятыхъ людей отъ дѣла, безпокоимъ совершенно независимыхъ лицъ. О будущемъ сказано много, но что же мы должны предпринять въ настоящемъ?

— Пожалуйте закусить, чѣмъ Богъ послалъ! громко, но сладко пригласилъ небольшой человекъ, съ зелеными выпушками на пальто и дукуловскимъ вдохновеніемъ на физиономіи, поднявшійся изъ кюоты. Это былъ, такъ сказать, официальный хозяинъ парохода. Онъ свято чтить древній обычай гостепріимства и хлѣбосолилъ на славу—неизвѣстно только на чей счетъ. Надо полагать, ставилъ на счетъ стихій, съ которыми невозможно бороться.

— Чѣмъ Богъ послалъ, совсѣмъ сладко повторилъ хозяинъ, склонивъ голову на правое плечо, прибѣдаясь, славно Богъ ему ничего, кромѣ сухого булика, не послалъ.

Воззваніе было обращено къ центру группы, но произвело самое сильное видимое впечатлѣніе собственно на окраины, вѣрнѣе, на отдѣльную хвостовую группу, стоящую и бродившую по палубѣ, между двумя лѣстницами, изъ которыхъ одна вела въ буфетъ и столовую, а другая въ кухню. Становой, съ загадочнымъ другомъ, писаремъ изъ благороднаго сословія, помощникъ исправника, подвыпившій острякъ земець-горожанинъ, припугнутый чѣмъ-то при рожденіи удѣльный чиновникъ... еще кто-то. Все мелкота, несмѣвшая при тузахъ имѣть своего сужденія, неинтересовавшаяся, по закону возмездія, сужденіями тузовъ и, по этимъ двумъ причинамъ, не пробивавшаяся къ центру.

Изъ кухни въ столовую, по палубѣ, мимо этой группы, можно сказать, сквозь эту группу, давно уже пронесли большой свѣтлый серебрянный подносъ. На немъ нѣжно, призывочно звенѣли тонкія рюмочки, гирляндой разставленныя около степенныхъ хрустальныхъ графинчиковъ и бутылочекъ.

— Ахъ, канальство, подумалъ становой, мотнувъ языкомъ по пріятно-влажному рту.

Даже удѣльный не удержался и, толкнувъ локтемъ между реб-

рами помощника исправника, обратилъ его вниманіе на ихъ общихъ друзей «два нуля». «Аллашъ» — дескать.

Послѣ рюмочекъ и графинчиковъ, сквозь хвостовую группу пронесли селедочку въ горчичномъ соусѣ, зернистую свѣжую икорку, балычекъ, ярко-розовую семгу, спрыснутую перцемъ... На *à-té-froid*, сардины и маринованнаго гомаара извѣстный своими патріотическими чувствами помощникъ исправника презрительно махнулъ рукой.

Два нуля, икорка, балычекъ сильно раздражили аппетитъ томимой скукой хвостовой группы. Заслышавъ сладкое: чѣмъ Богъ послалъ! она скучилась и вдругъ попятилась назадъ, вспомнивъ, что надо дать дорогу начальству. Нелегко ей было совершить это хотя и весьма кратковременное отступленіе.

Къ счастью, оба туза, шедшіе къ закускѣ впереди всѣхъ остальныхъ присутствующихъ, были люди высокаго воспитанія, и неизбежные поминки Чичикова и Манилова были совершены ими у верхней ступени лѣстницы отчетливо, но быстро.

Изъ каюты на нихъ пахло прокладой, а прокладка была пропитана запахомъ дыни, апельсина, персика, ананаса, земляники розана, лиліи, ландыша и левкоевъ. Внизу у лѣстницы, на самомъ видномъ мѣстѣ, стояли два видные официанта изъ мѣстнаго клуба. На рукахъ одного, задумчиво положивъ голову на край фарфороваго блюда, покоилась округлая стерлядь съ янтарнымъ хребтомъ. На рукахъ другого, изъ богатой росыпи земляной груши, трюфелей и брюссельской капусты вздымалась гора сочившагося алой кровью ростбифа, который хозяину парохода Богъ послалъ съ нарочнымъ изъ Петербурга.

Въ провинціи извѣстно, если и есть говядина, то ни прикосновенія столичныхъ зубовъ, ни имени ростбифа, она ни въ какомъ случаѣ не заслуживаетъ и заслужить не можетъ.

Въ то самое время, когда и помыслы, и взоры всѣхъ на пароходѣ присутствующихъ сосредоточились на томъ «что Богъ послалъ», съ берега раздался хриплый, зычный голосъ.

— Эй, гей, го! господа санитары, уберите свою пададь изъ рѣки! Видите, сколько ихъ плыветъ, до васъ добирается.

При этомъ воззваніи, нѣкоторые взглянули за бортъ. Почти касаясь стѣнокъ парохода, по водѣ проплывало два вздутыхъ, до прозрачности лоснящихся лошадиныхъ труповъ.

— Кто, кто, кто кричить? строго спросилъ исправника тузъ-энциклопедистъ.

— А, это—предсѣдатель сосѣдней земской управы, вашество. Большой хлопотунъ.

--- И весьма дерзкій, рѣзко замѣтилъ энциклопедистъ.

— И я думаю, весьма полезный намъ, если онъ—хлопотунъ, спокойно обрѣзавъ его петербургскій тузъ-энциклопедистъ:—отъ чего это мы его не пригласили? Большой хлопотунъ,—надо пригласить.

— Оно и встаетъ—какъ разъ къ закускѣ, пошутить принцпалъ золотыхъ офицеровъ.—Задній ходъ, лодку спустить! свомандовалъ онъ.

Л. Русинъ.

42
649

Левъ

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ НИ ПАВЫ, НИ ВОРОНЫ.

(Дневникъ домашняго учителя).

№ 4478

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

— Такъ превратился въ ни паву, ни ворону, говорите вы?

— Да.

— Однако, кто бы могъ подумать! Такой, можно сказать, хорошей породы и такъ измельчалъ.. Онъ... вы знаете?.. нѣкоторымъ образомъ незаконнорожденный... Ну, постоянные уколы самолюбія, нѣкоторыя неудачи... Жаль, жаль!

Это было въ Баден-Баденѣ, на гуляньѣ, часовъ въ семь теплаго лѣтняго вечера. Гуляющихъ было, какъ обыкновенно въ это время, много; играла музыка. Разговоръ вели, сидя на скамеечкѣ подъ старою, развѣсистую липою, гг. Тургеневъ и Соломинъ.

— Я рѣдко посѣщаю Россію, началъ г. Тургеневъ послѣ продолжительнаго молчанія:—и совсѣмъ потерялъ его изъ виду; но, такъ какъ члены этого семейства всегда служили какъ бы верстовыми столбами на дорогѣ російскаго развитія, то я думалъ, что и отсюда увижу, когда онъ достаточно разовьется и выяснится... Скажите, пожалуйста: онъ не покушался на самоубійство? Это—обыкновенный исходъ для такихъ увяленныхъ натуръ.

Соломинъ разсказалъ мою исторію.

— Но вы, кажется, меня несовсѣмъ вѣрно поняли, заключилъ онъ, добродушно скаля зубы:—почему вы думаете, что онъ—человѣкъ, съ увяленнымъ самолюбіемъ?

Г. Тургеневъ посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— А развѣ можетъ быть другое объясненіе этому странному направленію? Вы развѣ знаете другую причину?

Соломинъ почему-то заволновался, какъ вода, выведенная изъ равновѣсія дуновеніемъ вѣтерка, и боязливо сталъ оглядываться

по сторонамъ, но черезъ минуту вполне овладѣлъ собою и произнесъ съ хитрою улыбкой:

— Я не знаю другой причины, кромѣ той, что онъ—ни павы, ни ворона.

— Извините, что-то не понимаю, произнесъ г. Тургеневъ съ нѣкоторою досадою:—что жъ вы называете въ такомъ случаѣ павой, ни вороной?

— Ни павы, ни ворона—названіе общее, такое же, какъ, напримеръ, лошадь, бабочка; а породъ ихъ много, какъ и павъ. Павы—предѣлъ движенія для ни павы, ни вороны. Всякая ни павы, ни ворона имѣетъ свой предѣлъ, свою паву, и сообразно съ этимъ онѣ дѣлятся на разряды. Однѣ изъ нихъ составляютъ достояніе зоологич., другія—сатиры; а то еще бываетъ «кашійскій дворянинъ», Бѣлинскій...

— Что-о?

— Бѣлинскій. Впрочемъ, я, какъ уравновѣшенная душа, мало сталкиваюсь съ этими людьми, кромѣ развѣ случаевъ особенной личной симпатіи. Если угодно, я вамъ прочту о Бѣлинскомъ изъ письма той самой ни павы, ни вороны, о которой у насъ съ вами и рѣчь главнымъ образомъ зашла.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Соломинъ вынулъ изъ бокового кармана письмо, которое я написалъ къ нему за нѣсколько дней передъ этимъ, и прочиталъ слѣдующій отрывокъ:

...«Что такое Бѣлинскій, какъ типъ? Это—«алчущая правды», вѣчно страдающая, вѣчно рвущаяся къ свѣту ни павы, ни ворона... Онъ родился между воронами, въ вороньей обстановкѣ; родился впечатлительнымъ, сердечнымъ, добрымъ и сразу сталъ чувствовать себя неладно въ вороньей средѣ. Онъ задыхается, нищеть воздуха. А тамъ, у подножія божества, спокойно расположились павы... Неотъемлемая особенность его характера—неудовлетворенность и стремленіе къ идеалу. Ни вороны, ни павы этого не испытываютъ. У первыхъ ничего подобнаго не зарождалось въ головѣ, а вторыя успокоились на лонѣ какой-нибудь до того широкой (или узкой) идеи или на такомъ громадномъ запасѣ силы, что предъ нею всѣ сомнѣнія, терзанія—нуль! Бѣлинскому завидно это олимпійское спокойствіе. Онъ такъ энергично рвется къ богинѣ, что, наконецъ, можетъ достать до неа рукою и съ восторгомъ смотреть внизъ, на громадный вороній міръ, копошащійся тамъ, далеко. Но тутъ-то оказывается, что павой ему никогда не бывать, не потому, чтобы его обижали, а просто потому, что въ немъ самомъ много вороньяго: онъ страстно любитъ воронь... Вотъ и начинается чудить Бѣлинскій.

Онъ протягиваетъ руку внизъ, зоветъ воронъ, несмотря на то, что павамъ это, можетъ быть, вовсе нежелательно; потомъ, видя, что вороны не обнаруживаютъ ни малѣйшаго подолзновения летѣть такъ высоко, онъ схватываетъ богиню за подолъ платья и тащеть ее внизъ, къ воронамъ; когда и эти желанія ни къ чему не приводятъ, онъ, больной, измученный, проклинаетъ и божество, и воронъ и умираетъ... ни павой, ни вороной».

Соломинъ сложилъ письмо и снова спряталъ его въ карманъ.

— Ничего болѣе, какъ желаніе прикрыть и оправдать великимъ именемъ свое духовное убожество; а, впрочемъ, довольно остроумно... Вы теперь въ Россію ѣдете? заключилъ вдругъ г. Тургеневъ, очевидно желая переизмѣнить разговоръ.

— Да; тамъ у меня мѣсто на фабрикѣ есть.

— Что-жь, понравился вамъ Манчестеръ?

Они поговорили еще кой-о чемъ и распрощались самымъ дружескимъ образомъ. Глубокое взаимное уваженіе, лежавшее въ основѣ ихъ отношеній другъ къ другу, нисколько не пострадало отъ маленькаго разногласія по поводу моей смиренной особы... Черезъ три года послѣ этого разговора появилась «Новь»...

Я заранѣе прошу извиненія у г. Тургенева, если эта встрѣча его съ Соломиннымъ окажется выдумкой. Я взялъ ее цѣликомъ изъ недавно полученнаго мною письма отъ Соломина, на котораго—буде что—и падаетъ вся отвѣтственность за неправду. Соломинъ подчасъ любилъ шутки, и очень можетъ быть, что, благодаря счастливой *оказіи* (у него недавно родился сынъ отъ Маріанны, съ которою я—NB—не знакомъ), это шутовское настроеніе усилилось въ немъ въ значительной степени.

Во всякомъ случаѣ, дѣло настолько близко касается меня, что считаю долгомъ рассказать свою подлинную исторію, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній.

Но это—дѣла такъ недавно минувшихъ дней, что, даже находясь наканунѣ новаго фазиса развитія, я еще не могу отнестись къ нимъ вполне объективно и потому предлагаю на вашъ судъ, «прекрасная читательница», не связанный художественный рассказъ, а беспорядочные наброски, въ томъ видѣ и порядкѣ, въ какомъ въ памяти возникали пережитыя впечатлѣнія. Я выбрасываю числа и дни изъ своего дневника, такъ какъ въ рассказѣ о прошломъ они не имѣютъ никакого значенія; остаются, значитъ, какъ изволите видѣть, не дневникъ собственно, а такъ, чортъ знаетъ что, ни рыба, ни мясо, словомъ—произведеніе ни павы, ни вороны. Впрочемъ, если хотите, иначе и быть не можетъ: представляя собою моментъ развитія, мы, ни павы,

*

ни вороны, не вылились въ опредѣленную форму, а потому не можемъ придавать таковой и своимъ произведеніямъ.

Но позвольте съ вами познакомиться.

Прежде всего—нѣсколько словъ о моихъ предвахъ: я увѣренъ, что вы, «прекрасная читательница», имѣете объ нихъ самыя сбивчивыя понятія.

Мой дѣдушка — «духъ отрицанья, духъ сомнѣнья» или, просто, «Демонъ» — умеръ естественною смертью, у себя въ постели, соскучившись, вѣроятно, летаньемъ безъ толку надъ вершинами Кавказа и нелѣпымъ препровожденіемъ времени — поблуждать сердца прекрасныхъ дамъ... Бѣдный дѣдушка! Онъ, въ сущности, былъ чрезвычайно добръ. Его «отрицанья и сомнѣнья» потому только казались ужасными вашей покойной бабушкѣ, что она, съ непривычки, склонна была видѣть величайшіе ужасы во всякомъ сомнѣнн; а между тѣмъ, дѣдушка не отрицалъ и не сомнѣвался даже въ крѣпостномъ правѣ...

Доброе старое время! Вы, конечно, его не помните. Ваша добрейшая бабушка была тогда еще очень молодою дѣвушкой, воспитывалась въ институтѣ, мечтала о конногвардейцахъ, «съ огнемъ въ глазахъ и душой на челѣ», и проливала слѣзы надъ извѣстной пѣмой Лермонтова, гдѣ рассказывалось о моемъ дѣдушкѣ, тщательно прятала книжку отъ «возлюбленной тата», а на ночь помѣщала ее подъ подушку... Какіе сны ей снились! Сколько сладостныхъ грезъ, волнующихъ, подзадоривающихъ, уносящихъ воображеніе далеко, далеко, за вершины Кавказа, подъ облака, гдѣ въ беспорядочной массѣ смѣшивались огненные глаза, шелковистые усы, блестящіе эполеты, цѣлыя идиллическія картины жизни, исполненной любви—все, что могло вьрости въ душевн, сжатой атмосферѣ института и жизни на алчущей воздуха и свободы душѣ!

Тогда Аванасій Ивановичъ, какъ вамъ извѣстно, былъ еще молодцомъ, носилъ бѣлый жилетъ и только-что покинулъ Пулькерію Ивановну.

Все это прошло. Ваша бабушка вышла замужъ за вашего уважаемаго дѣдушку и сдѣлалась примѣрной хозяйкой. Многіе еще до сихъ поръ помнятъ ея неподобныя наливки, маринованные грибки, неподобныя варенья. Вамъ ужъ не сдѣлать такихъ... Вы помните, какъ она угощала гостей на балконѣ, что выходилъ въ большой, тѣнистый садъ? Ваша матушка сидѣла за самоваромъ, гости весело бесѣдовали, а вы, наскучивъ играть съ подругами, пріютились въ угольѣ.

Славный былъ вечеръ. Солнце садилось, жаръ свалилъ; дышалось легко и свободно; въ пахучемъ воздухѣ носились майскіе жуки, вдали раздавалось блеяніе деревенскаго стада и мелодическое кваканье лягушекъ. Ваша бабушка тихонько отошла въ сторону, сѣла въ густой тѣни и долго, долго глядѣла на медленно потухавшую зорю; а вы вдругъ подбѣжали къ ней, взяли ея руку и спросили съ трогательнымъ участіемъ:

— О помъ ты, бабушка, плацесь?

Мой дѣдушка тогда умиралъ.

У его постели собрались мы всѣ: отецъ-Печоринъ, я, мои братья: Рудинъ и Базаровъ. Я прекрасно помню эту минуту. У двери почтительно вытянулся крѣпостной лакей, во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ; у изголовья сидѣлъ отецъ, холодный и безстрастный, словно происходившее вовсе не къ нему относилось; мы, ребята, стояли. Базаровъ былъ угрюмъ и недоволенъ. Онъ, кажется, ругался про себя, что «заставляютъ торчать тутъ и слушать всякую чепуху отцовъ». Рудинъ навзрыдъ рыдалъ, а я испытывалъ нѣчто неопредѣленное: то зареву во все горло, то вдругъ затихну и употребляю усилія, чтобъ не раскохотаться; то тоска какая-то найдетъ, то безпричинная злость разбирать станетъ— и все это въ одну и ту же минуту.

Вася, «прекрасная читательница», можетъ быть удивляется, что мы не назывались одною фамиліей? Это, конечно—вина биографовъ, окрестившихъ одного такъ, а другихъ иначе; но надобно сознаться, что избѣжать этого разъединенія было довольно трудно: одна фамилія неизбежно привела бы къ нѣкоторой сбивчивости; да притомъ, благодаря известной вѣтренности батюшки, мы, т. е. я и братья, произошли отъ разныхъ матерей, чѣмъ, можетъ статься, и объясняется нѣкоторое несходство нашихъ характеровъ.

Въ комнатѣ, кромѣ упомянутыхъ лицъ, никого не было. Не было Онѣгина, потому что онъ—вовсе не братъ отца, какъ утверждали нѣкоторые, а только далекій родственникъ, десятая вода на киселѣ; отсутствовалъ также Обломовъ, по той простой причинѣ, что онъ—сынъ Онѣгина, а не Печорина. Заявляю это торжественно въ виду возникшихъ было недоразумѣній и выдумокъ.

Старикъ вовсе не походилъ на обыкновенныхъ умирающихъ; онъ какъ будто по своей волѣ, по принципу умиралъ. Лицо, правда, было очень блѣдно и исхудало, но глаза (какъ разъ такіе же, какъ и у отца) свѣтились ровнымъ блескомъ, голосъ былъ твердъ и спокоенъ, только тише обыкновеннаго. Онъ долго молчалъ, какъ бы желая дать Рудину время выплакаться.

Ждать пришлось недолго. Рудинъ вдругъ пересталъ хныкать, скрестилъ на груди дѣтскія рученки, опустилъ на грудь свою красивую, мудрую голову и печально уставилъ на дѣда глаза, полные необыкновенной нѣжности. Въ комнатѣ сдѣлалось тихо. Отчетливо постукивалъ часовой маятникъ («глаголь время, металла звонъ», помню, вертѣлось у меня въ головѣ); также неподвижно стоялъ лакей у двери, также безстрастно сидѣлъ отецъ.

Дѣдъ отшатнулся, улыбнулся и началъ тихимъ голосомъ, ясно отчеканивая каждое слово:

— Ну, ребята, вы видите, что мнѣ пора ad patres... Я, конечно, могъ бы это устроить и безъ всякихъ церемоній, не ставляя васъ скучать здѣсь, но мнѣ хочется сказать вамъ нѣсколько словъ на прощанье... Не хнычь, малый! обратился онъ къ Рудину:—нѣчего плакать при финалѣ комедіи!..

Онъ засмѣялся какимъ-то глухимъ, короткимъ смѣхомъ, отъ котораго я вздрогнулъ, словно изъ-за могилы хохотъ раздавался. Съ нашей стороны—ни звука, ни движенія; даже Базаровъ пересталъ ворчать подъ носъ и съ любопытствомъ прислушивался.

— Да, это была комедія, довольно плохая комедія! продолжалъ Демонъ.—Я имѣю полное право сказать... Чѣмъ-бишь словами? Ну, все равно! Память что-то плоха стала... Что-то въ родѣ слѣдующаго:

«Ахъ, какъ я жилъ, какъ шибко жилъ!
Могу сказать—дѣтъ жизни прожилъ!
Жизнь, такъ сказать, на жизнь помножилъ
И нуль въ итогъ получилъ»...

Дѣдъ довольно живо декламировалъ этотъ теперь общезвѣстный отрывокъ (интересно знать: онъ сочиненъ до или послѣ смерти дѣдушки?) и снова захохоталъ замогильнымъ смѣхомъ.

— Вы, мальцы, обратился къ намъ умирающій:—едва ли много смекаете въ томъ, что я говорю, но все равно—слушайте: послѣ пригодится... Да!.. Всякія тамъ дамы доставляли мнѣ только мимолетное наслажденіе, и вся моя жизнь—безконечная скука... Скука, это—пустота. За тобою—пустота, передъ тобою—пустота, кругомъ—пустота! Это совсѣмъ чортъ знаетъ что!.. И знаете, отчего вышелъ такой скандальный итогъ жизни? (Дѣдъ воодушевился и привсталъ на постели) Оттого, что я потерялъ свой *raison d'être*!

Ему словно трудно было выговорить это слово; онъ снова упалъ на подушку и продолжалъ уже спокойнѣе:

— Что такое я?..

— «Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья!» восторженно продекламировалъ Рудинъ:—ты, дѣдушка—сила!

Старикъ серьезно взглянулъ на мальчика, отецъ какъ-то печально улыбнулся, а Базаровъ проворчалъ: «дуракъ!»

— «Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья», медленно повторилъ умирающій:—а что же я отрицаю? Я *все* отрицаю, т. е., говорю другими словами, *ничего* не отрицаю, а такъ, интересничалъ, баловался... И не признавалъ, впрочемъ, ничего. Это было просто полнѣйшее равнодушіе ко всему на свѣтѣ... (Дѣдъ звянуть).—О, если-бъ я могъ отрицать, т. е. со смысломъ отрицать! Если-бъ я зналъ, что отрицать!.. Ты, сынъ мой—Печоринъ повернулъ къ нему голову — ты находишься въ болѣе счастливыхъ условіяхъ. Въ тебѣ больше мускуловъ, крови; ты не можешь летать, какъ я въ дни юности; ты, по необходимости, прикованъ къ человѣческому обществу, предметъ твоихъ отрицаній и сомнѣній опредѣленнѣе... Но ты пошелъ по ложной дорогѣ, и я хочу тебя предостеречь: затѣвь и признаніе это затѣвлять... Посмотри на своихъ пострѣлять: это—живой укоръ твоей легкомысленности... Передай имъ, по крайней мѣрѣ... Уйди въ пустыню...

Дѣдъ умеръ.

Рудинъ бросился къ трупу, припалъ къ искудалой, еще теплой рукѣ и сталъ бормотать какую-то чепуху. Можно было разобрать:

— Бѣдный, благородный духъ! Никѣмъ непризнанный и одинокій... Я возьму на себя твою задачу...

Бѣдный мальчишъ не зналъ, къ чему приведетъ его эта задача; не зналъ также, что никакой задачи у Демона не было, а было только извѣстное нравственное настроеніе, доставшееся и намъ въ наслѣдство. Изъ этого настроенія каждый изъ насъ построилъ для себя тѣ или другія задачи, смотря по личнымъ силамъ и сообразно окружавшимъ обстоятельствамъ.

Базаровъ сталъ разжимать палецъ у трупа, съ цѣлью изслѣдовать, насколько въ немъ сохранилась упругость; я стоялъ неподвижно, совсѣмъ растерявшись отъ множества самыхъ разнообразныхъ чувствъ и мыслей. Отецъ посмотрѣлъ нѣсколько секундъ на покойника, потомъ круто повернулся и вышелъ изъ комнаты, замѣтивши мимоходомъ лакею:

— Убери.

Лакей взвалилъ себѣ на плечи легкое тѣло дѣдушки и унесъ его къ мосту, что на рѣчкѣ Легѣ, откуда и бросилъ въ воду бранные останки когда-то мощнаго духа... Sic transit gloria mundi.

Дѣдъ скончался въ с. Небываловеѣ, имѣнія Печорина (скоро, впрочемъ, оно было продано за долги), послѣ дуэли отца съ злополучнымъ Груиницимъ, послѣ романа съ княжной Марі. Поговаривали въ нашемъ окологдѣѣ, что княжна—моя мать, что очень вѣроятно, хотя въ біографіи отца, какъ вы знаете, объ этомъ ни слова не упоминается.

Не знаю, почувствовалъ ли потерю Печоринъ, или нѣтъ—по лицу ничего нельзя было разобрать—но черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Демона онъ приказалъ запретъ лошадей, уложить вещи и объявилъ намъ, что уѣзжаетъ навсегда, объявилъ въ ту минуту, когда уже надо было садиться въ экипажъ.

— Куда ты, батя? спросилъ Рудинъ голосомъ, полнымъ слезъ.

Печоринъ, сидя въ повозкѣ, неопредѣленно какъ-то махнулъ рукою. Кучеръ сталъ подбирать возжи.

— Да говори толкомъ: куда? подскочилъ къ отцу Базаровъ.

— Въ пустыню! слышалось намъ за грохотомъ колесъ.

Мы, какъ говорится, остолбенѣли.

— Если человѣку нѣчего дѣлать въ Европѣ, то онъ поступаетъ очень умно, отправляясь въ Азію.

Базаровъ проговорилъ про себя эту фразу и спокойно пошелъ въ комнату. За нимъ послѣдовалъ Рудинъ съ инстинктивной торопливостью слабого человѣка, покорно слѣдующаго за сознающей себя силой. Я остался на мѣстѣ, глядя на далекій холмъ, за которымъ скрылся экипажъ отца. Въ головѣ у меня начало мутиться, въ горлу подступили рыданія, но заплакать я, все-таки, не могъ; наконецъ, въ глазахъ потемнѣло — и я упалъ безъ чувствъ.

Я очнулся, послѣ двухнедѣльной горячки, въ чужой семьѣ. Братьевъ со мною не было. Ихъ отвезли тоже къ названнымъ отцамъ и матерямъ. Дальнѣйшая исторія того и другого вамъ известна изъ превосходныхъ біографій, написанныхъ г. Тургеневымъ.

Дождь, слякоть, словно снова начало марта вернулось... То-ска смертная; уроки шли вяло... Да! Вы, «прекрасная читательница», конечно, зададите мнѣ вопросъ: почему я называю себя домашнимъ учителемъ, когда вовсе не намѣренъ говорить о своей педагогической дѣятельности? — Очень просто: потому, что я—дѣйствительно домашній учитель. Ни пава, ни ворона—домашній учитель—такое же определенное выраженіе, какъ напри-мѣръ, «читатель»; только слово: «читатель» обнимаетъ собою болѣе или менѣе всего человѣка, тогда какъ «учитель», въ при-

мѣненіи къ ни павѣ, ни воронѣ, есть только извѣстный моментъ, точка поворота. Тогда ни павы, ни ворона или отдыхаетъ послѣ какой-нибудь «исторіи», или готовится къ ней, или просто, какъ, напримѣръ, я, приводитъ себя къ одному знаменателю.

Мнѣ еще и потому пріятно называть себя учителемъ, что г-жа Елена (Инсарова), дама, неожиданная встрѣча съ которою оставила во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія—также была учительницей...

Слѣзшу, впрочемъ, оговориться, что я не увѣренъ, была ли это дѣйствительно ш-ше Инсарова, или нѣтъ: я видѣлъ ее въ исключительныхъ обстоятельствахъ и не могу ручаться за безошибочность тогдашнихъ впечатлѣній; но товарищъ увѣрялъ меня, что это была подлинная Елена, вернувшаяся въ Россію послѣ смерти Инсарова и поселившаяся въ прекорощенской деревушкѣ. Забавѣ, гдѣ товарищъ мой—Печерицей звали—былъ кузнецомъ. Повторяю, что за достовѣрность этого факта ручаться не могу.

Но я лучше расскажу, какъ было дѣло.

Пересмотрѣлъ написанное: совсѣмъ неладно написано. Я съ грустью долженъ сознаться, «прекрасная читательница», что обладаю слабостью, формулируя свои мысли на бумагѣ или даже просто въ головѣ, про себя, многое не досказывать; не доканчивать—не говоря ужъ о формѣ—оставлять углы и прорѣхи, за которые потомъ самъ же цѣпляюсь и часто разрушаю цѣлое логическое зданіе. Эта несчастная слабость—недостаточно округлять и отдѣлывать свои мысли—причинила мнѣ много хлопотъ въ жизни, много минутъ самоуниженія, самобичеванія и т. п. безплодной траты нравственныхъ силъ. Но такъ какъ ужъ это у меня въ крови, т. е., такъ сказать, «независящее обстоятельство», то я ограничиваюсь только указаніемъ на фактъ, чтобы стимулировать вашу снисходительность, и продолжаю безъ всякой надежды на исправленіе.

Легко сказать: «расскажу, какъ было дѣло!», а какъ его рассказать толково, когда оно затрагиваетъ такія чувствительныя струны сердца («въ сердцѣ человѣка есть струны»—открылъ одинъ молодой человѣкъ у Диккенса), раздражаетъ такія еще живыя раны, что, право, не знаешь, съ которой стороны къ нему подойти!

Село Забава лежитъ въ одной изъ самыхъ роскошныхъ мѣстностей Малороссіи. Оно живописно раскинулось рядомъ бѣленькихъ хатъ вдоль большого, окаймленнаго развѣсистыми ивами пруда, на противоположномъ крутомъ берегу котораго стояла

барская усадьба, съ большимъ, сбѣгавшимъ къ самой водѣ садомъ. Широкая плотина, съ покосившейся и почернѣвшей отъ старости мельницей, соединяла оба берега пруда, а на песчаной отмели, со стороны села, стояла кузница и хата Печерицы. Тамъ я прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ. Хата состояла изъ двухъ довольно просторныхъ горницъ, съ землянымъ поломъ, крошечными окнами и большою кухонною печью въ каждой; горницы раздѣлялись сквозными сѣнями и были до того низки, что Печерица могъ безнаказанно выпрямиться во весь ростъ только въ такомъ случаѣ, если предварительно позаботился отойти отъ балки и стать въ самый глубокомъ мѣстѣ пола. Кромѣ грубыхъ скамей, стола и большого сундука съ книгами, тамъ не было другой мебели. Спалъ Печерица на полу, а для меня устроили изъ сундука и скамьи нѣчто въ родѣ кровати.

Это болѣе чѣмъ скромное обиталище смотрѣло, однако, очень уютно и весело. Къ хатѣ, повыше, прилегалъ огородеъ, съ подсолнечниками, макомъ, любисткомъ, грядками луку, капусты; дальше—небольшой садикъ изъ вишенъ, черешень, грушъ, сливъ, а въ центрѣ, какъ великанъ между карликами, высился богъ-бѣсть какъ попавшій сюда высочайшій серебряный тополь. Въ жаркіе лѣтніе дни, когда вся природа какъ бы замираетъ въ сладостной истомѣ, а въ распаленномъ, неподвижномъ воздухѣ звучитъ какая-то словно оборвавшаяся, звенящая нота; когда дамы страдаютъ головою болью и кушаютъ мороженое, а Иванъ Никифоровичъ, напротивъ того, имѣлъ обыкновеніе безъ дальнихъ околичностей сбрасывать долой всѣ принадлежности своего туалета—любилъ я лежать въ тѣни громаднаго дерева и глядѣть по цѣлымъ часамъ на высокія бѣлыя облака, легкой вереницей пронесившіяся по синему-пресинему небу, слушая жужжаніе, стрекотаніе, чириканье того вѣчно суетащагося, неугомоннаго міра, который когда-то пристыдилъ извѣстнаго школьника, желавшаго побѣгать во время классовъ, заставилъ его смиренно отправиться, куда слѣдуетъ, и съ удвоенною ревностью приняться за латинскія склоненія... (Это, вѣроятно, былъ тотъ самый мальчикъ, что впоследствии, возмужавъ, безъ слезъ умиленія не могъ вспомнить, какъ пчелки «со всякаго цвѣточка берутъ взяточку»). Гдѣ-то, въ пространствѣ, раздавалось пѣніе жаворонка, ласточки зигзагами носились въ воздухѣ, прямо надо мною вружились стая воронъ...

Изъ кузницы доносились мѣрные, мощные удары молота. Печерица работалъ.

Много было работы у Печерицы, и кузнецъ онъ былъ хороший. Косу ли починить, серпъ-ли, борону, или лемехъ у плуга

подправить—на все былъ мастеръ и справлялся съ работой одинъ, несмотря на то, что его заваливали заказами, потому что другой кузницы въ селѣ не было. Очень любили мужики коваля и часто обращались по дѣламъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ кузницей. Онъ пользовался всеобщимъ почетомъ и имѣлъ громадное вліяніе на своихъ односельчанъ, несмотря на то, что ему было только 23 года.

«Это ужъ какъ Господь кому назначить, говорили объ немъ крестьяне:—иной, вотъ, до сѣдыхъ волосъ доживетъ, а разуму не наберется, а коваль, смотри, молодой еще совсѣмъ хлонецъ, а поди ты... Да и то сказать надо: письменный!»

Случится ли драва въ селѣ, свинья ли тамъ въ чужой огородъ залѣзетъ, или другое что—идутъ не въ волость, а къ ковалю на судъ, и не было примѣра, чтобы кто-нибудь остался недоволенъ его рѣшеніемъ. И Господь его вѣдаетъ, какъ это онъ ухищрялся! Самъ собственно не рѣшаетъ, а поговорить съ людьми—что да какъ—тѣ и сами увидать, чье дѣло правое, и поставятъ все на лады, какъ слѣдуетъ. Бѣда ли случится человѣку—грошей, на примѣръ, на подати нѣтъ—онъ къ ковалю. «Такъ и такъ, говоритъ:—человиче добрый, помог!» И поможетъ коваль завсегда! Самъ-то онъ не богатъ; ни скотины у него, ни хозяйства какого (огородъ, и тотъ старухѣ Дарьѣ даромъ уступилъ)—а ежели что—поможетъ. Пойдетъ на село, покалякаетъ съ мужиками—тѣ и вытащатъ человѣка изъ бѣды.

Не любилъ коваль пьянства, хотя нельзя сказать, чтобы самъ не пилъ вовсе; выпьетъ—таки рюмочку, другую въ компаніи, но больше—ни-ни, и другимъ не позволить.

Въ воскресенье или праздникъ какой, коваль отправлялся обыкновенно на нѣсколько часовъ въ корчму; тамъ—музыка. Бондарь Семенъ на скрипкѣ пилить, сынишка въ бубень бьетъ. Дѣвчата танцуютъ!

— Дobre, Параско, гаркнетъ коваль:—такъ и трѣба! Живо!..

Музыка приудареть бойчѣе, а Параска краснѣетъ, какъ маковъ цвѣтъ.

Странное дѣло! Ковалю почему-то боялись дѣвчата. И красавецъ онъ былъ: дюжій, высокій, съ густыми русыми волосами, въ беспорядкѣ спадавшими на лобъ, съ тѣмными усами и густой, раздвоенной бородкой, ласковый, привѣтливый—чѣмъ не кавалеръ? а боялись, да и шабашъ! Было, правда, въ лицѣ его что-то особенное: большіе сѣрые глаза его глядѣли какъ-то очень ужъ серьезно, почти сурово, и притомъ онъ никогда не смѣялся! И веселый бывалъ, а не смѣялся. Можетъ быть, оттого и не любили его дѣвчата...

На завалинкѣ сидятъ мужики и бесѣдуютъ промежъ себя. Къ нимъ подойдетъ коваль — они дадутъ ему мѣсто и сразу какъ то воодушевляются. Каляканье о томъ, о семъ, ежели серьезнаго дѣла нѣтъ, дѣлается задушевище, теплѣе.

— Коваль, а коваль! подвыпившій дядько Андрей хлопасть Печерицу по плечу: — пойдемъ, братику, выпьемъ! — но тутъ же подъ влияніемъ взглядовъ сконфузится, ежели до предѣла еще не дошелъ, и самъ присоединится къ бесѣдующимъ. Вечеромъ разойдутся, и никому и въ голову не пришло выпить.

Коваль никогда не терялъ присутствія духа, никогда не выходилъ изъ себя, но на него иногда странный стихъ находилъ. Раза два въ недѣлю, подъ вечеръ, отъ отправился въ лѣсъ, что за господской усадьбой, и долго ходилъ взадъ и впередъ по полямъ, въ самомъ глухомъ мѣстѣ, да такой печальный, блѣдный, что, когда его увидела тамъ случайно тѣтка Ганка, проходя мимо съ вязанкой хворосту, то такъ испугалась, что бросилась, сломя голову, въ село и шопотомъ сообщила мужу, что съ ковалемъ-де творится что-то неладное; какъ бы онъ, чего добраго, руки на себя не наложилъ: «цось винь дуже задумався».

— А ты жъ думала якъ? Такъ якъ ты, що зѣвсимъ не думашь? Звясно, чоловікѣ письменный... успокоилъ старый Прохоръ жену, а самъ все-таки надѣлъ шапку и пошелъ по направленію къ лѣсу, задумчиво покручивая усь.

Черезъ минуту, до уха его донеслись мощные звуки пѣсни. Онъ узналъ голосъ ковали и повеселѣлъ.

— Я жъ кажу, дурна́ ба́ба, заключилъ онъ и вернулся домой.

Крестьяне Забавы обязаны отчасти ковалю нѣкоторымъ возвышеніемъ уровня своего благосостоянія. По его совѣту они сняли въ аренду у помѣщицы мельницу, кабакъ, купили небольшой лѣсъ съ разсрочкой платежа и не продавали его на дрова, а употребляли на подѣлки: корыта, улы, ободья, лопаты и т. д. Этими работами они занимались зимою и свои произведенія сбывали на ярмаркахъ въ сосѣднемъ городѣ.

Такими красками описывали Печерицу Забавскіе мужики, любившіе бесѣдовать со мною о своемъ любимомъ «доброму» ковалѣ, послѣ того, какъ онъ уѣхалъ изъ Забавы, а я остался одинъ въ его убогой хижинѣ.

Это — фотографическая карточка, снятая съ человѣка въ тотъ моментъ, когда онъ, тщательно причесавъ волосы, расправивъ усы, аккуратно приладивъ галстукъ и принявши граціозную позу, самымъ привѣтливымъ образомъ улыбнулся... Не видно глубокой морщинки на лбу, не просвѣчиваетъ просѣдъ въ волосахъ, не

замѣтна заплата на сапогѣ и прорѣха въ курткѣ. Такъ вспоминаете вы о близкомъ человѣкѣ, съ которымъ долго жили, которому обязаны нѣсколькими относительно счастливыми минутами жизни. Пусть онъ останется въ вашей памяти свѣтлымъ, улыбающимся образомъ. Не нужно стонать, не надо морщить, заплата...

Добрый товарищъ! Пусть и у меня будетъ твой улыбающійся, свѣтлый портретъ. Я записываю его съ чужихъ словъ, потому что мнѣ самому ты представляешься подъ нѣсколько другимъ угломъ зрѣнія...

Какъ ни какъ; а для меня Печерица былъ только ни павы, ни ворона, съ желѣзными мускулами, съ крѣпкими нервами, а все таки ни павы, ни ворона... Когда онъ, бывало, вечеромъ засядетъ за книги и черезъ нѣсколько минутъ зашагаетъ въ волненіи по крошечной площадкѣ пола (гдѣ эти упражненія были возможны), то въ его тревожномъ, безпокойномъ взорѣ я ясно вижу ни павы, ни вороны сомнѣнья и колебанья; если въ эту минуту войдетъ кто-нибудь посторонній и Печерица начнетъ съ нимъ разговоръ, толковый, разумный разговоръ, твердымъ голосомъ, и съ видомъ человѣка, власть имѣющаго, то я прекрасно знаю, что на сердце у него скребутъ кошки... Вся разница между нимъ и мною только та, что я, такъ сказать, постепенно спустился съ вершинъ Кавказа, тогда какъ онъ выросъ изъ земли.

Грязь, сѣрое небо, кислотина какая-то... Цѣлый день прохандрилъ. До обѣда, по обыкновенію, занимался уроками. Мальчуганъ, какъ на зло, учился отвратительно. Ни за что не могу добиться, чтобы онъ держалъ тетрадь по-человѣчески. И, главное, совсѣмъ вѣдь неудобно: туловище гнется въ три погибели, буквы лежатъ, словно спать захотѣли... Мамаша тоже лимономъ выглядѣла сегодня... А она положительно недурна: пухленькая, маленькая блондинка... Гмъ, «блондинка, это — масло»... Кто, бишь, это сказалъ?.. Эхъ, выпить бы, что ли! Въ воспоминанія, въ воспоминанія!

Это было въ Балаклавѣ. Я находился въ періодѣ скандала... Я, думаю, мнѣ ненужно много распространяться объ этомъ скандалѣ, чтобы сдѣлать его понятнымъ для васъ, «прекрасная читательница»: вѣдь и съ вами тоже случился скандалъ?.. Такъ ужъ, для разнообразія — лучше объ васъ.

Вы тогда — помните? — только-что окончили институтъ, распрощались со слезами на глазахъ съ обожаемою маман, не ме-

менѣе обожаемыми подругами, съ нѣжно-любимыми классными дамами—Богъ съ ними! Онѣ бывали, по-временамъ, немножко злы, немножко «пронзительны», но кто будетъ вспоминать объ этомъ въ торжественный «разлуки часъ!» — общали никогда не забывать ихъ, писать очень, очень часто—и пріѣхали домой, въ деревню, гдѣ васъ встрѣтили счастливые, торжествующіе родители, устроившіе по этому случаю балъ...

Ахъ, какое это было время!..

Лѣто стояло прекрасное. Къ вамъ пріѣхала погостить подруга. Вы читали романы, ходили гулять въ лѣсъ, ѣздили верхомъ, катались въ лодкѣ, въ сопровожденіи сосѣдей-помѣщиковъ и молодыхъ людей, что изъ города пріѣзжали—прекраснаго народа, въ перчаткахъ и безъ оныхъ, съ консервативными и либеральными убѣжденіями, но вообще такъ же невинно-чистою душою, какъ были вы и ваша уважаемая подруга. И все кругомъ гармонировало съ этой невинностію и чистотою. Воды пруда были такъ прозрачны, такъ благоухали цвѣты въ саду, такъ беззаботно пѣли птички... Сколько было смѣху, споровъ!

Въ теплую, душистую ночь, когда звѣзды задумчиво теплились на темномъ небѣ, а луна то выглядывала изъ-за облачка, то снова пряталась въ него, какъ бы сконфуженная поэтами прежнихъ дней и мечтающими барышнями, вы, въ легкихъ, воздушныхъ платьяхъ, обнявшись съ подругою дѣтства, тихо скользили по усыпанному дорожкамъ сада и жарко разговаривали. Ваши прекрасныя лица, освѣщенные серебрянымъ свѣтомъ луны, были торжественно-спокойны, и только расширенные, потемнѣвшіе глаза свидѣтельствовали о внутреннемъ возбужденіи. Вы бесѣдовали и мечтали вслухъ о будущемъ, о счастье, строили планы жизни, въ которыхъ нѣсколько не сходились съ подругою: она больше уважала блондиновъ, вы—брюнетовъ... Да, блондиновъ и брюнетовъ, почему бы не такъ? Во-первыхъ, глядя на жизнь съ этой точки зрѣнія, вы это дѣлали не серьезно, а такъ, больше изъ снисхожденія къ подругѣ (она тоже самое думала относительно васъ); во-вторыхъ, если отбросить частности, то что такое, собственно говоря, жизнь, какъ не прогулка рука-объ-руку съ избраннымъ сердца къ нѣкоторой туманной и неопредѣленной цѣли — въ родѣ «истины, добра, красоты» — прогулка съ пріятными остановками для отдыха, болѣе и болѣе частыми — причѣмъ подъ рукою всегда имѣется услужливый лакей, чтобы поставить стулья—между тѣмъ какъ волосы ваши начнутъ серебриться, силы слабѣть, а вокругъ появится румяное потомство, которое сначала пойдетъ съ вами рядомъ, а потомъ закроетъ вамъ глаза въ одномъ прекрасномъ мѣстѣ и будетъ продолжать

тоже шестіе дальше?.. Право—отчего не сказать правды?—Это было очень мило... И зачѣмъ вспоминать Аѳанасія Ивановича и Пульхерію Ивановну? Развѣ все это исключаетъ возможность, труда, болѣе широкихъ, даже либеральныхъ воззрѣній? Развѣ, если бы Аѳанасій Ивановичъ получилъ другое воспитаніе...

Ахъ, какое это было время!..

Гуляли вы такимъ образомъ съ подругою, спорили ли и хотали ли съ молодежью, взгрустнулось ли вамъ и вы сажались за фортепіано, изъ-подъ вашихъ нѣжныхъ пальцевъ вылетали печальныя, стонавшія нотки, а на глазахъ появлялись непрошенные слѣзы—богъ-вѣсть о чемъ—вы всегда были вполне безопасны: вы знали, что надъ вами распростерты заботливыя руки нѣжныхъ родителей, составляющія границу—отъ сихъ до сихъ—вашимъ шалостямъ и печаламъ, чтобы со временемъ уступить свое мѣсто другимъ рукамъ, которыя и оберегали бы васъ до гробовой доски...

И что же? Какъ только сталъ желтѣть листь на деревѣ, только что послышалось первое дуновеніе осени, вы почувствовали, что съ вами происходитъ скандалъ... Это былъ скандалъ такого же типа, какъ тотъ, что вышелъ со мною.

Вы стали тосковать, задумываться по цѣлымъ часамъ, сдѣлались раздражительны... Помните, какъ разъ, утромъ, вы разби-ли въ дребезги клѣтку, что висѣла надъ окномъ, въ столовой? Бѣдная клѣтка! Ярво раскрашенная, съ ваточными гнѣздами во угламъ и крышею, въ видѣ колпака, что придавало ей уморительно-веселый видъ.

Черезъ мѣсяцъ вы были въ Петербургѣ.

Вы разбили клѣтку, потому что сравнивали съ нею окружавшую васъ обстановку, хотя васъ нѣто и не думалъ задерживать насильно. Поплакали, правда, родители, но все-таки благословили васъ въ путь. Да и какъ было имъ не плавать? Какъ любили они васъ, «прекрасную читательницу!» И кто знаетъ будущее? Кто можетъ сказать, во что вы превратитесь черезъ нѣсколько лѣтъ въ дальней сторонѣ: въ паву ли, и въ какую паву? или въ ни паву, ни ворону—и тогда, опять, въ какую?

Вы поступили на медицинскіе курсы, а я отправился, какъ говорится, куда глаза глядятъ и очутился такимъ манеромъ въ Брнму.

И такъ—въ Балаклавѣ. Я нанялъ небольшую комнату, рядомъ съ переполненной жильцами кухней, у одного грека, но домой приходилъ только ночевать, всѣ же дни проводилъ на берегу моря, т.-е. не то, чтобы на берегу: берегъ у Балаклавы

очень высокъ, не слышно даже плеска, ежели камнемъ бросить въ воду... Такъ тамъ, на крутой горѣ, возлѣ развалинъ прежнихъ укрѣпленій, сидѣвалъ я, «думъ великихъ полнѣ», въ виду необходимости перейти Рубиконъ и съжечь свои ворабли...

Дѣло было весной. Свѣжая трава, еще не успѣвшая пожелтѣть, покрывала зеленью склоны холмовъ; море, какъ всегда море—великолѣпно. Въ ясный солнечный день оно украшается чудными переливами цвѣтовъ, улыбается, какъ будто замгиваетъ съ берегомъ, лижетъ его утесы, словно цѣлуя, и беззаботно предается созерцанію голубого неба, отражая его въ своей величественной глубинѣ. Какой-то лаской, добротой вѣетъ отъ него. Съ одинаковою привѣтливостью освѣжаетъ и моетъ оно и богатыря идеи, и мытаря, и проститутку... А то, затуманится небо, по горамъ, совсѣмъ низко, поползуть тучи, вѣтеръ усилится—гнѣвно тогда море. Глухо волнуется оно, со сдержаннымъ, страстнымъ гуломъ атакуетъ утесы и со стономъ отступаетъ, разбиваясь о скалы и оставляя на нихъ безсильную пѣну. Страшно тогда подходить къ нему: оно можетъ хладнокровно схватить даже невиннаго младенца и разбить его о камень.

«Старый дуракъ! обращался я тогда къ морю съ рѣчью: — и охота тебѣ кипятиться, бушевать зря и превращаться въ чудовище только изъ-за того, что легкомысленнымъ облакамъ угодно слопиться въ тучу и низко повиснуть надъ тобою. Вѣдь эти облака, и тучи—твое же созданіе! Не понимаешь ты этого, или силы въ тебѣ нѣтъ? Нѣтъ силы, бѣдно! Ты можешь ломать скалы, но не имѣешь ни малѣйшей власти надъ самымъ маленькимъ облачкомъ. Ты ихъ рождаешь, но не ты распредѣляешь ихъ по голубому небу!»..

Уже изъ этой рѣчи, «прекрасная читательница», вы можете заключить, что я былъ не столько логиченъ, сколько великолѣпенъ. Чего-чего не передумалъ я, не нережилъ въ это время! Такъ же, какъ море, глухо клокотало у меня въ груди, такъ же жутко-неопредѣленно было на сердцѣ. По-временамъ, все это смѣнялось какимъ-то замираніемъ, словно я хотѣлъ броситься съ этой громадной высоты туда, въ море...

Да, я былъ великолѣпенъ.

Но не всегда это было кисло-сентиментальное великолѣпіе. По временамъ, на меня находило такое обиліе энергій, вѣры, силы нравственной и физической, что мнѣ казалось, я могъ бы опрокинуть весь міръ... Я порывисто вскакивалъ и швырялъ камни, по крайней мѣрѣ, въ полпуда вѣсомъ... Какіе дикіе, мощные звуки импровизированной пѣсни вылетали тогда изъ моей груди!..

Если еще принять во вниманіе, что я обладаю очень интересною наружностью, то нѣтъ ничего удивительнаго, что она онѣмѣла отъ восторга, увидѣвши меня въ подобную минуту...

Она была не одна. Не успѣлъ я сконфузиться и поздороваться, какъ къ намъ подошла цѣлая компанія кавалеровъ и дамъ, весело смѣясь и добродушно подшучивая надъ моими геркулесовскими упражненіями. Я очень обрадовался встрѣчѣ со старыми знакомыми. Одинокая, экзальтированная жизнь сильно утомила меня за послѣдніе дни, а отправиться самому куда-нибудь въ человѣческое общество мнѣ почему-то и въ голову не приходило.

Тамъ былъ N., учитель исторіи въ одной изъ нашихъ гимназій, P., мужъ ея, съ сестрою, и нѣсколько незнакомыхъ лицъ обоего пола.

Представленія, взаимные разспросы и разсужденія на тему: гора съ горою не сойдется, а человѣкъ съ человѣкомъ можетъ завсегда. Они пріѣхали *ins Grüne*, поблагодумствовать; P. — больше для ученыхъ изслѣдованій (онъ — натуралистъ). Остановились въ Севастополѣ. Ни одни развалины въ мірѣ не производятъ такого грандіознаго впечатлѣнія. А стотысячное кладбище! Жаль, что по Сѣверной извошниковъ нѣтъ; пока дойдешь до церкви — самъ не свой отъ усталости. Я тоже пріѣхалъ такъ. Крымъ — прелесть. А дорога изъ Бахчисарая! Никогда не надобно забывать также потребностей плоти: духъ бодрѣ, сколько угодно восхищаться можетъ, а плоть безъ подкрѣпленія не дѣйствуетъ. Не переѣду ли я съ ними въ Севастополь? О, конечно!

То былъ чрезвычайно пріятный кружокъ. Уютно какъ-то и тепло чувствовалось въ немъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ.

P., маленькій, бѣлокурный человѣкъ, лѣтъ 30-ти, съ небольшою темною бородкой, нѣжнымъ, какъ у барышни, цвѣтомъ кожи, кроткими голубыми глазами и ласковой улыбкой на миловидномъ лицѣ. Онъ былъ, такъ сказать, сама «цивилизція», мягкими, ласкающими лучами освѣщавшая наше маленькое избранное общество. Говорилъ онъ нѣсколько слабымъ, но очень чистымъ и пріятнымъ тепого, и говорилъ такъ умно и задушевно, что, слушая его, невольно начинаешь оглядываться по сторонамъ и задаешь себѣ вопросъ: «что же это чаю не дадутъ»? Такія рѣчи особенно хорошо гармонируютъ съ напѣвами самовара, когда за столомъ, накрытымъ чистою скатертью, усадется компанія хорошихъ знакомыхъ, а хозяйка, въ простомъ, но

нащномъ платѣѣ — вся привѣтливость и грація — разливаетъ чай... Онъ занимался спеціально ботаникой и постоянно возился съ микроскопомъ.

Н.—брюнетъ средняго роста, съ длинными, гладко причесанными назадъ волосами и умнымъ, энергическимъ выраженіемъ лица. Худощавъ, безъ бороды и усовъ, но съ чрезвычайно трезвыми воззрѣніями и громаднымъ трудолюбіемъ. Носилъ фуражку съ кокардой и «сердце имѣлъ на лѣвой, либеральной сторонѣ». Рѣчь рѣзко, говорилъ много и хорошо. Рѣчь напоминала обѣдъ.

Впрочемъ, ни его рѣчей, ни нашихъ разговоровъ вообще я приводить не буду, не потому, чтобы у меня были отъ васъ тайны, «прекрасная читательница»—о, напротивъ! мнѣ такъ хочется раскрыть предъ вами всю свою душу, что, еслибъ не врожденное чувство правдивости, то я наговорилъ бы даже много такого, чего вовсе не было, а просто потому, что эти разговоры были убійственно-либеральны, а слѣдовательно, и убійственно скучны.

Но душою нашего кружка была, все-таки, она, Доминика Павловна, разливавшая чай и предсѣдательствовавшая за обѣдомъ. Всѣ неволью подчинялись обаятельному вліянію этого прелестнаго лица. Хотя она почти никогда не участвовала въ нашихъ спорахъ, но намъ какъ-то особенно пріятно было переливать изъ пустаго въ порожнее именно въ ея присутствіи, словно мы затѣмъ и спорили, затѣмъ только и переливали, чтобы заслужить благосклонный взглядъ ея большихъ, черныхъ, какъ уголь, чарующихъ глазъ, чтобы вызвать сочувственную улыбку на эти восхитительнѣйшія губки. Подъ вліяніемъ этихъ глазъ, подъ вліяніемъ кроткихъ напѣвовъ «цивилизациі», мы какъ-то размякали, расплывались, чувствовали себя такими развитыми, добрыми, дѣятельными, полезными. Въ ея присутствіи, мысль чело-вѣка (по крайней мѣрѣ, молодаго чело-вѣка) никогда не служивалась, не опускалась, а держалась, такъ сказать, на высотѣ обоихъ полушарій...

А какъ же она-то себя чувствовала? Была ли она счастлива? Увы! То не черныя тучи скопились на душѣ чиновника, ободеннаго наградой, то не звѣзды блестя на груди благосклоннаго начальства—то омрачалось ея прекрасное чело, то сверкали, какъ двѣ жемчужины, слѣзы на ея божественныхъ глазахъ... И никто, повидному, кромѣ меня, этого не замѣтилъ. Бѣдная женщина очень страдала ..

Мы ѣхали верхомъ. N. рядомъ съ m-lle P. (ея братъ остался дома); я, впереди, рядомъ съ нею. Въ этотъ разъ она была особенно печальна и сосредоточенно молчала; вдругъ лошадь ея поднялась слегка на дыбы и затѣмъ помчалась во всю прыть...

Позвольте мнѣ сдѣлать маленькій пропускъ, «прекрасная читательница»: вы вѣдь знаете, что я поскакалъ вслѣдъ за своей дамой, что мы неслись такъ, сломя голову, черезъ рвы и камни, пока не очутились въ укромномъ уголкѣ, со всѣхъ сторонъ закрытомъ отъ любопытныхъ глазъ вообще, а отъ глазъ отставшей пары въ особенности, такъ какъ до нашего убѣжища можно было добраться только въ объѣздѣ, а слѣдовать за нами они, плохіе наѣздники, не могли, да притомъ этотъ случай былъ и имъ какъ нельзя болѣе на руку... Вы знаете также, что между нами должно было произойти «объясненіе».

Но какое это было объясненіе! «О, моя юность! о, моя глупость!»..

Наши лошади стояли привязанными къ кустарнику. Мы сидѣли у гладкой скалы, на зеленой травѣ, пестрѣвшей цвѣтами. Воздухъ былъ тихъ и ароматиченъ; заходящее солнце багровыми огнями зажгло облака и весело играло на скалахъ; вдаль видѣлись голубыя горы. Все кругомъ дышало весной, любовью...

Она склонилась ко мнѣ на грудь и тихонько всхлипывала... Она не можетъ жить такъ; она мечтала о дѣятельности, о самоотверженіи и рѣшилась посвятить себя человѣку, казавшемуся ей великимъ; она ошиблась... Т. е. она, конечно, прекрасный, добрый, благородный... но она ему не нужна... а она такъ привѣтлива, предупредителенъ къ ней... Ей это не по силамъ; она пойдетъ за мною...

Тихое, мелодическое жужжаніе, прерываемое слезами и ласками.

Я нѣжно поддерживалъ ее, не прерывалъ, далъ выплакаться въволю. Наконецъ, она успокоилась, выпрямилась и проговорила, улыбаясь юмористически, т. е. сквозь слезы:

— Не правда ли, какая я слабая, негодная?.. О, отчего у меня нѣтъ твоей силы!.. Но вѣдь ты — скала! прибавила она черезъ минуту.

Какъ она на меня посмотрѣла!..

Во всякомъ случаѣ, «скала» почувствовала себя весьма тоскливо...

Если до этой минуты я еще сомнѣвался сколько-нибудь въ существованіи струнъ въ сердцѣ артистическаго вѣнца творенія, то теперь всякія сомнѣнія исчезли такъ же мгновенно, какъ

*

туманъ съ лица печальнаго «человѣка», получившаго гривенникъ на водку: всѣмъ существомъ своимъ ощутилъ я ихъ дрожаніе-взвизгиваніе, нѣжное piano и бурное fortissimo. Это былъ цѣлый оркестръ, цѣлый концертъ.

Начало, помню, кроткое, мечтательное контр-альто.

Жаркій полдень. Кругомъ и душно, и пыльно, но у меня въ саду, въ каштановой аллеѣ, какъ въ раю: и прохладно, и свѣжо, и пахуче. Я иду подъ руку съ нею. На ней бѣлый, какъ снѣгъ, сарафанъ, съ открытой шеей и широкими рукавами, такъ что руки по локоть обнажены. Передъ нами бѣжитъ прелестный ребѣнокъ, бѣлокурый, въ накрахмаленной широкой юбочкѣ, панталончикахъ съ тюлевыми крылышками за плечами... амурчикъ во всѣхъ статьяхъ! Сзади стоитъ старушка-няня и держитъ какія-то необходимыя принадлежности домашняго обихода; горничная пропрыгнула черезъ лужайку и начала расставлять на самомъ видномъ мѣстѣ тоже необходимыя въ домашнемъ обиходѣ сосуды... Снова дѣти, снова сосуды—чортъ знаетъ что! Я отворачиваюсь отъ этого зрѣлища, смотрю на нее и самъ чувствую, что взглядомъ напоминаеть оловянные пуговицы. Ей душно. Она наклонила прекрасную, чуть-чуть вспотѣвшую головку на бокъ, полураскрыла ротикъ и, напротивъ того, полужакрыла глазки, что, однако, не мѣшало присутствію на ея очаровательномъ лбу, надъ бровями, той складки, гдѣ, по увѣренію г. Гончарова, сидитъ мысль. Мнѣ показалось, что эта складка и эта мысль обнаруживаютъ тревогу.

— Что съ тобою, ангелъ мой?—тревожусь я въ свою очередь:—если эти сосуды...

— Ахъ, нѣтъ!.. она растягиваетъ слова, какъ бы засыпая.

— А что же? Можетъ быть, хочешь кофейку или ветчинки?

Я, конечно, говорю глупости: когда дѣло касается кофейку или ветчинки, то скорѣе она можетъ предлагать ихъ мнѣ, чѣмъ наоборотъ; но она такъ поглощена мыслями, что и не замѣчаетъ этого нарушенія своихъ естественныхъ правъ.

— Мнѣ пришло въ голову, что ты... ужасный филистеръ!

Это меня нисколько не смущаетъ, словно этого и слѣдовало ожидать, и нѣсколько фальшивой фистулой я произношу рѣчь, тоже растягивая слова и трепля ее по рукамъ:

— Другъ мой! ты ошибаешься... Это, конечно—не бѣда: чловѣку свойственно заблуждаться, но не давай злымъ языкамъ вводить неправильныя заключенія о нашемъ счастьѣ, потому что нравственность и безъ того падаетъ кругомъ насъ... Положимъ: публика не признаеть законности нашего союза, и мы принуждены были ограничиться обществомъ другъ-друга, но это уде-

женіе укрѣпило насъ, а не ослабило. Я не только приобретаю счастье, не только сдѣлалъ тебя счастливою, но не пожертвовалъ за это ни одной копейки изъ своего душевнаго капитала; я вполнѣ сохранился и далеко не филистеръ. Если же мои глаза напоминаютъ оловянные пуговицы, то спрашиваю тебя: чѣмъ олово хуже всякаго другого металла, висмута тамъ, что ли? Это—самый вроткій металл! Блестить ли онъ, въ видѣ пряжки, на башмакѣ, въ видѣ пуговицы на панталонахъ, или глядитъ изъ-подъ бровей человѣка—онъ всегда внушаетъ невольное довѣріе; чувствуешь, что человѣкъ весь тутъ, что у него ничего тамъ, за душой, нѣтъ...

Я становлюсь все болѣе и болѣе краснорѣчивымъ и до того увлекаюсь, что и не замѣчаю своего одиночества. Она ушла; сдѣлалось почему-то темно, раздался вдругъ трескъ чего-то разбивающагося, и рѣзкое сопрано, Богъ-вѣсть откуда, нѣсколько разъ прокричало: «филистеръ! филистеръ!»..

«А! филистеръ? Такъ вотъ же тебѣ!»

Подъ покровительствомъ сильнаго баса, съ акомпанементомъ самоотверженнаго *tenore dolce*, я сразу погружаюсь въ грязь по колѣни и начинаю что-то расчищать, во главѣ цѣлой арміи раточекъ...

«Филистеръ? Смотри же теперь: видишь эти мозолистыя руки? видишь, какъ моему голосу повинуются тысячи народа? Да какаго народа! Всѣ мрачны, и силачи, словно изъ бронзы вылиты; а какъ говорятъ! Хочешь, любой изъ нихъ заговоритъ такимъ образцовымъ мужицкимъ нарѣчіемъ, что какою угодно книжкею за поясъ затянетъ?»

И я расчищаю, команду, работаю...

Каждая изъ этихъ бронзовыхъ фигуръ обладаетъ бабой, которая не упрекаетъ, а только любитъ его; а я одинокъ... Ничего; и нѣ это, можно сказать, даже незамѣтно: другая идея у меня въ головѣ...

И все я команду, команду; покурю и снова команду...

Къ нимъ приходятъ ихъ жены, съ дѣтьми на рукахъ и ласкою въ любящихъ глазахъ. По этимъ суровымъ лицамъ пробѣгаетъ какая-то теплая, задушевная игра, какъ бы отъ освѣщенія изнутри; а я все одинокъ, и нѣтъ никому до меня дѣла...

«О, приди, покажись, желанная! Хоть одинъ взглядъ!».. не выдерживаю, наконецъ, я и восклицаю такимъ трогательнымъ, даже слезливымъ теноромъ, что стоящая по близости фигура насмѣшливо рывкаетъ и катитъ низкой октавой:

«Не хнычь, паря, не дурн! Ишь, словно баба, размякъ... мякъ... мякъ...»

Меня выводитъ изъ непріятнаго положенія начавшійся въ эту минуту стройный, торжественный концертъ, подъ вліяніемъ котораго я начинаю сознавать, что совершенно напрасно протягиваю руки, куда не слѣдуетъ, или откуда не слѣдуетъ: еслибѣ она спрыгнула ко мнѣ въ грязь, я, кажется, самъ немедленно ушелъ бы оттуда. Я не могу допустить, чтобъ эти атласныя руки попались во всякой гадости, чтобъ на этомъ изящномъ тѣлѣ, вмѣсто элегантнаго платья съ кружевами, появился неугодный рабочій передникъ... Нѣтъ; я лучше всю ее изукрашу кружевами, обсыплю розами, приду измученный съ работы и буду приносить ей жертвы... Экая чепуха!..

Такъ какъ, благодаря любезности кавалеровъ, составившихъ специально для васъ руководство физики, вы, «прекрасная читательница», знаете, съ какою скоростью колеблются струны, то мнѣ нечего объяснять, что все описанное я перечувствовалъ въ чрезвычайнаго малое время, и именно въ то мгновеніе, когда дальнѣйшее молчаніе могло бы показаться продолжительнымъ и страннымъ моею дамѣ, во мнѣ уже созрѣло ясное понятіе о нашемъ положеніи и готовъ былъ плачь дѣйствій.

Я взялъ ея руку и произнесъ глубоко прочувствованную рѣчь, примѣрно такого содержанія:

— Другъ мой, я—вовсе не скала; я скорѣе слабъ, чѣмъ силенъ; но во мнѣ есть кое-какой огонѣкъ, кой-какія желанія и планы, и я хочу ихъ осуществить. Я не имѣю права на личное счастье, хотя бы на счастье съ тобою: я его не заслужилъ... Я долженъ идти, куда ты не можешь слѣдовать за мною; а еслибѣ ты пошла, то это принесло бы только вредъ: меня связывала бы любовь къ тебѣ... Если силы мои окажутся достаточно большими, чтобы вести насъ обоихъ, и если въ твоемъ сердцѣ не угаснетъ любовь ко мнѣ, то я приду и упаду къ твоимъ ногамъ; если же...

Она упала въ обморокъ...

Я старался помочь ей какъ могъ и умѣлъ; къ счастью, скоро она начала приходить въ себя. Ея обезсиленное, гибкое тѣло лежало у меня на рукахъ; я осыпалъ его поцѣлуями...

Какъ разъ во-время подѣхали наши оставшіе спутники, тоже, очевидно, сдѣлавшіе привалъ, и, благодаря дружнымъ усиліямъ, больная окончательно оправилась. Ее пожурили за отчаянную скачку, и мы шагомъ вернулись въ городъ.

Часа черезъ два я уѣхалъ изъ Севастополя.

Выдался сѣренькій, дождливый денекъ, какіе очень рѣдко бываютъ весной. Я шелъ къ рѣкѣ. Городъ еще дремалъ (это было

въ городѣ К.). По пустыннымъ улицамъ то тамъ, то сямъ, торопливо шнырялъ лишь рабочій людъ, а я смотрѣлъ на него любящими глазами и переживалъ, можно сказать, тысячу жизней. Я переносился съ каждымъ рабочимъ въ мѣсту его тяжелаго труда, возвращался съ нимъ домой, видѣлъ, какъ онъ, желчный, раздражительный, отпускалъ тумана неумѣвшей угодить женѣ; какъ, испуганные гнѣвомъ отца и слезами матери, робко жались въ углу голодные ребята; какъ онъ, угрюмый и мрачный, сидѣлъ нѣсколько минутъ неподвижно, ни на кого не глядя, ни съ кѣмъ не заговаривая, и мучился угрызеніями совѣсти, а потомъ вдругъ вскакивалъ, схватывалъ шапку и почти бѣгомъ отправлялся въ кабакъ... Для меня не существовало крышъ на домахъ: всѣ они раскрыли предо мною свое нутро, сверху до низу, и презентовали картину мученій, стонозъ, вопли, тупаго терпѣнья и нѣмаго отчаянія... Безпріютно какъ-то, сѣро и печально смотрѣло все вокругъ.

А безпріютно-то и сиротливо было, собственно, у меня на сердцѣ. Отснрѣвшія на дождливой погодѣ струны звучали такъ печально, какъ рожокъ на похоронахъ солдата, и напѣвали образы, не имѣвшіе никакой точки опоры въ дѣйствительности. На самоѣ дѣлѣ, домъ выглядѣли не только не печально, но, напротивъ, были до того приличны, что и не согласились бы обнаружить свое нутро въ такую раннюю пору, когда столько непорочныхъ дѣвицъ и цѣломудренныхъ супруговъ, невинныхъ младенцевъ и почтенныхъ старцевъ предавались безмятежному отдыху, видѣли сны, и когда, вслѣдствіе этого, тамъ царствовали нѣкоторый безпорядокъ...

Все это я зналъ, но не хотѣлъ дать себѣ яснаго отчета въ своихъ чувствахъ. Я былъ наполненъ любовью—и довольно... О, «прекрасная читательница!», какъ любилъ я ее, Доминику Павловну! Сколько уловокъ пускалъ я въ ходъ, чтобы убѣдить себя въ правѣ обладать ею, въ правѣ на наслажденіе!

Нѣсколько послѣднихъ дней я провелъ въ гѣсу, старомъ сосновомъ гѣсу, что за городомъ. На небольшой лужайкѣ тамъ лежало сломанное бурей дерево; я ввбирался на него, усаживался между вѣтвями и думалъ, думалъ... А она все стояла передъ глазами, блѣдная, въ обморокѣ...

Должно быть, я очень похудѣлъ. Въ моемъ углу, въ подвальномъ этажѣ одного большаго дома, не было зеркала, да я, впрочемъ, и не глядѣлся бы въ него; но руки сдѣлались очень прозрачными и платьѣ мѣшковатымъ.

Я настойчиво силился подольше удержатъ въ воображеніи ея образъ, въ обморокѣ, но мнѣ это не всегда удавалось. Она

приходила въ себя, оглядывалась кругомъ большими, недоумѣвающими глазами, потомъ всматривалась въ меня внимательнѣе и внимательнѣе, потомъ вдругъ вскакивала съ мѣста и убѣгала, а я долго рыдалъ... на груди доброй старушки-матери.

У меня есть мать, «прекрасная читательница». Конечно, настоящая моя мать—княжна Мэри, но я ея не помню. Меня усыновила и воспитала вдова сельскаго священника, Θεоктиста Елеазаровна Преображенская (также и моя фамилія). Она живетъ въ маленькомъ хуторѣ, въ Харьковской Губерніи. Я никакъ не могъ добиться, какимъ образомъ попалъ къ ней и какія отношенія связывали ее съ княжною Мэри. Всякій разъ, какъ объ этомъ заходила рѣчь, Θεоктиста Елеазаровна отмалчивалась или заговаривала о другомъ. Мнѣ извѣстно только, что княжна оставила ей тысячу рублей на мое воспитаніе и что эти деньги издержаны были до копейки на наемъ квартиры и плату за мое ученіе въ гимназіи. Два года университетской жизни я пробылся уже самъ, уроками.

Бѣдная старушка! Она умерла нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ нашей послѣдней встрѣчи.

Я посѣтилъ ее, по дорогѣ изъ Севастополя, чтобы за одно съездъ ужъ и этотъ корабль...

Маленькій, весь потонувшій въ зелени домикъ, съ ветхою соломенною крышею. Онъ мнѣ напоминаетъ хату Печерицы, только уютнѣе, больше. Въ одной половинѣ—кухня, въ другой, черезъ сѣни—двѣ комнаты. Всегда тщательно вымытый некрашенный полъ, чистыя каленкоровыя занавѣски на окнахъ, бѣлыя, съ голубою бахромкою, горшки съ цвѣтами на каждомъ подоконникѣ, цвѣты предъ зеркаломъ, на столикѣ вышитая подушка на жесткомъ клеенчатомъ диванѣ—все это обнаруживало присутствіе «заботливой женской руки». То не была рука Θεоктисты Елеазаровны, всегда занятой или шитьемъ, или по хозяйству; моей доброй матери нѣкогда, да и не въ домѣкъ было такъ устроить «залу». Она заботилась только о томъ, чтобы все было опрятно, чтобы ярко горѣли золоченыя рамки иконы, что въ переднемъ углу, чтобы подлить масла въ лампаду и зажечь въ праздникъ или воскресенье; а виситъ ли, напримѣръ, на стѣнѣ «Эмма»—ей было все равно. Очень можетъ быть, она и не знала, что на чердакѣ, между всякимъ хламомъ, у нея имѣется «Эмма»; а между тѣмъ Эмма красовалась въ простѣнѣхъ, между окнами, и не только Эмма, но и das Feuer... «Эмма» и «das Feuer»—дѣвицы, чрезвычайно популярныя на югѣ Россіи; ихъ изображенія, вмѣстѣ съ гусаромъ, опирающимся на саблю, имѣются почти на всякомъ постояломъ дворѣ.

Я засталъ старуху на дворѣ. Съ засученными по-локти рукавами, въ сѣрой ситцевой юпѣ и такой же кофтѣ, съ вѣчнымъ чернымъ платочкомъ на головѣ, какіе носятъ попадѣи стараго покроя—Феокиста Елеазаровна казалась олицетвореніемъ домовитости, хозяйства. Одною рукой она придерживала тяжелое рѣшето съ зерномъ, а другою разбрасывала кормъ уткамъ, курамъ, индѣйкамъ и дружески разговаривала съ птицами, шумною толпою окружившими заботливую хозяйку и на ей одной понатномъ языкѣ выражавшими свою благодарность.

— Ну, ну, ты, мохнатая! Успѣешь еще, всѣмъ хватить... Ишь—старая, а туда же обижать... Но, на, пиль, пиль, пиль... Ышь, касатикъ, Ышь... Ты чего, пучеглазый? Благодарить хочешь, да не умѣешь?.. Охъ, знаю я твою благодарность: налопался—да въ камышъ...

Тутъ Феокиста Елеазаровна замѣтила меня, выпустила рѣшето изъ рукъ, къ величайшему изумленію своихъ слушателей, и бросилась мнѣ на шею.

— Свѣтъ ты мой ясный, солнышко ты мое красное! бормотала она и плача, и смѣясь:—вотъ не чаяла, не гадала!.. Да, какъ это ты такъ тихо? Да ты—пѣшкомъ?.. Ахъ, ты, болѣзненный мой! Поди, голубчикъ, отдохни: усталъ, чай? Гдѣ ужъ не устать!.. А я-то, старая, раскудаhtалась...

И она взяла меня за руку, какъ маленькаго ребѣнка, и торопливо повела къ домику. Все лицо ея сіяло полнѣйшимъ счастьемъ. Въ черныхъ, ласковыхъ глазахъ теплился огонекъ, а хорщинки, какъ лучи, разнесли его по всему лицу и зажгли яркій румянецъ на дряблыхъ, старческихъ щекахъ.

— Лиза! Поди-ко сюда! Кого я привела?

Изъ кухни къ намъ выбѣжала молодая дѣвушка, съ голыми, обсыпанными мукой руками, въ рубашкѣ, низко спустившейся на не совсѣмъ еще сформировавшіяся плечи и въ подобранной до колѣнъ юпѣ.

Она совсѣмъ растерялась, покраснѣла до ушей и съ крикомъ убѣжала назадъ въ кухню, захлопнувъ за собою дверь.

Мы расхохотались.

— Что, какова? обратилась ко мнѣ Феокиста Елеазаровна:—невѣста! Семьнадцатый годокъ съ Пасхи пошелъ... Я тебѣ много постель устрою! все равно, ужъ солнце садится, скоро и совсѣмъ спать пора, а Лиза самоварчикъ приготовить... Да, да! какъ есть невѣста...

Мать оставила меня въ «загѣ», а сама юрнула въ спальню, принесла оттуда подушки, одѣяло, бѣлье и принялась устроить постель на диванѣ, тщательно прилаживая простыни, раз-

глаживая всякую складку, всякую неровность, и ни на минуту не умолкала. Отъ времени до времени она останавливалась и съ любовью поглядывала на меня.

Оказалось, что въ позапрошломъ году было много фруктовъ въ садикѣ; что для меня приготовили цѣлыхъ четыре банки варенья, которое потомъ пришлось выбросить, потому что я, недобрый, не являлся, и оно испортилось; что обогрѣла корова-Маша; что мнѣ вышили рубашку и т. д.

— Ну, готово! Поди, лягь, родной! Дай я съ тебя сапоги сниму!

— Полно, мам! Чтò я, барыня какая что ли? Самъ могу...

— Ну, ну, не смѣй перечить! Былъ бы барыня, не предложилъ-бъ, не безпокойся...

И она стала на колѣни и, пыхтя, таки стащила съ моихъ нѣсколько припухшихъ отъ ходьбы ногъ сильно запыленные смазные сапоги.

— Ты все такая же добраа! поцѣловаль я ее:—совсѣмъ избавила меня. Ну, садись вотъ тутъ, отдохни и ты.

— Лежи знай, обо мнѣ не заботься... Сейчасъ самоваръ принесу.

Я остался одинъ, сладко растянулся на пуховикѣ и соображалъ, что нѣтъ ничего въ мирѣ прятнѣе отечества, роднаго дома и теплой постели послѣ усталости. Въ голову, впрочемъ, лѣзла какаа-то чепуха: «И дымъ отечества намъ сладокъ»... «Значеніе *оды* въ общественной жизни»... «Чтò играетъ большую роль въ общественной жизни: идеаль или одѣяло?»... На пузатомъ комодѣ стояли старинные часы съ фарфоровыми столбиками и какъ-то уморительно чикали: «лежи, лежи!»

Черезъ минуту, я былъ нагруженъ чаемъ, хлѣбомъ, масломъ, айцами, вареньемъ, ветчиной и курилъ съ наслажденіемъ чело-вѣка, самоотверженно исполнившаго тягостную обязанность. Θεоктиста Елеазаровна помѣстилась на стулѣ возлѣ дивана и гладила рукою мои волосы; у ея ногъ, на скамеечкѣ, сидѣла Лиза и шила.

Лиза, какъ и я—круглая сирота. Когда я былъ еще маленькимъ мальчикомъ, Θεоктиста Елеазаровна привезла разъ съ собою изъ города семилѣтнюю дѣвочку, худенькую, робкую, съ густыми золотистыми волосами и большими темными глазами, какъ-то не по-дѣтски серьезно глядѣвшими изъ подъ почти черныхъ бровей. Мнѣ приказано было называть ее сестрою; она называла меня братомъ. Меня скоро отдали въ гимназію, но на праздники и каникулы я прѣзжалъ домой; мы очень весело проводили время вдвоемъ и очень полюбили другъ друга. Я училъ Лизу

всей премудрости, какою обладала самъ; она была очень понятлива, и дѣла у насъ шли ладно. Потому Теокиста Елеазаровна опредѣлила дѣвочку въ городскую прогимназію, гдѣ она и кончила курсъ. На какія средства нанимали ей квартиру, покупали платье и учебники—я не зналъ. Нѣсколько десятинъ земли, что при хуторѣ, были сданы въ аренду сосѣднимъ мужикамъ, но этотъ доходъ составлялъ очень маленькую сумму, которую едва покрывались домашнія издержки. Черпать изъ этого источника не было, конечно, никакой возможности.

Умное, энергическое лицо. Еслибы хоть чуточка того, что французы называютъ кокетствомъ, она была бы красавица. Отсутствіе всякаго жеманства. Мы не видались года четыре, но она просто, какъ и прежде, поцѣловала меня, только покраснѣла немного. Роскошные въ двѣ косы заплетенные волосы; рѣсницы сдѣлались какъ будто еще длиннѣе, еще чернѣе.

«Вотъ *эта*, размышлялъ я, глядя на ея сильныя, проворныя пальцы:—можеть начкаться сколько угодно, и грязь къ ней не пристанеть... Да и стремленія, поди, не таковскія: тихая какая-то, загадочная... Объ женихахъ, чай, больше мечтаетъ?»

— Что-жь, голубчикъ, говорила, между тѣмъ, Теокиста Елеазаровна:—долго ли тебѣ въ ученьи-то еще быть? Кончай скорѣе, помоги тебѣ Господь, сможешь намъ... Стара я, милый, становлюсь, силъ ужъ нѣтъ...

— Нѣтъ, матушка, никогда ужъ я не кончу: я давно бросилъ университетъ.

Начиналось «сжиганіе», и, признаюсь, мнѣ сдѣлалось крайне неприятно, что оно началось такъ скоро: жаль было разрушать идиллію; я располагалъ повести дѣло исподоволь.

— Что-жь такъ-то?

Она приняла руку, только-что перебивавшую мои волосы, и поблѣднѣла, словно я объявилъ ей смертный приговоръ. Лиза перестала шить и глядѣла на меня съ любопытствомъ.

Дѣлать нечего, надо было начинать.

— Послушай, голубушка. Я взялъ ея руку и заговорилъ какъ можно нѣжнѣе:—я затѣмъ и пришелъ къ тебѣ, чтобы поговорить объ этомъ. Выслушай меня спокойно и пойми...

Я провнесъ длинную, болѣе или менѣе краснорѣчивую рѣчь, которой здѣсь въ подлинникѣ приводить не буду, такъ какъ она имѣетъ частный, семейный интересъ и, слѣдовательно, для вашего терпѣнія, «прекрасная читательница», неудобна.

Я уложу навсегда, и она, Теокиста Елеазаровна, какъ добрая, любящая натура, сама скажетъ, что дѣлаю хорошо. Вотъ и она призрѣла меня и Лизу. Дѣлать добро—себя счастливымъ

дѣлать; но посвятить себя одному, двумъ лицамъ, въ ущербъ всему человѣчеству — нечестно. Она знаетъ, что разставаться съ нею мнѣ не легко, и не припишетъ этого черствости...

Должно быть, я говорилъ очень хорошо. Часы вдругъ остановились и перестали наступивать: «лежи, лежи!» Лиза съ раскрасившимися щеками, блестящими глазами смотрѣла на меня съ сосредоточеннымъ вниманіемъ; по блѣднымъ, какъ-то вдругъ осунувшимся щекамъ Θεоктиста Елеазаровны текли обильныя слезы... Но не отъ умиленія плакала бѣдная женщина.

— Охъ, знаю я, куда ты мѣтишь, знаю!.. Повѣтріе ужъ теперь такое пошло... Только выдумываешь ты все это, оживилась вдругъ она: — ну, станешь ты, умная голова, баснями заниматься? Выросли у тебя крылья, летать на свободѣ хочется; надоѣла тебѣ старуха — вотъ что! Ну, что-жь? Скатертью дорога... Охъ, грѣхи, грѣхи мои тяжкіе! Только-то у меня и радости, и надежды было... Своего-то вѣдь нѣтъ: умерь, свѣтикъ мой; ровесникъ бы тебѣ былъ... *Тотъ* не бросилъ бы, какъ трапку какую...

И она снова залилась слезами.

— Мама! тихо проговорила Лиза.

Θеоктиста Елеазаровна подняла голову, посмотрѣла на меня и сразу перестала плакать. Она торопливо вытерла слезы, взяла мою руку и прильнула къ ней губами.

— Ахъ, прости меня, дуру-старуху, дорогой мой! Вздоръ все это я говорила... Пстой, не отнимай! дай душу отвести!.. Родной мой! не о себѣ хлопочу: тебя мнѣ жаль... Я-жь тебя вспоила, вскормила, души я въ тебѣ не чаяла...

Напрасныя усилія не плакать снова.

— Лизанька, поди, родная, приготовь мнѣ постельку. Устала я, измучилась...

Лиза немедленно вышла. Θεоктиста Елеазаровна подошла на цыпочкахъ къ двери, тихонько притворила ее, потомъ вернулась ко мнѣ и наклонилась къ самому лицу, какъ бы желая заглянуть въ душу.

— Я должна тебѣ сознаться... начала она: — подумай о Лизѣ, милый. У меня было сотни три послѣ покойнаго, такъ этого не хватило на ея ученіе: я долговъ надѣлала... Говорилъ адвокатъ въ городѣ, хуторъ-то продавать будутъ... Хоть бы нѣсколько годковъ еще, можетъ бы хорошій человѣкъ подыскался, замужъ бы выдали... А обо мнѣ ты не безпокойся: это я сгоряча наговорила и то, и се, а я еще за молодую постою и всегда могу работу найти, не привыкать стать...

Съ моей стороны, конечно — полная непоколебимость; но мнѣ

было такъ невыносимо-тяжело на душѣ, нервы до того расхлосались, что я готовъ былъ разревѣться.

— Что ты блѣдный такой? обезпокоилась добрая старушка, лада руку мнѣ на голову:—голова болитъ? Измучила я тебя... Ну, прости меня, старую, засни.

Она крестила меня и говорила такимъ спокойнымъ тономъ, что только мое музыкальное ухо могло подмѣтить въ немъ рыданіе.

Я не могъ заснуть: нервы и струны. Мерещился летающій дѣдъ въ лантяхъ; нѣсколько разъ прокричалъ пѣтухъ; гдѣ-то завyla собака; гдѣ-то долгій, протяжный стонъ. Это мать стонетъ въ сосѣдней комнатѣ. Она приходитъ и доказываетъ, что я—скала. Она вся въ бѣломъ, какъ привидѣніе. Нѣтъ, это не она; это — Лиза въ одной рубашкѣ, босая, съ накинутымъ на плечи платкомъ...

То была, дѣйствительно, Лиза. Она тихонько дотронулась до моей руки; я привсталъ.

— Это ты, Лиза? Чего тебѣ?

Я чрезвычайно ей обрадовался: живой человекъ избавлялъ меня отъ тяжелого кошмара и возвращалъ въ дѣйствительности.

— Я, я, тише, не разбуди маму, только-что заснула...

Она сѣла на постель и низко наклонилась ко мнѣ.

— Я все думала... начала она тихимъ шопотомъ: — не могу спать... слышу, ты стонешь... Пожалуйста, не удивляйся, что я такъ... Я пришла тебѣ сказать: ты слушайся мамы; она—добрая, но не понимаетъ тебя... Ты объ ней не безпокойся: у меня въ городѣ знакомые есть; дадутъ въ долгъ швейную машину, очень дешево, и заказовъ много обѣщали. Я прекрасно умѣю шить, проживемъ безъ нужды... У мамы долги есть; она скрываетъ отъ меня, но мнѣ въ городѣ сказали. Хуторъ, говорятъ, продавать будутъ... Если мама тебѣ объ этомъ скажетъ, то это такъ и знай—совсѣмъ пустяки: и такъ толку отъ него мало; притомъ же, намъ гораздо удобнѣе будетъ въ городѣ жить...

Она вся дрожала, какъ въ лихорадкѣ, говорила съ остановками, беспорядочно, въ очевидномъ волненіи. Я взялъ ея руку и горячо поцѣловалъ; рука была холодна, какъ ледъ.

— Ты нездорова, голубчикъ? Дай я тебѣ закутаю ноги...

Я сдернулъ съ себя одѣяло и хотѣлъ укутать ее, но она оттолкнула мою руку и наклонилась еще ниже, такъ что я почувствовалъ ея жаркое дыханіе.

— Я хочу просить тебя... Ты придешь за мною? Маму я устрою...

«Когда? куда? зачѣмъ? какъ?» мысленно выбиралъ я самый подходящій изъ безчисленнаго множества вертѣвшихся въ головѣ вопросовъ, но она не дала мнѣ прійти къ окончательному рѣшенію.

— Придешь? да?.. Говори!

Потомъ крѣпко поцѣловала меня и убѣжала прежде, чѣмъ я успѣлъ опомниться.

«Вотъ такъ дѣвушка!» радостно подумалъ я, поварачиваясь къ стѣнѣ, и заснулъ богатырскимъ сномъ.

На слѣдующій день, утромъ, я ушелъ. Θεоктиста Елеазаровна лѣтъ на пять постарѣла за эту ночь, но ни словомъ, ни слезою не вспомнила про вчерашнее; только при прощаньи не выдержала и разрыдалась. Въ Лизѣ не замѣтно было значительной перемены; щеки были немного блѣдны и глаза блестяли больше обыкновеннаго. Простилась она со мною просто, какъ съ человѣкомъ, уѣзжающимъ ненадолго по дѣламъ. Хороша эта простота въ ней!

И она, и Лиза, и Θεоктиста Елеазаровна, и открытое нутро домовъ — все это смѣшивалось беспорядочною массою въ моей бѣдной головѣ въ это достопамятное для меня утро. Я почти бѣжалъ и въ нѣсколько минутъ прошелъ добрыхъ двѣ версты отъ своего угла до пристани.

У пристани стояла барка со строевыми бревнами, готовая къ разгрузкѣ. По берегу ходилъ взадъ и впередъ полненькій, кругленькій человѣкъ въ синей чуйкѣ и что-то записывалъ карандашикомъ въ книжку. Это, по моимъ соображеніямъ, былъ приказчикъ, и я подошелъ къ нему... Чего, кажется, проще? Пришелъ человѣкъ на работу наняться—и только, а между тѣмъ, я невольно прижалъ руку къ груди, чтобы сдержатъ удары сердца, и почувствовалъ такое волненіе, что не могъ произнести ни слова.

— Тебѣ чего? круто повернулась вдругъ ко мнѣ чуйка.

— Хочу... на работу наняться, насиду выговорилъ я, снимая въ замѣшательствѣ шапку.

Онъ окинулъ меня бѣглымъ взглядомъ; я былъ въ полушубкѣ и большихъ сапогахъ.

— Гм! 30 коп... А бумаги у тебя есть? Ну, ладно, послѣ покажешь. Ступай, вонъ рабочіе... Да постой! какъ тебя звать-то? Я назвалъ себя и пошелъ на барку, къ рабочимъ.

Ихъ было человѣкъ двѣнадцать. Приказчикъ чего-то ждалъ, и работы не приказано было начинать. Занимались—кто чѣмъ

На носу сидѣли, молча, два жиденскихъ бѣлоруса; одинъ читалъ полушубокъ, другой съ лаптемъ возился. У мяты расположился сѣденскій русскій мужичокъ, въ лаптяхъ и полинялой красной рубахѣ; онъ сосредоточенно ѣлъ хлѣбъ съ солью и по минутно крестился. Шагахъ въ двухъ отъ него завтракалъ, стоя высокой малорось, въ черной свиткѣ, красивый брюнетъ, съ серьезнымъ, умнымъ лицомъ; онъ также ѣлъ хлѣбъ съ солью, но накрошилъ его въ кружку съ водою и не безъ важности употреблялъ въ дѣло ложку. На кормѣ челоуѣкъ шесть слушали чтеніе. Я направился къ нимъ и помѣстился невдалекѣ. Это были, казалось, штундисты. Читалъ высокий, худощавый челоуѣкъ среднихъ лѣтъ, въ бѣломъ суконномъ платьѣ обыкновеннаго малороссійскаго покрою, узкогрудный, съ продолговатымъ, обрамленнымъ небольшою черною бородою лицомъ оливковаго цвѣта и прилизанными на лобъ и виски волосами, остриженными по-солдатски; фигура елеяная, голосъ восковой, челоуѣкъ скорѣе умственнаго, чѣмъ мускульнаго труда, съ сильными, повидимому, мистическими наклонностями. Онъ возлежалъ на палубѣ, облокотившись о котомку, и держалъ въ рукѣ евангеліе; читалъ нѣсколько на распѣвъ, медленно, но съ чувствомъ необыкновеннымъ. Почти послѣ всякаго стиха останавливался и комментировалъ прочитанное—самъ или кто-нибудь изъ слушателей. Прямо противъ чтеца сидѣлъ на толстомъ обручѣ, упершись локтями въ колѣни и глядя въ землю, бодрый старикъ, съ сѣдыми курчавыми волосами, безпорядочною, густою массою, закрывавшими лобъ; лицо изборождено глубокими морщинами, словно на мѣди высѣченными, глаза со стальнымъ отливомъ, короткая, щетинистая борода, дырявая, порожѣвшая бурка въ накидку. Онъ мнѣ напомнилъ дядю Власа. Между ними, немного въ сторонѣ, съежился, обхвативъ руками колѣни, маленький, пухленькій брюнетъ, съ розовыми щеками, голубыми глазами, и почти безъ лба. Онъ напряженно слушалъ, слегка раскрывъ ротъ и, очевидно, мало понимая; самъ почти не говорилъ, но съ любопытствомъ смотрѣлъ въ ротъ говорившимъ, какъ бы удивляясь, какъ это оттуда выходитъ такъ много словъ; въ бѣломъ и, какъ и всѣ въ этой группѣ, безъ шапки; натура самостоятельная, пассивная; напоминалъ смирную бѣлую лошадь, съ повиснувшими ушами, на которую всякій ребѣнокъ можетъ сѣсть верхомъ и отправляться куда угодно, лишь бы не рысью. Дальше виднѣлось татарское скуластое лицо молодого парня и нѣсколько безцвѣтныхъ физиономій, не принимавшихъ прямаго участія въ чтеніи.

...И вдругъ, послѣ скорби дней тѣхъ, солнце померкнетъ и

луна не дасть свѣта своего, и звѣзды спадуть съ неба, и сны небесныя поколеблутся».

Власть застоналъ, тчець, а за нимъ и прочіе, перекрестились... «Тогда явится знаменіе Сына человѣческаго на небѣ; и тогда восплачутся всѣ племена земныя, и увидятъ Сына человѣческаго, грядущаго на облакахъ небесныхъ съ силою и славою великою...»

— О, Боже! Власть подналъ глаза къ небу:—на облакахъ, съ силою и славою!.. Отъ тамъ-то счастье, отъ тамъ-то святое отечество наше!..

Подъ вліаніемъ чтенія слова его получили какую-то переовную окраску. Слушатели сочувственно кивали головою.

Никогда еще въ жизни не слыхалъ я такого чтенія, не видѣлъ такой вѣры и сочувствія. Все это было для меня совершенно неожиданностью, указывало на какую-то самобытную, оригинальную струю, присутствія которой я и не подозрѣвалъ до сихъ поръ. Скверное чувство одиночества, отчужденности, непутности начало закрадываться въ душу.

«И соберутся предъ Нимъ всѣ народы, продолжалось чтеніе:—и отдѣлятъ однихъ отъ другихъ, какъ пастырь отдѣляетъ овецъ отъ козловъ».

Городъ, между тѣмъ, проснулся. Оттуда доносилось дребезжаніе дрожекъ, глухой, однообразный гулъ каретъ, звонъ колоколовъ; вѣяло дѣятельностью и суетой, чудились хохотъ и стоны. По небу плыли разорванныя, сѣрыя облака; подувалъ рѣзкій вѣтерокъ; свинцовыя волны большой рѣки съ мѣрнымъ плескомъ ударялись о берегъ. Я пересѣлъ на край барки и сталъ глядѣть въ воду.

— Бо якъ чоловікові тяжко, хвороба, чи несчастье якъ — кто ему поможє? «Господи, помози мнѣ!» вѣнъ вдаєца до Бога... Богъ скаже въ сѣрци дѣбраго чоловіка: «іди, помози!» Сполни чоловікъ приказъ Божій—Богу служитъ. Отъ для чѣго звѣзано: «Ибо алкалъ Я, и вы дали Мнѣ вѣсть; жаждалъ, и вы напоили Меня»...

«Это—о страшномъ судѣ. Съ одной стороны пропасти—плачь и скрежетъ зубный, съ другой—блаженство праведныхъ... Въ пропасть падаютъ съ обѣихъ сторонъ какія-то странныя, блѣдныя личности «и думаютъ получить отъ этого результаты»...

Моя душа начала настраиывать сердце, пробуя то ту, то другую струну и располагая сыграть камаринскую, но въ эту минуту раздался рѣзкій крикъ съ берега:

— Эй, вы, принимайся!

Рабочіе встали, перекрестились, скинули съ себя верхнюю

одежду и принялись за работу. Два бѣлоруса подавали бревна, остальные—каждый по одному—носили ихъ по перекинутой съ барки доскѣ на берегъ.

Въ какомъ-то сладострастномъ опьяненіи подошелъ и я къ полѣну, но... въ этой минутѣ, казалось, сосредоточились, какъ въ фокусѣ, всѣ предшествовавшіе, разрозненные элементы скандала: полѣно было очень тяжело, такъ тяжело, что, при попыткѣ поднять его, меня всего бросило въ жаръ...

«Задержанное движеніе всегда превращается въ тепло», плаксиво притворился я, якобы хладнокровно размышляю, но собственно никакихъ мыслей въ головѣ не было: было только одно чувство...

Ахъ, какое это было чувство, «прекрасная читательница!» Еслибы съ молодой дѣвушки, въ первый разъ выѣхавшей въ *сетъ*, въ самый разгаръ бала свалилось платье; еслибы только-что обвинчавшійся, страстно влюбленный юноша, выводя изъ церкви новобрачную, вдругъ почувствовалъ, что на ласки любимой женщины можетъ отвѣчать только слезами отчаянія — ни та, ни другой, навѣрное, не испытали бы такого жгучаго стыда, такого пламеннаго желанія провалиться сквозь землю.

— Ну, ну!.. раздавались ободрительные голоса.

Я употребилъ нечеловѣческое усиліе и поднялъ. Въ сплнѣ что-то хруснуло. Согнувшись въ три погребели, едва не провалившись съ доски, дотащилъ я бревно до берега и принялся за другое. Оно, это другое, было еще тяжелѣе. У меня не хватило силъ донести его; я пошатнулся, выпустилъ свою ношу и самъ повалился на скользкія доски барки...

— Э, да что ты!..

— Ха, ха! Небось, не сладко? слышались голоса товарищей.

Я смутно сознавалъ все, происходившее вокругъ. Мнѣ было невыносимо жутко.

— Ну, парень, серьезно проговорилъ старикъ-рабочій, тотъ самый сѣденькій мужичокъ, въ красной рубахѣ, что сидѣлъ у мачты:—это, видно—не твое дѣло; тебѣ бы сюда не соваться... Дай помогу, что ли!

Но мнѣ ненужна была его помощь. Я всталъ, молча поднялъ упавшую съ головы шапку и тихо, шатаясь, пошелъ прочь...

— Утихъ, хлѣпци, ей-Богу... ха, ха, ха! слышалось сзади.

— Ишь, шелкопѣры!

— Чего зубы скалишь? Ну, извѣстно, парень хворый... Изъ лакеевъ, должно быть.

Полнѣйшій хаосъ въ головѣ. Я брелъ на удачу, едва разли-

чая предметы: въ глазахъ дрожали слѣзы, въ ушахъ раздавалось: «хворый, хворый»... «Бѣдный, несчастный, тряпка!» Мнѣ вдругъ овладѣло бѣшенство. «Отдайте мнѣ мое здоровье, варвары!» крикнулъ я, сжавъ кулаки. Къ кому я обращаюсь? кого винилъ? Я и самъ не сознавалъ. Голосъ мой, т. е. не мой, а какое-то тончайшее сопрано, прозвучалъ весьма минорно и заставилъ меня опомниться. Проходявшая мимо баба съ корзиной въ рукѣ остановилась и сосредоточенно уставилась на меня удивленными глазами; пепельный салопокъ, сѣрый платокъ, вся какая-то сѣрая, лицо морщинистое, доброе, съ выраженіемъ: «хворый, бѣдняжка!..» Пробѣжала куцаѣ собака, съ глазами, говорившими какъ нельзя болѣе ясно: «проходи, знай, проходи, не трону: найдемъ и получше, ежели зубы почистить захочется». Пробѣжалъ ломовой извозчикъ; у лошади узда была мочалкой перевязана—надо полагать, колечко потерялъ, какая-то жокарда, какой-то красный кушакъ, шляпка...

Я очутился на мосту, оперся о перила и сталъ глядѣть внизъ. «Ты—скала... Придешь за мною? я вѣдь ничего не боюсь... Нѣтъ, лучше не приходи, несчастный: куда тебѣ»!..

Пронеслась лодка, проплыла доска, отъ барки должно быть: гвозди торчали, щепка какая-то... Я тупо смотрѣлъ на все это. «А чтѣ, ежелибъ такъ шарахнуть?»

Какая-то сладострастная судорога, послѣднее ясное ощущеніе и послѣдняя ясная мысль...

.....

Я лежалъ въ постели, въ небольшой, но уютной горницѣ. Въ окно заглядывалъ яркій лучъ солнца, свѣтлой полосой ложился на полъ, потомъ поднимался ко мнѣ на кровать и весело игралъ на стѣнѣ, у самыхъ ногъ. Какой-то пожилой человекъ держалъ меня за руку. Я сразу узналъ въ немъ доктора. У двери стояла молодая женщина и съ тревогой смотрѣла на насъ обоихъ... Прекрасное юное созданіе, все какъ бы сіяющее, она казалась мнѣ ангеломъ, пришедшимъ спасать мою больную душу. Я ее уже словно гдѣ-то видѣлъ, не то въ грѣзахъ, не то на яву... Не отдавая еще себѣ отчета во всемъ, что со мною происходитъ, я ей весело улыбнулся, она отвѣчала мнѣ тѣмъ же.

Докторъ оставилъ мою руку, посмотрѣлъ на часы и заторопился.

— Ничего, шепнулъ онъ на ходу молодой женщинѣ: — поправляется... Нуженъ отдыхъ.

Она подошла ко мнѣ, опытною рукою поправила подушки,

все также ласково улыбаясь, и тихонько вышла. Мнѣ было очень неприятно, что она вышла, но я такъ залюбовался ею, что и не догадался попросить ее посидѣть.

Я остался одинъ и сталъ вспоминать...

Въ избу вошелъ Печерица:

— Ну что, паря, весело заговорилъ онъ:— очухался?

— А, это ты!.. Послушай, голубчикъ, какъ ты думаешь: я — хворый?

— Еще бы не хворый! Простудился... Кто въ такую погоду купается!

— Нѣтъ вообще?

— Эхъ, ты!.. Онъ присѣлъ на кровать и положилъ мнѣ на плечи свою огромную руку: — не жрать, поди, три дня, да пойдѣ бревна таскать! Вѣдь этакъ и быкъ свалится...

Я обнялъ его за шею и крѣпко поцѣловалъ.

Слова бредъ, снова забыты.

Недѣли черезъ двѣ я прохаживался взадъ и впередъ по горницѣ, хотя былъ очень слабъ. Печерица, во все время моей болѣзни не отлучавшійся изъ дому, и теперь сидѣлъ у окна за книгой.

— Скажи, пожалуйста, какая это барыня была здѣсь, когда я лежалъ болеть?

— Это — Елена. Печерица закрылъ книгу и сталъ набивать трубку, приготовляясь закурить.

— Какая Елена?

— А та самая, что съ Инсаровымъ въ Болгарію ѣдила... Героиня «Наканунъ», прибавилъ онъ, предполагая, что я не понимаю.

— А!..

Меня не особенно удивило это обстоятельство.

— Но вѣдь говорили, она умерла?

— Мало ли что говорить! Если въ башкѣ у человѣка зародилось кое-что, чему по закону человѣческаго прогресса положено развиваться, то такой человѣкъ не умираетъ, равнодушно пояснилъ Печерица, плюнувъ въ сторону.

Онъ какъ будто неохотно говорилъ объ ней.

— Ну, и чтожь она? продолжалъ я разспрашивать.

— А ничего, ѣдила-ѣдила... Люба тоже много ей пакотила, потому—больше за фалды Инсарова держалась; а какъ Инсаровъ умеръ, она стала своимъ умомъ размышлять, да и рѣ-

— Шлилась въ Россію вернуться... Ну, а теперь багуется, на встоящей точкѣ еще не утвердилась.

— То-есть какъ это—багуется?

— Да выдержала экзаменъ на домашнюю учительницу и занимается педагогикой, ребятъ у себя въ имѣніи обучаетъ, ну, приюты тамъ всякіе устраиваетъ, словомъ—филантропія.. Женскій вопросъ выдумала тожъ...

— Позволь? Во-первыхъ, женскій вопросъ вовсе не она выдумала, а во-вторыхъ, отчего ты говоришь объ этомъ вопросѣ какъ будто съ пренебреженіемъ?

— А ты какъ же къ нему относишься? Жалуетъ барни равноправности женщинъ и выдумываетъ «женскій вопросъ» — нѣчто отдѣльное, независимо отъ «мужского вопроса!»

— Все это кто-то уже говорилъ, даже слова тѣ же: «мужской вопросъ»...

— И прекрасно сдѣлалъ, коли говорилъ; поставь себя для успокоенія по десяти кавычекъ съ каждой стороны моей фразы.. Ха, ха! Да ты, кажется, воображаешь себя или экзаменаторомъ или «прекрасной читательницей»...

Онъ иногда выражался немножко грубо; не судите его строго, «прекрасная читательница», тѣмъ болѣе, что онъ, конечно, подразумѣвалъ не васъ, а другую «прекрасную читательницу»...

— Ну, ну, дадно! А ты вотъ что скажи: твою фразу можно вѣдь и такъ перевернуть: желали люди *равноправности* негровъ и выдумали *отдѣльный* вопросъ...

— Что это ты наивничаешь? У тебя голова не дѣйствуетъ: лягъ, отдохни.

Я послѣдовалъ его совѣту.

Жаркій полдень. Пыльно и душно. Являются поползновения къ покою и супружеской жизни; мечтается объ окрошкѣ, прохладѣ и тихой рѣчи, въ которую можно и не вникать, можно и совсѣмъ не слушать, а все-таки чтобъ было: нужно что-нибудь убавкивающее. Хорошо, ежелибъ кто-нибудь помахивалъ вѣеромъ и отгонялъ мухъ. Недурно было бы провести меду изъ пруда и вспрыскивать воздухъ пульверизаторомъ, прѣводъ бы какой-нибудь устроить къ мѣху, что ли: все равно сла потребляется, и много ея у Печерицы...

Впрочемъ, и онъ что-то ослабъ. Накладъ углей въ горѣ и не развелъ огня; то стукнетъ безъ толку молотомъ по наковальнѣ, то возьметъ въ руки топоръ, что съ самаго утра ждетъ починки, и броситъ; наконецъ, онъ, повидному, убѣдился, что сегодня

ему не работать, и сѣлъ на порогъ кузницы. Я лежалъ у противоположной стѣны, на соломѣ, и испытывалъ такое великое равнодушіе ко всему на свѣтѣ, что еслибы въ эту минуту ко мнѣ сошлись всевозможные «вопросы», одѣлись въ длинныя платья съ общимъ шлейфомъ и протанцовали канканъ, то, кажется, я не удивился бы даже и этому и ужъ ни въ какомъ случаѣ не привсталъ бы съ мѣста.

Черезъ голову Печерицы мнѣ виденъ противоположный берегъ пруда, маленький заливъ въ барскомъ саду, густо обросшій ивами, плоскій камень въ глубинѣ залива и на немъ скамейка подъ золотяннымъ навѣсомъ. Съ горы спускается Елена купаться: «тожь взопрѣла, чай, страсть». Въ голову челоуѣку очень часто приходятъ странныя пустяки. За нею (т. е. за Еленой, а не за головою) выступала горничная съ тазомъ и бѣльемъ. Затѣмъ Печерица показываетъ, что онъ (т. е. Печерица, а не затѣмъ) также смотритъ въ эту сторону. Елена подошла къ камню и лѣниво начала раздѣваться. Она легла на скамейку, закинувъ руки подъ голову; густыя пряди ея волнистыхъ, пышныхъ волосъ свѣслились въ беспорядкѣ до самой земли. Она небрежно протанула къ горничной ногу, съ которой та начала снимать башмакъ, чулокъ... Голова Печерицы не мѣняетъ своего положенія; онъ долго, вмѣстѣ со мною, глядитъ на это гибкое, роскошное тѣло, наконецъ, порывисто вскакиваетъ и произноситъ:

— Ишь, прохлаждается какъ, дармоѣдъ!..

— Кто?

— Отстань!

Сердить. И охота горячиться въ такую жару! Да въ добавокъ еще и за работу принялся. Слово пушечными выстрѣлами, огласилась окрестность ударами его тяжелого молота. Печерица работалъ сосредоточенно и готовился уже нанести послѣдній ударъ по готовому топору, какъ вдругъ молотъ замеръ у него въ рукѣ: съ той стороны донесся страшный, душу раздирающій, крикъ. Въ одну минуту онъ былъ на плотинѣ и т. д.

Вы догадались, «прекрасная читательница», что Елена тонула и что Печерица вытаскивалъ ее изъ воды.

Самаго подвига Печерицы я не видалъ: вскочивъ второпашъ съ мѣста, онъ, нечаянно или по привычкѣ, прихлонулъ за собою дверь, а я такъ-таки и не тронулся изъ своего относительно прохладнаго угла. Домой онъ пришелъ только на слѣдующій день, но былъ въ такомъ скверномъ настроеніи духа, что мы не перекинулись ни однимъ словомъ. Въ немъ вообще въ по-

слѣднее время замѣтна была большая перемяна: постоянная раздражительность, разсѣянность и склонность куда-то исчезать на цѣлые дни. Я перенесъ свою главную квартиру въ лѣсъ.

Старый дубовый лѣсъ. Моншныя, кражистыя деревья выселись до облаковъ своею вершиною и, глядя оттуда на міръ Божій, съ тихимъ шумомъ, задумчиво и какъ бы уворизненно покачивали головою. Кое-гдѣ изъ-за узловатыхъ сучьевъ мелькало бѣлое платье бережокъ. Онѣ граціозно изогнули легкой, стройный станъ, печально опустили кудрявую головку, какъ бы скучая въ обществѣ лѣсныхъ философовъ, и весьма удовлетворительно изображали угнетенную невинность. Хорошо изъ нихъ высасывать сокъ соломѣнкой! Гармонія звуковъ торжественна и спокойна. Вивзу, въ травѣ, всякая дрянь ведетъ борьбу за существованіе и въ антрактахъ занимается любовью; птицы громко и талантливо проповѣдуютъ дѣятельность и наслажденіе; зайцы олицетворяютъ благоразумную осмотрительность и осторожность.

— Здравствуйте! Ахъ, какъ я рада васъ видѣть!.. Я хотѣла васъ поблагодарить... если такую благодарность можно выразить словами...

Пріятный, чистый голосъ; теплая, сердечная нотка.

— Не стѣить благодарности, сударыня.

Меня поразила какаля-то небывалая рѣзвость въ тонѣ Печерицы. Съ нимъ разговаривала Елена.

— Какъ! *Это* не стѣить благодарности?

— Да, не стѣить: за глупость не благодарятъ.

— Извините... Спасти утопающаго—вы называете глупостью?

— Смотря по тому, кто утопающій и кто рискуетъ своею жизнію для его спасенія. Въ данномъ случаѣ это—глупо.

— Понимаю... То-есть, я—такое безпутное существо, что рисковать изъ-за меня глупо? да?..

Ея голосъ зазвенѣлъ.

— Да, отрѣзаль Печерица.

Признаюсь, мнѣ сдѣлалось просто противно. Ни одинъ, кажется, герой кабака не въ состояніи такъ оскорбить ни въ чемъ неповинную женщину. Я вышелъ изъ своего убѣжища и направился къ нимъ.

Елена стояла возлѣ старой, покривившейся березы, прислонившись спиною къ стволу, какъ бы боясь упасть. Она была въ сѣромъ ситцевомъ платьѣ; соломенная шляпка и зонтикъ лежали на травѣ; руки безсильно повисли; длинные, распущенные волосы отбѣняли блѣдное, какъ мраморъ, лицо; ноздри широко

выдрагивали, на опущенныхъ рѣсницахъ дрожали слѣзы. Чудно хороша была она въ эту минуту. Шагахъ въ десяти, у дуба, стоялъ Печерица, съ такимъ блѣднымъ, страдальческимъ лицомъ, что, по наружности, обоимъ трудно было опредѣлить, кто кого оскорбилъ и кому придется помогать въ случаѣ обморова.

Я сдѣлалъ видъ, что забрелъ сюда случайно, и очень обрадовался случайно выразить м-ше Инсаровой свою самую задушевную благодарность за ея заботы обо мнѣ во время болѣзни, за то самоотверженіе, которому я, можетъ быть, обязанъ жизнью...

— О, я съ восторгомъ принимаю вашу благодарность: ваша-то жизнь ужъ навѣрное нужна... Но—услуга за услугу—проводите меня домой: мнѣ что-то нездоровится...

Она надѣла шляпку, взяла мою руку, и мы вышли изъ лѣсу.

Всю дорогу она промолчала; въ саду предложила отдохнуть, сѣла на скамейку и задумалась, какъ бы позабывъ о моемъ присутствіи. Мнѣ стало чрезвычайно жаль ея.

— Я былъ невольнымъ свидѣтелемъ грубости моего товарища, началъ я съ самымъ искреннимъ желаніемъ утѣшить бѣдную женщину: — къ нему надобно относиться снисходительно: онъ, въ сущности, чрезвычайно добръ...

— О, да! очень высокая доброта, до нея не достанешь!.. И за что обижать человѣка? воодушевилась она: — что онъ во мнѣ, уѣздное самодовольство своей дѣятельностью видитъ, что ли?.. Хоть бы капельку жалости, вниманія... Легко мнѣ, вы думаете, пришлось въ Болгаріи? Но я бросила дѣло, къ которому, хотя съ трудомъ, попривыкла и полюбила; я вернулась въ Россію, потому что считала это своимъ долгомъ, принялась за работу, которую считаю полезною... Докажите мнѣ противное!.. Зачѣмъ обезкураживать и безъ того ни-паву, ни-ворону какую-то!..

Я такъ и подпрыгнулъ, взялъ ея бѣлую, прекрасную руку и пожалъ въ знакъ сердечнѣйшаго сочувствія...

Она еще долго говорила на эту тему и видимо успокоилась. Я утѣшалъ ее какъ могъ. При прощаньи мы еще разъ крѣпко пожали другъ другу руки.

Съ Печерицей я въ этотъ день не разговаривалъ. На слѣдующее утро онъ куда-то уходилъ и вернулся только вечеромъ и такъ пропадалъ цѣлую недѣлю. Потомъ куда-то уѣзжалъ. Все время былъ молчаливъ и озабоченъ.

Разъ, вернувшись изъ лѣсу, я засталъ въ хатѣ перебрану: сундука съ книгами и висѣвшаго на стѣнѣ платья не было, а на столѣ лежало письмо на мое имя.

«Я не прощаюсь съ тобою, значилось въ письмѣ:—чтобы избѣжать недоумѣвающихъ взглядовъ, восклицаній, разспросовъ, на которые еще и себѣ самому не могу отвѣтить. Уѣзжаю, потому, что считаю нужнымъ. Пора бросить тепло-насиженное гнѣздо. Со мною уѣзжаетъ Елена; шлетъ поклонъ. Избу и всакій хламъ передай Дарьѣ».

П.

Я только руками развелъ.

Черезъ мѣсяць пріѣхалъ новый владѣлецъ Забавы, а черезъ еще нѣсколько дней уѣхалъ и я.

А. Осиповичъ.

МАЛЬТИЙСКІЕ РЫЦАРИ ВЪ РОССІИ.

(Изъ сказаній XVIII столѣтія).

I.

Въ просторной комнатѣ, предназначенной, какъ можно было заключить по всей ея обстановкѣ для учебныхъ занятій, сидѣлъ у стола, наклонившись надъ книгою, мальчикъ лѣтъ тридцати-четыренадцати. Наружность его не отличалась нетолько красотою, но даже и миловидностью, и лишь откровенный взглядъ его темно-сѣрыхъ глазъ и добродушная улыбка, проявлявшаяся по временамъ на его губахъ, дѣлали пріятнымъ его дѣтское лицо и ослабляли то выраженіе надменности и задора, какое придавалъ его фцізіономіи широкій и вздернутый къ верху носъ. На этотъ мальчикѣ были надѣты: суконный коричневый кафтанчикъ французскаго покроя съ полированными стальными пуговицами, таково же цвѣта короткое исподнее платье, бѣлый казимировый камзолъ и кожаные черные башмаки съ высокими заблукками и большими стальными пряжками. Его свѣтлорусые волосы, зачесанные вверхъ надъ лбомъ, были распущены по плечамъ. Чистота одежды, бѣлизна камзола, свѣжесть плюснаго коленнороваго воротничка и такихъ же маншеть, выпущенныхъ изъ-подъ рукавовъ, показывали, что за этимъ мальчикомъ былъ тщательный домашній уходъ.

Облокотясь локтями на столъ и подперевъ ладонями щеки, онъ внимательно, хотя и быстро, читалъ вполголоса лежавшую передъ нимъ объемистую книгу. По временамъ, лицо его замѣтно одушевлялось, глаза начинали блестѣть, и онъ то задумывался надъ книгою, какъ будто припоминая и соображая что-то, то снова, съ усиленнымъ вниманіемъ, принимался перечитывать только-что прочитанное имъ. Видно было, что содержаніе книги чрезвычайно занимало его. Иногда онъ съ нервной живостью дѣлалъ на страницахъ ея отиѣтки ногтями, а иногда, отрывая

отъ лежавшаго передъ нимъ листа бумаги клочки, кладъ ихъ, какъ памятные знаки, между страницами читаемой имъ книги. Замѣтно, впрочемъ, было, что не только книга сама по себѣ возбуждала его любопытство, но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, вниманіе его привлекали къ себѣ и находившіеся въ ней превосходно гравированные портреты: на нѣкоторые изъ нихъ онъ засматривался подолгу.

Портреты эти изображали какихъ-то старцевъ и пожилыхъ мужчинъ. Однѣ изъ изображенныхъ на портретахъ особъ были въ рыцарскихъ доспѣхахъ, другія въ широкихъ мантияхъ, третья въ одеждахъ, похожихъ по покрою на подрясники, съ большими на нихъ осмиконечными крестами на груди. Оставляя на нѣсколько минутъ чтеніе, мальчикъ торопливо перелистывалъ книгу, чтобы взглянуть поскорѣе на портреты, и тогда передъ глазами его начинали мелькать то суровыя, то добродушныя, то воинственныя, то надменные, то смиренныя лица. Одни изъ изображенныхъ на портретахъ витязей были съ огромными старческими лысынями, другіе съ взъерошенными въ верхъ, коротко остриженными волосами, третья съ длинными кудрями или съ повисшими внизъ долгими прядями волосъ. Были тутъ и бородастые, и безбородые. Короче сказать, коллекція портретовъ представляла чрезвычайное разнообразіе какъ въ отношеніи физиономій, такъ и въ отношеніи одеждъ. Подъ портретами видѣлись гербы, увѣнчанные коронами, шлемами и кардинальскими шапками, осѣненные херувимами и знаменами, украшенные военными трофеями и обвитые лавровыми и пальмовыми вѣтвями.

На заглавномъ листѣ этой книги значилось: «*Histoire des Chevaliers Hospitaliers de St Jean de Jerusalem, appellés depuis les Chevaliers de Rhôdes et aujourd'hui les Chevaliers de Malte* Par M-r l'Abbé Vertot d'Auboeuf de l'Academie des Belles-lettres, M. DCC. XXVI», т. е. «Исторія гостеприимныхъ рыцарей святого Іоанна Іерусалимскаго, называвшихся потомъ родосскими, а нынѣ мальтійскими рыцарями. Сочиненіе г. аббата Верто д'Обѣфа, члена академіи изящной словесности».

Книга аббата Верто, въ теченіи долгаго времени, пользовалась среди образованной европейской публики большою извѣстностію и замѣчательнымъ успѣхомъ. Аббатъ, несмотря на преклонность своихъ лѣтъ, на носимое имъ духовное званіе и на принадлежность къ мальтійскому ордену, отрѣшился въ своемъ сочиненіи отъ усвоенныхъ изстаря приемовъ при составленіи книгъ подобнаго рода. Онъ отвергъ всѣ легендарныя сказанія, переходившія, безъ всякой повѣрки, черезъ длинный рядъ вѣковъ отъ одного повѣрнія къ другому и гласившія о непосредственномъ

участіи Госнода и его святыхъ угодниковъ, какъ въ военныхъ подвигахъ, такъ равно и въ обиходныхъ дѣлахъ мальтійскаго рыцарскаго ордена. Сомнительно отъивался аббать о чудесахъ, совершенихъ будто бы свыше во славу и на пользу этого духовно-воинственнаго учрежденія, и прямо заявлялъ, что считаетъ произведеніемъ враздной фантазіи такіе несбыточные рассказы, какъ напримѣръ, рассказъ о томъ, что однажды трое благородныхъ рыцарей, по усерднымъ молитвамъ ихъ, перенесены были какою-то невидимою силою въ одну ночь изъ Египта на ихъ отдаленную родину—въ Пивардію. За подобныя слишкомъ смѣлыя стрипанія чудесъ, проявившихся въ былые вѣка, среди боголюбиваго и благочестиваго рыцарства, добросовѣстный Верто получилъ прозваніе «аббата революцій», а книга его, по распоряженію римской курии, подпала «sub index», т. е. была внесена въ списокъ книгъ нечестивыхъ, крайне опасныхъ для вѣрующихъ, а потому подверглась строгому гоненію со стороны римско-католическихъ церковныхъ властей. Между тѣмъ, эти-то именно преслѣдованія и доставили книгѣ аббата Верто громадную извѣстность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и множество самыхъ усердныхъ читателей.

Очистивъ исторію рыцарства отъ легендъ, не имѣвшихъ очень часто даже простодушной прелести, навѣваемой игрою слишкомъ пылкаго воображенія, но прямо ударившихъ въ глаза беззастѣнчивостію вымысла—аббать Верто, тѣмъ не менѣе, въ несомнѣнно-достоверныхъ сказаніяхъ мальтійскаго ордена нашель яркія краски для изображенія дѣйствительной жизни этого древняго учрежденія. Каринно и краснорѣчиво, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и правдиво, рассказалъ онъ въ своей книгѣ о судьбѣ рыцарей, подвизавшихся во имя Іоанна Крестителя, съ самыхъ первыхъ дней ихъ появленія въ Іерусалимѣ, когда они, будучи еще монахами, промѣняли монастырь на страннопріимный домъ для безсѣднаго служенія тамъ страждущимъ и недугующимъ богомольцамъ. На попеченіе ихъ стали поступать бѣдные и больные пилигримы, приходившіе изъ далека со всѣхъ сторонъ въ Іерусалимъ на поклоненіе гробу Господню. Но подвиги смиренномонашескую братья не ограничивались только сердоболіемъ, и, когда въ обѣтованной землѣ, послѣ нѣкотораго затишья, наступила снова борьба христіанъ съ невѣрными, то монахи-іоанниты стали братья за оружіе и мужественно сражались съ врагами Креста. Такимъ образомъ они успѣли соединить милосердіе съ воинственностію, а ихъ духовный и въ тоже время рыцарскій орденъ вскорѣ снискалъ себѣ повсюду громадную извѣст-

ность и приобрѣлъ безграничное уваженіе со стороны всего западнаго христіанства.

Число рыцарей іоаннитскаго ордена съ каждымъ годомъ увеличивалось и наличныхъ его членовъ было уже достаточно не только для того, чтобы исполнять первоначальныя обязанности по призрѣнію странниковъ, но и для того, чтобы выставить на боевое поле значительную вооруженную силу. Кромѣ того, уничтоженіе въ 1312 году королемъ французскимъ, Филиппомъ Красивымъ, ордена тампліеровъ или храмовниковъ, имѣвшихъ также сперва мѣстопробываніе въ Іерусалимѣ, а потомъ перебравшихся во Францію, возвысило іоаннитскій орденъ, не встрѣчавшій уже себѣ соперника среди рыцарства. Въ число членовъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго началъ поступать цвѣтъ европейскаго дворянства, и вскорѣ орденъ изъ первоначальной монашеской общины обратился въ самостоятельное государство, успѣвъ завоевать для себя островъ Родосъ. Онъ началъ теперь именовать себя «державнымъ» орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго, и титулъ этотъ признали за нимъ всѣ монархи. Онъ вступалъ въ международныя договоры со всѣми государствами, какъ равный съ равными, велъ отъ своего имени и своими вооруженными силами войны съ врагами христіанства и, устроивъ на Средиземномъ Морѣ значительный флотъ, направилъ свои усилія на истребленіе пиратовъ, имѣвшихъ свои притоны на сѣверныхъ берегахъ Африки. Верховный представитель державнаго ордена святого Іоанна Іерусалимскаго, носившій званіе гротмейстера или великаго магистра, а также «стража Іерусалимскаго гостиннаго дома» и «блюстителя рати Христовой», былъ торжественно избираемъ на всю жизнь изъ среды знатныхъ и доблестныхъ рыцарей этого ордена. Въ своемъ высокомъ санѣ онъ признавался — какъ и природныя монархи — государемъ, властвующимъ «Божією милостію», и пользовался почти такою же обширною властью и такимъ же высокимъ почетомъ, какіе въ то время присвоены были независѣвшимъ ни отъ кого европейскимъ государямъ. Великіе магистры о принятіи ими надъ орденомъ верховной власти извѣщали чрезъ нарочныхъ пословъ европейскихъ государей, которые, при своемъ вступленіи на престолъ, въ свою очередь, оказывали имъ такое же вниманіе. Рыцари-іоанниты въ отношеніи къ великому магистру считались подданными; они приносили ему присягу въ вѣрности и послушаніи, а въ церковной службѣ имя великаго магистра провозглашалось какъ имя царствующаго государя. Знаками его власти были: корона, «кижалъ вѣры» или мечъ и государственная печать съ его изображеніемъ. Въ ознаменованіе же двойственнаго своего владычества — духовнаго и свѣтскаго,

онъ имѣлъ титулъ «Celsitudo eminentissima», т. е. преимущественнѣйшаго или преосвященнѣйшаго высочества.

Мало по малу, прежняя община монаховъ-іоаннитовъ преобразовалась окончательно въ военно-рыцарскій орденъ, сохраняя, однако, въ теченіи многихъ вѣковъ, отпечатокъ своего первоначальнаго монашескаго происхожденія. Члены ордена, какъ и вообще всѣ монашествующіе, приносили обѣтъ послушанія, безбрачія и нищеты. Вступая въ орденъ, они отречались отъ своего имущества или въ пользу своихъ наслѣдниковъ, или — что обыкновенно бывало — въ пользу орденовой братіи и, хотя впоследствии они могли пріобрѣтать имѣнія, но не имѣли уже права располагать имъ по духовному завѣщанію, и имѣнія эти — послѣ смерти ихъ владѣльцевъ-рыцарей — дѣлились достояніемъ ордена. Іоанниты на первыхъ порахъ своего существованія держали себя безупречно. Они жили нѣсколько скромно и просто, но даже и убого, употребляя все свое имущество на помощь страждущимъ ближнимъ, на украшеніе храмовъ и на борьбу съ врагами христіанства. Но прежній суровый бытъ монаховъ-рыцарей началъ постепенно измѣняться: собраннаго орденомъ имущества и постоянно приливавшаго въ его казну богатства поколебали давнія суровыя добродѣтели, а великіе магистры, считавшіеся владѣтельными особами и подражая имъ, стали жить съ королевскою пышностію. Тяжелые, желѣзные доспѣхи іоаннитовъ прежняго времени были замѣнены у изнѣжившихся ихъ представителей XVIII вѣка модными французскими кафтанами изъ бархата и шелка; на головахъ ихъ, вмѣсто грузныхъ стальныхъ шлемовъ и черныхъ клобуковъ, появились щегольскіе береты съ разноцвѣтными перьями, модные парики съ пудренными локонами и изящныя трехуголки съ плюмажемъ, съ золотыми галунами и брилліантовыми аграфами, а грубые ремни, поддерживавшіе рыцарскую броню, были замѣнены уборами изъ батиста и кружевъ. Обычный свой нарядъ — красныя супервесты и черныя мантии съ нашитыми на нихъ крестами изъ бѣлаго полотна — рыцари-іоанниты надѣвали только въ торжественныхъ случаяхъ, т. е. такъ рѣдко, что не узнавали другъ друга, собираясь вмѣстѣ въ этомъ заброшенномъ ими стародавнемъ нарядѣ.

Орденъ все болѣе и болѣе отступалъ отъ своихъ древнихъ учрежденій, и въ прошломъ столѣтіи съ названіемъ рыцаря іоаннитскаго или мальтійскаго ордена неразрывно было связано понятіе о дворяннѣ хорошаго стариннаго рода съ порядочнымъ наслѣдственнымъ достояніемъ. На іоаннитовъ стали смотрѣть, какъ на людей свѣтскихъ, думавшихъ о веселой жизни, а не какъ на монаховъ-рыцарей, посвятившихъ свою жизнь подвигамъ

благотворенія, да труднымъ и опаснымъ походамъ противъ невѣрныхъ и морскихъ разбойниковъ. Несмотря, однако, на все это, орденскій уставъ, хотя и не наблюдаемый строго даже въ существенныхъ его статьяхъ, носилъ еще на себѣ отпечатокъ рыцарства былыхъ временъ.

Къ началу XVIII вѣка рыцарство веждъ уже отжило свое время. Религиозныя его основы не составляли никакой приманки для людей набожныхъ, которые стали предпочитать монастырское спокойствіе бурной рыцарской дѣятельности, а дворянство, жаждавшее боевой славы, начало искать ее не въ рыцарскихъ орденахъ, а подъ знаменами могущественныхъ государей и подъ предводительствомъ прославившихся полководцевъ. Тѣмъ не менѣе, сказанія о былой жизни рыцарей вообще и преимущественно столь знаменитыхъ, какими считались рыцари мальтійскаго ордена, покрывшіе себя славой военныхъ подвиговъ и на сушѣ, и на морѣ, могли еще впечатлительно дѣйствовать на молодое, слишкомъ пылкое воображеніе. Рыцари этого ордена были озарены блескомъ воинскихъ доблестей и геройскихъ дѣяній, совершенныхъ ихъ предшественниками; они жили на стезѣ былой славы своего ордена, и надобно отдать справедливость ученому аббату Верто, что онъ какъ нельзя лучше воспользовался бывшими подъ его руками матеріалами для того, чтобы написать самую увлекательную исторію изъ временъ исчезнувшаго рыцарства.

Проходилъ обычнымъ чередомъ годъ за годомъ послѣ того, какъ бѣлокурый мальчикъ съ такимъ вниманіемъ читалъ книгу аббата, но навѣянный на него этимъ чтеніемъ впечатлѣнія и думы не изгладились изъ его памяти. Увлеченіе, такъ сильно его охватившее, не оставляло его окончательно и въ ту пору, когда онъ сперва перешелъ въ юношество, а потомъ и въ возмужалые годы. Все, что касалось судьбы полюбившихся ему мальтійскихъ рыцарей, постоянно занимало и живо затрогивало его, и, наконецъ ему представилась возможность принять въ ней самое дѣятельное участіе послѣ того, какъ въ ночь съ 6 на 7 ноября 1796 года въ лицѣ его явился Павелъ I, императоръ и самодержецъ всероссійскій...

II.

Немного встрѣчается въ исторіи лицъ, стоявшихъ на недосыгаемой высотѣ надъ общимъ уровнемъ челоуѣчества, судьба которыхъ была бы такъ печальна, какъ судьба императора Пав-

ля I: во всю свою жизнь онъ собственно былъ страдальцемъ, мученикомъ своего высокаго жребія. Едва сталъ онъ приходить въ дѣтское сознаніе, какъ все окружающее начало раздражать и волновать его воспримчивую душу. Все способствовало къ тому, чтобы изъ этой личности, не только мягкой и доброй, но даже и великодушной вышелъ впоследствии человекъ, отличававшійся суровостью, наивысочайшею и, въ добавокъ, чрезвычайными странностями и причудами, такъ что онъ въ различное время былъ какъ будто совершенно разнымъ человекомъ. Если, однако, взглянуть во всѣ обстоятельства, сопровождавшія дѣтство, юношескіе годы и даже зрѣлый возрастъ великаго князя Павла Петровича, то достаточно объяснится та загадочность характера, какою отличалась эта, во многихъ отношеніяхъ, далеко недоужинная личность.

Всѣ лица, оставившія послѣ себя записки или замѣтки объ императорѣ Павлѣ, единогласно свидѣтельствуютъ объ его умѣ и благородныхъ порывахъ. Ученый Лагарпъ—этотъ честный республиканецъ, на свидѣтельство котораго можно положиться—между прочимъ, писалъ: «Я съ сожалѣніемъ расстался съ этимъ государемъ, который имѣлъ столь высокія достоинства. Кто бы мнѣ сказалъ тогда, что онъ лишитъ меня моего скромнаго пенсіона и предоставитъ меня ужасамъ нужды? И, тѣмъ не менѣе, повторяю, что этотъ человекъ, котораго строго будетъ судить безпристрастное потомство, былъ великодушенъ и обладалъ источникомъ всѣхъ добродѣтелей».

Императрица Елизавета Петровна была чрезвычайно обрадована рожденіемъ Павла, какъ наследника престола. Она устранила его мать отъ всякой о немъ заботы и взяла его на непосредственное свое попеченіе. Сперва она нѣжила своего двоюроднаго внука, забавлялась и тѣшилась имъ по цѣлымъ днямъ. Но даже и подъ самымъ тщательнымъ надзоромъ императрицы, женщины, не имѣвшей никакого понятія о первыхъ потребностяхъ правильнаго воспитанія, великій князь не могъ находиться въ тѣхъ условіяхъ, которыя благопріятно дѣйствовали бы на ребенка. Всюду, однако, на долю его выпала еще худшая участь. При неостоянномъ своемъ характерѣ, императрица совершенно охладѣла къ взятому на ея попеченіе малюткѣ и передала его въ безотчетное завѣдываніе дворцовыхъ приживалокъ. О томъ, какъ тогда было мало за нимъ даже такого ухода, какой имѣется за дѣтми въ обыкновенныхъ семьяхъ, можно заключить уже изъ того, что будущій наследникъ русскаго престола выпалъ однажды изъ люльки и проспалъ на полу цѣлую ночь, неимѣя ни замѣченнаго. Нравившія Павла Петровича женщины имѣли на него самое вредное вліяніе. Отъ этихъ при-

ставницъ привились къ нему суевѣріе и предрасудки, а ихъ вздорныя разсказы дали ложное направленіе и умственному, и нравственному его развитію, и трудно было ему и впоследствии совершенно освободиться отъ всего, что было навѣяно на него глупыми пѣстунами во время его дѣтства. Ихъ негѣныя бредни разстроивали его необыкновенно-пылкое воображеніе; отъ нихъ научился онъ вѣрить въ сны, примѣты и гаданья. Одиночество въ потемкахъ нагоняло на него даже и въ зрѣлыя годы ту бессознательную и неодолимую боязнь, какую испытываютъ дѣти, запуганныя вымыслами о мертвецахъ, привидѣніяхъ и домовыхъ. Впрочемъ, не одни только фантастическіе страхи смущали его: при блескѣ молніи и при ударахъ грома, богѣзненный и слабый ребенокъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, и боязливое его настроеніе иногда доходило до того, что даже скрытъ внезапно отворенной двери или неожиданный стукъ или шорохъ приводилъ его въ нервный трепетъ.

Пугая ребенка и мохнатымъ, разгуливающимъ по ночамъ чортомъ съ хвостомъ, когтями и рогами, и Бабой-Ягой съ кестаною ногою, и богоугодившимъ пророкомъ Іліею, разѣзжавшимъ лѣтомъ по небесамъ въ огненной колесницѣ, мамы и няньки добавляли къ этимъ личностямъ, устранившимъ ребенка, и императрицу Елизавету Петровну. Онъ застрашивали ея малютку словно какимъ-то пугаломъ и Павелъ боялся приблизиться къ ней; онъ не шелъ на ея зовъ и ревѣлъ благимъ матомъ, когда его насильно подводили къ бабушкѣ, желавшей порою погладить его по головкѣ. Вообще запугиваніе не одними мертвецами, но и живыми людьми, было въ обычаѣ воспитательницъ Павла, и оно породило въ немъ ту одичалость и ту непривычку къ незнакомымъ людямъ, которыя онъ всегда преодолевалъ съ большимъ усиліемъ надъ собою, хотя отъ природы былъ скорѣе общителенъ, нежели пелюдимъ.

При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, не обращавшей никакого вниманія на образованіе своего двоюродного внука, обученіе его началось довольно страннымъ способомъ. Первымъ наставникомъ его былъ Федоръ Дмитріевичъ Бехтѣевъ, объ учености и педагогической опытности котораго говорить много не приходится. Въ ту пору грамота считалась дѣломъ куда-какъ труднымъ и замысловатымъ, и потому радѣвшіе о своихъ ученикахъ наставники старались, по возможности, услащать горькій корень ученія примѣнительно къ забавамъ дѣтскаго возраста. Въ свою очередь Бехтѣевъ, надуумился учить Павла Петровича посредствомъ деревянныхъ и оловянныхъ куколокъ, изображавшихъ собою мушкетеровъ, гренадеровъ и разнаго рода прех-

ставителей воинской силы и боевой славы. Всѣ эти солдатики были помѣчены или буквами русской азбуки, или цифрами. Усѣвшись за учебный столъ, Бехтѣвъ приказывалъ своему ученику ставить солдатиковъ то по-парно, то въ шеренги, то по-взводно, и при такой постановкѣ сперва выучилъ онъ помѣченные на куколкахъ «азъ», «буки», «вѣди» и т. д., а потомъ научился составлять изъ солдатиковъ склады, слоги, слова и цѣлыя рѣченія. Точно также примѣнялось строевое расположеніе игрушечныхъ солдатиковъ и къ заучиванію «цифры», а затѣмъ и къ первымъ правиламъ ариметики.

Вообще, такое воспитаніе Павла Петровича продолжалось довольно долго. Обстановка его измѣнилась, однако, когда къ нему былъ приставленъ, въ качествѣ главнаго воспитателя, графъ Никита Ивановичъ Панинъ, одинъ изъ первыхъ вельможъ той поры, человекъ, пользовавшійся общою извѣстностью за умъ, образованность, честность и стойкость убѣжденій. Когда разнесся слухъ объ этомъ назначеніи, мамы и няньки, окружавшія великаго князя, начали ахать, охать и хныкать о своемъ «сердешномъ» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принялись стращать малютку Панинымъ. Въ застрачиваньи этомъ онѣ до того успѣли, что, при первомъ появленіи своего новаго воспитателя, ребенокъ поблѣднѣлъ, затрясся, растерялся и бросился опреметью изъ комнаты. Не мало стоило Панину труда приручить къ себѣ маленькаго дива. Онъ началъ съ того, что немедленно прогналъ изъ покоевъ наследника весь многочисленный состоявшій при немъ бабій штатъ, который до такой степени былъ неразлученъ съ великимъ княземъ, что даже постоянно обѣдалъ съ нимъ за однимъ столомъ, при чемъ приставницы, изъ нѣжности къ ребенку, закармливали его чрезъ мѣру чѣмъ ни попало.

— Уморить онъ нашего голубчика! заголосили сердобольныя мамы и няни:—и покушать-то не дать ему въ волю, и «учёбою». затомить его, сердешнаго, до смерти...

Новый воспитатель не обращалъ на эти сѣтованія никакого вниманія и съ перваго же разу, что называется, подтянулъ своего питомца. Теперь избалованный мальчикъ ушлышалъ строгій и рѣшительный голосъ своего наставника. Панинъ не стѣснялся съ нимъ нисколько, ворчалъ, журилъ его и даже прикрикивалъ на него и отдавалъ ему приказанія съ тою рѣзкостью, какая впоследствии слышалась въ повелѣніяхъ самого императора Павла. Тяготясь надзоромъ Панина, великій князь тужилъ о той свободѣ и о томъ привольѣ, какими онъ пользовался прежде подъ охраною жевцинь, и со слезами на глазахъ вспоминалъ свонхъ прежнихъ снисходительныхъ приставницъ.

Вскорѣ, однако, онъ нашелъ снисходительность, доходившую до неумѣстной слабости, въ помощникѣ Панина, въ молодомъ и хорошо образованномъ офицерѣ, Семенѣ Андреевичѣ Порошинѣ. Въ системѣ воспитанія великаго князя произошли теперь многія измѣненія. Такъ, прежнія фантастическія застрашиванія замѣнились совершенно иными, для осуществленія которыхъ воспитатели употребляли даже не совсѣмъ благовидныя средства—подлогъ и обманъ. Удерживая Павла отъ дурныхъ наклонностей и поступковъ, они говорили ему, что вся Европа наблюдаетъ за нимъ, что во всѣхъ государствахъ знаютъ о каждомъ его поступкѣ, недостойномъ его высокаго сана, такъ какъ объ этомъ немедленно будетъ напечатано въ иностранныхъ газетахъ. Чтобы увѣрить его въ этомъ, по временамъ, печаталось нарочно нѣсколько экземпляровъ заграничныхъ вѣдомостей, въ которыхъ были помѣщены, въ видѣ сообщеній изъ Петербурга, свѣдѣнія объ образѣ жизни наслѣдника, его занятіяхъ науками, играхъ и шалостяхъ. Эти подложныя газеты давались ему для прочтенія, и ребенокъ, обманываемый такимъ хитрымъ способомъ, къ удовольствію своихъ приставниковъ, изъ чувства самолюбія, старался вести себя, какъ слѣдуетъ благовоспитанному мальчику, на котораго смотритъ вся Европа. Выдумка эта имѣла, однако, и дурное послѣдствіе: когда со временемъ продѣла воспитателей открылась, то въ умѣ Павла вкоренилась мысль о томъ, до какой степени даже самыя честныя, повидимому, люди, окружающіе высокыхъ особъ, бываютъ способны на хитрости и обманы и, разумѣется, такое убѣжденіе могло вліять на развитіе той подозрительности, какою отличался императоръ Павелъ и которая была такъ тяжела и для него самого, и для его окружающихъ.

Умственное образованіе великаго князя подъ надзоромъ Панина шло услѣшно. Лучшіе наставники, какъ русскіе, такъ и иностранные, приглашены были преподавать наслѣднику науки по обширной и разнообразной программѣ. Собственно для него была составлена богатая бібліотека, наполненная преимущественно роскошными иллюстрированными изданіями. Въ учебной его комнатѣ находились физическій кабинетъ, а также коллекція монетъ и минераловъ. Не было забыто и развлеченіе физическимъ трудомъ, такъ какъ въ его комнатѣ былъ поставленъ товарный станокъ, со всѣми принадлежностями этого ремесла. Верховая ѣзда, фехтованіе и танцы были предметами тщательнаго обученія. Короче сказать, онъ имѣлъ всѣ средства для того, чтобы получить превосходное по тогдашнему времени научное образованіе и должно сказать, что заботы Екатерины

по этой части не прошли безслѣдно. Павелъ Петровичъ отличался способностями и любознательностію, онъ превосходно говорилъ по-французски, легко объяснялся по-нѣмецки, хорошо зналъ славянскій языкъ, а латинскій до такой степени, что читалъ въ подлинникѣ Горация и могъ вести на этомъ языкѣ отрывочные разговоры. Обученіе Павла Петровича не ограничивалось однимъ только чтеніемъ книгъ, но изъ нихъ онъ дѣлалъ выписки; привычку эту онъ сохранилъ и въ зрѣлыя годы, прибавляя къ дѣлаемымъ имъ выпискамъ свои собственныя замѣчанія и разсужденія. Въ числѣ самыхъ любимыхъ его книгъ была «Исторія ордена святого Іоанна Іерусалимскаго или мальтійскаго», написанная аббатомъ Верто. Онъ прочелъ эту книгу нѣсколько разъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что подъ вліяніемъ ея слагались въ немъ тѣ рыцарскія понятія и та прямота, которыя такъ порывисто и такъ странно проявлялись у него даже среди самовластныхъ его распоряженій.

Согласіе между графомъ Панинымъ и его молодымъ помощникомъ продолжалось не долго. Павелъ нисколько не уважалъ мягкосерднаго Порошина, забавлялся надъ нимъ, а между тѣмъ потворство воспитателя превосходило всякую мѣру. Вскорѣ Порошинъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, былъ удаленъ отъ великаго князя за слабость. Сохранилось, впрочемъ, извѣстіе, что истинной причиной его удаленія была какая-то невѣжливость, оказанная имъ фрейлинѣ графинѣ Аннѣ Петровнѣ Шереметевой, на которой думалъ жениться Панинъ. Устраненіе Порошина имѣло невыгодное вліяніе на нравственное развитіе Павла, такъ какъ ворчливый Панинъ дѣйствовалъ на него только строгостію и заботился только объ умственномъ его образованіи.

Обстановка великаго князя внѣ учебной комнаты не способствовала нисколько тому, чтобы его характеръ могъ принять хорошее и твердое направленіе. Первые свои впечатлѣнія онъ получилъ среди того ханжества, которымъ отличался дворъ императрицы Елизаветы Петровны въ послѣдніе годы ея жизни, когда истинное религиозное чувство было замѣнено одною только обрядностію. Да и вообще воспоминанія Павла о первыхъ годахъ его жизни не представляли ничего ни отраднаго, ни поучительнаго. Въ кратковременное царствованіе Петра III онъ былъ совершенно забытъ; доходившій потомъ до него гулъ государственнаго переворота, замыселъ Мировича, московскій бунтъ — впечатлительно дѣйствовали на его воспріимчивую душу. Затѣмъ, въ день празднованія его совершеннолѣтія и его брака съ великою княгинею Натальею Алексѣевною въ Петербургѣ, было получе-

но первое извѣстіе о появленіи самозванца, подъ именемъ Петра III.

Никита Ивановичъ Панинъ, несмотря на многія прекрасныя качества, дѣлалъ при воспитаніи Павла множество ошибокъ. Страстный поклонникъ Фридриха Великаго и приверженецъ всего прусскаго, онъ допускалъ, чтобы все нѣмецкое хвалили предъ наслѣдникомъ въ ущербъ русскому. Онъ позволялъ лицамъ, окружавшимъ Павла, издѣваться надъ Петромъ Великимъ и осмѣивать простоту жизни этого государя. Павлу Петровичу рассказывали разные анекдоты, направленные къ униженію русскихъ. Такъ, ему передавали, что когда, однажды, Петръ I прибилъ палкою какого-то заслуженнаго генерала, то послѣдній принялъ посыпавшіеся на него удары съ особымъ благоговѣніемъ, сказавъ: «рука Господня прикоснулась меня!» Самъ Панинъ рассказывалъ великому князю, какъ фельдмаршалъ Шереметевъ отдулъ за кражу батогами какого-то дворянина, который послѣ этого съ благодарностію повторялъ, что съ него словно рукой сняло. При рассказахъ о такихъ расправахъ наслѣднику внушали, что «люди стали недотыки, что теперь дворянина нельзя выбрать, а прежде дули палочкою и никто не смѣлъ сказать слова». Внушали ему, что нѣтъ честныхъ людей, что всѣ—воры, а графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ изощрялъ свое остроуміе французскаго пошва на то, чтобы выставить передъ великимъ княземъ глупость русскаго народа. Между тѣмъ, всѣ разговоры, которые случались Павлу, не оставались безъ послѣдствій: они входили въ собственныя его воззрѣнія и сужденія и вселяли въ него недоувѣріе къ достоинствамъ и способностямъ его будущихъ подданныхъ. Въ свою очередь, Панинъ любилъ «морализировать о непостоянствѣ и легкомысліи» и внушалъ Павлу, что «государю куражъ надобенъ».

Независимо отъ этого, все окружавшее Павла Петровича содѣйствовало, съ одной стороны, раздраженію его пылкаго воображенія, а съ другой—усиленію тѣхъ недостатковъ, которые впоследствии сдѣлались отличительными чертами его характера.

Наконецъ, особенности положенія Павла Петровича, какъ наслѣдника престола, и по отношеніямъ какъ къ матери, такъ и къ близкимъ ей лицамъ, вели къ тому, что характеръ его сложился на совершенно своеобразный ладъ, а затѣмъ быстрый переходъ изъ угнетеннаго положенія къ неограниченному могуществу—когда каждое его слово дѣлалось закономъ—произвелъ въ немъ переворотъ, который не могъ не отразиться на его понятіяхъ и на образѣ его дѣйствій.

III.

Чѣмъ болѣе мужалъ Павелъ Петровичъ, тѣмъ яснѣе сознавалъ онъ всю затруднительность и щекотливость своего высокаго положенія. Отчужденный отъ всякаго участія въ государственныхъ дѣлахъ, какъ внутреннихъ, такъ и вѣшнихъ, онъ былъ, при его кипучей природѣ, обреченъ на совершенную бездѣятельность. Онъ и его супруга, Марія Ѳеодоровна, имѣли великолѣпные апартаменты въ зимнемъ дворцѣ. Здѣсь происходили у нихъ праздничные выходы и торжественные приемы по всѣмъ правиламъ, усвоеннымъ этикетомъ версальскаго двора. Здѣсь они нерѣдко давали пышные обѣды, вечера и балы. Для лѣтняго пребыванія имъ былъ отданъ дворецъ на Каменномъ Островѣ. Но отношенія между великимъ княземъ и его матерью становились все болѣе и болѣе натянутыми, и, когда императрица подарила ему Гатчину, онъ переехалъ туда на постоянное житье и только изрѣдка, да и то неохотно, являлся въ Петербургъ. Въ Гатчинѣ онъ жилъ, окруженный небольшимъ числомъ приближенныхъ лицъ, и въ то время, когда дворъ императрицы блисталъ великолѣпиемъ и роскошью и безпрестанно оживлялся торжествами и празднествами, наследникъ престола не только жилъ уединенно въ своемъ подгородномъ имѣніи, но и нуждался въ денежныхъ средствахъ.

Полюбивъ тихую Гатчину и желая обстроить ее, онъ произвелъ большія затраты. Когда же началъ строить дворецъ въ Павловскѣ, то для покрытія требовавшихся при этомъ издержекъ, вынужденъ былъ входить въ долги, которые чрезвычайно озабочивали его. Кредиторы его, а также и разные подрядчики, подбиваемые его недоброжелателями, подавали на него государныя жалобы за неплатежъ долговъ. По поводу этихъ жалобъ, ему приходилось выслушивать выговоры, упреки, внушенія и наставленія, такъ какъ императрица всегда съ крайнимъ неудовольствіемъ платила его долги. Однажды, Павелъ Петровичъ былъ до такой степени стѣсненъ кредиторами, что, преодолевъ свое самолюбіе, долженъ былъ обратиться съ просьбою о выдачѣ ему денегъ къ князю Потемкину, который, разумѣется, съ полною готовностью поспѣшилъ исполнить его просьбу, но эта-то притворная угодливость еще болѣе раздражала Павла Петровича. Великій князь, щедрый по природѣ, не имѣлъ матеріальныхъ средствъ, чтобы награждать заслуги и преданность окружающихъ его лицъ, изъ которыхъ почти никто не имѣлъ своего собствен-

наго состоянія. Поэтому, вмѣсто подарковъ и наличныхъ денегъ, онъ выдавалъ имъ векселя. Когда сроки этимъ векселямъ наступали, то обыкновенно бывало такъ, что для уплаты по нимъ денегъ у Павла Петровича не было, и это ставило въ самое непріятное положеніе какъ его самого, такъ и того, кому былъ выданъ вексель. Конечно, люди, близко знавшіе великаго князя, могли и цѣнить его добрые порывы, и понимать ту неблагопріятную обстановку, въ какой онъ находился, но большинство лицъ, незнавшихъ сути дѣла, приходили къ заключеніямъ, подрывавшимъ нравственный и денежный кредитъ великаго князя. Выдавалось даже и такое время, что Павелъ Петровичъ не могъ имѣть хорошаго стола. Въ такіе тяжелые для него дни, нѣкто Петръ Хрисанфовичъ Обольяниновъ, служившій прежде въ провіантскомъ штатѣ, а потомъ состоявшій въ гатчинской командѣ великаго князя, приступалъ къ занятіямъ по своей прежней части, продовольствуя великаго князя кушаньями, приготовленными на его, Обольянинова, кухнѣ, подъ надзоромъ его жены, доброй женщины и заботливой хозяйки.

Если Павлу Петровичу нелегко было переносить разнаго рода матеріальныя лишенія, то еще тяжелѣе ему было переносить нравственныя страданія. Обращеніе Павла Петровича внѣ службы съ кѣмъ бы то ни было носило всегда на себѣ отпечатокъ той утонченной вѣжливости, какую вообще отличалось старинно-французское воспитаніе; всѣ свѣтскія приличія были соблюдаемы имъ не только съ образцовой строгостью, но и съ крайнею щепетильностью. Ни взглядъ, ни выраженіе лица, ни движеніе, ни голосъ Павла Петровича не выражали въ этомъ случаѣ никогда ничего непріятнаго или обиднаго для того, съ кѣмъ онъ велъ бесѣду. Замѣчательное его остроуміе не было направлено при этомъ къ тому, чтобы кольнуть или уязвить когонибудь, но, напротивъ, лишь къ тому, чтобы высказать какую-нибудь неожиданную любезность или тонкую похвалу.

Павлъ Петровичъ нерѣдко обижался распоряженіями императрицы. Когда онъ, во время турецкой войны, просилъ у нея позволенія отправиться въ армію Потемкина въ скромномъ званіи волонтера, то Екатерина не дозволила ему этого, подъ предлогомъ скорого разрѣшенія отъ бремени его супруги и выражала опасеніе, что южный климатъ повредитъ его здоровью. Огорченный такими возраженіями, наслѣдникъ престола не безъ раздраженія спросилъ у матери:

— Что скажетъ Европа, видя мое бездѣйствіе въ военное время?

— Она скажетъ, что ты—послушный сынъ, спокойно и равнодушно отвѣчала императрица.

Павель Петровичъ понялъ, что послѣ такого отвѣта всѣ его домогательства и просьбы объ отпускѣ въ армію будутъ бесполезны и, молча, покорился волѣ матери.

Въ началѣ шведской войны онъ опять просилъ у императрицы дозволить ему отправиться въ армію фельдмаршала графа Мусина-Пушкина. Императрица съ неудовольствіемъ выслушала заявленіе такого желанія, но, такъ какъ прежнихъ благовидныхъ поводовъ къ отказу не было, то она поневолѣ должна была согласиться на просьбу сына.

Дорого, однако, заплатился великій князь за данное ему позволеніе участвовать въ шведской войнѣ. Надобно сказать, что еще и прежде приближенные къ императрицѣ лица, находившія или выгоду, или только удовольствіе въ несогласіяхъ между матерью и сыномъ, внушали Екаторинѣ, что чрезвычайно неудобно оставлять Павла Петровича владѣтельнымъ герцогомъ шлезвиг-голлштинскимъ, такъ какъ, въ качествѣ самостоятельнаго государя, онъ, достигнувъ зрѣлаго возраста, можетъ завести особыя сношенія съ европейскими дворами. Подъ вліяніемъ этихъ опасеній, Екатерина слѣшила покончить съ королемъ датскимъ дѣло объ отреченіи великаго князя отъ родовыхъ его правъ на герцогства голштинское и шлезвигское въ пользу Дании. Такая же обидная подозрительность со стороны Екатерины къ Павлу Петровичу выразилась и во время шведской войны. До свѣдѣнія императрицы довели, что принцъ шведскій, Карлъ, ищетъ случая лично познакомиться съ Павломъ Петровичемъ и старается сблизиться съ нимъ. Этого было достаточно для возбужденія въ государынѣ самыхъ сильныхъ, хотя и вовсе неосновательныхъ подозрѣній, и Павель Петровичъ, къ крайнему его прискорбію, былъ немедленно отозванъ изъ арміи, дѣйствовавшей противъ шведовъ.

Огорченія его не кончились только этимъ. Послѣ шведской войны, императрица написала комедію, разыгранную въ 1789 году въ эрмитажѣ. Комедія эта носила названіе «Горе-Богатырь». Въ ней былъ выставленъ неразумный сынъ-царевичъ, просящійся у матери-царицы на войну. Мать отпустила его неохотно, а онъ, вмѣсто того, чтобъ удивлять всѣхъ своими храбрыми подвигами, только смѣшилъ непріятели своимъ неумѣстнымъ и забавнымъ молодечествомъ. Богатырь этотъ прозывался Косометовичъ, потому что отецъ его, любившій играть въ свайку, косо металъ ее, почему его и прозвали Косометомъ. Говорили, что цѣль этой комедіи была осмѣять забавную удачу швед-

скаго короля Густава III, затѣявшаго неудачную войну съ Россією, но всё частности этого насмѣшливаго произведенія, а между прочимъ намеки на царствующую мать и на неумѣлость отца-царевича заставляли думать, что комедія эта была направлена не на Густава III, а на Павла Петровича, и онъ имѣлъ достаточно поводовъ принять на свой счетъ тѣ насмѣшки, которыми изобиловало произведеніе его матери.

Вообще, если присмотрѣться къ той обстановкѣ, среди которой вынужденъ былъ жить великій князь, то окажется, что не было ничего удивительнаго, если онъ направилъ всю свою дѣятельность на строевое обученіе сформированнаго для него изъ морскихъ полковъ немногочисленнаго гатчинскаго гарнизона. Только въ отношеніи этого отряда войска онъ былъ полный хозяинъ, а, имѣя въ своемъ распоряженіи солдатъ, бывшихъ постоянно на мирномъ положеніи, онъ могъ заниматься съ ними лишь фронтовой ихъ выправкой и установленіемъ разныхъ мелочныхъ порядковъ по однообразной гарнизонной службѣ. Въ ту пору прусская армія во всей Европѣ считалась, какъ считается она и теперь, образцомъ совершенства. Хотя она одерживала блестящія побѣды собственно подъ предводительствомъ короля Фридриха-Великаго, весьма мало заботившагося о воинской выправкѣ и воинскихъ артикулахъ, тѣмъ не менѣе общій голосъ военныхъ спеціалистовъ того времени признавалъ, что гениальный полководецъ не имѣлъ бы никогда такихъ успѣховъ на поляхъ битвы, еслибы не располагалъ армією, тщательно обученною его предшественникомъ. Между тѣмъ, предшественникъ его, Фридрихъ-Вильгельмъ, былъ самый ревностный поборникъ солдатчины въ тѣсномъ значеніи этого слова, и для него потсдамскій плацъ парадъ былъ единственнымъ святилищемъ военной науки. Павелъ Петровичъ раздѣлялъ тогдашній взглядъ на великое значеніе фронтовой выучки, разводовъ, караульной службы, вахт-парадовъ и т. д. и потому для своего гатчинскаго «модельнаго» войска онъ усвоилъ всё порядки, существовавшіе въ прусской арміи, и оказывалъ неусыпную, педантическую дѣятельность для водворенія и развитія ихъ въ гатчинской командѣ. Онъ часто ходилъ мимо казармъ, и тогда всё должны были выходить оттуда, и бѣда была тому, кто не исполнялъ этого приказанія. Онъ съ балкона дворца смотрѣлъ въ подзорную трубу и присылалъ къ караульному солдату чрезъ адъютанта приказаніе отставить ружье или поправить аммуницію.

Принцесса саксен-кобургская, выдававшая свою дочь за великаго князя Константина Павловича, захала къ своему будущему свату въ Гатчино, и вотъ что она писала по поводу сво-

его посѣщенія этой резиденціи наследника русскаго престола: «Мы были очень любезно приняты въ Гатчинѣ, но здѣсь я очутилась въ атмосферѣ, совсѣмъ не похожей на петербургскую. Въѣсто непринужденности, царствующей при дворѣ императрицы, здѣсь все связано, формально и безмолвно. Великій князь умёнъ и, можетъ быть, пріятель, когда захочетъ, но у него много непонятныхъ странностей, а между прочимъ то, что около него все устроено на старинный прусскій ладъ. Какъ только въѣдешь въ его владѣнія, тотчасъ появляются трехцвѣтные флаги съ часовыми, которые окликаютъ проезжающихъ на прусскій манеръ, а русскіе, служащіе при немъ, кажутся пруссаками». Слобода въ Гатчинѣ, казармы, конюшни были перенесены въ Россію изъ Пруссіи.

Нельзя, однако, сказать, чтобы мелочныя занятія съ гатчинскимъ гарнизономъ вполне удовлетворяли Павла Петровича. Одновременно съ этими занятіями онъ обдумывалъ разные обширныя планы и предположенія, относившіяся къ порядку государственнаго управленія, подготавливая ихъ втихомолку къ тому времени, когда къ нему, по волѣ Провидѣнія, перейдетъ верховная власть. Кромѣ того, онъ много читалъ и дѣлалъ, по прежнему, обширныя выписки изъ прочитываемыхъ имъ книгъ. Будучи не только любителемъ, но и отличнымъ знатокомъ современной французской литературы, онъ увлекался господствовавшими въ ней тогда идеями объ обновленіи человѣчества въ политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, и увлеченіе этими идеями рождало въ немъ сочувствіе къ тѣмъ явнымъ и тайнымъ обществамъ, которыя хотѣли осуществить такую задачу. Вообще эта задача сильно занимала его, и онъ, въ 1782 году, будучи въ Венеціи, говорилъ однажды графинѣ Розенбергъ: «Не знаю, буду ли я на престолѣ, но если судьба возведетъ меня на него, то не удивляйтесь тому, что я начну дѣлать. Вы знаете мое сердце, но вы не знаете людей, а я знаю, какъ слѣдуетъ ихъ вести». Получивъ въ послѣдствіи верховную власть, Павелъ Петровичъ задумалъ, между прочимъ, преобразовать къ лучшему русское общество введеніемъ въ него совершенно чуждыхъ этому обществу рыцарскихъ элементовъ; онъ надѣялся, что такимъ способомъ ему удастся достигнуть его политическихъ и социальныхъ цѣлей и съ свойственною ему пылкостью началъ прививать въ Россіи мальтійское рыцарство, полагая, что оно достигнетъ у насъ обширнаго развитія и благотворно повліяетъ на весь нашъ бытъ.

IV.

Лѣтъ за семьдесятъ съ тѣмъ-то до вступленія на престолъ Павла I-го, какъ говорить преданіе, въ достовѣрности котораго нѣтъ повода сомнѣваться, какое-то не слишкомъ чиновное лицо, состоявшее въ царской службѣ, проѣзжало по Лифляндіи на почтовыхъ лошадяхъ. При переѣздѣ съ одной станціи на другую, проѣзжіи этотъ остался недоволенъ медленною ѣздой и потому въ дополненіе къ грознымъ словеснымъ внушеніямъ, вздумалъ, по существовавшему тогда обычаю, расправиться собственноручно съ везшимъ его ямщикомъ.

— Еслибы ты зналъ, какая въ Петербургѣ у меня родня, то не посмѣлъ бы меня тронуть, проговорилъ по-латышски оскорбленный возница.

Расправлявшійся съ нимъ проѣзжіи потребовалъ отъ находившихся на станціи лицъ, чтобы ему было переведено по-русски возраженіе ямщика, показавшееся ему, по смѣлому тону, чрезвычайно дерзкимъ. Требованіе проѣзжаго было исполнено, и тогда онъ приступилъ къ дальнѣйшимъ разспросамъ.

— Что же у тебя за важная такая родня въ Питерѣ, что и тронуть тебя нельзя? надѣваясь, спросилъ проѣзжіи. — Небось, братъ, или дядя капраломъ въ гвардіи служить?... А?... Такъ, что ли? выкрикивалъ проѣзжіи.

— Императрица—родная сестра моя, гордо и самоувѣренно проговорилъ обиженный, и слова его были переданы по-русски проѣзжему, который отъ изумленія вытаращилъ глаза и разинулъ ротъ.

Хотя настоящее происхожденіе императрицы Екатерины I Алексѣевны, никому, даже и самому Петру Великому, не было въ точности извѣстно, но, тѣмъ не менѣе, проѣзжіи господинъ былъ чрезвычайно озадаченъ такою неожиданною встрѣчей.

— Вишь, что ты, мерзавецъ, вздумалъ! гаркнулъ онъ.—Видно съ ума спятилъ!...

Обиженный, не смутившись нисколько, подтвердилъ свои слова.

— Постой, разбойникъ, я покажу тебѣ, какой ты—братецъ государя!... Будешь ты меня помнить!... грозилъ онъ и, приказавъ связать самозваннаго родственника императрицы, представилъ его мѣстному начальству для содержанія подъ крѣпкою стражей.

Вслѣдствіе этого возникло по тайной канцеляріи важное государственное дѣло, о которомъ тотчасъ же было доведено до свѣдѣ-

вѣя самого государя. Приказано было удостовѣриться, справедливы или ложны показанія челоуѣка, назвавшагося роднымъ братомъ Екатерины Алексѣевны. Послѣ строгихъ допросовъ, продолжительныхъ розысковъ и тщательныхъ справокъ, выяснилось, что ящикъ Ѳеодоръ былъ дѣйствительно родной братъ Марты, приемыша маріенбургскаго пастора Глюка, сдѣлавшейся плѣнницею фельдмаршала Шереметева. Оказалось также, что у Ѳеодора—а, слѣдовательно, и у Екатерины—были еще: другой родной братъ по имени Карлъ и двѣ сестры; изъ нихъ старшая была замужемъ за крестьяниномъ Симономъ-Генрихомъ, а младшая, Анна, за Михаиломъ-Иоахимомъ, тоже крестьяниномъ.

Петръ Великій, чуждый всякой аристократической слѣси, признавъ въ этой убогой крестьянской семьѣ родню императрицы и представилъ Екатерину ея братьевъ въ той простой одеждѣ, въ которой они обыкновенно ходили. Неизвѣстно, думалъ ли Петръ обрадовать Екатерину неожиданнымъ находкою ея родственниковъ, или же онъ хотѣлъ дать ей этимъ наглядный урокъ смиренія. Какъ бы то ни было, но по своимъ понятіямъ, онъ не находилъ нужнымъ обогащать и возвышать Ѳеодора и Карла Самуиловыхъ, ровно ни въ чему не пригодныхъ, потому только, что они были родные братья императрицы. Онъ оставилъ ихъ на житьѣ, по прежнему, въ деревнѣ, приказавъ только, чтобы мѣстная власть имѣла о нихъ постоянное попеченіе, не давала никому въ обиду и чтобы они, соотвѣтственно потребностямъ скромнаго ихъ быта, не имѣли ни въ чемъ нужды. Такимъ образомъ, въ царствованіе Петра Великаго, братья Екатерины, довольные своей судьбой, оставались въ совершенной безвѣстности.

Вступивъ въ 1725 году на императорскій престолъ, Екатерина I вызвала къ себѣ изъ деревенской глуши своихъ родственниковъ, но они не тотчасъ показались въ Петербургъ, а жили около столицы на стрѣльнинской мызѣ. Только 5-го апрѣля 1727 года, родные братья государыни, Карлъ и Ѳеодоръ, принявши фамилію Славронскихъ, подъ которою въ послѣднее время стала извѣстна ихъ сестра, были возведены въ графское достоинство россійской имперіи и были надѣлены огромными богатствами. Въ гербъ новопожалованныхъ графовъ были внесены три розы, напоминавшія о трехъ сестрахъ Славронскихъ, жаворонокъ—по польски «skawtopiek», такъ какъ отъ этого слова произошла ихъ фамилія, и двуглавые русскіе орлы, не только свидѣтельствовавшіе, по правиламъ геральдики, объ особомъ благоволеніи государя къ подданному, но и заявлявшіе на этотъ разъ о родствѣ Славронскихъ съ императорскимъ домоу. Теперь, передъ быв-

шими крестьянами, всё стали принижаться; вельможи являлись къ нимъ съ поздравленіемъ и заискивали ихъ милостиваго вниманія, а представители знатнѣйшихъ русскихъ фамилій считали для себя не только за честь, но и за счастье породниться съ «графами Скавронскими». Не одни, впрочемъ, русскіе добивались этой чести—руки бывшей крестьянки искалъ даже такой богатый и сильный польскій магнатъ, какимъ былъ Петръ Сапѣга.

При возвышеніи Карла и Ѳедора Скавронскихъ не были забыты и мужья сестеръ императрицы: старшей—Симонъ-Генрихъ, названный Симономъ Леонтьевичемъ Гендриковымъ и младшей—Михель-Іоакимъ, названный Михаиломъ Ефимовичемъ Ефимовскимъ. Въ царствованіе Анны Іоанновны и въ правленіе великой княгини Анны Леопольдовны, вся родня Екатерины I была забыта, но она вновь поднялась при вступленіи на престолъ императрицы Елизаветы Петровны, при которой, въ 1742 году, Гендриковы и Ефимовскіе получили графское достоинство и обширныя вотчины.

Случайный виновникъ возвышенія Скавронскихъ, Ѳедоръ, умеръ бездѣтнымъ, а у старшаго его брата, Карла, остался сынъ, графъ Мартинъ Карловичъ, родившійся въ 1714 году, слѣдовательно, еще въ бѣдной и низкой долѣ и сдѣлавшійся потомъ однимъ изъ важнѣйшихъ русскихъ вельможъ, такъ какъ при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ онъ былъ генераль-аншефомъ, оберъ-гофмейстеромъ и андреевскимъ кавалеромъ. Государыня особенно благоволила къ нему: жаловала ему доходныя вотчины и не разъ давала въ подарокъ огромныя суммы денегъ. Кромѣ того, онъ женился на баронессѣ Маріи Николаевнѣ Строгоновой, одной изъ богатѣйшихъ невѣстъ въ тогдашней Россіи. Умеръ онъ въ 1776 году, и все громадное его состояніе досталось его единственному сыну графу Павлу Мартыновичу.

Молодой Скавронскій былъ уже, по рожденію, и богатъ, и знатенъ. Пеленали его андреевскими лентами съ плеча императрицы. Его тщательно воспитывали, согласно требованіямъ того времени, подъ руководствомъ иностранныхъ наставниковъ, и въ блестящемъ этомъ юношѣ, пригодномъ, по выдержкѣ, хотя бы и для версальскаго двора, никто не узналъ бы роднаго внука латыша-крестьянина. Павелъ Мартыновичъ не отличался, впрочемъ, особыми умственными дарованіями и имѣлъ одну сильную, ничѣмъ неудерживаемую страсть къ вокальной и инструментальной музыкѣ. Онъ воображалъ себя необыкновеннымъ пѣвцомъ, отличнымъ музыкантомъ и гениальнымъ композиторомъ. Страсть эта съ годами развивалась все сильнѣе и сильнѣе и, наконецъ,

перешла въ забавное чудачество, чуть не въ помѣшательство. Находя, что въ Россіи недостаточно цѣнить его музыкальныя дарованія, молодой Скавронскій рѣшился на долгое время покинуть неблагодарную родину, чтобы приобрести себѣ, какъ пѣвцу и музыканту, громкую извѣстность за-границею. Съ этою цѣлью, онъ, оставшись двадцати двухъ лѣтъ отъ роду полнымъ и безотчетнымъ распорядителемъ отцовскаго богатства, пустился странствовать по Италіи, классической странѣ гармоніи и мелодіи. Въ Италіи, жажда къ славѣ по музыкальной части усилилась въ немъ еще болѣе. Проводя время то въ Миланѣ, то во Флоренціи, то въ Венеціи, онъ окружалъ себя тамъ пѣвцами, пѣвицами и музыкантами, жившими на счетъ его необыкновенной къ нимъ щедрости. Онъ безпрестанно сочинялъ музыкальныя піесы, неудовлетворявшія, однако, самому невзыскательному вкусу. Трата большія деньги, онъ ставилъ на сценахъ главныхъ итальянскихъ городовъ оперы своей собственной композиціи, оказывавшіяся, впрочемъ, произведеніями плохаго качества. Несмотря на это, знаменитые пѣвцы и примадонны очень охотно, за большія, конечно, деньги и за дорогіе подарки, разучивали оперы Скавронскаго и распѣвали написанныя имъ аріи, отъ которыхъ порою даже самыя неприхотливыя слушатели или хохотали во все горло, или затыкали себѣ уши. Нанятые прислужниками графа усердные хлопальщики заглушали своими аплодисментами и восторженными криками раздававшіеся въ театрахъ свистки, шиканье и хохотъ при представленіи его оперъ и во время его концертовъ. Лестцы и прихлебатели превозносили до небесъ необыкновенный композиторскій талантъ Скавронскаго и тѣмъ самымъ еще болѣе подзадоривали и подбивали богача-меломана продолжать его артистическія сумасбродства. Лживыя, щедро-расточаемыя ему похвалы онъ принималъ, какъ дань неподдѣльнаго восторга и удивленія его композиторскому генію, а долетавшіе порою до его слуха свистки, шиканье и насмѣшки, а также и попадавшіеся ему случайно на глаза безпощадные газетные отзывы на счетъ его музыкальныхъ произведеній, онъ объяснялъ слѣпою завистью къ его высокому таланту, въ чемъ, разумѣется, поддакивали ему и увивавшіяся около него лица.

Предаваясь все болѣе и болѣе музыкальнымъ наслажденіямъ, Скавронскій довелъ свою къ нимъ страсть до того, что прислуга не смѣла разговаривать съ нимъ иначе, какъ речитативомъ. Выѣздной лакей-итальянецъ, приготовившись по нотамъ, написаннымъ его господиномъ, пріятнымъ сопрано докладывалъ графу, что карета его сіятельства готова. Метръ д'отель графа, изъ французовъ, торжественнымъ напѣвомъ извѣщавъ какъ его самого,

такъ и его гостей, что столъ накрытъ. Кучеръ, вывезенный изъ Россіи, освѣдомлялся о приказаніяхъ барина сильными пѣвучими басомъ, ованчивая свои вопросы и свои отвѣты густою протодьяконскою октавою. На торжественные случаи у графской прислуги имѣлись и ари, и хоры, такъ что бывавшіе у чудака Славронскаго обѣды и ужины, казались, происходили не въ роскошномъ его палатцѣ, а на оперной сценѣ. Въ добавокъ ко всему этому, и хозяинъ отдавалъ свои приказанія прислугѣ въ музыкальной формѣ, а гости, чтобы угодить ему, вели съ нимъ разговоръ въ видѣ вокальных импровизацій.

Въ числѣ лицъ, неразлучно сопутствовавшихъ молодому Славронскому въ его музыкально-артистическихъ странствованіяхъ по Италіи, былъ нѣкто Дмитрій Александровичъ Гурьевъ, впоследствии министръ финансовъ и графъ, человѣкъ «одворянишагося при Петрѣ Великомъ купецкаго рода». Онъ былъ сметливъ, расторопенъ и пронырливъ и, на счастье свое, не былъ одаренъ ни малѣйшимъ музыкальнымъ чувствомъ. Онъ совершенно спокойно, безъ всякаго раздраженія, могъ переносить и громъ литавръ, и звуки трубъ, и звизги скрипокъ, и завываніе виолончели, и свистъ флейтъ, и вой волторнъ, и ревъ контрабасовъ, хотя бы все это, по композиціи Славронскаго, въ высшей степени раздраало уши. То пріятно ослабляясь, то выражая на своемъ лицѣ чувства радости, горя, восторга, безнадежности — смотря по тому, какое ощущеніе въ человѣкѣ домогалась произвести музыка Славронскаго — Гурьевъ, какъ казалось, съ напряженнымъ вниманіемъ выслушивалъ и длинныя концертныя піесы, и безконечныя оперы неудавшагося маэстро. За то какъ же и любилъ его Славронскій, не подозревавшій въ немъ ни малѣйшаго притворства и видѣвшій только такого слушателя, который способенъ былъ понимать всѣ красоты превосходной музыки! Привязанности и довѣрію графа къ Гурьеву не было предѣловъ и подлачивавшійся къ Славронскому, при помощи музыки, его неразлучный спутникъ съ выгодною для себя управлялъ всѣми дѣлами молодого богача, незнавшаго счета деньгамъ.

Пространствовалъ по Италіи среди музыкальныхъ похожденій около пяти лѣтъ, Славронскій, на двадцать седьмомъ году, возвратился въ Петербургъ. До императрицы Екатерины доходили порою вѣсти объ его артистическихъ и композиторскихъ чудачествахъ за границей, но она не видѣла въ нихъ ничего предосудительнаго и даже отчасти была довольна тѣмъ, что Славронскій, во время своего пребыванія въ чужихъ краяхъ, не тратилъ денегъ, какъ это дѣлали другіе богатые русскіе баре того вре-

мени, на развратъ, на картежную игру и на разныя грубыя продѣлки, дававшія не очень выгодное понятіе иностранцамъ о нравственномъ и умственномъ развитіи нашихъ соотечественниковъ. Императрица полагала, что нѣсколькихъ ласковыхъ внушеній, шутивыхъ намековъ и легкой насмѣшки будетъ вполне достаточно для того, чтобы отучить Славронскаго отъ обуявшей его музыкально-артистической маніи.

Когда, въ 1781 году, Славронскій возвратился въ Петербургъ, то богатъ-меломанъ сталъ считаться тамъ самымъ завиднымъ женихомъ. Маменьки, бабушки и тетушки, непрерывно одна передъ другою, старались выдать за него своихъ внучекъ, дочерей и племянницъ, но онъ, влюбленный попрежнему въ музыку, не думалъ вовсе ни о какой невѣстѣ. Замыслилъ, однако, посватать его могущественный въ ту пору князь Потемкинъ, и къ услугамъ князя явился расторопный Дмитрій Александровичъ, искавшій случая подслужиться временщику. Потемкинъ въ это время выдавалъ старшую свою племянницу по сестрѣ, Александру Васильевну Энгельгардтъ, за графа Ксаверія Браницкаго, а другой младшей его племянницѣ подыскалъ жениха Гурьевъ. Онъ ловко взялся за дѣло и вскорѣ устроилъ свадьбу этой молодой дѣвушки съ Славронскимъ, бывшимъ подъ его неотразимымъ вліяніемъ. Славронскій вдругъ измѣнилъ музыкѣ и страстно влюбился въ красавицу-невѣсту. Онъ былъ до такой степени доволенъ этимъ бракомъ, что за устройство его подарилъ своему свату, «въ знакъ памяти и дружбы», 3000 душъ крестьянъ.

Женившись на Екатеринѣ Васильевнѣ, Славронскій вдругъ пристрастился къ дипломатіи. Служебная дорога была передъ нимъ открыта, и онъ, пожалованный дѣйствительнымъ камергеромъ, былъ, въ 1785 году, назначенъ русскимъ посланникомъ въ Неаполь, куда и отправился на жительство съ своею молоденькою женою.

V.

Несмотря на затрудненія разнаго рода, какія въ концѣ прошедшаго столѣтія представлялись при путешествіяхъ по Европѣ вообще и по Италіи — этой классической странѣ разбойниковъ и бандитовъ — въ особенности, туристы всѣхъ націй, а въ числѣ ихъ русскіе, очень охотно посѣщали Италію. Слѣдуя старинной поговоркѣ: «veder Napoli e poi mori», т. е. «взглянуть на Неаполь, а потомъ и умереть», такъ какъ ничего лучшаго уже не увидишь — они заѣзжали въ этотъ греческо-италианскій городъ,

чтобы полюбоваться его чудной приморской панорамой и гроттиски Везувіемъ. Открытія одолю той поры развалины подрвинныхъ городовъ Геркуланума и Помпей, засыпанныхъ лавою, влекли къ Неаполю путешественниковъ, налуславшихъ на себя видъ ученыхъ и знаточковъ древности. Много уже перебивало въ Неаполѣ русскихъ баръ-путешественниковъ, но едва ли кто изъ нихъ надѣлалъ тамъ столько шуму и говору, какъ ожидавшійся туда русскій посланникъ, графъ Скавронскій. Молва объ его богатствѣ, знатности и щедрости предшествовала ему. Издатели газетъ, вовсе еще не знавшіе графа, выхваляли его необыкновенный умъ, замѣчательную ученость и разнородные таланты, а мѣстные поэты, не издавшіе еще его супруги, подготовили въ честь ея нѣжныя сонеты, чувствительныя мадригалы и торжественныя оды, сравнивая ее по красотѣ и стройности стана съ первенствовавшими богинями языческаго міра.

Скавронскій пріѣхалъ въ Неаполь, какъ обыкновенно ѣзжали въ ту пору за-границу русскіе богачи, старавшіеся прежде всего поразить иностранцевъ роскошью и причудами. За дорожной его каретой слѣдовалъ длинный поѣздъ съ прислугой, составленною какъ изъ крѣпостныхъ русскихъ, такъ и изъ вольнонаемныхъ разныхъ націй. За нѣсколько дней до пріѣзда въ Неаполь русскаго посланника, пришелъ туда отправленный изъ Петербурга обозъ съ различными принадлежностями домашней обстановки, которыхъ нельзя было достать за-границею. Самый лучший отель въ городѣ былъ заранѣе нанятъ для посланника за огромныя деньги, безсрочно до того времени, пока онъ, по пріѣздѣ въ Неаполь, выберетъ для постоянного своего жительства какой-нибудь роскошный палаццо, отдѣластъ его еще лучше, чѣмъ онъ былъ прежде, и приспособитъ ко всѣмъ потребностямъ и удобствамъ. Всѣ главныя помѣщенія отеля были уже приготовлены въ ожиданіи прибытія знатнаго и богатаго иностранца, и лишь въ нѣкоторые небольшіе номера допускались постояльцы, да и то съ условіемъ очистить ихъ немедленно по пріѣздѣ русскаго графа, если онъ того потребуетъ.

Въ числѣ лицъ, проживавшихъ въ отелѣ на такихъ неприятныхъ и неудобныхъ условіяхъ, была г-жа Лебрёнъ, пользовавшаяся уже въ Европѣ громкою извѣстностію, какъ знаменитая портретистка. Она расположилась въ отелѣ въ скромномъ помѣщеніи, со своими мольбертами, красками, палитрами и кистями, и несомнѣнно спокойно ожидала той минуты, когда ей придется оставить удобное для нея во всѣхъ отношеніяхъ помѣщеніе и сдѣлать это единственно въ угоду русскому синьору.

Когда Скавронскій пріѣхалъ въ нанятый для него отель, то

ему или дѣйствительно показалось, или только изъ пустой прихоти онъ заявилъ, что приготовленнаго помѣщенія недостаточно для его многочисленной свиты, и потому потребовалъ, чтобы изъ отеля выѣхали всѣ постояльцы. Освѣдомившись же, что въ числѣ ихъ находится г-жа Лебрѣнь, которую онъ зналъ уже по слуху, онъ отправилъ къ ней мажоръ-дому графини съ покорнѣйшею просьбою, чтобы г-жа Лебрѣнь не только не выѣзжала изъ отеля, но сдѣлала бы его супругѣ честь личнымъ знакомствомъ. При этомъ, благовоспитанный Савронскій поручилъ мажоръ-домѣ извиниться передъ г-жею Лебрѣнь за графиню, которая, будучи неадорова и уставъ чрезвычайно отъ дороги, лишена была удовольствія сдѣлать первый визитъ г-жѣ Лебрѣнь. Послѣ такого вниманія и любезнаго приглашенія, повтореннаго вслѣдъ за тѣмъ и самимъ графомъ, умная и образованная художница сдѣлалась постоянною гостью Савронскихъ и не могла нахвалиться ихъ радушіемъ и самымъ утонченнымъ вниманіемъ.

Въ запискахъ своихъ, наданныхъ подъ заглавіемъ «Souvenirs», г-жа Лебрѣнь оставила нѣсколько замѣтокъ о супружеской четѣ, съ которою она, вскорѣ послѣ перваго визита, свела самое близкое знакомство. На свидѣтельство г-жи Лебрѣнь, отличившейся такимъ художественнымъ вкусомъ и внимательно присматривавшейся къ каждой чертѣ и къ каждому оттѣнку лица, положить, конечно, можно, а между тѣмъ, по словамъ г-жи Лебрѣнь, графиня Савронская была «прекрасна, какъ ангелъ», и одарена была отъ природы «всѣми прелестями чарующей красоты». Баронесса Оберкирхъ, въ своихъ «Запискахъ», замѣтила: «Савронская идеально хороша; ни одна женщина не можетъ быть прекраснѣе ея». Савронская, говорить далѣе г-жа Лебрѣнь:— была чрезвычайно добра и снисходительна, но характеръ ея и образъ ея жизни отличались замѣчательными странностями. Она никогда и нигуда не выѣзжала безъ самой крайней необходимости, и ея не выманивали изъ палатца даже очаровательныя прогулки на берегу моря, при томномъ сіяніи мѣсяца. Она отличалась какою-то загадочною лѣнью; всякое движеніе, несмотря на ея молодость и легкость походки, было для нея обременительно. Самымъ большимъ для нея наслажденіемъ было—лежать на мягкомъ канане, закрывшись, несмотря ни на какую жару, богатой собольей шубкою. Когда около нея не было никого постороннихъ, въ ногахъ у нея садилась привезенная въ Неаполь изъ Россіи старушка-няня и принималась рассказывать ей сказки, разумѣется, повторяя одно и то же по сотиѣ разъ. Молодая лѣнница чувствовала отвращеніе къ нарядамъ, и г-жа

Т. ССКХХІІ.—Отд. I. 25

Лебрёнъ, такъ много обращавшая на нихъ вниманіе, въ качествѣ портретистки, не безъ удивленія замѣчала, что Скарронская никогда не носила корсета. Между тѣмъ, свекровь ея безпрестанно снабжала ее выписываемыми изъ Парижа дорогими и изысканными издѣліями, выходившими изъ мастерской мадемуазель Бертенъ, знаменитой модистки, одѣвавшей первую тогдашнюю щеголюху въ Европѣ, королеву Марію-Антуанетту. Нѣсколько большіе комнаты въ отелѣ, занятомъ Скарронскими, было загромождено тюками и ящиками съ нарядами, привезенными изъ Парижа и отличавшимися тою утонченностію вкуса, какая тогда господствовала во Франціи по части дамскихъ модъ. Но молоденькая женщина не только не выражала свойственной ей гѣташь торопливости—посмотрѣть поскорѣе на привезенныя ей посылки, но даже вовсе не лобопытствовала взглянуть на нихъ, и потому задѣланные тюки и ящики съ нарядами оставались невскрытыми. Когда же камер-фрау предлагала ей выбрать и надѣть какую-нибудь щегольскую обновку, которая должна была такъ идти къ ней, то Скарронская какъ будто съ удивленіемъ спрашивала: «зачѣмъ? для кого?» Письма своей свекрови, ввѣщавшія ей, что женѣ русскаго посланника при одномъ изъ самыхъ блестящихъ дворовъ въ Европѣ и, притомъ, такой молодой и хорошенькой женщиной необходимо одѣваться роскошно, по послѣдней модѣ, она прочитывала съ грустною усмѣшкою и вовсе не думала слѣдовать совѣтамъ и внушеніямъ, даваемымъ ей со стороны этой великосвѣтской барыни.

По всему замѣтно было, что красавица Скарронская какъ будто тяготилась окружавшею ее пышностію и своимъ виднымъ положеніемъ въ обществѣ. Постоянно задумчивая, она, казалось, предпочла бы жить нелюдимкою и даже затворницею. Ни на кого и ни на что она не обращала вниманія. На нѣжности и ласки своего мужа, влюбленнаго въ нее до безумія, она отвѣчала холодно и неохотно. Скарронскій же, по характеру и по образу жизни, представлялъ совершенную противоположность женѣ. Онъ любилъ общество и былъ тамъ пріятнымъ и веселымъ собесѣдникомъ; тамъ онъ искалъ для себя развлеченія отъ своей семейной жизни, и, такъ какъ онъ занималъ въ Неаполѣ высшій дипломатическій постъ, то и долженъ былъ жить открыто и роскошно, сообразно своему званію. Вслѣдствіе этого, Скарронскій часто давалъ въ своемъ палаццо и роскошные обѣды, и великолѣпные балы, но эти послѣдніе чрезвычайно рѣдко украшались присутствіемъ прелестной хозяйки, которая не являлась на нихъ подъ предлогомъ внезапной болѣзни. Для лицъ, не знавшихъ близко Скарронскихъ, жизнь графини казалась стран-

ной, и отчужденіе ея отъ свѣта объясняли страшною ревностію ея мужа, который, слѣдуя варварскому обычаю «московитовъ», старался скрывать красавицу-жену отъ постороннихъ взглядовъ. На дѣлѣ, однако, было вовсе не то: Скавронскій не только не препятствовалъ ей являться въ свѣтѣ, но, напротивъ, видя ее постоянно печальною и задумчивою, желалъ, чтобы она полюбила свѣтскія развлечения и блистала въ обществѣ своею чарующею красотою.

Кромѣ великолѣпныхъ нарядовъ, напрасно присылаемыхъ Скавронской, у нея было множество драгоценныхъ уборовъ. Однажды она вздумала показать ихъ г-жѣ Лебрёнъ, которая, хотя и много уже насмотрѣлась на подобныя вещи, но, тѣмъ не менѣе, была изумлена при видѣ сокровищъ, принадлежавшихъ добровольной отшельницѣ. Скавронская, между прочимъ, показала ей брилліанты необыкновенной величины и самой чистой воды, сказавъ, что они были подарокъ дяди ея, князя Потемкина. Никто, однако, не видалъ на ней этихъ драгоценныхъ камней; она не выставляла ихъ напоказъ даже при происходившихъ при королевскомъ дворѣ торжествахъ и празднествахъ, на которыя являлась неохотно, только вслѣдствіе просьбъ и убѣжденій мужа.

Рожденіе графини Екатерины Васильевны Скавронской въ небогатой и многочисленной семьѣ смоленскихъ помѣщиковъ нѣмецкаго происхожденія, сперва ополячившихся, а потомъ обрусѣвшихъ, вовсе не обѣщало ей блестящей будущности, и только необыкновенное возвышеніе ея родного дяди, Григорія Александровича Потемкина, измѣнило предстоящую ей скромную участь. Сдѣлавшись могущественнымъ вельможею и самымъ довѣреннымъ другомъ императрицы, Потемкинъ не позабылъ своей родни и оказывалъ особенное расположеніе къ дочерямъ своей старшей сестры, Марѣ Александровнѣ, бывшей замужемъ за подполковникомъ Василиемъ Андреевичемъ Энгельгардтомъ. Дочери ея, простенькія барышни, были въ 1776 году привезены прямо ко двору Екатерины. Въ это время Катѣ шелъ одиннадцатый годъ. Робко и недовѣрчиво смотрѣла деревенская дикарка на новую пышную обстановку и не скоро свыклась съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ такъ неожиданно очутилась. 10-го іюня 1781 года, она была пожалована во фрейлины, а въ ноябрѣ того же года вышла замужъ за Скавронскаго.

Бракъ ея былъ отпразднованъ торжественно. На свадьбу были приглашены только тѣ дамы, которыя были приглашаемы въ эрмитажъ, то-есть составляли самый близкій къ императрицѣ кружокъ. Послѣ свадьбы былъ блестящій балъ въ кавалергартской залѣ и ужинъ въ присутствіи императрицы.

*

ѣхалъ подъ вѣнецъ въ каретѣ, стоившей 10,000 рублей, украшенной снаружи стразами. На другой день послѣ свадьбы, начались пиры въ домѣ Потемкина, нынѣшнемъ аничковскомъ дворцѣ. Много толковъ въ петербургскомъ обществѣ возбудилъ этотъ бракъ, и всѣ они сводились къ тому общему заключенію, что молоденькая фрейлина вышла замужъ поневолѣ, единственно въ угоду своему дядѣ.

Года черезъ три послѣ своего замужества, Скарвонская вошла однажды въ уборную Потемкина, жившаго въ зимнемъ дворцѣ подъ комнатами, занимаемыми государынею. Въ уборной на столѣ она увидѣла портретъ императрицы, осыпанный брилліантами. Портретъ этотъ носилъ постоянно Потемкинъ въ петлицѣ своего кафтана. Взявъ въ руки портретъ и стоя передъ зеркаломъ, Скарвонская машинально пришила его къ корсажу своего платья.

— Иди, Катя, наверхъ къ императрицѣ и поблагодари ея вдругъ крикнулъ лежавшій на диванѣ Потемкинъ.

Она съ изумленіемъ посмотрѣла на дядю и торопливо принялась отшивать портретъ государыни.

— Нѣтъ, нѣтъ! не снимай его, а такъ съ нимъ и ступай! громче прежняго крикнулъ Потемкинъ и, лѣниво приподнявшись съ дивана, взялъ лежавшіе передъ нимъ карандашъ и доскутокъ бумаги, на которомъ написалъ нѣсколько словъ.

— Ступай съ этой записочкой къ государынѣ и поблагодари ее за то, что она пожаловала тебя въ статс-дамы.

Приказаніе это было высказано такъ настойчиво, что растерявшаяся Катя должна была повиноваться. Съ недовольнымъ лицомъ, съ нахмуренными бровями, прочла государыня записку Потемкина, поданную ей смущенною Скарвонскою. Несмотря на свое искусство притворяться и казаться любезною, Екатерина не могла на этотъ разъ скрыть своего сильнаго неудовольствія. Преодолевъ, однако, его, она написала отвѣтъ Потемкину, уведомляя князя, что исполнила его желаніе, сдѣлавъ его двадцатилѣтнюю племянницу статс-дамою.

Въ ту пору, случаи пожалованія этого высокаго званія вообще были чрезвычайно рѣдки, а для таковой молодой женщины званіе статс-дамы оказывалось и небывалымъ еще отличіемъ. Всѣ заговорили объ этомъ, завистливо посматривая на новую счастливицу. Начались толки и пересуды, и Скарвонская, не терпящая ни интригъ, ни сплетенъ, была очень рада оставить дворъ императрицы, когда, вскорѣ послѣ этого, мужъ ея получилъ мѣсто посланника въ Неаполѣ.

VI.

Горделиво смотрѣлся въ тихія голубія воды залива, стоявшій на якорѣ, въ виду Неаполя, военный корветъ «Pellegrino». Поднятый на его кормѣ красный, на подобіе церковной коругви, съ бѣлымъ крестомъ флагъ показывалъ, что корветъ этотъ принадлежалъ къ составу военно-морскихъ силъ державнаго мальтійскаго ордена. Окончивъ упорную борьбу съ турками, длившуюся слишкомъ три столѣтія, мальтійскіе рыцари продолжали содержать въ Средиземномъ Морѣ довольно значительный флотъ, съ цѣлью уничтоженія магометанъ-пиратовъ, гнѣздившихся въ Алжирѣ и Тунисѣ и разбойничавшихъ какъ на этомъ морѣ, такъ и на водахъ греческаго архипелага. Ордену въ ту пору не было уже надобности вести правильную морскую войну съ турками, послѣ истребленія ихъ флота при Чесмѣ графомъ Алексѣемъ Орловымъ, тѣмъ болѣе, что на сѣверномъ побережьѣ Чернаго Моря стала возникать грозная для Турціи сила со стороны Россіи. Храня, однако, свои древніе рыцарскіе обѣты—боротись съ врагами св. креста и защищать слабыхъ, іоанниты снаряжали свои военные суда для крейсерства, чтобы освободить изъ неволи христіанъ, захваченныхъ въ плѣнъ пиратами, охранять отъ нападеній со стороны этихъ послѣднихъ христіанскихъ торговцевъ и вообще держать въ страхѣ суда, появлявшіяся на водахъ Средиземнаго Моря съ изображеніемъ полумѣсяца на флагѣ.

Давно уже была пора корвету «Pellegrino» поставить паруса и отправиться въ плаваніе, но проходилъ день за днемъ, а командиръ корвета не думалъ вовсе готовиться къ уходу съ неаполитанскаго рейда. Экипажъ корвета не могъ надивиться такой странной медленности своего начальника, который былъ извѣстенъ, какъ дѣятельный и отважный морякъ, предпочитавшій всегда зыбь моря неподвижности суши. Всѣ замѣчали, что молодой командиръ вдругъ измѣнился, что онъ сталъ теперь совсемъ не тѣмъ, какимъ былъ прежде. Бывало, онъ нетерпѣливо ожидалъ той минуты, когда подуетъ попутный вѣтеръ и быстро, на всѣхъ парусахъ, помчатъ въ море его ходкое судно. Теперь, уже нѣсколько разъ поднимался самый благоприятный вѣтеръ, а между тѣмъ, командиръ корвета, скрестивъ на груди руки, стоялъ неподвижно на палубѣ и задумчиво смотрѣлъ въ безпредѣльную даль моря, какъ будто не рѣшаясь разстаться съ приманившимъ его берегомъ. Напрасно шкиперъ заговаривалъ съ нимъ объ удобствахъ плаванія при наступившей погодѣ и даже

почтительно докладывалъ о необходимости прекратить поспорѣ такую продолжительную стоянку, напоминая, что корветъ «Pellegino» посланъ, по повелѣнію великаго магистра, не для того, чтобы стоять гдѣ-нибудь праздно на якорѣ, а для того, чтобы безостановочно крейсировать въ открытомъ морѣ. Съ разсѣяннымъ видомъ слушалъ командиръ и доклады, и разсужденія своего подчиненнаго, да и вообще не обращалъ никакого вниманія на говоръ моряковъ-сослуживцевъ, роптавшихъ на бездѣятельность и на бесполезную трату времени. Не отвѣчая ни полслова на дѣлаемые ему представленія, онъ приказывалъ подавать себѣ пищу и сѣзжалъ на берегъ. Нашлись, однако, любопытные изъ числа лицъ, составлявшихъ экипажъ корвета. Они постарались высмотрѣть, куда отправляется ихъ начальникъ по приѣздѣ на берегъ. Оказалось, что каждый разъ онъ не ходилъ никуда, кромѣ наладца, въ которомъ жилъ русский посланникъ, графъ Славронскій. Заговорили объ этомъ на корветѣ, но, такъ какъ около той поры Россія старалась пріобрѣсти для своихъ военныхъ кораблей постоянную стоянку въ Средиземномъ Морѣ и такъ какъ петербургскій кабинетъ велъ передъ этимъ переговоры съ мадридскимъ кабинетомъ объ уступкѣ съ означенною цѣлью Россіи острова Минорки, то частыя посѣщенія русскаго посланника командиромъ мальтійскаго корвета объясняли или какимъ-либо участіемъ въ этихъ переговорахъ, или особымъ, даннымъ отъ великаго магистра порученіемъ относительно этого дѣла, и находили въротнымъ, что русскіе намѣрены выговорить право стоянки для своихъ военныхъ судовъ въ одной изъ гаваней острова Мальты.

Дѣйствительно, молодой командиръ корвета, Джуліо Литта, во время своихъ ежедневныхъ побывокъ въ Неаполѣ, не показывался нигдѣ, кромѣ какъ у Славронскихъ, но онъ ходилъ туда не для какихъ-нибудь дипломатическихъ переговоровъ, но совсѣмъ по другому дѣлу. Красавица Славронская влекла его къ себѣ и заставляла моряка-рыцаря забывать любимую имъ стихію. Познакомившись съ Славронскимъ, какъ съ официальнымъ лицомъ, и представленный его женѣ, Литта былъ очарованъ ея «ангельскою красотой». Подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ забылъ о своихъ священныхъ рыцарскихъ обѣтахъ: о службѣ державному ордену, о крейсерованіи для преслѣдованія пиратовъ; забылъ и о корветѣ, бывшемъ подѣ его начальствомъ. Онъ не работалъ и не думалъ теперь ни о чемъ, найдя въ домѣ Славронскаго такую пристань, которую ему никогда и ни за что не хотѣлось бы покинуть.

Графъ Джуліо-Райнеро Литта, которому въ это время было

лѣтъ двадцать восемь, могъ считаться красавцемъ въ полномъ значеніи этого слова. Онъ былъ очень высокаго роста; стройность стана соединялась у него съ величавостію осанки. Дѣятельность моряка, приучившая его къ трудамъ и опасностямъ, закалила его цвѣтущее здоровье. Тонкія и правильныя черты итальянскаго типа носили отпечатокъ мужества; большіе черные то блестящіе, то задумчивые глаза и пріятная улыбка придавали этому молодому человѣку чрезвычайную привлекательность, и, по всей вѣроятности, самый разборчивый художникъ не отказался бы взять его за образецъ красоты. Военный нарядъ мальтійскаго рыцаря или кавалера еще болѣе отбѣлялъ его замѣчательную наружность. Литта носилъ красный кафтанъ французскаго покроя, съ бѣлымъ мальтійскимъ крестомъ на груди, повѣшеннымъ на широкой черной лентѣ. Бѣлое батистовое жабо съ тонкими кружевами и легкая пудра на головѣ рѣзко выдѣляли прекрасныя черты его свѣжаго загорѣлаго лица. Литта чрезвычайно полюбился Скавронскому и, послѣ непродолжительнаго знакомства, сдѣлался постояннымъ гостемъ въ его домѣ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самымъ пріятнымъ собесѣдникомъ его жены, которая увидѣла въ молодомъ командорѣ такую привлекательную личность, каковую ей не приводилось встрѣчать прежде.

Бесѣды моряка съ посланницею не отличались, впрочемъ, ни живостію, ни игривостію. Скавронская не имѣла той бойкости и находчивости, которыя придавали особый отбѣнокъ разговору модныхъ дамъ прошлаго столѣтія, кокетничавшихъ съ мужчинами. Литта, хотя и былъ человѣкъ умный и тонкій, но велъ себя слишкомъ сдержанно, не пускаясь въ любезности. Молодой морякъ рассказывалъ графинѣ о далекихъ странствованіяхъ, и она любила по долгу слушать эти рассказы и ни одинъ самый чуткій и самый зоркій наблюдатель не уловилъ бы въ ихъ бесѣдѣ никакого намѣка на ихъ сердечное, взаимное другъ къ другу влеченіе. Скавронская, освоившись мало-по-малу съ обычнымъ посѣтителемъ, не стѣснялась уже его присутствіемъ въ своей привычкѣ — лежать на канане, прикрывшись соболемъ шубкою. Часто, залюбовавшись ею, молча сидѣлъ около нея морякъ-рыцарь, не спуская съ нея глазъ, а она ласково, безъ кокетства посматривала на него. Такая близость знакомства между Скавронской и Литтой согласовалась вполне съ нравами тогдашняго высшаго итальянскаго общества, среди котораго каждая дама необходимо должна была имѣть ухаживавшаго за нею мужчину, такъ называвшагося «cicisbeo» или «cavaliere servente».

День за день отлаживалъ командиръ корвета свой ухоть изъ

Неаполя, посылая на Мальту донесенія, которыя, по ихъ запутанности и неопредѣленности, ставили тамошнія власти въ тупикъ относительно причинъ промедленія корвета «Pellegino» на неаполитанскомъ рейдѣ. Крѣпко не хотѣлось Литтѣ отплыть оттуда. Наконецъ, онъ увидѣлъ, что оставаться тамъ долге не было никакой возможности. Поэтому, отдавъ экипажу приказаніе приготовиться на завтра въ плаваніе, онъ отправился провести послѣдній вечеръ къ обворожившей его красавицѣ. Литта засталъ ее покоившеюся, по обыкновенію, на диванѣ.

— Я пришелъ проститься съ вами, синьора, сказалъ онъ опечаленнымъ голосомъ:—завтра рано утромъ мой корветъ уходитъ въ море...

— Куда же вы направляетесь? встрепенувшись, спросила Скавронская.

— Къ берегу Африки; я и то уже слишкомъ долго зажилъ въ Неаполѣ... Мнѣ давно слѣдовало бы уйти отсюда, грустно проговорилъ морякъ.

— И напрасно не сдѣлали этого, если вамъ было нужно. Вы проскучали здѣсь, а между тѣмъ, вами будутъ недовольны на Мальтѣ, настаивательно сказала Скавронская, стараясь придать своему голосу выраженіе равнодушія.

Литта тяжело вздохнулъ.

— Отчего вы такъ вздыхаете? скорѣе съ добродушной насмѣшкою, нежели съ участіемъ, спросила молодая женщина.—Если вамъ было такъ хорошо здѣсь, то вы можете опять придти сюда и даже поселиться здѣсь навсегда.

Литта не отвѣчалъ ничего и задумчиво смотрѣлъ на свою собесѣдницу.

— Скажите мнѣ, отчего вы не женитесь?.. торопливо спросила она Литту.

— Какъ рыцарь мальтійскаго ордена, я далъ обѣтъ безбрачія, не безъ нѣкоторой торжественности проговорилъ Литта.

— Значить, вы—монахъ?.. весело разсмѣявшись, перебилъ Скавронская.

— Почти что монахъ... прошепталъ Литта.

— Отчего же вамъ вздумалось такъ стѣснить не только вашу жизнь, но и ваши сердечныя чувства? Развѣ вы не можете полюбить какую-нибудь дѣвушку и пожелать, чтобы она была вашею женою? Въ силахъ ли вы поручиться, что съ вами никогда не случится этого?..

— Прежде, чѣмъ я далъ мой рыцарскій обѣтъ, заговорилъ Литта:—я долго думалъ и размышлялъ и рѣшился вступить въ орденъ только послѣ того, когда убѣдился, что женщины...

— Что женщины?.. съ живостію возразила Скавронская, приподнимаясь на локоть, и, при этомъ быстромъ движеніи, шубка, сползнувъ съ ея плеча, упала на коверъ.

Литта бросился поднимать шубку, чтобы накинуть ее на синьору. Въ это время въ длинной анфиладѣ комнатъ послышались рулады, напѣваемые слабымъ, прерывающимся голосомъ.

— Мой мужъ вернулся, проговорила Скавронская:—онъ подъ впечатлѣніемъ концерта напѣваетъ что-то, и, Боже мой! какъ онъ страшно фальшивитъ!.. Къ нему, должно быть, возвращается его прежняя страсть. Вѣроятно, онъ забылъ кроткія внушенія государыни о томъ, что музыка—не дѣло дипломата.

Скавронскій, продолжая напѣвать, вошелъ къ женѣ и, дружески поздоровавшись съ Литтою, нѣжно поцѣловалъ свою Катю. Она пристально взглянула на него и какимъ-то жалкимъ существомъ представилась ей ея слабый, хилый мужъ, съ блѣднымъ, исхудалымъ лицомъ; онъ показался ей мертвецомъ, ожидающимъ погребенія. Она быстро вскинула свои глаза на гостя — передъ ней стоялъ красавецъ въ полномъ цвѣтѣ молодыхъ силъ.

Литта сообщилъ Скавронскому, что завтра уходитъ съ рейда въ море, и посланникъ въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ изъяснилъ сожалѣніе, что лишается такого пріятнаго для него гостя, и затѣмъ съ жаромъ дилетанта принялся рассказывать о концертѣ, происходившемъ въ присутствіи королевской фамиліи, о расположеніи духа, въ какомъ, повидимому, находился король, о туалетѣ королевы и о встрѣчѣ съ множествомъ своихъ знакомыхъ. Рассѣянно слушала Скавронская рассказы мужа, который, впрочемъ, обращался съ ними преимущественно къ гостю. Хотя и Литту не занимала нисколько свѣтская болтовня хозяина, но онъ дѣлалъ видъ, что слушаетъ графа съ особымъ вниманіемъ. Наконецъ, Скавронскій утомился и призамолкъ, не находя поддержки своему разговору.

— А какія извѣстія получены изъ Франціи? спросила его жена.

— Очень неутѣшительныя, заговорилъ посланникъ:— французы просто сходять съ ума и хотятъ ниспровергнуть во всей Европѣ и религію, и престолы. Только общій союзъ всѣхъ государей можетъ обуздать ихъ. Надобно полагать, что революціонное движеніе отзовется и въ Италіи... Положеніе дѣлъ ужасно...

— Какая печальная судьба предстоитъ нашему ордену! сказалъ сильно взволнованный Литта:—онъ, какъ религіозное и аристократическое учрежденіе, идетъ прямо въ разрѣзъ тѣмъ понятіямъ, которыя теперь такъ успѣшно распространяетъ французская революція. Мы слишкомъ слабы, чтобы могли противостоять

ея напору. Неужели не найдется въ Европѣ ни одного могущественнаго государства, которое приняло бы насъ подъ свою защиту?..

— Когда надъ вами грянетъ гроза, обратитесь къ Россіи: она настолько сильна, что въ состояніи будетъ защитить васъ, сказала Славронская.

Литта съ изумленіемъ взглянулъ на нее.

— Обратитесь къ Россіи?.. спросилъ онъ:—но развѣ вы, сеньора, не знаете, что между ею и нашимъ орденомъ существуетъ пѣлая бездна, что бездна эта—различіе религій. Россія — представительница восточной церкви, а мы, мальтійскіе рыцари—поборники католицизма, со всѣми его средневѣковыми преданіями. Притомъ, всѣмъ очень хорошо извѣстно, что императрица Екатерина—отъявленная почитательница французскихъ энциклопедистовъ, которѣхъ слѣдуетъ считать главными виновниками всѣхъ нынѣшнихъ смутъ и потрясеній...

— О, что касается этого, замѣтилъ успокоительно посланникъ:—то образъ мыслей государыни не можетъ быть препятствіемъ тому, чтобы Россія оказала помощь вашему ордену, какъ религіозному и аристократическому учрежденію. Со времени безпокойствъ во Франціи, императрица замѣтно измѣнила свои прежніе взгляды, и изъ получаемыхъ мною изъ Россіи свѣдѣній видно, что тамъ теперь началось сильное преслѣдованіе всего, что хоть нѣсколько отзывается революціоннымъ духомъ...

— Я сказала то, что мнѣ вдругъ—я сама не знаю почему—мелькнуло въ головѣ, засмѣявшись и обращаясь къ Литтѣ, заговорила Славронская:—а, впрочемъ въ политическіе вопросы все не мѣшаюсь: это—по части моего мужа...

Разговоръ между хозяиномъ и гостемъ перешелъ на эти дѣла. Оба они были того мнѣнія, что происходящіе во Франціи безпорядки грозили бурей разразиться надъ всею Европою, если со стороны всѣхъ европейскихъ кабинетовъ не будутъ приняты безотлагательно рѣшительныя мѣры для возстановленія во Франціи законнаго правительства. Хозяйка, полудрема, слушала эти, повидимому, скучные для нея разговоры. Наступило время проститься съ нею Литтѣ; онъ почтительно поцѣловалъ ея руку, а она совершенно равнодушно, какъ будто только изъ вѣжливости, пожелала ему благополучнаго плаванія, не промолвивъ ни слова о возвращеніи его въ Неаполь.

На другой день, корветъ несъ Литту къ берегамъ Африки, и онъ безслѣдно исчезъ на долгое время.

Между тѣмъ, здоровье Славронскаго разстроивалось все болѣе и болѣе; у него открылась чахотка, и 23 ноября 1793 года, онъ

умеръ въ Неаполѣ. Его молоденькая вдова, пробывъ послѣ того еще нѣкоторое время за-границею, возвратилась въ Петербургъ, гдѣ была встрѣчена чрезвычайно ласково императрицею Екатериною.

VII.

Вступивъ на престолъ, императоръ Павелъ возстановилъ въ такъ называвшихся тогда «присоединенныхъ отъ Польши областяхъ» существовавшіе тамъ прежде порядки по внутреннему управленію. Въ то же время, въ Петербургѣ обсуждались и нѣкоторые финансовыя вопросы, относящіеся къ этому краю, и въ числѣ ихъ былъ вопросъ объ «острожской ординаціи», доходы съ которой, при волненіяхъ, происходившихъ въ Польшѣ, давно уже не поступали въ казну мальтійскаго ордена. Императоръ, сочувствовавшій ордену, выразилъ желаніе перѣдѣлить это дѣло въ пользу ордена, и, когда узнали объ этомъ на Мальтѣ, то для изъявленія государю благодарности былъ отправленъ съ Мальты въ Петербургъ балли, графъ Джуліо Литта. Ему же предложено было отъ великаго магистра право заключить съ Россіей конвенцію о возстановленіи великаго пріорства въ бывшихъ польскихъ областяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ делегату отъ ордена, принять это пріорство въ свое вѣдѣніе.

Посолъ великаго магистра былъ встрѣченъ въ Петербургѣ съ большою торжественностію. До церемональнаго своего въѣзда, графъ Литта прожилъ въ Гатчинѣ, откуда и въѣхалъ парадно въ столицу. Поѣздъ его состоялъ изъ 36 обыкновенныхъ и 4-хъ придворныхъ каретъ. Въ одной изъ нихъ сидѣли балли съ сенаторомъ княземъ Юсуповымъ и оберъ-церемоніймейстеромъ Валуевымъ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Литта поспѣшилъ возобновить свое прежнее знакомство съ графинею Славронскою. Онъ не видѣлъ ея четыре года, а въ это время вдова-красавица похорошѣла еще болѣе. Литта не нашелъ въ ней никакихъ слѣдовъ прежней лѣни и утомленія. Изъ нелюдимики она сдѣлалась обворожительной свѣтской женщиною, для которой жванъ въ шумномъ обществѣ казалась главною потребностію существованія. Толпа вздыхавшихъ поклонниковъ окружала ее, и какъ не снылись злые языки оговорить молоденькую вдовушку, но не могли пріискать никакого повода къ сплетнямъ и пересудамъ на ея счетъ. Она была безупречна, и о ней говорили только, какъ о женщинѣ, сердце которой не было доступно никакому нѣжному чувству.

Выйдя замужъ за Славронскаго на семнадцатомъ году отъ роду, единственно въ угоду своему дядѣ, князю Таврическому, и не чувствуя ни любви и даже ни малѣйшаго расположенія къ своему жениху, Екатерина Васильевна безропотно поворилась своей участи. Невесело жилось ей съ чудаконъ-супругомъ, и ея постепенно овладѣло то равнодушіе ко всему окружающему, которое обыкновенно является у женщины, недовольной замужествомъ и въ тоже время не имѣющей настолько рѣшимости, чтобы порвать или, по крайней мѣрѣ, хоть нѣсколько ослабить спутывающія ея супружескія узы. Уединенная и однообразная жизнь, чуждая всякихъ увлеченій, казалась ей лучшимъ средствомъ для того, чтобы избѣгнуть всякихъ искушеній, тревогъ и волненій. Познакомившись въ Неаполѣ съ графомъ Литтою, она не могла не видѣть той рѣзкой разницы, какая была между ея мужемъ и молодымъ мальтійскимъ рыцаремъ не въ пользу перваго, но она сдерживала свои сердечные порывы, и Литта не догадывался, что онъ былъ предметомъ любви молодой русской синьоры. Оставшись послѣ смерти мужа на свободѣ, Славронская почувствовала полную самостоятельность, и прежняя затворническая жизнь показалась ей невыносимо-скучною. Размеченія и удовольствія, приемы гостей, выѣзды на балы и къ знакомымъ сдѣлались для нея теперь необходимою. Она какъ будто переродилась, и, по прїѣздѣ въ Петербургъ, Литта нашелъ ее совсѣмъ уже не той, какою зналъ ее въ Неаполѣ.

— Вы, графъ, такъ и остались монахомъ? спросила Славронская Литту при первой съ нимъ встрѣчѣ, когда онъ прїѣхалъ къ ней съ визитомъ. Несмотря на сдержанность вдовушки, было однако замѣтно, что она очень обрадовалась неожиданному свиданію съ прежнимъ знакомцемъ.

— Вы не ошибаетесь, отвѣчалъ бальи.—Но вы, графиня, кажется—уже не та затворница, какою были прежде?

— Дѣ, я измѣнилась и нахожу, что очень хорошо сдѣлала. Прежде я умирала отъ тоски, а теперь убѣдилась, что жизнь не такъ печальна, какъ она представлялась мнѣ въ былое время... А вы прїѣхали къ намъ въ Петербургъ надолго? спросила она не безъ волненія ожидая отвѣта на этотъ вопросъ.

— Срокъ моего пребыванія въ Петербургѣ будетъ зависеть отъ хода дѣлъ или, вѣрнѣе сказать, отъ воли императора... Вы были, графиня, настоящей пророчицею: помните, какъ въ послѣднее наше свиданіе вы вдругъ высказали мысль, чтобы нашъ орденъ обратился къ покровительству Россіи. Признаюсь, я съ изумленіемъ услышалъ такое предложеніе; оно тогда казалось мнѣ несбыточнымъ, невѣроятнымъ, а между тѣмъ обстоятель-

ства сложились такъ, что самъ же я въ орденскомъ капитулѣ указалъ на Россію, какъ на единственную нашу заступницу. Извините, что я похитилъ у васъ эту мысль. Не даромъ же у всѣхъ народовъ женщины считаются одаренными духомъ пророчанія. Если нашъ славный рыцарскій орденъ получить отъ Россіи поддержку—которая несомнѣнно предотвратитъ удары, грозящіе ему со стороны Франціи—то этимъ онъ будетъ обязанъ собственно вамъ. Не напрасно, значить, рыцарство питало безграничное уваженіе къ женщинамъ: теперь одной изъ нихъ, быть можетъ, придется спасти отъ гибели самый знаменитый рыцарскій орденъ, съ воодушевленіемъ проговорилъ Литта.

— Вы—все такой же горячій приверженецъ вашего ордена, какъ были и прежде. Надобно полагать, что любовь не затронула еще вашего сердца и что данный вами обѣтъ безбрачія нисколько не таготитъ васъ... А знаете, графъ, что я всякій разъ смѣюсь отъ души, когда вспомню объ этомъ странномъ обѣтѣ... Какой же вы—монахъ?.. И она засмѣялась веселымъ и звонкимъ смѣхомъ.

— Я слишкомъ свято чту мои рыцарскіе обѣты, чтобы когда-нибудь отречься отъ нихъ. Я убѣжденъ, что никакія блага міра не заставятъ меня сойти съ того пути, по которому я пошелъ съ твердою вѣрою въ помощь Бога и въ покровительство его великаго угодника святаго Іоанна Крестителя, проговорилъ съ суровымъ благоговѣніемъ Литта.

— Васъ, я полагаю, никто и не думаетъ совращать съ избраннаго вами пути... Идите, идите по немъ! спокойно-шутливо перебила Славронская.

— Всю мою жизнь, всѣ мои силы, всѣ мои труды я отдавалъ и буду отдавать на пользу нашего рыцарскаго братства... Я былъ бы измѣнникомъ, я былъ бы недостойнъ моего сана, еслибы хоть сколько-нибудь поколебался исполнить мою священную обязанность.

Литта произносилъ эти слова съ постепенно-усиливавшимся жаромъ, между тѣмъ какъ молодая женщина закусывала розовыя губки, стараясь удержаться отъ смѣха.

— Вы сказали, что женщины одарены духомъ пророчества, такъ я же напророчу вамъ: вы когда-нибудь влюбитесь и женитесь...

— Этого никогда не можетъ быть! твердымъ голосомъ возразилъ Литта.—Святость моихъ рыцарскихъ обѣтовъ не допустить меня до этого. Я никогда не забуду присяги, которую я принесть во имя всемогущаго Бога!.. Притомъ я уже прожилъ

годы кипучей юности, выдержалъ не мало искушеній и еще болѣе убѣдился, что женщины...

— Ахъ, встати. Помните ли вы, какъ въ послѣдній вечеръ, проведенный вами со мною въ Неаполѣ, вы начали говорить объ этомъ предметѣ... перебила Скавронская, смотря пытливо на своего собесѣдника.

— Я былъ бы самымъ неблагодарнымъ человѣкомъ въ мірѣ, еслибы забылъ хоть одну минуту, которую провелъ съ вами, сказалъ Литта, и въ голосъ его зазвучала та приторная сентиментальность, какою отличались любезники прошлаго вѣка.

— Стыдно, стыдно монаху говорить такіа нѣжности! замѣтила съ веселомъ строгостію Скавронская, наставительно покачивая своею напудренною головою. — Доскажите теперь просто, что вы тогда хотѣли сказать.

— Я хотѣлъ сказать, заминаясь началъ Литта, что женщины любятъ властвовать надъ мужчинами и что я никогда не хотѣлъ бы быть рабомъ одной изъ нихъ...

— Вотъ какъ!.. по вашему, значить, нужно, чтобы вы, мужчины, властвовали надъ нами? Нѣтъ, господа, прошли тѣ счастливыя для васъ времена, когда вы могли считать себя нашими владыками...

— Я не желаю властвовать надъ женщиною, а потому предпочелъ не ставить ея въ зависимость отъ меня, да и самому не быть въ зависимости отъ нея....

— Это очень похвально, но извините меня за мою откровенность, если я скажу вамъ, синьоръ Джуліо, что вы нескрени...

Хотя слова эти были сказаны съ чрезвычайною мягкостью, но балы замѣтно смутился.

— Какъ рыцарь, продолжала Скавронская:—вы, безъ сомнѣнія, и прямодушны, и откровенны; какъ монахъ, вы, конечно, смиренны, а пожалуй, даже и лицемѣрны; а какъ дипломатъ, пріѣхавшій съ затаенными цѣлями, вы уже навѣрно скрыты и коварны. Вы представляете изъ себя такого ненавистника женщинъ, а между тѣмъ...

— Что вы хотите сказать?.. перебилъ какъ бы встревоженный Литта.

— Я хочу сказать, что помощь женщинъ будетъ вамъ нужна для успѣшнаго окончанія того дѣла, по которому вы сюда пріѣхали...

— Станный, хотя, сказать по правдѣ, и не новый путь! — насмѣшливо замѣтилъ Литта, пожавъ плечами. — Неужели же у васъ въ Россіи женщины имѣютъ такое вліаніе на политическія дѣла, что нужно замскивать ихъ посредничества?..

— Доставьте имъ случай хоть чѣмъ-нибудь отблагодарить рыцарство за то уваженіе, какое оно постоянно и всюду оказывало имъ, улыбаясь, сказала Скавронская.

— Но императоръ, какъ слышно, настолько суровъ, настолько недоступенъ, что едва ли участіе женщины можетъ имѣть вліяніе въ томъ важномъ дѣлѣ, по которому я сюда пріѣхала. Притомъ, для знаменитаго рыцарскаго ордена, который въ теченіе семи вѣковъ поддерживалъ свое существованіе геройскими подвигами...

— Такой способъ поддержки будетъ неумѣстенъ, неприличенъ... Вы, вѣроятно, это хотите сказать? спросила Скавронская.

Литта слегка и печально кивнула головою въ знакъ согласія.

— Въ такомъ случаѣ, откажитесь отъ исполненія той задачи, для которой вы сюда пріѣхали. Съ мужчинами, окружающими императора, дѣло вести слишкомъ трудно. Ростопчина, который вамъ будетъ нуженъ едва ли не прежде всѣхъ, вы съ трудомъ увидите; до него нѣтъ доступа иностраннымъ посланникамъ, да притомъ Ростопчинъ не слишкомъ много разговорится съ вами: онъ любитъ отмалчиваться изъ боязни, чтобъ не сказать, что-нибудь не кстати... Кутайсовъ не приметъ участія въ дѣлахъ вашего ордена: онъ въ подобныя дѣла не вмѣшивается, они не по его части. Князь Куракинъ?—но онъ слишкомъ любитъ Францію и не станетъ побуждать государя къ раздору съ нею. Затѣмъ, всѣ другія, приближенныя къ императору лица соприсасаются только или съ военными дѣлами, или съ дѣлами по внутреннему управленію государства и не позволяютъ себѣ мѣшаться во внѣшнюю политику. Да и сказать по правдѣ, едва ли вы найдете въ нашемъ обществѣ такихъ лицъ, которыя стали бы сочувствовать бѣдственному положенію вашего ордена; у насъ рыцарства никогда не существовало, и о значеніи его едва ли кто изъ русскихъ имѣетъ какое-нибудь понятіе. Рыцарствомъ увлекаются развѣ женщины, да и то потому только, что онѣ познакомились съ нимъ изъ французскихъ романовъ...

— Но я буду имѣть возможность объясниться непосредственно съ императоромъ. Онъ чрезвычайно близко принимаетъ къ сердцу настоящее положеніе нашего ордена; и я думаю, что его благосклоннаго вниманія будетъ вполне достаточно для того, чтобы Россія приняла самое дѣятельное участіе въ нашей судьбѣ.

— Это совершенно вѣрно, но дѣло въ томъ, что всѣ предположенія, высказанныя вами государю, будутъ переданы для разсмотрѣнія или для исполненія кому-нибудь изъ лицъ, пользующихся его довѣренностію, а они могутъ дать подготовленному

вами плану такое направленіе, каковаго вы вовсе не ожидаете, и безъ особаго на нихъ вліянія вы ни въ чемъ не успѣете. Положимъ, что государь поручитъ ваше дѣло князю Безбородкѣ, но кто же не знаетъ, что князь бываетъ въ рукахъ той женщины, которая ему нравится? Кутайсовъ находится нынѣ подъ сильнымъ вліяніемъ одной госпожи, графъ Морковъ—тоже. Наконецъ, при дворѣ есть еще нѣкоторыя особы женскаго пола, которыя сами по себѣ имѣютъ силу. Притомъ, я должна предупредить васъ, что, если вы будете вести переговоры прямо съ государемъ, удостоиваться частыхъ его бесѣдъ и если при этомъ его величество будетъ оказывать вамъ вниманіе и довѣріе, то противъ васъ начнутся происки и интриги, и тогда, при измѣняемомъ характерѣ государя, вамъ не удастся довести благополучно до конца ваше дѣло.

— И такъ, по вашему мнѣнію, мнѣ необходимо искать при здѣшнемъ дворѣ поддержки со стороны женщинъ?.. спросилъ, запинаясь, Литта.

— Да; по крайней мѣрѣ, такъ думается.

— Но скажите, которая же изъ нихъ можетъ быть намъ полезна?.. Я спрашиваю объ этомъ только изъ любопытства, послѣдній добавилъ Литта.

— Болѣе всѣхъ госпожа Шевалье, спокойно отвѣчала Славронская.

— Госпожа Шевалье?.. Ктожь она?..

— Актриса здѣшняго французскаго театра, премиленькая особа, находящаяся нынѣ подъ покровительствомъ Кутайсова... Она можетъ сдѣлать многое...

— О, несчастный нашъ орденъ!.. съ отчаяніемъ вскрикнулъ Литта, хватаясь за голову:—неужели намъ суждено дойти до такого позора!..

Онъ хотѣлъ сказать еще что-то, обращаясь къ Славронской, но вошедшій въ это время лакей доложилъ ей о прїѣздѣ графа Ивана Павловича Кутайсова.

VIII.

Прїѣздъ графа Литты въ Петербургъ возбудилъ много толковъ въ высшемъ столичномъ обществѣ. Наружность его, бросающаяся въ глаза мужественною красотой и аристократическою представительностію, его званіе и монаха, и рыцаря и самая цѣль его поѣздки заставляли говорить о немъ въ тогдашнихъ петербург-

скихъ гостинныхъ, гдѣ до тѣхъ поръ о мальтійскихъ рыцаряхъ не было еще и помину и гдѣ мальтійскій орденъ назывался орденомъ святой Мальты или «Ивановскимъ». Даже и до сихъ поръ официальные свѣдѣнія о сношеніяхъ Россіи съ Мальтою представляются крайне сбивчивыми. Извѣстно только, что сношенія эти завелъ впервые Петръ Великій, отправившій съ своею грамотою къ великому магистру Бориса Петровича Шереметева, который первый изъ русскихъ носилъ знаки мальтійскаго ордена. Въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, при дворѣ ея неизвѣстно, впрочемъ, по какому именно поводу, явился весьма скромно посланникъ великаго магистра, маркизъ Сакрамоса, и въ нашихъ архивахъ сохранилось о немъ слѣдующее свѣдѣніе: «ея императорское величество изволила апробовать докладъ канцлера графа Воронцова о выдать маркизу Сакрамосѣ фунта лучшаго ревеня, дабы онъ могъ отвезти сіе въ подарокъ своему грандъ-метру».

Императрица Екатерина II была расположена вообще къ мальтійскому ордену и лично къ его вождю, престарѣлому князю Рогану. Она отправила на Мальту шесть молодыхъ русскихъ для пріобрѣтенія тамъ навыка въ морскомъ дѣлѣ, и, кромѣ того, имѣла политическіе виды на орденъ. Императрица заключила союзъ противъ турокъ съ великимъ магистромъ, но графъ Шуазель, министръ иностранныхъ дѣлъ короля Людовика XV, былъ крайне недоволенъ такимъ сближеніемъ ордена съ Россією и грозилъ Рогану, что, если союзъ этотъ продолжится, то французское правительство отниметъ у ордена всѣ его имѣнія, находящіяся во Франціи. Въ виду этой угрозы, Роганъ вынужденъ былъ отказаться отъ союза съ Россією, но тѣмъ не менѣе между нимъ и императрицею Екатериною сохранились самыя пріязненные отношенія. Вслѣдствіе ихъ, Роганъ переслалъ ей всѣ планы и карты, которые были составлены на Мальтѣ для военной экспедиціи рыцарей на Востокъ, а также сообщилъ ей тѣ секретныя инструкціи, которыя должны были быть даны главному предводителю рыцарей для руководства во время этой экспедиціи. Желая поддерживать постоянныя сношенія съ орденомъ, императрица назначила на Мальту своимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ какого-то итальянскаго маркиза Кабалькабо, но, такъ какъ денежные средства ордена не позволяли ему имѣть при пышномъ дворѣ Екатерины такого представителя, который поддерживалъ бы тамъ блескомъ своей обстановки достоинство ордена, то, послѣ смерти маркиза Кабалькабо, императрица, чтобъ не ставить орденъ въ затруднительное положеніе, не назначала уже

Т. ССХХІІ.—Отд. I. 26

дипломатическаго представителя въ Лавалетту, столицу великихъ магистровъ.

На третій день послѣ своего церемональнаго въѣзда въ Петербургъ, Литта имѣлъ торжественную аудіенцію, на которую онъ и его спутники отправились въ Зимній дворецъ въ парадныхъ придворныхъ экипажахъ, проѣзжая по улицамъ вдоль разставленныхъ по обѣимъ сторонамъ гвардейскихъ полковъ. Такъ какъ, по уставамъ мальтійскаго ордена, владѣтельные государи и члены ихъ семействъ обоюго пола могли вступать, несмотря на вѣроисповѣданіе, въ орденъ безъ принятія рыцарскихъ обѣтовъ, получая такъ называемые «кресты благочестія» (*di devozione*), то Литта везъ съ собою во дворецъ орденскіе знаки для императора, его супруги и ихъ дѣтей.

Облеченный въ порфиру, съ короною на головѣ, государь прінялъ Литту, согласно тогдашнему церемонаіалу, установленному для торжественныхъ аудіенцій, даваемыхъ иностраннымъ посламъ. На ступеняхъ трона стояли представители высшаго православнаго духовенства, въ числѣ которыхъ былъ митрополитъ Гавріилъ и архіепископъ Евгенийъ Булгарисъ. Литту сопровождали секретарь посольства и три кавалера, которые несли на подушкахъ изъ золотой парчи часть десницы Іоанна Крестителя — мощи, хранившіяся въ Лавалеттѣ, знаки мальтійскаго ордена и кольчугу, приготовленную на Мальтѣ для императора. Вступивъ въ залу и сдѣлавъ императору три глубокіе поклона, Литта, послѣ представленія вѣрительной грамоты, произнесъ предъ императоромъ на французскомъ языкѣ привѣтственную рѣчь, въ которой благодарилъ его величество за оказанное имъ расположеніе къ мальтійскому рыцарству и просилъ Павла Петровича объявить себя покровителемъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. По повелѣнію государя, графъ Ростопчинъ отвѣчалъ на эту рѣчь въ сочувственныхъ, но слишкомъ общихъ выраженіяхъ, заявляя, что его величество готовъ постоянно оказывать свое высокое покровительство знаменитому ордену.

Послѣ этихъ рѣчей, Литта возложилъ на императора подвешенную его величеству отъ имени мальтійскихъ рыцарей кольчугу, а императоръ, взявъ самъ съ подушки древній крестъ великаго магистра Лавалетта съ изображеніемъ на немъ лица палермской богородицы, надѣлъ на шею этотъ крестъ, прикременный къ старинной золотой цѣпи. Въ такомъ уборѣ, съ накинутаю поверхъ императорскою порфирію, Павелъ Петровичъ пришилъ на лѣвое плечо императрицѣ, преклонившей передъ нимъ колѣно, бантъ изъ черной ленты съ бѣлымъ финифтаннымъ крестомъ. По окончаніи этой церемоніи, исполненной государемъ

съ выраженіемъ глубокаго благоговѣнія, подошелъ къ трону, безъ шпаги, наслѣдникъ престола великій князь Александръ Павловичъ и преклонилъ колѣно передъ императоромъ. Государь снялъ съ себя корону и, спустивъ съ плечъ порфиру, надѣлъ подданную ему трехугельную шляпу и, обнаживъ свою шпагу, сдѣлалъ ея плашмя три рыцарскіе удара по лѣвому плечу великаго князя, послѣ чего, вручивъ ему его шпагу, возложилъ ему на шею знаки большаго креста и за тѣмъ трижды облобызавъ, какъ новаго брата по ордену.

По окончаніи этой аудіенціи, Литта былъ введенъ въ залу, гдѣ находились великій князь Константинъ Павловичъ и великія княжны, которымъ онъ поднесъ на золотой глазетовой подушкѣ орденскіе кресты. Въ теченіе всего этого дня Павелъ Петровичъ былъ въ отличномъ расположеніи духа и объявилъ, что, независимо отъ великаго пріорства, существовавшаго уже въ областяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, онъ намѣренъ учредить еще особое русское великое пріорство.

Такимъ образомъ, Литтѣ удалось сдѣлать въ Петербургѣ первый успѣшный шагъ въ пользу ордена. Извѣстіе о приѣмѣ, оказанномъ ему со стороны русскаго государя, произвело на Мальтѣ неописанный восторгъ, а европейскія газеты заговорили о выраженномъ Павломъ Петровичемъ сочувствіи къ мальтійскому ордену, какъ о важномъ признакѣ въ направленіи русской политики. Люди проницательные предвидѣли, что, при пыломъ характерѣ императора, способнаго увлекаться до послѣднихъ крайностей, сочувствіе его къ ордену не ограничится однимъ только номинальнымъ покровительствомъ, но что, пожалуй, онъ будетъ готовъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать мальтійскій орденъ отъ опасностей, грозившихъ ордену со стороны республиканской Франціи. Между тѣмъ, въ Петербургѣ въ пользу Литты начала составляться большая партія изъ французскихъ эмигрантовъ и русскихъ дамъ, и среди этихъ послѣднихъ самую дѣятельную пособницу Литты была, конечно, графиня Скваронская.

Для переговоровъ съ Литтой о заключеніи конвенціи между великимъ магистромъ и Россіею были назначены государемъ канцлеръ князь Безбородко и вице-канцлеръ князь Александръ Борисовичъ Курakinъ. Поводомъ же къ этой конвенціи послужили слѣдующія обстоятельства.

Въ 1609 году одинъ изъ богатѣйшихъ польскихъ магнатовъ на Волыни, князь Янушъ Острожскій — Рюриковичъ по происхожденію—постановилъ, чтобы часть его имѣній, подъ именемъ «острожской ординаціи», переходила безраздѣльно къ старшему

въ родѣ князей Острожскихъ съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ пресѣченія этой фамилии, упомянутая ординація перешла во владѣніе мальтійскаго ордена. Впослѣдствіи, ординація, по женскому волю, перешла къ Сангушкамъ - Любартовичамъ, и послѣдній изъ владѣтелей ординаціи, Янушъ Сангушко, большой руки купецъ, не обращая никакого вниманія на завѣщаніе своего предка, и дарилъ, и продавалъ, и закладывалъ имѣнія, входившія въ составъ острожской ординаціи, такъ что, по смерти его, въ 1753 году, мальтійскимъ рыцарямъ не досталось ровно ничего изъ завѣщаннаго имъ княземъ Янушемъ Острожскимъ. Тщетно по поводу этого представителя мальтійскаго ордена приносили жалобы и королю, и сейму—ихъ никто не хотѣлъ слушать. Наконецъ, въ 1775 году, сеймъ постановилъ отпускать въ пользу мальтійскаго ордена ежегодно 120,000 злотыхъ изъ государственныхъ доходовъ, между тѣмъ какъ имѣнія, отобранныя въ казну отъ тѣхъ, кому продалъ и раздарилъ ихъ Сангушко, давали въ годъ дохода 300,000 злотыхъ. Но, при происходившихъ въ Рѣчи Посполитой смутахъ и эта назначенная ордену сумма выплачивалась крайне неисправно. Съ переходомъ, въ 1793 году, подъ власть Россіи Волыни, гдѣ находились имѣнія острожской ординаціи, вопросъ объ удовлетвореніи претензіи ордена былъ поставленъ въ зависимость отъ русскаго правительства, принявшаго на себя уплату извѣстной части долговъ Рѣчи Посполитой. Екатерина II не успѣла покончить это дѣло, а Павелъ Петровичъ пожелалъ рѣшить его въ пользу мальтійскаго ордена, заключивъ съ великимъ магистромъ особую конвенцію.

«Его императорское величество, сказано было въ началѣ конвенціи—съ одной стороны, соизволя изъяснить знаменитому мальтійскому ордену свое благоволеніе, вниманіе и уваженіе и тѣмъ обезпечить и распространить въ областяхъ своихъ заведеніе сего ордена, существующее уже въ Польшѣ и особливо въ присоединенныхъ нынѣ къ Россійской державѣ областяхъ польскихъ. и желая также доставить собственнымъ своимъ подданнымъ, кои могутъ быть приняты въ знаменитый мальтійскій орденъ, всѣ выгоды и почести изъ сего проистекающія; съ другой стороны, державный мальтійскій орденъ и «Его преимущество» гроссмейстеръ, зная всю цѣну благоволенія его императорскаго величества къ нимъ, важность и пользу такого заведенія въ Россійской имперіи и желая, съ своей стороны, соответствовать мукрнымъ и благотворительнымъ распоряженіямъ его императорскаго величества всѣми средствами и податливостью, совмѣстными съ установленіями и законами ордена, съ общаго согласія между

высокодоговаривающимися сторонами условились объ установле-
ніи сего ордена въ Россіи».

На первый разъ великое пріорство ордена учреждалось только для лицъ римско-католическаго исповѣданія и имъ дозволено было учреждать родовыя командорства, «по кони бы все римско-католическое дворянство російской имперіи, даже тѣ, кои по своимъ обстоятельствамъ не могутъ прямо вступить въ обязанности статутонъ, участвовали бы въ отличіяхъ, почестяхъ и преимуществяхъ, присвоенныхъ сему знаменитому ордену».

Въ замѣнъ доходовъ, слѣдовавшихъ ордену съ острожской ординаціи, условлено было отпускать изъ государственнаго казначейства 300,000 злотыхъ, считая злотъ не по 15, а по 25 копеекъ. Въ Россіи должно быть устроено великое пріорство и десять командорствъ, съ присвоенными имъ ежегодными денежными доходами. Высшее наблюденіе за новымъ великимъ пріорствомъ было предоставлено гротмейстеру мальтійскаго ордена и его полномочному министру, находящемуся при петербургскомъ дворѣ, а всѣ важныя вопросы, относящіяся къ русскому пріорству, должны были быть разрѣшаемы на Мальтѣ или гротмейстеромъ, или орденскимъ капитуломъ. Императоръ, въ ограниченіе правъ ордена, потребовалъ только одного, а именно—чтобы санъ великаго пріора, равно какъ и командорства, отъ него зависящія, не должны были жалованы ни подъ какимъ видомъ кому либо иному, кромѣ подданныхъ его величества.

Въ концѣ этой конвенціи, столь выгодной для ордена, сказано было, что «его величество и его преимущество убѣждены въ важности и пользѣ миссіи мальтійскаго ордена, долженствующей имѣть постоянное пребываніе въ Россіи для облегченія и сохраненія непосредственныхъ сношеній между обоюдными ихъ областями и для тщательнаго наблюденія всѣхъ подробностей сего новаго заведенія». Представителемъ этой миссіи, къ радости влюбленной Славронской, былъ назначенъ графъ Литта, страсть котораго къ красавицѣ-вдовицѣ возбуждала уже толки въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Всѣ находили, что эта пара могла бы быть прекрасной супружеской четой, а между тѣмъ извѣстно было, что бракъ ихъ не могъ состояться, вслѣдствіе рыцарскаго обѣта, даннаго графомъ Литтою, и отъ котораго, какъ казалось, онъ не рѣшится отступить, дѣйствуя съ такимъ усердіемъ въ пользу ордена.

IX.

— Я желалъ побесѣдовать съ вами, господинъ балли, о дѣлахъ ордена одинъ на одинъ и, притомъ, съ полною откровенностію съ обѣихъ сторонъ, сказалъ по-французски императоръ графу Литтѣ, вошедшему въ его кабинетъ послѣ обычнаго доклада. — Что сообщите вы мнѣ, какъ лицо уполномоченное отъ ордена?.. добавилъ государь, запирая на ключъ двери кабинета.

— Я долженъ почтительнѣйше доложить вашему императорскому величеству, что положеніе дѣлъ нашего ордена чрезвычайно печально и что помощь, которую окажете державному ордену вы, государь, составляетъ единственную надежду мальтійскихъ рыцарей, отвѣчалъ съ глубокимъ поклономъ Литта.

— Прошу васъ садиться, проговорилъ привѣтливо Павелъ и вмѣстѣ съ тѣмъ повелительнымъ движеніемъ руки указалъ Литтѣ на стулъ, поставленный у столика, за которымъ государь обыкновенно принималъ доклады своихъ министровъ. — Я довольно хорошо знаю исторію вашего ордена и вполне сочувствую его высокимъ дѣламъ. Надѣюсь, что я отчасти уже доказалъ это, говорилъ императоръ, садясь у столика напротивъ Литты.

— Въ такомъ благородномъ сердцѣ, какъ ваше, государь, учрежденіе это не можетъ вызывать къ себѣ иного чувства, кромѣ состраданія. Въ теченіи семи вѣковъ боевой славы, нашъ орденъ былъ оплотомъ христіанства противъ завоевательныхъ стремленій невѣрныхъ, но теперь, когда другіе враги христіанства, изъ среды его же самого, распатали и подорвали всѣ его основы, нашему ордену страшны не поклонники Магомета, склоненные окончательно силою русскаго оружія, но бывшіе поклонники Христа. Все, что зиждется на началахъ христіанскаго ученія, нынѣ разрушается; все, что носитъ на себѣ печать священно-старинны, подвергается позору и уничтоженію...

— Это правда, насупившись замѣтилъ императоръ: — и я, съ моей стороны, готовъ употребить всѣ средства, чтобы положить предѣлъ этимъ пагубнымъ потрясеніямъ. Когда я былъ еще наследникомъ престола, то въ запискѣ, поданной мною покойной государынѣ, моей матери, высказывалъ мысль, что Россія слѣдуетъ отказаться отъ наступательныхъ войнъ и устроить только оборонительную военную силу. Теперь же, къ прискорбію моему, я вижу, что мысль эта была ошибочная мечта и что Россія необходимо выходить на бой съ оружіемъ въ рукахъ противъ враговъ общественнаго порядка, не только не дожидаясь ихъ

нападенія, но даже и безъ прямого вызова съ ихъ стороны, и для уничтоженія гибельныхъ революціонныхъ стремленій, воспользуясь тою властію, которую даровалъ мнѣ Господь, и всѣми тѣми средствами, которыми располагаю, какъ самодержавный русскій императоръ! проговорилъ съ замѣтнымъ воодушевленіемъ Павелъ Петровичъ.

— Благоволите, государь, употребить хоть нѣкоторую долю вашихъ необъятныхъ средствъ на защиту нашего ордена. Вы принесете этимъ огромную пользу и христіанству, и монархіи...

— Что касается христіанства, это—такъ, что же касается монархіи, то позвольте, достопочтенный господинъ балли, замѣтить вамъ, что въ этомъ отношеніи вы нѣсколько ошибаетесь: у васъ верховная власть находится не въ рукахъ наследственнаго государя, но лица, избраннаго самими вами; поэтому вы—скорѣе республиканцы, нежели монархисты, шутливо замѣтилъ императоръ.—Правда, впрочемъ, и то, что ваша республика—совершенно противоположность французской; надъ вашимъ орденомъ почтеть благословеніе Божіе, и да продлится оно нескончаемо во вѣки-вѣковъ, добавилъ онъ съ чувствомъ

— Аминь! торжественно провзнесъ Литта.

Государь одобрительно взглянулъ на него.

— Мы, продолжалъ балли:—собственно члены монашеской общины, и потому наследственность верховной власти у насъ невозможна. Время, однако, заставляетъ насъ дѣлать уступки въ отношеніи прежнихъ порядковъ, и, вѣроятно, орденъ, отступивъ еще болѣе отъ своего монашескаго устройства, охотно признаетъ надъ собою наследственную власть одной изъ христіанскихъ династій, царствующихъ въ Европѣ.

— А, это—совсѣмъ другое дѣло, съ выраженіемъ удовольствія перебилъ Павелъ Петровичъ. Онъ быстро приподнялся съ кресла. Литта поспѣшилъ встать со стула, но государь, съ ласковымъ взглядомъ положивъ руку на его плечо, удержалъ его на стулѣ и, смотря прямо ему въ глаза, сказалъ твердымъ голосомъ:

— При такомъ условіи, орденъ непременно найдетъ поддержку въ европейскихъ государяхъ.

Проговоривъ это, Павелъ опустился въ кресло и, подпиравъ лобъ рукою, упертою на столъ, глубоко призадумался.

— Но, ваше величество, заговорилъ Литта:—въ настоящее время всѣ европейскіе государи настолько слабы, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ оказать ордену дѣйствительной поддержки. Итъ всѣмъ, не исключая даже и самаго могущественнаго изъ

нихъ, римско-нѣмецкаго императора, французская революція угрожаетъ такими опасностями, что имъ приходится думать лишь о сохраненіи ихъ собственныхъ священныхъ правъ. Только вы, государь, можете защитить насъ, громко и трогательно произнесите Литта.

Съ этими словами, онъ вскочилъ со стула и, падая передъ императоромъ на колѣни, какъ погибающій, простирая къ нему руки. Павелъ былъ смущенъ и взволнованъ. Онъ показалъ бѣлыми глазами, чтобы онъ всталъ, а самъ, отдуваясь, заходилъ быстрыми шагами по кабинету. Литта, склонивъ голову, стоялъ молча, выжидая, что скажетъ ему императоръ.

— Я объявилъ себя протекторомъ ордена, но затрудняюсь принять орденъ подъ непосредственную мою власть, началъ онъ, продолжая ходить по комнатѣ и какъ будто разсуждая самъ съ собою.— Враги мои заговариваютъ, что я сдѣлалъ это съ цѣлью новыхъ территоріальныхъ приобрѣтеній, пользуясь тѣми смутами, которыя волнуютъ теперь Европу, а это было бы съ моей стороны нечестно; да, нечестно. Такъ или нѣтъ? спросилъ онъ, остановившись вдругъ передъ Литтою.

— Государь! отвѣчалъ почтительно Литта:— держава ваша такъ обширна, что присоединеніе къ ней такого ничтожнаго острова, какъ Мальта—этой голой скалы, воздѣланной вѣковыми усилиями тамошнихъ жителей, не можетъ породить никакихъ толковъ, неблагоприятныхъ для извѣстнаго всему міру прямодушія вашего величества.

— Тѣмъ болѣе я долженъ быть остороженъ и поддерживать добрую о себѣ славу, замѣтилъ съ довольнымъ видомъ императоръ.— Враги мои могутъ говорить обо мнѣ что имъ угодно, но никто изъ нихъ не рѣшится сказать, чтобы я поступалъ когда-нибудь коварно и вѣроломно. И во внутренней, и во виѣшней политикѣ я веду дѣла съ полною откровенностію—на чистоту... Вы, итальянцы—ученики Макіавелли, а я—русскій царь, врагъ всякаго лицемерія и двоедушія, какъ у себя дома, такъ и въ моихъ сношеніяхъ съ иностранными кабинетами. Я объявилъ себя покровителемъ мальтійскаго ордена; этимъ я сдѣлалъ первый шагъ и пока не вижу надобности дѣлать второй, т. е. принять подъ свою верховную власть ваше рыцарство. Если бы, при настоящемъ положеніи дѣлъ, я вынужденъ былъ защитить Мальту вооруженною рукою отъ нападенія республиканцевъ и если бы пришлось мнѣ такимъ способомъ приобрести этотъ островъ, то я прямо говорю вамъ, что, по праву завоевателя, я не затруднился бы присоединить его къ моимъ владѣніямъ...

— И это принесло бы существенную пользу Россіи, постлѣ-

шилъ добавить Литта.—Ей нужно имѣть свой собственный пунктъ на Средиземномъ Морѣ, а Мальта представляетъ для этого всё удобства: она лежитъ на полпути между Европою и Африкою, съ которой Россія до сихъ поръ не имѣетъ еще никакихъ сношеній. Владѣя же Мальтой, ваше величество имѣли бы въ Средиземномъ Морѣ превосходную точку опоры, какъ въ стратегическомъ, такъ и въ торговомъ отношеніи...

— Соображенія ваши, господинъ балли, вполне вѣрны, отрывисто промолвилъ императоръ.—А какія другія выгоды представлялись бы для Россіи, если бы я принялъ вашу орденъ подь непосредственную мою власть?..

— Ваше величество стали бы во главѣ древнѣйшаго дворянства всей Европы—этого самаго надежнаго оплота каждой монархіи—оплота, истребляемаго теперь съ такимъ ожесточеніемъ французскими революціонерами. Вамъ, государь, конечно, извѣстно, что въ составъ нашего ордена входятъ цѣль европейскаго дворянства, что для поступленія въ число рыцарей по праву происхожденія, въ число такъ называемыхъ «*cavalieri di giustizia*», нужно доказать древность рода...

— Я помогаю, однако, порывисто замѣтилъ императоръ:—что, если бы главою вашего ордена былъ самодержавный государь, то всякія ограничительныя для него условія, по принятію въ орденъ, были бы неумѣстны.

— Статуты наши въ этомъ отношеніи не представляютъ особнхъ затрудненій: они дозволяютъ великому магистру принимать, по собственному его усмотрѣнію, и тѣхъ, кто не удовлетворяетъ генеалогическимъ требованіямъ. Если такое лицо оказало особныя заслуги, то оно можетъ быть принято въ разрядъ такъ называемыхъ «*cavalieri di grazia*». Полагаю, ваше величество, не безъ нѣкоторой надменности продолжалъ Литта:—что такое право весьма достаточно для монарха, который хотя и можетъ каждаго изъ своихъ подданныхъ сдѣлать дворяниномъ, барономъ, графомъ, княземъ, герцогомъ, но не можетъ сдѣлать древнимъ дворяниномъ, потому что не въ силахъ дать благородныхъ предковъ тому, у кого ихъ нѣтъ. Это выше власти государя...

Гнѣвный огонь вспыхнулъ въ сѣрыхъ глазахъ императора, и видно было, что кровь бросилась ему въ лицо.

— Было бы вамъ извѣстно, господинъ балли, заговорилъ грознымъ голосомъ Павелъ:—что я не люблю вступать съ кѣмъ бы то ни было въ разговоры о нѣкоторыхъ предметахъ, и при этихъ словахъ онъ сдѣлалъ движеніе рукою, какъ будто устраняя что-то отъ себя.—Я имѣю привычку требовать, чтобы въ иныхъ случаяхъ только выслушивали мое мнѣніе. Выслушайте

и вы его: я цѣню только личныя заслуги и не обращаю никакого вниманія на знатность и древность рода. Я кончилъ; теперь вы можете говорить...

— Принимаю смѣлость замѣтить вашему величеству, что орденъ нашъ, и при тѣхъ условіяхъ, о которыхъ я упоминалъ передъ вами, совершенно разнится по своему устройству отъ феодальнаго дворянства. Онъ—военно-монашеское учрежденіе, а ваше величество, конечно, изволите знать, что первая обязанность и война, и монаха—повиновеніе. Мы обязаны во всемъ повиноваться великому магистру, и статуты наши гласятъ, что послушаніе старшимъ выше жертвы Богу. Если бы нашъ орденъ отказался блюсти это, то онъ не могъ бы вовсе существовать. Благоволите, государь, принять во вниманіе еще и то, что рыцари ордена отличались постоянно покорностію передъ избираемыми ими же самими великими магистрами, и несомнѣнно, что такая покорность дошла бы у нихъ до безграничнаго повиновенія, если бы они въ лицѣ своего вождя увидѣли помазанника Божія. Древность же дворянскаго происхожденія нисколько не помѣшаетъ имъ быть самыми послушными, самыми вѣрными и самыми преданными слугами того, кому они, при благости Божіей, вручатъ верховную надъ собою власть...

Императоръ, закусивъ нижнюю губу, внимательно прислушивался къ словамъ Литты, и его прежде суровое лицо принимало постепенно выраженіе снисходительности.

— Замѣчанія ваши, господниъ бальи, совершенно вѣрны, сказалъ онъ.—Но не удивится ли вся Европа, когда она увидитъ, что я, иновѣрный государь, глава церкви, которую вы, католики, признаете схизмою, становлюсь верховнымъ повелителемъ ордена, обязаннаго прежде всего повиновеніемъ главѣ католической церкви—святѣйшему папѣ римскому?..

— Не тому, государь, удивится Европа, съ воодушевленіемъ возразилъ Литта:—тому, что рыцари-католики избрали своимъ вождемъ иновѣрнаго монарха!.. Не будетъ ли такое избраніе свидѣтельствовать передъ цѣлымъ свѣтомъ о томъ могуществѣ, какое находится въ рукахъ этого государя, а также и о томъ безпримѣрномъ великодушіи, какое онъ оказалъ всему христіанству, забывъ несчастный раздоръ между церквами восточной и западной. Ваше величество явили бы собою небывалый еще пригѣръ того, какъ должны поступать христіанскіе монархи въ ту пору, когда безвѣріе грозитъ поколебать не ту или другую церковь въ отдѣльности, но вообще все евангельское ученіе. Ваше величество стали бы первымъ поборникомъ всего христіанскаго міра...

— Я поговорю объ этомъ съ вашимъ братомъ; онъ, какъ нунцій его святѣйшества при моемъ дворѣ, разъяснить мнѣ нѣкоторыя частности по такому слишкомъ щекотливому вопросу... Но вотъ еще что: какой исключительный титулъ носить вашъ великій магистръ—*altesse éminentissime*? мнѣ извѣстно значеніе этого титула, и я думаю, что, если бы, положимъ я, возложилъ на себя званіе великаго магистра державнаго ордена Іоанна Іерусалимскаго...

Литта съ изумленіемъ и радостію косматрѣлъ на государя, отъ котораго не скрылось чувство, овладѣвшее балъи.

— Не принимайте монхъ словъ даже за самое отдаленное предположеніе, поспѣшилиъ добавить императоръ:—я обращаюсь къ вамъ просто съ вопросомъ: если бы я принялъ званіе великаго магистра, то не слѣдовало ли бы мнѣ присвоить титулъ «*Majesté impériale éminentissime*» «преимущественнѣйшаго, преосвященнѣйшаго императорскаго величества?» какъ бы про себя добавилъ Павелъ.

— Это было бы вполне основательно, государь, но орденъ нашъ не смѣетъ льстить себя такою несбыточною надеждою... О, какъ высоко поднялось бы значеніе рыцарства, если бы теперь вождемъ его явился монархъ, подобный вашему величеству, къ стопамъ котораго орденъ положилъ бы всю свою былую славу въ полной увѣренности, что она воскреснетъ и засяетъ снова!—торжественно произнесъ Литта. Онъ замолчалъ и поникъ головою.

— Скажите мнѣ, господинъ балъи, заговорилъ императоръ, какъ будто припоминая что-то:—вѣдь и женщины вообще, не говоря о принадлежащихъ къ царствующимъ домамъ, могутъ входить въ составъ вашего ордена? Мнѣ помнится, что я читалъ это у аббата Верто...

— Такъ точно, ваше величество. Орденъ святаго Іоанна Іерусалимскаго, учрежденный первоначально съ благотворительною лишь цѣлію, открылъ въ свою среду доступъ и женщинамъ. Только впоследствии, когда іоанниты обратились въ рыцарскую общину, обычай принимать въ орденъ женщинъ нѣсколько ослабѣлъ, а затѣмъ со временемъ и вовсе уничтожился; но статуты ордена нисколько не препятствуютъ ихъ вступленію въ нашу среду.

— Это необходимо было бы возобновить, съ живостью замѣтилъ императоръ.—Вы, конечно, знаете, что женщины—могущественная сила въ обществѣ, и очень часто онѣ въ состояніи сдѣлать то, чего мы, мужчины, не можемъ, не хотимъ или не умѣемъ сдѣлать... А кстати, вы уже давно знакомы съ графиней Скавронской?

— Я имѣлъ честь познакомиться съ графиней еще въ ту пору, когда покойный мужъ ея былъ посланникомъ въ Неаполь. По прїѣздѣ въ С.-Петербургъ, я, разумѣется, возобновилъ это знакомство...

— Гмъ... проговорилъ протяжно императоръ.— Благодарю васъ, господинъ балъ, за вашу бесѣду; а вскорѣ опять увижусь съ вами, а между тѣмъ прикажу князю Куракину переговорить съ вами о дѣлахъ ордена. Я думаю, впрочемъ, что послѣ того, какъ я разослалъ ко всѣмъ европейскимъ дворамъ извѣщеніе о принятіи ордена подъ мое покровительство, никто не посмѣетъ посягнуть на его права и независимость...

Сказавъ это, Павелъ Петровичъ слегка поклонился Ляттѣ въ знакъ того, что аудіенція кончилась, и подалъ ему руку, которую балъ поцѣловалъ, преклонивъ колѣно передъ императоромъ.

Х.

Среди дамъ, украшавшихъ собою въ исходѣ прошедшаго столѣтія, придворные балы, въ Петербургѣ, была и императрица Марія Ѳедоровна. Хотя во времени воцаренія ея супруга первая молодость государыни уже миновала, но тѣмъ не менѣе ея величественный и стройный станъ, кроткій, какъ будто успокоивающій взглядъ, а также нѣжныя и привлекательныя черты лица и въ эту пору жизни дѣлали ее замѣтною красавицею. Въ добавокъ къ этому, она своею обходительностію съ гостями оживляла балы, даваемые императоромъ Павломъ, отличавшіеся строгою церемоніальною сдержанностію. Государь, считавшійся прежде однимъ изъ лучшихъ танцоровъ въ Петербургѣ, пересталъ уже танцовать и только при открытіи бала дѣлалъ нѣсколько торжественныхъ туровъ польскаго съ тѣми дамами, которыхъ онъ хотѣлъ оказать свое особенное вниманіе. Затѣмъ, въ продолженіи всего бала, онъ ходилъ по залѣ въ сопровожденіи дежурнаго флигель-адъютанта, слѣдовавшаго за нимъ въ ногу, шагъ за шагомъ, и ожидавшаго отъ него каждую минуту какого нибудь, иногда весьма суроваго приказанія. Случалось, порою, что императоръ, въ самомъ разгарѣ бала, замѣтивъ какую нибудь несправность въ форменной одеждѣ кавалера или его неучтивость къ дамѣ, или невниманіе къ высшему лицу, отдавалъ флигель-адъютанту приказаніе отправить тотчасъ провинившагося или на гауптвахту, или въ петропавловскую крѣпость. Иной разъ балная зала обращалась на нѣкоторое время въ аудіенц-

залу: дежурный камергеръ, по приказанію государя, вызывалъ на средину залы того изъ присутствующихъ, съ кѣмъ государь желалъ говорить, и вызванный такимъ образомъ вдругъ узнавалъ о какой-нибудь особенной къ нему милости государя или, сверхъ всякаго ожиданія, подвергался строгой опалѣ. Порою, императоръ приказывалъ мужчинамъ-танцорамъ приглашать дамъ и танцевать съ ними вышедшія уже давно изъ моды танцы— гавотъ и менуэты.

Въ первое время своего царствованія, императоръ Павелъ назначалъ придворные балы довольно часто и иногда въ самые короткіе промежутки времени. Случилось однажды такъ, что императрица нѣсколько разъ сряду не являлась на балахъ, и отсутствіе ея объяснялось болѣзнью, хотя и не опасною, но чрезвычайно мучительною: государыня слишкомъ мѣсяць страдала невыносимою зубною болью, и всѣ старанія врачей уничтожить или, по крайней мѣрѣ, хотя ослабить ея страданія были безуспѣшны. Ни днемъ, ни ночью не стихали ея мученія; болѣзнь ея беспокоила и раздражала Павла Петровича. Во время одного изъ тѣхъ страшныхъ припадковъ усиленной боли, которые приходилось переносить ей, одна изъ приближенныхъ къ ней дамъ, графиня Мануцци, подала ей написанное по французски письмо за подписью аббата іезуитскаго ордена, Грубера. Въ письмѣ этомъ аббатъ просилъ у императрицы позволенія представиться ей лично, такъ какъ онъ имѣетъ вѣрное средство, чтобъ избавить ея величество отъ испытываемыхъ ею ужасныхъ страданій.

Письмо аббата показалось государынѣ чрезвычайно страннымъ. Она передала его императору, который любилъ все неожиданное и необыкновенное, а потому іезуитъ, заявившій съ такою увѣренностію о самомъ себѣ, какъ о зубномъ врачѣ, былъ немедленно потребованъ во дворецъ, гдѣ, однако, Павелъ Петровичъ встрѣтилъ его не слишкомъ привѣтливо*.

— Вы беретесь вылечить ея величество?... Не слишкомъ ли много у васъ смѣлости, господинъ аббатъ? сурово спросилъ государь вошедшаго въ его кабинетъ іезуита.

— При помощи Божіей, я надѣюсь прекратить страданія ея величества, отвѣчалъ Груберъ, не смутившись нисколько подъ испытующимъ взглядомъ Павла Петровича. — При этомъ, государь, можетъ, впрочемъ, встрѣтиться одно весьма важное препятствіе, продолжалъ аббатъ:—мнѣ необходимо будетъ остаться на нѣсколько дней при ея величествѣ, чтобъ безпрестанно слѣдить за ходомъ болѣзни и тотчасъ же подавать помощь императрицѣ.

* Вся эта глава исторически вѣрна.

Поэтому я вынужденъ просить у васъ, всемилостивѣйшій государь, разрѣшенія помѣститься на нѣсколько дней въ одной изъ комнатъ, ближайшихъ къ кабинету ея величества.

Такое неожиданное условіе, представленное аббатомъ, чрезвычайно поразило Павла Петровича. Онъ призадумался, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и, остановившись передъ Груберомъ, положилъ руку на его плечо.

— Я согласенъ удовлетворить ваше требованіе, господинъ аббатъ, проговорилъ съ нахмуренными бровями императоръ:— но съ тѣмъ, что и я буду наблюдать за вашимъ леченіемъ.

Иезуитъ почтительно поклонился государю, который приказалъ поставить въ кабинетѣ императрицы, около одного камина, ширмы и тамъ устроить для себя временную опочивальню.

Получивъ просимое разрѣшеніе, Груберъ былъ внѣ себя отъ восторга. Теперь для наблюдательнаго и хитраго иезуита, умѣвшаго все подсмотрѣть, подслушать и вывѣдать, пробывать безвыходно въ покояхъ государыни нѣсколько дней и ночей сразу было такимъ событіемъ, о которомъ ни онъ, да и никто изъ его собратій не смѣлъ даже и подумать. Какой удобный случай представлялся ему для ознакомленія со всѣми мелочными условіями обиходной жизни царственной четы и со всѣми ихъ ежедневными привычками, а также для встрѣчи и знакомства съ лицами, приближенными къ ихъ величествамъ! Восторгъ Грубера умѣрялся, впрочемъ, до кѣвоторой степени при мысли объ исходѣ предпринятаго имъ леченія. Онъ зналъ, что разгнѣванный Павелъ Петровичъ шутить не любитъ и что, поэтому, онъ, Груберъ, въ случаѣ неудачнаго леченія, какъ наглій и дерзкій обманщикъ, чего добраго промѣняетъ въ одинъ мигъ царскіе чертоги на петропавловскій рavelинъ. Груберъ шелъ теперь напропагу, понимая, что, если онъ и можетъ потерпѣть жестокую неудачу, то можетъ также рассчитывать и на успѣхъ своей отчаянной затѣи. Онъ видѣлъ, что для иезуитскихъ возней въ Россіи была теперь самая вождѣлѣнная пора, и считалъ непростительнымъ упустить такіа благоприятныа обстоятельства, а потому, какъ ревностный служитель ордена, готовъ былъ даже пожертвовать собою на пользу Общества Іисуса.

Груберу, показавшему себя однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ распространителей иезуитизма, было въ эту пору подъ шестьдесятъ лѣтъ. Онъ родился въ Вѣнѣ, воспитывался въ тамошней иезуитской коллегіи и, получивъ тамъ тщательное и равностороннее образованіе, вступилъ въ орденъ въ самомъ раннемъ юношескомъ возрастѣ. Груберъ, при его необыкновенныхъ способностяхъ и многихъ талантахъ, при его глубокомъ и тон-

комъ умѣ, при полномъ безсердечіи, а также и при характерѣ, подходившемъ какъ нельзя болѣе къ дѣятельности іезуитовъ, былъ для нихъ чрезвычайно-важнымъ приобрѣтеніемъ. Аббатъ былъ историкъ, механикъ, лингвистъ, гидравликъ, математикъ, химикъ, музыкантъ и живописецъ. Казалось, ни одна отрасль человѣческихъ знаній не ускользнула отъ него; ему далось все и, повидимому, далось не поверхностно, не какъ-нибудь, но вполне основательно. Крѣмъ того, онъ былъ человѣкъ свѣтскій, превосходный проповѣдникъ и ловкій краснорѣчивъ. Онъ превосходно говорилъ: по-нѣмецки, по-французски, по-итальянски, по-англійски, по-польски и по-русски и былъ глубокой знатокъ языковъ греческаго, латинскаго и еврейскаго. На церковной кафедрѣ онъ являлся краснорѣчивымъ проповѣдникомъ, а, бесѣдуя въ гостиницѣ, умѣлъ самый туманный богословскій вопросъ изложить въ легкой, увлекательной формѣ.

По уничтоженіи императоромъ Іосифомъ II въ Австріи ордена іезуитовъ, Груберъ, пользуясь покровительствомъ, оказаннымъ іезуитскому ордену императрицею Екатериною II, перебрался въ въ Бѣлоруссію въ Полоцкѣ и вскорѣ оказался тамъ главнымъ дѣльцомъ въ уцѣлѣвшемъ остаткѣ этого ордена. Полоцкѣ былъ, однако, слишкомъ тѣсенъ для кипучей дѣятельности рынаго іезуита, и завѣтною мечтою Грубера было пробраться въ Петербургъ, чтобы, воспользовавшись тамъ счастливыми обстоятельствами, утвердить вліяніе ордена не только въ русскомъ обществѣ, но и при императорскомъ дворѣ.

Иадавна іезуиты обдумывали этотъ планъ и пытались осуществитъ его подъ благовиднымъ предлогомъ, а именно—подъ предлогомъ сношеній съ петербургскою академіею наукъ. Съ своей стороны, Груберъ тоже ухватился за это и явился въ Петербургъ, какъ будто желая только представить академіи нѣкоторыя изобрѣтенія, сдѣланныя имъ по части механики и гидравлики, и ознакомить академію съ своимъ проектомъ объ осушкѣ болотъ и съ изобрѣтенными имъ водяными воздушными насосами, а также съ ножницами для стрижки тонкаго сукна. По словамъ Грубера, поѣздка его въ Петербургъ, кромѣ этого, не имѣла никакихъ другихъ цѣлей.

Приѣхавъ въ столицу, Груберъ, подъ предлогомъ отыскиванія покровительства своимъ изобрѣтеніямъ и проектамъ, сталъ являться въ дома русскихъ вельможъ и всюду, куда только онъ ни показывался, успѣлъ увлечь каждаго своею бесѣдою. Онъ сталъ появляться и во всѣхъ публичныхъ собраніяхъ, стараясь тамъ обратить на себя вниманіе присутствующихъ. Сторонники іезуитизма, бывшіе тогда въ ходу мальтійскіе рыцари и французъ-

скіе эмигранты, заговорили о Груберѣ, какъ о необыкновенномъ ученомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и благочестивомъ человѣкѣ. Молва о Груберѣ дошла и до императорскаго дворца. Павелъ Петровичъ вспомнилъ тогда, что Груберъ былъ представленъ ему въ Оршѣ, и онъ до нѣкоторой степени былъ уже предрасположенъ въ пользу искательнаго и пронырливаго іезуита еще до получения императрицею его письма.

Послѣ перваго приѣма лекарства, даннаго государынѣ Груберомъ, она почувствовала нѣкоторое облегченіе: прежнія жестокія и невыносимыя страданія сразу ослабли. По приглашенію іезуита, Марія Феодоровна повторила приѣмъ, и боль замѣтно начала стихать. Государыня повеселѣла, повеселѣлъ и императоръ, и прежніе грозные взгляды, бросаемые имъ на Грубера, приняли теперь ласковое выраженіе, а на губахъ государя стала являться, при входѣ Грубера, привѣтливая улыбка. Прошло еще нѣсколько дней, и императрица окончательно избавилась отъ изнурявшихъ ее страданій. Павелъ Петровичъ, съ свойственною ему живостію, благодарилъ врача-аббата и хотѣлъ пожаловать ему анненскій орденъ.

— Я не нахожу словъ, чтобъ выразить вашему императорскому величеству мою безпредѣльную благодарность за тотъ знакъ почета, которымъ вамъ угодно удостоить меня, но, къ прискорбію моему, я никакъ не могу принять жалуемой мнѣ вами награды. Уставы общества Іисуса, почтительно продолжалъ Груберъ:—не дозволяютъ его членамъ носить какіе либо знаки свѣтскихъ отличій, но обязываютъ ихъ служить государямъ и подданнымъ только «ad majorem Dei gloriam»...

— Только для увеличенія славы Божіей, сказалъ императоръ, переводя по-русски латинскій девизъ іезуитовъ.— Прекрасно!.. Вотъ истинно-безкорыстная цѣль! А между тѣмъ, на такихъ людей клеветуютъ и злословятъ ихъ...

— Клевета и злословіе всегда приходятъ на долю добродѣтелей, смиренно, съ глубокимъ вздохомъ проговорилъ іезуитъ.— Вашему величеству очень хорошо извѣстно, какое пагубное настроеніе овладѣло теперь всѣми умами, какъ быстро проникаетъ повсюду зловерное ученіе яковинцевъ. Мы, іезуиты—поборники старыхъ порядковъ, стражи христовой церкви и охранители монархическихъ началъ; что-же удивительнаго, если въ настоящемъ омутѣ страстей и омерзительныхъ, преступныхъ порывовъ мы всюду, на каждомъ шагу, встрѣчаемъ только враговъ, которые употребляютъ всѣ средства, чтобы унижить, обезчестить, подавить и уничтожить нашъ орденъ? Я не ошибусь, конечно, если скажу вашему величеству, что уничтоженіе нашего ордена

повлекло за собою всё ужасы французской революціи. Приверженцамъ ея нужно было очистить дорогу, стереть насъ съ лица земли, чтобы не встрѣчать постоянного и упорнаго сопротивленія со стороны нашего ордена...

Павель Петровичъ внимательно слушалъ рѣчь Грубера, съ блестящимъ краснорѣчіемъ развивавшаго ту мысль, что Общество Иисуса должно служить главною основою для охраненія спокойствія и поддержанія государственныхъ порядковъ. Патеръ коснулся настоящаго положенія дѣлъ въ Европѣ и при этомъ обнаружилъ глубокое знаніе всѣхъ тайниковъ европейской политики. Поговоривъ нѣсколько времени съ Груберомъ о политическихъ дѣлахъ, государь былъ очарованъ его умною, смѣлою и, повидимому, до-нельзя откровенною бесѣдою и, въ ознаменованіе своего особаго благоволенія, дозволилъ ему являться во всякое время безъ доклада.

Иезуитъ торжествовалъ и, разумѣется, не упустилъ случая воспользоваться даннымъ ему отъ государя позволеніемъ.

Однажды онъ явился въ кабинетъ императора въ то время, когда его величество шилъ шоколадъ.

— Почему это, спросилъ патера Павель Петровичъ: — никто не умѣетъ приготовить мнѣ такого вкуснаго шоколада, какой мнѣ подали однажды, во время моего путешествія по Италіи, въ монастырѣ отцовъ иезуитовъ?

— Это потому, что у насъ, иезуитовъ, существуетъ особый способъ приготовленія шоколада, и, если вашему величеству угодно, то я приготовлю его такъ, что онъ будетъ совершенно по вашему вкусу.

Дѣйствительно, приготовленный Груберомъ шоколадъ показался императору такимъ вкуснымъ, какого онъ еще ни разу не пивалъ, и послѣ того, подѣ предложомъ приготовленія шоколада, аббатъ сталъ являться каждое утро къ императору, который, милостиво шутя съ нимъ, называлъ его: «ad majorem Dei gloriam». Вскорѣ аббатъ сдѣлался совершенно домашнимъ человекомъ у государя. Бесѣдуя съ нимъ наединѣ по нѣскольку часовъ, Груберъ внимательно изучалъ всѣ оттѣнки въ характерѣ императора, предупреждалъ его мысли, примѣнялся къ настроенію его духа, и вскорѣ не только при дворѣ и въ Петербургѣ, но и за-границею, заговорили о той милости и довѣрїи, какими аббатъ Груберъ сталъ пользоваться у русскаго императора. Приближенныя къ государю лица начали рабобѣнно изгибаться передъ новымъ любимцемъ, и даже неизмѣнно-любимый Павломъ Петровичемъ графъ Кутайсовъ, желая приобрести мѣстечко Шлювъ, принадлежавшее извѣстному Зоричу, находилъ

нужнымъ, для успѣха въ этомъ дѣлѣ, заискивать и словесно, и письменно могущественной протекціи Грубера. Вообще вліяніе ловкаго іезуита страшно росло и заставляло призадумываться многихъ...

Груберъ не довольствовался, однако, этимъ и старался усилить еще болѣе свое вліяніе. Кромѣ французскихъ эмигрантовъ, и трубившихъ, и шептавшихъ во славу патера, дѣятельною его пособницею была графиня Мануцци—молоденькая, хорошенькая и смышленная дамочка, которую императоръ приглашалъ въ свой небольшой домашній кружокъ. Отецъ ея мужа, итальянскій авантюристъ, пріѣхалъ въ Польшу, потомъ сошелся съ княземъ Потемкинымъ, усердно шпионилъ ему и вскорѣ изъ жалкаго бѣдняка обратился въ богача, владѣвшаго и большими помѣстьями, и миллионными капиталами, и украсившаго себя графскимъ титуломъ. Сынъ его, уже полякъ по рожденію, нашелъ доступъ къ великому князю Павлу Петровичу и, зная неприязнь наследника престола къ Потемкину, открылъ государю о неблагомыслихъ занятіяхъ своего родителя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщилъ ему всѣ тайны, бывшія въ рукахъ стараго Мануцци. Императоръ, въ виду такой преданности, оказывалъ особенное расположеніе къ Станиславу Мануцци, который былъ ревностнымъ сторонникомъ Грубера, а молоденькая графиня, съ своей стороны, какъ будто нечаянно, по легкомыслію, простительному ея полу и возрасту, выбалтывала въ присутствіи государя то, что нужно было Груберу и его партіи. Пособникомъ патера былъ также и руководимый имъ графъ Юлій Литта, который имѣлъ также свободный доступъ къ императору по дѣламъ мальтійскаго ордена, чрезвычайно занимавшимъ въ ту пору Павла Петровича. Приходя собственно по этимъ дѣламъ, Литта заводилъ рѣчь съ государемъ и по вопросамъ какъ внѣшней, такъ и внутренней политики, и вліяніе его стало замѣтно отражаться во многихъ распоряженіяхъ императора.

Впрочемъ, Литта, влюбленный безъ памяти въ Славронскую, не вдавался во всѣ изгибы іезуитскихъ козней и, сближаясь съ Груберомъ, имѣлъ прежде всего въ виду достиженіе своихъ собственныхъ цѣлей, тогда какъ его наставникъ и руководитель смѣло и твердо шелъ къ тому, чтобы утвердить господство своего братства въ Россіи и присоединить къ этому братству мальтійскій орденъ, большинство членовъ котораго были тайные іезуиты подъ покровомъ рыцарскихъ мантий...

Е. Карновичъ.

ЮМОРИСТЪ-АМЕРИКАНЕЦЪ ОВЪ АМЕРИКѢ.

(«Книга Очерковъ» Марка Туайна).

Маркъ Туайнъ, хорошо знакомый читателямъ «Отечественныхъ Записокъ» по своему роману «Мишурный Вѣкъ», напечаталъ недавно рядъ краткихъ очерковъ, въ которыхъ, отчасти карикатурно, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень талантливо и мѣтко, изображаются различныя стороны американской жизни во многихъ проявленіяхъ ея. Такимъ образомъ, эта книга, независимо отъ своего чисто беллетристическаго достоинства, имѣетъ значеніе и матеріала для изученія американской общественной жизни — матеріала тѣмъ болѣе любопытнаго, что, какъ извѣстно, ни одна страна въ мірѣ не служитъ предметомъ такихъ разнорѣчивыхъ толковъ и мнѣній, какъ Америка. Что мнѣніе американскаго сатирика представляетъ въ этомъ отношеніи большой интересъ — въ томъ нѣтъ, конечно, сомнѣнія. Мы выбираемъ на первый разъ нѣсколько очерковъ, наиболѣе характеристическихъ.

I.

Журналистъ въ Тенессіи.

Доктора сказали мнѣ, что южный климатъ будетъ полезенъ для моего здоровья, а потому я отправился въ Тенессіи и получилъ тамъ мѣсто помощника редактора въ газетѣ «Утреннее Сіаніе и воинственный крикъ графства Джонсонъ». Явившись

*

къ исполненію моея обязанности, я засталъ главнаго редактора помѣстившимся на треножномъ стулѣ и положившимъ ноги на столъ изъ сосноваго дерева. Въ комнатѣ стоялъ другой деревянный столъ и другой полуразрушенный стулъ, и эта мебель была на половину похоронена подъ разными газетами, корректурами и рукописями. Тутъ же находилась деревянная плевалница, засыпанная окурками сигаръ, и печка, заслонка которой висѣла только на верхней петлѣ. Главный редакторъ былъ одѣтъ въ черный фракъ съ длинными фалдами и бѣлые полотняные панталоны; на немъ были полусапожки, очень хорошо вычищенные. Онъ курилъ сигару и видимо обдумывалъ что-то, при чемъ сильно тербѣлъ пальцами свои волосы и метая вокругъ себя гнѣвные взоры, изъ чего я заключилъ, что онъ готовилъ какую-нибудь статью. Что же касается до меня, то мнѣ главный редакторъ поручилъ взять газеты, выбрать изъ нихъ все, что я найду годнаго, и написать статью «о духѣ прессы въ Тенесси», которая бы заключала въ себѣ въ сжатой формѣ изложеніе наиболѣе интересныхъ статей этихъ номеровъ. Послѣ внимательнаго просмотра я написалъ слѣдующее:

«Духъ прессы въ Тенесси»

«Редакція газеты «Землятресеніе», очевидно, находится въ недоразумѣніи по вопросу о желѣзной дорогѣ въ Балличекъ. Желѣзно-дорожная компанія вовсе не имѣетъ въ виду оставить Буззардвилль влѣво отъ проводимаго пути. Напротивъ того, она смотритъ на эту мѣстность, какъ на одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ на всемъ протяженіи дороги и, слѣдовательно, далека отъ желанія оставить его безъ вниманія. Мы надѣемся, что редакція «Землятресенія» съ удовольствіемъ исправитъ свою ошибку.

«Джонъ Блоссомъ, даровитый редакторъ «Громоваго Удара и Боваго Ключа Свободы», прибылъ вчера въ нашъ городъ; онъ остановился въ гостинницѣ Бурена.

«Считаемъ долгомъ замѣтить, что редакторъ «Утренняго Завыванья» ошибается, думая, что выборъ Вертера въ депутаты—фактъ совершившійся. Но, безъ сомнѣнія, уже до нашего указанія онъ узнаетъ свою ошибку, въ которую ввелъ его невѣрное сообщеніе о результатахъ выборовъ.

«Мы съ удовольствіемъ можемъ сообщить, что городъ Блотервилль вошелъ въ переговоры съ однимъ нью-йоркскимъ поставщикомъ, который принимаетъ на себя обязательство вымостить новымъ способомъ тамошнія улицы, пришедшія къ крайне негодное состояніе.

«Газета «Ежедневное Ура» указываетъ въ очень хорошей

статьё на эту мѣру и, повидимому, рассчитываетъ на полный успѣхъ ея».

Я передалъ мою рукопись главному редактору. Онъ бросилъ на нее бѣглый взглядъ, и его лицо омрачилось; по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, омраченіе это увеличивалось; было ясно, что я сдѣлалъ совсѣмъ не то, что нужно. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вскочилъ съ мѣста и вскричалъ:

— Чортъ побери! Неужели вы думаете, что у меня есть малѣйшая охота говорить такимъ образомъ объ этихъ скотахъ? Съ чего вы взяли, что мои подписчики будутъ пріятно кушать эту водянистую и жидкую кашу. Дайте-ка сюда перо.

Нивогда въ жизни не видалъ я, чтобъ перо такъ злобно скрипѣло по бумагѣ и такъ безчеловѣчно перемаривало и вычеркивало глаголы и прилагательныя другого человѣка. Въ то время, какъ онъ писалъ, кто-то выстрѣлилъ въ окно и повредилъ симетрію моихъ ушей.

— Ага, сказалъ редакторъ:—это—бестія Смитъ изъ газеты «Нравственный Волканъ»; я уже со вчерашняго дня его поджидал!

И онъ вынулъ изъ-за пояса револьверъ и выстрѣлилъ въ свою очередь. Сидеть, пораженный въ бедро, повалился, но успѣлъ выстрѣлить еще разъ, и еще неудачнѣе, чѣмъ прежде, такъ какъ опять досталось тому, кто тутъ не былъ ни душой, ни тѣломъ виновать, то есть мнѣ: одинъ изъ моихъ пальцевъ оказался отстрѣленнымъ.

Главный редакторъ продолжалъ вымарывать и исправлять; онъ уже почти окончилъ, когда ручная граната влетѣла въ трубу и разорвала всю печь на тысячу кусковъ. Но весь причиненный этимъ вредъ ограничился тѣмъ, что кусокъ шельва выбилъ пару зубовъ опять-таки мнѣ.

— Совсѣмъ прорвала печка! замѣтилъ главный редакторъ.

Я отвѣчалъ, что и мое мнѣніе такое же.

— Ну, все равно, при теперешней погодѣ намъ ея и не нужно. Я знаю бестію, которая сдѣлала это. Погоди, получишь онъ отъ меня, что слѣдуетъ!.. Вотъ вамъ ваша статья; просмотрите ее и поучитесь, какъ надо писать такіе вещи.

Я взяла рукопись; она была до такой степени истерчена и изранена пометками и вставками, что, будь у меня мать, она не узнала бы своего дѣльца. Содержаніе ея теперь было слѣдующее:

«Духъ прессы въ Тексасѣ».

«Отъявленные лжецы газеты «Землетрасеніе», очевидно, собираются написать великодушному и рыцарскому народу нашему

одну изъ своихъ гнусныхъ и скотскихъ выдумокъ по поводу одной изъ блистательнѣйшихъ идей XIX столѣтїа, именно желѣзной дороги въ Балличекъ. Мысль, что Буззардвилль остается влѣво отъ проводимаго пути, вышла изъ ихъ собственнаго отвратительнаго мозга или, говоря вѣрнѣе, изъ тѣхъ грязныхъ подонковъ, которые они считаютъ мозгомъ. Мы бы посоветовали имъ проглотить эту ложь, если они желаютъ избавить свою гнусную, змѣнную шкуру отъ вѣбучки, которой она заслуживаетъ въ весьма сильной степени.

«Извѣстный осель Блоссомъ, издатель «Громоваго Удара и Боеваго Клича Свободы» снова влѣзъ въ гостиницу Бурена, точно губка, напитанная всякой мерзостью.

«Считаемъ долгомъ замѣтить, что тупоумный и негодный редакторъ «Утреннаго Завыванїа» снова, по своей привычкѣ, выпустилъ нелѣные слухи, будто Вергерсъ избранъ въ депутаты. Божественная миссія прессы состоитъ въ томъ, чтобъ повсюду сѣять истину, искоренять заблужденїа, воспитывать, образовывать, поднимать уровень нравственности и добродѣтели и дѣлать всѣхъ людей болѣе вроткими, добросердечными, набожными и счастливыми; а между тѣмъ, этотъ отвѣщенный негодяй продолжаетъ упорно позорить свое высокое призванїе всевозможными клеветами, выдумками и пошлостями.

«Блотерсвилль хочетъ имѣть новую мостовую. Ему слѣдовало бы прежде позаботиться объ устройствѣ тюрьмы и богадѣльни. Что за мысль соорудить мостовую въ жалкомъ гнѣздѣ, которое состоитъ изъ двухъ кабаковъ, одной кузницы и печатнаго пластыря «Ежедневное Ура», тоже считающаго себя газетой! Мерзкая гадина; редактирующая «Ура», извергаетъ изъ себя, съ своимъ обыкновеннымъ тупоумїемъ, всякія нелѣпости и воображаетъ, что говорить вещи, имѣющїя здравый смыслъ».

— Вотъ какъ нужно писать! замѣтилъ мнѣ главный редакторъ:—въ каждую букву побольше перцу. Отъ вашего молочнаго строченїа меня стошнило.

Въ эту минуту влетѣлъ въ комнату большой камень и очень сильно хватилъ меня въ спину. Я отскочилъ въ сторону. Главный редакторъ замѣтилъ:

— Это, вѣроятно, полковникъ. Я уже два дня поджидаю его; теперь онъ сейчасъ войдетъ сюда.

Редакторъ не ошибся. Черезъ минуту въ дверяхъ появился полковникъ съ большимъ револьверомъ въ рукахъ.

Онъ спросилъ:—Имѣю ли я честь говорить съ болтуномъ, издающимъ эту дрянъ?

— Да, вы имѣете эту честь. Не угодно ли вамъ садиться?

Берегитесь только, у этого стула недостаетъ одной ножки. Сколько мнѣ кажется, я имѣю честь говорить съ дряннымъ клеветникомъ, полковникомъ Блатерскитомъ?

— Точно такъ, милостивый государь. Мнѣ нужно свести съ вами все какіе счеты. Если вы не трусите, мы начнемъ сейчасъ же.

— Мнѣ нужно бы докончить статью «О содѣйствіи успѣхамъ нравственнаго и умственнаго развитія въ Америкѣ», но это—дѣло неспѣшное; потрудитесь начинать.

Изъ двухъ пистолетовъ въ одно и то же мгновеніе раздались выстрѣлы. Главный редакторъ потерялъ одинъ клокъ своихъ волосъ, но пуля полковника окончила свой путь въ мясистой части моей ноги. У полковника оказался отстрѣленнымъ кусочикъ лѣваго плеча. Послѣдовали новыя выстрѣлы. На этотъ разъ и тотъ, и другой противникъ сдѣлали промахъ, но я получилъ свою долю—рану въ руку. При третьемъ выстрѣлѣ, оба были легко ранены, а у меня отлетѣла одна косточка. Послѣ этого я сдѣлалъ замѣчаніе, что мнѣ было бы лучше уйти и прогуляться, такъ какъ, повидимому, это — дѣло частное и, съ моей стороны, довольно щекотливо участвовать въ немъ; но оба противника просили меня остаться и увѣрили, что я насколько не мѣшаю. Затѣмъ они стали разговаривать о выборахъ, о результатахъ жатвы этого года и въ то же время заряжали пистолеты, а я занимался перевязкою моихъ ранъ. Скоро перестрѣлка возобновилась, и каждый выстрѣлъ производилъ свое дѣйствіе. Я долженъ, однако, замѣтить, что пять изъ шести пуль пришлось на мою долю; шестая ранила полковника смертельно, послѣ чего онъ съ юморомъ замѣтилъ, что теперь можно распротиться, такъ какъ у него еще есть дѣло въ городѣ. Затѣмъ онъ спросилъ, какъ пройти къ гробовщику, и вышелъ изъ комнаты.

Редакторъ повернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Я ожидаю къ обѣду гостей и долженъ приготовиться; вы очень обяжете меня, если прочтете корректуру и будете принимать посѣтителей.

Я немного испугался перспективы разговора съ посѣтителемъ редакціи, но недавно окончившаяся перестрѣлка еще слишкомъ сильно звучала у меня въ ушахъ для того, чтобы я нашелся что возразить. Редакторъ продолжалъ:

— Въ три часа придетъ сюда Джонсъ, отколотите его палками. Еще раньше появится, можетъ быть, Джимпси, выкиньте его въ окошко. Около четырехъ часовъ придетъ Фергюсонъ, застрѣлите его, какъ собаку. Кажется, что сегодня больше нико-

уходилъ впередъ. Отправился Мекензи изъ Атланты дальше и такъ добрался до самаго моря. Сюда онъ прибылъ опять двумя днями позже, но, услышавъ, что Шерманъ отправился въ Святую Землю, сѣлъ на корабль и поплылъ въ Бейрутъ, рассчитавъ, что перегонитъ Шермана. Прибывъ съ своей солониною въ Иерусалимъ, онъ узналъ, что Шерманъ совсѣмъ и не поѣхалъ сюда, а отправился въ равнины западной Америки сражаться съ индѣйцами. Возвратился Мекензи въ Америку и двинулся къ Складистымъ Горамъ. Послѣ слишкомъ двухмѣсячнаго тяжелаго пути по равнинамъ и, очутившись уже всего въ четырехъ миляхъ отъ главной квартиры генерала Шермана, Мекензи вдругъ былъ убитъ индѣйцами, и солонина попала къ нимъ въ руки. Они забрали все, исключая одной бочки; эта послѣдняя была отбита арміею Шермана, и, такимъ образомъ, смѣлый путешественникъ исполнилъ, по крайней мѣрѣ, часть своего контракта уже послѣ своей смерти. Въ духовномъ завѣщаніи онъ отказалъ контрактъ сыну своему Бартоломею; Бартоломей подалъ слѣдующій счетъ правительству Соединенныхъ Штатовъ:

За 30 бочекъ солонины для генерала	
Шермана по 100 долларовъ бочка.	3,000 долларовъ
Путевыя издержки на перевозку мяса	14,000 »
	<hr/>
	Итого 17,000 »

Представивъ этотъ счетъ, Бартоломей умеръ и оставилъ контрактъ Вильяму Мартину, который попробовалъ - было получить деньги, но тоже скончался прежде, чѣмъ добился цѣли. Онъ оставилъ документъ въ распоряженіе Баркера Алана, который тоже не дожидъ до уплаты. Баркеръ сдѣлалъ своимъ наслѣдникомъ по этому документу Ансона Роджера. Тотъ принялся усердно хлопотать и уже дошелъ до канцеляріи девятаго аудитора, какъ вдругъ смерть совершенно неожиданно унесла и его. Знаменитый счетъ онъ завѣщалъ одному изъ своихъ родственниковъ въ Коннектикутѣ, Гопкинсу. Этотъ послѣдній выдержалъ четыре недѣли и два дня, и хлопоты его увѣнчались неслыханнымъ успѣхомъ, такъ какъ онъ дошелъ почти до двѣнадцатаго аудитора. Въ духовномъ завѣщаніи, онъ подарилъ счетъ своему дядѣ Джонсону. Послѣднія слова его были: «Я умираю съ удовольствиемъ не оплакивай меня!». И дѣйствительно, онъ умеръ съ удовольствиемъ. Послѣ этого семь человекъ, одинъ вслѣдъ за другимъ, получали по завѣщанію контрактъ и счетъ, но всѣ перемерли, и, такимъ образомъ, документы попали, наконецъ, въ мои руки; я получилъ ихъ отъ одного родственника моего, по

имени Губбарда, Виолеема Губбарда изъ Индіаны, который долго былъ со мною въ ссорѣ, но въ послѣднюю минуту жизни послалъ за мною, простилъ и со слезами передалъ мнѣ контрактъ.

Такова исторія этого контракта до того времени, когда онъ поступилъ въ мою собственность. Я взялъ контрактъ и понесъ его вмѣстѣ со счетомъ путевыхъ издержекъ къ президенту Соединенныхъ Штатовъ. Президентъ спросилъ:

— Что-же я могу сдѣлать для васъ, милостивый государь?

Я отвѣчалъ:

— Господинъ президентъ, 10-го октября 1861 года, Джонъ Вильсонъ Мекензи изъ Ротердама въ графствѣ Чемунгъ, штатъ Нью-Джерсей, въ настоящее время умершій, заключилъ съ правительствомъ контрактъ, въ силу котораго обязался поставить генералу Шерману 30 бочекъ солонины...

Здѣсь президентъ прервалъ меня и прогналъ — правда, очень вѣжливо, но съ твердостью. На слѣдующій день, я явился къ государственному секретарю. Тотъ спросилъ:

— Что вамъ угодно, милостивый государь?

Я отвѣчалъ:

— Ваше королевское высочество, 10-го октября 1861 года, Джонъ Вильсонъ Мекензи изъ Ротердама въ графствѣ Чемунгъ, штатъ Нью-Джерсей, въ настоящее время умершій, заключилъ съ правительствомъ контрактъ, въ силу котораго онъ обязался поставить генералу Шерману 30 бочекъ солонины...

— Довольно, милостивый государь, довольно! мое министерство не имѣетъ ничего общаго съ солониной!

Я былъ отпущенъ. Обдумавъ дѣло со всѣхъ сторонъ, я на слѣдующій день явился къ морскому министру. Онъ сказалъ мнѣ:

— Говорите скорѣе, что имѣете сказать: мнѣ некогда?

Я отвѣчалъ:

— Ваше королевское высочество, 10-го октября 1861 года, Джонъ Вильсонъ Мекензи изъ Ротердама, въ графствѣ Чемунгъ, штатъ Нью-Джерсей, въ настоящее время умершій, заключилъ съ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ контрактъ, въ силу котораго обязался поставить генералу Шерману тридцать бочекъ солонины...

Министръ перебилъ меня; онъ тоже не имѣлъ ничего общаго съ поставкою солонины для генерала Шермана. Однако, какое курьезное правительство! подумалъ я; повидимому, ни у одного изъ нихъ нѣтъ охоты заплатить за это мясо...

На слѣдующій день я отправился къ министру внутреннихъ дѣлъ и сказалъ:

— Ваше высочество, 10-го октября...

— Знаю, знаю, перебилъ онъ, я уже слышалъ о васъ. Убѣдитесь съ нашимъ гнуснымъ контрактомъ! министерство внутреннихъ дѣлъ не имѣетъ ничего общаго съ снабженіемъ арміи провіантомъ.

Я ушелъ, но меня, наконецъ, разобрала досада. Я объявилъ, что буду ихъ преслѣдовать, буду осаждать каждый департаментъ этого нечестиваго правительства, пока дѣло не будетъ приведено въ порядокъ. Я рѣшился или получить деньги по счету, или умереть, какъ умерли мои предшественники. Я осаждалъ генераль-почтмейстра, осаждалъ министра земледѣлія, не давалъ покоя спикеру въ палатѣ депутатовъ; но и они не имѣли ничего общаго съ контрактомъ на поставку мяса для арміи. Наконецъ, явился я къ предсѣдателю патентнаго бюро. Я сказалъ ему:

— Ваше превосходительство, 10-го октября...

— Тысяча чертей! перебилъ онъ меня:—вы и сюда добрались съ своимъ проклятымъ контрактомъ? Мы не имѣемъ ничего общаго съ поставкой мяса для арміи.

— Все это очень хорошо, возразилъ я:—но вѣдь долженъ же, наконецъ, хоть кто-нибудь заплатить за солонину, и вы мнѣ заплатите, иначе я конфискую все, что здѣсь находится.

— Но, милостивый государь...

— Это мнѣ все равно. Патентное бюро, по моему мнѣнію, отвѣтственно за эту солонину; да если и неотвѣтственно, то все-таки уплатить должно...

Дѣло кончилось побоями, побѣда осталась не на моей сторонѣ, но я все-таки извлекъ изъ этой свалки нѣчто полезное: мнѣ сказали, что я долженъ обратиться въ казначейство.

Пошелъ я въ казначейство, прождалъ тамъ полтора часа и, наконецъ, былъ впущенъ къ первому лорду. Я сказалъ:

— Достойнѣйшій и высокочтимый синьоръ; 10-го октября 1861 года Джонъ Вильсонъ Мекензи...

— Довольно, милостивый государь, я о васъ слышалъ; отправляйтесь къ первому аудитору казначейства.

Я исполнилъ приказаніе. Первый аудиторъ отправилъ ко второму аудитору, второй—къ третьему, третій послалъ къ первому контролеру «хлѣбнаго и мяснаго» департамента. Исторія начала принимать дѣловой видъ. Контролеръ рассмотрѣлъ свои книги и бумаги, и никуда не нашелъ ни малѣйшаго указанія по

поводу контракта. Пошелъ я во второму контролеру того же хлѣбнаго и мяснаго департамента. Онъ тоже разсмотрѣлъ свои книги и бумаги, но тоже безъ успѣха. Въ эту недѣлю достигъ я до шестого контролера въ этомъ департаментѣ. На слѣдующей недѣлѣ, я прошелъ сквозь департаментъ «разныхъ требованій»; третью недѣлю провозился въ департаментѣ «отсроченныхъ контрактовъ» и, наконецъ, остановился въ департаментѣ «неуплаченныхъ счетовъ», въ которомъ чрезъ три дня окончилъ свои вслѣдованія.

Теперь оставалась еще только одна дверь, въ которую я могъ постучаться. Я осадилъ комиссара «по всякаго рода пустячнымъ дѣламъ» или, вѣрнѣе, его секретаря, потому что самъ онъ находился въ это время въ отсутствіи. Въ комнатѣ засталъ я шестнадцать необыкновенно-красивыхъ молодыхъ барынь, что-то писавшихъ въ конторскихъ книгахъ, и семь далеко не обиженныхъ природой писцовъ, показывавшихъ имъ, какъ слѣдовало исполнять эту работу. Молодые барыни улыбались, писцы отвѣчали имъ тоже улыбками, и все шло такъ весело, какъ будто тутъ кого-нибудь вѣнчали. Двое или трое писцовъ, занимавшихся чтеніемъ газетъ, посмотрѣли на меня довольно рѣзко, но продолжали читать, и никто не сказалъ ни слова. Я, впрочемъ, къ такого рода расторопности и услужливости уже привыкъ; я встрѣчалъ ее у всѣхъ господъ чиновниковъ съ того дня моей чреватой событіями карьеры, въ который я вступилъ въ первое отдѣленіе мяснаго и хлѣбнаго департамента, до той минуты, когда передо мной разверзлись двери стола «по пустячнымъ дѣламъ». За это время я до такой степени привыкъ къ подобнымъ выходкамъ, что покуда чиновникъ заговаривалъ со мною, могъ простоять на одной ногѣ, перекивая ногу на болѣе двухъ, а ужъ въ самомъ крайнемъ случаѣ, трехъ разъ.

Но здѣсь я успѣлъ перекинуть ногу уже четыре раза. Наконецъ, обратился я къ одному изъ читавшихъ писцовъ:

— Высокородный бездѣльникъ! смѣю спросить, гдѣ повелитель правовѣрныхъ?

— Что вы хотите этимъ сказать, милостивый государь? О комъ вы говорите, милостивый государь? Если о г. начальникѣ отдѣленія, то онъ вышелъ.

— А посѣтить ли онъ еще нынче свой гаремъ?

Молодой человѣкъ съ минуту посмотрѣлъ на меня довольно злобно и потомъ снова углубился въ чтеніе своей газеты. Но мнѣ были знакомы этого рода чиновники. Я зналъ, что спасеніе мое обезпечено, если онъ успѣетъ окончить свое чтеніе

прежде, чѣмъ съ почты принесуть новыя газеты. Ему оставалось просмотрѣть только двѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ, дѣйствительно, окончили, и затѣмъ зѣвнулъ и спросилъ меня, чего я желаю?

— Достославнѣйшій и высокопочитаемый шалопаи! началъ я:—10-го окт...

— А! вы человекъ съ яснымъ контрактомъ? Подайте ваши бумаги.

Онъ взялъ ихъ и сталъ рыться въ своихъ пустячныхъ документахъ. Это продолжалось довольно долго. Наконецъ, онъ нашелъ все, что мнѣ было нужно, все, чего тщетно добивались мои предшественники. Я былъ глубоко тронутъ, но тѣмъ не менѣе пережилъ эту радость. Возволнованнымъ голосомъ я сказалъ:

— Пожалуйте эти документы. Теперь правительство все устроитъ.

Но онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ остаться на моемъ мѣстѣ и сказалъ, что предстоитъ сдѣлать еще много кой-чего.

— Гдѣ этотъ Джонъ-Вильсонъ Мекензи? спросилъ онъ.

— Умеръ.

— Когда онъ умеръ?

— Собственно говоря, онъ не умеръ—его убили.

— Чѣмъ?

— Томагавкомъ.

— Кто убилъ его томагавкомъ?

— Ну, само собой разувѣтся—индѣецъ. Не пасторъ же изъ воскресной школы, надѣюсь?

— И такъ, индѣецъ?

— Совершенно вѣрно.

— Имя этого индѣйца?

— Его имя? Мнѣ-то какая надобность знать его имя!

— Но мнѣ это необходимо. Далѣе: кто видѣлъ, что убійство совершено томагавкомъ?

— Не знаю.

— Стало быть, вы сами при этомъ не были?

— Какъ видите по моимъ волосамъ. Я отсутствовалъ.

— Откуда же вы знаете, что Мекензи убитъ?

— Знаю потому, что онъ въ ту пору дѣйствительно умеръ и, какъ я имѣю полное основаніе полагать, съ того времени не воскресалъ. Все это мнѣ положительно извѣстно.

— Но намъ нужны доказательства. У васъ ли этотъ индѣецъ?

— Конечно, нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, вы должны его добыть. Съ вами ли этотъ томагавкъ?

— Я его и въ глаза не видѣлъ.

— Достаньте — безъ этого нельзя. Вы должны непременно представить индѣйца и томагавкъ. Когда смерть Мекензи будетъ такимъ образомъ доказана, тогда вы можете обратиться въ комиссію, назначенную для приѣма и разбора разныхъ притязаній, и надѣяться, что дѣло съ вашимъ счетомъ пойдетъ на столько быстро, что ваши дѣти доживутъ, можетъ быть, до той поры, когда имъ будутъ выданы эти деньги. Но, повторяю вамъ, смерть Мекензи должна быть доказана. При этомъ я долженъ еще вамъ замѣтить, что за издержки путевыя и по перевозу мяса, значащіяся въ вашемъ счетѣ, правительство никогда не заплатитъ. За ту бочку мяса, которую отбили солдаты Шермана, вы еще, пожалуй, деньги съ правительства получите, если вамъ удастся провести въ конгрессѣ проэктъ закона на этотъ счетъ, но за двадцать девять бочекъ, съѣденныхъ индѣйцами, вамъ не заплатятъ ни въ какомъ случаѣ.

— Стало быть, я имѣю право на полученіе всего ста долларовъ, да и тѣ подъ сомнѣніемъ. Послѣ всѣхъ странствій Мекензи съ этимъ мясомъ, послѣ того, какъ онъ побывалъ съ нимъ въ Европѣ, Азій и Америкѣ, послѣ перенесенія имъ столько испытаній, лишеній и мукъ, послѣ отшествія къ праотцамъ всѣхъ тѣхъ невинныхъ, которые дѣлали попытки получить деньги по этому злополучному счету, послѣ... Однимъ словомъ, объясните, молодой человѣкъ, почему не сказалъ мнѣ всего этого уже первый контролеръ въ хлѣбномъ и мясномъ департаментѣ?

— Онъ не зналъ, что ваши притязанія основательны.

— Почему не сказалъ второй? Почему не сказалъ третій? Почему ни одного слова не сказали мнѣ объ этомъ ни въ одномъ изъ всѣхъ этихъ отдѣленій и подѣ-отдѣленій?

— Они сами ничего не знали. Мы здѣсь все исполняемъ по строгой рутинѣ. Вы рутину прошли до самаго конца и доискались того, что желали узнать. Это — самый лучший путь. Это — единственный путь. Онъ очень правиленъ, по немъ къ цѣли доходить очень медленно, но доходить непременно.

— Да, къ смерти. Къ этой цѣли онъ привелъ большую часть членовъ нашего семейства. И я чувствую, что мнѣ тоже предстоитъ скоро быть отозваннымъ изъ міра сего. Молодой человѣкъ! вы любите вонъ то веселое созданье съ кроткими голубыми глазами и стальнымъ перомъ за ухомъ — я вижу это по

вашииъ страстииъ взглядаиъ—вы желаете на ней жениться, но вы бѣдны. Протяните же сюда руку, вотъ контрактъ на поставку мяса! Ступайте, возьмите вашу возлюбленную и будьте счастливы! Да благословить васъ небо, дѣти мои!

Вотъ все, что мнѣ извѣстно на счетъ знаменитаго контракта, о которомъ столько времени и такъ много говорили. Чиновникъ, которому я уступилъ его, скончался. Больше я ничего не знаю ни о контрактѣ, ни о людяхъ, впоследствии находившихся съ нимъ во связи.

III.

Процессъ Джорджа Фишера.

Вотъ эта исторiя. Это—не дикое преувеличенiе въ родѣ только-что разсказанной процедуры съ контрактотъ Джона-Вильсона Мекензи, а простое изложенiе фактовъ и обстоятельство, которыми конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ занимался отъ времени до времени въ продолженiи цѣлаго полъ-столѣтiя ¹.

Я не назову этого дѣла грандиознымъ, непрерывнымъ и энергическимъ надувательствомъ правительства и народа Соединенныхъ Штатовъ. До сихъ поръ осталось недоказаннымъ, что оно было дѣйствительно надувательство, и я полагаю, что писатель поступаетъ крайне несправедливо, когда въ подобныхъ случаяхъ употребляетъ бранчивыя и оскорбительныя выраженiя. Поэтому, ограничусь тѣмъ, что представлю читателю всѣ относящiеся сюда документы, и пусть онъ самъ произнеситъ рѣшенiе.

Въ первыхъ числахъ сентября 1813 г., во время свирѣпствовавшей тогда во Флоридѣ войны съ племенемъ криковъ, индейцы или преслѣдовавшiя ихъ войска Соединенныхъ Штатовъ истребиди засѣянныя поля, стада и дома нѣкогого Джорджа Фи-

¹ Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда эта статья была впервые напечатана, большая часть читателей не повѣрила ей, а сочла выдумкой. Въ цѣде вѣреки, кажется труднымъ представить себѣ, что существовала пора, когда грабежи нашего правительства были нѣчто новое. Тотъ самый человекъ, который указалъ мнѣ, гдѣ найти относящiеся къ этому дѣлу документы, изстратилъ въ то время въ Вашингтонѣ нѣсколько сотъ тысячъ долларовъ на попытку добыть правительственной субсидiи для одной переходной компании — фактъ, который долго служилъ нодъ спудомъ, но, наконецъ, выдѣлъ таки наружу и послужилъ предметомъ слѣдствiя со стороны конгресса.

шера, гражданина Флориды. По закону, Фишеръ не долженъ былъ получить никакого вознагражденія, если ущербъ причинили индѣйцы; если же истребителями оазывались солдаты, то правительство Соединенныхъ Штатовъ было обязано возмѣстить Фишеру всѣ убытки.

Джорджъ Фишеръ, какъ видно, былъ того мнѣнія, что собственность его пострадала отъ индѣйцевъ, потому что онъ не предъявлялъ къ правительству никакой претензій, хотя прожилъ послѣ этого происшествія еще довольно долго.

Послѣ смерти Фишера, его вдова снова вышла замужъ, и скоро вслѣдъ за тѣмъ, т. е. почти черезъ двадцать лѣтъ послѣ вышеупомянутаго, перешедшаго уже въ области смутныхъ воспоминаній, нападенія, второй мужъ вдовы Фишеръ обратился къ конгрессу съ требованіемъ уплаты за истребленную собственность. Требованіе свое онъ подтвердилъ множествомъ судебныхъ удостовѣреній въ томъ, что собственность эта была уничтожена войсками, а не индѣйцами, что войска, по какой-то совершенно неясной причинѣ, умышленно сожгли дома (собственно хижины), принадлежавшіе мирному гражданину и представлявшіе собою цѣнность въ 600 долларовъ, и, сверхъ того, истребили еще много другихъ предметовъ, составлявшихъ собственность того же гражданина. Но конгрессъ не хотѣлъ повѣрить, что войска были настолько глупы, чтобы, разогнавъ индѣйцевъ, (а это былъ фактъ, доказанный), продолжать съ своей стороны дѣло разрушенія и докончить то, что краснокожіе только начали. На основаніи этого соображенія, конгрессъ отклонилъ въ 1832 г. претензію наслѣдниковъ Джорджа Фишера и не заплатилъ имъ ни гроша.

Официально они снова выступили на сцену въ 1848 г., черезъ шестнадцать лѣтъ послѣ своего перваго покушенія на казенный сундукъ и черезъ цѣлое поколѣніе послѣ смерти чело- вѣка, поля котораго подвергнулись опустошенію. Теперь, съ требованіемъ вознагражденія явилось новое поколѣніе наслѣдниковъ Фишера. Второй аудиторъ присудилъ имъ 8,873 доллара—половину понесеннаго Фишеромъ убытка. По объясненію аудитора, предъявленные просителями документы доказывали, что, по крайней мѣрѣ, половина имущества была истреблена индѣйцами *прежде, чѣмъ войска выступили противъ нихъ*, и что правительство, конечно, не обязано платить за эту половину.

Это было въ апрѣлѣ 1848 г. Въ декабрѣ того же года, наслѣдники Джорджа Фишера подали просьбу о «пересмотрѣ» ихъ претензій. Пересмотръ состоялся, но въ пользу просителей не

оказалось ничего новаго, исключая ошибки въ 100 долларовъ въ прежнемъ счетѣ. Чтобы, однако, не портить хорошаго расположенія духа въ семействѣ Фишеровъ, аудиторъ рѣшилъ залплатить этимъ бѣднымъ людямъ проценты со времени подачи перваго прошенія (въ 1832 г.) до того дня, въ который было имъ выплачено первое вознагражденіе. Такимъ образомъ, Фишеры имѣли удовольствіе спрятать въ карманъ проценты съ 8,873 долларовъ за шестнадцать лѣтъ, что составило 8,907 долларовъ 94 цента; и того они получили 17,870 долларовъ.

Цѣлый годъ послѣ этого, оставалась несчастная семья Фишеровъ спокойною, даже вполне довольною. Затѣмъ она снова обрушилась на правительство. Главный атторней Тоуси просмотрѣлъ заплеснѣвшія отъ старости бумаги Фишеровъ и снова нашелъ благопріятный исходъ для безутѣшныхъ сиротъ — проценты на вышеупомянутые 8,873 доллара, со дня истребленія собственности (въ 1813) по 1832 годъ. Итого — 10,004 доллара 89 центовъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ: во-первыхъ, 8,873 доллара вознагражденія, во-вторыхъ, проценты съ 1832 по 1848 годъ — 8,997 долларовъ, 94 цента, въ третьихъ — проценты съ 1813 по 1832 — 10,004 доллара, 89 центовъ. А всего — 27,875 долларовъ 83 цента...

Читатели, можетъ быть, удивятся, что въ продолженіе цѣлыхъ пяти лѣтъ послѣ этого Фишеры оставляли конгрессъ въ покоѣ или что (это, пожалуй, вѣроятнѣе) имъ не удалось склонить конгрессъ на свою сторону. Но, наконецъ, въ 1854 г. удалось. Они уладили конгрессъ издать указъ о новомъ пересмотрѣ ихъ дѣла. Но на этотъ разъ случилось такое несчастье: секретарь казначейства, Джемсъ Гутри, оказался честнымъ человѣкомъ, и испортилъ всю штуку. Онъ очень ясно и опредѣлительно объявилъ, что не только Фишеры не имѣютъ права получить хотя бы еще однимъ центомъ больше, но что и безъ того этимъ дѣтямъ скорби и несчастія выдано гораздо больше, чѣмъ слѣдовало.

За этимъ снова слѣдуетъ промежутокъ спокойствія и молчанія — промежутокъ, длившійся четыре года, т. е. до 1858 года. Въ эту пору постъ военнаго министра занималъ всѣмъ извѣстный Джонъ Флоридъ. Конечно, это былъ тотъ самый человѣкъ, который могъ оказать серьезную помощь нуждающимся на слѣднякамъ умершаго и забытаго Фишера. И они послѣдно хлынули изъ Флориды, хлынули цѣлымъ потокомъ Фишеровъ, нагруженныхъ все тѣми же заплеснѣвшими документами касательно все тѣхъ же безсмертныхъ земель ихъ

гражданства. Быстро добились они постановленія отобрать ихъ дѣло отъ тупоумнаго аудитора и передать его гениальному Флойду. Что же сдѣлалъ Флоридъ? Онъ сказалъ: «Доказано, что индѣйцы истребили все, что могли, прежде чѣмъ войска двинулись ихъ преслѣдовать». Но такъ какъ войска двигались быстро, то индѣйцы успѣли истребить весьма мало, всего, по приблизительному исчисленію, на сумму 3,200 долларовъ; и затѣмъ войска, прогнавъ ихъ, уничтожили съ своей стороны 220 десятинъ манса на корню, тридцать десятинъ земли засѣянной и 986 штукъ живаго скота. Вотъ какую умную армію имѣли мы, по мнѣнію господина Флориды, въ то время!

Такимъ образомъ, почтенный Флоридъ рѣшилъ, что вышеупомянутый вздорный убытокъ въ 3,200 долларовъ правительству возмѣщать не слѣдуетъ, но что за уничтоженную войсками собственность заплатить необходимо; а это, по исчисленію Флориды, составило 18,104 доллара. Сумму эту Флоридъ называетъ въ своемъ докладѣ конгрессу «полною стоимостью истребленной войсками собственности». Онъ присуждаетъ уплатить голодающимъ Фишерамъ эти деньги и въ то же время проценты съ 1813 года. Изъ этого новаго итога вычли то, что уже получили Фишеры, и затѣмъ вручили имъ остальное — бездѣлицу въ какихъ-нибудь 40 т. долларовъ—послѣ чего они снова удалились во Флориду съ совершенною безматежностью въ душѣ. Земля ихъ прародителя доставила имъ уже почти шестьдесятъ семь тысячъ долларовъ наличными деньгами.

Можетъ быть, читатель полагаетъ, что на томъ дѣло и покончилось? Можетъ быть, онъ думаетъ, что эти безпритязательные Фишеры сочли, наконецъ, себя вполне удовлетворенными? Станемъ просматривать наши документы дальше. Фишеры цѣлыхъ два года не шевелились. Затѣмъ, они снова вытѣзли изъ плодородныхъ болотъ Флориды, все съ тѣми же залесившими бумагами, и опять есадили конгрессъ. Конгрессъ сдался на капитуляцію 1-го іюня 1860 г. и поручилъ г. Флориду снова принять въ свое вѣдѣніе бумаги и заплатить по знаменитому счету. Одному изъ чиновниковъ казначейства было приказано старательно просмотрѣть документы и доложить конгрессу, сколько еще слѣдуетъ выдать несчастнымъ обвинявшимся Фишерамъ. Этотъ чиновникъ, котораго, въ случаѣ нужды, я могу назвать, открылъ въ документахъ нѣчто, весьма похожее на наглую поддѣлку позднѣйшаго времени—поддѣлку, благодаря которой показанія одного изъ свидѣтелей о цѣнѣ на мансъ, существовавшей во Флоридѣ въ 1813 г., такъ измѣнилась, что опредѣленная

этимъ свидѣтелемъ сумма убытка теперь увеличилась вдвое. Чиновники не только обратилъ на это обстоятельство вниманіе своихъ начальниковъ, но и заявилъ о немъ самымъ положительнымъ образомъ въ своемъ письменномъ докладѣ. Этой части доклада конгрессъ, однако, и въ глаза не видѣлъ; точно также, никто никогда не намекнулъ ему, что въ знаменитыхъ бумагахъ есть поддѣлка. Несмотря на это, доблестный Флойдъ, основываясь на удвоенной цифрѣ и совершенно игнорируя заявленіе чиновника, что эта цифра—очевидно, поддѣлка позднѣйшаго времени, замѣтилъ въ своемъ новомъ докладѣ, что, «въ силу свидѣТЕЛЬСКИХЪ показаній, главнымъ образомъ, касательно сбора манса въ годъ понесенія убытка, наследникамъ Фишера приходится получить гораздо больше, чѣмъ присуждено прежде аудиторомъ и потомъ самимъ мною». На этомъ основаніи, онъ считаетъ на десятину шестьдесятъ бушелей (мѣръ) манса (равно вдвое больше того, что даетъ десятина во Флоридѣ) и присуждаетъ вознагражденіе, правда, только за половину этого количества, но эту половину оцѣниваетъ въ два доллара за бушель, между тѣмъ, какъ въ бібліотекѣ конгресса валяются полусгнившіе отъ старости документы, изъ которыхъ видно то, что оказывалось въ предъявленныхъ Фишерами бумагахъ до поддѣлки ихъ, а именно, что осенью 1813 г. бушель манса, стоилъ всего отъ 1 доллара до 1 доллара 50 центовъ. Что же дѣлаетъ г. Флойдъ дальше? Г. Флойдъ приступаетъ къ дѣлу «съ серьезнымъ—какъ онъ трогательно выражается—стремленіемъ въ точности исполнить волю законодателя» и составляетъ совершенно новый счетъ убытковъ Фишера; въ этомъ счетѣ онъ преспокойно и вполне игнорируетъ индѣйцевъ и не только не приписываетъ имъ ни малѣйшаго участія въ уничтоженіи собственности Фишера, но даже выражаетъ раскаяніе, что прежде взвелъ на нихъ обвиненіе въ томъ, что они сожгли нѣсколько хижинъ, выпили водку и разбили малую толику горшковъ и другой посуды; всю вину этого дѣла, до послѣдняго гроша, докладчикъ взваливаетъ на нелѣпныя войска Соединенныхъ Штатовъ. Этого мало: онъ пользуется поддѣлкой еще для того, чтобъ количество манса, уничтоженнаго при Бассетсъ-Крикѣ, удвоить, а того, которымъ былъ засѣянъ берегъ рѣки Алабамы, утроить. Этотъ новый, искусно придуманный и искусно выполненный счетъ г. Флойда, гласитъ такъ (я списываю съ печатнаго документа, хранящагося въ сенатѣ Соединенныхъ Штатовъ):

«Соединенные Штаты должны законнымъ наследникамъ умершаго Джорджа Фишера:

По счету 1813 года:

За 550 штукъ рогатаго скота по 10 долл. за штуку.....	5,500 долл.
» 86 свиней, назначенныхъ для продажи.....	1,204 »
» 350 свиней заводскихъ.....	1,750 »
» 100 десятинъ манса при Вассетъ-Кригъ .	6,000 »
» 8 бочекъ воды.....	850 »
» 2 бочки коньяку	280 »
» 1 бочку рома.....	70 »
» разныя материалы въ амбарахъ.....	1,100 »
» 85 десятинъ ржи.....	350 »
» 2,000 кожъ.....	4,000 »
» мѣха и шкуры въ магазинахъ.....	600 »
» гончарный товаръ въ магазинахъ.....	100 »
» столярныя и кузнечныя инструменты.....	250 »
» сожженные и разрушенныя дома.....	600 »
» 4 дюжины бутылокъ вина.....	48 »

По счету 1814 г.:

» 120 десятинъ манса на берегу Алабама.....	9,500 »
» бобы, корнъ для скота и т. п.....	8,250 »
Проценты на 22,202 д. съ юл. 1818 г. до нояб. 1860 г. .	63,053 » 68 цент.
Проценты на 12,750 д. съ сент. 1814 г. до нояб. 1860 г. .	85,817 » 58 »

Итого.....138,328 » 18 »

Итого, какъ видите, подведено самымъ аккуратнымъ образомъ. Господинъ Флойдъ не допускаетъ даже, что индѣйцы разбили нѣсколько горшковъ или выпили четыре дюжины вина. Вычтя изъ вышеприведенной суммы выплаченные неугомоннымъ наследникамъ Джорджа Фишера 67 тыс. долларовъ, г. Флойдъ объявилъ, что правительство все еще состоитъ имъ въ долгу 66,519 долларовъ и 85 центовъ, которые, какъ безмятежно замѣтилъ докладчикъ, «имѣютъ быть выплачены управляющему имѣніями покойнаго Фишера или его адвокатамъ».

Но, къ большому горю для столь жестоко гонимыхъ судьбою сиротъ, какъ разъ въ это время явился въ Вашингтонъ новый президентъ. Бухананъ и Флойдъ сошли со сцены, и несчастные наследники такъ и не получили присужденныхъ имъ денегъ. Первое, что сдѣлалъ конгрессъ въ 1861 г., было—отмѣнить, постановленіе 1-го іюня 1860 г., на основаніи котораго Флойдъ составилъ свой расчетъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Флойду, а безъ сомнѣнія также и наследникамъ Фишера, пришлось оставить на время свои финансовыя дѣла и вступить въ конфедераціонную армію.

Были ли наследники Фишера убиты на войнѣ? Нѣтъ. Въ то время, когда пишутся эти строки (въ іюль 1870 г.), они снова въ Вашингтонѣ и осаждаютъ конгрессъ просьбами о новомъ пересмотрѣ ихъ претензій.

Все вышеизложенное—фактъ. Кто сомнѣвается, можетъ отпра-

виться въ сенатъ и тамъ попросить себѣ подлинныя документы, относящіяся къ этому знаменитому дѣлу.

Я убѣжденъ, что до тѣхъ поръ, пока американскій материкъ не исчезнетъ, наслѣдники покойнаго Джорджа Фишера все будутъ отъ времени до времени совершать благочестивыя странствія изъ болотъ Флориды въ Вашингтонъ, съ цѣлью выпросить еще малую толику деньжонокъ въ возмѣщеніе понесенныхъ ими убытковъ. Даже въ ту пору, когда имъ былъ выплаченъ послѣдній грошъ изъ вышеупомянутыхъ 67 тыс. долларовъ, они объявили, что это—только четверть того, что правительство должно имъ за пресловутыя поля манса. Но сколько бы они ни прѣзжали, всегда они найдутъ у насъ людей, готовыхъ хлопотать за нихъ передъ конгрессомъ. Это—далеко не единственный случай обмана съ унаслѣдованною претензію (если тутъ есть вообще обманъ, что, какъ я уже выше замѣтилъ, не доказано)—обмана, переходящаго изъ поколѣнія въ поколѣніе, отъ отца къ сыну и спокойно практикуемаго ими на бѣдномъ казначействѣ Соединенныхъ Штатовъ.

IV.

Застольная рѣчь,

произнесенная на банкетѣ, данномъ въ Лондонѣ американцами въ честь 4-го іюля ¹.

Господинъ предѣдательствующій, милостивыя государыни и милостивые государи! Благодарю васъ за честь, которую вы мнѣ оказали, и, чтобъ доказать вамъ, какъ высоко она цѣнится мною, не стану мучить васъ продолжительною рѣчью. Отраднo праздновать на этой старой родной почвѣ годовщину попытки, которая такъ много лѣтъ тому назадъ была порождена войною съ этимъ самымъ государствомъ и, благодаря патриотическому рвенію нашихъ отцовъ, имѣла такіе благотворные результаты. Почти сто лѣтъ потребовалось для того, чтобы поставить англичанъ и американцевъ въ тѣ взаимно-дружескія отношенія, въ которыхъ они находятся теперь, но, я полагаю, что эта цѣль вполне уже достигнута. Уже и то былъ большой шагъ впередъ, что послѣднія недоразумѣнія устранены не пушками, а третейскимъ судомъ; но еще болѣе значительнымъ шагомъ впередъ было признаніе Англіею нашихъ сѣятельныхъ машинъ безъ заявленія пре-

¹ День объявленія независимости Соединенныхъ Штатовъ.

тенин—какъ это обыкновенно дѣлалось—что ихъ изобрѣли не мы, а англичане. Съ тѣхъ поръ сдѣлать недавно еще шагъ: Англія ввела у себя одинъ изъ нашихъ спальныхъ вагоновъ. И толще, чѣмъ я могу выразить, сдѣлалось у меня на сердцѣ вчера, при видѣ трогательнаго зрѣлища, какъ одинъ англичанинъ, по собственной инициативѣ, безъ малѣйшаго принужденія съ чьей бы то ни было стороны, заказалъ себѣ американскій напитокъ изъ хереса и при этомъ, съ величайшею предусмотрительностью и тонкостью, напомнилъ кельнеру, что тутъ существенно необходима земляника. Общность происхожденія, одинъ и тотъ же языкъ, одна и та же литература, одна и та же религія, одни тѣ же напитки—чего еще нужно для твердаго слянія обѣихъ націй въ одинъ прочный братскій союзъ? Нашъ вѣкъ—вѣкъ прогресса, и наша страна энергически идетъ впередъ. Это—страна великая и славная, страна, которая произвела Вашингтона, Франклина, Лонгфелло, Мотлея, такой конгрессъ (я говорю о послѣднемъ), какому никогда не было подобнаго (т. е. въ извѣстныхъ отношеніяхъ), и такую армію, которая въ какихъ-нибудь восемь мѣсяцевъ побѣдила шестьдесятъ индѣйцевъ, побѣдила тѣмъ, что до послѣдней степени утомила ихъ, что, конечно, несравненно лучше всякой нецивилизованной рѣзни. У насъ существуетъ такая система суда присяжныхъ въ уголовныхъ дѣлахъ, какой не найдете нигдѣ въ мірѣ, и ея достоинства умаляются только трудностью ежедневно находить двѣнадцать чело-вѣкъ, рѣшительно ничего не знающихъ и не умѣющихъ читать. Считаю себя вправѣ замѣтить также, что мы имѣемъ такіа «смягчающія обстоятельства», которыя спасли бы отъ наказанія самого Кавна. Смѣю думать, и говорю это съ гордостью, что по нѣкоторымъ вопросамъ ни одно законодательство на земномъ шарѣ не сравнится съ нашимъ.

Съ отраднымъ чувствомъ указываю я на нашу желѣзнодорожную систему, которая оставляетъ насъ въ живыхъ, хотя могла бы поступать съ нами очень строго, такъ какъ мы простые смертные, вступая въ вагонъ, уже перестаемъ принадлежать себѣ, но составляемъ собственность заинтересованныхъ въ желѣзной дорогѣ господъ. Въ прошедшемъ году наши желѣзные дороги уничтожили всего три тысячи семьдесятъ человѣческихъ существованій, посредствомъ столкновеній поѣздовъ, и двадцать семь тысячъ двѣсти шестьдесятъ, давнивъ на поворотахъ неосторожныхъ и никому ненужныхъ людей. Желѣзнодорожныя компаніи искренно оплакали смерть этихъ тридцати тысячъ чело-вѣкъ и зашли даже такъ далеко, что заплатили за нѣкоторыхъ изъ нихъ. Само собою разумѣется, онѣ сдѣлали это

добровольно, ибо и самый гнуснѣйшій въ нашемъ населеніи не рѣшится утверждать, что есть у насъ судилище, способное дойти до такой низости, чтобы пропустить какой бы то ни было законъ, направленный противъ желѣзнодорожныхъ компаній. Но, благодаря Господу Богу, компаніи наши всегда готовы безъ всякаго принужденія исполнять все, требуемое человѣколюбіемъ и справедливостью. Мнѣ извѣстенъ одинъ примѣръ, который въ то время очень тронулъ меня. Послѣ несчастнаго случая на желѣзной дорогѣ, правленіе компаніи прислало мнѣ въ корзину уцѣлѣвшіе останки одного моего родственника и при этомъ записку: «Увѣдомьте насъ, пожалуйста, сколько желаете вы получить за него, и возвратите корзину». Можно ли поступать гуманнѣе и привѣтливѣе?

Но я нахожу неприличнымъ цѣлый вечеръ все хвалиться и хвалиться. А между тѣмъ, хватить ли у кого-нибудь духу обвинять человѣка за то, что онъ въ такой день, какъ четвертое іюня, немного похвастается своимъ отечествомъ? Мы живемъ въ такое время, когда дозволяется и разрѣшается искать орла подъ облаками. Прибавлю еще два-три слова похвалы. Вотъ они. Мы обладаемъ такою формою государственнаго устройства, которая даетъ каждому полную возможность добывать себѣ выгоды и никому не оказываетъ предпочтенія въ ущербъ другимъ. У насъ никто не родится съ правомъ смотрѣть свысока на своего ближняго и презирать его. Да послужить это обстоятельство утѣшеніемъ для тѣхъ изъ насъ, которые не надѣлены герцогскимъ саномъ. А на будущее время не станеть упускать изъ вида, что, какъ ни плачевно свойство нашей политической нравственности, но Англія вышла на хорошую дорогу изъ еще болѣе гнилаго положенія, образовавшагося въ тѣ дни, когда Карлъ Первый возводилъ въ дворянское достоинство продажныхъ женщинъ, а любая государственная должность была предметомъ купли и продажи. Стало быть, мы еще можемъ надѣяться...

V.

Письма китаецца изъ Америки на родину.

Письмо первое.

Шанхай, 18...

Любезный Тянгъ-фу! Все уже устроено; я оставилъ мое угнетенное и вслѣдствіи-обремененное отечество и плыву черезъ

смотреть въ ту благодородную сторону, гдѣ всё свободны и равны, гдѣ никого не унижаютъ и не притѣсняютъ—въ Америку! Въ Америку, драгоценное преимущество которой состоитъ въ томъ, что она имѣетъ право называть себя землей свободныхъ людей и родиной храбрыхъ. Мы и всё, насъ окружающіе, тоскливо глядимъ въ ту сторону, когда мысленно сравниваемъ лишения, которыми полно наше отечество, съ тѣмъ благосостояніемъ и процвѣтаніемъ, которое вышло на долю этого блаженного пріюта. Намъ известно, какъ радушно Америка принимала и принимаетъ и нѣмцевъ, и французовъ, и несчастныхъ ирландцевъ, мы знаемъ, сколько она доставляетъ имъ хлѣба, работы и свободы, и какъ они благодарны ей за все это. Знаемъ мы также, въ какой степени радушно готова Америка открывать свои двери всѣмъ другимъ угнетеннымъ народамъ и надѣлать ихъ отъ своихъ избытковъ, не спрашивая объ ихъ національности, вѣрноподданіи, цвѣтѣ кожи... Прощай.

А-Сонгъ-гей.

Письмо второе.

Въ морѣ.

Любезный Тчингъ-фу! Въ настоящую минуту мы уже далеко въ открытомъ морѣ на пути къ прекрасной землѣ свободныхъ людей и родиной храбрыхъ. Скоро, скоро будемъ мы тамъ, гдѣ всё люди равны и споры человѣческія неизвѣстны.

Добрый американецъ, нанявшій меня для того, чтобы я поѣхалъ съ нимъ въ его отечество, будетъ платить мнѣ двѣнадцать долларовъ въ мѣсяцъ—жалованье огромное, въ двадцать разъ болѣе того, которое получается у насъ въ Китаѣ. Хотя то, что стоить мой проѣздъ на кораблѣ—сумма очень большая, чуть не цѣлое состояніе, и мнѣ, въ концѣ-концовъ, придется заплатить ее самому, но мой новый хозяинъ предоставляетъ мнѣ для этого совершенно достаточный срокъ. Только ради простой формы оставилъ я въ залогъ у компаньона моего хозяина, въ обезпеченіе вѣрности платежа путевыхъ издержекъ, мою жену, сына и обычныхъ дочерей. Но мой наемщикъ говоритъ, что я не возьмю ему, а это—главное перучительство.

Я полагалъ, что буду имѣть двѣнадцать долларовъ при прибытіи въ Америку, но оказалось, что американскій консулъ въ Китаѣ взялъ изъ нихъ два за паспортъ, безъ котораго я не могъ быть принятъ на пароходъ. Ему предоставлено право взымать по два доллара за *одинъ* паспортъ для всѣхъ китайцевъ, отправляющихся на кораблѣ въ Америку, но онъ предпочитаетъ

навязывать каждому китайцу отдѣльный паспортъ, а деньги прятать въ себѣ въ карманѣ. Такъ какъ на нашемъ пароходѣ было 1,300 моихъ соотечественниковъ, то консулъ получилъ за паспорта 2,600 долларовъ. По словамъ моего хозяина, правительство въ Вашингтонѣ знаетъ объ этомъ обманѣ и такъ возмущено имъ, что употребляло всевозможныя усилія убѣдить конгрессъ облечь въ законную форму это вымогат... эту пошлину, хочу я сказать. Но такъ какъ касающійся этого предмета законопроектъ не прошелъ, то консулъ будетъ незаконно взимать пошлину до тѣхъ поръ, пока слѣдующій конгрессъ не узаконитъ ея. Великая, добрая и благородная страна, ненавидящая всякую форму несправедливости и клеузничества!

Мы помѣщаемся въ той части судна, которая всегда отводится для моихъ соотечественниковъ. Ее называютъ пространствомъ между верхней и нижней палубой. Намъ, какъ объяснилъ мой хозяинъ, она предоставляется потому, что тутъ мы не подвержены переменамъ температуры и опасному теченію сквознаго вѣтра. Это—только самый незначительный примѣръ милой и нѣжной заботливости, съ которою американцы относятся ко всѣмъ несчастнымъ чужеземцамъ. Хотя и наше помѣщеніе черезъ чуръ набито людьми и въ немъ довольно жарко и тѣсно, но, безъ сомнѣнія, такъ оно и слѣдуетъ для нашей же выгоды.

Вчера затѣялась ссора между моими земляками, вслѣдствіе чего капитанъ пустилъ въ нихъ густую струю горячаго пара и обварилъ, болѣе или менѣе сильно, человекъ восемьдесятъ или девяносто. Начались страшные крики и сумятица, во время которой многіе изъ тѣхъ, что остались необваренными, были раздавлены или тяжело ранены. Мы не жалуемся, такъ какъ мой хозяинъ говорилъ, что таковъ обыкновенный способъ усмиренія беспорядковъ на кораблѣ и что съ американцами поступаютъ въ каютахъ точно также.

Позавидууй мнѣ, Тчингъ-фу! Еще десять дней — и я вступлю на берегъ Америки! Я буду принять ея великодушными народомъ и почувствую, что я—свободный человекъ между свободными.

Письмо третье.

Сан-Франциско.

Милый Тчингъ-фу! Ликуя, вышелъ я на берегъ. Мнѣ хотѣлось плясать, кричать, пить, цѣловать благородную землю свободныхъ и храбрыхъ. Но въ то время, какъ я сходилъ по доскѣ, одинъ господинъ, въ сѣромъ мундирѣ¹, далъ мнѣ сзади силь-

¹ Полицейскій.

наго пинжа и сказать, чтобъ я былъ осторожнѣе: такъ, по крайней мѣрѣ, переверь его слова мой хозяинъ. Не успѣлъ я обернуться, какъ другой чиновникъ такого же сорта, хватилъ меня коротенькой палкой и тоже приказалъ быть осторожнѣе. Только-что я хотѣлъ вѣзаться за конецъ песта, на которомъ висѣла корзина съ вещами моими и, какъ третій чиновникъ ударилъ меня плеткой, чтобъ показать, что я долженъ поставить корзину на землю, а вслѣдъ затѣмъ наградилъ пинкомъ въ знакъ своего довольства послѣдностью, съ которою я повиновался ему. Тутъ явился новый господинъ, который сталъ перерывать наши вещи сверху до низу и вываливать все на грязную мостовую пристани. Потомъ, онъ же, вмѣстѣ еще съ однимъ товарищемъ, начали обыскивать самихъ насъ. Они нашли маленькую пачку опиума, которая была зашита въ искусственной части косы Гонгъ-Во. Она была немедленно отобрана ими, самъ же Гонгъ-Во арестованъ и переданъ одному чиновнику, который тутъ же увелъ его. Конфисковали они также и его вещи, а такъ какъ нашъ багажъ былъ въ такой степени перевернутъ и перерытъ ими, что отличить его вещи отъ моихъ они не могли, то было забрано все. Я было вывѣлся помочь имъ въ отдѣленіи моихъ вещей, но они пингами прогнали меня и посоветовали быть осторожнѣе.

Такъ какъ теперь у меня не осталось ни багажа, ни компаньона, то я попросилъ у моего хозяина позволенія немного прогуляться по городу; мнѣ не хотѣлось показывать, что я немного рассерженъ пріемомъ, встрѣченнымъ въ милomъ пріютѣ всѣхъ угнетенныхъ, и потому я придалъ своему лицу самое привѣтливое выраженіе и говорилъ самымъ веселымъ тономъ. Но хозяинъ возразилъ: «Погоди немного; надо тебѣ сперва привить оспу, чтобъ не заболѣлъ». Я улыбнулся и отвѣчалъ, что у меня оспа уже была, какъ свидѣтельствуютъ знаки на моемъ лицѣ, и что поэтому мнѣ не зачѣмъ прививать ее. Но онъ опять возразилъ, что того требуетъ законъ и что не привить нельзя ни въ какомъ случаѣ; «докторъ, сказалъ онъ:—ни за что не выпустить тебя отсюда безъ этого, потому что законъ обявляеть его прививать оспу всѣмъ китайцамъ, и за это онъ получаетъ съ cadaго десять долларовъ. А ты можешь быть увѣренъ, что ни одинъ докторъ, не выпуститъ изъ рукъ слѣдующихъ ему денегъ только ради угожденія дураку, который нашелъ удобнымъ для себя получить эту болѣзнь въ другой странѣ». Скоро послѣ этого дѣйствительно явился докторъ; онъ сдѣлалъ свое дѣло и отобралъ у меня мои послѣдніе десять долларовъ — плоды почти полуторогодовыхъ трудовъ и лишеній. Ахъ, еслибъ законодатели знали, что въ го-

родѣ существуетъ множество докторовъ, которые съ радостью прививали бы оспу за одинъ или два доллара, они, конечно, не установили бы такой высокой цѣны за бѣднаго, одинокаго ирландца, итальянца или китайца, который бѣжалъ въ обитованную землю, чтобы спастись отъ голода и тяжелыхъ обстоятельствъ!

Письмо четвертое.

Сан-Франциско.

Дорогой Тчингъ-фу! Я здѣсь уже цѣлый мѣсяцъ и каждый день знакомлюсь немного съ здѣшнимъ языкомъ. Нашему хозяину не удалось его планъ—отдать насъ въ наемъ на плантаціи отдаленнаго востока этой части свѣта. Спекуляція оказалась неисполнимою, вслѣдствіе чего онъ отпустилъ всѣхъ насъ и принялъ мѣры только къ тому, чтобы вернуть деньги, которыми онъ заплатилъ за нашъ проѣздъ на пароходъ. Мы должны возвратить ихъ изъ перваго нашего заработка здѣсь. По его словамъ, на каждого приходится шестьдесятъ долларовъ.

Такимъ образомъ, черезъ двѣ недѣли послѣ нашего прибытія сюда, мы уже получили свободу. До этого времени насъ всѣхъ держали въ нѣсколькихъ домикахъ. Я отправился на поиски работы. Мнѣ приходилось начинать жизнь одинокимъ въ чужой странѣ, безъ единого друга, безъ гроша въ карманѣ и только съ тѣмъ платьемъ, которое было надѣто на мнѣ. Всѣ выгоды моего положенія ограничивались хорошимъ здоровьемъ и отсутствіемъ страха, что кто-нибудь украдетъ мои вещи. Но тутъ же я разсудилъ, что у меня было и еще огромное преимущество передъ бѣдными другихъ странъ: я находился въ устроенномъ самомъ небожѣ пріютѣ угнетенныхъ и повинутыхъ.

Эти рѣшительныя мысли проходили у меня въ головѣ, какъ вдругъ нѣсколько молодыхъ людей стали травить на меня злую собаку. Я попытался было защищаться, но безуспѣшно. Я прижался къ затвореннымъ воротамъ одного дома, но черезъ это очутился вполне во власти собаки: она хватала меня за горло, за лицо, за всѣ части тѣла. Я вопилъ о помощи, а молодые люди только хохотали и надѣвались надо мною. Двое господъ въ сѣрыхъ мундирахъ—ихъ титулуютъ здѣсь полицейскими—съ минуту поглядѣли на меня и затѣмъ медленно удалились. Но одинъ прохожій остановилъ ихъ и сказалъ, что стыдно и позорно оставлять меня въ такомъ положеніи. Тогда полицейскіе ударили собаку своими плеточками и обратили ее въ бѣгство, и я очень порадовался своему освобожденію, хотя кровь текла у меня по всему тѣлу, съ головы до ногъ. Господинъ, оставивъ-

ній полицейскихъ, спросилъ молодыхъ людей, почему они такъ жестоко поступили со мною, и получалъ въ отвѣтъ просьбу не мѣшаться въ чужія дѣла. «Эти проклятые Тчинги пріѣзжаютъ въ Америку, чтобы вырывать хлѣбъ изо рта у порядочныхъ об-
лныхъ людей, и когда мы пытаемся отстаивать наши права, изъ-за этого затѣваютъ Богъ вѣсть какія исторіи».

Они стали грозить моему благодѣтелю, и онъ поспѣшилъ удалиться, такъ какъ не видѣлъ ничего дружескаго на лицахъ толпы, которая, между тѣмъ, стала собираться вокругъ насъ. Нѣсколькихъ ругательствъ и проклятій полетѣли ему вслѣдъ.

Тутъ полицейскіе объявили мнѣ, что я арестованъ и долженъ отправиться съ ними. Я спросилъ одного изъ нихъ, за какой же проступокъ меня арестовали; но онъ только хватилъ меня плетью и приказалъ «держаться языкъ на привязи». Сопровождаемый насмѣшливыми и бранчивыми криками цѣлой шайки уличныхъ мальчишекъ и зѣвакъ, я былъ отведенъ въ вымощенную камнями тюрьму, на одной сторонѣ которой находились сверху до низу большія кѣтки съ желѣзными дверьми. Меня поставили передъ столомъ, за которымъ одинъ господинъ что-то писалъ обо мнѣ на аспидной доскѣ. Одинъ изъ полицейскихъ, арестовавшихъ меня, сказалъ ему: «Запишите жалобу на этого китайца за неприличное поведеніе и нарушеніе общественнаго спокойствія».

Я попытался-было сказать что-нибудь въ свое оправданіе, но писавшій закричалъ:

— Молчать! Совѣтую тебѣ лучше поджечь хвостъ. Вотъ ужъ второй или третій разъ, какъ ты попадаешься съ твоимъ проклятымъ нахальствомъ. Болтовня тутъ не поможетъ. Молчи и не куражся, не то, мы тебя какъ разъ заставимъ присмирѣть...

Послѣ этого меня обыскали съ головы до ногъ. Само собою разумѣется, не нашли ровно ничего. Это, повидимому, очень разсердило ихъ, и они спросили: кто, по моему мнѣнію, можетъ поручиться за меня или заплатить слѣдующій съ меня штрафъ? Когда этотъ вопросъ мнѣ растолковали какъ слѣдуетъ, я отвѣчалъ, что не сдѣлалъ никому ничего дурного и поэтому не понимаю, за что я долженъ представлять поручительство или платить штрафъ? Тутъ оба они дали мнѣ нѣсколько пинковъ и посоветовали, въ моихъ же собственныхъ интересахъ, быть вѣжливымъ и уступчивымъ. Я возразилъ, что и въ умѣ не имѣлъ чего бы то ни было непочтительнаго. Послѣ этого, одинъ изъ нихъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ:

— Послушай-ка, Джонни, никакого проку не выйдетъ для

тебя изъ того, что ты хитришь съ нами. Видишь что, братецъ намъ недосугъ, и чѣмъ скорѣ отдашь ты пять долларовъ, тѣмъ легче избавишься отъ большихъ неприятностей. Меньше, чѣмъ за пять долларовъ, мы тебя выпустить не можемъ. Кто здѣсь въ городѣ твои друзья?

Я отвѣчалъ, что во всей Америкѣ не имѣю ни единого друга, что я остался совсѣмъ одинокой на далекой чужбинѣ и очень бѣденъ, и заключилъ свою рѣчь просьбою выпустить меня.

Тогда онъ схватилъ меня за воротъ блузы, потащилъ за собою, отперлъ желѣзную дверь одной изъ кѣтокъ, швырнулъ туда и сказалъ: «Такъ сгнивай же здѣсь, проклятый, до тѣхъ поръ, пока узнаешь, что въ Америкѣ нѣтъ мѣста для людей твоего сорта».

П. И. В.

ЖОРЖЪ-ЗАНДЪ.

I.

Во Франціи надъ свѣжею могилою Жоржъ-Зандъ раздалися два приговора корифеевъ современной французской литературы. Приговоры эти, хотя и произнесены людьми совершенно противоположныхъ взглядовъ на искусство, Тэнномъ и Зола, носятъ на себѣ общій характеръ суживанія мысли и паденія идеала. Тэнъ одобрительно относится къ произведеніямъ Жоржъ-Зандъ, созданнымъ тревожнымъ духомъ періода «бурь и возмущеній, переживъ который, она вступила на прямой широкой путь, на путь Гёте и всѣхъ истинно благодѣтельныхъ умовъ», и отдаетъ преимущество романамъ второй половины ея творчества передъ первыми—созданіями, порожденными мученіями страстной и мощной души, жаждавшей правды и счастья человѣчества, когда передъ ней была сорвана завѣса, скрывавшая зло, и впервые заколебалась та почва, на которой она стояла съ пробужденія сознанія. Тэнъ предпочитаетъ романы второй половины ея жизни, когда Жоржъ-Зандъ, какъ онъ говоритъ, начала примиряться съ дѣйствительностью. Зола тотъ просто повторяетъ избитыя нападки на женщину, желавшую играть въ творчествѣ роль мужчины и занявшую только его слогъ. Признавая въ ней натуру сильную, прекрасную, онъ о творчествѣ ея говоритъ: въ Жоржъ-Зандъ *le style c'est l'homme*, и не видитъ въ ней ума сильнаго и философскаго, несмотря на «сильную примѣсь мистицизма, ума, который, нося колоритъ своего времени, зорко видѣлъ зло и искалъ средствъ спасенія».

не видѣть страстнаго чувства, обнимающаго челоуѣчество любовью такой широкой, которая рѣдко бываетъ удѣломъ женщинъ—чувства, наболѣвшаго всѣми недугами вѣка до того, что и въ ранней молодости, когда горькая чаша знанія жизни впервые коснулась устъ ея, Жоржъ-Зандъ искала смерти, потомъ въ послѣдствіи звала ее и въ зрѣломъ возрастѣ, когда разбились заветныя надежды ея и наступало царство общественнаго растлѣнія.

Жоржъ-Зандъ была типической представительницей вѣка. Говорили: «вѣкъ Жоржъ-Зандъ», какъ говорили «вѣкъ Байрона». Жоржъ-Зандъ создала духъ романтизма вмѣстѣ съ духомъ анализа: но романтизмъ ея, вмѣсто того, чтобы воскрешать отжившее, какъ романтизмъ Шатобриана и Шлегелей, принялъ сильную окраску социализма христіанства Пьера Леру и Ламенна. Анализъ былъ мучительной пыткой для страстной и поэтической натуры, жаждавшей истины, гармоніи и красоты жизни. Жоржъ-Зандъ уходила отъ него въ свои мечты о времени иномъ и иныхъ людяхъ. Романы ея были отголосками мечтаній и надеждъ, которыми жили лучшие люди тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Вліяніе Жоржъ-Зандъ на русское общество, т. е. на ту горсть его, которая жила мыслью, было сильно въ сороковыхъ годахъ. Подъ вліяніемъ людей, воспитанныхъ отчасти ею, выросли и мы. Въ перепискѣ нашихъ людей сороковыхъ годовъ можно прослѣдить вліяніе Жоржъ-Зандъ. Оно являлось поправкой крайнему увлеченію односторонне понятымъ гегелианствомъ и тѣми выводами, къ которымъ привелъ неполно-использованный афоризмъ германскаго философа: что дѣйствительно, то—разумно. Вѣлинскій, въ періодъ поклоненія своему искусству для искусства, несочувственно отнесшійся въ Жоржъ-Зандъ, въ послѣднихъ и лучшихъ статьяхъ своихъ сказалъ: «Жоржъ-Зандъ, это—безспорно первая поэтическая слава современнаго міра. Какими бы ни были начала ея, съ ними можно не соглашаться, ихъ можно не раздѣлять, ихъ можно находить ложными, но ея самой нельзя не уважать, какъ челоуѣка, для котораго убѣжденіе есть вѣрованіе души и сердца. Оттого произведенія ея глубоко западаютъ въ душу и никогда не изглаживаются изъ ума и памяти. Оттого талантъ ея не слабѣетъ ни въ силѣ, ни въ дѣятельности, но крѣпнѣетъ и растетъ. Такие таланты замѣчательны еще, какъ характеры нравственные и энергическіе, которыхъ жизнь такъ же безупривзненна, какъ глубоки и свѣтлы ихъ созданія, трепещущія симпатіей къ челоуѣчеству и любовью къ нему».

Жоржъ-Зандъ играла видную роль въ числѣ вліяній, заставившихъ Вѣлинскаго краснѣть при воспоминаніи о статьѣ «Воро-

динская Годовщина». Телстическая философія ея, которая дѣлаетъ произведенія ея теперь чуждыми для насъ, была въ то время откровеніемъ болѣе свѣтлаго міросозерцанія для нашего общества, толчкомъ для пробужденія коснѣвшей мысли. Отрицаніе сдѣлало бы ея романы мало доступными пониманію большинства людей мыслящихъ. Еще такъ недалеко было время, когда дѣйствомъ общества были масоны. Идеи братства и свободы, проповѣдуемыя Жоржъ-Зандомъ, могли привѣяться всего удобнѣе подъ этой формой.

Цѣлое поколѣніе русскихъ женщинъ выросло на Жоржъ-Зандъ. Вліяніе ея было осмѣяно болѣе или менѣе остроумно нашими критиками того времени, и это понятно. Но непонятно, что Зола повторяетъ теперь эти насмѣшки, говоря, что романы Жоржъ-Зандъ доставляли многимъ женщинамъ удовольствіе измѣнять мужу въ тайнѣ и прелюбодѣйствовать въ мечтахъ. До Зола Сенковский и Булгаринъ говорили то же, и всѣ скандалы нашей некавказской жизни, всю женскую распущенность, созданную невѣжествомъ женщины и испорченностью мужчины, приписывали Жоржъ-Зандъ, какъ будто Жоржъ-Зандъ, подымавшая такъ высоко идеаль любви, была повинна въ массѣ расплодившихся въ то время «непонятныхъ женщинъ», которыя были способны изъ романовъ ея понять только любовныя сцены и вычитанными фразами объ идеальныхъ стремленіяхъ прикрывать вовсе не идеальными пополюзованіями погулять отъ мужа, который имъ былъ подъ нару, съ любовникомъ того же разбора. Но надъ толпой такихъ жоржъ-зандистокъ стояли женщины, измученныя гнѣтомъ и ложью жизни, жаждавшія правды, свѣта, человѣчнаго счастья, женщины, порывы которыхъ уйти изъ каторжной семьи, душившей ихъ, были вполне законны, потому что въ нихъ глухо бродили силы для лучшаго. Каждая изъ такихъ женщинъ скажетъ, что если къ ней проснулось совнаніе, что она — человѣкъ, а не вещь, которую могутъ располагать по произволу, не рабыня, прикованная къ позору и лжи и обреченная цѣлую жизнь выносить насиліе, если въ ней проснулось пониманіе великихъ задачъ жизни, потребность приобщиться къ нимъ и выйти изъ вѣковаго коснѣнія, въ которомъ ее держали — то всѣмъ этимъ она обязана Жоржъ-Зандъ. Труды мыслителей были недоступны женщинамъ, за весьма немногими исключеніями. Мысль русской женщиной долго спала тяжелымъ сномъ. Вліяніе европейской мысли могло дойти до нея только въ формѣ романа. И русская женщина въ романахъ Жоржъ-Зандъ нашла объясненіе всему, что смутно бродило въ ней, что она въ страхѣ

заглушала, какъ ересь, какъ преступленіе. Но чуть слово коснулось ея слуха, оно освѣтило хаосъ и указало путь въ мракъ. Ты не должна прозябать въ темнотѣ, говорила ей Жоржъ-Зандъ, ты призвана для великой цѣли, ей ты должна служить, будешь ли ты любимой, счастливой подругой твоего избранника, матерью, или одинокимъ существомъ. Любовь была твоимъ миромъ, но и любовь можетъ быть крѣпка и свята только служеніемъ великимъ цѣлямъ жизни.

Несмотря на громадное значеніе, которое Жоржъ-Зандъ имѣла на развитіе нашего общества, смерть Жоржъ-Зандъ прошла почти незамѣтно у насъ: были двѣ, три газетныя статьи—вошь и все.

Гдѣ причина такой забывчивости, отличающей русское общество? Забывчивость—принадлежность юности, а мы такъ любимъ оправдываться во всемъ нашею юностью въ сравненіи съ отживающей Европой. Но еслибы нашу забывчивость можно было приписать этой причинѣ, то было бы съ полагоря. Въ юности свѣжесть непочатыхъ силъ. Юность сулитъ пышный разцвѣтъ ихъ; юность скоро забываетъ многое, оттого что она перерастаетъ многое. Есть другого рода забывчивость—слѣдствіе неспособности прочно удерживать впечатлѣнія: она—признакъ или бѣдности почвы, на которой ничто не можетъ пустить крѣпкіе корни, или старчества, когда въ человѣкѣ замираетъ все, дѣлавшее его человѣкомъ, и остается одна забота о вкусномъ кускѣ да комфортѣ. Не эта ли забывчивость причиною нашего равнодушія къ гениальной сочинительницѣ? Здоровая юность не забываетъ благотворныхъ вліяній, они провожаютъ ее всю жизнь; и если юность и переростетъ ихъ отчасти, то они, и вдовозмѣненныя другими, живутъ въ ней.

Вліяніе Жоржъ-Зандъ было сильно только надъ одною горстью общества, въ которой жила мысль. Масса его, въ лицѣ предстателей своихъ Булгарина и Сенювскаго, осмѣлила пошлѣйшими насмѣшками лучшія произведенія Жоржъ-Зандъ, съ идиотскими и злорадостнымъ смѣхомъ подхватывала нелѣпѣйшія клеветы, которыми французское мѣщанство мстило ей за свой портретъ въ Бриколенѣ и въ дворянскѣ-помѣщикѣ отцѣ Андрѣ, воплотившемъ всю скаредность, тупоуміе и бездушіе представителей «разсудка и золотой середины». Гениальная женщина, съ ея мучительнымъ исканіемъ истины, съ ея жаждой правды, любви, съ ея идеалами человѣчества лучшихъ временъ, была не по плечу массѣ французскаго общества. Сказки Сю и Дюма расходились вдесятеро болѣе лучшихъ романовъ ея. Масса любитъ

видѣть въ писателѣ потѣшника, который развлекаетъ бы ея дико-винными разсказами; масса любитъ спокойствіе и затыкаетъ уши отъ слова, которое будитъ назойливо сонную мысль. Горе писателю, который захочетъ быть пророкомъ и учителемъ ея, кто покажетъ ей въ зеркалѣ непріятныя черты, въ которыхъ жирь и алчность вытравили человѣческую искру! Но двойное горе тому, кто, если и не покажетъ отраженія ея, дерзнетъ сказать ей, что измучился, глядя на эти черты, и, отворачиваясь отъ нихъ, создаетъ цѣлую вереницу образовъ лучшихъ людей, которыхъ должно дать будущее! Безобразіе отраженія пошлости и бездушія кажется еще возмутительнѣе въ сравненіи съ образами полными красоты. И безобразіе мститъ, закидывая грязью писателя. И тройное горе, если писатель этого—женщина. Она—существо, обреченное на подчиненіе, и осмѣлилась сказать своимъ владыкамъ и судьямъ:—смотрите, вотъ вы что такое и вотъ вы должны чѣмъ быть! Какъ не признать ее за то безумной мечтательницей, хуже—паріей, которую слѣдуетъ заклеить!

Жоржъ-Зандъ признана представительницей абсолютнаго идеализма въ искусствѣ—приговоръ, который слѣдуетъ принять съ извѣстнымъ ограниченіемъ. Во многихъ романахъ ея видны первые всходы реального искусства — во второстепенныхъ лицахъ, представителяхъ толпы, съ которою борются герои ея. Герои же, по собственному признанію ея, идеализованы. Она послѣдовала совѣту Бальзака, который сказалъ ей: «вы ищите такого человѣка, какимъ онъ долженъ быть; я беру его такимъ, каковъ онъ есть. Вѣрьте, мы оба правы. Обѣ дороги ведутъ къ одной цѣли. Я тоже люблю исключительныя существа, потому что самъ принадлежу къ нимъ; мнѣ они тоже нужны, чтобы отгнать моихъ пошлыхъ героевъ, и я никогда не приношу ихъ напрасно въ жертву. Но эти пошлыя существа интересуютъ меня болѣе, нежели васъ. Я идеализирую ихъ въ обратномъ смыслѣ, въ безобразіи и глупости ихъ. Я придаю уродству ихъ размѣры страшнаго или гротеска. Вы этого не можете сдѣлать и вы хорошо дѣлаете, что не останавливаетесь на существахъ, видъ которыхъ будетъ для васъ кошмаромъ. Идеализируйте въ красивомъ и прекрасномъ: это—дѣло женщины». Бальзака Золя называетъ отцомъ реализма въ искусствѣ, но изъ этого признанія видно, что онъ, какъ и Жоржъ-Зандъ, далекъ отъ реального искусства, и герои его—не живые люди, со всѣми колебаніями и противорѣчіями, съ борьбою инстинктовъ и чувствъ, которые живутъ въ человѣческой природѣ, съ плотью и кровью, надѣланными изъ всѣмъ, изъ чего слагается комедія человѣче-

*

своей жизни, но квинтъ-эссенція пошлости и грязи, такъ же, какъ герон комедіи Мольера—олицетвореніе страсти или порока. Онъ не видитъ въ жизни ничего, кромѣ комедіи, порой чудовищной и страшной, отъ которой болѣзненно содрагается человѣческое чувство, и, чтобы вызвать это содраганіе, онъ находитъ нужнымъ иногда создавать свѣтлые образы, чтобы мракъ казался страннѣе отъ свѣтлыхъ точекъ. Жоржъ-Зандъ поступала наоборотъ. Человѣческая порча является у ней только для того, чтобы еще ярче выставить свѣтъ ея идеальныхъ героевъ. И она не могла иначе поступать. Какъ женщина, она не могла видѣть иныхъ сторонъ порчи; нравственная атмосфера, окружающая женщину, всегда тѣснѣе, но и чище, въ отношеніи къ некоторымъ сторонамъ жизни. Общественная порча отражается на ней непосредственно, какъ и на всѣхъ, кто стоитъ въ сторонѣ отъ общественной жизни. Это должно было отражаться на творчествѣ. Глубокое чувство любви, которымъ отличалась Жоржъ-Зандъ, побуждало ее отворачиваться отъ мутящихъ душу картинъ грязи и разложенія. Нуженъ вѣрпкій закалъ мужества, нужна сила ненависти, чтобы всмотрѣться въ нихъ настолько, насколько это необходимо, чтобы потомъ перенести ихъ на полотно. И Жоржъ-Зандъ пошла другимъ путемъ, нежели Бальзакъ, и пришла къ той же цѣли, какъ и онъ—открывать обществу глаза на безобразіе дѣйствительности, пробуждать къ нему жажду лучшаго и силы взять эту дѣйствительность. Идеализація Жоржъ-Зандъ и идеализація въ другую сторону Бальзака, и реализмъ Золя приводятъ къ одному—недовольству всѣмъ, что гнететъ мысль, чувство, свободу.

Во время сильнаго вліянія Жоржъ-Занда, чадолюбивые родители, трепетавшіе при мысли, что дѣти ихъ заразятся зловреднымъ недовольствомъ жизнью, и мужья, считавшіе необходимымъ держать женъ подъ пожизненной опекой, какъ несовершеннолѣтнихъ, гнали Жоржъ-Зандъ, на томъ основаніи, что дѣти и жены, зачитавшіеся, создадутъ свой мечтательный міръ и будутъ рваться изъ того, въ которомъ ихъ держатъ. Въ наше время чадолюбивые родители и заботливые супруги на томъ же основаніи гонятъ писателей-реалистовъ. Увидѣвъ въ произведеніяхъ ея отраженіе дѣйствительности, и дѣти, и жены спрашиваютъ въ ужасѣ: неужели жизнь вездѣ такая? Слабые придутъ къ выводу:—если такая, то не стоитъ жить; къ тому же выводу приходили и тѣ слабые, которыхъ свѣтлые образы, созданные гениальной мечтательницей, заставляли отворачиваться отъ жизни. Сильные придутъ къ выводу, что жить можно, только работая

на то, чтобы эта безобразная, мутящая душу действительность стала человѣчнѣе—выводъ, равносильный тому страстному желанію осуществить хоть часть идеаловъ Жоржъ-Занда, которымъ она вдохновляла своихъ читателей въ пору самого сильнаго вліянія своего на умы.

Этимъ опредѣляется значеніе идеализма Жоржъ-Занда въ развитіи общества. О томъ, насколько идеализмъ этотъ вліялъ на художественность произведеній ея и на слово, которое она говорила обществу, будетъ сказано при разборѣ ея романовъ. Онъ не помѣшалъ ей создать нѣсколько реальныхъ типовъ, какъ Бриколенъ изъ «Мельника Анжибо», и чопорныхъ маркизъ и маркизовъ, представителей отживающаго міра. Чтобы понять вполне значеніе Жоржъ-Зандъ, нужно прослѣдить ея жизнь; она рассказала исторію своихъ идей и вліяній, подъ которыми онѣ сложились и, вмѣстѣ съ ними—ея оригинальная, энергическая и сильная натура.

II.

Жоржъ-Зандъ, Аврора Дюпенъ, родилась въ Парижѣ въ 1804 году. По отцу, она происходитъ отъ Мориса Саксонскаго, по матери—отъ простыхъ буржуа. Обстоятельства жизни родителей ея такъ сложились, что Жоржъ-Зандъ первыми впечатлѣніями дѣтства и молодости училась понимать все, что есть лживаго и лицемернаго въ прописной морали свѣта, и видѣть сколько прекрасныхъ, честныхъ силъ таятся въ тѣхъ, кого свѣтъ забрасываетъ камнями. Отецъ ея былъ офицеромъ наполеоновской арміи; онъ былъ храбрый солдатъ, пропитанный идеями республики, что не помѣшало ему служить Наполеону; сверхъ того, онъ былъ замѣчательно нѣжный сынъ. Мать его была рано выдана замужъ за шестидесятилѣтняго старика, и всю любовь свою сосредоточила на сынѣ. Эта любовь была единственною страстью ея жизни и принесла много горя и сыну, и внучкѣ Аврорѣ. Дюпенъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ связи съ женщиной, которая для него разорвала съ двусмысленнымъ прощедшимъ, отказалась отъ роскоши, слѣдовала за нимъ въ походахъ и выносила съ мужествомъ самоотверженной любви всѣ лишенія и опасности. Она не требовала ничего отъ него, она не думала ни о своемъ будущемъ, ни даже о будущемъ дѣтей. Дюпенъ давно бы женился на ней, еслибы не страхъ огорчить мать, которая, хотя и была поклонницей Руссо и Вольтера и свободно-мыслящей жен-

щиной для своего времени, но не хотѣла слышать о женитьбѣ его на падшей женщинѣ и упрекала его, зачѣмъ онъ смѣлъ полюбить другую женщину и дать ей соперницу. Она мечтала о прекрасной партіи для сына, о женѣ, выбранной ею самой и принятой съ тою благоразумною любовью, при которой она сохранила бы первое мѣсто въ сердцѣ сына и полное вліяніе на него. Безхарактерный молодой человекъ рѣшился жениться тайно и обмануть мать. Онъ давно бы долженъ былъ это сдѣлать, потому что любимая имъ женщина подвергалась самымъ грубымъ оскорбленіямъ и учитель его Дешатръ разъ даже просилъ мэра и муниципалитетъ выгнать ее изъ города, куда она пріѣхала. Дюпенъ рѣшился незадолго до рожденія Авроры. Обманутая мать писала въ Парижъ мэру округа, гдѣ былъ совершенъ гражданскій бракъ, собирала справки о поведеніи невестки и искала законныхъ поводовъ для признанія недѣйствительности брака. Но ихъ не было. Мэръ написалъ, «что невестка произвела на него впечатлѣніе порядочной, честной женщины». Неизвѣстно, рѣшилась ли бы раздраженная мать начать процессъ: она была въ Парижѣ и наводила у адвокатовъ необходимыя справки, когда сынъ прислалъ къ ней девятилѣтнюю Аврору—ребенокъ примирилъ семью. Бракъ былъ потомъ совершенъ по обрядамъ католической церкви. Мать Авроры имѣла свои оригинальныя понятія о бракѣ. Она не считала себя женой Дюпена, несмотря на гражданскій бракъ, узаконившій дочь, и признавала только религіозный, на который не хотѣла согласиться безъ согласія матери мужа. Бѣдная женщина никакъ не могла понять, почему свекровь ея такъ долго и упорно видѣла въ ней интриганку, которая вторлась въ семью.

Благодаря такимъ отношеніямъ, дѣтство и молодость Жоржъ-Зандъ прошли посреди домашнихъ бурь. Только впечатлѣнія отъ первыхъ годовъ были отрадны. Маленькая Аврора жила столько же дома, сколько въ семьѣ замужней тѣтки, сестры матери; и тѣтка, и мужъ ея были добрыми, простыми людьми; у нихъ была дочь, ровесница Авроры; сверхъ того, у Авроры была сестра Каролина отъ одной матери и другого отца, старше ея нѣсколькими годами—кроткое, доброе созданіе, обожавшее маленькую Аврору. Въ дѣтскихъ играхъ выказывалась ранняя и замѣчательная сила воображенія Жоржъ-Занда. Дѣвочки были воинственно настроены и играли постоянно въ сраженія; маленькая Аврора до того увлекалась игрой, что совершенно забывала, гдѣ она. Она не могла переходить такъ быстро отъ игры къ дѣйствительности, какъ другія дѣти. Мечты имѣли для нея

всю осознательность и яркость дѣйствительности, и ей стоило большого труда убѣдиться, что она въ уютной комнатѣ съ матерью, а не верхомъ на конѣ мчится по полямъ и буеракамъ.

Во время испанской войны, мать ея, беременная, отправилась съ нею, несмотря на всѣ опасности, къ мужу въ Мадридъ, и тамъ, въ угоду Мирата, нетерпѣвшаго маленькихъ дѣвочекъ, Аврору сдѣлали мальчикомъ. По окончаніи испанской войны, Дюпенъ перешагъ жить въ Ноганъ, имѣніе матери, и вскорѣ убѣлся, упавъ съ лошади. Маленькая Аврора осталась жить у бабушки. Мать уѣхала въ Парижъ; она не могла бросить старшую дочь, которая училась въ пансіонѣ, и для Авроры началась жизнь семейныхъ бурь во имя любви. Бабушка ревновала ее къ матери. Она, въ минуты раздраженія, видѣла въ невѣсткѣ всѣ пороки и хотѣла отдалить дочь отъ матери. Поклонница Руссо и Вольтера, подъ старость подпала влиянію кружка старыхъ маркизовъ, заразилась ихъ чопорностью и предрасудками, до того, что стала находить нецѣломудренными ласки матери и дочери и вывела исторію изъ того, что дочь иногда спала съ матерью. Потомъ начались преслѣдованія за дружбу Авроры съ Каролиной, незаконною дочерью матери. Бѣдная дѣвочка была безжалостно выгнана, когда она прибѣжала навѣстить сестру. Эти преслѣдованія раздули привязанность Авроры къ матери и сестрѣ въ страстное чувство.

Жизнь у бабушки заронила въ умъ Авроры первыя понятія о несправедливости неравенства между людьми. Аврора подружилась съ крестьянскими дѣтьми и съ маленькой Урсолой, племянницей горничной бабушки. Бабушка находила все это неприличнымъ. Дѣвочку преслѣдовали моралью о приличныхъ манерахъ, требовали, чтобы она береглась отъ загара, носила перчатки, не каталась по землѣ и не лазила по деревьямъ. Приживалки и прислуга, которые все болѣе и болѣе овладѣвали умомъ бабушки, наущивали и шпионничали, твердили Аврорѣ, что бабушка—ея благодѣтельница, что у матери она будетъ нищей, а у бабушки получить воспитаніе, которое необходимо для барышни хорошаго круга. Это заставило Аврору возненавидѣть и барство, и приличія, и грацію, которымъ ее поучали. Она говорила не разъ: «Я бы лучше хотѣла быть быкомъ или осломъ: тогда меня оставили бы ходить, какъ я хочу, ѣсть траву, какъ вздумается; а изъ меня хотѣтъ сдѣлать ученую собачку, учать ходить на заднихъ лапкахъ и подавать лапку». Она съ восторгомъ схватилась за фантазію матери жить трудомъ, устроивъ

модный магазинъ, и мечтала, какъ она убѣжитъ къ ней отъ бабушки, когда магазинъ будетъ устроенъ. Мать скоро отказалась отъ фантазій. Аврора упорно держалась за нее, и на слова матери, что она упрекнетъ ее когда-нибудь за то, что лишилась наслѣдства, хорошаго воспитанія и блестящей партіи, отвѣчала: «Прекрасное воспитаніе! Изъ меня хотять сдѣлать деревянную куклу! Прекрасное замужество — съ какимъ-нибудь господиномъ, который будетъ стыдиться моей матери, выгонитъ ее изъ своего дома и заставитъ меня быть дурной дочерью! Я буду любить бабушку и готова играть съ нею въ лото по вечерамъ, но жить всегда съ нею не могу. Мнѣ не нужны ни ея деньги, ни замокъ. Пусть отдастъ все другимъ». Бабушка узнала объ этомъ и двѣнадцатилѣтней дѣвочки разсказала грубо, безпощадно исторію жизни ея матери и назвала ее «падшей». Это было сдѣлано съ похвальнымъ намѣреніемъ предостеречь ребенка отъ порчи. Аврора пережила страшный нравственный кризисъ. Святая привязанность, которой она жила, была отравлена. «Я не жила, говорить она:—я была равнодушна ко всему. Я не знала, люблю ли я, или ненавижу кого бы то ни было; я не чувствовала энтузіазма ни къ кому, я не чувствовала негодованія противъ кого бы то ни было. У меня, казалось, внутри было выжжено, была мучительная пустота вмѣсто сердца. Я могла сознавать только какое-то презрѣніе ко всему міру и горькое отвращеніе къ жизни. Я не любила болѣе и себя. Если мать моя была презрѣнна и ненавистна, то и я, плодъ ея, была тоже презрѣнна и ненавистна. Я не знаю, что побѣждало мнѣ сдѣлаться злой изъ одного чувства мизантропіи, съ этой минуты. Мнѣ сдѣлали страшное зло, которое могло иссушить во мнѣ всѣ источники нравственной жизни: вѣру, любовь и надежду».

Къ счастью, здоровая натура вышла побѣдительницей изъ этого кризиса, который могъ бы погубить всякую другую дѣвочку этихъ лѣтъ. Высоконравственные люди не вѣдали, что творили. Слова бабушки заставили Аврору еще сильнѣе привязаться къ бѣдной, поруганной матери, о поворѣ которой она имѣла смутное понятіе; но въ то же время заставили ее убѣдиться въ невозможности жить съ матерью. Аврора вообразила, что мать находится подъ несправедливымъ и незаконнымъ вліаніемъ какого-то неизвѣстнаго лица. Такъ долго дельянные дорогія мечты были разбиты. Она не стала стыдиться своей матери, какъ ожидала нравственная бабушка, но не могла думать жить съ нею, и жизнь потеряла для дѣвочки смыслъ. «Для того, чтобы жить, говорить Жоржъ-Зандъ въ запискахъ:—мнѣ всегда нужна была

привыкла рѣшимость жить для кого-нибудь или во имя чего-нибудь, для людей или для идеи. Эта потребность сложилась въ дѣтствѣ оттого, что мѣшали моей привязанности къ матери». Вмѣсто жизни съ любимой матерью, которая хоть иногда и била ее, но за то умѣла понимать всѣ дѣтскіе порывы, сочувствовать всѣмъ ея мыслямъ и радостямъ жизни въ кругу ея непритязательной, веселой и дружной родни, дѣвочку ждала чинная жизнь съ старухой, къ которой она была тоже искренно привязана, но которая леденила ее и своими глѣтами, и своею чопорностью. Дѣвочка начала всматриваться въ ожидавшую ея жизнь, и то, что она увидѣла впереди, не манило ея. Она говорила себѣ: «Все сводится на то, чтобы сдѣлаться прекрасной барышней, очень нарядной, очень чопорной, очень ученой, бранчащей на фортепіано передъ людьми, которые хвалятъ ее, не слушая и не понимая, равнодушной ко всѣмъ, любящей только блистать въ свѣтѣ, стремящейся только къ блестящему замужеству и продающей свою свободу и свою личность за карету, гербъ, тріанги и нѣсколько экю». Она стала мечтать о далекихъ путешествіяхъ; тамъ люди гибнутъ, все равно, а покамѣстъ порѣшила жить, не думая ни о чемъ, потому что ничто не привлекало ее въ окружающей ея жизни. Но ядъ все еще былъ въ ранѣ, и дѣвочкой часто овладѣвала такая мучительная тоска, что она бѣжала къ товарищамъ своимъ, крестьянскимъ дѣтямъ, за дружбу съ которыми ей такъ доставалось, и старалась оглушить себя шумнымъ весельемъ. Бабушкѣ пришлось, наконецъ, допустить игры въ полѣ и въ лѣсу, потому что того требовало здоровье дѣвочки.

Аврора не могла понять, почему находили неприличнымъ ея братскія отношенія къ дѣтямъ крестьянъ, почему запретили Урсулѣ, дочери крестьянъ и ея любимой подружкѣ дѣтства, говорить ей: ты. Когда Аврора на полевыхъ работахъ щедро одѣлала колосьями бѣдныхъ работницъ, она не понимала, почему Дешатръ, воспитатель ея отца, управлявшій имѣніемъ, принимался ворчать. На его упреки она отвѣчала исторіей Воова и Руен. Дешатръ за то поучалъ ее о важности собственности и словесными поученіями добился того, что дѣвочка въ двѣнадцатъ лѣтъ стала послѣдовательницей коммунизма собственнаго изобрѣтенія, самаго слѣпago и яраго. «Я прошу прощенія у общества, говоритъ Жоржъ Зандъ въ «Исторіи своей жизни»:—убѣжденіе, что равенство состояній есть законъ Бога и что все, что богатство даетъ одному, украдено у другихъ, вошло мнѣ въ голову въ двѣнадцатъ лѣтъ и вышло только для того, чтобы видо-

измѣниться, сообразуясь съ требованіями нравственными и существующими фактами». Дешатръ указывалъ ей на расходы, требуемые положеніемъ въ свѣтъ; она указывала на щету ихъ и составила себѣ идеалъ жизни стоика. Благодаря Дешатру, Аврора рано узнала некрасивыя стороны собственности. Старый педагогъ, изъ преданности къ семьѣ Дюпенъ, дрожалъ надъ каждымъ грошемъ и заводилъ нескончаемыя вляузы противъ бдѣльцовъ, которые подбирали сухія вѣтви въ рощѣ или чьи коровы и козы заходили въ поля. Аврора выпрашивала у бабушки деньги, чтобы возвратитъ штрафы, которые Дешатръ заставлялъ уплачивать сосѣднихъ крестьянъ. Но при этомъ она поневолѣ играла роль благодѣтельницы, отъ которой ее коробило. Въ дѣтской душѣ жилъ идеалъ равенства и братства. Благодарность товарищей дѣтства и родителей ихъ за благодѣяніе казалась ей обидной; она говорила, что поступала по справедливости, а родители хотѣли при ней битъ ея товарищей, чтобы научитъ ихъ впередъ лучше стеречь стада. Ребятишки очень часто бросали своихъ овецъ и возъ для игръ, первой затѣйщицей которыхъ была маленькая Аврора. «Во мнѣ съ каждымъ днемъ пробуждались инстинкты поэзіи и нѣжности, говоритъ Жоржъ-Занда:— и я проклинала судьбу, которая сдѣлала изъ меня владѣльницу замка.» «Не спрашивайте меня, говоритъ она далѣе:— почему, когда я могла бы чваниться извѣстнымъ аристократизмомъ происхожденія и цѣнить всѣ наслажденія извѣстнаго благосостоянія, я всегда отдавала свою заботливость и симпатію, свою задушевную привязанность угнетеннымъ. Эта склонность сложилась во мнѣ гораздо прежде, чѣмъ изученіе истины и приговоръ совѣсти сдѣлали ее моимъ долгомъ».

Образованіе Жоржъ-Занда шло нелѣпнымъ, но несомнѣннѣмъ обыкновеннымъ путемъ для того времени. Дешатръ, учитель отца ея, человекъ образованный, но педагогъ, училъ ее по-латыни и даже по-гречески; сверхъ того, онъ училъ ее французской версификаціи и ариметикѣ. Уроки эти были немилосердно скучны и надѣлали до тошноты ученицѣ. Для разнообразія, Дешатръ училъ ее ботаникѣ, причемъ считалось неприличнымъ говорить о полѣ растений, и ученье сводилось на задалбливанье произвольной латинской номенклатуры. Бабушка учила ее французскому языку, заставляла дѣлать выписки, но старуха хирѣла день ото дня, и уроки шли плохо; маленькая Аврора выучилась правильно писать не по грамматикѣ, а инстинктивно запоминая формы языка изъ прочитанныхъ книгъ. Сухая, бессмысленная долбня надѣдала дѣвочкѣ: она инстинктивно понимала бесплодность ея. Исто-

рія, географія и литература увлекли ее, но и эти уроки велись безъ всякой системы. Въ исторіи не давали общей идеи развитія человѣчества, не указывали на преимущество обществѣнныхъ формъ и создававшихъ ихъ идей, а просто учили одновременно исторіи разныхъ народовъ, безъ всякой общей связи; исторіи эти противорѣчили одна другой. Древняя исторія и исторія еврейскаго народа были полны мѣоовъ, которые увлекали воображеніе дѣвочки. Въ воспитаніи не было ни стройной системы, ни идеи. Умъ дѣвочки работалъ самостоятельно надъ тѣмъ, что нравилось. Отсутствие идеи въ преподаваніи исторіи, которое было только повѣствованіемъ о фактахъ, оставляло неудовлетворенною потребность анализа, которая начинала пробуждаться. Нѣкому было дать отвѣта на вопросы, шевелившіеся въ ея головѣ, указать ей, какъ понимать и историческихъ героевъ, и факты, и она исторію любила за литературную сторону. Она увлекалась историческими героями, украшала ихъ въ своихъ выпискахъ, старалась объяснить характеры ихъ даже тамъ, гдѣ авторъ не давалъ достаточно указаній.

Воображеніе работало неустанно. Еще трехлѣтнимъ ребѣнкомъ Жоржъ-Зандъ рассказывала безконечныя исторіи своей куколѣ, сочиняла въ головѣ фантастическія картины въ дѣйствиіи изъ нарисованныхъ на обояхъ нимфъ. Эта способность доводила ее до галлюцинацій. Позже, подъ вліяніемъ мѣоовъ исторіи, поэзіи и потребности найти высшее начало жизни, она создала генія или духа, котораго прозвала Корамбе и которому поклонялась въ тѣмномъ уголкѣ рощи, гдѣ устроила ему алтарь и приносила въ жертву гирлянды цвѣтовъ. Гёте рассказываетъ тоже о подобной фантазіи дѣтства. Этотъ Корамбе былъ созданъ отчасти мѣологіей, отчасти христіанскою поэзіей. Гомеръ и Тассо дали матеріалъ. Всего болѣе Корамбе былъ созданъ потребностью сердца найти примиреніе. Корамбе спасалъ всѣхъ угнетенныхъ, и на его алтарь Аврора выпускала на свободу птицъ и бабочекъ. Корамбе былъ благодѣтелемъ человѣчества. По волѣ его, исчезала вражда, неравенство, несчастіе и люди превращались въ любящихъ братьевъ, блаженствующихъ на лонѣ прекрасной природы. И когда мучительная тоска овладѣвала дѣвочкой, когда старческаая, чинная привязанность бабушки леденила порывы ея пылкой природы, она шла въ свою рощу поклоняться Корамбе и заставлять въ своихъ мечтахъ благодѣтельнаго генія создавать для нея новый міръ.

Корамбе долженъ былъ давать отвѣты на вопросы неумолимой дѣтской логики, на которые взрослые находятъ такое прак-

тическое и удобное рѣшеніе. Въ 1814 г. французское высшее общество съ поворонимъ раболѣпствомъ встрѣчало союзниковъ. У Авроры былъ свой идеалъ Франціи. «У меня голова, казалось, разбивалась отъ политики старыхъ графинь, пишетъ она. — Я каждый день слышала похвалы измѣнѣ и неблагодарности». Черезъ Ноганъ проходили голодные, оборванные войска и толпы плѣнныхъ. Жоржъ-Зандъ съ братомъ Ипполитомъ, незаконнымъ сыномъ отца отъ другой связи, раздавали хлѣбъ и водку несчастнымъ и дѣлали свои наблюденія. Они замѣтили, что, чѣмъ выше чины, тѣмъ болѣе они примирялись съ господствомъ чужеземцевъ; генералы съ радостью измѣняли Наполеону и привѣтствовали союзниковъ; полковники и капитаны подчинялись молча; младшіе офицеры съ ропотомъ, а солдаты и народъ громко негодовали. Корамбе не далъ положительнаго отвѣта на это, кромѣ обѣщанія общаго блаженства, но отвѣтъ далъ тринадцатилѣтній мальчикъ, который одинъ при маленькой Аврорѣ спорилъ съ цѣлымъ кружкомъ «старыхъ графинь и ихъ кліентовъ». «Если мы не хотимъ императора, сказалъ онъ:—то мы сами должны прогнать его, а не должны позволять врагамъ предписывать намъ законъ. Это—позоръ». «Всѣ смѣялись надъ ребенкомъ, говоритъ Жоржъ-Зандъ:—кромѣ меня; мое сердце забилось внезапнымъ волненіемъ, когда передо мною такъ ясно высказали мысль о позорѣ Франціи».

Эти подробности показываютъ, какъ умѣла натура Жоржъ-Зандъ выбирать все здоровое изъ того, что ей давала жизнь, гдѣ такъ мало было здоровыхъ элементовъ. Страстная любовь Авроры къ матери заставила бабушку отдать дѣвочку въ монастырь, не заботясь о томъ, какое противорѣчіе католическій монастырь внесетъ въ душевный строй ребенка. Въ монастырѣ Жоржъ-Зандъ сначала попала въ разрядъ дьяволовъ, т. е. ученицъ, отличавшихся проказами очень невиннаго и буйнаго свойства, потомъ отдалась вліянію католицизма, и поклоненіе Корамбе было смѣнено несравненно менѣе здоровыми мистическими экстазами и терзаніями совѣсти за охлажденіе религіознаго рвенія, когда эти экстазы, естественно, ослабляли. Она думала поступить въ монастырь, но, къ счастью, монахини-англичанки смотрѣли здраво на эти юношескія увлеченія и не поддерживали этихъ плановъ. Мрачный мистицизмъ повліялъ на ея здоровье; умный духовникъ, въ которомъ Жоржъ-Зандъ замѣтила гораздо позже противорѣчія, удержалъ ее въ болѣе благоразумныхъ границахъ. За то бабушка, которая менѣе пугалась мрачнаго мистицизма, разсуждая основательно, что онъ не уживется съ моло-

достью, испугалась, видя, что ввучеа поворовѣла, повеселѣла и все-таки, думаетъ о монастырѣ, и послѣшила взять ее домой.

Въ удивленіи Погана Жоржъ-Зандъ принялась читать. Шатобрианъ и Лейбницъ сильно вліяли на нее. Она пережила мучительный нравственный кризисъ. Подражаніе Христу Жерсона, поучающаго инокетѣ жизни, подготовило ее къ позѣи разочарованія, хотя она и отложила чтеніе Ренэ. Она не могла согласить приверженность Шатобриана къ Вурбонамъ съ религіей Христа. Идеи «старыхъ графинь» противорѣчили ея христіанскому радикализму». «Къ чему тогда великіе принципы? спрашивала она себя:—если они должны быть заглушены духомъ *умѣренности*? Все истинное и справедливое должно соблюдаться и прижизняться, не стѣсняясь никакими границами». Лейбницъ далъ ей уму толчокъ въ сторону отъ католицизма; соора съ духовникомъ, который изъ пошлаго любопытства сталъ дѣлать ей щекотливые вопросы, подѣйствовала сильнѣе Лейбница. Денатръ, продолжавшій руководить ею, заставлялъ ее читать метафизиковъ, но она не нашла въ нихъ исхода. Руссо, при такомъ настроеніи ея ума, былъ для нея откровеніемъ. Она оставила метафизиковъ, и поэтъ—моралистъ и революціонеръ—отвѣчалъ ея потребности братства людей, ея жаждѣ правды и общаго блага.

Эти стремленія тѣмъ сильнѣе разгарались въ ней, чѣмъ болѣе ей приходилось видѣть несправедливость общества къ другимъ. Вскорѣ ей пришлось испытать несправедливость эту и на самой себѣ. Она не находила удовольствія въ обществѣ сосѣдняго городка и тѣмъ вооружила противъ себя всѣхъ дамъ. Она смѣло ѣздила верхомъ, занималась анатоміей съ однимъ молодымъ человекомъ, котораго въ запискахъ своихъ называетъ Клодіусъ и съ которымъ подружилась и вела дружескую переписку о философіи матеріалистической и теистической, когда онъ уѣхалъ въ Парижъ. Она для прогулокъ и верховой ѣзды сдѣлала себѣ мужское платье, потому что это обходилось дешевле, а финансы бабушки были очень плохи. Все это было преступленіе для провинціальныхъ общества городка Шатра, гдѣ дамы ѣздили верхомъ только новади лакеезъ, гдѣ изученіе костей мертвецовъ считалось норуганіемъ таинства смерти, а товарищескія отношенія къ товарищамъ дѣтства—привнакомъ безстыдства и разврата. Провинціальные нравы требовали, чтобы молодая дѣвушка говорила съ молодыми людьми, опуская глаза и краснѣя. О Жоржъ-Зандѣ стали ходить самыя нелѣпыя слухи, которыя позже, когда она стала знаменитостью, печать подхватила и распространяла даже до предѣловъ русской печати сороковыхъ го-

довъ, изданіи Булгарина и Сенювскаго. Рассказывали, что она занималась тайными науками, была въ сношеніяхъ съ нечистой силой. Клодіусъ, его братья и даже маленькій Андрѣ, крестьянскій мальчишкѣ, ея конюхъ, были ея любовниками. Она уносила причастіе изъ церкви и дѣлала изъ него цѣль для pistolетныхъ выстрѣловъ, чтобы вызывать дьявола. Даже леченіе крестьянъ вмѣстѣ съ Дешатромъ, который хорошо зналъ медицину, было обращено противъ нея. Она любила видѣть текущую кровь, сломанные члены. Озлобленіе общества дошло до того, что въ сельскомъ правдникѣ мѣстные кавалеры захотѣли устроить молодой дѣвушкѣ скандалъ. Поводомъ къ нему послужили хорошіе отношенія ея къ одной женщинѣ, честной и порядочной, которую общество почему-то признало паріей. Друзья предупреждали Аврору, что она вызоветъ бурю противъ себя, раздражала общественное мнѣніе хорошими отношеніями къ паріи. Молодая дѣвушка не хотѣла покориться; но скандалъ не удался, потому что нашлось нѣсколько честной молодежи изъ ремесленниковъ Шатра, которые весь вечеръ окружали молодую дѣвушку, не понимавшую, что значило такое вниманіе совершенно незнакомыхъ ей людей. Узнавъ обо всемъ, она смѣялась надъ смелыми и грозившимъ ей скандаломъ. Все это было такъ мало въ сравненіи съ тѣмъ, что мучило ее.

Она жила въ несродной ей средѣ. Непосильное напряженіе мозга изнуряло ее. Чувство было возмущено. «Въ семнадцать лѣтъ, пишетъ она: — я добровольно удалялась отъ человечества. Законы собственности, наслѣдства, смертной казни, войны, преимущества состоянія и воспитанія, предразсудки сословій и нравственной нетерпимости, пустая праздность свѣтскихъ людей, огрубѣніе, до котораго доводили матеріальные интересы, все, что носило слѣды учрежденій или обычаевъ извѣщества въ обществѣ, которое зоветъ себя христіанскимъ, возмущало меня такъ глубоко, что я, въ душѣ своей, протестовала противъ дѣла вълювъ. Я не имѣла тогда идеи о прогрессѣ, которой мое тогдашнее чтеніе не могло мнѣ дать. Я не видѣла выхода изъ моихъ мученій, и мнѣ не могла придти на умъ мысль работать въ своей темной и ограниченной средѣ на то, чтобы ускорить обѣты будущаго». Мысль о самоубійствѣ стала преслѣдовать ее. Когда она шла по берегу рѣки, то чувствовала, какъ вода притягивала ее роковой силой, и ей нужно было сдѣлать надъ собой страшное усиліе, чтобы не броситься въ воду. Разъ манія самоубійства едва не осилила ее. Переѣзжая верхомъ черезъ рѣку по узкому броду, она повернула лошадь въ сторону, гдѣ была глу-

бокая яма, и едва спаслась, благодаря Дешатру. Манія не скоро пришла; истолкеты, которыми братъ выучилъ ее стрѣлать, и опиумъ, который она давала принимать больной бабушкѣ, были страшнымъ искушеніемъ. Манія самоубійства прошла наконецъ, благодаря физическому леченію Дешатра, который запретилъ сидѣть ночи у больной бабушки. Онъ прописалъ ей нравственное чтеніе классиковъ въ переводѣ, и свѣтлое міросозерцаніе Плутарка, Тита-Ливія, Цицерона и Горация внесли поправку въ экзальтацію мистицизма.

Бабушка умерла, оставивъ завѣщаніе съ однимъ незаконнымъ пунктомъ, которымъ лишала мать Авроры всѣхъ правъ на опеку надъ дочерью. Это отравило отношенія матери и дочери. Аврорѣ пришлось много терпѣть отъ характера матери, которая, отъ горя по смерти мужа и вынесенныхъ со стороны родни его оскорбленій, становилась все раздражительнѣе и подозрительнѣе. Несмотря на это, Жоржъ-Зандъ для матери разорвала связи съ роднею отца, въ числѣ которой у ней было нѣсколько друзей, нѣжно-любимыхъ ею. Бабушка передъ смертью взяла съ родныхъ обѣщаніе ввести Жоржъ-Зандъ въ кругъ аристократіи. Родня могла допустить дочь Дюпена, но не жену. Упорство Жоржъ-Зандъ жить съ матерью повело къ предположеніямъ очень грязнаго свойства, тѣмъ болѣе, что шатрскія сплетни давали имъ пищу. «Всѣхъ, кто рветъ цѣпи свѣта, говоритъ Жоржъ-Зандъ въ своихъ запискахъ:—представляютъ извращенными умами или, по крайней мѣрѣ, настолько гордыми и возмутительными, что они нарушаютъ существующій порядокъ и царствующій обычай ради удовольствія дѣлать зло. Я, однако—мелкій примѣръ, посреди болѣе серьезныхъ и болѣе доказательныхъ, несправедливости и непослѣдовательности того кружка, болѣе или менѣе аристократическаго, который скромно называетъ себя *міромъ*» (Monde—буквально: міръ). Родня требовала отъ Жоржъ-Зандъ не только разрыва съ матерью, но и измѣны убѣжденіямъ. «Чтобы уступить ей, я должна была имѣть дурное сердце, живую совесть и вѣру въ неравенство людей», говоритъ Жоржъ-Зандъ. Вскорѣ жизнь у матери стала ей невыносимой. Мать, изъ ненависти къ бабушкѣ, собирала всѣ шатрскія сплетни, чтобы доказать, какъ было негѣно воспитаніе, сдѣлавшее изъ дочери *«esprit fort и philosopheilleuse»*. Она была неспособна понимать дочь и во всемъ непонятномъ видѣла грязь. Замужество было единственнымъ исходомъ, и Аврора Дюпенъ, восемнадцати лѣтъ, вышла за Казимира Дюдевана.

Жоржъ-Зандъ, въ исторіи жизни своей, говоритъ вскользь и

очень сдержанно о своемъ замужествѣ. Разрывъ ея съ мужемъ подавъ поводъ къ скандальному процессу, насколько можно судить изъ отзывовъ объ этомъ дѣлѣ; вина была не на ея сторонѣ. Мужъ былъ очень дюжинный человѣкъ, который захотѣлъ остепениться и жениться. Аврора вышла за него безъ любви, но чувству дружеской привязанности, которую раздула въ ней мать своими несправедливыми нападками на жениха. Въ восемнадцать лѣтъ, Жоржъ-Зандъ, о нравахъ которой распускали такія чудовищныя сплетни, не знала любви; мечты о Корамбе въ тринадцать лѣтъ и мечты объ идеалѣ жизни братства и счастья, доводившія ее до самоубійства въ семнадцать—застраховывали отъ увлеченій аристократическою и буржуазною молодежью, которую она видѣла. Аврора Дюдеванъ познакомилась съ мужемъ въ семьѣ друзей, наслаждавшихся послѣ десяти лѣтъ брака рѣдкимъ счастьемъ. Спокойная привязанность показалась ей раземъ: она была такъ измучена бурными сценами съ матерью. Первое время Жоржъ-Зандъ была счастлива; у ней родился сынъ, котораго она страстно полюбила, потомъ—дочь. Въ угоду мужа, она занялась хозяйствомъ. «Я не скучала имъ! говоритъ она:—я не изъ тѣхъ великихъ умовъ, которые не могутъ спуститься до земли изъ облаковъ. Часто, измученная своими собственными волненіями, я говорила, какъ говорилъ Панургъ на бурномъ морѣ: «счастливы тотъ, кто садитъ капусту! Одна нога его стоитъ на землѣ, а другая недалеко отъ нея, на разстояніи лопаты».

Еслибы ей дѣйствительно пришлось «садить капусту», она была бы довольна ролью хозяйки; но она очутилась въ положеніи хозяйки, которая должна пошевеливать рабочихъ и сколачивать гроши ихъ трудовымъ потомъ. И прежде она не могла примириться съ ролью такой хозяйки, несмотря на поученія Дешатра. И чувства, смутно бродившія въ ней и ненашедшія еще слова идеи справедливости, не позволяли ей быть хозяйкой по сердцу мужа; въ результатѣ оказался въ концѣ года крупный дефицитъ. Мужъ взялся управлять имѣніемъ, и Жоржъ-Зандъ отказалась отъ полторы тысячи франковъ, которые контрактомъ были ассигнованы ей на ея расходы. У ней не было никакихъ особенныхъ потребностей, свойственныхъ другимъ женщинамъ; за то ее томилъ другая жажда дѣятельности. Она страдала, видя себя совершенно безполевною. Она принялась лечить крестьянъ. Дешатръ далъ ей понятіе о медицинѣ; изъ экономіи, она сама сдѣлалась аптекаремъ и готовила настои и лекарства. Но всего этого было мало. Жизнь въ несродной средѣ томилъ ее безсознательно. Она не чувствовала себя рабой мужа, но рабой

обстоятельствъ, оттого что у нея не было своего гроша, которымъ бы она могла располагать. По французскимъ законамъ, мужъ былъ полнымъ хозяиномъ ея имѣнія. Всѣ доходы шли на жизнь; мужъ не получилъ послѣ отпа состоянія, на которое рассчитывалъ. Молодая женщина часто обдумывала планы добыть свою копейку. «Въ нашемъ искусственномъ обществѣ, говоритъ Жоржъ-Зандъ:—полный недостатокъ денегъ дѣлаетъ намъ жизнь невозможною, она—или страшная нищета, или—полнѣйшее безсиліе». Вскорѣ она еще болѣзненнѣе почувствовала необходимость своей копейки. Разность натуръ отдалила ее отъ мужа. Въ домѣ завелись лица, которыя ссорили ихъ. Братъ ея, Ипполитъ, переѣхалъ съ женою жить въ Ноганъ и пьянствовалъ. Дѣти подрастали. Нужно было удалить ихъ отъ вѣчныхъ сценъ. Молодая женщина предвидѣла, что мужъ не станетъ ее удерживать, если она не потребуетъ денегъ, и она искала средства заработка. Она пыталась переводить; но переводила добросовѣстно, и потому работа шла медленно, да и сбытъ былъ затруднителенъ. Она пыталась заняться рисованіемъ, снимать портреты карандашемъ и акварелью, но работа ея была плоха. Шитье принесло бы десять су въ день. Мысль открыть модный магазинъ приходила ей на умъ, но на это нужны деньги. Она четыре года работала то надъ тѣмъ, то надъ другимъ и не сдѣлала ничего. Наконецъ, она придумала разрисовывать деревянные табакерки, сигарочницы и т. п. Одинъ магазинъ сдѣлалъ ей заказъ на разныя работы, но, пока она искала способовъ, какъ лучше разрисовывать разные сорта дерева, мода на эти вещи прошла. Жоржъ-Зандъ испытала всю горечь безпомощности женщины. Наконецъ, она рѣшилась ѣхать на два-три мѣсяца въ Парижъ и жить на полторы тысячи франковъ, которые были ассигнованы ей контрактомъ. Она взяла съ собою дочь и зажила въ двухъ комнатахъ пятого этажа въ дешевой части Парижа. Прислуги не было. Пришлось наводить экономію и на свѣчи, и Жоржъ-Зандъ ходила читать въ бібліотеку Мазарини, оставляя дочь въ семействѣ друзей. Изъ экономіи же, она надѣла мужское платье, хотя Зола и приписываетъ это желанію обезьянничать во всемъ мужчинамъ. Мать ея и тетка, которыя были чужды всякихъ идей эманципаціи, тоже носили мужское платье, когда нужда стучалась въ двери, и это на половину сокращало расходы на одежду. Жоржъ-Зандъ была въ восторгѣ, надѣвъ сапоги: она привыкла къ далекимъ прогулкамъ въ деревнѣ и въ дѣтствѣ носила деревенскую обувь. Тонкія ботинки не выдерживали ея похоловъ по Парижу во всякую погоду. Она ходила въ театръ, въ кафе,

въ мансарды, въ мастерскія, въ клубы, которые устраивались въ то время. Она знала общество богѣмы, веселой, безпечной, которая шутя несется по теченію жизни, съ удачлвымъ припѣвомъ гибнетъ отъ нищеты и часто несетъ міру великія идеи, въ лицѣ немногихъ изъ своихъ представителей. Жоржъ-Зандъ жила и въ томъ слѣѣ общества, который составляетъ середину между ремесленникомъ и художникомъ. Высоко-нравственной души изъ круга, отъ котораго она отреклась, приписывали это нечистому любопытству заглянуть во всѣ омуты порока. «Онѣ подло солгали, говорить Жоржъ-Зандъ. — Тотъ, кто самъ — поэтъ, знаетъ, что поэтъ не станетъ добровольно грязнить свою мысль, свое существо, даже свой взглядъ, а тѣмъ болѣе, когда онъ — вдвойнѣ поэтъ. будучи женщиною».

Жоржъ-Зандъ сама не сознавала вполне безпечной силы, которая заставляла ее носиться по Парижу, заглядывать во всѣ слои жизни. То былъ инстинктъ художника; ей нужно было видѣть жизнь и людей. Это была безсознательная подготовка, изъ которой она вышла художникомъ-идеалистомъ. Она безъ всякаго предвзятаго плана изучала только одну сторону жизни, поэзію чувства и страсти, стремленіе къ идеалу. Жизнь въ Парижѣ дала ей то уединеніе, которое было нужно для внутренней работы, предшествовавшей творчеству. Она могла, потерянная въ толпѣ, исходить весь Парижъ, создавая въ головѣ романы, и никому не было до нея дѣла. Это было подготовкой къ творчеству. Тамъ она нашла кружокъ земляковъ, которые помогли ей. Она сошлась тогда съ Жюлемъ Сандъ и написала съ нимъ вмѣстѣ «Розу и Бланку» — незначительный романъ. Романистъ Делатушъ далъ ей рекомендацію къ Кератри, писателю изъ отживавшей школы романтиковъ. Кератри преподалъ ей совѣтъ производить дѣтей вмѣсто романовъ. Делатушъ купилъ газету «Фигаро» и предложилъ работы на пятьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ. Но журнальная работа была несродна темпераменту артиста. Делатушу пришлось насильно присаживать Жоржъ-Зандъ за работу и давать ей сюжетъ. Она писала страницъ десять и бросала ихъ въ каминъ: въ нихъ не было ни слова о томъ, о чемъ нужно было писать. Она не зарабатывала такъ и двѣнадцати франковъ.

Ее томила въ это время неспособность передать все, что зрѣло въ ней. Ея стремленіямъ не доставало опредѣленной формы, которую даетъ стройное міросозерцаніе. Въ ней бродили еще остатки католицизма, которые позже, подъ вліяніемъ Пьера Леру и Ламенэ, переродились въ социализмъ съ отбѣномъ мистицизма. Одно

въ ней было опредѣленно—горькое сознание зависимости женщины и цѣлей брака и возмущеніе противъ предрасудковъ свѣта. Это создало «Индіану», которую она писала въ Ноганѣ. Романъ имѣлъ успѣхъ. Жюль Сандо, которому тоже приписывали «Индіану», не захотѣлъ пользоваться незаслуженной извѣстностью и, Жоржъ-Зандъ выступила подъ тѣмъ псевдонимомъ, которымъ вскорѣ завоевала себѣ европейскую славу. Послѣ «Индіаны» появилась «Валентина». Бюлозъ, купившій «Revue des Deux Mondes», просилъ сотрудничества Жоржъ-Занда. Для нея открылась самостоятельность. Три тысячи франковъ, полученные за четыре тома «Индіаны» и «Валентины», были богатствомъ. Цѣль была достигнута. Жоржъ-Зандъ зажила жизнью художника. «Я этого хотѣла, говорить она:—не только для того, чтобы выйти изъ матеріальныхъ цѣлей, въ которыхъ держитъ насъ собственность, крупная или мелкая, запирая насъ въ кругъ отвратительныхъ мелкихъ заботъ; чтобы уйти отъ контроля общественнаго мнѣнія въ томъ, что въ немъ есть узкаго, тупого, эгоистичнаго, подлаго и провинціальнаго; чтобы жить внѣ предрасудковъ свѣта въ томъ, что въ нихъ есть лживаго, отжившаго, надменнаго, жестокаго, безбожнаго и бессмысленнаго; но еще болѣе всего потому, что хотѣла примириться сама съ собой. Я не могла сносить себя самою, когда я жила, праздная и бесполезная, давая своею тяжестью, какъ хозяйка, плечи работниковъ. Еслибы я могла копать землю, то я съ радостью стала бы работать съ ними, чтобы не слышать тѣхъ словъ, которыя въ дѣтствѣ ворчали кругомъ меня, какъ только Дешатръ уходилъ: «Онъ хочетъ, чтобы мы работали усерднѣе; ему хорошо: у него брюхо набито и руки сложены за спиной».

Извѣстность и карьера писателя не имѣли для нея ничего привлекательнаго; потребность художника творить вложила ей перо въ руки. Она была отъ природы дива; общество незнакомыхъ людей было ей въ тягость. Какъ натура созерцательная, она часто погружалась въ себя, и ей было привольно только въ кругу близкихъ людей, среди которыхъ она могла то отдаваться своимъ мечтаніямъ, то принимать участіе въ разговорѣ и которые не высказывали бы съ нея за разсѣянность и невнимательность. Въ Ноганѣ всѣ знали ее, въ Парижѣ она потерялась «въ пустыни людской», какъ она говоритъ. Извѣстность преслѣдовала ее въ мансардѣ третьяго этажа, куда она спустилась изъ прежней въ пятомъ этажѣ. Поклонники таланта, англичане, гонящіеся за знаменитостями, преслѣдовали ее, прося автографовъ или добываясь нѣсколькихъ словъ, которыя заносили въ свои записныя книж-

ки. Непризнанные гении, артисты, художники, бессмертнымъ произведеніямъ которыхъ никогда не суждено увидѣть свѣтъ, актеры, потерѣвшіе фіаско отъ интригъ, несмотря на блистательный талантъ, словомъ—все организованное нищенство, которое нарочитъ поживиться около настоящаго таланта. Они отнимали много времени и средствъ. Въ числѣ ихъ могъ быть и честный труженикъ и скромный талантъ, которыхъ нужно было поддерживать, и Жоржъ-Зандъ не отказывала. Вскорѣ она увидѣла, что не достигла той независимости и свободы, которыхъ такъ желала. Она не могла располагать своимъ временемъ и средствъ не хватало. Она работала втрое, вчетверо болѣе, упрекала себя за часы отдыха или развлечения и убѣдилась, что милостыня бессильна. «Пропастъ нищеты, говорить она:—не закрывается богами за тѣ жертвы, которыя мы въ нее бросаемъ». Жоржъ-Зандъ стала лицомъ къ лицу съ роковой задачей общества. Не раздавайте милостыню, вы упрочиваете принципъ рабства, говорили ей иные социалисты и сами раздавали, потому что не могли пройти равнодушно мимо умиравшихъ съ голоду. Но, при раздаваніи милостыни, есть граница, на которой приходится остановиться и которую опредѣляетъ совѣсть и чувство человѣчности каждаго. Насильственное раздѣленіе имущества, о которомъ говорили иные коммунисты того времени, повело бы къ страшной борьбѣ безъ исхода, если не къ образованію новой касты эксплуататоровъ на мѣсто прежнихъ. «Мой разумъ, говорить Жоржъ-Зандъ:—допускалъ рядъ постепенныхъ измѣненій, которыя привели бы людей доказательствами ихъ собственныхъ выгодъ къ общей солидарности, абсолютную форму которой еще невозможно опредѣлить. Въ теченіи этихъ прогрессивныхъ преобразованій, быть можетъ, будутъ противорѣчія между цѣлю и потребностями минуты. Всѣ школы социалистовъ послѣдняго времени угадали эту истину, и нѣкоторымъ удалось даже схватить ее въ какомъ-нибудь существенномъ пунктѣ; но ни одна изъ нихъ не могла мудро начертать кодексъ законовъ, которые должны быть созданы общимъ вдохновеніемъ въ извѣстный историческій моментъ. Это—естественно; человѣкъ можетъ только предполагать, будущее располагаетъ. Иной можетъ считать себя самымъ передовымъ философомъ своего вѣка, и его внезапно обгонять событія и обстоятельства совершенно неизвѣстныя, которыя таитъ Провидѣніе; равно многія препятствія, кажуціяся такъ легкими наиболѣе осторожнымъ людямъ, еще долго могутъ устоять противъ всѣхъ человѣческихъ усилій».

Жоржъ-Зандъ убѣдилась, что милостыня—даже не паліативъ,

и миллионы Ротшильда пропали бы безслѣдно въ пропасти нищеты, все шире и шире разверзавшейся вокругъ нея. Итальянская республика, въ которой она надѣялась видѣть спасеніе, окончилась бойней монастыря Сен-Мерри. Наступалъ періодъ разложенія. Скелетицизмъ и горькая иронія овладѣли лучшими людьми, которые оплакивали разбитыя надежды; скелетицизмъ другого рода—равнодушіе ко всему, кромѣ нечистой наживы—овладѣлъ другими; они ловили въ мутной водѣ рыбу и торжествовали съ злобнымъ смѣхомъ. Разнузданный, продажный матеріализмъ царилъ вездѣ. Жоржъ-Зандъ видѣла въ немъ послѣдствіе философіи матеріалистовъ, и къ скорби о разбитыхъ общественныхъ надеждахъ присоединилась и скорбь мистика. Поражая одной анаэемой и враждебное ей ученіе, и торжество низшихъ инстинктовъ, которые прикрывались всякимъ ученіемъ, она пережила мучительный кризисъ. «Ничто изъ прежнихъ вѣрованій моихъ, говоритъ она:—не было настолько ясно сформулировано во мнѣ съ соціальной точки зрѣнія, чтобы дать мнѣ силы бороться съ катацизмомъ, которымъ отрывалось царство матеріализма; я не находила въ ученіи республиканцевъ и социалистовъ того времени довольно свѣта на борьбу съ нравомъ, который Маммонъ открыто навѣвалъ на міръ». Сверхъ того, на Жоржъ-Зандъ мучительно подѣйствовало упадокъ искусства. Романтизмъ, въ которомъ видѣли возрожденіе, сталъ служить отживающимъ началамъ. Воскресеніе національности въ искусствѣ, въ которомъ надѣялись видѣть правду, смѣняющую ложь псевдоклассицизма, повело къ превознесенію гнетущихъ преданій. Передъ женщиной, дожившей до тридцати лѣтъ въ мірѣ поэтическихъ сновъ и идеальныхъ иллюзій, была сорвана завѣса, скрывавшая безотрадную, страшную дѣйствительность. Вмѣсто идеала братства, любви, красоты жизни, она увидѣла два враждебные стана, которые съ остервененіемъ терзали другъ друга. Уныніе, отвращеніе къ жизни снова овладѣли ею, и она написала «Лелію», воплощеніе сомнѣнія и страданій, не думая печатать. Бюлозъ выпросилъ романъ. Поднялась буря критикъ; многіе толковали инныя сцены въ смыслъ до того грязномъ, что Жоржъ-Зандъ пришлось просить объяснить многія вещи, чтобы понять, что хотѣлъ сказать критикъ. Эта буря не смутила ея; обвиненія были до того недѣльны, что узнали бы сами собой; но въ то время они много повредили Жоржъ-Зандъ, давъ пищу для скандальныхъ обвиненій, возведенныхъ во время ея процесса о разводѣ. И не только «Лелія», но и «Письма путешественника», гдѣ человекъ, пожившій на своемъ вѣку, дѣлаетъ исповѣдь своей жизни, были истол-

кованы адвокатомъ враждебной стороны, какъ исповѣдь самой Жоржъ-Зандъ.

Вслѣдъ за «Леліей» появились «Письма путешественника», писанныя въ Венеціи. Они были выраженіемъ того же сомнѣнія и отчаянія, которые создали «Лелію». Мрачная меланхолія овладѣла Жоржъ-Зандъ; бывшее отвращеніе къ жизни встало съ прежней силой.

Были и другія причины, кромѣ «проклятыхъ вопросовъ», которые довели Жоржъ-Зандъ до такого состоянія. Она была изнурена работой. На три тысячи франковъ, которые давалъ ей мужъ, пользовавшійся всѣми доходами съ ея имѣнія, невозможно было жить въ Парижѣ. Приходилось писать изъ-за куска хлѣба, насиловать фантазію. Приходилось заглушать жажду знанія, отказаться отъ чтенія книгъ, въ которыхъ она искала отвѣта, совершать «нравственное самоубійство» подъ гнетомъ нужды, которая твердила: пиши, пиши. Сознаніе художника возмущалось, когда приходилось отдавать невѣрныя созданія или писать бездѣлицы въ родѣ «Маркизы» и «Ливиніи», когда въ душѣ носились зародыши лучшихъ созданій. Жоржъ-Зандъ говоритъ объ этомъ состояніи въ своихъ «Письмахъ путешественника»: «Вмѣсто живыхъ созданій, изъ подъ пера выходили холодныя и мрачныя призраки или полныя печали и желчи». Физическое утомленіе тоже брало свое, и хотя она въ «Письмахъ путешественника» говоритъ, что не силы жить измѣняли ей, но вѣра въ жизнь и желаніе жить, но все такъ тѣсно связано вмѣстѣ въ человѣкѣ, что и вѣра въ жизнь, и желаніе жить вымираютъ вмѣстѣ съ силами. Оглядываясь на прошлое, она увидѣла много невѣрлаго въ этомъ періодѣ отчаянія. «Я преувеличивала не чувство—оно было мучительно, но важность его, говоритъ она:—за то, что я обманулась въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, я начала отрекаться отъ всѣхъ; за то, что я утратила прежній миръ и вѣру, я убѣдилась, что не могу жить».

Кризисъ не былъ нережить еще, когда Жоржъ-Зандъ пришлось начать процессъ съ мужемъ. Жизнь въ Пюганѣ, куда она ежегодно прѣязжала на нѣсколько времени, становилась все невыносимѣе. Бутежи мужа съ пріятелями, пьянство брата, сцены, которые становились все возмутительнѣе и которыхъ нельзя было сносить долѣе, потому что дѣти подростали и начинали понимать, побудили Жоржъ-Зандъ развѣхаться съ мужемъ. Она говоритъ очень сдержанно о немъ, но роль мужа была некрасива. Жоржъ-Зандъ давно уже разорвала связь съ мужемъ, у ней были другія и многія привязанности. Мужъ давно имѣлъ право на

разводъ и даже на кровавую мечь по французскому кодексу; но далъ ей полную свободу и сохранилъ свои права надъ ея имѣніемъ и жильемъ въ свое удовольствіе, когда она бѣдствовала въ мансардахъ. Это законно по французскому кодексу и во нравахъ французской буржуазіи, но отъ этого коробить даже не особенно щепетильныхъ въ нравственномъ отношеніи русскихъ людей. Мужъ поддался влиянію служанокъ, которыя грабили хозяйство. Нѣкоторые друзья Жоржъ-Зандъ давали ей совѣты сойтись съ мужемъ, чтобы снова имѣть на него влияніе. Дюдеваномъ всегда управляла та женщина, съ которою онъ жилъ. Безнравственность совѣта возмутила Жоржъ-Зандъ. Послѣ грубой сцены, мужъ согласился подписать условіе, по которому оставлялъ ей дѣтей и Ноганъ, съ тѣмъ, чтобы она высылала ему половину доходовъ въ имѣніе мачихи, куда онъ переѣзжалъ. Много лѣтъ уже шли переговоры о такомъ условіи; онъ постоянно давалъ слово и бралъ его назадъ. Подписанное условіе было тоже уничтожено на другой же день. Одинъ разводъ могъ обезпечить матери дѣтей. Она подала искъ въ шартрскій судъ и, опасаясь неблагоприятнаго исхода, приготовила десять тысячъ франковъ и хотѣла бѣжать съ дѣтьми въ Америку.

Шартрскій судъ рѣшилъ дѣло въ ея пользу, несмотря на всю грязь клеветы, которую бросилъ въ лицо женѣ своей Дюдеванъ рѣчами своего адвоката. Дочь должна была остаться при матери, сынъ — воспитываться въ коллегіи, подъ надзоромъ отца и матери. Мужъ остался недоволенъ рѣшеніемъ суда и апеллировалъ въ Буржъ. Онъ повелъ дѣло такъ нелѣпо, прикинулся кѣжно любящимъ мужемъ въ то время, когда адвокатъ его приводилъ грязнѣйшія слезли двукъ служанокъ, пользовавшихся его милостями, что возставилъ противъ себя судей, далеко не расположенныхъ въ пользу Жоржъ-Зандъ. Онъ увидѣлъ, что промахнулся, и взялъ назадъ апелляцію. Приговоръ шартрскаго суда былъ восстановленъ въ полной силѣ. Мужъ долженъ былъ платить за воспитаніе сына. Жоржъ-Зандъ не хотѣла согласиться на это, желая устранить влияніе мужа на воспитаніе сына, но друзья уговорили ее согласиться, представляя, что, въ противномъ случаѣ, было бы неблагоприятно со стороны мужа пользоваться половиною доходовъ съ Ногана. Это повело къ новымъ тревогамъ. Мальчикъ былъ нѣжный, впечатлительный, слабого сложенія, страстно обожалъ мать и постоянно болѣлъ въ коллегіи. Друзья твердили, что и общественное воспитаніе необходимо для ребенка, балуемаго матерью. Она уступила, и ребенокъ занемогъ. Мужъ не хотѣлъ и слышать о томъ, чтобы его

взять изъ коллегій, несмотря на свидѣтельство трехъ докторовъ и самого директора, который прямо говорилъ, что не желаетъ брать на себя отвѣтственность за жизнь ребенка. Отецъ взялъ мальчика къ себѣ, считая его болѣзнь притворствомъ, и подозрѣніями этими и небрежностью довелъ сына до состоянія горячечнаго изнуренія. Страшный припадокъ бреда убѣдилъ его, наконецъ, и онъ написалъ Жоржъ-Зандъ, чтобы она взяла сына къ себѣ. Когда мальчикъ оправился, отецъ хотѣлъ увести его у матери, но Жоржъ-Зандъ, предупрежденная во-время, послала друзей своихъ взять мальчика, и мужъ, не найдя его, увезъ дочь. Мать, въ свою очередь, увезла дочь отъ него. Только черезъ три года послѣ процесса, Жоржъ-Зандъ покончила эти тяжелыя отношенія съ мужемъ. Мужъ наследовалъ отъ мачихи имѣніе, вполнѣ обезпечивавшее его. Жоржъ-Зандъ видѣла необходимость прочнаго обезпеченія для дѣтей; несмотря на возрастающую замѣнитость ея, литературный заработокъ былъ очень невѣрокъ; сверхъ того, она хотѣла отнять у мужа всѣ права вмѣшиваться въ воспитаніе сына. Мужъ, наконецъ, согласился отказаться отъ всѣхъ правъ на сына, отдать женѣ домъ ея же отца въ Норстонъ и полное право надъ имѣніемъ Ноганъ—за пятьдесятъ тысячъ франковъ. Жоржъ-Зандъ продала ренту матери, умершей незадолго передъ тѣмъ, и откупила отъ мужа. Эта черта говорить о томъ, что должна была вынести въ бракѣ съ такимъ ничтожествомъ, какъ Дюдеванъ, женщина, которую Зола, съынскою относящійся къ ней, называетъ великой душой. Если въ Дюдеванѣ не хватало собственного достоинства, чтобы подняться выше французскаго кодекса, дѣлавшаго его собственникомъ имѣнія жены, то должно было бы хватить достоинства отца на то, чтобы не продать за деньги правъ надъ сыномъ. Такія натуры, какъ Дюдеванъ, не измучаютъ грубымъ деспотизмомъ—онъ самъ былъ радъ, когда жена уѣзжала изъ Ногана, чтобы на свободѣ устраивать оргіи, но онъ внушалъ глубочайшее отвращеніе своею пошлостью, своимъ непониманіемъ всего, что выходитъ за кругъ мелкихъ и животныхъ интересовъ, и стыдъ быть связанной съ такимъ человекомъ измучить чувствующую женщину столько же, какъ и грубое тиранство деспота.

III.

Во время процесса своего съ мужемъ, Жоржъ-Зандъ пережила другой мучительный кризисъ нравственнаго роста. Она вы-

шла изъ него, благодаря вліанію Мишеля изъ Буржа, талантливаго адвоката, котораго Луи-Бланъ, въ «Исторіи десяти лѣтъ», называетъ трибуномъ и Кайеиъ Гракхомъ. Жоржъ-Зандъ познакомилась съ нимъ во время знаменитаго лионскаго процесса, когда Мишель началъ играть видную роль и искалъ послѣдователей. Жоржъ-Зандъ рекомендовали ему общіе друзья, чтобы просить у него совѣта по разводу съ мужемъ, и, при первой встрѣчѣ, они нѣсколько часовъ проговорили: о социализмѣ, о Богѣ и о философскихъ вопросахъ, не сказавъ ни слова о процессѣ. Мишель прочалъ «Лелію» и видѣлъ въ Жоржъ-Зандъ, какъ онъ говорилъ, ученика, Веньямина, котораго хотѣлъ завербовать. На другой день пришло письмо, въ которомъ было набросано столько мыслей, что для разработки ихъ требовались бы томы. Въ теоріи, Жоржъ-Зандъ давно была приготовлена къ идеямъ Мишеля и друзей его; ей нужна была формула. Мишель не съ разу далъ эту формулу. Онъ вначалѣ хотѣлъ вытравить въ Жоржъ-Зандъ равнодушіе ея къ политикѣ. «Я всегда равнодушно думала о мірѣ фактовъ, говорить она въ своихъ запискахъ:—я смотрѣла, какъ текли вокругъ меня тяжелымъ и мутнымъ потокомъ тысячи событій общей и современной исторіи, и говорила: «источникъ, я не буду пить твоихъ водъ». Сѣнт-Бѣвъ, который смотрѣлъ на все скептикомъ и вліялъ на нее своими тонкими и ѣдкими насмѣшками, удерживалъ ее отъ участія въ политикѣ. Мишель горячо доказывалъ ей весь эгоизмъ подобнаго равнодушія и хотѣлъ вдохнуть въ нее вѣру въ готовившееся движеніе. «Я знаю, писалъ онъ: — что эта болѣзнь такого ума происходитъ отъ какого-нибудь большаго сердечнаго горя. Любовь—эгоистичная страсть. Распространи эту пламенную и преданную любовь, которая никогда не найдетъ награды своей въ этомъ мірѣ, на все человѣчество, которое падаетъ и страдаетъ. Ненужно такъ много заботливости объ одномъ существѣ: ни одно не стѣдитъ ея; но всѣ вмѣстѣ требуютъ ея во имя вѣчнаго Творца міра. Доводы его подѣйствовали, и Жоржъ-Зандъ излечилась отъ того, что Мишель называлъ, политическимъ атеизмомъ. Она, въ «Письмахъ путешественника» къ Эверарду—имя, которое она въ литературѣ дала Мишелю — говорить: «Ты правъ, Эверардъ, все, что живетъ внѣ ученія о пользѣ, не можетъ быть ни истинно великимъ, ни истинно-добрымъ. Невмѣстательство—эгоизмъ и трусость».

Но, когда Мишель, наконецъ, сказалъ ей свою формулу безпощадной революціи, она увидѣла зарево кровавой гражданской войны и ужаснулась. Послѣ цѣлой ночи, которую она очень ори-

гинально провела съ кружкомъ друзей, провожавшихъ другъ друга отъ квартиры до квартиры въ нескончаемомъ жаркомъ спорѣ, вызванномъ революціонной рѣчью Мишеля, она встала съ страшнымъ чувствомъ, будто упала съ неба на землю. Ее поражала неспѣтность главныхъ вождей движенія. Ихъ связывало одно общее—демократизмъ и вражда къ буржуазной монархіи. Жоржъ-Зандъ раздѣляла и стремленіе спасти общество, и надежду на близкое обновленіе; но несогласіе вождей накануне движенія сулило рядъ катастрофъ, и она рѣшилась, подъ вліяніемъ ужаса, уѣхать снова въ пустыню—въ Египетъ «искать тамъ истину и собирать цвѣты и бабочекъ». Мишель пришелъ поутру. Въ жаркомъ спорѣ онъ доказалъ ей, что истина не сходитъ съ горныхъ высей къ пустынникамъ, что ее слѣдуетъ искать вмѣстѣ, не смущаясь трудностью и разногласіемъ. «Ты мечтаешь, говорилъ онъ:—о такой свободѣ личности, которая несовмѣстна съ общественнымъ долгомъ. Истина не гонится за тѣми, кто бѣжитъ отъ нея». Уходя, онъ заперъ ее, чтобы дать ей время обдумать. Часа черезъ два онъ вернулся, чтобы выпустить ее, если она не мѣнила своего рѣшенія. Жоржъ-Зандъ одумалась и осталась.

То было время знаменитаго процесса о ліонскихъ убійствахъ, въ которомъ монархія Луи-Филиппа и республика играли въ азартную игру. Республика принимала окраску социализма отъ ліонскихъ волненій рабочихъ. Тамъ была поставлена задача организаціи работъ и поднять вопросъ о заработной платѣ. Въ Парижѣ вожди партіи увлекали народъ, въ Ліонѣ онъ самъ увлекъ ихъ за собой. Ліонское волненіе окончилось кровавымъ истребленіемъ. Правительство Луи-Филиппа было слабо въ то время. Въ политическомъ процессѣ обвиненныхъ въ ліонскихъ возстаніяхъ дѣло шло о томъ, чтобы въ этомъ процессѣ, который былъ прозванъ процессомъ - монстромъ, провозгласить передъ лицомъ цѣлой Франціи идеи республики. Плеяда знаменитостей адвокатуры собралась въ Парижѣ защищать обвиненныхъ, и, вмѣстѣ съ ними—знаменитости науки, философіи, литературы и политики: Дюпонъ, Мари, Гарнье-Пажестъ, Ледрю-Ролленъ, Арманъ Карраль, Пьеръ Леру, Распайль, Карно, Барбесъ, тогда еще неизвѣстный, и другіе. Среди обвиненныхъ появилось разногласіе. Одна часть изъ нихъ не хотѣла защищаться: защита—признаніе правъ обвинителя, а они признавали себя жертвами насилія. Часть защитниковъ держалась того же мнѣнія. Другая часть обвиненныхъ, то были ліонцы, хотѣла защищаться, но не для того, чтобы заявить о своей неприкосновенности къ волненіямъ, но чтобы огласить все, что произошло

въ Лионѣ: какъ мѣстныя власти играли роль агентовъ подстрекателей, какъ обвиненные дѣлали все, что было въ человѣческихъ силахъ, чтобы остановить кровопролитіе, вызванное войскомъ, которое натравили на народъ за враждебныя манифестаціи очень немногихъ и, какъ говорили, подавленныхъ людей изъ толпы. Жоржъ-Зандъ соглашалась съ послѣдними, Мишель — съ первыми. Она считала долгомъ выставить факты въ настоящемъ свѣтѣ и сказать слово въ защиту народа, но она находила, что партія ихъ слишкомъ слаба для того, чтобы обратить этотъ процессъ въ провозглашеніе европейской революціи. Она предвидѣла, что крайнія идеи Мишеля раздражать и испугаютъ.

Пока танулось дѣло, многіе обвиняемые начали падать духомъ: нужно было поддержать мужество ихъ. Мишель предложилъ написать письмо за подписью всѣхъ адвокатовъ и редакцію письма поручилъ Жоржъ-Зандъ. Его цѣлью было ѣдкими нападкамі на палату пэровъ еще болѣе усилить обвиненіе и, раздраживъ страсти, вызвать взрывъ. Жоржъ-Зандъ была согласна въ одномъ — въ необходимости письма, которое вдохновило бы новое мужество въ падавшихъ духомъ. Мишель нашелъ редакцію ея «сентиментальной»: то было воззваніе къ идеямъ. Онъ хотѣлъ не теорій, но обличеній власти, отъ которыхъ закипѣла бы кровь обвиняемыхъ. Онъ составилъ самъ письмо, которое многіе отказались подписать, какъ то предвидѣла Жоржъ-Зандъ, и сдѣлалъ ошибку тѣмъ, что вызвалъ расколъ, когда нужно было единодушіе. Письмо раздуло еще болѣе процессъ, и, такъ какъ не было общаго согласія для подписи, то Мишель взялъ письмо на себя. Этой непринятой редакціей письма и ограничилось участіе Жоржъ-Зандъ въ политикѣ до второй половины сороковыхъ годовъ. Мистическое направленіе ея гнало ее въ пустыню. Вліяніе Мишеля было сильно надъ нею въ одномъ. Онъ убѣдилъ ее, что религиозная истина и социальная неразрывны и должны пополнять одна другую; но онъ оттолкнулъ ее своими практическими примѣненіями истины. Было время, что онъ былъ чуть не бабуиствъ; сверхъ того, онъ держался правила, что цѣль оправдываетъ средства, которое въ эпохи политической борьбы исповѣдуютъ на практикѣ люди, отрицающіе его въ теоріи. Но, какъ натура увлекающаяся, нетерпимая и крайняя въ увлеченіяхъ своихъ, онъ заходилъ слишкомъ далеко и оправдывалъ даже шарлатанство въ политикѣ, уступки и союзы съ людьми иныхъ взглядовъ. Это возмущало Жоржъ-Зандъ. Онъ не терпѣлъ противорѣчій. Несмотря на зрѣлый возрастъ, онъ увлекался и переходилъ отъ однихъ идей къ другимъ. Февральская революція застала преж-

няго трибуна, котораго Луи-Бланъ называлъ Кайсемъ Граккомъ, въ фазисѣ модерантизма, вклонившагося къ диктатурѣ.

Жоржъ-Зандъ перешла тогда къ идеамъ социализма. У нея собирались многіе изъ главныхъ героевъ лионскаго процесса и, въ томъ числѣ, Пьеръ Леру, вліяніе котораго смѣнило вліяніе Мишеля. Мишель измечилъ ее отъ стремленія удалиться въ пустыню отъ зрѣлища борьбы. Пьеръ Леру убѣдилъ ее принимать въ ней участіе. Социализмъ Жоржъ-Зандъ и друзей ея напугалъ общество своей неопредѣленной фразеологіей. Въ то время, они всѣ говорили о «раздѣленіи имуществъ» *partage des biens*, понимая подъ этимъ принципъ ассоціаціи и ограниченіе произвола капитала. Простое и понятное слово ассоціація было принято гораздо позже. «Я понимала это раздѣленіе въ совершенно метафорическомъ смыслѣ, говоритъ Жоржъ-Зандъ: — я понимала призваніе всѣхъ людей къ пользованію благами земли и никогда не воображала, чтобы раздѣленіе собственности могло сдѣлать людей счастливыми, не сдѣлавъ ихъ въ то же время варварами». Толпа увидѣла въ этихъ словахъ провозглашеніе аграрнаго закона со всѣми послѣдствіями насильственнаго захвата и дробленія. «Это недоразумѣніе, которое повело къ многимъ печальнымъ послѣдствіямъ, заставило социалистовъ искать формулъ болѣе точныхъ для выраженія ихъ идей», говоритъ Жоржъ-Зандъ. Душевный кризисъ, пережитый Жоржъ-Зандъ, былъ плодотворенъ. Она, подъ вліяніемъ его, создала рядъ социальныхъ романовъ: «*Compagnons du tour de France*», «*Le Meunier d'Augibault*», «*Le péché de monsieur Antoine*», «*Les Maitres sonneurs*» и другіе. Она, вышла изъ этого кризиса, установившись и на всю жизнь сохранивъ своеобразный мистицизмъ, отличающій произведенія ея и который былъ причиной, почему они не имѣли той популярности, какую бы должны были имѣть.

До сорокъ-восьмого года, участіе Жоржъ-Зандъ въ политикѣ было ничтожно. Художественный темпераментъ отвращалъ ее отъ борьбы, и на этотъ разъ отвращеніе это оказалось вѣрнымъ предчувствіемъ. Въ 39 г. была совершена неудачная майская «попытка» Барбеса, о которой Жоржъ-Зандъ говоритъ тоже самое, что и Луи-Бланъ: «Я рѣшусь прибавить, что печальная поговорка: «успѣхъ оправдываетъ все» заключаетъ въ себѣ нѣчто большее, нежели сколько съ перваго взгляда можетъ заключить въ себѣ таковой фаталистическій афоризмъ. Онъ имѣетъ глубоко истинный смыслъ, если подумать, что жизнь извѣстнаго числа людей можетъ быть принесена въ жертву принципу, благодѣтельному для человѣчества, но единственно подъ условіемъ по-

двинуть дѣйствительно царство этого принципа надъ міромъ. Если порывъ мужества и самоотверженія долженъ остаться безплоднымъ, если даже, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, онъ долженъ, потерпѣвъ поражение, отодвинуть далѣе часъ спасенія, то, какъ бы ни были чисты вызвавшія его намѣренія, онъ становится преступнымъ по силѣ факта. Онъ даетъ новыя силы побѣдителю; онъ колеблетъ вѣру побѣжденныхъ. Онъ проливаетъ невинную кровь и кровь самихъ возставшихъ, которая драгоцѣнна, на торжество зла. Онъ раздражаетъ пошлую толпу или поражаетъ ее тупоумнымъ ужасомъ, который дѣлаетъ почти невозможнымъ обращеніе и убѣжденіе».

Въ сорокъ-восьмомъ году, Жоржъ-Зандъ пошла съ общимъ потокомъ. Она привѣтствовала республику лирическими, полными огненного краснорѣчія строками. Она, вмѣстѣ съ Барбесомъ и Сорбріе, основала газету «Commune de Paris» и сотрудничала въ «Cause du Peuple». Но это продолжалось недолго. Роль политической писательницы была не по ней: для такой роли нужна натура, рожденная для борьбы. Публицистъ долженъ наносить удары: онъ долженъ, не дрогнувъ, предавать общественному позору враговъ своей идеи, и Жоржъ-Зандъ отступила передъ этой ролью. Въ запискахъ своихъ она говоритъ, что не дѣло женщины—наносить удары перомъ. Но здѣсь она впадаетъ въ крайность. Понятно, что принять участие въ свалкѣ мелочныхъ, раздражительныхъ самолюбій, обладающихъ другъ друга помоями, возмутительнѣе для женщины, чѣмъ для мужчины; но въ эпохи, когда гамъ этой свалки исчезаетъ въ великой борьбѣ, когда пресса—храмъ, изъ котораго, вмѣстѣ съ словами истины и спасенія, раздаются и слова горькаго обличенія, женщина можетъ быть жрицей и имѣетъ право указывать на торговцовъ святынею и гнать ихъ изъ храма. Женщину могло еще остановить другое соображеніе. При кулачномъ правѣ, которое, подъ видомъ рыцарскаго обычая дуелей, царитъ во французской прессѣ, мужчина не могъ очистить свою политическую честь отъ обвиненія, брошеннаго ему въ лицо женщиной. Тотъ способъ удовлетворенія, который общество считаетъ очищающимъ и который доказываетъ только, что политическіе перебѣжчики, агенты-подстрекатели и разные честолюбцы, пролѣзавшіе, благодаря умѣнью говорить красивыя фразы по плечамъ народа къ власти, могутъ ловко стрѣлять или фехтовать и обладаютъ дюжиннымъ мужествомъ подставить лобъ подъ пулю—невозможенъ въ отношеніи къ женщинамъ. Обычай дуелей дѣлалъ мужчину беззащитнымъ

передъ женщиной, и чувство деликатности могло удержатъ ее отъ нападенія. Но когда дѣло идетъ о высшихъ интересахъ, то деликатность эта становится щепетильностью. Перо — оружіе прессы, и передъ нимъ равноправны и мужчина, и женщина. Кто злоупотребляетъ этимъ оружіемъ, имъ же и наказывается. Многіе писатели вовсе не держались въ отношеніи Жоржъ-Зандъ законовъ рыцарства. На нее писали грязныя пасквили, и Жоржъ-Зандъ остановила ихъ посредствомъ полиціи, но потому только, что въ нихъ забрасывали грязью молодую дѣвушку, которую она полюбила и спасала отъ родныхъ.

Потребность мира и любви дѣлала для Жоржъ-Зандъ роль политической писательницы слишкомъ тяжелой. Натура ея была натура художника, а не дѣятеля. Она могла съ упоеніемъ восторга описывать подвиги борьбы, но принять участіе въ борьбѣ у ней не хватало силы. Юньскіе дни испугали ее; она удалилась въ Ноганъ и занялась произведеніемъ мирныхъ идилий сельской жизни. Общія развитія надежды тяжело отзывались и на ней. «Послѣ порывовъ отчаянія моей молодости, я была во власти слишкомъ многихъ иллюзій, говоритъ Жоржъ Зандъ.—За болѣзненнымъ скептицизмомъ явилось слишкомъ много благодушія и наивности. Я тысячу разъ была обманута сномъ объ ангельскомъ сліянніи силъ враждебныхъ въ великой борьбѣ идей. Я еще и теперь иногда способна къ такой наивности—результату избытка сердца. А я должна была бы излечиться отъ него, потому что мое сердце часто обливалось кровью». Личныя тревоги и несправедливости, которыя она выносила, надламывали нравственныя силы. На нее находили минуты страшнаго сознанія, что она устала жить, и это—въ полномъ развитіи физическихъ силъ. Ей было сорокъ лѣтъ. Она приподняла разъ огромный камень безъ малѣйшаго усилія и выпустила его изъ рукъ, сказавъ въ отчаяніи сама себя: «О, Боже мой! Я проживу, можетъ быть, еще лѣтъ сорокъ!» Это было кризисомъ въ ея жизни: изъ него она вышла съ рѣшимостью выносить все, отречься отъ всѣхъ сновъ о личномъ счастіи и жить надеждой и дѣлать все возможное для счастья другихъ. «Это представилось мнѣ высшимъ рѣшеніемъ, примѣнимымъ къ моей жизни, говоритъ Жоржъ-Зандъ.—Я могла жить безъ личнаго счастья, потому что у меня не было личныхъ страстей. Но во мнѣ была сильна потребность привязанности; мнѣ нужно было имѣть привязанности или умереть. Любить, когда насъ мало или дурно любить, значитъ быть несчастнымъ: но можно жить и несчастнымъ. Но жить невозможно, когда мы живемъ напрасно или когда мы дѣлаемъ

къ жизни нашей употребленіе, противное ея собственнымъ условіямъ». Послѣ этого кризиса, она вступила въ пору свѣтлаго зрѣлаго возраста, за которымъ послѣдовала мирная, ясная старость. Она прожила до конца жизни въ Ноганѣ, отдавъ жизнь наукамъ, друзьямъ и творчеству. Клеветы смолкли, и общество, наконецъ, отдало должную дань великой и чистой личности. Она умерла почти съ перомъ въ рукѣ. Она жаждала, чтобы ее похоронили безъ всякой пышности, на деревенскомъ кладбищѣ. Крестьяне, другомъ которыхъ она была, свесли гробъ ея на рукахъ до могилы. Она умерла съ живою вѣрой въ лучшее будущее, въ торжество гуманныхъ идей. Она до послѣдней минуты жизни осталась вѣрна тѣмъ словамъ, которыми заканчивала исповѣдь своей жизни. «Наша жизнь сгарааетъ и исчезаетъ среди тревогъ. Безъ вѣры и надежды, она—ужасна; но, согрѣтая любовью къ человѣчеству, она—сносна и въ горечи ея есть сладость. Пусть всѣ тѣ, которые, слабые, какъ и я, отдались мирному идеалу и которые хотятъ пройти черезъ тернія жизни, не оставивъ на нихъ всего руна своего, найдутъ помощь въ моемъ скромномъ опытѣ и нѣсколько утѣшенія, увидѣвъ, что страданія ихъ были понаты, прочувствованы тою, которая подвела имъ итогъ и описала ихъ, и теперь говорить имъ: «Будемъ помогать другъ другу и не будемъ отчаиваться». Съ этою вѣрою я могла, не падая, идти по тому пути, по которому намъ повелѣваетъ братская любовь».

Она умерла съ свѣтлой вѣрой въ великія судьбы, ожидающія человѣчество. Она не терпала этой вѣры и во время сатурналіи французской имперіи, когда многіе изъ друзей ея бросали горькое проклятiе человѣчеству. «Я не могу отвѣчать на эти крики отчаянія, говорить она въ запискахъ своихъ. — Я не обладаю свѣтомъ пророчицы. Правда, что тревожное и ревнивое охраненіе матеріальныхъ интересовъ преобладаетъ въ настоящую минуту. Но это «спасайся, кто можетъ» естественно послѣ великихъ кризисовъ. Ясно, что работникъ, который говоритъ: «работы прежде всего и несмотря на все», подчиняется необходимости минуты и видитъ только ту минуту, въ которую онъ живетъ; но онъ силою труда идетъ къ сознанію собственного достоинства и къ завоеванію независимости. То же самое — и съ другими работниками на всѣхъ ступеняхъ лѣстницы. Индустриализмъ стремится освободиться отъ всякаго рабства и стать дѣятельной силой, съ тѣмъ, чтобы послѣ сдѣлаться нравственнымъ и установиться законной силой черезъ братскую ассоціацію». Она предвидѣла катаклизмы, черезъ которые долженъ совершиться такой пе-

реходъ. «Какой будетъ исходъ? Черезъ какіе потоки жгучей славы или нечистаго ила намъ придется пройти? Зачѣмъ же мы мучитесь? Человѣчество идетъ къ равенству. Оно должно идти. Оно придетъ къ нему. Каждому порознь готовиться къ будущему—вотъ дѣло людей, которыя настоящее не даетъ готовиться вмѣстѣ. Безъ сомнѣнія, посвященіе въ общественную жизнь быстрой и жизненной подъ управленіемъ свободы. Жгучія или мирныя пренія клубовъ и общинъ мирный или враждебный волонтерскій форумъ быстро просвѣщаютъ массы, но иногда и вводятъ ихъ въ заблужденіе; но народы не погибаютъ отъ того, что они размышляютъ и зрѣютъ, и воспитаніе обществъ продолжается, какую бы форму ни принимала политика времени. Въ цѣломъ—вѣкъ нашъ великъ, хотя и боленъ, и люди нашего времени, если и не совершаютъ великихъ дѣлъ прошлаго вѣка, то размышляютъ о нихъ и готовятъ еще болѣе великія въ будущемъ. Они глубоко сознаютъ, что должны это сдѣлать».

Это—политическая исповѣдь Жоржъ-Занда и, вмѣстѣ съ тѣмъ, программа ея творчества.

У А Р Д А.

РОМАНЪ

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ДРЕВНЯГО ЕГИПТА.

Георга Эберса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

У древнихъ стовратыхъ Оивъ Ниль расширяется. Цѣпи возвышенностей, окаймляющія рѣку съ обѣихъ сторонъ, принимаютъ здѣсь болѣе опредѣленные очертанія; отдѣльные, почти островные пики рѣзко выдаются надъ отлогимъ хребтомъ многоцвѣтнаго мелкаго кряжа, на которомъ не растетъ ни одна пальма и не можетъ пустить корней никакая, даже самая неприхотливая степная трава. Каменные разсѣлины и тѣснины вдаются, болѣе или менѣе, въ глубину горъ, позади которыхъ распространяется песчано-каменистая пустыня, враждебная всему живущему и усѣянная утесами и безплодными холмами.

Позади восточнаго кряжа эта пустыня тянется до Краснаго Моря; позади западнаго — она безгранична. По повѣрью египтянъ, за нею начинается царство смерти.

Между этими двумя рядами горъ, которыя, подобно стѣнамъ и твердынямъ, отражаютъ волны сыпучихъ песковъ пустыни, течетъ многоводный свѣжій Ниль, распространяя обиліе и благоденствіе, богатый потокъ, питающій мильоны существовавшихъ. По обѣимъ берегамъ его тянутся широкія равнины плодороднаго чернозема, а въ его глубинахъ кишатъ и плодятся чешуйчатые и броненосные обитатели разныхъ видовъ. На зеркалѣ воды плаваютъ цвѣты лотоса, а въ папирусномъ прибрежномъ тростникѣ гнѣздится безчисленное множество водяныхъ птицъ. Между Ниломъ и горами лежатъ поля, покрытыя золотомъ

Т. ССXXXII. — Отд. I.

жатвой. У колодцевъ растутъ тѣнистыя чинары; финиковыя пальмы, старательно поддерживаемыя, образуютъ прокладныя роши. Возвышенная почва, издавна напоенная разливами и удобренная рѣчнымъ иломъ, отличается отъ песчаной подошвы горъ какъ черноземъ цвѣтника отъ желтыхъ песчаныхъ дорожекъ сада.

Въ XIV столѣтїи до Р. Х. рука человѣка воздвигнула въ Овахъ; во многихъ мѣстахъ, непреодолимыя преграды для разливовъ рѣки, въ видѣ дамбъ и плотинъ, чтобы защитить улицы и дворцы города отъ наводненїй.

Отъ дамбъ внутрь страны шли плотно запираемые каналы, проведенные въ египетскіе сады.

На правомъ, восточномъ берегу Нила возвышались улицы знаменитой резиденціи Фараоновъ. У самой рѣки стояли громадныя пестрые храмы города Амона; за ними, въ меньшемъ отдаленїи отъ восточныхъ горъ и даже до самой подошвы ихъ, отчасти уже на почвѣ пустыни, были расположены дворцы царей и вельможъ и тѣнистыя улицы, гдѣ большіе и узкіе дома гражданъ тѣнились другъ возлѣ друга.

Пестро и оживленно было движеніе на улицахъ цвѣтущей резиденціи Фараоновъ.

На западномъ берегу Нила взору представлялось совершенно иное зрѣлище. Здѣсь также не было недостатка въ величественныхъ зданїяхъ и многолюдствѣ; но между тѣмъ какъ по ту сторону рѣки возвышалась компактная масса домовъ и люди шумно и весело расхаживали по своимъ дѣламъ, на этомъ берегу видны были только большія великолѣпныя зданїя, возлѣ которыхъ гнѣздились маленькіе дома и хижины, подобно дѣтямъ, льнувшимъ къ своей матери.

Тому, кто всходилъ на гору и смотрѣлъ на эти дома сверху, казалось, что у его ногъ лежитъ большое число расположенныхъ одна возлѣ другой деревень, съ прекрасными домами владѣльцевъ; а человѣкъ, глядѣвшій съ равнины на восточный склонъ западныхъ горъ, открывалъ тамъ сотни замкнутыхъ, стоявшихъ то отдѣльно, то другъ возлѣ друга, воротъ; ихъ много было у подошвы холма, еще больше посрединѣ его, а нѣкоторые были расположены даже на значительной высотѣ.

И какъ непохожа была правильная, почти торжественная жизнь этихъ улицъ на пеструю суету другого берега! Тамъ все было въ движенїи; здѣсь же, на лѣвомъ берегу рѣки, мало было говора; казалось, какія-то чары задерживали шаги путника, какъ-то блѣдная рука омрачала всѣ взгляды каждаго глаза и прогоняла улыбку со всѣхъ губъ.

Однакоже и здѣсь видѣлось много разуукрашенных барокъ, и не было недостатка ни въ хорахъ пѣвцовъ, ни въ большихъ торжественныхъ процессіяхъ, направлявшихся къ горѣ. Только эти нильскія суда привозили мертвыхъ, раздававшихся здѣсь пѣсни были похоронные гимны, а торжественныя процессіи состояли изъ людей, провожавшихъ саркофаги. Мы находимся на почвѣ мертваго города Эивъ.

Но и здѣсь не было отсутствія жизни, такъ какъ для египтянина не умирали его мертвецы. Онъ закрывалъ имъ глаза, переносилъ ихъ въ Некрополь¹, въ домъ бальзамирощика, т. е. колхита, клалъ ихъ въ могилу; но онъ зналъ, что душа умершаго продолжаетъ свое существованіе, что она, оправданная, странствуетъ по небу, въ солнечной баркѣ, въ видѣ Озириса, что она можетъ являться на землѣ во всякомъ образѣ, въ который захочетъ облечься, и принимать участіе въ существованіи живыхъ. Поэтому онъ заботился о достойномъ погребеніи своихъ покойниковъ, въ особенности же о надежномъ бальзамированіи труповъ и, въ опредѣленные періоды времени, приносилъ заупокойныя жертвы изъ животныхъ и домашнихъ птицъ, напитковъ, благовоній, овощей и цвѣтовъ.

Похороны и яствоприношенія не могли обойтись безъ служителей божества, и тихій городъ мертвыхъ считался удобнымъ мѣстомъ для школъ и жилищъ ученыхъ.

Такимъ образомъ, въ храмахъ, на землѣ Некрополя жили большія общины жрецовъ, и по близости домовъ для бальзамирощиковъ имѣли свои жилища многочисленныя колхиты, ремесло которыхъ переходило, по наслѣдству, отъ отца къ сыну.

Кромѣ того, здѣсь не было недостатка въ складахъ и лавкахъ, гдѣ продавались каменные и деревянные саркофаги, полотняныя пелены для обертыванія мумій и амулеты для украшенія ихъ, разныя пряности и эссенціи, цвѣты, плоды, овощи и печенья. Олени, газели, козы, гуси и другія птицы выкармливались на огороженныхъ пастбищахъ, и провожавшія покойниковъ лица направлялись туда, чтобы найти тамъ нужные имъ чистые, по засвидѣтельству жрецовъ, эземплары жертвенныхъ животныхъ и снабдить ихъ священною печатью. Многіе покупали на бойняхъ только отдѣльные куски мяса. Для бѣдныхъ эти лавки были недоступны. Они покупали печенья въ формѣ животныхъ, символически изображавшихъ собою дорогихъ птицъ и оленей, приобрѣтеніе которыхъ было имъ не по карману. Въ наиболѣе богатыхъ лавкахъ сидѣли служители жрецовъ, принимавшіе зака-

¹ Городъ Мертвыхъ.

зы на папирусные свитки. Эти свитки, въ особыя комнатахъ храма, покрывались священными текстами, которые душа умершаго должна была знать и произнести, чтобы отогнать духовъ пренеподней, отворить для себя врата подземнаго міра и предстать предъ Осирисомъ и сорока двумя членами загробнаго судилища.

Присходившее въ храмахъ оставалось невидимымъ для постороннихъ, такъ какъ каждый храмъ былъ окруженъ високою стѣною, главныя ворота которой, тщательно запертыя, открывались только тогда, когда, рано утромъ или вечеромъ, оттуда выходилъ хоръ жрецовъ для пѣнія священныхъ гимновъ Горусу и Туму, т. е. Богу, восходящему въ видѣ младенца и нисходящему въ видѣ старца¹.

Какъ только раздавалась вечерняя пѣснь жрецовъ, городъ мертвыхъ пустѣлъ: всѣ сопровождавшіе покойниковъ, всѣ посѣтители гробницъ должны были тотчасъ сѣсть въ лодки и оставить Некрополь. Большія толпы людей, прибывшія изъ Энивъ на западный берегъ, въ видѣ торжественныхъ процессій, спѣшили въ безпорядкѣ къ рѣкѣ, побуждаемые сторожами, которые дежурили очердными смѣнами и охраняли могилы отъ хищниковъ. Продавцы заперали свои лавки, колхиты и работники оканчивали свою дневную работу и отправлялись въ свои дома, жрецы возвращались въ храмы, гостиницы наполнялись гостями, стекавшимися сюда издали и желавшими лучше переночевать въ сосѣдствѣ умершихъ, для посѣщенія гробницъ которыхъ они явились, тѣмъ по ту сторону, въ шумномъ городѣ Эивахъ.

Голоса пѣвцовъ и плакальщицъ умоляли; даже пѣсня гробцовъ на многочисленныхъ устремлявшихся къ восточному берегу лодкахъ, мало по малу, замерла; вечерній вѣтеръ разносилъ только отдѣльные звуки, и, наконецъ, все стихло.

Надъ безмолвнымъ городомъ мертвыхъ раскидывалось безоблачное небо, только повременамъ омрачаемое легкой тѣнью; въ свои пещеры и разсѣлины въ скалахъ возвращались летучія мыши, которыя каждый вечеръ летали къ Нилу, чтобы ловить тамъ мошекъ, пить и укрѣпляться для своего дневнаго сна. Отъ времени до времени по свѣтлой почвѣ скользили черныя фигуры, бросая на нее длинныя тѣни: это были шакалы, которые въ этотъ часъ утоляли свою жажду на берегу рѣки и часто цѣ-

¹ Теченіе дневнаго свѣтила было уподобляемо теченію человеческой жизни. Солнце восходило въ видѣ ребенка (Горусъ); въ полдень, оно дѣлалось герцемъ Ра, а при закатѣ становилось старцемъ (Тумъ). Изъ мрака происходилъ свѣтъ: поэтому Тумъ считался старше Горуса и другихъ боговъ свѣта.

лыми стадами безъ страха показывались въ сосѣдствѣ загородокъ для гусей и козь.

Было запрещено охотиться за этими ночными хищниками, такъ какъ они считались священными животными бога Анубиса, стража могилъ ¹, и не были особенно опасны, потому что находили обильную пищу въ могилахъ.

Они пожирали куски мяса на жертвенникахъ, къ удовольствію жертвоприносителей, которые на другой день, при видѣ исчезнушаго мяса, убѣждались, что оно было признано годнымъ и принято жителями преисподней. Они также оказывались хорошими сторожами, такъ какъ дѣлались опасными врагами каждаго непрошеннаго посѣтителя, который, подъ покровомъ тьмы, пытался бы проникнуть въ гробницу.

Такимъ же образомъ, и въ одинъ изъ вечеровъ 1352 года до Р. Х., послѣ смолкнувшаго вечернаго гимна жрецовъ, въ городѣ мертвыхъ наступила тишина. Стражи собирались уже возвратиться со своего перваго обхода, какъ вдругъ, въ сѣверной части Некрополя громко залаяла собака, за нею—вторая, третья и четвертая. Начальникъ стражи остановилъ своихъ людей, и, такъ какъ лай становился все болѣе и болѣе ожесточеннымъ, то онъ приказалъ имъ направиться къ сѣверу.

Небольшая группа стражей дошла до высокой плотины, окаймлявшей западный берегъ идущаго изъ Нила канала и отсюда оглядывала плодородную полосу мѣстности до рѣки и до сѣверной части Некрополя. Еще разъ было дано приказаніе остановиться, и, когда стражники увидѣли свѣтъ факеловъ въ томъ направленіи, откуда раздавался наиболѣе сильный собачій лай, они послѣпили впередъ и настигли нарушителей тишины у пилоновъ ² храма, выстроеннаго Сети I, покойнымъ отцомъ царствовавшаго теперь Рамзеса II.

Луна проливала свой блѣдный свѣтъ на величественное зданіе, вѣшнія стѣны котораго озарялись краснымъ, дымнымъ отблескомъ пламени отъ факеловъ въ рукахъ черныхъ слугъ.

Приземистый человѣкъ, въ богатой одеждѣ, такъ запальчиво стучалъ металлическою ручкою плети въ окованныя мѣдью ворота храма, что удары далеко раздавались въ ночной тишинѣ.

¹ Богъ Анубисъ, изображаемый съ головою шакала, есть сынъ Осириса и Нефтисъ, а шакалъ—его священное животное. Уже въ древнѣйшія времена онъ играетъ роль въ подземномъ мірѣ. Онъ руководитъ бальзамированіемъ, сохраняетъ гробы, стережетъ городъ мертвыхъ, указываетъ и открываетъ путь душамъ. По Плутарху, онъ «служитъ сторожемъ для боговъ, какъ собака для людей».

² Пилонами (ворота) назывались соединенныя арками башни у входовъ въ египетскіе храмы.

По близости отъ него видѣлись носилки и колесница съ породистыми конями. Въ носилкахъ сидѣла молодая женщина, а въ колесницѣ стояла, рядомъ съ возницей, высокая фигура знатной госпожи. Много мужчинъ, изъ привилегированныхъ сословій, и много слугъ окружали оба эти экипажа. Вниманіе этой группы, повидимому, было обращено на врата храма. Ночь скрывала черты отдѣльныхъ личностей, но свѣтъ факеловъ, смѣшанный съ луннымъ сіяніемъ, былъ довольно ярокъ для того, чтобы привратникъ, смотрѣвшій съ башни пилона на нарушителей тишины, могъ признать въ нихъ людей, принадлежащихъ къ знатнѣйшимъ сословіямъ, а можетъ быть даже и къ царскому дому.

Онъ громко окликнулъ стучавшаго и спросилъ, что ему нужно.

Тотъ взглянулъ вверхъ и закричалъ голосомъ, котораго обидно-повелительный тонъ такъ рѣзко нарушилъ тишину мертваго города, что сидѣвшая въ носилкахъ женщина привскочила въ испугѣ.

— Долго ли еще мы будемъ ждать тебя, лѣнивая собака? Сойди сперва внизъ, отерой ворота и тогда спрашивай. Если факелы горятъ недовольно свѣтло для того, чтобы показать тебѣ кто ожидаетъ здѣсь, то моя плеть напишетъ тебѣ на твоей спинѣ кто мы такіе и какъ слѣдуетъ принимать царственныхъ гостей.

Между тѣмъ какъ привратникъ бормоталъ невнятный отвѣтъ и спускался внизъ, чтобы отворить ворота, женщина въ колесницѣ обратилась къ своему нетерпѣливому спутнику и сказала благозвучнымъ, но рѣшительнымъ голосомъ:

— Ты забываешь, Паакеръ, что снова находишься въ Египтѣ и имѣешь дѣло не съ дикими шазу¹, а съ привѣтливыми жрецами, которыхъ, притомъ, мы должны просить объ услугѣ. Въдъ и безъ того жалуются на твою грубость, и она менѣе всего умѣстна при тѣхъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ мы приближаемся къ этому святилищу.

Хотя эти слова были провознесены скорѣе тономъ сожалѣнія, чѣмъ порицанія, но они оскорбили того, къ кому относились; ноздри его широкаго носа начали сильно раздуваться; правая рука вѣрно стиснула ручку плети, и въ то время, какъ онъ, повидимому, смиренно кланялся, онъ нанесъ такой сильный ударъ по обнаженнымъ ногамъ стоявшаго возлѣ него раба, стараго зѣіона, что тотъ содрогнулся, какъ отъ внезапнаго озноба, но, зная своего господина, ни однимъ звукомъ не выдалъ своего страданія.

¹ Разбойническія семитическія племена въ восточномъ Египтѣ.

Между тѣмъ, привратникъ отворилъ ворота, и вмѣстѣ съ нимъ оттуда вышелъ молодой знатный жрецъ, чтобы узнать, что нужно прибывшимъ.

Пааверь собирался снова заговорить, но стоявшая въ колесницѣ женщина предупредила его, сказавъ:

— Я—Бентъ-Анатъ, дочь царя, а вотъ эта женщина въ носилкахъ — Нефертъ, жена благороднаго Мены, возницы моего отца. Мы отправились въ сопровожденіи этихъ знатныхъ лицъ въ сѣверозападную долину мертваго города—осмотрѣть новыя работы. Тебѣ извѣстны, узкія скалистыя ворота, ведущія въ ущелье. На возвратномъ пути, я сама правила лошадьми и имѣла несчастіе переѣхать дѣвочку, сидѣвшую у дороги съ корзиною цвѣтовъ, и нанести ей опасное увѣче. Жена Мены собственноручно сдѣлала дѣвочкѣ перевязку, а за тѣмъ мы свезли ее въ домъ ея отца, параскита ¹. Его зовутъ кажется Пинѣомъ; не знаю—знаешь ли ты его.

— Ты входила въ его хижину, царевна? спросилъ жрецъ.

— Я должна была сдѣлать это, святой отецъ, отвѣчала она.— Мнѣ, конечно, извѣстно, что можно оскверниться, переступая черезъ порогъ этихъ людей, но...

— Но, вскричала жена Мены, привставая въ своихъ носилкахъ:—съ Бентъ-Анатъ можетъ быть сегодня снято это оскверненіе тобою или ея домашнимъ жрецомъ, а между тѣмъ, ей будетъ трудно, а, можетъ быть, и совсѣмъ невозможно возвратитъ бѣдному отцу его ребенка здоровымъ.

— Но пещера параскита все-таки остается нечистою, превратилъ жену Мены царедворецъ Пенбеза, церемоніймейстеръ царевны:—и я заявлялъ свое неодобреніе, когда Бентъ-Анатъ выразила желаніе собственной особою войти въ проклятое логовище. Я предлагалъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ жрецу:—велѣть отнести дѣвочку домой и прислать ея отцу царскій подарокъ.

— А царевна? спросилъ жрецъ.

— Она, по обыкновенію, поступила согласно своей собственной высочайшей волѣ, отвѣчалъ церемоніймейстеръ.

— А эта воля всегда согласна со справедливостію, воскликнула жена Мены.

— Да будетъ угодно богамъ, чтобы это было такъ! сказала царевна; затѣмъ она продолжала, обращаясь къ жрецу:—Ты вѣдаешь волю небожителей и сердца людей, святой отецъ, и я сознаюсь, что охотно дамъ милостыню и помогаю бѣднымъ, хотя

¹ Параскиты—вскриватели труновъ.

бы они не имѣли другихъ ходатаевъ, кромѣ своей нищеты. Но послѣ того, что случилось здѣсь, будучи виновата передъ этимъ бѣднякомъ, а сама считала себя нуждающеюся въ помощи.

— Ты? спросилъ царедворецъ.

— Да, я! отвѣчала царица рѣшительно.

Жрецъ, оставившійся до сихъ поръ безмолвнымъ свидѣтелемъ этого разговора, теперь поднялъ, какъ бы для благословенія, свою правую руку и сказалъ:

— Ты поступила хорошо. Гаторы¹ создали твое сердце, и богиня истины управляетъ имъ. Вы помѣшали нашимъ ночнымъ молитвамъ, конечно, для того, чтобы просить у насъ врача для изувѣченной дѣвушки?

— Именно.

— Я попрошу главнаго жреца выбрать лучшихъ врачей для вѣйшихъ ранъ и тотчасъ же пошлю ихъ къ больной. Но гдѣ находится домъ парасхита Пинема? Я не знаю его.

— Къ сѣверу отъ террасъ Гатасу², какъ разъ возлѣ... но я поручу одному изъ моихъ спутниковъ проводить врачей. Кромѣ того, мнѣ весьма желательно узнать завтра рано утромъ въ какомъ положеніи находится больная.— Паакеръ!

Паакеръ, съ которымъ мы уже познакомились, поклонился, опустивъ руки до земли и спросилъ.

— Что тебѣ угодно приказать?

— Я назначаю тебя проводникомъ врачей, отвѣчала царица.— Царскому вожакому будетъ легко снова отыскать эту хижину, да, притомъ, ты вѣдь—соучастникъ въ моей вѣнѣ. При этомъ она обратилась къ жрецу и прибавила, въ объясненіе:—несчастье произошло отъ того, что я на своихъ коняхъ старалась обогнать скрійскихъ скакуновъ Паакера, о которыхъ онъ говорилъ, что они бѣгутъ быстрѣе египетскихъ. Это была бѣшенная скачка.

— Хвала Амону, что это такъ окончилось, вскричалъ церемоніймейстеръ.—Колесница Паакера лежитъ разбитая въ узкой долинѣ, а его лучшая лошадь получила тяжелыя раны.

— Когда онъ проводитъ врача къ парасхиту, то будетъ имѣть

¹ Гатора—Изида въ воплощенной формѣ. Это—богиня чистаго свѣтлаго неба, имѣющая солнечный дискъ между оленьими рогами на коровьей головѣ, или на человѣческой головѣ съ коровьими ушами. Она называется прекраснѣйшею и даруетъ всѣ чистыя житейскія радости. Далѣе она превращается въ музу, которая украшаетъ жизнь весельемъ, любовью, пѣніемъ и пляской. Мы видимъ ее стоящею въ образѣ доброй феи у колыбели дѣтей и рѣшающею ихъ судьбу. Она имѣетъ много именъ и есть нѣсколько гаторъ, обыкновенно ихъ считается семь, которыя олицетворяютъ собою главныя направленія божественной дѣятельности.

² Великая царяца изъ XVIII-й династїи и оекунна духъ Фараоновъ.

случай взглянуть на нее, сказала царевна. — Знаешь-ли, Пенбеза, ты попечитель безразсудной дѣвушки: я сегодня въ первый разъ радуюсь тому, что отецъ ведетъ войну въ отдаленной странѣ Сати¹.

— Онъ принялъ бы насъ несовсѣмъ ласково, сказалъ церемоніймейстеръ съ улыбкой.

— Но врачей, врачей! вскричала Бентъ-Анатъ. Пааверъ! Ты проводишь ихъ и завтра утромъ принесешь намъ извѣстіе о состояніи больной.

Пааверъ поклонился; царевна сдѣлала знакъ, жрецъ и вышедшіе изъ храма собраты его подвѣли руки въ знакъ благоговенія, и ночной поѣздъ двинулся въ Нилу.

Пааверъ остался одинъ съ своими двумя рабами. Данное ему царевною порученіе было ему не по душѣ. По тѣхъ поръ, пока свѣтъ луны позволялъ видѣть носилки, на которыхъ была жена Мены, онъ смотрѣлъ ей въ слѣдъ; затѣмъ онъ старался припомнить, гдѣ стоять домъ параскита. Начальникъ полицейской стражи все еще стоялъ со своими людьми у воротъ храма.

— Не знаешь ли ты жилища параскита Пинема?—спросилъ Пааверъ.

— Чтò тебѣ тамъ дѣлать?

— Это до тебя не касается, рѣзко отвѣчалъ Пааверъ.

— Грубіяны! вскричалъ начальникъ стражи.—Эй, люди! на лѣво кругомъ и впередъ.

— Стой! вскричалъ злобно Пааверъ.—Я—царскій вожатый.

— Тѣмъ легче для тебя будетъ найти мѣсто, откуда ты пришелъ. Впередъ, воины!

За этими словами послѣдовалъ многоголосый смѣхъ, при наглыхъ звукахъ котораго Пааверъ испугался такъ сильно, что плеть у него выпала изъ рукъ на землю. Рабъ, котораго онъ отстегалъ нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, покорно поднялъ ее и послѣдовалъ за своимъ господиномъ на передній дворъ храма. Оба приписывали это хихиканье, которое все еще тихо отдавалось въ ихъ ухахъ, зловѣщимъ образомъ нарушая тишину Негрополя, и дѣйствительныхъ виновниковъ котораго они не могли замѣтить, безпокойнымъ духамъ. Эти дерзкіе звуки услышалъ и старый стражъ воротъ храма, но ему лучше, чѣмъ царскому вожатому, были извѣстны насмѣшники. Онъ подошелъ къ воротамъ святилища и, углубляясь въ тѣнь, бросаемую пилономъ, вскричалъ, размахивая на удачу своею длинною палкой.

¹ Въ Азіи.

— Эй вы, негодное отродье Сета ¹, висѣльщики, бездѣльники! вотъ я васъ!

Хихиканье утихло; нѣсколько молодыхъ фигуръ выступило на лунный свѣтъ; старикъ, запыхавшись, погнался за ними, и послѣ непродолжительнаго преслѣдованія, толпа полусонныхъ мальчишекъ поспѣшила черезъ ворота храма обратно въ башню.

II.

Храмъ, на переднемъ дворѣ котораго ожидалъ Пааверъ и гдѣ исчезъ жрецъ, чтобы позвать врача, назывался «домомъ Сети» и принадлежалъ къ самымъ большимъ храмамъ города мертвыхъ ². Относительно грандіозности плана, онъ уступалъ только великолѣпному зданію, построенному во времена династій, свергнутой дѣдомъ послѣдняго царя, которое было основано Тутмосомъ III и ворота котораго Аменофисъ III украсилъ огромными колоссами ³. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ «Домъ Сети» занималъ первое мѣсто среди святилищъ Некрополя. Его основалъ Рамзесъ I вскорѣ послѣ того, какъ ему удалось насильственнымъ образомъ завладѣть египетскимъ трономъ. Его великій сынъ Сети продолжалъ постройку этого зданія, которое предназначалось для молитвъ по умершимъ членамъ новаго царскаго дома и для празднествъ въ честь боговъ подземнаго міра. Большія суммы были издержаны на отдѣлку этого святилища, на содержаніе его жрецовъ и принадлежащихъ къ нему учреждений. Эти послѣдніе ставились наравнѣ съ древними святилищами жреческой мудрости Гелиополя и Мемфиса; они были организованы по ихъ образцу и имѣли свою задачу — возвысить новую резиденцію царя въ верхнемъ Египтѣ надъ главными городами нижняго Египта въ научномъ отношеніи.

Въ числѣ ихъ ⁴ прославились нѣкоторыя учебныя заведенія. Въ Оивахъ существовали: во-первыхъ, высшія школы, въ кото-

¹ Божество, которое греки называли Тифономъ, врагъ Озириса, врагъ всего истиннаго, добраго и чистаго, дисгармонія и безпокойный элементъ природы. Сражающійся противъ него, за своего отца Озириса, Горусъ можетъ его низвергнуть и изувѣчить, но никогда не въ состояніи уничтожить его.

² Домъ Сети сохранился до нынѣ и извѣстенъ подъ именемъ Курнахскаго храма.

³ Знаменитые колоссы, изъ которыхъ сѣверный былъ извѣстенъ подъ названіемъ звенящаго столба Мемнона.

⁴ Это описаніе египетскаго учебнаго заведенія во всѣхъ подробностяхъ перечеркнуто въ источникахъ, современныхъ Рамзесу и его наслѣднику Мернептаху.

рых жрецы, врачи, судьи, астрономы, филологи и другіе ученые не только приобрета́ли образова́ніе, но и, кромѣ того, получивъ доступъ къ высшимъ сферамъ науки и достигнувъ званія «писца», имѣли даровое помѣщеніе. Здѣсь они содержались на царскомъ иждивеніи и, будучи избавлены отъ житейскихъ заботъ и находясь въ постоянномъ общеніи съ сотрудниками, занятыми одинаковыми съ ними интересами, могли вполне предаваться научнымъ изслѣдованіямъ и умозрѣніямъ.

Въ распоряженіи ученыхъ находилась большая бібліотека, гдѣ хранились тысячи рукописныхъ свитковъ съ папирусною фабрикой. Нѣкоторымъ изъ этихъ ученыхъ было ввѣрено обученіе младшихъ учениковъ, которые воспитывались въ элементарныхъ школахъ, тоже принадлежавшихъ къ Дому Сети и открытыхъ для сыновей каждаго свободнаго гражданина. Ихъ посѣщали многіе сотни мальчиковъ, которые здѣсь и ночевали. Впрочемъ, родители были обязаны или платить за нихъ деньги, или же посылать въ школу кушанье дѣтямъ.

Въ особенномъ зданіи жили пансіонеры храма, сыновья знатнѣйшихъ семей, которые были воспитываемы здѣсь жрецами за большую плату.

Сети I, основатель этого заведенія, воспитывалъ здѣсь своихъ собственныхъ сыновей, даже наследника престола, Рамзеса.

Элементарныя школы имѣли много учениковъ, и палка играла въ нихъ такую значительную роль, что одному изъ ея педагоговъ принадлежитъ изреченіе: «уши ученика находятся на его спинѣ; онъ слушаетъ, когда его бьютъ».

Юноши, желавшіе поступить изъ элементарныхъ классовъ въ высшую школу, подвергались экзамену. Тамъ молодой студентъ могъ изъ числа ученыхъ высшаго разряда выбрать себѣ учителя, который руководилъ имъ въ научныхъ занятіяхъ и съ которымъ онъ затѣмъ во всю свою жизнь оставался въ отношеніяхъ кліента къ патрону. Вторымъ экзаменомъ приобрета́лась степень «писца» и право вступленія на общественныя должности.

Наряду съ этими школами для ученыхъ существовало также учебное заведеніе для художниковъ, гдѣ получали образованіе юноши, желавшіе посвятить себя изученію архитектуры, валянія, живописи. Въ нихъ тоже каждый ученикъ выбиралъ себѣ учителя.

Всѣ учителя въ этихъ заведеніяхъ принадлежали къ общинѣ жрецовъ храма Сети, состоявшей болѣе чѣмъ изъ восьмисотъ членовъ, которые были раздѣлены на пять разрядовъ и управлялись тремя такъ называемыми пророками.

Первымъ пророкомъ былъ главный жрецъ храма Сети и въ то же время начальникъ цѣлыхъ тысячъ низшихъ и высшихъ служителей божества, принадлежавшихъ къ ѳивскому Нероплю.

Домъ Сети, въ собственномъ смыслѣ, былъ храмъ, выстроенный изъ массивныхъ известковыхъ камней. Рядъ сфинксовъ велъ отъ Нила къ обводной стѣнѣ и къ первому широкому пилоу, служившему входомъ на большой передній дворъ, окруженный съ двухъ сторонъ колоннадами, за которыми возвышались вторыя ворота. Перейдя чрезъ эти ворота, между двумя башнями въ видѣ усѣченныхъ пирамидъ, вы вступали на второй, подобный первому, дворъ, котораго задняя сторона замыкалась величественною колоннадой, принадлежавшею къ центральному корпусу храма.

Внутренность храма была теперь освѣщена нѣсколькими западами.

Позади дома Сети возвышались большія четырехугольныя строения изъ нильскаго кирпича, имѣвшія красивый и нарядный видъ, такъ какъ простой матеріалъ, изъ котораго они были сложены, былъ обмазанъ известью и украшенъ пестрыми изображениями и іероглифическими надписями.

Внутреннее устройство всѣхъ этихъ домовъ было одинаково. Посрединѣ былъ непокрытый дворъ, на который выходили комнаты жрецовъ и ученыхъ. Съ каждой стороны двора находилась крытая галлерей изъ деревянныхъ столбовъ, съ бассейномъ посрединѣ, украшеннымъ растеніями. Въ верхнемъ этажѣ были расположены помѣщенія учениковъ, но самое ученіе, обыкновенно, происходило на дворахъ, вымощенныхъ плитами и покрытыхъ циновками.

Въ особенности красивъ былъ домъ, расположенный на разстояніи около ста шаговъ за домомъ Сети между рощею и свѣтлымъ прудомъ, обозначенный развѣвающимися надъ нимъ знаменами. Это былъ домъ главныхъ пророковъ, которые, впрочемъ, имѣли здѣсь только временныя помѣщенія, куда они являлись только для отправленія своей службы, тогда какъ ихъ постоянныя жилища, гдѣ они жили со своими женами и дѣтьми, находились въ ѳивахъ на другомъ берегу рѣки.

Позднее посѣщеніе храма не могло остаться незамѣченнымъ въ колоніи ученыхъ жрецовъ. Подобно тому, какъ муравьи, когда ихъ куча потревожена рукою человѣка, безпокойно бѣгаютъ взадъ и впередъ, не только ученики, но и учителя были теперь схвачены необычайнымъ волненіемъ. Они группами приближались къ оградѣ. Посыпались, разные вопросы, были высказаны

разныя предположенія. Рассказывали, будто бы отъ царя пришло извѣстіе, что на царевну Бентъ-Анатъ напали колхиты, а одинъ шутникъ изъ мальчишекъ увѣрялъ, что путеводитель царя Паакеръ насильно приведенъ былъ въ храмъ, чтобы здѣсь поучиться лучше писать. Такъ какъ Паакеръ былъ прежде воспитаникомъ дома Сети и преданія объ его стилистическихъ промахахъ дошли до позднѣйшихъ поколѣній учениковъ, то это потѣшное извѣстіе, несмотря на свою несообразность, принято было съ веселымъ одобреніемъ, въ виду важной должности Паакера при царѣ и имѣло нѣкоторый проблескъ правдоподобія, вслѣдствіе увѣренія серьезнаго молодого жреца, что онъ видѣлъ царскаго вожака на переднемъ дворѣ храма.

Оживленная ходьба туда и сюда, смѣхъ и восторги мальчишекъ въ такой необычный часъ были замѣчены и главнымъ жрецомъ.

Этотъ необыкновенный жрецъ, Амени, сынъ Небкета, происходившій изъ древней благородной фамиліи, былъ болѣе чѣмъ неограниченнымъ вождемъ храмоваго братства. Жреческія общины всей страны признавали его превосходство, обращались къ нему за совѣтомъ въ затруднительныхъ случаяхъ и не противились исходящимъ изъ дома Сети, т. е. отъ Амени, распоряженіямъ по духовнымъ дѣламъ. Въ немъ видѣли воплощеніе идеи жречества, и, когда онъ, отъ времени до времени, заявлялъ отдѣльнымъ коллегіямъ жрецовъ какія либо тягостныя и даже странныя требованія, онъ подчинялись имъ, зная по опыту, что даже запутанные, извилистые пути, на которые онъ повелѣвалъ вступить, всегда были направлены къ единственной цѣли—возвысить могущество и авторитетъ іерархіи. Самъ царь высоко цѣнилъ достоинства этого необыкновеннаго человѣка и давно уже старался привлечь его ко двору на должность хранителя печати, но невозможно было убѣдить Амени отказаться отъ своего, повидимому, скромнаго положенія, такъ какъ онъ презиралъ виѣшній блескъ и громкіе титулы. Онъ осмѣливался иногда оказывать рѣшительное сопротивленіе предписаніямъ «Высокаго Дома»¹ и не желалъ промѣнять неограниченное управленіе умами на условное господство во виѣшнихъ, казавшихся ему мелочными, дѣлахъ, подъ властью чужаго вліянію Фараона.

Привычки своей жизни онъ регулировалъ особеннымъ образомъ.

¹ Выраженія: «Высокій Домъ» «Возвышенный Домъ» «Высокія Ворота»—суть переводъ египетскаго слова Цераа, откуда произошло еврейское названіе «Фараонъ».

Восемь дней изъ каждаго десяти онъ оставался во вѣренномъ ему храмѣ, а два дня посвящалъ своему семейству, жившему на другомъ берегу Нила. Но никому, даже своему семейству, онъ не сообщалъ, которые именно изъ упомянутыхъ десяти дней онъ думалъ посвятить отдыху. Онъ спалъ только четыре часа въ сутки. Для этого онъ обыкновенно удалялся въ занавѣшенную и удаленную отъ всякаго шума комнату, въ полдень и никогда въ ночное время, прохлада и спокойствіе котораго ему казались необходимыми для работы, и когда онъ могъ предаваться изученію звѣзднаго неба.

Всѣ обряды, требуемые его саномъ, какъ-то: омовенія, очищенія, бритье волосъ и посты, онъ выполнялъ съ неумолимою строгостью, и его вѣшность соответствовала внутреннимъ свойствамъ его натуры.

Амени было за сорокъ лѣтъ; онъ былъ высокъ ростомъ и не имѣлъ вовсе той полноты, которая свойственна восточнымъ жителямъ въ этомъ возрастѣ. Форма его гладко выбритаго черепа отличалась пропорціональностью и представляла продолговатый овалъ. Лобъ его не былъ ни высокъ, ни широкъ, но его профиль отличался рѣдкимъ изяществомъ. Были поразительны его тонкія сухія губы, а также глаза, которые не горѣли огнемъ и не играли блескомъ и обыкновенно были потушены, но медленно подымались — большіе, свѣтлые и безстрастные — когда имъ предстояло подвергнуть что-либо созерцанію и изслѣдованію.

Молодой Пентауръ, поэтъ дома Сети, воспѣлъ эти глаза, говоря, что они подобны войскамъ, имѣющимъ хорошаго предводителя, который даетъ своимъ воинамъ отдохнуть до и послѣ сраженія, дабы они могли вступить въ битву съ полною силой и увѣренные въ побѣдѣ.

У Амени были враги, но клевета рѣдко осмѣливалась касаться его возвышенной личности.

Главный жрецъ съ удивленіемъ поднялъ глаза отъ своей работы, чтобы взглянуть на безпокойную суету на дворахъ храма.

Комната, гдѣ онъ находился, была весьма просторна и прохладна. Нижняя часть стѣнъ была обложена фаянсовыми кафлями, верхняя — покрыта штукатуркой и росписана. Но пестрыхъ мастерскихъ произведеній художниковъ этой корпораціи было почти не видно, такъ какъ они почти вездѣ были заставлены деревянными шезангами, въ которыхъ хранились свитки рукописей и восковыя доски. Большой столъ, высокая софа, покрытая кожей пантеры, передъ нею скамейка для ногъ, надъ нею — пол-

порка для головы, въ видѣ полу-мѣсяца ¹ изъ слоновой кости, нѣсколько стульевъ, одинъ поставецъ съ чашками и кружками и другой — съ бутылками разныхъ величинъ, тазы и коробочки составляли убранство залы, которая была освѣщена тремя лампами въ видѣ птицъ, наполненными кикюлемъ ².

На Амени была одежда изъ бѣлосѣжнаго полотна въ мелкихъ складкахъ, доходившая до шиволодокъ; вокругъ его бедръ обвивался поясъ съ бахромой, завязанный спереди, котораго широкіе, туго накрахмаленные концы свѣшивались, въ видѣ передника, до колѣнъ. Широкія помочи изъ бѣлой серебряной парчи придерживали его одежду; съ шеи первосвященника низко свисалась на обнаженную грудь широкое ожерелье изъ жемчуга и драгоценныхъ камней, а на верхней части его рукъ блестяли большіе золотые браслеты.

Онъ поднялся со своего стула изъ чернаго дерева съ львиными ногами и подавъ знакъ слугѣ, сидѣвшему на корточкахъ у одной изъ стѣнъ его комнаты. Послѣдній понялъ безъ словъ желаніе своего господина, молча и осторожно надѣлъ на его обнаженный черепъ длинный и густой парикъ съ локонами ³, а на плечи ему накинулъ шкуру пантеры, голова и когти которой были покрыты позолоченною жестью. Другой слуга поднесъ ему металлическое зеркало, въ которое Амени бросилъ внимательный взоръ, поправляя шкуру пантеры на плечахъ писца и свой головной уборъ.

Въ ту минуту, какъ третій рабъ хотѣлъ подать ему посохъ, знакъ его высокаго сана, въ комнату вошелъ жрецъ и доложилъ о приходѣ Пентаура.

Амени подавъ знакъ — и вошелъ тотъ самый молодой жрецъ, съ которымъ разговаривала Бентъ-Анатъ у воротъ храма.

Преклонивъ колѣни, Пентауръ поцѣловалъ руку главнаго жреца, который, благословляя его, сказалъ звучнымъ голосомъ на чистомъ, взысканномъ языкѣ, точно читая книгу:

— Встань, сынъ мой. Твое появленіе избавитъ меня отъ необходимости выйти въ этотъ поздній часъ, если ты можешь сообщить мнѣ, что безнокоитъ учениковъ въ нашемъ храмѣ. Говори.

— Не случилось ничего особенно замѣчательнаго, святой

¹ Подпорка въ видѣ полу-мѣсяца, къ которой сидящій прислонялъ голову. Много экземпляровъ ея найдено въ могилкахъ, и такая мебель еще до сихъ поръ употребляется въ Нубіи.

² Касторовое масло.

³ Знатные египтяне носили парики на бретныхъ головахъ. Много такихъ париковъ хранится въ музеяхъ.

отецъ, отвѣчалъ Пентауръ:—и я едва ли побезпокоить бы тебя, еслибы ученики не подняли шума совершенно изъ пустяковъ и еслибы не прѣехала царевна Вентъ-Анатъ просить у насъ врача. Необыкновенный часъ и свѣта, съ которою она явилась...

— Развѣ дочь Фараона заболѣла? спросилъ Амени.

— Нѣтъ, отецъ мой; она даже слишкомъ здорова. Желая испитать быстроту своихъ коней, она наѣхала на дочь парасита Пинема. По своему великодушію, она сама отвезла сильно пораженную дѣвочку въ домъ ея отца.

— Она входила въ нечистый домъ?

— Да.

— И просить теперь, чтобы мы совершили надъ нею обрядъ очищенія?

— Я думалъ, что ее можно оправдать, отецъ, такъ какъ чистѣйшее человѣколюбіе побудило ее къ поступку, который, хотя находится въ противорѣчій съ обычаями, но...

— Но? строго спросилъ Амени, и его глаза, потупленные до тѣхъ поръ, начали подниматься.

— Но, продолжалъ молодой жрецъ, опуская глаза въ свою очередь:—вѣдь въ этомъ не можетъ быть никакого преступленія. Когда Ра¹ плыветъ по небу въ своей золотой баркѣ, то его свѣтъ изливается на дворецъ Фараона не раньше и не обильнѣе, чѣмъ на хижину отверженнаго: неужели же слабое человѣческое сердце должно отказывать въ своемъ золотомъ свѣтѣ—въ милости—человѣку низшей касты, единственно потому, что онъ бѣденъ?

— Я слышу, возразилъ Амени:— слова Пентаура-поэта, а не жреца, на долю котораго выпало счастье—быть допущеннымъ до высшей степени знанія и котораго я называю монимъ братомъ и сотоварищемъ. Обязанность твоя и каждого жреца—сохранять народъ въ вѣрѣ и правилахъ отцовъ. Времена измѣнились, сынъ мой. При прежнихъ царяхъ, тотъ огонь, о которомъ я говорилъ тебѣ, былъ окруженъ желѣзными стѣнами, и мимо нихъ безучастно проходила толпа. Теперь я вижу трещины въ старыхъ оградахъ; взоры непосвященныхъ, грубыхъ людей слѣлались проникательнѣе, и одинъ рассказываетъ другому о томъ, что онъ, полуослѣпленный, будто бы видѣлъ сквозь эти трещины.

Легкое волненіе слышалось въ голосѣ говорившаго; и, какъ бы чаруя поэта своими выразительными глазами, онъ продолжалъ:

— Мы проклинаемъ и изгоняемъ каждого посвященнаго, рас-

¹ Египетскій богъ солнца

ширяющего эти трещины, и наказываемъ даже друга, который, по своему нерадѣнію, не старается задрѣлать ихъ посредствомъ мѣди и молота.

— Мой отецъ! воскликнулъ Пентауръ, отшатнувшись въ смущеніи, между тѣмъ какъ краска выступила у него на щекахъ.

Главный жрецъ подошелъ къ нему и положилъ обѣ свои руки на его плечи.

Оба они были одинаковаго роста и отличались одинаково совершенною пропорціональностью фигуры и даже по внѣшней формѣ лицъ имѣли сходство другъ съ другомъ. Однакоже, никто не считалъ бы ихъ даже отдаленными родственниками, такъ какъ выраженіе ихъ физиономій было совершенно разное. Черты одного выражали волю и силу для хладнокровнаго и суроваго управленія жизнью и самимъ собою, тогда какъ въ чертахъ другаго видно было желаніе не смотрѣть на недостатки и горести міра и видѣть жизнь такою, какъ она отражалась во всеукрашающемъ волшебномъ зеркалѣ его поэтической души. Свѣжесть и веселость сверкали изъ его полныхъ блеска глазъ, но, при внезапномъ возникновеніи мыслей или когда его душа была тѣмъ либо взволнована, его улыбка показывала, что онъ, чуждый наивной безопасности, уже испробовалъ чашу сомнѣнія и выдержалъ не одну душевную борьбу.

Въ этотъ моментъ, въ его душѣ возникло много измѣнчивыхъ чувствованій. Ему казалось, что онъ долженъ возразить противъ того, что слышалъ; но энергическая личность его собесѣдника имѣла на его приученную къ послушанію душу такое могущественное вліяніе, что онъ промолчалъ и благочестивый трепеть пробѣжалъ по его членамъ, когда къ его плечамъ привоскулились руки Амени.

— Я порицаю тебя, сказалъ главный жрецъ: — и даже, къ моему прискорбію, долженъ наказать тебя. Однакоже, при этомъ онъ отступилъ и схватилъ правую руку своего собесѣдника: — я радуюсь этой необходимости, потому что люблю тебя, какъ чело-вѣка, котораго Неизрѣченный благословилъ высокими дарованіемъ и предназначилъ для великихъ дѣлъ. Плевеламъ позволяютъ расти или вырывать ихъ съ корнемъ, но ты — благородное дерево, и я похожъ на садовника, который забылъ снабдить его подпоркой и теперь радъ, что замѣтилъ въ немъ кривизну, напомнившую объ этомъ нерадѣніи. Ты смотришь на меня вопрошающе, и по выраженію твоего лица я вижу, что ты считаешь меня слишкомъ строгимъ судьей. Въ чемъ ты провинился? Ты допустилъ нарушеніе одного, издавна установившагося

правила. По понятіямъ близорукаго и легкомысленнаго ума, это— вещь неважная; но я говорю тебѣ: ты погрѣшилъ вдвойнѣ. Нарушительницею была дочь царя, на которую смотрять всѣ—и большіе, и малые—и поступки которой должны служить прихромомъ для народа. Если прикосновеніе къ человѣку, котораго древнее правило запечатлѣло самымъ позорнымъ клеймомъ, не оскверняетъ выспихъ, то кого же осквернить оно? Черезъ нѣсколько дней, будутъ говорить: параскиты—такіе же люди, какъ и мы, и древній законъ, повелѣвающій избѣгать ихъ—безуміе. И остановится ли на этомъ мудрованіи народъ? Вѣдь онъ такъ склоненъ сказать себѣ, что тотъ, кто ошибается въ одномъ пунктѣ, не можетъ быть непогрѣшимымъ и въ другомъ. Въ дѣлахъ вѣры нѣтъ ничего маловажнаго, сынъ мой. Если ты уступишь неприятели одну башню, то вся крѣпость очутится въ его рукахъ. Въ это безпокойное время, наше ученіе подобно колесницѣ, подъ колесо которой подложенъ камень на склонѣ горы. Какое-нибудь дитя отнимаетъ эту опору, и колесница скатывается въ долину и разбивается. Вообрази себѣ, что это дитя—царевна, а камень подъ колесомъ—хлѣбъ, и она хочетъ отдать его нищему, чтобы накормить бѣдняка. Развѣ ты возволилъ бы ей сдѣлать это, еслибы твой отецъ, твоя мать и все, что тебѣ мило и дорого находились въ колесницѣ? Безъ возраженій! Завтра царевна снова посѣтитъ параскита. Ты подождешь ее въ хижинѣ его и скажешь ей, что ей необходимо получить отъ насъ очищеніе. На этотъ разъ я избавляю тебя отъ всякаго другаго наказанія. Небо щедро одарило тебя умомъ. Приобрѣти то, чего тебѣ не достаетъ: силу для единого—ты знаешь это единое—силу подавлять все другое, даже искушающій голосъ твоего сердца, обманчивыя навѣты твоего разумія. — Еще одно: пошли врачей въ домъ параскита и прикажи имъ заботиться о раненой дѣвочкѣ, какъ о царицѣ. Кто знаетъ жилище этого человѣка?

— Царевна, отвѣчала Пентауръ:—оставила въ храмѣ царскаго вождатаго Паакера, чтобы онъ проводилъ врачей въ домъ Пинема.

Серьезный главный жрецъ улыбнулся и сказалъ:

— Паакеръ бодрствуетъ изъ-за дочери параскита!

Пентауръ, съ выраженіемъ отчасти робкой мольбы, отчасти лукавства, подыналъ свои, до тѣхъ поръ потупленные, глаза и сказалъ со вздохомъ:

— А Пентауръ, сынъ садовника, будетъ говорить дочери царя, что она должна подвергнуться очищенію!

— Пентауръ—служитель божества, и Пентауръ-жрецъ будетъ имѣть дѣло не съ дочерью царя, а съ нарушительницею зако-

на, сурово возразилъ Амени. — Вели сказать Паакеру, что я желать бы поговорить съ нимъ.

Поэтъ низко поклонился и вышелъ изъ комнаты; Амени же бормоталъ про себя:

«Онъ еще не таковъ, какимъ ему слѣдуетъ быть, и моя рѣчь нисколько на него не подѣйствовала».

Затѣмъ онъ замолчалъ и началъ задумчиво ходить по комнатѣ взадъ и впередъ, размышляя: «И, однакоже, этотъ юноша предназначенъ для великихъ дѣлъ. Какихъ дарованій ума ему недостаетъ? Онъ способенъ учиться, думать, чувствовать и располагать къ себѣ сердца, даже мое собственное. Онъ сохранилъ себя чистымъ и скромнымъ...»

При этихъ словахъ, главный жрецъ остановился, ударилъ руками по спинкѣ стоявшаго передъ нимъ стула и сказалъ: — «Вотъ чего ему недостаетъ: онъ еще не знаетъ пламени честолюбія. Зажжемъ это пламя для его собственного и для нашего блага!»

III.

Пентауръ успѣшилъ исполнить порученіе главнаго жреца.

Въ домѣ Сети воспитывалось много врачей¹, но только немногіе изъ нихъ, по выдержаніи экзамена на степень писца, оставались тамъ. Даровитѣйшіе изъ нихъ были отправляемы въ Гелиополисъ, въ большихъ залахъ котораго издревле помѣщался знаменитѣйшій медицинскій факультетъ страны. Оттуда они, окончивъ свое образованіе по разнымъ медицинскимъ специальностямъ: хирургіи, леченію глазныхъ болѣзней или другимъ отраслямъ врачебной науки и получивъ высшія званія своей профессіи, возвращались въ Фивы, гдѣ они оставались въ качествѣ лейбмедиковъ при царѣ или дѣлались профессорами медицины и приглашались для консультаціи въ затруднительныхъ случаяхъ врачебной практики.

Большинство врачей жило на правомъ берегу Нила, въ Фивахъ со своими семействами, въ собственныхъ домахъ, но каждый изъ нихъ принадлежалъ къ общинѣ жрецовъ.

¹ То, что здѣсь говорится о врачахъ, заимствовано главнымъ образомъ изъ медицинскихъ сочиненій египтянъ; въ числѣ этихъ сочиненій, изъ которыхъ папирусъ Эберса занимаетъ первое мѣсто, берлинскій медицинскій папирусъ I въ второе, а лондонская гіератическая рукопись, относящаяся, какъ и папирусъ Эберса, ко временамъ XVI династіи (XVIII столѣтіе до Р. Ж.)—третье. Главнѣйшія указанія у классиковъ: Герод. II, 84, Диодоръ I, 82.

Нуждавшійся во врачѣ посылалъ за нимъ не въ его домъ, а въ храмъ. Здѣсь заявлялось чѣмъ болѣе нуждающійся въ помощи, и главный изъ врачей храма былъ обязанъ указать на специалиста, въ особенности пригоднаго въ данномъ случаѣ.

Какъ всѣ жрецы, врачи жили доходами отъ состоявшихъ въ ихъ владѣніи земель, отъ подарковъ царя, отъ налоговъ на мірянъ и выдѣляемую въ ихъ пользу частію государственныхъ сборовъ. Отъ пациентовъ, которыхъ они лечили, они не должны были ожидать гонорара; но выздоровѣвшіе рѣдко забывали принести дары тому храму, который далъ имъ врача; нерѣдко случалось также, что выздоровленіе страждущихъ врачи прямо обуславливали извѣстными приношеніями храму.

Познанія египетскихъ врачей во всѣхъ отношеніяхъ были значительны, но, такъ какъ они приступали къ одру болѣзни въ качествѣ «служителей божества», то, естественно, они не ограничивались рациональнымъ леченіемъ страждущихъ и считали невозможнымъ обойтись безъ мистическаго дѣйствія молитвъ и заклинаній.

Избранный для леченія дочери параскита врачъ былъ внукъ знаменитаго, давно уже умершаго врача, имя котораго, Небсехт, перешло и къ нему, любимый другъ по школѣ и сверстникъ Пентаура.

При наследственныхъ способностяхъ, рвеніи и склонности къ своей наукѣ, онъ съ раннихъ лѣтъ преданъ ея изученію. Въ Геліополісѣ онъ избралъ своею специальностію хирургию и навѣрное былъ бы оставленъ тамъ въ качествѣ преподавателя, еслибы слабый голосъ и косноязычіе не мѣшали ему внятно и громко произносить формулы и молитвы.

Это обстоятельство, причинявшее большое огорченіе его родтелямъ и учителямъ, должно было послужить ему въ пользу: вѣдь часто случается, что кажущіяся преимущества служатъ намъ во вредъ, а изъ мнимыхъ недостатковъ создается счастье нашей жизни.

Между тѣмъ какъ товарищи Небсехта упражнялись въ гвѣніи и декламациі, онъ, благодаря своему косноязычію, имѣлъ возможность предаваться доходящей до страсти своей наследственной склонности къ наблюденіямъ надъ органическою жизнію въ природѣ; и его учителя, до извѣстной степени, поощряли въ немъ этотъ духъ изслѣдованія и извлекали пользу изъ его анатомическихъ познаній и его хирургическихъ способностей.

Его глубокое отвращеніе къ магической части своей науки навлекло бы на него строгія наказанія и даже, можетъ быть, изгнаніе изъ васты, еслибы онъ проявилъ его какимъ либо способомъ.

Но Небсехтъ обладалъ молчаливою и углубленною въ себя натурой ученаго; будучи чуждъ желанія, чтобы его достоинства были признаваемы другими, онъ въ сладости умственнаго труда находилъ богатое удовлетвореніе. Каждому 'требованію публично проявить свои способности онъ покорялся по необходимости, какъ чему-то неизбежному; къ насильственному же посягательству на его скромную, но обильную трудомъ и результатами дѣятельность относился съ отвращеніемъ.

Пентауръ былъ къ Небсехту ближе всѣхъ другихъ товарищей.

Онъ удивлялся учености и искусству Небсехта, и, когда обладающій слабымъ тѣлосложеніемъ, но неутомимый въ своихъ странствованіяхъ, врачъ бродилъ по лѣснымъ чащамъ на берегу Нила или по горамъ и пустынямъ, отыскивая звѣрей и растенія, его сопровождалъ жрецъ-поэтъ съ радостію и пользою для себя, такъ какъ его спутникъ видѣлъ тысячи вещей, которыя безъ него казались бы навсегда скрытыми для зрѣнія Пентаура; другіе же предметы, знакомые ему только по формѣ, приобрѣтали содержаніе и значеніе, вслѣдствіе объясненій изслѣдователя природы, котораго неповоротливый языкъ развязывался, когда дѣло шло о томъ, чтобы объяснить своему другу свойства органической природы, согласно наблюденіямъ надъ процессомъ ея развитія.

Поэтъ былъ расположенъ къ ученому и Небсехтъ тоже любилъ Пентаура, обладавшаго всѣмъ, чего не доставало ему самому: мужественною красотой, дѣтскою веселостію, откровенностію, восторженностію художника и даромъ выражать словомъ и гѣсною все, что волновало его сердце.

Поэтъ былъ профаномъ въ областяхъ, гдѣ былъ силенъ ученый, но онъ былъ способенъ къ пониманію самыхъ трудныхъ вещей. Поэтому Небсехтъ придавалъ его сужденіямъ болѣе вѣса, чѣмъ сужденіямъ своихъ товарищей по профессіи, такъ какъ тамъ, гдѣ Пентауръ рѣшалъ свободно и независимо отъ какаго-либо вліянія, они въ своихъ приговорахъ были связаны предвзятыми мнѣніями.

Комната натуралиста находилась въ нижнемъ этажѣ, отдѣльно отъ всѣхъ остальныхъ жилищъ, подъ однимъ изъ принадлежащихъ къ дому Сети хлѣбныхъ амбаровъ. Она была обширна, однако же, путь Пентаура къ ея молчаливому обитателю былъ затрудненъ большими связками разнообразныхъ растений, корзинками изъ пальмовыхъ прутьевъ, стоявшими по четыре и по пяти одна на другой, и множествомъ горшковъ большихъ и малыхъ, завязанныхъ проколотою бумагой. Въ этихъ вмѣстительныхъ двигались разныя живыя твари, начиная отъ тушканчиковъ, боль-

шихъ нильскихъ ящерицъ и желтыхъ совъ до многочисленныхъ экземпляровъ лягушекъ, змѣй, жуковъ и скорпионовъ.

На единственномъ, стоявшемъ посрединѣ этой комнаты, столѣ, рядомъ съ письменными принадлежностями, лежали кости животныхъ, а также острые кремневые и бронзовые ножи разныхъ величинъ.

Въ углу комнаты лежала циновка, и стоявшая надъ нею подпорка для головы показывала, что эта циновка служила Нибсехту постелью.

Когда шаги Пентаура послышались на порогѣ этой странной комнаты, обитатель ея со страхомъ школьника, желающаго скрыть отъ учителя запрещенную игрушку, сунулъ какой-то объемистый предметъ подъ столъ, прикрылъ его ковромъ и спряталъ острый осколокъ кремня ¹, прикрѣпленный къ деревянной рукояткѣ, въ складкахъ своей одежды. Затѣмъ онъ сложилъ руки, жаль придать себѣ видъ человѣка, праздно-мечтающаго отъ бездѣля.

Единственная лампа, прикрѣпленная на высокой подставкѣ возлѣ его стула, распространяла весьма слабый свѣтъ, котораго, однако, было достаточно, чтобы показать Пентауру, изучившему всѣ привычки своего друга, что онъ помѣшалъ Нибсехту въ запрещенной работѣ. Послѣдній кивнулъ головой вошедшему, когда узналъ его, и сказалъ:

— Тебѣ не слѣдовало пугать меня.

Затѣмъ онъ полѣзъ подъ столъ и вытащилъ оттуда привязаннаго къ доскѣ живаго кролика, въ разрѣзанномъ тѣлѣ котораго распяленномъ деревянными палочками билось сердце, и, не обращая вниманія на гостя, продолжалъ свои наблюденія.

Нѣкоторое время Пентауръ, молча, всматривался въ натуралиста, затѣмъ положилъ ему руку на плечо и сказалъ:

— На будущее время совѣтую тебѣ заперать свою комнату, когда ты вздумаешь заниматься недозволенными вещами.

— Они сняли у меня задвижку двери съ тѣхъ поръ, какъ застали меня за анатомированіемъ руки поддѣлывателя подписей Птамеса ².

— Значить, мумія несчастнаго останется безъ руки.

— Она не будетъ ему нужна на томъ свѣтѣ, возразилъ Нибсехтъ.

¹ Египтяне любили употреблять кремневые ножи въ своихъ хирургическихъ операціяхъ, въ особенности при вскрытіи труповъ и обрѣзаніи. Много такихъ ножей сохраняется въ музеяхъ.

² Дѣлателямъ подложныхъ подписей отрубали руки.

— Положилъ ли ты ему хоть шепти ¹ въ могилу?

— Какой вадоръ!

— Ты заходишь слишкомъ далеко, Небсехтъ; ты слишкомъ неостороженъ. Кто бесполезно мучитъ безвреднаго звѣрка, тому духи въ преисподней отплатятъ тѣмъ же, гласитъ законъ. Но я вижу, что ты хочешь сказать. Ты считаешь позволительнымъ причинять страданія животному, надѣясь обогатиться познаніями, посредствомъ которыхъ уменьшатся страданія людей.

— А ты—нѣтъ?

Приятная улыбка мелькнула на лицѣ Пентаура. Онъ нагнулся надъ кроликомъ и сказалъ:

— Какъ это странно! звѣрокъ живетъ и еще дышетъ. Человѣкъ давно уже умеръ бы отъ подобнаго обращенія. Въпротивно, его организмъ болѣе нѣженъ и подверженъ болѣе разрушенію.

— Можетъ быть, сказалъ Небсехтъ, пожавъ плечами.

— А я-то думалъ, что ты знаешь это навѣрно.

— Я? спросилъ Небсехтъ:—почему же? Вѣдь я тебѣ говорю, что мнѣ не позволяютъ изслѣдовать, какъ движется рука поддѣлывателя подписей.

— Подумай: вѣдь въ писаніи сказано, что блаженство души зависитъ отъ сохраненія тѣла.

Небсехтъ поднялъ свои умные, небольшіе глаза и сказалъ, пожимая плечами:

— Должно быть; впрочемъ, это до меня не касается. Дѣлайте съ душами людей, что хотите; я же хочу узнать ихъ тѣло и починаю его, какъ могу, въ случаѣ поврежденія.

— Хвала Тоту ², что, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи твое искусство неоспоримо.

— Искусство принадлежитъ одному Богу; я ничего не въ состояніи сдѣлать и владѣю своими инструментами едва ли съ болѣею увѣренностью, чѣмъ скульпторъ, осужденный работать во мракѣ.

— Точно слѣпой Резу, рисовавшей лучше всѣхъ одаренныхъ зрѣніемъ художниковъ храма, замѣтилъ, смѣясь, Пентауръ.

¹ Маленькія статуетки, которыя вѣсилъ вмѣстѣ съ покойниками, для того, чтобы эти статуетки помогали имъ работать на томъ свѣтѣ. Въ рукахъ у нихъ былъ крюкъ и плугъ, а на спинѣ—мѣшочекъ съ сѣменами.

² Тотъ—богъ ученыхъ и врачей. Ибисъ считается его священнымъ животнымъ. Самого его обыкновенно изображаютъ съ головою ибиса. Первоначально это былъ богъ мѣсяца, владыка измѣренія времени и мѣры вообще. Это — мудрецъ между небожителями, богъ письма, искусства и науки. Греки называли его Гермесомъ Трисмегистосомъ, т. е. трехкратно или очень великимъ, по примѣру египтянъ, которыхъ называли его Тотомъ или Телути, или двукратно, т. е. также «весьма» великимъ.

— Я могу дѣлать лучше или хуже, но хорошо — никогда.

— Въ такомъ случаѣ, мы должны удовольствоваться твоимъ «лучшимъ», которымъ я и пришелъ воспользоваться.

— Развѣ ты боленъ? спросилъ Небсехтъ.

— Хвала Иизидѣ, я чувствую себя такимъ сильнымъ, что могъ бы вырвать съ корнемъ пальму. Но я хотѣлъ попросить тебя посѣтить сегодня вечеромъ одну больную дѣвушку. Царевна Бенть-Анать...

— Царское семейство имѣетъ своихъ врачей.

— Да дай же ты мнѣ договорить! Царевна Бенть-Анать перѣхала лошадами одну дѣвочку, и, кажется, бѣдное дитя сильно изувѣчено.

— Вотъ оно что! протяжно произнесъ ученый.—Что она въ городѣ, или здѣсь, въ Некрополѣ?

— Здѣсь; но она — не болѣе, какъ дочь параскита.

— Параскита? спросилъ Небсехтъ и снова сунулъ своего кролика подъ столъ.—Въ такомъ случаѣ, я иду.

— Чудаки! кажется, ты ожидаешь найти что-нибудь необыкновенное у нечистыхъ.

— Это—ужь мое дѣло. Но я приду. Какъ зовутъ параскита?

— Пинемъ.

— Съ нимъ ничего нельзя будетъ сдѣлать, пробормоталъ ученый:—но почему знать?

Съ этими словами онъ всталъ, откупорилъ плотно закрытый флакончикъ и помазалъ напитанною стрихниномъ¹ кисточкой носъ и морду кролика, который тотчасъ же пересталъ дышать. Потомъ онъ положилъ его въ ящикъ и сказалъ:

— Я готовъ.

— Но въ этой грязной одеждѣ ты не можешь выйти изъ дому.

Небсехтъ утвердительно кивнулъ головой, вынулъ чистую одежду и хотѣлъ надѣть ее поверхъ прежней. Но Пентауръ не допустилъ его до этого и сказалъ, смѣясь:

— Прежде всего нужно снять рабочее платье. Я помогу тебѣ. Но, влянусь богомъ Безой², ты, подобно луковницѣ, закутанъ въ нѣсколько оболочекъ.

Пентауръ имѣлъ репутацію большого насмѣшника между своими сотоварищами. Его громкій голосъ гулко раздавался въ

¹ Стрихнинъ—ядъ, хорошо знакомый египтянамъ.

² Богъ гуалета у египтянъ, изображаемый въ видѣ маленькаго уродца. Онъ даетъ женщинамъ побѣду въ любви, а мужчинамъ—въ борьбѣ. Ему приписывается арабское происхожденіе.

тикой комнатѣ ученаго, когда онъ убѣдился, что его другъ собирался надѣть на себя еще третью одежду поверхъ прежнихъ. Небсехтъ засмѣялся вмѣстѣ съ нимъ и сказалъ:

— Теперь я знаю, почему одежда казалась мнѣ такою тяжелою и въ полдень я чувствовалъ невыносимый жаръ. Выйди на минуту изъ комнаты, покажись я буду переодеваться, и, пожалуйста, пошли спросить у главнаго жреца Амени: могу ли я отлучиться?

— Онъ поручилъ мнѣ послать врача къ параскиту и прибавить, что съ нею слѣдуетъ обращаться, какъ съ царницей.

— Амени? А развѣ онъ зналъ, что дѣло идетъ не болѣе, какъ о дочери параскита?

— Разумѣется.

— Ну, послѣ этого я готовъ повѣрить, что посредствомъ заклинаній можно вправлять вывихнутые члены; да, посредствомъ заклинаній. Ты знаешь, что я уже болѣе не имѣю права ходить одинъ къ больнымъ. Мой языкъ слишкомъ неповоротливъ для того, чтобы произносить священныя изреченія и вымогать у умирающихъ богатыя жертвы въ пользу храма. Сходи къ пророку Гагабу и попроси, чтобы онъ отпустилъ со мною пастора Тету, обыкновенно сопровождающаго меня въ моихъ посѣщеніяхъ.

— Вмѣсто слѣпота старика, а скорѣе взялъ бы какого-либо молодого помощника.

— Полно толковать. Я былъ бы доволенъ, еслибы онъ самъ остался дома, а его языкъ поползъ за мною подобно ужѣ или улиткѣ. Голова и сердце у него не имѣютъ никакой связи съ говорильнымъ снарядомъ, и онъ идетъ, подобно быку, молотящему зерна¹.

— Это правда, сказалъ Пентауръ: — я недавно самъ видѣлъ, какъ этотъ старикъ пѣлъ у постели больного свои священныя пѣсни и, въ то же время, украдкою считалъ финики, которыхъ ему дали цѣлый мѣшокъ.

— Онъ неохотно пойдетъ къ параскиту, потому что параскитъ бѣденъ, и онъ скорѣе взялъ бы въ руку вонъ ту семью скорпионовъ на горшкѣ, чѣмъ принять кусокъ хлѣба изъ рукъ нечистаго. Скажи ему, чтобы онъ зашелъ за мною и выпилъ мое вино. У меня есть запасъ его еще на три дня. При этихъ жарахъ, оно туманитъ мнѣ глаза. Въ сѣверной или южной части мертваго города живетъ параскитъ?

¹ Изъ многихъ сохранившихся изображеній, которыя относятся даже къ древнѣйшимъ временамъ, мы видимъ, что въ Египтѣ, такъ же, какъ въ Палестинѣ, хлѣбъ вымочивался рогатымъ скотомъ, часто съ помощью тяжело нагруженныхъ саней, которыя теперь называются *коречи*.

— Кажется, въ сѣверной. Тебѣ покажетъ дорогу Пааверъ, вожатый царя.

— Онъ? засмѣялся ученый. — Да что стоить сегодня въ календарѣ? ¹ Съ дочерью парасхита велеть обращаться, какъ съ царевной, а врачу будетъ данъ въ проводники собственный вожатый Фараона! Мнѣ слѣдовало бы оставить на себѣ все свои три одежды.

— Ночь тепла, сказалъ Пентауръ.

— Но Пааверъ имѣетъ весьма странныя привычки. Завчера меня призывали къ одному бѣдняжкѣ, которому онъ переломилъ ключицу своею палкой. Будь я лошадей царевны, я охотѣе помялъ бы его, чѣмъ бѣдную дѣвушку.

— Да и я тоже! сказалъ, смѣясь, Пентауръ и вышелъ изъ комнаты—просить второго пророка храма, Гагабу, бывшаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, и начальникомъ врачей въ домѣ Сети, чтобы онъ далъ Небсехту, въ качествѣ помощника для пѣнія священныя гимновъ, слѣпнаго пастора ² Тету.

IV.

Пентауръ зналъ, гдѣ ему найти высокопоставленнаго жреца, потому что онъ самъ былъ приглашенъ на пиръ, который Гагабу устроилъ въ честь двухъ ученыхъ, переведенныхъ въ домъ Сети изъ высшей школы въ Хенну ³.

На открытомъ, окруженномъ пестро-росписанными деревянными колоннами и освѣщенномъ многочисленными лампами, дворѣ, сидѣли пирующие жрецы, въ два длинныхъ ряда, на удобныхъ креслахъ. Передъ каждымъ стоялъ столикъ и проворные слуги разносили кушанья и напитки, которыми былъ переполненъ буфетъ, воздвигнутый посреди двора. Гостямъ были подаваемы филиейныя части газелей ⁴, жареные гуси и утки, напѣ-

¹ Календари эти сохранились до нашего времени. Полнѣйшій изъ нихъ представляетъ папирусъ Салье IV, лучшія объясненія на который принадлежатъ Ф. Шаба. Противъ каждаго дня обозначено: счастливый это день, или несчастный и проч. Въ храмахъ сохранились въ большомъ числѣ календари праздниковъ, полнѣйшій—въ Медиветъ-Габу, изданный Дрмихеномъ.

² Разрядъ жрецовъ, къ которому принадлежали врачи.

³ При узкомъ потокѣ Нила, недалеко отъ нубійской границы, жилишій Гебель-Зильзалехъ, гдѣ въ древности процвѣтала знаменитая школа жрецовъ.

⁴ Газели были приручаемы, какъ домашнія животныя. Мы встрѣчаемъ ихъ на изображеніяхъ стадъ, принадлежащихъ богатымъ египтянамъ, или въ видѣ убойнаго скота. Пиръ описанъ здѣсь по тѣмъ изображеніямъ пировъ, изъ которыхъ многіе найдены въ могилахъ.

ты съ мясомъ, артишоки, спаржа и другія овощи, разныя печеня и сладости, а также кубки, наполненные дорогимъ виномъ разнаго рода, которыхъ ¹ всегда было довольно въ обширныхъ амбарахъ храма Сети.

При нѣкоторыхъ переменахъ блюдъ, слуги подавали гостямъ металлическіе тазы для омовенія рукъ и тонко-вытканныя полотенца.

По утоленіи голода, вино полилось обильнѣе, и каждому гостю были поднесены душистые цвѣты, которыхъ запахъ долженъ былъ улаждать ихъ при разговорахъ, становившихся теперь все болѣе и болѣе оживленными.

Всѣ участники пира были одѣты въ длинныя, облоснѣжныя одежды и принадлежали къ числу лицъ, посвященныхъ въ египетскія таинства, и, слѣдовательно, къ числу вождей жреческихъ корпорацій храма Сети.

Второй пророкъ, Гагабу, которому теперь было передано председательство на пирѣ главнымъ жрецомъ, такъ какъ Амени, въ подобныхъ случаяхъ, обыкновенно показывался только на нѣскольکو минутъ, былъ маленькій коренастый человекъ, съ голымъ шарообразнымъ черепомъ. Его старѣвшія черты были правильны, и гладко выбритыя мясистыя щеки хорошо округлены. Его сѣрые глаза смотрѣли весело и пристально на свѣтъ Божій, но въ минуты сильнаго волненія сильно сверкали, и его толстыя, чувствительныя губы начинали подергиваться.

Возлѣ него стояло великолѣпное, ни кѣмъ незанятое кресло Амени, а рядомъ съ нимъ сидѣли два жреца изъ Хенну, видные, пожилые, съ темнымъ цвѣтомъ кожи.

Остальные гости были рассажены соотвѣтственно положенію ихъ въ жреческой общинѣ храма, которое опредѣлялось совершенно независимо отъ возраста. Какъ ни строго были распределены мѣста по рангу пирующихъ, но всѣ они, не стѣсняясь, принимали участіе въ разговорѣ.

— Мы умѣемъ цѣнить сдѣланное намъ приглашеніе въ Оивы, сказалъ старшій изъ жрецовъ, переведенныхъ изъ Хенну въ домъ Сети, Туауфъ, котораго учебники были весьма распространены въ школахъ ².— Съ одной стороны, оно приближаетъ насъ къ Фараону—да процвѣтетъ его жизнь, счастье и здоровье!—а съ другой, доставляетъ намъ честь принадлежать къ числу вашихъ товарищей. Я уже видѣлъ главнаго жреца Амени. Вотъ—человѣкъ!

¹ Погребя имѣютъ среднюю температуру года и слишкомъ теплы въ Египтѣ; поэтому вино тамъ лучше всего сохраняется въ темныхъ и обширныхъ амбарахъ.

² Нѣкоторые изъ нихъ сохранились до настоящаго времени.

А кому неизвѣстно твое имя, Гагабу? Кто не знаетъ тебя, Меріану?

— А кого изъ васъ, прибавилъ другой прѣзвѣжій:—слѣдуетъ намъ считать творцомъ великолѣпнаго гимна Амону? Кто изъ васъ—Пентауръ?

— Вонъ тотъ пустой стулъ, сказалъ Гагабу, указывая на кресло въ концѣ стола:—назначенъ для него. Онъ—младшій изъ всѣхъ насъ, но ему предстоитъ великая будущность.

— Такъ же, какъ и его пѣснями, прибавилъ старшій изъ хеннуассемскихъ ученыхъ.

— Безъ сомнѣнія, подтвердилъ старшій начальникъ гороскоповъ¹, пожилой человѣкъ съ огромною сѣдою курчавою головою, которая казалась слишкомъ тяжелою для его тонкой шеи. — Несомнѣнно то, что боги одарили нашего юнаго друга богатыми способностями; но еще неизвѣстно, какъ онъ воспользуется ими. Я нахожу въ этомъ юношѣ нѣкоторую необузданность ума, и она беспокоитъ меня. Его мысли улетаютъ за установленные предѣлы, и въ гимнѣ его, предназначенномъ также для слуха народа, есть обороты, которые можно бы назвать измѣною мистеріями, тогда какъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, онъ далъ обѣтъ хранить ихъ въ тайнѣ. Подобные гимны не слѣдуетъ пѣть публично, въ особенности въ такое время, какъ наше, когда изъ чужихъ странъ къ намъ вторгаются нововведенія, подобно налетающей съ востока саранчѣ.

— Замѣчаніе, вычитанное изъ моего сердца! вскричалъ казначей храма.—Амени слишкомъ рано посвятилъ этого юношу въ мистеріи.

— По моему предложенію, сказалъ Гагабу.—Наша община должна гордиться членомъ, возвышающимъ славу нашего храма. Народъ слушаетъ его гимны, не вникая въ глубокій смыслъ его словъ.

— Пентауръ всегда былъ твоимъ любимцемъ, воскликнулъ начальникъ гороскоповъ.—Другому ты не дозволялъ бы многого изъ того, что разрѣшаешь ему. Его гимнъ останется для меня и для другихъ опаснымъ произведеніемъ. Неужели ты станешь отрицать, что мы имѣемъ поводъ къ серьезнымъ опасеніямъ, что есть вещи и обстоятельства, которые послужатъ намъ помѣхой и, въ концѣ концовъ, уничтожатъ насъ, если мы своевременно и съ непоколебимою твердостью не окажемъ имъ сопротивленія?

— Ты приносишь песокъ въ пустыню и сыплешь сахаръ на лёдъ, воскликнулъ Гагабу, и его губы задрожали.—Все идетъ те-

¹ Гороскопъ—наблюдатель времени. Одинъ изъ разрядовъ жреческой касты.

перь не такъ какъ слѣдуетъ, и намъ придется выдержать сильную битву, но не съ мечами въ рукахъ, а посредствомъ ума и слова. Но кто болѣе моего ученика способенъ для подобной борьбы за наше дѣло? А вы хотите подрѣзывать ему крылья и обрубить когти! Не трогайте моего Пентаура; иначе вы поступите подобно человѣку, который, изъ страха зубной боли, вырываетъ себѣ здоровые зубы. Увы! намъ скоро придется огрызаться такъ, что полетать клочья мяса и польется кровь, если мы не захотимъ быть съѣденными.

— И намъ тоже врагъ не остался невѣдомымъ, сказалъ жрецъ изъ Хенну:—хотя мы на дальней южной границѣ государства съумѣли не допустить многого, что на сѣверѣ, подобно раку, пожираетъ наше здоровое тѣло. Едва ли здѣсь болѣе, чѣмъ у насъ, чужеземщина считается нечистою и тифоническою ¹.

— Едвали болѣе? вскричалъ начальникъ гороскоповъ.—Ее привлекаютъ сюда, за нею ухаживаютъ, ее окружаютъ почетомъ. Подобно пыли во время знойныхъ вѣтровъ, дуящихъ съвозъ балки деревяннаго дома, она вторгается въ нравы и языкъ ², въ жилища и даже въ храмы, а на тронѣ потомковъ Ра воссѣдаетъ потомокъ...

— Дерзкій! вскричалъ голосъ главнаго жреца, въ эту минуту вошедшаго въ залу.—Придержи свой языкъ и не осмѣливайся употреблять его противъ царя, который, въ качествѣ намѣстника Ра, управляетъ этою страню.

Начальникъ гороскоповъ, молча, склонилъ голову. Затѣмъ, вмѣстѣ съ нимъ, всѣ пировавшіе встали, чтобы привѣтствовать Амени, который, ласково и съ достоинствомъ кивнувъ имъ головой, занялъ свое мѣсто и, обращаясь къ Гагабу, спокойно спросилъ?

— Я вижу васъ въ волненіи, несвойственномъ саму жрецовъ. Чѣмъ нарушено равновѣсіе вашихъ душъ?

— Мы говорили о сильномъ вторженіи въ Египетъ чужеземщины и о необходимости положить этому преграду.

— Вы найдете меня въ числѣ передовыхъ борцовъ, сказалъ Амени.—Мы перенесли многое, и съ сѣвера пришли вѣсти, которыя сильно меня тревожатъ.

— Не потеряли ли наши войска пораженія?

— Нѣтъ, они остаются побѣдоносными, но многія тысячи нашихъ соотечественниковъ, въ битвахъ и походахъ, сдѣлались жертвою смерти. Рамзесъ требуетъ новыхъ вспомогательныхъ

¹ Принадлежащимъ Тифону или Сету.

² Никогда египетскіе писатели не употребляли семитическихъ иностранныхъ словъ болѣе, чѣмъ во времена Рамзеса II и его сына Мернептаха.

силъ. Вожагъ Пааверъ передалъ мнѣ письмо отъ нашихъ, окружающихъ дара, товарищей, а намѣстнику—письменное приказаніе Фараона прислать ему пятьдесятъ тысячъ воиновъ. А какъ всѣ военныя силы и всѣ вспомогательныя народы уже находятся въ дѣйствующемъ войскѣ, то повелѣвается вооружить принадлежащихъ къ храму земледѣльцевъ и отправить ихъ въ Азію.

Ровнотъ неудовольствія поднялся при этихъ словахъ. Начальникъ гороскоповъ топнулъ ногой, а Гагабу спросилъ:

— Чтѣ же ты думаешь дѣлать?

— Исполнить повелѣніе царя, отвѣчалъ Амени:— и немедленно созвать настоятелей всѣхъ храмовъ города Амона сюда, на совѣтъ. Пусть каждый изъ нихъ въ своемъ святилищѣ помолится божеству о дарованіи ему мудраго разумія. Когда мы рѣшимся на чтѣ-нибудь, то прежде всего нужно будетъ привлечь на нашу сторону намѣстника. Кто вчера присутствовалъ при его молитвахъ?

— Очередь была за мною, сказалъ начальникъ гороскоповъ.

— Послѣ трапезы, послѣдуй за мною въ мое жилище, сказалъ Амени.— Но почему нѣтъ нашего поэта между нами?

Въ эту минуту, Пентауръ вошелъ въ комнату и, съ достоинствомъ поклонившись сидѣвшимъ за другими столами собесѣдникамъ, отвѣсилъ глубокій поклонъ Амени, прося позволить ему отправить слѣпного пастора Тету вмѣстѣ съ врачомъ Нобсехомъ къ дочери параскита. Амени утвердительно кивнулъ головой и воскликнулъ:

— Пусть они поторопятся. Пааверъ ожидаетъ ихъ у большихъ воротъ и будетъ сопровождать ихъ въ моей колесницѣ.

Какъ только Пентауръ вышелъ, старшій жрецъ изъ Хену обратился къ Амени:

— По истинѣ, святой отецъ, я именно такимъ представлялъ себѣ вашего поэта. Онъ подобенъ богу солнца и имѣетъ царственную осанку. Навѣрное, онъ происходитъ изъ знатнаго дома.

— Его отецъ—простой садовникъ, сказалъ главный жрецъ.— Онъ хорошо владѣваетъ землею, отданную ему нашимъ храмомъ, но вовсе не отличается благородствомъ фигуры и имѣетъ грубыя привычки. Онъ рано сталъ посылать Пентаура въ школу¹. Здѣсь мы воспитали даровитаго мальчика и сдѣлали его тѣмъ, чтѣ онъ есть.

— Какую должность занимаетъ онъ здѣсь въ храмѣ?

¹ Изъ напирусовъ оказывается, что синовия незначительныхъ людей могли быть тоже приняты въ сословіе жрецовъ, подѣ известными условіями. Замечательныхъ кастъ, подобно индійскимъ, у египтянъ не было.

— Онъ обучаетъ старшихъ воспитанниковъ высшей школы языку и Краснорѣчію; онъ также—отличный наблюдатель звѣднаго неба и самый свѣдущій изъ нашихъ снотолкователей, отвѣчалъ Гагабу.—Но вотъ онъ опять здѣсь. Къ кому везетъ Пааверь нашего космоязычнаго левара и его помощника?

— Къ изувѣченной дочери парасхита, отвѣчалъ Пентауръ.—Но что за суровый человѣкъ, этотъ вожатый! Его голосъ рѣжетъ мнѣ уши, и онъ обращается съ нашими врачами, точно они—его рабы.

— Онъ былъ недоволенъ порученіемъ, возложеннымъ на него царевной, сказалъ главный жрецъ, въ видѣ извиненія.

— Но его братъ, простившійся съ нами нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ юноша особенно мягкаго и уживчиваго характера.

— А отецъ, сказалъ Амени:—принадлежалъ къ числу самыхъ превосходныхъ дѣятельныхъ людей и обладалъ тонкою чувствительностью.

— Въ такомъ случаѣ, Пааверь наследовалъ дурныя свойства отъ своей матери.

— Нѣтъ. Это—кроткая, привѣтливая, добродушная женщина.

— Я часто слышалъ о подвигахъ могара (вожатаго), сказалъ старшій жрецъ изъ Хенну:—но я хорошенко не знаю, чего именно требуетъ отъ него должность,

— Его обязанность, отвѣчалъ Гагабу:—проходить съ избранными и смѣлыми людьми по непріятельской землѣ, собирать свѣдѣнія о числѣ и характерѣ народонаселенія, изслѣдовать направление горъ и рѣкъ, все это записывать и передавать собранныя свѣдѣнія начальнику военнаго управленія *, который долженъ сообразовать съ ними движенія войскъ.

— Значить, могаръ, долженъ быть хорошимъ воиномъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обладать искусствомъ письменнаго изложенія?

— Именно, и отецъ Паавера былъ не только героемъ, но и писателемъ, котораго сжатые, вразумительные отчеты позволяли такъ явственно представлять себѣ изслѣдованную имъ страну, какъ будто вы обозрѣвали ее съ горной вершины. Онъ первый получилъ званіе могара. Царь цѣнилъ его такъ высоко, что только отъ царя и отъ начальника военнаго управленія онъ получалъ приказанія.

— Онъ принадлежалъ къ благородной фамиліи?

— Къ одной изъ древнѣйшихъ и благороднѣйшихъ во всей

* Слово въ слово—«начальнику военнаго дома». Эту должность можно сравнивать съ должностью военнаго министра.

странѣ. Его отецъ былъ превосходный воинъ Асса, отвѣчалъ начальникъ гороскоповъ.—И, кромѣ того, достигнувъ самъ высшаго почета и необыкновеннаго богатства, онъ женился на племянницѣ царя Горъ-Эм-Геба, которая имѣла бы такія же права на тронъ, какъ намѣстникъ, если бы дѣдъ Рамзеса не замѣдлалъ имъ наследственнымъ образомъ.

— Обдумывая свои слова, сказалъ Амени, прерывая рѣчь запальчиваго старика.—Рамзесъ I былъ и остается дѣдомъ нашего царя. Въ жилахъ этого послѣдняго, по материнской линіи, течетъ кровь настоящихъ потомковъ бога-солнца.

— Но гораздо обильнѣе и чище она течетъ въ жилахъ намѣстника, рѣшился возразить начальникъ гороскоповъ.

— Но вѣдь корона принадлежитъ Рамзесу, и онъ будетъ носить ее, пока это будетъ угодно богамъ. Вспомни, что твои волосы посѣдѣли и что мятежническія слова подобны огненнымъ искрамъ, ихъ часто разноситъ вѣтеръ, но, при несчастномъ случаѣ, они могутъ произвести пожаръ. Пируйте себѣ на здоровье, но прошу васъ въ этотъ вечеръ не упоминать болѣе о царѣ и о новыхъ порядкахъ. А ты, Пентауръ, исполни завтра мое приказаніе съ точностью и благоразуміемъ.

Главный жрецъ поклонился и оставилъ пирующихъ.

Едва дверь заперлась за нимъ, старшій жрецъ изъ Хенну сказалъ:

— Меня удивляетъ все то, чтѣ мы узнали относительно царскаго вождатаго, занимающаго столь важный постъ. Развѣ онъ отличается особенными дарованіями?

— Онъ былъ прилежнымъ ученикомъ съ посредственными способностями.

— Въ такомъ случаѣ, званіе могоара наследственно?

— Никонимъ образомъ.

— Но какъ же могъ...

— Уже такъ случилось, прервалъ старшій Гагабу.—У сына винодѣла виноградомъ наполненъ ротъ, а передъ сыномъ привратника—замкн, отпираются сами собою.

— Во всякомъ случаѣ, прибавилъ одинъ изъ старшихъ жрецовъ, молчавшій до сихъ поръ:—Пааверъ имѣеть нѣкоторыя заслуги, какъ могоаръ, и обладаетъ качествами, достойными похвалы. Онъ неутомимъ и настойчивъ, не отступаетъ ни предъ какою опасностью и уже ребенкомъ отличался набожностью, доказываемою на дѣлѣ. Между тѣмъ какъ другіе ученики отнесли свои карманныя деньги продавцамъ фруктовъ и праниковъ у воротъ храма, онъ покупалъ гусей, а на богатые подарки, достававшіеся ему отъ матери, прибрѣталъ молодыхъ газелей, чтобы

положить ихъ на алтарь боговъ. Ни одинъ изъ вельможъ страны не обладаетъ такимъ богатымъ собраніемъ амулетовъ и статуэтокъ, изображающихъ боговъ, какъ онъ. Онъ и теперь принадлежитъ къ числу благочестивѣйшихъ людей, и заупокойныя жертвы, которыя онъ принесъ въ память своего умершаго отца, можно назвать поистинѣ царскими.

— Мы благодарны ему за эти дары, сказалъ казначей:—и высокое почтеніе, съ которымъ онъ вспоминаетъ о своемъ отцѣ, даже послѣ его смерти, необыкновенно и въ высшей степени похвально.

— Онъ соревнуетъ ему во всемъ, насмѣшливо замѣтилъ Гагабу:—и если онъ не во всѣхъ чертахъ уподобляется своему отцу, то, все-таки, мало по малу, сдѣлался похожимъ на него; но, увы!—въ томъ же родѣ, какъ гусь похожъ на лебедя, а филинъ на орла! Тамъ была гордость, здѣсь—высокомѣріе, тамъ дружеская строгость, здѣсь—грубая жестокость, тамъ достоинство, здѣсь—заносчивость, тамъ настойчивость, здѣсь—упрямство. Онъ набоженъ, и его дары не бесполезны для насъ. Казначей можетъ имъ радоваться и кушать финики съ кривого дерева такъ же, какъ и съ прямого. Но если бы я былъ божествомъ, то цѣнилъ бы ихъ не выше, чѣмъ перо удода. Вѣдь, все зависитъ отъ качествъ сердца, приносящаго эти дары!

— Развѣ ты изслѣдовалъ его сердце? спросилъ начальникъ гороскоповъ.

— Какъ этотъ кубокъ! вскричалъ Гагабу.—Я разсматривалъ его непрестанно въ теченіи пятнадцати лѣтъ. Этотъ человѣкъ былъ, есть и будетъ полезнымъ для насъ. Наши врачи употребляютъ же горькую рыбу желчь и убійственные для человѣка яды, въ качествѣ лекарства, и подобные люди...

— Въ тебѣ говорятъ ненависть, прервалъ раздраженнаго старика гороскопъ.

— Ненависть? повторилъ тотъ, и губы его задрожали.—Ненависть? и онъ ударилъ кулакомъ по своей широкой груди. Правда, ненависть не чужда этому старому сосуду; но открой свои уши, гороскопъ, и вы всё выслушайте меня теперь. Существуетъ два рода ненависти. Одинъ родъ, это—ненависть человѣка противъ человѣка; такую ненависть я въ себѣ подавилъ, умертвилъ, уничтожилъ—и какой борьбы мнѣ это стоило! Божество можетъ простить все, только не ненависть человѣка къ человѣку. Но есть ненависть другого рода, угодная небожителямъ, и я желалъ бы, чтобы она никогда не оскудѣвала въ моей груди. Это—ненависть ко всему, что противится свѣту, добру и чистотѣ; ненависть Горуса къ Сету. Меня наказали бы боги, если бы я ненавидѣлъ Паакера, ко-

того отца былъ мнѣ другомъ; но пусть духи мрака вырвутъ это старое сердце изъ моей груди, если въ немъ погаснетъ отвращеніе къ низкому, своекорыстному жертвователю, который хочетъ купить у боговъ земное счастье и въ душѣ котораго кишатъ темныя помыслы и поползновенія! Небожителямъ не могутъ быть пріятны дары Паавера, какъ тебѣ, гороскопъ, не могъ бы направиться сосудъ съ розовымъ масломъ, наполненный скорпионами, тысяченожками и ядовитыми змѣями. Давно уже я руковожу его молитвами и никогда еще не слыхалъ отъ него мольбы о ниспосланіи чистыхъ благъ; за то тысячу разъ слышалъ, какъ онъ молился о погибели людей, которыхъ онъ ненавидитъ.

— Мнѣ трудно понять, Гагабу, сказалъ казначей:—почему ты, обыкновенно, оправдывающій тамъ, гдѣ всѣ мы осуждаемъ, проносишь такой беспощадный приговоръ надъ величайшимъ благодѣтелемъ нашего храма.

— А я понимаю особенное рвеніе, съ которымъ вы, такіе охотники къ осужденію въ другихъ случаяхъ, извиняете этого... этого... ну называйте его, какъ хотите! вскричалъ старикъ.

— Онъ намъ необходимъ въ эти времена, сказалъ гороскопъ.

— Согласенъ, отвѣчалъ Гагабу, понижая голосъ.—И я еще думаю пользоваться его услугами, такимъ же образомъ, какъ главный жрецъ пользовался ими для блага нашего дѣла, окруженнаго опасностями, потому что и грозный путь хорошъ, если онъ ведетъ къ цѣли. Даже божество часто направляетъ насъ черезъ зло ко благу, но слѣдуетъ ли изъ этого, что мы должны называть злое добрымъ и гнусное—прекраснымъ? Пользуйтесь волатымъ, какъ хотите, но неотъучайтесь судить о немъ по его чувствамъ и дѣйствіямъ, а не по дарамъ, которыми онъ оснаетъ васъ. Предоставьте ему пригнать хоть весь свой скотъ въ ограду храма и высыпать все свое золото въ нашу сокровищницу, но не пятняйте себя мыслию, что дары отъ подобнаго сердца и отъ такой руки угодны божеству. А главное—и при этихъ словахъ въ голосъ старика послышался тонъ глубокой задушевности—главное, не оставляйте заблуждающагося человѣка въ убѣжденіи—а вы дѣлаете это—что онъ идетъ по надлежащему пути, такъ какъ наша первая обязанность—вести къ добру и правдѣ души людей, ввѣренныхъ нашему попеченію.

— О, мой учитель! вскричалъ Пентауръ, какою вротостью дышетъ твоя строгость!

— Я показываю вамъ язвы этого человѣка, сказалъ старикъ, выходя изъ залы:—и вашею заслугою будетъ преувеличивать ихъ значеніе, вашимъ позоромъ—умалять его. Если вы отнынѣ не будете выполнять своей обязанности въ этомъ отношеніи, то

когда-нибудь придетъ Гагабу со своимъ ножемъ, повергнетъ больного на землю и сдѣлаетъ ему операцію.

Во время рѣчи старика гороскопъ много разъ пожималъ плечами. Теперь, обращаясь къ жрецамъ изъ Хенну, онъ сказалъ:

— Гагабу—старый разслабленный сумасбродъ, и вы слышали изъ его устъ проповѣдь, подобную тѣмъ, которыя говорятся и у васъ молодымъ писцамъ, предназначеннымъ къ поступленію на должность попечителя душъ. Побужденія его чисты, но онъ охотно забываетъ великое ради малаго. Но Амени скажетъ вамъ, что и у насъ тоже не придается важности десяти душамъ или даже сотнѣ душъ, если дѣло идетъ о спасеніи цѣлаго.

V.

Ночь, въ которую царица Бентъ-Анатъ со своими спутницами стучалась у воротъ храма, миновала.

Душистая свѣжесть раннихъ часовъ утра уступила жару, который началъ изливаться съ голубого, безоблачнаго небснаго свода, раскаленнаго подобно стальному колоколу. Глаза человѣка не могли смотрѣть на солнечный шаръ; лучи его преломлялись въ тонкой бѣловатой пыли, носившейся надъ усѣянными гробницами склономъ горы, которая замыкала городъ мертвыхъ съ запада. Известковые утесы блестяли ослѣпительно; тѣни постепенно исчезали.

Всѣ животныя, бродившія въ Некрополѣ по ночамъ, попрятались въ свои норы. Только человѣкъ былъ занятъ своею поденною работою, откладывая по временамъ въ сторону свои орудія, когда освѣжающій вѣтерокъ вѣялъ со стороны сильно разлившейся рѣки.

Гавань, гдѣ приставали суда изъ восточныхъ Оивъ, была переполнена богато-разукрашенными праздничными барками и лодками. Экипажъ первыхъ, который состоялъ изъ принадлежавшихъ жреческимъ общинамъ и знатнымъ домамъ матросовъ и рулевыхъ, предавался отдохновенію, такъ какъ перевезенные ими черезъ Нилъ пассажиры, длинными процессіями, направлялись къ могиламъ.

Подъ сивоморой, далеко распространявшею свою тѣнь, продавецъ свѣтлыхъ припасовъ и спиртныхъ напитковъ, а также укуса для охлажденія воды, расположился со своимъ столомъ;

*

вблизи его кричали и спорили лодочники и надсмотрщики, съ жаромъ предаваясь игрѣ *мора*.¹

Многіе матросы лежали на палубахъ судовъ, другіе—на берегу, гдѣ нибудь подѣ скудной тѣнью пальмы, или прямо на солнцѣ, прикрывая свои лица плащами.

Между этими спящими группами, длинными рядами пробирались одинъ за другимъ, коричневыя и черныя служители и рабы, сгибавшіеся подѣ тяжестью своей ноши. Они доставляли въ мѣсту назначенія сдѣланныя для храма пожертвованія и заказанныя торговцами мертваго города товары. Каменьщики тащили на половяхъ привезенныя изъ каменоломень Хенну и Суана² плиты для новостроившагося храма.

Всѣхъ этихъ людей подгоняли палками ихъ надсмотрщики и они пѣли, работая; но даже голоса ихъ заплѣвалъ, довольно громкіе вечеромъ, когда, послѣ скуднаго ужина, наступало время отдыха, звучали теперь глухо и хрипло.

Густые рои мошекъ преслѣдовали этихъ мучениковъ, туло и безъ сопротивленія выносившихъ укушеніе насѣкомыхъ, какъ удары своихъ старость, и сопровождали ихъ до самаго центра мертваго города, гдѣ соединялись съ мухами в осами, которыя въ несмѣтномъ множествѣ кишѣли въ бойняхъ, пекарняхъ, кухняхъ для жаренья рыбы, лавкахъ съ мясомъ, овощами, медомъ и напитками.

По мѣрѣ приближенія къ Ливійскимъ Горамъ, шумъ все болѣе смѣнялся тишиною, а надѣ сѣверозападною широкою долиною, на южномъ склонѣ которой отецъ царствовавшаго теперь Фараона велѣлъ высѣчь для себя глубокую могилу и каменотесы этого послѣдняго воздвигли каменную гробницу для своего владыки, господствовало спокойствіе смерти.

При входѣ въ долину, глыбы утесовъ образовали нѣчто въ родѣ воротъ, чрезъ которыя теперь двигалась, не обращая вниманія на дневной зной, толпа людей, небольшая, но богато украшенная пышными нарядами.

Четыре худощавые желтоноса, одежда которыхъ состояла только изъ одного передника и головнаго платка изъ золотой парчи, спуставшагося до спины, полумальчики, полумноши, бѣ-

¹ Латинская «*micare digitis*». Эта игра посредствомъ пальцевъ часто встрѣчается еще и теперь въ южной Европѣ. Ее очень любили древніе египтяне и часто изображали въ своихъ картинахъ. Игры, изображенныя на памятникахъ, собраны Миинутоли въ лейпцигской «Иллюстрированной Газетѣ» 1852 г.

² Сиена грековъ и нинивійскій Ассуанъ, у перваго водопада.

жали впереди шествія. Полуденное солнце блестяло на ихъ гладкой красно-коричневой влажной кожѣ, и ихъ эластичныя голыя ноги едва касались каменной почвы.

За ними слѣдовала красивая двухколесная колесница, везома каравовыми рѣзвыми конями. На ихъ изящно-очерченныхъ головахъ качались пучки красныхъ и голубыхъ перьевъ и поворотомъ своихъ красиво выгнутыхъ шей они какъ будто показывали, что гордятся своими чепраками, богато вышитыми серебромъ, золотомъ, голубыми и пурпуровыми украшеніями, а еще болѣе своею красавицею царвеною Бентъ-Анатъ, маленькая ручка которой правила ими едва замѣтно.

Два молодыхъ скорохода сопровождали колесницу и, держа на длинныхъ палкахъ большія опахала изъ бѣлоснѣжныхъ страусовыхъ перьевъ, защищали ими отъ солнца лицо своей повелительницы.

Рядомъ съ Бентъ-Анатъ восемь человекъ несли вызолоченныя носилки Нефертъ, жены Мены. Они, при своемъ скоромъ и мѣрномъ бѣгѣ, не отставали отъ коней царвны и ея стройныхъ вѣроносцевъ.

Обѣ женщины отличались рѣдкою, но совершенно различнаго рода красотою. Жена Мены сумѣла сохранить видъ дѣвушки; ея большіе, продолговатые глаза смотрѣли съ какимъ-то удивленнымъ и мечтательнымъ выраженіемъ изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ; ея фигура, средняго роста, приобрѣла легкую округленность, не потерявъ прежняго изящества. Въ ея жилахъ не текло ни одной капли чужеземной крови; это доказывалось смуглымъ отбѣнкомъ ея кожи, тѣмъ теплымъ, свѣжимъ и равномернымъ колоритомъ, занимающимъ середину между яркимъ золотисто-желтымъ и бронзо-коричневымъ, который еще и теперь такъ очарователенъ на щекахъ абиссинскихъ дѣвушекъ; это доказывалось прямымъ носомъ, хорошо обрисованнымъ лбомъ, съ прямыми, но густыми черными, какъ вороново крыло, волосами и изяществомъ ея рукъ и ногъ, охваченныхъ золотыми заплатами.

Царвнѣ едва минуло девятнадцать лѣтъ отъ роду, но ея фигура дышала чѣмъ-то женски-самоувѣреннымъ. Она была почти головою выше; кожа ея была свѣтлѣе; во взглядѣ ея добрыхъ и умныхъ голубыхъ глазъ не замѣчалось никакой мечтательности, они глядѣли ясно и рѣшительно. Ея благородный, но рѣзкій профиль былъ настолько похожъ на профиль ея отца, насколько прекрасный ландшафтъ при мягкомъ лунномъ освѣщеніи, сглаживающимъ всѣ шероховатости, походитъ на тотъ же ландшафтъ при яркомъ солнечномъ свѣтѣ. Ея едва изогнутый носъ былъ

наслѣдіемъ ея семитическихъ предковъ¹; тоже можно было сказать о слегка вьющейся массѣ ея каштановыхъ волосъ, на которую былъ накинутъ полосатый бѣлый съ голубымъ шолковій платокъ. Его тщательно сложенные складки придерживались золотымъ обручемъ, посрединѣ котораго возвышалось изображение головы рогатой змѣи Урен, увѣнчанной дискомъ изъ рубиновъ. Съ лѣваго виска ея спускалась на грудь густая, перевитая золотыми нитками коса—знакъ ея царскаго происхожденія. На ней было надѣто пурпурное платье изъ полупрозрачной ткани, перехваченное золотымъ поясомъ и придерживаемое широкими помочами. На шеѣ ея, въ видѣ широкаго воротника, было надѣто ожерелье изъ жемчуга и драгоценныхъ камней, спускавшихся на грудь.

Позади царевны стоялъ ея возница, старый воинъ благороднаго происхожденія. Далѣе слѣдовали три паланкина; въ каждомъ изъ нихъ сидѣло по два царедворца; затѣмъ шла пѣшкомъ дюжина рабовъ, наконецъ, толпа слугъ съ палками для понужденія лѣнливыхъ и группа легко вооруженныхъ солдатъ въ передникахъ и съ платками на головахъ. За поясомъ у этихъ послѣднихъ были мечи, на подобіе кинжаловъ, въ правой рукѣ—сѣкеры, а въ лѣвой—пальмовыя вѣтви въ знакъ ихъ миролюбивыхъ намѣреній.

Все это шествіе, быстро подвигавшееся впередъ, окружали, точно дельфины корабль, маленькія дѣвочки въ длинныхъ, подобныхъ рубашкамъ, платьяхъ; онѣ несли на головахъ вѣрши съ водой, будучи готовы подать ее каждому жаждущему, по первому знаку. Съ быстротой газелей онѣ, по временамъ, опережали коней.

При расширеніи дороги, съ правой стороны которой разстлалась поперечная долина, гдѣ были похоронены послѣдніе цари низвергнутой династіи, шествіе остановилось, по знаку ѣхавшаго на встрѣчу царевнѣ Паакера.

Передавъ возжи слугѣ, онъ соскочилъ со своей колесницы и, послѣ обычныхъ привѣтствій, проговорилъ:

— Въ этой долинѣ находится отвратительное гнѣздо тѣхъ людей, которымъ ты, царевна, думаешь оказать столь великую милость. Позволь мнѣ быть проводникомъ твоего шествія. Черезъ нѣсколько минутъ, мы будемъ у цѣли.

— Такъ мы пойдѣмъ пѣшкомъ и оставимъ здѣсь нашу свиту, сказала царевна.

¹ До насъ дошло много изображеній Рамзеса. Лучшее изъ нихъ—статуя, хранящаяся въ Туринѣ, въ изящномъ профильѣ которой, отличающемся слегка изогнутымъ носомъ находили сходство съ профилемъ Наполеона I.

Паакеръ поклонился, царевна сошла съ колесницы, жена Мены и придворные вышли изъ своихъ носилокъ, и вѣроносыцы собирались слѣдовать за своею властительницею, которая направилась къ долигѣ, когда она, обернувшись назадъ, сказала:

— Оставайтесь всѣ здѣсь: со мною пойдутъ только Паакеръ и Нефертъ.

Бентъ-Анатъ быстро пошла по ровной дорогѣ ущелья. На поворотѣ ея могоаръ остановился. Долина была совершенно безлюдна и безмолвна. На самомъ высокомъ зубцѣ отвѣсной скалы справа сидѣлъ длинный рядъ коршуновъ, совершенно неподвижныхъ, точно парализованныхъ зноемъ. Паакеръ преклонилъ голову передъ этими священными птицами великой богини Оивъ¹, и обѣ женщины, молча, послѣдовали его примѣру.

— Вотъ тамъ, сказалъ могоаръ, указывая пальцемъ на двѣ хижины, выстроенныя изъ высушеннаго нильскаго ила и прислоненныя къ лѣвой стѣнѣ долины: — та хижина, наиболѣе сохранившаяся, возлѣ пещеры въ скалѣ.

Бентъ-Анатъ съ замираніемъ сердца направилась къ этимъ уединеннымъ жилищамъ. Паакеръ пропустилъ женщинъ впередъ, и онѣ вскорѣ очутились передъ грубо снлетеннымъ заборомъ изъ тростника, пальмовыхъ вѣтвей, терновника и мансовой соломы. Надрывавшій сердце крикъ пронесся въ воздухъ и заставилъ женщинъ остановиться. Нефертъ вадрогнула и прижалась къ своей спутницѣ. Обѣ стояли точно околдованныя въ теченіи нѣсколькихъ минутъ; затѣмъ царевна позвала могоара и сказала:

— Ступай впереди насъ въ хижину.

Паакеръ низко поклонился и отвѣчалъ:

— Я позову Пинема; развѣ мы можемъ перешегнуть черезъ его порогъ? Ты знаешь, что въ такомъ случаѣ мы осквернимся.

Нефертъ умоляющимъ взглядомъ смотрѣла на Бентъ-Анатъ, но послѣдняя повторила:

— Иди впередъ, я не боюсь оскверненія.

Могоаръ все еще колебался и воскликнулъ:

— Неужели ты хочешь прогнѣвить боговъ, а себѣ самой?..

Но царевна не дала ему докончить. Она кивнула своей спутницѣ, но та, въ ужасѣ поднявъ руки, пожала плечами; тогда, оставивъ Нефертъ съ могоаромъ, Бентъ-Анатъ вошла черезъ отверстіе въ плетивъ въ маленькой дворикъ, гдѣ лежали двѣ коричневыя козы, стоялъ осель со спутанными передними ногами и нѣсколько

¹ Богиня Мутъ, составившая, вѣстѣ съ Амономъ и Хунзу, троицу, которой былъ посвященъ большой храмъ въ Карнакѣ.

куръ разрывали пыль, напрасно ища корма. Она стояла одна передъ отворенною дверью хижины парасита. Никто не замѣчалъ Бентъ-Анать, она же не могла отвести своихъ глазъ, привыкшихъ къ роскоши и порядку, отъ мрачной, но оригинальной, представившейся ей картины. Дверь была слишкомъ низка для ея высокаго роста; ей хотѣлось бы умалиться и, вмѣсто того, чтобы блистать великолѣпнымъ нарядомъ, облечься въ нищенское рубище. Ея чуткая душа понимала, въ какомъ рѣзкомъ несоотвѣтствіи она находится ко всему окружающему ее теперь, понимала, что здѣсь, среди господства нищеты, ея фигура также неумѣстна и рѣжетъ глаза, какъ фигура великана среди жалкихъ карликовъ.

Но она зашла слишкомъ далеко, чтобы отступить, хотя охотно сдѣлала бы это. Чѣмъ болѣе она вглядывалась въ глубину хижины, тѣмъ болѣе чувствовала все безсиліе своего царскаго богатства, ничтожество обильныхъ даровъ, которые она принесла съ собою, и сознавала, что не можетъ ступить на пыльный полъ хижины иначе, какъ смиренно и какъ бы умоляя о прощеніи. Помѣщеніе было низко, хотя не особенно тѣсно, и страннымъ образомъ освѣщалось двумя скрещивавшимися потоками свѣта изъ двухъ отверстій. Одинъ выходилъ изъ двери, другой—изъ ветхаго потолка комнаты, въ которой еще никогда не собиралось такого множества разнохарактерныхъ гостей. Всеобщее вниманіе присутствовавшихъ въ ней было устремлено на группу, освѣщенную свѣтомъ изъ двери.

На пыльномъ полу сидѣла на корточкахъ старуха съ загорѣвшимъ лицомъ и спутанными, давно посѣдѣвшими волосами. Ея черная съ синимъ бумажная одежда, похожая на рубашку, была открыта спереди, и на давно изсохшей груди ея видѣлась синяя нататуированная звѣзда. Старуха поддерживала руками покоившуюся на ея колѣняхъ голову дѣвушки, которой стройная фигура недвижно лежала на узкой, истрепанной циновкѣ. Маленькія бѣлыя ноги дѣвушки почти касались порога двери. Тамъ сидѣлъ, съжившись, старый, привѣтливаго вида, человекъ, котораго вся одежда состояла изъ передника. Повременамъ онъ нагибался и теръ подошвы дѣвушки своими исхудалыми руками, тихо бормоча про себя.

На больной была надѣта только короткая юбка изъ грубой, свѣтло-голубой ткани. Ея лицо, покоившееся на колѣняхъ старухи, было нѣжно и правильно; ея глаза были полузакрыты, какъ у дѣтей, забывшихся въ сладкихъ грѣзахъ. Но по ея губамъ, отъ времени до времени, пробѣгалъ страдальческій, почти судорожный трепетъ.

Густые, мягкіе, но находившіеся въ безпорядкѣ, бѣлокурые съ рыжеватымъ отливомъ волосы, въ которыхъ висѣло нѣсколько поблекшихъ цвѣтовъ, падали на волѣни старухи и на циновку, гдѣ лежала дѣвушка. Щеки ея были бѣлы и румяны, и, когда молодой врачъ Небсехъ, который сидѣлъ у ея ногъ вмѣстѣ со своимъ слѣпымъ глухо напѣвавшимъ священныя гимны товарищемъ, приподнималъ накиннутый на поврежденную колесомъ грудь дѣвушки платокъ или когда она поднимала свою нѣжную руку, то сверкающая бѣлизна ея тѣла напоминала тѣхъ дочерей сѣвера, которыя нерѣдко были приводимы въ Эивы въ качествѣ военной добычи царя.

Съ лѣвой стороны дѣвушки сидѣли на маленькомъ коврѣ двое врачей, присланныхъ изъ дома Сети. Отъ времени до времени, тотъ или другой изъ нихъ клалъ руку на сердце страждущей или прислушивался къ ея дыханію, или отпиралъ свой ящикъ съ лекарствами, чтобы смочить компрессъ на ея груди какою-то бѣловатою жидкостью.

Далѣе, возлѣ стѣны комнаты сидѣло нѣсколько молодыхъ и пожилыхъ женщинъ, пріятельницъ семьи параскита, которыя отъ времени до времени выражали глубину своего сочувствія рѣзкимъ жалобнымъ воплемъ. Одна изъ нихъ въ опредѣленные промежутки времени вставала, чтобы наполнить свѣжею водою глиняные, стоявшіе возлѣ врачей кувшины. Когда холодъ новаго компресса приводилъ въ содроганіе жаркую грудь дѣвушки, она открывала глаза и обращала ихъ сперва изумленно, а затѣмъ съ набожнымъ благоговѣніемъ къ одной опредѣленной точкѣ.

Эти взгляды до сихъ поръ оставались незамѣченными тѣмъ, на котораго они устремлялись.

Прислонившись къ правой стѣнѣ комнаты, стоялъ ожидавшій царевну Пентауръ въ своей длинной бѣлоснѣжной одеждѣ жреца. Его темя касалось потолка комнаты, и слабая, выходившая оттуда полоса свѣта озаряла его красивую голову и грудь, между тѣмъ какъ все, его окружавшее, было покрыто сумракомъ.

Глаза большой снова поднялись, но на этотъ разъ они встрѣтились съ глазами молодого жреца, который тотчасъ поднялъ руку и почти машинально произнесъ, тихимъ голосомъ, нѣсколько словъ благословенія, но затѣмъ снова устремилъ неподвижные взоры на темный полъ хижины и предался своимъ собственнымъ думамъ.

Онъ пришелъ сюда уже нѣсколько часовъ тому назадъ, чтобы, согласно приказанію главнаго жреца Амени, втолковать царевнѣ, что она осквернила себя прикосновеніемъ къ параскиту и только рука жрецовъ можетъ возвратитъ ей прежнюю чистоту.

Неохотно онъ переступилъ черезъ порогъ этой хижины, и, подобно какому-то бѣдствію, его подавляла мысль, что именно ему приказано заклеймить порицаніемъ благородный поступокъ человѣколюбія и разыграть роль карающаго судьи относительно совершившей его дѣвушки.

Въ сношеніяхъ со своимъ другомъ Небсехтомъ, Пентауръ сбросилъ съ себя многія умственные оковы и далъ волю многимъ мыслямъ, которыя его учителя называли бы коварными и грѣховными. Но онъ, все-таки, признавалъ святость древнихъ постановленій, служившихъ опорой людямъ, которыхъ онъ привыкъ считать хранителями духовнаго достоянія своего народа; притомъ, онъ не былъ чуждъ той кастовой гордости и высокомерія, которыя съ благоразумною предусмотрительностью внушались жрецамъ ихъ воспитателями: человѣка простаго, употребляющаго свои силы для честнаго физическаго труда, для пропитанія своей семьи, купца, ремесленника и земледѣльца и даже воина, а тѣмъ болѣе преданнаго чувственности тунеядца онъ ставилъ далеко ниже своихъ, стремящихся къ духовнымъ цѣлямъ, собратьевъ по сословію.

Людей, которыхъ законъ отмѣтилъ клеймомъ позора, онъ считалъ нечистыми, да и могъ ли онъ смотрѣть на нихъ иначе?

Личности, вскрывавшія трупы, для бальзамированія мертвыхъ, были презираемы за это занятіе, клонившееся къ поврежденію священнаго сосуда души.¹ Но ни одинъ параскитъ не избиралъ добровольно своего ремесла: оно переходило, по наследству, отъ отца къ сыну, и рожденный отъ параскита былъ долженъ—такъ внушали ему—искупить старую вину, тяготѣвшую надъ его душою въ давній періодъ времени, когда эта душа была облечена другою тѣлесною оболочкою. Она переходила постепенно въ тѣла многихъ животныхъ, и теперь, въ сынѣ параскита ей предстояло начать новое поприще, чтобы затѣмъ, по смерти, снова предстать предъ судьбою подземнаго міра.

Когда Пентауръ приближался къ хижинѣ, параскитъ сидѣлъ уже у ногъ больной и при входѣ его вскричалъ:

— Еще одинъ въ бѣлой одеждѣ! Неужели несчастье дѣлаетъ нечистаго чистымъ?

Пентауръ ничего не отвѣчалъ старику, который затѣмъ не обращалъ уже на него вниманія, будучи занятъ, по приказанію врача, растираніемъ ногъ больной; и его руки, побуждаемыя въжливой заботливостью, оставались въ постоянномъ движеніи.

«Неужели несчастье дѣлаетъ нечистаго чистымъ?»—повторилъ

¹ Діодоръ I, 91.

про себя Пентауръ вопросъ параскита. Да, оно обладаетъ этимъ свойствомъ, и неужели божество, давшее огню силу очищать металлы, и вѣтру — освобождать небо отъ тучъ, пожелало, чтобы его собственное подобіе, человѣкъ, отъ рожденія до смерти носилъ на себѣ несмываемое пятно позора?

Онъ взглянулъ на параскита, и лицо Пинема показалось ему похожимъ на лицо его отца. Это испугало Пентаура. Но, замѣтивъ, съ какимъ выраженіемъ женщина, на колѣняхъ которой поклонилась голова дѣвушки, склонилась надъ ея грудью, прислушиваясь къ ея дыханію, онъ вспомнилъ лицо своей матери въ ту минуту, какъ она, во времена его дѣтства, когда онъ мучился припадкомъ лихорадки, въ смертельномъ безпокойствѣ склонилась надъ его постелькой. Въ ея глазахъ было не болѣе нѣжности, любви и озабоченности, чѣмъ во взорахъ этой презираемой женщины, ухаживавшей за страждущей внучкой.

«Существуетъ только одна вполне самоотверженная, совершенно чистая, божественная любовь, подумалъ онъ: — любовь матери къ своему ребенку. Еслибы эти люди были дѣйствительно такъ нечисты, что позорили бы все, къ чему бы ни прикоснулись, то какимъ образомъ они могли бы сохранить въ себѣ такія нѣжныя, святые, прекрасныя чувства во всей ихъ чистотѣ? Но, продолжалъ онъ думать: — боги вложили материнскую любовь также и въ грудь львицы. И онъ съ сожалѣніемъ взглянулъ на жену параскита.

Но вотъ она повернула свое темное лицо отъ больной дѣвушки. Она уловила ея дыханіе; блаженная улыбка озарила ея старыя черты. Она кивнула головою врачу и за тѣмъ, съ глубокимъ вздохомъ облегченія, кивнула своему мужу; и тотъ, не переставая растирать свою лѣвою рукою подошвы страждущей, поднялъ правую вверхъ, съ молитвой. Жена послѣдовала его примѣру.

«Какъ набожны и благодарны эти нечистые!» подумалъ Пентауръ, и его сердце начало возмущаться противъ стараго закона. Да, думалъ онъ: — материнская любовь свойственна даже гіенѣ, но исцѣлять и обрѣтать Бога можетъ только человѣкъ, существо, стремящееся къ благороднымъ цѣлямъ». Сердце его наполнилось глубокимъ сочувствіемъ; онъ опустился на колѣни возлѣ больной дѣвушки и поднялъ руки въ страстномъ, восторженномъ возбужденіи молитвы. Но онъ молился не о дочери параскита, не о выздоровленіи ея, но обо всей презираемой породѣ, о томъ, чтобы съ нея было снято древнее проклятіе, о разсѣяніи таготящихъ его собственную душу сомнѣній и о ниспосланіи ему силы — успѣшно разрѣшить свою трудную задачу.

Глаза больной слѣдили за нимъ, между тѣмъ какъ онъ снова занялъ свое прежнее мѣсто. Молитва облегчила его и возвратила ему прежнюю ясность духа. Онъ сталъ обдумывать—какъ ему слѣдуетъ держать себя относительно царевны, къ которой ему предстояло обратиться съ суровою рѣчью порицанія.

Онъ внутренно улыбнулся, когда ему въ голову пришло комическое сравненіе своей особы съ учителемъ Хуфу, важно читавшимъ ему наставленія во времена его дѣтства. Далѣе его живая фантазія представила ему, какъ дочь Фараона, съ короною на гордомъ челѣ, войдетъ въ эту тихую комнату; какъ ея паредворцы послѣдуютъ за нею и оттѣснятъ этихъ женщинъ отъ стѣны, а врачей отъ больной дѣвушки и прогонятъ гладкую, бѣлую кошку съ занимаемаго ею сундука. Будетъ страшная толкотня и суматоха! При этомъ онъ представилъ себѣ, какъ разряженные придворные—господа и госпожи—боязливо будутъ держаться вдаль отъ «нечистаго», закрывать руками ротъ и носъ и нашептывать старикѣ, какъ онъ долженъ вести себя относительно дочери царя, осчастливившей его своимъ милостивымъ посѣщеніемъ. Старуха должна будетъ спустить со своихъ колѣнъ покоящуюся на нихъ голову, а параскить оставить ноги дѣвушки, которыя онъ теръ съ такою заботливостью, чтобы встать и поцѣловать прахъ у ногъ царевны, при чемъ паредворцы побѣгутъ отъ него, толкая другъ друга и столпяся въ углу. Наконецъ, Бентъ-Анатъ броситъ старикѣ, старухѣ, а можетъ быть и дѣвушкѣ, нѣсколько серебряныхъ или золотыхъ колецъ, и Пентауру чудилось, точно онъ слышитъ восклицаніе придворныхъ: «Да будетъ благословенна милость дочери солнца!» и радостный крикъ вытѣсненныхъ изъ хижины женщинъ; точно онъ видитъ, что свѣтлый призракъ оставилъ жилище «презрѣннаго» и, вмѣсто очаровательной страдальцы, которой дыханіе явственно слышалось прежде, теперь лежитъ трупъ на сдвинутой со своего мѣста циновкѣ; вмѣсто двухъ заботливо ухаживавшихъ за нею существъ, осталось двое несчастныхъ, оглашающихъ воздухъ своими громкими, исполненными глубокаго горя жалобами.

Пламенная душа Пентаура наполнялась гнѣвомъ. Онъ хотѣлъ, какъ только приблизится шумное шествіе царевны, стать у двери хижины и запретить дочери Фараона входить туда, встрѣтивъ ее строгими словами.

«Едва ли челоуѣколюбіе можетъ привести ее сюда, думалъ молодой жрецъ.—При дворѣ нуждаются въ какой-нибудь перемигѣ, въ какомъ-нибудь новомъ развлеченіи: ихъ такъ мало теперь, когда царь съ войсками находится далеко на чужбинѣ.

Тщеславію вельможъ льстятъ по временамъ минутное сближеніе съ людьми самаго низкаго званія, и имъ пріятно возбуждать толки о добротѣ своего сердца. Маленькое несчастье явилось тутъ встать, и не стоить труда размышлять о томъ: осчастливитъ или оскорбитъ этихъ жалкихъ людей форма нашего великодушія».

Пентауръ съ гнѣвомъ сжалъ зубы и думалъ уже не объ оскорбленіи, угрожавшемъ царевнѣ со стороны парасхита, а о предстоящей съ ея стороны профанаціи святыхъ чувствъ, обитающихъ въ этой убогой хижинѣ.

Подобный духу свѣта, поднавшему мечъ для уничтоженія демона тьмы, онъ стоялъ гордо и прямо и прислушивался къ звукамъ въ долині, чтобы своевременно уловить крики скороходовъ или шумъ колесъ, возвѣщающій приближеніе ожидаемаго шествія.

И вотъ онъ увидѣлъ, что дверное отверстіе потемнѣло; какая-то низко наклонившаяся фигура, со сложенными на груди руками, вошла въ комнату и, молча, опустилась возлѣ больной. Врачи и старики хотѣли встать, но она выразительными, влажными глазами дала знать, чтобы они оставались на своихъ мѣстахъ, долго и съ любовью смотрѣла въ лицо больной, гладила ея блѣлую руку и, обратясь къ старухѣ, прошептала:

— Какъ она хороша!

Жена парасхита утвердительно кивнула головой, а дѣвушка засмѣялась и пошевелила губами, какъ будто она слышала эти слова и желала говорить. Бентъ-Анатъ вынула изъ своихъ волосъ розу и положила ее на грудь больной.

Парасхитъ, не выпуская ногъ дѣвушки, слѣдилъ за движеніями царевны и прошепталъ:

— Да наградишь тебя Гаторъ, давшая тебѣ красоту.

Царевна, все еще стоя на колѣняхъ возлѣ дѣвушки, повернулась къ нему и сказала:

— Прости мнѣ горе, которое я неволью причинила вамъ.

Старикъ выпрямился, оставилъ ноги больной и сказалъ громкимъ, звучнымъ голосомъ:

— Ты—Бентъ-Анатъ?

— Да, отвѣчала царевна, низко склонивъ голову и такъ тихо, точно она стыдилась своего гордаго имени.

Глаза старика засверкали. Затѣмъ онъ тихо, но рѣшительно сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ, оставь мою хижину: она осквернитъ тебя.

— Нѣтъ, я не выйду отсюда прежде, чѣмъ ты простишь меня въ томъ, что я сдѣлала противъ воли.

— Сдѣлала противъ воли, повторилъ парасхитъ: — я вѣрю этому! Копыта твоихъ коней осквернились, наступивъ на эту бѣдную грудь. Взгляни сюда!

Онъ снялъ платокъ съ груди больной и указалъ на страшную красную рану.—Взгляни сюда, вотъ первая роза, которую ты положила на грудь моей внучки; а вторая—ей мѣсто тамъ...

Парасхитъ поднялъ руку, чтобы выбросить розу за дверь, но Пентауръ приблизился къ старику и сжалъ эту руку точно желѣзными пальцами.

— Остановись! воскликнулъ онъ дрожащимъ, но, ради больной, сдержаннымъ голосомъ:—неужели твое узвленное сердце и слабый рассудокъ не замѣтили третьей розы, которую дала тебѣ эта благородная рука? Гордая царевна положила на сердце твоего ребенка и у ногъ твоихъ прекрасный цвѣтокъ чистаго человѣколюбія. Она явилась къ тебѣ не съ золотомъ, а со смиреніемъ, а тотъ, къ кому приближается дочь Рамзеса, точно къ равному себѣ, долженъ преклонить передъ нею свою голову, хотя бы онъ былъ первымъ княземъ этой страны. По истинѣ, боги не забудутъ такого поступка Бентъ-Анатъ, а ты долженъ простить ей, если хочешь, чтобы тебѣ была прощена вина, которую ты несешь, по наслѣдству отъ твоихъ отцовъ и за твои собственные согрѣшенія.

Парасхитъ склонилъ голову при этихъ словахъ, и, когда онъ поднималъ ее снова, въ лицѣ его не было видно гнѣва. Онъ потеръ руку, поматую желѣзными пальцами Пентаура, и голосомъ, въ которомъ отзывалась вся горечь его чувствованій, сказалъ:

— Твоя рука жестка, жрецъ, а твои слова — подобны удару молота. Эта прекрасная женщина добра и ласкова, и я знаю, что она не нарочно переѣхала своими лошадьми малютку, которая мнѣ—не дочь, а внучка. Еслибы она была твоею женой, или женою этого врача, или дочерью вонъ той бѣдной женщины, которая влачить свое существованіе, собирая перья и ноги птицъ убиваемыхъ для жертвоприношеній, то я не только простилъ бы ее, но и утѣшилъ, потому что ея положеніе было бы сходно съ моимъ: я понималъ бы, что судьба безъ вины сдѣлала ее убійцею¹ точно такъ, какъ на меня, безъ моей вины, она отъ колбелы моей наложила клеймо скверны. Да, я сталъ бы утѣшать ее, хотя и не богатъ чувствительностью. Да и отсюда взяться ей? Святая оивская троица! ¹. Знатные и ничтожные бѣгутъ съ мо-

¹) Амось, Мугъ и Хунзу.

его пути, боясь моего прикосновенія; меня ежедневно осыпають камнями, какъ только я кончу свое дѣло ¹. Исполненіе своихъ обязанностей, пропитывающее другихъ, приноситъ имъ радость и вмѣстѣ почетъ; мнѣ же оно приноситъ позоръ и жестокіе побои. Но я не питаю вражды ни къ кому; я принужденъ былъ прощать, прощать и прощать до тѣхъ норъ, когда, наконецъ, все, что со мною дѣлали, мнѣ начало казаться естественнымъ и неизбежнымъ. И я простилъ все...

Голосъ парасхита замеръ, и Бентъ-Анатъ, глядѣвшая на него съ волненіемъ, прервала его, сказавъ съ глубокимъ душевнымъ чувствомъ:

— Такъ ты прощаешь и мѣ, бѣдняга?

Старикъ съ умысломъ не глядѣлъ на нее и отвѣчалъ, обращаясь къ Пентауру:

— Бѣдняга! да, именно бѣдняга. Я не принадлежу къ вашему міру, и, когда забываю это, то вы гоните меня, какъ непрошеннаго гостя, какъ волка, нападающаго на ваши стада; но я долженъ терпѣть, когда вы сами навидываетесь на меня, какъ волки.

— Царевна пришла къ тебѣ, какъ просительница, съ желаніемъ сдѣлать тебѣ добро, сказалъ Пентауръ.

— Пусть зачтутъ ей это карающіе боги въ заслугу, когда имъ угодно будетъ посѣтить ее своимъ гнѣвомъ за то, чѣмъ погрѣшилъ противъ меня ея отецъ. Можетъ быть, мои слова поведутъ меня на каменоломни, но я долженъ сказать вамъ, что у меня было семь сыновей, и всѣхъ ихъ Рамзесъ отнялъ у меня и послалъ на смерть. Дитя младшаго изъ нихъ, эту дѣвочку, солнечный свѣтъ моей темной жизни, убиваетъ теперь его дочь. Трехъ изъ моихъ ребятъ царь допустилъ умереть отъ жажды на каторжныхъ работахъ въ Тенатѣ ², который долженъ соединить Нилъ съ Тростниковымъ Моремъ, троихъ продалъ на избіеніе эеіонамъ, а послѣдняго, вѣроятно, пожираютъ теперь гіены сѣверной страны.

При этихъ словахъ, старуха, на колѣняхъ которой лежала голова больной, разразилась жалобнымъ воплемъ; къ нему присоединились другія женщины, стоявшія за дверью хижины.

¹ «Тогда праслитъ эеіопскимъ камнемъ разрѣзаетъ тѣло трупа, насколько это предписываетъ законъ, но, затѣмъ, онъ тотчасъ поспѣшно убѣгаетъ, а родственники умершаго преслѣдуютъ его камнями и проклятіями, какъ бы желая свалить на него вину смерти».

² Слово въ слово—«Проломъ», т. е. начатый отцомъ Рамзеса «Суэзскій Каналь», изображеніе котораго находится на сѣверной вѣшной стѣнѣ храма въ Карнакѣ. Онъ имѣлъ почти то же направленіе, какое дано каналу Лессенса, и надѣлялъ плодородіемъ мѣстность Гозень.

Больная встрепенулась въ испугѣ и открыла глаза.

— Кого вы оплакиваете? тихо спросила она.

— Твоего бѣднаго отца, отвѣчала старуха.

Дѣвушка улыбнулась, какъ ребѣнокъ, догадавшійся, что его съ добромъ цѣлью желаютъ обмануть, и сказала:

— Развѣ мой отецъ еще не былъ у васъ? Но, вѣдь, онъ теперь здѣсь, въ Фивахъ. Онъ видѣлъ меня и цѣловалъ, и говорилъ мнѣ, что онъ привезъ добычу и что отнынѣ вамъ будетъ хорошо. Золотое кольцо, которое онъ мнѣ подарилъ, я завертывала въ мое платье, когда наѣхала колесница. Я затягивая узелокъ, какъ вдругъ у меня потемнѣло въ глазахъ, и дальше я уже ничего не видѣла и не слышала. Развяжи узелокъ, бабушка, кольцо это—твое. Я хотѣла принести его тебѣ. На него ты должна купить жертвенное животное, вина для дѣдушки, глазной мази¹ для себя и вѣтокъ мастики,² въ которыхъ ты уже давно принуждена себѣ отказывать.

Параскитъ съ напряженнымъ вниманіемъ выслушалъ эти слова своей внучки. Онъ снова поднялъ съ молитвой свою правую руку, и Пентауръ опять замѣтилъ, что его глаза, такъ же, какъ и глаза его жены, увлажнились, и тяжелыя, горячія капли слезъ потекли изъ его глазъ на мозолистую руку. Затѣмъ онъ вздрогнулъ, подумавъ, что больная приняла какой-нибудь сонъ за дѣйствительность. Но въ ея юпкѣ видѣлся узелокъ.

Старикъ развязалъ его дрожащею рукою, и золотое кольцо покатилося по полу.

Бентъ-Анатъ подняла его, подала параскиту и сказала:

— Я пришла къ тебѣ въ счастливую минуту. Ты снова приобрѣлъ сына, и твоя внучка будетъ жить.

— Да, онъ будетъ жить, подтвердилъ врачъ, бывшій до сихъ поръ нѣмымъ свидѣтелемъ сцены.

Параскитъ на колѣняхъ приблизился къ царевнѣ ж, со слезами на глазахъ, сказалъ тономъ мольбы:

— Прости мнѣ, какъ я тебѣ прощаю; и если благочестивое желаніе не становится проклятіемъ на губахъ презираемаго, то позволь благословить тебя.

— Благодарю тебя, сказала Бентъ-Анатъ, между тѣмъ какъ онъ поднялъ руку для благословенія.

Затѣмъ она обратилась къ врачу, приказала ему заботливо

¹ По египетскя — *местамъ stibium*, т. е. антимоній, введенный въ употребленіе въ Египтѣ азіатскими народами.

² Онъ, по причинѣ своего пріятнаго вкуса, еще и теперь охотно покушается египтянками. Древніе египтяне употребляли разнаго рода пшеницы для жемчуга. Рецепты ихъ находятся въ папирусь Эберса.

уживать за больною, наклонилась надъ нею, поцѣловала ея въ лобъ, положила возлѣ нея золотой браслетъ и кивнула Пентауру, который вышелъ вмѣстѣ съ нею изъ хижины.

VI.

Между тѣмъ, вожатый царя и молодая жена возницы Мены дожидались возвращенія Бентъ-Анатъ.

Нѣкоторое время они стояли молча другъ возлѣ друга; затѣмъ прекрасная Нефертъ, поднявъ свои усталые глаза, сказала:

— Какъ долго Бентъ-Анатъ остается у парасхита! Я совершенно измучена. Что намъ дѣлать?

— Ждать, отвѣчалъ Паакеръ. Онъ отошелъ отъ молодой женщины, поднялся на одну изъ скалистыхъ глыбъ ущелья, быстро окинулъ привычнымъ взглядомъ окрестность, вернулся къ Нефертъ и сказалъ:

— Я нашелъ тѣнистое мѣсто, вонъ тамъ.

Нефертъ бросила взглядъ по указанному имъ направленію и покачала головою. Золотыя украшения ея головнаго убора тихо зазвенѣли, и холодная дрожь пробѣжала по ней, несмотря на жгучій жаръ полудня.

— Сехетъ¹ свирѣпствуетъ въ небѣ, сказалъ Паакеръ.— Воспользуйся тѣнистымъ убѣжищемъ. Въ этотъ часъ многіе заблѣвали.

— Я знаю это, сказала Нефертъ, закрывая руками свою шею. Затѣмъ она пошла къ двумъ огромнымъ плитамъ утеса, наклоненнымъ другъ къ другу въ видѣ двухъ сторонъ варточнаго домика, между которыми находилось указанное мѣстечко въ нѣсколько футовъ ширины, защищенное отъ солнца.

Паакеръ пошелъ впереди. Онъ двинулъ въ это убѣжище большой известковый камень, разслалъ на немъ свой головной платокъ и сказалъ.

— Ты здѣсь защищена отъ солнца.

Нефертъ опустилась на камень и смотрѣла на могара, кото-

¹ Богиня съ головой львицы или кошки, часто изображаемая съ солнечнымъ дискомъ и змѣею на головѣ. Она называется дочерью Ра. Въ коронѣ своего отца она, въ видѣ змѣи Урей, служитъ символическимъ изображеніемъ убійственнаго вѣка дневнаго свѣтла. Въ человѣческой жизни она изображаетъ собою пламенную, безумную страсть любви и, въ видѣ кошки или львицы, наноситъ жгучія раны осужденнымъ въ преисподней. Опыяненіе и сладострастіе суть ея дары. Она называется также Бастой, а также Астартой.

торый медленно и безмолвно ходилъ передъ нею взадъ и впередъ. Эта непрестанная ходьба ея спутника сдѣлалась, наконецъ, невыносимою для ея чувствительныхъ и возбужденныхъ нервовъ и она, быстро поднявъ голову, вскричала:

— Прошу тебя, перестань ходить.

Вожатый немедленно повиновался и, отвернувшись отъ нея, сталъ смотрѣть на хижину параскита.

Черезъ нѣсколько времени, Неферть вскричала: — скажи мнѣ что-нибудь.

Могаръ повернулъ къ ней свое широкое лицо, и она испугалась дикаго пламени, сверкавшаго изъ устремленныхъ на нее взглядовъ ея спутника.

Она опустила глаза, между тѣмъ какъ вожатый отвѣчалъ:

— Я предпочитаю молчать.—И онъ началъ ходить снова. Наконецъ, жена Мены позвала его, говоря:

— Я знаю, что ты на меня сердисься, по вѣдь я была ребенкомъ, когда меня помолвили съ тобою. Я, впрочемъ, чувствовала къ тебѣ расположеніе; и когда твоя мать называла меня, при нашихъ играхъ, маленькою женою, то это доставляло мнѣ истинное удовольствіе. Я представляла себѣ, какъ будетъ хорошо, когда твой домъ, который ты такъ великолѣпно устроилъ для меня по смерти своего отца, ваши прекрасные сады, породистыя лошади въ вашихъ конюшняхъ и всѣ ваши рабы и рабыни будутъ моими собственными.

Паакеръ засмѣялся, но этотъ смѣхъ отзывался такою принужденностью и ироніей, что сердце молодой женщины сжалось, и она, тихо и какъ бы умоляя о пощадѣ, продолжала:

— И такъ, ты сердисься на насъ и истолковываешь мои слова въ такомъ смыслѣ, какъ будто я плѣнялась единственно твоимъ богатымъ наслѣдствомъ. Но, вѣдь, я уже сказала, что я была расположена къ тебѣ. Развѣ ты не помнишь какъ я плакала вмѣстѣ съ тобою, когда ты рассказывалъ мнѣ о злыхъ мальчишкахъ въ школѣ и о строгости твоего отца? Затѣмъ онъ умеръ; ты отправился въ Азію...

— А ты, сухо и рѣзко прервалъ вожатый: — ты нарушила слово, сдѣлалась женою Мены. Все это мнѣ извѣстно; къ чему же вѣдетъ твой рассказъ.

— Мнѣ больно, что ты на меня сердисься и что твоя добрая мать избѣгаетъ нашего дома. Если бы ты только знала, что бываетъ съ человѣкомъ, когда имъ овладѣваетъ любовь и онъ уже не въ состояніи вообразить себя одинокимъ, а всегда видитъ себя вмѣстѣ, волагъ, въ объятіяхъ другаго, когда бьющееся сердце

будить его своимъ порывистымъ трепетомъ, когда даже во снѣ онъ не видитъ ничего, кромѣ одной особы!

— И этого я не зналъ? вскричала Паакеръ, остановившись передъ Нефертъ со сложенными на груди руками.— Не зналъ? Однакоже, ты научила меня этому чувству. При мысли о тебѣ, виѣсто крови, огонь клокоталъ въ моихъ жилахъ, а теперь ты наполнила ихъ ядомъ.

Глаза Паакера дико забѣгали при этихъ словахъ, и его голосъ сдѣлался хриплымъ, между тѣмъ какъ онъ продолжалъ:

— Но Мена близокъ къ царю, еще ближе, чѣмъ я; а твоя мать...

— Моя мать, прервала Нефертъ, въ сильномъ волненіи возвышая голосъ:— моя мать не выбирала мнѣ мужа. Я увидѣла его, когда онъ, подобный богу солнца, ѣхалъ въ колесницѣ царя. Онъ тоже замѣтилъ меня, и его взглядъ глубоко проникъ въ мое сердце. Ради тебя, моя мать отклонила его сватовство; я поблѣднѣла отъ тоски по немъ; онъ тоже утратилъ свою веселость и впалъ въ уныніе. Царь замѣтилъ это и спросилъ о причинѣ его задумчивости, потому что Рамзесъ любить его, какъ своего собственнаго сына. Узнавъ отъ него все, Фараонъ самъ началъ ходатайствовать за своего вѣрнаго слугу; моя мать уступила, и мы сдѣлались мужемъ и женою. Всѣ блаженства, которыми наслаждаются праведные въ долинѣ Аалу ¹, жалки въ сравненіи съ тѣмъ счастіемъ, которымъ наслаждались мы въ этомъ бракѣ.

За тѣмъ хеты ² нарушили миръ. Фараонъ отправился на войну, взявъ съ собою Мону. Пятнадцать разъ всходила луна надъ нашими счастьемъ; и за тѣмъ...

— И затѣмъ боги услышали мою молитву и приняли мои жертвы, прервала Паакеръ дрожащимъ голосомъ.— Они отторгнули отъ тебя похитителя моего счастья и испепелили твое и его сердце пламенемъ тоски. Неужели ты воображаешь, что можешь сказать мнѣ что-нибудь новое? Мена принадлежалъ тебѣ еще пятнадцать дней, и онъ еще не вернулся съ войны, свирѣпствующей въ Азіи.

— Но онъ вернется, вскричала молодая женщина.

— А можетъ быть и нѣтъ, возразилъ Паакеръ, смѣясь.— Грозно оружіе хетовъ и на Ливанѣ много коршуновъ, которые въ этотъ

¹ Долина блаженныхъ, предназначенная для просвѣтлѣнныхъ духовъ. Въ книгѣ мертвыхъ изображено какъ блаженные отдыхаютъ тамъ, у прохладныхъ водъ, съѣтъ и собираютъ жатву.

² Арамейцы, по удачному толкованію Шрадера. Во времена, къ которымъ относится нашъ разсказъ, западные народы Азіи были съ ними въ союзѣ.

часъ, можетъ быть, уже терзають его тѣло, какъ ты истерзала мое сердце.

Неферть встала при этихъ словахъ и хотѣла оставить тѣмное убѣжище, чтобы идти къ царевнѣ въ хижину парасхита, но ноги ея отказались служить, и она, дрожа, снова опустилась на каменное сѣдалище. Она искала словъ, но языкъ ея не двигался, точно парализованный. Она уже ничего не видѣла и не слышала; только жгучія слѣзы текли у нея изъ глазъ.

Паакеръ стоялъ противъ нея безмолвно. Горе ея было для него наслажденіемъ; однако же, созерцаніе ея красоты наполняло его жгучею страстью, и онъ смотрѣлъ на нее, точно очарованный.

Черезъ нѣсколько минутъ, слѣзы Неферть высыхли. Усталымъ, почти равнодушнымъ взоромъ смотрѣла она на стоявшаго еще предъ нею могоара и тихо сказала ему:

— Мой языкъ горитъ отъ жажды: принеси мнѣ воды.

— Царевна можетъ вернуться каждую минуту.

— Но я изнемогаю, сказала Неферть и снова начала тихо плакать.

Паакеръ пожалъ плечами и пошелъ въ долину. Входя въ хижину парасхита былъ ему запрещенъ, но онъ зналъ, что не болѣе какъ въ сотнѣ шаговъ живетъ старуха, пользовавшаяся дурною славой. Въ ея логовищѣ, находившемся въ пещерѣ утеса, не могло быть недостатка въ водѣ.

Наполовину опьяненный всѣмъ, что онъ перечувствовалъ и видѣлъ въ послѣднія минуты, Паакеръ поспѣшилъ впередъ. Онъ нашелъ дверь логовица отворенною настежь; обитательница его сидѣла подъ навѣсомъ изъ грязнаго изодраннаго куска парусины, прикрѣпленнаго, съ одной стороны, на камняхъ утеса, съ другой—на двухъ грубыхъ деревянныхъ шестахъ, и приводила въ порядокъ разноцвѣтные корешки, лежавшіе у нея на колышкахъ. Возлѣ нея видно было колесо, вертѣвшееся между концами большихъ деревянныхъ вилъ; птица вертошейка, привязанная цѣпочкой, прыгая съ одной спицы колеса на другую, подерживала его въ постоянномъ движеніи¹. Черный, какъ уголь, котъ помѣщался возлѣ нея, обнюхавая головы ворона и совы, которымъ недавно были выколоты глаза.

Изъ пещеры, на которой сидѣли два ястреба, выходилъ дымъ отъ горѣвшихъ ягодъ можжевельника, предназначавшіяся для замаскированія разнообразныхъ запаховъ, распространяемыхъ разными хранившимися тамъ снадобьями.

Приблизившись къ пещерѣ, Паакеръ увидалъ старуху, фигу-

¹ См. идиллію Теоокрита «Колдунья».

ра и лицо которой показывали, что эта женщина нѣбогда была стройна и прекрасна, хотя теперь она согнулась отъ старости и рѣзкія черты ея лица были покрыты морщинами. При видѣ подходящаго незнакомца, она накинула на голову пестрый платокъ, завязала синее бумажное платье по-туже вокругъ шеи и прикрыла головы совы и ворона старою цыновкой. Паакеръ окликнулъ ее, но она притворилась что не слышитъ его. Когда онъ поровнялся съ нею, она подняла на него свои умные, блестящіе глаза и воскликнула:

— Счастливыи день, бѣлый день, дарующій важныхъ гостей и великую честь!

— Вставай, сказалъ Паакеръ старухѣ, не отвѣчая на ея привѣтъ, но бросая серебряное кольцо ¹ на коренья, лежавшія у нея на колѣняхъ:—и дай мнѣ за деньги воды въ какой нибудь чистой посудинѣ.

— Прекрасное, настоящее серебро, сказала старуха, поднося кольцо близко къ глазамъ.—Этого слышомъ много за простую воду и слышомъ мало за мои хорошіе напитки.

— Оставь свою болтовню, и поторопись, сказалъ Паакеръ, вынимая другое кольцо изъ своего мѣшочка съ деньгами и бросая его ей на колѣни.

— У тебя щедрая рука, проговорила старуха, въ произношеніи которой не слышно было никакого простонароднаго отгѣнка. Много воротъ отворятся для тебя, такъ какъ золотой ключъ подходитъ ко всѣмъ дверямъ. Ты хочешь воды, но какой именно? Должна ли она указать тебѣ тайные пути—вѣдь, должность твоя состоитъ въ путеводительствѣ?—Или сдѣлать теплое холоднымъ, холодное—горячимъ? Или дать тебѣ способность сердцебѣдѣнія? Или сдѣлать тебя невидимымъ? Или отнять шестой палецъ на твоей ногѣ?

— Ты знаешь меня? спросилъ Паакеръ.

— Какъ могла бы я знать? Но у меня зрѣніе острое, и я умѣю приготавливать хорошія водицы для знатныхъ и простыхъ.

— Вздоръ! съ нетерпѣніемъ воскликнулъ Паакеръ:—поторопись: женщина, для которой...

— Такъ вода нужна тебѣ для женщины? прервала могора старуха.—Я должна была догадаться объ этомъ. Могу снабдить тебя ею, могу.

Съ этими словами старуха удалилась въ свою нору и скоро

¹ Египтяне въ то время не имѣли монеты, а употребляли, вмѣсто денегъ, кусочки металла разнаго вѣса, обыкновенно въ видѣ колецъ.

вернулась, держа въ рукѣ тонкій алабастровый флакончикъ цилиндрической формы.

— Вотъ тебѣ дитяе, сказала она, подавая флаконъ возмату.— Половину его надо влить въ воду и дать выпить женщинѣ. Если первый приемъ не поможетъ, то другой навѣрно достигнетъ цѣли. Эту воду можетъ выпить ребенокъ; она не причинитъ ему никакого вреда, но старика она сдѣлаетъ бодрѣе. Я при тебѣ попробую ее.— И она намочила губы въ бѣловатой жидкости. Если эта водица поможетъ тебѣ, то ты принесешь мнѣ еще три золотыхъ кольца, а ты придешь—я знаю это навѣрно!

Пааверъ неподвижно слушалъ старуху, затѣмъ, порывисто схватилъ флакончикъ, сунулъ его въ свой кошелекъ, бросилъ колдунъ еще нѣсколько колдовъ и снова потребовалъ, чтобы она поскорѣй принесла нильской воды въ чистомъ сосудѣ.

Старуха наполнила нильскою фильтрованной водой красную чашку изъ полированной глины, положила на поверхность прозрачной жидкости лавровый листъ, на которомъ были нацарапаны два сердца, соединенныя семью черточками, и вынесла ее къ Пааверу.

Когда возматый, взявъ чашку изъ рукъ ея, рассматривалъ лавровый листъ, старуха сказала:

— Уже одно это связываетъ сердца. Три, это—мужчина, четыре, это—женщина, а семь, это—нераздѣльное. Хаахъ, хаахъ, хархарахаха! ¹.

Могаръ, повидимому, не слушалъ ея галиматы и осторожно неся сосудъ, пошелъ по долигѣ и направился къ мѣсту, гдѣ отдыхала Нефертъ.

Возлѣ утеса, скрывавшаго его отъ глазъ жены Мены, онъ остановился, поставилъ чашку на гладкій камень и вынулъ флакончикъ съ любовнымъ напиткомъ изъ своей сумки.

Пальцы его дрожали, мозгъ его былъ отуманенъ, точно отъ винныхъ паровъ; въ его груди шумѣли тысячи голосовъ, и ему чудилось, что они кричатъ: «Воспользуйся случаемъ, употреби питье въ дѣло теперь или никогда!»

Могаръ слылъ за человѣка рѣшительнаго, дѣйствующаго съ необыкновенною быстротою въ затруднительныхъ случаяхъ, но теперь его колебали сомнѣнія.

До сихъ поръ, онъ не только выполнялъ всѣ внѣшніе обряды набожности, но и вообще строго слѣдовалъ предписаніямъ религіи своихъ отцовъ. Онъ окруженъ былъ ореоломъ добродѣтели: вѣра его не подвергалась сомнѣнію, и его считали однимъ изъ

¹ Галимата, заимствованная изъ хранимагося въ Берлинѣ папируса.

благочестивѣйшихъ людей страны. Можетъ ли онъ рѣшиться на подобный поступокъ? И онъ началъ задавать себѣ цѣлый рядъ вопросовъ, отвѣчая на нихъ съ диалектической изворотливостью.

Нарушеніе супружескаго союза—тяжкій грѣхъ; но развѣ его права на Неферть не старше правъ царскаго возницы? «Занимающійся черною магіею подвергается смерти», говоритъ законъ, и старая колдунья, по причинѣ своего ремесла, пользуется дурною славой; но развѣ онъ пришелъ къ ней за любовнымъ напитокомъ? Развѣ не могло произойти, что тѣни его умершихъ родственникововъ, и даже самые боги, тронутые его жертвами и молитвами, даровали ему, посредствомъ подобной чуду случайности, обладаніе волшебнымъ средствомъ, въ дѣйствительности котораго онъ не сомнѣвался ни минуты?

Эти и тому подобные вопросы, мало по малу, сложились въ цѣлую систему; наконецъ, онъ прибѣгнулъ къ гаданью. Шея и поясъ его были увѣшаны самыми разнообразными амулетами, освященными рукою жрецовъ—амулетами высокой цѣны и особенной святости.

Въ числѣ ихъ находилось кольцо съ печатью, доставшееся ему отъ его умершаго отца—старая семейная драгоценность, которую верховный жрецъ въ Абидосѣ, нѣкогда положилъ, для освященія, на самую святую изъ четырнадцати могилъ Озириса¹. Къ этому кольцу Пааверъ чаще всего прибѣгалъ за совѣтомъ. Онъ прибѣгнулъ къ нему и теперь.

Не будучи въ состояніи исполнѣ освободиться отъ опасенія, что онъ сдѣлаетъ тяжкій грѣхъ, если воспользуется чародѣйственнымъ напиткомъ, онъ спросилъ своего золотого оракула. Онъ прижалъ кольцо къ своему сердцу, пробормоталъ имя своего озирійскаго брата и ждалъ появленія перваго живого существа.

И вотъ со склона стоявшаго противъ него утеса медленно поднялись два желтые коршуна. Съ тревожнымъ, напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ Пааверъ за ихъ полетомъ, углублявшимся все болѣе и болѣе въ вышину. Съ минуту они неподвижно висѣли въ воздухѣ, отдаваясь его теченію, затѣмъ, направились влѣво и исчезли за горами, предвѣщая Пааверу, что его желаніе не исполнится.

¹ Тифонъ разрѣзалъ трупъ Озириса на четырнадцать кусковъ и разбросалъ ихъ по Египту. Тамъ, гдѣ Изиды находила какой-нибудь изъ этихъ кусковъ, она соорудила своему супругу надгробный памятникъ. Наиболѣе святою изъ этихъ гробницъ считалась, до позднѣйшихъ временъ, гробница въ Абидосѣ, куда знатные египтяне отправляли свои муміи, дабы онѣ поконились вблизи Озириса.

Онъ послѣшно схватилъ флаконъ съ мыслью швырнуть его прочь отъ себя. Но бушевавшая въ его жилахъ страсть лишила его воли; какія-то таинственныя силы все крѣпче и крѣпче прижимали его пальцы къ флакону. Онъ вылилъ половину содержавшейся тамъ жидкости въ чашку и приблизился съ нею къ своей жертвѣ.

Между тѣмъ, Нефертъ вышла къ нему навстрѣчу, молча взяла у него чашку и съ нетерпѣніемъ выпила ее почти до дна.

— Благодарю, сказала она.—Какъ свѣжа эта вода и имѣть кисловатый вкусъ! Но твои руки дрожать, и ты, бѣдный, весь въ огнѣ отъ своей быстрой ходьбы.

При этихъ словахъ, она посмотрѣла на него своими большими глазами, сіявшими какимъ-то внутреннимъ особеннымъ блескомъ, и протянула ему правую руку, которую онъ порывисто прижалъ къ своимъ губамъ.

— Оставь это, сказала она, улыбаясь:—вотъ идетъ царица со жрецомъ изъ хижины параскита. Какими ужасными словами ты напугалъ меня! Ну, да, я согласна, что дала тебѣ поводъ сердиться на меня; но теперь ты снова сдѣлался добрымъ и приведешь къ намъ свою мать. Ни слова! Я посмотрю, какъ мой двоюродный братъ Паакеръ откажетъ мнѣ въ послушаніи!

Она лукаво погрозила ему пальцемъ, потомъ болѣе серьезнымъ тономъ сказала:

— Перестань же гнѣваться; какъ прекрасно, когда люди живутъ другъ съ другомъ въ ладу!

«Питье дѣйствуетъ, и она будетъ моею! подумалъ Паакеръ:—благодареніе вамъ, небожителю!»

Но молитва замерла на его губахъ. Своей жаждѣ любви и исти онъ предавался до этихъ поръ только въ мысляхъ, предоставляя дѣйствовать вмѣсто себя божеству; теперь же онъ вырвалъ свое дѣло изъ ихъ рукъ и намѣревался перейти къ дѣйствию самъ, безъ нихъ, вопреки ихъ волѣ. Онъ не подозрѣвалъ, что достигъ до поворотной точки въ своей жизни.

Колдунья вышла посмотрѣть, для какой женщины предназначень былъ любовный напитокъ, увидала ее и испугалась; но тотчасъ же исчезла за однимъ изъ утесовъ.

Посреди долины Нефертъ и Паакеръ встрѣтили царицу и сопровождавшаго ее Пентаура.

Когда эти послѣдніе вышли изъ хижины параскита, они въ которое время, молча, стояли другъ противъ друга. Бентъ-Анатъ прижала руку къ своему сердцу и жадно вдыхала въ себя чистый воздухъ горной долины. Она чувствовала себя такъ, какъ будто съ нея свалилась огромная тяжесть, какъ будто она изба-

видалась отъ страшной опасности. Наконецъ, она обратилась къ своему спутнику.

Бентъ-Анатъ въ первый разъ видѣла его при полномъ дневномъ свѣтѣ и, съ удивленіемъ остановивъ на немъ свои глаза, спросила:

— Ты, вѣдь—тотъ самый жрецъ, который вчера, послѣ моего перваго посѣщенія этого дома, такъ охотно возвратилъ мнѣ чистоту?

— Да, отвѣчалъ Пентауръ.

— Я узнала твой голосъ и благодарна тебѣ, что ты укрѣпилъ во мнѣ мужество—слѣдовать побужденію моего сердца и придти сюда, вопреки запрещенію моего духовника. Ты защитишь меня, когда другіе будутъ меня порицать.

— Я пришелъ сюда, чтобы отказать тебѣ въ оправданіи.

— Значить, ты перемѣнилъ образъ мыслей? гордо спросила Бентъ-Анатъ, и на ея губахъ появилась презрительная усмѣшка.

— Я повинуюсь высшему приказу, повелѣвающему свято чтить древній законъ. Говорятъ: «если прикосновеніе параскита не оскверняетъ дочери Рамзеса, то кого же осквернитъ оно? Чья одежда чище платья церевны?»

— Но, вѣдь, это—человѣкъ честный и достойный, при всеиъ ничтожествѣ своего званія и несмотря на то, что добываемый имъ насущный хлѣбъ служить ему позоромъ, перебила Бентъ-Анатъ.— Да простать мнѣ девять великихъ боговъ, но люди, живущіе въ этой хижинѣ, полны любви, благочестія и мужества, и параскитъ мнѣ нравится. Вчера ты считалъ возможнымъ смыть нечистоту его прикосновенія однимъ словомъ; что же заставляетъ тебя сегодня считать его отверженнымъ?

— Внѣшеніе просвѣщеннаго мужа—не касаться ни одного звена древнихъ постановленій, такъ какъ черезъ это могла бы поврѣтись уже тронутая ржавчиною цѣпь и, звеня, упала бы на землю.

— И такъ, ты налагаешь на меня клеймо нечистоты въ силу стараго предразсудка и ради толпы, а не ради самого *свойства* моего поступка? Ты молчишь? Отвѣчай же мнѣ теперь, если ты таковъ, какимъ я тебя считаю: если твой умъ свободенъ и правдивъ. Дѣло идетъ о спокойствіи моей души.

Пентауръ тяжело вдохнулъ; затѣмъ изъ его терзаемаго сомнѣніями сердца сперва тихо, потомъ все громче полились глубоко прочувствованныя слова:

— Ты принуждаешь меня высказаться насчетъ того, о чемъ мнѣ лучше было бы даже не думать; но я охотнѣе погрѣшу

противъ послушанія, чѣмъ противъ истины, дочери солнца, изображеніе котораго ты носишь на себѣ, Бентъ-Анатъ. Дѣйствительно ли нечистъ параскитъ вслѣдствіе своего рожденія, или нѣтъ—кто я такой, чтобы рѣшить подобный вопросъ? Но и мнѣ онъ кажется такимъ же, какъ тебѣ, человекомъ, волнующимъ тѣми же святыми и честными чувствами, которыя волнуютъ и счастливяютъ каждое разумное существо; что впечатлѣнія этого часа облагородили твою, такъ же какъ и мою, душу, а не запятнали ея. Если я заблуждаюсь, то да проститъ Божество, дыханіе котораго живетъ и дѣйствуетъ въ параскитѣ такъ же какъ и въ насъ самихъ; я вѣрую въ него и все громче и радостнѣе буду возносить къ нему свои скромные гимны, когда оно будетъ учить меня, что все, что живетъ и дышетъ, ликуетъ и плачетъ, есть подобіе его собственнаго чистаго существа и рождено для одинаковыхъ скорбей и наслажденій.

Взоръ Пентаура, поднятый къ небу при этихъ словахъ, встрѣтился теперь съ сіявшими радостно и гордо глазами царевны, которая дружески протянула ему правую руку. Онъ смиренно поцѣловалъ край ея одежды, но она сказала:

— Нѣтъ, не то! Положи свою руку на мою съ благословеніемъ. Ты—мужчина и истинный жрецъ. Теперь я охотно поверюсь обвиненію въ нечистотѣ, потому что и отецъ мой желаетъ, чтобы именно мы признавали святость древнихъ постановленій, доколѣ они существуютъ. Будемъ вмѣстѣ молиться богамъ, чтобы они освободили этихъ бѣдныхъ людей отъ стараго проклетія. Но Паакеръ и Нефертъ ждутъ насъ на солнечномъ зноѣ. Иди за мной.

Она пошла впереди жреца, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, обернулась къ нему и спросила:—Какъ тебя зовутъ?

— Пентауромъ.

— Значитъ, ты—поэтъ Дома Сети?

— Мнѣ дадутъ и это названіе.

Бентъ-Анатъ еще разъ остановилась и глядѣла на него, широко раскрывъ глаза, какъ на родственника, котораго она въ первый разъ видитъ лицомъ къ лицу; затѣмъ сказала:

— Боги одарили тебя высокими талантами; твой взглядъ видитъ дальше и проникаетъ глубже, чѣмъ взоръ другихъ людей, и ты умѣешь словами передать то, что мы только чувствуемъ. Я охотно послѣдую за тобою.

Пентауръ покраснѣлъ, какъ мальчикъ, между тѣмъ какъ Паакеръ и Нефертъ все ближе подходили къ нему и къ его спутницѣ, и сазавалъ:

— До этого дня, жизнь лежала передо мною какъ бы въ

мерцаніи сумерекъ, но настоящій часъ показывается мнѣ ее въ другомъ свѣтѣ. Я видѣлъ ее глубокія тѣни, прибавилъ оныя тихимъ голосомъ:—и какъ ярко она засіяла теперѣ!

VII.

Часъ спустя, Бентъ-Анатъ со своею свитой находилась у воротъ Дома Сети.

Однѣ изъ сопровождавшихъ ее скороходовъ, съ быстротою брошеннаго сильною рукою мяча, обернулись шестіе, чтобы извѣстить главнаго жреца о приближеніи царевни.

Она стояла одна въ своей колесницѣ, ѣхавшей впереди ея спутниковъ. Пентауръ помѣщался въ колесницѣ царскаго вожа-таго.

У воротъ храма шестіе встрѣтилъ начальникъ гороскоповъ.

Большія ворота пилоновъ были отворены настежь и открывали перспективу на передній дворъ храма, вымощенный каменными плитами и окруженный съ трехъ сторонъ двойною колоннадой.

Стѣны, архитравы и карнизы блистали пестрыми изображеніями и цвѣтными узорами. Посреди двора возвышался большой жертвенный алтарь, гдѣ на кедровыхъ дровахъ горѣли благовонные шарики изъ кифи¹, которые наполняли обширный дворъ одуряющимъ дымомъ.

Этотъ алтарь окружали стояшіе, въ видѣ полукруга, богѣ сотни жрецовъ въ бѣлыхъ одеждахъ, которые повернули лица на встрѣчу приближавшейся царевнѣ и пѣли заунывные, глубоко хватавшіе за сердце священныя гимны.

Много жителей Некрополя собралось по обѣимъ сторонамъ рядовъ изъ сфинксовъ, между которыми Бентъ-Анатъ ѣхала къ святилищу.

Никто не спрашивалъ о значеніи жалобныхъ гимновъ въ настоящемъ случаѣ, такъ какъ эти гимны и многія необъяснимыя вещи были здѣсь дѣломъ обыкновеннымъ.

Клики: «да здравствуетъ домъ Рамзеса!» «поклоненіе дочери

¹ Знаменитое душистое курево египтянъ. Рецепты для его приготовленія сохранились въ рукописи Эберса, въ лабораторіяхъ храма, у Dioscorida, Плу-тарха, Галиена и др. Партей, съ помощью аптекаря Фойхта въ Берлинѣ, се ставилъ по этимъ рецептамъ три сорта кифи. Кифи по рецепту Dioscorida было самое лучшее. Оно приготовлялось изъ изюма, вина, Rad. Galangae Bacc. Juniperi, Rad. calami aromatici, асфальта, мастяи, мирры, виноградныхъ ягодъ и меда. —

солнца, Бентъ-Анатъ!> раздавались изъ тысячи устъ, и всѣ събжавшіе сюда люди кланялись дочери своего владыки до земли.

У пилоновъ царевна вышла изъ своей колесницы и послѣдовала до двери храма за главнымъ гороскопомъ, который безмолвно и важно поклонился ей.

Когда она собиралась войти на передній дворъ, пѣніе жрецовъ внезапно превратилось въ оглушительный громъ. Рокотаніе басовыхъ нотъ смѣшивалось съ жалобными дискантовыми голосами учениковъ храма. Бентъ-Анатъ въ испугѣ приостановилась, затѣмъ пошла дальше. Но на порогѣ воротъ Амени появился передъ нею въ полномъ жреческомъ облаченіи, протянувъ къ ней свой посохъ, какъ бы устраняя ее отъ входа, и громко и запальчиво воскликнулъ:

— Приближеніе чистой дочери Рамзеса есть благословеніе для сего святилища, но это убѣжище боговъ закрываетъ свои двери для оскверненныхъ, будь они—рабы или цари. Во имя небожителей, отъ которыхъ ты приходишь, спрашиваю тебя, Бентъ-Анатъ: чиста ли ты, или осквернилась привосновеніемъ нечистыхъ?

Жрецъ остановился какъ разъ передъ высокою фигурой царевны.

Яркая краска покрыла щеки Бентъ-Анатъ въ ухахъ ея зашумѣло, точно бурное море бушевало вокругъ нея, и грудь ея подымалась и опускалась отъ сильнаго волненія. Царская кровь закипѣла въ ея жилахъ. Она чувствовала, что ей навязали недостойную роль въ нарочно-устроенномъ зрѣлищѣ. Намѣреніе ея самой заявить о своемъ оскверненіи было забыто, и ея губы уже отрывались, чтобы дать рѣзкій отпоръ глубоко-возмутившей ее жреческой заносчивости, когда Амени поднялъ глаза и устремилъ ихъ на нее со всею свойственною ему серьезностью. Бентъ-Анатъ ничего не сказала, но выдержала этотъ взглядъ и отвѣтила на него не менѣе гордымъ и вызывающимъ взоромъ.

Жилы на лбу Амени вздулись и посинѣли, но онъ подавилъ закипавшій въ немъ гнѣвъ и измѣнившимся голосомъ сказалъ:

— Боги, чрезъ меня, ихъ представителя, вопрошаютъ тебя: для того ли ты вступила въ это священное убѣжище, чтобы небожители сняли съ тебя нечистоту, оскверняющую твою душу и твою тѣло?

Бентъ-Анатъ отвѣчала коротко и съ достоинствомъ:

— Отецъ мой передастъ тебѣ мой отвѣтъ.

• — Не мнѣ, возразилъ Амени:—а богамъ, именемъ которыхъ

я повелѣваю тебѣ теперь покинуть это чистое святилище, оскверняемое твоими присутствіемъ!

Бентъ-Анатъ вдрогнула и глухо проговорила:

— Я ухожу.

Она уже сдѣлала шагъ къ воротамъ пилона, но тутъ ея взглядъ встрѣтился съ глазами Пентаура.

Подобно праведнику, передъ глазами котораго происходитъ великое чудо, онъ въ тревогѣ, но вмѣстѣ съ восторгомъ, въ страхъ, но чувствуя какое-то внутреннее просвѣтлѣніе, созерцалъ царственную дѣвушку. Ея поведеніе казалось ему возмутительно-смѣлымъ, но вмѣстѣ соответственнымъ ея правдивой и возвышенной натурѣ. Амени, этотъ образецъ, столь чтимый Пентауромъ, совершенно ступевывался передъ Бентъ-Анатъ; и, въ тотъ моментъ, когда она, выходя изъ храма, хотѣла пожать руку молодому жрецу и ихъ взгляды встрѣтились, онъ прижалъ эту руку къ своему переполненному сердцу.

Главному жрецу было нетрудно читать въ чертахъ этихъ двухъ неспорченныхъ существъ, какъ въ открытой книгѣ. Онъ понималъ, что ихъ души были соединены быстро-образовавшимися узлами, и взоръ, который Бентъ-Анатъ обмѣнялась съ Пентауромъ, испугалъ Амени: непокорная дѣвушка взглянула на поэта съ видомъ торжества, вскавшимъ одобренія, и оно было ясно высказано глазами молодого жреца.

Амени на одно мгновение приостановился, затѣмъ вскричалъ:

— Бентъ-Анатъ!

Царевна обернулась и взглянула на него серьезно и вопросительно.

Амени сдѣлалъ къ ней одинъ шагъ впередъ и остановился между нею и Пентауромъ.

— Ты вызываешь боговъ на борьбу, строго сказалъ онъ. — Это — отважный вызовъ, но, мнѣ кажется, твоя смѣлость усилилась вслѣдствіе того, что ты разсчитываешь на союзника, который едва ли менѣе меня близокъ къ небожителямъ. Итакъ, позволь мнѣ сказать: тебѣ, заблуждающемуся ребѣнку, можетъ быть прощено многое; но служитель божества, и при этихъ словахъ онъ бросилъ угрожающій взглядъ на Пентаура: — жрецъ, который, въ борьбѣ самовластиа противъ закона, переходитъ на сторону перваго, жрецъ, забывающій свой долгъ и свою клятву, недолго будетъ оказывать тебѣ помощь, такъ какъ онъ осужденъ, какъ бы ни были богаты тѣ дарованія, которыми его благословило божество! Мы изгоняемъ его изъ нашей среды; мы проклинаемъ его; мы...

При этихъ словахъ, Бентъ-Анатъ смотрѣла то на дрожавшаго

отъ волненія главнаго жреца, то на Пентаура. Краска и блѣдность смѣнялись на ея лицѣ.

Поэтъ сдѣлалъ къ ней шагъ впередъ.

Она чувствовала, что онъ хочетъ говорить, защищать свои поступки и зримъ погубить себя. Ею овладѣло глубокое состраданіе, безграничное безпокойство; и, прежде, чѣмъ Пентауръ могъ открыть ротъ, она медленно опустилась на колѣни передъ главнымъ жрецомъ и тихо сказала:

— Я согрѣшила и запятнала себя. Это высказалъ мнѣ и Пентауръ передъ хижиною параскита. Возврати мнѣ чистоту, Амени, которой лишилась я!

Гнѣвное пламя въ глазахъ главнаго жреца внезапно погасло. Ласково, почти съ любовью, онъ посмотрѣлъ на царевну, благословилъ ее и повелъ ее въ святилище: Тамъ ее окурили эмѳиакомъ, облили девятью священнѣйшими елееми; затѣмъ Амени приказалъ ей вернуться въ царскій дворецъ.

При этомъ онъ объяснилъ царевнѣ, что ея вина еще не получила прощенья. Скоро она узнаетъ на опытѣ, посредствомъ какихъ молитвъ и религіозныхъ упражненій она можетъ вновь достигнуть полной чистоты предъ лицомъ боговъ, которыхъ онъ думаетъ спросить въ тайнѣ святилища.

Во время упомянутыхъ церемоній хоры жрецовъ на переднемъ дворѣ храма продолжали пѣть свои скорбныя гимны.

Стоявшій у храма народъ прислушивался къ жреческому пѣнію и, по временамъ, прерывалъ его пронзительнымъ крикомъ скорби, такъ какъ вѣсть о случившемся уже успѣла распространиться въ толпѣ.

Солнце начало склоняться къ западу; скоро посѣтители города мертвыхъ должны были оставить его, а Вентъ-Анатъ, появленія которой народъ ждалъ съ нетерпѣніемъ, еще не показывалась. Говорили, что царская дочь навлекла на себя проклятіе за то, что снесла лекарство заболѣвшей бѣглолицей и прекрасной Уардѣ, которую знали многіе.

Среди собравшихся любопытныхъ было много бальзамировщиковъ, каменщиковъ и людей изъ разныхъ низшихъ классовъ народа. Духъ матажа и противодѣйствія, свойственный египтянамъ и при позднѣйшихъ иноземныхъ властителяхъ навлекшій на нихъ такія тяжкія страданія, проявился теперь и возрасталъ съ каждою минутой. Осуждали гордость жрецовъ, порицали неразумный законъ. Одинъ пьяный солдатъ поднялъ камень, думая бросить его въ обитыя мѣдью ворота храма. Нѣсколько мальчишекъ съ крикомъ послѣдовали его примѣру, и даже бо-

гве степенные люди, увлеченные воплями раздраженныхъ женщинъ, тоже пустили въ ходъ камни и бранныя слова.

Наконецъ, при усилившемся шумѣ толпы, главный вѣртокъ отворился, и оттуда выступилъ Амени въ полномъ облаченіи, сопровождаемый двадцатью пасторами ¹, которые несли на плечахъ изображенія боговъ и священные символы. Процессія вошла въ средину толпы.

Все умяло.

— Зачѣмъ мѣшаете вы нашимъ молитвамъ? громко, но спокойно спросилъ онъ.

Въ отвѣтъ ему раздался смѣшанный, беспорядочный крикъ толпы, въ которомъ ничего нельзя было разобрать, кромѣ часто повторяемаго имени Бентъ-Анать.

Амени сохранилъ свое невозмутимое спокойствіе и, высоко поднявъ свой посохъ, вскричалъ:

— Дайте дорогу дочери Рамзеса, которая искала и обрѣла чистоту предъ лицомъ боговъ, зрящихъ вину какъ высшаго, такъ и низшаго между вами. Они награждаютъ благочестивыхъ, но караютъ преступныхъ. Преклоните колѣна и будемъ молиться, чтобы они простили вамъ и благословили васъ и дѣтей вашихъ.

Амени велѣлъ одному изъ пасторовъ подать ему священный систрумъ и поднимать вверхъ. Стоявшіе за нимъ жрецы запѣли торжественный гимнъ; толпа опустилась на колѣни и не двигалась до тѣхъ поръ, пока гимнъ не умялъ и главный жрецъ снова не вскричалъ:

— Небожители благословляютъ васъ чрезъ меня, ихъ слугу. Оставьте это мѣсто и дайте дорогу дочери Рамзеса.

Послѣ этихъ словъ онъ удалился въ храмъ, и стража очистила отъ толпы ведущую къ Нилу и окаймленную сфинксами улицу, не встрѣтивъ сопротивленія.

Когда Бентъ-Анать сѣла на свою колесницу, Амени сказалъ:

— Ты—царская дочь. Домъ твоего отца стоитъ на плечахъ народа. Пошатни древніе уставы, которые сдерживаютъ этотъ народъ, и толпа забушуетъ, какъ безумная.

Амени удалился. Бентъ-Анать медленно подобрала возжи. При этомъ взгляды ея были устремлены въ глаза Пентаура, который, прислонившись къ столбу воротъ, смотрѣлъ на нее, точно преобразенный.

Она умышленно уронила на землю свой хлыстъ, чтобы онъ поднялъ его и подалъ ей; но онъ этого не замѣтилъ. Одинъ

¹ Особый разрядъ жрецовъ.

изъ скороходовъ бросился къ хлысту и подалъ его царевнѣ, лошади которой, заржавъ, приподнялись, рванулись и помчались по дорогѣ.

Пентауръ оставался, точно заколдованный, у столба, пока грохотъ ея колесницы, раздававшійся далеко на каменныхъ плитахъ Сфинксовой Улицы, мало-по-малу не умолкъ и отраженіе яркаго пламени заката не окрасило восточныхъ горъ мягкимъ розовымъ цвѣтомъ.

Дальній звонъ ударовъ въ мѣдную доску, пробудилъ поэта отъ его оцѣпенѣнія. Онъ прижалъ лѣвую руку къ своему сердцу и приложилъ правую къ лбу, какъ будто желая собрать свои блуждавшія мысли.

Этотъ звонъ призывалъ его къ дѣлу, къ урокамъ краснорѣчія, которыя онъ въ этотъ часъ долженъ былъ преподавать младшимъ жрецамъ.

Молча, пошелъ онъ на открытый дворъ, гдѣ его ученики ожидали его, но, вмѣсто того, чтобы обдумывать предметъ предстоявшей ему лекціи, умъ его былъ занятъ впечатлѣніями, которыя онъ пережилъ въ эти послѣдніе часы.

Въ мірѣ его представленій господствовалъ только одинъ оупевлявшій его образъ: величественная фигура прекрасной женщины, которая, сіяя царственнымъ величіемъ и дрожа отъ гордости, ради его поверглась во прахъ.

Въ такомъ настроеніи, онъ явился предъ своими слушателями. Его любимый ученикъ, юный Анана, подалъ ему книгу, изъ которой онъ наканунѣ обѣщалъ взять тѣму для сегодняшней бесѣды.

Пентауръ, прислонившись къ стѣнѣ двора, открылъ папирусный свитокъ, посмотрѣлъ на покрывавшіе его письменные знаки и почувствовалъ, что онъ не въ состояніи читать.

Онъ сдѣлалъ судорожное усиліе собраться съ мыслями, устремилъ глаза вверхъ и пытался отыскать нить разсужденій, которую оставилъ при концѣ вчерашняго урока и за которую думалъ снова ухватиться сегодня. Но ему казалось, что между вчерашнимъ и нынѣшнимъ днемъ лежитъ широкое море, затопляющее своими бурными волнами его память и его мыслительныя способности.

Его ученики, сидѣвшіе противъ него на соломенной циновкѣ, смотрѣли съ удивленіемъ на своего обыкновенно столь краснорѣчиваго, но теперь безмолвнаго учителя и вопросительно переглядывались другъ съ другомъ.

Одинъ молодой жрецъ шепнулъ своему сосѣду: «онъ молится», а Анана съ безмолвною озабоченностью смотрѣлъ на руки на-

ставника, который так крѣпко жали свитокъ, что грозили разрушеніемъ хрупкому матеріалу рукописи.

Наконецъ, Пентауръ опустилъ глаза. Онъ нашелъ свою таму. Когда его взгляды подняты были кверху, онъ встрѣтилъ нама-леванное на противоположной стѣнѣ имя царя и сопровождавшій это имя эпитетъ—«благой Богъ». Ухватившись за эти слова, онъ обратился къ своимъ слушателямъ съ вопросомъ: «какимъ образомъ мы познаемъ благодѣтельность божества?»

Многіе ученики вставали, отвѣчая болѣе или менѣе удачно и бойко. Наконецъ, всталъ Анана, который въ связной рѣчи изобразилъ цѣлесообразную красоту одушевленнаго и неодушевленнаго творенія, въ которой проявилась благодѣтельность Амона ¹, Ра ², Пта ³, а также другихъ боговъ.

Скрестивъ руки, Пентауръ слушалъ юношу и то вопросительно смотрѣлъ на него, то кивалъ въ знакѣ одобренія. Затѣмъ онъ началъ говорить самъ.

Подобно ручнымъ соболамъ, слетающимся на зовъ своего господина, рой мыслей внезапно возникъ въ его головѣ, и изъ его сердца, пробужденнаго, озареннаго и согрѣтаго божественною страстью, все свободнѣе и сильнѣе полилась вдохновенная

¹ Амонъ, т. е. сокровенный. Богъ Огивъ, который по изгнаніи, съ его помощью, гисосовъ съ нильской долины, соединился съ гелиопольскимъ Ра и снабженъ атрибутами всѣхъ остальныхъ боговъ. Его существо все болѣе и болѣе одухотворяется и, наконецъ, въ заимствованномъ ученіи, при Рамессидѣхъ отождествляется со всенаполняющимъ и организующимъ разумомъ. Онъ есть «супругъ своей матери, свой собственный отецъ и свой собственный сынъ». Въ качествѣ «живаго Озириса», онъ одушевляетъ и наполняетъ разумомъ все сотворенное, которое только черезъ него вступаетъ въ высшій разрядъ существованія. Онъ называется «благодѣющимъ», «прекраснымъ», «несравненнымъ», во мнѣствѣ—«истребителемъ зла», въ которомъ человекъ читаетъ таинственную силу, возвышающую добро и низвергающую зло. Его отличіе—двойное перо на его вѣнцѣ. Въ качествѣ Амона-Хнема его изображаютъ съ головою огня.

² Первоначально богъ солнца; впоследствии его имя, въ пантеистическомъ таинственномъ ученіи, введено какъ имя бога, который есть все.

³ Пта (греч. Геестосъ) есть старѣйшій изъ боговъ, великій образователь основной матеріи созданія, «первоначальный», возлѣ котораго стоятъ семь хнему, въ качествѣ помогающихъ ему строителей, и который называется также «господиномъ истины», такъ какъ отъ него произошли законы и условія вступленія въ бытіе. Онъ создалъ также зерно свѣта и поэтому стоитъ во главѣ солнечныхъ боговъ и называется создателемъ льда, изъ котораго, по раздробленіи его, произошли солнце и луна. Отсюда его эпитетъ: «начинатель». Мемфисъ былъ главнымъ мѣстомъ поклоненія ему, апись—его священнымъ животнымъ. Въ ученіи о безсмертіи и о подвѣнномъ жрѣцѣ онъ обыкновенно являлся подъ именемъ Пта-Сокаръ-Озириса, снабжающаго заходящее солнце умершихъ условіями, необходимыми имъ для новаго восхожденія и воскресенія.

рѣчь. Умиляясь отъ волненія, ликуя отъ восторга, онъ восхвалялъ красоту природы и непостижимую мудрость и заботливость ея Создателя.

Удары въ мѣдный щитъ, возвѣщавшіе время окончанія урока, прервали рѣчь Пентаура. Онъ замолчалъ, переводя духъ, и цѣлую минуту ни одинъ изъ его учениковъ не пошевелился. Наконецъ, онъ выпустилъ изъ своей руки свитокъ, отеръ потъ со своего пылавшаго лба и медленно приблизился къ двери, которая вела со двора въ священную рощу храма. Онъ уже ступилъ на ея порогъ, какъ почувствовалъ, что кто-то положилъ руку на его плечо.

Онъ оглянулся. За нимъ стоялъ Амени, который холодно сказалъ:

— Ты очаровалъ своихъ слушателей, другъ мой. Только жалъ, что при тебѣ не было арфы.

На взволнованную душу поэта слова Амени подѣйствовали, какъ ледъ на разгоряченное тѣло больного. Онъ зналъ этотъ тонъ въ голосѣ своего начальника: этимъ тономъ Амени обыкновенно дѣлалъ выговоры дурнымъ ученикамъ и провинившимся жрецамъ, но никогда еще онъ не говорилъ такимъ образомъ съ Пентауромъ.

— По истинѣ, продолжалъ главный жрецъ, съ убійственною холодною:— можно подумать, что ты, въ упоеніи, забылъ, что приличествуетъ учителю говорить на дворѣ школы. Нѣсколько недѣль тому назадъ, ты мнѣ клялся охранять мистеріа, а сегодня тайну неизрѣченнаго Единого Существа, святѣйшее достояніе посвященныхъ, ты выставляешь публично на рынкѣ, какъ дешовый товаръ!

— Ты рѣжешь меня ножами.

— Пусть они будутъ острыми и вырѣжутъ пятна незрѣлости и плесели изъ твоей души! сказалъ главный жрецъ.— Ты молодецъ, слишкомъ молодецъ; но не такъ, какъ нѣжное плодовое дерево, которое можно воспитать и облагородить, а какъ зеленый плодъ, упавшій на землю, который становится ядомъ для наевнувшихъ на него дѣтей, хотя бы онъ упалъ даже со священнаго дерева. Гагабу и я приняли тебя въ нашу среду вопреки голосамъ большинства посвященныхъ. Мы спорили противъ всѣхъ, сомнѣвавшихся въ твоей зрѣлости. по причинѣ твоихъ молодыхъ лѣтъ, и ты съ благодарностью поклялся мнѣ хранить законъ и священныя тайны. Но, вотъ, сегодня я въ первый разъ выпустилъ тебя изъ мирнаго уединенія школы на бранное поле жизни: какъ несть ты боевое знамя, которое ты обязанъ былъ держать высоко и защищать?

— Я дѣлалъ то, что мнѣ казалось истиннымъ и справедливымъ, отвѣчалъ глубоко взволнованный Пентауръ.

— Для тебя, какъ для всѣхъ насъ, справедливо то, что предписываетъ законъ, но что такое *истина*?

— Никто не поднималъ ея покрова, сказала Пентауръ:—но моя душа происходитъ изъ одушевленнаго тѣла вселенной, въ моей груди движется частица непогрѣшимого разума Божія и, когда она проявляется во мнѣ свою дѣятельность..

— Какъ легко мы принимаемъ льстивый голосъ самолюбія за божество!

— Развѣ дѣйствующій и говорящій во мнѣ, такъ же какъ въ тебѣ и въ каждомъ человѣкѣ, Богъ не можетъ узнать себя самаго и своего собственнаго голоса?

— Если бы слышала тебя толпа, прервалъ Амени:—то каждый изъ нея взобрался бы на свой маленький тронъ, объявилъ бы голосъ Божій своимъ руководителемъ, изорвалъ бы законъ и позволилъ бы восточному вѣтру развѣять его ключа въ пустынь.

— Я—посвященный, котораго ты самъ учишь искать и находить Единого. Я не отрицаю того, что свѣтъ, созерцаемый мною, если бы я захотѣлъ показать его толпѣ, поразилъ бы ее слѣпотою...

— И, однако, ты ослѣпляешь своихъ учениковъ опаснымъ блескомъ...

— Я воспитываю будущихъ посвященныхъ.

— Не посредствомъ ли пламенныхъ изліяній сердца, упоенаго любовью?

— Амени!

— Я стою передъ тобою въ качествѣ учителя, указывающаго тебѣ на законъ, который всегда и повсюду мудрѣ отдѣльной личности; на законъ, котораго самъ царь, въ своихъ громкихъ титулахъ, называетъ себя «утвердителемъ» и предъ которымъ долженъ преклоняться посвященный такъ же, какъ всякій простой человѣкъ, воспитываемый нами для слѣпой вѣры. Я стою передъ тобою, какъ отецъ, который любилъ тебя съ самого твоего дѣтства и ни отъ одного изъ своихъ учениковъ не ждалъ такихъ великихъ подвиговъ, какъ отъ тебя, и поэтому не хотѣлъ ни погубить тебя, ни пожертвовать возлагаемыми на тебя надеждами. Приготовься завтра, раннимъ утромъ, оставить наше тихое убѣжище. Ты погрѣшилъ въ отправленіи своей обязанности учителя; теперь жизнь должна принять тебя въ свою школу и сдѣлать тебя зрѣлымъ для званія посвященнаго, котораго слишкомъ рано возложили на тебя и моей вины. Ты ослѣпилъ.

*

своихъ учениковъ, не простившись съ ними, какъ бы ни было это прискорбно для тебя. Въ восхожденіи звѣзды Сотн¹ иже указаній для своихъ дѣйствій; черезъ два-три мѣсяца тебѣ предстоитъ руководить жрецами храма въ Гатасу, и въ этой должности, подъ моимъ надзоромъ, ты постарайся вновь приобрести то довѣріе, котораго лишился. Безъ возраженій! Пусть Невзрѣченное Существо напечатлѣетъ законъ въ твоемъ сердцѣ!

Амени вернулся въ свою комнату. Тамъ онъ безпокойно началъ ходить взадъ и впередъ.

Пережитое имъ въ послѣдніе часы сильно взволновало его и поколебало его увѣренность въ непреложности своихъ сужденій о людяхъ и обстоятельствахъ. Жрецы по ту сторону нильскаго берега были духовными совѣтниками Бентъ-Анатъ и хвалили ему ее, какъ дѣвушку благочестивую и даровитую. Неосторожное нарушеніе ею закона представило ему удобный случай унижить одного изъ членовъ семейства Рамвеса. Тщеславіе его было унижено гордымъ сопротивленіемъ царевны. Когда онъ приказывалъ Пентауру явиться передъ нею въ качествѣ судьи, то надѣялся возбудить въ немъ честолюбіе, давая ему власть надъ сильными земли.— И вотъ, его наилучшій ученикъ, подававшій самыя блистательныя надежды, не выдержалъ испытанія! Этотъ странный юноша до сихъ поръ не понималъ идеала своего учителя—неограниченнаго господства идеи жречества надъ умами и самими жрецовъ надъ царемъ—и возмущился. Но, въ краѣ Гатасу, сдѣлавшись начальникомъ, онъ сумѣетъ понять необходимость послушанія. Бунтовщикъ, получивъ тронъ, дѣлается тираномъ.

«Поэтическая душа Пентаура, думалъ онъ далѣе:— быстро подалась очарованію Бентъ-Анатъ; она тоже не устоитъ противъ этого юноши, прекраснаго, какъ богъ Ра, и сладкорѣчиваго, какъ Текути. Они не должны болѣе видѣться другъ съ другомъ: никакое звено не должно соединять его съ домомъ Рамвеса».

Амени остановился. Онъ позвалъ одного изъ такъ-называемыхъ святыхъ отцовъ, своего домашняго секретаря, и сказалъ:

— Напиши увѣдомленія во всѣ жреческія общины государства: сообщи имъ, что дочь Рамвеса погрѣшила противъ закона и осквернилась; и прикажи, чтобы во всѣхъ храмахъ отправлялись публич-

¹ Священныи Сиріусъ Изида или звѣзда Собаки, кругъ теченія которой во время фараоновъ равнялся астрономически-правильному солнечному году и поэтому издревле служилъ египтянамъ основой истиннаго времени.

ныя—непремѣнно *публичная*—моленія объ очищеніи ея. Черезъ часъ принеси мнѣ это посланіе къ подписи. Впрочемъ, вѣтъ; дай мнѣ твою тростинку и кисть: я самъ напишу, что нужно.

«Святой отецъ» подалъ ему требуемое и отошелъ въ глубину комнаты, а Амени пробормоталъ: «Царь хочетъ употребить противъ насъ насиліе—пусть же это будетъ первою стрѣлою въ отвѣтъ на ударъ его копья».

VIII.

Луна взошла надъ живымъ городомъ Оивами, стоявшимъ на противоположномъ берегу отъ мертваго города Оивъ. Прорухада вызвала жителей къ воротамъ, на крыши и башенки ихъ домовъ. Многіе группировались у столовъ, гдѣ, за пивомъ, виномъ и вареньями, потребители ихъ слушали повѣствованія сказочниковъ. Болѣе простой людъ кучками сидѣлъ на землѣ и подхватывалъ припѣвы пѣсни, которую скромный пѣвецъ напѣвалъ подъ аккомпаниментъ бубна и флейты. Къ югу отъ храма Амона былъ расположенъ царскій дворецъ, и по близости его находились, среди болѣе или менѣе обширныхъ садовъ, жилища вельможъ. Между ними одно отличалось особенною обширностью и великолѣпіемъ. Паакеръ, вожатый царя, построилъ его послѣ смерти своего отца, въ надеждѣ, что его двоюродная сестра Нефертъ скоро войдетъ туда въ качествѣ его жены. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него возвышалось другое зданіе, также величественное, но болѣе старое и менѣе роскошное, унаследованное царскимъ возницею Меной отъ своего отца, въ которомъ жила его жена со своею матерью Катути, между тѣмъ какъ самъ онъ въ отдаленной Сиріи помѣщался въ одной палатѣ съ царемъ, въ качествѣ его тѣлохранителя.

У воротъ обонхъ домовъ стояли слуги съ факелами, давно уже дожидавшіеся возвращенія своихъ господъ.

Ворота, которыя вели въ обнесенныя стѣной владѣнія Паакера, были несоразмѣрно велики и покрыты пестрыми узорами. По обѣимъ ихъ сторонамъ возвышались два кедровыхъ столба, на которыхъ были прикрѣплены флаги. Эти кедры были, собственно для этой цѣли, срублены въ Ливанѣ.

Упомянутыя ворота ¹ вели на обширный мощный дворъ, по

¹ Жилище могоара описано по прекраснымъ изображеніямъ садовъ и домовъ знатныхъ египтянъ, находимымъ въ склепахъ и воспроизведеннымъ въ «Египетскихъ и еиопскихъ наматингахъ». Обладать садомъ считалось особеннымъ счастьемъ.

сторонамъ котораго тянулись галлерей, со стѣнами, поддерживаемыми тонкими деревянными колоннами. Здѣсь стояли лошади и колесницы вожатаго, здѣсь жили его рабы, здѣсь складывались сельскіе продукты. Въ задней сторонѣ этого двора находились ворота умѣренной вышины, которыя вели въ обширный садъ съ аллеями хорошо содержимыхъ деревьевъ и виноградныхъ лозъ, группами кустовъ, цвѣтовъ и овощными грядами. Пальмы, секоморы, акаціи, фиги, гранатовыя деревья и кусты жасмина росли особенно роскошно, такъ какъ мать Паавера, Сеткемъ, сама наблюдала за работами садовниковъ и въ большомъ прудѣ, посреди сада, никогда не было недостатка въ водѣ для поливки грядъ и корней деревьевъ; онъ наполнялся изъ двухъ канавъ, въ которыя днемъ и ночью вливается вода изъ Нила, посредствомъ подъемныхъ колесъ, приводимыхъ въ движеніе волнами.

Съ правой стороны этого сада возвышался одноэтажный, но невообразимо длинный домъ, состоявшій изъ одного ряда комнатъ. Почти каждая изъ нихъ имѣла свою собственную дверь, выходившую на веранду, которая поддерживалась пестрыми деревянными колоннами и тянулась во всю длину дома со стороны сада.

Къ правому углу этого строенія примыкалъ рядъ кладовыхъ съ садовыми плодами, овощами, кувшинами съ виномъ и домашнею рухлядью, какъ-то: шкурами, кожами, тканями и проч.

Въ одной комнатѣ, стѣны которой были сложены изъ квадратныхъ камней, лежали плотно запертыя сокровища, добытыя предками Паавера и имъ самимъ. Это были: золотыя и серебряныя кольца, фигуры звѣрей и сосуды. Не было также недостатка въ мѣдныхъ полосахъ, драгоценныхъ камняхъ, въ особенности въ лалисъ-лазули и кускахъ малахита.

Среди сада возвышались богато разукрашенный киоскъ и божница съ изображеніями боговъ. Въ углубленіи ея стояли статуи предковъ Паавера въ образѣ Озириса ¹, окутаннаго пеленами

¹ Оправданный покойникъ становится послѣ смерти Озирисомъ, т. е. достигаетъ полнѣйшаго тождества съ божествомъ. Многъ объ Озирисѣ рассказавъ звалъ Шутархомъ. Главное основаніе его, помимо побочныхъ подробностей, состоитъ въ слѣдующемъ: Изидъ и Озирисъ, счастливые и дарующіе счастье, царствовали въ долинѣ Нила. Тифонъ (Сетъ) уговорилъ Озириса лечь въ сундукъ, заперъ его и бросилъ въ Нилъ, который несетъ его на сѣверъ, но направило къ морю. На берегу Виблоса сундукъ останавливается. Изидъ, съ воплемъ, развѣсиваетъ его, находитъ и приводитъ обратно въ Египетъ. Тогда она отправляется за своимъ сыномъ Горусомъ; Тифонъ находитъ тѣло, разрѣзаетъ его на четырнадцать частей и разбрасываетъ ихъ по всей странѣ. Между тѣмъ, Горусъ выросъ, вступилъ въ борьбу съ Тифономъ, но не убилъ его, и возвра-

мумій. Одна статуя отличалась отъ другой только лицами, представлявшими подобіе портретовъ.

Лѣвая сторона хозяйственнаго двора была окутана тьмой, но луиный свѣтъ позволялъ различать тамъ прикрытыя только переднигами темныя фигуры рабовъ царскаго вожатаго, которые, кучками по пяти, по шести человѣкъ, сидѣли на землѣ или лежали другъ возлѣ друга на тонкихъ циновкахъ изъ пальмоваго лыка.

Недалеко отъ воротъ, на правой сторонѣ двора, горѣло нѣсколько лампъ, освѣщая группу смуглыхъ людей, домашнихъ должностныхъ лицъ Паавера, одѣтыхъ въ бѣлыя, похожія на рубашку, одежды, и, сидя на коврѣ, окружали столъ, едва достигавшій двухъ футовъ вышины. {Они ужинали; ужинъ ихъ состоялъ изъ жареной антилопы и большихъ плоскихъ лепешекъ. Нѣсколько рабовъ прислуживали имъ и наполняли ихъ глиняные кубки желтоватымъ пивомъ.

Домоправитель разрѣзалъ жаркое на столѣ, подавъ смотрителю сада кусокъ антилопы и сказалъ ¹:

— У меня болятъ руки; эта сволочь, рабы, становятся все лѣнивейше и упрямѣе.

— Я замѣчаю это по пальмамъ, отвѣчалъ садовникъ. Тебѣ требуется столько палокъ, что верхушки пальмъ становятся все жиже и жиже.

— Намъ слѣдовало бы распоряжаться, какъ нашъ господинъ,

тѣмъ своей матеріе ея мужа, а отцу, продолжавшему царствовать въ подземномъ мірѣ по смерти, возвратилъ земной тронъ. Этотъ замисловатый мнѣзъ олицетворяетъ собою нѣтолько круговое теченіе растительной жизни, но и путь солнца и судьбу человѣческой души. Производительная сила природы и плодородіе Нила, повидимому, уничтожаются засухой, свѣтъ солнца—тьмой, человѣкъ—смертію, начало добра—началомъ зла, истина—ложью, между тѣмъ какъ всѣ они торжествуютъ весной (время разливовъ Нила), утромъ, въ загробномъ мірѣ и въ день возмездія, подобно тому, какъ Озирисъ, посредствомъ Торуса, одержалъ побѣду надъ Тифономъ.

¹ По разсказамъ греческихъ и римскихъ писателей, египтяне были такъ склонны къ сатирѣ и ѣдкому остроумію, что готовы были рисковать имуществомъ и жизнью, когда дѣло шло объ удовлетвореніи страсти ихъ къ насмѣшкамъ. Непристойныя изображенія въ такъ-называемомъ кіоскѣ въ Медшетъ-Габу, карикатуры на одномъ хранящемся въ Туринѣ папирусѣ и проч. подтверждаютъ эти разсказы. Замѣчательно одно мѣсто у Флавія Вописка, сравниващаго египтянъ съ французами, которое мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь:

«Sunt enim Aegyptii, ut satis nosti, viri ventosi, furibundi, jactantes, injuriosi atque adeo vani liberi novarum rerum usque ad cantilenas publicas sapientes, versificatores epigrammaticarii, mathematici, haruspices, medici. Flav. Vopiscus, ed. Peter II. p. 208. с. 7.

сказалъ кондуктъ:—и запастись палками изъ чернаго дерева: онѣ держатся сто лѣтъ!

— Во всякомъ случаѣ дольше, чѣмъ кости людей, со смѣхомъ сказалъ главный пастухъ рогатаго скота, который пришелъ въ городъ изъ сельскаго имѣнія Паавера съ жертвенною скотиною, масломъ и сыромъ.—Если бы мы вздумали подражать нашему господину какъ слѣдуетъ, то вся наша дворня скоро состояла бы только изъ хромыхъ и калѣкъ.

— Вотъ тамъ лежитъ паренъ, которому онъ раздробилъ вчера ключицу, сказалъ домоправитель.—Жаль его: онъ такъ искусно плелъ цыновки. Старый господинъ билъ не такъ больно.

— Тебѣ это должно быть извѣстно! вскричалъ тоненькій голосокъ, раздавшійся позади собесѣдниковъ.

Они оглянулись и засмѣялись, узнавъ страннаго гостя, который незамѣтно приблизился къ нимъ.

Это былъ старый человѣчекъ, ростомъ съ пятилѣтняго ребенка, съ большою головою и старыми, но рѣзко обозначенными чертами лица.

Большинство знатныхъ египтянъ держали карликовъ для забавы, и маленькій человѣчекъ служилъ у жены Мены. Его звали Нему, т. е. карликомъ, и боялись его по причинѣ его злого языка, однако же любили его общество, такъ какъ онъ слылъ за умнаго и былъ хорошимъ развазчикомъ.

— Дайте мнѣ мѣстечко, господа, сказалъ карликъ:—вѣдь, я занимаю мало мѣста, и вашему жаркому съ моей стороны не грозитъ большая опасность, потому что мой желудокъ не больше головы мухи.

— Добро пожаловать, отвѣчалъ домоправитель.—Что ты принесъ намъ?

— Себя самого.

— Ну, такъ не много же!

— Впрочемъ, я и не подошелъ бы къ вамъ, отвѣчалъ карликъ.— Но моя госпожа, благородная Катутти, и намѣстникъ, только-что посѣтившій насъ, послали меня спросить, не вернулся ли Пааверь. Онъ сопровождалъ царевну и Нефертъ въ городъ мертвыхъ, но онѣ еще не возвратились. Мы начинаемъ беспокоиться: вѣдь, теперь уже позднее время.

Домоправитель взглянулъ на звѣздное небо и сказалъ:

— Луна уже высоко, а господинъ хотѣлъ вернуться до захода солнца.

— Обѣдъ былъ уже готовъ, замѣтилъ поваръ со вздохомъ:— мнѣ придется еще разъ приняться за работу, если господинъ не пропадетъ на всю ночь.

— Развѣ это возможно? воскликнулъ домоправитель: — вѣдь, онъ сопровождаетъ царевну Вентъ-Анатъ.

И мою молодую госпожу, прибавилъ карликъ.

— Что они только рассказываютъ! со смѣхомъ замѣтилъ садовникъ.—Вашъ старшій носитель паланкина говорилъ, что они вчера по дорогѣ въ городъ мертвыхъ не перемолвились ни однимъ словомъ.

— Развѣ можно упрекать нашего господина за то, что онъ сердится на женщину, которая, будучи сговорена съ нимъ, вышла замужъ за другого? Когда я только вспомню тотъ часъ, въ который онъ узналъ объ измѣнѣ Неферть, то меня бросаетъ то въ жаръ, то въ холодъ.

— По крайней мѣрѣ, позаботься о томъ, шутилъ карликъ: — чтобы тебѣ зимою было жарко, а лѣтомъ—холодно.

— Паакеръ никогда не забываетъ оскорбленія, вскричалъ конокъ:—и мы еще дождемся того, что онъ отплатитъ Менѣ за обиду, какъ бы ни высоко стоялъ возница царя.

— Моя госпожа Катутъ, прервалъ Нему конокъ:—уже давно желаетъ снова вступить въ дружбу съ вашимъ домою, да и намѣстникъ поговариваетъ о мирѣ. Дай мнѣ кусокъ жаркого, домоправитель: я голоденъ.

— Да, вѣдь, ты только-что сказалъ, вскричалъ поваръ:—что твой желудокъ не больше головы мухи!—А теперь ты глотаешь мясо, точно крокодилъ въ священномъ прудѣ поморья ¹.

Должно быть, ты приходишь изъ такого міра, гдѣ все наоборотъ: гдѣ люди малы, какъ мухи, а мухи громадны, какъ древніе великаны.

— На, вотъ, возьми, обжора, только распусти свой поясъ, засмѣялся домоправитель.—Этотъ кусочекъ я отложилъ для себя, и я удивляюсь твоему тонкому носу.

— Что касается носовъ, сказалъ карликъ: — то они знатно лучше гороскопа показываютъ характеръ человѣка.

— Ну, такъ выкладывай свою мудрость! потому что, когда ты заговоришь, то перестанешь ѣсть, сказалъ домоправитель со смѣхомъ.

— Одно не мѣшаетъ другому, возразилъ карликъ.—Слушайте же! Загнутый носъ, подобный клюву коршуна, никогда не соединяется съ покорнымъ характеромъ. Вспомните о Фараонѣ и о всемъ его родѣ. Намѣстникъ же, напротивъ того, имѣетъ прямой, красивый, средній носъ, какъ статуи Амона въ храмѣ;

¹ Нынешній Файумъ, гдѣ у храма Бога Себека, въ Крокодилополисѣ, откармливались священныя крокодилы.

потому онъ прямодушенъ и божественно-добръ. Онъ не заносчивъ и не уступчивъ, а именно таковъ, какъ слѣдуетъ быть. Онъ не якшается ни со знатью, ни съ чернью, а съ людьми нашего покроя. Вотъ бы ему быть нашимъ царемъ!

— Царь носовъ! вскричалъ поварь.—Я предпочитаю орла—Рамзеса. Но чтѣ ты скажешь о носѣ своей госпожи Нефертъ?

— Онъ нѣженъ и изященъ, и каждая мысль приводитъ его въ движеніе, какъ дыханіе вѣтра листки цвѣтка; сердце ея устроено точно такимъ же образомъ.

— А Пааверь? спросилъ конюхъ.

— Онъ имѣлъ большой, тупой носъ, съ круглыми, широко открытыми ноздрами. Когда Сеть вздымаетъ вихремъ песокъ и ему попадетъ туда пылинка, то она щекочетъ его и онъ приходитъ въ бѣшенство; такимъ образомъ, носъ Паавера былъ виновать въ вашихъ синякахъ. У его матери Сетхемъ, сестры моей госпожи Катуты, носикъ маленький, кругленькій, маленькій...

— Ахъ, ты уродецъ! воскликнулъ, перебивая его, домоправитель.—Мы накормили тебя и позволили тебѣ чесать языкъ къ волю; но, если ты осмѣлишься коснуться нашей госпожи, то я швырну тебя такъ высоко, что къ твоей горбатой спинѣ пристанутъ звѣзды.

Карликъ всталъ, отошелъ въ сторону и спокойно проговорилъ:

— Я снялъ бы ихъ со спины и подарилъ бы тебѣ самую лучшую планету, въ благодарность за твое сочное жаркое. Но вотъ ѣдутъ колесницы. Прощайте, господа. И, если клювъ какого-нибудь коршуна схватитъ васъ и потащитъ на войну, тогда вспомните маленькаго Нему, знатока людей и носовъ.

Колесница вожатаго съ громомъ въѣхала на дворъ. Собаки въ своихъ конурахъ подняли радостный лай; конюхъ послѣшилъ на встрѣчу Паавера и принялъ отъ него возжи; домоправитель пошелъ за нимъ, а главный поварь бросился въ кухню—готовить новый обѣдъ.

Прежде, чѣмъ Пааверь дошелъ до воротъ, которыя вели въ садъ, со стороны пилоновъ громаднаго храма Амона послышался далеко раздававшійся звукъ мѣднаго щита, а затѣмъ многоголосое пѣніе торжественнаго гимна.

Могаръ остановился, взглянулъ на небо, сказалъ своимъ слугамъ: «вотъ взошла священная свѣзда Сот!» и упалъ на колѣна и съ молитвою поднималъ руки къ созвѣздію. Рабы и слуги тотчасъ послѣдовали его примѣру.

Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, господинъ и слуги молча стоя-

ли на колѣняхъ, прислушиваясь къ пѣнію жрецовъ. Когда послѣдніе замолчали, Паакеръ всталъ. Всѣ вокругъ него оставались еще на колѣняхъ, и только вблизи помѣщенной рабовъ стояла, ярко освѣщенная луной, фигура, неподвижно прислонясь къ столбу.

Вожатый подавъ знакъ; слуги поднялись, а самъ господинъ быстрыми шагами направился къ тому, кто не исполнилъ религиознаго обряда, и вскричалъ:

— Домоправитель! сто ударовъ по пятамъ этому негодяю.

Тотъ, къ кому относились эти слова, поклонился и сказалъ:

— Господинъ мой, врачъ приказалъ цыновнику не шевелиться, и онъ не въ состояніи пошевелить рукою. Онъ сильно страдаетъ: ты вчера перебилъ ему ключицу.

— Подѣломъ ему, сказалъ Паакеръ, нарочно такъ громко, чтобы раненый могъ его слышать. Затѣмъ, онъ вошелъ въ садъ и, позвавъ погребщика, приказалъ ему дать всѣмъ слугамъ пива на ночь.

Черезъ нѣсколько минутъ, Паакеръ уже стоялъ передъ своею матерью, которую нашелъ на украшенной растеніями крышѣ ея дома. Онъ почтительно привѣтствовалъ ее.

— Я хочу сообщить тебѣ кое-что важное, сказалъ онъ.

— Чтò такое? спросила Сетхемъ.

— Я сегодня въ первый разъ говорилъ съ Нефертъ; все случившееся можетъ быть забыто. Хочется тебѣ повидаться съ сестрою? Можешь отправиться къ ней.

Сетхемъ взглянула на сына съ нескрываемымъ удивленіемъ. Ея глаза, легко наполнявшіеся слезами, увлажнились и она спросила, запинаясь:

— Вѣрить ли мнѣ ушамъ своимъ? неужели ты...

— Я желаю, сказалъ Паакеръ:—чтобы ты снова вступила въ душевную дружбу съ сестрою; отчужденіе между вами было уже достаточно продолжительно.

— Даже слишкомъ! воскликнула Сетхемъ.

Вожатый молча смотрѣлъ въ землю и, по просьбѣ своей матери, наконецъ, сѣлъ воелъ нея.

— Я, вѣдь, знала, сказала она:— что этотъ день принесетъ намъ радость. Я въ эту ночь видѣла во снѣ твоего покойнаго отца, и, когда я велѣла снести себя въ храмъ, то мнѣ на встрѣчу попались: сперва бѣлая корова, а потомъ — свадебное шествіе. Священный овецъ Амона прикоснулся къ пшеничному пирогу, который я подала ему ¹.

¹ Германнику предсказали смерть, когда Аписъ не хотѣлъ принять пицу изъ его рукъ.

— Это—счастливое предзнаменованіе, серьёзно и тономъ убѣденія сказалъ Паакеръ.

— Поспѣшимъ же съ благодарностью воспользоваться тѣмъ, что обѣщаютъ намъ боги. Я завтра же отправлюсь къ сестрѣ и скажу ей, что мы, попрежнему, станемъ жить въ согласіи и будемъ дѣлить другъ съ другомъ радость и горе. Что было, то прошло и пусть будетъ забыто. Вѣдь, кромѣ Неферть, есть много женщинъ въ Оивахъ и каждое знатное семейство сочло бы за счастье называть тебя своимъ зятемъ.

Паакеръ поднялся съ своего мѣста и началъ задумчиво ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, между тѣмъ какъ Сеткемъ продолжала:

— Я знаю, что прикоснулась къ тяжелой ранѣ твоего сердца. Но она, вѣдь, наполовину зажила и заживетъ совсѣмъ, когда ты сдѣлаешься счастливейшею возницы Мены и перестанешь ненавидѣть его. Неферть добра, но она слишкомъ нѣжна и не годится для веденія такого обширнаго хозяйства, какъ наше. Скоро и меня обовьютъ пеленами муми, и, когда служба заставитъ тебя отправиться въ Сирію, то мѣсто мое должна будетъ занять распорядительная хозяйка. Какъ часто я молилась гаторамъ, чтобы онѣ послали тебѣ жену по моему желанію!

— Другой Сеткемъ я не найду, сказалъ Паакеръ, цѣлуя мать въ лобъ, такъ какъ подобныя тебѣ женщины вымираютъ.

— Лстыецъ! съ улыбкою сказала Сеткемъ, погрозишь пальцемъ сыну.—Но это совершенно справедливо. Подростающее нинѣ поколѣніе наряжается въ финикійскія ткани, приправляетъ свой рѣчь сирійскими словами и позволяетъ домоправителямъ и домоправительницамъ распорядяться тамъ, гдѣ нуженъ собственный глазъ. Вотъ и моя сестра Катутти съ Неферть...

— Неферть непохожа на другихъ женщинъ, прервалъ Паакеръ свою мать: — и еслибы воспитывала ее ты, то она служила бы не только быть украшеніемъ дома, но и управлять имъ.

Сеткемъ съ удивленіемъ взглянула на сына, потомъ сказала, какъ бы про себя:

— Да, Неферть—милое дитя, и на нее нельзя сердиться. А между тѣмъ, я сердилась на нее, потому, что она возбудила твой гнѣвъ. Но, такъ какъ ты теперь простилъ ей, то и я прощаю какъ ее, такъ и ея мужа.

Лобъ Паакера омрачился, и, остановившись передъ своею матерью, онъ, со всею жесткостью, свойственною его голосу, сказалъ:

— Пусть онъ истомится въ пустынѣ, пусть гѣзны сѣверныхъ странъ разстерзаютъ его непогребенный трупъ!

— Какъ ты бываешь ужасенъ! тихо сказала Сеткемъ. — Я знаю, что ты ненавидишь Мена; я очень хорошо замѣтила семь стрѣлъ надъ твоею кроватью, на которыхъ написано: «Смерть Менѣ!» Это сирійское заклинаніе должно погубить того, противъ котораго оно направлено. Какъ мраченъ твой взглядъ! Да, это заклинаніе, ненавистное богамъ, даетъ злему духу власть надъ тѣмъ, кто прибѣгаетъ къ нему. Какъ я, такъ и твой отецъ, учили тебя чтить боговъ. Предоставь имъ наказать виновнаго; Озверись лишаетъ своей милости тѣхъ, которые избираютъ злого духа своимъ сообщникомъ.

— Приносимыя мною жертвы обезпечиваютъ мнѣ милость боговъ, а Мена поступилъ со мною, какъ разбойникъ, и я предаю его злему духу, которому онъ принадлежитъ. Довольно объ этомъ. Если ты меня любишь, то никогда не произноси при мнѣ имени моего врага. Я простилъ Неферть и ея мать, и пусть этого будетъ для тебя достаточно.

Сеткемъ покачала головой и воскликнула:

— Къ чему же это поведетъ? Война не можетъ продолжаться вѣчно, и, когда Мена вернется, то это примиреніе превратится въ еще сильнѣйшую вражду. Я вижу только одинъ исходъ: послушайся моего совѣта и позволь мнѣ выбрать тебѣ достойную жену.

— Только не теперь, нетерпѣливо сказалъ Паакеръ: — черезъ нѣсколько дней я отправляюсь въ неприятельскую землю, и я не хочу, подобно Менѣ, обречь свою жену на жизнь вдовы. Къ чему слѣшать? Жена моего брата находится при тебѣ: довольствуйся этимъ.

— Боги видятъ, какъ я люблю ихъ; но Горусъ — младшій, а ты — старшій братъ, и тебѣ принадлежитъ наслѣдственное имѣніе. Твоя маленькая племянница для меня — прелестная игрушка, а твоего сына я воспитала бы, какъ будущаго главу семейства, въ духѣ моемъ и твоего отца. Для меня священно все, чего онъ желалъ. Онъ радовался твоей ранней помолвкѣ съ Неферть и надѣялся, что сынъ его старшаго сына будетъ продолжать родъ Ассы.

— Я не виноватъ, если его желаніе останется неисполненнымъ. Но звѣзды поднялись уже высоко; усни хорошенько, матушка, а когда ты посѣдишь завтра твою сестру, то скажи ей, что двери моего дома открыты для нея и для Неферть. Домоправитель Катутти предложилъ нашему стадо скота, для покупки, хотя скотоводство въ имѣніи Мены, говорить, не обширно. Чтѣ это значить?

— Ты знаешь мою сестру, отвѣчала Сеткемъ: — она управ-

лаетъ имѣніемъ Мену, имѣетъ большія потребности, старается превзойти блескомъ вельможь; въ ея домѣ часто бываетъ имѣстникъ, ея сынъ, говорятъ, расточителенъ, а потому иногда они нуждаются въ самомъ необходимомъ.

Паакеръ пожалъ плечами, еще разъ поцѣловалъ мать и удалился.

Вслѣдъ затѣмъ онъ стоялъ въ обширной комнатѣ, гдѣ онъ жилъ и спалъ, когда находился въ Фивахъ. Стѣны ея были выбѣлены и украшены изреченіями, написанными гіероглифами, которыя окаймляли двери и окна, обращенныя къ саду.

Посреди задней стѣны стояла кровать въ образѣ льва. Изголовье представляло собою подобіе головы, а конецъ — загнутый хвостъ этого звѣря. Постель была покрыта выдѣланною львиною шкурою, и испещренная благочестивыми изреченіями головная подпора, изъ чернаго дерева, стояла въ готовности на высокой скамейкѣ для ногъ, имѣвшей форму лѣсенки.

Надъ постелью, въ изысканномъ порядкѣ, висѣли хлысты и драгоценное оружіе разныхъ родовъ, въ томъ числѣ семь стрѣлъ, на которыхъ Сетхемъ прочла слова: «Смерть Менѣ». Они пересѣкали буквы текста, повелѣвавшаго кормить алчущихъ, поить жаждущихъ, одѣвать нагихъ¹ и бить вротенныя относительно всѣхъ, и большихъ, и малыхъ.

Углубленіе со стороны изголовья постели было прикрыто занавѣской изъ пурпурной матеріи. Во всѣхъ углахъ комнаты стояли статуи. Три изъ нихъ изображали египетскую троицу: Амона, Мутъ и Хунсу, а четвертая—умершаго отца вожагаго. Передъ каждою возвышался небольшой алтарь съ углубленіями, въ которыя наливались благовонныя эссенціи. На деревянномъ поставцѣ помѣщались маленькія статуэтки боговъ и множество амулетовъ; въ многочисленныхъ ящичкахъ лежали платье, украшенія и бумаги вожагаго. Среди комнаты стоялъ столъ съ нѣсколькими стульями, въ видѣ табуретовъ.

Войдя въ эту комнату, Паакеръ нашелъ ее освѣщенной, и ему на встрѣчу радостно бросилась большая собака. Онъ позволилъ ей высоко прыгнуть къ нему на грудь, оттолкнуть ее, по-

¹ Часто повторяющаяся заповѣдь изъ священныхъ писаній, которая встрѣчается уже на памятникахъ болѣе древняго Египта, напр., при Бени Гассалѣ (XII династія).

томъ снова позволилъ ей побезпокоить его и поцѣловалъ ея умную голову.

Передъ его постелью лежалъ, въ глубокомъ снѣ, старый негръ, сильнаго тѣлосложенія. Пааверъ толкнулъ его ногою и крикнулъ проснушемуся рабу:

— Я голоденъ.

Черный невольникъ медленно всталъ и вышелъ изъ комнаты.

Какъ только Пааверъ остался одинъ, онъ вынулъ изъ своего пояса флакончикъ съ любовнымъ напиткомъ, съ нѣжностью посмотрѣлъ на него и поставилъ его въ ящикъ, гдѣ помѣщалось много бутылокъ со священными жертвенными маслами.

Онъ привыкъ каждый вечеръ вновь наполнять углубленія алтарей эссенціями и повергаться въ молитвъ передъ изображеніями боговъ.

Теперь онъ остановился только передъ статуею своего отца, поцѣловалъ ея ноги и пробормоталъ: — Твоя воля да будетъ исполнена. Пусть женщина, которую ты назначалъ для меня, принадлежитъ твоему старшему сыну!»

Затѣмъ онъ началъ ходить взадъ и впередъ, думая о случившемся въ этотъ день.

Наконецъ, скрестивъ руки, онъ, остановился передъ изображеніями боговъ и глядѣлъ на нихъ съ сердитымъ видомъ путника, который прогоняетъ дурнаго проводника, думая самъ найти дорогу.

Его взглядъ упалъ на стрѣлы надъ постелью; онъ улыбнулся и, ударя кулакомъ въ свою широкую грудь, вскричалъ: я, я, я!..

Его собака, воображившая, что господинъ зоветъ ее, поспѣшила къ нему. Онъ оттолкнулъ ее прочь и сказалъ: — «Когда ты встрѣчаешься съ гнѣной въ пустынѣ, то бросаешься на нее, не дожидаясь того, чтобы ее поразилъ ударъ моего копья. А, такъ какъ боги, мои властители, медлятъ, то я самъ позабочусь о своихъ правахъ. А ты, продолжалъ онъ, обращаясь къ статуѣ своего отца: — будешь моимъ помощникомъ!»

Этотъ монологъ былъ прерванъ рабами, которые принесли ему ужинъ.

Пааверъ взглянулъ на разныя кушанья, приготовленныя для него поваромъ, и сказалъ:

— Сколько разъ еще я долженъ приказывать, чтобы для меня не готовляли много блюдъ, а только одно побольше и посытнѣе? А вино?

— Ты обыкновенно не дотрогиваешься до него, отвѣчалъ старый негръ.

— Но мнѣ сегодня хочется пить, вскричалъ вожатый: — при-

неси одинъ изъ старыхъ кувшиновъ съ краснымъ каземскимъ виномъ¹.

Рабы съ удивленіемъ посмотрѣли другъ на друга; вино было принесено и Паакеръ осушалъ кубокъ за кубкомъ. Когда слуги оставили его, главный изъ нихъ сказалъ:

— Въ другое время господинъ жретъ, какъ левъ, и пьетъ, какъ муха, а сегодня...

— Придержи свой языкъ! вскричалъ его спутникъ—и пойдешь на дворъ, потому что Паакеръ приказалъ угостить насъ пивомъ сегодня.

Событія этого дня должны были глубоко подѣйствовать на внутреннюю жизнь Паакера, если онъ, трезвѣйшій изъ воиновъ Ракзеса, не знавшій опьяненія и избѣгавшій участія въ пирахъ своихъ товарищей, теперь въ полуночный часъ сидѣлъ одинъ за столомъ и пилъ до тѣхъ поръ, пока его усталая голова не отяжелѣла.

Тогда онъ вскочилъ, пошелъ къ своему ложу и открылъ занавѣску, прикрывавшую углубленіе у изголовья постели. Тамъ стояла статуя женщины съ головными украшениями и атрибутами богини Гаторъ, изваянная изъ пестро-росписаннаго известкового камня. Ея лицо имѣло черты жены Мены. За четыре года передъ тѣмъ, царь приказалъ одному скульптору изобразить богиню съ милостивыми чертами жены своего только-что женившагося возницы, и Паакеру удалось приобрести съ этой статуи копію.

Онъ сталъ у своей постели на колѣни и влажными глазами глядѣлъ на статую. Осмотрѣвшись кругомъ, чтобы убѣдиться, что онъ—одинъ, Паакеръ наклонился, напечатлѣлъ поцѣлуй на холодныхъ каменныхъ губахъ дорогого изображенія, легъ и заснулъ, не раздѣваясь и не приказавъ даже погасить лампу въ своей комнатѣ.

Безпокойныя грѣзы тревожили его во снѣ, и на разсвѣтѣ, испуганный какимъ-то страшнымъ сновидѣніемъ, онъ вскрикнулъ такъ жалобно, что старый негръ, спавшій у его постели, возлѣ собаки, въ испугѣ вскочилъ и позвалъ его по имени, чтобы разбудить его, между тѣмъ какъ собака громко взвизгнула.

Паакеръ проснулся съ тупою болью въ головѣ. Пригревшее ему и испугавшее его видѣніе живо представилось его уму, и онъ желалъ бы его удержать, чтобы какой-нибудь гороскопъ объяснилъ ему значеніе этого сна. Послѣ пылкихъ мечтаній прошлаго вечера, онъ чувствовалъ теперь безпокойство и уныніе.

¹ Каземъ—мѣстность недалеко отъ Саккарахской пирамиды въ некрополѣ Мемфиса, гдѣ въ древности, должно быть, процвѣтало винодѣліе, потому что красное вино изъ Казема (Кохома?) часто упоминается.

Предостерегательный голосъ утреннихъ молитвъ донесся изъ храма Амона въ его комнату; онъ бросилъ грѣховныя мысли и снова рѣшился предоставить управленіе своему судьбою богамъ, отказавшись отъ помощи магіи.

Согласно своему обычаю, онъ сѣлъ въ приготовленную для него ванну. Между тѣмъ какъ тепловатая вода струилась вокругъ него, онъ все съ болѣе и болѣе воспламенявшимся чувствомъ думалъ о Неферть и о волшебномъ напитокѣ, который онъ поднесъ ей и который теперь, можетъ быть, произвелъ уже свое дѣйствіе. Съ восходомъ солнца его энергія окрѣпла: онъ ободрился, и къ нему возвратилась его обычная самоувѣренность. И когда онъ, облеченный въ драгоценныя одежды, собирался выйти изъ дому, въ немъ уже снова преобладало настроеніе вчерашняго вечера, и онъ рѣшился, хотя бы вопреки волѣ боговъ, достигнуть своей цѣли.

Могаръ избралъ свой путь, и было не въ его обычаѣ уклоняться отъ разъ избраннаго имъ направленія.

IX.

Солнце стояло уже на полуденной высотѣ. Его лучи не проливали въ узкія и тѣнистыя улицы города Фивъ, но обдавали зноемъ широкій путь по плотинѣ, который велъ къ царскому дворцу, обыкновенно пустынный въ это время. Въ описываемый день на немъ тѣснились пѣшеходы, колесницы, всадники и носилки. Тамъ и сямъ нагіе негры поливали дорогу изъ кожаныхъ трубъ. Но пыль была такъ глубока, что, на подобіе сухого тумана, окутывала улицу и путниковъ, явившихся съ гавани, къ которой приставали лодки жителей Некрополя.

Столица Фараоновъ находилась въ величайшемъ возбужденіи, потому что на крыльяхъ молвы распространилась вѣсть, вызвавшая и въ хижинахъ бѣднѣево, и въ дворцахъ вельможъ одинаковыя опасенія и надежды.

Раннимъ утромъ, передъ дворцомъ намѣстника сошли со своихъ коней три гонца изъ царскаго лагеря, нагруженные мѣшками съ письмами¹. Подобно тому, какъ послѣ продолжительной засухи поселяне смотрятъ на собирающуюся надъ ихъ го-

¹ Египтяне любили писать много писемъ, изъ которыхъ значительное число дошло до насъ. Въ ихъ языкѣ существовало даже особое сословіе писмоносецевъ. Прекрасный трактатъ относительно писемъ египтянъ находится у Масперо, въ его сочиненіи: «Du genre épistolaire chez les anciens Egyptiens de l'époque pharaonique».

ловами грозовую тучу, которая может излиться освѣжительнымъ дождемъ, но вмѣстѣ угрожаетъ молніею и градомъ, граждане съ надеждою и опасеніемъ ожидали извѣстій, которыя, рѣдко и въ неправильные промежутки, доходили съ театра войны. Въ исполненскомъ городѣ не было ни одного дома, изъ котораго не отправился бы отецъ, сынъ или другой кровный родственникъ въ царское войско, сражавшееся на дальнемъ съверовостоки.

Гонцы изъ лагеря были чаще вѣстниками слѣзъ, чѣмъ радости. Папирусные свитки повѣствовали чаще о смерти и ранахъ, чѣмъ о наградахъ за военные подвиги, царскихъ подаркахъ и приобрѣтенной добычѣ. Но, все-таки, ихъ ждали съ горячимъ нетерпѣніемъ и встрѣчали съ восторгомъ. Большіе и малые спѣшки ко дворцу намѣстника и густою толпою окружали гонцовъ, раздававшихъ присланныя письма, и читали назначенныя для публики извѣстія и списки убитыхъ и раненыхъ.

Намѣстникъ Ани проживалъ въ боковой пристройкѣ царскаго дворца; его официальные комнаты окружали необозримо-широкій дворъ и состояли изъ большого числа выходящихъ на него дверями залъ, гдѣ работали писцы со своими начальниками и позади которыхъ возвышалась большая, поддерживаемая колоннами и открытая спереди зала въ видѣ веранды.

Здѣсь Ани обыкновенно творилъ судъ и принималъ должностныхъ лицъ, гонцовъ и пресвителей. Здѣсь онъ сидѣлъ и теперь, на дорогомъ тронѣ, на виду у всѣхъ присутствовавшихъ, окруженный многочисленною свитой, и окидывалъ взглядами толпу народа, которую полицейскіе, вооруженные длинными палками, по частямъ допускали во дворъ «Высокихъ Воротъ» и снова выводили оттуда.

Ничего утѣшительнаго не было въ томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ. Изъ каждой группы, окружавшей писца, раздавались горестные вопли. Люди, имѣвшіе рассказать о богатой, выигранной на долю ихъ родственниковъ добычѣ, стояли отдѣльно.

Большинство пришедшихъ сюда людей, казалось, соединила одна невримая сѣть, сплетенная изъ слѣзъ и сѣтованій. Здѣсь выражали свое горе мужчины, посыпая свое чело пылью, тамъ — женщины разрывали свои одежды и, размахивая своими покрывалами, вопили: «о, мой мужъ! о, мой отецъ! о, мой братъ!» Родители, получившіе извѣстіе о смерти своего сына, съ плачемъ падали въ объятія другъ друга; старики рвали волосы на головѣ и бородѣ. Молодыя женщины ударяли себя въ лобъ и грудь или навкидывались на читавшихъ писцовъ, чтобы самимъ

прочестъ имя любимаго, навсегда утраченнаго для нихъ человека.

Тамъ, гдѣ раздавались самыя громкіе вопли, отъ одной группы къ другой перебѣгалъ рабъ старой Катуты, карликъ Нему. Вотъ онъ стоитъ возлѣ женщины высшаго сословія, обливаемой слезами: мужъ ея убитъ въ послѣднемъ сраженіи.

— Ты умѣешь читать? спросилъ онъ.—Вонъ тамъ вверху на архитравѣ красуется имя Рамвеса, со всѣми его титулами. Онъ именуется «рабадателемъ жизни». Да, онъ умѣетъ создавать новое, т. е., новыхъ вдовъ, мужей которыхъ онъ посылаетъ на избіеніе.

Прежде, чѣмъ удивленная женщина успѣла отвѣтить ему, онъ уже стоялъ возлѣ погруженнаго въ горе человека и говорилъ ему:

— Во всѣхъ Оивахъ не было юношей болѣе цвѣтущихъ, чѣмъ твои убитые сныошья. Умори своего младшаго сына голодомъ или сдѣлай его калѣвой; иначе они погонять его въ Сирію: Рамвесу нужно много здороваго египетскаго мяса для сирійскихъ коршуновъ.

Старикъ, до сихъ поръ стоявшій съ видомъ безмолвной покорности, сжалъ кулаки, а карликъ сказалъ, указывая на намѣстника:

— Вотъ если бы скипетръ находился въ рукахъ у него, то было бы меньше сиротъ и нищихъ на берегахъ Нила. Священная вода его покажѣтъ остается прѣсною, но скоро она сдѣлается соленою, какъ въ Сѣверномъ Морѣ, отъ всѣхъ слезъ, проливаемыхъ на его берегахъ.

Казалось, намѣстникъ услышалъ эти слова. Онъ всталъ со своего трона и поднялъ руки вверхъ, съ видомъ сокрушенія.

Многіе изъ присутствовавшихъ замѣтили это движеніе, и громкіе вопли наполнили обширный дворъ, который вскорѣ былъ очищенъ солдатами и занятъ новыми толпами.

Ани имѣлъ около пятидесяти лѣтъ отъ роду и былъ двоюроднымъ братомъ царя. Рамвесь I, дѣдъ царствовавшаго теперь Фараона, низвергнувъ съ престола законную царскую линію и насильственнымъ образомъ овладѣлъ скипетромъ. Онъ происходилъ изъ одной семитической фамиліи, которая, по изгнаніи гисосовъ¹, осталась въ Египтѣ и, въ царствованіе Тутмеса и

¹ Пришедшіе съ востока племена, которыя, во время одного изъ азіатскихъ переселеній народовъ, вторгнувшись въ Египетъ, овладѣли нижнею нильскою долиною и владѣли ею около 500 лѣтъ, пока, послѣ продолжительной борьбы, не были изгнаны потомками древней законной династіи Фараоновъ, владѣніе которыхъ, до тѣхъ поръ ограничивалось Верхнимъ Египтомъ.

Аменофиса, ознаменовала себя военными подвигами. По его смерти, ему наследовалъ сынъ его Сети, который, стараясь узаконить свое право на тронъ, женился на племянницѣ Аменофиса III Туаа. Отъ нея онъ имѣлъ единственнаго сына, котораго называлъ Рамзесомъ, по имени своего отца. По своей матери, происходившей изъ законнаго царскаго дома, этотъ государь могъ заявить притязаніе на полную законность своего вступленія на престолъ, такъ какъ въ Египтѣ благородныя фамиліи, не исключая фамиліи Фараоновъ, могли продолжать свой родъ по женской линіи.

Сети назначилъ Рамзеса своимъ соправителемъ¹, чтобы такимъ образомъ устранить всякое сомнѣніе въ легальности своего положенія. Молодого племянника своей жены Туаа, нынѣшняго намѣстника Ани, который нѣсколькими годами былъ моложе Рамзеса, онъ отдалъ на воспитаніе въ «Домъ Сети» и обращался съ нимъ какъ съ роднымъ сыномъ, между тѣмъ какъ другіе члены невзвергнутой династіи были лишены своихъ привилегій или устранены.

Ани выказалъ себя вѣрнымъ слугою какъ Сети, такъ и его сына. Воинственный и великодушный Рамзесъ вѣрилъ ему, какъ родному брату, хотя сознавалъ, что въ жилахъ его родственника течетъ болѣе чистая царская кровь, чѣмъ въ его собственныхъ.

Египетскій домъ Фараоновъ считался происходящимъ отъ бога солнца Ра, и царствующій Фараонъ принадлежалъ къ нему только по матери, между тѣмъ, какъ Ани—по обоимъ своимъ родителямъ. Но Рамзесъ твердо держалъ скипетръ въ рукахъ, и тринадцать юныхъ сыновей на вѣчныя времена обезпечивали за его домомъ владычество надъ Египтомъ. Когда, по смерти своего воинственнаго отца, онъ отправился на сѣверъ, для новыхъ военныхъ подвиговъ, онъ назначилъ Ани, бывшаго правителемъ Эіюпіи, начальникомъ царства.

Ани, повидимому, лишенный честолюбія и духа предприимчивости, принялъ предложенную ему должность съ крайнею неохотою и казался неопаснымъ, въ особенности потому, что, потерявъ жену и ребенка, не имѣлъ потомковъ.

Это былъ человекъ болѣе, чѣмъ средняго роста, съ необыч-

¹ При самомъ его рожденіи. Въ одной, найденной въ Абидосѣ надписи, которую издавалъ Марьеттъ и въ первый разъ истолковалъ Масперо, Рамзесъ хвалится, что онъ былъ царемъ «уже въ зародкѣхъ». Греки называли его Сезострисомъ. Его прозвище Сезесу-Ра сохранилось на намотникахъ. Когда греческіе писатели говорятъ о дѣдѣ Сезостриса, они подразумеваютъ то, что совершилъ Сети вмѣстѣ съ Рамзесомъ.

новенно правильными, изящными, но мало подвижными чертами. Его свѣтлосѣрые глаза и тонкія губы не выдавали никакихъ движеній сердца. Онъ усвоилъ своему лицу кроткую улыбку, которая могла увеличиваться, уменьшаться или принимать извѣстный оттѣнокъ, но никогда не исчезала съ его лица вполне.

Съ человѣколюбивою ласкою онъ выслушалъ жалобу одного землевладѣльца, котораго скотъ угнали для продовольствія войскъ, и увѣрилъ, что его дѣло будетъ рассмотрѣно. Ограбленный удалился съ надеждою въ душѣ. Но, когда сидѣвшій у ногъ Ани писецъ спросилъ, кому поручить рассмотрѣніе упомянутого произвола властей, Ани отвѣчалъ:

— Каждый долженъ принести какую-нибудь жертву для войны; пусть это дѣло останется по прежнему.

Правитель Суана въ южной части государства требовалъ средствъ для производства новыхъ необходимыхъ береговыхъ сооружений. Намѣстникъ ласково и съ видомъ волненія выслушалъ его живой разговоръ, но увѣрялъ его, что война поглощаетъ всѣ средства государства, что казна пуста, но что онъ согласенъ пожертвовать частью своихъ собственныхъ доходовъ для огражденія своей вѣрной провинціи Суана отъ угрожающей ея полямъ опасности.

Какъ только правитель распростился съ нимъ, Ани тотчасъ приказалъ взять изъ государственнаго казначейства значительную сумму и послать ее вслѣдъ за просителемъ. Среди разговора, онъ часто вставалъ со своего мѣста и принималъ видъ человѣка, сокрушаемаго скорбью, чтобы показать собравшимся на дворѣ людямъ, что онъ принимаетъ участіе въ ихъ утратахъ.

Солнце уже перешло за полдень, когда въ толпѣ, собравшейся вокругъ писцовъ, обнаружилось безпокойство, сопровождаемое громкими заявленіями. Множество женщинъ и мужчинъ толпилось въ одномъ мѣстѣ, и даже самые неповоротливые изъ евьянъ обратили свое вниманіе на необычайное происшествіе. Одинъ отрядъ стражи разгонялъ кричавшую толпу, а другой отрядъ ливійскихъ полиціантовъ уводилъ одного арестованнаго, но направленію къ боковымъ воротамъ двора. Но прежде, чѣмъ они дошли туда, явился посланный отъ намѣстника, требуя объясненія случившагося. Старшій изъ полицейскихъ чиновъ слѣдовалъ за нимъ и съ величайшимъ волненіемъ объяснилъ ожидавшему его Ани, что ничтожная дрянь, карликъ госпожи Катутти, таскался по двору уже нѣсколько часовъ, стараясь отравить сердца гражданъ мятежными рѣчами.

Ани приказалъ запереть этого ослѣпленнаго въ тюрьму, но,

вслѣдъ за уходомъ полицейскаго, велѣлъ своему писцу распорядиться, чтобы передъ вечеромъ карликъ былъ приведенъ къ нему.

Между тѣмъ какъ онъ отдавалъ это приказаніе, стѣсненіе толпою овладѣло волненіе другого рода.

Подобно тому, какъ море отступило направо и налево, чтобы ни одна волна не замочила ногъ преслѣдуемымъ израильтянамъ, столпившійся народъ, добровольно, какъ бы подчиняясь высшему внутреннему побужденію, раздвинулся и образовалъ широкую улицу, по которой, въ полномъ облаченіи и сопровождаемый нѣсколькими жрецами, шелъ главный жрецъ дома Сети, благословляя толпу.

Намѣстникъ пошелъ къ нему навстрѣчу, сдѣлалъ ему поклонъ и вслѣдъ затѣмъ удалился съ нимъ въ углубленіе залы.

— Итакъ, произошло дѣло немислимое, сказалъ Амени.— Нашихъ подвластныхъ требуютъ на войну.

— Рамзесъ нуждается въ воинахъ, чтобы побѣдить, возразилъ намѣстникъ.

— А мы нуждаемся въ хлѣбѣ, чтобы жить, вскричалъ жрецъ.

— Во всякомъ случаѣ, мнѣ повелѣно немедленно, слѣдовательно до жатвы, собрать храмовныхъ земледѣльцевъ. Я сожалею объ этомъ приказаніи, но, вѣдь, я—не богъ, какъ рука для исполненія воли царя.

— Рука, которую онъ употребляетъ на то, чтобы нарушать древнія тысячелѣтнія права и открыть пустыніи путь въ плодородную страну¹.

— Наши поля не надолго останутся безъ обработки. Рамзесъ, съ помощью боговъ и съ увеличеннымъ войскомъ одержитъ новыя побѣды.

— Съ помощью боговъ, которыхъ онъ оскорбляетъ!

— По заключеніи мира, онъ умилостивитъ боговъ сугубо щедрыми дарами и жертвами. Онъ увѣренъ въ быстромъ окончаніи войны и пишетъ мнѣ, что, послѣ первой одержанной имъ побѣды, онъ думаетъ предложить хетамъ союзъ. Поговариваютъ также о намѣреніи царя, по заключеніи мира, снова вступить въ бракъ съ дочерью царя хетовъ Хетазара.

До этихъ поръ, глаза намѣстника были опущены; теперь онъ поднималъ ихъ съ улыбкой, какъ бы желая насладиться радостью Амени при этомъ извѣстии и спросилъ.

¹ При хорошемъ управленіи, сказалъ Наполеонъ I.—Нилъ достигаетъ до пустыни, а при дурномъ пустыня доходитъ до Нила.

— Что скажешь ты объ этомъ плачѣ?

— Я скажу, отвѣчалъ Амени, и его обыкновенно серьезный голосъ приобрѣлъ отгвѣнокъ лукавства: — я скажу, что Рамзесъ, повидимому, считаетъ кровь твоей двоюродной сестры, а своей матери, дающую ему право на тронъ этой страны, невозмутимостю.

— Это—кровь бога солнца!

— Которая въ его жилахъ течетъ только на *половину*, а въ твоихъ *вполнѣ*.

Намѣстникъ сдѣлалъ отрицательно движеніе и сказалъ тихо и съ улыбкою, похожею на улыбку мертвеца:

— Мы—не одни.

— Здѣсь нѣтъ никого, кто могъ бы услышать; и то, что я говорю, известно каждому работнику, возразилъ Амени.

— Но если это дойдетъ до слуха царя, проинтервалъ намѣстникъ:—то...

— То онъ пойметъ, какъ неблагоуразумно умалать старинныя права тѣхъ, которые призваны исследовать чистоту крови властителя этой страны. Рамзесъ покамѣстъ сидитъ еще на тронѣ Ра; да процвѣтутъ его жизнь, благоденствіе и сила ¹.

Намѣстникъ преклонилъ голову и затѣмъ спросилъ:

— Думаешь ли ты немедленно исполнить приказаніе Фараона?

— Онъ—царь; нашъ совѣтъ, который соберется черезъ нѣсколько дней, долженъ рѣшить, *какимъ образомъ* исполнить это приказаніе, вовсе не касаясь вопроса о томъ, *слѣдуетъ-ли* исполнить его.

— Вы хотите замедлить отправленіе вашихъ подвластныхъ, а Рамзесу они нужны безотлагательно. Кровавая рука войны требуетъ новыхъ орудій.

— А міръ требуетъ, можетъ быть, новаго господина, истиннаго сына Ра, который сумѣетъ воспользоваться сынами этой страны для ея вѣщшаго блага.

Намѣстникъ стоялъ неподвижно, какъ статуя, и молча глядѣлъ на главнаго жреца; Амени же преклонилъ передъ нимъ свой скипетръ, какъ передъ божествомъ, и направился къ передней части зала.

Когда Ани послѣдовалъ за нимъ, то кроткая улыбка, какъ всегда, сіяла на его лицѣ, и онъ съ достоинствомъ опустился на тронъ.

¹ Формула, которая даже въ частныхъ письмахъ слѣдуетъ за именемъ Фараона.

— Что, кончили вы свои сообщенія? спросилъ онъ главному жреца.

— Остается только сообщить, отвѣчалъ этотъ послѣдній громкимъ голосомъ, внятнымъ для всѣхъ собравшихся сановниковъ:— что Бентъ-Анатъ, дочь царя, совершила вчера великій грѣхъ и что во всѣхъ храмахъ страны предстоить, съ принесеніемъ жертвъ, молить боговъ о возвращеніи ей чистоты.

По улыбавшимся губамъ намѣстника снова скользнула легкая тѣнь. Онъ задумчиво устремилъ глаза въ землю и сказалъ:

— Я завтра посѣщу домъ Сети, а теперь нечего говорить объ этомъ обстоятельстве.

Амени поклонился, и намѣстникъ, выйдя изъ залы, отправился въ ту пристройку дворца, гдѣ онъ жилъ.

На его письменномъ столѣ лежали запечатанные свитки. Онъ зналъ, что въ нихъ содержатся важныя для него извѣстія, но онъ любилъ подавлять свое нетерпѣніе, испытывать свое воздержаніе и, подобно гастроному, приберегать самое лакомое блюдо къ концу.

Онъ началъ съ менѣе важныхъ писемъ. Нѣмой слуга, сидѣвшій у его ногъ, сжигалъ на жаровнѣ свертки папируса, которые подавалъ ему его господинъ. Писецъ дѣлалъ краткія замітки, по указанію Амени, относительно отвѣтовъ на письма.

По данному намѣстникомъ знаку, писецъ вышелъ, и Ани немедленно открылъ письмо царя, которое, судя по надписи: «Моему брату Ани», касалось частныхъ, а не общественныхъ дѣлъ. Намѣстникъ зналъ, что отъ этихъ строкъ зависѣлъ путь, по которому направится его дальнѣйшая жизнь. Съ улыбкою, подъ которою онъ скрывалъ свое внутреннее волненіе, онъ сломалъ восковую печать на царскомъ письмѣ.

«Относительно Египта, моихъ заботъ о странѣ и счастливомъ исходѣ войны, писалъ Фараонъ:— я увѣдомилъ уже тебя черезъ моихъ писцовъ; но послѣдующія слова относятся къ брату, желающему сдѣлаться моимъ сыномъ, и я пишу ихъ собственноручно. Живущій во мнѣ божественный правящій духъ часто внушаетъ мнѣ положительный или отрицательный отвѣтъ и всегда рѣшаетъ къ лучшему. Теперь ты желаешь получить въ жены мое любимое дитя, Бентъ-Анатъ, и я не былъ бы Рамзесомъ, еслибы прямо не признался тебѣ, что прежде, чѣмъ я прочелъ послѣднее слово твоего письма, рѣзкое «нѣтъ!» просилось на мои губы. Я велѣлъ спросить звѣзды и внутренности жертвенныхъ животныхъ — и все было противъ твоей просьбы. Однако же, я не могу отказать тебѣ. Ты дорогъ мнѣ, и въ тебѣ течетъ такая же царская кровь, какъ и моя. Она еще болѣе царская,

сказалъ мнѣ одинъ другъ и предостерегалъ меня противъ твоего честолюбія и возвышенія. Тогда въ сердцѣ моемъ совершился переворотъ, такъ какъ я не былъ бы сыномъ Сети, еслибы, изъ пустаго опасенія, оскорбилъ друга; и тотъ, кто стоять такъ высоко, что даже мужчины боятся, какъ бы онъ не переросъ Рамзеса, кажется мнѣ достойнымъ моей дочери. Сватайся къ ней, и, если она согласится быть твоею женою, то въ день моего возвращенія мы отпразднуемъ свадьбу. Ты достаточно молодъ, чтобы осчастливить женщину. Твоя зрѣлость и мудрость оградятъ мое дитя отъ несчастія. Бентъ-Анатъ должна знать, что ея отецъ поддерживаетъ твое сватовство, но ты принеси жертвы Гаторамъ, дабы онѣ обратили къ тебѣ сердце Бентъ-Анатъ, рѣшенію которой мы оба подчинимся».

При чтеніи этого письма, намѣстникъ нѣсколько разъ мѣнялся въ лицѣ. Затѣмъ онъ, пожимая плечами, положилъ его на столъ, поднялся съ своего мѣста и стоялъ со сложенными за спиной руками, задумчиво глядя на полъ и прислонившись къ одному изъ столбовъ, поддерживавшихъ потолокъ его комнаты.

Чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ болѣе омрачались черты его лица. «Это—пилюля, приправленная медомъ, въ родѣ тѣхъ, которые приготавливаются для женщинъ»¹, пробормоталъ онъ про себя. Затѣмъ, онъ направился къ столу, еще разъ прочелъ письмо царя и сказалъ: «У него можно поучиться искусству отъ казывать, выражая свое согласіе и при этомъ выставляя на видъ свое великодушіе. Рамзесъ знаетъ свою дочь. Она—дѣвушка подобная всѣмъ другимъ и остережется взять себѣ въ мужья человѣка вдвое старше ея, который годился бы ей въ отцы». Рамзесъ хочетъ подчиниться и я тоже долженъ подчиниться: чему же? сужденію и выбору капризной дѣвочки!

При этихъ словахъ, онъ швырнулъ письмо на столъ такъ сильно, что оно соскользнуло на полъ. Нѣмой рабъ поднялъ его и осторожно положилъ на прежнее мѣсто, между тѣмъ какъ Ани бросилъ въ серебряный сосудъ шаръ, который произвелъ рѣзкій звукъ. Нѣсколько служащихъ бросились въ комнату, и Ани приказалъ имъ привести къ нему отправленнаго въ тюрьму карлика.

Онъ негодовалъ на царя, который «въ своей далекой лагерной палаткѣ воображалъ, что осчастливилъ его доказательствомъ своего благоволенія».

Карликъ Нему былъ приведенъ и палъ ницъ передъ намѣст-

¹ Въ медицинскихъ папирусахъ сохранились два рода рецептовъ для пилюль: безъ меда для мужчинъ и съ медомъ для женщинъ.

никомъ. Ани приказалъ своимъ чиновникамъ уйти и, обратившись къ карлику, сказалъ:

— Ты вынудилъ меня посадить тебя въ тюрьму. Встань.

Нему поднялся и сказалъ:

— Благодарю тебя даже за мое заключеніе.

Намѣстникъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, но карликъ продолжалъ со смиреннымъ лукавствомъ:

— Я опасался за свою жизнь, но ты не только не сократилъ ея, но продлилъ, потому что въ одиночествѣ тюрьмы минуты казались мнѣ часами.

— Прибереги свои шуточки для женщинъ, прервалъ намѣстникъ:—еслибъ я не зналъ, что ты имѣешь добрыя намѣренія и дѣйствуешь въ духѣ госпожи Катуты, то отправилъ бы тебя въ каменоломни.

— Мои руки, улыбаясь сказалъ карликъ:— могутъ ломать только игрушечные камешки, но мой языкъ уподобляется водѣ, которая можетъ одного земледѣльца обогатить, а другому затопить его поля.

— Твой языкъ можно предрезать плотиной.

— Для моей госпожи и для тебя этотъ языкъ идетъ по належащему пути. Я указалъ горюющимъ гражданамъ, кто именно погубилъ ихъ кровныхъ и отъ кого они могутъ ожидать мира и счастья.

— Но ты дѣйствовалъ произвольно и необдуманно, прервалъ его намѣстникъ:— вообще же ты выказался дѣльнымъ человекомъ, и я намѣренъ преберечь тебя для будущаго времени. Слишкомъ усердные друзья гораздо опаснѣе явныхъ враговъ. Я призову тебя, когда ты мнѣ понадобишься, а до тѣхъ поръ избѣгай болтовни. Отправляйся теперь къ своей госпожѣ и передай это письмо, присланное ей.

— Да здравствуетъ сынъ солнца, Ани! воскликнулъ карликъ цѣлуя ногу намѣстника:—не будетъ ли письма для моей госпожи Нефертъ?

— Передай ей мой поклонъ. Скажи Катуты, что послѣ обѣда я приду къ ней, сказалъ намѣстникъ.—Царскій возница не прислалъ письма, но я слышалъ, что онъ здоровъ. А теперь убирайся и держи языкъ за зубами.

Нему удалися, и Ани отправился въ прохладную залу, гдѣ его ожидалъ обѣдъ, состоявшій изъ множества тщательно приготовленныхъ кушаній. Но его аппетитъ пропалъ, хотя онъ отбѣдывалъ все, что ему подавали, и передавалъ домоправителю свои замѣчанія о каждомъ блюдѣ. Въ то же время, онъ думалъ о

письмъ царя, о Бентъ-Анатъ и о томъ, слѣдуетъ ли ему подвергаться риску получить отъ нея отказъ.

Послѣ обѣда онъ предоставилъ себя въ распоряженіе компанятаго слуги, который тщательно выбрилъ его, накумарили, одѣлъ, принарядилъ и затѣмъ подалъ ему зеркало. Ани разсматривалъ свое лицо съ напряженнымъ вниманіемъ и, садясь въ носилки, чтобы отправиться къ своей пріятельницѣ Катутти, подумалъ про себя, что онъ все еще заслуживаетъ названіе красиваго мужчины. Если я посватаюсь за Бентъ-Анатъ, думаю онъ, то что тогда?

Его тянуло къ Катутти, которая всегда умѣла найти меткое слово, когда онъ, стѣсняясь разными «за» и «противъ», колебался сдѣлать рѣшительный шагъ.

По ея совѣту, онъ желалъ получить руку царевны, какъ новую почетную награду, какъ средство для увеличенія своихъ доходовъ и въ качествѣ залога для охраненія своей особы. Къ его сердцу она стояла не ближе и не дальше, чѣмъ всякая другая красивая женщина въ Египтѣ. Теперь ея гордая и благородная личность выступила передъ его умственнымъ взоромъ, и ему показалось, что онъ долженъ смотрѣть на нее, какъ на существо, далеко превосходящее его особу. Ему сдѣлалось досадно, что онъ послушался совѣта Катутти, и онъ началъ желать отклоненія своего сватовства. Бракъ съ Бентъ-Анатъ показался ему слишкомъ тяжелымъ ярмомъ. Онъ находился теперь въ настроеніи чловѣка, добивающагося важной должности, относительно которой онъ, однако, знаетъ, что ея требованія слишкомъ велики для его силъ—въ настроеніи честолюбца, которому предложенъ санъ царя, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ никогда не снималъ съ своей головы тяжелой короны. Правда, если бы удалось нѣчто другое — и при этой мысли глаза Ани заблестѣли—если бы судьба поставила его на мѣсто Рамзеса, тогда этотъ брачный союзъ съ Бентъ-Анатъ потерялъ бы свой угрожающій характеръ; тогда и для нея онъ былъ бы неограниченнымъ царемъ, господиномъ и повелителемъ, и никто не осмѣлился бы требовать отъ него отчета о томъ, въ какихъ отношеніяхъ онъ находится къ своей супругѣ.

X.

Во время описанныхъ нами событій, въ домъ возницы Мени не было недостатка въ посѣтителяхъ.

Домъ этотъ былъ похожъ на сосѣднее жилище Паавера, но здѣсь

постройки были не такъ новы, пестрая живопись на колоннахъ и стѣнахъ поблекла и большой садъ былъ лишень заботливого ухода. Только въ сосѣдствѣ жилого дома красовалось нѣсколько хорошо содержимыхъ клумбъ съ роскошными цвѣтами, и открытая галерея съ колоннами, гдѣ теперь находилась Катути съ дочерью, была убрана съ царскимъ великолѣпиемъ.

Изящной отдѣлки стулья были изъ слоновой кости, столы— изъ чернаго дерева и имѣли такъ же, какъ и кушетки, позолоченныя ножки. Сирийскіе сосуды для питья, художественной работы, стоявшіе на буфетѣ, столахъ и консоляхъ, имѣли самыя разнообразныя формы; прекрасныя вазы съ цвѣтами стояли повсюду: тонкій аромат выходилъ изъ алебастровыхъ курильницъ, и ноги тонула въ толстыхъ, мягкихъ коврахъ, покрывавшихъ полъ залы.

Въ безпорядочномъ, повидимому, расположеніи этой богатой мебелировки была какая-то особенная прелесть, нѣчто невыразимо-привлекательное.

На одной кушеткѣ лежала, вытянувшись во всю длину, игра съ бѣлою кошкой, прекрасная Неферть, которую дѣвушка-египтянка обѣивала опахаломъ, между тѣмъ какъ ея мать, Катути, прощалась со своею сестрой, Сеткемъ, и съ ея сыномъ, Паакеромъ.

Оба они переступили черезъ этотъ порогъ въ первый разъ, послѣ четырехъ лѣтъ, т. е. со времени женитьбы Менны на Неферть; и старая вражда, повидимому, желала уступить мѣсто новой задушевной дружбѣ и согласію.

Когда Паакеръ и его мать скрылись за гранатовыми кустами при входѣ сада, Катути сказала дочери:

— Кто бы могъ вообразить это вчера? Мнѣ кажется, что Паакеръ любитъ тебя до сихъ поръ.

Неферть покраснѣла и, ударивъ свою кошку въеромъ, тихо вскрикнула:— матушка!

Катути улыбнулась. Это была высокаго роста и съ благородной осанкой женщина, которая, при своихъ рѣзкихъ, но тонкихъ чертахъ и живыхъ глазахъ, могла еще заявлять притязаніе на красоту. Она носила длинную, почти до полу достигавшую одежду изъ дорогой ткани, но отличавшуюся изысканною простотою и темнымъ цвѣтомъ. Въмѣсто запастій, серегъ, колець, шейныхъ цѣпочекъ и брошекъ, которыми въ изобиліи украшали себя египтянки, въ томъ числѣ сестра и дочь Катути, она носила свѣжіе цвѣты, въ которыхъ никогда не было недостатка въ саду ея зятя. Только гладкая золотая діадема—знакъ ея царскаго происхожденія—обыкновенно съ ранняго утра до поздняго вечера покрывала ея лобъ и придерживала ея длинныя черные съ

спинным отливомъ волосы, которые, не будучи заплетены въ косы, опускались ей на спину, какъ будто она пренебрегала суетною заботой о приведеніи ихъ въ искусственный порядокъ. Но ничто въ ея внѣшности не оставалось не разчитаннымъ, и Катути въ простомъ платьѣ, безъ украшеній, но обладая царственною фигурой, всегда могла быть увѣрена, что ее замѣтятъ и что она найдетъ себѣ подражательницъ не только въ костюмѣ, но и въ манерахъ.

И при всемъ этомъ, Катути долгое время жила въ нуждѣ; она даже и теперь, когда мы только-что съ нею познакомились, мало имѣла своего, а жила въ домѣ своего зятя въ качествѣ гостыи и управительницы его имѣній, тогда какъ до замужства своей дочери жила съ дѣтьми въ домѣ своей сестры Сеткемъ.

Она была женою своего роднаго, рано умершаго брата ¹, который, вслѣдствіе своей расточительности и любви къ роскоши, прожилъ большую часть своихъ имѣній, пожалованныхъ ему новою линію Фараоновъ.

Оставшись вдовой, она со своими дѣтьми была принята отцомъ Паавера, ея зятемъ, какъ сестра. Она жила въ собственномъ домѣ, пользовалась доходами съ одного подареннаго ей мужемъ имѣнія и предоставила своему зятю заботиться о воспитаніи ея гордаго красавца-сына, выросшаго со всѣми претензіями знатнаго юноши.

Столь большія благодѣянія казались бы тягостными и унижательными для гордой Катути даже въ томъ случаѣ, еслибы она была довольна способомъ, которымъ ей оказывали ихъ. Но это было далеко не такъ. Напротивъ, она думала, что она имѣетъ право на болѣе блестящую внѣшнюю обстановку, и чувствовала себя оскорбленною, когда ея легкомысленнаго сына, во время посѣщенія имъ школы, убѣждали серьезнѣе предаваться труду, такъ какъ въ послѣдствіи ему придется разчитывать на свои собственные силы и способности. Ее оскорбляло и то, когда ея зять, по временамъ, совѣтовалъ ей быть бережливѣе и, со свойственною ему откровенностью, напоминалъ ей объ ея скромныхъ средствахъ и необезпеченной будущности ея дѣтей.

При этомъ, она охотно предавалась чувству оскорбленія, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ считала себя въ правѣ сказать, что

¹ Подобные браки дозволялись въ древнемъ Египтѣ. Птоломеи усвоили этотъ обычай, противный македонскимъ правамъ. Однако же, когда Птоломей II, Филадельфъ, женился на своей сестрѣ Арсиноѣ, то оказалось нужнымъ оправдывать этотъ бракъ положеніемъ, въ которомъ находилась въ то время планета Венера относительно Сатурна и принудительнымъ вліаніемъ этого созвѣздія.

ея родственники, при всѣхъ своихъ благодѣяньхъ, не могутъ заглядѣть нмѣ тѣхъ оскорбленій, которыя причинили ей. На ней оправдался афоризмъ, что никто легче не возбуждается въ насъ чувство неприязни, какъ благодѣтель, которому мы не можемъ отплатить за его благодѣянія.

Когда ея зять просилъ для своего сына руки ея дочери, то она охотно дала свое согласіе. Неферть и Паакеръ выросли вмѣстѣ, и она видѣла, что этотъ союзъ обезпечиваетъ судьбу, ея собственную и ея дѣтей.

Вскорѣ по смерти отца Паакера, къ Неферть сталъ свататься Мена, но Катутти отказала бы ему, еслибы самъ царь не поддерживалъ своего любимца. Послѣ свадьбы она переѣхала къ нему въ домъ и, когда онъ отправился на войну, стала управлять его обширными имѣніями, на которыхъ, еще при жизни его отца, накопились большіе долги. Такимъ образомъ, судьба дала ей въ руки средства вознаградить себя за продолжительныя лишенія, и она воспользовалась ими для удовлетворенія своей врожденной склонности внушать уваженіе и восторгъ; она могла блистательно снарядить сына, вступившаго въ отрядъ знатнѣйшихъ юношей колесничнаго войска, и окружить свою дочь княжескимъ великолѣпіемъ.

Когда намѣстникъ, другъ ея покойнаго мужа, переехалъ во дворецъ Фараона, въ Оивы, она сблизилась съ нимъ и съутѣла сначала понравиться, а потомъ сдѣлаться необходимою этому нерѣшительному человѣку.

Она воспользовалась тѣмъ обстоятельствомъ, что сама, подобно ему, происходила изъ древняго царскаго дома, и постаралась подстрекнуть его честолюбіе перспективою такихъ плановъ, помышлять о которыхъ, до знакомства съ нею, онъ считалъ бы преступленіемъ.

Сватовство Ани къ царевнѣ Вентъ-Анатъ было дѣломъ Катутти. Она надѣялась, что царь откажетъ намѣстнику, этимъ нанесетъ ему личное оскорбленіе и подвинетъ его слѣдовать по тому опасному пути, который она приготовила ему.

Карликъ Нему былъ ея послушнымъ орудіемъ. Она ни однимъ словомъ не посвятила его въ свои планы; но онъ прямо высказывалъ всѣ ея сокровенныя мысли, получая въ наказаніе только удары вѣера. Вчера онъ еще осмѣлился сказать, что, еслибы царемъ былъ вмѣсто Рамзеса Ани, то Катутти была бы не царицей, а богиней, такъ какъ ей нетолько не пришлось бы слушаться Фараона, а напротивъ того, быть его руководителемъ.

Катути не замѣтила, какъ покрасѣла ея дочь; она напряженно вглядывалась въ ворота сада, говоря:

— Куда дѣвался Нему! Вѣдь, вѣроятно, и для насъ есть извѣстія изъ лагеря.

— Мена такъ давно уже не писала, тихо сказала Неферть:— а! вотъ идетъ домоправитель.

Катути обратилась къ слугѣ, вошедшему на веранду боковой дверью, и спросила:

— Что ты скажешь?

— Купецъ Абша настаиваетъ на уплатѣ. Новая сирійская колесница и пурпурная теань...

— Продай хлѣбъ, приказала Катути.

— Невозможно, такъ какъ подати на храмы еще не уплачены, а хлѣбными торговцамъ мы отдали такъ много, что врядъ ли намъ останется достаточно для прокормленія слугъ и для посѣва.

— Ну, такъ заплати быками.

— Госпожа моя, со страхомъ возразилъ домоправитель:— мы только сегодня еще продали цѣлое стадо могоару, а вѣдь надобно вертѣть колѣса у колодцевъ, молотить хлѣбъ и намъ нуженъ скотъ для жертвоприношеній, а также молоко, масло, сыръ для домашняго потребленія и навозъ для топлива ¹.

Катути задумчиво опустила глаза и затѣмъ сказала:

— Уплатить слѣдуетъ. Отправься въ Гермонтисъ и скажи управляющему конскимъ заводомъ, чтобы онъ прислалъ сюда десять штукъ лошадей Мены, золотистой масти.

— Я уже говорилъ съ нимъ, возразилъ домоправитель:— но онъ утверждаетъ, будто Мена строго приказалъ ему не отдавать ни одного изъ коней, разведеніемъ которыхъ онъ гордится. Только въ колесницу госпожи Неферть....

— Я требую послушанія, рѣшительно проговорила Катути, прерывая слугу:— и завтра ожидаю лошадей.

— Но, вѣдь, управляющій заводомъ—человѣкъ упрямый; Мена считаетъ его незамѣнимымъ, и онъ...

— Здѣсь распоряжаюсь я, а не отсутствующій, воскликнула Катути, съ раздраженіемъ:— и требую лошадей, вопреки устарѣвшему приказанію моего зятя.

Во время этого разговора, Неферть измѣнила свою гнѣвную позу. Услыжавъ послѣднія слова Катути, она поднялась со своего ложа и проговорила съ рѣшимостью, удивившею даже ея мать:

¹ Въ Египтѣ, отличающемся безлѣсіемъ, еще и конныи сущенны навозъ служитъ топливомъ.

— Я требую, чтобы исполнили приказанія моего мужа. Пусть любимыя лошади Мены останутся въ табунахъ. Возьми этотъ браслетъ, подаренный мнѣ царемъ; онъ стоитъ дороже двадцати коней.

Домоправитель разсматривалъ браслетъ, богато украшенный драгоценными камнями, и вопросительно глядѣлъ на Катуту. Она пожала плечами, затѣмъ утвердительно кивнула головой и сказала: — пусть Абша сохранить это, какъ залогъ, пока привезутъ сюда добычу Мены. Въ теченіи года, твой мужъ не прислалъ ничего значительнаго.

Когда домоправитель удалился, Неферть снова улеглась на свое ложе и сказала съ видомъ утомленія:

— Я думала, что мы богаты.

— Мы могли бы быть богаты, съ горечью отвѣчала Катута, но, увидавъ, что щеки Неферть снова вспыхнули, она сказала ласково: — наше высокое положеніе налагаетъ на насъ великія обязанности. Въ нашихъ жилахъ течетъ царская кровь, и глаза народа обращены на жену самаго блестящаго изъ героевъ царскаго войска. Пусть не говорятъ, что она заброшена своимъ мужемъ. Какъ долго замѣшался Нему!

— Я слышу шумъ во дворѣ, сказала Неферть: — вѣроятно, явятся намѣстники.

Катута снова обратила свои взгляды на садъ. Бѣгущій запылавшійся рабъ объявилъ, что Бентъ-Анать, дочь царя, вышла изъ своей колесницы у воротъ дома и приближается вмѣстѣ съ царевичемъ Рамери.

Неферть встала и, вмѣстѣ съ Катуту, пошла на встрѣчу высокимъ гостямъ.

Когда мать и дочь преклонились, чтобы поцѣловать одежду царевны, Бентъ-Анать не допустила этого и сказала:

— Не подходите близко ко мнѣ; жрецы еще не исполнили съ меня оскверненіе.

— И, несмотря на то, ты такъ же чиста, какъ глазъ Ра, воскликнулъ сопровождавшій ее царевичъ, ея семнадцатилѣтній братъ, который воспитывался въ Домѣ Сети, но вскорѣ долженъ былъ выйти оттуда. Сказавъ это, онъ поцѣловалъ сопротивлявшуюся сестру.

— Я пожалуюсь Амени на этого шалуна, съ улыбкой сказала Бентъ-Анать. — Онъ непременно хотѣлъ провожать меня. Вѣдь, твой мужъ, Неферть — его образецъ, и я сама не могла усидѣть дома, такъ какъ имѣю сообщить вамъ пріятную вѣсть.

— О Менѣ? спросила молодая женщина, прижимая руку къ сердцу.

— Да, отвѣтила Бентъ-Анатъ.— Мой отецъ восхваляетъ его и пишетъ, что при раздѣлѣ добычи, ему будетъ предоставлено право выбора преимущественно передъ всѣми другими.

Неферть бросила на свою мать торжествующій взглядъ, а Катутти вздохнула съ облегченіемъ.

Бентъ-Анатъ погладила Неферть по лицу, какъ ребенка. Затѣмъ обратилась къ Катутти, свела ее въ садъ и просила ея помощи и совѣта въ важномъ дѣлѣ, такъ какъ у нея нѣтъ родной матери.

— Отецъ мой, начала она:— пишетъ мнѣ, что намѣстникъ Ани сватается за меня и совѣтуетъ наградить вѣрность этого достойнаго человѣка, отдавъ ему мою руку. Онъ только совѣтуетъ, а не приказываетъ.

— А ты сама? спросила Катутти.

— А я, рѣшительно отвѣчала Бентъ-Анатъ:— должна отказать ему.

— Должна?

Бентъ-Анатъ утвердительно кивнула головою, прибавивъ:

— Я вполне сознаю это и не могу сдѣлать иначе.

— Въ такомъ случаѣ, тебѣ не нуженъ мой совѣтъ: вѣдь, твои рѣшенія не могутъ измѣнить даже твой родной отецъ.

— *Этого* рѣшенія не измѣнить даже ни одинъ изъ боговъ, твердо сказала Бентъ-Анатъ.— Но, ты дружна съ Ани, а я, уважая намѣстника, хочу избавить его отъ униженія. Постарайся уговорить его—отказаться отъ этого сватовства. Я буду обращаться съ нимъ такъ, какъ-будто ничего не знаю о его письмѣ къ моему отцу.

Катутти задумчиво опустила глаза. Затѣмъ она сказала:

— Намѣстникъ охотно проводитъ у меня свое свободное время, въ разговорахъ или за игрою; но я не знаю, слѣдуетъ ли мнѣ говорить съ нимъ о столь важныхъ вещахъ.

— Сватовство—женское дѣло.

— А свадьба царевны—дѣло государственное, возразила вдова.— Разумѣется, въ этомъ случаѣ дядя сватается за племянницу, которая дорога ему и относительно которой онъ надѣется, что она украситъ вторую половину его жизни и сдѣлаетъ ее счастливѣе первой. Ани добръ и мягокъ. Ты итѣла бы въ немъ мужа, который исполнялъ бы малѣйшія твои желанія и охотно подчинялся бы твоей твердой волѣ.

Глаза дѣвушки сверкнули, и она воскликнула съ оживленіемъ:

— Именно эта причина и заставляетъ меня произнести рѣшительный, неизмѣнный отказъ. Неужели ты думаешь, что, если я наследовала гордость своей матери и рѣшительный характеръ

отца, то захочу имѣть мужа, надъ которымъ могла бы господствовать и который согласился бы подчиниться мнѣ? Какъ мало ты знаешь меня! Слушаться меня должны мои собаки; слуги и, если угодно божеству—мои дѣти. Смиренныхъ людей, которые станутъ цѣловать мнѣ ноги, я найду на каждой улицѣ, и, если захочу, то куплю сотнями на невольничьемъ рынкѣ. Двадцать женихамъ я отказала, и не изъ опасенія, что они унижатъ мою гордость и поворятъ мою волю, но именно потому, что чувствовала себя равносильною имъ. Человѣкъ, которому я желала отдать свою руку, долженъ быть существомъ высшаго разряда, онъ долженъ быть тверже и лучше меня; я буду стремиться за могучимъ полетомъ его духа, улыбаться своей слабости и съ благоговѣнiемъ прославлять его превосходство.

Катути слушала дѣвушку съ трю улыбкою, которою опытные люди заявляютъ свое превосходство надъ мечтателями, и сказала:

— Можетъ быть, подобные люди существовали въ древности; но, если ты захочешь въ теперешнее время ждать такнхъ, то тебѣ придется носить твой локонъ молодости ¹ до тѣхъ норъ, пока онъ не посѣдѣетъ. Наши мыслители—не герои, и наши герои—не мудрецы. А вотъ идетъ и твой братъ съ моею Неферть.

— Согласна ли ты уговорить Ани отказаться отъ его сватовства? настойчиво спросила царевна.

— Я могу попытаться, въ угоду тебѣ, сказала Катути. Затѣмъ она обратилась вполонину къ юному Рамери, вполонину къ его сестрѣ и сказала:—Начальникъ Дома Сети—Амени былъ въ молодости такимъ человѣкомъ, какъ ты говоришь, Бентъ-Анать. Скажи намъ, сынъ Рамвеса, кого считаешь ты выше всѣхъ между своими сожителями? Нѣтъ ли между ними кого-нибудь, кто бы замѣтно выдавался передъ другими возвышенностью своихъ помысловъ и силою ума?

Молодой Рамери взглянулъ оживленно на Катути и, смѣясь, отвѣчалъ:

— Всѣ мы, люди обыкновенные, дѣлаемъ болѣе или менѣе охотно то, что должны, а еще охотнѣе то, чего не должны дѣлать.

— Могучій умъ, юноша, общающій бытъ вторымъ Снефру ²,

¹ Божовая прядь волосъ, подогнутая внизъ, встрѣчаемая у всѣхъ младшихъ членовъ царской семьи. Юноша Горусъ также изображается съ этой прядью.

² Первый царь четвертой династiи, пользовавшiйся великимъ уваженiемъ и въ позднѣйшия времена. О немъ во многихъ мѣстахъ говорится, что подоба-

Тутмосомъ или хотъ Амени: не знаешь ли такова въ Домѣ Сети? продолжала допрашивать вдова.

— А вѣдь нашелъ! рѣшительно воскликнулъ Рамери.

— Кто же это?

— Поэтъ Пентауръ, отвѣчалъ юноша.

Лицо Бентъ-Анатъ покрылось яркою краской, между тѣмъ какъ ея братъ продолжалъ:

— Онъ благороденъ и обладаетъ возвышеннымъ умомъ, и всѣ боги вселяются въ него, когда онъ начинаетъ говорить. Мы, обыкновенно, не прочь вздремнуть во время урока на дворѣ школы, но его слова увлекаютъ насъ; и если мы не всегда понимаемъ всю полноту его мыслей, то мы, все-таки, знаемъ, что онъ возвышененъ и правдивъ.

Бентъ-Анатъ дышала порывисто и ея глаза были устремлены на губы брата.

— Ты знаешь его, Бентъ-Анатъ, продолжалъ Рамери:—онъ былъ съ тобою въ хижинѣ параскита и во дворѣ храма, когда Амени объявилъ о твоёмъ оскверненіи. Онъ прекрасенъ и строгъ, какъ Ментъ ¹, и я нахожу, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыхъ нельзя забыть, разъ увидавъ ихъ. Вчера, послѣ твоего удаленія изъ храма, онъ говорилъ такъ, какъ никогда прежде. Онъ воспламенилъ наши души. Не смѣйся, Катуте: я до сихъ поръ чувствую это пламя. Сегодня, утромъ, намъ сообщили, что онъ удаленъ изъ храма неизвѣстно куда и что онъ заочно прощается съ нами. Никогда не считаютъ нужнымъ сообщать намъ о причинахъ, но мы знаемъ больше, чѣмъ думаютъ наши наставники. Говорятъ, будто онъ недоволенъ строго отнесся къ тебѣ и что, вслѣдствіе этого, они прогоняютъ его изъ дома Сети. Но, мы рѣшились собраться и просить о его возвращеніи. Молодой Анана написалъ главному жрецу письмо подъ которымъ всѣ мы подпишемся. Одному пришлось бы плохо, но со всѣми они не могутъ ничего сдѣлать. Можетъ быть, они образумятся и призовутъ его обратно. Если же нѣтъ, то мы всѣ будемъ жаловаться нашимъ родителямъ, а, вѣдь, они не изъ послѣднихъ въ этой странѣ.

— Да вѣдь это—настоящій бунтъ. Будьте осторожны, мальчики! Амени и остальные пророки не позволяютъ шутить съ собою.

— Да и мы также, со смѣхомъ сказалъ Рамери.—Если они оставляютъ Пентаура въ ссылке, то я попрошу отца перевести

го ему не бывало послѣ него. Культъ его тѣмъ былъ порученъ особымъ жрецамъ. Относящіеся къ его времени памятники—самые древнѣйшіе изъ всѣхъ, которые дошли до насъ.

¹ Египетскій богъ войны.

меня въ школу Геліополиса или Хенну, и другіе послѣдуютъ за мною. Пойдемъ, Бентъ-Анатъ: мнѣ слѣдуетъ до захожденія солнца быть въ своей западнѣ—такъ мы называемъ школу. Но вотъ идетъ вашъ маленькій Нему.

Братъ и сестра вышли изъ сада. Какъ только женщины, провожавшія ихъ, повернулись къ нимъ спиною, Бентъ-Анатъ пожала руку брата съ необыкновенною теплотою и сказала:

— Берегитесь вы всѣ, не будьте неосторожны; но требованіе ваше совершенно справедливо, и я охотно помогу вамъ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

(Изъ Лонгфелло).

Какъ человѣкъ, что въ сумерки идетъ,
Вдругъ, голоса услышавъ, обернется,
Замедлитъ шагъ, прислушиваясь, ждетъ,
Чтобы узнать, чей говоръ раздастся,

Такъ точно я, привѣтомъ теплыхъ словъ
Растроганный, съ сердечнымъ замираньемъ
Ловлю, друзья, звукъ вашихъ голосовъ,
Ослабленный далекимъ разстояньемъ.

И если вы для сердца своего
Хоть что-нибудь нашли въ стихахъ поэта,
Сторицею вознаградили его
Вашъ каждый знакъ участія и привѣта.

Съ отрадою прислушиваюсь я
Къ словамъ любви, поддержки, утѣшенья;
Вокругъ меня незримые друзья,
Я не одинокъ въ своемъ уединеньи.

Не родина, не мѣсто, гдѣ живемъ,
И не языкъ насъ дѣлаютъ друзьями:
Цѣль общая на поприщѣ земномъ
Единство думъ—вотъ узъ между нами!

Вотъ почему надѣюсь съ вами быть
Я въ тѣ часы безмолвныхъ думъ и гора,

Когда, въ тоскѣ, вы выйдете бродить
По берегу бушующаго моря;

И вѣрую, что, по закатѣ дня,
Когда огонь вечерній вашъ зажжется,
У вашего камина для меня,
Въ числѣ другихъ, всегда пріютъ найдется.

Д. Михаловскій.

ГОЛОДНАЯ СМЕРТЬ.

(Отрывок изъ памятной книжки).

...Плохой клубный ужинъ былъ съѣденъ, плохое клубное вино выпито; но небольшое общество, успѣшно совершивши и то, и другое не расходилось и продолжало сидѣть за жиденькимъ клубнымъ столикомъ.

Пять человѣкъ, сидѣвшіе за этимъ столомъ: медицинскій студентъ, его сестра, сельская учительница, неудачиный и скучающій своимъ фраккомъ и бѣлымъ галстукомъ адвокатъ, проклинаящій свою газету фельетонистъ и такъ «просто человѣкъ», служащій въ банкѣ—все это общество испытывало, по окончаніи ужина, только Петербургу свойственное, вялое утомленіе—результатъ суетливаго, но ни капли не интереснаго дня... Вяло велись разговоры, поминутно перерываясь длинными паузами и касаясь тысячи разнохарактернѣйшихъ предметовъ, что не только не способствовало оживленію бесѣды, но, напротивъ, дѣлало изъ нея какое-то несносное, неизмѣющее цѣли, бремя... Такъ тянулось довольно долго, когда случайно кто-то изъ собесѣдниковъ заговорилъ о самоубійствахъ. Грустная тема эта—какъ ни странно это покажется—вдругъ оживила разговоръ: въ самомъ дѣлѣ, въ послѣдніе годы манія самоубійства черною тучей пронеслась надъ всѣмъ русскимъ обществомъ, и едвали въ немъ найдется кто-нибудь такой, котораго бы эта бѣда не интересовала, помимо бѣды общественной, еще и съ личной точки зрѣнія. У каждаго бѣда эта унесла кого-нибудь, съ кѣмъ была близкая или дальняя связь родства, близкое или дальнее знакомство.

Оживившійся разговоръ пяти клубныхъ посѣтителей сразу показалъ, что вопросъ о преждевременной смерти занималъ важ-

даго изъ собесѣдниковъ едва-ли не болѣе всѣхъ другихъ вопросовъ, которыхъ въ такомъ обиліи касался сегодняшній вальсъ, скучный разговоръ за ужиномъ. Оказалось, что всякій подумывалъ объ этомъ дѣлѣ и подумывалъ не разъ, и у всякаго былъ матерьялъ, разработанный каждымъ на свой образецъ, и разработанный довольно тщательно.

Случайно подвернувшаяся тема была такъ всѣмъ близка и интересна, что немедленно и единогласно было потребовано еще двѣ бутылки клубнаго вина, что предвѣщало всеобщее желаніе толковать и толковать обстоятельно, т. е. предвѣщало еще двѣ или три бутылки въ окончательномъ результатѣ.

Поддерживаемый первыми бутылками разговоръ пошелъ оживленно и бойко; припоминались случаи, видѣнные, слышанные, приводились всевозможныя объясненія: ревность, любовь, запутанныя дѣла, оскорбленное самолюбіе и проч., проч. и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пытались взглянуть на дѣло вообще, подвести итогъ своимъ наблюденіямъ, своимъ мыслямъ по этому предмету.

Крайне разнообразны были общіе взгляды на коренныя причины эпидеміи самоубійствъ, но то обстоятельство, что манія эта могла появиться и разростись только въ настоящее время—это всѣми признавалось единогласно. Всѣ были согласны, что новое время русской жизни было главною причиною къ тому, чтобы началось это поголовное самоизбѣженіе и что главная, существенная черта этого новаго времени—необходимость жить своимъ умомъ, самому отвѣчать за самого себя, необходимость, осѣнившая сразу сотни тысячъ народу, благодаря крѣпостному праву, со всѣми его многочисленнѣйшими развѣтвленіями, въ видѣ всевозможныхъ родовъ дармоѣдства и дармобытія, не имѣвшихъ ни возможности, ни силъ, ни умѣнія распознать въ себѣ образъ и подобіе Божіе.

Фельетонистъ, проклиная свою газету и свою профессію, утверждалъ, и притомъ самымъ настоятельнымъ образомъ, что холопство, вбитое въ русскаго человѣка — главная причина и корень всѣхъ ненормальныхъ, безобразныхъ явленій современной дѣйствительности. Несомнѣнно одностороннее мнѣніе это фельетонистъ обставилъ рядомъ нахватавшихся отсюда и отсюда доказательствъ, изъ которыхъ вышло примѣрно слѣдующее: русскій человѣкъ до такой степени лично уничтоженъ, что совершенно отвыкъ видѣть въ себѣ человѣка, т. е. разумное существо, созданное, какъ утверждаютъ, по образу и по подобію Божію, имѣющее право жить, дышать, думать и поступать; онъ утверждалъ, что замордованный русскій человѣкъ дѣлится, въ глубинѣ души только жестокость, несчастіе, палку; полагаетъ

кровию и плотью своею, что нѣчто постороннее, жесткое, трудное и, главное, мало или даже почти непонятное есть его единственные и самые подлинныя жизненныя руководители, его судьба, предопредѣленіе; что замордованный такимъ образомъ русский человѣкъ, поставленный новыми порядками русской жизни въ необходимость обдумать собственное свое положеніе, долженъ былъ потеряться, такъ какъ моменты, когда надо самому за все отвѣтить, въ настоящіе дни возможны, по крайней мѣрѣ относительно мелочей личной жизни; мысль эту, то-есть, потерю русскимъ человѣкомъ почвы подъ ногами, потерю имъ сознанія законности и цѣли своего существованія, охватывающія его въ минуты, когда надъ нимъ не гремятъ громы небесныя, когда его «не пугаютъ» съ права и съ лѣва — фельетонистъ обставилъ примѣрами, взятыми и изъ личныхъ наблюденій, и изъ фактовъ общественной жизни, знакомыхъ всѣмъ слушателямъ по газетамъ. Сгруппированные имъ факты производили впечатлѣніе не столько, правда, глубиною и тонкостію наблюденій, сколько послѣдностію, съ которыми г. фельетонистъ выбросилъ ихъ, одинъ за другимъ предъ заинтересованной публикой. Онъ указалъ, между прочимъ, на ту странную черту, вообще господствующую во всемъ русскомъ обществѣ, вслѣдствіе которой, оно, это общество, не замѣчаетъ и совершенно не видитъ, не слышитъ такихъ явленій, которыя стоятъ у него подъ носомъ сотни лѣтъ, и вдругъ начинаетъ видѣть и слышать все это, какъ только разрѣшатъ... «Почему это, спрашивалъ онъ—разныя комитеты обнаружили такую страстную жажду дѣлать добро болгарскимъ и черпогорскимъ бѣднымъ отцамъ и нищимъ дѣтямъ, когда у нихъ на глазахъ явленій, могущихъ трогать тѣ самыя струны сердца, которыя пробуждаются бѣдствіями Болгаріи— великое множество, и притомъ сотни лѣтъ, и каждый день? Однихъ подкидышей, въ томъ самомъ городѣ, гдѣ живутъ они, сколько мерзнетъ на церковныхъ папертахъ, въ подворотняхъ богатыхъ купцовъ, сколько мретъ дѣтей по деревнямъ, по крестьянскимъ избамъ! А какое обиліе нищихъ шатается по городу; каждую субботу непременно какой-нибудь благодѣтель раздаетъ по копейкѣ на каждого нищаго, и каждую субботу, можно видѣть тутъ подъ бокомъ, какое обиліе этого народа, какъ онъ жадеетъ копейки, какъ онъ терпѣливъ, ожидая ее, и какъ онъ золъ, когда ее перехватятъ другіе... Кто не видалъ, какъ съ крестъ дерутся изъ-за этой копейки? А это непрерывное нытье за окномъ «па-а-адайте... Христа... ради... слѣпенькому... погорѣлому... убогому... нищему»... Вѣдь, этотъ тихій стонъ слышитъ каждый изъ насъ всю свою жизнь; вѣдь, объ этихъ подкидышахъ, объ этихъ

слѣпенькихъ и погорѣлыхъ и пр. пр. всякій изъ насъ знаетъ изъ-поконъ вѣку—и что же? все это ни капли не трогаетъ, точно такъ это и должно быть».—Я самъ, прибавилъ фальстопистъ:—очень хорошо помню, какъ однажды, въ провинціи, я самъ кричалъ даже на какого-то солдата, который оказалъ у меня подъ окномъ въ то время, когда я сидѣлъ за работой, копшируя французскую книгу о лионскихъ рабочихъ. Я семерыхъ послалъ въ кухню, и этотъ осмой вывелъ меня изъ терпѣнія)... Отчего вотъ на такіа, подъ самымъ носомъ совершающіяся бѣдства я молчаливъ и терпѣливъ? Отчего даже и на черногорцевъ и герцеговинцевъ я сталъ жертвовать только тогда, когда пришло къ квартальный и сказалъ: «можно»! Да потому, мнѣ кажется, что я именно себя-то и потерялъ... Только чужое мнѣ, постороннее и дѣйствуетъ на меня—будь это приваза квартального, газетная горячая статья, или книжка о лионскихъ рабочихъ... Безъ этихъ постороннихъ приводовъ, мое существованіе неподвижно, тупо и равнодушно. Собственно я, безъ наги, безъ указки и тумана (ну, это—ужь очень! замѣтилъ кто-то изъ присутствовавшихъ), такъ отношусь къ явленіямъ жизни: вотъ герцеговинцевъ рѣжутъ, вотъ нищіе ходятъ, вотъ дѣти умираютъ на папертахъ и въ подворотняхъ... Я-то тутъ при чемъ?.. У меня даже мысли нѣтъ, что бы такое слѣдовало изъ всего этого. Но я дѣлаюсь совершенно другимъ, когда на меня заорутъ: ты чтожь это на герцеговинцевъ-то не жертвуешь? Ты чтожь это не спасаешь погибающихъ дѣтей?.. Ты чтожь это (такъ и такъ) нищихъ-то развелъ? О лионскихъ мастерскихъ нишени, а тутъ подъ бокомъ люди расшибаютъ себѣ лица въ кровь изъ-за копейки серебромъ, изъ-за бутылки, выкинутой въ помойную яму?.. Эй!.. Тутъ я вдругъ очнусь, и все доброе откроется у меня во всю ширь! «Можно»! завопию я всѣми суставами и ринусь... Но и тутъ еще надо указать мнѣ куда ринуться и какъ... Надо съ точностію научить, что пожертвованія принимаются тамъ-то и тѣмъ-то, все надо перечислить по пальцамъ, а то я постоянно буду затрудняться разными совершенно бессодержательными вопросами: напр. можно-ли чулки пожертвовать болгарскимъ дѣтямъ, или нельзя?.. Хотя я очень хорошо знаю, что дѣти эти безъ чулковъ, что чулки имъ нужны, и что, наконецъ, кромѣ этихъ чулковъ мнѣ жертвовать нечего. Даже самое понятіе-то слова пожертвованіе, отлично мною понимаемое, я считаю настоящимъ, подлиннымъ пониманіемъ не у себя, а у тѣхъ, кто мнѣ разрѣшаетъ...

Протестъ большинства присутствовавшихъ за глубокимъ столомъ лицъ, усумнившихся было въ дѣйствительности существо-

ванія въ русскомъ человѣкѣ странной любви къ палкѣ, былъ заглушенъ все болѣе и болѣе разгорячившимся фельетонистомъ помощію усиленной торопливости, съ которою онъ перешелъ къ новому ряду доказательствъ, не давъ хорошенько разобрать и обдумать только-что сказанное. Коснувшись сербской войны и объяснивъ эту русско-сербскую толкучку именно тѣмъ, что тутъ соотечественники пытались попробовать сдѣлать дѣло сами, безъ уязки и безъ палки, и не давъ, по обыкновенію, никому возразить, онъ тотчасъ перешелъ къ ежедневнымъ явленіямъ современной жизни и сталъ выхватывать одни примѣры за другими. По его словамъ, неумѣнье жить безъ неприятностей видно повсюду. Онъ зналъ сунруговъ, которые не могли ужиться при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ и отлично жили при неблагопріятныхъ. Вотъ образцовая пара: оба—добрые, умные люди, оба сошлись не-изъ расчета, а по любви, и согласны по мысли... И что-жь? скука, тоска, холодъ... Ни одно дѣло не удастся, ничто въ прокъ нейдетъ. Разошлись, наконецъ. И глядишь: сошеся супругъ просто съ нѣмкой Каролиной Карловной, у которой только однѣ потребности: имѣть на рукѣхъ мѣшокъ съ деньгами и елико возможно больше извлекать этихъ денегъ изъ всего мірозданія—и все пошло какъ по маслу. Каролина Карловна, каменной тучей своего грубѣйшаго непониманія, виситъ надъ человѣкомъ, надъ его развитіемъ и умомъ; человѣкъ этотъ ропщетъ, но ожилъ, бѣгаетъ по вселенной, «достаешь», и ужъ повѣрьте, никогда не уйдетъ отъ этой каменной тучи. «Самъ», своею охотою не уйдетъ. Потому что бессмысленныя, нестерпимыя условія, въ которыя попалъ человѣкъ благодаря этой женщинѣ съ каменными мозгами и сердцемъ, онъ считаетъ подлинными, заправскими, а доброту, умъ и простоту прежней привязанности считаетъ только сномъ дѣтскимъ, изъ котораго ничего не выйдетъ и съ которыми страшно и холодно жить на свѣтѣ. Не запроженный, пущенный на волю русскій человѣкъ пропасть, погибъ, въ большинствѣ случаевъ, и единственное спасеніе ему—крѣпкія оглобли, тяжелый возъ... Такъ привыкъ, такъ заѣзженъ». Продолжая не слушать возраженія собесѣдниковъ, тщетно спрашивавшихъ «причемъ же тутъ самоубійство?»—авторъ теоріи любви къ палкѣ выдвинулъ еще новое наблюденіе: именно, онъ сказалъ, что даже такъ-называемыя новыя идеи и дѣла для многихъ-многихъ россиянъ важны и значительны только, какъ бремя, какъ упряжка, какъ постоянная борьба съ самимъ собой, постоянное мученіе, испытываемое въ этой борьбѣ, происходящей отъ полного разногласія всего существа субъекта съ требованіями новыхъ идей. Иной и рвется

къ нимъ, потому что исповѣдваніе ихъ почти для него невозможно... Въ подтвержденіе этого положенія, онъ разсказалъ про одну дѣвушку, долго и безуспѣшно отбивавшуюся отъ своего истиннаго призванія—быть хорошей хозяйкой и матерью многочисленнаго семейства, забывавшей въ одинъ день все, что выдобрено ею въ годъ въ родѣ экзамена на сельскую учительницу, и никогда невыучившейся понимать и различать общественныя дѣла отъ необщественныхъ. Нужно было видѣть, что это была за мученица. Она едва не умерла, какъ вдругъ вышла замужъ, родила ребенка и развѣла, т. е., все забыла и стала тѣмъ, чѣмъ должна была быть, влача иное, свойственное ея натурѣ бремя хозяйства и домоводства. Разсказалъ онъ еще и про одного мужчину, своего товарища по гимназій, который отдался новымъ идеямъ, тоже какъ-будто съ испугу и тоже потому, что въ натурѣ и существѣ его именно и не было ничего нужнаго для того, чтобы идеи эти были живыми въ живыхъ людяхъ. Испугавшись разъ, въ первые дни пріѣзда въ кругъ молодежи одного провинціального университета, онъ уже сталъ потому все дѣлать съ испугу и поступалъ во всемъ противъ собственныхъ желаній. Женился потому, что жена рѣшительно ему не нравилась, и потому, что именно это обстоятельство (жена была изъ новизъ) дѣлало его причастнымъ къ тѣмъ кружкамъ, идеи которыхъ были для него почти невозможны... Словомъ, человекъ этотъ разъ узналъ, что въ немъ нѣтъ матеріалу для исповѣдванія новыхъ идей, испугался самого себя и сталъ поступать противъ себя во всемъ.

Собесѣдникамъ показалось все это до такой степени трудно постижимымъ и неудобовѣримымъ, что нѣсколько голосовъ нашихъ нужнымъ прервать разсказчика вопросомъ: «да, причемъ же, наконецъ, тутъ самоубійство? Зачѣмъ вы приводите такихъ уродовъ, идіотовъ и глупцовъ»? Фэльетонистъ, очевидно, хватившій въ послѣдовательности своихъ наблюдений черезъ край, категорически объявилъ, однако, что этихъ глупцовъ, этихъ людей, жалающихъ армя, такъ много на русской землѣ, что изученіе страшной любви къ арму можно считать достойнымъ вниманія образованнаго російскаго общества и что къ самоубійствамъ все вышесказанное также имѣетъ отношеніе довольно близкое, именно: самоубійствомъ непременно долженъ кончить всякій изъ такихъ, умѣющихъ жить въ армѣ, какъ только жизнь поставитъ его въ необходимость потерпѣть силу жизни въ собственномъ желаніи и мысли. Такой человекъ, въ такія минуты, съ ужасомъ видитъ, что въ немъ нѣтъ источника жизни и потерпѣть

не изъ чего. Умирають такіа люди, собственно, «отъ испуга»... самихъ себя.

Этими словами, показавшимися всѣмъ, похожими на правду, наблюдатель окончилъ изложеніе своихъ наблюденій, залпомъ выпилъ стаканъ вина и общалъ все это разработать въ своемъ фельетонѣ, прибавивъ:

— Вотъ тогда увидите...

— Нѣтъ, перебилъ его медицинскій студентъ:—я вотъ чего не понимаю... Я не понимаю, какъ можно умереть съ голоду... Мнѣ понятно, что, въ минуту отчаянія, испуга, какъ вы говорите, можно пустить пулю, принять яду, но морить себя, десять, пятнадцать дней голодомъ, умереть отъ самовольнаго истощенія—этого я непонимаю... Какой тутъ испугъ? Вообще, я не понимаю тутъ ни вапли..

— Болѣзненное состояніе... произнесъ было банковскій чиновникъ...

— Я объ этомъ не говорю; я спрашиваю только: какимъ путемъ доходить до этого состоянія?..

— Тоже отъ испуга... нервѣзительно произнесла сестра студента, сельская учительница.

Это была одна изъ тѣхъ много думающихъ, но робкихъ дѣвушекъ, которыя только въ рѣдкихъ случаяхъ и то, вспыхнувъ отъ сознанія неловкости; рѣшались произнести свое словечко.

Обыкновенная форма разговора этихъ натуръ такая: «Мнѣ кажется... я думаю...» Начнетъ она—и тотчасъ замолчитъ.—Говорите же, чтѣ вы думаете?.. Говорите пожалуйста.—«Нѣтъ, я такъ... Я ничего не понимаю...»—«Что за вадоръ какъ ничего непонимаете?.. Говорите, ради Бога.—«Я думаю... Нѣтъ, я—дура...»

И только, послѣ многихъ ободрительныхъ словъ, болѣею частью въ ту минуту, когда ужъ и не ждутъ никакихъ отъ нея объясненій, она вдругъ выскажется торопливо, кратко и вѣрно.

Такъ было и на этотъ разъ. Всѣ присутствовавшіе знали, что словечко, сказанное этой дѣвушкой, не будетъ пустымъ, и разомъ налегли на нее съ требованіемъ сказать, чтѣ именно она думаетъ, когда на замѣчаніе брата о томъ, что ему непостижимо, кого и чего можно такъ испугаться, чтобы морить себя голодомъ, мучить самымъ жестокимъ образомъ вмѣсто того, чтобы пустить пулю въ лобъ, она отвѣтила обычнымъ порядкомъ, то-есть, начала словами: «Мнѣ кажется», кончила тотчасъ съ выраженіемъ: «Нѣтъ, я такъ... Я не понимаю...» Послѣ усиленныхъ и всеобщихъ настояній изъ этого молчаливаго существа было извлечено мнѣніе, что съ голоду умирають испугавшись—«всѣмъ» и «всєю...» т.-е. и себя, и всего блага свѣта; кромѣ

этого, она сказала, что знала одного человека, который именно так и умеръ, и, повидимому, неизвѣстно зачѣмъ прибавила: «Онъ былъ крестьянинъ...»

— Ну, перебилъ ее братъ:—положимъ, это-то... ужъ ничего не значить...

— Нѣтъ, значить... Я знаю, что такое—деревня и крестьянская жизнь... Ни для кого такъ не страшна дѣйствительность, какъ для крестьянина... Въ его жизни нѣтъ прикрасъ и снисходительности ни въ чемъ... Все—отъ неба, которое хлынетъ градомъ, отъ земли, которая не уродитъ, до отца и брата, которые не пощадятъ его, если не будутъ сами пощажены—все можетъ раздавить его во мгновение...

— Ну, ты рассказывай лучше, перебилъ братъ.—Кто такой это твой знакомый... Рассказывай все обстоятельно... Записался и конфуясь поминутно, дѣвушка рассказала одну очень простую исторію, которую я и записалъ такъ, «какъ понялъ», не ругаясь за точность и подлинность выражений.

На Окѣ, въ одной деревенькѣ, гдѣ останавливаются пароходы, на краю селенія, много лѣтъ тому назадъ жила солдатка съ маленькимъ сыномъ. Жили они у самаго берега, въ нищенской лачужкѣ и въ страшной бѣдности: ни кола ни двора, ни куриного пера... Чѣмъ жила эта женщина?.. Некрасивая, худая и оборванная, ходила она на поденщину, на поденщину деревенскую, гдѣ гривенникъ за цѣлый день—деньги громадные... Когда же приходили барки и заночевывали въ деревенькѣ, въ хибаркѣ солдатики слышались гармонія и пѣсни: пѣли и веселились такіе же, какъ она, нищіе люди, бурлаки... Такіе грѣхи солдатики, весьма понятные въ ея положеніи и случавшіеся только ради ея крайней бѣдности, грѣхи, дававшіе ей возможность только-только не умереть съ голоду, однакъ, ставились ей строгимъ деревенскимъ крестьянствомъ въ вину и даже вредили ея въ поденной работѣ...

Долгіе годы билась она такъ, какъ рыба объ лѣдъ, работы и голодая, гуляя съ бурлаками и тоже голодая, и нивогда не имѣла ни средствъ, ни времени ходить за своимъ ребѣнкомъ. Росъ онъ безъ всякаго призора, голодный, буквально раздѣтый, вѣчно выброшенный на улицу: на улицѣ ѣралъ онъ, когда у матери пили и гуляли гости. На улицѣ торчалъ, когда она гдѣ-нибудь мыла полы или стирала, или работала какую-нибудь другую поденную работу. И тутъ, и тамъ онъ мѣшалъ, коравилъ,

неулыбчивой и совершенно дикой. Онъ мѣшалъ даже и въ дѣтской компаніи—его гнали прочь, потому что онъ всему завидовалъ и тянулъ къ себѣ, а когда не давали—то ревѣлъ. Ни о чемъ ни какихъ понятій онъ не имѣлъ, не было ни одного человѣка, который бы сказалъ ему слово. Всѣмъ было видно, что ни матери его, ни ему жить нѣтъ. И вотъ жестокая русская деревенская дѣйствительность: ни въ чемъ вниманіи, ни въ чьей заботѣ ни онъ, ни мать не занимали ни капельки мѣста. Никому не было жалко ихъ, точно это—не люди, а гнилое, захламленное дерево, которому нѣтъ жить и которое засохнетъ непременно. Эта жестокость имѣетъ свои основанія, хотя ужъ въ томъ, что всякій изъ крестьянъ живетъ въ такихъ же условіяхъ и твердо знаетъ, какъ про себя, такъ и про другихъ, что *«если у него ничего нѣтъ, то никто ничего ему и не дастъ»*. Кто ничѣмъ не поможетъ... Но объ этомъ распространяться нѣчего долго. Словомъ—полное одиночество, одиночество необитаемаго острова... Хуже! Что необитаемый островъ! Необходимость пищи заставляетъ тамъ думать, искать, наблюдать... Тутъ же и мысль не смѣла дѣйствовать, потому что обитавшіе мѣсто люди взглядами, отношеніемъ говорили, что твое, мое положеніе самое беззащитное; ничего у тебя нѣтъ, ничего не будетъ, и дѣло твое пропащее въ конецъ. Слабая, едва-едва теплившаяся надежда, что вотъ, молъ, воротится изъ поля отецъ—одна только, и то какъ неосуществимый сонъ—мелькала иногда у матери дикаго и передавалась ему такъ же въ слабой, чуть-чуть слабой степени... Онъ, какъ и всѣ его односельцы, уже ребѣнкомъ маленькимъ, только начинающимъ ходить ребѣнкомъ, зналъ, что ему надежды нѣтъ ни на что, что ему никто ни чего не дастъ и что самъ онъ ничто... Голая земля подъ нимъ и голый онъ самъ на этой землѣ: вотъ его положеніе, средства, надежды—все.

Какъ-то на гѣто пріѣхали въ деревню господя, очень долго жившіе за-границей и въ столицѣ. Тогда только что начиналось вполнѣ выясненное теперь и очень смутное въ ту пору стремленіе слитія и пр. и пр... Поденщица попала къ господамъ на работу и, какъ людямъ чужимъ, постороннимъ, за два, за три дня работы, рассказала свое горемычное житье, все въ подробности... Изумились, растрогались, сжалились, набавили цѣлый рубль, дали мальчишкѣ старые сапоги своего сына, накормили... Тонко наблюдателенъ голодный народъ! И мать дикаря-мальчишки увидѣла, что надо пользоваться добротой господъ: *«подай барчику лопаточку»*... *«повези волясочку»*... *«прогони со-*

баку, видишь—баринъ пужается...» стала она поминутно твердить своему неуклюжему волчонку.

— Да ты присылай его къ намъ играть съ Мишей? былъ результатъ этихъ стараній голодной матери.

Съ этого дня Федоръ (такъ звали волчонка) сталъ ежедневнымъ посѣтителемъ барскаго дома, ничего не понимая, зная только, что такъ ему лучше. Молча возилъ Федюшка колясочки, таскалъ песокъ для пирожковъ, отгонялъ собакъ и терпѣливо ждалъ новыхъ и новыхъ приказаній, зная, что его дѣло—ихъ исполнить; его кормили здѣсь, и онъ тотчасъ убѣгалъ домой, когда ему ласково говорили: «ну ступай, ужъ поодио, тебѣ, должно быть, мать ждетъ»... Федюшка очень хорошо зналъ, что это ласковое вниманіе къ матери означало—«ты больше не нуженъ, Миша будетъ спать», но ни капли этимъ не обижался, потому что и мысли не могъ допустить, чтобы онъ былъ чтонибудь значущее. Онъ былъ брошенный на улицу опорокъ, свалившееся съ возу полѣбно, словомъ—никому на на что ненужное созданіе. Спасибо, что хоть кормятъ. Онъ служилъ за-кормъ, за-воду и ничего не понималъ даже въ окружавшей его обстановкѣ барскаго дома, это все было чужое...

Скорѣй на несчастье, чѣмъ на счастье Федюшки, это сознаніе себя чужимъ не только въ барскомъ домѣ, но вообще на всемъ бѣломъ свѣтѣ, было, мало по малу, по капелькѣ разрушено матерью ребенка, которому Федюшка услуживалъ въ благодарность за ѣду... Барыня эта была одна изъ тѣхъ странныхъ матерей, которыя никакъ не могутъ пользоваться тѣмъ, что дано имъ дѣтямъ природой, тѣмъ, что въ нихъ есть и что можетъ быть. Еще до рожденія составила на счетъ своего будущаго сына... (иныя прямо опредѣляютъ, что у нихъ родится сынъ, непремѣнно сынъ или непремѣнно дочь, и бываютъ ужасно недовольны всю жизнь, если выйдетъ иначе) самые опредѣленные планы: опредѣлила цвѣтъ волосъ, цвѣтъ глазъ, походку, выговоръ, складъ губъ и длину носа; она крайне была обижена, когда, по рожденіи ребенка, примѣты и качества его оказались вовсе не такія, о какихъ она фантазировала: ни волоса, ни носъ, ни ротъ не соответствовали предначертаніямъ предусмотрительной матери; все было другое, другихъ размѣровъ, цвѣта и выраженія... Не такой былъ голосъ, не такую оказалась походка, когда онъ сталъ ходить, словомъ—все не то. Это до того огорчило мать, съ перваго дня рожденія ребенка, что она, несмотря на то, что ребенокъ принадлежалъ именно ей, никогда не могла уничтожить (да и мало объ этомъ старалась) въ себѣ какой-то холодной къ нему отчужденности. Разъ сказавъ себѣ, что «это не то,

это—не тотъ ребенокъ», она не могла отдѣлаться отъ этого страннаго мнѣнія и равно ничего не понимала (а въ послѣдствіи привыкла не понимать) въ томъ, что дано было ея ребенку, и въ томъ, что онъ по своей натурѣ совершитъ... Всѣ дни этого мальчика были испещрены недоумѣвающими вопросами матери: «Что онъ дѣлаетъ? Что это за фантазія? Откуда это? Я не понимаю—зачѣмъ? Что ты хочешь?» И, въ концѣ концовъ—«ужась, что за-ребенокъ?» Я просто не знаю въ кого... на что... что такое?.. Что бы онъ ни сдѣлалъ, что бы ни сказалъ, куда бы ни пошелъ—все выходило не такъ, не то, не туда, все было не такъ, какъ предположила мать и какъ поступилъ бы ея предначертанный сынъ... Обыкновенно, такіа матери въ конецъ задегиваютъ своихъ дѣтей и дѣлаютъ ихъ своими заклятыми врагами. И въ маленькомъ Мишѣ, вмѣстѣ съ забитостью, уже развивались сѣмена злости и мести.

Какъ не страннымъ это покажется, а однако случилось, что Оедюшка, дикій, ничего непонимающій, голодный желудокъ, голодный и неуклюжій, и неразвитой, выступилъ неожиданно въ новой роли—не простого служащаго господскому барчуку, не простого поденщика, таскающаго по барчукову приказу лопатки и тележки—нѣтъ, онъ внезапно выступилъ, какъ *примѣръ* этому барчуку... Чего только не выдумаетъ иная сообразительная мать.

Оедюшка—*примѣръ* господскому ребенку! это также правдоподобно, какъ еслибы сѣдло было примѣромъ для коровы или еслибы господскій ребенокъ былъ примѣромъ для всѣхъ Оедюшекъ на свѣтѣ. А между тѣмъ, вышло-же что Оедюшка сталъ примѣромъ, образцомъ ума, изящества, словомъ—образцомъ всевозможныхъ добродѣтелей. Конечно, добродѣтели эти приписывались ему, какъ деревянному болвану, какъ куклѣ, которой, какъ говорятъ, бываетъ, больно, когда ее бьютъ, которая будто бы пришла въ гости и т. д. Оедюшка такъ это и понималъ и долгое время смотрѣлъ на себя не иначе, какъ на деревяшку, когда его ставили примѣромъ какого нибудь хорошаго качества. «Посмотри какъ Оедюшка... Видишь, какой умный Оедюшка... Какъ тебѣ не стыдно! вонъ Оедюшка даже смѣется. Правда, Оедюшка, какъ это не хорошо? Да? Ну, вотъ видишь: Оедюшка говоритъ что это не хорошо». Безчисленное количество такихъ указаній на Оедюшку, на Оедюшкинъ умъ, понятливость и прочія хорошія качества, послѣдній, въ качествѣ деревянной куклы, переносилъ съ величайшимъ терпѣніемъ, памятуя, что все это его не касается и что слава Богу, что кормятъ.

Но через годъ, другой (господа стали жить въ деревнѣ даже по зимамъ) такихъ увѣреній въ какихъ-то превосходныхъ качествахъ Федюшкиной особы, по капелькѣ, на мгновеніе начали протачивать его съ дѣтства обезнадеженное сердце. Однажды, во время такихъ похвалъ, бѣлое, безцвѣтное лицо его вспыхнуло, и онъ, не позволявшій себѣ сказать никогда ни одного своего слова, произнесъ ко всеобщему удивленію, какъ-то не обыкновенно радостно и торжественно: — *«ко мнѣ батька вотъ придетъ мило!»* Даже на лбу, при этихъ словахъ, у него загорѣлось красное пятно, точно звѣзда. Никто не могъ сообразить, какая связь между мнимыми похвалами мнимымъ качествамъ деревянной куклы и необычайнымъ восторгомъ этой послѣдней, въ виду того, что у нея есть какой-то батька, который *мнѣ вотъ придетъ*. А связь была несомнѣнная. Федюшка, постоянно одобряемый, впрочемъ, никакъ не раньше, какъ черезъ два года этихъ непрерывныхъ одобреній, сталъ позволять себѣ вѣрить, хотъ на мгновеніе, на одинъ мигъ, что онъ — не совсѣмъ пропащая тварь, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, такой же человекъ, а можетъ и лучше еще, чѣмъ другіе Федюшки... Вѣдь говорятъ же ему объ этомъ каждую минуту?.. И вотъ, чтобы самому себѣ доказать, что онъ — не пропащій, онъ припомнилъ, какъ уже извѣстно, единственный серьезный резонъ, имѣвшійся у нихъ съ матерью, связывавшій ихъ, хотя очень отвлеченно, съ обществомъ живыхъ людей и дававшій хотъ какое нибудь объясненіе ихъ горемычѣйшему, безнадежнѣйшему существованію... И вотъ почему онъ неожиданно буркнулъ о своемъ отцѣ. Онъ хотѣлъ сказать, что недаромъ его хвалить: онъ, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, настоящій, не кукольный Федюшка, къ нему даже еще отецъ вотъ придетъ, тоже настоящій, и звѣзда у него во лбу загорѣлась отъ того, что онъ на мгновеніе позволилъ себѣ узнать что онъ — не кукольный Федюшка...

«Повторяю, только мгновеніями въ сознаніи мальчика мелькало что-то похожее на увѣренность, что — онъ не ничтожество, не бросовый ошметокъ... Да и трудно было укрѣпиться этой увѣренности. Каждый день, исполнивъ ампула «примѣра», Федюшка возвращался вечеромъ въ лачугу матери, въ атмосферу все той же безысходной бѣдности, которая вынащивала его и вскорнила. Каждый Божій день ему представлялась необходимость убѣдаться, что настоящее-то его существованіе — именно въ этой лачугѣ, въ этой бѣдности, одиночествѣ, а вовсе не тамъ, гдѣ, хотъ для примѣра, смотреть на него, какъ на живое существо. Сознаніе, что онъ, Федюшка — ничто, было такъ глубоко вкоренено въ

немъ, такъ глубока была его увѣренность въ томъ, что онъ только для примѣра имѣетъ право быть въ другомъ мѣрѣ, дышать другимъ образомъ, что даже нѣкоторое развитіе, нѣкоторое пониманіе, прибрѣтенное имъ въ господскомъ домѣ, онъ считалъ также принадлежащимъ не ему, а кому-то другимъ, чужимъ. Онъ, напримѣръ, давно уже выучилъ, стоя за спиной господскаго барчука, не только азбуку, которой того учили, но склады, зналъ какъ надо читать, но не могъ-бы прочесть ни строки, ни слова, такъ какъ все въ немъ твердило ему: это—не твое дѣло, это—дѣло чужихъ людей, не такихъ, какъ ты. Не знаю, какъ выразить и выяснитъ лучше это состояніе: не яснѣ ли будетъ оно, если я скажу, что Федюшка смотрѣлъ на незамѣтно прибрѣтаемое имъ развитіе, какъ на чужую собственность, и не умѣлъ обращаться съ этой собственностію, употребленіе которой могли знать только другіе...

Но въ рѣдкія минуты, когда у него на низкомъ маленькомъ лбу, закрытомъ рѣдкими, бѣлыми, шаршавыми волосами, загоралась звѣзда радости, онъ вдругъ, изумляя всѣхъ и самъ изумлялся едвали неболѣе другихъ, вдругъ обнаруживалъ и узнавалъ, что онъ ужъ давно знаетъ читать и что умѣетъ прочесть слово въ какой угодно книгѣ...—«Да онъ отлично знаетъ читать?» уже не какъ о куклѣ, а съ явнымъ удивленіемъ, произнесли, однажды, родители Миши, когда Федюшка, самъ не помня и непонимая чтò съ нимъ дѣлается, задыхаясь отъ радости, вдругъ безъ ошибки промахалъ цѣлую страницу и мгновенно доказалъ, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, способнѣй и умнѣй господскаго Миши, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ, на этотъ разъ служить ему неподдѣльнымъ примѣромъ. Но, если бы Федюшку заставили читать самого, то есть, дѣлать свое, а не чужое дѣло (умѣть читать—чужое дѣло), онъ бы спутался, все перезабылъ, потому что самому ему суждена иная участь и на роду ему написано пресмыкаться въ ничтожество... И сознаніе этого постоянно-бы мѣшало ему быть такъ же свободнымъ въ своемъ дѣлѣ, какъ совершенно свободенъ онъ въ чужомъ.

Однако, развитіе Федюшки, несмотря на его забытость, несмотря на то, что свою горемычную участь онъ съ каждымъ днемъ могъ различать яснѣе и яснѣе, шло да шло понемногу, и звѣзда во лбу, вопреки всацескимъ резонамъ, представляемымъ суровою дѣйствительностію, загоралась все чаще, да чаще... Разгоралась она, несмотря даже на то, что, кромѣ горемычнаго существованія, съ нѣкотораго времени на его пути стала новая бѣда: понемножку, съ крайнею деликатностію и гуманностію,

*

ласковое обращеніе господь съ Оедюшкой начало измѣняться въ худую сторону... Нѣтъ ничего хуже, жестче и неумолимѣй родительскаго сердца, разъ оно тронуто за живое... А Оедюшка не разъ трогала его... Ужь одно то, что онъ выучился читать, будучи куклой, раньше, чѣмъ настоящій Миша выучилъ азбуку — ужь это одно какъ обидѣло барыню и барина, несмотря на то, что для барыни сынъ ея былъ ненастоящій, не тотъ, котораго она желала. — Едва только Оедюшка оказался въ самомъ дѣлѣ Оедюшкой, а не куклой для примѣра, тотчасъ проснулось родительское сердце и тотчасъ ожесточилось: сначала на судьбу, которая дала вовсе не того ребенка, какого слѣдовало (тотъ бы заткнулъ за поясъ всѣхъ этихъ Оедюшекъ), потомъ на ненастоящаго ребенка, который ставитъ мать постоянно въ непріятное положеніе, и, наконецъ, на Оедюшку, который Богъ знаетъ зачѣмъ тутъ толкается и только еще болѣе дѣлаетъ непріятностей и такъ ужь огорченной матери... Потомъ ужь, по особенной логикѣ, вышло такъ: Оедюшка только мѣшалъ, и только отъ Оедюшки Миша и не успѣлъ въ ученьи...

И отецъ Миши, и мать, одинаково сознавали, въ тѣ минуты, разумѣется, когда Оедюшка изумлялъ ихъ появленіемъ во лбу звѣзды, что онъ тутъ — лишній, что онъ мѣшаетъ... Но, такъ какъ они были люди совѣстливые и гуманные, то и не прогнали его, а продолжали пускать въ хоромы, только деликатно давая замѣтить, что онъ, Оедюшка — не богъ знаетъ чтѣ такое... «Не сбивай, пожалуйста... Ты, Оедя, постоянно мѣшаешь... Ты видишь, Миша учится, а ты стучишь... Иди на улицу стучать»... и т. д. понемножку, по капелькѣ, Оедюшкѣ стали доказывать совсѣмъ другое: т. е., что онъ — вовсе не примѣръ и что онъ — мущина, и неучъ, и что настоящее мѣсто его вовсе не тутъ... Все это, разумѣется, въ высшей степени деликатно.

Но чтѣ подѣлаешь съ разъ начавшей разгораться во лбу звѣздой! Правда, и лобъ-то этотъ былъ маленькій, низенькій, весь заросшій по краямъ и сверху бѣлыми, шаршавыми, какъ солома, волосами, и звѣзда-то въ немъ разгоралась рѣдко, свѣтила робко-робко... А, все-таки, разъ начавъ свѣтитъ, стала свѣтить, несмотря ни на чтѣ: ни на то, что горѣла она въ лачугѣ, разрушавшейся все болѣе и болѣе, что предъ ней была непроглядная тьма будущаго и что ее застигали, кромѣ того, холодныя тучи въ видѣ холоднаго господскаго равнодушія...

И случилось съ замореннымъ, обреченнымъ на явную гибель существомъ нѣчто весьма странное, хотя случающееся на Русь, именно въ настоящее время, съ великимъ множествомъ простого

народа... т. е. онъ прямо отъ складовъ принялся за чтеніе книгъ, отвѣчающихъ самымъ настоятельнымъ и насущнымъ требованіямъ мысли... У господъ не было ничего, кромѣ книгъ, которыми интересовалась тогда вся грамотная Россія. На просьбы Ѳедюшки дать ему «книжечки почитать» баринъ и барыня обыкновенно говорили: «какія-жь тебѣ книжки? право, ничего нѣтъ такого?»... И давали ему первую попавшуюся подъ руку книгу, будь это—иностранный романъ, политическая экономія или послѣдняя книжка журнала.—«На вотъ, прибавляли они:—вѣдь, не поймешь ничего»...—«Мнѣ такъ!» говорилъ Ѳеда, которому дѣйствительно книжка была нужна просто такъ... такъ какъ звѣзда не меркла во лбу. Но какую-бы книгу тогдашняго времени (а господа были «слѣдшіе») они ему ни сунули, достаточно вспомнить самый тонъ времени, чтобы понять, что всякая тогдашняя книжка, независимо отъ формы, въ сущности своей отвѣчала именно Ѳединому положенію, говорила, хотя и робко, и нѣжно, о немъ, о его бѣдовомъ житьѣ-бытьѣ...

И вотъ, къ такимъ-то книгамъ Ѳедюшка перешелъ прямо отъ складовъ, минуя Еруслановъ Лазаревичей, Псалтырь, житія святыхъ, минуя сонники и письмовники и т. д., и т. д. Въ настоящее время, когда псалтырь и часословъ ужъ не составляютъ главнѣйшихъ основаній грамоты, грамотному простому человѣку приходится прямо переходить къ газетѣ, къ «Вѣдомости», такъ какъ существующая литература, ни лубочная, ни такъ называемая изящная, одинаково не могутъ служить пособіемъ для дальнѣйшаго послѣ новой школы, развитія, а, главное, не могутъ попадать новому грамотнику въ руки: лубочная литература—по своей глупости, изящная—по дороговизнѣ и, пожалуй, нѣкоторой ненужности; все въ этой литературѣ посвящено чуждымъ интересамъ иному міру, чѣмъ міръ грамотнаго пахаря. Единственными пособниками являются газета и трактиръ, дающій право даромъ читать эту газету всякому, кто пришелъ выпить пару чаю. Пересмотрите дешовыя газеты, попадающія въ дешовыя сельскіе трактиры, да и не одиѣ дешовыя, а дорогія и длинныя современныя газеты, припомните ихъ ревностное стремленіе «угодить» не широкимъ вкусамъ почтеннѣйшей публики, припомните ихъ вилянье, ихъ вообще неправдивое, неискреннее, недѣльное направленіе, и вы не безъ сожалѣнія подумаете, что это—очень и очень плохая школа для начинающаго быть грамотнымъ народа.

Но вернемся къ Ѳедюшкѣ. Чтѣ могъ понимать онъ въ тѣхъ книгахъ, которыя въ то время писались и которыя онъ бралъ

отъ господь? Вопросъ этотъ весьма любопытенъ, что книги того времени дѣйствительно имѣли вліяніе на тугой, неразвитой, мало способный и забытый умъ Феодюшка, тѣмъ еще болѣе любопытенъ, что, развиваясь на этихъ книгахъ, Феодюшка ровно-таки ничего въ нихъ не понималъ. Онъ «разбиралъ слова», какъ Петрушка, разбиралъ ихъ цѣлыми десятками, сотнями страницъ, не находя между ними ни смысла, ни связи, а развиваясь, и именно въ томъ самомъ направленіи, какимъ книги были проникнуты. Тайна такого непостижимаго умѣнія развиваться книгой, ничего въ ней не понимая, заключается въ томъ, что развитіе тутъ идетъ не помощью ума или пониманія, а исключительно помощью сердца. Сердце автора подаетъ вѣсть сердцу непонимающаго «слова» чтеца. Кто и когда изъ самыхъ завзятыхъ знатковъ писанія понималъ нетолько доподлинно, а такъ, хоть изъ пятаго въ десятое, что такое читается въ церкви? Какия начотчица «понимаетъ», что такое написано въ псалтырѣ, который она зудитъ по годамъ? Чтò такое это написано въ Апостолѣ? Никто никогда, ни одинъ самый завзятый начетчикъ и граматѣй крестьянскаго званія не могъ и не можетъ рассказать (развѣ что вызудивши дѣло до дна), о чемъ такомъ ему читаютъ, но всякій знаетъ въ чемъ дѣло, потому что сердце понимаетъ сердце автора, будь то Царь Давидъ, Апостолъ, самъ Христосъ... Скрытое въ глубинѣ и массѣ словъ чувство, руководившее авторомъ книги, только оно и улавливается слушателями или чтецомъ, и, улова его, чтецъ или слушатель продолжаетъ только чувствовать въ данномъ его сердцу направленіи, думая о себѣ. Попробуйте спросить вотъ этого стараго старика, всхлипывающаго на печкѣ отъ чтенія псалтыря, такого чтенія, въ которомъ никто ничего разобрать не можетъ—потому что тутъ нѣтъ ни остановокъ, ни связи, тутъ раздѣляется пополамъ одно слово и произносится такъ, что одинъ конецъ прилипаетъ къ предшествовавшему слову, а другой къ послѣдующему—спросите этого плачущаго старика: чтò такое растрогало его въ этихъ, какъ разваленный плетень, натыеанныхъ его внукомъ словахъ?—то, чтò онъ вамъ отвѣтитъ, будетъ непременно годиться въ горбуновскій разговоръ: непременно выйдетъ что-нибудь въ родѣ: «наслѣжу, говорить, слѣдовъ (плачетъ) а ты... гов... (плачетъ), говорить, по нимъ и ходи... (Рыдаетъ)». Словомъ, выйдетъ непременно какой-нибудь смѣшной вздоръ, сразу обнаруживающій, что рыдающій старикъ глупъ, какъ пробка... А между тѣмъ, онъ рыдаетъ тѣми слезами, какими рыдалъ и царь Давидъ... Сердце его также мучается своими прегрѣшеніями, какъ му-

чилось также своими прегрѣшеніями и сердце пророка... Оба одинаково страдаютъ, каждый о своемъ... Старикъ передалось только направленіе книги, такъ; онъ только почувалъ, что мучился человѣкъ, который писалъ, и простое сердце отвѣчало слезами...

Такимъ порядкомъ происходить и чтеніе въ трактирахъ газетъ; не понимая ни этой «фонатизмы», не зная, что Царь-Градъ, Стамбулъ и Константинополь—одно и то же, не понимая, что такое пишется въ романѣ, переведенномъ съ французскаго, что такое поется въ Театрѣ-Буффъ и въ Ливадіи, словомъ, не понимая почти никакихъ словъ газетъ, еле-грамотный ттець отлично хорошо чувствуетъ общее шаромыжнически-практическое и плутовски-улыбающееся сердце газеты и отвѣчаетъ ему смѣлостью, съ которою шаромыжничество возрастаетъ въ народѣ въ значительнѣйшей степени. Точно такъ вліяли непонятныя книги и на Федюшку. Рассказать прочитанное и передать своими словами онъ не могъ; выходилъ всякій вздоръ, но сердце книги онъ чувалъ, понималъ, а сердце въ то время было у книги чистое и доброе... Оно было открыто именно только Федюшкину горю.

Въ плохо кормленномъ, плохо развитомъ, малосильномъ, малоспособномъ этомъ человѣкѣ, выросшемъ въ холодной и непривѣтливой обстановкѣ, человѣкѣ, отчаявшемся въ своемъ правѣ на жизнь, зашевелилось сердце отъ этихъ непонятныхъ страницъ непонятныхъ книгъ, что-то похожее на жалость... Жалко какъ-то ему стало дѣлаться, все сильнѣй съ каждымъ днемъ... И мать жалко, и себя жалко, и жаль, что господа его бросать непремѣнно, и жаль, что на него съ матерью никто и глазомъ не взглянетъ... О Богѣ, о Его волѣ въ дѣлахъ человѣческихъ онъ не зналъ; матери было недосугъ, а господа тоже мало Бога помнили, какъ вообще всѣ господа... Не имѣя поэтому возможности объяснить себѣ своего положенія указаніями Провидѣнія, Федюшка—теперь ужъ Федоръ (ему уже было 14 лѣтъ, когда началось это жалостливое состояніе)—только убивался.—Не понимая, отчего и что, а жалѣлъ, скучалъ и сокрушался сердцемъ... Нѣжное что-то было пробуждено въ этомъ засыпанномъ снѣгомъ горя сердцѣ, нѣжное, какъ подсвѣжный цвѣтокъ... Эта нѣжность дасковость, обнаружилась, по отъѣздѣ господъ, на матери. Ужъ какъ онъ старался ей помогать: и чемоданы таскалъ съ пристани, ходилъ по дворамъ, собиралъ старыя бутылки... Благодаря непонятнымъ книгамъ, пробудившимъ жалость и сожалѣніе къ несчастнымъ страданіямъ, только эта жалость и оживляла его

только она и росла въ немъ... Придетъ время—перестануть на насъ рычать и сердиться сосѣди; перестануть бранить мать; станетъ онъ учиться, и, въ благодарности за то, что никто не сердится на нихъ, самъ никогда не будетъ сердиться. «Всѣ будутъ ласковы другъ къ другу; за конейку, за бутылку драться не будетъ никто... Стоить только всѣмъ быть добрымъ»... Такъ у него ныло въ сердцѣ, несмотря на то, что, по отъѣздѣ господь, у него даже и книгъ не было. Помогая матери, онъ и ее-то вывелъ изъ безнадежно-голоднаго состоянія, и она стала скучать, и у нея стало мелкать «за чтѣ это»? и она, какъ Ѳедюшка, чувствовала, что это все неправильно и, должно быть, когда-нибудь переменится... «Вотъ, придетъ отецъ!» Эта мысль, послѣ отъѣзда господь, стала единственной мыслью ихъ обоихъ; этотъ приходъ былъ бы, увѣрили себя они, началомъ освобожденія; отецъ поможетъ имъ выйти изъ подъ гнѣта всеобщаго превръненія, а они, и въ особенности онъ, Ѳедоръ, покажетъ тогда, какъ онъ добръ, какъ онъ всякому радъ. Тогда всѣ узнаютъ, что были къ нему жестоки, несправедливы, и, раскаявшись, сдѣлаются добры и милки. Будетъ тогда всѣмъ и легко, и весело.

«—Вотъ только пусть придетъ отецъ!»

Съ годами, мысль объ отцѣ, мысль, довольно фантастическая, ни на чемъ не основанная, стала дѣлаться и для сына, и для матери чѣмъ-то почти реальнымъ. Потребность подняться изъ бездны, заставить людей оглянуться на нихъ, заставить ихъ раскаяться и понять, что «мы съ мамкой» ни въ чемъ не виноваты, дѣлалась все настоятельнѣе и сильнѣе. Только приходъ отца, этого, по всей вѣроятности, сильнаго, справедливаго человѣка, котораго всѣ будутъ уважать сразу, съ перваго дня—только его приходъ и помощь могли помочь имъ выйдти изъ беззащитнаго положенія и добиться отъ людей того, чтобы они раскаялись, смягчились, сдѣлались добрыми... Бывали дни, когда и мать, и сынъ, оба вмѣстѣ, и именно сегодня ждали прихода избавителя... «Что-то думается мнѣ, какъ бы батька твой не пришелъ? Что-то ужъ мнѣ стало очень скучно... Право, поди, не пришелъ бы... Пора-бъ придти-то». Ѳедюшкѣ самому было тоже такъ скучно, что онъ ни капельки не сомнѣвался въ справедливости предположеній матери, и твердо былъ увѣренъ, что отецъ придетъ непременно, того и гляди.

Было Ѳедюшкѣ шестнадцать лѣтъ, и вдругъ сбылись предчувствія и надежды. Отецъ, въ самомъ дѣлѣ, пришелъ—таки, и пришелъ въ ту самую минуту, когда имъ такъ стало скучно, такъ скучно...

Пришелъ, и не прошло двухъ дней, какъ, при всемъ честномъ народѣ, передъ цѣлымъ сходомъ, на площади, между волостнымъ правленіемъ и кабакомъ, несчастный, измученный мальчишъ былъ жестоко выпоротъ по желанію своего долго-жданнаго родителя... Два ведра вина, которыя родитель не поскупился поставить міру, сдѣлали свое дѣло: Федюшку выпороли на славу; дюжія руки, укрѣпленныя сивухой, не жалѣли худыхъ Федюшкиныхъ реберъ и засыпали ему въ худыя бока безъ счету... «Хорошенько!» вопіяла пьяная орда: — «заслуживай, ребята, Силанью Ивановичу!»..

Пусть читатель самъ представитъ себѣ, что должно было произойти въ душѣ Феде отъ такого неожиданнаго оборота дѣла, покуда я скажу нѣсколько словъ въ объясненіе того, какъ могло случиться такое несказанно-жестокое дѣло.

Воротившійся отецъ оказался вымуштрованнымъ, вышколеннымъ, хорошо-откормленнымъ бульдогомъ, едва ли ужъ умѣвшимъ понимать какія-нибудь профессіи, кромѣ профессіи вцѣпляться своими крѣпкими зубами въ чье-нибудь горло. Это была одна изъ тѣхъ жесткихъ, тупыхъ тварей, которыя не вѣсть за что готовы съѣсть родного отца... Вѣрный и жестокий, какъ пёсъ, онъ былъ золотымъ человѣкомъ тамъ, гдѣ нужно было караулить ловить, не пускать, вообще *исполнить* какой угодно безчеловѣчный приказъ. Приказъ, и именно трудный, жестокий, какъ нельзя лучше приходился по его жестокой, сухой, бульдожьей натурѣ. Эти собачьи качества, эта собачья выдержка, неумолимость и вѣрность сдѣлали ему хорошую карьеру на службѣ у богатыхъ господъ, которые не нахвалялись имъ въ то время, когда «свой братъ», простой человѣкъ, загрызаемый имъ безъ всякой пощады, смотрѣлъ на него, какъ на бѣшеную собаку. Нѣсколько разъ его собирались убить, стрѣляли въ него изъ ружья, когда онъ караулил у одного богатаго помѣщика лѣсъ; подъ его хищнымъ взглядомъ нельзя было унести ни одного сучка, сорвать ягоды — все видѣлъ, всѣхъ хваталъ, связывалъ, представлялъ куда слѣдуетъ и разорялъ иной разъ до тла цѣлыя семьи крестьянскія изъ-за этого сучка, изъ-за этой ягоды. Самъ онъ былъ безукоризненно честенъ; всякій рубль, нажитый имъ, нажить за вѣрную, безошадную службу; себя онъ на этой службѣ «не жалѣлъ», безстрашно лѣзъ въ огонь и въ воду, если только это было ему велѣно. Онъ и домой-то не шелъ такъ долго, потому что считалъ безчестнымъ оставить *такъ*, безъ призора, то или другое врученное ему дѣло. Всякую службу онъ дослуживалъ до конца, до послѣдней точки той цѣли, съ которой его брали на службу.

Вотъ такой-то желѣзныи и прямой, какъ желѣзная палка, человекѣ, уставъ служить чужимъ людямъ, пришель домой. Не было въ немъ гнѣвности никогда, а поведеніе его жены, сдѣлавшееся ему яснымъ съ перваго дня прихода, еще болѣе окаменило его каменное сердце. Она, по его мнѣнію, не должна была безчестить его распутствомъ, какъ онъ не безчестить ея. Она была бѣдна — да, вѣдь, и онъ нищимъ вышелъ изъ поля; однако, онъ прожилъ честно, а она опозорила его на весь свѣтъ. Онъ всю жизнь бился для того, чтобы добыть имъ же — отчего же не билась она? Живуть же люди и безъ распутства.

Начались, съ первой минуты свиданія, жестокиа, звѣрскія сцены. Разозленный и обиженный звѣръ вгрызался въ пронащую женщину безъ всякаго милосердія... Онъ и мстилъ этимъ, и одновременно хотѣлъ поднять свою репутацію, сразу поставить себя среди земляковъ на хорошую ногу. Какъ не покажется это страннымъ, а было дѣйствительно такъ: солдатъ доказывалъ, что онъ — не кто-нибудь, а человекѣ, знающій порядокъ, знающій, что значить жить честно, благородно. Въ одну изъ такихъ семейныхъ дракъ, Федюшка, изумленный и опешоленный неожиданнымъ появленіемъ такого звѣря, не помня себя, вцѣпился ему въ нафабранные бакенбарды, и вотъ бульдогъ отомстилъ ему. Два ведра вина, какъ уже сказано, сдѣлали дѣло. Миръ выпилъ ихъ и выпоролъ, на славу выпоролъ несчастнаго Федьку... Солдатъ требовалъ беспощаднаго дранья, и миръ, исполняя это требованіе, понимая, что этой жестокостію, обрушившеюся на жену и на сына, солдатъ доказываетъ собственное свое превосходство надъ ихъ грязной и позорной жизнью и поведеніемъ, доказываетъ, что онъ честенъ, порядоченъ и почтененъ и что этимъ ужъ очень высокимъ пониманіемъ своей чести онъ даже и семью свою хочетъ оградить отъ всякой гнѣи позора. Рѣшительно не нахожу словъ, которыя бы могли съ достаточною ясностію представить читателю то, что испытывалъ Федоръ отъ этихъ вдругъ постигнувшихъ его жестокихъ, безчеловѣчныхъ неожиданностей. Онъ весь былъ раздавленъ ими, сломанъ, скоманъ въ комокъ. Ничего не чувствуя, не понимая, онъ весь какъ бы задохнулся и окаменѣлъ...

Черезъ часъ послѣ ужасной сцены у волостного правленія, Федоръ, не зная какъ — очутился на одной изъ барокъ, стоявшихъ на рѣкѣ, и, трясаясь всѣмъ тѣломъ, на всѣ разпросы барочниковъ слабымъ, до смерти испуганнымъ шопотомъ могъ произнести только: «бо-юсь!» «бо-юсь!».. Къ нему нельзя было въ это время прикоснуться пальцемъ, немедленно шопотъ пре-

вращался въ отчаянный крикъ. «Боюсь!»; взвизгивалъ онъ, бросающься въ сторону и расшибая голову о дрова, о что попало, точно до него дотрогивались не пальцемъ, а каленымъ желѣзомъ. Какъ онъ ухитрился спрятаться на баркѣ, я не знаю; только барочники, не зная о томъ, что онъ скрывается у нихъ, увезли его съ собой, направляясь къ Нижнему. Испуганный и трепещущій, два дня безъ пищи просидѣлъ онъ въ самомъ глухомъ, непримѣтномъ углу барки, покуда случайно не отырыли его тамъ. Поругавъ и покормивъ, барочники оставили мальчишку, рѣшивъ «пуцай!», и не обращали ужъ больше на него никакого вниманія. Истерическій ужасъ, въ которомъ мальчишекъ очутился на баркѣ, началъ понемногу проходить, замѣняясь совершенно опредѣленнымъ испугомъ передъ всѣми и передъ всѣмъ. Все для него было страшно и жестоко. Люди, весь бѣлый свѣтъ, испугали его—неизлечимо, на вѣки-вѣковъ. Какъ могъ онъ понять и объяснить себѣ все, что съ нимъ случилось съ первыхъ дней дѣтства?.. Онъ—комарь, котораго, не задумываясь и не безпокоясь, убиваетъ всякій, кому онъ мѣшаетъ. Но чѣмъ, кому онъ мѣшалъ? Онъ ничего не могъ понять и зналъ одно—что невѣдомо почему его всѣ хотятъ уничтожить, раздавить, стереть съ лица земли... Нѣтъ спора, что жизнь можетъ напугать всякаго, что всякій можетъ иной разъ почувствовать ужасъ своего существованія на бѣломъ свѣтѣ, но такъ испугаться бѣлаго свѣта, какъ испугался его Федоръ, едва ли приходится или приходилось кому-нибудь другому. Въ немъ навѣки запечатлѣлся страхъ, испугъ и увѣренность, что ни отъ кого ничего онъ не имѣетъ ни права, ни возможности ждать, кромѣ жестокости, непонятной и необъяснимой.

— Чтò ты? Куда ты? Ай ты угорѣлъ? окликнулъ Федора одинъ барочникъ въ то время, когда подошли уже къ нижегородской пристани и ночевали тамъ.

— Утоплюсь! отвѣчалъ Федоръ.

— Ребят! глянько, что малой-то вздумалъ!..

Нѣсколько человѣкъ проснулось и обступило Федюшку.

— Это—чтò-жъ ты, паршивецъ, дѣлаешь? а? Это ты за нашу хлѣбъ-соль-то насъ хочешь подвести подъ сикурсъ? ахъ, ты, дурья твоя порода, загалдѣли вокругъ него барочники.

— Захотѣлъ топиться, шутъ тебя возьми—пошолъ топись.

— Да не пачкай компаніи, къ отвѣту не подводи.

— Мало тебѣ мѣста-то, корявой дубинѣ?

— Прогнать его, шельму, прочь!

— Пшолъ, пшолъ!

— Обыскивать его, анаему!

Стали обыскивать; оказалось, что Федоръ, для лучшаго выполнения задуманной операціи, наклакъ за пазуху подъ рубашку множество камней, кирпичей и туго подвязалъ подъ ними поясъ. Ему казалось, что такъ онъ скорѣй пойдетъ ко дну.

Всеобщій гнѣвъ замѣнился смѣхомъ, а Федюшкинъ испугъ разрѣшился слезами. Онъ объявилъ, что не пойдетъ тониться, что виноватъ. Просилъ, чтобъ его не гнали, спрашивалъ: «куда ему теперь?»

— Иди въ полове... ноне армарка стойтъ... еще деньги наживешь.

Какой-то добрый человекъ свелъ его въ одинъ изъ безчисленныхъ, въ армарочное время, трактирныхъ заведеній, и Федоръ сталъ половымъ за харчи и за доходы, какіе случатся, но безъ жалованья. Ежеминутно чувствуя себя совершенно чужимъ на бѣломъ свѣтѣ, чужимъ между всѣми этими орущими, пьющими и дерущимися людьми, онъ рѣшительно не замѣчалъ, что такое кругомъ него творится, и работалъ, какъ неустанная машина.

Такъ прошла вся армарка.

У Федора вдругъ оказалось рублей тридцать денегъ, сумма, накопившаяся незамѣтно, и Федоръ тотчасъ, какъ только считалъ деньги, вспомнилъ о матери. А какъ только вспомнилъ о ней, такъ и о себѣ вспомнилъ, и въ пришибленномъ мозгу опять замелькалъ какой-то свѣтлый лучъ... Опять ему стало ужасно жаль... Жаль «всего этого», жаль до слезъ... И ревѣлъ онъ надъ своими деньгами долго-долго... Хозяинъ даже отобралъ у него эти тридцать рублей себѣ подъ сохраненіе, прибавивъ:

— Такъ-то оно лучше будетъ... меньше будешь нюни-то разводить...

Федоръ, однако, и безъ денегъ нерѣдко обливался горячими слезами; во снѣ онъ плакалъ каждую ночь и кричалъ, причиняя посѣтителямъ нумеровъ постояннаго безпокойства, тѣмъ не менѣе, хозяинъ держалъ его у себя и послѣ армарки, дорожа его покорностію, выносливостію и безкорыстіемъ.

Федоръ жилъ, не думая о будущемъ. Вновь пробудившаяся жизнь сердца, сильнѣй, чѣмъ въ первый разъ, овладѣла имъ... Его уже не просто брала жалость къ себѣ и ко всему, что съ нимъ случилось; мысль его пошла дальше: онъ сталъ понимать, что всѣ эти на смерть испугавшіе его люди—такіе же испуганные, какъ и онъ, что кто-то или что-то исковеркало, изуродовало ихъ, и ему еще жалче стало всѣхъ ихъ, чѣмъ было жалко

прежде.— Вѣдь, надо же какъ-нибудь имъ узнать это? Какъ же это такъ? За что они бьютъ, губятъ другъ друга? Вѣдь, тутъ только два слова сказать, и ничего не будетъ. Какъ же можно все это оставлять такъ, зря? Вотъ, примѣрно, какіе стали волновать вопросы этого некрасиваго полового, подающаго кипяткъ. Онъ крайне удивлялся, что какъ это ничего никто не скажетъ? отчего это не придетъ какой-нибудь умный человѣкъ и не растолкуетъ... Что растолковать? и какъ? Этого Федоръ не зналъ... Рѣчь, которую онъ предполагалъ въ устахъ умнаго человѣка, имѣющаго придти, въ головѣ Федора никакъ въ порядкѣ не приходили.— Вы что-же это, ребята? такъ, вѣдь, невозможно.. Эту фразу хорошаго человѣка онъ слышалъ ясно, но дальше не зналъ, что будетъ хорошій человѣкъ говорить. Дальше были только вопросы: какъ? зачѣмъ это? да развѣ это хорошо? и т. д.

Отъ этихъ вопросовъ Федоръ рѣшительно не могъ отдѣлаться и, какъ бы вы думали?—сталъ писать...

Заведеніе запиралось въ два часа ночи; только къ тремъ успѣвали убраться и вывести запоздавшихъ гулякъ, и, съ трехъ до бѣла свѣта, Федоръ, не смыкая глазъ, при свѣтѣ салнаго огарка, выводилъ карандашемъ по ключку бумаги, положенному на когѣно, каракули печатными буквами. Писалъ онъ стихами и плакалъ... Не берусь передать, что это были за стихи. По всей вѣроятности, кромѣ непонятной чепухи и безграмотности, они не представили бы никому ничего интереснаго. Тѣмъ не менѣе, Федоръ крѣпко берегъ ихъ и тщательно пряталъ въ тайныя мѣста.

И съ каждымъ днемъ необходимость передать бумагѣ накопившіяся думы овладѣвала Федоромъ сильнѣй и сильнѣй. А, вмѣстѣ съ этимъ, сами собой выросли и думы.

Не менѣе года просидѣлъ онъ на чердакѣ и выработалъ довольно смѣлый, довольно нелѣпый, но довольно понятный планъ: ѣхать съ этими сочиненіями и думами въ столицу; тотъ, кто пишетъ книги, тотъ человѣкъ (такъ выдумалъ Федоръ) и есть тотъ самый хорошій человѣкъ, который одинъ только и можетъ сдѣлать добро. Федоръ зналъ это по себѣ: онъ писалъ по ночамъ, потому что ему было жалъ людей, потому что онъ хотѣлъ, чтобы люди не пугали другъ друга, какъ пугаютъ людей бѣшенныя собаки. Такъ и всѣ, кто пишетъ книги. Онъ зналъ, что сочиненія его плохія, что пишетъ онъ не хорошо и что даже почеркъ у него Богъ знаетъ какой (хотя въ теченіи года онъ съ невѣроятными усиліями выучился писать по «писанному», а.

не по печатному) — все это онъ зналъ; но жизнь такъ странно обошлась съ нимъ, онъ такъ ясно видѣлъ, что она запуталась, что въ ней какая-то фальшь, отъ которой людямъ нѣтъ житея, что, несмотря на все, не покидалъ этого плана. Онъ подумалъ, что тамъ разберутъ, испугаются, когда онъ расскажетъ, и закричатъ на весь бѣлый свѣтъ: — что вы, ребята? Развѣ такъ возможно? Это, братцы — не модель! Что вы, полоумные, очухли, что ли?

Еще черезъ годъ онъ осуществилъ этотъ фантастическій планъ. Какъ онъ это сдѣлалъ — не знаю. Знаю, что цѣлый годъ онъ копилъ пятаки и гривенники, сколотилъ деньги на покупку сюртука, шапки, сапоговъ и жилета, и пр., пр., и почти уродомъ прибылъ въ столицу. Коровый, маленький, пугливый, дикій, въ платьѣ, которое было шито на чужой ростъ, онъ былъ и жалокъ, и неуложъ, и вообще ужасно странно.

Въ это время его и узнала рассказчица, дѣвушка, готовившаяся тогда въ сельскія учительницы. Онъ ютился въ углу меблированныхъ комнатъ, работая по ночамъ, когда всѣ уже спали, и приводя въ порядокъ свои сочиненія.

Съ полгода шуршалъ онъ своими бумагами, порядочно-таки надобдалъ жильцамъ; наконецъ, выступилъ въ походъ: понесъ рукописи въ газету. Воротился онъ, весь сияя, и самъ первый вступилъ въ разговоръ съ рассказчицей, рассказалъ ей всю свою исторію и, въ заключеніе всѣхъ перерассказанныхъ несчастій, радостно произнесъ:

— Отнесъ!

Такъ онъ сказалъ это слово, какъ будто невѣсть какое счастье случилось съ нимъ...

— Велико придетъ черезъ недѣлю.

Черезъ недѣлю между Федоромъ и редакторомъ происходилъ такой разговоръ:

— Это все — одинъ стихъ? стоя полуоборотомъ къ Федору и тыкая въ корявую рукопись пальцемъ, небрежно спрашивалъ редакторъ.

— Все одинъ...

— И это онъ же тянется?

— Это? Онъ-онъ.

— Какой же это — стихъ? Развѣ такіе бываютъ стихи? Это — шесть, а не стихъ... Этими шестомъ только голубѣй гонять.

— Тамъ дальше и короче есть... вотъ извольте...

— Неудобно, негодится.

Редакторъ ушелъ.

Глубоко был опечален несчастный поэт. Какъ убитый, сидѣлъ онъ, по крайней мѣрѣ, цѣлую недѣлю на окнѣ въ корридорѣ, откуда его не ободрилъ какой-то добрый человѣкъ, узнавшій, въ чемъ состоитъ его горе. Человѣкъ этотъ подарилъ ему книгу о стихосложеніи, и съ этихъ поръ, еще не менѣе, какъ на полгода, Федоръ вновь отдался своему задуманному дѣлу. Къ шуму бумаги, нарушавшему сонъ жильцовъ по ночамъ, на этотъ разъ присоединился какой-то непрерывный стукъ то ногой, то рукой: это Федоръ учился стопосложенію, вгонялъ свои длинныя, какъ шести, строки въ надлежащія границы и вытягивалъ, какъ вытягиваютъ подошву, короткія... Какъ онъ мучился, какъ онъ трудился, какъ онъ страдалъ — передать нѣтъ возможности. Часто на него нападало полное отчаяніе, такъ какъ перерубленные копытамъ и вытянутые вдвое стихи его явно утрачивали цѣну правды, которую онъ въ нихъ только и видѣлъ.

Наконецъ, кое-какъ облованивъ свои произведенія, онъ вновь пошелъ въ редакцію, и на этотъ разъ уже съ замраніемъ сердца ожидать рокового дня.

Черезъ недѣлю, по обменовенію редакцій, день наступилъ. Дрожа, какъ листъ, Федоръ отправился за отвѣтомъ.

Не скрывая презрѣнія, редакторъ съ перваго же слова почти завопилъ на Федора.

— Да что вы хотите? Что такое вы тутъ выводите? Что вамъ хочется сказать?

— Я...

— Что богатые богаты, бѣдные бѣдны? Дѣ?

— Я...

— Что бѣдные—такіе же люди, какъ и богатые? Такъ? а? дѣ?

— Такъ...

— Что несправедливо обижать, заѣдать? Дѣ? Это? Потому—кисельные берега, молочныя рѣки... Всеобщій лимонадъ-газесъ? Такъ?

— Я этого не писалъ... Я тамъ...

— Такъ я вамъ скажу, внѣ себя завопилъ редакторъ, чуть не по носу хлопая Федора его рукопись:—что, во-первыхъ, все это давно всѣмъ надоѣло и безъ вашей белиберды, а, во-вторыхъ, за эти идеи... вы знаете—что за это?

И онъ прибавилъ внищательнымъ шопотомъ такихъ два словечка, отъ которыхъ Федоръ вновь ощутилъ приступъ необычайнаго испуга и едва не закричалъ, какъ помѣшанный: «бодьсь!»...

Отчаяніе овладѣло бѣднымъ малымъ въ сильнѣйшей степени. Онъ шатался по корридору меблированныхъ комнатъ; никого и ничего не замѣчая, ничего не видя и не слыша, и только по временамъ останавливался, какъ вкопанный, передъ первымъ встрѣчнымъ, бормоталъ:

— Всѣмъ извѣстно! Кабы всѣмъ было извѣстно, ничего бы не было...

Или что-нибудь въ такомъ родѣ:

— Въ тюрьму!.. Да хоть въ каторгу!.. Извѣстно!.. Совѣсти-то въ тебѣ нѣтъ!..

Чтобы мало-мальски помочь ему, успокоить его, рассказчица, со словъ которой написана Федорова повѣсть, пыталась вступить съ нимъ въ разговоръ, пыталась успокоить его тѣмъ, что не съ нимъ однимъ такія неудачи, указывала ему, какъ умѣла, на большихъ, крупныхъ поэтовъ, великихъ людей... Федоръ, не произнося ни слова, напряженно-внимательно вслушивался въ ея рѣчи—вѣдь, ничего онъ этого не зналъ. Не зналъ онъ, что и до него писалось—и Боже мой сколько!—стиховъ на тѣ же темы, что и до него были люди, знавшіе бѣду и желавшіе помочь общему горю... Ничего онъ этого не зналъ и только ужасался, слушая эти рассказы. Когда рассказчица прочла ему дватри сильныхъ и касавшихся поглощавшаго Федора предмета, онъ заревѣлъ и проговорилъ:

— И ничего?

— Чтò ничего?

— Такъ ничего и послѣ этого...

— Покуда ничего...

Федоръ ревелъ.

Чтобы успокоить его, она приводила ему еще болѣе сильный примѣръ неудачи, рассказала ему почти всѣ главнѣйшія событія исторіи и, вмѣсто успокоенія, только ужасала его и ужасала...

— И тутъ ничего не вышло?

— И тутъ... Да еще чтò!..

Коравный, безграмотный, измученный человекъ съ каждымъ словомъ своей собесѣдницы все неотразимѣе убѣждался, что онъ—ничтò, мразь, ничтожество, сравнительно съ тѣми, кто и до него печалился о дѣлахъ свѣта блага. Рассказы дѣвушки доказали ему все его безсиліе, все его безправіе, всю безнадежность его существованія...

Испуганъ онъ былъ прошлымъ и еще больше испугался теперь, узнавъ, что «покуда ничего не вышло».

Онъ окончательно опалѣлъ, и всѣ жильцы комнаты думали, что онъ худо кончитъ. Какъ помочь ему — никто не зналъ. Какъ увѣрить его, что онъ не безграмотенъ, что у него есть будущее, что ужасъ прожитой дѣйствительности можно забыть и что есть какая-нибудь возможность сдѣлать то, что на чердакѣ нижегородскаго трактира задумалъ сдѣлать Федоръ?

Многимъ было жаль его, но всѣ молчали и ждали... Наконецъ, дождались.

Однажды Федоръ неожиданно исчезъ съ утра и воротился въ два часа ночи, съ шумомъ подкативъ на извозчикѣ. Онъ былъ жестоко пьянъ. Полагали, что косушка и будетъ прибижищемъ этому несладному несчастливцу; однако, вышло не такъ... Очнувшись, Федоръ сталъ что-то смутно припоминать, и, по мѣрѣ того, какъ память восстанавливала ему прошлый день, ему начинало овладѣвать что-то ужасное, какой-то необычайный испугъ... Такого полного безсмыслия, въ которое впалъ несчастный, съ нимъ никогда не было. На распросы рассказчицы онъ только отвѣчалъ: «Свинья!» «Продалъ!» — «Кто, что прода?» — «Я»... «Все!» «Всѣхъ!» Потомъ, послѣ новыхъ продолжительныхъ попытокъ привести его въ сознание, онъ пробормоталъ: «Онъ мнѣ самъ сунулъ... въ руку»... — «Что сунулъ? кто?» — «Да этотъ... злодѣй... надоѣло всѣмъ... вотъ»... — «Редакторъ, что ли?» — «Онъ самъ сунулъ»... — «Что сунулъ-то?» — «Деньги... Я такъ шель... онъ мнѣ тенулъ... Свинья, хриstopродавецъ я...»

«Я, говорила рассказчица:—несмотря на всѣ старанія, ничего болѣе отъ него не могла добиться. Но думаю, что дѣло было такъ: шель онъ, должно быть, по улицѣ и наткнулся на редактора, который такъ его недавно озадачилъ. Быть можетъ, видъ его былъ очень жалокъ или редакторъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, только послѣдній могъ предложить «сунуть» ему бумагу... Почему-нибудь, очень можетъ быть, что по разсѣянности, Федоръ взялъ ее, по разсѣянности и не соображая, что дѣлаетъ, выпилъ, напился... И вотъ теперь, очнувшись и сообразивъ, что сдѣлалъ, ужаснулся. Съ его точки зрѣнія, проступокъ этотъ, въ самомъ дѣлѣ, долженъ былъ казаться ужаснымъ. Взявъ деньги отъ человѣка, который объявилъ ему, что ему надоѣли всѣ эти страданія, о которыхъ Федоръ болѣлъ душою, Федоръ продалъ свое право страдать за людей, самъ оказался драхню, которая можетъ отъ рюмки водки забыть двадцать лѣтъ возмутительной неправды... До этой минуты онъ зналъ, что онъ — ничтожество, онъ зналъ, что беззащитенъ онъ на бѣломъ свѣтѣ и что нѣтъ защиты у этого свѣта ни отъ кого; теперь

онъ убѣдился, что объ этомъ ничтожествѣ и хлопотать-то не стоитъ... Прежде онъ былъ испуганъ людьми, а теперь испугался самъ себя. Теперь онъ всего испугался и въ такомъ испугѣ не замѣчалъ, что дѣлаетъ: что не пьетъ, не ѣстъ, что умираетъ съ голоду.

«Я думаю, это было такъ. Впрочемъ, можетъ, и ошибаюсь»...
На этомъ разсказчица кончила.

Третій звонокъ торопитъ глубокую публику выходить изъ залъ. Собесѣдники стали прощаться, унося домой невеселое впечатлѣнiе.

Г. Ивановъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ФАНТАЗИИ И ДѢЙТЕЛЬНОСТИ

ВЪ ДѢЛѢ НАШЕЙ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ.

«Основныя начала не создаются умозрительно, произвольно, а ригорі, но извлекаются изъ живой действительности — индуктивно, слѣдовательно, являются *обобщеніемъ* цѣлой массы однородныхъ фактовъ».

С. Миропольскій.

С. Миропольскій. Планъ и основы устройства нашей народной школы. Спб. 1876 г.

Всякое настоящее, говорить Бёрне, есть невольный наслѣдникъ прошедшаго. Оно не можетъ ни отказаться отъ наслѣдства, ни принять его только *sub beneficio inventarii*. Оно должно принять его безусловно и цѣликомъ со всѣми его долгами. Намъ, русскимъ людямъ, въ особенности не слѣдуетъ упускать изъ виду или забывать этого разумнаго, вполне научнаго изрѣченія, такъ какъ стараго, ненужнаго наслѣдства у насъ едва ли не больше, чѣмъ у кого-нибудь изъ европейскихъ народовъ, такъ какъ старое, прошлое у насъ все еще можетъ считаться новымъ, настоящимъ; мало того—оно должно считаться таковымъ. Если въ послѣднія 15 лѣтъ у насъ что-нибудь измѣнилось, то это, главнымъ образомъ—*форма* застарѣлаго недуга. Изъ остраго, причиняющаго жгучую боль и потому быстро истощающаго и разрушающаго общественный организмъ, онъ сталъ, повидимому, хроническимъ; потерявъ въ силѣ, энергіи, онъ выигралъ во времени. Въ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ ничего страннаго: общественныя болѣзни излечиваются крайне медленно, цѣлыми вѣками и долго еще продолжаютъ точить и разрушать общественный организмъ послѣ того, какъ жизнь выработала въ немъ новыя

элементы, приняла новыя формы, болѣе совершенныя и живучія. Еслибы эта простая мысль проникла общественное сознание, тогда бы мы дѣльнѣе, серьезнѣе относились къ настоящему и не возлагали бы такихъ радужныхъ надеждъ на «новыя учрежденія» потому только, что они «новыя». Можно ли утверждать, что историческая жизнь народа пошла впередъ, если учрежденія его улучшились, не будучи въ состояніи заживить главныя закоренѣлыя язвы народной жизни, не выставивъ новаго принципа взамѣнъ стараго—принципа, въ силу котораго народная и общественная жизнь *по необходимости* приняла бы иное направленіе?

Къ несчастію, оптимизмъ у насъ—явленіе обыденное и проявляется во всѣхъ сферахъ нашей общественной дѣятельности. Кто безъ умолку жуужитъ и выкрикиваетъ на торжественныхъ обѣдахъ, въ залахъ собраний и всевозможныхъ «обществахъ» о быстромъ и громадномъ поднятій народнаго благоденствія, которое якобы будетъ результатомъ желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи? Это—наши оптимисты. Кто общается излечить народныя язвы всѣхъ наименованій чуть ли не въ 5 лѣтъ путемъ «развитія школьнаго дѣла», путемъ народнаго образованія?—Все они же. Они не хотятъ знать, что всѣ сферы народной и общественной жизни тѣсно, неразрывно связаны другъ съ другомъ, что успѣхъ и здоровое развитіе въ одной находится въ полной зависимости отъ того, въ какой мѣрѣ здорова и прочна вся народная жизнь, во всѣхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Они не хотятъ знать, что, напр., развитіе желѣзно-дорожнаго дѣла, при невѣжествѣ, заботности и въ высшей степени тяжелой экономической зависимости массы народа, можетъ служить, главнымъ образомъ, орудіемъ эксплуатаціи этой массы. Точно также не хотятъ они знать, что... здоровая и прочная организація народной школы и ея развитіе возможны только при довольно высокомъ уровнѣ экономическаго благосостоянія народа и при довольно значительномъ развитіи гражданственности.

Мы надѣемся, что читатель извинитъ намъ эти краткія замѣчанія, когда узнаетъ, что предъ нами лежитъ книжка «одного изъ нашихъ извѣстныхъ педагоговъ» г. Миропольскаго—«Планъ и основы устройства нашей народной школы «по идеямъ Каменіуса Коменскаго»,¹ о которой мы думаемъ поговорить съ читателями.

Г. Миропольскій задался ширкою цѣлью: сдѣлать народную школу, выражаясь словами Коменскаго,—«мастерскою гуманности». «Мы желаемъ, говорить г. Миропольскій:—чтобы дѣти выходили изъ школы не только обладая знаніемъ—этого очень мало, но имѣли бы развитой расуодокъ, пробужденную любознательность, навыкъ и любовь къ правдивости, уваженіе къ человѣческой личности, стремленіе къ самообразованію и навыкъ сознательно подчиняться требованіямъ закона (дисциплина). Цѣль, ко-

¹ Мыслитель и педагогъ, жившій и писавшій 200 л. тому назадъ.

торой должна добиваться наша народная школа—развитіе «живой человеческой личности». Но для того, чтобы добиться этой цѣли, воспитаніе юнаго поколѣнія должно вытекать изъ «идеи естественнаго развитія человѣка». Основанное на этой идеѣ воспитаніе и развитіе въ нашей народной школѣ пойдетъ «скоро, легко, основательно и съ вѣрными успѣхами», потому что воспитаніе это будетъ «естественно, а что естественно, согласно съ природой, то само легко и удобно развивается—не нужно только мѣшать природѣ, въ этомъ вся тайна успѣха». Далѣе г. Миропольскій говоритъ, что у насъ подъ «народной школой» подразумѣваютъ всегда школу «крестьянскую» и потому будто бы возникло мнѣніе, что «народная школа есть школа грамотности и ничего болѣе». Но онъ, г. Миропольскій, далеко не раздѣляетъ этого взгляда на народную школу. Она должна быть не исключительно крестьянской, а «всеобщей»; въ ней должны получать начальное воспитаніе всѣ дѣти, безъ различія ихъ пола и общественнаго положенія ихъ родителей. «Развѣ всѣ мы не составляемъ народъ? восклицаетъ г. Миропольскій: — развѣ мы не дѣти необъятной русской земли?» Отвѣтъ, разумѣется тотъ, что всѣ мы—«народъ» и «дѣти необъятной русской земли», одинаково «призванны быть людьми». Поэтому, «пусть же всѣ дѣти идутъ въ храмъ просвѣщенія, наполняютъ школы». «Не только дѣти богатыхъ и важныхъ лицъ, но всѣ одинаково, и дѣти бѣдняковъ, мальчики и дѣвочки, городскіе и сельскіе—*все* должны быть посылаемы въ школу». «Школа должна служить *общему благу* просвѣщенію и возвышенію, потому она должна быть школой для *всѣхъ*».

Мы съ умысломъ привели подлинныя слова изъ книги г. Миропольскаго, для того чтобы охарактеризовать его взглядъ на нашу народную школу, каковой она *должна* быть, его же собственными словами. Не правда ли, читатель, «какую широту воззрѣній, глубину пониманія правъ человѣка и убѣжденье въ его высокомъ достоинствѣ» выказываетъ г. Миропольскій предъ нами? И въ какой сильной степени, прибавимъ мы отъ себя, обладаетъ онъ способностью отвлекаться отъ всего «настоящаго», возможнаго въ данное время, отъ всего конечнаго, и подниматься мысленно до абсолюта, безконечнаго? Предъ этой широтой воззрѣній все отступаетъ и распыливается. Народная школа у насъ *можетъ быть* всеобщей; *ее должна и будутъ* посѣщать дѣти вельможъ, богатей, сѣятельныхъ и высокоблагородныхъ чиновниковъ наравнѣ съ чумазыми, оборванными, ковыряющими въ носу крестьянскими дѣтишками; въ ней не будутъ «уродовать дѣтей психически», такъ какъ учителя будутъ строго держаться «идеи естественнаго развитія человѣка»; въ основу выработки характера дитяти положится: *разумность, сила воли, умеренность и справедливость*; въ ней, въ нашей народной школѣ, при теперешнихъ условіяхъ народной и общественной жизни, будутъ развиваться въ дѣтяхъ любовь къ истинѣ, правдѣ, уваженіе къ

человѣческой личности, чувство собственнаго человѣческаго достоинства безъ отношенія къ будущему общественному положенію этихъ дѣтей, самостоятельность — словомъ, дѣтямъ будетъ внушено «все, что честно и справедливо!» Старайтесь, обращайтесь къ народнымъ учителямъ г. Миропольскій, вибѣствъ съ Коменскимъ:—старайтесь передать и усвоить дѣтямъ все, что справедливо и честно; юношеству должны быть внушаемы всѣ добродѣтели безъ исключенія».

Мы далеки отъ мысли считать идеаломъ школы «учебнице»; мы не хуже г. Миропольскаго и Коменскаго знаемъ, что истинная народная школа должна помогать съ своей стороны выработкѣ изъ юнаго поколѣнія будущихъ дѣятелей, отважныхъ въ исканіи истины, честныхъ въ своей личной и въ общественной жизни, дѣятельныхъ, энергичныхъ, съ развитыми чувствами человѣческаго достоинства; но мы знаемъ также, что главную роль въ выработкѣ подобныхъ людей играетъ не школа, а сама жизнь, вся разнообразная житейская обстановка народа. Мы далеки отъ той близорукости, которая, не взглядывши въ «настоящее», не взвѣсивъ нашихъ наличныхъ умственныхъ, нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ, предлагаетъ современной жизни требованія, подобныя очерченнымъ выше, и до того самодовольна, что вѣрить въ осуществимость, «практичность» этихъ требованій. Мы держимся того взгляда, что, какія бы широкія требованія мы ни предъявляли какому либо учрежденію, оно не будетъ въ состояніи ихъ выполнить, если требованія эти противорѣчатъ господствующему общественному принципу, идуть въ разрѣзъ съ фактами жизни, составляющими частныя проявленія подобнаго принципа. Такой принципъ, густо окрашивающій всю нашу современную жизнь, есть *сословная раздѣльность*, разобщенность народа отъ такъ называемаго «общества». Не смѣшно ли, въ самомъ дѣлѣ, съ этой точки зрѣнія требованіе «*всеобщности*» школы, требованіе школы, въ которой получали бы *воспитаніе* и образованіе дѣти всѣхъ сословій безъ различія?

До тѣхъ поръ, пока сословная раздѣльность въ жизни будетъ *фактомъ*, школы будутъ *сословныя*; пока нація раздѣляется на группы съ различными и противоположными интересами и требованіями отъ жизни, *воспитаніе* подросткающаго поколѣнія будетъ различно, сословно. Вельможа, дворянинъ, богатый промышленникъ или купецъ тогда только пошлютъ своихъ дѣтей въ «народную школу», когда перестанутъ быть тѣмъ, что они суть, когда *интересы* каждаго изъ нихъ сольются съ интересами народной массы. Еще пока дѣятельность школы ограничивается сферою *знанія*, всѣ сословія могутъ и, при известной степени развитія, *будутъ* посылать туда своихъ дѣтей, ибо *знаніе*, какъ и *ремля*, представляютъ собою нейтральную почву, на которой всѣ сословія встрѣчаютъ другъ друга безъ ненависти, вражды и предубѣжденія. *Воспитаніе* же—вещь особая: она охватываетъ совершенно особый міръ внутренняго содержанія человѣческой

личности, міръ нравственнаго міровоззрѣнія, обусловленнаго въ сильной степени интересами и стремленіями личности, ея общественнымъ положеніемъ. Поэтому, пока интересы различныхъ группъ народа будутъ различны, взгляды ихъ на воспитаніе, на то, что хорошо и что дурно, что желательно и не желательно, будутъ различны. Отсюда понятно, почему мы называемъ разговоры г. Миропольскаго о «всеобщей» русской народной школѣ фантастическими.

Можетъ ли школа дать плодъ, который на жизненномъ рынкѣ не имѣетъ цѣны, можно ли подростающему поколѣнію привить тѣ качества, которыя отрицаются современной жизнью, которыя встрѣчаются въ жизни какъ исключеніе, какъ аномалія? Откуда возьмутся у насъ тѣ работники, которые выработали бы изъ юношества «цѣльныхъ людей», «цѣльную человѣческую личность»? Чтобы воспитатель могъ создать «цѣльную человѣческую личность», онъ самъ прежде всего долженъ быть цѣльнымъ человѣкомъ; чтобы создать *здоровое* поколѣніе, нужно самимъ быть *здоровымъ*. Но спрашиваю васъ, читатель: предъявляетъ ли современная жизнь требованіе «цѣльнаго человѣка», иначе—имѣетъ ли современный человѣкъ возможность прилагать всѣ свои способности, всѣ качества своей души къ жизни и путемъ жизненной дѣятельности ихъ развивать, совершенствовать? Если нѣтъ, если современная жизнь выработываетъ только дѣятельныхъ, исправныхъ чиновниковъ, остроумныхъ архитекторовъ, ловкихъ юристовъ, заgreбистыхъ финансистовъ и промышленниковъ, извѣстныхъ ученыхъ и не менѣе «извѣстныхъ» педагоговъ, покорныхъ и выносливыхъ труженниковъ рабочихъ; словомъ, если жизнь выработываетъ не «цѣльныхъ людей», а только дробные *осколки* человѣческой личности, то какими силами небесными мы, осколки, воспитаемъ и взростимъ въ подростающемъ поколѣніи «цѣльныхъ людей»? Въ лучшемъ случаѣ мы выработаемъ изъ юнаго поколѣнія людей себѣ подобныхъ, вытѣсимъ воззрѣнія и предрасудки народа и замѣнимъ ихъ своими воззрѣніями, своими предрасудками, сформируемъ не «людей», а осколки. При этомъ можетъ еще возникнуть вопросъ: дадимъ ли мы народу больше, чѣмъ отняли отъ него, замѣнимъ ли его воззрѣнія болѣе здоровыми и въ правѣ ли мы поступать такъ съ подростающимъ поколѣніемъ народа, если мы сами не можемъ быть ни въ какомъ случаѣ увѣрены въ томъ, что мы—болѣе крупный осколокъ человѣческой личности?

Казалось-бы, довольно только *поставить* эти вопросы, чтобы въ значительной мѣрѣ охладить, обуздать «воспитателямъ» свое рвеніе и не ждать отъ этого воспитанія слишкомъ цѣнныхъ плодовъ.

Г. Миропольскій понимаетъ, что педагогъ, желающій привить ребенку «всѣ добродѣтели», долженъ быть самъ вмѣстителищемъ ихъ; но это пониманіе не приводитъ его въ уныніе; онъ твердо убѣжденъ, что такіе педагоги есть, а въ скорости выйдутъ еще

новымъ изданіемъ изъ нашихъ учительскихъ семинарій. Послушайте только, что онъ говоритъ: «Пока у насъ не было учительскихъ семинарій, нечего было и думать о какой бы то ни было болѣе или менѣе серьёзной попыткѣ устранить ту грустную судьбу, на которую обречены были наши школы. Теперь сдѣланъ весьма серьёзный и въ высшей степени важный шагъ, который радикально долженъ повліять на возвышеніе нашего народно-учительскаго дѣла. Учительскія семинаріи, мужскія и женскія, въ значительномъ числѣ уже открыты и открываются усиліями правительства и земства». «И такъ, учителя у насъ будутъ». Особенно курьёзными покажутся эти desideria, эти возгласы: «Учителя у насъ будутъ», если сопоставить ихъ съ тѣми требованіями, которыя предъявляются г. Миропольскимъ учителямъ.

«Учитель, говоритъ нашъ педагогъ:—долженъ быть справедливъ, но онъ можетъ быть такимъ, если онъ дѣйствительно любитъ справедливость и на дѣлѣ доказываетъ это; если онъ одинаково справедливъ и съ бѣдными, и съ богатыми, съ умными и глупыми, съ друзьями и недругами, если онъ, любя истину, не поддается ни вліянію извнѣ, ни внутреннему случайному настроенію, но твердо» и т. д.

«Средство, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ:—для этой цѣли (т. е. для образованія въ дѣтяхъ истинно-человѣческаго характера)—еще разъ повторю—самъ учитель, полное самоотверженіе и нравственно достойная его личность, внушающая къ себѣ» и т. д.

«Нужна сильная воля, мощная энергія учителю, чтобы быть дѣйствительнымъ воспитателемъ юношества не по имени, а на дѣлѣ».

«Учитель, желающій обучить легко, долженъ отвѣчать характеру новой школы. Онъ серьёзенъ, но добръ; строгъ, но справедливъ; ничего пугающаго, ничего отталкивающаго въ немъ нѣтъ». Мы могли бы привести еще сотню цитатъ, трактующихъ о высокихъ достоинствахъ, необходимыхъ для народнаго учителя, еслибы не боялись утомить ими вниманіе читателя и безъ нужды растянуть нашу статью.

Но и приведенныя выписки ужъ въ достаточной степени выясняютъ взглядъ г. Миропольскаго на учителей «новой школы». Они должны быть воплощеніемъ всего умнаго, честнаго, добраго, высоко-благороднаго, словомъ—должны быть идеаломъ чело-вѣческой личности. «И такъ, учителя у насъ будутъ?! Не знаю, какъ вамъ, читатель, но намъ, когда мы пробѣгали книжку г. Миропольскаго, очень часто приходило въ голову, что онъ, по натурѣ своей—замѣчательный юмористъ...

Всякому, маломальски знакомому съ ходомъ дѣла, съ «практикою» учительскихъ семинарій, этихъ «мастерскихъ» добродѣтельныхъ, идеальныхъ людей, будущихъ «воспитателей» народа, должно быть извѣстно, что онѣ, эти «мастерскія», въ сущности,

ничѣмъ не отличаются отъ другихъ учебныхъ заведеній, напр., гимназій, уѣздныхъ училищъ; разница развѣ только въ программѣ. Всякому должно быть также извѣстно, что руководители-наставники будущихъ народныхъ учителей получили обыкновенное университетское образованіе, въ своемъ житейскомъ и служебномъ положеніи ничѣмъ не отличаются отъ учителей, инспекторовъ и директоровъ гимназій, выросли въ той-же самой средѣ, развивались подъ вліяніемъ тѣхъ же идеаловъ и впечатлѣній, что и всѣ остальные русскіе педагоги. Спрашивается теперь: если до сихъ поръ, при всѣхъ существующихъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ и всемъ наличномъ педагогическомъ штатѣ, «нѣчего было и думать», по словамъ г. Миропольскаго, о контингентѣ дѣятелей «вполнѣ самоотверженныхъ», полныхъ «нравственнаго достоинства», «силы воли» и пр. и пр., то почему должны народиться такіе люди въ учительскихъ семинаріяхъ? Судя по противоположенію, какое дѣлаетъ г. Миропольскій между прошедшимъ и новѣйшимъ, настоящимъ, надо думать, что, напр., отношенія между воспитанниками и воспитателями, учителями и учениками въ большинствѣ педагогическихъ учрежденій разныхъ наименованій, существующихъ давно, нашъ педагогъ считаетъ невыработывающими внутренней самостоятельности, полнаго нелицепріятія, безтрепетной рѣшимости «воздавать каждому должное», не говорить ни одною слою неправды, не взирая на лица, которымъ приходится высказывать горькую истину. Мы вполнѣ согласны съ такимъ воззрѣніемъ, ибо знаемъ, что для развитія въ формирующейся личности указанныхъ качествъ путемъ школьнаго воздѣйствія за нею должны быть признаны извѣстныя права, цѣнныя въ ея собственныхъ глазахъ, священныя для сильнѣйшей стороны, какъ бы подъ часъ они ни были неперіятны для послѣдней. Напротивъ того, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, отношенія между нашими руководителями и руководителями построены исключительно на принципѣ подчиненія послѣднихъ первымъ. *Самостоятельность* ученика, если она выказывается въ рѣзкомъ разногласіи съ учителемъ, называется *строптивостью*, и чѣмъ тверже отстаиваетъ подчиненный неприкосновенность своего разногласія, тѣмъ болѣе онъ «упоренъ», «упрямъ» и «закоренѣлъ».

Мы желали бы, чтобъ г. Миропольскій указалъ намъ: въ какихъ именно семинаріяхъ въ основаніе отношеній воспитываемыхъ и воспитателей положенъ не тотъ же принципъ, что и въ заведеніяхъ иныхъ наименованій? Какія-же еще особенно-сти учительскихъ семинарій оправдываютъ вѣрованіе г. Миропольскаго, что, разъ эти семинаріи существуютъ — «учителя (читай «воспитатели народа») у насъ будутъ»?

Не то-ли, что курсъ этихъ заведеній «примѣненъ» къ специальности воспитанниковъ? что при семинаріяхъ существуютъ образцовыя школы и что изъ преподаваемыхъ въ первыхъ «педагогикѣ» и «психологіи» будущіе воспитатели народа узнаютъ

«природу чловѣка» и «законы его естественнаго развитія»? Но вѣдь только тѣнь знанія этихъ «законовъ» пріобрѣтается *осмысленнымъ* знакомствомъ съ антропологіей и психологіей — науками, которымъ только еще кладутся основы (ибо нельзя же назвать наукой тѣ, въ большинствѣ случаевъ, метафизическія построенія и собранія болѣе или менѣе остроумныхъ, поверхностныхъ наблюдений, которыя до послѣдняго времени носять названіе психологій). Что касается разумнаго и умѣстнаго примѣненія знанія этихъ «законовъ» на практикѣ, то оно можетъ быть результатомъ лишь долговременной, добросовѣстной работы учителя въ народной школѣ, постояннаго пребыванія его въ кругу дѣтей въ школѣ и внѣ ея. Да, наконецъ, не самъ ли г. Миропольскій, на 29 стр. своего труда, сомнѣвается въ возможности специальной «подготовки» чловѣка къ дѣлу воспитанія дѣтей, заявляя: «мы не вѣримъ, чтобы можно было *научить* кого-либо, какъ воспитывать — этому искусству каждый можетъ только *самъ себя научить*...?»

У насъ такъ привыкли къ подготовкѣ всевозможныхъ спеціалістовъ, до того привыкли къ гуртовой фабрикаціи, что ужъ не могутъ себѣ представить такой сферы чловѣческой дѣятельности, для которой готовить людей гуртомъ, по заданному шаблону, невозможно. А между тѣмъ сфера народнаго воспитанія есть именно подобная сфера. Это не есть спеціальность въ смыслѣ напр., инженернаго искусства, гдѣ чловѣкъ имѣетъ дѣло съ неорганическимъ, несложнымъ матеріаломъ и неизмѣнными, точными законами механики; воспитатель имѣетъ дѣло съ такою же живою личностью, какъ и онъ самъ: тутъ вмѣшиваются отношенія чловѣка къ чловѣку и становятся на первый планъ. Вотъ почему отъ воспитателя народа, прежде всего и главнымъ образомъ, требуется, чтобы онъ былъ просто «чловѣкъ» съ *естественнымъ влеченіемъ къ дѣлу воспитанія*, любящій дѣтей и свою дѣятельность и удовлетворяющій въ ней своему призванію. Понятно, что такіе люди вырабатываются не школой, а, главнымъ образомъ, жизнью и природой. Посмотримъ, однако, способствуютъ ли хоть сколько-нибудь учительскія семинаріи очисткѣ воспитательнаго поприща отъ лицъ, не чувствующихъ къ нему призванія. Вотъ что отвѣчаетъ намъ на это «положеніе объ учительскихъ семинаріяхъ въ учебныхъ округахъ»: с.-петербургскомъ, московскомъ, харьковскомъ, одесскомъ и казанскомъ».

«§ 21. Казенные стипендіаты семинарій, по окончаніи въ нихъ курса наукъ, обязаны прослужить въ должности учителей начальныхъ училищъ не менѣе 4 лѣтъ, по назначенію мѣстныхъ попечителей учебныхъ округовъ».

«§ 22. Казенные стипендіаты, которые пожелали-бы оставить семинарію до окончанія курса, а равно не желающіе по окончаніи его прослужить въ званіи народнаго учителя опредѣленнаго въ предыдущей статьѣ числа лѣтъ, могутъ быть уволены изъ семинаріи или освобождены отъ своего обязательства, но не

иначе, какъ по возвращеніи всей суммы, выданной имъ въ видѣ стипендіи».

Г. Миропольскому должно быть извѣстно, что въ семинарію поступаютъ исключительно дѣти мѣщанъ, изрѣдка крестьянъ, лицъ духовнаго званія и мелкихъ, голодающихъ съ дѣлою семейю чиновниковъ. Гонять въ учительскую семинарію юношей не призваніе, а голодъ, а всякому извѣстно, что эти два побужденія очень часто тянутъ въ стороны противоположныя. Ошибка въ своемъ призваніи тутъ довольно легка и обыкновенна. Уплатить свою стипендію—даже путемъ новаго займа—человѣку, у котораго всего богатства—дыра въ горсти—мудрено. Спрашивается: какой-же воспитатель выйдетъ изъ такого учителя, поневоля оставшагося въ училищѣ? Понятно, что онъ будетъ служить только тормазомъ народному воспитанію и образованію.

§ 25 гласитъ: «При опредѣленіи на учительскія вакансіи, казенные стипендіаты имѣютъ преимущество предъ всѣми другими, а стипендіаты земствъ, сельскихъ обществъ и частныхъ лицъ—предъ своекоштными».

Этотъ параграфъ въ трехъ строкахъ выражаетъ ту мысль, что первое, самое важное дѣло—возвратить затраченныя казенныя деньги, разсужденіе вполне разумное съ точки зрѣнія финансовой, но едва ли оправдывающее оптимистскія фразы г. Миропольскаго. Очень вѣдь легко можетъ случиться, что стипендіаты земствъ, сельскихъ обществъ и частныхъ лицъ окажутся болѣе способными и дѣльными педагогами, что, наконецъ, они чувствуютъ влеченіе къ этой дѣятельности, а между казенными можетъ оказаться много или неспособныхъ, или избравшихъ эту дѣятельность только потому, что не могли отъ нея откупиться. Если учительство въ народной школѣ—не мастерство, какъ, напр., столярное, а требуетъ любви и преданности дѣлу, то такое безличное отношеніе къ замѣщенію вакантныхъ мѣстъ учителями-воспитателями едва-ли будетъ полезно школьному дѣлу, какъ его понимаетъ г. Миропольскій.

«§ 24. Воспитанники, окончившіе курсъ, получаютъ, по удостоенію совѣта, свидѣтельство на званіе учителя начальнаго училища и на все время служенія своего въ этой послѣдней должности освобождаются также отъ всѣхъ личныхъ повинностей, не исключая рекрутской, и отъ тѣлеснаго наказанія».

Этотъ § въ высшей степени страненъ! Народный учитель, человѣкъ, на обязанности котораго лежитъ—вносить въ народную среду сѣмена цивилизаціи, человѣкъ, который своими познаніями и нравственнымъ вліяніемъ долженъ разсвѣтать мракъ и «грубость нравовъ»—освобождается отъ тѣлеснаго наказанія *только* на время служенія въ должности учителя, а вздумай онъ оставить службу—и порка ему станетъ не чужда! Изъ-за одной перспективы быть когда-нибудь выпоротымъ учитель-«воспитатель» готовъ будетъ сгнить въ школѣ, хотя-бы дѣятельность, выпавшая на его долю, была ему ненавистна.

Намъ могутъ возразить, что всё эти мѣры направлены къ тому, чтобы уберечь учительскія семинаріи отъ наплыва лицъ, которыя поступаютъ въ нихъ съ посторонними цѣлями, для пріобрѣтенія дароваго общаго образованія или связанныхъ съ учительскимъ дипломомъ льготъ, и тѣмъ переполняли бы заведенія, нужныя для внутренне-«призванныхъ» къ дѣлу воспитанія. Но этотъ наплывъ людей «непризванныхъ», поступающихъ туда съ посторонними цѣлями, можетъ быть уничтоженъ только расширеніемъ способовъ къ пріобрѣтенію общаго образованія вообще и уничтоженіемъ тѣлеснаго наказанія вообще и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть одною изъ задачъ учительскихъ семинарій.

Переходимъ къ программѣ «воспитывающей» школы, предлагаемой г. Мирнопольскимъ. Основная мысль, проглядывающая въ его программѣ и не разъ имъ высказываемая—та, что школа должна разсматривать передачу знаній не какъ *цѣль свою*, а какъ *средство* къ умственному развитію и нравственному воспитанію. Мы не понимаемъ, какимъ это образомъ *знаніе*, которое даетъ содержаніе «развитію», безъ котораго никакого правильнаго «развитія» быть не можетъ, очутилось въ незавидномъ положеніи пріслужницы, представляетъ собою какое-то пустое мѣсто. Въ истинное знаніе, т. е. объясненіе явленій вѣшняго и внутренняго міра, всегда *необходимо* приводитъ къ «развитію» интеллекта и душевныхъ качествъ человѣка, а потому можетъ и *должно* само по себѣ служить *цѣлью*. Г. Мирнопольскій хотѣлъ, вѣроятно, этимъ сказать, что народная школа не должна быть какимъ-нибудь специальнымъ учебнымъ заведеніемъ, въ родѣ училища правовѣдѣнія или юнкерской школы, что въ ней не должно *догматически передавать* знанія изъ области вѣшняго и внутренняго міра, но всякое явленіе *объяснять*. Съ этимъ, разумѣется, нельзя не согласиться, ибо знанія, сообщаемыя въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, вполнѣ почтенныя и необходимыя въ интересахъ государства, тѣмъ не менѣе, не такъ существенно важны и *точны*, чтобы составлять базисъ образованія всякаго человѣка, а знаніе, передаваемое догматически, никогда не можетъ быть истиннымъ знаніемъ. Дѣло, такимъ образомъ, сводится къ тому, чтобы: 1) опредѣлить, какія знанія настолько *точны* и важны, чтобы служить основаніемъ образованія ребенка, и 2) чтобы передача знаній утратила свой догматическій характеръ.

Основываясь на томъ положеніи Коменскаго, что «школа должна учить всему», что «школы суть мастерскія гуманности», имѣющія задачей «сдѣлать человѣка человѣкомъ», т. е. «разумнымъ существомъ, покоряющимъ себѣ природу и самообладующимъ», г. Мирнопольскій говорить: «И такъ, въ начальной школѣ въ сжатомъ и сокращенномъ видѣ, въ общихъ элементарныхъ очеркахъ передается дѣтямъ то, что способно сдѣлать ихъ *истинными людьми*, т. е. сообщать имъ необходимыя для

человѣка познания и подѣйствовать на всестороннее развитіе дѣтской природы». «Всѣ науки, цитируетъ онъ дальше Коменскаго: — человѣку невозможно изучить, но каждый можетъ и долженъ научиться основанно и цѣли всего, что есть и совершается, насколько это необходимо въ жизни человѣку». Прекрасно! Нужно, однако, прежде всего замѣтить, что г. Миропольскому не слѣдовало бы такъ слѣпо вѣряться своему вожаку, Коменскому, мыслителю-педагогу, жившему 200 лѣтъ тому назадъ. Коменскій могъ сказать съ большою увѣренностью, что ребенку слѣдуетъ сообщить *есть необходимыя для человека познания* потому, во-первыхъ, что въ его время признавалось, что всѣ умственные и нравственныя качества врожденны человѣку, что ребенокъ — миниатюрный снимокъ взрослого человѣка, что всякое знаніе, изложенное ясно, коротко и въ малой дозѣ, будетъ понятно и *интересно* ребенку; во-вторыхъ, потому, что «познания, необходимыя для человѣка», были также опредѣленны и ясны; если-же нѣтъ, то могли быть «логически» выведены изъ «природы человѣка» — «всеобщей, постоянной и неизмѣнной». Нашему же вѣку сомнѣнія, колебанія всего «всеобщаго, постоянного и неизмѣннаго», вѣку научной равногосицы или, вѣрнѣе, равногосицы, выдающей себя часто за науку, вѣку метафизической путаницы или путаницы, выдающей себя за метафизику — упираться такъ твердо на «природу человѣка» и на «необходимыя для всякаго человѣка познания» рискованно. Рискованно потому, что понятія эти разрѣшаются каждымъ на свой образецъ, причемъ каждый можетъ привести въ оправданіе своего рѣшенія кое-какія научныя данныя. Подтвержденіемъ связаннаго можетъ служить программа, рекомендуемая г. Миропольскимъ для «начальныхъ» училищъ. Въ программу входятъ слѣдующіе предметы:

- 1) «Основательное знакомство съ роднымъ языкомъ, отчетливое чтеніе письменнаго и печатнаго слова».
- 2) «Искусство письма... сперва медленное, потомъ скорое и, наконецъ, письмо съ соблюденіемъ грамматики роднаго языка».
- 3) «Счисленіе на цифрахъ и счетахъ».
- 4) «Геометрія, имѣющая предметомъ измѣреніе протяженія во всѣхъ видахъ и соединенное съ нею черченіе».

Эти знанія суть средства для развитія ума. Для смягченія сердца предназначаются:

- 5) «Пѣніе общеупотребительныхъ мелодій и начало музыки»... Для воспитанія и направленія воли:
- 6) «Катехизисъ, въ связи съ св. исторіей, и нравственное ученіе (?), въ сжатыхъ афоризмахъ (II), изложенное доступно для дѣтскаго возраста».

Наконецъ, школа «должна дать ему (ребенку) тѣ знанія, которыя относятся къ правамъ, обязанностямъ и положеніямъ его, какъ члена общества». Съ этою цѣлью въ программу входятъ:

- 7) «Популярныя практическія свѣдѣнія» политической эконо-

номін), могущія «служить къ уразумѣнію ежедневныхъ явленій въ области жизни домашней, общественной и государственной».

Для выработки «разумнаго взгляда на все современное, насъ окружающее», необходимо «общее знакомство съ историческими прошлыми».

Отсюда необходимость знакомства ученика:

8) «Съ исторіей отечественной и всеобщей, ибо она «судитъ мертвыхъ и даетъ уроки живымъ» и необходима «для сознательнаго участія въ современной жизни».

Затѣмъ «человѣкъ стремится къ побѣдѣ надъ природой». Чтобы дать ему эту возможность, ребенокъ долженъ знакомиться съ

9) «Элементарными свѣдѣніями изъ космографіи (понятіе о горизонтѣ, о движеніи и круглотѣ земли и т. п.); съ географіей — объ океанахъ, моряхъ и рѣкахъ, о частяхъ свѣта и главнѣйшихъ государствахъ Европы, особенно-же знакомство съ своимъ отечествомъ (отечествовѣдѣніе)». Наконецъ,

10) «Нѣкоторыя ремесла и практическія свѣдѣнія изъ механическихъ искусствъ не для изготовленія изъ дѣтей мастеровъ, но чтобы они не были невѣждами и въ этой области».

Пропускаемъ родной языкъ, обученіе чтенію и письму, геометрію и законъ Божій, такъ какъ эти знанія кажутся намъ вполне умѣстными и необходимыми (широкое разлитіе ихъ въ массу народа имѣетъ твердое основаніе въ призваніи ихъ надобности самимъ народомъ), и обратимъ вниманіе на *пѣніе*.

Можетъ-ли *пѣніе*, если оно не одно только механическое производство звуковъ и сочетаній ихъ, если оно назначается не для развитія гортани и легкихъ, которыя у крестьянскихъ дѣтей и безъ того развиты, если, наоборотъ, оно должно служить развитію эстетическаго чувства, «смягченію сердца» — можетъ-ли *пѣніе* входить въ программу ученія, какъ обязательный предметъ? По нашему мнѣнію, ни въ какомъ случаѣ.

Потребность *пѣнія* есть результатъ временнаго настроенія души, грустнаго, веселаго, высокаго и т. д. — настроенія, которое не можетъ быть вызвано во всякое время дня и ночи; не должно при этомъ упускать изъ виду, что не всякій человѣкъ и не всякій *возрастъ* любитъ выражать свои чувства въ гармоническихъ сочетаніяхъ звуковъ. Легко, напр., замѣтить, что крестьянскія дѣти *очень рѣдко* самостоятельно, безъ внѣшняго побужденія, принимаютъ за *пѣніе* *пѣсенъ*. Настроеніе ихъ души выражается болѣею частью въ играхъ, шумѣ, крикѣ, въ разсказываніи страшныхъ сказокъ съ домовыми, «волеулаками» и т. д. и рѣдко въ *пѣніи*. Поютъ они обыкновенно, слѣдуя примѣру и побужденію взрослыхъ парней. Въ этомъ явленіи, какъ намъ кажется, нѣтъ ничего страннаго. Нѣжная дѣтская душа слишкомъ бѣдна житейскимъ опытомъ; многихъ чувствъ, многихъ душевныхъ настроеній она еще не успѣла узнать; преобладающее настроеніе ребенка — веселіе и безопасность; кромѣ того, ребенокъ еще не

успѣлъ найти соотношенія между душевнымъ настроеніемъ и гармоническимъ сочетаніемъ звуковъ. Вотъ почему дѣти безъ вѣшняго побужденія или примѣра рѣдко поютъ; слушать пѣсню они, пожалуй, будутъ, но пѣть — не охотники. Мы не выдаемъ этого мѣншія за безусловную истину, но передаемъ то, что мы успѣли подмѣтить.

Поэтому, мы думаемъ, что пѣніе, введенное въ школьную программу, какъ обязательный предметъ, далеко не будетъ имѣть того вліянія, какое приписываетъ ему г. Миропольскій. Довольно было бы, еслибы школа не мѣшала дѣтямъ пѣть, если нѣкорымъ изъ нихъ этого захочется. Учителю народной школы также нельзя вмѣнить въ обязанность заниматься съ дѣтми пѣніемъ, ибо не всякій учитель склоненъ и способенъ къ этому дѣлу. Если пѣніе, обязательное для учителя и учениковъ, сдѣлается «урокѣмъ», то ничего хорошаго изъ этого не выйдетъ. Обѣ стороны отнесутся къ нему враждебно и, вмѣсто облагораживающаго вліянія и «смягченія нравовъ», оно породитъ «грубость нравовъ» и отвращеніе къ пѣнію. Пусть только пѣніе войдетъ въ программу школьнаго обученія — результатъ будетъ несомнѣнно таковъ.

Образчики такого вліянія пѣнія на «нравы» можно видѣть въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ гимназій, гдѣ ученики всѣми способами уклоняются отъ этого занятія, между тѣмъ какъ сами они съ охотою поютъ, и рѣдка гимназія не имѣетъ нѣсколькихъ свободно-организовавшихся хоровъ. Бѣда только въ томъ, что эти свободно-образовавшіеся хоры очень часто преслѣдуются гимназическимъ начальствомъ, какъ нѣчто, нарушающее спокойствіе и благочиніе учебнаго заведенія.

Все сказанное о пѣніи не будетъ вполнѣ вѣрно по отношенію къ пѣнію *церковному*. Послѣднее съ большимъ удобствомъ можетъ стать «урокомъ» и менѣе рискуетъ при этомъ отвратить отъ себя симпатію дѣтей. Крестьянскій ребенокъ подъ вліяніемъ родной среды выноситъ глубокое уваженіе къ церковному пѣнію и считаетъ его, какъ и сама среда, занятіемъ богоугоднымъ.

Вотъ почему, несмотря на малое расположеніе дѣтей къ пѣнію вообще, они болѣе или менѣе охотно пошрятся съ «уроками» церковнаго пѣнія. Вѣдь заучиваютъ же они и съ большимъ удовольствіемъ нѣкоторыя молитвы, смыслъ которыхъ для нихъ, по необходимости, темень, а что можетъ быть тяжелѣе заучиванья непонятныхъ фразъ? Несмотря, однако, на большую возможность сдѣлать церковное пѣніе обязательнымъ урокомъ, мы полагаемъ, что мѣра эта была бы анти-педагогична, такъ какъ любовь къ церковному пѣнію имѣетъ основою своею не столько потребности дѣтской души, сколько привита ребенку средою взрослыхъ людей. Часто приходится слышать, что крестьяне желаютъ, даже требуютъ, чтобы ихъ дѣти были научены пѣнію на кливросѣ. Это совершенно вѣрно, но намъ кажется, что требованіе это вовсе не такъ непоколебимо. Дьячковская школа была

однимъ изъ источниковъ, откуда народъ черпалъ свои идеалы на все хорошее въ воспитательномъ смыслѣ. Изъ нея ребенокъ выносилъ все-какую сноровку читать псалтырь и знакомство съ церковнымъ пѣніемъ. Въ современной намъ «новой» школѣ, на псалтырь и церковное пѣніе уже не налагаютъ, но всамѣи изъ крестьянъ не видятъ почти ничего новаго и лучшаго, такъ какъ громадное большинство дѣтей, по прошествіи 3 — 4 лѣтъ, едва выучиваются чтенію и письму и чрезъ годъ-другой его забываютъ. Неудивительно поэтому, если крестьяне настаиваютъ, чтобы ихъ дѣтей учили хотя бы церковному пѣнію, какъ въ старой школѣ, чтобы остался хоть одинъ слѣдъ пребыванія ребенка въ «храмѣ просвѣщенія».

Еще болѣе неумѣстнымъ, вреднымъ и безжизненнымъ не только въ начальной школѣ, но и во всякомъ другомъ мѣстѣ, считаютъ мы «нравственное ученіе» или, какъ поясняетъ г. Миропольскій, *мораль*. Мораль эта — «рядъ живыхъ примѣровъ самопожертвованія, самообладанія, честности, правдивости, запечатлѣнныхъ краткими выводами въ видѣ *афоризмовъ* (!)». Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, такимъ путемъ вселятъ въ ребенка «всѣ добродѣтели»? Вѣдь «самопожертвованіе, самообладаніе, правдивость» зависятъ отъ силы аффектовъ и воли, а не мысли, съ которыми они даже до нѣкоторой степени въ антагонизмѣ. Аффекты же развиваются путемъ *навыка* въ нихъ и *непосредственнымъ* впечатлѣніемъ. Только этическое *содержаніе* дается *частію* работою ума (что именно хорошо? что дурно?). Но, такъ какъ этика не принадлежитъ къ области точныхъ знаний, то и не можетъ быть предметомъ преподаванія въ начальной школѣ. Вотъ почему еще ни одинъ ребенокъ не сталъ честнымъ, правдивымъ, самообладательнымъ и готовымъ жертвовать собою оттого, что въ школѣ онъ узналъ, что такой-то мужъ былъ вѣрно честенъ, а такой-то правдивъ, третій всегда готовъ былъ жертвовать собою. Мы этикъ не отрицаемъ влияния хорошаго примѣра на поведеніе людей, но считаемъ, что влияние это можетъ оказать не нѣсколько книжекъ, не *мораль* въ формѣ примѣровъ и афоризмовъ, дѣйствующая на память и рассудокъ, а жизнь, т. е. окружающая дѣйствительность, охватывающая всего ребенка. Далѣе. Только тогда какое-нибудь качество, какая-нибудь добродѣтель можетъ зацѣпить чувства ребенка и запасть въ его душу, когда живымъ примѣромъ ея служитъ самъ учитель. Если этого нѣтъ, то ребенокъ естественно задаетъ себѣ вопросъ: «если правдивость (положимъ) такъ возвышаетъ человѣка, то почему же нашъ учитель не всегда правдивъ, а частенько такъ *іезуитствуетъ*»? Но можно ли требовать отъ зауряднаго учителя, чтобы онъ обладалъ не только всѣми, но даже только многими лучшими человѣческими качествами? Разумѣется, нѣтъ. Одинъ можетъ быть честнымъ человѣкомъ, другой правдивымъ, третій и тѣмъ, и другимъ, и, поскольку они этими качествами обладаютъ, постольку они будутъ вліять на дѣтей, какъ живой примѣръ, постольку совѣтъ ихъ дѣтямъ быть

тоже всегда честными или правдивыми будетъ принять и запа- деть въ дѣтскую душу. Г. Миропольскій самъ говоритъ: «дѣ- ти чутки. Никто не замѣтитъ такъ скоро фальши, какъ они, ни- какая *поддѣлка* ихъ не обманетъ», но тутъ же совѣтуетъ учите- лямъ *следить за собою, т. е. поддѣлываться.*

Бѣда только въ томъ, что основныя качества души не исправ- ляются совѣтами и не поддаются поддѣлкѣ: сколько ни слѣди, а за собою не услѣдишь. Замѣчательно тотъ фактъ, что мы, взрослое поколѣнiе, «отцы», какъ бы створились рекомендовать дѣтямъ добродѣтели, которыми сами не только не обладаемъ, но даже сознательно попираемъ ногами; и куда приводила насъ и дѣтей эта тактика? Къ наглому лицемерiю съ нашей стороны и со стороны дѣтей. Самая лучшая школа морали, это — жизнь. Встрѣтить ребенка чловѣка правдиваго или самоотверженнаго или самообладающаго *и полюбить его*—повѣрьте, что качества дорогаго ему чловѣка сдѣлаются его собственными душевными качествами.

Повторяемъ: пока жизнь сплошь и рядомъ не будетъ пред- ставлять живыхъ образчиковъ высшихъ душевныхъ качествъ; пока житейская практика, напротивъ, на каждомъ шагу тре- буетъ, для того, чтобы ужиться съ нею, не столько добродѣте- лей, сколько умѣнья подлаживаться—до тѣхъ поръ мораль будетъ мертвою буквою, до тѣхъ поръ она будетъ рождать одно *amic- misme*.

Умѣстно-ли въ начальной школѣ знакомство дѣтей «съ попу- лярными свѣдѣнiями изъ политической экономiи»? Тутъ неволь- но задашь себѣ вопросъ: что подразумѣваетъ г. Миропольскій подъ «свѣдѣнiями изъ политической экономiи»? Всякому, прочи- тавшему хотя одну книгу по части политической экономiи, должно было извѣстно, что теорiя этой науки почти столько же, сколько было и есть жрецовъ ея, что въ наше время не найдется почти ни одного положенiя въ этой области, которое было бы одинаково всѣми признано. Если сами жрецы науки такъ не- прочно стоятъ на ногахъ, такъ мало чувствуютъ подъ собою почвы, во что же превратится эта юная, неточная, неустановив- шаяся наука, если всякій сельскiй учитель (уже разумѣется, онъ — не жрецъ ея) будетъ знакомить съ ея основами крестьянскихъ дѣтей? Какой, наконецъ, теорiи думаетъ придерживаться г. Ми- ропольскiй?

«Необходимыя экономическiя и сельско-хозяйственныя свѣдѣ- нiя, говоритъ нашъ педагогъ: для народа весьма важны въ практическомъ его быту, а почерпнуть ихъ неоткуда. Организа- ція школы наиболѣе полезной и привлекательной для народа, опредѣляется его потребностями. Крестьянинъ вообще (и спра- ведливо) любитъ дѣльное и серьезное, а если это серьезное близ- ко его жизни, *даже относитъ къ нему улучшение*, онъ не только искренно полюбитъ школу, но создастъ ей лучшее обезпеченiе». Затѣмъ г. Миропольскiй цитируетъ довольно длинный отрывокъ

изъ рѣчи «человѣка, близкаго къ народу нашему», какаго-то г. Тяжельниина на сѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ Москвѣ. Въ этой рѣчи, между прочимъ, говорится: ученику должны быть сообщены «нѣкоторыя понятія изъ социальныхъ и экономическихъ наукъ въ примѣненіи къ крестьянскому быту». Всѣ эти разсужденія «человѣка, близкаго къ народу нашему» и самого г. Митропольскаго кажутся намъ чистѣйшимъ вадоромъ. Какъ бы ни были отстали и далеки отъ требованій науки воззрѣнія нашего крестьянина на сельское хозяйство, но онъ въ своей области—глубокой и основательный знатокъ; познанія и опытъ, добытые вѣковой жизнью цѣлаго народа, передаваемые отъ поколѣнія къ поколѣнію, усвоены имъ основательно и твердо; *стра* въ истинность этихъ познаній велика. Поэтому люди, желающіе пошатнуть народныя сельско-хозяйственныя воззрѣнія и замѣнить ихъ своими «научными», должны быть также глубокими и основательными знатоками сельскаго хозяйства, должны твердо *вѣрить* въ истинность и *полную применимость* своихъ воззрѣній; они, наконецъ, должны основательно знать положеніе сельскаго хозяйства въ наше время и причины такого положенія его для того, чтобы сумѣть разбить всѣ доводы крестьянъ. Пустопорожня-же разсужденія о томъ, что практикуемая теперь сельско-хозяйственная система не хороша и не соответствуетъ требованіямъ всезнающей и всеразрѣшающей науки, что не въ примѣръ выгодно засѣять поля клеверомъ или свекловицей—тутъ ничего не подѣлаютъ; словомъ, книжными доводами убѣдить крестьянина невозможно, въ особенности если принять во вниманіе, что самыя эти книжки, самая «наука», подъ вліяніемъ нашихъ доморощенныхъ «ученыхъ» или, вѣрнѣе, подражателей и переводчиковъ чужихъ теорій, незнающихъ практики, отрѣшились отъ всего дѣйствительно важнаго. Стоитъ обратить только вниманіе на слова нашего сельскаго хозяина г. Энгельгарда, который чистосердечно сознается, что русскія сельско-хозяйственныя книги ему мало принесли пользы. Возможно-ли требовать отъ нашего сельскаго учителя, чтобы онъ былъ такимъ глубокимъ знатокомъ сельскаго хозяйства? Разумѣется, нѣтъ. Мы увѣрены въ томъ, что всякій смышленный крестьянскій мальчишка разскажетъ не только ему, но даже человѣку, довольно основательно знакомому съ сельскимъ хозяйствомъ, много такого, чего тотъ отъ роду не слышалъ, а всякій ученый сельскій хозяинъ, прежде чѣмъ поучать крестьянина, долженъ сперва пойти въ науку къ послѣднему. Тогда онъ узнаетъ, что зѣмли крестьянскія плохи и слишкомъ недостаточны для того, чтобы служить поприщемъ всякихъ научныхъ реформъ, что мужицкій кошелекъ пустъ, ибо имѣетъ сывонную дыру, и многое въ этомъ родѣ. Если что-нибудь можетъ *скольکو-нибудь* повліять на улучшение сельскаго хозяйства въ народѣ, *то это—сельско-хозяйственныя музеи, выставки, примѣры нѣкоторыхъ сельскихъ хозяевъ и умель-*

шеніе податей, но никакъ не слова и поученія невѣжественныхъ наставниковъ.

Тотъ же ораторъ, въ великому удовольствію г. Миропольскаго, заявилъ на томъ-же съѣздѣ сельскихъ хозяевъ, что «ученикъ, какъ будущій членъ общества, долженъ знать свое настоящее положеніе въ обществѣ, знать значеніе сдѣланныхъ въ послѣднее время реформъ, касающихся его общественнаго управленія и благосостоянія; ему должны быть разъяснены цѣль и значеніе земства, гласнаго судопроизводства, волостныхъ и сельскихъ сходокъ, порядокъ самоуправленія на этихъ сходкахъ, способъ разверстки податей и высокое значеніе честнаго служенія обществу; ему долженъ былъ показанъ выходъ изъ его настоящаго незавиднаго положенія...» Еслибы г. Миропольскій привелъ это мѣсто просто какъ образецъ ораторскаго пафоса и краснорѣчія, мы бы ничего противъ него не имѣли, такъ какъ приведенное мѣсто хоть и вздорно, но сказано складно; но г. Миропольскій усматриваетъ изъ этого мѣста глубокое знакомство оратора съ потребностями народа и глубокое пониманіе задачъ нашей народной школы, съ этимъ мы уже никакъ не можемъ согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, интересно ли 10-ти-лѣтнему крестьянскому мальчику или дѣвочкѣ знать «свое настоящее положеніе въ обществѣ»? Какое-же ихъ положеніе въ обществѣ? Они просто—мальчики и дѣвочки, сынъ и дочь, братъ и сестра, другого положенія у нихъ нѣтъ и быть не можетъ. Каково будетъ ихъ положеніе черезъ 10 лѣтъ—это угадать не такъ-то легко. Можетъ ли этому мальчику и дѣвочкѣ быть втолковано понятно кѣмъ бы то ни было, хотя-бы самимъ ораторомъ, «значеніе сдѣланныхъ въ послѣднее время реформъ, касающихся его общественнаго управленія и благосостоянія», и будутъ ли дѣтямъ интересны эти политическіе и политико-экономическіе вопросы? Разумѣется, нисколько! Да и много ли найдется на Руси людей образованныхъ, ясно понимающихъ значеніе этихъ реформъ? Неудивительно поэтому, если все это «разъясненіе значенія реформъ» выродится на практикѣ въ самой злокачественный вздоръ, въ винегретъ непонятныхъ словъ и отиѣвную бессмыслицу. Предоставляемъ, впрочемъ, судить самому читателю, какое чудесное впечатлѣніе произведутъ эти «разъясненія» на головы бѣдныхъ крестьянскихъ дѣтишекъ. Ораторъ, повидимому, полагаетъ, что «показывать выходъ изъ настоящаго незавиднаго положенія» такъ же легко, какъ составлять цвѣтистыя фразы на этотъ счетъ. Много-ли образованныхъ, знающихъ, дѣльныхъ людей могутъ сказать, положи руку на сердце, что они знаютъ этотъ выходъ? Во что же, въ такомъ случаѣ, выродится на практикѣ это «показываніе выходовъ»? Опять-таки въ нелѣпицу, очень неблагоприятную, недостойную, такъ какъ выкладываться она будетъ не предъ взрослыми работниками, а предъ безответными дѣтьми, принимающими по необходимости всякій вздоръ на вѣру. По нашему мнѣнію, всѣ эти «разъясненія» и «показываніе выхо-

довъ», «развитіе гражданскихъ стремленій» и «сообщенія, хотя общихъ, но правильныхъ понятій о правахъ и обязанностяхъ крестьянина, какъ человѣка и гражданина», умѣстны нивагъ не въ народной начальной школѣ, набитой 10—13-ти-лѣтними дѣтми, а въ воскресныхъ школахъ для взрослыхъ работниковъ и на такъ называемыхъ «народныхъ чтеніяхъ». Тамъ аудитория оратора будетъ полна людьми, познавшими сладость жизни, богатыми житейскимъ опытомъ, людьми, которые станутъ воспринимать мысли сознательно и ни одного слова не повѣрятъ оратору на слово. А, вѣдь, всякому разумному и честному человѣку этого только и надобно.

Въ заключеніе приводимъ для курьеза еще одно заявленіе «человѣка, близкаго къ народу нашему». Нападала на то мнѣніе, что русскому народу необходима одна *грамматка*, т. е. читать, писать и считать, ораторъ заявляетъ, что народъ далеко не удовлетворенъ этой «учебой». Съ этимъ, разумѣется, не согласиться нельзя. Но для болѣе убѣдительности своихъ доводовъ, ораторъ приводитъ подлинныя слова, будто-бы произнесенныя крестьянами: «На что намъ эта грамматка? *Лучше бы насъ научили тесать топоромъ*» (1). И г. Миропольскій, въ концѣ концовъ, находитъ, что «подобныя заявленія мы не въ правѣ игнорировать, они для насъ весьма важны, ибо это—требованія самой жизни, чуждой всякой тенденціозности» (1). Неужели-же г. Миропольскій вѣритъ, что слова эти были дѣйствительно когда-нибудь произнесены крестьянскими устами? Неужели-же онъ предполагаетъ незнаніе крестьяниномъ такой простой вещи, что «тесать топоромъ»—не барское дѣло, точно такъ же, какъ не мужичье—танцевать ловко мазурку и ухаживать за прекраснымъ поломъ?

Противъ преподаванія въ начальной народной школѣ отечественной исторіи мы можемъ сказать почти тоже, что мы сказали противъ политической экономіи. Жизненнымъ и привлекательнымъ для дѣтей оно не будетъ: во-1-хъ, потому, что историческій интересъ пробуждается въ человѣкѣ ужъ тогда, когда онъ успѣлъ пожить и узнать болѣе или менѣе жизни; во-2-хъ—потому, что преподаваніе это по необходимости сведется на голый, ничего не говорящій дѣтскому уму и сердцу перечень нѣкоторыхъ историческихъ фактовъ или превратится въ рядъ непонятныхъ для дѣтей картинокъ и ни въ какомъ случаѣ не будетъ «давать уроки живымъ и судить мертвыхъ», какъ думаетъ г. Миропольскій. Это утвержденіе—не болѣе, какъ фраза, повторяемая изъ поколѣнія въ поколѣніе безъ всякой критики. Пока не будетъ составлена книга, излагающая и разъясняющая социологическіе законы, управляющіе историческимъ движеніемъ человечества, что въ наше время почти невозможно, до тѣхъ поръ исторія уроковъ живымъ никому давать не въ состояніи, до тѣхъ поръ она не въ состояніи дать «твердую почву для сознательнаго участія въ современной жизни», а будетъ лишь хроно-

логически-последовательнымъ перечнемъ фактовъ и событій. Но такая книга *для дѣтей* едва ли будетъ годна. По нашему мнѣнію, было бы гораздо цѣлесообразнѣе замѣнить преподаваніе исторіи знакомствомъ съ русскими *былинами* и *историческими пѣснями*, расположенными въ хронологическомъ порядкѣ, съ умѣстными, т. е. доступными дѣтскому пониманію толкованіями. Какъ произведенія народнаго поэтическаго творчества, онѣ будутъ охотно приняты и понятны крестьянскимъ дѣтямъ, воспринимающимъ всего легче поэтическую сторону явленія. Преимущество ихъ предъ эпизодически рассказанной дѣтямъ исторіей заключается еще въ томъ, что, какъ произведенія народнаго творчества, онѣ лишены всякой либеральной или консервативной тенденціозности, которая такъ невыгодно отдѣляетъ почти всѣ наши такъ называемыя «народныя» и «дѣтскія» книжки по исторіи. Въ чему заключается знакомство дѣтей съ *всеобщей исторіей*, какіе уроки она дастъ дѣтямъ—мы рѣшительно отказываемся понять. Какъ въ высшей степени обширный предметъ, она рѣшительно не можетъ быть толково передана и поневолѣ ограничится нѣсколькими именами и событіями, смыслъ которыхъ не можетъ быть толкованъ дѣтямъ. Г. Миропольскій именно и требуетъ эпизодическаго преподаванія исторіи, но отъ этого исторія уже окончательно теряетъ свой *поучительный* (въ историческомъ смыслѣ) характеръ, ибо выдающіяся событія исторіи могутъ быть поняты и оцѣнены только въ связи съ причинами, ихъ вызвавшими. Такимъ образомъ, эпизодически рассказанная исторія превращается въ рядъ иногда занимательныхъ, иногда вовсе незанимательныхъ картинокъ. Во всякомъ случаѣ, для развитія въ дѣтяхъ любознательности и любви къ чтенію дѣльно и художественно написанные рассказы изъ русской исторіи были бы далеко не лишней книжкой въ нашей дѣтской литературѣ.

Элементарныя свѣдѣнія изъ космографіи (міровѣдѣніе) вносятся г. Миропольскимъ потому, что «человѣкъ стремится къ побѣдѣ надъ природой; но невѣжественный дикарь не въ состояніи поработить природу, которой онъ боится».

Какимъ образомъ знакомство ребенка съ тѣмъ, что такое горизонтъ, что земля кругла и движется, помогутъ ребенку въ послѣдствіи легче «поработать» природу—г. Миропольскій не считаетъ нужнымъ разъяснить, предполагая это очевиднымъ и не требующимъ разъясненія; а между тѣмъ, разъясненіе это было бы далеко не лишнимъ. Мы думаемъ, что не слѣдуетъ набивать дѣтямъ головы фактами и толкованіями, которыхъ не можетъ переварить дѣтскій умъ, которые поэтому останутся въ головѣ ребенка лишнимъ балластомъ, непродуманнымъ и неусвоеннымъ. Свѣдѣнія изъ космографіи останутся именно такимъ балластомъ. Мы такъ освоились съ научными понятіями о движеніи и круглотѣ земли, съ объясненіемъ горизонта и перемѣнѣ дня и ночи, что всякое иное толкованіе этихъ явленій кажется намъ сверхъестественнымъ. Совсѣмъ иначе должно показаться дѣтямъ. Зем-

ля, твердо стоящая на 3 вѣтахъ, небо, опускающееся на землю куполомъ, солнце, движущееся вокругъ земли на небосклонѣ— все это въ ихъ глазахъ должно быть несравненно *естественнѣе*, проще и понятнѣе того, что скажетъ имъ объ этихъ явленіяхъ учитель. Доказать же дѣтямъ вѣрность и естественность своихъ объясненій учитель не въ состояніи, такъ какъ для уясненія себѣ явленій физической географіи требуется значительная сила отвлеченнаго мышленія и вообще привычка къ логическимъ выкладкамъ—способность, которая у дѣтей только въ зародкѣ. Слѣдовательно, ребенку останется принять все сказанное учителемъ на вѣру. Географія фигурируетъ у г. Миропольскаго какъ средство «поработить природу». Намъ кажется, что это «порабощеніе» тутъ вовсе не у мѣста. Легко, живо и художественно написанные рассказы по географіи и путешествіямъ—вотъ тѣмъ, по нашему мнѣнію, должна быть географія. Очень можетъ случиться, что о Балтійскомъ Морѣ и Дарданеллахъ дѣтя тутъ и не услышать, о рѣкѣ Бугѣ, Днѣстрѣ и Амазонской тоже не узнаетъ; но это—не бѣда, такъ какъ дѣло не въ томъ, чтобы дѣтя узнало главные города, рѣки, моря, горы и т. д., а въ томъ, чтобы заронить въ его душу множество новыхъ впечатлѣній, чтобы расширить его умственный кругозоръ и приохотить его къ самостоятельному занятію этимъ предметомъ и вообще къ чтенію книгъ. Съ развитою любознательностью и интересомъ къ чтенію книгъ дѣтя и безъ помощи учителя доберется и до Балтики, и Дарданеллъ, и до Днѣстра, Буга и Амазонской, и до «богатствъ родной земли»... да мало ли до чего еще?..

Чтобы еще рельефнѣе выставить вѣтаніе гг. педагоговъ типа г. Миропольскаго въ пустопорожныхъ сферахъ мысли, вѣтаніе, происходящее отъ совершенной непривычки и неспособности интересоваться общимъ ходомъ народной и государственной жизни, считать себя *не только* педагогомъ, но и гражданиномъ, и разсматривать всякое дѣло съ точки зрѣнія интересовъ трудящагося большинства—для этого необходимо взглянуть на тѣ причины, которыя старается г. Миропольскій отыскать въ объясненіе печальной заброшенности школьнаго дѣла у насъ. Причины эти немедленно отыскиваются, какъ бы по щучьему велѣнію. Онѣ заключаются именно въ томъ, что общество наше *не номинируетъ* и потому признаетъ, что школа народная называется такъ не потому, что она *ниже* другихъ, а потому, что она составляетъ первую и общую ступень *начальнаго образованія всего народа* (понимай—всей націи, ибо школа, по г. Миропольскому, должна быть «всеобщей» т. е. «всесословной»; въ началѣ статьи, мы уже говорили о нелѣпости этого требованія). «Пока общество—поучаетъ насъ сообразительный г. Миропольскій:—не усвоитъ себѣ этого воззрѣнія, до тѣхъ поръ оно не признаетъ и не пойметъ необходимости устроить школу *народную* такъ, чтобы она удовлетворяла разумнымъ требованіямъ элементарнаго обученія въ его современномъ развитіи; до

тѣхъ поръ школы наши будутъ издѣваться въ душныхъ и мрачныхъ избахъ, въ церковныхъ сторожкахъ, будутъ лишены необходимыхъ пособій для рациональнаго обученія, а учителя будутъ въ холодъ и холодъ бороться съ нуждою и естественно, при первой возможности, покидать свой тѣлесный и неблагодарный трудъ. Американцы давно это поняли.

Какъ вамъ нравится, читатель, это филантропическое поученіе «нашего извѣстнаго педагога?» Намъ оно очень нравится. Народная школа не «всесловная»—чѣмъ она и быть не можетъ—а «крестьянская», составляющая продуктъ всей жизненной обстановки цѣлаго народа, его матеріальнаго благосостоянія и степени гражданственности, окрѣпнетъ и станетъ на ноги лишь тогда, когда «общество», т. е. одна немногочисленная группа всей націи, нечувствующая, къ тому же, солидарности своихъ интересовъ съ интересами массы народа, *пойметъ* необходимость и важность для школы хорошей обстановки! Какъ будто бы гдѣ-нибудь и когда-нибудь *народная* школа выросла и крѣпла, ниѣя подъ собою только *пониманіе* «общества», а не житейскую обстановку всей массы народа. Какъ будто бы «общество» преслѣдовало гдѣ-нибудь на долгое время цѣли народныя (національныя—очень часто), а не свои сословныя! Но, можетъ быть, г. Миропольскій, причисляющій себя къ «народу», въ данномъ случаѣ похъ словомъ «общество» понималъ и народъ, т. е. и предъставителей физическаго труда? Это было бы, конечно, разумнѣе, такъ какъ *народная* школа находится въ неразрывной связи съ экономическимъ положеніемъ и отношеніемъ къ ней самого народа. Но тогда поученіе г. Миропольскаго покажется еще болѣе страннымъ. Неужели же народныя школы «гнѣздятся въ душныхъ и мрачныхъ избахъ» потому, что народъ *не понимаетъ*, что школы должны помѣщаться въ свободныхъ и свѣтлыхъ домахъ; школьныя пособія въ школахъ отсутствуютъ потому, что общество не понимаетъ и не признаетъ необходимости имѣть въ школѣ хорошія школьныя пособія? Разсуждая послѣдовательно, мы должны будемъ признать, что народъ нашъ обходится почти весь годъ безъ мяса потому, что не видитъ пользы и необходимости въ ежедневномъ употребленіи его; что голодный крестьянинъ тянетъ изъ барской передней пару галошъ потому, что никакъ не можетъ понять, что заняться «педагогіей» гораздо безопаснѣе и легче, чѣмъ воровствомъ галошъ изъ барскихъ переднихъ.

И такъ, всѣ бѣдствія народа, всѣ несовершенства нашей общественной жизни—результаты простаго непониманія возможности лучшей жизни! Американцы вотъ это поняли, и потому школьное и вообще всякое общественное дѣло подвигается у нихъ такими гигантскими шагами!

Чтобы утверждать подобныя нелѣпости, нужно быть *только* «педагогомъ» и ничѣмъ больше; нужно перестать быть человекомъ и членомъ общества, достигшаго извѣстной степени граж-

данственности, на которой интересъ къ возвышенію этой гражданственности долженъ быть обязательенъ для каждаго.

Кому, въ самомъ дѣлѣ, неизвѣстно, что сознательное стремленіе къ развитію и приобрѣтенію знаній—вовсе не врожденная, не присущая всякому человѣку черта его характера, его внутреннего міра, что она приобрѣтается только при благоприятныхъ условіяхъ, послѣ удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей человѣка въ пищѣ и защитѣ отъ неблагоприятныхъ вліяній внѣшняго міра; что неблагоприятныя экономическія условія народной жизни препятствуютъ, подавляютъ всякую жажду развитія и знанія? Этимъ положеніемъ нисколько не отрицается возможность имѣть кое-какія знанія и вѣрныя понятія эскимосу или готтентоту; имъ утверждается только, что эскимось и готтентотъ, пока они принуждены отдавать всѣ свои силы непосильной борьбѣ съ внѣшними условіями жизни, не могутъ сознательно стремиться къ развитію.

Указывая на готтентотовъ и эскимосовъ, мы не хотѣли поставить на одну доску съ ними русскаго крестьянина, но желали только указать тотъ фактъ, что сознательное стремленіе къ развитію и знанію вызывается и зависитъ отъ множества постороннихъ условій.

Условія эти, по нашему мнѣнію, слѣдующія: 1) *Степень народнаго благосостоянія и протекающая отсюда досуга и сохраненія силъ и времени;* 2) *большая или меньшая сила народной энергии;* 3) *соответствіе этому знанія и развитія насущнымъ потребностямъ и интересамъ его, какъ рабочаго класса;* 4) *непринудительность, т.-е. свободное воспріятіе народомъ этого знанія и развитія и, наконецъ,* 5) *ограниченіе дѣятельности школы передачею тѣхъ точныхъ знаній, польза которыхъ ясна народу, какъ областью вполне нейтральною, и въ томъ размѣрѣ ихъ, какой доступенъ мужику нашего времени.*

Отсутствие хотя бы одного изъ этихъ условій дѣлаетъ успѣхъ образованія и развитія народа невозможнымъ, или же оно извращается; послѣднее, разумѣется, нежелательно. Посмотрите же въ какой мѣрѣ существуютъ всѣ эти условія у насъ. Что народъ нашъ заваленъ непосильной работой для отбыванія всевозможныхъ государственныхъ, земскихъ, общественныхъ и т. д. повинностей, должно быть всякому слишкомъ извѣстно. Всеобщая извѣстность этого факта полезна намъ въ двухъ отношеніяхъ. Она, во-первыхъ, помогаетъ намъ оцѣнить, въ какой мѣрѣ разумно со стороны г. Миропольскаго стыдить наше общество и народъ примѣромъ Америки, и, во-вторыхъ, облегчаетъ нашъ трудъ, дѣлая излишнимъ доказывать читателю эту избитую истину. Неустанный, непосильный трудъ отнимаетъ у народа не только время, досугъ, необходимое условіе умственнаго преуспѣванія; онъ дѣлаетъ болѣе парализуетъ, подавляетъ, губитъ лучшія силы народа, притупляетъ умственные его способности, рождаетъ какую-то безнадежность, равнодушіе—очевидный признакъ, что

народъ въ значительней мѣрѣ потерялъ вѣру въ лучшую жизнь, въ возможность лучшаго, разумнѣйшаго существованія. Если это явленіе не можетъ считаться повсемѣстнымъ и одинаково сильнымъ на всемъ протяженіи нашего отечества, то отрицать его вполне невозможно: вырожденіе народа подъ бременемъ непосильнаго труда во многихъ мѣстностяхъ—фактъ, неоднократно громко высказанный нашею литературою.

Вотъ 1-й наиболѣе важный тормазъ развитія школьнаго дѣла въ Россіи, вотъ причина, почему наши школы «гнѣзятся въ мрачныхъ избахъ, въ церковныхъ сторожкахъ». Народъ нашъ самъ живетъ въ «мрачныхъ избахъ» и не потому, чтобы онъ предпочиталъ мракъ, грязь и деревянный срубъ или мазанку—свѣту, опрятности и каменной хоромнѣ, а потому, что условія его жизни для него дѣлаютъ эти блага недоступными. Неудивительно поэтому, если школа, временное помѣщеніе крестьянскихъ дѣтей, строеніе, неимѣющее къ тому же опредѣленнаго хозяина, представляетъ изъ себя тоже «мрачную избу».

Второе необходимое условіе, *сила народной энергіи*, какъ всякому понятно, въ значительной мѣрѣ подавляется его непосильнымъ трудомъ и множествомъ другихъ неблагоприятныхъ условій, напримѣръ, ограниченностью самодѣтельности въ опредѣленіи своей судьбы и даже въ области часто личной предпримчивости. Прибавьте къ этому оторванность, въ нѣкоторомъ отношеніи, теченія жизни государственной отъ жизни народной, выражающуюся между прочимъ въ игнорированіи нашимъ положительнымъ законодательствомъ (до послѣдняго времени) «обычнаго права». Соображая все историческое прошлое, прожитое русскимъ народомъ со времени новгородскихъ ушкуйниковъ, Ермаковъ Тимофеевичей, запорожскаго казачества, намъ станетъ вполне ясно и понятно, почему—хотя культура и повысилась, народная энергія значительно понизилась.

Третье условіе, соотвѣтствіе знанія и развитія, даваемыхъ народу, его насущнымъ потребностямъ и интересамъ, какъ рабочаго класса, не должно, по нашему мнѣнію, также упускаться изъ виду, если не желательно, чтобы дѣло народнаго образованія вѣчно состояло на 0° по Реомюру. Это несоотвѣтствіе нашей современной школы требованіямъ и ожиданіямъ народа доказывается уже тѣмъ повсемѣстнымъ явленіемъ, что народъ нашъ равнодушно и часто даже враждебно относится къ такъ называемымъ «земскимъ школамъ». Объяснять же это явленіе «небѣжествомъ», «косностью» и предубѣжденіемъ народа противъ науки, по нашему мнѣнію, и несправедливо, и опрометчиво. Причина этого явленія гораздо глубже. Народъ можетъ быть удовлетворенъ только такою школою, которая бы свободно выросла изъ потребностей его жизни; поэтому, въ программу ея, какъ обязательные предметы, должно входить только обученіе письму и чтенію на русскомъ языкѣ (съ пониманіемъ прочитаннаго) и счету. Сообщеніе же знаній, лежащихъ за предѣлами

указанной рамки должно быть свободно отъ всяких регламентацій и ограниченій въ смыслѣ какой-либо всюду обязательной программы и предоставлено на волю учителя, народа и общества, такъ какъ жизненные требованія народа далеко не одинаковы на всемъ протяженіи нашего необъятнаго отечества.

Четвертое условіе, *непринудительность, т.-е. свободное воспріятіе народомъ знаній и развитія*, вытекаетъ, какъ необходимое слѣдствіе изъ 3-го условія. Понятно, что, такъ какъ дѣло народнаго образованія и развитія—дѣло живое, цѣль и средства его не могутъ быть опредѣлены *заранѣе*, такъ какъ они ставятся и даются самою жизнью; касаясь самыхъ существенныхъ, святыхъ интересовъ народа, оно требуетъ для своего успѣха непосредственнаго, живаго участія самого народа и поэтому должно быть предоставлено свободной и сознательной народной и общественной инициативѣ.

Развиваясь свободно и естественно въ связи съ развитіемъ и движеніемъ самого народа, оно прочно, жизненно, не рискуетъ уклониться въ сторону и стать въ противорѣчіе съ истинными интересами народа.

Пятое условіе: ограниченіе дѣятельности школы передачею точныхъ знаній, польза которыхъ ясна народу, какъ область вполнѣ нейтральной, и въ томъ размѣрѣ ихъ, какой доступенъ мужику нашего времени.

Всякому извѣстенъ тотъ фактъ, что въ наше время весь русскій народъ распадается на нѣсколько сословныхъ группъ, которыя всѣ могутъ быть собраны въ двѣ основныя: *народъ* въ узкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. вся масса представителей физическаго труда, элементъ податной, и *общество*—представителей, главнымъ образомъ, умственнаго труда. Первоначальной основой этого раздѣленія было экономическое противорѣчіе интересовъ этихъ группъ, окрашивающее и теперь въ значительномъ размѣрѣ ихъ отношенія другъ къ другу. Первая группа, *народъ*, почти не подверглась вліянію цивилизаціи, сохранила почти во всемъ объемѣ свое чисто-народное мировоззрѣніе, свои взгляды на государство, семью, собственность, трудъ и отношенія къ «міру»; вторая группа, *общество*, ставши на высшую ступень развитія, но развившись по иному *типу*, не позволяющему ему *самостоятельно* удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ, работала себѣ совершенно особое мировоззрѣніе отчасти подъ вліяніемъ западной цивилизаціи, отчасти подъ вліяніемъ своего исключительнаго положенія въ государствѣ. Различіе мировоззрѣній, нравственныхъ понятій, умственныхъ привычекъ этихъ группъ до того сильно въ настоящее время, что есть лишь сравнительно немного пунктовъ, на которыхъ онѣ могутъ вполнѣ понимать другъ друга.

Поэтому, чтобы школа въ наше время могла имѣть прочное основаніе, она не должна задаваться *воспитательными* цѣлями, не должна также ставить себѣ задачей передачу дѣтямъ знаній

неточныхъ или отражающихъ на себѣ въ значительной мѣрѣ опредѣленное нравственное мировоззрѣніе, какъ напримѣръ, исторія и политическая экономія, но должна ограничиться передачею *точныхъ* знаній, какъ областью вполне нейтральною, причѣмъ выборъ знаній, какъ и размѣръ ихъ, должны опредѣляться и ограничиваться, съ одной стороны, требованіями и потребностями народа, съ другой—степенью ихъ доступности пониманію его.

Цѣль наша состояла въ томъ, чтобы на яркомъ примѣрѣ показать, въ какой пустопорожней сферѣ абстрактнаго утопизма вертятся «наши извѣстные педагоги», которыхъ типичнымъ представителемъ является г. Миропольскій. Засѣвъ въ своей узкой спеціальности, въ технической сторонѣ дѣла, будучи—говоря крайне мягко—людьми несвѣдущими въ общемъ ходѣ народной и государственной жизни и не интересующь имъ, какъ дѣломъ «чужой спеціальности» и даже недостаточно солиднымъ, эти господа толкуютъ о томъ, что въ тиши ихъ кабинетовъ кажется имъ нужнымъ для людей, жизнью которыхъ сами гг. педагоги никогда не жили и о жизни и интересахъ которыхъ никогда ничего серьезнаго не читали. И вотъ, одинъ предлагаетъ одну систему, другой—другую, все на основаніи «вѣчныхъ законовъ», не понимая, что эти вѣчные законы въ каждомъ частномъ случаѣ осложняются такой массой не менѣ «вѣчныхъ» законовъ экономическихъ, политическихъ, бытовыхъ, что ни предусмотрѣть ихъ всѣхъ, ни подвести подъ какую-либо систему—невозможно! Они, повидимому, и не подозреваютъ, что спасеніе отъ столкновенія такого разнообразія частныхъ интересовъ и нуждъ лежитъ не въ возможно лучшей «общей» системѣ, примиряющей ихъ, а въ предоставленіи возможно большаго простора личной инициативѣ и дѣятельности на педагогическомъ поприщѣ, въ отсутствіи принудительности и регламентаціи со стороны положительнаго законодательства. Только при подобныхъ условіяхъ, каждый частный интересъ могъ-бы искать наиболѣе подходящаго для него удовлетворенія и каждая личность, чувствующая призваніе къ святому дѣлу народнаго воспитанія и просвѣщенія, была бы избавлена отъ непроизводительной траты силъ и могла бы вполне сохранить всю преданность дѣлу, имѣя возможность воплотить его въ формахъ наиболѣе подходящихъ къ ея способностямъ и идеаламъ.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Театральныя и музыкальныя новости. — Жалкое состояніе парижскихъ театровъ въ литературномъ смислѣ. — «Ребенокъ» гг. Геннекома и Наказа на сценѣ театра Гимназіи. — «Смѣльные» г. Любомирскаго на театрѣ Сентъ-Мартевскихъ Воротъ. — Возобновленіе «Мопра» Жюльетъ Занда въ «Одеонѣ». — Новыя оперы: «Серебрянный колоколъ» Сентъ-Санса, «Браво» Сальвайра и «Синъ-Магъ» Гуно. — Окончаніе концертнаго сезона: концерты консерваторіи. — Пьеска Шарвади.

Давно уже не бесѣдовалъ я съ читателями о новостяхъ парижскихъ театровъ, но причиною этого не мое нежеланіе, а скудость и неудовлетворительность самыхъ драматическихъ произведеній, появляющихся цѣлыми десятками, но тотчасъ же, вслѣдъ за своимъ появленіемъ, исчезающихъ со сцены, по крайнему своему ничтожеству. Въ самомъ дѣлѣ, несостоятельность нашей современной драматической литературы дошла, кажется, до послѣднихъ предѣловъ возможнаго: почти ни одна изъ появляющихся пьесъ, уже чуть ли не нѣсколько лѣтъ сряду, не только не заслуживаетъ сколько-нибудь серьезнаго критическаго къ себѣ отношенія, но просто-на-просто не можетъ быть причислена къ явленіямъ литературнымъ. Несмотря на всю смислительность нашихъ театральныхъ критиковъ, несмотря на все долготерпѣніе парижской публики, несмотря на всѣ усилія цѣлой массы нашихъ дѣйствительно даровитыхъ актѣровъ, весьма рѣдкая пьеса выдерживаетъ значительное число представленій. Исключенія составляютъ только оперетки, успѣхъ которыхъ, впрочемъ, не имѣетъ ничего общаго съ литературою и создается исключительно шизантностью игры какой-нибудь «звѣзды малой величины», въ родѣ извѣстныхъ вамъ Жюдикъ, Тео, Шнейдеръ, Терезы, Паолы Марье, Гранье и т. д., которыхъ у насъ цѣлый легионъ. Изъ пьесъ другого, высшаго порядка можно упомянуть только развѣ на «Данишевыхъ» и на «Путешествіе во-кругъ свѣта», какъ на выдержавшія множество представленій. Но, какъ вы уже знаете, «Данишевы» своимъ успѣхомъ обязаны опять-таки имени Дюма, интересу, возбужденному въ парижанатъ

quasi-русскими нравами, и почти годовому предварительному муссированию журналистики, т. е. отнюдь не своему литературному достоинству, «Путешествіе же вокругъ свѣта» — дѣтская сказка, рассчитанная на любопытство наивной толпы парижскихъ праздношатающихся, провинціальныхъ зѣвакъ, школьничковъ, да путешествующихъ иностранцевъ, если и можетъ собою что-либо доказывать, то только прогрессъ въ искусствѣ декоративномъ, а уже никакъ не въ сценическо-литературномъ. Такимъ образомъ, всѣ эти исключенія служатъ только къ подтвержденію моихъ словъ: что и уровень нашей драматической производительности стоитъ нетолько на золотой посредственности, но все болѣе и болѣе опускается. О причинахъ такого паденія у насъ сцены и драматическаго искусства я говорить много не стану, такъ какъ это меня завлекло бы далеко за предѣлы хроники, да онѣ, впрочемъ, и безъ того всѣмъ хорошо извѣстны. Кто не знаетъ, въ самомъ дѣлѣ, что такое положеніе драматическаго искусства сдѣлалось у насъ уже болѣзненно застарѣлою, завѣщанною намъ въ числѣ другихъ недуговъ наполеоновскимъ управленіемъ, которому было необходимо всячески стѣснять свободное проявленіе мысли, въ какой бы формѣ то ни было, а слѣдовательно, и не дозволить, чтобы въ драматическихъ произведеніяхъ или, если хотите, въ урокахъ со сцены могли включаться какія бы то ни было идеи, которыя могли бы распространяться въ массахъ, и, представляя собою намѣки на печальную дѣйствительность, и возбуждая сравненіе, вызывали недовольство существовавшими порядками. По той же причинѣ было весьма удобно для правительства поощреніе всего сценически развращающаго, начиная съ безсмысленныхъ оперетокъ и кончая безтолковыми волшебными пьесами (фееріями) съ безстыдными выставками полураздѣтыхъ женщинъ. Все это ни для кого уже не тайна, а слѣдовательно, и говорить объ этомъ значило бы повторять только общія мѣста. Все это само собою понятно, какъ понятно и то, что сначала война и всаческія невзгоды, вынесенныя Франціей, а потомъ реакціонныя стремленія быстро смѣнявшихся кабинетовъ не давали никакой возможности такому положенію драматическо-сценическаго искусства измѣниться къ лучшему. Не понятно только одно, какимъ образомъ при томъ, дѣйствительно значительномъ шагѣ впередъ, который сдѣлала Франція окончательнымъ признаніемъ республики, вся эта невидная, но напряженная и постоянная борьба мысли, обусловившая такую побѣду, нетолько не выразилась въ поднятіи уровня драматической производительности, но, совершенно напротивъ, уживается все съ болѣющимъ и болѣющимъ упадкомъ сцены и низменностью драматическаго творчества. Усталость французовъ вслѣдствіе грозныхъ политическихъ событій не можетъ служить въ этомъ случаѣ оправданіемъ для драматическихъ писателей, такъ какъ, если событія 1870—71 годовъ хотя и дѣйствительно могли вызвать такую усталость, то отъ нея было время ужъ и от-

дохнуть, да и кромѣ того, могли бы появиться и новыя дѣтели и дарованія. Положимъ, дебюты послѣднихъ на сценахъ червостепенныхъ театровъ обставлены у насъ немалыми трудностями, зависящими какъ отъ недостатка вкуса и пониманія въ большинствѣ антрепренёровъ, такъ и отъ стремленія ихъ къ легкой наживѣ, при помощи спекуляціи на извѣстныхъ именахъ, но въ противодѣйствіе такимъ антрепренёрамъ, не говоря уже о множествѣ мелкихъ сценъ, открытыхъ для начинающихъ, у насъ были серьёзныя попытки обновить сцену произведеніями новыхъ и неизвѣстныхъ, но даровитыхъ писателей. Самая видная изъ такихъ попытокъ была попытка Баланда, который года два сряду устраивалъ драматическія и музыкальныя торы на сценахъ большихъ театровъ съ почтенною цѣлью ознакомленія публики какъ съ лучшими изъ старыхъ и позабытыхъ произведеній, такъ и съ произведеніями молодыхъ и неизвѣстныхъ писателей, а и всѣхъ съ шесть тому назадъ, купилъ театръ Дежаже, для постановки исключительно пьесъ молодыхъ писателей. До сихъ поръ, однако, эта попытка не увѣнчалась никакимъ успѣхомъ и не дала никакихъ существенныхъ результатовъ, и новый театръ Баланда, прозванный «Третьимъ французскимъ театромъ», хотя и поставилъ уже значительное количество пьесъ, но по качеству ни одна изъ нихъ не могла остановить на себѣ самого снисходительнаго вниманія публики. Чтѣ будетъ дальше—предсказать трудно, но если дѣло пойдетъ тѣмъ же порядкомъ, какъ оно тянется уже чуть не десять лѣтъ, то придется главную причину упадка драматической производительности во Франціи видѣть уже не во внѣшнихъ обстоятельствахъ, а въ оскудѣніи талантовъ. Это было бы очень грустно и отчасти въ этомъ виновата сама публика, весьма долго удовлетворявшаяся посредственными произведеніями авторовъ, однажды ею признанныхъ, которые небрежнымъ отношеніемъ къ искусству испортили ея вкусъ, а своими вѣчными варіаціями на одну и ту же заѣзженную тѣму о пріятностяхъ и опасностяхъ адюльтера окончательно развратили ее, и убили, такъ сказать, спросъ на здоровыя и живыя драматическія произведенія. Въ этомъ смыслѣ молодымъ писателямъ приходится нести отвѣтственность за грѣхи отцовъ своихъ, но если это служить нѣкоторымъ оправданіемъ для тѣхъ изъ нихъ, которые, не обладая особенно сильными талантами, во всякое другое время все-таки создавали бы пьесы не дурныя, то, вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки указываетъ, что въ средѣ ихъ нѣтъ ни одного сильнаго, самобытнаго и энергическаго таланта, для котораго самая апатичность публики и упадокъ ея вкуса должны были бы послужить стимуломъ для созданія такихъ произведеній, которыя восторжествовали бы надъ ними. Никогда для дѣтельности подобныхъ талантовъ не было во Франціи лучшаго времени. Съ одной стороны, хотя вкусъ большинства публики и испорченъ до нельзя, но не вымерли же поголовно въ Парижѣ и настоящіе знатоки, цѣнители и любители искусства,

которым современное состояніе сцены набило оскомину, и которые съ радостью встрѣтятъ всякое выходящее изъ ряду драматическое произведеніе, сумѣютъ создать и поддержать его успѣхъ. А успѣхъ въ Парижѣ и до сихъ поръ, какъ въ нравственномъ смыслѣ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи — дѣло нешуточное, изъ-за котораго стоить потрудиться. Подтвержденіемъ этой мысли можетъ служить тотъ энтузіазмъ, съ какимъ была у насъ встрѣчена хоть бы «Дочь Роланда», при всѣхъ несовершенствахъ этого нѣсколько ходульнаго и отчасти дѣтски-реторическаго произведенія, только за то, что въ авторѣ его интеллигентный Парижъ подмѣтилъ искру энергіи, или успѣхъ «Побѣжденнаго Рима», новой погудки на старый ладъ, да еще притомъ иностранца Пароди, плохо владѣющаго французскимъ языкомъ, за ту поэтическую струйку, которая бьетъ въ этой далеко неудовлетворительной въ художественномъ смыслѣ трагедіи. Съ другой стороны, несмотря на бѣдность драматической производительности, никогда еще въ Парижѣ внѣшняя техническая сторона постановки пьесъ не доходила до такого совершенства, какъ въ настоящее время, а декоративный прогрессъ едва ли оставляетъ хотя чего-либо желать. Хорошая пьеса, какъ ни разыгрывайся фантазія ея автора, можетъ быть въ настоящее время поставлена и обставлена такъ, что не расхолаживай только зрителя неумѣлое или неосмысленное слово, и иллюзія можетъ быть достигнута такая, о какой не снилось не только нашимъ отцамъ, но даже и старшимъ братьямъ. Эффектъ подобной постановки мы могли видѣть года два тому назадъ, при представленіи «Невисты» Сарду. Кромѣ того, въ наши дни Парижъ такъ богатъ талантливыми исполнителями, какъ никогда, и если въ средѣ нашихъ артистовъ въ настоящую минуту нѣтъ ни одного генія, какъ Тальма, Леканъ, Фридерикъ Леметръ или Рашель, то замѣчательныхъ актеровъ, какъ для драмы, трагедіи и высокой комедіи, такъ и для водевиля — не оберешься. Это обиліе первостепенныхъ артистовъ даже вредно собственно для драматическаго искусства. Масса публики пріѣзжаетъ смотрѣть актеровъ, а не пьесу, такъ что дѣлается почти безразлично, какаѣ бы пьеса ни шла, лишь бы въ ней участвовали ея любимцы и любимицы — Сара Бернаръ, Руссейль, Фабръ, Го, братья Кокаленъ, Муне-Сюлли, Парадъ. Нужно, чтобы пьеса была уже изъ рукъ вонъ плоха, чтобы такіе исполнители ея не поддержали, и хотя одинъ изъ нихъ не создастъ бы такого типа или характера, который не примирилъ бы какъ съ рутинностью сюжета, съ несообразностью замысла, неправдоподобностью его и всяческими иными недостатками пьесы. Этимъ объясняется то, что весьма слабыя пьесы иногда очень долго держатся на аффишѣ, собираютъ значительную публику и даютъ авторамъ такой солидный гонорарій, который избавляетъ ихъ отъ заботы слишкомъ большихъ затратъ ума и таланта. Этимъ же должно объяснить и живучесть нѣкоторыхъ

водевилей, въ которыхъ различнымъ Гасентамъ или Миллерамъ стоитъ только хорошо загримироваться какою-нибудь парижскою знаменитостью, чтобы этимъ сообщить часто ничтожному фарсу всё атрибутивн чѣть не «спенническаго событія». Въ моихъ прежнихъ хроникахъ мнѣ иногда приходилось приводить названія нѣкоторыхъ изъ подобныхъ водевилей, и, можетъ быть, у васъ было не мало читателей, которые роптали на меня за приведеніе отзывовъ о такихъ водевиляхъ, на страницахъ серьезнаго журнала, но эти лица неправы. Не зная парижскихъ нравовъ, они, конечно, не догадываются, что значить порокъ въ жизни Парижа острое слово, удачный куплетъ, ловкій намекъ, и т. д.

Начало нашей весны—два первые ея мѣсяца отличались особенно драматическою безплодностью. Лучше всего появившагоса за это время безспорно опять таки нѣчто среднее между водевилемъ и комедіей. Я говорю о пьесѣ гг. Геннезена и Нажана «Ребенокъ» (Bébé). Мысль этой вещицы довольно нова, не загранична; написана она чрезвычайно бойко, всѣ характеры и дѣйствія отличаются замѣчательною естественностью, а исполняется она такъ, что весь Парижъ сбѣгается ее смотрѣть. Дѣло въ этой пьесѣ идетъ о молодящейся матери и ея 22-хъ-лѣтнемъ сынѣ, слушающемъ курсъ права, котораго она считаетъ чуть не виновнымъ ребенкомъ, между тѣмъ, какъ онъ пустился уже во всѣ тяжкія и посвящаетъ всѣ свои досуги камелиямъ и дамкамъ полусвѣта, не оставляя безъ вниманія и женскій персоналъ прислуги материнскаго очага. Чтобы понять, что можно сдѣлать изъ такой, повидимому, незамысловатой канвы—надо присутствовать при представленіи пьесы въ театрѣ «Gymnase». Въ теченіе цѣлыхъ трехъ актовъ, смѣхъ въ залѣ не прерывается и, мало того, сами исполнители едва воздерживаются отъ смѣха...

Такъ же смѣялись бы исполнители и quasi-серьезной мелодрамы, якобы изъ русскихъ нравовъ: «Ссылные», идущей на сценѣ театра Сень-Мартенскихъ Воротъ и передѣланной Эженомъ Нюсомъ и Викторіеномъ Сарду, изъ романа нѣкоего князя Любомірскаго: «Бояре и чиновники» (Fonctionnaires et Boyards), если бы только догадались, что пресловутый князь-авторъ о русской жизни имѣетъ такое же понятіе, какое имѣетъ, напримѣръ, Викторіенъ Сарду о печенѣгахъ, хотя и выдаетъ себя съ бездеременною развязностью за ея знатока. Когда одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, бывший со мною вмѣстѣ на представленіи «Ссылныхъ», указалъ мнѣ на всѣ нелѣпости и несообразности заключающіяся въ пьесѣ, то я рѣшительно покраснѣлъ за наглость Любомірскаго. Господинъ этотъ—полякъ, родившійся въ Россіи, но очень давно поселившійся въ Франціи, куда пріѣхалъ молодымъ и богатымъ, но гдѣ постарѣлъ и раззорился, забывъ окончательно то немногое, что былъ способенъ разглядѣть въ Россіи изъ оконъ военной школы, въ которой воспитывался, и рестораноу, въ которыхъ довер-

шил свое образованіе. Русскаго въ пьесѣ только имена: Надежда, Татьяна, Палкинъ и т. д., вся же ея фабула — невѣроятнѣйшая галиматья. Для подтвержденія этого, довольно указать на то, что въ пьесѣ идетъ дѣло о сылѣхъ въ Сибирь административнымъ порядкомъ цѣлой аристократической семьи по «распоряженію» полиціймейстера Шельма, который самъ за ними туда же отправляется для надзора за ними и за сосланнымъ имъ же членомъ французскаго посольства Максомъ-де-Люссьеромъ и его слугою, бывшимъ зуавомъ. Герой пьесы, Владиміръ, вмѣстѣ съ Максимомъ, поднимаютъ всѣхъ сибирскихъ сосланныхъ противъ властей. Поднимается бунтъ, Владиміръ и Максъ «падаютъ въ плѣнъ» къ Шельму и жандармскому полковнику Палкину и должны быть разстрѣляны, но въ дѣло вмѣшивается какой-то «намістникъ Сибири», который ихъ прощаетъ. «Намістникъ» этотъ, между прочимъ, узнаетъ въ слугѣ Макса того зуава, который нанесъ ему штыкомъ «весьма искусную» рану при Балаклавѣ и, весело обращаясь къ нему, говоритъ: «весьма можетъ быть, что намъ снова придется встрѣтиться на войнѣ». — Нѣтъ никогда! отвѣчаетъ идеальный зуавъ и остроумный парижанинъ:—русскіе и французы созданы для того, чтобы вполнѣ понимать обоюдное-народное великодушіе!

Этой важною выходящей, сочиненной по образу и подобию предсказанной трагедіи въ «Данишевѣ» по поводу убитаго медвѣдя — обусловленъ относительный успѣхъ «Ссылныхъ». При каждомъ представленіи въ театрѣ поднимается неслыханный гулъ рукоплесканій, вслѣдъ за произнесеніемъ этихъ словъ. Рукоплесканія эти показываютъ, что сочувствіе между Франціей и Россіей — пока, впрочемъ, только платоническое — достигло своего апогея, но это не дѣлаетъ, однако, вымысла князя-автора ни на одну іоту толковѣе и умнѣе, и не мѣшаетъ «Ссылнымъ» представлять собою сплетеніе невѣроятнѣйшей галиматіи и нелѣпостей.

Если въ двумъ названнымъ мною пьесамъ прибавить возобновеніе на сценѣ театра, «Одеонъ» пьесы Жоржъ-Занда «Мопра» то получится весь итогъ драматическаго богатства нашего за дѣвяне три мѣсяца. Объ этихъ трехъ пьесахъ, по крайней мѣрѣ, публики хоть сколько-нибудь говорила. Все остальное провалилось бесслѣдно при общемъ безжолвіи.

Въ отношеніи музыкальныхъ новостей—Парижъ за это время былъ несравненно счастливѣе, и обогатился тремя новыми операми, изъ которыхъ двѣ принадлежатъ новымъ композиторамъ—Сень-Сансу и Сальвейру, а третья первостепенной знаменитости—Гуно.

Опера Сень-Санса, пьаниста-исполнителя, достигнувшаго въ недавнее время такой значительной извѣстности, носить названіе «Серебряннаго Колокола» и имѣла успѣхъ самый сардонный. Судя по серьезности музыкальнаго образованія этого композитора, ученика Берлиоза и пламеннаго поклонника его музыки, какъ и музы-

ки Вагнера, сторонники музыкальной реформы ожидали от него какого-либо могучаго произведенія въ реальномъ жанрѣ. Но они ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. «Колоколь» написанъ 15 лѣтъ тому назадъ, въ теченіи которыхъ онъ скитался по дирекціямъ оперныхъ театровъ, то рѣшавшихся, то не рѣшавшихся его ставить. Такимъ образомъ, это молодое произведеніе музыканта, достигшаго зрѣлости, успѣло значительно состариться ранѣ своего появленія передъ публикой. Оно, если хотите, не лишено нѣкоторыхъ достоинствъ, какъ опытъ композитора, подававшаго надежду, но въ настоящее время Сенъ-Сансъ, ставшій воплѣтъ ученнымъ музыкантомъ, настолько переросъ свои молодныя вѣхновенія, что надобно удивляться, какъ онъ не воспрепятствовалъ появленію передъ публикой своего слишкомъ легкаго произведенія. Музыка «Колокола», пожалуй, была бы не дурна, и напоминаетъ даже Обера, но не Обера, какимъ онъ являлся въ «Черномъ Домино», а Обера «Фенеллы», какою она была бы, еслибы ея не одушевлялъ горячій патриотизмъ и глубокое чувство гуманности, разлитое чуть не въ каждой мелодіи знаменитой Нѣмой изъ Портичи. Сходство «Колокола» и «Фенеллы» тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что въ обѣихъ операхъ главная роль принадлежитъ нѣмой. Нѣмой «Колокола» является танцовщица Фіаметта; образъ ея столько же антипатиченъ, на сколько привлекательна сестра и дочь неаполитанскихъ рыбаковъ, влияние которой обуславливаетъ національное освобожденіе. По либретту покойнаго Мишеля Карре и здравствующаго Жюль Барбье, Фіаметта — куртизанка изъ вѣнскаго кордебалета, возбуждающая своею красотою въ душѣ нѣкотораго юнаго артиста неутолимую жажду денегъ, необходимыхъ для обладанія ею. Страсть къ ней заставляетъ его прибѣгнуть къ помощи роковаго талисмана, серебряннаго колокола, имѣющаго чудное свойство, при каждомъ звонѣ въ него, снабжать обладателя своего значительною суммою золота, подъ условіемъ, что при этомъ роковомъ звонѣ умираетъ неизбежно кто-либо изъ друзей или близкихъ лицъ къ звонящему. Къ счастью—какъ это объясняется уже въ первой картинѣ—роковой колокольчикъ этотъ ничто иное, какъ «сонное видѣніе», а самая фабула оперы есть только, такъ сказать, ночной кошмаръ. Тѣмъ не менѣе, въ послѣднемъ актѣ несчастный его обладатель Конрадъ раскаявается въ своемъ ненасытномъ сребролюбіи и покидаетъ коварную Фіаметту для законнаго и вполне буржуазно-нравственнаго брака со своей кузиною Еленю. Вся эта исторія могла бы быть не хуже любой комической оперы, еслибы она была коротка, но, растянутая до размѣровъ большой фантастической оперы она раздражаетъ слушателя крайнимъ ребячествомъ своего вымысла. Даже наиболѣе наивная часть публики не удовлетворена, такъ какъ она ждетъ отъ волшебной сказки настоящаго волшебства, а ее угощаютъ какимъ-то смутнымъ сномъ, въ которомъ появленіе чертей шито на живую нитку съ крайнею реальностью воспроиз-

веденія картинокъ ночной оргіи у «талантливой балерины». Несмотря на все это, многія мѣста оперы вызываютъ взрывы рукоплесканій, но, въ сожалѣнію, именно тѣ мѣста, отъ которыхъ Сень-Сансъ всего скорѣе могъ бы отказаться, какъ напримѣръ, вальсъ жительницъ ада, изумительный по своей банальности. Зато многогѣ оригинальная цыганская пляска, прошла совершенно незамѣченной публикою. Въ оперѣ есть, впрочемъ, двѣ безукоризненно восхитительныя мелодіи, въ 1 актѣ на слова: «спроси у пробуждающейся птицы», и въ 3-мъ, пѣсня бабочки и звѣзды, съ изящнымъ акомпаниментомъ флейты. Финалъ оперы написанъ съ большимъ блескомъ и оркестровка мѣстъ, сопровождающихъ мимическія объясненія нѣмой танцовщицы—весьма удачны. Роль нѣмой исполняетъ нѣкая Теодоръ—артистка, не отличающаяся особенной красотою, но замѣчательная своею необычайною ловкостью и граціею.

Опера Гуно, появившаяся на сценѣ театра Комической Оперы, называется «Cinq-Mars» и сюжетъ ея заимствованъ изъ известнаго романа Альфреда де-Виньи подъ тѣмъ же названіемъ. Успѣхъ ея тоже былъ не блестящій. По винѣ ли либреттистовъ, не счумѣвшихъ въ своемъ стихотворномъ переложеніи холоднаго историческаго романа Альфреда де-Виньи воодушевить его, по слѣпности ли работы самого Гуно, написавшаго всю партіцію, по требованію дирекціи, въ какія-нибудь шесть недѣль, рѣшать этого я не берусь, но только опера вышла неудачна. Какъ нарочно, не болѣе недѣли тому назадъ, я слышалъ «Филемона и Бавкиду», недавно возобновленную его оперу, и въ моей памяти еще не затихло воспоминаніе о ея прелестныхъ и задушевныхъ мелодіяхъ. Кромѣ того, я, какъ и большая часть почитателей Гуно, возлагаю значительныя надежды на его «Полювкта», оперу, которую собирается поставить наша національная Академія Музыки ко времени открытія всемірной выставки 1878 года, какъ значительную музыкальную новость, вполне достойную вниманія той массы избранной публики, наплыва которой ждетъ Парижъ. Погребальный маршъ, сцена клятвы заговорщиковъ, несравненно, впрочемъ, слабѣйшая противъ подобныхъ же сценъ въ «Гугенотахъ», дуэтъ друзей, вмѣстѣ умиравшихъ, исполненная страсти любовная арія, и веселая пѣсня, съ хоромъ, отлично оркестрованная—вотъ все, что можно указать въ оперѣ «Cinq-Mars», и всего этого было бы, конечно, весьма достаточно для менѣе одареннаго композитора, чѣмъ Гуно, но слишкомъ мало для него. Имя его собрало въ театрѣ множество публики, на мѣста записывались впередъ на нѣсколько представленій, но всѣ счастливыцы, попадавшіе въ нихъ, сильно разочаровывались. Одни изъ нихъ уходили изъ театра, даже не дослушавъ оперы до конца, другіе, болѣе терпѣливые, если и досидѣли до конца, то навѣрно потеряли всякую охоту слушать ее въ другой разъ. Опера весьма скоро и навѣрно безслѣдно исчезнетъ со сцены, не оставивъ ни въ комъ никакихъ воспоминаній о свазочно-лживыхъ

Т. ССХХХІІ. — Отд. II. 3

похожденіяхъ «Cinq Mars'a» и его неразлучнаго друга и ситника де-Ту. Музыкальные критики, отнесшіеся съ крайнею любезностію и снисходительностію къ композитору, задались мыслию непремѣнно отыскать въ оперѣ что-нибудь чрезвычайное и стали восторженно расхваливать введенную въ нее ни къ чему ни къ городу, интермедію съ танцами, несоотвѣтствующую ни историческому, ни драматическому смыслу оперы, утомительную своей длиннотою и рѣшительно не замѣчательную ни въ музыкальномъ, ни въ хореографическомъ отношеніи.

Дѣло другое—дѣйствительно замѣчательный балетъ, изображающій празднество Будентавра, помѣщенный въ 3-мъ дѣйствіи оперы молодого композитора Сальвейра: «Браво». Танцовщица Теодоръ, составившая себѣ извѣстность ролью Фіамметы въ «Серебряномъ Колоколѣ», исполняетъ въ немъ съ изумительнымъ совершенствомъ чуть не невозможныя по своей трудности пѣ, подъ восхитительную музыку оркестра, напоминающую, по своей тѣмѣ, венеціанскій карнавалъ. Въ оперѣ этой, кромѣ того, есть одна восточная фантазія, тарантелла, танцевальный хоръ и градозвонный маршъ, которые доказываютъ, что композиторъ Сальвейръ, несмотря на свою молодость (ему едва ли еще 30 лѣтъ), сумѣлъ сдѣлаться весьма замѣчательнымъ музыкантомъ.

Конечно, одного блестящаго 3-го дѣйствія не было еще достаточно, чтобы обезпечить за «Браво» его автору значительный денежный успѣхъ. Либретто оперы, принадлежащее нѣкоему со-труднику «Gaulois», Блаве, несмотря на то, что было черезъ мѣру захвалено его товарищами журналистами, тоже не представляетъ собою никакихъ особенныхъ совершенствъ. Содержаніе его старо донельзя, напоминаетъ одинъ забытый романъ Купера и десятки итальянскихъ романовъ добраго стараго времени, когда публику могли увлекать самые ребячскіе вымыслы. Герой либретто—браво, презираемый всѣми исполнитель верховнаго рѣшенія совѣта десяти венеціанской республики. Прекрасную въ нѣкоторомъ родѣ обязанность палача принялъ онъ на себя, чтобы освободить этимъ отъ смертной казни отца своего, осужденнаго за убійство соблазнителя своей дочери, нѣкою любимой сестры браво. Ставъ такимъ образомъ благодѣтельнымъ палачемъ, онъ является въ пьесѣ защитникомъ нѣкоторой Виолеты отъ преслѣдованій ея злобнаго опекуна. Виолета эта любитъ нѣкоего благороднаго патриція, Лоренцо, отвѣчающаго ея любви взаимностію. Покровительство этимъ двумъ любящимся сердцамъ, по мнѣнію браво, вполне его очищаетъ отъ позора, неразлучнаго съ исполненіемъ взятаго имъ на себя печальнаго ремесла. Онъ расторгаетъ предполагаемый бракъ покровительствуемой имъ Виолеты съ коварнымъ сенаторомъ Контарини, притворно заключая ее въ монастырь, и подъ конецъ оперы доставляетъ любовникамъ возможность обѣжать накануне дня, въ который Виолета должна принять обѣтъ вѣчнаго отреченія отъ міра. Вы видите, что все это настолько же старо, какъ и

непреходимо глупо. Теноровую партію Лоренцо исполняетъ Лэри, поющій головнымъ голосомъ, роль Виолеты поручена молодой пѣвицѣ Гейльбронъ, обладающей весьма пріятной манерой пѣнія при недурномъ голосѣ. Роль самого браво исполняетъ баритонъ Буи и играетъ и поетъ съ такимъ совершенствомъ, что публика тотчасъ же разглядѣла въ немъ достойнаго соперника знаменитаго Фора. Длинный монологъ, въ которомъ онъ рассказываетъ свою исторію — передавъ былъ имъ восхитительно.

Особенно хороша въ музыкальномъ отношеніи увертюра оперы: это—положительно замѣчательное симфоническое произведение, позволяющее ожидать отъ Сальвейра въ будущемъ весьма много. Разуздется «Браво» не доставить еще Сальвейру ни славы, ни богатства, но опера эта послужитъ для него солиднымъ основаніемъ для завоеванія, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ и того, и другого.

Нынѣшній концертный сезонъ въ Парижѣ, окончившійся недѣлю черезъ двѣ послѣ пьески, былъ однимъ изъ самыхъ удачныхъ. Концерты въ «Шателё» Колонна, на которыхъ исполнялось «Проклятіе Фауста» Берліоза—были рѣшительно музыкальными событіями. На концертахъ Паделу въ церквѣ, въ память 50-ти-лѣтней годовщины смерти Бетховена—были исполнены славнѣйшія изъ симфоническихъ и драматическихъ произведеній величайшаго изъ музыкантовъ. Къ сожалѣнію, исполненіе ихъ не могло равняться съ неподражаемымъ исполненіемъ бетховенской музыки обществомъ концертовъ консерваторіи. На этихъ послѣднихъ, мы и въ нынѣшнемъ году, по обыкновенію, наслаждались Бетховеномъ. Такъ на заключительномъ концертѣ консерваторіи были исполнены два его концерта, сопровождавшіеся отрывками изъ Ораторіи «Paulus» Мендельсона и его же «Сна въ лѣтнюю ночь».

Между пѣянстами и пѣянистами, появившимися на концертахъ, пальму первенства заслужила въ настоящемъ году г-жа Шарвади (Вильгельмина Клаусъ), давшая въ прошломъ сезонѣ только два концерта, а въ настоящемъ—три. Особенно поразительно были исполнены на двухъ фортепьянахъ (на второмъ игралъ Сень-Сансъ) «Макабрскій танецъ» Сень-Санса и «маршъ» Теодора Гуви, одного изъ замѣчательнѣйшихъ французскихъ симфонистовъ, который, конечно, давно бы сталъ замѣчательнымъ опернымъ композиторомъ, еслибы встрѣтилъ хотя какое-нибудь сочувствіе со стороны антрепенеровъ театровъ, сторожащихъ свои музыкальныя капища, подобно Церберамъ, отъ... новыхъ композиторовъ.

II.

Политика.—Нейтралитетъ Франціи въ русско-турецкой войнѣ.—Усиленіе дѣятельности іезуитовъ въ виду возможности скорой смерти папы.—Каголицескіе заговоры и агитація.—Министры Симонъ и Сэ въ Италіи.—Запрещеніе католическаго комитета въ Парижѣ.—Петиціи противъ Италіи—за павсуаръ власть.—Письмо неверскаго епископа къ маршалу.—Циркуляръ хранителя государственной печати.—Конференція отца Гіасанта.—Сенжерменскій епископъ.—Правительственныя предостереженія духовенству.—Настроеніе депутатовъ и опасенія де-Брольи.—Бюджетъ исповѣданій и бюджетная коммиссія.—Нарочное недовольство безнравственностію духовныхъ.—Приговоръ надъ Полеми-Кассаньякомъ.—Выборы въ Бордо и Константинѣ.—Союзъ гѣмекъ.

Важнѣйшее политическое событіе минуты, разумѣется, война Россіи съ Турціей; какъ отнесся къ ней нашъ кабинетъ вамъ, конечно, извѣстно во всѣхъ подробностяхъ. Провозглашеніе Франціей полнѣйшаго нейтралитета—таково рѣшеніе, принятое правительствомъ. Нейтралитетъ этотъ не мѣшаетъ нравственному сочувствію французовъ успѣхамъ вашего дѣла. И, дѣйствительно, изъ всѣхъ европейскихъ странъ Франція всего менѣе заинтересована въ томъ или другомъ рѣшеніи восточнаго вопроса и рѣшительно не стойтъ за сохраненіе ненарушенности парижскаго трактата. Можно сказать положительно, что при сочувствіи къ страданіямъ угнетенныхъ славянскихъ народностей, чуть не все населеніе Франціи относится къ этому трактату, какъ къ политическому акту, не имѣющему для него никакого жизненнаго значенія. Всѣ же рабочіе поголовно такъ поглощены мыслью и заботами о будущей всемирной выставкѣ, что даже идея о возможности въ Европѣ такихъ комбинацій, при которыхъ Франція могла бы возвратить себѣ Эльзасъ и Лотарингію — не возбуждаетъ ни въ комъ желанія этого возвращенія съ рискомъ новой войны. Вообще, едва ли когда еще Франція была въ такомъ миролюбивомъ настроеніи духа, какъ въ наши дни. Зато тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ возникаетъ общественное мнѣніе большинства страны противъ интригъ духовенства и клерикаловъ, питающихъ самыя жалкіе планы, при помощи которыхъ они могли бы воспользоваться русско-турецкою войною для — *risum teneatis, amici* — восстановления въ Европѣ свѣтской власти папы чуть ли не со всѣми ея прерогативами счастливой эпохи инквизиціи. Для этого іезуитамъ прежде всего необходимо, въ виду близости смерти Пія IX, подготовить ему напередъ наследника, который дѣйствовалъ бы совершенно въ его духѣ, между тѣмъ какъ католики другихъ странъ заботятся уже давно какъ разъ о противоположномъ, т. е. — чтобы ему наследовалъ человекъ болѣе сообразный съ духомъ времени. Борьба и ожесточеніе съ объ-

ихъ сторонъ достигли своихъ крайнихъ предѣловъ. Іезуиты, царствующіе въ Европѣ подъ псевдонимомъ Піа IX, очень хорошо понимаютъ, что назначеніе новаго папы для нихъ вопросъ жизни и смерти. Появись на папскомъ престолѣ личность, которую имъ не удалось бы подчинить своему вліянію—и все ихъ дѣло пропало. Поэтому, они готовы были бы втянуть Францію въ любую войну съ кѣмъ бы то ни было, лишь бы достигнуть своей главной цѣли, возвести на папскій престолъ своего человѣка. Вѣнскія газеты говорятъ уже о какомъ-то громадномъ іезуитскомъ заговорѣ, возникшемъ въ Австріи съ благословенія Піа IX, цѣль котораго перессорить между собою всѣ европейскія страны, произвести общую европейскую войну и при ея пособіи вытащить изъ разгара мировой бойни горячіе каштаны. Пока слухи объ этихъ заговорахъ и агитаціяхъ довольно еще неопредѣлены и разнорѣчивы, но всѣ лица, хорошо знакомыя съ образомъ дѣйствій іезуитовъ, единогласно утверждаютъ, что папская аллокуція отъ 12-го марта—это положительное объявленіе папствомъ войны итальянскому правительству—находится въ связи съ австрійскимъ заговоромъ. Когда послѣднее отвѣчало на нее министерскимъ циркуларомъ, то Піа IX поручилъ кардиналу Симеони указать всѣмъ представителямъ св. престола на себя, какъ на ясное доказательство того угнетенія, какому Викторъ-Эммануилъ подвергаетъ папу, а слѣдовательно и совѣсть всѣхъ католиковъ, въ какой бы странѣ они ни проживали. Собственно во Франціи—іезуиты, утвердившіеся, благодаря преступному имъ покровительству «правительства борьбы», употребляютъ всѣ усилія, чтобы при пособіи клерикализма втянуть ее въ такое соглашеніе съ Піемъ IX, результатомъ котораго было бы устраненіе при выборѣ ему наслѣдника, какъ прямого вмѣшательства Италіи, такъ и косвеннаго вліянія Германіи. Коноводы этой интриги, разумѣется, нисколько не думаютъ о томъ, что, рѣшись Франція на подобный шагъ, дѣло можетъ привести къ ея окончательной гибели. Іезуиты надъ подобными мелочами не задумываются, ибо общество послѣдователей Игнатія Лойолы согласено даже погибнуть, подъ условіемъ, чтобы съ нимъ вмѣстѣ погибли народы.

Попытку вовлеченія Франціи въ какое-нибудь безразсудство этого рода было рѣшено произвести на шестомъ годишномъ общемъ собраніи департаментскихъ делегатовъ католическихъ комитетовъ, клубовъ и благотворительныхъ заведеній, которое обыкновенно созывается парижскимъ католическимъ комитетомъ. Но іезуиты на этотъ разъ не сумѣли хорошо сохранить свою тайну, и правительство рѣшилось предотвратить задуманное ими дѣло двумя способами. Во-первыхъ, Жюль Симонъ и министръ финансовъ Леонъ Сэ, подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья, поѣхали подышать чистымъ воздухомъ Флоренціи. Разумѣется, при ихъ появленіи въ ней, государственные люди Италіи испѣвшими на перерывъ познакомиться съ

путешествующими представителями сосѣдняго государства, в если Сѣ бесѣдовалъ съ ними исключительно о финансахъ и о будущемъ коммерческомъ трактатѣ между двумя правительствами, то Жюль Симонъ имѣлъ благопріятный случай неоднократно завѣрить вліятельнѣйшихъ совѣтниковъ Виктора-Эммануила, что французскій народъ нисколько не раздѣляетъ дико-ретроградныхъ стремленій слишкомъ пылкихъ представителей черной интернаціонали. Между прочимъ, онъ не упустилъ возможности потолковать и съ папскими эмиссарами, объяснивъ имъ, что французское духовенство не настолько самостоятелно, чтобы имѣло право безнаказанно принимать участие въ слишкомъ игривыхъ затѣяхъ австрійскихъ и итальянскихъ іезуитовъ... Одно время, казалось, что побѣда Жюля Симона принесла желательные результаты, что Пій IX нѣсколько окомнился и изъ Ватикана нашими клерикалами былъ полученъ лозунгъ придерживаться свое рвеніе къ церкви. Но нѣкоторые факты, съ другой стороны, показываютъ, что, если изъ канцеляріи свѣтлѣшаго отца и были отправлены во Францію благоразумные совѣты, то разные ученики Лойолы не изъявили охоты имъ слѣдовать.

Во-вторыхъ, Жюль Симонъ уполномочилъ префекта Буазена отнять у парижскаго католическаго комитета разрѣшеніе созывать общее собраніе департаментскихъ делегатовъ, полученное имъ отъ де-Брольи во время правительства нравственнаго порядка. Такимъ образомъ, это собраніе изъ публичнаго обратилось въ частное и открылось подъ болѣе скромнымъ названіемъ «собранія католиковъ». При его открытіи, по обыкновенію, папѣ былъ отправленъ адресъ а отъ него было получено по телеграфу благословеніе. Парижскій кардиналъ-архіепископъ, какъ и всегда, удостоилъ собраніе своимъ присутствіемъ; матежный женеvскій епископъ Мермьяльдо прочелъ на немъ бурную рѣчь, въ свидѣтельство международнаго значенія собранія. Анжерскій епископъ Фреппель, на послѣднемъ засѣданіи 7-го апрѣля, совѣтовалъ церкви дѣйствовать энергично и даже при помощи насилія, «какъ подобаетъ церкви воинствующей». При этомъ, онъ замѣтилъ, что хотя, въ концѣ концовъ, она непременно побѣдитъ при помощи какаго либо чуда, но это не избавляетъ ее отъ обязанности дѣйствовать. Благочестивому продавцу свиней и пожизненному сенатору Шенелону поручено собраніемъ повергнуть къ подножію престола или нѣтъ, извините, я ошибся, передать на благоусмотрѣніе благочестивой герцогини Маджентской, для внесенія при ея посредствѣ въ совѣтъ министровъ торжественный протестъ противъ распущенія парижскаго католическаго комитета и требованіе формальнаго его разрѣшенія безъ всякаго подчиненія надзору какой либо гражданской власти. Путемъ клерикальной печати, несмотря на всѣ поднятыя ею вопли, духовенству не удалось достигнуть отъѣзны распоряженія префекта Буазена. Почтенная конгрегация сдѣлала, впрочемъ, невозвратимую ошибку, брешась вслѣдъ въ глаза и поразившую своею неловкостью даже

самого маршала. Въ петиціи, предназначенной для маршала-президента и двухъ палатъ и пущенной въ обращеніе католическимъ собраніемъ неосторожно сдѣлана ссылка на папскую аллокуцію 12-го марта и на основаніи ея высказано, что святѣйшему отцу вскорѣ придется, вслѣдствіе грѣховныхъ мѣръ и распоряженій итальянскаго правительства, «прекратить всякія внѣшнія отношенія и быть какъ бы отрѣваннымъ отъ сношеній съ католическимъ міромъ». Этимъ мотивируется въ петиціи необходимость возвращенія папѣ въ самоскорѣйшемъ времени свѣтской власти, а на французское правительство возлагается обязанность «употребить всѣ средства, находящіяся въ его власти для содѣйствія независимости святѣйшаго отца, и тѣмъ доставить католикамъ Франціи возможность безпрепятственно пользоваться необходимѣйшею изъ свободъ: свободой совнанія и вѣры». Въ то время, когда эта петиція еще составлялась, ретивѣйшіе изъ клерикаловъ, несмотря на то, что ихъ неумѣлое рвеніе пробовалъ остановить даже самъ де-Брольи—явился въ министерство иностранныхъ дѣлъ и сталъ угрожать герцогу Деказу запросомъ въ сенатъ и палатѣ депутатовъ одновременно, если имъ не дано будетъ удовлетворительныхъ объясненій о томъ, какъ намѣренъ кабинетъ защитить папу, въ противодѣйствіе циркулярамъ и мѣропріятіямъ итальянскаго министерства. Несмотря на всю вѣжливость, съ какою Декаузъ проводилъ ихъ изъ министерства—они сочли себя имъ обиженными и жаловались на него частнымъ образомъ маршалу. Маршалъ также ихъ огорчилъ своею холодною, посовѣтовавъ оставить это дѣло. Онъ, очевидно, понялъ, что они компрометируютъ его своею безтактною какъ передъ Франціей, такъ и передъ цѣлою Европой. Въ маршалствѣ они также разочаровались, увидавъ ея безсиліе въ политическихъ вопросахъ. Между тѣмъ, епископъ неверскій еще болѣе испортилъ дѣло, отправивъ не только ко всѣмъ священникамъ, но и къ мэрамъ всѣхъ общинъ своей епархіи циркуляръ, которымъ заявлялъ, что святѣйшій отецъ счелъ необходимымъ извѣстить Францію, «что онъ уже не пользуется въ Римѣ свободой, необходимой для него въ видахъ распоряженія своей властью». Вслѣдствіе чего, епископъ предлагалъ, какъ священникамъ, такъ и мэрамъ «утвердить населеніе въ мысли, что совѣсть французовъ перестала быть свободною» и что наступила пора дѣйствовать «для предоставленія владѣлину католическихъ душъ необходимой независимости для заботы объ ихъ спасеніи». Въ этихъ видахъ онъ совѣтовалъ мэрамъ и священникамъ войти въ соглашеніе «для единообразія въ дѣйствіяхъ», и начать съ повсюдной раздачи печатныхъ экземпляровъ какъ аллокуціи папы, такъ и письма, которое онъ, епископъ неверскій, писалъ по ея поводу къ маршалу-президенту. Письмо это помѣчено 7-мъ апрѣля, также какъ и циркуляръ, и слѣдовательно, епископъ приказалъ его отпечатать въ тотъ же день, когда написалъ, не испросивъ на это

разрѣшенія лица, къ которому оно было адресовано, нарушитъ этимъ всякое общественное приличіе и ту подчиненность, каковъ обязываются всѣ лица, состоящія на службѣ, въ отношеніи къ главѣ государства. Самое письмо составлено въ высшей степени безтактно, нелѣпо, такъ какъ оно въ состояніи возстановитъ противъ клерикализма весьма усердныхъ его пособниковъ, безпартистовъ. Всѣ ограниченія власти папы, прошедшія вслѣдъ за итальянской революціей, ставятся въ этомъ письмѣ въ вину имперіи и Наполеону III. Въ петиціи Шенелона внѣшняя форма придумана довольно искусно, неверскій же епископъ бездеременно обязываетъ маршала-президента заявить откровенно, что онъ отрицается всякой солидарности съ революціоннымъ итальянскимъ движеніемъ и не признаетъ за Франціей Карла Великаго и Людовика Святого никакой возможности дѣйствовать согласно съ результатами, произведенными этой революціей. «Такимъ заявленіемъ, поясняетъ онъ:—вы не только снимете съ себя всякую личную отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ; но, независимо отъ исполненія своего гражданского долга, еще соедините вокругъ себя всѣхъ раздраженныхъ въ настоящую минуту дѣятелей католическаго міра, оставшихся вѣрными традиціямъ своей религіи. Вы едете, такимъ образомъ, снова порванную обстоятельствами цѣпь этихъ традицій во Франціи и займете тогда по праву принадлежащее вамъ по положенію мѣсто *старшаго сына церкви*». Горячій епископъ, получающій жалованье отъ республики, какъ вы видите, нисколько не заботится о томъ, какъ посмотреть на его затѣю Италіи, не захочетъ ли имъ противодѣйствовать Германія и вообще, къ чему осуществленіе ихъ можетъ привести Францію, если бы Мазъ-Магонъ рѣшился употребить свою власть на защиту дѣла папы, чтобы онъ могъ вязать и рѣшать по своему произволу дѣла Востока и Запада, сообразно тому, какъ объ этомъ мечталъ папа Григорій VII. Но епископъ неверскій—погнѣбшее воплощеніе типа чистокровнаго ультрамонтана. Для него не существуетъ другого отечества, кромѣ неба, много вопроса, кромѣ вопроса церкви, иной цѣли, кромѣ достиженія повсюднаго господства іезуитовъ. Своимъ циркуляромъ и письмомъ онъ съумѣлъ одновременно и превысить свою власть (обращеніемъ къ мэрамъ), и нарушить конституцію (письмомъ къ маршалу, которымъ онъ побуждаетъ президента дѣйствовать личною властью противъ иностраннаго государства). Поэтому, въ либеральной печати возникли противъ него обвиненія и требованія отдать его подъ судъ. Но духовенство у насъ все еще продолжаетъ пользоваться безнаказанностью, и между тѣмъ, какъ въ это же время газета «Radical» успѣла два раза подвергнуться суду исправительной полиціи присяжныхъ, за помѣщеніе масличной пѣсенки «le Glas double» и, за осмѣяніе нѣкоторыхъ сторонъ комитета, несравненно болѣе скромное, чѣмъ извѣстными остроумными выходками Вольтера, Дидро и другихъ настоящихъ

французовъ XVIII вѣка — правительство рѣшилось принять только легкія популяры для предотвращенія развитія клерикальной агитаціи, хотя и видѣло, что отнятіе права публичныхъ засѣданій у парижскаго католическаго комитета не привело на практикѣ ни къ какимъ существеннымъ результатамъ. По поводу неоднократныхъ скандаловъ, произведенныхъ послѣдователемъ извѣстнаго драгуна-проповѣдника де-Мѣна, Сиссе, о которомъ ходили слухи, что онъ братъ бывшаго министра, пока со стороны послѣдняго не появилась печатнаго этого опроверженія — произносившимъ свои проповѣди уже не въ такъ называемыхъ «рабочихъ католическихъ клубкахъ», а въ церкви, съ главной кафедрой — министръ исповѣданій Мартель рѣшился выйти изъ бездѣйствія. Ограничился онъ, однако, только тѣмъ, что разослалъ къ епископамъ весьма мягкій циркуляръ, въ которомъ стремился доказать, насколько вредитъ значенію самого духовенства допущеніе свѣтскихъ людей къ проповѣдыванію въ зданіяхъ, посвященныхъ исключительно религіознымъ службамъ. То мѣсто его циркуляра, въ которомъ онъ говоритъ, что «нѣкоторые прелаты обратили уже вниманіе на тѣ неудобства, къ которымъ приводитъ церковь возрастающее въ ней свѣтскаго элемента» — невольно заставляетъ улыбнуться. Какъ будто іезуиты давно не стремятся къ тому, чтобы всей церкви придать, по возможности, свѣтскій характеръ, какъ будто они стануть брезгать нужными имъ людьми за то только, что они не ходятъ въ рясахъ и, какъ будто, при оскуденіи талантовъ въ средѣ самого духовенства, они не рады пользоваться услугами тѣхъ, кто изъ тщеславія или честолюбія готовъ служить ихъ цѣлямъ. Кому же неизвестно, что уже болѣе сорока лѣтъ всѣми духовными дѣлами Франціи управляютъ не епископы, а люди свѣтскіе? Довольно упомянуть при этомъ хотя имя журналиста Вельо, не даромъ всѣми прованскаго «послѣднимъ отцомъ церкви». Даже какой нибудь Шенелонъ развѣ не пользуется гораздо большимъ вліяніемъ на католицизмъ, чѣмъ великій Дюпанлу, готовый мѣнять сколько угодно свои религіозныя убѣжденія, лишь бы поймать кардинальскую шапку, до сихъ поръ постоянно отъ него ускользавшую. Поэтому-то слово *уже* въ министерскомъ циркулярѣ немало на смѣшило Парижъ, и публика рѣшительно отказывается понимать, почему правительство «оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о легальности (публичныхъ чтеній въ церквахъ), подлежащій вѣдѣнію судейскаго вѣдомства», вмѣсто прямого пригвѣненія къ духовенству «закона, одинаковаго для всѣхъ», и почему Мартель, обращаясь къ епископамъ, рассыпается передъ ними въ излишнихъ любезностяхъ, въ родѣ слѣдующей: «я не стану настаивать на томъ, что по законамъ 18 термидора X года, и 6 іюня 1868 въ подобныхъ случаяхъ допускается административное вѣдѣтельство», или хвастается тѣмъ, что правительство запретило произношеніе духовныхъ проповѣдей внѣ храмовъ, между тѣмъ какъ епископы позволяютъ незаконно въ церквахъ собраніе или про-

ивношеніе рѣчей, не имѣющихъ ничего общаго съ религіей. Въ послѣднихъ словахъ, конечно, заключается намекъ на отказъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ разрѣшеніи Луазону, бывшему отцу Гисэвту, права проповѣдыванія ученія старокатолицизма со сцены Итальянскаго Театра. Но вѣдь чтенія Луазона все-таки состоялись, и проповѣдникъ, все-таки въ два воскресенья средѣ, 15 и 22 апрѣля, прочиталъ въ аданіи зимняго црква двѣ лекціи духовно-нравственнаго содержанія: «объ уваженіи къ истинѣ» и «о семьѣ», въ присутствіи 4 тысячъ слушателей.

За свою любезную снисходительность къ духовенству Мартель былъ весьма оригинально вознагражденъ. Анжерскій епископъ, котораго особенно затронулъ циркуляръ, такъ какъ де-Сиссе именно имъ былъ приглашенъ къ проповѣдыванію въ церкви, весьма дерзко и рѣзко протестовалъ противъ него. Хранитель государственной печати и на этотъ разъ не передалъ его суду, а ограничился собственноручнымъ, конфиденціальнымъ къ нему письмомъ, въ которомъ, по словамъ официальныхъ органовъ, было сказано, что онъ находитъ его протестъ «непристойнымъ, какъ по сущности, такъ и по формѣ». Эта новая снисходительность вызвала новое недоумѣніе въ обществѣ, которое рѣшительно не можетъ понять, почему кабинетъ, обладая всеми необходимыми средствами для обузданія антипатріотическихъ выходовъ духовенства и его вредной агитаціи, не употребитъ, наконецъ, предоставленной ему существующимъ законодательствомъ власти. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ весь скромный итогъ, которымъ правительство противодействовало беззаконіямъ епископовъ: 1) конфиденціальное письмо министра юстиціи и исповѣданій къ епископу неверскому, обсуждавшееся въ частномъ собраніи совѣта, въ которомъ выражено, что маршалъ-президентъ весьма недоуменъ тѣмъ, что такой уважаемый прелатъ позволилъ себѣ напечатать адресованное къ нему письмо, которое, по щекотливости своего содержанія, могло вызвать политическія недоразумѣнія между Франціей и «дружественнымъ правительствомъ державы, состоящей съ нею въ наилучшихъ отношеніяхъ»; 2) посѣщеніе неверскимъ префектомъ тоже неверскаго епископа для объясненія послѣднему, что онъ не имѣетъ права отдавать мѣрамъ приказаній, и для заявленія въ ясныхъ, но почтительныхъ выраженіяхъ, что правительство не намѣрено болѣе терпѣть вышательства духовныхъ властей въ гражданскія дѣла и политику; 3) циркуляръ министра исповѣданій къ епископамъ, которымъ объясняются опасность и неудобства, могущія произойти для страны отъ безразсудныхъ манифестацій духовенства, и которымъ напоминаетъ имъ объ обычныхъ «патріотизмѣ и мудрости» французскихъ прелатовъ, и 4) еще циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ ко всѣмъ префектамъ, которымъ они приглашаются лично носѣтить епископовъ и дружески посовѣтовать имъ не подражать дѣйствіямъ епископа неверскаго, такъ же какъ и принять мѣры противъ распространенія католической петиціи, «выраженія которой оскор-

бительны для представителей общественной власти сосѣдней страны».

Что во всѣхъ этихъ полумѣрахъ сквозить все-таки хорошее намѣреніе правительства, это не подлежитъ сомнѣнію, но едва ли этого достаточно, чтобы предотвратить въ палатѣ депутатовъ легкій запросъ правительству о заговорѣ клерикаловъ и голосованіе такого перехода къ очередному порядку, которымъ общественныя власти были бы торжественно приглашены къ энергическому подавленію смуть, возбуждаемыхъ духовенствомъ.

Бюджетная коммиссія, возобновившая свои засѣданія въ Бурбонскомъ дворцѣ, 24-го апрѣля, подѣ предсѣдательствомъ Гамбетты, посвятила цѣлый день обсужденію бюджета исповѣданій, докладъ о которомъ былъ подготовленъ Гишаромъ, тѣмъ самымъ, который былъ докладчикомъ по переизбранію де-Мѣна. Въ докладѣ этомъ упоминается о прежнихъ «свободахъ» галиканской церкви и приводятся тѣ постановленія конкордата, которыя можно приложить въ дѣлѣ обузданія ультрамонтановъ. Докладъ составленъ въ весьма либеральномъ духѣ, и при обсужденіи его произошли пренія о томъ: слѣдуетъ ли помѣщать въ немъ цѣльнымъ декларацію 1682 года? Два члена лѣваго центра воспротивились такому помѣщенію, съ точки зрѣнія свободы совѣсти, но большинство опровергло ихъ тѣмъ доводомъ, что, если отъ духовенства, состоящаго на жалованьи у правительства, не требовать уваженія къ національному законодательству, опредѣляющему отношенія между церковью и государствомъ, то не остается ничего другого дѣлать, какъ уничтожить бюджетъ вѣроисповѣданій и отдѣлить церковь отъ государства. Такимъ образомъ, весьма значительнымъ большинствомъ голосовъ было постановлено, что декларація 1682 года, конкордатъ 1801 года, органическія статьи и статьи уголовного кодекса, примѣнимыя къ возмущеніямъ духовенства—будутъ помѣщены въ видѣ приложения къ докладу. Докладчикъ Гишаръ требовалъ, чтобы жалованье епископу неверскому было вычеркнуто по бюджету, но коммиссія разсудила, что, какъ бы ни былъ предосудителенъ образъ дѣйствій этого лица, изъ этого не слѣдуетъ все-таки, чтобы къ нему законно было примѣнять такую исключительную мѣру.

Настроеніе республиканскаго большинства депутатовъ—вообще весьма воинственное въ вопросѣ о духовенствѣ. Весьма многіе изъ нихъ, даже изъ принадлежащихъ къ непримиримымъ, полагаютъ, что настала пора внести въ палату формальное предложеніе объ изгнаніи іезуитовъ. Вообще, съ майскимъ открытіемъ палаты, слѣдуетъ ожидать рѣшительныхъ дѣйствій республиканцевъ противъ всяческихъ злоупотребленій духовенства, раздраженіе противъ котораго растетъ въ населеніи съ каждымъ днемъ и охватило большую половину Франціи. Съ другой стороны, само духовенство давно уже не подавало такихъ рѣзкихъ поводовъ для этого недовольства, какъ въ послѣднее время, когда слу-

чан проявленія самой крайней религіозной нетерпимости безостановочно слѣдуютъ одинъ за другимъ, а скандальная хроника самаго грязнаго разврата постоянно наполняется новыми подвигами служителей алтара. Всгдѣ за аббатомъ Божаромъ, героемъ дня объявился нѣкоторый священникъ, Лагаррикъ, обвиненный въ изнасилованіи семи дѣвочекъ, менѣе 10 лѣтъ, изъ которыхъ одна поплатилась даже жизнью. Ему удалось избѣгнуть суда и бѣжать въ Испанію, благодаря содѣйствію благочестивыхъ душъ, сумѣвшихъ сдержать рвеніе жандармовъ, отправленныхъ для его поимки. Но болѣе всѣхъ дѣлъ подобнаго рода, общественное негодованіе цѣлаго Іонскаго Департамента возбудило невѣроятное оправданіе авиньонскимъ судомъ нѣкоторой монахини — сестры Сенъ-Монъ, обвинявшейся въ истязаніяхъ ученицъ вѣренной ей школой. Почтенная эта особа имѣла похвальное обыкновеніе, за малѣйшее непослушаніе дѣвочекъ, сажать ихъ на раскаленную печную плиту, при чемъ обжоги получались настолько значительные, что врачи-эксперты могли смѣло ихъ констатировать, спустя весьма долгое время послѣ ихъ полученія. Несчастныя эти дѣвочки принадлежали къ числу незаконнорожденныхъ и находились на пропитаніи у кормилицъ, получающихъ за ихъ содержаніе небольшую плату отъ парижскаго общественнаго попечительства. Заручиться свидѣтельствомъ этихъ продажныхъ матерей въ пользу строгой учительницы и добиться отъ самихъ дѣтей показанія, что имъ «не было очень больно» — суду было, очевидно, чрезвычайно легко, и судьи, въ числѣ которыхъ одинъ близкій родственникъ истязательницы, успѣли снять съ сестры Сенъ-Монъ обвиненіе «въ неосторожномъ нанесеніи ранъ и поврежденій» дѣтямъ, которое прокуратура притомъ подерживала весьма слабо. Подтасовка на судѣ была очевидна, и всѣ крестыяе мѣстечка Сенъ-Леже-Вобакъ, гдѣ находится школа, въ одинъ голосъ заговорили о судейской несправедливости. Несмотря на это, какъ мѣстная, такъ и парижская клерикальная пресса стала нагло требовать смѣщенія какъ подпрефекта и префекта, такъ и всѣхъ другихъ гражданскихъ и судебныхъ властей, за то, что они осмѣлились диффамировать благочестивую сестру... оправданную на судѣ.

Другое судебное дѣло, интересовавшее общественное мнѣніе, происходило въ самомъ Парижѣ. Парижскіе присяжные, составъ которыхъ подтасованъ извѣстнымъ распоряженіемъ Дюфора — обвинили таки Поля-де Кассаньяка. Этотъ герой своего рода приговоренъ и судомъ ассизовъ къ тому же наказанію, къ которому присужденъ исправительной полиціей, т. е. къ двухмѣсячному тюремному заключенію и уплатѣ 2-хъ тысячъ франковъ штрафа. На судѣ онъ, защищавшійся лично, велъ себя крайне возмутительно и позволялъ себѣ самыя непристойныя выходки, не только противъ правительства, но и противъ прокурора, въ сущности, своего единомышленника, принявшаго всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы Кассаньякъ не былъ подвергнутъ строго-

му наказанію. Совершенное оправданіе Кассаньяка угрожало самому суду значительной опасностью, такъ какъ окончательно восстановило бы противъ него общественное мнѣніе—и поэтому судъ былъ доволенъ, что дѣло кончилось легкимъ приговоромъ. Какъ бы то ни было, оба приговора надъ Кассаньякомъ произвели благопріятное впечатлѣніе на публику или, лучше сказать, на сельское населеніе. Крестьяне наши, разумеется, не придаютъ особеннаго значенія тонкостямъ вопроса о неприкосновенности и свободѣ печати, но въ этихъ приговорахъ они увидѣли одно, что бонапартисты, хвалившіеся своею безнаказанностью, тоже могутъ быть осуждены, какъ и другіе смертные, и что, слѣдовательно, правительство республики сильно и его необходимо поддерживать. Такое разсужденіе, конечно, наивно; но гдѣ же, въ какой странѣ массы разсуждаютъ съ большею степенью пониманія?

Чтобы не подвергать сукъ одиночества мученика Поля де-Кассаньяка въ тюрьмѣ Сент-Пелажи—администрація доставила суду возможность приговорить и другого журналиста, но уже не къ двухмѣсячному, а къ полугодовому заключенію. Журналистъ этотъ, главный редакторъ газеты «le Bien public», Ивъ Гюйо—въ тоже время и муниципальный совѣтникъ. Подвергнуть суду онъ былъ за порицаніе въ своей газетѣ парижской полиціи нравовъ. Хотя Гюйо и Кассаньякъ—люди совершенно различныхъ направленій, но ихъ въ тюрьмѣ соединить одно общее чувство—ненависть къ Жюль Симону.

Въ теченіи апрѣля въ двухъ мѣстностяхъ Франціи происходили депутатскіе выборы. Въ Бордо, сторонники политики своевременности, побитые въ лицѣ пастора Стеера, попробовали, въ противность демократическимъ обычаямъ, передъ перебаллотировкой выставить новаго кандидата. Но выставленный ими вновь кандидатъ, человекъ старый, бывший уже нѣкогда депутатомъ, еле собралъ за себя 6,000 голосовъ, и 8-го апрѣля былъ избранъ Луи Ми болѣе, чѣмъ 7 тысячами голосовъ. Въ Константинѣ (въ Алжиріи), непримиримые, выставившіе двухъ кандидатовъ за разъ, были близки къ побѣдѣ, но при перебаллотировкѣ понесли поражение. Выбранъ былъ кандидатъ, выставленный и поддержанный Гамбеттою, одинъ изъ сотрудниковъ «République Française»—Томсонъ, хотя и незначительнымъ большинствомъ 250 голосовъ. При обстоятельствахъ менѣе критическихъ, чѣмъ тѣ, какія переживаетъ въ настоящую минуту Франція—эти выборы не были бы лишены нѣкотораго значенія; теперь же бонапартисты и роялисты совершенно напрасно раздуваютъ этотъ фактъ. Если между республиканскими органами и велась по поводу этихъ выборовъ весьма оживленная политика, то только въ виду заинтересованія публики и приобрѣтенія большого числа подписчиковъ.

«Фонарь» и «Marseillaise»—два заглавія извѣстныхъ изданій Рошфора въ 1869 и 70 годахъ—появились снова въ заголов-

какъ двухъ новыхъ газетъ, изъ которыхъ одна большая, а другая пятисантимная. Рошфоръ участвуетъ только въ «Фонарь», «Марсельеза» же—предпріятіе депутата Дюпортали, зачатого якобинца школы Делеклюза. Но оба новые органы не прошли пока особеннаго задора и имѣютъ одинаковое направленіе съ «Radical», который, несмотря на то, что подвергается преслѣдованіямъ, замѣтнымъ образомъ понижаетъ свой тонъ, въ виду важности обстоятельствъ, обязывающихъ всѣхъ республиканцевъ всякихъ отъѣнговъ въ дружному союзу для согласнаго противодѣйствія общимъ врагамъ.

Людовикъ.

Парижъ, 1-го мая 1877 г.

НОВЫЯ КНИГИ.

Ю. Э. Янсонъ. Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. Спб. 1877 г.

Двѣ столь важныя работы, какъ «Труды податной комиссіи» и «Доклады комиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства», оставались до сихъ поръ въ нашей литературѣ безъ надлежащаго вниманія. Пробѣлъ этотъ недавно восполнилъ профессоръ Янсонъ своимъ вышеуказаннымъ «Опытомъ» и т. д. Онъ свелъ въ 10 печатныхъ листахъ въ одно цѣлое громадную массу цифръ, касающихся даннаго предмета и разбросанныхъ въ беспорядкѣ по страницамъ громадныхъ фолиантовъ, причемъ воспользовался также работою г. Скребицеаго (Крестьянское дѣло), другими официальными источниками и вообще всѣмъ тѣмъ, что было написано по этому поводу, подвергая предварительно каждую цифру тщательной провѣркѣ. Такимъ образомъ, создалась одна цѣльная, поучительная, хотя и въ высшей степени печальная картина положенія нашего крестьянства. О добросовѣстности и непристрастности выводовъ г. Янсона, конечно, не можетъ быть и рѣчи: архитекторъ обыкновенно составляетъ заранее планъ зданія и закладываетъ его изъ послушныхъ кирпичей; положеніе статистика не таково, статистическіе кирпичи—цифры далеко не такъ послушны и заключаютъ уже въ себѣ самихъ форму зданія... «Мы желали бы ошибаться въ нашихъ заключеніяхъ, говоритъ авторъ:—но цифры имѣютъ свою логику, которая не можетъ быть сбита съ позиціи только логикою же цифръ». Но незнакомимся ближе съ трудомъ г. Янсона.

Указавъ на то, что, «за рѣдкими исключеніями», помѣщени

не занимаются хозяйством, что земледѣльская производительность Россіи «почти исключительно» обеспечивается крестьянским населеніемъ, которое является предпринимателемъ и на помѣщичьихъ земляхъ, что это населеніе платитъ до 372 мил. руб. въ нѣмъ бюджетъ, что экономическое благосостояніе его поэтому тѣмъ болѣе важно для государства и что реформа 1861 г. имѣла въ виду обезпечить землею его бытъ, самостоятельность и платежныя средства, авторъ исследуетъ, насколько дѣйствительность отвѣчаетъ важности дѣла и имѣвшимся благимъ намѣреніямъ. Для болѣе удобной группировки статистическаго матеріала, онъ раздѣляетъ Европейскую Россію на три полосы, сообразно съ естественными и историческими условіями каждой изъ нихъ: нечерноземную, черноземную и юго-и сѣверо-западную, а затѣмъ въ каждой изъ нихъ опредѣляетъ: 1) величину крестьянскихъ надѣловъ, 2) отношеніе надѣловъ къ нуждамъ крестьянъ, 3) подати и платежи, 4) ихъ отношеніе къ доходности надѣла, 5) промысловые заработки и 6) отношеніе къ нимъ податей и повинностей. Въ общей массѣ крестьянства прежде всего бросается въ глаза недостаточность надѣловъ; затѣмъ, крайне неравномѣрная обезпеченность ими различныхъ крестьянъ: государственныхъ, удѣльныхъ, помѣщичьихъ (съ высшими и низшими надѣлами и состоящихъ на выкупѣ, оброкѣ и издѣльной повинности) и крестьянъ, получившихъ 1/4 надѣла въ даръ. Вотъ, напр., какими цифрами выражается средній душевой надѣлъ удобной земли въ 12 губерніяхъ нечерноземной полосы (объ остальныхъ губерніяхъ этой группы мало официальныхъ данныхъ, такъ какъ крестьяне не окончательно еще устроены):

	Быв. государств. десят.	Удѣльн. десят.	Помѣщич. ¹ . десят.
1) Петербургская.....	7,5	4,0	4,7
2) Псковская	5,0	—	4,8
3) Новгородская	6,9	6,8	5,6
4) Смоленская	5,7	—	4,0
5) Тверская	4,1	5,7	4,0
6) Ярославская	3,7	3,66	3,7
7) Костромская	5,7	4,8	4,6
8) Вятская	9,5	5,75	3,3
9) Владимірская.....	4,6	4,3	3,7
10) Московская	3,3	2,25	2,9
11) Калужская.....	4,8	—	3,4
12) Нижегородская	4,7	3,12	3,46

Государственные крестьяне, кромѣ того, имѣютъ еще земли неудобныя и лѣсныя надѣлы, что увеличиваетъ общую величину ихъ надѣла почти на 1 дес., тогда какъ у помѣщичьихъ крестьянъ ни лѣсу, ни неудобныхъ земель не полагается, хотя послѣднія и есть въ числѣ удобныхъ. Насколько обезпечивать

¹ Въ нечерноземной полосѣ считается государственныхъ крестьянъ 40%, удѣльныхъ 6% и помѣщичьихъ 54%.

быть крестьянъ эти надѣлы, можно заключить по даннымъ, представленнымъ для нѣкоторыхъ губерній земствами, близко знающими крестьянскую жизнь. Псковская губернская управа говоритъ, что для одного прокормленія крестьянскаго населенія губернія (684,768 д. об. пол.) нужно бы было въ годъ 12.325,024 пуд. муки, а получается съ мирскихъ земель только 3.628,471 пуд., т. е. недостаетъ, значить, 8.697,353 пуд. (стр. 17). Положеніе средней крестьянской семьи будетъ таково, что ей нужно для прокормленія 91 четверть ржи, тогда какъ получаетъ она только 27 четв. Въ Новгородской Губерніи, средняя семья прикупаетъ хлѣба, по крайней мѣрѣ, на $\frac{1}{8}$ года. Въ Смоленской Губерніи крестьяне покупаютъ хлѣбъ съ января и декабря, и тѣ изъ нихъ, «которые имѣютъ хлѣбъ круглый годъ (и то не съ своего надѣла, а съ принимаемой земли) составляютъ такую рѣдкость, что извѣстны поименно въ окрестности» (31). Въ нечерноземныхъ уѣздахъ Черниговской Губерніи хлѣба достаетъ только до декабря въ Мглинскомъ Уѣздѣ, а въ Суражскомъ (у 90% крестьянъ)—только до 1-го октября; въ хлѣбъ примѣшиваются коноплянные жмыхи. Въ Ярославской Губерніи не только съ крестьянскаго надѣла, но и со всей обрабатываемой крестьянами земли не хватаетъ хлѣба на «продовольствіе». Въ Костромской Губерніи, изъ 694 приходоу, въ 425 недостаетъ своего хлѣба со всей обрабатываемой земли (въ 225—въ полгода и въ 129—на три четверти года). Въ Вятской Губерніи, въ общей сложности, надѣлъ «обеспечиваетъ не болѣе, какъ расходы на продовольствіе и одежду» (24), а въ сѣверной половинѣ уѣздовъ Глазовскаго, Слободскаго и Котельничскаго «крестьяне постоянно голодаютъ и питаются хлѣбомъ, который только носить названіе хлѣба». Приблизительно то же самое дѣлается и въ другихъ губерніяхъ. Такимъ образомъ, въ нечерноземной полосѣ, «за рѣдкими исключеніями, не только надѣлы, но и вся обрабатываемая крестьянами земля въ иныхъ случаяхъ можетъ только прокормить ихъ, не покрывая другихъ потребностей крестьянскаго хозяйства, въ большинствѣ же и прокормить ихъ не можетъ» (25). Но, кромѣ прокормленія, нужно одѣться, обуться, поправить избу, починить орудія и главное—заплатить «подати», «сборы», «платежи», «оброки», «повинности» и т. д. Сумма повинностей съ десятины надѣла, по свѣдѣніямъ податной комиссіи, простирается:

	Госуд. крес.	Удѣль.	Помѣщч.
	Коп.	Коп.	Коп.
Въ Петербургской Губ.	154,8	209,8	247,3
» Псковской »	141,9	—	234,9
» Владимирской »	185,1	206,2	304,4
» Московской »	210,7	268,4	296,7
» Калужской »	160,0	—	282,2
» Вятской »	100,5	108,1	208,3

Этотъ расчетъ только приблизительно вѣренъ, потому что въ Петербургской и Псковской Губерніяхъ, напр., въ него не вошли страховые платежи и натуральныя повинности, переводимыя на деньги, въ Калужской, сверхъ того, не показаны мірскіе сборы, а въ Московской — мірскіе и даже земскіе и т. п. Кромѣ того, этотъ расчетъ весьма мало деталенъ и не выражаетъ собою всей тяжести и неравномѣрности обложенія: помѣщичьи крестьяне платятъ не только больше государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, но и платятъ, благодаря системѣ опредѣленія выкупныхъ платежей, тѣмъ больше, чѣмъ имѣютъ меньшей надѣлъ. Такимъ образомъ, платежи достигаютъ въ частныхъ случаяхъ: въ Новгородской Губерніи до 5 р. 74 к., въ Тверской — до 7 р. 16 к., въ Костромской — до 7 р. 18 к., въ Нижегородской — до 6 р. 75 к. и 7 р. 49 к. съ десятины! (28). Что касается до отношенія крестьянскихъ платежей къ принятой земствами нормальной доходности земли, то эти платежи «вездѣ превышаютъ исчисленную доходность» отъ 97 до 565%.

Г. Янсонъ замѣчаетъ, что доходность здѣсь «есть величина совершенно фиктивная, такъ какъ, если земельный надѣлъ не можетъ обезпечить насущныхъ потребностей крестьянской семьи, то еще менѣе, конечно, онъ можетъ давать дѣйствительнаго дохода» (33). При такомъ положеніи вещей, вся тяжесть платежей ложится, разумѣется, на трудъ, на заработки. Но «мѣстные промыслы нигдѣ недостаточны для обезпеченія населенія»; иначе крестьяне не уходили бы искать заработковъ въ Новороссію, за Уралъ, въ самыя окраины Сибири и нашей центральной Азіи. Для нѣкоторыхъ губерній земства собрали подробныя данныя о величинѣ крестьянскихъ заработковъ, благодаря которымъ можно приблизительно опредѣлить отношеніе къ нимъ платежей. Въ Новгородской Губерніи, управа исчисляетъ заработки въ 8.855,100 р. (въ 3½ раза болѣе нормальной доходности земли). Изъ этого расходуетса болѣе 3 мил. на покупку 512,000 четв. недостающаго хлѣба; 3.278,136 р. всякихъ налоговъ и сборовъ; остатокъ (2½ мил.), составляющій на каждый дворъ 12 р. 65 к., предназначается: на соль, одежду, орудія и прочія нужды. Въ Вятской Губерніи, главнымъ образомъ, бурлачество и извозъ даютъ населенію нѣсколько болѣе 3 мил., тогда какъ всѣхъ налоговъ, государственныхъ, земскихъ и мірскихъ, крестьяне платятъ до 7 мил., слѣдовательно, на 4 мил. должно быть продано продуктовъ съ земли «въ ущербъ хорошему питанію и хорошему хозяйству» (35). Въ Полинскомъ Уѣздѣ заработки и земледѣліе, за вычетомъ платежей и прокорма, даютъ на ревизскую душу 9 р. 12 к. на всѣ остальные ея нужды, а въ бѣдныхъ волостяхъ Уржумскаго Уѣзда только 35 к. на душу. Въ 6 уѣздахъ Тверской Губерніи заработки даютъ по 8 р. на работника, тогда какъ платежей на душу приходится отъ 11 р. до 13 р.

50 к. Работники Костромской Губернии отдають изъ своего заработка на подати 26%, если онъ—государственный крестьянинъ, и 41%, если онъ—бывшій помѣщичій, «остальнаго едва хватаетъ на покушку хлѣба». Въ Псковской Губернии, гдѣ нѣтъ мѣстныхъ и отхожихъ промысловъ, льноводство даетъ населенію 8.365,000 руб.; между тѣмъ, на 8 мил. р. надобно купить хлѣба и 2.830,228 руб. заплатить податей, слѣдовательно, оказывается дефицитъ. Гдѣ льноводства нѣтъ, тамъ положеніе крестьянъ съ каждымъ годомъ становится безысходнѣе (38). Въ Смоленской Губернии положеніе не лучше. Въ Нижегородской—«повинности такъ велики сравнительно съ надѣлами и заработками, что многіе крестьяне дѣльными деревнями уходятъ неизвѣстно куда, и на мѣстѣ прежнихъ поселковъ стоятъ пустыри, какъ, напр., въ шереметевскихъ вотчинахъ Горбатовскаго Уѣзда» (37). Если мы обратимъ вниманіе на то, что помѣщичьи запашки уменьшаются (уменьшается, слѣдовательно, и спросъ на рабочихъ), что сокращаются даже крестьянскія запашки, за исключеніемъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ земледѣліе является единственнымъ источникомъ дохода, что количество рогатаго скота и лошадей также уменьшается (34), что новыхъ источниковъ заработка нѣтъ или очень мало, а старые заработки (извозъ, наемка и т. п.) превращаются, то невольно является вопросъ: какимъ же это образомъ люди существуютъ? Отвѣтомъ на это служатъ недѣлики, доходящіе иногда до 134 р. на дворъ (39). Отвѣтомъ на это служатъ помѣщиваемые въ хлѣбъ коноплянные жмыхи, древесная кора и т. п. Отвѣтомъ на это могли бы служить цифры смертности населенія, которыхъ нѣтъ въ трудѣ г. Янсона.

Посмотримъ теперь на черноземную полосу—можетъ быть, тамъ лучше живется? «Для огромнаго большинства слово «черноземъ» связано съ понятіемъ сытаго народа, полныхъ хлѣба закровъ» и т. д. (64). Есть люди, которые «находятъ, что многоземелье въ черноземной полосѣ тормозитъ всякое улучшеніе въ хозяйствѣ, которые не прочь даже, для облегченія участи нечерноземнаго крестьянина, снять съ него часть платежей, переложивъ на черноземнаго». Но насъ ждутъ одни горькія разочарованія. Достаточныя свѣдѣнія имѣются по 19-ти губерніямъ, въ которыхъ по 10-й ревизіи числилось 8.956,539 д. м. п.¹ Средніе земельные надѣлы черноземной полосы вообще гораздо меньше, чѣмъ въ нечерноземной, а у крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ и значительно меньше, такъ что неравномѣрность надѣловъ и платежей выходитъ еще большая. Многіе изъ помѣщичьихъ крестьянъ получили четвертные и низшіе надѣлы.

¹ Крестьянъ государственныхъ 53%, удѣльныхъ 5% и бывшихъ помѣщичьихъ 42%.

Вотъ табличка среднихъ надѣловъ удобной земли на душу:

		Госуд.	Удѣл.	Пом.			Госуд.	Удѣл.	Пом.
		кр.	кр.	кр.			кр.	кр.	кр.
		десат.	десат.	десат.			десат.	десат.	десат.
Въ Полтавской	Губ.	3,9	—	1,9.	Въ Орловской	Губ.	4,0	4,0	3,1.
» Курской	»	4,2	—	2,8.	» Казанской	»	4,8	8,25	3,4.
» Харьковской	»	4,6	—	2,6.	» Херсонской	»	6,7	—	3,4.
» Воронежской	»	5,7	—	2,67.	» Уфимской	»	6,8	—	4,8.
» Тульской	»	4,1	—	2,7.	» Самарской	»	10,8	7,25	4,6.
» Тамбовской	»	4,7	—	2,7.	» Саратовской	»	6,5	6,25	3,7.
» Рязанской	»	3,8	—	2,8.	» Ематоринослав.	»	6,7	—	3,4.
» Пензенской	»	4,4	—	2,87.	» Таврической	»	9,6	—	6,2.
» Симбирской	»	4,0	4,5	3,0.	» Оренбургской	»	16	6,25	6,4.
					» Вессарабской	»	7,9	—	7,5(?)

Большая часть государственныхъ крестьянъ и здѣсь получили дѣсныя надѣлы (отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ десат. на душу) и неудобной земли, которая въ 13-ти губерніяхъ составляетъ около 10% удобной, чего бывшіе помѣщичьи крестьяне не получили. Если мы теперь взглянемъ на платежи, то увидимъ, что съ десятины надѣла платятъ: въ Полтавской Губерніи госуд. крест. 1 руб. 63 коп., а помѣщичьи 3 руб. 70 коп.; въ Тульской, первые — 2 руб. 3 коп., а вторые — отъ 3 руб. 98 коп. (состоящіе на выкупѣ) до 4 руб. 56 коп. (состоящіе на оброкѣ); въ Пензенской, первые — 2 руб. 11 коп., а вторые — 4 руб. 1 коп. (на выкупѣ) и 4 руб. 20 коп. (на оброкѣ) и т. д. Вообще, разница въ платежахъ между помѣщичьими и государственнымъ крестьянами весьма велика; платежи помѣщичьихъ крестьянъ превышаютъ платежи государственныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 236 и даже до 290%. Платежи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, получившихъ низшіе надѣлы, достигаютъ: въ Казанской Губерніи до 5 руб. 33 коп., въ Симбирской до 6 руб. 7 коп., въ Рязанской до 6 руб. 16 коп., въ Курской до 7 руб. 15 коп. съ десятины и т. д. Низшіе надѣлы, за которые крестьяне вносятъ, кромѣ общихъ платежей, еще выкупные платежи или оброки, только весьма не многимъ болѣе четвертныхъ надѣловъ, а именно: въ Казанской Губерніи на 0,25 — 0,33 десятины, въ Симбирской на 0,28 — 0,33 дес., въ Тамбовской на 0,25 — 0,29 дес., въ Рязанской на 0,2 дес. и т. д.; между тѣмъ, платежи за нихъ превышаютъ на 50 — 100% платежи за четвертные надѣлы и на 90 — 120% за высшіе. Посмотримъ теперь: насколько земля, отведенная крестьянамъ, обезпечиваетъ ихъ бытъ и обязанности по отношенію къ правительству и помѣщикамъ? На основаніи весьма точнаго расчета (стр. 65 — 67), можно убѣдиться, что для прокормленія средней крестьянской семьи, при среднихъ урожаяхъ и трехпольномъ хозяйствѣ, надобно имѣть 8,5 десат. пахаты и 1,5 дес. луга. Такимъ образомъ, можно прокормиться и «на необходимые расходы, ... а тѣмъ болѣе на уплату податей не останется ничего». Но 8,5 дес. пашни и 1,5 дес. луга предполагаютъ въ душевомъ надѣлѣ 5 дес., чего въ дѣйствительности нѣтъ. Даже высшіе надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ

янь (4 — 3½ десат.), даже надѣлы большинства государственныхъ крестьянъ (4 десат. съ небольшимъ), какъ это можно видѣть изъ таблицы, меньше этой нормы. Государственные крестьяне, говоритъ Янсонъ, по крайней мѣрѣ, обеспечены въ продовольствіи. «При очень хорошихъ урожаяхъ, и бывшіе помѣщичьи крестьяне съ высшими надѣлами (4 — 3½ дес.) спасены отъ отыскиванія *средствъ пропитанія*»; но очень хорошіе урожаи бывають не каждый годъ, а такіе высшіе надѣлы встрѣчаются только въ 38% всѣхъ уѣздовъ черноземной, нестепной полосы, «въ остальныхъ же 62% уѣздовъ даже высшіе надѣлы положительно не могутъ прокормить крестьянъ». Такимъ образомъ, въ 62% уѣздовъ означенной полосы «всѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне не могутъ получить съ своихъ надѣловъ даже насущнаго хлѣба, а въ остальныхъ 38% уѣздовъ въ такомъ положеніи находится значительнѣйшая часть этихъ крестьянъ». «Что же сказать, продолжаетъ г. Янсонъ:— о среднихъ надѣлахъ въ 2 съ небольшимъ десятины, и особенно о тѣхъ крестьянахъ, которые получили ниже средней и низшіе надѣлы? А такихъ въ черноземной трехпольной полосѣ, по крайней мѣрѣ, половина, а мѣстами и большинство!»— Г. Янсонъ говоритъ: если стать исключительно на точку зрѣнія матеріальной обеспеченности, то едва ли не всѣмъ «помѣщичьимъ» крестьянамъ черноземной трехпольной полосы было легче, въ среднемъ выводѣ, при крѣпостномъ правѣ. Такова логичная цифра (69—71). Но вотъ и официальные свидѣтельства по этому поводу. Съ Симбирской Губерніи многіе уѣзды нуждаются въ пособіи хлѣбомъ. Въ Ставропольскомъ Уѣздѣ (Самарской Губ.), по расчету земской управы, валовой доходъ съ надѣловъ, за вычетомъ сѣмента, равенъ 1.578,826 руб. или 51 руб. на семью изъ 5-ти душъ; на прокормленіе же ея, по мѣстнымъ цѣнамъ на хлѣбъ, надобно 113 руб. 55 коп. Въ Бугульминскомъ Уѣздѣ недостаетъ на пищу и одежду 3.616,799 руб. Въ Бугурусламскомъ Уѣздѣ до 3,000 душъ, по истеченіи 9-ти-лѣтняго срока, вовсе отказались отъ надѣловъ (73). Въ Курскомъ Уѣздѣ также нѣкоторые крестьяне близки къ раззоренію и едва не составляютъ приговоромъ объ отказѣ отъ земли (76). Въ Козьмодемьянскомъ Уѣздѣ (Казан. Губер.), какъ свидѣтельствуєтъ администрація, бѣдность, много недоимокъ, во многихъ деревняхъ и продавать нечего; въ одной волости 200 человекъ въ бѣгахъ (71). Въ Тульской Губерніи надѣлъ не обеспечиваетъ содержанія семьи. Въ Орловской Губерніи, по свидѣтельству губернатора, дохода съ надѣла для большинства крестьянъ не хватаетъ на содержаніе и уплату податей (74). Подобныя же свидѣтельства идутъ и изъ другихъ Губерній: Полтавской, Черниговской, Рязанской и т. д. Количество скота вездѣ почти уменьшается: значительно у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, и менѣ замѣтно у крестьянъ государственныхъ. Причины вездѣ почти одиѣ и тѣже: недостатокъ пастбищъ, корма, продажа за недоимки и падежи, много зависящія отъ безвормицы. — Въ особенности

уменьшеніе замѣтно: въ Казанской, Симбирской, Самарской, Пензенской (не помогаютъ и племенные бычки), Саратовской, Рязанской, Тульской и Курской Губерніяхъ (75 — 76). Главною пищею крестьянъ остается и здѣсь, какъ и въ нечерноземной полосѣ: «ржаной хлѣбъ и пустыя щи». Несмотря на то, что многія земства преувеличивали доходность земли (Тульское, Тамбовское и др.), все-таки платежи превосходятъ ее отъ 30 до 148⁰. у крестьянъ государственныхъ и отъ 24 до 200% у бывшихъ помѣщичьихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ налоги превышаютъ въ пять и даже болѣе разъ доходность земли (77). Что касается промысловъ и заработковъ, то черноземная полоса стоитъ въ этомъ отношеніи въ менѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ полоса нечерноземная: «никакихъ промысловъ и заработковъ, внѣ земледѣлія, для громаднаго большинства крестьянъ здѣсь нѣтъ» (81). «Если кой-гдѣ и есть заводы, свеклосахарные, суконные и винокуренные, то ихъ немного относительно всей массы рабочаго населенія; ремесла въ селеніяхъ также находятся на самой низкой ступени и даютъ работу ничтожному числу крестьянъ» (стр. 81 — 83). Остаются, слѣдовательно, одни земледѣльческія работы: 1) наемъ въ работники и поденная работа въ помѣщичьихъ хозяйствахъ; 2) сѣмка земель и 3) отхожіе земледѣльческіе промыслы. Но помѣщичьихъ хозяйствъ, которыя велись бы вольнонаемнымъ трудомъ, весьма немного въ черноземной полосѣ. «Всѣ помѣщичьи земли или обрабатываются по исполнительной системѣ, или за обработку, или сдаются мелкими участками въ аренду тѣмъ же крестьянамъ». За совершеннымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было указаній по этому поводу, нельзя опредѣлить, какая часть населенія идетъ въ наймы и сколько зарабатывается такимъ образомъ во всей губерніи или уѣздѣ, но, судя по Ставропольскому Уѣзду (Самарской Губерніи), заработокъ этотъ не великъ: въ Ставропольскомъ Уѣздѣ зарабатывается въ помѣщичьихъ хозяйствахъ около $\frac{2}{3}$ коп. на душу въ день. Наемныя цѣны во всей полосѣ весьма невелики: годовой работникъ получаетъ 40 — 50 руб.; цѣна лѣтнаго мужскаго рабочаго дня колеблется между 25 — 70 коп., достигая въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, *мѣстами* до 1 р. — 1 р. 20 к. При продажѣ будущаго труда, для уплаты податей, цѣны понижаются на 30 и болѣе %; въ такихъ обстоятельствахъ трудъ продается иногда «за безцѣнокъ», какъ свидѣтельствуемъ г. тульскій губернаторъ (84). Малоземелье и отсутствіе промысловъ и заработковъ заставило крестьянъ обратиться къ сѣмкѣ земель. «Не привывши оцѣнивать, при крѣпостномъ правѣ, свой трудъ, считая его почти ни во что, тѣсными нуждою, они съ разу поставили сѣмку земель въ самыя невыгодныя для себя условія» (85). Снимали ли они землю изъ доли урожая, за обработку или на чистыя деньги — выгоды было мало; часто пропадалъ трудъ, задатки и образовались долги. Цѣны на земли поднялись до неестественной высоты, что было при-

нихъ развлеченій протекають нѣкоторыя специфическія послѣдствія, а именно: «такъ какъ жизнь служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, въ большинствѣ случаевъ, семейная, то необходимыми послѣдствіемъ является дѣти, а отсюда является потребность къ мѣстнымъ школамъ или въ особомъ поѣздахъ, которые отвозили бы дѣтей въ ближайшіе города и другіе пункты, гдѣ есть школы, и привозили бы ихъ обратно (125). Затратъ на этотъ предметъ жалѣть не слѣдуетъ, потому что будутъ получаться люди, съ дѣтства привыкшіе къ желѣзнодорожному дѣлу, а, можетъ быть, даже и унаслѣдовавшіе нѣкоторыя особыя желѣзнодорожныя способности: аккуратность, ловкость, самоотверженность и т. п. Неудумно было бы также, въ этихъ видахъ, допустить къ службѣ на желѣзныхъ дорогахъ и женщины, преимущественно близкія къ мужскому желѣзнодорожному персоналу... Въ этомъ нецѣль не согласиться съ г. Шинниковымъ: «Ничто не сомнѣвается, говорить оны:—въ способности женщины вести книги, раздавать билеты, разливать чай и исполнять другія подобныя этихъ обязанности» (на счетъ высшихъ способностей, потребныхъ, напр., для управленія дорогомъ или дистанціей, вѣроятно, есть сомнѣнія?), «но опасаются беспорядковъ, которые могутъ происходить отъ присутствія женщины среди мужчинъ». Предоставленіе мѣстъ родственницамъ служащихъ должно «отчасти уничтожить эти опасенія».

Таково главное содержаніе книги г. Шинникова. Мы не будемъ останавливаться на нѣкоторыхъ экономическихъ ошибкахъ автора, которыми, хотя онъ и предупредилъ, что будетъ трактовать о желѣзныхъ дорогахъ не съ точки зрѣнія политической экономіи (такихъ трактатовъ, по его словамъ, было уже не мало), тѣмъ не менѣе встрѣчаются въ его сочиненіи: не будемъ, напримеръ, оспаривать того, что Англія, гдѣ желѣзныя дороги были построены исключительно частными капиталистами, «получила дороги даромъ» и т. п. Если человекъ знаетъ и рельсовъ сдѣлать нѣкоторую ошибку въ политической экономіи, то это еще особенно важно. Перейдемъ лучше къ той совершенно вѣрной мысли, высказываемой авторомъ, о которой мы упомянули въ началѣ нашей замѣтки. Написавъ такъ много въ защиту желѣзныхъ дорогъ, г. Шинниковъ, тѣмъ не менѣе, высказываетъ полное сочувствіе передачѣ желѣзныхъ дорогъ правительству и говорить, что для лучшаго приспособленія желѣзнодорожнаго дѣла къ общимъ выгодамъ всѣхъ и каждому и для прекращенія желѣзнодорожныхъ злоупотребленій—это есть лучшая гарантія. Подобный взглядъ, какъ видимъ, читатель, стоитъ въ прямомъ противорѣчій со всѣмъ вышеизложеннымъ; авторъ безжалостно проглатываетъ все то, что только-что произвелъ, приходитъ туда, куда, повидимому, и не думать прійти. Что насчетъ до насъ, то намъ подобное противорѣчіе нисколько не кажется страннымъ: оно показываетъ только, что злоупотребле-

нія желѣзнодорожных K^oK^o настолько велики, что даже камин вопиеть, что даже сторонники дѣла, несмотря на все желаніе истолковывать явленіе въ благоприятномъ для себя смыслѣ, не могутъ этого сдѣлать, если не желаютъ перешагнуть за предѣлы приличія, пристойности. Доводы г. Шяшкова въ пользу передачи желѣзныхъ дорогъ въ руки правительства не отличаются ничѣмъ отъ известныхъ уже доводовъ этого рода. Дѣло, имѣющее столь обширное, общегосударственное значеніе, не можетъ и не должно оставаться въ рукахъ частныхъ капиталистовъ, «интересы которыхъ во многихъ случаяхъ диаметрально противоположны интересамъ общественнымъ». Отдача желѣзныхъ дорогъ въ частныя руки усилила ихъ монополію, отодвинула главную ихъ цѣль—служить народному благосостоянію—на второй планъ и выдвинула цѣль побочную—извлечение возможно большаго барышей. Соединить же тѣ и другія цѣли вѣдѣтъ оказалось совсѣмъ невозможнымъ, несмотря на многочисленныя и самыя разнообразныя попытки. Установленіе максимальныхъ тарифовъ, при опредѣленіи которыхъ правительству приходится дѣйствовать на угадъ и балансировать между алчностью капиталистовъ и опасеніемъ погубить новое дѣло, не дало желательныхъ результатовъ: максимальныя тарифы оказывались обыкновенно настолько высокими, что практикуемые тарифы были ниже ихъ. Увеличивавшееся съ каждымъ годомъ развитіе эксплуатаціи должно было бы, по востолцизму, сопровождаться пониженіемъ тарифа, такъ какъ издержки удешевляются, но доходъ легко скрывается, несмотря на строгій контроль, и такимъ образомъ тарифъ обращается въ постоянный косвенный налогъ на населеніе. Выговоренное нашимъ правительствомъ, при выдачѣ послѣднихъ концессій, право пониженія тарифа послѣ того, какъ чистый доходъ съ дороги достигнетъ 15⁰/₀, долго будетъ оставаться только номинальнымъ правомъ. Надежда на конкуренцію, на эту уравнительницу промышленныхъ прибылей, въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ также оказалось недействительною: конкурентовъ, обыкновенно, мало; борьба стоитъ дорого, а потому между конкурентами очень быстро происходитъ соглашеніе, и тарифъ либо остается на прежнемъ уровнѣ, либо даже повышается; вромѣ того, уже самое существованіе нѣсколькихъ параллельныхъ линій должно возмущать тарифъ, такъ какъ дѣйствіе дороги требуютъ большихъ расходовъ по эксплуатаціи, тѣмъ одна, а грузовъ, между тѣмъ, на каждую изъ нихъ приходится меньше. Это вполне подтверждается и опытомъ: въ Англии, на примѣръ, гдѣ конкуренція, повидимому, должна была бы оказывать благотворныя послѣдствія, получались, однако, только удобства въ отношеніи числа поѣздовъ и скорости движенія, а тарифы не только не уменьшились, но, напротивъ, во многихъ случаяхъ, даже увеличились. Если гдѣ конкуренція и выражалась болѣе или менѣе ослабительно, такъ это развѣ только при соиспаніи

концессій; напримѣръ, у насъ до 1868 г., дороги строились акціонерными обществами шибшим по 70,000 р. на версту; въ 1869 г., когда былъ данъ большій просторъ соперничеству, средняя стоимость дорогъ равнялась 54,000 р., а въ 1872 г.—41,000 р. за версту. Но отъ этого удешевленія, вслѣдствіе разныхъ истрѣгъ спекуляторовъ и, главное, вслѣдствіе небрежнаго исполненія ими работъ и принятыхъ на себя обязательствъ, правительство скоро должно было отказаться. Наконецъ, все это зло не было бы еще такъ возмутительно, еслибы капиталисты затрачивали на постройку дорогъ дѣйствительно свои капиталы, по этому нѣтъ. Отношеніе собственно акціонернаго капитала къ капиталу, затрачиваемому на дорогу, у насъ очень неблагоприятно: это отношеніе выражается иногда только въ видѣ $\frac{1}{4}$ части и еще болѣе уменьшается впоследствии, уже во время эксплуатаціи, выдачею разныхъ ссудъ и субсидій. Изъ затранныхъ 1,214,003,380 руб. на постройку 15,371 версты нашихъ желѣзныхъ дорогъ правительствомъ затрчено 154,762,381 р. и частными обществами 1,059,240,949 р., изъ коихъ въ акціяхъ находится 398.170,902 р., а въ облигаціяхъ 661.070,047 р. Изъ частныхъ капиталовъ гарантировано правительствомъ 847.116,015 р., и не гарантировано только 212.124,934 р. Получается странная вещь: капиталъ, гарантированный правительствомъ, составляетъ какъ-бы государственный долгъ; капиталисты омеряютъ на государственныя средства, неся на себя въ высшей степени условную и слабую отвѣтственность. Словомъ, вопросъ о дѣлсообразности передачи желѣзнодорожнаго дѣла въ руки правительства можетъ быть рѣшонъ скорѣе въ положительномъ смыслѣ, а не въ отрицательномъ. Къ этому убѣжденію пришла и парламентская коммиссія 1867 г. въ Англіи, выслушавшая 7 тысячъ экспертовъ; къ этому же склоняется общественное мнѣніе въ Бельгіи, Германіи и Италіи, гдѣ сначала практиковалась государственная система постройки и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, замѣненная впоследствии частными акціонерными обществами. Эксплуатація правительственныхъ дорогъ въ этихъ странахъ идетъ очень хорошо. Что бы ни говорили капиталисты и ихъ усердные защитники, общегосударственное значеніе желѣзныхъ дорогъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, и мы совершенно согласны съ г. Шишковымъ, что свойство желѣзныхъ дорогъ приносить барышъ составляетъ такую же побочную принадлежность ихъ, какую могутъ имѣть и другіе виды государственной дѣятельности: отправленіе правосудія, народное образованіе, госпитальное правѣ никому еще не приходило на соль, на хлѣбъ и другіе предметы первой потребности. Еслибы на эти предметы была установлена монополія и отдана въ руки нѣсколькимъ капиталистамъ, то это, разумѣется, возбудило бы справедливый ропотъ. Если

извозчики изъявили претензію организовать на подобіе желѣзнодорожных извозчиковъ монополизировать извозъ и эксплуатировать общество, то, конечно, подобная претензія показала бы странною. Большая часть возраженій, дѣлаемыхъ противъ правительственной постройки и эксплуатации желѣзныхъ дорогъ, диктуется своекорыстными побужденіями, буржуазнымъ либерализмомъ и не выдерживаетъ критики: если правительственные дороги, ради сокращенія пути, выходятъ слишкомъ прямыми, то частныя дороги, ради удлинненія пути, выходятъ слишкомъ кривыми; если николаевская дорога обошлась дорого (около 145,000 р. верста), то другія дороги стоили не дороже и даже дешевле частныхъ (московско-курская стоила 62,000, финляндская 27,000 р. за версту); если обратить вниманіе на качество построекъ, то правительственныя дороги выстроены лучше; провозъ по николаевской дорогѣ, до перехода ея къ главному обществу, стоилъ очень дешево и т. д. Но среди возражателей противъ правительственной постройки и эксплуатации желѣзныхъ дорогъ есть люди безпристрастные, и среди ихъ возраженій есть возраженія, заслуживающія вниманія. Бюрократическіе порядки, со всѣми ужасами канцелярскихъ процедуръ и злоупотребленій, способны смутить весьма многихъ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ бюрократическія традиціи далеко не столь свѣжи, какъ у насъ, опасенія эти, конечно, вовсе не такъ страшны, но у насъ онѣ могутъ имѣть мѣсто. Хотя Г. Шишковъ думаетъ, что указаніе на бюрократизмъ и у насъ «должно скоро сдѣлаться историческимъ воспоминаніемъ», но мы полагаемъ, что дума эта нѣсколько поспѣшна. Какъ бы, однако, ни былъ серьезенъ страхъ бюрократизма, нетрудно видѣть, что, при постройкѣ и эксплуатации желѣзныхъ дорогъ частными капиталистами, зла такъ много, что оно можетъ не только пососерничать, но даже, будучи положено на вѣсы, перетянуть зло правительственной постройки и эксплуатации. Не беря на себя смѣлости рѣшать этотъ вопросъ въ библиографической замѣткѣ, мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ не высказать слѣдующаго: еслибы частныя желѣзнодорожныя компании руководствовались въ своей дѣятельности какими либо другими интересами, кромѣ личныхъ интересовъ, то за нихъ можно было бы еще подать голосъ; но, такъ какъ онѣ сами являются въ высшей степени опасными для народнаго благосостоянія, то, вмѣсто двухъ золъ, лучше имѣть одно, и зло меньшее, грубое и видимое. Наконецъ, мы не можемъ не высказать сожалѣнія о маломъ участіи нашего земства въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, объ участіи, которое могло бы выразиться въ нѣсколькихъ комбинаціяхъ, могло бы быть въ высшей степени полезно и могло бы значительно парализовать всѣ вышеуказанныя опасенія. Неудачное концессионированіе нѣкоторыхъ земствъ ничего еще не доказываетъ, такъ какъ участіе земствъ можетъ выразиться весьма различно, не ставя ихъ въ критическое положеніе: собственникомъ дорогъ можетъ являться земство, хотя бы и

при правительственной гарантіи, съ условіемъ возврата этой гарантіи впослѣдствіи изъ доходовъ дороги; возможна совмѣстная, долевая гарантія и доленое участіе; наконецъ, собственною дорогомъ можетъ являться государство въ лицѣ правительства, а распорядителемъ на нихъ земство.

Въ заключеніе скажемъ слѣдующее: вопросъ, затрогиваемый Г. Шишковымъ, чрезвычайно важенъ, въ особенности, въ виду того, что само правительство наше, не выработавшее еще до сихъ поръ опредѣленной системы по отношенію къ желѣзнодорожному дѣлу, продолжаетъ пробовать различныя пути, отыскивая путь наиболѣе удовлетворительный, а также и въ виду той смутности представленій и разныхъ криво толкованій, которыя встрѣчаются въ нашей печати. И очень жаль, что г. Шишковъ не посвятилъ всей своей книги этому вопросу, не разобралъ его болѣе подробно, а отдать ему мимоходомъ только нѣсколько страничекъ. Тогда бы его книга заслуживала большаго вниманія, а теперь, несмотря на крупницу интереса, она въ общемъ итогѣ есть все-таки дѣльный желѣзнодорожный папгаузъ весьма малопоучительнаго пустословія, наводящаго страшную скуку.

Сборникъ государственныхъ знаній. Подъ редакціей В. П. Безобразова, дѣйствительнаго члена императорской академіи наукъ. Томъ III. Спб. 1877.

Мы не дерзнули бы говорить въ библиографической замѣткѣ о величественномъ зданіи, постепенно воздвигаемомъ академикомъ Безобразовымъ, если бы не боялись, что вотъ-вотъ оно рухнетъ, и мало кто замѣтитъ его паденіе, какъ мало кто замѣчаетъ его существованіе.

Первый томъ «Сборника государственныхъ знаній» вышелъ въ 1874 году, второй былъ обѣщанъ къ началу 1875, однако, сильно запоздалъ. Выпуская его, редакція заявляла въ предисловіи о «единодушномъ сочувствіи, которое встрѣтилъ «Сборникъ» въ ученномъ мірѣ и въ литературѣ и на которое редакція не могла рассчитывать, задумывая этотъ опытъ совершенно новаго у насъ изданія». Однако, уже въ этомъ предисловіи попадаются злобщія фразы: «возможность самаго изданія будущихъ томовъ пока неизвѣстна»; «слюди, знакомые съ дѣломъ, обѣщать трудности» и т. п. Третій томъ появился въ нынѣшнемъ году и вотъ что, между прочимъ, говоритъ редакція въ предисловіи: «Опытъ двухъ первыхъ томовъ «Сборника государственныхъ знаній» убѣдилъ, что, при сохраненіи за нимъ того строго научаго характера, который составляетъ сущность его задачи и уже успѣлъ приобрести къ нему сочувствіе въ просвѣщенныхъ кругахъ нашего общества, онъ не можетъ быть подчиненъ обыкновеннымъ условіямъ литературныхъ и книгопродавческихъ предпріятій, которыя рассчитаны на удовлетвореніе потребностей и вжусовъ многочисленной публики и, потому, на обширный сбытъ. Изданіе «Сборника» неизбѣжно требуетъ матеріальныхъ жертвъ, какъ со стороны своихъ издателей, такъ и сотрудниковъ. Таки

жертвы, по своей значительности, недоступны для средств одного лица, по крайней мѣрѣ, въ той нашей общественной средѣ, которая преимущественно призвана къ дѣятельному участию въ этомъ изданіи и сознательно сочувствуетъ его задачѣ; сверхъ того, эта задача, чуждая не только влиянію личныхъ интересовъ, но и всякимъ предвзятымъ политическимъ тенденціямъ, требуетъ для подобнаго изданія безусловно незамыслимаго положенія въ обществѣ, такого положенія, которое было бы свободно отъ всякаго личнаго покровительства съ какой бы то ни было стороны. Поэтому необходимы были соединенныя усилія и жертвы многихъ образованныхъ людей, желающихъ, видѣ всякихъ политическихъ партій и всякихъ временныхъ настроеній публики, содѣйствовать успѣхамъ государственной науки и зрѣлаго политическаго воспитанія въ нашемъ отечествѣ. Съ этими мыслями составила частная издательская компанія, обезпечивающая «Сборникъ» противъ связаныхъ съ нимъ рисковъ и убытковъ на нѣсколько лѣтъ впередъ... вмѣстѣ съ тѣмъ, расходы могли быть сокращены, сравнительно съ нашими періодическими изданіями, вслѣдствіе самоотверженной готовности, заявившей себя во всѣхъ нашихъ ученыхъ кругахъ, и столичныхъ, и провинціальныхъ, преимущественно университетскихъ, участвовать въ «Сборникѣ» при весьма умѣренномъ вознагражденіи за литературный трудъ». Такимъ образомъ, все устроилось прекрасно. Редакція назначаетъ даже сроки выхода четвертаго, пятаго и шестаго томовъ. Но пока что, а срокъ выхода ближайшаго, то есть, четвертаго тома уже пропущенъ: обѣщанъ онъ былъ въ мартѣ, а у насъ уже май. ¹ Для изданія столь, блистательно обезпеченнаго какъ со стороны литературнаго матеріала, такъ и со стороны денежныхъ средствъ (не говоря уже о духовной сторонѣ дѣла), это—плохой знакъ. Но еслибы, самъ по себѣ, онъ и не былъ таковымъ, вся исторія «Сборника государственныхъ знаній», несмотря на свою краткость, полна какихъ-то разочарованій и неудачъ. Какая же можетъ быть этому причина? Кажется, чего бы лучше: изданіе посвящено разнообразнымъ вопросамъ общественной жизни; въ трехъ вышедшихъ до сихъ поръ томахъ есть статьи и о земскихъ соборахъ въ московскомъ государствѣ, и о международномъ вмѣшательствѣ, и о свободѣ совѣсти, и о банковомъ законодательствѣ и проч., и проч.; есть отдѣлы догматическій, критическій и «обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія»; наконецъ, сотрудниками «Сборника» состоятъ все патентованные сосуди знанія—профессоръ петербургскаго университета, профессоръ московскаго университета, варшавскаго, новороссійскаго, профессоръ академіи генеральнаго штаба, дѣйствительный членъ академіи наукъ; словомъ, куда ни обернись, все—патенты и дипломы, дипломы и патенты. А дѣло, все-таки, на ладъ нейдетъ. Три мо-

¹ Надняхъ четвертый томъ вышелъ.

нументальные тома «Сборника государственныхъ знаний» представляютъ дѣйствительно монументъ, надгробный памятникъ, украшенный надписью: «самоу себѣ» и фигурою академика Безобразова, меланхолически опирающагося на урну, полную слезъ. Грустное зрѣлище. Что же свело этого покойника въ могилу такъ рано? Что уложило его подъ этотъ, положимъ, очень величественный, но увы! все-таки, надгробный памятникъ? Родился ли ужь онъ совсѣмъ слабосильнымъ, или окружающая среда оказалась много ниже его и заглушила въ самомъ зародышѣ жизнь богатую и многообѣщавшую? Мы подѣискивали отвѣты и не подѣискали. Сначала намъ казалось, что все дѣло въ средѣ, въ публикѣ, неспособной оцѣнить предпріятіе г. Безобразова и поддержать его. Предпріятіе это, въ самомъ дѣлѣ, малодоступно толпѣ. Напримѣръ, статья профессора Горчакова «Научная постановка церковно-суднаго права» (во второмъ томѣ) сопровождается такимъ примѣчаніемъ: «Цѣль статьи *исключительно научная* (курсивъ, какъ и ниже, принадлежитъ подлиннику), т. е. желаніе содѣйствовать теоретическому разъясненію существа излагаемаго въ ней предмета, который болѣе десяти лѣтъ занимаетъ наше общество. Но, статья наша *чужда члн публицистической*, т. е. желанія привлечь сторонниковъ въ пользу нашихъ воззрѣній на разсматриваемый въ ней предметъ, для проведенія этихъ воззрѣній въ жизнь — и *практической*, т. е. желанія имѣть какое бы то ни было вліяніе на законодательную работу по вопросу о церковно-судебной реформѣ». Такой монументальной высоты и такого монументальнаго словесствія профаны никогда не оцѣнятъ. Другое дѣло — совсѣмъ не говорить о церковно-судномъ правѣ, какъ будто бы его и на свѣтѣ не было. Это понятно. Но разъ человекъ заводитъ объ немъ разговоръ, профаны, по естественному въ нихъ недостатку просвѣщенія, желаютъ слышать настоящее живое слово. Они просто даже понять не могутъ, какъ это такъ можно «теоретически разъяснять существо предмета» и, въ то же время, сторониться не только отъ прямо практическаго вліянія, но даже не желать «привлечь сторонниковъ въ пользу нашихъ воззрѣній». Взять самую какую-нибудь безстрастную науку, математику, физику, химию — нельзя же излагать ея истины, не желая кого-нибудь въ нихъ убѣдить, то есть, не желая привлечь «сторонниковъ въ пользу своихъ воззрѣній». Такъ думаютъ только профаны, конечно, а «Сборникъ государственныхъ знаний» думаетъ иначе. Онъ и не только церковно-судное право поднимаетъ на такую недостижимую для профановъ высоту. Въ предисловіи къ лежащему передъ нами третьему тому читаемъ: «Сборникъ государственныхъ знаний не долженъ оставаться чуждъ современнымъ событіямъ, которыя затрогиваютъ самыя священныя историческія преданія и вѣрованія нашего народа, но онъ также и не можетъ обсуждать эти событія подъ дѣйствіемъ тѣхъ политическихъ страстей, чувствъ и преубѣжденій всякаго рода, каковыя

наполняется жизнь самаго образованнаго общества въ тревожныя политическія эпохи. Необходимо было выждать болѣе спокойнаго времени для безпристрастнаго изслѣдованія вопросовъ, поставленныхъ событіями 1876 г. Поэтому, нѣкоторые труды, приготовленные для настоящаго тома, отложены до слѣдующаго, а другіе не могутъ быть изданы до тѣхъ поръ, пока международная политическая атмосфера не придетъ въ совершенно нормальное, мирное состояніе. Самые простые и общезвѣстные факты государственной жизни и самыя здравомысленныя объ нихъ сужденія получаютъ, посреди бурныхъ теченій этой атмосферы, ложное освѣщеніе и даютъ поводъ къ политическимъ недоразумѣніямъ, которыхъ и безъ того слишкомъ достаточно накопилось около насъ въ настоящую минуту». Это — очень замѣчательная тирада. Мы отлично хорошо знаемъ, что бываютъ минуты, когда говорить о предметахъ, весьма занимательныхъ и важныхъ, чрезвычайно трудно. Но причины подобныхъ трудностей лежатъ не въ существѣ дѣла (хотя, разумѣется, и оно можетъ туго поддаваться разрѣшенію), а во внѣшнихъ обстоятельствахъ, въ той обстановкѣ, среди которой возникаетъ тотъ или другой важный и занимательный вопросъ. Очень сомнительно, чтобы воздержаніе «Сборника государственныхъ знаній» было таковаго именно рода, то есть зависѣло отъ внѣшнихъ, скажемъ прямо, цензурныхъ условий (разумѣя здѣсь и цензоровъ-добровольцевъ, всегда появляющихся въ тревожныя минуты и въ обществѣ, и въ самой литературѣ). Тѣмъ болѣе, что событія 1876 года отличаются тѣмъ, что въ нихъ общество наше было оставлено до извѣстной степени самому себѣ. Тутъ-то и пріятно было бы услышать голосъ людей науки, кои такъ богаты органами академика Безобразова. Но «Сборникъ» желаетъ обсуждать эти событія, когда они большею простотою; когда утихнутъ «политическія страсти, чувства и предубѣжденія всякаго рода»; когда можно будетъ «разъяснить существо предмета», не рискуя «привлечь сторонниковъ въ пользу нашихъ воззрѣній». Словомъ, событія 1876 года третируются «Сборникомъ» такъ же, какъ и церковно-судное право. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, что напечатанная въ третьемъ томѣ статья профессора Герье «Республика или монархія установится во Франціи?» начинается такъ: «Вопросъ, поставленный въ заглавіи нашей статьи, есть, безъ сомнѣнія, самый важный и самый любопытный современный вопросъ для всѣхъ, интересующихся государственными учрежденіями и политическою жизнью европейскихъ народовъ». Заглянувъ въ конецъ статьи, вы увидите помятку: «Москва, 1873.» Въ 1873 г. вопросъ, занимающій г. Герье, могъ считаться самымъ важнымъ и любопытнымъ современнымъ вопросомъ. Тогда это было, если не вѣрно, то, по крайней мѣрѣ, вѣроподобно. Въ 1877 г. это даже и не вѣроподобно, но съ монументальной точки зрѣнія «Сборника государственныхъ знаній» такъ и должно быть. Примѣрно, года черезъ три или четыре, «Сборникъ» объ-

явить самым интересным современным вопросом — вопрос восточный, хотя къ тому времени, по всей вѣроятности, народятся иные вопросы. И т. д., и т. д. Годы будутъ идти за годами, а «Сборникъ» все будетъ ждать, когда успокоится крутомъ него и въ немъ самомъ страсти и когда можно будетъ, наконецъ, признать залежалый вопросъ современнымъ и отвѣстись къ нему вполне «научно». ¹ Естественное дѣло, что профанамъ, толпѣ, этого не понять, и «Сборникъ» умереть, не получивъ достойной его оцѣнки. Онъ и самъ это понимаетъ, ибо, завертываясь въ мантию мавзолейнаго величія, объясняетъ, что онъ не «расчитанъ на удовлетвореніе потребностей и вкусовъ многочисленной публики». Онъ издается только для избранныхъ.

Такъ мы сначала было и порѣшили. Но потомъ насъ стало брать сомнѣніе. Прежде, чѣмъ отвѣстись столь презрительно къ потребностямъ многочисленной публики, «Сборникъ» объясняетъ свою задачу иначе. Въ предисловіи къ первому тому говорилось: «Одно изъ самыхъ характеристическихъ свойствъ всѣхъ новыхъ преобразованій, положительно отличающихъ современную намъ эпоху отъ всѣхъ предъидущихъ, состоитъ въ приобщеніи самаго общества къ государственному дѣлу: въ мѣстномъ управленіи, судѣ и отчасти законодательствѣ». Вытекающей отсюда потребности не специалистовъ, а самаго общества, многочисленной публики, привлеченной или готовящейся быть привлеченной къ мѣстному управленію, суду и отчасти законодательству, этой потребности «Сборникъ государственныхъ знаній» и расчитывалъ удовлетворять. Нынѣ онъ беретъ этотъ свой прокъ назадъ. Почему? Можетъ быть, потому, что «Сборникъ» слишкомъ величественъ для многочисленной публики, а, можетъ быть... можетъ быть, вѣдь и потому, что у него пороку не хватаетъ. Намъ даже нѣсколько страшно высказать это предположеніе, но, къ сожалѣнію, оно само собой направляется еще съ одной стороны. Дѣло въ томъ, что полного воздержанія относительно восточныхъ событій «Сборникъ» не обнаруживалъ. Въ третьемъ томѣ напечатана статья г. Венюкова «Поступательное движеніе Россіи въ Средней Азій», въ которой имѣются нѣкоторые чисто практическіе совѣты въ видахъ разрѣшенія восточнаго вопроса на поляхъ Средней Азій. Напечатана рецензія г. Капустина о книгѣ Мавензи-Уоллеса «Территориальное расширеніе Россіи», уже вплотную касающаяся восточнаго вопроса. Напечатаны лекціи г. Градовскаго «Национальный вопросъ», которые, хотя и имѣютъ въ виду общій вопросъ, но рекомендуютъ собственно войну за освобожденіе славянъ въ весьма энергическихъ и категорическихъ выраженіяхъ. Наконецъ, въ самомъ концѣ книги есть нѣсколько строкъ, представляющихъ «взглядъ

¹ Теперь, когда вопросъ объ образѣ правленія во Франціи можетъ получить значеніе, какого онъ и въ 1873 г. не имѣлъ, «Сборникъ государственныхъ знаній», вѣроятно, дастъ ему хорошенько позалежаться.

и нѣчто» на тѣму текущихъ событій. Какой смыслъ имѣютъ всѣ эти статьи, статейки и лекціи въ органѣ, не желающемъ входить въ атмосферу политическихъ страстей минуты? Сама редакция (и очень справедливо), очевидно, не счтаетъ ихъ удовлетворительными въ смыслѣ отвѣтовъ на запросы времени. Но эти неудовлетворительные отвѣты она, все-таки, дала. Почему же она не дала удовлетворительныхъ? Опять-таки, можетъ быть, потому, что монументъ, украшенный изваяніемъ академика Безобразова, слишкомъ высокъ для простыхъ смертныхъ, а, можетъ быть, и потому, что у «Сборника государственныхъ знаній» не хватало пороку.

Изнашка сербской войны. Записки въ трехъ частяхъ *К. И. Воронича*. I и II части. Спб. 1877.

Русскіе и Сербы въ войну 1876 года за независимость христіанъ. Общій критическій обзоръ. Письма *М. Н. Хвостова*. Спб. 1877.

Сербскіе рассказы. Капитана *Кириллица*. Спб. 1877.

Нынѣшняя русско-турецкая война составляетъ, безъ сомнѣнія, прямое продолженіе войны сербско-турецкой. Но что касается собственно участія русскихъ людей, то между этими двумя моментами есть разница, образующая цѣлую пропасть. Теперешняя война, не говоримъ по результатамъ, которые еще неизвѣстны, а по характеру своему, не представляетъ ничего экстраординарнаго, небывалаго. Это—только одна изъ войнъ Россіи съ Турціей. Газеты припоминаютъ, какъ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ русскія войска переходили въ прежнія войны черезъ Дунай, какъ былъ взятъ Карсъ и т. п. Изъ событій прошлаго могутъ почерпаться болѣе или менѣе прямые уроки настоящему. Не то съ прошлогоднимъ движеніемъ русскихъ людей въ ряды сербской арміи. Прямыхъ прецедентовъ для него не было. Всѣ расчеты насчетъ солидности, характера, результатовъ движенія могли основываться только на общихъ свойствахъ нашего общества. Дѣло было въ томъ, какъ комбинируются эти общія свойства въ данныхъ, совершенно исключительныхъ условіяхъ. Исключительность условій состояла, главнымъ образомъ, въ относительной свободѣ, съ которою могли развернуться достоинства и недостатки нашего общества. Это обстоятельство придаетъ сербско-турецкой войнѣ необыкновенный для насъ интересъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ разница между теперешними и прошлогодними событиями такъ велика, что подробности сербско-турецкой войны, подробности поведенія русскихъ добровольцевъ представляють, въ настоящую минуту, что-то старое, забытое, никому ненужное. И это, несмотря на то, что прошлогоднія и нынѣшнія событія суть, повидимому, два акта одной и той же драмы.

Таково именно впечатлѣніе, производимое книжками гг. Воронича и Хвостова. Пройдетъ нѣсколько времени, и подобныя сочиненія получатъ большой историческій интересъ. Но теперь они слишкомъ новы для исторіи, слишкомъ стары для интере-

совъ текущихъ. Отъ этого-то ихъ и выходитъ такъ мало, а что и выходитъ, такъ проходитъ не отмѣченное литературой.

Надо замѣтить, что оба названные автора—не корреспонденты, а добровольцы. Оба они даже плохо, т. е. не совсемъ грамматически пишутъ. Рассказываютъ они о своихъ приключеніяхъ такъ просто, что нѣкоторыя маленькія фальши обнаруживаются самъ собой. Напримеръ, г. Вороничъ часто говоритъ о себѣ и о нѣкоторыхъ другихъ добровольцахъ, что они пошли «за идею», вполне сознательно. Но самъ же онъ рассказываетъ, что его толкнули разныя житейскія неудачи (тутъ и долги, повидимому, были и служебныя, и любовныя неудачи), и что онъ повесъ въ Сербію просто живнѣ, «не привлекающую особенно въ будущемъ». Такого рода поправки, благодаря безхитростности авторовъ, сдѣлать нетрудно, а слѣдовательно, нетрудно уловить правду. Общественное положеніе гг. Хвостова и Воронича очень различно. Послѣдній есть отставной кавалерійскій юнкеръ, съ большимъ трудомъ и не безъ униженій добывшій сумму, нужную для побѣди. Г. Хвостовъ состоитъ, какъ видно, въ довольно значительномъ чинѣ, и сформировалъ отчасти на собственный счетъ казачій отрядъ. Цѣли у нихъ тоже различныя. Г. Вороничъ просто рассказываетъ свои впечатлѣнія, безъ опредѣленнаго плана, а г. Хвостовъ имѣетъ преимущественно въ виду защиту сербовъ отъ разныхъ нареканий. Несмотря на всю эту разницу, оба автора, въ концѣ концовъ, сходятся въ характеристикѣ «русскихъ и сербовъ въ войну 1876 года» и изнанки сербской войны». Результаты выходятъ очень горькіе. Самый выдающійся изъ нихъ тотъ, что сербы русскихъ теперь ненавидятъ, тогда какъ до войны скорѣе любили, хотя и не знали. Ненависть эта коренится не только во всевозможныхъ безобразіяхъ, которые позволяли себѣ добровольцы, а также и въ обнаруженной многими изъ нихъ храбрости. Сербы, т. е. народъ сербскій, вовсе не хотѣли войны, а потому не могли любоваться на русскую храбрость, которая только затягивала войну. Любопытный и, кажется, неизвѣстный до сихъ поръ фактъ сообщаетъ г. Хвостовъ. По его словамъ, генералъ Черняевъ обѣщалъ въ прокламаціяхъ, что «Россія придетъ на помощь и что казаки растопчутъ Турцію войтами своихъ коней». Искренно ли заблуждался генералъ, или просто билъ на удачу, но, во всякомъ случаѣ, эти обѣщанія, оставаясь невыполненными, только еще больше заставляли сербовъ коситься на своихъ избавителей. Отсюда всѣ эти рассказы о трусости сербовъ, объ томъ, что они не иначе выносили съ поля рваныхъ русскихъ, какъ за деньги и т. п. Что касается страшнаго безпорядка, царившаго въ войнѣ, возмутительнаго поведения многихъ добровольцевъ, то гг. Вороничъ и Хвостовъ рассказываютъ по истинѣ, ужасныя вещи: пьянство, драки, воровство, самыя грубыя неприличія... Можно не довѣрять нѣкоторымъ заключеніямъ обоимъ авторамъ, но ихъ фактическая правдивость не

может подлежать сомнѣнію для всякаго, кто прочтетъ ихъ книжки.

Совсѣмъ другой характеръ имѣютъ «Сербскіе рассказы» капитана Кириллыча. Если не ошибаемся, авторъ состоялъ корреспондентомъ «Русскаго Мира». Во всякомъ случаѣ, часть его книги («боевые очерки») имѣетъ видъ корреспонденцій съ театра войны. Остальное занято произведеніями беллетристическаго свойства, въ которыхъ не обнаруживается ни таланта, ни знакомства съ условіями сербской и черногорской жизни. Замѣчательно, что среди рассказовъ капитана Кириллыча о томъ, какъ онъ дрался за свободу славянъ, затѣмъ-то вклеенъ рассказъ «Странный случай» изъ времени польскаго возстанія. Странный случай состоитъ въ томъ, что авторъ долженъ былъ арестовать одного польскаго графа, съ которымъ передъ тѣмъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Мы не понимаемъ, что общаго имѣетъ этотъ случай съ «боевою жизнью» въ Сербіи. А что-нибудь общее, вѣроятно, есть.

Иванъ Посошковъ. Соч. А. Брикнера. Часть I. Посошкова, какъ экономистъ. Спб. 1876 г.

Русская исторія не богата проявленіями независимой критической мысли. На долю русскаго народа выпала суровая, ломовая историческая работа. Сначала его силы были поглощены почти цѣлкомъ колонизаціею дикой страны, а потомъ пошли на созданіе и поддержку сильнаго государства. При такихъ условіяхъ, мало было простору для умственной работы, да и плохо жилось на Руси ея представителямъ. Суровая дѣйствительность, грубая сила неособенно ихъ цѣнила. Отъ этого, несмотря на короткую исторію, русская независимая мысль, въ особенности направленная на общественные вопросы, имѣетъ длинный мартирологъ. Судьба Ив. Посошкова, одного изъ оригинальнѣйшихъ и интереснѣйшихъ русскихъ самородковъ, составляетъ видную страницу въ этомъ мартирологѣ. Мы имѣемъ неполныя свѣдѣнія о жизни Посошкова, но и между этими свѣдѣніями первое по времени (1697 г.) показываетъ намъ его въ преображенскомъ тайномъ приказѣ, привлеченнаго къ дѣлу о бесѣдахъ оппозиціоннаго характера, происходившихъ въ кружкѣ нѣкоего монаха Авраамія; послѣдніа архивныя извѣстія (отъ 1725 г.) опять представляютъ намъ Посошкова въ тюрьмѣ, на этотъ разъ въ петропавловской крѣпости, гдѣ онъ и окончилъ свою жизнь. (Брикнеръ, стр. 73). Заключеніе Посошкова, по всѣмъ признакамъ, имѣло связь съ его книгою: «О скудости и богатствѣ народномъ», написанною въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго. Книга эта представляеть систематическій рядъ мыслей по различнымъ общественнымъ, главнымъ образомъ, экономическимъ вопросамъ. Кромѣ этого сочиненія, Посошковъ оставилъ и нѣсколько другихъ. Часть ихъ не дошла до насъ, часть остается неизданною. Сочиненія Посошкова составяютъ драгоценный матеріалъ для характеристики состоянія общества и об-

нственныхъ возрѣній петровской эпохи; кромѣ того, они интересны и сами по себѣ, по своему внутреннему достоинству (въ особенности книга о «Скудости и богатствѣ»). Несмотря на это, русская историческая литература мало занималась ими, а до послѣдняго времени не существовало ни одного систематическаго труда, посвященнаго Посошкову.

Г. Брикнеръ возмѣнилъ благое намѣреніе исполнить этотъ пробѣлъ. Къ сожалѣнію, нельзя не указать, что попытка его, по исполненію своему, не стоитъ въ уровень съ задачею. Начать съ того, что уже самый приемъ, который употребляетъ г. Брикнеръ, не можетъ быть названъ удачнымъ. Онъ разбиваетъ всѣ мнѣнія Посошкова по отдѣльнымъ рубрикамъ (въ появившемся первомъ томѣ книги г. Брикнеръ ограничивается собственно экономическими возрѣніями Посошкова) и изслѣдуетъ каждое изъ нихъ особо, почти не связывая одно съ другимъ. Отъ этого общая характеристика Посошкова почти совсѣмъ исчезаетъ у него; по крайней мѣрѣ, г. Брикнеръ не даетъ въ этомъ отношеніи почти ничего, кромѣ такихъ малосодержательныхъ опредѣленій, что Посошковъ по нѣкоторымъ вопросамъ былъ прогрессистомъ, а по другимъ консерваторомъ, что онъ былъ горячимъ патріотомъ, вѣрнымъ подданнымъ и т. и. Точно также отсутствуетъ и общая характеристика общественнаго настроенія эпохи. Г. Брикнеръ весьма добросовѣстно приводитъ историческія справки къ различнымъ предположеніямъ Посошкова, выбираетъ параллельныя мнѣнія западныхъ экономистовъ различнымъ эпохъ (которыхъ Посошковъ не зналъ и которые его не знали), но не разъясняетъ положенія Посошкова въ общемъ ходѣ возрѣній современнаго ему общества; онъ не касается даже вопроса былъ ли Посошковъ — имѣвшій опредѣленные общественные идеалы — выдающимся представителемъ интересовъ какого-нибудь общественнаго элемента, или же просто единственнымъ мыслителемъ, не связаннымъ живыми нитями съ тѣмъ или другимъ классомъ народа. Неясная обрисовка общей публицистической физиономіи Посошкова нерѣдко ведетъ къ тому, что и частныя его возрѣнія получаютъ у г. Брикнера ложное освѣщеніе. Такъ, г. Брикнеръ не обращаетъ должнаго вниманія на то мѣсто, которое занимаетъ въ планахъ Посошкова податіе въ общественномъ строѣ значеніе купеческаго и промышленнаго класса. При достаточномъ выясненіи этого пункта, едва ли онъ могъ бы утверждать, что Посошковъ требовалъ воспрещенія торговли для прочихъ сословій, какъ сторонникъ правительственнаго защитника казеннаго интереса, въ видахъ болѣе строгаго контроля надъ поступленіемъ торговыхъ пошлинъ (стр. 222); что тою же ревностью къ царскому интересу обуславливалась его замѣтная во многихъ случаяхъ вражда къ дворянству, пользовавшемуся особенными льготами, уклонявшемуся отъ общественныхъ тяготъ; или, наконецъ, крайнія мѣры, предлагаемыя Посошковымъ для устраненія конкуренціи иностранцевъ въ рус-

своей торговлѣ объясняются тѣмъ, что Посошковъ оставался во многихъ отношеніяхъ старовѣромъ (стр. 173).

Другой существенный недостатокъ книги г. Брикнера составляетъ отсутствіе перспективы въ различныхъ частяхъ наследованій. Г. Брикнеръ только вскользь касается нѣкоторыхъ существенныхъ вопросовъ и, наоборотъ, останавливается на малозначительныхъ. Такъ, напримѣръ, на стр. 106 и 121, г. Брикнеръ замѣчаетъ, что Посошковъ смѣшивалъ понятія о народномъ и государственномъ хозяйствѣ, на стр. 248 утверждаетъ, напротивъ того, что Посошковъ ставилъ интересъ народного хозяйства гораздо выше интереса казны, и затѣмъ нигдѣ въ книгѣ не трактуетъ подробно и обстоятельно этого капитальнаго вопроса. Точно также мало останавливается онъ и на разъясненіи, что именно понималъ Посошковъ подъ богатствомъ, т. е. усиленіи ли производительности и накопленіе продуктовъ, или же общее благосостояніе всѣхъ классовъ общества. По отношеніи къ Посошкову вопросъ этотъ заслуживалъ бы преимущественнаго вниманія уже въ виду проглядывающей у Посошкова особой предилекціи къ купеческому сословію. Впрочемъ, судя по многимъ мѣстамъ книги г. Брикнера, воззрѣнія самаго автора на этотъ предметъ не отличаются особою опредѣленностію; у него попадаются даже такія выраженія: Посошковъ желалъ этого «какъ купецъ и патриотъ» и т. п. (163). Какъ будто эти точки зрѣнія тождественны!

Оставляя въ тѣни капитальные экономическіе вопросы, г. Брикнеръ склоненъ придавать значеніе, напротивъ, довольно мелочнымъ. При этомъ, опять-таки его собственныя экономическія воззрѣнія поражаютъ иногда своею странностію. Такъ, напримѣръ, почему-то ему представляются чрезвычайно важными замѣчанія Посошкова о преимуществахъ урочной платы предъ поденною. «Мы полагаемъ, говорить по этому поводу г. Брикнеръ:— что столь ясное различеніе между неденнымъ и урочнымъ трудомъ, столь меткое указаніе на выгоды послѣдняго и для государственнаго, и для народнаго, и для частнаго хозяйства въ началѣ XVIII в. могло считаться рѣдкимъ исключеніемъ не только въ Россіи, но и на западѣ. Экономисты лишь довольно поздно стали указывать на выгоды поштучной платы, хотя на практикѣ давно оказалось, въ какой мѣрѣ выгодно такое распределеніе работъ и сколько лишняго времени убивается понапрасну обыкновенною поденною или помѣсячною работою. Не даромъ англійскіе ученые были того мнѣнія, что развитіе благосостоянія Англій значительною долею обусловливалось преобладаніемъ поштучной платы» (1) (стр. 109). Еще большее недоумѣніе возбуждаютъ замѣчанія г. Брикнера, наложенныя въ главѣ «объ одеждѣ» (123—24). Приведа длинную выписку изъ Посошкова, въ которой тотъ вооружается противъ употребленія непрочныхъ иноземныхъ товаровъ, и именно противу общепныхъ пуговицъ, и совѣтуетъ употреблять сплошныя пуговицы, какъ болѣе со-

лидня, г. Брикнеръ прибавляетъ: «Какъ видно, Посошковъ имѣлъ ясное понятіе о солидности въ потребленіи; онъ умѣлъ цѣнить умоду постояннаго капитала, посредствомъ котораго собирается известное количество капитала оборотнаго. Завѣдывая съ различными отраслями промышленной техники, онъ былъ въ состояніи давать умные совѣты своимъ согражданамъ, склоннымъ тратить деньги на непрочные товары для украшенія одежды». Неужели г. Брикнеръ полагаетъ, что прочныя пугвицы и постоянный капиталъ — одно и то же? Можно бы привести довольно много такихъ же примѣровъ наивныхъ экономическихъ воззрѣній автора. Вообще, г. Брикнеръ — экономистъ очень не высокаго полета, и такими же качествами отличается и его критика Посошкова.

Мы указали на весьма существенные недостатки книги г. Брикнера и въ историческомъ, и въ экономическомъ отношеніи. Справедливость требуетъ добавить, что въ ней есть и хорошія стороны. Какъ *material* для изученія Посошкова, трудъ г. Брикнера представляетъ известную цѣнность. Въ немъ есть много полезныхъ указаній по разнымъ частнымъ вопросамъ. Замѣкъ, г. Брикнеръ сводитъ всѣ данныя о жизни и трудахъ Посошкова. Наконецъ, книгѣ придаютъ интересъ и обширныя выдержки въ Посошкова. Вообще, фактовъ и свѣдѣній у г. Брикнера очень много, но выводы изъ нихъ скудны и, притомъ, какъ мы видѣли, нерѣдко крайне сомнительнаго достоинства.

На краю свѣта (изъ воспоминаній архіерея). Разсказъ Н. С. Лѣскова. Спб. 1876.

Факты, сообщаемые въ небольшой книжкѣ г. Лѣскова, могли бы пригодиться, какъ цѣнный матеріалъ для исторіи умственнаго и общественнаго развитія нашихъ окраинъ, еслибы время и мѣсто, къ которымъ факты эти должны быть отнесены, были опредѣлены точно, и еслибы, такимъ образомъ, получалась возможность провѣрить ихъ и очистить отъ всего того, что могло явиться, благодаря беллетристической формѣ, облекающей разсказъ. Разсказъ этотъ ведется отъ имени архіерея, вспоминающаго о весьма характеристическомъ эпизодѣ, ознаменованномъ пребываніемъ архіерея этого «въ одной изъ отдаленной сибирской епархіи», «за много лѣтъ назадъ». Кто именно былъ архіерей, когда слышалъ г. Лѣсковъ записанный имъ разсказъ, какаю именно была епархія?—все это остается неизвѣстнымъ и можетъ быть опредѣлено только весьма приблизительно. Итакъ, когда-то, въ какой-то епархіи Сибири совершались, по самѣтельству какаго-то архіерея, факты, за достоверность которыхъ беретъ теперь на себя отвѣтственность только г. Лѣсковъ; да и тотъ, про всякій случай, считаетъ нужнымъ заручиться беллетристическою формою. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ, по многимъ причинамъ, желательно бы имѣть точныя и дословныя свѣдѣнія о фактахъ, характеризующихъ строй жизни въ такихъ уголкахъ нашего отечества, какъ «отдаленная сибирь»

ская епархія». Беллетристическіе же узоры по канвѣ неопредѣленности мѣста и времени тѣмъ особенно нежелательны, что они подрываютъ только достовѣрность дѣйствительныхъ событій и, проводя мимо общественнаго сознанія поучительность голой правды, становятся предметомъ праздно болтовни или расшевеливаютъ и щечочуть у отдѣльныхъ лицъ или отдѣльной группы лицъ такіа тенденціи, правомѣрности которыхъ не можетъ быть выяснена разсказами и анекдотами, да и г. Лѣскову, не во гнѣвъ ему будь сказано, не по плечу.

Положеніе вещей въ отдаленной епархіи, изображаемое г. Лѣсковымъ, представляется до послѣдней степени плачевнымъ. Администрація церковная и администрація гражданская находятся здѣсь въ отношеніяхъ такой острой вражды, что каковой-то монахъ, одаренный природнымъ пронизательнымъ умомъ и хорошо знакомый съ условіями мѣстной жизни, считаетъ чиновниковъ «вражками» болѣе опасными, чѣмъ самъ сатана; «велика ли онъ для крещеннаго человѣка особа, говоритъ этотъ монахъ:— его однимъ пальчикомъ перекрести, онъ и сгинетъ, а вотъ купцы одѣтели, отцы, благодѣтели приказные, чиновные, тѣ самого врага сильнѣе, ибо сей родъ не изымается даже ни молитвою, ни постомъ» (стр. 51). Архіерей утверждаетъ, будто бы «чиновники и заурядъ все управленіе, безъ зазрѣнія совѣсти, покровительствовали ламамъ. Мнѣ приходилось, говоритъ онъ:—сражаться съ губернаторомъ, чтобы сей христіанскій бояринъ хотя малость остепенялъ своихъ пособниковъ, дабы они, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ открыто радѣли буддизму. Губернаторъ, какъ *видится*, обижался, и у насъ съ нимъ закипѣла жестокая стычка: я ему на его чиновниковъ жалуюсь, онъ мнѣ на моихъ миссіонеровъ пишетъ, что «никто-де имъ не мѣшаетъ, а они сами лѣнныя и не искусны». А мои миссіонеры, въ свою очередь, пишутъ, что имъ хотя точно рты тряпками не затыкаютъ, но нигдѣ ни лошадей, ни оленей не дадутъ, потому что по степямъ всюду люди ламъ боятся. Ламы, говорятъ, богаты — они чиновниковъ деньгами дарятъ; а намъ дарить нечѣмъ» (стр. 66). Каково жилось тунгузамъ и якутамъ при такомъ положеніи вещей, разумѣется само собою и въ книжкѣ очерчено весьма ярко. Свѣтлою стороною картины являются, будто бы, одни только миссіонеры, такъ что архіерею, удостовѣрившемуся въ ихъ добродѣтеляхъ, только и оставалось, что собрать ихъ и, поклонясь имъ въ поясъ, сказать: «Простите меня, отцы и братія, что вашу доброту не понималъ» и затѣмъ предоставить имъ волю дѣйствовать какъ они сами за благо признавали.

Г. Лѣсковъ, какъ сказано, не даетъ ничего для подтвержденія достовѣрности повѣствованія своего разсказца и, въ то же время, ставитъ читателя въ тѣмъ болѣе затруднительное положеніе, что тенденцію своего разсказчика онъ выставляетъ рѣзко и выпукло. «Скучно, говорятъ архіерей:—скучно, господа, тогда (т. е. многою лѣтъ назадъ) было бороться съ самодовольнымъ невѣ-

жестовомъ, терпѣвшимъ вѣру только, какъ политическое средство; за то теперь, можетъ быть, еще скучнѣе бороться съ равнодушнѣмъ тѣхъ, которые, замѣсто того, чтобы другнмъ свѣтить, *«сами насилу струтотъ»*... А вы вѣдь современне умные люди, все думаете: «эхъ, плохи наши епархіальные архіереи! Что они дѣлають? Ничего они, наши архіереи, не дѣлають». Не хочу за всѣхъ заступаться: многіе изъ насъ, дѣйствительно, очень немощны стали: подъ крестами спотыкаются, падаютъ... Что ихъ до этого довело? Не то ли именно, что они, наши архіереи, обращены въ администраторовъ и ничего живого не могутъ теперь дѣлать?... Не колите же намъ глазъ бывшими іерархами, какъ св. Гурій и другіе. Св. Гурій умѣлъ просвѣщать—это правда; да вѣдь онъ для того и вѣхаль-то въ дикій край *хорошо оснаряженъ: съ наказомъ и съ правомъ* привлекать народъ ласкою, кормами, заступленіемъ передъ властями, печалованіемъ за вины передъ воеводами и судьями; онъ обязанъ былъ *участвовать съ правителями въ советъ*; а вотъ сегодняшній архіерей даже съ своимъ сосѣдомъ архіереемъ не воленъ о дѣлахъ совѣщаться; ему словно ни о чемъ не надо думать; *за него есть кому думать*, а онъ обязанъ только все *принять къ сведѣнію*... Мы ко всему претерпѣлись, потому что намъ уже это не первый снѣгъ на головы: было и то, что нашъ «Камень вѣры» пратали, а «Молотъ» на него нѣмецкаго издѣлія всѣмъ въ руки совали, и стричь-то, и брить насъ хотѣли, и въ аббатиковъ передѣлать желали; одинъ благодѣтель, Голлицынъ, намъ свое богословіе проповѣдывалъ; другой, Протасовъ, намъ своимъ пальцемъ подъ самымъ носомъ грозилъ, а третій, Чебышевъ, уже всѣхъ превзошелъ, и на гостиномъ дворѣ, какъ и въ синодѣ, открыто «гнилыя слова» изрыгалъ, увѣряя всѣхъ, что «Бога нѣтъ и говорить о немъ глупо»... А всего еще впередъ срѣтать будемъ и что намъ тотъ или другой новый пѣтухъ запоетъ—про то и гадать нельзя?» и т. п. Всѣ эти пылкія рѣчи ясно показываютъ, что въ постановку вопроса, тронутаго г. Лѣсковымъ, внесено много раздраженія и горечи: внесено ли же въ нея достаточно свѣта и логики, о томъ изъ книжки г. Лѣскова не видно, быть можетъ, вслѣдствіе той особенной спутанности понятій, которыя составляютъ наиболѣе выдающуюся черту, характеризующую этого писателя.

Характеристичная эта спутанность проявилась и въ проведеніи той отвлеченной идеи, которую авторъ счелъ нужнымъ приплести къ только-что указанной тенденціи. Выдѣпить идею эту для г. Лѣскова ужъ совсѣмъ не въ мочь: требуется чувствовать себя въ области философіи исторіи, какъ дома, а г. Лѣсковъ, кромѣ начитанности соборнаго дьячка, не обнаруживаетъ никакихъ знаній, не проявляетъ никакой опытности въ трактованіи научныхъ вопросовъ: метнулся онъ въ исторію искусства, потому поминулъ Лафатера, точно авторитетъ какой, привелъ въ примѣръ взглядъ на вопросъ одного монаха сибирскаго монастыря,

одобрилъ этотъ взлядъ устами архіерея и успокоился, довольный, что придадъ разсказу своему философскую поделку. Еслибы г. Лѣсковъ могъ сознавать наивность своей философіи, онъ бы удержался, конечно, въ предѣлахъ повѣствованія и поинималъ бы, что далѣе этихъ предѣловъ ему идти некуда.

Остается сказать, въ заключеніе, что самое повѣствованіе, отдѣленное отъ указанной выше тенденціи и путанной философіи, написано очень живо и мѣстами только страдаетъ длиннотами.

Неутомимый труженникъ. Жизнь шотландскаго натуралиста Томаса Эдварда. Сочиненіе *Самуила Смайльса*. Переводъ съ англійскаго Е. Сысоевой. Спб. 1877.

Излюбленный русскими надателями Самуиль Смайльсъ есть писатель чрезвычайно трудолюбивый, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ высокой степени скучный. Старательно записываетъ онъ подходящія, а иногда и не совсѣмъ подходящія черты изъ жизни знаменитыхъ и незнаменитыхъ, достойныхъ и недостойныхъ уваженія людей; присовокупляетъ сюда же рядъ изрѣченій тоже знаменитыхъ и незнаменитыхъ людей о значеніи какой-нибудь добродѣтели и изъ всего этого составляетъ книгу подъ заглавіемъ «Самодѣтельность», «Характеръ», «Бережливость». Сомнѣваемся, чтобы по этому рецепту можно было побудить когонибудь къ самодеятельности, къ воспитанію характера, къ бережливости. Прописи — вещь очень скучная. Можетъ быть, оно такъ даже надо. Когда ученикъ списываетъ афоризмы въ родѣ «добродѣтель почтена», «терпѣніе и трудъ все преодолеваютъ» и т. п., онъ, конечно, ихъ смысломъ увлечься не можетъ, а потому, сосредоточивая все свое вниманіе на очертаніи буквъ, безпрепятственно успѣваетъ въ каллиграфическомъ искусствѣ. Другое дѣло — когда человѣка надо заинтересовать именно смысломъ афоризма «терпѣніе и трудъ все преодолеваютъ». Тутъ нужны или логическія доказательства, или иллюстрированіе живыми примѣрами. Къ доказательствамъ Смайльсъ прибѣгаетъ рѣдко, а когда прибѣгаетъ, то выходитъ болѣею частью плохо. Что же касается иллюстрацій, то нѣкоторыми изъ нихъ онъ ухитряется нагонять вящую скуку. Напримѣръ, въ такомъ родѣ: «великій германскій поэтъ - мыслитель Гёте сказалъ, что геній есть терпѣніе. Знаменитый полководецъ герцогъ Мальборо... Однажды сэръ Макинтошъ въ разговорѣ съ однимъ офицеромъ... Игнатій Лойола на вопросъ объ успѣхѣ его пропаганды, отвѣчалъ...» И т. д. Словомъ, всѣ эти люди говорили, что «терпѣніе и трудъ все преодолеваютъ», такъ что, вмѣсто одного прописного афоризма, вы получаете десятокъ варьяцій на него. Отъ этого скука увеличивается, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ. Поучительнѣе могли бы быть иллюстраціи другого рода, именно — біографическія. Но во всѣхъ упомянутыхъ сочиненіяхъ біографическія черты нахватаны, которая съ борку, которая съ сосенки, расположены безъ всякаго порядка и системы; вы не получаете

ничьей законченной биографіи, но не получаете также систематической обработки одной какой-нибудь черты человѣческаго характера. Ни жизненной правды, ни какого-нибудь отвлеченнаго значенія за этими биографическими ключами признать нельзя. Трудно даже понять, для какихъ людей, для какого возраста и состоянія подобныя книги издаются.

«Неутомимый труженникъ» построенъ иначе. Это — законченная биографія «шотландскаго натуралиста», изъ которой можно, между прочимъ, усмотрѣть, что терпѣніе и трудъ не все преодолеваютъ. Дѣти лѣтъ 10 — 14 прочтуть эту книгу, вѣроятно, съ удовольствіемъ. Эдвардъ интересовался преимущественно поэтической и, такъ сказать, бытовой стороной жизни природы (правы и обычаи животныхъ); биографія его исполнена разсказами и наблюденіями этого рода. Переводъ, вообще говоря, хорошъ. Но переводчица не всегда удачно справляется съ научными терминами. Такъ, вмѣсто «видъ» она иногда пишетъ *sort* и говоритъ о какой-то «члено-соединительной кости исчезнувшаго животнаго» (стр. 378).

Загадочный міръ. Человѣческія страсти и пороки, составляющіе непрерывную борьбу между плотью и духомъ. Популярная физиологическія бесѣды и проч. Доктора медицины и словесныхъ наукъ парижской академіи *I. Б. Ф. Дескюре*. М. 1877.

Объ этой книгѣ мы упоминаемъ только для предупрежденія легковѣрныхъ читателей. Единоновременно съ ней появились въ газетахъ объявленія о сочиненіи того же Дескюре «Медицина страстей или страсти, разсматриваемыя въ отношеніи къ богамъ, законамъ и религіи». Эта «Медицина страстей» издава въ Москвѣ еще въ 1870 году, а «Загадочный міръ» есть ничто иное, какъ та же «Медицина страстей» въ томъ же переводѣ, въ томъ же изданіи, только въ новой обложкѣ и съ новымъ заглавіемъ. Что касается самого сочиненія, то въ оригиналѣ оно издано лѣтъ, по крайней мѣрѣ, двадцать тому назадъ, а въ двадцать лѣтъ физиологія такъ подвинулась, что ни «Медицина страстей», ни «Загадочный міръ» теперь рѣшительно никому не нужны, даже даромъ, а не то, что за четыре рубля.

РАСТРАТА ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ЗЕМЕЛЬ

АМЕРИКАНСКИМЪ КОНГРЕССОМЪ.

Съ приобрѣтеніемъ независимости, народъ сѣверо-американской республики приобрѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ неотъемлемое право на владѣніе обширными доменами, извѣстными подъ именемъ общественныхъ земель (public Lands). Право это онъ завоевалъ у природы, дикихъ племенъ индійцевъ и разныхъ государствъ Европы, жертвуя всѣмъ, чѣмъ только человѣкъ могъ располагать: не щадилъ онъ ни трудовъ, ни крови.

До объявленія республики, всѣ земли, незанятія населеніемъ, принадлежали коронѣ, которая могла ихъ продавать, завѣщать, дарить и дѣлать съ ними все, что ей было угодно. Изъ-за этихъ земель были жестокіе споры и велись истребительныя войны съ разными племенами индійцевъ, населявшихъ эти земли, съ одной стороны, и съ Франціей, Испаніей и Голландіей, желавшихъ въ свою очередь захватить эти земли—съ другой. Дикія племена индійцевъ или, какъ ихъ называли, краснокожіе не могли выдержать напора блага человѣка съ его конями и огнестрѣльнымъ оружіемъ и должны были шагъ за шагомъ уступать владѣнія своей родины колонистамъ и разнымъ европейскимъ державамъ, хотя послѣ отчаянныхъ и жестокихъ баталій. Гибло много людей и имущества въ этой борьбѣ съ обѣихъ сторонъ; гибло много королевскихъ солдатъ, а еще болѣе колонистовъ и ихъ собственности, на которыхъ часто и внезапно нападали дикіе. Вся ранняя исторія сѣверной Америки наполнена трагическими картинами открытой рѣзни и тайнаго свирѣпаго мщенія между бѣлыми и краснокожимъ человѣкомъ.

Споры и войны съ Франціей и Испаніей велись съ перемиря-

нымъ счастьемъ. Разныя области сѣверной Америки переходили попеременно изъ рукъ въ руки Англій, Франціи и Испаніи, пока, наконецъ, мѣстность, лежащая между Атлантическимъ Океаномъ и рѣкою Миссисиппи, на Востокѣ и Западѣ, и между Великими Озерами и Мексиканскимъ Заливомъ и Флоридой, на Сѣверѣ и Югѣ, не была уступлена окончательно Англій, а въ 1776 г., по объявленіи независимости, образовала Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Такимъ образомъ сѣверо-американская республика вступила во владѣніе огромною частью континента.

Только сравнительно небольшая часть этого пространства могла быть заселена и обработана; все же остальное пространство, и въ особенности на Западѣ, было незанято и свободно для поселенія каждого человѣка, приходящаго съ мирными цѣлями основать свой домъ и завоевать свою будущность. Правда, индійцы еще долго обитали въ этой мѣстности и представляли немалое затрудненіе для свободного заселенія края, въ особенности по берегамъ рѣкъ и озеръ, покрытыхъ роскошнымъ дѣственнымъ лѣсомъ и наиболѣе выгодныхъ для поселенія; но быстрый ростъ населенія и европейская эмиграція отодвигали все далѣе и далѣе на Западъ краснокожаго и его необходимаго спутника, буйвола. Почти всѣ земли, лежащія въ бассейнѣ рѣки Миссисиппи и ея восточныхъ притоковъ (Огайо, Теннесси и пр.) были не заняты и представляли въ то время пустыню (wilderness), т. е. землю пустую, свободную отъ поселенія, но ни въ какомъ случаѣ не землю бѣдную, тощую, неплодородную. Напротивъ того, природа надѣлила этотъ край всѣми благами, что ясно доказываетъ развитіе такихъ городовъ, какъ Сент-Луисъ и Чикаго.

Всѣ эти земли считались общимъ достояніемъ народа; ихъ разсматривали, какъ національную отчину, наслѣдіе будущихъ генерацій, цѣна котораго постоянно возрастала, вслѣдствіе естественнаго роста и развитія цивилизаціи, и на которое смотрѣли, какъ на священное достояніе. Кому же, конечно, какъ не Общему Конгрессу, могла нація довѣрить свое общее сокровище, источникъ всякаго богатства? Всѣ эти земли поэтому были отданы подъ прямой контроль и управленіе федеральному правительству, такъ какъ только конгрессъ, исполнитель желаній и воли народа, могъ быть опекуномъ того, что принадлежало всей націи и ея будущимъ поколѣніямъ, и только ему народъ могъ довѣрить залогъ свободы, будущаго развитія и славы націи (народа). Таковы были взгляды и мнѣнія народа относительно этихъ земель; тотъ же взглядъ имѣли первые его законодатели. Сочиненія Вашингтона, Джефферсона (Jefferson) и др. во многихъ мѣстахъ выражаютъ это мнѣніе и представляютъ картины будущаго счастья и благосостоянія, развитаго на этихъ земляхъ и далѣе на западѣ, благодаря быстрому росту мѣстнаго населенія, наплыву европейской эмиграціи и свободному духу учрежденія республики. Республиканскій ригоризмъ первыхъ временъ былъ строго соблюдаемъ относительно этого предмета.

Послѣдующія приобрѣтенія отъ Франціи ¹, Испаніи, ² Мексики ³ и Россіи ⁴ войною или покупкою на народныя средства были отнесены къ той же категоріи общественныхъ владѣній.

Быль организованъ особый департаментъ (General Land Office) для завѣдыванія всѣми дѣлами, относящимися до общественныхъ владѣній. Народъ съ радостью принималъ на себя всѣ издержки по этому департаменту. Обязанности департамента состояли въ размежеваніи земель на опредѣленные участки ⁵, въ продажѣ земель за наличныя деньги, въ сохраненіи и присматриваніи за такими мѣстностями, которыя представляли что-либо особенное, оригинальное и т. д., въ сохраненіи лѣсовъ, цѣнныхъ для федеральнаго флота и пр. Департаментъ представлялъ каждый годъ отчетъ о своей дѣятельности Конгрессу.

Многіе предвидѣли будущую цѣну земель, и люди съ деньгами не могли найти лучшаго помѣщенія своимъ капиталамъ для будущаго и вѣрнаго обогащенія, какъ закупивъ по возможности большее количество такъ называемыхъ дикихъ земель (wild land), обитаемыхъ въ то время индійцами, да буйволами. Многіе сдѣлались впоследствии магнатами черезъ такую покупку земель, 40, 50 лѣтъ тому назадъ ⁶. Ибо, несмотря на огромное пространство удобныхъ для поселенія земель, народонаселеніе, а потому и требованіе на землю, столь быстро возрастало, что цѣна земли повышалась еще быстрѣй. Не считая особенно благоприятныхъ обстоятельствъ, увеличивавшихъ цѣну земель, какъ напр., въ тѣхъ мѣстностяхъ, на которыхъ впоследствии выросли громадные города (Чикаго, Сент-Луисъ и др.), можно положительно утверждать, что вообще земли, которыя, 40, 50 лѣтъ тому назадъ считались дикими, нигдѣ не обитаемыми и продавались правительствомъ по 1¼ дол. за акръ, въ настоящее время стоятъ въ цѣнѣ отъ 30 до 100 дол. за акръ. Въ нижеслѣдующей таблицѣ представленъ приблизительно ростъ народонаселенія, количество заселяемыхъ земель и средняя густота населенія на кв. милю отъ 1790 г. по 1870 г. Изъ этой таблицы исключены тѣ территоріи, которыя имѣютъ менѣе 2 человекъ на кв. милю.

¹ Въ 1803 г. отъ Франціи была куплена за 15.000.000 дол. провинція Луизиана, т. е. огромная площадь земли, лежащая между рѣкой Миссиссипи и Скалистыми Горами, Тексасомъ и Канадой.

² Въ 1821 г. была приобрѣтена отъ Испаніи Флорида.

³ Въ 1845 г. былъ завоеванъ Тексасъ у Мексики, а 1848 г. Калифорнія и Новая Мексика.

⁴ Въ 1870 г. была куплена Аляска отъ Россіи.

⁵ Всѣ земли въ Америкѣ подѣлены на секціи, т. е. участки въ одну кв. милю, равняющуюся 640 акрамъ. 6 секцій составляютъ округъ (township), который, въ свою очередь, представляеть единицу, меньшую по отношенію къ такъ называемымъ районамъ. Это дѣленіе совершенно точно опредѣляетъ данный участокъ земли и уничтожаетъ много безполезныхъ споровъ.

⁶ Богатствами своими извѣстныхъ миллионеровъ Асторъ, Куперъ и др. обязаны главнымъ образомъ этому источнику.

*

Годъ.	Пространство засѣ-	Народонаселеніе.	Средняя густо-
	лемыхъ земель въ кв. м.		та населенія на кв. м.
1790	289,985	3.929,214	16,4
1800	306,708	5.308,483	17,3
1810	407,945	7.289,881	17,7
1820	508,717	9.683,822	18,9
1830	632,717	12.866,020	20,3
1840	807,202	17.069,453	21,1
1850	979,249	23.191,876	23,7
1860	1.194,754	31.443,321	26,5
1870	1.272,239	38.558,371	30,2

Населеніе Соединенныхъ Штатовъ первыхъ временъ было главнымъ образомъ земледѣльческое, жило небольшими мѣстечками или отдѣльными фермами; но съ развитіемъ промышленности, и въ особенности съ 50-хъ годовъ, оно быстро измѣняетъ свой характеръ. На эту перемѣну, кромя другихъ важныхъ причинъ, значительное вліяніе оказывало то обстоятельство, что ферма стала давать не только ниже другихъ предпріятій, но во многихъ случаяхъ приводила даже къ положительнымъ убыткамъ. Причины этому мы увидимъ ниже. Профессоръ Уокеръ (Walker) даетъ слѣдующее приблизительное отношеніе населенія городовъ (центры промышленности) и земледѣльческихъ округовъ. Въ 1790 г. на города приходилось $\frac{1}{30}$ часть всего населенія; въ 1800 г. — $\frac{1}{25}$; въ 1810 и 1820 г. — $\frac{1}{20}$; въ 1830 г. — $\frac{1}{16}$; въ 1840 г. — $\frac{1}{12}$; въ 1850 г. — $\frac{1}{8}$; въ 1860 г. — $\frac{1}{6}$, и въ 1870 г. — $\frac{1}{5}$.

Общественныя земли играли весьма важную роль въ развитіи американской цивилизаціи. Не говоря уже о томъ, что онѣ были прямымъ источникомъ значительнаго дохода для правительства (за продажу общественныхъ земель отъ 1790 г. по 1872 г. въ министерство финансовъ поступило 194.259,186 долларовъ. Fin. Reports, 1872), эти земли были величайшимъ стимуломъ, вызывавшимъ европейскую эмиграцію. Каждого европейскаго земледѣльца манило огромное количество богатой плодородной свободной земли, которую можно было получить чуть не даромъ. Обиліе удобной земли возбуждало кипучую энергію и вызывало интенсивную предпринимчивость у мѣстнаго молодого населенія Америки, кромя того, что это же обиліе не допускало, тѣхъ запутанныхъ и преступныхъ поземельныхъ споровъ, которыми такъ богаты суды и расправы европейскихъ государствъ, и которые отнимають у народовъ время и огромную сумму денегъ.

До 1825 года конгрессъ свято охранялъ довѣренное ему имущество націи. Отчужденіе земель допускалось имъ только какъ продажа за наличныя деньги, которыя поступали въ народное казначейство, или же правительство давало небольшіе участки общественныхъ земель въ вознагражденіе за военныя услуги. Къ этому времени, конечно, вполне выяснилось важное

значеніе общественныхъ земель и богатство, въ нихъ заключающееся, а еще больше ихъ значеніе въ будущемъ.

Положеніе дѣлъ на Западѣ во многомъ измѣнилось. То, что прежде называлось пустыней, представляло теперь мѣстность съ значительнымъ населеніемъ. Рѣка Миссисипи со своими притоками сдѣлалась важнымъ центромъ колонизаціи; берега ея покрылись цвѣтущими городами. Страна Великихъ Озеръ стала другимъ, не менѣе значительнымъ центромъ. Но прямого удобнаго сообщенія между ними не было. Всѣми сознавалась необходимость каналовъ, соединяющихъ непосредственно эти два великіе водные бассейна; но всѣ такъ же хорошо сознавали, что эти сооруженія не могли быть предприняты на средства частныхъ компаній. Богатыхъ компаній было еще немного въ то время въ Америкѣ, въ особенности на Западѣ, которыя могли бы взяться за эти сооруженія; а между прочимъ, прорытіе этихъ каналовъ касалось, повидимому, только нѣкоторыхъ мѣстностей. Духъ же федеральной конституціи былъ строго пропитанъ теоріей *laissez-faire, laissez-aller*, и конгрессъ принималъ на себя исполненіе только такихъ внутреннихъ улучшеній, которыя касались всѣхъ штатовъ Союза. Тѣмъ не менѣе ясно сознавалось, что безъ помощи федеральнаго правительства западныя территоріи будутъ еще долго терпѣть это неудобство. Были подаваемы петиціи въ конгрессъ; представители этихъ штатовъ приносили рѣчи въ конгрессъ въ пользу вмѣшательства правительства въ это дѣло, и послѣ долгихъ дебатовъ и споровъ конгрессъ былъ убѣжденъ, наконецъ, въ необходимости оказать свою помощь этимъ сооруженіямъ. Конгрессъ предложилъ уступить извѣстное количество общественныхъ земель въ распоряженіе тѣхъ штатовъ, въ которыхъ предполагалось начать эти сооруженія. Въ 1827 г. составились двѣ корпораціи для проведенія каналовъ—Вобашъ-Эриэ (Wobash et Erie) и Иллинойсъ-Мичиганъ (Illinois et Lake Michigan), которымъ и было пожаловано до 2.000,000 акровъ земли вдоль линій этихъ каналовъ. Въ слѣдующемъ году, было дано почти 1.000,000 акровъ третьей компаніи для проведенія канала Міами-Дэйтонъ (Miami et Dayton) и нѣкоторыхъ другихъ меньшихъ каналовъ. Всѣ эти каналы не оправдали ожиданій населенія; первый изъ нихъ не былъ даже оконченъ, и желѣзныя дороги въ скоромъ времени замѣнили ихъ мѣсто. Съ этого времени компаній для подобныхъ сооруженій, требовавшихъ правительственной субсидіи, появилось значительное количество, и конгрессъ, создавши разъ прецедентъ, не имѣлъ силы отказывать въ ней, хотя значеніе этихъ предпріятій для народа разнилось въ значительной степени. Такимъ образомъ, конгрессомъ было уступлено пяти штатамъ, прилежащимъ къ Великимъ Озерамъ, для проведенія каналовъ до 1866 г.—4.405,985 акровъ земли. Другія компаніи составились для проведенія обыкновенныхъ проѣзжихъ дорогъ и тоже требовали правитель-

ственной помощи; конгрессъ и имъ выдалъ 2.400,000 акровъ общественной земли.

Другой источникъ отчужденія земель состоялъ въ выдачѣ извѣстныхъ участковъ лицамъ, оказавшимъ странѣ военныя услуги. Какъ ни справедливо кажется съ перваго взгляда это вознагражденіе, но конгрессъ и здѣсь сдѣлалъ большую ошибку, вознаграждая солдатъ землями, а не деньгами, потому что это вознагражденіе не достигло своей цѣли. Большое количество земель было роздано лицамъ, участвовавшимъ въ мексиканскихъ войнахъ (1845 и 1848 гг.), но не эти лица ими воспользовались. Имѣя нужду въ деньгахъ и не имѣя особеннаго желанія поселиться гдѣ-либо въ глуши, солдаты начали предлагать эти земли за безцѣнокъ. Участки земель въ 40, 80, 120 акровъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ явились на рынокъ, какъ представители мнвовой цѣнности, много ниже своей номинальной цѣны, т. е. ниже чѣмъ $1\frac{1}{4}$ долларъ за акръ. Конечно, ловкіе люди не преминули этимъ воспользоваться, и скоро всѣ почти эти земли перешли въ руки маклеровъ, а затѣмъ капиталистовъ, и превратились въ монополію. Земель этихъ было немало. По отчету комиссіонера, управляющаго земельнымъ департаментомъ, въ распоряженіе этого департамента было отдано конгрессомъ 57.770,650 акровъ, и къ 1873 г. оставалось изъ этой суммы только 3.066,500 акр.; все же остальное количество, т. е. 54.704,150 акр., было роздано солдатамъ.

Въ 1862 году былъ изданъ Homestead Law, законъ, на основаніи котораго всякій дѣйствительный поселенецъ могъ получить отъ правительства участокъ земли не выше 160 акровъ за 14 долларовъ (сумма, необходимая на покрытіе расходовъ по департаменту), съ условіемъ, что такой поселенецъ долженъ, въ продолженіи 6 мѣсяцевъ, выстроить домъ на полученномъ участкѣ и въ продолженіи 2-хъ лѣтъ могъ владѣть этимъ участкомъ, но не имѣлъ права какимъ бы то ни было образомъ передавать его въ другія руки, и только по истеченіи 2-хъ лѣтъ получалъ полныя права отъ правительства на свой участокъ. Впослѣдствіи этотъ срокъ былъ продленъ на 5 лѣтъ. Тотъ же, кто не хотѣлъ подчиняться этимъ условіямъ, могъ купить этотъ участокъ по установленной цѣнѣ ($1\frac{1}{4}$ долл. за акръ). Этотъ законъ дѣйствительно оказалъ благотворное вліяніе въ тѣхъ штатахъ, гдѣ онъ былъ объявленъ. Это была самая разумная мѣра конгресса относительно общественныхъ владѣній, такъ какъ, благодаря этому закону, самый бѣдный рабочій, эмигрантъ, словомъ всякій, кто только хотѣлъ трудиться и работать на землѣ, могъ получить ее въ количествѣ, вполне достаточномъ для нуждъ одного семейства. Количество земель, отошедшее подъ вліяніемъ Homestead Law, равняется 5.419,878 акрамъ. Къ этому нужно прибавить 653,446 акр., пожалованныхъ правительствомъ тѣмъ штатамъ, которые обязались выстроить и поддерживать агрикультурныя и механическія колледжи.

Аппетитъ къ общественнымъ землямъ больше и больше разстался. Каждый штатъ, въ предѣлахъ котораго находились незанятая земля, старался захватить по возможности большее количество этихъ земель, чтобъ затѣмъ свободно располагать ими, такъ какъ имъ казалось, что конгрессъ слишкомъ дорожить и медлитъ раздачею ихъ. Парти политикановъ изобрѣтали всевозможные и невозможные планы внутреннихъ улучшеній въ штатахъ, чтобы только склонить конгрессъ къ уступкѣ, и политика эта велась не безъ успѣха. Отъ 1849 по 1860 годъ, подъ разными предлогами внутреннихъ улучшеній, было подарено американскимъ правительствомъ въ пользу нѣкоторыхъ штатовъ огромныя пространства земель, составляющихъ вмѣстѣ 62.576,792 акра или 97,776 кв. миль.

Уступки земель, разсмотрѣнныя нами до сихъ поръ, дѣлались федеральнымъ правительствомъ въ видахъ народныхъ цѣлей, по крайней мѣрѣ, онѣ выдавались за такія; хотя, собственно говоря, народъ оставался тутъ не причемъ (если не считать земель, уступленныхъ подъ вліяніемъ Homestead Law), и, въ концѣ концовъ, эти земли, оставшіяся въ рукахъ разныхъ компаній и капиталистовъ, составляли монополію. Но строгій республиканскій ригоризмъ конгресса въ отношеніи общественныхъ земель въ началѣ и сравнительно добросовѣстное отношеніе къ нимъ въ послѣдующее время, съ 1850 г., смѣняется беззаботнымъ разбрасываніемъ этихъ земель направо и налево и переходить, наконецъ, въ положительное ростовщичество. Факты, изложенные ниже, служатъ яснымъ доказательствомъ этого.

Страна быстро богатѣла. Продукты агрикультуры и промышленности стали навопляться въ такомъ громадномъ количествѣ, что обыкновенныя дороги и существующіе водные пути сообщенія были далеко недостаточны для ихъ перевозки. Въ сильнѣйшей степени это неудобство въ особенности ощущалось на Западѣ, странѣ, главнымъ образомъ земледѣльческой, производившей столько зерна всякаго рода (кукуруза, пшеница—главныя), что она могла не только покрыть требованія Америки, но имѣла постоянный избытокъ для вывоза за границу (въ Англію, во Францію). Чикаго уже въ то время славился, какъ главный хлѣбный рынокъ міра. Къ этому нужно прибавить то огромное количество скота, который находилъ неизмѣримыя и роскошныя пастбища на степяхъ (prairie) и въ лѣсахъ Запада. Но всѣ эти продукты, сырые и необработанные, занимая большой объемъ, требовали огромныхъ средствъ для перевозки. Чувствовалась поэтому сильная потребность въ путяхъ болѣе скорыхъ, болѣе дешевыхъ и вѣрныхъ. Начавшаяся постройка желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ и Америкѣ показала, какія выгоды онѣ могутъ доставить странѣ и что можно ожидать отъ ихъ распространенія—и американцы, со всѣмъ жаромъ энергіи молодого народа, принялись за ихъ постройку. Въ скоромъ времени, восточные штаты Америки покрылись сѣтью желѣзныхъ дорогъ; но запад-

ные штаты терпѣли, капиталы не спѣшили удалиться такъ далеко на Западъ, имъ было достаточно работы на Востоѣ. Тогда начали опять раздаваться голоса въ пользу правительственнаго вмѣшательства; стали проповѣдывать и развивать ту теорію, что правительство должно прямо и положительно заботиться о благѣ народномъ, а не только быть стражемъ и полицейскимъ, охраняющимъ націю и ея собственность отъ вѣннихъ и внутреннихъ враговъ; что правительство имѣетъ огромную нравственную силу и общественный кредитъ, данные ему народомъ; что, кромѣ того, правительство владѣетъ неизмѣримымъ пространствомъ *общественныхъ земель*, которыя могутъ и должны быть посвящены народному благосостоянію. Требования, однимъ словомъ, отъ правительства принять то направленіе во внутренней политикѣ, на которое сторонники невмѣшательства смотрятъ какъ на пагубныя ученія социалистовъ. Страна была возбуждена подъ вліяніемъ этого вопроса. Партія политикановъ разѣзжалась по штатамъ, собирали митинги, говорили рѣчи, убѣждали, спорили. Конгрессисты заявляли объ этомъ въ конгрессѣ и т. д. Народъ слушалъ и отчасти вѣрилъ. Но результатомъ всего этого движенія было то, что въ 1850 году конгрессъ вотировалъ билль, по которому частныя компаніи капиталистовъ могли требовать правительственной субсидіи въ видѣ общественныхъ земель для постройки желѣзныхъ дорогъ на Западѣ съ освобожденіемъ отъ платы податей на эти земли.

Тотъ, кто знаетъ послѣдствія этого билля, кто знаетъ всю гнетущую силу монополій компаній желѣзныхъ дорогъ, которыя правительство помогало развить эту монополію, и монополи земель, прямо созданныхъ этимъ узаконеніемъ — тотъ не можетъ не чувствовать острой боли обиды и несправедливости, сдѣланной конгрессомъ американскому народу! Но, съ другой стороны, тотъ, кто знаетъ исторію развитія внутренней политики федеральнаго правительства, кто знаетъ силу и вліяніе разныхъ партій политикановъ на народъ и законодательство, кто знаетъ всю глубь разврата общественной совѣсти правящихъ классовъ Америки въ послѣднее время, тотъ не станетъ много этому удивляться.

Около этого времени составилось двѣ компаніи, спѣшившія воспользоваться этой привилегіей, именно: Illinois Central и Mobile et Ohio. Первая компанія прѣктировала соединить озеро Мичиганъ съ рѣкою Миссисипи и построила желѣзную дорогу между г. Чикаго и Каиро, проходящую посредствѣ богатыхъ прерій штата Илинойса. Вдоль линіи этой дороги правительство отвело компаніи 2.595,000 акровъ земли. Успѣхъ этой дороги былъ необыкновенный. Прорѣзывая богатую отъ природы мѣстность, уже значительно населенную въ то время, соединяя, кромѣ того, два важнѣйшіе торговые пункта, компанія могла смѣло рассчитывать на значительную выручку. Земли, лежащія по этой дорогѣ, были быстро раскуплены и компанія получила 24.000,000

долларовъ, т. е. много болѣе, чѣмъ было затрачено на постройку и приведеніе въ движеніе желѣзной дороги, которая не стоила, стало быть, компаніи ни единого цента. Въ 1874 году эта же компанія имѣла 320,000 акровъ еще непроданной земли, цѣна на которую значительно возросла.

Компанія Mobile et Ohio предложила провести дорогу отъ рѣки Огайо въ Мексиканскому Заливу, соединяя такимъ образомъ два слѣдующіе важные пункта. Ей было даровано правительствомъ до 3.000,000 акр. Успѣхъ этихъ компаній вызвалъ необыкновенную агитацію. Компаніи росли, какъ грибы послѣ дождя; каждая спѣшила урвать кусокъ общественной земли. Это было, вѣроятно, самое горячее время желѣзно-дорожной лихорадки въ Америкѣ. Конгрессъ, въ продолженіи 20-ти лѣтъ, отъ 1850 по 1870 годъ, пожаловалъ разнымъ компаніямъ желѣзныхъ дорогъ въ организованныхъ штатахъ 54.677,000 акровъ земли или площадь, равную 85,417 кв. миль, т. е. почти равную Англии и Шотландіи вмѣстѣ взятымъ.

Но эти подарки, какъ ни громадны они кажутся сами по себѣ, ничтожны по сравненію съ тѣмъ, что было сдѣлано въ территорияхъ.

Калифорнія — страна золота, страна чудныхъ поэтическихъ картинъ природы. Калифорнія, съ своей богатой разнообразной почвой, съ своимъ великолѣпнымъ климатомъ — возбуждала воображеніе и манила къ себѣ многихъ; но доступъ къ ней былъ закрытъ. Не многіе рисковали пуститься въ путь черезъ страны дикія, обитаемыя враждебными племенами индійцевъ; кромѣ того, это стоило большихъ денегъ. Торговля съ Калифорніей и черезъ нее съ Азіей при посредствѣ прямого, быстро пути представляла значительныя выгоды. Интересъ общаго правительства сильно сознавался въ этомъ пути. Кромѣ интереса непосредственнаго сообщенія съ Калифорніей и другими штатами, расположенными на берегу Тихаго Океана, правительство обязано было разсылать почту во всѣ отдаленныя уголки территорій, гдѣ только были поселенія; правительство должно было выполнять свои обязательства по отношенію къ индійцамъ и слѣдить за ихъ движеніями; правительство нуждалось въ этомъ пути для перевозки войска, военныхъ снарядовъ и проч. въ томъ случаѣ, если обстоятельства этого требовали. Можно сказать поэтому, что проведеніе желѣзной дороги, соединяющей Атлантическій Океанъ съ Великимъ, было до нѣкоторой степени предпріятіемъ національнымъ и народъ высказывалъ свою симпатію этому предпріятію.

Допустимъ, что эта дорога была дѣйствительно необходима. Положимъ, что народъ, правительство, торговля и т. д. извлекали огромныя выгоды изъ этого пути, что проведеніе этой дороги открывало новыя страны для эмиграціи; но все это доказываетъ только то, что эта дорога необходимо должна была быть выстроена на средства націи для блага народа подъ кон-

тролею и управленіемъ федеральнаго правительства; что, давши возможность частнымъ компаніямъ захватить этотъ важный путь въ свои руки, правительство подчиняло интересы народа выгодамъ немногихъ капиталистовъ. Кромѣ всего этого, проведеніе этой дороги казалось въ то время такимъ геркулесовскимъ предприятиемъ, что оно было возможно только для правительства. Положимъ далѣе, что вопросъ о проведеніи желѣзной дороги между западными штатами и Калифорніей былъ возбужденъ въ то время, когда готова была разразиться междоусобная война между Сѣверомъ и Югомъ, и что правительство не имѣло ни времени, ни достаточно средствъ взыскать за это предприятие, что, стало быть, необходимо было уступить постройку дороги частнымъ компаніямъ. Но вопросы, которые касаются интересовъ нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ населенія, всегда имѣютъ свое время для разрѣшенія. Если правительство не могло построить эту дорогу въ то время, оно могло это сдѣлать по окончаніи войны. Это было бы даже очень кстати — направить возбужденныя чувства народа на проведеніе пути, связывающаго и скрѣпляющаго самыя отдаленныя штаты въ братскій союзъ.

Но конгрессъ рѣшилъ иначе это дѣло. Въ іюлѣ 1862 г. концессія для постройки дороги отъ рѣки Миссури до Тихаго Океана была дана двумъ компаніямъ, изъ которыхъ одна должна была начать съ Востока, другая отъ Калифорніи, и правительство пожаловало 12,000 акровъ за милю пути, что составляло болѣе 21.000,000 акр. за 1,900 миль главной линіи и 12.000,000 акр. побочнымъ и соединяющимъ линіямъ. Компаніямъ показало мало этихъ земель, и онѣ требовали въ добавокъ къ этому правительственнаго кредита. Какъ ни смѣло было это требованіе со стороны компаній, но конгрессъ и на это согласился и тогда же вотировалъ вышесказаннымъ компаніямъ субсидію въ 25,000 долл. за милю пути или почти 65.000,000 долл., въ видѣ бондовъ (bonds) Соединенныхъ Штатовъ, уплату процентовъ которыхъ правительство приняло на свой счетъ. Все дѣло постройки этой дороги въ высшей степени темное и запутанное; многіе члены конгресса прямо и невыгодно были замѣшаны въ него, и весь конгрессъ отгнѣненъ въ черную краску. Давая такія огромныя субсидіи компаніямъ для проведенія столь важнаго для всѣхъ пути, правительство не только сознавало страшную монополію немногихъ насчетъ всѣхъ, но прямо вводило народъ въ большія издержки. Это будетъ ясно видно изъ послѣдующаго изложенія. Вотирова субсидію вышесказаннымъ компаніямъ въ видѣ общественныхъ земель и правительственныхъ бондовъ, конгрессъ актомъ 1-го іюля 1862 г. постановилъ, что уплата долга компаніями правительству будетъ производиться: 1) половиною той суммы издержекъ, которую правительство будетъ должно платить компаніямъ за услуги, оказанныя дорогой правительству (почта, коммуникація съ индійцами, перевозка войска, военныхъ свародовъ и пр.) и 2) по крайней мѣрѣ, уплатой 5-ти процентовъ изъ

чистой ежегодной выручки дороги, за исключеніемъ всѣхъ издержекъ компаніи по содержанію дороги. И затѣмъ, въ 1898 г., (срокъ погашенія бондовъ) уплата баланса наличными деньгами или другими облигаціями Соединенныхъ Штатовъ.

Въ это же время выступаетъ на сцену знаменитая теорія «Credit Mobilier»¹. Благодаря этой системѣ, а, главнымъ образомъ, своимъ адвокатамъ въ конгрессѣ, компаніи убѣдили правительство дать дозволеніе выпустить акціи компаній на сумму, равную бондамъ правительства, которые послужили, такимъ образомъ, залогомъ для кредита компаній. Но проценты на этотъ кредитъ компаніи отказались уплачивать и отнесли его на счетъ бондовъ, т. е. правительства, заемъ котораго, сдѣланный въ пользу компаній, подлежалъ такимъ образомъ двойному проценту.

По отчетамъ министерства финансовъ, сумма, получаемая отъ компаній уплатой 5% отъ чистой ежегодной выручки дороги, и удерживаемая министерствомъ половина суммы издержекъ правительства за услуги компаній не только не уплачиваютъ займа, сдѣланнаго правительствомъ для компаній, но далеко недостаточны для уплаты процентовъ, платимыхъ правительствомъ въ пользу компаній; министерство должно поэтому доплачивать ежегодно значительную сумму денегъ изъ народнаго казначейства. Долгъ компаній правительству накапливается все болѣе и болѣе, и если компаніи будутъ продолжать ту же политику по отношенію правительства, какую онѣ поддерживали до сихъ поръ, то въ 1898 г. (срокъ уплаты займа) этотъ долгъ будетъ представлять 180.945,833 долл.—сумму, далеко выше той, которая была истрачена на постройку всей дороги.

Вотъ, между прочимъ, таблица разчета министерствомъ финансовъ займа, сдѣланнаго въ пользу компаній, и сумма двойныхъ процентовъ, платимыхъ правительствомъ на этотъ заемъ:

Названіе компаній.	Залогъ, сдѣлан. прав. въ пользу компаній.	Сумма процен- товъ въ 1898 г.	Заемъ и про- центы въ 1898 г.
Central Pacific. . . .	27.855,680	50.140,224	77.995,904
Union Pacific.	27.236,512	49.025,721	76.262,233
Kansas Pacific.	6.803,000	11.345,400	17.648,400
Central Branch			
Union Pacific.	1.600,000	2.880,000	4.480,000
Sioux City & Pacific.	1.628,320	2.980,976	4.559,296

Всего 64.623,512 116.322,321 180.945,833

Какъ краснорѣчивы эти цифры и какъ многое говорятъ онѣ! Онѣ показываютъ, что правительство выстроило желѣзную дорогу для эксплуатаціи народа компаніями, занимая деньги на кредитъ націи и заставляя народъ платить подати для уплаты процентовъ на этотъ заемъ въ продолженіи тридцати лѣтъ, и вдо-

¹ Система эта, получившая свое происхожденіе во Франціи и развитая въ особенности при Наполеонѣ III, появилась въ Америкѣ сравнительно въ недавнее время, но пустила свои ядовитые корни глубоко и широко.

бавою, за все это конгрессъ подарилъ компаниямъ 32.065,116 акровъ земли изъ общественныхъ владѣній.

По отчетамъ компаний дорогъ, чистая ихъ выручка, за исключеніемъ всѣхъ издержекъ по содержанію дорогъ въ 1871 году, равнялась 9.000,000 долл.

Но какъ-бы то ни было, правительственная субсидія дана, и постройка желѣзной дороги началась. По случаю начавшейся тогда войны Сѣвера съ Югомъ, восточная часть дороги отъ рѣки Миссури была отложена на нѣкоторое время. Калифорнская же компания приступила къ дѣлу, какъ скоро получила концессию, и въ 1864 г. прорѣзала Скалистыя Горы на протяженіи 33 миль; это было самое трудное мѣсто на всемъ пути. По окончаніи войны, обѣ компании принялись съ жаромъ за постройку дороги. Было законтрактовано 10,000 китайцевъ для работъ на этой дорогѣ, такъ какъ они работали за половинную цѣну и даже ниже. необыкновенная дѣятельность продолжалась четыре года, и въ 1869 г. дорога была окончена, за семь лѣтъ раньше опредѣленнаго срока по концессіи. И такъ, мечта народа сбылась. Одна непрерывная линія желѣзнаго пути на протяженіи 2,000 миль соединяла два океана, омывающіе противоположные берега его обширной родины; локомотивъ, вышедшій изъ Нью-Йорка, черезъ семь дней достигалъ Сан-Франциско. Но мечта эта слишкомъ дорого обошлась ему, и мы уже знаемъ, что въ то время, когда вколачивался послѣдній гвоздь, скрѣпляющій рельсы этого гигантскаго пути, народъ терялъ массу земли, денегъ и былъ заставленъ подчиниться монополіи на неопредѣленное время.

По окончаніи этой дороги послѣдовали другія спекуляціи, появились новыя компании, требовавшія правительственной помощи для созданія монополій. Предложено было прозекъ компании провести новый путь въ Тихому Океану на 6 градусовъ сѣвернѣе центральной дороги, вдоль 48 параллели. Очевидно, была разница между первой дорогой и предложенной. Та была дѣйствительно нужна для правительства и народа, между тѣмъ, какъ послѣдняя была чисто частнымъ предпріятіемъ немногихъ капиталистовъ, стремившихся въ явной эксплуатаціи. Поэтому въ денежной помощи ей было отказано, но за то было предложено двойное количество земли за милію пути противъ первой компании, т. е. 25,500 акр., что составляло всего—47.000,000 акр. или 73,440 кв. миль.

За этой компаніей послѣдовала третья, предложившая построить желѣзную дорогу отъ юго-западнаго угла рѣки Миссури къ Сан-Франциско, вдоль 35 параллели. Этой компаніи было пожаловано такимъ же образомъ—48.000,000 акровъ.

Четвертая компания проектировала провести линію желѣзной дороги отъ рѣки Миссисипи черезъ Тексасъ и Новую Мексику къ берегу Тихаго Океана, вдоль 32 параллели. По завоеваніи Тексаса отъ Мексики, всѣ земли этого штата были оставлены въ распоряженіи правительства штата, которое могло распола-

гать ими какъ хотѣло, и тексаскій конгрессъ подарилъ компаніи 30.000,000 акр. незанятой земли въ предѣлахъ своего штата и, кромѣ этого, компанія получила 21.000,000 акр. отъ конгресса Соединенныхъ Штатовъ.

Ни одна изъ этихъ трехъ послѣднихъ дорогъ не была окончена по причинѣ банкротства компаній, которыя не выполнили такимъ образомъ своихъ обязательствъ, выставленныхъ въ контрактахъ при договорѣ съ правительствомъ; изъ земли (въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не было положено рельсовъ) поѣтому подлежали конфискаціи, но конгрессъ продлилъ срокъ этихъ контрактовъ.

Интересно будетъ свести общій итогъ всѣмъ этимъ подаркамъ общественныхъ земель, рожденныхъ конгрессомъ разными компаніямъ желѣзныхъ дорогъ къ Тихому Океану. Слѣдующая таблица изображаетъ все вышесказанное кратко, но ясно:

Центральный путь	{ Главная линия.....	20.065,116	} 32.065,116 акровъ.
42 параллель	{ Побочн. и соединяющ. лин.	12.000,000	
Сѣверный путь	{ Northern Pacific &		} 47.000,000 акровъ.
48 параллель	{ Portland Branch ..	47.000,000	
Юго-западн. путь	{ Atlantic & Pacific до р. Колорадо ..	42.000,000	} 48.000,000
35 параллель	{ Southern Pacific къ Калифорніи	6.000,000	
Южный путь	{ Texas & Pacific до р. Колорадо	18.000 000	} 21.520,000
32 параллель	{ Southern Pacific къ Калифорніи	3.520,000	
Всего для постройки дорогъ къ Тихому Океану.....			148.585,166 акровъ.

Къ этому нужно прибавить пожалованныя земли въ Штатахъ Айовѣ, Калифорніи и Орегонѣ разнымъ колоніямъ соединительныхъ линий—10.839,600 акровъ. Комиссіонеръ земельного департамента, въ своемъ отчетѣ объ отчужденіи общественныхъ земель въ территоріи и въ трехъ вышеназванныхъ штатахъ, приводитъ сумму въ 150,281,000 акр. на томъ основаніи, что нѣкоторыя земли были заняты прежде, чѣмъ были уступлены компаніямъ, послѣднія поѣтому не имѣютъ права считать эти земли своими; во всякомъ случаѣ, цифра эта скорѣй ниже настоящей, чѣмъ выше.

Цифры сами по себѣ—мертвые знаки; только человѣческое воображеніе воплощаетъ ихъ въ живые образы и рисуетъ грандіозныя картины дѣйствительности. А картина дѣйствительно грандіозна; 150,281,000 акровъ земли представляютъ площадь, равную 234,642 кв. милямъ, т. е. болѣе, чѣмъ Франція, Бельгія и Голландія вмѣстѣ взятыя. Въ это число земель еще не было включено—30.000,000 акр. или 47,875 кв. миль, подаренныхъ Тексасомъ.

Суммируя всѣ растраты общественныхъ земель, сдѣланныхъ американскимъ конгрессомъ подъ видомъ разныхъ внутреннихъ улучшеній въ пользу компаній каналовъ, желѣзныхъ и общественныхъ дорогъ, уступокъ отдѣльными штатами, лицамъ, оказавшимъ важныя услуги странѣ, и земель для построенія колледжей, мы получаемъ цифру равную—329.688,374 акрамъ или—515,138 кв. миль, т. е. около $\frac{1}{6}$ части всего пространства, занимаемаго Соединенными Штатами (не считая Аляски) и, въ-

роятно, равной $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ по цѣнности въ отношеніи всего завѣщаннаго наслѣдства американскаго народа. Агенты компаній, разсылаемые для обозрѣнія мѣстностей, въ которыхъ предполагалось проводить линіи желѣзныхъ дорогъ, выбирали, конечно, не самыя худшія земли, а наиболѣе привлекательныя, наиболѣе выгодныя для поселенія, и теперь можно положительно утверждать, что большая часть лучшихъ земель ушла въ руки компаній или отдѣльныхъ капиталистовъ, купившихъ эти земли по самой ничтожной цѣнѣ у разорившихся компаній желѣзныхъ дорогъ.

Если мы прослѣдимъ теперь тѣ послѣдствія, къ которымъ привела такая политика конгресса, то мы ясно увидимъ все зло, причиненное федеральнымъ правительствомъ американскому народу.

1) Прежде всего, конгрессъ не имѣлъ даже права тратить такимъ беззаботнымъ образомъ народное имущество. Не все ли равно—дарить деньги или земли въ пользу того или другого предпріятія? Если конгрессъ дѣйствительно сознавалъ, что то или другое сооруженіе необходимо для блага народа, пріямая его обязанность была принять это сооруженіе на свой счетъ и исполнить его на средства націи, какъ это дѣлается, напримѣръ, по отношенію морскихъ маяковъ, углубленія гаваней, расчистка рѣкъ, разсылка почты и проч.

2) Раздавая общественныя земли частнымъ компаніямъ, конгрессъ причинилъ народу экономическое зло. Народъ не только утрачивалъ навсегда эти земли, но эта самая утрата создавала страшную монополію немногихъ на счетъ всѣхъ. Обанкротившіяся компаніи, не имѣя средствъ продолжать начатыя ими дороги, принуждены были продавать свои земли за самую ничтожную плату. Этимъ способомъ много земель равныхъ компаній перешли въ руки отдѣльныхъ капиталистовъ, которые не съѣзжать сбыть эти земли по дешевой цѣнѣ и, конечно, въ скоромъ будущемъ получать груды золота.

Далѣе, помогая частнымъ компаніямъ землями и деньгами, правительство тѣмъ самымъ помогало развитію той ужасной горячки въ построеніи желѣзныхъ дорогъ, которая особенно усилилась въ это время въ Америкѣ. Правда, поцѣмъ вліянію этой горячки, Америка настроила массу дорогъ, равную почти всему количеству желѣзныхъ дорогъ, построенныхъ въ цѣлой Европѣ¹. Но общее сознаніе теперь то, что въ Америкѣ слишкомъ много желѣзныхъ дорогъ, что, какъ ни велика дѣятельность страны, но многимъ дорогамъ рѣшительно нѣчего дѣлать: что многія, вѣроятно, будутъ брошены, такъ какъ выручка съ этихъ дорогъ не покрываетъ расходовъ на ихъ содержаніе. Ре-

¹ Въ апрѣлѣ 1876 г. всѣхъ дорогъ въ операціи въ Америкѣ было 74,183 милн или 40 $\frac{1}{2}$ % всѣхъ желѣзныхъ дорогъ міра—183,249 милн. Въ Европѣ въ то же время считалось 88,745 милн или 48 $\frac{1}{2}$ %.

зультатомъ чрезмѣрной желѣзнодорожной дѣятельности было то, что многіе капиталы страны были отвлечены отъ полезныхъ предпріятій для страны и помѣщены въ такія предпріятія, которыя развѣшались въ банкротства. Мы уже знаемъ, что три громадныя дороги къ Тихому Океану не были окончены; много другихъ меньшихъ дорогъ постигла таже участь. Тысячамъ рабочихъ, работавшимъ на этихъ и другихъ дорогахъ, не были заплачены деньги за работу; они разносили по странѣ сомнѣніе и недоувѣріе на счетъ общаго положенія дѣлъ. Можно полагать поэтому, что эта дѣятельность, несоразмѣрная съ дѣйствительными нуждами страны, была весьма важнымъ элементомъ нынѣшняго безпримѣрнаго въ Америкѣ кризиса.

Нѣкоторые полагали, что такое огромное количество желѣзныхъ дорогъ вызоветъ конкуренцію между ними и что, стало быть, средства перевозки будутъ очень дешевы—и, однакоже, вышло напротивъ. Конкуренція превратилась съ 1869 года въ комбинацію, т. е. опять таки въ монополію, которая гнететъ и давитъ народъ до послѣдней степени и отъ которой въ особенности страдаетъ фермеръ¹. Отъ послѣдняго требовали часто до того высокой платы за перевозку его зерна, что на долю фермера приходилось 10 и 8 центовъ за бушель кукурузы, и онъ находилъ выгоднѣе смечь свою кукурузу въ печь, чѣмъ отсылать ее на рынокъ².

Дѣло въ томъ, что въ Америкѣ, какъ и вездѣ, вѣроятно, опредѣлилось нѣсколько важныхъ торговыхъ или промышленныхъ центровъ, что желѣзныя дороги, идущія непосредственно между этими центрами, имѣя постоянно массу работы и находясь въ рукахъ богатыхъ компаній, поглощаютъ всѣ другія боковыя линіи. Иногда, впрочемъ, этому поглощенію предшествуетъ битва, но она всегда оканчивается въ пользу сильнѣйшаго противника, т. е. главныхъ линій, компаніи которыхъ, оставшись побѣдителями въ этой неровной борьбѣ, предпринимаютъ цѣны за транспортъ и черезъ это управляютъ рынкомъ. По расчетамъ автора «Исторіи фермерскаго движенія» въ 1878 г., всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ (Америкѣ) Соединенныхъ Штатахъ было 70,178 миль.

Сумма, затраченная на ихъ постройку, объявленная самими компаніями желѣзныхъ дорогъ 3.436,638,749 долл.

Кромѣ этой громадной цифры было на рынкѣ бондовъ разныхъ компаній желѣзныхъ дорогъ, какъ прибавочная сумма, обязанная своимъ происхожденіемъ системѣ «Credit Mobilier» 2.800,000,000 »

Всего. 6,236,638,749 долл.

¹ Такъ называемое фермерское движеніе было возбуждено главнымъ образомъ подъ влияніемъ и давленіемъ монополій желѣзныхъ дорогъ.

² A History of the Farmer Movements. Jonathan Priam.

По оцѣнкѣ, данной компаниями за мило пути, приходится такимъ образомъ	88,872 долл.
Но по оцѣнкамъ, представленнымъ инженерами разныхъ желѣзныхъ дорогъ, выходитъ за мило пути	35,000 »
Всего. 2.456,230,000 долл.	

Стало быть, бондовъ сверхъ дѣйствительной стоимости постройки желѣзныхъ дорогъ, остается на 3.780,408,747 долл.

Изъ всей этой громадной суммы бондовъ, существующихъ на рынкѣ, Корнелій Вандербильтъ (Cornelius Vanderbilt), владѣтель Нью-Йорской центральной дороги, и Скоттъ (Scott), владѣтель пенсильванской дороги, представляютъ около 1.400,000,000 долларовъ; сравнительно небольшое число людей представляютъ всю остальную сумму. «И эти люди заправляютъ рыночными цѣнами продажи», говоритъ авторъ «Исторіи фермерскаго движенія»:—однимъ почеркомъ пера въ своемъ кабинетѣ при помощи телеграфной проволоки, они повелѣваютъ что фермеръ долженъ получить за свои продукты, заставляя управителей дорогъ наложить 5 или 10 центовъ тарифа на бушель. Богатство даетъ имъ власть орудовать правительствомъ штатовъ и конгрессомъ».

Всѣ эти факты какъ нельзя болѣе подтверждаютъ пророчество Кэри (H. Carey), высказанное имъ въ «Соціальной Наукѣ» въ 1858 г. «Компанія желѣзныхъ дорогъ уже теперь контролируютъ законодательствомъ многихъ штатовъ, но день для всеобщей комбинаціи еще не пришелъ; но существуетъ много очевидныхъ явленій его приближенія. Когда же этотъ день наступитъ, это будетъ новое доказательство въ подтвержденіе того факта, что изъ всѣхъ правительствъ—самое гнетущее и подавляющее есть правительство людей, заправляющихъ средствами транспортаціи». Что компанія желѣзныхъ дорогъ, дѣйствительно, имѣютъ сильное вліяніе на законодательство разныхъ штатовъ—этому существуетъ много доказательствъ. Всѣмъ извѣстный фактъ, что компанія желѣзной дороги Эріе (Erie) истратила полтора милліона долларовъ на подкупы законодателей и правительства Нью-Йорскаго штата, чтобы только нейтрализовать баллотировку предложеній, направленныхъ противъ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Что такіе желѣзнодорожные спекуляторы, какъ Вандербильтъ¹, Фискъ, Скоттъ, Дрю и пр. уже давно смотрѣли на представителей законодательства и судопроизводства въ Нью-Йорскомъ штатѣ, какъ на свои орудія. Штаты Пенсильванія, Нью-Джерси, Мэрилендъ и нѣкоторые южные штаты были орудіями въ рукахъ другихъ компаній желѣзныхъ дорогъ. Нечего удивляться поэтому, что билль, дарившій компаниямъ

¹ Корнелій Вандербильтъ считается самымъ богатымъ человекомъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Богатство его далеко превосходитъ богатство недавно умершаго Стюарта и оцѣнивается болѣе, чѣмъ въ 100.000.000 долларовъ.

центральной дороги земли, предлагавшій народный кредитъ и «Credit Mobilier» съ уплатой всѣхъ процентовъ на счетъ правительства, могъ пройти безъ большой оппозиціи въ конгрессъ; онъ былъ давно обезнеченъ.

3) Конгрессъ, жалую общественныя земли частнымъ компаниямъ, нанесъ нравственное зло американскому народу. Компанія, начавши постройку желѣзныхъ дорогъ, но не имѣя достаточно средствъ ихъ окончить, прибѣгали къ продажѣ своихъ земель. Нужно познать въ Америкѣ, чтобы опѣнить весь развратъ этого процесса. Тутъ допускаются всевозможныя средства—хитрость, обманъ, ложь, самое безсовѣстное надувательство, если это ведетъ къ цѣли. Нужно видѣть ту массу агентовъ, памфлетовъ, рекламъ, прокламацій и пр., и пр., чтобы знать, какія сѣти разставлены для бѣдныхъ жертвъ этой наглой эксплуатаціи. Эмиграція, конечно, доставляетъ наибольшій процентъ жертвъ этой эксплуатаціи¹. Агентовъ этихъ компаній довольно шатается по Европѣ, которые еще тамъ стараются загнать побольше такихъ жертвъ въ свои гнусныя сѣти, предлагая самыя заманчивыя условія и обѣщанія.

Такова судьба общественныхъ земель, въ Соединенныхъ Штатахъ, и таковы послѣдствія раздачи. Въ дѣйствительности эти послѣдствія, вѣроятно, гораздо зловреднѣе, чѣмъ я съумѣлъ ихъ представить въ этой статьѣ. Поднялась, было, оппозиція со стороны доброжелателей народа и самаго народа, и эта оппозиція казалась въ одно время даже довольно сильною, по крайней мѣрѣ, шумною; но на дѣлѣ оказалась очень слабою, нестрашною; кромѣ громовыхъ рѣчей и пустыхъ угрозъ ничего не произвела путнаго. Оказалось, что монополіи земель, созданныя правительствомъ, и монополіи желѣзныхъ дорогъ, образованію которыхъ конгрессъ съ своей стороны такъ усердно помогать, слишкомъ сильны, слишкомъ глубоко запустили свои плотоядные когти въ тѣло народа, чтобы выпустить свою жертву при такомъ слабомъ сопротивленіи.

В. 3.

¹ Наши нѣмецкіе колонисты—менониты, эмигрировавшіе въ штаты Миннесоту и Небраску, были надуты на 40,000 долл. самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Агенты компаній продали имъ земли, не принадлежавшія имъ.

ЕЩЕ О ССУДО-СВЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССѢ ДЛЯ ЛИТЕРАТОРОВЪ.

Надняхъ приходитъ ко мнѣ одинъ мой пріятель N и суесть мнѣ № 69 «Нашего Вѣка», указывая на одно извѣстіе съ словами: «на, читай и порадуйся».

Я прочиталъ слѣдующее: «образование ссудосберегательной кассы при обществѣ литературнаго фонда возбуждало большія надежды на привлеченіе въ общество литературнаго элемента и на расширеніе самой его дѣятельности. Засѣданія фонда, въ которыхъ обсуждался проектъ кассы, сопровождались всегда оживленными преніями и находили откликъ въ періодической печати. Самый проектъ кассы обратилъ на себя серьезное вниманіе прессы. «Отечественныя Записки» посвятили даже проекту особую статью. Все это давало право надѣяться, что общее собраніе членовъ фонда, назначенное на 5 мая спеціально для обсужденія проекта кассы, будетъ весьма интересно и привлечетъ большое число членовъ, по преимуществу изъ литературнаго міра, тѣмъ болѣе, что 2 или 3 мая помѣщено было въ «Новомъ Времени» письмо съ напоминаніемъ о днѣ собранія фонда и съ предложеніемъ передать проектъ кассы исключительно на обсужденіе представителей литературы, хоть бы нѣкоторые изъ нихъ и не были членами общества. Но каково было наше удивленіе, когда мы пришли въ общее собраніе и увидали 6 членовъ комитета и 3 члена въ обществѣ—всего 9 человѣкъ. Разумѣется, собраніе не состоялось, какъ, вѣроятно, не состоится и ссудосберегательная касса, если литераторы будутъ также относиться къ своему дѣлу».

Прочитавъ это извѣстіе, я спросилъ: «чему жъ тутъ радоваться?» — «Какъ чему радоваться? отвѣчалъ N.—Тебѣ-то чему радоваться? Вѣдь ты желалъ, чтобы собраніе не состоялось; вотъ оно не состоялось. Отчего-жъ оно не состоялось?»—«Почемъ я

знаю, отчего оно не состоялось, отвѣчалъ я. Я думаю, впрочемъ, что не состоялось оно оттого, что лица, заинтересованныя въ основаніи кассы для литераторовъ, литераторы, вовсе не состоятъ членами общества литературнаго фонда. Въ этомъ обществѣ литераторовъ всего два съ половиною человѣка, да и то такихъ, которые въ ссудосберегательной литературной кассѣ никогда нуждаться не будутъ, а члены общества литературнаго фонда не-литераторы понимаютъ, что имъ на собраніи для обсужденія проектируемой ссудосберегательной кассы для литераторовъ вовсе быть не зачѣмъ. Не зная дѣла, они могутъ только согласиться на предложенный имъ проектъ устава и потому не предпринимая могутъ утвердить такой уставъ, который вовсе не пригоденъ для литераторовъ». — «Ну, такъ я и зналъ, что ты виноватъ. Ты говоришь почти такъ же, какъ напечатано и въ заявленіи «Новаго Времени»; навѣрное, ты его написалъ, оттого и не состоялось собраніе». — «Что за вздоръ ты говоришь? — замѣтилъ я. — Никакого заявленія въ «Новомъ Времени» не дѣлалъ, и не читалъ. Какое такое ты тамъ нашелъ заявленіе. — «А вотъ послушай, что заявляетъ здѣсь нѣкій литераторъ», сказалъ N и началъ читать:

«Проектируемая ссудо-сберегательная касса назначается исключительно для литераторовъ. Ни одинъ членъ общества литературнаго фонда, если онъ самъ — не литераторъ, не имѣть права ни быть членомъ этой кассы, ни получать изъ нея ссуды и т. п. А, разъ не-литераторы не будутъ участвовать съ ссудосберегательной кассѣ, имъ и въ обсужденіи устава этой кассы участвовать нѣтъ никакого резона, ни даже powodu. Ибо, не будучи литераторами, они не знаютъ ни положенія, ни нужды, ни вообще быта литературнаго персонала, а, слѣдовательно, не могутъ имѣть никакого понятія о томъ, какъ лучше уставъ кассы приспособить къ потребностямъ литературнаго быта. — А, такъ какъ въ обществѣ литературнаго фонда членами состоятъ по преимуществу не-литераторы и такъ какъ даже незначительная часть литераторовъ, въ немъ участвующихъ, принадлежитъ къ верхнимъ слоямъ литературы и имѣютъ самое темное представленіе о среднихъ и низшихъ слояхъ ея, которые, между тѣмъ, и будутъ болѣе всего нуждаться въ пособіи проектируемой кассы, то, очевидно, что общество литературнаго фонда не можетъ имѣть никакой компетентности въ обсужденіи устава ссудо-сберегательной кассы для литераторовъ».

«Ну, какъ же это не ты писалъ? обратился снова ко мнѣ N: — навѣрное, ты. Ты точно также думаешь?» — «Конечно, также думаю, потому что все, что прочиталъ, совершенно правильно и иначе думать нельзя». — «Какъ же правильно! Почему правильно? горячился N. — Почему же комитетъ и общество литературнаго фонда не могутъ составлять устава для литераторовъ? Почему должны дѣлать это непременно сами литераторы? Вѣдь

есть же и нормальные уставы для ссудо-сберегательныхъ кассъ, которые составляются, очевидно, не тѣми, кто основываетъ для себя кассы; потомъ, есть же люди, которые сами и не умѣли бы составить для себя устава». — «Ну, которые не умѣютъ для себя составить устава кассы, отвѣчалъ я: — тѣ и пусть берутъ нормальные уставы въ томъ видѣ, въ какомъ они есть, безъ всякихъ приспособленій, или просятъ другихъ, наиболѣе грамотныхъ приспособить ихъ для себя. А вѣдь литераторы — не безграмотные люди и могутъ сами для себя составить уставъ кассы несравненно лучше, чѣмъ кто-нибудь, и нельзя никакъ за нихъ, безъ ихъ спросу, точно за неграмотныхъ, составлять уставы и представлять ихъ на утвержденіе». — «Да вѣдь нигдѣ же не дѣйствуютъ всѣ, а дѣйствуютъ только избранные, представители; такъ дѣло ведется и во всѣхъ земствахъ, и въ городскомъ самоуправленіи, и во всѣхъ конституціяхъ. Вездѣ дѣйствуютъ не всѣ, а только избранные и приставленные къ дѣлу представители». — «Ну, да вѣдь представителя извѣстнаго общества, сословія, страны — во-первыхъ, люди, избранные этимъ самымъ обществомъ, а во-вторыхъ, они имѣютъ полномочіе дѣлать только тѣ дѣла, для веденія которыхъ они избраны. Но и члены комитета общества литературнаго фонда, и члены самого этого общества избираются отнюдь не литераторами; кромѣ того, въ уставѣ литературнаго фонда нѣтъ ни одного параграфа, который бы не только налагалъ на членовъ комитета общества литературнаго фонда, или членовъ этого общества обязанность заниматься составленіемъ устава ссудо-сберегательныхъ кассъ, но даже давалъ право на это; слѣдовательно, они берутъ на себя такія полномочія, которыхъ имъ не даютъ ни ихъ избраніе, ни ихъ уставъ. Члены комитета, какъ чистые добровольцы въ дѣлѣ составленія проекта устава, должны бы были понимать, что они не имѣютъ права приступать даже къ составленію первоначальнаго проекта устава кассы, не испросивши на это дозволенія у литераторовъ, тѣмъ болѣе не имѣютъ никакого права на его окончательную разработку и обсужденіе». — «Да что это такое — все спрашиваться и спрашиваться! горячился, чуть не выходя изъ себя, Н. — На каждое дѣло, каждый разъ все спрашиваться. Это надоѣсть, наконецъ, и членамъ комитета. Вѣдь дѣлаетъ же разъ избранный Мак-Магонъ, безъ всякаго спроса, и такія дѣла, на которыя вовсе его не избирали и на которыя не имѣетъ никакого права по своему уставу».

Я засмѣялся. — «Такъ ты хочешь, спросилъ я: — чтобы у насъ въ литературномъ обществѣ процвѣтала такъ же Мак-Магонія?» — «Да нѣтъ, я не то. Чтѣ ты, въ самомъ дѣлѣ, придираешься къ словамъ! Ну, скажи: какъ же быть иначе?.. Вотъ ты пишешь тутъ»... «Да ничего я не пишу ни тутъ, ни въ другомъ мѣстѣ»... — «Ну, да это все равно; я принимаю заявленіе въ «Новомъ Времени» за твое и говорить такъ буду. Пишешь ты, чтобы собраны были всѣ литераторы и чтобы имъ поручена была разработ-

ка устава ссудо-сберегательной кассы для литераторовъ. Какъ же это такъ! Вѣдь ты знаешь, что у насъ всякія подобныя собранія воспрещены?»—«Что за вздоръ ты говоришь, отвѣчалъ я ему:— у насъ, какъ и во всякомъ благоустроенномъ государствѣ, воспрещаются только собранія противузаконныя или какія-нибудь подозрительныя, о которыхъ предполагается, что они имѣютъ, какія-нибудь тайныя, стороннія цѣли, а не тѣ, для которыхъ учреждаются? Кто же будетъ запрещать литераторамъ собираться для выработки устава ссудо-сберегательной кассы? Только должныя подлежащему начальству, и тебѣ позволять вести засѣданія хоть цѣлый годъ. А впрочемъ, еслибы такія большія собранія, какъ собраніе всѣхъ литераторовъ, и признаны были по чему-нибудь неудобными, то можно сдѣлать тоже дѣло другимъ порядкомъ, какъ мнѣ говорилъ одинъ изъ членовъ же комитета. Могутъ сотрудники каждой газеты или журнала избрать изъ своей среды двухъ или трехъ учредителей ссудо-сберегательной кассы; это собраніе учредителей, избранныхъ сотрудниками всѣхъ газетъ и журналовъ, сообща выработаетъ уставъ ссудо-сберегательной кассы, потомъ вмѣстѣ съ комитетомъ общества литературнаго фонда обсудитъ его и исправитъ въ тѣхъ пунктахъ, которые могли бы парализировать взаимную дѣятельность этихъ двухъ учреждений, затѣмъ этотъ уставъ и можетъ быть представленъ комитетомъ на утвержденіе подлежащаго начальства».

«Положимъ, началъ N:—что все это и такъ; но я все-таки не понимаю, изъ чего ты бьешься и хлопчешь?»—«Не понимаешь?—Ну, такъ слушай, внимательно: я тебѣ скажу—изъ чего».

Первое. Какую бы газету, какой бы журналъ ты въ руки ни взялъ, ты увидишь, что у насъ теперь всѣ и все кричатъ противъ несправедливостей и притѣсненій, которые дѣлаютъ турки находящимся подъ ихъ игомъ славянамъ, въ особенности болгарамъ; всѣ требуютъ освобожденія послѣднихъ изъ подъ турецкаго ига. Точно также общее негодованіе какъ всѣхъ нашихъ газетъ, такъ и всего общества, вызвали недавнія, незаконныя антиконституціонныя мѣры, принятыя маршаломъ Мак-Магономъ относительно Франціи, хотя нарушеніе правъ здѣсь имѣетъ совершенно другія формы, не имѣющія ничего похотимаго на то, что совершается въ Турціи. Но мы чутки ко всякаго рода правонарушеніямъ, не только въ чужихъ странахъ, но и дома. Каждое злоупотребленіе правъ и власти, въ земствѣ ли, городскомъ ли самоуправленіи, въ администраціи ли, всегда вызываетъ громкій протестъ и въ обществѣ, и въ печати, если только для послѣдней протестъ этотъ не преграждается цензурными условіями. Это, несомнѣнно—хорошая черта нашихъ правъ и дѣлаетъ великую честь и нашему обществу, и печати. Но, при этомъ, вотъ что знаменательно: мы, горячіе обличители всякаго рода правонарушеній, несправедливостей, притѣсненій, какъ только попадаетъ въ наши руки малая толпа какой бы то

ни было власти, сейчас же забываемъ и мѣру нашихъ полномочій, и мѣру правъ другихъ, и начинаемъ дѣйствовать какъ намъ вздумается, т. е. дѣлать то же самое, что мы обличали въ другихъ и противъ чего кричали. Это тоже несомнѣнная черта нашихъ нравовъ, и проявляющаяся не то, что изрѣдка, спорадически, а, напротивъ, почти что общая. Каждый, кому доставится захватить кусочекъ какой-нибудь власти, дѣлается непремѣнно въ своемъ родѣ Мак-Магончикомъ. Какъ бы онъ неправильно ни поступалъ, никакихъ возраженій слушать не хочетъ. Напротивъ, тѣмъ резоннѣе вы ему возражаете, тѣмъ онъ съ большимъ упорствомъ дѣлаетъ наперекоръ, полагая, что всякая уступка съ его стороны была бы принижениемъ его власти и что достоинство власти въ томъ и состоитъ, чтобы, несмотря ни на какіе резоны, поставить на своемъ, сдѣлать что захотѣлъ, дабы всѣ видѣли, что мы—сила. Эта рѣзкая черта нашихъ нравовъ и дѣлаетъ то, что самыя наши самоуправленія зачастую превращаются въ самоуправства.

Эта же самая черта—я не скажу самоуправства: это было бы слишкомъ жестко для даннаго случая, а черта очень малаго вниманія и даже, можно сказать, отсутствія вниманія къ правамъ другихъ обнаруживается во всѣхъ дѣйствіяхъ комитета общества литературнаго фонда при составленіи проекта устава ссудо-сберегательной кассы.

Во-первыхъ, комитетъ взялся за составленіе этого проекта безъ всякаго права, такъ какъ у литераторовъ онъ позволенія не просилъ, а общее собраніе литературнаго фонда, хотя и дало ему на это разрѣшеніе, но дало, не имѣя никакого законнаго на такое разрѣшеніе права.

Положимъ, противъ таковаго начинанія, какъ дѣла очень хорошаго и желательнаго, никто изъ литераторовъ не возражалъ, слѣдовательно, *tacito modo* инициатива за комитетомъ въ этомъ дѣлѣ какъ будто была признана. Но когда стало извѣстно, что комитетъ составленіе проекта устава поручилъ лицамъ почтеннымъ, но съ бытомъ литераторовъ незнакомымъ, въ «Отч. Зап.» было замѣчено, что комитетъ распорядился несовсѣмъ удобно, что, когда будутъ разсматривать проектъ устава и приспособлять его къ потребностямъ литературнаго быта, придется произвести въ немъ очень существенныя перемѣны. Предполагалось, конечно, что проектъ устава, по составленіи, поступитъ на разсмотрѣніе литераторовъ.

Такъ, новидимому, сначала дѣло и пошло. Нанечатавъ составленный проектъ, комитетъ общества литературнаго фонда разслалъ его во всѣ редакціи, съ просьбою сдѣлать на него замѣчанія и доставить ихъ комитету. Какъ я слышалъ, нѣсколько такихъ замѣчаній было прислано прямо въ комитетъ; другія были напечатаны въ газетахъ и журналахъ. Въ «Отч. Зап.» много помѣщены были не только замѣчанія на проектъ устава, но пред-

моженъ былъ и собственный проектъ ссудо-сберегательной кассы. Я отнесся къ дѣлу съ полнымъ вниманіемъ, въ увѣренности, что подобныя проекты ссудо-сберегательной кассы поступать и отъ другихъ литераторовъ, что всѣ они, равно какъ и замѣчанія на проекты комитета, будутъ разсматриваться въ общемъ собраніи всѣхъ литераторовъ, въ томъ числѣ, само собою разумѣется, и тѣхъ, которые писали замѣчанія на проектъ комитета и составили свои проекты, что лучший изъ проектовъ выберется и примется большинствомъ общаго собранія литераторовъ.

Какъ вдругъ, вопреки такой моей увѣренности и къ великому моему изумленію, въ одинъ прекрасный день, я, неизвѣстно отъ кого, безъ всякаго объясненія причинъ и цѣли послышка, получилъ еще проектъ устава ссудо-сберегательной кассы, въ заголовкѣ котораго, между прочимъ, было отмѣчено: *«исправленъ по замѣчаніямъ членовъ общества»*. Кѣмъ исправленъ? въ заголовкѣ не объяснялось. Но, начавъ читать проектъ, я на первой страницѣ его встрѣтилъ замѣтку, что относительно одного параграфа устава между исправлявшими проектъ возникло разнорѣчіе и что четыре члена комитета: К. К. Арсеньевъ, Э. К. Ватсонъ, В. О. Коршъ и Г. К. Рѣпинскій дали особое мнѣніе. Изъ этого я заключилъ, что былъ какой-то комитетъ, который исправлялъ уставъ. Я сначала думалъ, что комитетъ общества литературнаго фонда, и это уже показалось мнѣ страннымъ. Но, спросивъ у одного изъ членовъ комитета, я узналъ, что исправлялъ проектъ устава даже и не комитетъ литературнаго фонда, а какой-то еще другой. Это уже совсѣмъ изъ рукъ вонъ. Положимъ, что г. Арсеньевъ и г. Ватсонъ, и г. Коршъ, и г. Рѣпинскій—все это люди очень хорошіе и достойные всякаго уваженія. Но мы, литераторы, пишущіе наши замѣчанія на присылаемые намъ проекты и составляющіе свои собственные проекты—не ученики гимназій или семинарій. Мы пишемъ не задачи для нашихъ наставниковъ, чтобы заслужить отъ нихъ вѣсе или ортіе, а пишемъ соображенія по проектируемому дѣлу, въ которомъ мы состоимъ такими же участниками, какъ и всѣ другіе участники этого дѣла, и въ обсужденіи котораго имѣемъ равный голосъ со всѣми другими. По какому праву гг. Арсеньевъ, Ватсонъ, Коршъ, Рѣпинскій могутъ разсматривать наши замѣчанія и проекты и одобрять ихъ или не одобрять? Кто облекъ ихъ этою властію? Какъ членъ сословія литераторовъ, я могу считать себя обязаннымъ подчиняться рѣшенію общаго собранія литераторовъ, а также тому комитету, который будетъ имъ избранъ для того или другаго общаго дѣла, кто бы въ этотъ комитетъ ни былъ избранъ—господа ли Арсеньевъ, Ватсонъ, Коршъ, Рѣпинскій, или другіе. Но безъ этого избранія общимъ собраніемъ литераторовъ, гг. Арсеньевъ, Ватсонъ, Коршъ, Рѣпинскій для меня—люди съ улицы, люди, взявшіеся разсматривать мои замѣчанія и мой проектъ безъ всякаго на то права, совершенно произвольно. Надобно имѣть дол-

временный навыкъ не стѣсняться въ своихъ дѣйствіяхъ правами другихъ, чтобы повести себя такъ, какъ повелѣлъ комитетъ, исправлявшій проектъ устава, какъ по отношенію ко всему литературному персоналу, такъ, въ особенности, по отношенію къ лицамъ, писавшимъ замѣчанія и проекты. Въ комитетѣ этомъ, очевидно, не возникало ни малѣйшаго даже сомнѣнія о томъ: за свое ли онъ беретъ дѣло? Иначе онъ, конечно, изъ простой учтивости, у насъ, писавшихъ замѣчанія на проектъ устава, осведомился бы: для него ли мы писали наши замѣчанія и даемъ ли мы ему позволеніе смотрѣть на насъ сверху внизъ? Но этотъ фактъ, что комитетъ, исправлявшій проектъ устава, не считалъ нужнымъ обратиться къ намъ, писавшимъ замѣчанія на проектъ, кромѣ того, ясно показываетъ, насколько это дѣло близко комитету, насколько онъ интересуется его правильной постановкой. Я увѣренъ, что, занялись ли бы разсмотрѣніемъ проекта устава общее собраніе литераторовъ, или комитетъ, избранный этимъ собраніемъ изъ среды себя, они прежде всего обратились бы къ лицамъ, писавшимъ замѣчанія и особые проекты, и выслушали ихъ. Потому что—какъ хотѣла лица эти все-таки специально занимались разсмотрѣніемъ проекта, думали о дѣлѣ, и всегда можно предполагать, что они сообщаютъ полезныя факты и соображенія для уясненія дѣла. Положимъ, что ихъ замѣчанія на проектъ или явились уже въ печати, или доставлялись прямо въ комитетъ въ рукописяхъ. Но иное дѣло—рѣчь письменная, иное—устная. Въ сочиненіи нигде нельзя передать всѣ подробности, касающіяся дѣла, и нигде нельзя предусмотрѣть и устранить всѣ тѣ возраженія, которыя могутъ явиться при разсмотрѣніи проекта или замѣчаній на него. Говорю я это, впрочемъ, только для характеристичности отношеній къ дѣлу того комитета, который образовался безправно и безразлично принялся за разсмотрѣніе проекта устава. Но, само-собой рѣшается, что еслибъ этотъ комитетъ и обратился ко мнѣ за какими нибудь разъясненіями, то я отвѣчалъ бы ему тоже, что и нынѣ и теперь, т. е., что онъ не имѣетъ никакого права ни разсматривать, ни исправлять проектъ устава, что право на это имѣетъ исключительно общее собраніе литераторовъ.

Изъ всего того, что я сказалъ тебѣ, ты, конечно, понялъ, о чемъ я хлопочу. Я хлопочу о томъ, чтобы въ нашемъ литературномъ кругу ни нашъ братъ литераторы, ни люди, извѣстны къ этому кругу приспособляющіеся, не обращались съ нами ни по-ту-репки, ни по Мак-Магонски. Я понимаю, что ни г. Арсеньевъ, ни г. Ватсонъ, ни г. Коригъ, ни г. Рѣпинскій, ни вообще комитетъ, занимавшійся исправленіемъ проекта устава, не имѣли и мысли оскорбить лично литераторовъ или даже замѣчателей на проектъ устава и что они дѣлали дѣло въ простотѣ души, думая, что они въ правѣ дѣлать то, что они дѣлаютъ, и считать себя, въ нѣкоторомъ родѣ, даже благодѣтелями литераторовъ.

Но вѣдь и турки думаютъ, что они въ правѣ такъ поступать съ рабевъ, какъ они поступаютъ, и Мак-Магонъ думаетъ, что онъ въ правѣ такъ поступать съ Франціей, какъ онъ поступаетъ, и считаетъ себя также благодѣтелемъ ея.

Вотъ я и хочу достигнуть того, чтобы всякій въ нашемъ литературномъ кругу прежде, чѣмъ онъ приступитъ къ какому-нибудь дѣлу, предварительно основательно обдумалъ: имѣетъ ли онъ право на это? Не суется ли онъ въ чужое дѣло и не нарушаетъ ли правъ другихъ? И, обдумавъ, строго держался въ границахъ своего права, а въ благодѣтели не лѣзъ. Ибо таковые давно ужъ всѣмъ надобны.

Вотъ тебѣ первый резонъ, по которому я такъ горячо хлопочу по поводу проекта устава, а другой резонъ, по которому я хлопочу, это—польза самого дѣла. Въ прошедшихъ моихъ замѣчаніяхъ на проектъ устава комитета, напечатанныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», я объяснилъ, что проектъ этотъ и конфузень для литературнаго персонала, ибо постановка дѣла въ немъ чисто-банковская, и составленъ безъ всякаго примѣненія къ литературному быту, такъ какъ, по проекту устава, касса для тѣхъ именно литераторовъ, которые будутъ болѣе всего нуждаться въ ссудахъ, будетъ такъ же мало доступна, какъ существующій теперь литературный фондъ. Извѣстно, что всѣ литераторы недоспѣшные могутъ брать ссуды не иначе, какъ подъ поручительство, благонадежность же этого поручительства, по проекту устава, будетъ разсматривать совѣтъ кассы, состоящій изъ шести членовъ, изъ которыхъ, притомъ, трое будутъ назначаться комитетомъ общества литературнаго фонда изъ числа членовъ этого фонда. Такъ какъ совѣтъ этотъ во всей своей совокупности, какъ и нынѣшній комитетъ литературнаго фонда, будетъ знать во всемъ литературномъ персоналѣ, и то исключительно въ верхнихъ слояхъ его, не болѣе двадцати человѣкъ, на благонадежность которыхъ онъ можетъ положиться, то и при кассѣ будетъ происходить то же самое, что происходитъ теперь: каждый литераторъ, желающій получить ссуду, будетъ рыскать по этимъ двадцати, извѣстнымъ совѣту, литераторамъ, чтобы добыть себѣ у нихъ поручительство: будутъ они знакомы ему или нѣтъ—все равно. И многіе, конечно, не найдутъ за себя поручителей. Еще недавно, недѣли двѣ или три тому назадъ, былъ такой случай: въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ» приходитъ дама-писательница и проситъ: не поручится ли кто-нибудь за большого педагога-литератора, имѣющаго крайнюю нужду въ 300 руб., которому комитетъ литературнаго фонда и соглашается дать эти 300 руб., но только съ тѣмъ, чтобы онъ приискалъ другихъ поручителей, такъ какъ представленные имъ два поручителя состоятъ уже передъ литературнымъ фондомъ поручителями за многихъ другихъ, тысячъ на двѣ или на три рублей? Между тѣмъ, дескать, у большого, кромѣ этихъ двухъ добрыхъ людей, за всѣхъ ручающихся,

никого болѣе знакомыхъ между членами фонда нѣтъ. Такъ какъ въ редакціи не только никто не знаетъ больного, но даже ни его слышали въ первый разъ, то, конечно, поручителей за него не нашлось, и больной, навѣрное, такъ бы и остался безъ ссуды, еслибы одинъ изъ членовъ комитета не принялъ въ немъ участія и не уговорилъ остальныхъ выдать ему ссуду безъ какого поручительства. Всякому понятно, какъ трудно будетъ пользоваться ссудами кассы каждому малоизвѣстному литератору при подобномъ порядкѣ поручительства, и даже, въ случаѣ успѣха—сколько ему придется предварительно перенести разныхъ афретовъ и неприятностей, чтобы найти себѣ благонадежныхъ поручителей среди людей, съ которыми онъ совершенно незнакомъ. Одинъ такой порядокъ долженъ убѣдить каждого, что уставъ кассы нисколько не приспособленъ къ литературному быту и что, вообще, литературная касса должна быть построена совсѣмъ не на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ устройство ея проектируется въ этомъ уставѣ.

Выслушавъ все это, N спросилъ меня: «И что-жь ты думаешь, что проектированный уставъ такъ и передѣлать, какъ ты хочешь?»

«Судя по ходу дѣла, отвѣчалъ я: — я никакимъ образомъ не могу питать такихъ несбыточныхъ надеждъ; напротивъ, нѣтъ всѣ основанія думать, что сдѣлается, по обычной у насъ изъ подобныхъ случаяхъ практикѣ, какъ разъ на перекоръ тому, что я говорилъ. Тѣмъ не менѣе, я считаю себя обязаннымъ высказывать то, что я нахожу справедливымъ и полезнымъ, и буду дѣлать это и впредь». На этомъ и кончился нашъ разговоръ.

Теперь, встать къ сказанному я долженъ прибавить, что, пересмотрѣвъ исправленный проектъ, я не нашелъ въ немъ никакихъ почти измѣненій, исключая того развѣ, что, при неудачѣ въ срокъ ссуды, теперь навсегда будутъ немедленно приступить къ описи имущества неуплатившаго ссуды, какъ это предполагалось по неисправленному проекту, а можетъ совѣтъ кассы дать отсрочку не болѣе 9-ти мѣсяцевъ, если признаетъ причины неплатежа неуважительными—и еще другого, что, въ случаѣ буде какой-либо членъ кассы, задолжавшій ей по соловаселу, будетъ лишентъ всѣхъ правъ состоянія, то общее собраніе кассы можетъ сложить числящійся на немъ долгъ. Первое измѣненіе значительно смягчаетъ суровость прежняго проекта, и потому его нельзя не признать полезнымъ. Что касается до втораго, то ми его несовсѣмъ понимаемъ, во-первыхъ, относительно гдѣ ли его: случаевъ лишентя всѣхъ правъ состоянія не дѣлать главнымъ, въ обществѣ проектируемой кассы, я думаю, вовсе и предполагать нельзя; случаи такового лишентя не дѣлать политическимъ, если даже и предположить, что они будутъ не невозможны, то, во всякомъ случаѣ, будутъ такъ рѣдки, что подобную авормальность вводить въ уставъ не было никакой надобности; а если

ужь она предусмотрена и въ уставѣ введена, то не мѣшало предусмотрѣть и то, что подобной аномальности скорѣе можно ожидать отъ задолжавшихъ кассѣ по поручительству, а не по соло-векселямъ. Почему же по соло-векселямъ долгъ прощается, а по векселямъ по поручительству нѣтъ?

Кромѣ этихъ двухъ измѣненій, сколько-нибудь выдающихся, прочее все почти осталось какъ было. Точно также и въ исправленномъ проектѣ, какъ и въ старомъ, предписывается «деньги, процентныя бумаги хранить въ безопасномъ мѣстѣ (!), въ особомъ сундукѣ за двумя различными замками, ключи отъ которыхъ находятся у двухъ членовъ правленія». Точно также, далѣе, по исправленному проекту, какъ и по прежнему, въ члены кассы принимаются только литераторы брадатые, имѣющие на лицѣ своемъ очевидное доказательство своей *pubertatis* и, слѣдовательно, 21-лѣтней гражданской полноправности. Какъ въ этомъ случаѣ подлаживаніе кассы подъ уголовно-гражданско-юридическій кодексъ мало соответствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ литературнаго быта и какъ мало въ немъ пониманія литературнаго дѣла, читатель можетъ уразумѣть изъ слѣдующаго:

Назадъ тому пятнадцать или шестнадцать лѣтъ, пришелъ я разъ къ одному извѣстному въ то время публицисту и редактору и засталъ его за чтеніемъ сценъ, доставленныхъ ему однимъ молодымъ человѣкомъ, подававшимъ тогда большія надежды. «Ну что: какъ вы находите этотъ новый талантъ?» спросилъ я его. «Да, жидковато что-то, отвѣчалъ онъ:—едва ли что-нибудь изъ него выйдетъ. И лѣтъ-то ужь многолько». — «А сколько ему лѣтъ?» спросилъ я.—«Да 19 ужь—двадцатый идетъ». Я изумился.—«Такъ сколькожъ же лѣтъ, по вашему, надобно быть, чтобы вы сказали: немногочко?» спросилъ я его. Онъ засмѣялся и сказалъ:—«Да пораньше надо; сильныя таланты сказываются вообще рано».

Мнѣ кажется, такого мнѣнія о раннемъ проявленіи сильныхъ литературныхъ талантовъ въ общемъ нельзя не признать вполне вѣрнымъ. Исключенія, конечно, бываютъ, но они, вѣроятно, очень рѣдки и всегда—я думаю—должны обуславливаться какими-нибудь особенно неблагоприятными обстоятельствами въ ходѣ развитія талантливой личности. Пушкинъ началъ писать стихи 13 лѣтъ, и нѣкоторые изъ его стихотвореній этого времени вошли въ собраніе его сочиненій. Въ лицѣѣ имъ написана была уже масса лирическихъ стихотвореній и въ лицѣѣ же начата была поэма «Русланъ и Людмила». А. Пушкинъ вышелъ изъ лица въ 1815 году, т. е. всего 16 лѣтъ. Лермонтовъ началъ писать стихотворенія 13 лѣтъ. Изъ ученическихъ тетрадей Лермонтова, идущихъ отъ 1827—1831, когда ему было 13—17 лѣтъ, видно, что въ это время, кромѣ многихъ мелкихъ стихотвореній, имъ былъ уже написанъ «Демонъ», «Изманилъ-Бей», «Хаджи-Абрекъ», намѣчены многія послѣдую-

ція стихотворенія. Добролюбовъ умеръ 24 лѣтъ, въ 1862 году, а началъ писать еще въ 1856 году т. е. 18 лѣтъ. Но раннее проявленіе сильныхъ талантовъ указываетъ на возможность, при благоприятныхъ условіяхъ, раннаго развитія литературныхъ дарованій и вообще, и, такъ какъ начинающіе литераторы по преимуществу могутъ нуждаться въ пособіи, то, когда пишется уставъ кассы для литераторовъ, возрастъ членовъ ея никакъ нельзя опредѣлять по статьямъ уголовно-гражданскаго юридическаго кодекса и считать литераторами только тѣхъ, у которыхъ есть борода. А, слѣдовательно, уставъ литературной ссудо-сберегательной кассы долженъ быть разрабатываемъ даже въ этомъ отношеніи не совсѣмъ на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ подобные уставы разрабатываются для другихъ сословій и обществъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Несомнѣнное сочувствіе народа и общества низвѣшной войнѣ.—Почему народъ желалъ войны и казѣ?—Какія цѣли имѣетъ нынѣшняя война?—Трудности предстоящей войны и громадность жертвъ, требуемыхъ вообще войнами.—Скофанство «Русскаго Міра».—Недостатокъ или «Русскимъ Міромъ», или его сотрудниками, бывшими дѣятелями въ штабѣ тимоко-моравской арміи, свѣдѣній о расходованіи русскихъ денегъ въ этомъ штабѣ.—Мистификаціи гадать.—Бить онъ, или не бить?

Войны съ Турціею всегда были болѣе популярны въ русскомъ народѣ, чѣмъ всякія другія войны. Потому что эти войны имѣютъ за себя многовѣковую традицію у русскаго народа, завѣщаны ему его предками; кромѣ того, мотивы этихъ войнъ — не тѣ, которые вызываются и обусловливаются различными случайными политическими complicationами, а тѣ, которые остаются постоянно неизмѣнными, ибо имѣютъ свое основаніе всегда въ одной и той же неизмѣнной идеѣ—необходимости освободить крестъ Христовъ и страждущее христіанство изъ рукъ невѣрныхъ — идеѣ, равно дорогой и близкой какъ русскому обществу, такъ и русскому народу—болѣе понятны и тому, и другому, чѣмъ мотивы всякихъ другихъ войнъ.

Тѣмъ не менѣе, едва ли когда-нибудь царское слово даже о войнѣ съ Турціею было встрѣчаемо съ такимъ сочувствіемъ, пріивѣтствуемо было такими радостными кликами по всей Россіи, какъ слово о нынѣшней войнѣ, лично возвѣщенное Государемъ Императоромъ въ Москвѣ и обнародуемое въ манифестѣ 12-го апрѣля для всей Россіи.

Г. Аксаковъ не безъ основанія замѣчаетъ, что это сочувствіе, эти клики не тѣ, что были прежде, что это—новое сочувствіе и новые клики, въ которыхъ слышится и чувствуется народъ освобожденный, который, прибавимъ мы, самъ опытомъ понялъ *цѣну свободы* и стремится доставить ее и тѣмъ дальнимъ братьямъ своимъ, что

многіе вѣка томились въ неволѣ болѣе тяжелой, чѣмъ онъ, и безъ его помощи не имѣютъ надежды избавиться отъ нея никогда. Еще за долго до объявленія войны, въ то время, когда войну за свободу славянскія народности—черногорцы, герцоговинцы, босняки, сербы—вели собственными силами, народъ русскій, насколько могъ, принималъ въ ней участіе самое горячее, большее, чѣмъ какое принимало русское общество. Онъ—народъ именно—«нагромоздилъ, какъ выражается г. Аксаковъ:—въ пользу болгаръ и сербовъ милліоны рублей изъ мѣдныхъ грошей и движеніемъ своихъ добровольцевъ напомнилъ западу времена крестовыхъ походовъ». Такимъ образомъ, нынѣшняя война была не печальная для народа, застала его не врасплохъ, какъ случалось въ прежнее время; она предварена его сочувствіями, была для него, такъ сказать, не новою войною, а продолженіемъ дивившейся два года славянской войны, въ которой онъ принималъ уже участіе по собственной инициативѣ. Поэтому можно вполне согласиться съ г. Аксаковымъ, когда онъ говоритъ, что «если въ прежнія времена народъ изъяслялъ готовность къ войнѣ, то эта была готовность скорѣе дѣломъ доблестной покорности и послушанія; народъ вѣрилъ правительству на слово и повиновался его указаніямъ, честно исполняя свой долгъ—и только, но что въ нынѣшнюю войну онъ, можно сказать, не призывается властію, а только послѣ долгаго ожиданія пускается ею, наконецъ, къ войнѣ». Но когда г. Аксаковъ къ этому прибавляетъ, что «въ настоящую минуту (т. е. предшествовавшую войнѣ), лишь послушаніемъ Царю сдерживалось нетерпѣніе народа»—что, дескать, онъ еще до объявленія войны твердо порѣшилъ непременно начать эту войну, то это мы считаемъ совершенно напраслиною на народъ. Народъ нашъ несказанно отъ всей души желаетъ помочь страждущимъ подъ игомъ турокъ братьямъ своимъ, желаетъ освободить крестъ Христовъ, всѣхъ христіанъ вообще изъ-подъ власти невѣрныхъ, но онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, знаетъ, что всѣ тяжести войны, когда таковая начнется, падутъ преимущественно на него; поэтому онъ желаетъ, чтобы успѣхъ войны былъ, болѣе или менѣе, рассчитанъ, чтобы ему не пришлось лить крови и раззоряться напрасно безъ всякой пользы для себя и для своихъ братьевъ. А такъ какъ самъ народъ понимаетъ очень хорошо свою темноту въ политическихъ дѣлахъ и свою неспособность рассчитать шансы успѣха, то онъ не можетъ ни рѣшать войны, ни убѣдиться въ ея неотложной необходимости въ то или другое время съ такою очевидностію, чтобы желать или требовать ея съ нетерпѣніемъ. Только г. Аксаковъ, вѣрующій въ какой-то таинственный «историческій» народный инстинктъ, якобы чуящій въ настоящее время, что вопросъ о Турціи и славянствѣ подвинулся къ рововому рѣшенію», можетъ вѣрвать въ такое напряженіе народнаго нетерпѣнія, которое сдерживалось якобы только послушаніемъ Царя. Нѣтъ, чувства народа болѣе ровны и спокойны, и пониманіе его болѣе трезво. Онъ, хотя болѣе горитъ теперь желаніемъ помочь

своимъ братьямъ, чѣмъ во время его собственной неволи, но онъ и теперь, какъ въ прежнее время, будучи несвѣдущъ въ политическихъ дѣлахъ, «вѣрить правительству на слово и повируется его указаніямъ» относительно того: вчинать или не вчинать войну, начать ее теперь или отложить на долгое время.

Когда послѣ джунишскаго пораженія обнаружилась полная неспособность Сербіи для борьбы съ Турціею, когда сдѣлалось очевиднымъ для всѣхъ, что какія бы жертвы деньгами и людьми ни дѣлала долге Россія, все это погибнетъ напрасно, когда, вслѣдствіе этого, царскимъ ультиматумомъ было немедленно прекращено дальнѣйшее кровопролитіе и началась константинопольская конференція для мирныхъ соглашеній съ Турціею, народъ совершенно успокоился. Какъ ни велики были тѣ уступки, которыя дѣлало наше правительство въ виду сохраненія мира, какъ ни незначительны въ концѣ-концовъ оказались наши требованія даже въ сравненіи съ предъвоенными въ началѣ конференціи, но никто изъ людей добросовѣстныхъ не осмѣлится сказать, чтобы по этому поводу слышалъ въ народѣ какое-нибудь неудовольствіе, даже какія-нибудь отвлеченныя разсужденія о томъ, что, дескать, лучше бы было не уступать, лучше бы войну начать. Даже послѣ того, какъ Турція не приняла и тѣхъ незначительныхъ требованій, которыя предложены были конференціею, и когда послѣ отъѣзда представителей всѣхъ державъ изъ Константинополя начался тотъ странный *Interim*, продолжавшійся вплоть до лондонскаго протокола, во время котораго никто не зналъ, чѣмъ все это кончится, когда наступило какое-то неопредѣленное положеніе, которое несомнѣнно должно было отразиться на промышленномъ и торговомъ движеніи—кто указывалъ и кто могъ бы указать, что народъ вотъ тутъ или тамъ-то высказывался въ такомъ смыслѣ, что онъ предпочитаетъ войну этому междуумочному состоянію, что онъ желаетъ войны во что бы то ни стало?

Народъ спокойно ждалъ исхода переговоровъ. Онъ съ готовностію встрѣтилъ и привѣтствовалъ войну, но онъ еще съ большимъ бы удовольствіемъ встрѣтилъ и привѣтствовалъ вѣсть о мирѣ, улаженіе дѣла мирнымъ путемъ. Партія *нетерпѣлиа*, желавшая войны во что бы то ни стало, правда, была у насъ, но только никакъ не въ народѣ, а въ нѣкоторыхъ кружкахъ интеллигентнаго общества. Отсюда исходили голоса, требовавшіе объявленія войны Турціи, вслѣдъ за началомъ сербско-турецкой войны, потомъ немедленно послѣ джунишскаго пораженія, потомъ не перестававшіе настаивать на необходимости ея во все время константинопольской конференціи и послѣдовавшаго за нею *Interim*'а. Голоса эти, несомнѣнно патриотичные, несомнѣнно гуманные, требовавшіе немедленнаго начатія военныхъ дѣйствій во имя чести Россіи, во имя свободы славянъ и т. п., слишкомъ увлекались чистою идеею и не хотѣли принимать въ расчетъ ни тѣхъ обязательствъ, которыми мы связаны передъ Европою парижскимъ

трактатомъ, ни тѣхъ безчисленныхъ затрудненій и осложненій, которыя неминуемо возникли бы, какъ только мы, игнорируя наши отношенія въ Европѣ, сдѣлали бы тотъ рѣшительный шагъ, который рекомендовала партія *нетерриана*.

Только теперь мы можемъ понимать: какъ неразуменъ былъ бы этотъ шагъ и какая великая опасность отвращена отъ насъ благоразуміемъ и медленностью правительства, которое, несмотря на партію *нетерриана*, прежде чѣмъ начать войну, постаралось сначала обезпечить вѣроятность успѣха, развязавъ себѣ руки для болѣе или менѣе свободнаго дѣйствія отнятіемъ у турколюбивыхъ или славяноненавистницъ державъ-поручительницъ всякаго легальнаго повода на вмѣшательство. Правда, ни лондонскія конференціи, на которой согласно дѣйствовали всѣ державы-поручительницы, ни лондонскій протоколъ, всѣми ими подписанный, не воспрепятствовалъ Англій объявить протестъ противъ объявленной Россіею войны. Правда, Австрія послѣ объявленія войны держитъ себя до сихъ поръ все еще неопредѣленно по отношенію къ намъ, такъ что съ достовѣрностію никакъ нельзя сказать: въ какое она станетъ положеніе при дальнѣйшемъ нашемъ движеніи; наконецъ, остается еще неразъясненнымъ: какинъ образомъ изъ чего возникъ нигдѣ неожиданный клерикальный, если не переворотъ, то поворотъ въ направленіи французскаго правительства и не находится ли и онъ въ какой-нибудь тайной связи съ событіями на востоцѣ? Все это показываетъ, что отсутствіе легальныхъ поводовъ къ вмѣшательству державъ-поручительницъ въ войну еще не можетъ быть надежнымъ ручательствомъ, что начатая нами война обойдется безъ всякихъ вредныхъ съ ихъ стороны вліяній для насъ, а, можетъ быть, и безъ компликацій и даже активнаго ихъ противодѣйствія намъ. Тѣмъ не менѣе, даже и временное устраненіе легальныхъ поводовъ для ихъ прямого вмѣшательства есть для насъ уже большой выигрышъ. Имѣть только даже въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ свободныя, развязанныя руки для войны съ одною Турціею это не то, что начинать войну съ нѣсколькими врагами вдругъ. Говорятъ: кто хорошо началъ, тотъ сдѣлалъ половину дѣла. Эта пословица можетъ быть нигдѣ такъ неумѣстна, какъ именно въ приложеніи къ войнѣ, гдѣ всегда весьма важное дѣйствіе имѣетъ первое впечатлѣніе. Можетъ быть, мы о себѣ теперь уже могли бы сказать, что сдѣлали половину дѣла, если бы знали, гдѣ предположенъ его конецъ. *Могли бы* потому, что въ Константинополь уже замѣшательство, Константинополь волнуется, и кто знаетъ, что можетъ послѣдовать въ самомъ близкомъ будущемъ! Очень вѣдь возможно, что послѣ удачнаго перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай и послѣ первой побѣды, Турція согласна будетъ на все, что потребуется отъ нея—только оставили бы ей возможность какого нибудь существованія.

Но мы не знаемъ: какой именно цѣли предположено достигнуть начатой войной? Одни говорятъ, что часъ существованія Турціи пробилъ, что, разъ она начала войну, разрушеніе ея не-

избѣжно и, слѣдовательно, не отъ чьей либо воли будетъ зависѣть, а ровновнѣмъ ходомъ событій дѣло придетъ къ тому, что войну надобно будетъ вести до ея разрушенія и распаденія; другіе, не проричая съ такою опредѣленностью о неизбежномъ разрушеніи Турціи, тѣмъ не менѣе мечтаютъ о древней Византіи, какъ о своемъ добрѣ, и, слѣдовательно, ставятъ для войны ту же цѣль. Съ другой стороны, въ 109 № «Петербургскихъ Вѣдомостей» мы прочли слѣдующую замѣтку отъ 21 апрѣля т. е. девять дней спустя послѣ объявленія манифеста о войнѣ:

«Въ «Кальскую Газету» телеграфируютъ изъ Парижа, что, по полученнымъ тамъ офиціознымъ сообщеніямъ изъ Петербурга, русское правительство получило увѣреніе въ «благосклонномъ нейтралитетѣ» Германіи, подъ условіемъ не дѣлать завоеваній въ Европѣ. Прибывшее изъ Россіи въ Парижъ высокопоставленное лицо (русское) имѣло передъ отъѣздомъ свиданіе съ княземъ Горчаковымъ, который, будто бы, сказалъ слѣдующее: «Мы увѣрены въ томъ, что Европа не двинется, все равно какія бы мы ни одержали побѣды, потому что русское правительство дало формальное увѣреніе, что оно не желаетъ завоеваній. Мы объявили войну Портѣ съ молчаливаго согласія Европы, потому что европейскіе кабинеты знали о манифестѣ Императора и о моемъ циркулярѣ за мѣсяцъ до объявленія войны. Они имѣютъ залогомъ наше слово: именно — что мы не желаемъ завоеваній, и знаютъ, что мы не могли дѣйствовать иначе, чтобы выйдти изъ затруднительнаго положенія, въ которое насъ поставили». Въ Германіи вполне довѣряютъ обѣщаніямъ Россіи; въ Австріи же полагаютъ, что Россія, изъ угожденія военной партіи, не сдержитъ слова. По этому поводу петербургскій кабинетъ обратился съ объясненіемъ къ австрійскому правительству и, въ доказательство своего безкорыстія, предложилъ Австріи занять Сербію и часть Босніи; Россія же обязывалась прекратить войну послѣ первой побѣды, если Порта дастъ Болгаріи мѣстное самоуправленіе, а Румыніи полную независимость».

Мы не знаемъ насколько вѣрно извѣстіе, передаваемое въ приведенныхъ строкахъ. Дѣйствительно ли русскій канцлеръ говорилъ тѣ слова, которыя ему здѣсь приписываются? Дѣйствительно ли нейтралитетъ Германіи обезпеченъ намъ подъ условіемъ не дѣлать завоеваній въ Европѣ? Дѣйствительно ли Россія дала Европѣ обязательство не искать большихъ результатовъ, тѣмъ тѣ, о которыхъ здѣсь упоминается? — Но если все это дѣйствительно такъ, то цѣль войны должна быть близка, и мы сдѣлали уже болѣе половины дѣла.

Чувствую, съ какою, при этихъ моихъ словахъ, негодованіемъ и яростію устремляются на меня очи всѣхъ тѣхъ, кто убѣжденъ въ немедленномъ разрушеніи Турецкой Имперіи и кто мечтаетъ о Константинополѣ, какъ о русскомъ городѣ, мечтаетъ, можетъ быть, уже о томъ, какъ онъ устроится въ немъ. Но что же мнѣ дѣлать, господа, если я, убѣжденный не менѣе васъ въ крайней

слабости *больного человека*, никакъ однакожь не могу убѣдить себя, подобно вамъ, что онъ долженъ скончаться непремѣнно лѣтомъ въ нынѣшнемъ году, а не черезъ десять, не черезъ двадцать и даже болѣе лѣтъ? Далѣе, что мы дѣлаемъ, если я не считалъ полезнымъ для Россіи, чтобы она, и по смерти больного человѣка, получила отъ него въ наслѣдство Константинополь, а съ большимъ удовольствіемъ мечтаю объ этомъ городѣ, какъ о вольномъ городѣ? Конечно, жала не менѣе васъ полной свободы Болгаріи и всему славянству, и христіанству, страдающему подъ игомъ турецкимъ, а искренно желалъ бы, чтобы Турецкая Имперія распалась нынѣшнимъ же лѣтомъ, чтобы Царьградъ, согласно моей мечтѣ, сталъ вольнымъ городомъ съ нынѣшней же осени. Но что значать наши желанія, тѣ или другія! Нашими желаніями мы не перевернемъ естественнаго хода событій, а эти событія давно уже, со времени сербской войны, развиваются не въ смыслъ разрушенія Турецкой Имперіи. Еслибы Россія имѣла эту цѣль, ея программа не могла бы быть ни для кого тайною, какъ это мы разъяснили еще въ статьяхъ по поводу сербско-турецкой войны. Не могла бы быть тайною потому, что только при открытій объявленіи такой программы, прямо и твердо выставленной, могло бы установиться правильное отношеніе къ намъ всего славянскаго міра, могли бы присоединиться годные для нашихъ цѣлей и вѣрные намъ союзники, наконецъ, самъ народъ русскій и общество сплотились бы и приготовились для великой борьбы на жизнь и смерть за общее славянское дѣло. Разъ Россія вступила въ концертъ съ державами-поручительницами и рѣшилась дѣйствовать въ согласіи съ ними относительно Турціи, она не можетъ ни пренебречь тѣми обязательствами, которыя она на себя приняла предъ другими державами, ни преслѣдовать цѣлей болѣе широкихъ, чѣмъ тѣ, которыя она заявила передъ ними. Въ противномъ случаѣ, она можетъ установить противъ себя не только скрытыхъ враговъ, *volens volens* носящихъ до сихъ поръ маску ея друзей или, по крайней мѣрѣ, людей безпристрастныхъ по отношенію къ ней, но и своихъ искреннихъ друзей. Положимъ, что для ея измѣны концерту можно было бы найти оправданіе не только въ дипломатической и политической современной морали, всѣ грѣхи легка отпускаящей, но и въ вѣроломствѣ самого концерта, нѣкоторые члены котораго то и дѣло ему измѣняютъ или тайно строятъ ковы. Но кто можетъ быть увѣренъ, что сила Россіи, не предлагавшей войны съ европейской коалиціей, не готовившейся для этого, не искавшей нужныхъ для этого союзниковъ, будутъ въ состояніи выдержать то напряженіе, которое потребуется для подобной борьбы?

Намъ скажутъ: «какой былъ бы выигрышъ отъ войны, если бы она велась съ сохраненіемъ тѣхъ обязательствъ, и съ преслѣдованіемъ только тѣхъ цѣлей, о которыхъ говорится въ при-

веденной выше выдержкѣ изъ «Петербургскихъ Вѣдомостей»? За свои жертвы, отвѣтныи мы, Россія была бы вознаграждена приобретениями въ Азіи; что касается до славянъ, то административное самоуправленіе въ Болгаріи, конечно, подъ европейскимъ надзоромъ, будетъ кануномъ освобожденія какъ Болгаріи, такъ и всего славянства. Предполагая, что Турція насколько не измѣнится, останется такою же, какъ и была въ отношеніи къ христіанамъ и славянамъ, она, по введеніи административнаго самоуправленія подъ надзоромъ Европы а, слѣдовательно, и Россіи, не просуществуетъ, навѣрное, болѣе десяти лѣтъ. Кто понимаетъ мудрость латинской пословицы: *festina lente*, тотъ согласится, что лучше временно удовольствоваться этою легко достижимою цѣлю, чѣмъ задаваться цѣлями грандіозными, достиженіе которыхъ, въ настоящее время, потребовало бы не только громадныхъ усилій, но было бы вообще соединено съ рискомъ и, въ случаѣ неуспѣха, скорѣе бы отдалило насъ отъ послѣдней желанной цѣли очень на долгое время, а, можетъ, и навсегда, чѣмъ приблизило къ ней. Люди, знающіе дѣло, говорятъ, что управиться и съ одною Турціею для насъ будетъ вовсе не такъ легко, какъ это представляеть себѣ наша партія *нетерпѣлиа*. «Петербургскія Вѣдомости», № 135 приводятъ слѣдующее по этому предмету мнѣніе Мольте.

«На происходившемъ наканунѣ въ Берлинѣ дипломатическомъ вечерѣ, одинъ высочайшеупомянутый государственный дѣятель обратился къ знаменитому стратегу съ вопросомъ: «Г. фельдмаршалъ! Есть люди, которые вѣрятъ въ близкое окончаніе войны и воображаютъ, что Россія добьется счастливой «Садовой», какъ только ея войска перейдутъ черезъ Дунай. Какого вы мнѣнія?» — «Я не радѣю такого оптимизма! отвѣтилъ графъ Мольте:—вы лучше меня знаете, что въ состояніи сдѣлать дипломатіи и что она намѣрена дѣлать. Но если смотрѣть на дѣло съ стратегической точки зрѣнія, то я, какъ и прежде, того мнѣнія, что развязка нынѣшней войны замедлится. Пройдетъ много времени прежде, чѣмъ русскіе, несмотря на все хорошее, что говорить объ ихъ арміи и о нѣкоторыхъ изъ ея вождей, побѣдятъ турокъ. Правда, на этотъ разъ кампанія представляется для Россіи благоприятнѣе, чѣмъ въ 1828 г., но Россіи понадобится много удачи, много умѣнья, много терпѣнья и много денегъ прежде, чѣмъ она восторжествуетъ надъ своими врагами. Я въ этомъ отношеніи не питаю никакихъ иллюзій, и тѣ, которые вѣрятъ въ быстрое движеніе впередъ по направленію къ Константинополю, должны будуть, въ концѣ концовъ, умѣрить свои ожиданія. Я увѣренъ, что въ русской главной квартирѣ также извѣстно, какія еще придется одолѣть затрудненія и препятствія и какъ медленно эти препятствія и затрудненія будутъ преодолены прежде, чѣмъ наступитъ моментъ рѣшительной побѣды».

Впрочемъ, читатель не долженъ забывать, что я — не записной политикъ и говорю только то, что должно представляться каж-

*

дому по ходу текущихъ событій. Но каждая война, сама по себѣ, есть нѣкоторымъ образомъ событіе чрезвычайное, порождающее очень часто такія случайныя комбинаціи, перемены, соглашенія, которыя не только никто предвидѣть не можетъ, но которыя, даже по осуществленіи, поражаютъ всѣхъ своею невѣроятностію. Очень возможно, что и въ теченіи нынѣшней войны возникнуть такія комбинаціи и перемены, вслѣдствіе которыхъ осуществятся и основныя тѣхъ, которые убѣждены въ неминуемомъ разрушеніи Турціи нынѣшнимъ же лѣтомъ, и мечты тѣхъ, которые нынѣшнею осенью хотятъ устроиться въ древней Византіи.

Но какія бы цѣли ни имѣла начатая война, было бы желательно, чтобы она кончилась возможно скорѣе. Пожелаемъ же возможно быстрыхъ успѣховъ нашему оружію и возможно скорого достиженія предположенныхъ цѣлей. Надобно быть большимъ романтикомъ или очень маленькимъ философомъ, не въ обиду будь сказано Штраусу, чтобы въ самой войнѣ, какъ войнѣ, находить какое нибудь нравственное обновленіе для общества. Что касается до громадности ея матеріальнаго вреда, то его, со всѣми его матеріальными и нематеріальными послѣдствіями, едва ли вполнѣ оцѣнить и взвѣсить даже самый большой философъ и притомъ въ войнахъ и не очень продолжительныхъ. Въ 60 № «Биржевыхъ Вѣдомостей» мы встрѣтили слѣдующее краткое извѣстіе о убыткахъ, причиненныхъ войнами послѣдняго двадцатилѣтія:

«Крымская война стоила жертвъ людямъ — 784,991 чел., а деньгами — 8½ миллиардовъ франковъ; итальянская (1859 г.) — 45,000 человекъ и полтора миллиарда франковъ; иллезвигская (1864 г.) — 3,500 чел. и 180 миллионъ фр.; количество жертвъ, похищенныхъ германскою войною въ 1866 г., простиралось до 45,000 чел. и 1,650,000,000 франк.; американская война 1862—65 гг. стоила 800,000 людей и 35 миллиардовъ франковъ. Наконецъ, франко-прусская война стоила 64,890 людей. Кромѣ того, бѣдствія, причиненныя упомянутыми войнами, этимъ еще не ограничивались. Во всѣхъ нихъ, какъ бы далеко ни находились театры военныхъ дѣйствій отъ территорій воюющихъ странъ, въ послѣднихъ войнахъ отзывалась безработицею, увеличеніемъ смертности и преступности въ средѣ рабочей массы народа, банкротствомъ торговцевъ и промышленниковъ. Такъ, наприимѣръ, въ Берлинѣ, когда была объявлена война 1866 г., число банкротствъ доходило до 25 въ день».

Всѣ знали давно уже, что газета «Русскій Міръ», выдавшая себя за газету литературно-политическую, въ дѣйствительности, вовсе не литературно-политическая, а военная. И не знать этого было нельзя. Основанная какою-то военною дружиною для какихъ-то частныхъ военныхъ цѣлей, газета «Русскій Міръ» оставалась постоянно вѣрна своей специальной задачѣ, наполняя отдѣлы, неизмѣняющіе прямого отношенія къ этой главной ея за-

даться никому ненужнымъ хламомъ. Когда-то верховодили ея извѣстные наши генералы Черняевъ и Фаддѣевъ, теперь заправляютъ ея чины пониже и извѣстности очень скромной, но также военные. Изъ военныхъ ея издатель г. Ѡ. Бергъ; изъ военныхъ же долженъ быть и исправляющій должность ея отвѣтственнаго редактора, г. Д. Стахѣевъ, а, впрочемъ, очень можетъ быть, что онъ и изъ гражданскихъ, но изъ тѣхъ, что по найму... Благодаря такому своему военному духу и военному направленію или, точнѣе сказать, военной выправкѣ, газета «Русскій Міръ» каждый разъ, когда начинается война, превращается нѣкоторымъ образомъ въ военное учрежденіе. Въ турецко-сербскую войну, она, какъ извѣстно, выпустила изъ нѣдръ своихъ цѣлую серію героевъ: полководцевъ, начальниковъ штаба, штабныхъ офицеровъ, заправлявшихъ всею тимокско-моравскою арміею. Правда, не всѣ герои «Русскаго Міра», блиставшіе въ тимокско-моравской арміи, надолго сохранили свой геройскій духъ; одинъ только Черняевъ вступилъ снова въ ряды арміи въ нынѣшнюю войну. Остальные, отдохнувъ послѣ сербскихъ подвиговъ въ Италіи, полюбили занятія и наслажденія мирныя. Даже тотъ изъ героевъ «Русскаго Міра», на кого было можно болѣе всѣхъ надѣяться, что онъ не измѣнитъ своему военному энтузіазму — полковникъ Комаровъ, человекъ, обладающій довольно значительнымъ состояніемъ, какъ это видно изъ недавняго пріобрѣтенія имъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», и, несмотря на это, самоотверженно подставлявшій свой лобъ подъ турецкія пули въ сербско-турецкой войнѣ, слѣдовательно, герой несомнѣнный, герой въ душѣ—даже этотъ самый г. Комаровъ не пошелъ опять на войну, а предпочелъ засѣсть въ издательской конторѣ и вести здѣсь учетъ деньгамъ, получаемымъ за отпускъ его газеты расписочно и на выносъ. О другихъ и говорить нечего: и г. Монтеверде, и г. Лаврентьевъ скрылись куда-то въ мирныя палестины, можетъ быть, впрочемъ, процвѣтаютъ по прежнему подъ виноградомъ и подъ смоковницею редакціи «Русскаго Міра», но, надобно полагать, не только о войнѣ настоящей, но и о прошлой ничего знать не хотятъ, какъ можно судить по тому, что они до сихъ поръ не доставляютъ русскому обществу никакого отчета о расходованіи суммъ въ тимокско-моравской арміи (подробно объ этомъ—зри ниже).

Не знаю, выпустятъ ли «Русскій Міръ» въ нынѣшнюю войну какихъ-нибудь новыхъ изъ нѣдръ своихъ героевъ, или нѣтъ. Я полагаю, что нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, «Русскій Міръ» и въ нынѣшнюю войну не хочетъ оставаться просто газетою, а оказываетъ поползновеніе играть роль военнаго учрежденія. По образцу учрежденной нынѣ военной жандармеріи въ корпусахъ дѣйствующей арміи, «Русскій Міръ» хочетъ принять на себя обязанности военной жандармеріи надъ другими органами печати, т. е. наблюдать надъ тѣмъ, какъ они будутъ вести себя во время войны, что и какъ будутъ писать о войнѣ, будутъ ли писать и т. п.

Всякій воленъ избирать себѣ занятіе по сердцу, и, если это занятіе не воспрещается закономъ, то никто не въ правѣ воспретствовать ему въ этомъ. Мы, конечно, также не будемъ останавливать «Русскій Міръ» въ его сыскныхъ поползновеніяхъ, а только, такъ какъ онъ игру свою начинаетъ съ насъ, посоветуемъ ему, чтобы онъ прежде, чѣмъ начать свою новую дѣятельность, сначала поаторѣлъ въ гражданской печати. А то изъ перваго его похода, сдѣланнаго противъ насъ, видно, что онъ, какъ органъ военный, въ гражданской печати ровно ничего не понимаетъ и своимъ доносомъ на первый разъ себя только компрометируетъ, представляя собою крайне неразумнаго, хотя и любопытнаго наблюдателя.

Спустя десять дней послѣ объявленія манифеста о войнѣ, именно 23-го апрѣля, вышла апрѣльская книжка «Отечественныхъ Записокъ». Литературный обозрѣватель «Русскаго Міра» беретъ эту книгу въ руки и говоритъ: «Посмотрите, православные, что тутъ дѣлается: вотъ статья Златовратскаго: «Золотыя сердца» — о войнѣ ни слова, вотъ «Русскій Шеффилдъ» Воборыкина — о войнѣ ни слова, вотъ «Женская жизнь», повѣсть — о войнѣ ни слова и т. д. и т. д. во всей беллетристикѣ. Въ серьезныхъ статьяхъ еще хуже. «У насъ теперь война Россіи съ Турціей», а тутъ «Физическій трудъ, какъ элементъ образованія»... «У насъ переходъ русскихъ войскъ черезъ Прутъ и Арпачай», а тутъ «Фабричное законодательство Великобританіи»... Гдѣ мы и кто мы?» восклицаетъ изумленный обозрѣватель «Русскаго Міра». «Но, продолжаетъ онъ: — безъ сомнѣнія, мы будемъ вознаграждены, проникнувъ въ отдѣлъ современнаго обозрѣнія, такъ какъ этотъ отдѣлъ, какъ извѣстно, посвящается специально интересамъ преимущественно политическаго и общественнаго характера». Но и въ этомъ отдѣлѣ обозрѣватель «Русскаго Міра» не находитъ ни въ одной статьѣ ни слова о войнѣ и, перечисляя подробно содержаніе внутренняго обозрѣнія, въ которомъ рѣчь идетъ о народныхъ школахъ, восклицаетъ: «Будущій историкъ текущей годины, конечно, въ глубокомъ недоумѣніи остановится передъ этимъ фактомъ, свидѣтельствующимъ, что въ апрѣлѣ 1877 года главные насущные интересы русской земли заключаются въ вопросѣ: какъ устроить школы грамотности, какъ будто ихъ не устроено уже болѣе 25,000!» А я думаю, что будущій «историкъ текущей годины», взявъ въ руки «Русскій Міръ» — я дѣлаю, конечно, невѣроятное предположеніе, ибо никакой будущій историкъ текущей годины подобнаго хлама въ руки не возьметъ — и прочтатъ въ немъ литературное обозрѣніе г. W скажетъ: «Ахъ, какіе были въ ту годину ограниченные литературные обозрѣватели! Какъ они были невѣжественны относительно состоянія своего отечества! Они, очевидно, не знали даже того, что существовавшія въ ихъ время школы, даже и въ наипросвѣщеннѣйшихъ губерніяхъ, могли вмѣщать въ себѣ не болѣе 10% дѣтей всего школьнаго возраста, что въ другихъ губерніяхъ процентъ былъ далеко незначитель-

нѣе этого, и, однакожь, эти невѣжественные публицисты имѣли смѣлость передъ публикою хвалиться тѣмъ, что въ Россіи 25,000 шведовъ, когда для нея, въ ихъ время, было бы мало и 250,000 — мало торо: эти публицисты имѣли дерзость обвинять даже другихъ въ томъ, что они заботятся объ увеличеніи числа шкель, когда ихъ, дескать, и безъ того много — цѣлѣтъ 25,000!

Но оставимъ въ покоѣ «будущаго историка текущей години», которому, какъ я сказалъ уже, никогда не придется рыться въ томъ хламѣ, который называется «Русскимъ Міромъ», и будемъ разбирать это наше современное добро, мы сами, современники.

Перебравъ всѣ статьи «Отеч. Зап.» и не найдя ни въ одной изъ нихъ ни слова о войнѣ, литературный обозрѣватель «Русскаго Міра» говоритъ: «И такъ, во всей апрѣльской книжкѣ «Отеч. Зап.» въ всѣхъ отдѣлахъ, отъ первой до послѣдней страницы, нѣтъ ни слова о томъ, что составляетъ содержаніе всей русской жизни именно въ ту минуту, когда въ этой жизни совершается явленіе міроваго значенія».

Но, г. литературный обозрѣватель, позвольте васъ спросить: какъ вы сами себя ведете «въ эту минуту, когда въ русской жизни совершается явленіе міроваго значенія?» Бросили ли вы всѣ ваши обычные занятія и съ утра до ночи все время проводите только въ бреду о переходѣ русскихъ войскъ черезъ Прутъ и Арпачай, о занятіи ими Валзета, Кагызмана, Діадина, о востаніи висотъ Хацубани, о взорваніи турецкаго монитора, о коварствѣ Англіи и т. д., и т. д., или вы проводите время, какъ проводили его и до войны, исполняете непрежнему всѣ лежачія на васъ обязанности, а свободное отъ этихъ обязанностей время посвящаете, какъ и всегда, любимымъ вашимъ занятіямъ и развлеченіямъ и только у мѣста, гдѣ нужно и когда нужно, говорите или пишете о войнѣ и о разныхъ вопросахъ, съ нею связанныхъ? Предполагая, что вы—человѣкъ не поврежденный, не малякъ, а думаетъ, что и въ ту минуту, когда въ русской жизни совершается явленіе «міроваго значенія», вы ведете себя во всемъ точно такъ же, какъ вели себя и до этой минуты, и если что-нибудь вы даже дѣлаете полезнаго для этой минуты, то на эту дѣятельность у васъ, навѣрное, не выходитъ среднимъ числомъ болѣе часа въ день. Всего же вѣроятнѣе, что вы ровно ничего путнаго для великой минуты вовсе не дѣлаете, а все отношеніе ваше къ этой минутѣ заключается въ томъ, что вы прочитываете каждый день телеграммы съ мѣста дѣйствія, болтаете по поводу ихъ съ вашими друзьями и знакомыми всякій вздоръ и время отъ времени строчите въ «Русскій Міръ» ту дребедень, которую теперь я имѣю печальную обязанность разбирать. А если, по самому существу дѣла, дѣятельность всѣхъ, которые не отпавились въ составъ дѣйствующей арміи, а остались дома, по отношенію къ великой минутѣ поставлена въ самыя тѣсныя границы и самое лучшее, что они могутъ дѣлать для нея, это—добросовѣстно и честно исполнять лежачія на нихъ мирныя за-

нати, ибо въ неразрывной связи съ успѣхомъ этихъ мирныхъ занятій стоитъ всегда и успѣхъ оружія, то какое вы имѣете право требовать, чтобы одна литература оставила свои мирныя занятія и стала на военное положеніе? Почему и беллетристы, и авторы серьёзныхъ статей, и обозрѣватели—однимъ словомъ, всѣ, кто только беретъ за перо, должны писать только о войнѣ и о войнѣ, и ни о чемъ больше? Почему, «когда началась война Россіи съ Турціей», не можетъ быть терпима статья: «Физическій трудъ, какъ элементъ воспитанія», какъ требуете вы? Русское юношество продолжаетъ учиться и во время войны, и сообщеніе здравыхъ мыслей о воспитаніи и даже приложеніе ихъ къ дѣлу имѣтъ никакого резона отглаживать до конца войны, которая можетъ продолжаться и три, и четыре года. Увоенныя юношествомъ, онѣ пригодятся для всѣхъ будущихъ великихъ минутъ Россіи, ибо дадутъ людямъ дѣйствительно дѣятельныхъ и дѣльныхъ, а не пустыхъ борзописцевъ, въ родѣ борзописцевъ «Русскаго Мира», напускной патріотизмъ которыхъ ограничивается только слово изверженіемъ и сыскными вождельніями. Почему, далѣе, печатаніе статьи о фабричномъ законодательствѣ Великобританіи литературный обозрѣватель находитъ несомвѣстнымъ съ переходомъ русскихъ людей черезъ Прутъ и Арпаचाи? Развѣ потому только, что коварный Альбионъ и въ эту войну затѣваетъ противъ насъ что-то недоброе? — Наконецъ, какое имѣетъ основаніе литературный обозрѣватель «Русскаго Мира» требовать, чтобы «Отечественныя Записки» каждый мѣсяцъ говорили о войнѣ или даже вообще говорили о войнѣ? «Отечественныя Записки» — не специально-военный органъ, не ежедневная газета; слѣдовательно, на ихъ обязанности не лежитъ ни сообщать разныя военныя соображенія и этюды о войнѣ, ни передавать ежедневныя извѣстія о ходѣ войны. Разводить разныя политическіе бобы, т. е. сочинять разныя измышленія и гадаи о томъ, что намѣрена предпринять Англія, куда поровитъ Австрія, о чемъ думаетъ Германія, кромѣ насъ

Есть тема искусыяковъ: мы не изъ ихъ числа

и никогда не были изъ ихъ числа. У насъ даже постояннаго политическаго отдѣла никогда не было. А велось дѣло такъ, что, когда тѣ или другія событія подавали поводъ къ вопросамъ, о которыхъ мы считали нужнымъ говорить, мы говорили—имѣть, мы не говорили. Такъ мы поступали во время прусско-французской войны, во время сербско-турецкой войны, такъ будемъ поступать и въ настоящую войну. Выдвигнутся потокомъ текущихъ событийъ какіе-нибудь вопросы, которые мы признаемъ тѣсно связанными съ нашимъ внутреннимъ состояніемъ или интересными для общественнаго умонастроенія, мы будемъ говорить о войнѣ; не будетъ такихъ вопросовъ—мы будемъ молчать. Иначе намъ и дѣйствовать нельзя. Не можемъ мы пуститься въ соперничество съ ежедневными газетами и передавать заднимъ числомъ, какъ это совѣтуетъ намъ глубокомысленный литературный обозрѣватель «Русскаго Мира»,

ежедневныя извѣстія о ходѣ военныхъ дѣйствій, отставая въ этой передачѣ отъ газетъ на цѣлый мѣсяць. Это значило бы убить журналъ на повалъ. Точно также не можемъ мы, не роняя репутаціи журнала, печатать ту политическую размазню, которая печатается въ видѣ политическихъ хроникъ и которую мы называли разведеніемъ бобовъ. Потому что и здѣсь мы должны будемъ конкурировать съ ежедневными газетами и повторять заднимъ числомъ тѣ самыя мысли, которыя будутъ высказаны гораздо ранѣе и не одинъ, а много разъ. Для чего и кому это нужно?

Все это, впрочемъ, очень хорошо знаетъ литературный обозрѣватель и безъ нашихъ объясненій. Но онъ, въ качествѣ любопытнаго наблюдателя, старается вывѣдать отъ насъ, какъ мы относимся къ настоящей войнѣ: сочувственно или несочувственно, чтобъ потомъ, въ случаѣ нашего несочувствія, вчинить противъ насъ инкриминацію во всей формѣ?—Положимъ, что мы васъ обрадуемъ и скажемъ именно, чего вы желаете: «да, мы относимся несочувственно къ настоящей войнѣ». Воображаю, какъ это признаніе наше обрадуетъ васъ, г. литературный обозрѣватель, и весь «Русскій Миръ». Я уже вижу, какъ вы берете перо и начинаете быстро строчить. Фразы, одна другой напыщеннѣе, приправленныя громкими терминами текущей рутинны, въ родѣ: «мировой вопросъ», «великая минута», «подъемъ народнаго духа» и т. д. и т. д. каскадомъ льются съ вашего пера... Вы, весь сіяющій, самоуслаждаетесь дребеденью, которую строчите, и уже шепчете слово: *измѣна*, которымъ хотите завѣнчать эту дребедень. Остановитесь, неудачнѣйшій изъ любопытныхъ наблюдателей, на этомъ словѣ, и прежде, чѣмъ писать его, подумайте: кому и въ чемъ измѣна? Какой бы вы патриотъ ни были, но неужели думать о настоящей войнѣ иначе, чѣмъ вы думаете, имѣть и питать къ текущимъ событіямъ другія чувства, чѣмъ вы имѣете, есть преступленіе и даже измѣна противъ отечества? И если это съ вашей точки зрѣнія дѣйствительно такъ, то какую же вы, ревнивые поборники свободы славянъ, готовите имъ свободу, въ случаѣ, когда Господь благословитъ успѣхи нашего оружія? Вѣдь свобода мысли и чувства есть первичное основаніе всякой свободы; она не преслѣдуется нигдѣ, даже у дикарей, даже въ состояніи самаго тяжелаго рабства. Вы насъ требуете къ отвѣту за то: почему мы не говоримъ о войнѣ, только подозрѣвая, что мы думаемъ и чувствуемъ относительно этого предмета не то, что вы. А что, еслибы мы позволили себѣ свободно доказывать то, что мы думаемъ и чувствуемъ, и стали бы твердо стоять на своемъ и доказывать вамъ, что правильно думаемъ и чувствуемъ мы, а не вы. Какому бы тогда вы подвергли насъ преслѣдованію? Замѣйте при этомъ, что вамъ неизвѣстно: почему мы думаемъ и чувствуемъ несогласно съ вами. Вѣдь очень возможно, что мы не обладаемъ такою широтою воззрѣнія, какъ вы, не понимаемъ ни мирового

значенія славянскаго вопроса, ни величія настоящей минуты и, какъ ни усиливаемся, не можемъ стать на вашу точку зрѣнія, на все смотримъ подъ своимъ собственнымъ угломъ зрѣнія, подъ которымъ даже и подъемъ народнаго духа намъ кажется не такимъ, какимъ онъ кажется вамъ. Одно предположеніе о возможности подобнаго различія міросозерцаній, чисто, если можно такъ выразиться, органическаго, отъ воли человѣка независимаго и которое, слѣдовательно, не можетъ быть ему вмѣняемо, могло бы укрѣпить самаго рьянаго сущивца, въ особенности, когда люди, на которыхъ падаетъ его подозрѣніе, никому своихъ мыслей и чувствъ не открываютъ, ничего не проповѣдуютъ, ни на чемъ не настаиваютъ...

Но вашей ревности это не умѣрило. Это показываетъ степень таковой душевной дрянности, ниже которой даже и представлять трудно. Но, при измѣреніи доблестей «Русскаго Міра», эта степень оказывается далеко не послѣднею.

Читатель удивится, если мы скажемъ ему, что «Русскій Міръ» въ нашей благонамѣренности нисколько не сомнѣвается, что онъ знаетъ, что и о «мировомъ вопросѣ», и о «великой минутѣ» и о «подъемѣ народнаго духа», вообще о текущихъ событіяхъ, и думаемъ не менѣе патриотично, тѣмъ онъ самъ, что разъ, во время сербско-турецкой войны, онъ даже упрекалъ насъ въ похищеніи его воззрѣній на эту войну—до того, значить, они были безупречны съ его точки зрѣнія—знаетъ, что, если мы въ апрѣльской книжкѣ не написали ничего о настоящей войнѣ, то потому, что не могли написать, еслибы хотѣли, и не о чемъ намъ было писать, еслибы и могли—знаетъ, говоримъ мы, онъ все это—и однакожь, рѣшается—какова должна быть его недобросовѣстность!—накинуть на насъ неблагоприятную тѣнь въ любви нашемъ несочувствіи «текущему подъему народнаго духа», «великой минутѣ», въ чемъ, впрочемъ, хотя, какъ мы уже доказали выше, ничего ни преступнаго, ни зазорнаго нѣтъ, ибо мысль и чувства всякаго человѣка вполне свободны—но что, тѣмъ не менѣе, въ нашемъ малоразвитомъ обществѣ въ настоящее время въ глазахъ многихъ показалось бы величайшимъ преступленіемъ. Рѣшается же «Русскій Міръ» это сдѣлать въ твердой надеждѣ, что мы ничего ему не отвѣтимъ, какъ не отвѣчали прежде ему и обыкновенно не отвѣчаемъ на разныя вздорныя на насъ нападки.

Но на этотъ разъ «Русскій Міръ» ошибся. Мы не отпустили его на этотъ разъ съ миромъ, а выведемъ на свѣжую воду его дряннейшее сикофантство.

«Русскій Міръ» пишетъ: «Очень странное впечатлѣніе производятъ нѣкоторыя книжки нашихъ журналовъ. На этой нелѣпѣ вышла, напримѣръ, апрѣльская книжка «Отч. Зап.». Вышла она 26 апрѣля, слѣдовательно, ровно черезъ двѣ недѣли послѣ объявленія войны и перехода нашихъ войскъ черезъ Прутъ и Арнавай. Объявленіе войны, очевидно—дѣло довольно важное.

смѣемъ думать—даже самое важное изъ всѣхъ дѣлъ, заслуживающихъ вниманіе печати и общества» и т. п. Далѣе, обращаясь къ «современному обозрѣнію» книжки «Отеч. Зап.», онъ говоритъ: «Этотъ отдѣлъ специально посвящается интересамъ текущей минуты... Статьи этого отдѣла пишутся, обыкновенно, передъ самымъ выходомъ книжки... Напримѣръ, авторъ внутренняго обозрѣнія, вѣроятно, писалъ свою статью уже послѣ манифеста 12 апрѣля» и т. д.

Здѣсь, что ни слово, то—ложь и недобросовѣстность. *Во-первыхъ*, книжка «Отеч. Зап.», вышла не 26, а 25 апрѣля. Можетъ быть, со стороны «Русскаго Міра» тутъ и нѣтъ преднамѣренной ошибки, но разъ онъ всю силу своего доказательства упираетъ на расчетъ времени выхода книжки, добросовѣстность требовала узнать точно день выхода книжки. *Во-вторыхъ*, еслибы книжка вышла и 26 апрѣля, то «Русскому Міру» извѣстно, что каждая книжка журнала, передъ выходомъ въ свѣтъ, пребываетъ цѣлыхъ четыре дня въ цензурѣ, слѣдовательно, и въ такомъ случаѣ редація могла имѣть ее въ своихъ рукахъ не 14 дней, какъ вычисляетъ «Русскій Міръ», а всего десять; а такъ какъ книжка вышла въ свѣтъ 25 числа, то всего девять. *В-третьихъ*, всѣмъ, занимающимся журналистикой, а слѣдовательно и «Русскому Міру» хорошо извѣстно, что въ ежемѣсячныхъ журналахъ принятіе новыхъ статей въ наборъ прекращается, по крайней мѣрѣ, за недѣлю до отправки книги въ цензуру. Потому что нужно, по крайней мѣрѣ, недѣлю времени на окончаніе наборомъ хвостовъ или концовъ прежнихъ статей, на ихъ исправленіе, сверстку, переверстку и т. п. Изъ всего этого видно, что послѣ выхода манифеста о войнѣ редація «Отеч. Зап.» вовсе не имѣла времени для приготовленія статьи по этому предмету.

Но еслибы манифестъ о войнѣ вышелъ и разѣе, недѣлю, десятью днями, тѣмъ теперь, и редація имѣла бы полную возможность приготовить статью о войнѣ, она все равно, какъ я уже и сказалъ выше, никакой статьи не приготовила бы и не дала бы въ апрѣльской книжкѣ «Отеч. Зап.» Потому что, вопреки мнѣнію «Русскаго Міра», она не считаетъ ни нужнымъ, ни достойнымъ себя помѣщать заднимъ числомъ тѣ извѣстія о войнѣ, которыя передаются ежедневными газетами—а болѣе и писать было не о чемъ. Единственный предметъ, которымъ она могла заняться по поводу объявленія войны, это—отношеніе Россіи къ славянскому вопросу и славянамъ, о томъ, нужна ли эта война, желательна ли—но объ этомъ предметѣ мы такъ много говорили въ прошедшемъ году, по поводу сербскотурецкой войны, помѣстивъ нѣсколько даже отдѣльныхъ статей, что намъ бы пришлось теперь только повторять старое и сказанное нами уже много разъ. Статьи наши были такъ ясны и опредѣленны, что, смѣемъ думать, въ томъ движеніи, которое завершилось теперь войною, была не незначительная доля и нашей работы. Мы удивляемся одному: какъ это у «Русскаго Міра», который воззрѣнія этихъ

нашихъ статей считалъ прежде за свое добро и упрекалъ насъ въ похищеніи, хватаетъ теперь настолько недобросовѣстности, чтобы сказать, что въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ — во все время славянскаго движенія и борьбы — мы не показали никакого сочувствія къ дѣлу славянъ!

Не нашедши въ нашей апрѣльской книжкѣ ни слова о войнѣ и выведши отсюда заключеніе о нашемъ несочувствіи къ «подъему народнаго духа», «Русскій Миръ» пишетъ:

«Мы смѣемъ выразить это заключеніе не на основаніи только такого единичнаго факта, какъ содержаніе апрѣльской книжки «Отечественныхъ Записокъ». Мы думаемъ, что предшествовавшіе два года, начиная съ самаго возникновенія герцеговинскаго возстанія, должны были cadaго привести къ этому выводу. Общественныя и народныя симпатіи, такъ прекрасно проявившіяся въ эти два года, находили горячій откликъ именно въ той части журналистики, которую постоянно укоряли въ разобщеніи съ народомъ, и, напротивъ, журналистика, драпированная мантией демократизма, народолобія, оказалась въ эти знаменательныя минуты вовсе не тамъ, гдѣ былъ народъ. Кто можетъ отрицать поучительность этого факта?»

Какова наглость! Нѣтъ, «Русскій Миръ», какъ хотите, а и самый дрянненькій изъ тѣхъ сивофантовъ, какихъ мы звали. Крупный сивофантъ выжидаетъ терпѣливо отъ избранной имъ жертвы какихъ-нибудь подходящихъ «поступковъ», на основаніи которыхъ онъ могъ бы выступить прямо и сказать въ упоръ, что, дескать, вотъ совершены такіе-то поступки и они подрываютъ основы такія-то, и т. д. Вы идете другимъ порядкомъ. Вы, не ожидая «поступковъ», просто ждете, въ надеждѣ на мезаніе читающей вась публики, на ея недогадливость и т. д. Такъ, въ настоящемъ случаѣ, вы ждете, въ увѣренности, что публика не пойдетъ спрашивать, что говорили «Отч. Зап.» въ продолженіи двухъ лѣтъ по отношенію къ славянамъ и славянскому вопросу; точно также, выше, о выходѣ апрѣльской книжки «Отч. Зап.» и о томъ, что между манифестомъ о войнѣ и днемъ выхода оставалось много времени для приготовленія какихъ угодно статей, вы лгали единственно въ той увѣренности, что публика не знаетъ, какъ ведется типографская часть въ изданіи журналовъ и справится, конечно, не будетъ.

Въ такомъ расчетѣ на незнаніе, на недогадливость читающей публики, вы сивофанствуете уже не въ первый разъ. Насадъ тому не болѣе, какъ недѣлю, до того литературнаго обзорѣнія, о которомъ мы ведемъ рѣчь, было помѣщено въ «Русскомъ Мирѣ» другое литературное обзорѣніе о мартовской книжкѣ «Отч. Зап.» — Кстати здѣсь выяснить читателю и еще одно обстоятельство, свидѣтельствующее о сильномъ развитіи сыскныхъ способностей «Русскаго Мира». Обыкновенно, рецензіи въ газетѣ на выходящія книжки мѣсячныхъ журналовъ появляются въ

ранѣе, какъ черезъ двѣ-три недѣли по выходѣ журналовъ, а иногда и того позднѣе. Оно иначе и быть не можетъ: требуется не мало времени, чтобы прочесть книжку въ тридцать и болѣе листовъ; потомъ, надо время, чтобы статью написать. Потому, очень естественно, что на мартовскую книжку «Отеч. Зап.», вышедшую въ первыхъ числахъ апрѣля, въ «Русскомъ Мірѣ» рецензія явилась только 24-го апрѣля, т. е. черезъ три почти недѣли. Но объ апрѣльской книжкѣ, вышедшей 25-го апрѣля, рецензія явилась уже на седьмой день послѣ ея выхода. Отчего, спрашивается, такая необыкновенная поспѣшность? — Понятно отчего, читатель. Оттого, что «Русскій Міръ» не нашелъ въ апрѣльской книжкѣ ничего о войнѣ и побѣждалъ спорѣе доложить объ этомъ начальству: «тамъ, дескать, ничего о войнѣ нѣтъ: это неблаговидно, преступно, это — измѣна!» — Въ мартовской книжкѣ «Отеч. Зап.» былъ напечатанъ отрывокъ изъ поэмы г. Некрасова «Мать», въ которой изображается мать поэта, полька, бѣжавшая изъ родительскаго дома съ русскимъ офицеромъ. Мать бѣглянки, конечно, не желавшая этого брака, въ надеждѣ образумить и воротить свою дочь, пишетъ ей письмо, въ которомъ изображаетъ самыми мрачными красками Россію и русскихъ. Она говоритъ, что «ея кось не станеть въ Россіи на полгода», что «довнѣ русскихъ любить и бить», сомнѣвается «умѣеть ли мужъ ея, русскій офицеръ, подписать свое имя», ея обстановку и прелести жизни описываетъ, между прочимъ, въ такихъ образахъ:

Какая жизнь! Полотна, тальки, кури
 Съ несчастныхъ бабъ; сосѣди дивари,
 А жени ихъ — безграмотныя дурн...
 Сегодня иеръ... исары, исары!
 Пой, дочь моя! средь самаго разгара
 Твоихъ руладъ, не выдержавъ удара,
 Валится рабъ... засмѣйся! всѣмъ смѣшно...

Письмо это не производитъ, однакожь, желаемого дѣйствія на бѣглянку. Она остается въ Россіи и въ теченіи двадцати лѣтъ томится въ объятахъ своего мужа-диваря, утѣшая себя, между прочимъ, слѣдующею мыслию:

«Несчастна я, терзаемая другомъ,
 Но предъ тобой — о, женщина раба!
 Передъ рабомъ, согнувшимся надъ илугомъ,
 Моя судьба — завидная судьба!

Выписавъ оба эти мѣста изъ поэмы, литературный обозрѣватель «Русскаго Міра» дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе:

«Не правда ли, очень странно! Мы нисколько не желаемъ оспаривать, что въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ русская жизнь отличалась грубостью; что крѣпостное право, исары, палки играли въ ней большую роль; но развѣ польское общество было когда-нибудь впереди насъ со стороны человѣческаго отношенія къ народу, къ крестьянству? Развѣ не русская власть надѣлила польскихъ крестьянъ землею? Развѣ не въ польскихъ губер-

нѣхъ крѣпостное право вело къ самымъ вопиющимъ злоупотребленіямъ? Развѣ не у поляковъ народъ назывался *бидломъ*? Да и помимо крестьянскаго вопроса, провинціальныя и деревенскія нравы въ Польшѣ, въ двадцатыхъ годахъ, едва ли въ какомъ-нибудь отношеніи были культурнѣе нашихъ: тѣ же псади, тѣ же плети, то же пьянство и развратъ — и, разумѣется, какъ тамъ, такъ и здѣсь, много свѣтлыхъ исключеній изъ общаго правила. Культурное первенство Польши окончилось вмѣстѣ съ XVIII вѣкомъ, и съ тѣхъ поръ въ культурныхъ вопросахъ поляки постоянно отстаютъ отъ насъ, несмотря на то, что до 1831 года они пользовались благоприятными условіями для внутренняго національнаго развитія. Поэтому, скорбь о рабѣ, согнувшемся надъ плугомъ—совсѣмъ не польская скорбь».

Возможно ли, по поводу выписанныхъ нами выше стиховъ изъ поэмы Некрасова, представить примѣчаніе болѣе странное, болѣе курьезное, болѣе неумѣстное, болѣе, такъ сказать, сифофантовое, чѣмъ это? Подумайте: полька пишетъ письмо къ дочери единственно съ тою цѣлю, чтобы какъ бы нибудь выманить ее изъ Россіи въ Польшу, домой. Еслибы она имѣла самое прекрасное представленіе о русской жизни, о русскихъ нравахъ, не постаралась ли бы она и тогда накнудить болѣе или менѣе мрачную тѣнь и на эту жизнь, и на эти нравы, чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли? Но полька имѣла понятіе о Россіи несомнѣнно самое нечестное. Какъ ни была плоха Польша того времени, но, само собою разумѣется, что не только обыкновенныя польскія женщины, но даже просвѣщеннѣйшія поляки того времени думали, что Россія все-таки въ десять разъ хуже Польши—во всѣхъ отношеніяхъ. Вѣдь находятъ даже и теперь за границей лица, которыя думаютъ, что кнутъ въ Россіи все еще въ общемъ употребленіи и что онъ не пренебрегается иногда даже въ училищахъ! И это теперь, когда существуютъ и телеграфы, и желѣзныя дороги, когда связь и сообщенія между различными народами самая тѣсная! Кромѣ того, всѣмъ извѣстно, что на свѣтѣ нѣтъ порока слѣпѣе національной гордости и нѣтъ предрасудковъ негнѣе тѣхъ, которые на ней держатся. Возможно ли представить себѣ, чтобы какой нибудь полякъ или полька назадъ тому пятьдесятъ лѣтъ—они, старѣйшіе насъ по цивилизаціи и культурѣ — могли допустить такую мысль, что русскіе могутъ быть въ чемъ нибудь выше ихъ или даже равны съ ними! Не на той же ли національной гордости истрасте и вы, г. сифофантъ «Русскаго Міра»? Вѣдь, только разсчитывая на эту слѣпоту національной гордости, и можно было впечатать такую негнѣность, что въ двадцатыхъ годахъ изъ одна полька не могла имѣть скорби о рабѣ, согнувшемся надъ плугомъ, оставаясь въ увѣренности, что эта негнѣность не въ уши будетъ рваться. Поэтъ изображаетъ въ своей поэмі не типъ польской женщины, а данную единичную личность, свою мать, и говоритъ, что она скорбѣла надъ рабомъ, согнувшимся надъ

плугемъ, а литературный обозрѣватель «Русскаго Мира», хотя и говоритъ, что «какъ у насъ, такъ и въ Польшѣ, было много свѣтлыхъ исключеній въ средѣ темныхъ личностей, не допускаетъ, однакожъ, чтобы у матери поэта могла быть такая сворбъ, что эта сворбъ совсемъ не польская!?!»

Мы, хотя и не допускаемъ, чтобы литературный обозрѣватель «Русскаго Мира» писалъ всѣ эти нечѣлости безосознательно, тѣмъ не менѣе, разъ, что человѣкъ для цѣлей сифофанства прибѣгаетъ къ подобнымъ несообразнымъ вымысламъ, онъ, очевидно, не особенно далекъ и несомнѣнно компрометируетъ «Русскій Миръ» въ глазахъ людей, понимающихъ дѣло. Потому рекомендуемъ «Русскому Миру», въ видахъ сифофанства, записаться литературнымъ обозрѣвателемъ поумнѣе.

Теперь обратимся къ нашимъ mouthons. Выше мы сказали, что «Русскій Миръ» явился въ качествѣ военного учрежденія въ сербско-турецкую войну, выпускалъ, однакожъ, изъ нѣдръ своихъ героевъ очень непрочныхъ. Мы не можемъ всю вину этого складывать на «Русскій Миръ», ибо помнимъ, что «Русскій Миръ» — все-таки, учрежденіе не чисто-военное, а литературно-военное, и всѣ герои, изъ него выходящіе, прежде всего — герои пера и, слѣдовательно, должны стремиться въ тѣ части арміи, гдѣ преобладаетъ письменность, напримѣръ, штабъ, интенданство и т. п. Какъ подѣйствуетъ на нихъ боевое поле — заговорить ли въ нихъ ретивое при видѣ изнемогающихъ въ борьбѣ за свободу и погибающихъ братьевъ и они, бросивъ перо, предпочтутъ стать въ ряды арміи даже простыми солдатами, какъ это случилось съ корреспондентомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», покойнымъ Ярошенко, или вѣрнѣе военныхъ ужасовъ заставить ихъ крѣпче прижаться къ перу — это зависитъ и отъ личной впечатлительности ихъ натуры, и отъ широты ихъ сердца и ихъ умственного горизонта, и «Русскій Миръ» тутъ, конечно, не причемъ. Но въ этомъ дѣлѣ есть другая сторона, гдѣ, по нашему мнѣнію, «Русскому Миру» можетъ быть сдѣланъ упрекъ достойно и праведно. На «Русскомъ Мирѣ» въ сербско-турецкую войну отразился блескъ его героевъ не только невещественно, но и вещественно — въ числѣ подписчиковъ; на «Русскій Миръ» всѣ смотрѣли, нѣкоторымъ образомъ, какъ на органъ штаба тимокско-моравской арміи, такъ какъ онъ, благодаря своимъ близкимъ сотрудничамъ, здѣсь игравшимъ главную роль, находился въ самой тѣсной связи съ штабомъ. Кому же, спрашивается, было естественнѣе и ближе, какъ не ему, позаботиться о томъ, чтобы его сотрудники, бывшіе штабными дѣятелями, дали русскому обществу отчетъ о расходованіи денегъ въ штабѣ тимокско-моравской арміи, объяснили, какъ здѣсь вообще велись расходы, куда и на что, и опровергли многочисленныя обвиненія, которыя взводились и взводятся на бывшій штабъ тимокско-моравской арміи? «Русскому Миру», изъ уваженія къ самому себѣ, въ своей репутаціи, надобно было давно уже са-

мымъ серьёзнымъ образомъ посовѣтовать своимъ сотрудникамъ, бывшимъ заправителями въ штабѣ тимокско-моравской арміи, сдѣлать это и даже настоять на исполненіи. Но «Русскій Міръ», такъ ревниво слѣдящій за сочувствіемъ или несочувствіемъ къ войнѣ, видимо не понимаетъ того, что самое желательное для него сочувствіе къ войнѣ—сочувствіе дѣятельное—находится въ самой тѣсной связи съ правильнымъ употребленіемъ суммъ, жертвуемыхъ на войну. Я говорю: не понимаетъ, потому что, въ противномъ случаѣ, онъ давно уже разъяснилъ бы, что, какъ и почему такъ, а не иначе, дѣлалось или велось въ штабѣ тимокско-моравской арміи, и оправдалъ бы, вполне или безпристрастно осудилъ тѣхъ его дѣятелей, которыхъ осудить слѣдуетъ. Мнѣ кажется, что «штабъ тимокско-моравской арміи былъ и исчезъ теперь навсегда и что тамъ дѣлалось, теперь уже не воротить»: «повольте, но дѣло тутъ вовсе не въ штабѣ, а въ отношеніи печати къ публикѣ. Публика наша такъ еще вѣрить въ честность печати, что въ редакцію каждаго журнала, каждой газеты, объявившихъ у себя приемъ пожертвованій, несутъ свои послышки жертвы въ полной увѣренности, что деньги, ею сюда отданныя, будутъ употреблены по назначенію. Одно уже это простодушное довѣріе публики ко всякому журналу, ко всякой газетѣ, открывшимъ у себя приемъ пожертвованій, должно было заставить издателей и редакторовъ этихъ журналовъ и газетъ, въ огражденіе литературы отъ нареканій, очень возможныхъ и даже по однимъ только случайнымъ недоразумѣніямъ, а тѣмъ болѣе по злоупотребленіямъ (вѣдь и это не невозможно), давать самыя обстоятельныя и точныя отчеты объ употребленіи всѣхъ собранныхъ ими суммъ. Между тѣмъ, я слышу, что до сихъ поръ многіе бывшіе жертвователи въ сербско-турецкую войну напрасно являются въ конторы разныхъ изданій, прося отчета въ пожертвованныхъ имъ суммахъ. Таковыхъ отчетовъ не является до сихъ поръ.

Что касается до бывшего штаба тимокско-моравской арміи, то любопытство публики относительно расходовъ, въ немъ производившихся, въ виду многочисленныхъ на него обвиненій, возбуждено въ высшей степени. И на «Русскомъ Мирѣ» болѣе, чѣмъ на комъ-нибудь, лежитъ обязанность удовлетворить это вполне законное любопытство публики. Никто не будетъ отрицать—думаю, что и самъ «Русскій Міръ» согласится съ этимъ—что большая часть жертвователей посылали свои деньги прямо въ штабъ тимокско-моравской арміи, единственно потому, что знали, что тамъ всѣмъ дѣломъ заправляютъ герои, вышедшіе изъ «Русскаго Мира», и что, вѣрно, они не позволятъ ни одной копейкѣ пропасть напрасно. Само собою разумѣется, что никто не можетъ привлекать къ ответственности «Русскій Міръ», если деньги въ штабъ тимокско-моравской арміи неправильно расходывались даже и бывшими его сотрудниками; но всякій имѣетъ право требовать, чтобы онъ, на основаніи показаній бывшихъ своихъ

сотрудниковъ, рассказали, какъ тамъ шло дѣло, и откровенно и правдиво объяснилъ: солидаренъ ли онъ съ ними, или нѣтъ. Для русской публики, жертвовавшей деньги на славянское дѣло, не то важно, что въ штабѣ тимокско-моравской арміи было мотовство, еслибы такое и было, что большая часть пожертвованныхъ ею денегъ пропала здѣсь напрасно, а то: какъ относится къ этому печатъ — правдиво или нѣтъ, скрываетъ она факты, которые были, или нѣтъ, караетъ ли тѣхъ лицъ, которыхъ слѣдуетъ, или щадить ихъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ и отношеніямъ. Какія бы потери публики ни понесла, какія бы ни случились злоупотребленія, публики все это терпѣливо вынесетъ, если передъ нею будутъ правдивы. Ибо она будетъ увѣрена, что все это на будущій разъ можетъ быть предупреждено и устранено, и отзовется поэтому такъ же, какъ и прежде на призы во всякому доброму дѣлу.

Но разъ публики удостовѣрится, что печатъ лжива, что она скрываетъ отъ нея, какъ было дѣло, что она защищаетъ или даже только щадить лицъ, которыхъ слѣдуетъ клеймить позоромъ, что—мало того:—она сама неправильно расходуетъ деньги, которыя довѣряютъ ей жертвователи — публики отвернется отъ печати и съ большимъ довѣріемъ понесетъ свои пожертвованія въ разныя полицейскія инстанціи, чѣмъ въ редакціи газетъ и журналовъ. Вотъ о чемъ должны подумать редакціи газетъ и журналовъ, принимавшіе пожертвованія въ сербско-турецкую войну, и послѣшить доставленіемъ отчета объ употребленіи пожертвованныхъ денегъ. Въ особенности же «Русскому Міру» рекомендуемъ позаботиться о доставленіи свѣдѣній по расходамъ штаба тимокско-моравской арміи и свѣдѣній заправскихъ, а не для блесну только. Назадъ тому мѣсяць или два, не помню уже въ какомъ № «Русскаго Мира», г. Лаврентьевъ, по нашему запросу, расшаркался передъ русскою публикою и сказалъ, что они, герои «Русскаго Мира», ничего не знаютъ о расходованіи суммъ въ штабѣ тимокско-моравской арміи, никакой прикосновенности къ деньгамъ не имѣли, а хранились, дескать, всѣ деньги у казначея-маіора серба и отпущались имъ на точномъ основаніи сербскихъ законовъ. Помилуйте! что это за отвѣтъ! Казначей при сундукѣ—все равно, что машина. Принеси ему ордеръ за надлежащимъ подлинномъ съ требованіемъ 5, 10, 20, тысячь денегъ—онъ и отпуститъ. Для чего именно, на какія потребности, почему больше или меньше—это, я думаю, и вообще казначею учитывать едва ли можетъ дозволено, да и трудно. А въ военное время онъ едва ли можетъ требовать точныхъ обо всемъ свѣдѣній. Притомъ же, извѣстно, что очень много денегъ во время сербско-турецкой войны посылалось изъ Россіи прямо въ руки главнокомандующаго арміею и въ личное его распоряженіе, и отсылалось, между прочимъ, именно потому, что главнокомандующій сербскимъ правительствомъ стѣсняется въ самыхъ необ-

ходимыхъ расходахъ. Деньги, послыавшіяся лично въ распоряженіе главнокомандующаго, вѣроятно, не отдавались въ руки сербскаго маіора.—Да и требованіе вамъ, г. Лаврентьевъ, равно, какъ и вашимъ товарищамъ изъ «Русскаго Міра» по тимокско-моравскому штабу, дѣляется вовсе не такое, чтобы вы дали отчетъ въ каждой копейкѣ, куда она тратилась. Этого вовсе и не нужно. А требуется только, чтобы вы, въ виду и въ разгѣръ взводимыхъ обвиненій на штабъ тимокско-моравской арміи, обстоятельно рассказали: какую жизнь велъ штабъ, на что онъ расходовалъ деньги, кому генералъ Черняевъ передавалъ послыавшия въ его личное распоряженіе деньги и въ какомъ количествѣ, и куда онѣ употреблялись. Вотъ когда вы все это расскажете, тогда этого и будетъ довольно. Тогда можно будетъ собрать всѣ свѣдѣнія о томъ: сколько изъ Россіи, изъ разныхъ мѣстъ переслано было денегъ въ личное распоряженіе генерала Черняева, сколько переслано въ штабъ черезъ сербское правительство—черезъ упоминаемаго вами маіора, и, сообразивъ это съ тѣмъ расчекомъ, который вы дадите, фундаментально опровергнуть или признать взведенныя на штабъ тимокско-моравской арміи обвиненія. А то вы, вмѣсто дѣльнаго и основательнаго отвѣта, какъ дитя, отвѣчаете: «былъ, дескать, такой сербскій маіоръ въ штабѣ, у котораго хранились деньги и который ихъ выдавалъ!» Это—не отвѣтъ. Не въ томъ дѣло, кто хранитъ деньги и выдаетъ, а въ томъ, кто приказываетъ ихъ выдавать и кому дается право ихъ тратить.

Со времени объявленія войны точно все верхъ дномъ пошло. Ни одному извѣстію нельзя давать вѣры. Бывшій вѣчно достойной памяти издатель «Кіевскаго Телеграфа», Альфредъ Августовичъ фонъ-Юнгъ, сказалъ бы, что теперь и писать, и извѣщать всѣ стали *наоборотъ*. Я уже не говорю объ иностранныхъ телеграфическихъ и другихъ извѣстіяхъ. Тамъ такое вранье, что хоть не читай. Такъ, по турецкимъ извѣстіямъ, выходитъ, что турецкія войска уже подъ Тифлисомъ, всѣмъ кавказскимъ населеніемъ приняты съ восторгомъ, что въ русской арміи свирѣпствуетъ тифъ, гнилая лихорадка, и чуть не эпидемическія самоубійства, такъ что, не сегодня-завтра, весь Кавказъ будетъ въ рукахъ турокъ. Какая-то французская иллюстрація сдѣлала изъ Лорисъ-Меликова двухъ генераловъ и дала портреты ихъ обоимъ и Лорисова, и Меликова. Въ нѣкоторыхъ русскихъ извѣстіяхъ, хоть и нѣтъ такого очевиднаго лганья, но и въ нихъ замѣчается также шаткость. Сегодня получаешь извѣстіе, что при Ватумѣ идетъ битва кровопролитная; завтра, наоборотъ, что никакой тамъ битвы не бывало. Или дня по два подрядъ шлютъ телеграммы, что русскіе перешли Дунай, даже и мѣсто съ точностію обозначаютъ, гдѣ перешли, а потомъ, на третій—увѣдомленіе, тоже телеграммой, что никакого перехода черезъ Дунай еще не было. Пускай бы такъ дѣло стояло только

относительно однихъ военныхъ дѣйствій—нѣтъ; и другія извѣстія начинаютъ становиться какъ-то невѣроподобными, похожими на мистификацію. Такъ, изъ Одессы пишутъ въ «Новое Время», что г. Немировичъ-Данченко, на пути въ Кишиневъ, благодаря бланкету, который служилъ ему для разсматриванія видовъ, былъ принятъ за англійскаго соглядатая и привезенъ въ Одессу подъ конвоемъ жандармовъ, гдѣ его, дескать, немедленно и освободили. Какъ хотите, извѣстіе совсѣмъ невѣроятное. Какъ это въ русской землѣ челоуѣка, говорящаго порусски, и притомъ говорящаго такъ краснорѣчиво, какъ можетъ говорить только г. Немировичъ-Данченко, принять за англчанина.. нѣтъ, это не можетъ быть. Тутъ неперемѣнно есть какая-нибудь мистификація.

Теперь—время литературныхъ мистификацій. Мы сами сдѣлались жертвой такой литературной мистификаціи. Помните, въ прошедшей книгѣ мы рассказали исторію о томъ, какъ былъ битъ камер-юнкеръ Селезневъ на станціи тульской желѣзной дороги? Исторію эту мы позаимствовали изъ такого источника, что трудно было и подозревать, чтобы туда могла попасть какая-нибудь мистификація—именно изъ «Московскихъ Вѣдомостей». Да и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» она была напечатана не въ корреспонденціи какой-нибудь, а въ отчетѣ о судебномъ засѣданіи. Въ этомъ именно отчетѣ передавалось, что подсудимая Александровичъ, на судѣ, въ послѣднемъ словѣ, сообщила будто бы о такомъ разговорѣ своемъ съ камер-юнкеромъ. Она сказала ему: «вы получили отъ меня 25 плюхъ», а онъ такъ отвѣчалъ ей: «ну, что жь! вы мнѣ дали 25 плюхъ, а я заплачу 25 тысячъ и останусь камер-юнкеромъ, а вы улетите въ сумасшедшій домъ».

Теперь отчетъ о судебномъ засѣданіи по дѣлу Александровичъ, напечатанный въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», оказывается мистификаціей. По крайней мѣрѣ, такимъ признаетъ его бывший адвокатъ камер-юнкера Селезнева, г. Лохвицкій, въ той части, гдѣ дѣло идетъ «о 25 оплеухахъ и о 25 тысячахъ». Г. Лохвицкій, въ письмѣ въ редакцію «Петербургскихъ Вѣдомостей» № 126, пишетъ, что г-жа Александровичъ «никогда послѣдняго слова не говорила», мало того: «во все время судебного слѣдствія хранила молчаніе, что, вызванная вопросомъ председателя: что побудило ее направить револьверъ противъ г. Селезнева, она отвѣчала слѣдующее: «я просила Селезнева прочитать приготовленное мною письмо, но онъ закричалъ: *«молла конъ»*, и начала моланить меня; тогда, оскорбленная такимъ обращеніемъ, я вынула револьверъ. Затѣмъ г-жа Александровичъ просила председателя, ссылаясь на свое нездоровье, освободить ее отъ отвѣтовъ. Вотъ все, что мы услышали отъ г-жи Александровичъ на судѣ», заключаетъ г. Лохвицкій.

Теперь спрашивается: что же думать объ отчетѣ о судебномъ засѣданіи по дѣлу г-жи Александровичъ, напечатанномъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»—весь ли его надобно признавать мисти-

фикаціей, или только относительно послѣдняго слова подсудимой и, въ послѣднемъ случаѣ, только относительно 25 тысячъ рублей, или относительно 25 оплеухъ? Г. Лохвицкій, въ письмѣ своемъ, излагаетъ это какъ-то не совсѣмъ ясно. Правда, онъ заявляетъ прямо, что г-жа Александровичъ послѣдняго слова не говорила, но, вслѣдъ затѣмъ, о 25 тысячахъ рублей прибавляетъ: «откуда составитель отчета почерпнулъ извѣстіе о г-жѣ Александровичъ насчетъ 25 тысячъ рублей—мнѣ неизвѣдомо; но, во всякомъ случаѣ, не изъ обвинительнаго акта и не изъ судебного слѣдствія». слѣдовательно, разговоръ о 25 тысячахъ прямо отрицаетъ, а о 25 оплеухахъ ничего не говоритъ. Изъ этого можно бы было вывести, пожалуй, такое заключеніе, что г. Лохвицкій tacito modo утверждаетъ не только фактъ оплеухъ, но и число ихъ. Но въ виду того, что г. Лохвицкій отвергаетъ, чтобы подсудимая Александровичъ вообще говорила послѣднее слово, такое заключеніе было бы поспѣшно и опрометчиво. Такимъ образомъ, быть быль камер-юнкеръ Селезневъ и дано ли ему именно 25 оплеухъ или менѣе, въ письмѣ г. Лохвицкаго это обстоятельство нисколько не разрѣшается, а нѣсколько даже осложняется и запутывается потому что, какъ читатель, конечно, примѣтитъ, г. Лохвицкій сообщаетъ показаніе г-жи Александровичъ, въ которомъ она говоритъ, что камер-юнкеръ Селезневъ закричалъ на нее: «пошла вонъ» и «началъ ее толкать». Какъ считать показаніе—фактомъ удостовѣреннымъ на судѣ или нѣтъ?

Мы думали разъясненіе всему этому найти въ письмѣ самого камер-юнкера Селезнева, помѣщенномъ въ томъ же № «Петербургскихъ Вѣдомостей» рядомъ съ письмомъ г. Лохвицкаго. Но письмо г. Селезнева составлено такъ безграмотно, что лишь съ большимъ трудомъ можно добиться въ немъ до смысла, и то не вездѣ. Видно было, что авторъ изъ всякъ силъ бьется, чтобы доказать, что онъ не хотѣлъ жениться, отказывался, хотя его старались всячески завлечь. «На предложеніе выйти шампанскаго я согласился, говоритъ онъ, сказать: «потому что холодно»; но господа эти только въ душѣ совѣдали, что шампанское пилось въ ознаменованіе сдѣланнаго предложенія».

Въ особенности темно то мѣсто письма, гдѣ дѣло идетъ объ оплеухахъ. Именно вотъ оно: «не желая знать сущности дѣла, пишеть камер-юнкеръ Селезневъ: — грѣшители скандала распространяютъ на мой счетъ оскорбительныя осужденія, пользуюсь тѣмъ, что, имѣя дѣло съ женщиною, положеніе лица само по себѣ стѣсняющее въ дѣйствіяхъ мужчину, а женщина возможно-сти защищаться или доказывать, насколько правдоподобно, что, и по обезоруженіи, ей могла быть предоставлена такая обширная свобода дѣйствій, а равно и какія мѣры я вынужденъ былъ принять, чтобы обезоружить нападающую разъяренную женщину».

Я понимаю, что г. Селезневъ этими словами хотеть сказать, что

хотя онъ и вырвалъ револьверъ у г-жи Александровичъ, но свобода дѣйствій ея была ничѣмъ не стѣснена и, когда она дупила его, то онъ никакикъ мѣръ противъ этого не принималъ.

А впрочемъ, такой ли именно смыслъ приведенной мною выдержки, не могу ручаться. Можетъ быть, и другой какой-нибудь. Потому вопросъ о томъ: бить или не бить камеръ юнкеръ Селезневъ — надобно считать открытымъ.

ОТЧЕТЪ

Общества для пособія слушателямъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ за 1876 годъ.

I. Личный составъ Общества и Комитета.

Послѣ выборовъ, произведенныхъ въ общемъ собраніи, состоявшемся 29-го февраля 1876 года, числится въ обществѣ 526 членовъ.

Со времени прошлогодняго общаго собранія, изъявили желаніе поступить въ дѣйствительные члены общества 164 кандидата.

Послѣ выборовъ въ общемъ собраніи 29 февраля 1876 годъ, комитетъ имѣлъ слѣдующій составъ: предсѣдатель В. А. Арцимовичъ, товарищъ предсѣдателя Н. Н. Тютчевъ; члены: г-жи Е. И. Арсеньева, О. К. Граве, М. Ф. Павловская, В. П. Тарновская, г-нъ А. П. Доброславинъ, казначей А. П. Бородинъ, секретарь И. А. Павловъ.

Въ теченіи 1876 года комитетъ имѣлъ 18 засѣданій.

II. Заключенія комитета.

а) По сбору средствъ.

Прямую обязанность комитета составлять заботы о возможно успѣшномъ сборѣ средствъ, требуемыхъ для удовлетворенія ежедневно возрастающаго числа просьбъ о пособіи, вынуждаемыхъ какъ дороговизною жизни въ Петербургѣ, такъ и значительнымъ увеличеніемъ числа слушателей, кои въ годъ состоятъ 427 при врачебныхъ курсахъ и 241 и при педагогическихъ.

Главные источники дохода общества составляютъ: ежегодные взносы членовъ общества и одновременно пожертвованія какъ членовъ общества, такъ и постороннихъ лицъ.

Членскіе взносы.

Поступленіе членскихъ взносовъ въ теченіи 1876 года выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Пожизненныя взносы, по сту рублей, поступило отъ 4 лицъ на 400 руб.
Ежегодныя поступило:

отъ 7 лицъ по 25 руб.	}	1876 г.	175 р. ¹		
» 3 » » 15 »			45 »		
» 26 » » 10 »			260 »		
» 1 » » 6 » 23 коп.			6 » 23 к.		
» 5 » » 6 »			39 »		
» 24 » » 5 » въ годъ за 1875 и 1876 г.			240 »		
» 189 членовъ за 1876 г. 5 р.			945 »		
» 102 кандидатовъ » 5 »			510 »		
Всего . . .			2,611 р. 23 к.		

¹ Члены и кандидаты, сдѣлавшіе взносы въ разнѣрѣ отъ 10 до 25 руб., не имевшіи въ отчетѣ казначея.

Кромѣ 510 руб., внесенныхъ 102 кандидатами, избравшими пяти-рублевый размѣръ взноса, внесено въ число вышепоказанныхъ частныхъ итоговъ:

Кандидатомъ А. И. Закомъ пожизненно 100 руб.

2 кандидатами по 25 р.	50 р.
2 > > 15 >	30 >
10 > > 10 >	100 >
1 > > 6 > 23 к.	6 > 23 к.
2 > > 6 >	12 >

Всего 120 кандидатами внесено 808 р. 23 к.

Если означенныхъ 120 кандидатовъ и сдѣланные ими взносы исключить изъ вышепоказаннаго общаго итога, то оказывается, что собственно членами общества внесено:

3 лицами по 100 р.	300 р.
5 > > 25 >	125 >
1 > > 15 >	15 >
16 > > 10 >	160 >
3 > > 6 >	18 >
189 > > 5 >	945 >
24 > > 5 > за 1875 г.	120 >
24 > > 5 > за 1876 г.	120 >

Итого 241 членами 1,803 р.

Пожертвованiя.

Всего поступило одновременныхъ пожертвованiй и сборовъ по книжкамъ 2,890 р. 50 к

Противъ 1876 г. болѣе на 1,820 р. 69 к

Литературныя чтенiя и концерты.

Въ мартѣ 1876 года членъ общества П. Д. Воборкиничъ прочелъ три лекцiи о новѣйшемъ французскомъ романѣ и пожертвовалъ весь сборъ (315 р.) въ пользу нашего общества.

Независимо отъ сего, поступило въ кассу общества 1,103 руб. съ одного танцовальнаго вечера и съ одного концерта, данныхъ въ пользу общества въ декабрѣ 1876 года.

Устройствомъ этихъ собранiй комитетъ обязанъ нѣкоторымъ членамъ общества, призвавшимъ на себя необходимыя хлопоты по устройству вечера и концерта, и въ особенности Петру Исаевичу Вейнбергу, которымъ были приглашены принять участiе въ благотворительномъ концертѣ гг. артисты: Ауэръ, Вуригъ, Давидовъ, Корсовъ, г-жи Клебекъ, Менишкова, гг. Мусоргскiй, Римскiй-Борсаковъ и Штейнъ.

О неприкосновенномъ капиталѣ.

Изъ отчета казначея за 1876 годъ видно, что въ общей сложности дѣйствительнаго дохода поступило 7,123 р. 30 к. На основанiи § 9 устава и правилъ о неприкосновенномъ капиталѣ, утвержденныхъ общими собранiемъ 4-го мая 1875 года, слѣдовало бы изъ общаго дохода обратить въ означенный капиталъ:

- 1) Пожизненные членскiе взносы сполна 400 р.
- 2) По завѣщанiю С. Я. Чернышева 450 >
- 3) Съ одновременно пожертвованныхъ 2,440 р.—10% 244 >
- 4) Изъ сбора съ концерта и бала 1,103 р.—10% 110 >

Итого 1,204 р.

По присоединенiи отчисленныхъ, въ 1876 г., къ неприкосновенному капиталу 2,687 р.

Въ означенномъ капиталѣ должно числиться нинѣ 4891 р.

Комитетъ, вынужденный въ теченіи 1876 года удовлетворять вполнѣ законныя и основательныя просьбы нуждающихся слушательницъ, какъ непосредственномъ пособіи, такъ преимущественно объ уплатѣ за лекціи, и, задавъ себѣ задачей, по возможности предохранить слушательницъ отъ исключенія изъ курсовъ за неуплату платы за лекціи, былъ поставленъ въ невозможность превратить сполна исчисленную выше сумму въ процентныя бумаги.

Въ теченіи года къ имѣвшимся на лицо къ началу года процентнымъ бумагамъ на 1,900 руб., куплено таковыхъ еще на 1,100 руб., такъ что имѣется въ процентныхъ бумагахъ 3,000 рублей.

Затѣмъ, комитетъ поставилъ себѣ въ обязанность, при первой возможности, приобрести процентныя бумаги на остальные 891 руб., числящаяся по неприкосновенному капиталу.

б) Дѣйствія комитета по распредѣленію пособій.

По указанной выше причинѣ, и согласно съ желаніями, изложенными въ прошеніяхъ, поступавшихъ на разсмотрѣніе комитета, главныя средства общества были употреблены на уплату за слушаніе лекцій.

По врачебнымъ курсамъ въ первомъ полугодіи за 68 и во второмъ за 66 слушательницъ уплачено	3,325 р.
По педагогическимъ курсамъ на тотъ же предметъ за 25 лицъ въ первомъ полугодіи и за 30 во второмъ выдано	1,650 »
Безсрочныхъ выдать 55 слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ, какъ подробно указано въ отчетѣ казначея, произведено на	1,500 »
Срочныя ссуды выданы 21 лицу на	675 »
Кромѣ того, доктору за пользованіе заботѣвающихъ слушательницъ педагогическихъ курсовъ и на покупку лекарствъ по условію выдано	155 »
Всего израсходовано на разныя пособія слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ	7,305 р.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ЛЕВИТОВЪ.

(Его жизнь и сочиненія).

Статья Первая.

Не раздѣль и отдѣль въ утрѣ вѣсмурихъ дней!
Полсжагоь.

Въ лицѣ Александра Ивановича Левитова, умершаго въ нынѣшнемъ году, въ ночь съ 2-го на 3-е января, русская литература утратила еще одну молодую и недожинную силу; еще одно свѣтлое надеждою, загорѣвшееся въ началѣ прошлаго десятилѣтія стало менѣе; еще просторнѣе сдѣлалась и безъ того опустѣлая арена молодой пореформенной беллетристики. Поражительна судьба всѣхъ дѣятелей мысли, вышедшихъ на поприще жизни въ концѣ 50-хъ или началѣ 60-хъ годовъ, но беллетристовъ въ особенности. Мало того, что имъ какъ-то не живется на свѣтѣ, что они такъ и умирають, одинъ за другимъ, едва достигая цвѣтущаго возраста: Помяловскій, Рѣшетниковъ, Левитовъ, Кущевскій, Вороновъ и многіе другіе менѣе извѣстные могли бы составлять цѣлое созвѣдіе въ современной намъ литературѣ, но они всѣ поспѣшили убраться въ могилы въ такую пору, когда силы писателя обыкновенно только-что начинаютъ развертываться во всемъ цвѣтѣ. Этого, я говорю, еще мало: судьба всѣхъ этихъ беллетристовъ замѣчательна въ другомъ еще отношеніи. Съ одной стороны, если взять въ расчетъ направленіе и содержаніе поэтическихъ образовъ этой молодой школы русскихъ беллетристовъ и тѣ общественные слои, изображенію которыхъ эта школа посвятила себя, то можно думать, что она представляетъ собою немаловажный шагъ впередъ въ развитіи нашей литературы. Изъ узко-сословной сферы изображенія жизни однихъ образованныхъ слоевъ общества, въ какой пребывала попремму:

цеству беллетристика 40-хъ и 50-хъ годовъ, школа эта переориентировательно, смѣло и безповоротно на почву народной жизни въ связи ея съ жизнью всѣхъ прочихъ общественныхъ слоевъ; изъ узкой сферы исключительнаго психическаго анализа индивидуальныхъ страстей и душевныхъ движеній она обратилась къ вопросамъ общественнымъ и массовымъ. Казалось бы, что этотъ важный прогрессивный шагъ впередъ нашей беллетристики долженъ былъ бы ознаменоваться появленіемъ новыхъ блестящихъ талантовъ и выходомъ въ свѣтъ произведеній, которые затмили бы все предыдущее, не только по своему общественному значенію, но и въ чисто-художественномъ отношеніи, въ силу большей широты разгула поэтическаго творчества, вслѣдствіе того, что творчество, въ настоящемъ случаѣ, начало возбуждаться впечатлѣніями не одного какого-нибудь узенькаго общественнаго уголка, а свѣжею, широкою и могучею струею народной жизни, бывшею живымъ ключемъ богатой красками и звуками и страстной поэзіи. Но странно! па дѣлѣ вышло нѣчто совершенно иное: молодые беллетристы не только не создали до сихъ поръ ни одного произведенія, которое можно было бы поставить рядомъ съ «Мертвыми душами» или «Ревизоромъ», но которое выдержало бы соперничество хотя бы съ лучшими произведеніями беллетристовъ 40-хъ годовъ. Въмѣсто тщательно-обработанныхъ художественно стройныхъ и законченныхъ произведеній, какими мы такъ избалованы всей предыдущею литературою, они подарили намъ рядомъ неконченныхъ отрывковъ и безформенныхъ клочковъ, неуклюжихъ, нестройныхъ, отягощенныхъ мѣстами длинными и скучными разсужденіями, мѣстами фотографическимъ сырьемъ или безконечными описаніями мелочныхъ деталей. Передъ вами точно будто снова выплыло нѣчто архаическое и первобытное, возвратился хаосъ первыхъ дней созданія. Литература, въ лицѣ этихъ молодыхъ беллетристовъ, словно бросила въ свои заимствованныя съ Запада, вѣками выработанныя, совершенныя формы и возвратилась къ тому безъискусственному виду, въ которомъ она пребывала въ эпоху Посошкова и Котошикина, когда наивные граматѣи валили въ одну безформенную рѣчь подъ заглавіемъ «забѣшанія» или «слова» все, что было у нихъ на душѣ—и мораль, и сатиру, и публицистику, и душевный плачъ о неурядицахъ земли русской, и этнографическія свѣдѣнія о заморскихъ странахъ.

Но этого мало, что въ техническомъ, формальномъ отношеніи литература наша сдѣлала такимъ образомъ шагъ назадъ, въ лицѣ молодыхъ нашихъ беллетристовъ. Замѣчательно, что въ дѣятельности писателей этой школы мы не видимъ ни малѣйшаго роста ихъ литературныхъ талантовъ. Каковыми являются они въ своихъ первыхъ и самыхъ юныхъ произведеніяхъ, такими же видимъ мы ихъ и въ послѣднихъ, написанныхъ иногда гдѣ черезъ 10 или 15, а у нѣкоторыхъ, какъ, напримеръ, у Кудрявскаго, замѣчается и регрессъ въ послѣдующихъ произведеніяхъ.

Странное явленіе это не разъ останавливало вниманіе многихъ нашихъ критиковъ и публицистовъ, причѣмъ каждый объяснялъ его по своему. Считаая излишнимъ перечислять эти объясненія и входить въ подробный разборъ ихъ, я только замѣчу, что всѣ они распадаются на двѣ категоріи: одни, люди, наиболѣе благосклонные къ беллетристамъ молодой школы, старались объяснить какъ поразительную смертность этихъ беллетристовъ, такъ и отсутствіе развитія ихъ литературныхъ талантовъ, враждебнымъ вліаніемъ общихъ условій жизни. Къ другой категоріи принадлежатъ враги молодой школы, которые всю причину настоящей бѣды полагали въ самомъ возникновеніи и существованіи этой школы. По мнѣнію этихъ людей, школа эта такова ужъ по своему существу, что должна парализовать всякое развитіе, губить и сводить въ преждевременную могилу каждый талантъ, пошедшій по этому направленію, какъ бы онъ ни былъ великъ. Это происходитъ будто бы въ силу того, что писатель, увлекшійся направленіемъ этой школы, перестаетъ быть самимъ собою, выходитъ изъ предѣловъ высокой культуры образованныхъ слоевъ общества, умалется, принижается до узкихъ интересовъ и грубыхъ вкусовъ тѣхъ жизненныхъ сферъ общества, изобразителемъ которыхъ онъ является, а, главное дѣло, съ почвы естественнаго и непосредственнаго творчества онъ переходитъ на почву творчества тенденціознаго, подчиняетъ свой талантъ разнымъ искусственнымъ требованіямъ либеральныхъ идей, начинаетъ писать на заданныя тѣмы и этимъ путемъ убиваетъ всякій ростъ и развитіе своего таланта.

Что касается враждебнаго вліанія общихъ условій жизни, то люди, опирающіеся на это вліаніе въ своихъ объясненіяхъ разсматриваемаго явленія, забываютъ одно: именно то, что условія эти потому уже самому, что они *общія*, должны были бы враждебно вліять на всю литературу во всей ея сложности, а не на одну небольшую группу ея. И еслибы этими общими условіями объяснялись какъ смертность, такъ и отсутствіе роста талантовъ въ беллетристахъ молодой школы, то слѣдовало бы ожидать, что беллетристы 40 хъ годовъ должны были бы подвергаться еще болѣеи смертности и еще мѣньшему развитію, потому что на самомъ разцвѣтѣ ихъ талантовъ они встрѣтили условія жизни не въ примѣръ тягостнѣе и враждебнѣе, чѣмъ молодые таланты прошлаго десятилѣтія. Но мы не только не видимъ этого, а напротивъ того: передъ нами тотъ поразительный фактъ, что лучшіе беллетристы 40-хъ годовъ дожили до самыхъ преклонныхъ лѣтъ, пережили почти всѣхъ своихъ юныхъ претендовъ и наслѣдниковъ и успѣли обогатить литературу нашу нѣсколькими произведеніями высокаго достоинства, которыми она вполне вправе гордиться. Въ томъ-то и дѣло, что, вмѣсто того, чтобы все зло полагать во враждебности общихъ условій, не слѣдуетъ ли поискать особенныхъ, частныхъ условій, вліявшихъ на жизнь нашихъ молодыхъ беллетристовъ и отъ вліанія которыхъ

были избавлены ихъ отцы и дѣды. Я не говорю, чтобы общія условія беллетристовъ какъ 40 хъ годовъ, такъ и 60-хъ, вліяли какъ-нибудь особенно благопріятно или совѣмъ не вліяли. Я утверждаю только, что въ жизни молодыхъ писателей были какія то сверхъ того еще особенныя условія, подъ вліяніемъ которыхъ имъ гораздо труднѣе оказалось выдерживать борьбу съ общими условіями, чѣмъ ихъ отцамъ и дѣдамъ. Вотъ въ этихъ то особенныхъ условіяхъ и слѣдуетъ, по моему мнѣнію, искать ключа къ разгадкѣ нашего секрета.

Что же касается мнѣній второй категоріи, опирающихся на вредъ самой школы, въ родѣ приниженія до грубыхъ неусовѣ толпы или насилванія творчества подчиненіемъ его либеральнымъ тенденціямъ, то мнѣнія эти отличаются крайнею субъективностью. Люди, придерживающіеся этихъ мнѣній, судятъ вполнѣ по самимъ себѣ, и сужденія ихъ могли бы имѣть блѣдную тѣнь справедливости примѣнительно къ нимъ самимъ. Они до такой степени исключительно замкнуты въ узкія сословныя рамки своей среды, что внѣ культурныхъ нравовъ, обычаевъ, приличій этой среды они ничего не могутъ допустить, кромѣ непрогляднаго мрака, невообразимой грубости нравовъ и самой животной низменности побужденій. Въ то же время, они до такой степени проникнуты интересами своей среды и содержаніемъ ея жизни, что внѣ этихъ интересовъ и содержанія все иное представляется для нихъ совершенно чуждымъ, непонятнымъ, какъ бы вовсе не существующимъ. Понятно, что, если бы они вдумали низойти до интересовъ толпы, стоящей гдѣ-то тамъ далеко внизу подъ ними, и начать изображать ея жизнь и нравы, то это было бы для нихъ самымъ тяжелымъ насиліемъ, чѣмъ-то совершенно искусственнымъ, натянутымъ, для чего они должны были каждый разъ, принимаясь за перо, совершенно выходить изъ своей тарелки и изворачивать себя въ три погибели. Подобный, чисто субъективный, предрассудокъ въ значительной степени поддерживается и тѣмъ, что въ литературѣ нашей вы встрѣтите, вродженіе послѣднихъ 30 лѣтъ, не мало произведеній, которыя и въ самомъ дѣлѣ представляютъ подобныя насилванія и изворачиванія себя различныхъ гуманыхъ господъ, нисходившихъ до изображеній народныхъ нравовъ. Въ силу этого предрассудка у насъ сложился даже стереотипный образъ беллетриста народныхъ нравовъ, представляющійся непремѣнно въ видѣ господина, переодѣтаго мужикомъ, или же безъ переодѣванія, въ соломенной шляпѣ, въ пиджачкѣ и съ тросточкою въ рукахъ х-дящаго, во время лѣтнихъ каникулъ, среди простого народа по кабакамъ, постоялымъ дворамъ и ярмаркамъ съ спеціальною цѣлю занесенія въ записную книжечку каждаго меткаго выраженія или рассказика для того, чтобы потомъ, зимою, воротясь въ столицу и въ ея кружки, блестящіе высшею интеллигенцію, предать надлежащимъ анализамъ и обсужденіямъ собранный матеріалъ и состряпать какой-нибудь очеркъ или рассказъ

изъ народнаго быта. Что-жь, развѣ у насъ и не было подобнаго рода наблюдателей и собирателей, временно ниспускавшихся въ народныя массы, но въ то же время остававшихся совершенно чуждыми какъ народной жизни, такъ и народныхъ интересовъ, жившихъ своею особенною жизнію и наблюдающихъ народъ со стороны съ самою ледяною объективностію? Но развѣ подобнаго рода явленія и субъективные выводы, основанные на нихъ, исключаютъ возможности выхода изъ самыхъ нѣдръ народныхъ массъ писателей, съ младенческихъ лѣтъ воспитанныхъ въ этихъ нѣдрахъ, глубоко-проникнутыхъ ихъ интересами и всѣмъ содержаніемъ ихъ жизни и до самой смерти не перестававшихъ жить въ глубокой связи со своею родимой средою, ея непосредственною жизнію. Для такихъ писателей изображеніе народныхъ нравовъ, очевидно, должно представляться вовсе не какимъ-либо насилуваніемъ творчества, извращиваньемъ себя, искусственнымъ списываньемъ со стороны въ угоду либеральныхъ тенденцій, а, напротивъ того, вполне естественнымъ, непосредственнымъ продуктомъ ихъ творчества. Такіе писатели рискуютъ впасть въ искусственность, надуманность и ломанье себя совершенно, напротивъ того, именно тогда, когда пустятся изображать чуждые имъ нравы и мотивы такъ называемыхъ культурныхъ слоевъ общества, что, напримѣръ, было съ Рѣшетниковымъ, когда онъ пускался выводить на сцену великосвѣтскихъ людей или съ Кольцовымъ, когда онъ брался за философскія тѣмы. Такъ вотъ такимъ образомъ и представляется вопросъ: тѣ молодые беллетристы, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь, были ли они больше ничего, какъ гуманные баричи, которымъ, по ихъ происхожденію, воспитанію и образу жизни, гораздо свойственнѣе было бы изображать нравы и мотивы интеллигентныхъ слоевъ общества, а они ломали себя и, наблюдая чуждую имъ народную жизнь со стороны, насилували свое творчество, подчиняя его либеральнымъ тенденціямъ, или же, напротивъ того, они сами были выходцами изъ народа и творили такъ же естественно, произвольно и непринужденно, какъ, по мнѣнію нашихъ чистыхъ эстетиковъ, творятъ Ап. Майковъ и Фетъ? Въ первомъ случаѣ, враги ихъ, конечно, совершенно правы. Но, если мы имѣемъ дѣло со вторымъ обстоятельствомъ, если оказывается, что наши молодые беллетристы, происходя изъ народа и не переставая жить его жизнію и въ тѣсной связи съ нимъ, творили вполне естественно и произвольно, нисколько не насилуя своего таланта, творили такъ, какъ только могли и умѣли, и все-таки не могли создать до сихъ поръ ни одного крупнаго произведенія, то, конечно, всѣ толкованія враговъ молодой школы рушатся сами собою; вопросъ остается вопросомъ, и разрѣшенія его слѣдуетъ искать въ иномъ мѣстѣ.

Жизнь Александра Ивановича Левитова, въ связи съ его сочиненіями, способна, по моему мнѣнію, какъ нельзя болѣе къ разрѣшенію этого вопроса. Съ одной стороны, эта жизнь покажетъ намъ, какъ вполне органически и какъ нельзя болѣе

естественно каждое произведеніе умершаго писателя вытекало изъ его жизни и какую глубокую связь имѣло оно съ нею; съ другой стороны, мы увидимъ, какія скорбныя обстоятельства мѣшали А. И. Левитову возвыситься надъ своими первыми очерками и создать что-нибудь особенно крупное. Такимъ образомъ, какъ, съ одной стороны, долженъ разрушиться вздорный предразсудокъ относительно насилуванія творчества молодыми беллетристами, ради подчиненія его либеральнымъ тенденціямъ, такъ, съ другой стороны, раскроются тѣ особенныя условія жизни, которыя мѣшали и до сихъ поръ мѣшаютъ росту талантовъ этихъ беллетристовъ.

Для внѣшнихъ фактовъ жизни А. И. Левитова будетъ намъ служить некрологъ г. Нефедова, напечатанный въ мартовской книжкѣ «Вѣстника Европы», къ сожалѣнію, единственный хоть сколько-нибудь обстоятельный изъ всѣхъ, помѣщенныхъ послѣ смерти А. И. Левитова въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Но изъ этого некролога намъ придется заимствовать только самыя крупныя факты и кой-какія изъ особенно характеристическихъ обстоятельствъ. Самыя же интересныя подробности жизни поэта, а, главное дѣло, факты внутренней, психической жизни мы найдемъ въ самыхъ сочиненіяхъ А. И. Левитова. И вотъ вамъ, на первомъ же шагѣ, доказательство, какъ блистательно рушатся всѣ толкованія о искусственномъ творествѣ чуждой поэту жизни, приниженіяхъ, ломаніяхъ и т. п. Въ лицѣ А. И. Левитова мы видимъ одного изъ тѣхъ субъективнѣйшихъ поэтовъ, которые въ каждомъ произведеніи выкладываютъ всего себя и по сочиненіямъ котораго, словно по дневникѣмъ, можно написать биографію не только ихъ внутренняго психическаго развитія, но и многихъ внѣшнихъ обстоятельствъ ихъ жизни.

А. И. Левитовъ родомъ былъ тамбовецъ. Его воспитали и излѣдали тѣ самыя тамбовскія поля, широкое раздолье которыхъ подарило намъ уже однимъ дорогимъ сердцу каждому русскому и незабвеннымъ поэтомъ — Кольцовымъ. Онъ былъ сынъ сельскаго священника¹ и дѣтство его прошло въ самой бѣдной и убогой обстановкѣ, ничѣмъ не отличавшейся отъ обстановки любого крестьянина изъ неособенно зажиточныхъ. Въ отрывкѣ изъ своей автобиографіи, носящей заглавіе «Мое дѣтство» (См. «Горь сель и деревень», стр. 101), онъ приводитъ нѣсколько весьма характеристическихъ воспоминаній о своемъ дѣтствѣ. «Я очень рано начинаю помнить себя, говоритъ онъ:—но эти раннія воспоминанія, какъ тучей, затемняются множествомъ сѣрыхъ, обмѣненныхъ дней будничной сельской жизни, необыкновенно-похожихъ другъ на друга. Теперь, пристально всматриваясь въ не-

¹ У г. Нефедова значится синозомъ дьякона. Но А. Левитовъ, въ своей автобиографіи, говоритъ, что отецъ его былъ священникомъ. Я позволю себѣ считать свидѣніе, исходящее изъ-подъ пера самого А. И. Левитова, за болѣе достоверное.

широглядный туманъ этихъ дней, я какъ будто вижу въ немъ что-то неясное, неопредѣленное, но вмѣстѣ съ тѣмъ страстно любимое мною: вотъ, напримѣръ, подъ однообразный, но могучій шумъ большой рѣки, обтекавшей село съ трехъ сторонъ, проходить предо мною эта, такъ манящая меня въ настоящую минуту, тишина сельской жизни, идетъ она, или даже не идетъ, а тихо-тихо летитъ, какъ нѣчто живое, имѣющее свой образъ, который въ моихъ глазахъ имѣетъ совершенно-опредѣленныя формы. Да, я осязательно ясно вижу, какъ надъ молчаливыми сельскими буднями, поднявшись нѣсколько выше свѣтлаго креста на новой церкви, на бѣлыхъ крыльяхъ парить, вмѣстѣ съ летучими облаками, кто-то свѣтлый и тихій, съ лицомъ стыдливымъ и кроткимъ, какъ у нашихъ дѣвицъ... Такъ я теперь, отдаленный отъ родного села долгими годами шумно-столичной жизни, исполненной невыразимыхъ страданій, представляю себѣ мирнаго генія тихой сельской дѣятельности...

«Но исчезло видѣніе, и опять идутъ медленныя сельскія будни. Въ ушахъ раздается неразборчивый гулъ безпрестаннаго работника—деревенскаго дня. Въ какой-то угрюмой печали прислушиваются къ этому гулу понурья и растрепанная крыши домовъ; время отъ времени, по улицѣ пролетитъ какая-нибудь лихая помѣщицья тройка, неистово позванивая валдайскимъ колокольцомъ и громыкая безчисленными бубенчиками; валя пролетится прощальна-мѣщанинъ изъ сосѣдняго горѣ, съ краснымъ товаромъ; за тройкой и за мѣщаниномъ одинаково любопытно прорыщутъ сельскіе ребятки и дѣвчонки, и опять—тишь, важная, медленная, и человѣка, желающаго поговорить съ нею, подмѣтитъ въ ней хоть какіе-нибудь признаки жизни, до глубокой тоски мучающая своимъ хмуримъ и какъ бы упрямымъ молчаніемъ...

«Если и нарушается въ моихъ воспоминаніяхъ это молчаніе, такъ очень рѣдко и неопредѣленно. Иногда, среди этихъ страшныхъ морозовъ, яростно-визгливыхъ мателей, среди длинныхъ, какъ вѣчность, ночей, когда въ избѣ все слѣпо отъ дымной лучины, я вдругъ начиналъ примѣчать, что лучина горитъ свѣтлѣе, чѣмъ въ это мучительно-длинное *всегда*, лица дѣлались радостнѣе, веретена и самопрялки полусонныхъ пряхъ, вмѣсто однообразнаго и невыносимо скучнаго жужжанія, принимались наиввать что-то такое, необыкновенно похожее на пѣсню ребѣнка... Въ черную избу глядитъ свѣтлый, морозный мѣсяцъ и, временемъ, когда пряха, сидящая подлѣ свѣтца, не успѣвши замѣнить догорѣвшую лучину другою, давала ей погаснуть, тогда темноту избы такъ чудесно освѣщали какія-то золотыя, плавно-волновавшіяся по грязному полу мѣсячныя полосы. Въ полосахъ отражались четырехстекольчатая окна избы, до того явственно, что я, по рассказамъ, съ младенчества близорукій, начиналъ думать въ это время, не прорубила ли какая-нибудь невидимая рука въ нашемъ полу другихъ оконъ, чтобы въ избѣ свѣтлѣе

было, и поэтому я вскакивалъ съ лавки и бросался къ полосамъ. Работница, между тѣмъ, уже успѣвала вздуть огня, и полосы исчезли.

«— Гдѣ же онѣ? задумчиво спрашиваю я, смотря по направленію къ настоящимъ окнамъ, въ которыя улетѣли мѣсячные лучи.

«— Кто гдѣ? спрашиваетъ меня, въ свою очередь, изъ-за стола отецъ, опершись надъ громадною чети-минеею, которую онъ передъ тѣмъ читалъ своимъ многочисленнымъ домохозяцамъ.

«— А эти... отвѣчаю я, не умѣя назвать даннымъ именемъ то, что сейчасъ позолотило нашъ полъ и опять улетѣло куда-то. — Окна-то... на полу-то были какія сейчасъ... Гдѣ же?

«— Ахъ ты, дурашка! позѣвывая, говорилъ отецъ. — Рази это окна?— Это— мѣсяць.

«— Мѣсяць, вонъ онъ, спору я: — въ небушкѣ. А это— гдѣ? Куда они улетѣли?.. Откуда взялись? Въ голосѣ моемъ слышатся слезливыя ноты.

«— Глупо! возвышаетъ отецъ свой голосъ, дѣлая удареніе на о, за что онъ считался самымъ умнымъ человѣкомъ и проповѣдникомъ во всемъ уѣздѣ. (Онъ былъ священникомъ въ описываемомъ мною селѣ).— Глупо! повторяетъ онъ. Ступай, садь на лавку и слушай, въ противномъ случаѣ смотри у меня: не прѣлей сахарной жижки... И затѣмъ онъ продолжалъ прерванное чтеніе.

«— И приде бѣсъ къ праведному и возглагола ему гласомъ лстыивымъ: авва! И отвѣща ему преподобный: вскую шаташеса, бѣсе!..

«Многозначительно хмыкаетъ и серьезно задумывается отецъ нашъ надъ трудными, неудобопонимаемыми, по его выраженію, мѣстами патрологіи — и тогда все, что сидитъ и трудится около него, повертывая жужжація пралки, ковыряя лапти, починавая узорчатя рыболовныя сѣти, стругая полозья и оглобли — принимается усиленно молчать, ибо понимаетъ, что *батѣка не ѡ своей тарелкѣ*.

«— Тише, ты, слышится въ избѣ:— не видишь рази? Можетъ, онъ таперича вона какую думу задумываетъ!.. Можетъ, онъ про Вожество.

«Въ моей дѣтской головѣ въ это время какъ-то смѣшанно, но неотвязно и властительно засѣли постоянно одна другою смѣняемая думы объ улетѣвшихъ сейчасъ съ пола золотыхъ полосахъ, о только-что оконченномъ житіи святаго мученика и о словахъ отца, которыми онъ засадилъ меня на лавку и заставлялъ слушать чети-минеею. Пристально всматриваюсь я, съ моего сидѣнья, въ тѣмный, запечный уголъ. Оттуда виднѣется мнѣ косматая голова Ѳомы, нашего работника, который орудовалъ тамъ, при помощи топора и долота, надъ санными полозьями. Мои глаза почему-то остановились на затылкѣ Ѳомы и упрямо ищутъ на немъ разъясненія отцовою фразы.

«— Не пролей сухарной жижи! думаю я. Какой-такой сухарной жижи? Отчего ее нельзя пролить? И ежели, наконецъ, сухарная жижа стояла бы вотъ здѣсь, передо мною, и я бы разлилъ ее, что бы мнѣ было за это отъ тати? Высѣлъ ли бы онъ меня за это, какъ однажды, когда я разбилъ въ горнищѣ стекло, или только отодралъ за вихры? Да, наконецъ, почему же бы отцу не дать мнѣ гостинца за разлитую жижу?

«И, словно вызванные торжественнымъ отцовскимъ голосомъ, проходятъ предъ моими младенческими глазами важныя образы великихъ подвижниковъ христіанства. Съ ихъ широкихъ одеждъ, прямо въ лицо мнѣ, такъ ласково летятъ благовопія, какъ бы отъ кievскихъ кипарисныхъ крестовъ, которыхъ такъ много приносили намъ наши сельскіе богомольцы и богомолки; свѣтлыя, какъ молнія ночью, искры сыпались съ ихъ круглыхъ, золотыхъ вѣнцовъ и затемняли убогій свѣтъ лучины, а вмѣсто тоскливой тишины, изба наполнялась несказанно-сладкими и звучными голосами.

«До истома замираю я, всматриваясь и вслушиваясь во все это; но глаза мои, противъ воли, слипаются, разгорѣвшаяся голова склоняется на колѣна матери, и чуть-чуть только, сквозь отяжелѣвшія рѣсницы, видятся еще мнѣ кроткія лица, свѣтлыя вѣнцы, но видятся неопредѣленно, отъ чего сердце мое начинаетъ мучительно тосковать, и я принимаюсь рыдать...

«Помню, что, въ то время, на горячей лобъ мой клались чьето необыкновенно теплыя и мягкія руки, которые крестили меня, болѣзненнымъ голосомъ шептали кто-то тогда надо мною кроткія, но жаркія молитвы, поручавшія меня Богу.

«— Спаси тебя Господь и помилуй, дитя мое.

«— Говорилъ тебѣ сколько разъ, раздается въ моихъ ушахъ другая, столь же тихая и ласковая рѣчь: — сколько разъ говорилъ: не пускай на улицу. Такое ли теперь время?.. вишь холодищи какіе.

«— Да усмотришь за нимъ, что-ли?.. Чуть только отведи глаза, сейчасъ ужъ онъ бѣгаетъ.

«— Не хочу! не хочу! кричу я, вслѣдствіе вдругъ налетѣвшаго на меня желанія обругать всѣхъ прякъ, сидѣвшихъ на лавкѣ, Оуму, долбившаго полозья, и даже самую эту тихую, угрюмую избу.

«— Чего не хочешь?

«— Жить съ вами не хочу. Я, вотъ, со святыми буду жить. Тата! сбѣжи мнѣ голову, а самъ тогда святой буду, золотой вѣнецъ на себя надѣну.

«— Уложи, уложи его поскорѣе! отвѣчали мнѣ на мои просьбы, и я съ каждой минутой все громче и громче и болѣзненнѣе кричалъ: не хочу съ вами жить, уйду отъ васъ... потому что рядъ святыхъ людей такъ ласково улыбался мнѣ въ это время, такъ нѣжно звалъ въ себѣ...

«— Хоть што, батюшка, шепталась какая-то старуха съ мнѣ отцомъ:—а онъ у васъ—не жилецъ. Умреть, пожалуй...»

«— Богъ далъ, Богъ и возьметъ, отзывался отецъ и, вслѣдъ за тѣмъ, онъ гулко захлопывалъ деревянныя, оклеенныя толстою кожей крышки Чети-Миней и говорилъ всей избѣ: — ну, довольно, дѣтушки! Слава Богу, потрудились на нынѣшній день, теперь и соснуть пора. Взгляну, вотъ, только, какой святой завтра будетъ...»

Затѣмъ, авторъ описываетъ тяжкую болѣзнь, продолжавшуюся всю зиму и едва прекратившуюся весной, къ святой недѣлѣ. Сквозь эту болѣзнь, по всей вѣроятности, тифъ, сопровождаемый безпамятствомъ и бредомъ, мелькаютъ кое-какія смутныя воспоминанія, изъ которыхъ особенно характеристично описаніе Рождества и христославленья отца автора.

«Будили меня, говоритъ авторъ:—по временамъ крики матери, разговоръ Ѳомы, топанье мужиковъ, вносившихъ отца, какъ и меня больного, въ горницу на рукахъ и укладывавшихъ его на постель. Помню я, одни изъ мужиковъ несли самого отца, въ рукахъ у другихъ находилась его высокая мѣховая шапка съ зелено-плисовымъ верхомъ, трети держали его красивый кулачный кушакъ, войлочный теплый сапогъ, обшитый кожей. Всѣ они говорили матери съ улыбками, необыкновенно похожими на праздничную улыбку отца:

«— Матушка! Извольте принять: все въ сохранности. Вотъ—кушакъ-съ; а вотъ—шапка; а вотъ—деньговъ рупь пять копейекъ... Въ цѣльности все, потому мы—не какіе-нибудь, а дѣти духовныя, своего батюшку-священника помнимъ и знаемъ. По рюмочкѣ, матушка, мужичкамъ для праздника Христова, ваша милость будетъ...»

«— Одиѣхъ курочекъ, маменька, тридцать семь, ласкательно говорилъ раскраснѣвшійся Ѳома, вдругъ врываясь въ горницу: — четыре пѣтушка, маменька, сто двадцать шесть хлѣбцовъ-съ. Вотъ, мы нынѣшній день-съ какъ съ батюшкой орудовали-съ... Пожалуйте ручку-съ, маменька!

«Мужики, смотря на уxorство Ѳомы, принимались смѣяться, закрывая, впрочемъ, свои рты широкими и закорузлыми ладонями, чтобы попадья не видала ихъ улыбокъ; а мать кричала на Ѳому:

«— Разбойникъ! Разбойникъ! Доколѣ ты меня мучить будешь. Вѣдь это ты все батюшку пьянствовать-то назуживаешь. Чѣмъ-бы побережъ хозяина, а онъ—накося! Ишь, какъ самъ наливался. Не просила ли я тебя, безстыжія твои бѣлмы, побережъ его, а? Просила, или нѣтъ, сказывай! Помани мое слово, Ѳомка, послѣ новаго года я тебя въ три шеи отъ себя протую.

«— Ахъ, биспаыство какое, маменька, съ вашей стороны! восклицалъ Ѳома:—словно бы вамъ Ѳома—не слуга... Пожалуйте, маменька, ручку-съ... Водочки, маменька, для праздничка и Ѳомкѣ-дураку, поднесите-съ, заурядъ хоша съ мужичками православ-

ными, потому рази вамъ, ваше приподобіе, Ѳома—не усердный слуга?.. а? Хе-хе-хе!.. Ахъ, маменька, извините мои дурачкія рѣчи, ей Богу-съ, дѣло-то нони праздничное...

«— Вонъ, вонъ пошелъ, пьяница! кричала мать, отмахиваясь отъ Ѳоминыхъ стараний схватить и поцѣловать ея руку.

«— Вонъ, вонъ пошелъ, воръ! кричу и я, подражая матери.

«— Цыцъ, попадья, не смѣть! Онъ мнѣ—другъ! командуетъ съ постели отецъ.—Ннѣ, знаешь, праздникъ какой? Не смѣть!

«Мужики дружнымъ и согласнымъ хоромъ жужжать то же самое, то есть, что нынѣ, матушка, праздникъ великій, обижать человѣка не слѣдствуетъ. Не трошь его, человѣка-то, по такимъ временамъ, пуцай его пьянствуетъ—на то и праздникъ самымъ Господомъ даденъ.. Мать махала руками на эти резоны и уходила къ отцу, который громко кричалъ: — Попадья! пять мнѣ скорѣй, съ клюквой... А то я тебя разр... рушу... (См. «Горе сель», стр. 111).

Рядомъ съ этими грустными и тоскливыми дѣтскими воспоминаніями по всѣмъ «Степнымъ очеркамъ» А. И. Левитова разсыяны и болѣе отрадные, и свѣтлыя картины его дѣтства: это—именно обаяніе южной, степной природы, положившее глубокой, неизгладимый слѣдъ на всю его жизнь и дѣятельность, сцены дѣтской бѣготни по широкому раздолю степей, игры, занятій, гѣсенъ и самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній. Особенно въ этомъ отношеніи отличается очеркъ: «Уличные картины — ребята и учителя». «Дѣти раздолныхъ полей, говоритъ А. П. Левитовъ:—широкихъ луговъ и улицъ, мы всегда убѣгали отъ грустныхъ матерей нашихъ въ поля или на улицы, гдѣ обыкновенно забывали и про обѣдъ, и про тѣ колотушки, которыми такъ тщетно заставляли насъ забывать про эти обѣды (См. очерки гл. 2 стр. 51)». Очеркъ «Дворанка» отличается, по всей вѣроятности, въ такой же степени субъективностью личныхъ воспоминаній. Въ немъ описываются игры степныхъ ребятъ, подъ предводительствомъ полоумной старухи Забаихи, помѣшавшейся вслѣдствіе того, что младшая сестра ея, оставшаяся на ея рукахъ, была обольщена какимъ-то баринномъ и умерла, приживши съ нимъ ребенка и покинутая имъ. Этотъ ребѣнокъ, въ видѣ черноглазой, бойкой и ласковой степной смуглянки, является въ очеркѣ первую любовь рассказчика. Племянница Забаихи предводительствовала всѣмъ дѣтскими играми, командовала надъ самою полоумною тѣткою и вскорѣ такъ привязалась къ рассказчику, что они жить не могли другъ безъ друга и поклялись даже, когда выростутъ большіе, вступить въ законный бракъ. «Отецъ принялся, между прочимъ, учить меня грамотѣ, рассказываетъ А. И. Левитовъ:—которая особенно потому мнѣ не нравилась, что на цѣлые дни разлучала меня съ дѣвочкой. Я бесполезно проводилъ мучительно-длинные и жаркіе лѣтніе дни, сидя надъ азбукой и тоскуя о знакомомъ огородѣ. Его веселье, его трава и плетень, раскаленное солнцемъ небо, покрывавшее

его, представлялись мнѣ гораздо виднѣе, чѣмъ всѣ эти азбучные азы и титлы; а черномазая дѣвочка, съ своими длинными волосами, съ ясными, всегда такъ нѣжно смотрѣвшими на меня глазами, обгавшая по этому огороду, окончательно затемнила глаза мои, такъ что они очень плохо знакомились съ расширенными аркою краской картинками въ священной исторіи, которыми отецъ хотѣлъ заохотить меня къ грамотѣ»...

Послѣ дѣлаго ряда руготни и истязаній отецъ мальчика, вѣдя, что безъ дѣвочки ученье не идетъ въ голову сыну, рѣшился учить вмѣстѣ съ нимъ его подругу. Съ дѣвочкой ученье пошло быстро, такъ что очень скоро они, по собственному сознанию отца, и читать, и писать стали не въ примѣръ лучше его. (Изъ «Сто четырехъ священныхъ исторій» съ картинками они перешли къ знакомой уже намъ Чети-Минее и «цѣлый годъ, повѣствуетъ А. И. Левитовъ:—кажется, у насъ не было другого разговора, какъ только о приобрѣтеніи мученическаго вѣнца. Различные примѣры мучениковъ и мученицъ закаляли наши головы страстными, истомляющими желаніемъ идти куда-нибудь и прославлять святое имя Христово по всѣмъ широкимъ копчакамъ земнымъ. Сонныя видѣнія наши были не что иное, какъ отрывки изъ святыхъ поэмъ Чети-Минее... Но Чети-Минее была скоро прочитана. Еще намъ откуда-то досталъ отецъ божественныхъ книгъ... Однажды, услышалъ наши разговоры дяконовскій сынъ—семинаристъ, который ходилъ къ моему отцу учиться живописи. Какъ теперь помню, первая книга, которую онъ далъ намъ читать, была «Графъ Монте-Кристо». Послѣ Монте-Кристо, мы перечитали всѣ историческія сказки Дюма, а потомъ семинаристъ, пріѣхавъ черезъ годъ уже на лѣтнія вакаціи, началъ читать вмѣстѣ съ нами Галахова «Хрестоматію». Онъ терпѣливо и охотно вселялъ все лѣто въ наши мозги настоящее дѣло. Горько плакали мы въ это время надъ «Бусурманомъ», весело смѣялись съ Киршей, а потомъ, когда пришла пора, семинаристъ объяснилъ намъ мучительную прелесть Пушкина и мрачно-величавое уныніе Лермонтова!»)

Кончается этотъ очеркъ очень печально.

«Цѣлыхъ десять лѣтъ, говоритъ авторъ:—прошло, нежели я увидѣлъ дворянку. Разъ шелъ я по петербургскимъ улицамъ, весь изможденный тѣми дарами цивилизаціи, которыми обыкновенно осыпаетъ она плебей, старающагося, какъ говорится, съ суконнымъ рыломъ пробиться въ калачный рядъ. Шелъ я, говорю, и, вслѣдствіе многообразныхъ обстоятельствъ, группировалъ въ головѣ моей небольшіе остатки нѣкогда приобрѣтенныхъ мною географическихъ познаній, которыя бы могли мнѣ припомнить широкія дороги въ мою родную степь, къ родимой сѣтѣ, къ которой, въ этотъ день, я окончательно положилъ себѣ возвратиться.

«Моя дума дѣлала меня до того невнимательнымъ къ столичному шуму, что я рѣшительно не примѣтилъ, какъ мои дыра-

внѣ сапожонки въ одинъ моментъ истерзали одно необыкновенно-шикарное шелковое платье. Я быстро приподнял голову, придумывая получше извиненіе. Предо мной, съ зростнымъ гнѣвомъ на невѣжу и съ грозно поднятымъ зонтикомъ, стояла барышня.

«— Барышня! это—ты? вскрикнулъ я.

«— Ну, моли Бога, Иванъ, что я тебя прежде узнала, чѣмъ ты меня.—А то бы я тебя такъ зонтикомъ обровнила, долго бы помнилъ.

«— Давно ли ты здѣсь? Какъ попала сюда?

«— А, вотъ, пойдемъ ко мнѣ на квартиру. Я тебѣ расскажу, какъ я попала сюда.

«Рассказъ ея былъ не длинный, обыкновенный рассказъ. Но только послѣ него я, какъ нѣкогда Забанка, заломилъ подъ головой свои руки, вѣдннлася ими въ жидкіе волосы и, терзая себя, съ давно позабытыми слезами, кричалъ:

«— Сестра моя! сестра моя! Что же это ты сдѣлала надъ собой? Зачѣмъ ты нашу честную родину опозорила?

«Говоря про родину, я и не думалъ, что съ нею выѣстъ барышня опорочила и любовь мою, потому что я такъ былъ убежденъ въ погибели моей горемычной головы, что было бы съ моей стороны крайне преступно припоминать дѣвушкѣ наше прошлое; но, однако же, мы его припомнимъ... Припомнимъ, да, Боже мой! Какъ же шли, какъ же только звѣрски шли мы съ дворянкой, припоминая это прошлое, единственное наше добро, къ которому, на великую нашу бѣду, чувствовали, даже во время пьянства, что нѣтъ намъ возврата, нѣтъ и никогда не будетъ!»

Я позволяю себѣ считать этотъ очеркъ вполне субъективнымъ, прямо относящимся къ личности автора. По крайней мѣрѣ, навѣрное можно сказать, что съ А. И. Левитовымъ случилось нѣчто подобное, что въ дѣтствѣ онъ пережилъ первую любовь въ подобномъ родѣ и она кончилась именно такъ печально. Въ этомъ убѣждаетъ насъ не одна страстность разсказа, не одни детали игры, ученья, книгъ, прочтенныхъ съ подругою, детали очень схожія со всею обстановкою дѣтства А. И. Левитова, но также и то обстоятельство, что образъ степной дѣвушки, совращенной съ пути въ столичномъ омутѣ, принадлежитъ къ числу самыхъ любимыхъ авторомъ и наиболее глубоко видреннхъ въ его фантазіи; онъ возвращается къ нему очень часто въ своихъ очеркахъ и всегда съ такою же страшною тоскою, рыданіями и проклятіями...

Всѣ эти факты дѣтства А. И. Левитова обнаруживаютъ намъ его въ видѣ крайне болѣзненного и нервно-впечатлительнаго ребенка, съ богатымъ воображеніемъ, развитымъ подъ обаяніемъ южной природы и возбужденнымъ фантастическими грѣзами подъ вліяніемъ чтенія Четвй Милей и слуханія всевозможныхъ сказокъ, легендъ и повѣрій, которыми въ обиліи была пренеполнена среда, окружавшая мальчика. Въ играхъ съ сверстниками

онъ, конечно, не былъ заправкой и предводителемъ. Отсутствие физическихъ силъ, вмѣстѣ съ пламенной эвальтацией и грѣзами о всевозможныхъ мученическихъ вѣнцахъ, дѣлали его въ глазахъ здоровыхъ, сильныхъ и реально-мыслящихъ стѣпныхъ мальтановъ какимъ-то особеннымъ существомъ, не то блаженнѣйшимъ, не то баричомъ. Его осмѣяли градомъ колотушками и истребителями, прозывали не иначе, какъ дворянчикомъ, и все это въ дѣтскихъ годахъ будущаго поэта положило уже сѣмена того мрачнаго ожесточенія противъ людской неправды, безчеловѣчной во всю слабую и немощную—ожесточенія, составлявшаго главную сущность поэзіи Левитова. Увѣдная бурса и губернская семинарія еще болѣе развили это ожесточеніе.

Для этого самаго ужаснаго періода жизни А. И. Левитова отличнымъ матеріаломъ для насъ будетъ служить рассказъ его «Петербургскій случай», въ которомъ рисуется передъ нами петербургскій чиновникъ Иванъ Николаевичъ, мрачный, невѣдмый, сосредоточенный, сильно пьющій и подъ конецъ скользящій съ ума. Описывая галлюцинаціи бѣлой горячки своего героя, авторъ заставляетъ его вспоминать дѣтство и училищные годы, и передъ нами воскресаютъ, очевидно, воспоминанія самого автора, да мало еще этого: въ рассказъ вложены отрывки изъ семинарскаго дневника, съ обозначеніемъ даже чиселъ. Какъ всѣ детали этихъ воспоминаній, такъ и самый тонъ ихъ, исполненный слишкомъ нервно-болѣзненнаго и мрачнаго ожесточенія, доходящаго до отчаянія, невольно заставляютъ насъ думать, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чисто автобіографическими фактами.

«Во снѣ, повѣствуетъ авторъ про своего героя, Ивана Николаевича:—очень долгое время передъ нимъ бѣсилось коростовое стадо разношерстныхъ ребятшекъ, голодныхъ и потому воровавшихъ у всякаго все, что только попадало подъ руку; безирозорныхъ и потому по звѣрски изодравшихся; безъ хорошихъ, руководящихъ примѣровъ и, слѣдовательно, въ самомъ дѣтствѣ уже обреченныхъ на гибель, какъ, почти безъ исключенія, погибаютъ всѣ люди, неприспособляемые съ раннихъ лѣтъ къ правильнымъ пониманіямъ и отношеніямъ къ жизненной дѣятельности... Пронзительный звонъ колокольчика загонялъ это стадо въ какія-то смрадныя стойла, гдѣ болѣею частью ему говорились какія-то, ни въ одномъ словѣ общественной жизни неупотребительныя, слова. Шипѣнье гибкихъ, двух-аршинныхъ розогъ, ревъ десятка дѣтей, которыхъ въ разныхъ стойлахъ колосовали ими, звонъ колокольчика и, наконецъ, ни отчего отъ этого непрерывавшееся внушеніе тарбарской гибели, сливались въ одинъ общій, исполненный самаго варварскаго безобразія, гулъ и заставляли Ивана Николаевича, какъ одержимаго горячкой, метаться на постели и кричать:

«— Боже мой! Боже мой! Что же это за несчастныя времена были? Сколько честнаго и даровитаго стублено ими?..

«Болѣзненное личико сутулаго ребѣнка опять выглянуло на него изъ этого омота, въ которомъ, какъ бы въ кипящемъ котлѣ, безразлично варились плачущія дѣти, свистящія прутья и какія-то мисологическія образины, то протяжно гѣвши: слѣдующій! Приступимъ:—*Marcii Tullii Ciceronis orationum caput secundum*, то сниходящія до сладострастной скороговорки: такъ такъ! Поджарь, поджарь вашку-то, *licetor!* Хе, хе, хе! Не жалѣй казенныхъ-то!.. Ихъ цѣлый возъ въ прошлую пятницу на базарѣ куплено. Въ тактъ дѣйствуй, подлецъ! Чикъ, чикъ, чокъ, чокъ! Зайди съ другой стороны, чтобы ровнѣе шли... Я в-васъ!.. Пуще всѣхъ истязуютъ сутулаго мальчика, потому что онъ, по меткому выраженію одного изъ преподавателей татароудрія въ одно и то же время составлялъ и красу, и безобразіе стойла. Красой онъ былъ потому, что лучше и легче другихъ умѣлъ усвоить себѣ неусвоиваемое, безобразіемъ—потому, что, въ дѣйствительности, былъ некрасивъ, болѣзненъ и робокъ. Отсюда происходило то, что мальчишки на смерть заколачивали его, изъ зависти къ его красѣ; а татарщина терпѣть его не могла потому, что была лишена всякой возможности представить вниманію гг. ревизоровъ стойла болѣе представительнаго и красиваго премьера...

«И вотъ, видится ему, что стойло, всегда смрадное, возможнымъ образомъ прибрано: его грязный полъ усыпанъ свѣжимъ сѣномъ, промзглыя стѣны выбѣлены; лохматые ребятки выстрижены наголо и прорѣхи на ихъ рванѣхъ кое-какъ стянуты толстыми, суровыми нитками. Въ притихшемъ стойлѣ уныло звучитъ болѣзненный голосъ сутулаго мальчика, не безъ нѣкотораго самодовольствія рассказывавшій, какъ когда-то какся-то *illustrissimus* дух на голову расколотилъ цѣлую тьму какихъ-то *raganissimos*.

«Съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой и, кромѣ того, съ любовью къ изученному дѣлу, мальчуганъ передаетъ въ назиданіе своихъ сверстниковъ, всѣ тѣ симпатіи, какія доблестный дѣписатель выражаетъ къ *illustrissimus*'у, и равномерно все глубокое отвращеніе къ этой расколоченной имъ въ пухъ и прахъ сволочи—*raganissimus*'овъ... Это былъ послѣдній муштръ, которымъ муштровали мальчика въ стойлѣ, и, когда онъ окончился, Иванъ Николаевичъ видѣлъ, какъ сутулый мальчикъ изъ ушата, стоявшаго на дворѣ стойла, умывалъ лицо, раскровявленное нетерпѣливой руководительскою дланію, какъ онъ заботливо приталъ за пазуху какую-то книжку, какъ переходилъ отвратительный мостишко, перекинутый черезъ великолѣпную рѣку. Потомъ мальчикъ потянулъ въ гору по безконечно-длинной дорогѣ, обсаженной двойнымъ рядомъ густыхъ ветель и залитой дивнымъ сіяніемъ солнца. Иногда онъ останавливался, вынималъ изъ-за пазухи книгу и съ видимою радостью принимался читать ея заглавный листъ, на которомъ было написано слѣдующее: за благопріятіе и отличные успѣхи въ наукахъ ученику такого-то стойла и проч.

«Вотъ уже видѣется одинъ только картузишка ребенка съ разорваннымъ пополамъ козыркомъ. Ивану Николаевичу кажется, что картузишка этотъ плаваетъ на поверхности хлѣбнаго моря, какъ на настоящей рѣкѣ остается и долго плаваетъ шапка человѣка, который спрятался на тѣнистомъ рѣчномъ днѣ вѣсть съ своимъ смертельнымъ горемъ...

«Нѣтъ болѣе стулалаго ребенка! Всего его скоронила эта пустыня, ласковая и величавая.

«— Это онъ домой пошелъ на вавацію! шепчетъ Иванъ Николаевичъ.— Ахъ, какъ тамъ хорошо теперь!»

Затѣмъ воспоминанія Ивана Николаевича переселяютъ насъ въ губернской городъ и въ семинарію, и тутъ уже начинаютъ выписки изъ дневника, въ самомъ разсказѣ внесенные въ вычки. На первомъ планѣ рисуется намъ здѣсь вступительный экзаменъ въ семинарію.

«Мой тятенька, лѣтописалъ ребѣнокъ, все время крестился и плавалъ, стоя у растворенныхъ классныхъ дверей. Съ нимъ мнѣ стояло много священниковъ, дьяконовъ и дьячковъ. Всѣ они вытирали заплаканныя лица красными ситцевыми платками и тоже, какъ и отецъ мой, глубоко вздыхали и крестились. Я писалъ разсужденіе на латинскомъ языкѣ: *severa ordinem et ordine servabile*, но не могъ хорошо писать, потому что отъ страха мнѣ хотѣлось спать... Отецъ, въ это время, потихоньку взглядывалъ на меня изъ-за дверной притолки и грозился пальцемъ, чтобы т. е., я старался... Я отъ этого еще больше пугался...

Подлѣ меня сидѣлъ мальчикъ съ большими синими глазами. Онъ какъ будто ничего не боялся, а все засматривалъ въ мою тетрадь и все спрашивалъ у меня, какъ будетъ *perfectum* того-то глагола, какъ *supinum*. Я ему подсказывалъ, что зналъ... Потомъ, мы съ нимъ разговорились шепотомъ, не глядя другъ на друга, чтобы насъ не замѣтили, и онъ сказалъ мнѣ: «напиши мнѣ разсужденіе, *amice!* Я тебѣ арбузу умотва куплю». Я ему сталъ писать, а меня вызвали на середку.

«И, какъ я на билеты былъ очень счастливъ, то меня спросили про Китай. Я очень хорошо зналъ про Китай и сталъ отвѣчать, а преосвященный сталъ смотрѣть на меня (сѣдой весь), а глаза у него въ это время то смывались, то открывались, словно бы и ему спать хотѣлось. Я не могъ смотрѣть ему въ глаза, и самъ отъ страха зажурился. Такъ и отвѣчалъ, а самъ все думалъ: какъ бы меня не спросили изъ физической географіи или изъ Россійской Имперіи! Изъ нихъ я не понималъ, какъ земля совершаетъ двойное движеніе—около себя и около своей оси; а изъ Россіи, кромѣ какъ наизусть выучилъ всѣ губернскіе и уѣздные города, ничего не зналъ, особенно рѣки, кромѣ Волги, ни объ одной понятія не имѣлъ... Этого я очень опасался... Однако, Богъ спасъ... Спрашивали еще изъ Остъ-Индіи, и это отвѣтилъ отлично. Преосвященный изволилъ благословить меня и сказать: «хорошо, дитя! Старайся!»

«Не помню, какъ я выбѣжалъ къ отцу въ корридоръ. Онъ и дядя стали цѣловать меня и говорить: «молодецъ! Вотъ такъ отрѣзалъ!» Примѣтилъ я, что отъ нихъ обоихъ пахнетъ водкой. Какіе тутъ стояли другіе духовные, всѣ хвалили меня, гладили по головѣ, а одинъ какой-то благочинный съ наперснымъ крестомъ и полнилой бархатной камилавкѣй, во все время ходившій поодаль отъ другихъ и важно гладившій бороду, подошелъ къ намъ, далъ мнѣ гривенникъ и, благословивши, сказалъ: «преуспѣвай, остроумецъ! Я на тебя надѣюсь!» Отъ него и ото всѣхъ пахло водкой. Всѣ другъ надъ другомъ поэтому случаю тихо-молчкомъ подшучивали?!

«На другой день мы съ отцомъ встали еще до свѣту, и онъ сталъ говорить мнѣ съ искренними слезами, такъ что всего его въ это время лихорадка была, чтобъ я, какъ можно, старался учиться получше. Богъ дастъ, говорилъ отецъ, окончишь курсъ, поступишь въ поны, такъ, по крайности поможешь сестрамъ въ честное замужество выйти. Не кончишь курса—шабашъ! Сестры твои шинки откроютъ, мы съ матерью побираться пойдемъ, потому мы къ тому времени всѣ жили изъ себя на васъ повнимо-таемъ, состаримся.

«Слушая это, я тоже дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и думалъ, какъ это я такъ не окончу курса? Какъ это мои сестры шинки откроютъ, а отецъ съ матерью побираться пойдутъ? За одинъ разъ мнѣ и сердце щемили отцовы слова, и смѣяться хотѣлось отъ нихъ...

«Кромѣ того, отецъ очень сердился на меня за то, что примѣтилъ во мнѣ непочтительность къ старшимъ. «Все, говоритъ онъ:—ты дѣлаешь срыву. Ни къ кому никакого ласкательства не оказываешь.» Я чувствовалъ за собою этотъ порокъ, т. е. что ласкаться мнѣ къ людямъ стыдно, подумаютъ, что я у нихъ прошу чего-нибудь, и потому сталъ плакать, а отецъ утѣшалъ меня и совѣтовалъ какъ можно скорѣе *исправиться*.

«Потомъ я проводилъ его до заставы. Было холодно и дождь-лиль, какъ изъ ведра. Около заставы стоялъ кабакъ, мы вошли въ него. Тамъ горѣла тусклая сальная свѣчка и сидѣли мужики съ красными, задумчивыми лицами. Отецъ вынулъ изъ за пазухи кошелекъ и всѣ деньги высыпалъ мнѣ. Въ кошелекѣ оказалось три серебряныхъ цѣлковыхъ и гривенъ шесть мѣдныхъ. «Вотъ, говоритъ:—тебѣ до Рождества—кормись! А за квартиру самъ заплачу, когда за тобой прїѣду брать тебя на Рождество.» Я сталъ говорить ему, чтобы онъ взялъ у меня рубль, но онъ отказался отъ рубля, а отсчиталъ себѣ только три гривенника, изъ которыхъ одинъ тутъ же и пропилъ. Я спросилъ у него: какъ же ты съ двугривеннымъ полгораста версть пройдешь? Чтѣ ѣсть будешь?

«— Ничего! Какъ-нибудь пройду. Притворюсь дежурнымъ изъ консясторіи—попады, надо полагать, кормить будутъ... Дай-ка мнѣ еще гривенничекъ, я выпью...

«Я далъ ему гривенникъ... и онъ выпилъ. Выпивши, обильно меня, заплакалъ и, рыдаючи, сказалъ:

«— Несчастные мы! Несчастные! Несчастнѣе насъ, кажется, во всемъ бѣломъ свѣтѣ нѣтъ никого... Всю жизнь, всю-то жизнь жизненскую майся безъ отдыха... Отовсюду, за твой голодъ и холодъ, насмѣшки поскудныя, брань мерзкая—и ничего не подѣлаешь!.. т. е. никакими средствами не выгнѣшь... Какъ-бы не вы, ребята, засѣлъ-бы я въ любомъ кабацѣ и покогалъ-бы въ немъ... Ближе мнѣ было-бы!.. Ну, прощай! Да будетъ воля Господня! Смотри-же, другъ, учись, старайся! Выручай!..

«Онъ пошелъ; а я долго смотрѣлъ ему вслѣдъ—до тѣхъ поръ смотрѣлъ, пока совсѣмъ не закрыли его отъ меня туманными стѣнами дожда.

«У меня такъ и разрывалось сердце отъ жалости къ отцу—я едва-едва не убѣжалъ вслѣдъ за нимъ...»

«3-ю сентября. Какъ только я, проводивши отца, пришелъ въ классъ, ученики прозвали меня франтомъ, потому-что я былъ и ватной сибиркѣ изъ желтой нанки и въ замшевыхъ перчаткахъ, такъ какъ руки у меня дома отъ работы и отъ нечистоты и коротковѣли и отецъ намазаль мнѣ ихъ сѣрой съ коровьяго масла. Всѣ меня со смѣхомъ принялись бить, плевать въ лицо, а за мальчика съ большими глазами, который намазнулъ у меня задачу, стали звать выслужкой, т. е. абыдникомъ. Пришелъ профессоръ въ короткомъ сюртукѣ и въ пестрыхъ штанахъ, которые были на манеръ ситцевыхъ. Онъ сталъ говорить со мной, и тогда весь классъ почему-то вдругъ громко захохоталъ, а я сталъ плакать. Профессоръ, вмѣсто того, чтобы заступиться за меня, подморгнулъ ученикамъ и сказалъ имъ: «не тревожьте его, братцы! Это—прекрасный молодой человѣкъ, соименіе Поль-де-Кока, романъ въ двухъ частяхъ».

«Цѣлыхъ полтора часа издѣвался надо мною профессоръ, а классъ грохоталъ и, наконецъ, когда пробили звонокъ, онъ сказалъ мнѣ: «ну, прощай, дамскій портной! ха, ха, ха!»

«Такъ съ тѣмъ я и остался, и ни отъ кого мнѣ не было прохода и имени мнѣ отъ товарищей другого не было, какъ только дамскій портной и прекрасный молодой человѣкъ. Всѣми силами старался я подружиться съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ, но всѣ они обругавши меня и насмѣявшись надо мной, уходили отъ меня.

«Декабря 1-е. Дали сочиненіе: «Весна пріятна». Нужно было написать три періода: причинный, уступательный и относительный; но я не понялъ, какъ профессоръ училъ сдѣлать это, а просто взялъ и сталъ говорить, какъ приходитъ весна, какъ солнце сушитъ грязь и, вмѣсто нея, встанешь иной разъ поутру, увидишь тропинку мягкую такую, такую бѣлую... Кто топталъ ее за ночь, не знаешь; а потомъ побѣжишь по ней. Она криво бѣжитъ къ лавкѣ, къ попу, въ вабакъ, потомъ въ лѣсъ, гдѣ и прячется въ прошлогодней, успѣвшей уже обогать травѣ. Въ травѣ вода чистая и холодная, какъ ледъ. Руки и

ноги, бывало, ужасно, какъ зазнобишь, бродя въ этой водѣ. Онѣ сдѣлаются, бывало, красныя, какъ огонь, а потомъ посинѣютъ. У кого посинѣютъ руки и ноги, мы тому скажемъ: «у тебя руки и ноги помертвѣли», потомъ всё бросимся на этого мальчишку, или дѣвчонку и станемъ оттирать, а сами хохочемъ на весь лѣсъ... Около насъ шумѣла глубокая и широкая рѣка, а по ней скоро неслись большія льдины съ густымъ камышомъ. Подъ нимъ бѣгали и жалобно кричали зайцы, а самыя льдины сіяли на солнцѣ такъ, что мы жмурили глаза... Мы смотрѣли на это по дѣльнымъ днямъ и дѣлые дни смѣялись...

«Все это я такъ и написалъ. И много другого еще про бабочекъ, про птицъ—потомъ, какъ у насъ однажды въ полноводье лодка плыла съ мельницы, которую чуть-чуть не затопила вдругъ прорвавшаяся плотина. Въ лодкѣ была мельничиха, сама она правила, отталкивала льдины и кричала, чтобы ей помогли и дѣти у ней въ лодкѣ ползали и кричали, а кто былъ на берегу, всё молили Бога, чтобы Онъ помогъ ей. Когда-же она подѣхала къ берегу, тогда всё бросились дѣловать ее, а ребятами, какія тутъ были, смѣялись и плясали.

«На другой день пришелъ въ классъ профессоръ и спросилъ меня:—кто это тебѣ, чучело, написалъ сочиненіе? Я ему сказалъ—никто! Это я самъ написалъ, и въ это время у меня лицо сдѣлалось красное, потому что я на него осерчалъ, затѣмъ онъ мнѣ не вѣритъ, и мнѣ хотѣлось плакать. Тогда онъ схватилъ меня за уши и закричалъ:—врешь, подлецъ! Сейчасъ сознавайся, кто тебѣ это написалъ? Я громко зарыдалъ, а ученики загрохотали.

«Профессоръ согналъ меня въ это время съ перваго мѣста на послѣднее, а я написалъ письмо матери, чтобы она пріѣхала ко мнѣ и *исключила* меня, потому, что я не могу понять ученья, т. е., какъ писать.

«Мать привезла мнѣ сухой малины и орѣховъ; долго плакала, прыскала мнѣ голову святою водою, потому, что голова у меня горѣла, какъ въ огнѣ, а потомъ уѣхала домой съ обратными мужиками, и я остался одинъ...

«Передъ Святой, какъ-то сидѣли мы въ классѣ и профессоръ сказалъ намъ:—ну, братцы! Теперь скоро публичный экзаментъ будетъ и намъ нужно наострится стихи сочинять. Вотъ они какіе бываютъ стихи-то, какъ развернулъ книгу и началъ намъ читать стихотворенія разныхъ размѣровъ, объясняя при этомъ, что такое ямбъ, хорей, дактиль, анапестъ и т. д. И, какъ я у дѣдушки, у протопопа, такихъ стиховъ прежде много читалъ, то и подумалъ, что писать ихъ не мудрено... Еще подумалъ, что, какъ только я напишу стихи, сейчасъ меня всё полюбятъ и профессоръ посадитъ меня на первое мѣсто... Ну, кто же написать, братцы? еще разъ спросилъ онъ, и тогда я всталъ съ мѣста и сказалъ, что я могу написать. Онъ задаль мнѣ, Осень—и къ концу класса я приготовилъ вотъ какіе стихи:

*

Перезрѣли въ просахъ зерна,
 Перезрѣли.
 Звонкимъ летомъ надъ рѣками
 Птицы пролетѣли.
 Всгдѣ имъ пуцень громкій выстрѣлъ
 Отъ сѣннаго стога.
 До весны прощайте, птицы,
 Путь вамъ и дорога!
 Имъ стрѣлокъ сказалъ, ступая,
 Топкой колесомъ.
 Былъ онъ съ темными усами,
 Съ мерзлой бородой.

«Отъ этихъ стиховъ мнѣ стало еще хуже. Профессоръ избилъ меня за то, что онъ думалъ, что я ихъ списалъ изъ какой-нибудь книги и все спрашивалъ меня, какого они разиѣра, но я не зналъ этого. Пуце прежняго всѣ возненавидѣли меня; ученики изъ другихъ классовъ останавливали меня на улицахъ, въ корридорахъ и требовали, чтобы я прочиталъ имъ что нибудь *вдручь изъ своєю ума*, и когда я не могъ этого сдѣлать, они били меня и говорили:—эхъ ты, сочинитель кислыхъ щей!

«Однажды я попался на глаза инспектору. Онъ спросилъ у профессора словесности: этого, что-ли, у тебя парнишка стихи-то сочиняетъ? Профессоръ отвѣтилъ:—такъ точно-съ! Дрянъ самая безнравственная... Извольте обратить вниманіе на морду, ваше-іе! всегда внизъ... А это, доложу вамъ—вѣрнѣйшій признакъ злохудожной души-съ...

«Инспекторъ долго и свирѣпо смотрѣлъ на меня, потомъ принялся ощупывать мою голову, стучать по ней въ разныхъ мѣстахъ концами пальцевъ и кулакомъ (всѣ говорили, что онъ отлично умѣетъ узнавать человѣческія способности, и потому много господъ привозили къ нему для этого своихъ дѣтей) и потомъ, обратившись къ профессору, сказалъ:

«— У него, дѣйствительно, очень развита шишка сочинительства. Только ты гляди у меня, сочинитель:—не пей!.. Знаю я ишего брата. Всѣ вы таковы. Запорю, коли что узнаю... А вы смотрите за нимъ построже, за каждый шагъ пробирайте... Не бойся остынуть, а то, вѣдь, это искушеніе сильно... Не всякій съ нимъ совладѣть... О-охо-ко!.. Пошолъ прочь!..

«Прошло пѣтихъ два года еще такого-же безсмыннаго гора, оскорбленій, слѣзъ—и видно было, что ребенокъ формируется. Онъ уже не плакалъ, а злился и негодовалъ, и эта злость и негодование были выражены уже не ребячьимъ лепетомъ, а жаркимъ слогомъ юноши, въ которомъ закипѣло страстное и сильно-чувствующее сердце.

«Все-бы это опротивѣло мнѣ до безумія, писалъ мальчикъ:—еслибы я не подружился съ Васильемъ Западковымъ, который однажды заступился за меня, а потомъ посовѣтывалъ мнѣ, чтобы я самъ старался всякому носъ сорвать...

«— Какого ты чорта смотришь на этихъ подлецовъ? говоритъ

Западовъ.—Колони въ морду какого-нибудь мерзавца, сейчасъ же тебѣ отъ этого веселѣе сдѣлается... Это, братъ—вѣрно! Ей Богу! Я это пробовалъ и, вотъ, самъ видишь, кто теперь на меня налетаетъ? А то, вѣдь, и меня, какъ и тебя, чуть-чуть не заклевали...

«Я очень его полюбилъ, и вчера мы выпили съ нимъ потихоньку отъ нашихъ квартирныхъ полуштофъ сантуринскаго и потомъ за полночь читали книгу «*Мертвая Душа*». Я много плакалъ, смѣялся, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мнѣ дѣлалось до того страшно чего-то, что зубы мои стучали, какъ въ лихорадкѣ... Въ мозгу пробѣгала какая-то смутная мысль о томъ, что «если-бы и мнѣ такъ-то»... Потомъ мысль эта вдругъ смѣнялась стыдомъ и злостью на себя за то, что она шевелится во мнѣ. Въ груди и головѣ моей неотступно сидѣлъ кто-то и сердито говорилъ: развѣ ты смѣешь желать *этого*? и этотъ говоръ былъ настолько слышенъ мнѣ, что я терялъ всякую надежду на что-то; а между тѣмъ, впервые услышанный мною *шромъ друиць ртчей*, которыми поэтъ живописалъ людей и природу, лился на меня неизъяснимо-увлекавшей музыкой, отъ которой вздрагивало тѣло и расширялась грудь, вся переполненная чѣмъ-то кипучимъ и необыкновенно сильнымъ»...

«Сантуринское вино вмѣстѣ съ потрясающимъ впечатлѣніемъ чтенія Гоголя произвели то, что мальчикъ впалъ въ безпамятство и снова тяжело заболѣлъ. Очнулся онъ въ больницѣ послѣ кризиса, спустя, повидимому, не малое время:

«— Да что ты, чортовъ сынъ, когда перестанешь барахтаться-то? загремѣлъ, рассказываетъ онъ:—надо мною голосъ челоуѣка, старавшагося связать мои руки. Ишь, дьяволенокъ, ишь здоровый какой! повторялъ этотъ голосъ.

«Я открылъ глаза и увидѣлъ выбѣленные стѣны семинарской больницы, мать, умолавшую фельдшера не бить и не вязать меня и обѣщавшую за это сейчасъ же пойти въ лавку и отрѣзать ему сукна на штаны, и Васю Западова.

«— Ну, мать, молись Богу! заговорилъ фельдшеръ матери.— Очнулся, значитъ, сто лѣтъ проживеть. Бѣжи теперь, тащи мнѣ сукна, да прихвати атласцу на галстукъ аршинчикъ. Очень я галстуками-то пообносился... Ухвати, встати, маменька, четверточку табачку жукетцу, мы тутъ воскуримъ съ твоимъ птенцомъ. Теперича ему это очень въ пользу пойдетъ...

«И странное дѣло! Вышелъ я изъ больницы съ совершенно облѣзлой головою. Посмотрю на себя въ зеркало, толкачъ толкачомъ, какъ есть уродъ; и между тѣмъ никто надо мною не смѣялся. Я сталъ думать, отчего это меня обижать перестали, хотя, по прежнему, смотрѣли недоброжелательно, изъ-подкобья, сумрачно — и дѣло объяснилось очень просто: мы всегда и въ классѣ сидѣли, и по улицамъ ходили вдвоемъ съ Западовымъ и, если на насъ налеталъ кто-нибудь съ дракой, мы его колотили до того, что начинали, противъ воли, истерически хохотать надъ

его болями и бросали тогда уже, когда намъ самимъ дѣлалось нестерпимо больно отъ нашего смѣха... Потомъ, мы съ Западнымъ стали брать деньги за то, что писали за другихъ учениковъ сочиненія—и на эти деньги покупали красное вино, которое въ банѣ и выпивали. Это еще болѣе увеличило почетъ, которымъ мы начинали пользоваться. У насъ оказалось много преданныхъ ребятъ, которымъ мы писали даромъ, и они рассказывали всѣмъ, что мы необыкновенно умные и добрые, такъ что къ намъ стали ластиться изъ старшихъ классовъ. Разсуждая обо всемъ этомъ, мы съ Васильемъ очень смѣялись надъ товарищами и говорили другъ другу: вотъ скоты! Когда мы имъ хотѣли душу отдать, они издѣвались надъ нами, какъ надъ собаками, а теперь... вонъ какая штука пошла!..

«Долго мы съ своими неопытными умами вертѣлись около этой штуки и, наконецъ, рѣшились моступать всегда такимъ образомъ: пробирать всѣхъ и вся, а то самого убьютъ...»

«Ужъ и доставалось же отъ насъ нашимъ друзьямъ! Мы строили себѣ изъ двухъ нашихъ маленькихъ физическихъ слѣзъ одну, о которую разбивались всѣ остальные, а нравственные слѣзы къ намъ обоимъ сами пришли... Понявши этотъ фактъ, мы смѣялись и колушмятили, колушмятили и смѣялись...»

«— Вотъ теперь въ насъ съ тобою сидятъ подлинно злохудожныя души! часто съ громкимъ хохотомъ говаривалъ Василій, раздавая на право и налѣво забористые туманы.»

«Впрочемъ, когда мы оставались съ Западнымъ одни, мы долго совѣтывались, какъ бы намъ безъ драки помириться со всѣми—и не находили никакого другого средства. Я до слезъ унижалъ отъ этого, а Васютка надвинетъ-бывало брови, по лицу у него забѣгаютъ въ это время угрюмыя и вмѣстѣ печальныя тѣни—и скажетъ:

«— Э! не плачь! Чортъ съ ними! Давай-ка читать...»

«И они съ жадностью принимались читать... и далѣе воспоминанія А. И. Левитова передаютъ рядъ впечатлѣній, произвольныхъ на юношей чтеніемъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Диккенса, Тэккерея и пр.»

Это обиліе чтенія имѣло тѣ послѣдствія, что на 17-мъ году А. И. Левитовъ покинулъ семинарію, будучи на философскомъ отдѣленіи, и рѣшился отправиться въ Москву, въ университетъ. За неимѣніемъ средствъ, ему пришлось совершить это путешествіе въ 500 верстъ пѣшкомъ. Прийдя въ Москву, онъ началъ слушать лекціи въ университетѣ и готовится къ вступительному экзамену. Горизонтъ его жизни въ эту пору значительно прояснился; это была, повидимому, лучшая эпоха его жизни. Онъ попалъ въ Москву и въ университетъ въ самое оживленное и горячее время общественнаго пробужденія передъ реформами. Послѣ той страшной семинарской каторги, какую мы видѣли на предыдущихъ страницахъ, началась для него, полная надеждъ и мечтаній, горячихъ споровъ, разумнаго чтенія, живая въ

студенческомъ кружкѣ (въ которомъ, вмѣстѣ съ Левитовымъ, былъ Кельсиевъ). Выдержавши вступительный экзамень, А. И. Левитовъ, однако же, не остался въ московскомъ университетѣ, а переехалъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ въ медико-хирургическую академію. Здѣсь жизнь его потекла также дѣятельно, разумно и оживленно, какъ и въ Москвѣ: рядомъ съ студенческими занятіями, онъ отдавалъ весь досугъ свой чтенію и изученію какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ поэтовъ и беллетристовъ. Но печальный случай измѣнилъ все; Левитовъ былъ запутанъ въ какія-то исторіи, исключенъ изъ академіи и очутился на далекомъ сѣверѣ—въ Шенкурскѣ, потомъ въ Вологдѣ.

Эта шенкурская и вологодская эпоха тяжело отразилась на всей жизни А. И. Левитова. Вдали отъ интеллигентныхъ центровъ, въ борьбѣ съ нищетою, среди уѣзднаго общества, тонушаго въ грубомъ материализмѣ, А. И. Левитовъ окончательно ожесточился, одичалъ и сжился съ тѣми низшими слоями общества, изобраителямъ жизни которыхъ онъ является. Въ то же время, скука, праздность, лишеніе и уныніе, вмѣстѣ съ развратными примѣромъ окружавшей его среды, развили и ожесточили въ немъ тотъ порокъ, задатки котораго, въ видѣ выпиванія сантуринскаго и краснаго вина вмѣстѣ съ Западными, мы видѣли уже въ семинарской жизни А. И. Левитова. Если можно какимъ добромъ помянуть этотъ періодъ его жизни, то развѣ тѣмъ, что въ это время онъ серьезно приступилъ къ литературнымъ трудамъ и уже въ Шенкурскѣ были начаты имъ «Степные Очерки», а съ переѣздомъ въ Вологду, онъ въ состояніи былъ окончить нѣкоторыя изъ начатыхъ работъ и послать въ Москву, въ редакцію одного журнала. «Въ 1861 году, повѣствуетъ г. Нефедовъ въ своемъ некрологѣ:—Левитовъ возвратился въ Москву. Возвращеніе это потребовало нѣсколькихъ мѣсяцевъ: онъ шелъ, по обыкновенію, пѣшкомъ и безъ гроша денегъ. Чтобы не умереть съ голоду и продолжать дальнѣйшее путешествіе, онъ принужденъ былъ останавливаться въ селеніяхъ, занимаясь писать въ волостныхъ правленіяхъ и получалъ за свой трудъ по полтиннику въ недѣлю. Такъ онъ и дошелъ до Москвы».

Съ 1861 года начинается дѣятельное участіе его въ литературѣ. Онъ помѣщаетъ свои очерки сначала въ журналы: «Зритель», «Развлеченіи», «Русской рѣчи», потомъ во «Времени», «Современникѣ», «Библіотекѣ для Чтенія», «Искрѣ», «Недѣлѣ» и многихъ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Къ этому-же времени относится, между прочимъ, и знакомство его съ разными литературными дѣятелями того времени, между прочимъ съ А. П. Григорьевымъ, который первый привѣтствовалъ его появленіе на литературное поприще и поощрилъ начинавшій талантъ. Вся дальнѣйшая жизнь А. И. Левитова носитъ довольно однообразный характеръ, такъ что, вмѣсто подробнаго перечисленія фактовъ ея по годамъ, что было бы и довольно затруднительно,

вслѣдствіи неизмѣнныя обстоятельныхъ свѣдѣній для этого, я ограничусь одною общою характеристикой этой жизни.

Въ сущности, это была не жизнь въ истинномъ смыслѣ этого слова, а какое-то непрестанное маянье и постепенное угасаніе. Литературный трудъ безъ всякихъ другихъ поддержекъ и занятій очень плохо обезпечивалъ бѣднягу и, къ тому-же, онъ послѣдилъ обзавестись семьею, чѣмъ еще болѣе отагчилъ и безъ того нерадостную жизнь свою. Можно положительно сказать, что въ продолженіи всей жизни человекъ этотъ не зналъ, что значить имѣть свой домашній очагъ, мебель, обстановку, хотя бы самую убогую: онъ былъ вѣчнымъ безпріютнымъ странникомъ, вмѣщавшимъ все свое добро въ маленький чемоданчикъ, и съ этимъ чемоданчикомъ скитался по меблированнымъ комнатамъ, по столичнымъ чердачкамъ и подваламъ. Къ тому же, онъ не могъ нетолько применить къ одному какому-либо изданію и сдѣлаться его постояннымъ сотрудникомъ, но и урентиться въ одной изъ столицъ: пожить въ Москвѣ годикъ, другой, а то и нѣсколько мѣсяцевъ, и начинаетъ таготиться московскою жизнью: «здѣсь все начинаетъ плесневѣть, говорить раздраженно своимъ близкимъ:—тутъ сдѣлаешься или пошлякомъ, или сопеешься...» Ёдетъ въ Петербургъ: тамъ, въ сущности—тоже самое: подвалчики, чердачки, борьба съ нищетой, да еще къ тому и убійственный климатъ, подъ вліяніемъ котораго у Левитова ожесточается кашель, начинается кровохарканье, грудныя боли—онъ ёдетъ опять въ Москву—поправиться съ силами, отдохнуть, повидаться съ знакомыми... А въ Москвѣ опять ждетъ его все та же убогая, сырая, холодная комната, гдѣ-нибудь въ захолустѣ, и тоскливое одиночество вмѣстѣ съ проклятіями смрадной, удушливой физической и нравственной атмосферѣ столичной жизни и тщетными порываніями степная въ родной край, на широкій и вольный просторъ благоухающихъ степей. Но, чтобы нагляднѣе представить себѣ душевное настроеніе такой жизни, развернемъ сочиненія А. И. Левитова и посмотримъ, какъ самъ онъ рассказываетъ про него въ началѣ своихъ очерковъ «Жизнь московскихъ закоулковъ». Представьте себѣ пасхальную ночь, всеобщую праздничную суету и приготовления къ торжеству и среди этого всего одинокое, безпріютное дитя степей, кинутое въ столичный омутъ и въ смрадъ комнату «*сибеляю*».

«Почти полночь, читаемъ мы на 7-й страницѣ этихъ очерковъ:—въ комнатахъ *сибеляю* тишь. Всѣ разошлись по заутренямъ. Всегда темный корридоръ нашъ слабо освѣщенъ чуть-чуть мерцающей гдѣ-то въ углу лампадкой. Кто настолько ведетъ одинокую жизнь, что и въ эту ночь сидитъ одинъ дома, тому, мнѣ сказать—скучно, потому что того смертнаго томленія, того съ каждой минутой болѣе и болѣе гнетущаго изныванія души, которое неминуемо объемлетъ одинокаго человека, нельзя обозначить этимъ словомъ. Мнѣ въ эту минуту скучно именно такъ

какъ сказала я, потому что я сижу одинъ. Мнѣ вспоминается мое прошлое, когда я не былъ одинъ. Сельская церковь, думаю я:—иллюминирована теперь общими стараніями прихода; на улицахъ веселая, дѣтски-радующая жизнь. Предъ образами ярко горятъ свѣчи прихожанъ; еще ярче блестать имъ въ глаза парчевыя ризы священниковъ. Мой десятилѣтній дискантъ ваддайскимъ колокольчикомъ звенить съ клироса, заглушая доморощенный хоръ.

«Ба! что это такое необыкновенно теплое вдругъ охватило всю грудь мою, залило сердце и волной хлынуло въ глаза? Я давно не испытывалъ такого ощущенія. Во время оно за нимъ слѣдовали слѣзы. Но, увы, нѣтъ теперь слѣзъ, какъ нѣтъ людей, съ которыми я былъ не одинъ!

«Одинъ! Что такое одинъ? А вотъ что: въ комнатахъ снѣгилью я задолжалъ теперь сорокъ рублей восемнадцать копеекъ. Отопру я сейчасъ-же вотъ этотъ столъ, возьму изъ него свои документы и сейчасъ же уйду изъ квартиры, отряхнувши прахъ съ сапоговъ моихъ. Пойду направо—никого не встрѣчу, кто бы сказалъ мнѣ: приходи поскорѣе; пойду на лѣво—тоже... И такъ до гроба!

«Тяжесть ночной думы объ одиночествѣ можетъ быть, впрочемъ, значительно облегчена скрежетаніемъ зубовъ, не театральнымъ, а настоящимъ царапаніемъ своими ногтями своей груди, а главное—стараніемъ увѣрить себя, что нѣтъ худа безъ добра...

«Безпомощное положеніе бѣднаго, одинокаго человѣка вызываетъ у него энергію, которая, еслибы онъ былъ обезпеченъ, могла-бы, пожалуй, совсѣмъ не проявиться», слышалъ я недавно.

«Это очень хорошо-съ!.. «Съ», прибавляю я здѣсь съ тою именно цѣлю, чтобы какъ можно учтивѣ похвалить это правило.

«— Когда говоришь съ какимъ-нибудь баринномъ, вразумляла меня покойница-мать (а правило слышала я отъ одного очень состоятельнаго барина):—говори всегда: слушаю-съ, сударь-съ! Такъ съ господами говорить, милый ты мой, политика требуетъ. Перенимай, что тебѣ хорошіе люди скажутъ, а мы съ отцомъ послѣдніа жилы изъ себя вытянемъ да учиться тебя отдадимъ. Ты тогда у насъ самъ баринномъ будешь.

«Бѣднаа! Ученье мое дѣйствительно порвало у васъ съ отцомъ послѣдніа жилы, хотя я и не знаю, чему я выучился, точно также какъ не знаю того, кто теперь, послѣ смерти отца, будетъ пахать ту наслѣдственную полосу, которую я долженъ былъ пахать послѣ него.

«Какія однакожъ странныя думы иногда забираются въ голову, какъ неожиданно и, повидимому, непослѣдовательно вызываютъ онѣ одна другую! Наслѣдственная полоса! Наслѣдственный садъ!.. Снѣгъ въ моей полосѣ растаялъ теперь, весеній разливъ до сыта напиталъ ея землю; ждетъ она теперь, чтобы теплое

солнце весеннее согрѣло ее, казавшую зимними холодами, ждѣть, чтобы прѣхаль-пахарь хозяинъ и бросилъ сѣмена въ тѣла нѣдра. Говорю: ждѣть еще всего этого моя полоса, потому что въ настоящую минуту такъ-же пусто, такъ-же грустно и молчаливо на ней, какъ вотъ въ этой комнатѣ. А садъ? Ранняя нынче весна, и надѣ полагають, что дорожки его просохли уже; но вѣрно и то, что тихо и пусто теперь въ немъ, какъ тихо и пусто на полосѣ. Какъ, я думаю, испугались и забѣгали зайцы, пріотившіеся въ немъ на зиму, когда увидѣли, какъ на сельской колокольнѣ запылало зарево праздничнаго освѣщенія! Я какъ будто слышу даже, какъ шуршать они въ непроходимомъ вишнякѣ, стараясь укрыться въ его разрѣженной морозами чащѣ. И думается мнѣ, что и садъ, запущенный вслѣдствіе моего ученья разнымъ наукамъ, ждѣть теперь, когда кончатся обѣды и взойдетъ свѣтлое, праздничное солнце. Не пусто будетъ тогда въ немъ, потому что вбѣгутъ въ него въ это время рѣзвыя дѣти, такія-же красивыя и цвѣтуція, какъ были, припоминаю я, красивыя и цвѣтуція молодые вязы, что росли въ четырехъ углахъ нашего сада. Вотъ передо мной и вязы, подъ тѣнью которыхъ я, мои братья и сестры игравали когда-то. Такъ, это именно стоятъ теперь передо мной стройные стволы деревьевъ, которыя росли вмѣстѣ со мною; это ихъ зеленые листья, что бывало вѣчно пепчутся межъ собой и заставляютъ задумываться. А вотъ за чертой, которую дѣлали вязы—и родное село. Я живо вижу его тихую улицу. Черезъ пятнадцать лѣтъ я не былъ ни одной лачужки. Прошлое, прошлое мое! Картины твои все тѣ же, какими они были когда-то. Гдѣ-же люди, которые ихъ оживляли? Вѣдь, безъ людей онѣ—мертвы.

«— Умерли люди, умерли говоришь ты мнѣ старина. — Всѣ умерли?—Всѣ.—Хорошо-съ! Это очень хорошо-съ! А полоса моя, а садъ мой, вязы, село—все это живо еще, все это, рассчитываю, не измѣнилось?—Разсчитывай! Все это не измѣнилось, все это живо.—Спасибо, старина, спасибо!

«Громъ кремлевскихъ пушекъ прокатился въ этотъ моментъ по московскимъ улицамъ. Но думы мои, испугавшись этого грома, не вдругъ отлетѣли отъ меня. Я осмотрѣлся. Передо мной за столомъ сидѣлъ мой сосѣдъ по комнатамъ снебелью, выгнанный изъ службы—талантливая натура. Полведерная, неподкрашенная бутылъ нагло возвышалась на столѣ, уменьшенная, впрочемъ, болѣе, нежели на четверть.

«Я бросился къ открытому окну. Въ глаза мнѣ наказывающей молніей блеснула иллюминація Ивана-Великаго, въ лицо пахнулъ холодный вѣтеръ ночной. Сотни колоколовъ таинственно говорили съ сурово-молчащею ночью о воскресеніи Вѣчнаго Свѣта, разгоняющемъ всякій мракъ. Въ тысячѣ мѣстъ тысячь громовыхъ голосовъ раздавалось громовое пушечное эхо.

«— Съ прра-а-адникомъ! бормоталъ мнѣ полусонный и совершенно пьяный сосѣдъ. Фыпьемъ лю-бе-е-зный другъ!

«Я не могъ отвѣчать ему, потому что языкъ мой не слушался меня. Мою душу и голову жегъ огонь сознанія, что въ эту ночь я гнусно наругался надъ святыми заповѣдями отца и матери.

«Стояли они передъ глазами моими, эти простые, столько любившіе, столько страдавшіе люди; головы свои сѣдня склонили къ чахлымъ грудямъ и плачуть... Молча плакали они, но мнѣ понятно было, что они хотѣли сказать мнѣ: «Обмануль ты насъ, Вася! Обманувши, въ гробъ силою вкюдотилъ», слышалось мнѣ въ мертвенно-унылой тиши комнатъ *снебелю*..

Такъ жестоко страдалъ, томился и вануль степной цвѣтокъ, оторванный отъ родной почвы и не пригрѣтый въ суетѣ и смрадѣ столичной жизни... Тоска по родинѣ и тщетныя порыванья въ родной край «на наслѣдственную полосу» проходить по всѣмъ сочиненіямъ А. И. Левитова; отражаются они и въ некрологѣ г. Нефедова.

«— Я усталъ, говорилъ Александръ Ивановичъ Нефедову въ одну изъ бесѣдъ:—мнѣ необходимъ отдыхъ. Здѣсь, въ Москвѣ, или въ Петербургѣ объ этомъ нечего и думать... Довольно, будетъ ужъ съ меня *«столицій»*-то: слава Богу, въ загривокъ-то достаточно-таки онѣ навлали мнѣ... Ахъ, братъ, на родину какъ тянетъ, еслибы ты зналъ!.. Стариковъ моихъ въ живѣ ужъ нѣтъ— не хватило у нихъ силъ, мочи перенести горе; мой Шенкурскъ убилъ и отца, и мать... Такъ и не привелось видѣться съ стариками... Теперь остались только сестра и братъ... Хотъ бы на нихъ взглянуть!..»

И вотъ, не въ силахъ, за неимѣніемъ средствъ, попасть на родину и, желая быть къ ней хоть поближе, онъ начинаетъ хлопотать о мѣстѣ уѣднаго учителя въ Рязскѣ. «Рязскъ, говоритъ онъ:—вѣдь это—ужъ почти что моя родина: отъ Рязска до Козлова по желѣзной дорогѣ, а тамъ—рукой подать, мое село». Съ большими мытарствами и трудомъ досталъ себѣ это мѣсто А. И. Левитовъ, но не долго пробылъ на немъ: въ августѣ 1866 уѣхалъ изъ Москвы, а въ декабрѣ писалъ уже г. Нефедову: «много ошибокъ и безважныхъ вещей дѣлалъ я на своемъ вѣку, но, говоря по всей совѣсти, онѣ положительно блѣднѣютъ передъ такой великой глупостью, какъ мое погупленіе учителемъ въ Рязскѣ», и на рождественскихъ праздникахъ Левитовъ снова былъ уже въ Москвѣ. Такъ же неудачна была попытка его посѣтить родину и позже, въ 1870 году. Въ іюнѣ этого года, онъ писалъ Нефедову: «Бду на родину. Проѣздомъ черезъ Москву, непременно заверну къ тебѣ. Наконецъ-то, сблизись мои давнишнія мечты и желанія: я увижу родину»!.. Но, пріѣхавъ въ Москву, онъ засѣлъ въ ней, и, вмѣсто родины, ему пришлось остаться въ Москвѣ и поселиться близъ ваганьковскаго кладбища, въ коморкѣ, гдѣ ходилъ сквозной вѣтеръ и дилъ сквозъ крышу дождь, и опять пошла жизнь, полная страданій и лишеній.

Впрочемъ, нужно замѣтить, что не одинъ недостатокъ въ средствахъ и дороговизна центральныхъ квартиръ загоняли его по-

стоянно на городскія окраины, въ глушь, какъ онъ выражался, «*дѣвственныхъ* улицъ». Эти дѣвственныя улицы привлекали его также и потому, что въ нихъ не было ненавистнаго ему городского шума, и онѣ напоминали ему своимъ полудеревенскимъ видомъ его родину, какъ объ этомъ самъ онъ говорить во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій. «Прібѣхавши въ столицу, читаемъ мы на 225 стр. «Жизни московскихъ закоулковъ»:—изъ глубины степей болѣе или менѣе откормленнымъ парнемъ, а нѣкоторое время былъ объять глубокой тоской по родинѣ. Эта тоска усиливалась до тяжелой болѣзни, когда, бывало, городской шумъ прорывалъ золотую дѣпъ моихъ представлений о тишинѣ степей нашихъ, о ихъ могущественной красотѣ, о ихъ, наконецъ, своеобразной, непримѣтной для посторонняго глаза жизни, которая въ неисчислимое количество разъ казалась мнѣ иногда и дѣятельнѣе, и разумнѣе жизни, такъ возмущавшей своимъ громомъ мою степную натуру противъ столичной дѣятельности. И вотъ, когда я въ первый разъ, случайно, попалъ въ одну изъ дѣвственныхъ улицъ, когда я увидѣлъ за заборомъ одного дома развѣсистую яблоню, а на улицѣ невыполотую траву, въ которой играли котата и чирикали молодые воробьи, когда я почувалъ въ воздухѣ нѣчто напоминавшее аромать степи, я почувствовалъ къ этимъ улицамъ необыкновенную слабость. Въ ихъ успокоивающей тиши очень скоро проходила хандра отъ отношений и обязанностей, которыя неумолимо принуждаютъ меня выполнять городская жизнь: поэтому, вотъ, уже нѣсколько лѣтъ брожу я по этимъ улицамъ, ищу ихъ близъ заставъ, въ Замоскворѣчьи, ищу въ сердцѣ Москвы, и я даже открылъ такую мѣстность, которую сами обыватели не могли назвать мнѣ. Недавно только, когда я изучалъ прилегающія къ ней улицы, со мною встрѣтился необыкновенно - дряхлый старецъ, который сказалъ мнѣ, что мѣсто это называется «Марьиной Слободкой», что это очень хорошее мѣсто, потому что живутъ они себѣ здѣсь тихо да смирно, ровно у Христа за пазухой».

Но не одна сельская обстановка и тишина дѣвственныхъ улицъ, разгонявшія хандру городской суеты и успокоивающія раздраженные нервы страдальца, манили его къ себѣ: любилъ онъ и скромныхъ, бѣдныхъ обитателей этихъ улицъ, безхитростно-простыхъ, радушныхъ, душевныхъ людей нищеты, мастеровыхъ, мѣщанъ, оставшихъ солдаты и т. п. Онъ бѣжалъ къ этимъ людямъ отъ нравственныхъ противорѣчій, искусственности, напускной гуманности и черстваго высокоумія интеллигентныхъ слоев общества и чувствовалъ себя у нихъ, какъ дома, отдыхалъ среди нихъ душою. Довѣріе, которое они питали къ нему, умѣе стоять съ ними на равной ногѣ по-пріятельски — составляли его нравственную гордость, которую онъ высказываетъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій и которую тщеславится передъ своимъ интеллигентнымъ читателемъ:

«Когда я, читатель, говорить онъ на 339 стр. «Жизни москов-

скихъ завоудковъ»:—одинъ, иду къ хорошимъ людямъ, я дохожу до нихъ такъ же легко, какъ пришелъ сейчасъ истый москвичъ въ свой собственный домъ. Я и съ будочникомъ побалуясь, я и собакъ поласкаю, ежели онѣ смиренны, а ежели злы, то даже и побью ихъ, несмотря на то, что отъ «гуманства» этого, которое во мнѣ понасыпано, я бы въ пропасть всею головою моею готовъ во всякое время шарахнуть безъ малѣйшаго разговора... Сиѣговые сугробы, или даже грязь по колѣно, меня тоже нисколько не останавливаютъ на моей дорогѣ, потому что я такую пѣсню знаю, которая говорить, что «Черезъ черную грязь перепелицей». Но ты, читатель, всегда былъ, есть и будешь для меня тяжелой обузой, потому что ты ежегодно тратишь шестнадцать съ половиной на какую-нибудь газету или журналъ, выписка котораго обзываетъ всѣхъ твоихъ друзей твердо вѣрвать въ то, что ты—человѣкъ цивилизаціи, другъ прогресса и т. д. Друзья съ благоговѣніемъ просятъ у тебя почитать журнальчика или газеты, и ты снисходительно даешь имъ оныя и тутъ же сообщашешь имъ, чтѣ—Гарибальди... чтѣ—земная кора... питаеъ опять... социальность... терпимость и... и чортъ тебя знаетъ, о чемъ ты съ чужого голоса нагородилъ въ разныя минуты своей жизни, чего совсѣмъ не городать въ тѣхъ улицахъ, гдѣ мы находимся съ тобой въ данную минуту и куда, по настоящему, ходить тебѣ рѣшительно не за чѣмъ; но ты въ послѣдніе дни твоего существованія очень приналегъ на всѣ эти «Петербургскія», «Московскія», «Варшавскія» et coetera Трущобы, и, такъ какъ роли политика, натуралиста, социалиста и, наконецъ, порицателя или поощрителя различныхъ внутреннихъ мѣропріятій тебѣ демонски опротивѣли, то ты, вспомнивши золотое время твоего *невозвратно-минувшю дѣтства*, захотѣлъ, на старости лѣтъ, еще разъ порисоваться въ роли знаменитѣйшаго принца Герольштейна, и пошелъ ты по этому случаю, вмѣстѣ съ авторами различныхъ трущобъ, по столичнымъ кабакамъ, для изученія младшей, надшей и вообще всяческой братіи, которую ты почему-то считаешь во всѣхъ отношеніяхъ хуже себя и которому, на этомъ основаніи, ты назвалъ *меньшею братіей*. Авторы-то кое-какъ выкарабкались изъ кабаковъ, конечно, не всѣ, и правда, что съ достаточнымъ угарцемъ, потому что быть въ огнѣ и не обжечься—нельзя; но тебя-то, непривычнаго человѣка, тамъ либо исколотили на смерть, либо самъ ты записался въ нихъ, не могши сладить съ своимъ ретивымъ, которое до конца изомлѣло и сокрушилось отъ того крѣпшаго буйства, какому предавались кабачные, погибающіе люди на порогахъ своихъ видимыхъ могилъ...

«Вотъ почему ты для меня—обуза, читатель, на этой улицѣ. Воротись лучше назадъ отъ дѣйствительности, которою ты брезгаешь до отвращенія или боишься до смерти. Вернись, говорю. Слышишь, какъ будочникъ Илюша, только-что сейчасъ по-ребячьи игрившій съ москвичемъ, пристально всматривается въ насъ съ тобой и совсѣмъ какъ настоящій часовой, грозно вскрикиваетъ:—

Кто идетъ?—А эти собаки? Обличаемы каждымъ номеромъ московскаго «Развлеченія», онѣ тѣмъ не менѣе не перестаютъ пробираться незнакомыхъ пѣшеходовъ, безпоясанныхъ ихъ мирную жизнь въ тихой улицѣ. Видишь, какимъ бѣшеннымъ стадомъ и съ какимъ неистовымъ лаемъ мчатся онѣ на насъ? Бѣжи! Бѣжи и не связывайся съ этимъ извозчикомъ, который вдругъ, ни съ того, ни съ сего, строго и бранчиво принимается уличать тебя въ полунощничествѣ и въ шаромыжничествѣ, легкимъ посвященіемъ натравляя собакъ на то, чтобъ онѣ согнали тебя съ «ихней» улицы.

— Часовой! кричишь ты, справедливо полагая, что будучи Илюша сейчасъ прольетъ за тебя всю кровь и сразится съ собаками не на животь, а на смерть. Бѣдный! ты сильно оппашешься.

— Проваливай, проваливай! отвѣчаетъ на твой крикъ Илюша и затѣмъ суетливо начинаетъ соваться въ разныя стороны, разговаривая промежъ себя, «что ахъ ты, братцы мои, куда это дубину я тутъ положилъ? Ахъ-хъ! Хорошо бы это вдоль ногъ ему запустить...»

— Здравствуй, Илюша! привѣтствую я лично стража тихой улицы.—Какъ живешь—можешь.

— А, здорово, баринъ! Кто это съ тобой проходилъ сейчасъ?

— Да это такъ, Илюша! Это—читатель.

— Читатель?.. Какой такой?—Нынѣ, самъ знаешь, какъ строг-га!

— Ну тебя къ лѣпшимъ! Ты на именины, чтоль, къ Миру Петровичу собрался? Я, вѣдь, слышалъ, какъ ты съ нимъ переговаривался. Я самъ тоже къ нему.

— Къ самому?

— Нѣтъ, я къ прачкѣ—къ Петру Александрову. Дома скучно стало. Дай, молъ, схожу поболтать.

— Такъ, такъ! совсѣмъ ужъ ласково подтверждаетъ Илюша.—Видѣть, значитъ, пойдешь. Я тебя черезъ заборъ подсажу, а то у нихъ экую ранъ ворота всегда запираютъ, такъ чтобъ не испугать, не беспокоить, потому дѣдъ у нихъ—дворникъ и сердитый такой на счетъ безпокойства... Такъ-то «облаеть»... (См. Ж. и. зав. стр. 319).>

Тщеславясь такимъ образомъ разницею отношеній простаго люда къ нему и читателю, въ другомъ мѣстѣ онъ, наоборотъ, представляетъ на видъ различіе въ своихъ личныхъ отношеніяхъ къ простому люду и къ интеллигентному слою. Изображая себя въ одномъ изъ очерковъ («Фигуры и трою о московской жизни») проснувшимся послѣ сильной попойки у знакомаго московскаго обывателя дѣвственныхъ улицъ, Чижа, онъ восклицаетъ: «Потораю, въ концѣ концовъ, что я былъ очень радъ, что очутился у Чижа, потому что часто также приходится мнѣ трудить ошальстую голову надъ разгадкой у кого именно изъ моихъ бар-

ственныхъ друзей встрѣчаю я извѣстное утро, тысячу невидныхъ и неслышныхъ для посторонняго глаза голосовъ и лицъ, но безопадно-осуждающее меня бездомнаго пьяницу, то словно жалѣющее и плачущее надо мною горячими слезами родныхъ людей, которыхъ я кочу выжить изъ моей памяти и никакъ не выживу?.. Съ ужасомъ думалъ я, разговаривая съ Чижиной: что бы было со мной, ежели бы я проснулся теперь не въ ея казармѣ? Благовоспитанный другъ мой читалъ бы мнѣ мораль, что необходимо и проч. отпаивалъ бы кофеемъ, говорилъ бы со мною *по-мужички*, либеральничалъ; между тѣмъ, самъ я, въ каждомъ звукѣ, изъ какихъ состояли бы его нескончаемыя раціи, явственно разбирая звонкій нестерпимо-рѣжущій хохотъ уродливаго дьяволенка пьянства, который самымъ подлымъ образомъ вихлялся бы передо мной въ синемъ пламени спиртовой лампы, варившей кофе, дразнилъ бы меня и кричалъ другу моему и наставнику:

«— Да что это ты ему разговоры разговариваешь? ха, ха, ха! — Ему погромче тебя въ миллионъ разъ говорили когда-то, да не послушалъ... ха, ха, ха! («Горе сель и дер.» стр. 420)».

«Въ Москвѣ у меня бездна литературныхъ и университетскихъ друзей, повѣствуетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (См. Ж. моск. закоул. стр. 296):— которые меня весьма терпятъ и у которыхъ, слѣдовательно, я удобно могъ бы сложить свой странническій посохъ, но, пославъ ихъ въ душѣ моей къ Богу въ рай, я, по прибытіи въ Москву, направился прямо въ дѣвственную улицу, гдѣ жилъ мой старый другъ, старый отставной унтеръ-офицеръ, который былъ кумъ, т. е. у котораго, благодареніе Создателю, мнѣ довелось привести въ крещеную вѣру троихъ дѣтей».

Всѣ эти выдержки ясно показываютъ намъ въ лицѣ А. И. Левитова вовсе не интеллигентнаго наблюдателя народныхъ нравовъ со стороны, а человѣка, вполне сливавашагося съ народною жизнію и до конца своихъ дней не переставшаго быть человѣкомъ народа. Не на народъ, а на интеллигентные слои онъ смотрѣлъ со стороны, и то презрѣніе къ ихъ напускной гуманности, искусственности и нравственнымъ противорѣчіямъ, какое мы видѣли въ вышеприведенныхъ цитатахъ, доходить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его сочиненій до крайней нетерпимости. Такъ, въ очеркѣ «Крымъ» (Жизнь моск. закоул.), онъ изливаетъ подобныя чувства именно на одного изъ элегантныхъ наблюдателей народныхъ нравовъ, затесавшагося въ кабакъ и ломавшагося тамъ своими легковѣсными фразами въ либеральномъ духѣ: «Между тѣмъ, говорить онъ: — великосвѣтскія манеры моего случайнаго знакомаго неимоვნю бѣсили меня, потому что, чѣмъ дальше сидѣли мы съ нимъ въ зловонномъ трактирѣ, чѣмъ больше онъ пропитывалъ харчевную атмосферу своими тончайшими духами, такъ-что саміе нахальные крымскіе глаза безъ какого-то смущенія и даже какъ будто-бы страха не могли выносить блеска опала въ его золотой булавкѣ, а въ то время,

когда, казалось, самыя стѣны подземелья хотѣли лопнуть отъ шумнаго скопища, тискавшагося въ немъ, около нашего стола непонятнымъ образомъ, былъ нѣкоторый просторъ. «Чортъ его побери совсѣмъ! злобно думалъ я про моего элегантнаго друга: — уградить же человѣка, одѣтаго въ такую изящную закетку, въ галстукъ котораго блеститъ, наконецъ, такое свершающее произведеніе Фульды, затесаться въ Крым! Кажется, мнѣ придется хорошенько раскровянить его! И клянусь вамъ, раскровянить этого молодца непременно бы слѣдовало, потому что его барство до крайности напугало присѣвшаго къ нашему столу стараго солдата. По его задумавшемуся лицу я очень хорошо видѣлъ, что солдатъ, такъ же какъ и я, съ большимъ удовольствіемъ сѣзидилъ бы въ фізіономію къ баричу».

Въ этой цитатѣ А. И. Левитовъ—весь передъ вами, со всѣми его симпатіями и антипатіями и во всей наивной грубости степнаго дикаря. Хотя къ этому нужно замѣтить, что грубость эта была однимъ внѣшнимъ слоемъ грязи, наросшимъ на поэтѣ, вслѣдствіе обстановки жизни его, но въ существѣ это была натура крайне нѣжная и деликатная, нисколько неспособная приводить въ дѣйствіе тѣ угрозы, которыми онъ разразился противъ элегантнаго друга, смутившаго его своимъ пребываніемъ въ «Крымъ». Объ этомъ мы можемъ судить по тѣмъ рефлексіямъ и насмѣшкамъ надъ собою, которыми ниже въ своемъ очеркѣ разражается поэтъ въ сознаніи неспособности къ выполненію грубой угрозы.

Послѣдніе годы жизни А. И. Левитова носятъ все тотъ же мрачный колоритъ, что и вся его жизнь; если еще не мрачнѣе. Съ 1870 года до самой смерти, Левитовъ почти безвыѣздно жилъ въ Москвѣ; въ послѣдній разъ онъ посѣтилъ Петербургъ на короткое время въ 1871 году. Попржнему, зимою онъ жилъ гдѣ нибудь у драгомиловскаго моста, въ подвалѣ, или у вѣганьковскаго кладбища; потомъ переселялся въ какую-нибудь подгородную деревню или Петровско-Разумовское. Здоровье его медленно, но замѣтно уходило; кашель сталъ повторяться все чаще и чаще. Литературныя его работы шли тихо; лучшая вещь, написанная имъ за послѣдній періодъ, помѣщена въ журналѣ «Грамматій», и носитъ заглавіе «Аховскій посадъ». Главнымъ, если не единственнымъ средствомъ къ жизни служило ему въ эти годы изданіе его сочиненій... Съ начала 1875 года онъ началъ быстро худѣть, зловѣщій кашель мучилъ его, и онъ часто жаловался на боль въ груди...

И умереть пришлось ему, какъ умираютъ многіе такіе же бездомовные и безпріютные странники, закинутые въ чужедальную сторону, какимъ былъ и онъ: въ казенно-черствой обстановкѣ университетской клиники.

Я не знаю, какіе нужны комментаріи и нужно ли какія-бы то ни было при видѣ этой столь безотраднo-прожитой жизни для уясненія тѣхъ особенныхъ причинъ, которыя помѣшали моло-

днимъ беллетристамъ, и А. И. Левитову въ томъ числѣ, возвыситься въ развитіи своихъ талантовъ до чего либо великаго и гениальнаго. Впрочемъ, что касается до читателей, не отличающихся особенною быстротою соображенія и даромъ сопоставлений и сравненій, я прошу ихъ представить только себѣ общій характеръ жизни всѣхъ предыдущихъ, дореформенныхъ нашихъ поэтовъ и беллетристовъ, и читатели поймутъ тогда, какую диаметральную противоположность представляеть этотъ характеръ жизни съ характеромъ жизни пореформенныхъ беллетристовъ. — Прежніе наши поэты и беллетристы съ самаго нѣжнаго возраста были окружены всѣми и матеріальными, и умственными благами, способствовавшими къ процвѣтанію и быстрому развитію ихъ талантовъ. Дѣтство ихъ проходило гдѣ-нибудь на лонѣ природы, подъ тѣнистыми садами родимыхъ усадебъ, въ холѣ и нѣгѣ со стороны не чающихъ въ нихъ души родителей, подъ попеченіемъ русскихъ и иностранныхъ гѣстоновъ, при чемъ очень часто будущіе украсители русскаго слова начинали свой младенческій лепетъ по-французски или по-англійски. По большей части, случалось такъ, что или отецъ, или мать имѣли большое пристрастіе къ литературѣ, и въ домѣ была масса книгъ, журналовъ, кипсеговъ, или гдѣ-нибудь въ углу дома таилась дѣдовская библіотека, въ которой мирно почивалъ, въ русскомъ заголустѣ, гордый царствомъ разума XVIII-й вѣкъ. Глядишь, мальчикъ шести лѣтъ, уже становился въ классическія поэзы и декламировалъ передъ гостями изъ Расина или Корнеля, а 10-ти лѣтъ писалъ стихами цѣлыя поэмы. Затѣмъ, слѣдовали юношескіе года, университетъ, отвлеченно-философскіе споры и шумныя студенческія попойки, на которыхъ торжественно варилаь жонка и весело лилось шампанское... Потомъ начиналась настоящая жизнь, описаніе которой біографы относительно почти каждаго писателя, начинаютъ съ того, что «вырвавшись изъ-подъ школьной ферулы, NN или ZZ, нѣсколько лѣтъ провелъ въ вихрѣ шумныхъ, свѣтскихъ развлеченій»... Затѣмъ, если литературное призваніе преодолевало страсть къ волокитству, кутежамъ и картамъ, то остепенившійся поэтъ заперался въ кабинетъ и имѣлъ возможность предоставить полную волю своему вдохновенію. Ему ничто не мѣшало то или другое произведеніе по нѣскольку разъ переписывать, передѣлывать, работать надъ нимъ мѣсяцы и годы, пока, наконецъ, оно не возводилось въ его глазахъ въ «перлъ творенія». Въ то же время, онъ примыкалъ къ какому-нибудь литературному кружку, чему-нибудь въ родѣ «Бесѣды любителей руссійскаго слова», «Арзамаса», или позже къ кружку, группировавшемуся вокругъ Бѣлинскаго. И вотъ, не ограничиваясь однимъ уединеннымъ бесѣдами съ музой, каждую написанную строчку подвергалъ онъ неоднократно чтеніямъ различнымъ авторитетнымъ и компетентнымъ друзьямъ, при чемъ слѣдовали взаимныя обсуждения и обсужденіе этихъ обсужденій, совѣты и обсужденія этихъ совѣтовъ, передѣлки и новыя обсужденія этихъ передѣлокъ и т. д.

Одинъ литературный ветеранъ добраго стараго времени недавно еще выражалъ по этому поводу удивленіе, сравнивая его время, когда каждая написанная страница чуть не нанзустъ вгучивалась всѣми друзьями и почитателями поэта прежде, чѣмъ отправиться въ типографію, и наше время — когда авторы спѣшаютъ сдавать въ борщикамъ свои рукописи, не перечитывая ихъ и не дожидаясь даже, чтобы обсохли на нихъ чернила. Но пусть этотъ ветеранъ познакомятся съ обстоятельствами жизни А. И. Левитова, и онъ убѣдится тогда, имѣли-ли возможность какъ этотъ писатель, такъ и многіе собраты его (Помаловскій, Рѣшетниковъ, Буцковский), жизнь которыхъ имѣеть большую и поразительную аналогію съ жизнью А. И. Левитова даже во многихъ мелочахъ, имѣли ли они возможность, говорю, культивировать, развивать свои таланты и творить такъ, какъ это дѣлали ихъ предшественники? Мы видимъ, что въ самомъ нѣжномъ ихъ дѣтствѣ, подѣ снѣгу родительскихъ домовъ, успѣвали уже видѣряться въ ихъ сердца задатки унынія и ожесточенія. Ихъ окружали со всѣхъ сторонъ и смущали ихъ младенческія души тяжкія хлопоты о насущномъ хлѣбѣ и развѣдающія дряннѣ шпеты. Случалось, что родители проклинали часъ и день ихъ рожденія, смотря на нихъ, какъ на лишніе, голодные рты, и съ тукманками совали въ эти голодные рты послѣднюю черствую корку хлѣба. Въ родительскихъ домахъ они не только не видѣли ни одной свѣтской книжонки, но, напротивъ того, встрѣчали ту подозрительность и нерасположеніе къ свѣтской литературѣ, которая до сихъ поръ замѣчается среди народа. Затѣмъ, слѣдовала ступляющая семинарская дорога, сопровождаемая рядомъ самыхъ безчеловѣчныхъ истязаній. Затѣмъ, послѣ большихъ мятарствъ и съ громадною тратою молодыхъ силъ, добирался юноша до столицы, но тамъ его встрѣчали голодъ, холодъ и сырость убогихъ каморокъ «себилю», и безомощный не пригрѣтый ни чѣмъ участіемъ, юноша окончательно надламывался. Эта надломленность потомъ производила свое обратное дѣйствіе и парализовала всякую возможность къ дальнѣйшимъ шагамъ его на пути жизни. Являлась какая-то оупщенность, апатія и полное равнодушіе къ окружающей обстановкѣ. Мало того: укоренялось что-то въ родѣ привычки къ скитальчеству и безпріютности и послѣднее возводилось во что-то въ родѣ нравственнаго принципа. Такъ, когда юношѣ улыбался какой-либо успѣхъ, являлся хорошей зароботокъ и нѣсколько лишннихъ копеекъ въ карманѣ, ему вдругъ дѣлалось какъ своей нищеты и словно будто совѣстно: ему начинало казаться, что онъ сейчасъ-же разгѣнится, ожирѣеть, зазнается и забудетъ свое горе и горе тысячъ подобныхъ ему; и вотъ, вместо того, чтобы употребить зашедную въ карманѣ лишнюю копейку на улучшеніе своего положенія и средствъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ, онъ спѣшилъ поставить ее ребромъ, отдѣлывая отъ нея, словно она жгла его карманъ и какъ-будто въ ка-

то именно и лежало все зло и весь адъ нравственной гибели. Такъ, А. И. Левитовъ, по словамъ многихъ его знавшихъ, начиналъ чувствовать себя словно будто отступникомъ и испытывать муки совѣсти, когда ему приходилось мѣсяць-другой проживать не въ какой-либо роскоши, а въ мало-мальски чистенькомъ номерѣ меблированныхъ комнатъ, которымъ едва удовлетворился бы студентъ, но, пожалуй, и побрезговаль-бы средней руки чиновникъ. У меня вотъ лежить на конторкѣ одна ненапечатанная еще нигдѣ рукопись Левитова, поля которой исписаны выдержками изъ русскихъ поэтовъ, особенно приглашувшимися и поразившими Левитова, и на первомъ планѣ красуется слѣдующее мѣсто изъ Лермонтова:

Глупецъ! Гдѣ носохъ твой дорожнѣй?
 Возьми его, пускайся вдалѣ.
 Пойдешь-ли ты черезъ пустыню,
 Иль городъ пышный и большой,
 Не обожай ничью святыню,
 Нигдѣ пріютъ себѣ не строй...

Это было, такимъ образомъ, не одна вынужденная обстоятельствомъ нищета, но возведенная въ принципъ, своего рода подвижничество. Прибавьте ко всему этому, что всѣ беллетристы, о которыхъ мы говоримъ, изъ самого ранняго возраста выносили пристрастіе къ вину и очень рано начинали пить горькую чашу, и пьянство ихъ представляло изъ себя не одинъ веселый загулъ молодости, а носило тотъ мрачный характеръ питья въ одиночку, какой представляетъ изъ себя такъ часто запой русскаго человѣка, и вамъ понятнo станетъ, можно ли было и думать объ особенно тщательномъ культивированіи, о развиваніи ихъ поэтическихъ талантовъ. Однимъ словомъ, въ лицѣ этихъ беллетристовъ, представляется нечто иное, какъ нѣсколько выходцевъ изъ степей и различныхъ російскихъ заколустій, наивно-простодушныхъ самоучекъ, которые безхитростно выражали въ своихъ разсказахъ и очеркахъ все, что видѣли, слышали, сами испытывали, все, что волновало, поражало и ожесточало ихъ. Передъ вами самородное и самодѣльное русское искусство, естественно возросшее на чистомъ воздухѣ русской жизни, внѣ всякихъ теплицъ, искусственныхъ орошеній и подогрѣваній. Поэтому, произведенія этихъ писателей вдвое поучительны, въ томъ смыслѣ, что показываютъ вамъ, какое искусство можетъ произрастать на настоящей русской почвѣ, сообразно качеству ея и всѣхъ условій произрастанія.

Въ то же время, изъ всего вышеизложеннаго понятнo станетъ, почему произведенія этихъ беллетристовъ представляютъ изъ себя такой необработанный, въ техническомъ отношеніи, видъ и хаотическій характеръ. Имѣли ли возможность эти писатели заниматься тщательною обработкою своихъ произведеній и приданіемъ имъ художественно совершенныхъ и прекрасныхъ формъ, когда, съ одной стороны—въ лицѣ ихъ мы видимъ самоучекъ,

не успѣвшихъ даже и познакомиться иногда со всѣми таинствами традиціонной, художественной техники, не только что вполне усвоить ихъ, а съ другой стороны — до того ли было имъ, чтобы возводить свои произведенія въ «перлъ созданія», когда каждую едва написанную строчку имъ приходилось поскорѣе торопиться сбывать на литературный рынокъ изъ опасенія завтра остаться безъ обѣда! Имъ очень часто такимъ образомъ некогда было и оканчивать свои произведенія, не только что обрабатывать ихъ. Такъ мы видимъ, что весьма многіе рассказы А. И. Левитова представляются началами, отрывками, эпизодами изъ большихъ работъ, задуманныхъ, но оставшихся невыполненными. Чтобы читателямъ представлялись вполне наглядно причины подобной невыполненности работъ и отрывочности рассказовъ А. И. Левитова, я считаю не лишнимъ сдѣлать нижеслѣдующую выдержку изъ невролога г. Нефедова. Когда въ 1870 году Левитовъ прѣхалъ изъ Петербурга въ Москву съ цѣлію отправиться далѣе на родину, у него былъ задуманъ романъ подъ заглавіемъ «Сны и факты» съ эпиграфомъ изъ Некрасова «Отъ лжущихъ, праздно болтающихъ», и онъ сообщилъ уже г. Нефедову планъ этого романа.

— Первую главу я ужъ началъ писать, говорилъ Левитовъ. — Поѣду теперь на родину, поживу тамъ и буду продолжать.

«Но, продолжаетъ г. Нефедовъ:—видно ужъ такъ на роду было написано, чтобы желанія Левитова никогда не исполнялись: злая судьба не переставала надъ нимъ тѣпиться... Въмѣсто родины, ему пришлось остаться въ Москвѣ и поселиться близъ ваганьковского кладбища, въ каморкѣ, гдѣ ходилъ сквозной вѣтеръ и лилъ сквозъ крышу дождь. Опять жизнь, полная лишений и страданій... Одинъ изъ его друзей перетащилъ его на другую квартиру, на Остоженку. Здѣсь Левитовъ окончилъ первую главу своего романа... Здоровье его еще болѣе ухудшилось; видимо, онъ ужъ началъ сомнѣваться, что не въ силахъ будетъ осуществить планъ. Въмѣсто романа, Левитовъ хотѣлъ написать повѣсть, которая была-бы эпизодомъ изъ романа; заглавіе повѣсти онъ далъ: «Говорящая обезьяна». Онъ не окончилъ и этой повѣсти; гнетущая нужда, необходимость дневнаго существованія вынуждали его искать денегъ. Написавши первую главу «Говорящей обезьяны», Левитовъ отослалъ ее въ одну изъ петербургскихъ редакцій и черезъ нѣсколько времени получилъ гонораръ до напечатанія; при этомъ была возвращена и рукопись, такъ какъ не найдено было возможнымъ печатать разсказъ въ такомъ неоконченномъ видѣ».

Вотъ, въ какомъ ужасномъ видѣ представлялось зачастую творчество нашихъ молодыхъ беллетристовъ. Ну, не смѣшно-ли, въ виду всего этого, претендовать на законченность и совершенство художественныхъ формъ ихъ произведеній?

Вообще, обращая вниманіе на всѣ условія жизни А. И. Левитова, остается удивляться не тому, что онъ преждевременно

сошелъ въ могилу, не успѣвъ возвыситься надъ своими первыми разсказами и создать что-либо выдающееся и великое, а, напротивъ того, поразительно, какъ онъ могъ все-таки прожить 45 лѣтъ и остаться до своей смерти на высотѣ своихъ «Степныхъ очерковъ», которые, при всѣхъ ихъ техническихъ недостаткахъ, во всякомъ случаѣ, обличаютъ въ немъ несомнѣнное и весьма недожинное художественное дарованіе. Это, еще разъ повторяю я, заслуживаетъ большого удивленія и показываетъ, какими мощными физическими, умственными и нравственными силами обладалъ покойный поэтъ.

А. Слабичевскій.

СВѢТОЧИ БУДУЩАГО.

(Фельетонъ изъ уголовной статистики Россіи).

Et lux tenebris lucet,
et tenebrae eam non comprehenderunt.

Во время послѣдней выставки въ академіи художествъ, въ числѣ прочихъ посѣтителей, созерцавшихъ знаменитое холотно Семирадскаго, толкался и я, пишуцій сіе. Въ толпѣ слышалось не мало отрывочныхъ сужденій о достоинствахъ и недостаткахъ картины, не мало замѣчаній впопадъ и не въ попадъ; но почему-то замѣчанія эти нѣсколько раздражали меня, подобно тому, какъ во время игры недожинныхъ актеровъ, а тѣмъ паче выдающихся, раздражаютъ неумѣстныя замѣчанія зрителей относительно того, напр., почему леди Макбетъ, прародительница Дары Соколовой изъ Гусева Переулка, не испугалась тѣни Банко, а самъ Макбетъ испугался, или—понимала ли Офелія двусмысленности Гамлета, или не понимала, или, наконецъ, похожъ ли король Лиръ на Кита Ктыча, или не похожъ.

— А художникъ, должно быть—большой трусъ или себѣ-наумъ, произнесъ у меня за спиною знакомый голосъ.

Я обернулся. За мною стоялъ мистеръ Плюмпуддингъ.

— Почему вы такъ думаете? спросилъ я.

— Да ужъ онъ слишкомъ остороженъ: онъ говорить предложеніями безъ глаголовъ. На этой картинѣ я положительно не вижу глагола. Художникъ не договорилъ: онъ чего-то боится или чего-то не знаетъ. Какъ бы вамъ сказать—картина эта напоминаетъ судъ присяжныхъ, которые, вмѣсто оправдательнаго или обвинительнаго вердикта, выносятъ отвѣтъ: «Мы не знаемъ—

«да» или «нѣтъ». Жаль, очень жаль м-ра Семирадскаго — онъ больше, чѣмъ на скользкой дорогѣ.

— А по моему, вѣшался въ нашъ разговоръ знакомый вамъ братъ-славянинъ, герцеговинецъ Пеко Пековичъ, привезшій въ музей Гаснера партію соленыхъ турецкихъ носовъ, съ тѣмъ чтобы на вырученныя за нихъ деньги купить у Вишневскаго партію револьверовъ:—по моему, подъ картиной Семирадскаго сѣдовало бы подписать: «Перонъ, проповѣдующій христіанство».

Мистеръ Плюмпуддингъ, повидимому, изумился и серьезно замѣтилъ:

— О! вы, пожалуй, до нѣкоторой степени и правы, м-ръ Пеко Пековичъ; но Семирадскій и этой задачи не осилилъ. А я вамъ скажу, что на дняхъ мнѣ удалось познакомиться съ молодымъ художникомъ, который написалъ картину, пожалуй, тождественную съ этой по содержанию, но дѣйствительно поразительную. Хотя картина снабжена нѣсколькими казенною подписью, но вслѣдствіе, кто взглянетъ въ нее, смѣло можетъ подписать: «Свѣточи будущаго».

— Что же это за картина, господине, и можно ли ее видѣть? спросилъ Пеко Пековичъ.

— Если хотите, я вамъ покажу ее: она у меня. Угодно вамъ, м-ръ Д. С...о-М...ъ, и вамъ, м-ръ Пеко Пековичъ, зайти теперь ко мнѣ и взглянуть на эту картину?

Мы согласились и пошли къ м-ру Плюмпуддингу. Когда мы вошли къ нему въ кабинетъ, онъ указалъ намъ на огромную книгу, лежавшую у него на столѣ.

— Вотъ картина, о которой я вамъ говорилъ, сказалъ онъ: это — «Свѣточи будущаго».

— Какъ, съ изумленіемъ воскликнулъ доверчивый братъ-славянинъ:—развѣ—это картина? Тутъ написано: «Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, производившимся въ 1875 году въ судебныхъ учрежденіяхъ, дѣйствующихъ на основаніи уставовъ 20-го ноября 1864 года. Изданіе министерства юстиціи. Въ трехъ частяхъ. С.-Петербургъ. Въ типографіи правительствующаго сената. 1877». Можетъ быть, картина приложена къ этой книгѣ?

— Да, она въ самой книгѣ, невозмутимо отвѣчалъ м-ръ Плюмпуддингъ.

Я зналъ англичанина со стороны всевозможныхъ чудачествъ и потому нисколько не удивился его выходкѣ. Но братъ-славянинъ раскрылъ ротъ отъ изумленія.

— Не изумляйтесь, м-ръ славянинъ, сказалъ Плюмпуддингъ:—я вамъ все объясню, выслушайте меня терпѣливо. Эта прекрасная, хотя необыкновенно объемистая книга, заключающая въ себѣ болѣе 120 печатныхъ листовъ, вся испещрена цифрами, какъ бываетъ лицо послѣ оспы. Вы сами изволите видѣть, что тутъ—масса цифръ. На одной вотъ этой страницѣ я насчиталъ до 2,500 цифръ, а во всей книгѣ ихъ—отъ 700,000 до 800,000

цифръ. И знаете ли, достойные друзья мои, *каждая*, безусловно *каждая*, цифра, имѣетъ тутъ глубокое значеніе: это — краски, штрихи, тѣни, комбинаціи цвѣтовъ, сочетаніе свѣта и тѣней грандіозной картины, которую я имѣю честь вамъ показывать. Вотъ хоть бы эти двѣ ничтожныя цифры, стоящія рядомъ на стр. 97: одна изъ этихъ цифръ — 1, другая — 11. Всмотриваясь въ обстановку этихъ цифръ, вы находите, что онѣ поставлены подъ рубрикою «убійство супруговъ», что стоять онѣ противъ слова «женщины» и въ графахъ — первая «возрастъ отъ 14—17 лѣтъ», вторая — отъ 17—21 года. Это значить, что въ отчетномъ году судилась одна какая-то женщина, почти ребенокъ, отъ 14 до 17 лѣтъ, за убійство своего мужа; что въ то же время судились другія 11 несчастныхъ женщинъ, нѣсколько постарше первой, отъ 17 до 21 года — и опять за убійство своихъ мужей. Развѣ такія потрясающія детали картины, которыхъ вы насчитываете десятки — сотни тысячъ, не дѣлаютъ ея... какъ бы вамъ сказать — академическою? Васъ поразила громадность картины Семирадскаго, на васъ произвела впечатлѣніе масса лицъ, разбросанныхъ по полотну мастерскою рукою художника. А вотъ на этой картинѣ вы видите еще болѣе подавляющую массу лицъ — взглянитесь только, вдумайтесь въ эту картину: она говоритъ, что въ 1875 году въ общихъ судебныхъ установленіяхъ производилось 150,317 да 48,207 дѣлъ въ мировыхъ установленіяхъ. Вѣдь это — около двухсотъ тысячъ дѣлъ — двѣсти тысячъ группъ человѣческихъ на одномъ полотнѣ правосудія?

— О! двѣсти тысячъ преступленій, двѣсти тысячъ преступниковъ! — да это больше, чѣмъ все населеніе нашей доблестной сосѣдки, Черногоріи, воскликнулъ Пеко Пековичъ.

— Да, больше; вы правы, согласился м-ръ Плюмуддингъ. — Но, посмотрите, какъ распределяются эти преступленія. Показанное число — 150,000 — распадается на группы преступленій:

противъ чужаго имущества	87,160
противъ личности	26,418
противъ общественнаго благоустройства и благочинія	8,661
преступленія служебныя	8,454
противъ порядка управленія	8,453
нарушеніе уставовъ казенныхъ управленій	4,756
изслѣдованія причинъ смерти	2,392
преступленія религіозныя	1,963
самоуправствъ	1,343
изслѣдованіе причинъ пожаровъ (и поджоговъ)	396
преступленія противъ законовъ о состояніяхъ	321

— Какова первая группа! продолжалъ англичанинъ, тыкая пальцемъ въ верхнюю цифру: — восемьдесятъ тысячъ фигуръ, изображающихъ воровство, кражу простую и кражу со взломомъ, грабежъ, разбой, однимъ словомъ — «имущественныя преступле-

нія». Вѣдь, это—больше половины *смысла* совершившихся въ Россіи несчастій — потому что я считаю преступленіе несчастіемъ. — Въ чемъ же причина этого поразительнаго явленія? спросилъ, обратившись ко мнѣ, мръ Плюмуддингъ:—чѣмъ вы это объясните?

— Чѣмъ? Относительно низкимъ уровнемъ нравственности въ массѣ, недостаточнымъ пониманіемъ всей святости прав собственности, отвѣчалъ я.

— Конечно, конечно... Но, тутъ есть что-то другое... Впрочемъ, объ этомъ послѣ—въ своемъ мѣстѣ.

— А вотъ у насъ, въ Герцеговинѣ и въ Черногоріи, совсемъ нѣтъ воровства, замѣтилъ Пеко Пекевичъ.—Чѣмъ это вы объясните?

— Да у васъ воровать нечего, шута замѣтилъ англичанинъ. — О, нѣтъ! Вы, ошибаетесь: у насъ есть что воровать, но воровъ нѣтъ. У насъ никто даже не запираетъ своей «кучи», а между тѣмъ—все цѣло.

— Ну, у васъ другія условія жизни; экономическій строй жизни не тотъ. А вотъ преступленій противъ личности у васъ, я думаю, побольше, чѣмъ у русскихъ: дрались вы—большіе охотники.

— Да, это, правда: у насъ атаганъ — тоже, что у васъ со своей платокъ.

— Но зато у русскихъ послѣ имущественныхъ преступленій и послѣ личныхъ слѣдуетъ «бродяжничество». Это—очень замечательное въ Россіи явленіе: такого явленія вы не встрѣтите въ цѣлой Европѣ. А все отъ того, что въ Россіи стѣснена свобода передвиженій: паспортъ сковываетъ русскаго человѣка по рукамъ и по ногамъ. Человѣкъ идетъ на заработки—нѣтъ, по стой, бери паспортъ и еще плати за него, терпи всякую проволоку, прижимки. Ну, мужикъ и махнетъ рукою, уйдетъ безъ паспорта—и попадетъ въ острогъ. Эта паспортная система создала въ Россіи особый историческій типъ, типъ «Ивана, непомнящаго родства»... «Непомнящій родства», это—абсурдъ, но онъ осязаетъ исторіей.

— Но вотъ обратите вниманіе на слѣдующее странное содѣяніе цифръ: тутъ сказано, что объ «убійствѣхъ» производилось 6,402 дѣла, о нарушеніяхъ правилъ печати или, какъ тутъ сказано, о «преступленіяхъ противъ печати» (!)—91 дѣло и о «воединкахъ»—12 дѣлъ. Убійство, печать, поединковъ... И оказывается, что два послѣднія преступленія—рѣдчайшія: дуэлистовъ только 12, печатныхъ преступниковъ—91. Это доказываетъ, что писатели—довольно скромный и нравственный народъ: исписать въ теченіи года такіе вороха бумаги, что въ нее можно было бы завернуть пирамиду Хеопса, словно маленькій лимонъ, извести бочки, сотни бочекъ чернилъ, тысячи пудовъ голландской саж. тысячи пудовъ свинцу, переносить десятки тысячъ глазъ у читателей, сдѣлать издателей богачами, а писателей нищими, за-

валить печатнымъ хламомъ публичную библиотечку до того, что она дала трещину, однимъ словомъ—строчить, строчить, строчить триста-шестьдесятъ-пять дней въ году и переступить законы о печати только 91 разъ, это, какъ хотите—большое искусство!

— Это все равно, что настрочить такую строку, которая достигла бы отъ земли до луны, и сдѣлать всего девяносто одну вляксу, сказалъ я торопливо, обрадовавшись, что писателей-преступниковъ оказалось меньше, чѣмъ убійць.

— О! мой уважаемый другъ, возразилъ м-ръ Плюмпуддингъ:— это вамъ только такъ кажется. Вы, писатели — далеко не такой скромный народъ, какимъ хотите казаться. Васъ, пишущую братію, прихлопнули всего 91 разъ «по суду»; но это ничего не значитъ: вѣдь, нынѣ «по суду» и мужика не съкутъ, а въ волости, на міру, домашнимъ порядкомъ-таки по-сѣкиваютъ. Но вотъ что любопытно. Каждая мѣстность нашего обширнаго царства отличается всегда отъ другихъ мѣстностей какими-нибудь своими излюбленными преступленіями: такъ вотъ эта почтенная книга свидѣтельствуетъ, что въ московскомъ судебномъ округѣ приходится имѣть дѣло преимущественно съ ворами и мошенниками («жулики»), въ саратовскомъ—съ буянами и разбойниками (потомки понизовой вольницы), въ одесскомъ—съ бродягами и бѣглецами... Не даромъ, видно, Москва произвела историческаго жулика Ваньку Каина, Поволжье—Стеньку Разина, Заметаева и другихъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ, и не даромъ мистеръ Григорій Данилевскій написалъ романъ «Бѣглецы въ Новороссіи». Служебными преступленіями отличается казанскій округъ, гдѣ подвизались когда-то, въ качествѣ проконсуловъ, знаменитый Артемій Волынскій и знаменитый Магницкій. Нарушителями уставовъ казенныхъ управленій являются преимущественно потомки Мазепы да «народъ Божій» — евреи. Историческій «красный пѣтухъ», повидимому, особенно любитъ разгуливать въ территоріяхъ тамбовскаго окружнаго суда. Самоуправствомъ отличаются потомки «курянь» — «свѣдомыхъ кметей». Во всемъ этомъ я вижу черты историческаго воспитанія: преступность всякаго народа растетъ на исторической почвѣ и питается историческими соками. Эпитетъ «историческій» я растягиваю очень широко и захватываю имъ и условія общественныя, и условія экономическія, и рудименты бытовые, религиозныя, мнѣніескія. Степень преступности всегда пропорціональна суммѣ вышеприведенныхъ условій.

— А какъ, по этой книгѣ, велика преступность русскаго челоука вообще? спросилъ Пеко Пековичъ.

— О, преступность русскаго народа была бы ничтожна, еслибъ... еслибъ... si nisi non esset... М-ръ Плюмпуддингъ остановился.

— Что—еслибъ? допытывался наивный славянинъ.

— Еслибъ у дѣдушки не было борода...

Si nisi non esset—

Perfectus quilibet esset...

— Книга эта говоритъ, что одно преступное дѣло въ Россіи приходится на 577 человекъ наличнаго населенія—вотъ степень преступности русскаго народа. Но, замѣчательно, что нѣкоторыя мѣстности являются образцомъ нравственности по отношенію къ другимъ мѣстностямъ съ наиболѣе, повидимому, преступнымъ населеніемъ. Я сказалъ «повидимому»—ибо такъ видится все это на нашей картинѣ. Съ самымъ нравственнымъ населеніемъ имѣютъ дѣло окружныя суды изюмскій, острогожскій, кашинскій и ржевскій, гдѣ одно преступное дѣло приходится на 1,000 или почти на 1,500 человекъ наличнаго населенія. Въпротивно, есть какія-нибудь причины, почему кашинцы, ржевцы, острогожцы и изюмцы представляются людьми антипреступными; но мы этия причины не знаемъ. Зато самая густая тѣнь преступности ложится на населеніе симферопольскаго и одесскаго окружныхъ судовъ, гдѣ 150—300 человекъ населенія непременно ухитрятся сотворить одно преступное дѣло. Въ Россіи, какъ вамъ вѣдомо, въ 1875 г., было шесть судебныхъ округовъ, захватывавшихъ собою цѣлыя группы сосѣдственныхъ губерній. Преступленіе, которое всегда рисуется мнѣ въ образѣ человека, лицо коего затянута густымъ, непроницаемымъ флѣромъ, такъ что подъ нимъ нельзя различить ни выраженія этого лица, ни краски или блѣдности на немъ, ни цвѣта, блеска и тусклости глазъ, ни того, какою мучительною игрой или тупою апатіею отражается на лицѣ жизнь и біеніе сердца, ни того—голодь или пресыщеніе, наглость или отчаянне, стыдъ или безстыдство толкаютъ человека въ пропасть—преступленіе подъ своимъ таинственнымъ забраломъ особенно часто бродитъ среди населенія только нѣкоторыхъ судебныхъ округовъ, тогда какъ въ другихъ округахъ оно появляется рѣже. Извольте взглянуть вотъ на этотъ небольшой столбецъ цифръ. Онъ гласитъ, что одно преступное дѣло совершается.

въ одесскомъ округѣ	на 433	чел. населенія,
> петербургскомъ . . .	> 496	> >
> казанскомъ	> 628	> >
> харьковскомъ	> 672	> >
> московскомъ	> 721	> >
> саратовскомъ	> 732	> >

— Слѣдовательно, продолжалъ м-ръ Плюмуддингъ: — таинственную фигуру преступления вы чаще встрѣтите бродящюю у «финскихъ хладныхъ волнъ» и туда—поблизости къ «пламенной Болхидѣ», чѣмъ у «потрясеннаго кремля». Лежащая передъ вами книга объясняетъ это явленіе тѣмъ, что преступленіе больше любитъ такія мѣста, гдѣ населеніе сложилось изъ разнородныхъ элементовъ—разнородныхъ по религіи, по народностямъ, по занятіямъ и по степени имущественнаго обезпеченія, тогда какъ населеніе внутреннихъ губерній, представляющее въ этомъ отношеніи болѣе однородное, является менѣе склоннымъ къ пре-

ступленіямъ. Но тутъ же вы видите и другую ленту цифръ, не менѣе поучительную. Она говоритъ, что *одно* преступленіе приходилось:

на 1,000 человѣкъ: это—преступленіе противъ чужой собственности,

на 2,724 человѣка: это—преступленіе противъ личности,

на 9,021 человѣкъ: это—преступленіе противъ общественнаго благоустройства и благочинія,

на 12,500 человѣкъ: это—преступленіе противъ порядка управленія,

на 14,286 человѣкъ: это—преступленія служебныя.

на 25,000 человѣкъ: это—преступленіе противъ изслѣдованія причинъ смерти (убійства, отравленія и проч.),

на 200,000 человѣкъ: это—преступленіе противъ изслѣдованія причинъ пожаровъ (поджоги и проч.),

— Поджоги? спросилъ Пеко Пековичъ: — кто же это поджигаетъ и кого?

— Какъ кто? въ свою очередь спросилъ Плюмпуддингъ:—русскіе: великоруссы, малоруссы, бѣлоруссы, литовцы, жмудины, латыши, эсты, ливы, финны-чухна, вѣмпы, шведы, евреи, татары, поляки, башкиры, молдаване, киргизы, калмыки, греки, болгаре, армяне, мордва, чуваша, черемисы, цыгане, самоѣды, трузинны, горцы, ногайцы, остяки, сойоты, вогулы, буряты, тунгузы, вореицы, якуты, таджики, узбеки, юбагиры, коряки, чукчи, камчадалы, гиляки, линосы, и проч., и проч., и проч.—все это—*русскіе*, ваши братья.

Мнѣ казалось смѣшнымъ все это перечисленіе народностей, дѣйствительно русскихъ; но Пеко Пековичъ разставилъ отъ изумленія руки и, казалось, еще ждалъ какихъ-то новыхъ народностей.

— Да-да, бормоталъ онъ: великъ нашъ «старшій братъ»... Кто же поджигаетъ?

— Все онъ же, невозмутимо отвѣчалъ м-ръ Плюмпуддингъ:—на двѣсти тысячъ человѣкъ—непремѣнно одинъ поджигатель... Это ужъ немножко «пироманіей» пахнетъ. Но вотъ что замѣчательно: «чужая собственность» оказывается такимъ бревномъ, о которое въ каждой тысячѣ человѣкъ непремѣнно одинъ спотыкнется... Какая она заманчивая эта «чужая собственность», точно чужая жена!

Пеко Пековичъ разсмѣялся.

— А вотъ еще фактъ знаменательный, продолжалъ м-ръ Плюмпуддингъ:—случай убійства и другія смертоносныя преступленія имѣютъ мѣсто среди каждыхъ 25,000 человѣкъ, а одно религиозное преступленіе приходится на 50,000 населенія. Наибольшее число послѣднихъ преступленій совершается въ территоріи симферопольскаго окружнаго суда и въ Поволжьѣ—именно тамъ, гдѣ находится разновѣрное населеніе...

— А знаете, почтеннѣйшій м-ръ Д. С...-М...ъ, съ кѣмъ васъ,

господь писателей, судъ ставить на одну доску по квалифи-
ци преступлений? вдругъ обратился ко мнѣ м-ръ Плюмуддингъ.

Я отвѣчалъ, что не знаю, что, вѣроятно, преступления про-
тивъ печати выдѣляются въ самостоятельный разрядъ.

— О, нѣтъ, мой уважаемый другъ, возражилъ онъ: — вы поставлены на одну доску съ бродягами, съ «непоминащими родства». Г. Тургеневъ, гр. Толстой, г. Некрасовъ, г. Щеринъ приравнены судомъ къ бродягамъ. Вотъ эта книга, говоря вообще о преступленияхъ «противъ общественнаго благоустройства и благочинія», замѣчаетъ, что «изъ отдѣльныхъ преступлений, принадлежащихъ къ этой группѣ, наиболѣе крупными цифрами выдѣляется бродяжничество», что вообще въ Россіи на 100,000 человѣкъ населенія приходится отъ 4 до 40 бродягъ, но что «преступленія противъ печати и нарушение уставовъ фабричной и заводской промышленности *сходатъ съ эту группу* самыми незначительными цифрами» (стр. XXXIX). Въ рубрикѣ «преступленій противъ женской чести» говорится, что одно возникшее этого рода дѣло приходится на 33,300 человѣкъ общаго населенія; что, слѣдовательно, это преступленіе не можетъ быть причислено къ наиболѣе распространеннымъ (я прибавлю, что оно почти втрое болѣе распространено, чѣмъ убійство), но что нѣкоторыя въ этомъ отношеніи представляются очень преступными, другія — очень дѣломудренными. Вотъ, по мнѣнію этой книги, градація судебныхъ округовъ по дѣломудренности населенія:

По московскому и саратовскому округамъ

1 случай нецѣломудрія на.	38,500	человѣкъ.
› харьковскому	34,000	›
› казанскому.	25,600	›
› петербургскому	21,300	›
› одесскому	11,500	›
› симферопольскому окружному суду.	4,166	›

— Итакъ, вы изволите видѣть, продолжалъ м-ръ Плюмуддингъ: что Иосифы-дѣломудренные обитаютъ въ районахъ московскаго, саратовскаго и харьковскаго округовъ; петербуржцы уже подходятъ къ типу неособенно дѣломудреннаго Овидія; наконецъ, одесситы и особенно симферопольцы очень смахиваютъ на аббата Божара, большого охотника до женской чести, недавно судившагося въ Парижѣ. Но мнѣ вѣжется, что судъ неправильно понимаетъ въ этомъ случаѣ преступность. Все дѣло зависить здѣсь, очевидно, оттого, что то, что вполнѣ доступно и получается безъ всякихъ препятствій въ Москвѣ и Саратовѣ, надобно добывать въ Симферополѣ и Одессѣ съ большими препятствіями. Оттого именно на 4,000 душъ населенія въ Симферополѣ, а въ Одессѣ — на 11,000 душъ, приходится одинъ несчастный.

— Вы знаете, внезапно обратился ко мнѣ м-ръ Плюмпуддингъ. — что я — ревностный гинекофилъ. Да иначе и быть не можетъ. Въ исторіи человѣчества, во всей суммѣ бытія человѣческаго, бытія довольно-таки постыднаго, женщина играла менѣе постыдную роль, чѣмъ мужчина. Вотъ и по этой книгѣ выходитъ такъ. Въ то время, когда, въ 1875 году, въ шести судебныхъ округахъ насчитывалось подсудимыхъ мужчинъ 33,533, женщинъ судилось только 3,947: вѣдь, это показываетъ, что женщины почти въ *десять разъ* менѣе преступны, чѣмъ мужчины. Изъ показаннаго числа было суждено 22,549 мужчинъ и 2,152 женщины. Если же взять отношеніе половъ подсудимыхъ къ населенію соответствующаго пола, то получится:

1 подсудимый мужчина на	1,427	мужчинъ вообще,
1 осужденный	>	2,123 >
1 подсудимая женщина >	12,131	женщинъ вообще,
1 осужденная	>	22,251 >

— Но это потому, что женщины трусливѣе мужчинъ, вмѣшался Пеко Пековичъ.

— Пусть такъ, но фактъ отъ этого не перестаетъ быть фактомъ, а вы вотъ на что обратите вниманіе — какъ само населеніе относится къ преступникамъ и къ преступницамъ. Всѣхъ подсудимыхъ, какъ вы видѣли, въ отчетномъ году считалось 33,533 муж. + 3,947 жен. — 37,480. Изъ этого числа было *отравлено* 12,779 подсудимыхъ обоого пола, что составляетъ 34,10%. Но вотъ что краснорѣчиво:

Присяжными засѣдателями оправдано	36,33%
Судами безъ присяжныхъ только	24,72%
Судебными палатами	> 33,76%

— Это показываетъ, что присяжные засѣдатели, т. е. само общество, населеніе, милостивѣе относится къ своимъ «несчастнѣйшимъ», чѣмъ судъ. Эта милость по отношенію къ женщинамъ-преступницамъ проявляется еще шире. Такъ процентъ оправданныхъ мужчинъ и женщинъ показываетъ слѣдующее колебаніе: оправдано: —

Присяжными засѣдателями:	мужчинъ	34,78%
>	женщинъ	79,48%
Судами безъ присяжныхъ:	мужчинъ	24,34%
>	женщинъ	28,01%
Судебными палатами:	мужчинъ	32,07%
>	женщинъ	54,17%
Вообще оправдано:	мужчинъ	32,75%
>	женщинъ	45,48%

— Итакъ, несомнѣнно, что и присяжные засѣдатели, и судьи

относятся къ женщинамъ гораздо снисходительнѣе, чѣмъ къ мужчинамъ. При этомъ, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что степени строгости и снисходительности суда проявлялась неодинаково по отношенію къ разнаго рода преступленіямъ. Такъ, судъ *наиболѣе строго* относился къ брадамъ, изъ которыхъ оправдано только $1\frac{1}{2}\%$, къ ворами, изъ которыхъ оправдательнымъ вердиктомъ воспользовались только $27\frac{1}{3}\%$ всѣхъ судившихся за кражу; а *наиболѣе милостиво* судъ и присяжные относились къ нарушителямъ союза родственнаго и брачнаго, изъ которыхъ оправдано болѣе половины (60%), и къ преступленіямъ противъ личной чести—въ послѣднемъ случаѣ оправдано болѣе 68% . Но, что невольно бросается въ глаза, такъ это—то, что какъ ни снисходительны суды къ женщинамъ, но тамъ, гдѣ нарушается союзъ родственныи и брачный—къ женщинамъ судъ становится безпощаднѣе. Вы видѣли, что женщинъ оправданныхъ было больше по всѣмъ родамъ суда, а между тѣмъ, въ нарушеніяхъ союза родственнаго и брачнаго мужчинъ оправдано было болѣе 61% , женщинъ же—только 52% . За что такая немилость? Равнымъ образомъ, женщины безпощаднѣе наказывались за дѣтубійство, и именно *вдвое строже* мужчинъ.

— Теперь, продолжалъ неутомимый англичанинъ:—я хоту обратить ваше вниманіе на значеніе возраста въ дѣлѣ преступности. Чтѣ преступнѣе: молодость, старость или зрѣлая возрастъ? Обратимся къ цифрамъ. Цифры говорятъ, что зліеиъ возраста на преступность неодинаково у мужчинъ и женщинъ. Изъ 100 осужденныхъ всѣхъ возрастовъ на долю мужчинъ приходится 91,22, на долю женщинъ—только 8,88. Но цифры эти подвергаются очень значительнымъ колебаніямъ въ разнне возрасты обоихъ половъ. Нижеслѣдующіе столбцы цифръ наглядно изображаютъ эти колебанія.

На сто осужденныхъ приходится:

	мужчинъ	женщинъ
Малолѣтнихъ до 14 лѣтъ	86,95	13,05
Несовершеннолѣтнихъ отъ 14 до 17 лѣтъ	90,98	9,02
» » 17 » 21 года	92,89	7,11
Совершеннолѣтнихъ » 21 » 25 лѣтъ	92,66	7,34
» » 25 » 30 »	91,26	8,74
» » 30 » 35 »	91,06	8,94
» » 35 » 40 »	90,87	9,13
» » 40 » 45 »	89,10	10,90
» » 45 » 50 »	92,67	7,33
» » 50 » 55 »	89,54	10,46
» » 55 » 60 »	91,28	8,72
» » 60 » 65 »	89,87	10,13
» » 65 » 70 »	87,84	12,16
» » 70 » 75 »	86,13	13,87
» » 75 » 80 »	81,25	18,75
» » 80 и болѣе	82,26	17,74

— Изъ этого видно, что наименѣе преступенъ мужчина, когда онъ малолѣтенъ—до 14 лѣтъ, и когда онъ дряхлъ—отъ 75 до 80 лѣтъ, за то наиболѣе преступенъ въ самой ранней молодости, до совершеннолѣтія, именно отъ 17 до 21 года, когда страсти особенно порывисты, рѣшеніе быстро и безъ колебаній, и когда опытъ не научилъ еще благоразумію, которое на языкѣ этихъ сорвиголовъ называется «подлостью». Это—такой возрастъ, который способенъ на величайшіе подвиги самоотверженія и на возмутительнѣйшія гадости—по шаткости логики. Женщина наименѣе преступна тогда, когда она наиболѣе прекрасна—отъ 17 до 21 года. Она также мало преступна, когда перестаетъ быть женщиною—отъ 45 до 50 лѣтъ. Но зато преступность ея доходитъ до максимальности, когда она становится безобразною старухою — отъ 75 до 80 лѣтъ. Вотъ эта книга справедливо замѣчаетъ, что хотя склонность къ преступной дѣятельности у женщинъ развивается медленнѣе, чѣмъ у мужчинъ, но зато и падаетъ она не такъ быстро и послѣдовательно, какъ у мужчинъ.

— Но какія именно преступленія совершаются въ Россіи наиболѣе женщинами и какія наиболѣе мужчинами? спросилъ Пеко Пековичъ.

— О, да, это—очень существенный вопросъ, отвѣчалъ м-ръ Плюмпуддингъ.—Вотъ изволите видѣть. Разложимъ преступленія по группамъ. Первая группа — преступленія религиозныя. Тутъ наибольшая преступность проявляется тогда, когда женщина увлекается религиознымъ фанатизмомъ: она неудержимѣе мужчины. Самымъ ужаснымъ, самымъ преступнымъ религиознымъ фанатизмомъ я считаю *скопчество*. Женщина тутъ необузданнѣе мужчины — она искажаетъ себя безпощадно: такъ, на 49 скопцовъ приходится 56 оскопленныхъ женщинъ, и между ними дѣвочки отъ 14 до 17 лѣтъ, или молодыя дѣвушки отъ 20 лѣтъ и до 30-ти. Но болѣе всего оскопленныхъ женщинъ приходится на возрастъ отъ 40 до 50 лѣтъ. Въ группѣ *убійствъ* я останавливаюсь на *убійствѣ супружескомъ*. И здѣсь женщина оказывается преступнѣе мужчины: — жены чаще убиваютъ мужьевъ, чѣмъ мужа женъ. На 54 мужьевъ, убившихъ своихъ женъ, приходится 67 жонъ, отправившихъ на тотъ свѣтъ постылыхъ мужьевъ. Да оно и понятно. Есть между женами-мужеубійцами почти дѣти—до 17 лѣтъ; есть 14 мужеубійцъ отъ 17 до 21 года. Все это—молоденькія существа, безъ сомнѣнія, насильно отданныя за стариковъ. — Въ этомъ положеніи трагическій конецъ очень возможенъ. Затѣмъ, въ *дѣтоубійствѣ* оказываются преступными только женщины; мужчины неповинны въ этомъ преступленіи. И это также понятно. Дѣтоубійцами являются преимущественно молодыя дѣвушки, которыхъ стыдъ наталкиваетъ на преступленіе. Далѣе, *отравительницъ* эта книга насчитываетъ болѣе, чѣмъ *отравителей*: первыхъ—14, а послѣднихъ только —8. Во всѣ вѣка

и у всѣхъ народовъ отравленіемъ болѣе занималась женщина, чѣмъ мужчина, потому что это—болѣе сподручное и менѣе рискованное для нея убійство. Но особенно преступны женщины въ сокрытіи труповъ и въ оставленіи въ опасности. Оставить другого въ опасности, это—свойство женской трусости и жескаго безсилія я не говорю—эгоизма. Виновными въ сокрытіи труповъ оказались: 158 женщинъ и только 14 мужчинъ. И, наконецъ, въ *премободѣлнн* оказалось болѣе виновныхъ женщинъ, чѣмъ мужчинъ: первыхъ — 16, послѣднихъ — 11. Во всѣхъ остальныхъ преступленіяхъ, которыхъ насчитывается болѣе 70-ти родовъ, мужчины далеко оставляютъ за собою женщинъ. Даже и не такой гинеофилъ, какъ я, могъ бы съ полнымъ правомъ сказать, что мужчины въ 70 разъ преступнѣе женщинъ, и едва ли бы это было погрѣшностью противъ истины.

— Ну, господине, ужъ вы слишкомъ возвеличиваете женщинъ, замѣтилъ Пеко Усковичъ:—а отчего же въ мудрой книгѣ сказано, что «женщина—сосудъ преступления?»

— А оттого, вѣроятно, что эту книгу мужчина писалъ, отвѣчалъ хладнокровно м-ръ Плюмуддинъ.

— Нѣтъ, господине, женщина, все-таки, ниже мужчины, настаивалъ славянинъ.

— Съ вашей точки зрѣнія—да: у васъ тотъ выше, кто больше турецкихъ носовъ отрѣзалъ. Но оставимъ въ покоѣ женщинъ. Вотъ интересный набросокъ, который я составилъ изъ цифръ, публикуемыхъ этой книгой. Каждый человѣческій возрастъ имѣетъ излюбленное, болѣе ему свойственное преступленіе, иногда неизбежно вытекающее изъ всѣхъ условій жизни. Цифры уголовной статистики говорятъ, что на каждую сотню преступниковъ ни по одному преступленію не приходится болѣе 30-ти члвкъ одного возраста: это показываетъ, что 30 это—самый высокій возрастной процентъ преступленій. Притомъ, такихъ преступленій, гдѣ-бы проявлялась наибольшая — до 30% — напряженность преступности, очень мало: въ этой книгѣ, въ числѣ 78 группъ преступленій, я нахожу только *одно*, въ которомъ преступность достигаетъ показанной напряженности. Преступленіе это или скорѣе группа однородныхъ преступленій — *дитоубійство*, оставленіе безъ помощи рожденныхъ младенцевъ и сокрытіе ихъ труповъ. Тутъ напряженность преступности достигаетъ 31,03 на сто преступленій этого рода и падаетъ на возрастъ отъ 17 до 20 лѣтъ. Вглядитесь въ мой набросокъ. Обратите вниманіе на возрасты, въ которые проявляется *максимумъ напряженности*, въ которое—*минимумъ* и въ которое — *средняя преступность*, т. е. преступность колеблющаяся.

ВОЗРАСТЫ, ВЪ КОТОРЫХЪ ПРОЯВЛЯЮТСЯ:

	Максимумъ пре- ступности:		Минимумъ пре- ступности:		Средняя преступ- ность.
	въ 50—60 л.	въ 17,80% въ 14	л.	0,42% въ 30—35 л.	
Преступления религіозныя	25—30	17,16%	60—70	0,59%	14—17
Святотатство	35—40	15,57%	14—17	0,32%	21—25
Преступления противъ управленія	50—60	18,51%	70—80	0,66%	35—30
Поддѣлка монеты и асыгнацій	25—30	19,78%	14—17	1,10%	8,78%
Нарушеніе уставовъ казенныхъ управленій	50—60	15,06%	до 14	0,17%	21—25
Бродяжничество	30—35	20,38%	» 14 и 80	0,28%	21—25
Лжесвидѣтельство и недонесеніе	30—35	15,54%	14, 17 и 70	1,35%	40—45
Другія нарушенія безопасности	25—30	17,39%	» 13, 17 и 70	0,26%	50—60
Подмоги	25—30	15,36%	» 14—17	0,68%	50—60
Нарушеніе противъ нравственности	17—20	20,00%	» 70—80	0,95%	40—45
Нарушеніе благоустройства	30—35	19,67%	до 14 л.	0,55%	40—45
Преступленіе противъ законовъ о состояніяхъ	50—60	22,23%	» 21—25	3,17%	30—35
Убийство	25—30	18,36%	до 14 л.	0,15%	40—45
Дѣтубійство	17—20	31,03%	» 60—70	0,99%	25—30
Тѣлесныя поврежденія	25—30	18,64%	до 14 л.	0,22%	40—45
Преступленіе противъ женской чести	17—20	27,27%	» 60—70	0,76%	21—25
Преступленіе противъ свободы	30—35	20,83%	» 60—70	2,09%	40—45
Преступленіе противъ личной чести	25—30	27,28%	» 70—70	3,03%	50—60
Противъ союза родственнаго и брачнаго	25—30	18,00%	» 70—80	2,00%	17—20
Общепасное истребленіе имущества	21—25	14,75%	» 70—80	0,23%	50—60
Разбой и грабежь	21—25	21,25%	до 14 и 70	0,12%	35—40
Кража	21—25	16,85%	» 70—80	0,22%	40—45

1. ССХХХІІ.

— Хотя говорить, что цифры — краснорѣчиѣе словъ, но, поставленные рядами и шеренгами, онѣ не только кажутся случайными, но и внушаютъ страхъ, словно идущая на всѣ шеренга солдатъ со штыками, продолжаетъ и рѣ Плимуудингъ, вода пальцемъ по рядамъ цифръ. — А нечего дѣлать, приходится прибѣгать къ этому случайному краснорѣчю. По расположенію этихъ солдатскихъ шеренгъ вы видите, что максимумъ религиозныхъ преступленій совпадаетъ съ возрастомъ 50—60 лѣтъ; максимумъ святотатства стоять на болѣе раннемъ возрастѣ (25—30 лѣтъ); служебныя же преступления, какъ и религиозныя, свойственны старымъ людямъ, равно и нарушенія разныхъ уставовъ. Бродяжничество совпадаетъ съ тѣмъ возрастомъ, когда человѣкъ достигаетъ крайней переносливости и полного развитія физическихъ силъ. Зато преступления противъ нравственности падаютъ на юный возрастъ, 17—20 лѣтъ. Убийство требуетъ средней молодости (25—30 лѣтъ). Дѣтоубійство — удѣлъ самой ранней молодости (17—20 лѣтъ). Противъ женской чести наиболѣе преступны несовершеннолѣтныя мальчики, ровесники дѣвущамъ, убивающимъ своихъ дѣтей; а 60—70-лѣтняя старость является наиболѣе безопасною для женской чести; средняя же преступность противъ женской чести — возрастъ 21—25 лѣтъ. Этотъ же возрастъ оказываетъ наибольшую напряженность въ преступленияхъ разбоя, грабежа, кражи, поджога. «Слѣдя вліяніе возраста въ связи съ условіями пола (поясняетъ авторъ вотъ этой книги), мы замѣчаемъ, что у женщинъ раньше, чѣмъ у мужчинъ, проявляется наклонность къ жесвидѣтельству и недонесенію, преступлениямъ противъ нравственности, дѣтоубійству, преступлениямъ противъ союза родственнаго и брачнаго и къ поджогамъ; у мужчинъ же, наоборотъ, раньше, чѣмъ у женщинъ проявилась относительная наклонность къ подлогамъ, нарушеніямъ уставовъ благоустройства, преступлениямъ противъ жизни безъ прямого намѣренія, тѣлеснымъ поврежденіямъ, преступлениямъ противъ женской чести, противъ свободы, личной чести, разбоямъ, грабежамъ, кражамъ» (стр. LIV). Что же касается до старости, то и здѣсь я вижу подтвержденіе, что старухи преступнѣе стариковъ. Такъ какъ среда имѣетъ огромное вліяніе на развитіе преступности, то въ этомъ отношеніи Петербургъ и Одесса представляютъ собою нѣчто въ родѣ учительскихъ семинарій, въ которыхъ преступность прививается къ самымъ нѣжнымъ возрастамъ — къ 17—20 ти-лѣтней молодости.

— Извините, друзья мои, если я снова позволю себѣ утомить ваше вниманіе цифрами, продолжалъ мистеръ Плимуудингъ послѣ незначительнаго перерыва. — Но, я боюсь, что безъ цифръ вы не проникнетесь важностью того тезиса, который я хочу показать, именно — что преступленіе, въ большинствѣ случаевъ, не умѣетъ подписывать своей фамиліи и не умѣетъ читать; преступленіе атрофируется образованіемъ. Такъ, почтенная, лежащая передъ нами книга разоблачаетъ, что на 100 преступни-

чювъ приходилось: 71,61 неграматныхъ, 26,34 граматныхъ и только 2,05 получившихъ высшее, среднее или низшее образованіе. Два процента преступниковъ, всего два изъ ста, это — величайшее благо, которымъ человечество обязано просвѣщенію, наукѣ, развитію, своему прогрессу. Посмотрите, какими яркими и мягкими красками отбѣляется образованность на мрачномъ фонѣ преступности, неумѣющей писать:

	На 100 осужденныхъ по каждому преступленію состояло:		
	Образованныхъ.	Грамматичнхъ.	Неграмматичнхъ.
По преступленіямъ религіознымъ	2,12	30,93	66,95
> святотатству	1,18	26,64	72,78
Противъ управленія	5,25	36 69	58,06
По преступленіямъ служебнымъ	5,42	33,97	60,61
> поддѣлкѣ монеты и ассигнацій	1,10	56,04	42,86
> нарушенію уставовъ казенныхъ управленій	1,67	34,95	63,38
> бродяжничеству	—	12,51	87,69
> жесадѣтельству и недонесенію	2 74	24 66	72,60
> нарушеніямъ безопасности	4,09	39,90	56,01
> похищеніямъ	2,56	63,14	27,30
> преступленіямъ противъ нравственности	1,92	36,54	61,54
> нарушеніямъ благоустройства	3,08	56,06	40,91
> преступленіямъ противъ законовъ о состояніяхъ	1,62	58,07	40,32
> убійству	0,76	20,28	78,96
> двѣубійству	0,50	4,43	95,07
> другимъ преступленіямъ противъ жизни	2,47	24,24	73,29
> телеснымъ поврежденіямъ	0 97	19,45	79,13
> преступленіямъ противъ женской чести	1,52	29,55	68,93
> > свободѣ	6,25	39,59	54,16
> > личной чести	9,09	39,40	51,51
> > союза родственнаго и брачнаго	8,16	32,66	59,18
По общепасному истребленію имущества	0,98	19,90	79,17
> разбоємъ и грабежамъ	0,79	25,12	74 09
> кражѣ	1,32	22,93	75,75
> мошенничеству	5,09	46,69	48,22

— Еслибы я, на основаніи этихъ цифровыхъ лентъ, позволилъ себѣ дѣлать соотвѣтственные выводы, то вы, быть можетъ, заподозрили бы меня въ слишкомъ большомъ пристрастіи въ пользу однихъ цифръ насчетъ другихъ. И потому я этого не дѣлаю. Я прошу васъ только послушать, что говоритъ вотъ эта уголовная библія о роли образованія въ атрофированіи преступныхъ телесическихъ поопозновеній. Уголовная библія говоритъ: «Изъ сравненія приведенныхъ цифръ оказывается, что образованіе вообще уменьшаетъ наклонность къ преступленіямъ для осужденныхъ, составъ которыхъ въ отчетномъ году, такъ же, какъ и въ прошломъ, почти всецѣло образуется изъ лицъ, не получившихъ никакого образованія. Обращаясь къ каждому роду преступленій порознь, мы замѣчаемъ, что съ возвышеніемъ степени образованія болѣе правильно уменьшается наклонность къ такимъ пре-

ступлениямъ, которыя представляютъ собою результатъ наиболѣе грубыхъ инстинктовъ животной природы человѣка или совершаются посредствомъ грубыхъ насильственныхъ дѣйствій, или же для удовлетворенія ближайшихъ потребностей существованія. Таковы, по даннымъ отчетнаго года: умышленное и предумышленное убійство, разбой, грабежи и насильственные захваты, тѣлесныя поврежденія, всѣ преступленія противъ жизни, подлоги, кража и бродяжничество. Въ свою очередь, образованность имѣетъ преступныя роды дѣятельности, къ которымъ она приобѣгаетъ, относительно, охотнѣе невѣжества: таковы преступленія противъ порядка управленія, служебныя преступленія, разныя нарушенія безопасности, подлоги, преступленія противъ свободы, личной чести, противъ союза родственнаго и брачнаго. Такимъ образомъ, большинство преступленій, по цифрамъ осужденныхъ, стоитъ въ прямомъ или обратномъ отношеніи къ степени образованія (стр. LIX).

— Но родъ занятій также имѣетъ вліяніе на большую или меньшую степень преступности, замѣтилъ Пеко Пековичъ: — у насъ, въ Герцеговинѣ, всѣ турецкіе чиновники — разбойники.

— О, мистеръ Пеко Пековичъ, это — не разбой: это — самоубіеіе, возразилъ англичанинъ. — Я, вотъ, живя въ Россіи и прислушиваясь къ толкамъ русскихъ землевладѣльцевъ, тоже думалъ, что русскій мужикъ — разбойникъ и воръ по природѣ. А вотъ эта книга говоритъ совсѣмъ другое. Она просто поражаетъ меня своими цифрами. Знаете, какой родъ занятій даетъ наименѣе преступниковъ?

— Не знаю.

— А какой наиболѣе?

— Тоже не знаю.

— Знайте же: *самые преступные люди, тѣ, которые ничего не платятъ*. Это замѣчательно. Вотъ въ этой книгѣ находится таблица, которая показываетъ, сколько изъ каждой сотни осужденныхъ по всѣмъ преступленіямъ состояло преступниковъ по каждому роду занятій отдѣльно. Самыми преступными оказываются тѣ, противъ которыхъ стоитъ — «безъ занятій»: они составляютъ почти 100%. За ними слѣдуютъ тѣ несчастныя существа, которыя занимались «проституціей»: проститутки дали 81,82%. За проституціей идетъ «личная прислуга» — 77,49%. Далѣе «поденщики и чернорабочіе» — 77,31%. За ними «строительная промышленность и очистка домовъ» — 73,20%. Потомъ «обрабатывающая промышленность» — 72,34%. За всѣмъ «сельское хозяйство» — 57,46%. Ясно, что мужички-земледѣльцы нравственнѣе всѣхъ вышеназванныхъ категорій лицъ. За мужичками идутъ купчики — 53,70%. За купчиками «промышленность добывающая» — 52,73%. Потомъ извозчики — 50,75%. А самое нравственное занятіе — тракторное дѣло и «нематериальное производство», дающее всего 43,73%. Даже религія имѣетъ значеніе въ большемъ или меньшемъ развитіи той или другой

преступности. У православныхъ замѣчается относительная наклонность къ святотатству, служебнымъ преступленіямъ, бродяжничеству, дѣтубійству, поджогамъ. У раскольниковъ — поддѣлка монеты и ассигнацій, подлогъ; у католиковъ — тоже поддѣлка монеты; у протестантовъ — преступленія противъ нравственности, личной чести и дѣтубійство. Евреи болѣе всего любятъ нарушеніе уставовъ казенныхъ управленій, поддѣлку монеты, преступленія противъ законовъ о состояніяхъ, подлоги, лжесвидѣтельства и мошенничества.

— Теперь мы рассмотримъ вліяніе имущественной обеспеченности или необеспеченности на развитіе преступности. Извольте видѣть: на 100 преступниковъ приходится:

	Мужч.г.	Женщ.г.	Всобщ.
живущихъ капиталомъ или доходомъ съ недвижимыхъ имуществъ	5,13	5,73	5,18
» жалованьемъ или пенсіею	8,85	18,39	9,63
» доходомъ съ ремесла, промысла и другихъ занятій	21,25	28,63	21,85
» заработкомъ или поденною платою	10,20	14,15	10,25
» средствами отъ родныхъ	0,15	1,21	0,23
» подаваемъ или благотворительностью	0,40	1,54	0,41
» доходомъ съ хлѣбопашества	54,02	30,35	52,18

— Самый большой процентъ преступленій падаетъ, слѣдовательно, на живущихъ доходомъ отъ хлѣбопашества. Но это значить, что крестьяне — самый преступный классъ; а это означаетъ, съ одной стороны, что крестьянинъ наименѣе имущественно обезпеченъ, а оттого и вынужденъ прибѣгать къ преступнымъ мѣрамъ для своего прокормленія; съ другой стороны, это значить, что крестьяне составляютъ $\frac{1}{3}$ всего населенія, а потому еслибъ, они были преступнѣе другихъ классовъ, то, вмѣсто 52%, они дали бы 90 — 95%. А этого уголовная библія не утверждаетъ. Но замѣчательно, что между капиталистами и землевладѣльцами вырастаетъ больше преступниковъ, чѣмъ въ средѣ лицъ, положительно ничѣмъ не обезпеченныхъ и живущихъ частною и общественною благотворительностью. Наконецъ, преступность всего рѣже проникаетъ въ среду людей, живущихъ средствами отъ родныхъ. Любопытно также видѣть, какія преступленія преимущественно совершаетъ капиталистъ или землевладѣлецъ, и какія — мужикъ. Лица, живущія капиталомъ, постояннымъ жалованьемъ или доходомъ съ какихъ-либо занятій, слѣдовательно, люди, болѣе или менѣе обезпеченные, повидимому, заражаются жадностью болѣею наживы, и, для того, чтобы заморить червячка наживы, прибѣгаютъ къ мошенничествамъ, къ подлогамъ всякаго рода, къ нарушеніямъ уставовъ казенныхъ управленій, къ поддѣлкѣ монеты, къ присвоенію чужого имущества, вообще — къ делкатнымъ, «благороднымъ» продѣлкамъ, и гнушаются грубыхъ средствъ — разбоевъ, грабежей, кражи немаскированной. Мужикъ, если у него есть земля, всего менѣе преступенъ: во вкусъ наживы онъ еще не вошелъ.

— Уголовная статистика обращает также внимание и на то, въ какихъ отношеніяхъ находился преступникъ къ лицамъ потерпѣвшимъ. Эти отношенія проливаютъ иногда яркій свѣтъ на мотивы преступленія, на его неизбежность, наконецъ, на обаяніе соблазна, толкавшаго на преступленіе: тутъ въ видѣте, что подчиненный побилъ начальника, и мотивы преступленія становятся для васъ болѣе или менѣе ясны; въ другомъ мѣстѣ жена убила немиллаго мужа, или наоборотъ; тутъ какарева убила госпожу; тамъ рабочій поджогъ фабрику недобраго хозяина и т. д. Особенно на женщину дѣйствуетъ этотъ соблазнъ отношеній, соблазнъ близости или роковая безвыходность. Такъ, разсматриваемая нами книга обнаруживаетъ, что болѣе половинъ общаго числа женщинъ, осужденныхъ за преступленія противъ жизни, состояли съ потерпѣвшими въ отношеніяхъ родства, свойства и связи брачной и внѣбрачной; особенно самыя тяжкія преступленія этого рода — убійство умышенное и предумышенное — богаты наиболѣе близкими отношеніями, главнымъ образомъ отношеніями по связи брачной и внѣбрачной: ясно, что отношенія были невыносимы, безвыходны, и вотъ подыскивался выходъ — убійство, отравленіе и т. д. Въ тѣлесныхъ поврежденіяхъ, общепасномъ истребленіи имущества и преступленіяхъ противъ нравственности замѣчается такой же характеръ преступности, т. е.: цифры женщинъ, состоящихъ съ потерпѣвшими въ отношеніяхъ родства, свойства и связи брачной или внѣбрачной, берутъ явный перевѣсъ надъ цифрами мужчинъ тѣхъ же категорій. Опять таки ясно: женщина болѣе, чѣмъ мужчина, бываетъ придавлена безвыходностью и снова находитъ этотъ выходъ въ убійствѣ того существа, которое гнететъ ее, заѣдаетъ жизнь. Только въ преступленіяхъ противъ союза родственнаго и брачнаго выходитъ наоборотъ: тутъ родственники-мужчины почти въ два раза охотнѣе совершаютъ преступленія, чѣмъ родственницы женщины. И это понятно: мужчина можетъ нарушить союзъ брачный и даже при этомъ побить жену, если она упрекнетъ его въ невѣрности; женщина же нарушаетъ этотъ союзъ съ болѣею опаскою и съ меньшею огласкою, а иначе кулакъ, кнутъ, возжи, дуга, оглобля и проч. хозяйственныя орудія погуляють по ея бѣдному, грѣшному тѣлу. Говоря о преступности женщинъ, я останавливаю ваше вниманіе, господа, еще на одномъ обстоятельствѣ. Между подсудимыми всегда, какъ извѣстно, встрѣчается извѣстный процентъ рецидивистовъ. Это — несчастные, которые совершаютъ преступленіе вторично, третично и т. д. Такихъ рецидивистовъ въ 1875 г. судилось 4,530 человекъ обоого пола. Изъ нихъ мужчинъ 18%, женщинъ — 15%. Женщинъ, повидимому, меньше; но это только повидимому. Извольте припомнить, что всѣхъ подсудимыхъ въ 1875 г. было: мужчинъ 33,533, женщинъ 3,947, т. е. мужчинъ 86%, а женщинъ только 14%. И вдругъ, изъ 86% преступниковъ оказалось рецидивистовъ только 18%, а изъ 15% женщинъ-преступи-

ницъ нашлось 14% рецидивистовъ. Это — поразительное явленіе. Если женщина стала преступницей, то она — ужъ преступница до мозга костей. Эта почтенная книга говоритъ, что «насколько трудны для женщины первые шаги, порождающіе преступную привычку, настолько же трудно ей удержаться отъ повторенія рецидива, разъ ставши на эту опасную почву; замѣчательно, что среди осужденныхъ рецидивистовъ мужского пола простой рецидивъ (совершеніе преступленія во второй разъ) преобладаетъ надъ сложнымъ (совершеніе его въ третій, четвертый разъ и болѣе), между тѣмъ какъ у женщинъ оказывается обратное явленіе».

— Помните лэди Макбетъ? спросилъ неожиданно м-ръ Плюмпуддингъ, обращаясь къ Пеко Пековичу.

— Кто это лэди Макбетъ? наивно спросилъ братъ-славянинъ.

— А, вы не знаете лэди Макбетъ...

— Не знакомъ... не видалъ... можетъ быть, и видѣлъ...

— Развѣ вы не читали Шекспира?

— О, господине! когда-жъ намъ читать? Намъ надо турецкіе носы рѣзать. Когда у всей Турціи отрѣжемъ носъ, тогда и читать примемся; а теперь некогда.

М-ръ Плюмпуддингъ добродушно засмѣялся.

— О, yes! o, yes! very well!.. Вы правы, вамъ не до чтенія... Однимъ словомъ, лэди Макбетъ, это — образецъ рецидивистки-преступницы. Видите ли, почтеннѣйшій м-ръ Пеко Пековичъ: когда мужчина убиваетъ человѣка и запачкаетъ руки кровью, то для него достаточно стакана воды, чтобы смыть кровавыя пятна. А когда женщина совершитъ убійство, какъ лэди Макбетъ, то воды всего океана не хватитъ для того, чтобы смыть кровавое пятнышко съ нѣжной женской ручки. О, Шекспиръ! какъ онъ хорошо зналъ уголовную статистику... Но я уклонился всторону. Я не обратилъ вашего вниманія еще на одну сторону картины «Свѣточн будущаго». До сихъ поръ я вамъ показывалъ лица, группы и положенія преступниковъ, судившихся въ общихъ судебныхъ установленіяхъ. Но есть другая, почти такая же громадная серія преступниковъ, судившихся у мировыхъ судей. Такихъ въ 1875 г. насчитывалось 48,207 человекъ обоого пола, изъ коихъ 41,935 мужчинъ и 6,272 женщины. Изъ этого числа осуждено 27,847 человекъ: 24,425 мужчинъ и 3,422 женщины. Если вамъ не окончательно опротивѣли цифры, то я обращаю ваше вниманіе на нижеслѣдующія цифровыя полосы, изображающія, по восходящей градаціи, относительную преступность (о! какъ неосторожно выражается уголовная статистика) населенія разныхъ губерній Россіи, въ которыхъ введены судебныя установленія. Я сказалъ, что уголовная статистика выражается неосторожно: она судитъ о преступности населенія по количеству лицъ, попавшихся подъ судъ. О, какая дѣтская, грубая оцѣнка нравственности! Подъ судъ скорѣе попадается невинность или дюжинная преступность, а преступность опытная,

заматорѣлая, такъ-сказать даровитая, ходитъ по свѣту и благоденствуетъ. Судь, это—простыя верши, разставленныя по самому дну рѣки: въ нихъ попадаетъ только мелкая, неопытная рыба, а крупнякъ проходитъ надъ вершами да еще и мелюту пожираетъ. Такъ вотъ эти полосы преступности:

Губерніи.	Одинъ осужденный на населеніи.	Губерніи.	Одинъ осужденный на населеніи.
Въ Олонецкой...	3,751	Въ Ковенской.....	2,438
» Пензенской..	3,736	» Смоленской....	2,420
» Гродненской..	3,640	» Волынской.....	2,413
» Воронежской..	3,630	» Нижегородской...	2,403
» Тверской... ..	3,614	» Киевской.....	2,348
» Вятской.....	3,432	» Орловской.....	2,245
» Минской... ..	3,247	» Симбирской... ..	2,228
» Новгородской.	3,231	» Ярославской....	2,223
» Тамбовской... ..	3,205	» Саратовской.....	2,208
» Самарской... ..	3,118	» Казанской.....	2,071
» Полтавской... ..	2,986	» Псковской.....	2,046
» Костромской... ..	2,889	» Пермской.....	1,911
» Подольской... ..	2,781	» Тульской.....	1,850
» Рязанской....	2,771	» Екатеринославской.	1,786
» Калужской... ..	2,722	» Витебской.....	1,770
» Могилевской... ..	2,589	» Бессарабской.....	1,768
» Черниговской..	2,565	» Таврической.....	1,745
» Харьковской..	2,486	» Войска Донскаго..	1,418
» Владимирской	2,485	» Херсонской.....	1,140
» Курской.....	2,458	» Московской.....	820
» Виленской... ..	2,455	» Петербургской..	649

— Итакъ, уголовная статистика, на основаніи этихъ полосъ, имѣетъ право утверждать, что въ тѣхъ губерніяхъ, противъ которыхъ стоятъ наименьшія цифры, находится наиболѣе преступное населеніе. Губерніи эти—Петербургская и Московская, гдѣ на 600—800 человекъ непремѣнно попадется одинъ преступникъ. Пусть будетъ такъ: вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, приходится согласиться, что большіе центры, столицы, это—такія арены человѣческой дѣятельности, на которыя стремится попасть и рѣдчайшая красота—нравственная, физическая, умственная—и чудовищнѣйшее безобразіе, опять-таки и физическое, и нравственное, и умственное. Но, вѣдь, уголовная статистика не видитъ первой; у статистики нѣтъ глазъ для этого, нѣтъ цифръ, которыя замѣняютъ ей глаза; уголовная статистика, страдающая дальтонизмомъ, видитъ одинъ только цвѣтъ, цвѣтъ нравственнаго уродства, цвѣтъ преступления. Поэтому она и говоритъ, что самое преступное населеніе гнѣздится въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ; а самое нравственное—въ Петрозаводскѣ, Пензѣ, Гроднѣ, Воронежѣ. Но посмотримъ, съ какими преступленіями преимущественно приходилось имѣть дѣло мировымъ судьямъ.

Такъ какъ статистика безъ цифръ — то же, что пушка безъ ядра, стрѣляющая холостымъ зарядомъ, то я не хочу, чтобы мои статистическіе доводы были холостыми выстрѣлами, и потому зарядъ свою статистическую пушку цифровыми ядрами. Вотъ сколько осужденныхъ за разные преступленія приходилось на каждую *сѣтню* преступниковъ:

	муж.	жен.	об. пола.
За прошеніе милостыни	2,82	7,25	2,96
» похищеніе лѣсныхъ матеріаловъ	0,97	0,24	0,88
» кражу	56,06	59,61	56,50
» кражу съ увеличивающими вину обстоя- тельствами	15,60	10,61	14,98
» кражу съ уменьшающими вину обстоя- тельствами	5,15	6,43	5,30
» покушеніе на кражу	6,78	2,07	6,20
» соучастіе въ кражѣ	1,12	1,90	1,25
» укрывательство кражи	2,50	6,08	2,94
» торговые обманы	2,20	1,29	2,08
» мошенничество	1,86	0,85	1,74
» мошенничество съ увеличивающими ви- ну обстоятельствами	0,35	0,20	0,29
» мошенничество съ уменьшающими вину обстоятельствами	0,20	0,20	0,20
» присвоеніе и растрату	4,14	2,42	3,93
» присвоеніе находки и клада	0,35	0,67	0,38
» покупку завѣдомо краденаго	0,40	0,18	0,37

— Кража, кража и кража — кража простая, кража не простая, кража съ увеличивающими вину обстоятельствами, кража съ обстоятельствами уменьшающими, покушеніе на кражу, соучастіе въ кражѣ, укрывательство кражи, торговая кража-обманъ, кража-мошенничество, кража-присвоеніе, покупка краденаго — все кража и кража да еще прошеніе милостыни, приравненное къ кражѣ... О, какая жалкая должна быть человѣческая жизнь, которая выработала такую технику и такую практику кражи! Еслибы не стыдно было задаваться праздными, въ данное время, вопросами, то я бы готовъ былъ спросить: неужели люди никогда не дойдутъ до такого состоянія, когда воровать у кого-нибудь что-нибудь будетъ такъ же немисливо, глупо и смѣшно, какъ воровать у себя свой собственный платокъ изъ кармана? Неужели и теперь хорошимъ людямъ не стыдно глядѣть въ глаза вору, своему собственному брату, принужденному воровать гривенники, булки съ лотка, кресты съ могилъ?

— Но обратимся къ ворахъ и нищимъ, продолжалъ онъ, нагибаясь къ книгѣ: — за нищенство, какъ вы изволите видѣть, женщинъ подверглось судебному преслѣдованію *втрое* больше, чѣмъ мужчинъ. Цифры эти не нуждаются въ дальнѣйшихъ конъектурахъ: когда мужнину нужда заставитъ *разъ* протянуть руку за подачкой, женская рука протягивается *трижды*, потому

что женщина въ три раза *плось* *иксь* голодѣе мужчины. Но когда голодные мужчина или женщина *явно* не протягиваютъ руки за кускомъ, то они протягиваютъ ее *тайно* — воруютъ. И оказывается, что женщина воруетъ чаще, чѣмъ мужчина, или, говоря официальнымъ языкомъ уголовной статистики, «женщина играетъ въ воровствѣ *охотнѣе* (!) мужчины второстепенными ролями, давая относительно большія цифры для участія въ крадѣ, укрывательства вкраденаго и кражи съ уменьшающими вину обстоятельствами». Затѣмъ, по выраженію той же статистики, «среди другихъ проступковъ, склонность къ присвоенію выходя и вклада у женщинъ получила большее развитіе, чѣмъ у мужчинъ, между тѣмъ какъ похищеніе лѣсныхъ матеріаловъ представляется обратное явленіе». Очень интересно видѣть цифры, такъ сказать, распредѣленія кражи по сословіямъ. Первое мѣсто, конечно, занимаютъ дворяне. Къ чести ихъ слѣдуетъ отнести, что между ними не оказалось ни одного вора; по крайней мѣрѣ, ни одинъ дворянинъ въ Россіи въ 1875 г. не судился у мировыхъ судей за кражу; судились дворяне только за прошеніе милостыни. Наибольшій процентъ осужденныхъ церковнослужителей былъ замѣнанъ въ «мошеничествахъ съ увеличивающими вину обстоятельствами»; купцы — *тоже*; мѣщане — *тоже*, а главное — въ «торговыхъ обманахъ». Отставные нижніе воинскіе чины, главнымъ образомъ, судились, какъ и дворяне, за прошеніе милостыни; впрочемъ, отставные солдаты фигурируютъ очень замѣтно во всѣхъ родахъ проступковъ. Мужички ваши преимущественно судятся за то, что, по уставнымъ граматамъ, имъ не отведено лѣсу; а лѣсокъ нуженъ на лапоту, на лапотъ, на хворостъ для спины — ну, мужичокъ и «похищаетъ» лѣсъ, не считая это грѣхомъ, какъ онъ не признаетъ за грѣхъ пить воду изъ чужой рѣчки. Такимъ образомъ, за похищеніе лѣсныхъ матеріаловъ осуждено 86% несчастныхъ мужичковъ, попавшихся въ руки мировымъ судьямъ. Блестательнымъ доказательствомъ того, что древніе справедливо изображали Фемиду *слѣпою*, служить добросовѣстное свидѣтельство этой почтенной книги, которая показываетъ, что въ числѣ осужденныхъ находилось:

53 глухихъ,
11 слѣпыхъ,
2 нѣмыхъ,
7 глухонѣмыхъ.

— *Fiat mundus! pereat justitia!*. Виновать: *Fiat justitia—pereat mundus...* Какой ловкій каламбуръ! И дѣйствительно, римская юстиція, римское право существуетъ, оно живо, оно бессмертно, а римскій «мундусъ» давно погибъ, римскій міръ давно исчезъ съ лица земли, потому что его Фемида была слѣпая старуха и дѣйствовала, отправляла правосудіе оную. А можетъ быть, было бы не то, еслибъ римляне свою судейскую поговорку читали съ хвоста: *Fiat mundus—pereat justitia*. А признаете ли вы, м-ръ Пеко Неговичъ, вліяніе солища на кражу?

— Какъ? спросилъ озадаченный славяне.

— Да такъ—просто: больше ли воруютъ тогда, когда жарко, или—когда холодно?

— Думаю—когда холодно.

— Вѣрно. Вотъ вамъ выписки, сдѣланная мною изъ этой книги. Я расположилъ мѣсяцы по количеству кражъ, мошенничества и прочихъ поступковъ, осужденныхъ мировыми судьями. И выходитъ, что холодъ располагаетъ къ кражѣ и проч., а солнце—наоборотъ. О! какъ много теряетъ русскій народъ, что на него свѣтитъ непривѣтливое солнце! Вотъ доказательство:

Въ декабрѣ осуждено 2,524 челов.: 2,308 муж. и 216 жен.

› январѣ	›	2,498	›	2,252	›	›	246	›
› мартѣ	›	2,387	›	2,125	›	›	262	›
› февралѣ	›	2,379	›	2,139	›	›	240	›
› октябрѣ	›	2,181	›	1,900	›	›	281	›
› ноябрѣ	›	2,150	›	1,932	›	›	218	›
› сентябрѣ	›	2,090	›	1,810	›	›	280	›
› августѣ	›	2,065	›	1,796	›	›	269	›
› маѣ	›	1,891	›	1,624	›	›	267	›
› апрѣлѣ	›	1,737	›	1,543	›	›	194	›
› июнѣ	›	1,545	›	1,283	›	›	262	›
› июлѣ	›	1,452	›	1,192	›	›	260	›

— Только женщины, какъ вы видите, несовсѣмъ подчиняются законамъ тепла и холода, какъ и вообще женщины не знаютъ закона. Но вотъ еще какія особенности бросаются въ глаза: *милостивно просятъ* преимущественно въ *мартѣ* и *майѣ*, когда зимніе припасы ѣды истощены, а лѣтніе еще не припасены. *Льстѣ воруютъ* преимущественно въ *октябрѣ*—запасаются на зиму, и подворовываютъ въ *январѣ* и *февралѣ*. *Мошенничаютъ*—въ *январѣ* и *февралѣ*; но мошенничаютъ съ уменьшающими вину обстоятельствами особенно въ *июлѣ*. Почему это? *присвоиваютъ находки и клады*—въ *сентябрѣ*. Не только время, но и мѣсто совершенія преступленій имѣетъ немалое значеніе въ уголовной статистикѣ. Подъ мѣстомъ нравственная статистика разумѣетъ совершеніе преступленія въ столицѣ и городѣ или уѣздѣ. Суммарныя цифры обнаруживаютъ, что въ столицѣ и городѣ преобладаютъ, какъ и слѣдуетъ ожидать: торговые обманы (52 ³/₄% на городѣ, 47 ¹/₄% на уѣздѣ), мошенничество съ увеличивающими вину обстоятельствами (54 ¹/₂% городѣ, 45 ¹/₂% уѣздѣ), присвоеніе и растрата (около 56% на городѣ и около 44% на уѣздѣ) и прошеніе милостыни (около 73% на городѣ и около 27% на уѣздѣ). Всѣ остальные преступленія совершены въ уѣздѣ, такъ что на «городѣ» приходится 11,209 преступленій, на «деревню»—13,837. И особенно «деревня» выдается похищеніемъ лѣсныхъ матеріаловъ, представляя около 98%, тогда какъ на «городѣ» остается только 2% лѣсовкрадовъ. Да и какой лѣсъ въ городѣ? Развѣ одни дрова да щепки. Относительно рецидивистовъ уголовная статистика говоритъ, что, по отношенію къ се-

мейному быту, «половина рецидивистовъ, осужденныхъ за прошение милостыни, суть лица холостыя и дѣвцы; напротивъ, болѣе трехъ четвертей рецидивистовъ, осужденныхъ за похищеніе лѣсныхъ матеріаловъ, приходится на долю состоящихъ въ бракѣ» (стр. XCIV). Понятно: тутъ, у бѣдныхъ супруговъ, предполагается «семейный очагъ», а протопить его нечѣмъ—отсюда и рецидивъ, отсюда и свамья подсудимыхъ, а отсюда—казенный очагъ въ тюрьмѣ. Что касается рецидивистовъ, то и здѣсь повторится трагическая исторія леди Макбетъ: разъ женщина залачала руку кражей, пятно уже не смывается водами всей Фонтаны и Мойки, и рецидивъ возвращается въ третій, четвертый разъ и болѣе.

М-ръ Плюмпудингъ остановился и молча перелистывалъ книгу. Братъ-славянинъ также не отводилъ глазъ отъ обширныхъ листовъ, испещренныхъ колоннами и рядами цифръ, которыя, повидимому, не переставали изумлять его. «Ой миліи Боже! куда голомого! бормоталъ онъ про себя:—сколько цифръ, словно порокомъ усыпана каждая страница цифрами, и все это—преступники... Сколько же должно быть и непроступниковъ, хорошихъ, счастливыхъ, да, счастливыхъ людей, когда такъ много однихъ преступниковъ»...

— Я боюсь, что надоѣлъ вамъ своими цифрами, вниманіе ваше утомилъ, сказалъ вдругъ м-ръ Плюмпудингъ, обращаясь къ намъ обоимъ:—а тутъ этихъ цифръ—непечатые воровъ, и каждая цифра имѣетъ роковое значеніе: въ ней сокрыта жизнь человѣческая... Да, поразительная, поучительная это картина. Она, дѣйствительно—«Свѣточи будущаго».

— Помилуйте, м-ръ, Плюмпудингъ! неволью вырвалось у меня:—какъ вамъ не стыдно приравнивать *этихъ* къ *тѣмъ*; то ужъ изъ рукъ вонъ.

— Какъ *этихъ* къ *тѣмъ*?

— Да какъ же! тѣ, что на картинѣ изображены горящие, были мученики за великую идею. То дѣйствительно были «свѣточи», которые освѣщали дальнѣйшее шествіе идеи. А это что?—Воры, мошенники, убійцы, поджигатели, это—несчастные пороки общества. Какіе они «свѣточи» и, притомъ, будущаго! Сохрани насъ Богъ отъ такого будущаго!

— Правда, правда, господине, поддержалъ меня Неко Певничъ.—Вотъ, если бы вы, м-ръ Плюмпудингъ, изобразили не разъ нами картину, какъ турки жгли Болгарію, какъ они на алтарѣ сожигали болгарскаго священника или поджигали привязанныхъ къ деревьямъ славянъ, если бы вы подъ этою картиною подписали «Свѣточи славянства»—о, тогда это было бы вѣрно! Тогда я даже больше подписалъ бы, чѣмъ это. Я подписалъ бы: «Турція и Европа, проповѣдующія идею славянства», какъ «Неронъ, проповѣдующій христіанство» при свѣтѣ *такихъ* «фавелокъ». Но «свѣточами будущаго» называть этихъ... этихъ...

— Мазуриковъ, подсказалъ я.

Пеко Пековичъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня. Онъ, по-видимому, не зналъ этого слова.

— Ваши бузуковъ и заптievъ, продолжалъ онъ:—называть факелами будущаго, это, господине—непохвально.

— Я, друзья мои, не досказалъ, и вы не поняли меня, перебилъ м-ръ Плюмпуддингъ.—Убѣдительно для васъ цифры, буквально можно сказать ворохами насыпанные на страницы этой книги? Убѣдительно?

— Убѣдительно, отвѣчалъ я.

— Въ чемъ же они убѣждаютъ васъ, эти вороха?

— Въ томъ, что у насъ, какъ и во всякой другой странѣ, не мало несчастныхъ, погибшихъ почему-либо созданій, которыхъ мы называемъ преступниками.

— Во всякой другой странѣ—вы сказали, вмѣшался снова Пеко Пековичъ:—у насъ этого нѣтъ. У насъ нѣтъ ни воровъ, ни мошенниковъ, ни отравителей, ни поджигателей изъ корыстныхъ видовъ. У насъ воровать не для чего: если у насъ есть кукуруза, а у меня нѣтъ, я иду на ваше поле и рву, и меня за это не судятъ. Въ округѣ Вилина Планина вздумали-было завести европейскіе порядки: стали запрещать брать чужое, и тогда у насъ появились воры. Посадили одного въ яму, черезъ нѣсколько времени явилось уже десять воровъ. Посадили и ихъ—явилось двадцать. Наказали трехъ—тогда появились и поджигатели, которые жгли кукурузу въ складахъ, портили виноградники... Вся Вилина Планина застонала отъ воровъ и поджигателей—«закукала, као кукавица»... И чѣмъ строже становились преслѣдованія, тѣмъ больше росли преступленія... Вились, бились, да и бросили всѣ эти строгости... Съ тѣхъ поръ и воры, и поджигатели опять пропали... Вотъ какъ у насъ, господине.

— Но не въ этомъ дѣло, возразилъ м-ръ Плюмпуддингъ.—Вы согласны съ тѣмъ, что эти сотня цифръ рѣжутъ вамъ глаза, лѣзутъ въ лицо, въ уши, въ носъ, словно москиты? Дѣ?

— Да, отвѣчалъ я.—Но, это—неизбѣжное, общечеловѣческое зло: гдѣ люди, тамъ—ошибки, пороки и преступленія; но это еще не доказываетъ, что всѣ люди — преступники. Правда?

— Правда.

— И, все-таки, вы утверждаете, что преступленія неизбѣжны?

— Неизбѣжны, отвѣчалъ я.

— Но, вѣдь, это—не законъ природы!

— Нѣтъ, законъ, упрямо настаивалъ я:—это—законъ несовершенства человѣческаго.

— Но въ такомъ случаѣ отчего же мы съ вами—не преступники?

— Могли бы быть и можемъ быть, снова отвѣчалъ я.

— Прекрасно, мой другъ: такъ и всякій преступникъ могъ бы быть таковымъ, могъ бы и не быть. Онъ идетъ рѣзать и терять ножикъ: убійство не совершено, преступленія нѣтъ. Эта книга

говорить о совершенныхъ преступленіяхъ: и ножикъ нашелъ, чтобы рѣзать, и спичка нашлась, чтобы поджечь, и часы отупились въ карманѣ, чтобы быть стяннутыми, и кошелекъ нашелъ, чтобы подсунуть поковыдившему мужу. Этимъ преступнымъ случаемъ книга дѣлаетъ «сводъ» и поясняетъ, что «нельзя не уважать на громадную важность содержащихся въ немъ данныхъ какъ для правительственныхъ *соображеній* и *мѣропріятій*, такъ и вообще для дѣла статистики» (стр. ХСV). Къ чему же тутъ *соображенія* и *мѣропріятія*, ежели зло—неизбѣжно, если оно—законъ природы? За чтѣ тогда и наказывать виновныхъ? Видите, мой другъ, всякое преступленіе—несчастное отклоненіе отъ чего-то: это—понятно. Понятно также, вслѣдствіе чего совершаются эти отклоненія, которыя, повторю (и вы этого не отрицаете), могутъ *быть* и могутъ *не быть*. Мы съ вами не воровали; можете быть, и не украдемъ никогда. Могло случиться это и со всею сотнею тысячъ воровъ, попавшихъ въ этотъ сводъ. Какъ могло случиться—я не знаю, а, быть можетъ, и знаю, да и вы знаете, и всякій знаетъ, и Пеко Пековичъ знаетъ, тѣмъ болѣе, что онъ сдѣлалъ намъ прекрасное сообщеніе насчетъ Вилнои Планины и кукурузы. Слѣдовательно; тутъ и спорить не о чемъ. Всѣ люди грѣшны—прекрасно; всѣ люди слабы—тоже, всѣ люди могутъ быть, преступны—могутъ! въ томъ-то и суть. Но всѣ эти три положенія не равны четвертому: всѣ люди смертны. Тутъ нечего и разсуждать—*есть* смертны, всѣ *неизбѣжно* смертны: но не *есть* преступны неизбѣжно: избѣгать можно, а въ этомъ и весь вопросъ. Какъ избѣгаетъ ночью пароходъ отъ столкновенія съ другимъ пароходомъ? Какъ избѣгаетъ извозчикъ, ночью же, тѣхъ ловушекъ, которыя ставятъ по улицамъ городская Дума, поправляя мостовыя? И пароходы, и извозчики, и цѣлые мастерские руководствуются «свѣточами», фонарями, которые ставятся около рывины и прочихъ опасныхъ мѣстъ. Въ этомъ именно въ этомъ смыслѣ, статистику преступленій я называю «Свѣточами будущаго». Тутъ ничего нѣтъ оскорбительнаго ни для христіанъ, ни для славянъ, ни для суда, ни для самого м-ра Семирадскаго. Обидно для Семирадскаго можетъ быть только то, что я, стоя передъ его картиной, вспомнилъ друга, болѣе меня поразившую, чѣмъ его разрисованное полотно; болѣе говорящую воображенію и уму картину, которая заставила меня прозрѣть въ будущее, не только заставила, но и помогла освѣтить это будущее милліонами цифръ, словно милліоны погребальныхъ факеловъ, во мракѣ горѣвшихъ въ моемъ разраженномъ воть этими цифровыми ворохами воображеніи. Если *это*, думалось мнѣ—«Свѣточа христіанства», то *то*—*vice versa*—«Свѣточа будущаго», того будущаго, когда цифры такого жества, какъ теперь, преступленій не будутъ рѣзать глаза своей яркостью. Эти «свѣточа», эти горящія обидою цифры должны указывать современному человѣчеству путь, по которому можно будетъ дойти до лучшаго будущаго. «Свѣточами будущаго», друзья мои.

называю не *людей*, преступныхъ, осужденныхъ и по достоинству наказанныхъ, а *цифры*, выражающія количество человѣческой преступности или относительную степень ея въ данной мѣстности: *цифры*, какъ пріобрѣтенія науки, имѣютъ право на названіе «Свѣточей будущаго». Какъ всемірный, собранный на поверхности всего земного шара цифровой сводъ метеорологическихъ наблюденій, собранный милліонами и милліардами метеорологическихъ станцій за цѣлое столѣтіе, за два, за три столѣтія и сгруппированный въ выводныя среднія цифры, можетъ въ послѣдствіи дать человѣку средства предотвращать буря, ураганы, новодненія, засухи, неурожай, голодовки (наука уже показывала не разъ, *что* она въ силахъ сдѣлать), такъ и всемірный сводъ цифръ нравственной статистики, пропущенныхъ чрезъ перекрестный огонь сравненія, сопоставленій, интеграцій и дифференціацій, можетъ дать человѣчеству въ руки ариаднину нить, съ помощью которой будущіе Тезей пройдутъ по мрачному лабиринту современныхъ общественныхъ неладящъ, таготящихъ надъ жизнью, и убьютъ чудовище, питающееся человѣческими жертвами. Цифры правятъ міромъ», слова эти въ устахъ одного изъ свѣтилъ науки имѣютъ глубокое значеніе. Цифры, это и есть «Свѣточн будущаго». Вы согласны со мной, м-ръ Д. С...о-М...ь?

— Былъ бы согласенъ, еслибъ вы не были такой фантазеръ, нехотя отвѣчалъ я.

— А вы, м-ръ Пеко Пековичъ?

— Я до тѣхъ поръ не соглашусь, пока нельзя будетъ брать кукурузу свободно у другихъ, если у меня нѣтъ кукурузы.

— Ну, это—другой вопросъ. Кукурузу мы оставимъ пока въ поковѣ.

— Какъ въ поковѣ, господине? Вѣдь, въ кукурузѣ—вся суть.

— Нѣтъ, теперь вся суть пока въ цифрахъ—ихъ надо изучать.

— Не изучать, а надо такъ сдѣлать, чтобъ *этихъ* цифръ совсемъ не было.

— Это невозможно, м-ръ славянинеъ.

— Вы же сами говорили, что возможно.

— Въ будущемъ, а не теперь. Теперь мы должны изучать и изучать цифры: въ нихъ спасеніе, въ нихъ наше руководство. Кукуруза сама собой придетъ.

— Ждите! Нѣтъ, господине, когда дѣло имѣешь съ турками, то ждать нельзя: они всю кукурузу возьмутъ или вытопчутъ жонскими копытами.

— Кукуруза вновь выростетъ, мой уважаемый другъ, а люди, потоптанные копытами неблагоприятныхъ условій на общей нивѣ жизни, не выростутъ ужь, серьезно замѣтилъ англичанинъ:— надо о людяхъ подумать, о цифрахъ преступности и несчастій—объ условіяхъ, создающихъ эти цифры... Цифры эти свѣтятъ

намъ путеводными звѣздами въ современной тьмѣ... Припомните евангеліе: «свѣтъ свѣтитса во тьмѣ, и тьма его не объятъ». Теперь эти цифры свѣтятся во тьмѣ, когда тьма кругомъ; но когда кругомъ будетъ свѣтъ, то и зловѣщія искры-цифры погаснутъ въ свѣтѣ, не будутъ видны совсѣмъ, какъ жалкій свѣтъ гнилуши при солнечномъ блескѣ.

Д. С...о—М...ь.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Открытие палаты 1-го мая. — Заявленія герцога Деказа о нейтралитетѣ Франціи. — Вопросъ де-Мёна. — Противу-клерикальный запросъ. — Леблонъ и Сальва. — Страшная рѣчь Жюль Симона. — Рѣчь Гамбетты и ея послѣдствія. — Возраженія де-Мёна. — Очередной порядокъ 4-го мая. — Вопросъ Фравалье. — Выборъ въ Сен-Мало. — Несоотвѣтствіе запросъ въ сенатѣ. — Герцогъ де-Броа. — Письмо парижскаго архіепископа.

Политическія событія, происшедшія въ маѣ, настолько значительны, что для точнаго ихъ пониманія необходимо предельно подробно изложить всѣ факты, начиная съ открытія палаты 1-го мая.

Открытие это произошло самымъ мирнымъ образомъ—и ничто не предвѣщало скорого паденія кабинета. Напротивъ того, первое засѣданіе палаты было до нельзя благопріятно не только для самого Жюль-Симона, но и для тѣхъ изъ министровъ, которые не нѣе другихъ пользуются симпатіей республиканцевъ. Предупреждая возможность запроса по внѣшней политикѣ, герцогъ Деказъ внесъ «желтую книгу» и сопровождалъ это внесеніе заявленіемъ отъ правительства, выразившимъ вполне истинныя стремленія французскаго народа, нераздѣляемія развѣ только камарильей маршала. Въ заявленіи этомъ онъ высказалъ, что относительно восточнаго вопроса правительство рѣшило поддержаніе «строжайшаго нейтралитета и полнѣйшаго невмѣшательства въ русско-турецкую войну». «Миръ и миръ со всѣми — таково нынѣ правительство», сказалъ министръ, и слова эти, въ которыхъ содержался намекъ на Италію, оскорбленную происками нашихъ клерикаловъ—вызвали такія сильныя рукоплесканія дѣвухъ, что протѣжѣ папы, экс-драгунъ де-Мёнъ, счелъ нужнымъ взойти на трибуну. Указавъ на ожесточенную полемику радикальныхъ газетъ съ духовенствомъ и прочитавъ изъ «Фонаря» статейку,

озаглавленную «Иисусъ-работникъ», онъ спросилъ: «есть-ли въ совѣтѣ министровъ хотя одинъ голосъ, который отважился бы выступить на защиту поруганнаго Бога христіанъ?» На это президентъ совѣта отвѣтомъ его не удостоилъ, заявивъ, что правительство выскажетъ свой взглядъ и образъ дѣйствій въ вопросахъ религіозныхъ, при обсужденіи запроса Леблона, президента республиканской лѣвой, о дѣйствіяхъ духовенства.

Запросъ этотъ былъ сдѣланъ Леблономъ въ засѣданіи 3-го мая. Леблонъ, адвокатъ и бывшій прокуроръ республики, принадлежить къ умѣреннымъ республиканцамъ и игралъ весьма вліятельную роль при непріятіи амнистіи въ какой бы то ни было формѣ. Самымъ сладкимъ голосомъ и въ самыхъ деликатныхъ выраженіяхъ — онъ высказалъ полнѣйшій обвинительный актъ противъ ультрамонтанства. «Республиканцы, сказалъ онъ: — борятся не съ религіей, а съ политической партіей, прикрывающей свои происки ея именемъ: клерикальная партія захватила въ свои руки низшее образованіе, добралась до средняго и волею съ государствомъ изъ-за вышшаго. Между тѣмъ, клерикальное образованіе становится все въ большее и большее противорѣчіе съ духомъ времени. Оно внушаетъ молодежи исключительное подчиненіе нѣкоторымъ лицамъ, на которыхъ оно причаеъ смотрѣть ихъ какъ на какихъ-то избранниковъ Провидѣнія. Оно поддерживаетъ въ нихъ самыя нелѣпыя предразсудки и исповѣданіе Бога обращаетъ въ какой-то фетишизмъ. Оно нападаетъ на національныя учрежденія и притоговляеъ юношество къ борьбѣ со всѣмъ, что составляетъ современную цивилизацію. Овончивъ предварительное ученіе, молодой человекъ секвеструется «католическими клубами», гдѣ его возбуждаютъ къ ненависти всего гражданскаго общества. Довольно одного этого внутренняго значенія клерикальнаго образованія, долженствующаго дать въ будущемъ духовенству значительную силу для достиженія его плановъ, чтобы правительство обратило вниманіе на зло, могущее отъ этого произойти, и своевременно ему воспрепятствовало. Но клерикалы на этомъ не останавливаются и рѣшились эксплуатировать въ свою пользу то затруднительное положеніе Франціи, въ какомъ она находится среди несогласій, возникшихъ въ другихъ государствахъ, хотя бы это и угрожало ей гибелью. Католическіе комитеты составляютъ папистскую петицію, а епископы начинаютъ движеніе, могущее вовлечь насъ въ войну съ Италіей, за которой стоитъ Германія. Не одинъ только епископъ неверскій, но и ванскій, да и чуть-ли не всѣ епископы только и кричатъ о томъ, чтобы папѣ былъ отданъ Римъ, что онъ принадлежитъ папѣ и Богу. На праздникахъ Пасхи всеобщность вмѣшательства католицизма въ кризисъ, переживаемый Европой — выразилась въ Англии проповѣдью главы ультрамонтанства въ этой странѣ — кардинала Маннинга, который говорилъ: «То, что называется восточнымъ вопросомъ, получить то разрѣшеніе, которое ему предназначено Провидѣніемъ. Папа

Т. ССXXXII. — Отд. II. 14

Пій ІХ—узнать, но грозные перевороты, долженствующие наступить, приведутъ съ собою среди катализмовъ независимости государя-первосвященника». Не то же ли думаетъ, не къ тому ли стремится и духовенство во Франціи? Органъ камбрейскаго епископа «Эмансипаторъ», редактируемый аббатомъ, позволилъ себѣ напечатать слѣдующее: «Неужели Франція, благодаря республикѣ, упала такъ низко, что отступить изъ боязни итальянскихъ войскъ?.. война эта—не національная, а война католиковъ противъ враговъ католицизма». Въ «Journal du Mass» читается: «Развѣ ограбленіе святѣйшаго отца итальянскими правительствомъ не напесло Франціи самой кровавой обиды?.. Чтоби сказалъ въ наши дни Пипинъ-короткій?.. Еслибы пала воздушная защита своихъ правъ оружіемъ, то, при первомъ его боевомъ крикѣ, Франція *необходимо должна* начать войну». «Да раздастся же, наконецъ, первый выстрѣлъ изъ Рима!» читаемъ въ «Mémorial du Finistère». — Установивъ эти факты, Леблонъ спрашиваетъ, что же дѣлаетъ и думаетъ правительство?.. — «Часъ преслѣдованій наступилъ! иронически прерываетъ виконтъ де-Белзаль. «Не преслѣдованій, отвѣчаетъ Леблонъ:—а справедливости и примѣненія въ духовенству законовъ. Должно воспрепятствовать пагубнымъ послѣдствіямъ дѣятельности католическихъ комитетовъ и прекратить развѣ навсегда политическія провокаціи, не останавливаясь передъ тѣмъ, какъ бы ни было высоко поставлено лицо, позволяющее ихъ себѣ».

Послѣ этихъ словъ депутатъ Сильва, представитель Савойи, весьма вкратцѣ высказалъ о томъ впечатлѣніи, которое произвелъ бы конфликтъ между Франціей и Италіей на его избирателей, считающихъ Италію своимъ бывшимъ, а Францію—настоящимъ отечествомъ. «Савойцы, сказалъ онъ:—готовы съ полнымъ самоотверженіемъ выступить на защиту Франціи, въ войнѣ, налицѣ, съ Германіей, съ ужасомъ взглянуть на братоубийственную распрю, возникшую въ угоду ненавистнымъ интересамъ чуждой клики». Католико-бонапартистъ де-Вальфонсъ пробуетъ защитить своихъ единомышленниковъ, сваливая на республиканцевъ желаніе вовлечь въ войну Францію. Для этого онъ указываетъ на то, что въ одной изъ газетъ (которую, однако, не называетъ) помѣщена статья, оскорбительная для русскаго правительства. Тогда начинается говорить глава кабинета Жюль-Симонъ. Онъ обыкновенно говорить свои рѣчи хорошо, иногда краснорѣчиво и всегда умно. Можно было ожидать, что и въ этотъ разъ его ораторскій талантъ ему не измѣнитъ, такъ какъ запросъ не былъ прямо направленнымъ противъ него, а имѣлъ цѣлю даже освобожденіе его отъ затрудненій, въ какія онъ поставленъ непониманіемъ маршала и ханжествомъ герцогини Маджентской, но Жюль-Симонъ не былъ на этотъ разъ въ удѣлѣ. Началъ онъ съ пласиваго отраженія обвиненій гг. де-Мейя и де-Вальфонса, и чуть не съ клятвъ въ томъ, что правительство не потерпитъ никакихъ нападеній на религію. Эта часть его рѣчи

вызвала ироническое *amen* Бенжамена Распайя, такъ же какъ слѣдующій ея переходный періодъ, гдѣ онъ доказывалъ, что, при настоящей республикѣ, духовенство пользуется такою свободою, какою оно никогда не имѣло при прежнихъ правительствахъ и даже при реставраціи, вызвалъ громкое «увы!» со стороны Мадье де-Монжо. Сладкій тонъ, съ которымъ онъ перечислялъ поступки епископовъ, нарушающихъ законъ и традиціи галиканизма въ такой степени, что этого не потерпѣли бы даже Людовикъ XIV и Людовикъ XV, ставилъ лѣвыхъ въ рѣшительное недоумѣніе. Говоря о различіи между нравственнымъ ученіемъ церкви, которое онъ называлъ превосходнымъ, и ученіемъ духовныхъ, между идеальными доктринами и суевѣрными бреднями жалкихъ книжонокъ, между политической организаціей католическихъ клубовъ и моральными ихъ тенденціями—онъ говорилъ такъ тихо, что лѣвые просто не могли понять, что такое онъ хочетъ сказать, а правые явно выказывали ему свое одобреніе. Только послѣ появленія на другой и слѣдующіе дни въ «Journal Officiel» текста папской аллокуціи, и въ католическихъ газетахъ рѣзкой брани противъ Жюль-Симона за его рѣчь, всѣ увидали, что въ рѣчи главы кабинета, которой никто не разслушалъ, заключалось обвиненіе во лжи непогрѣшимого отца церкви за выдачу имъ себя ватиканскимъ узникомъ, и что министромъ былъ прочитанъ буквально весь законъ итальянскаго парламента о гарантіяхъ папской независимости, чѣмъ ясно доказывалась вся негѣпость требованій клерикаловъ о заступничествѣ за Пія IX. По собственному его выраженію (такъ оно было напечатано, по крайней мѣрѣ, въ «Journal Officiel»), «говоря о Піѣ IX, какъ объ узникѣ, морочили населеніе, имѣя при этомъ обманѣ преступную цѣль». Въ палатѣ никто этого ничего не слыхалъ и ничего не почуялъ, такъ что, когда первый министръ сходилъ съ трибуны, то правые ему иронически рукоплескали, а лѣвые поторопились отложить дальнѣйшія пренія до слѣдующаго дня и даже самые робкіе изъ депутатовъ лѣваго центра были до нѣльзя раздражены слабостью и нерѣшительностью главы республиканскаго кабинета.

Раздраженіе республиканцевъ еще болѣе усилилось, когда, по возвращеніи изъ Версаля въ Парижъ, они прочитали въ «Défense sociale et religieuse» — газетѣ, получающей свои вѣдоменія отъ Дюпанлу, ядовитую замѣтку слѣдующаго содержания: «Жюль-Симонъ былъ вынужденъ дать маршалу нѣкоторая формальная обѣщанія... Онъ обязался торжественно заявить духовенству и католикамъ, что правительство предоставитъ имъ всевозможныя гарантіи ихъ безопасности и своего имъ покровительства... Еслибы, въ рѣшительную минуту министръ вздумалъ отступать или придавалъ бы какое-либо несоотвѣтственное значеніе мысли правительства, которое онъ собою представляетъ, то мы знаемъ средства, какими его можно заставить обратиться къ политикѣ защиты интересовъ религиозныхъ и общественныхъ,

*

отъ которой ему до сихъ поръ удавалось отстраняться. Правительство придетъ къ признанію этой политики, можетъ быть, помимо Жюль-Симона, но, все-таки, придетъ». Я позволяю себѣ въ-ликомъ привести эту выписку, такъ какъ она служитъ какъ бы раннимъ откровеніемъ того, къ чему стремились уже издавна какъ клерикалы, такъ и сама «честная шнага».

Засѣданіе 4-го мая открылось рѣчью съ трибуны Гамбетты, рѣчью, подобную которой немного въ архивахъ французскаго парламентаризма. Не имѣя возможности передать ее цѣликомъ, я приведу ее въ сокращеніи, сохраняя, гдѣ это будетъ возможно, его собственныя выраженія. «Я уважаю, сказалъ онъ: — всякія религіозныя и философскія убѣжденія. Я встаю только противъ смуты, которая сѣютъ раздоръ во Франціи и могутъ вызвать ея столновеніе съ Европой. Вслѣдствіе безчисленныхъ ошибокъ прежняго времени, гражданская власть у насъ въ противодѣйствіи проискамъ ультрамонтанства приведена къ такому бесилію, которое раздражило бы и пристыдило наши прошедшія монархіи. Никогда ни одинъ французскій король не позволилъ бы ни одному папѣ посылать во Францію печатную грамоту, которою онъ возводитъ въ званіе главы лильскаго университета епископа in partibus, котораго онъ уполномочиваетъ апостольскою властію выдавать учащимся чины и степени, обрѣкая государство, если бы оно стало этому противодѣйствовать, «негодованію Всемогущаго и благовѣрныхъ апостоловъ Петра и Павла». Предприимчивые епископы, въ родѣ епископовъ неверскаго, ванскаго и анжерскаго, не составляютъ исключенія въ своей средѣ. Все епископство обявывается рѣшеніемъ ватиканскаго собора искоувѣдывать новый догматъ папской непогрѣшимости. Все наше духовенство представляетъ собою «одну армію, имѣющую своего главнокомандующаго и умѣющую дѣйствовать, какъ хорошо дисциплинированное войско». Оно перешагнуло или ниспровергло всѣ преграды, какія въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій ствились противъ ненасытимаго честолюбія ультрамонтановъ. Самый конкордатъ сталъ мертвою буквою, при тѣхъ Нполеона, его утвердившаго. Наши клерикалы смѣются надъ декларациею 1682 года Людовика XIV и Боссюета и надъ всѣмъ, на что еще недавно всѣ были обязаны смотрѣть, какъ на «галиванскія льготы церкви». Монастыри, конгрегации и духовныя имущества «мертвой руки» увеличиваются въ числѣ въ ужасающихъ размѣрахъ. Польшочковителствомъ представителей гражданской власти «клерикальная болязнь заразила собою и управляющіе классы». Всѣ права свободы, которыхъ лишены прочіе граждане, захвачены клерикалами. Одни они, и только они одни, пользуются безусловнымъ правомъ собираться, имѣть и приобрѣтать свои капиталы, распорядиться ими, организоваться въ общества, дѣйствовать и прикрывать свои дѣйствія всевозможными благовидными формами. Невольно приходится спрашивать себя: *«не преобразилась ли въ наши дни государство въ церковь?»* Настало время, когда

неотложно необходимо поставить безъ различія всё въѣроисповѣданія въ то подчиненное положеніе, которое они должны занимать въ благоустроенномъ государствѣ. Не можетъ и не должно быть терпимо, чтобы въ то время, когда въ Европѣ происходитъ война и когда малѣйшая неосторожность можетъ быть пагубной для нашего отечества, клерикальная партія могла затѣвать «римскіе походы», внутренніе и внѣшніе, или присвоивать себѣ право вліять на образъ дѣйствій министра иностранныхъ дѣлъ въ интересахъ политики римской курии и петиціями въ палату, посланіями епископовъ и ихъ незаконными циркулярами къ нѣмамъ стараться заставить французское правительство не признавать результатовъ, достигнутыхъ свѣтскою революціею Италіи, и выѣшиваться во внутренніи дѣла этой страны. Такія возбужденія приводятъ прямо къ войнѣ, а кто не знаетъ, къ какимъ катастрофамъ можетъ привести война, когда она начинается наперекоръ общественному мнѣнію всей Европы? Правительство, слѣдовательно, «обязано спасти государство отъ сѣтей ультрамонтанства». Но, такъ какъ на отдѣленіе церкви и государства многіе не согласны, то необходимо возстановить значеніе конкордата и заставить духовенство подчиняться законамъ страны, обеспечивающимъ ея права. «Неподчиняющіеся французскимъ законамъ не имѣютъ права считаться гражданами Франціи». Луи-Филиппъ и Карлъ X умѣли противодействовать матежнымъ стремленіямъ духовенства, «неужели одна республика не можетъ прибѣгнуть къ законной защитѣ себя?» Въ заключеніи рѣчи, произведшемъ одинаковый энтузіазмъ какъ въ лѣвомъ центрѣ, такъ и между непримиримыми, Гамбетта сказалъ: «Національное сознаніе возмущено тѣмъ, что страну систематически смущаютъ люди, успѣхъ которыхъ можетъ радовать только враговъ Франціи... Если для Франціи или, точнѣе, для французскихъ крестьянъ что-либо ненавистно въ одинаковой степени съ восстановленіемъ порядковъ стараго режима, то это—подчиненіе страны господству клерикаловъ! Я передамъ только смыслъ современнѣйшихъ чувствъ французскаго народа, когда позволю себѣ повторить извѣстное выраженіе друга моего, Пейра: *«клерикализмъ—вотъ врагъ нашъ!»*

Не для опроверженія какого-либо изъ положеній рѣчи народнаго трибуна, но для отвѣта на вопросъ Бернара-Лаверна, относительно инсинуаціи газеты «Défense», первый министръ вынужденъ былъ снова говорить. Онъ вынулъ изъ кармана этотъ листокъ, разорвалъ его и растопталъ ногами, говоря, что смотритъ на похѣщенное въ немъ заявленіе, какъ на клевету, направленную не только противъ него, но и противъ маршала, поведенію котораго, вполнѣ конституціонному, онъ не можетъ не отдать полной справедливости, хотя бы между ними и существовало разногласіе во мнѣніяхъ по различнымъ вопросамъ. Послѣ этого, не упоминая ни слова о своей рѣчи, такъ дурно разслушанной наканунѣ, Жиль-Симонъ заявилъ о твердомъ намѣреніи прави-

тельства заставить всѣхъ гражданъ одинаково уважать законы и безпокойныхъ епископовъ такъ же, какъ невѣрующихъ журналистовъ. Графъ де-Мёнъ, попытавшійся опровергнуть Гамбетту, повторилъ въ лицахъ известную басню о змѣѣ, иступившей свои зубы объ острую пилу. Своею вялою и безсвязною рѣчью онъ выказалъ на дѣлѣ, къ какому безсилію приводитъ даже даровитая натуры иезуитское воспитаніе, и чуть не лучше Гамбетты констатировалъ съ громадною безтактносью реальность всего того, противъ чего возстаютъ республиканцы, и, между прочимъ, то, что между католицизмомъ, ультрамонтанствомъ и клерикализмомъ не существуетъ болѣе никакого различія. «Вѣѣ подчиненія папѣ, сказалъ онъ:—уже—революція». Вся религія, по его мнѣнію, концентрируется въ признаніи папской непогрѣшимости, и ни до духовной, ни до свѣтской власти папы никто не можетъ приоснудиться «безъ поруганія сознанія всего человѣчества!»

Возражать на это глѣвне не сочли нужнымъ и ограничились вопросомъ: приметъ ли правительство предложенный уже имъ переходъ къ очередному порядку? Президентъ совѣта отвѣчалъ словомъ: «да», безъ всякихъ дальнѣйшихъ комментариевъ, послѣ чего задвигались урны, и изъ нихъ вынуто было 346 бюллетеней за и 114 противъ такого знаменательнаго заявленія: «Палата депутатовъ, принимая во вниманіе, что ультрамонтанскія манифестаціи, усиленіе которыхъ можетъ компрометировать внутреннюю и внѣшнюю безопасность Франціи, составляютъ явное нарушеніе законовъ государства, приглашаетъ правительство, для обузданія этой анти-патріотической манифестаціи, прибѣгнуть къ законнымъ мѣропріятіямъ, которыми оно располагаетъ».

Оставалось только узнать, какъ приметъ это историческое явленіе маршаломъ и его супругою, духовною дочерью Дюнану, и первое время казалось, что супружеская эта чета, произволящая роковое вліяніе на Францію, примирилась съ тяжелою необходимостью. Такъ, въ оффиціозныхъ корреспонденціяхъ «Gironde» и «Indépendance Belge» появились похвальныя статьи Мак-Магону, за его исполненное такта молчаніе какъ до, такъ и послѣ этого парламентскаго событія.

Всеобщій оптимизмъ относительно этого усилился еще вслѣствие неудачной попытки маркиза Франкль въ сенатѣ получить реваншъ. Сенаторъ этотъ задумалъ указать на противорѣчія между рѣчью Жюль-Симона 3-го мая и принятіемъ имъ очереднаго порядка 4-го и заставить правительство ясно опредѣлить тѣ законныя средства, къ какимъ оно намѣрено прибѣгнуть относительно клерикаловъ. Но засѣданіе сената 7-го мая прошло безо всякихъ столкновеній. Всѣ думали, что клерикалы выйдутся въ полномъ отчаяніи, тѣмъ болѣе, что только наканунѣ на выборахъ въ Сен-Мало, въ Бретани, республиканскій депутатъ Дюранъ побѣдилъ клерикала де-Керлангеля 2,500 голосами, по болѣе части сельчанъ и въ глуши наиболѣе католическаго

провинция Франціи, высказавшейся, такимъ образомъ, за миръ и демократію и противъ духовнаго господства. Около недѣли прошло въ напрасномъ ожиданіи запроса правыхъ въ сенатъ. Хотя, въ теченіи всей этой недѣли, члены крайней правой сената сходились нѣсколько разъ на частныя совѣщанія какъ въ сенатскихъ бюро Версаля, такъ и въ Парижѣ у сенатора, избраннаго департаментомъ Нижней Луары, Ларенти, и затѣвали грозную интерпеляцію на манеръ запроса 23-го мая 1873 года, съ Шенеломомъ, Бюффе или даже де-Брольи въ роли оратора, но осуществленію ея настоятельно воспрепятствовалъ Дюпанлу. Хотя чистые ультрамонтаны фракціи «Univerg» и не доверяютъ Дюпанлу за его сопротивление принципу непогрѣшимости до времени появленія его, въ видѣ догмата, и за его прежнія попытки, вмѣстѣ съ Монталамберомъ и де-Фалю придать католицизму либеральную окраску, но въ этотъ разъ духовникъ герцогини Маджентской явился отъ имени почти всѣхъ французскихъ епископовъ со словами: «Не надо запроса! запросъ поставитъ католиковъ въ необходимость явиться въ сенатъ меньшинствомъ, что дурно отразится на ихъ интересахъ во Франціи» — и его послушали. Доводъ Дюпанлу, впрочемъ, равнялся признанію того, что страна не на сторонѣ клерикаловъ и что самый сенатъ, несмотря на все свое ретроградство, не можетъ собрать въ своей средѣ ультрамонтанскаго большинства. Въ самомъ дѣлѣ, въ палатѣ депутатовъ часть бонапартистовъ отстранилась 4-го мая отъ отрицательнаго голосованія перехода къ очередному порядку, изъ боязни недовольства сельскихъ своихъ избирателей, и имперіалисты-сенаторы заранѣе порѣшили держаться той же тактики въ дѣлѣ ультрамонтановъ, чтобы не способствовать уменьшенію популярности бонапартизма. Но, такъ какъ, по невозможности составить въ сенатѣ большинство прямо противное очередному порядку, 4-го мая, сенатъ, на основаніи конституціи, не имѣлъ права и на его обсужденіе, то этимъ отъ ультрамонтановъ не отнималось возможности представленія запроса республиканскому кабинету объ общемъ характерѣ его политической дѣятельности. Умѣлымъ подборомъ цитатъ, изъ органовъ непримиримыхъ можно было подтасовать положеніе, что правительство допустило развитіе радикализму до ужасающихъ размѣровъ, но протестанты не могли не вспомнить во-время, что многія республиканскія газеты понесли значительныя наказанія, тогда какъ ультрамонтаны еще пользуются полною безнаказанностью и въ рукахъ министерства — цѣлый ворохъ клерикальных газетъ, выдержекъ чтеніемъ изъ которыхъ оно можетъ выдти съ торжествомъ изъ всякаго противъ него нападенія въ этомъ родѣ. Для спасенія чести церкви, нѣкоторые изъ партизановъ предлагали вмѣсто запроса правительству, ограничиться простымъ вопросомъ министру иностранныхъ дѣлъ: что онъ предпринялъ послѣ извѣстнаго шага делегатовъ правой стороны для охраненія интересовъ папы и будущаго конклава? Такова была мысль Дюпанлу, но де-Брольи

противопоставилъ ему доводъ, что лѣвѣе будетъ очень легко вопросъ обратить въ интерпеляцію, и такимъ образомъ кризисъ произойдетъ снова на чисто религіозной почвѣ, а для него все такъ необходимо ультрамонтанское большинство. Орлеанскій епископъ принялъ видъ, что ему приходится согласиться на отказъ отъ всякаго запроса только противъ воли, и, такъ какъ маркизъ де-Франльё заявлялъ свое непремѣнное желаніе, все-таки, о чемъ бы то ни было говорить въ сенатѣ, то и было рѣшено отправить послѣдняго на окончательное совѣщаніе объ этомъ предметѣ къ парижскому архіепископу. Рѣшеніемъ совершенно оставить въ сторонѣ дѣло папы болѣе всѣхъ возмущался Ларанги, кричавшій въ собраніи: «Нѣтъ болѣе сената!» и высказавшій въ залѣ des Pas Perdue такую фразу деВрольи: «Вы употребили четыре года, чтобы довести насъ до республики, но въ настоящее время гораздо скорѣе вы доведете насъ до гибели». Хотя недалній легитимистъ едва ли и самъ ясно сознавалъ, что такое онъ говорилъ этими словами де-Врольи, но обстоятельства для складывались такъ, что слова его стали какъ бы пророческими. Какъ бы то ни было, несмотря на то, что въ засѣданіе сената 14-го мая собрался весь Парижъ, являющійся на всѣхъ торжественныхъ засѣданіяхъ парламента и на первыхъ представленіяхъ въ театрахъ, несмотря на то, что всѣ министры явились въ него вполне готовыми отвѣчать на всякіе нападки—на аренѣ преній не появилось ни одного наѣдника. Какъ бы для прикрытія отступленія ультрамонтановъ, парижскій архіепископъ, кардиналъ Гиберъ, напечаталъ наканунѣ открытое письмо къ хранителю печати и министру юстиціи и исповѣданій, въ которомъ протестовалъ противъ очереднаго порядка 4-го мая и обвинялъ Гамбету, палату и правительство въ стремленіи «поступать, какъ съ врагами, со всѣми французскими католами, епископами, священниками и вѣрующими—со всѣми, кто исповѣдуетъ чистую доктрину римской церкви и всѣ недавніе постановленія Ватиканскаго собора». Люди легкомысленные пожимали плечами; люди серьезныя задавали себѣ вопросъ: почему де-Мартель, въ противность 201 статьи уголовного кодекса. Бонкордату и галиванскимъ традиціямъ абсолютныхъ монархій, оставляетъ безъ немедленнаго наказанія такое явное вмѣшательство кардинала въ парламентскія пренія и дѣла гражданско-политической власти?

II.

Эпизодъ съ Кассаньякомъ. — Первое чтеніе муниципальнаго закона и отвѣна закона о печати Дюфора. — Внезапная отставка Симона. — Письмо маршала президента и отвѣтъ перваго министра. — Полное собраніе гѣвнхъ въ Grand Hôtel'а. — Противуперикальное заявленіе изъ Елисейскаго Дворца. — Очередной порядокъ палаты 17-го мая. — Министерство де-Брольи. — Президентское посланіе 18-го мая. — Закрытіе палаты до 16-го іюня. — Планъ правительства борьбы и положеніе Мак-Магона. — Манифестъ четырехъ фракцій гѣвой палаты депутатовъ. — Заявленія трехъ фракцій гѣвой сената. — Загруженія правительства.

Первое обсужденіе муниципальнаго закона, мирно происходившее въ слѣдующемъ засѣданіи палаты депутатовъ, было неожиданно для всѣхъ прервано заявленіемъ Поля де-Кассаньяка противъ республиканцевъ. Въ отместку за обвиненіе республиканцами клерикаловъ въ стремленіи влутать Францію въ войну съ Италіей, корсижанскій герой затѣялъ обвиненіе республиканцевъ въ желаніи, ни больше, ни меньше, какъ войны съ Россіей!.. Для этого ему было достаточно ничтожной статейки въ «Sentinelle», издающемся въ Нанси, гдѣ заключались обидные намеки на русское правительство. Къ сожалѣнію, въ рукахъ хранителя печати не было, для отраженія нападенія, въ рукахъ «Jeune Garde», иллюстрированнаго листа, издаваемого бонапартистами, гдѣ въ стихахъ и прозѣ гораздо рѣзче осмѣивалось самое объявленіе Россіей войны Турціи. Кромѣ того, послѣ помѣщенія въ «Sentinelle» статейки, о которой шла рѣчь, всѣ республиканскіе депутаты департамента Мёрты-и-Мозеля, такъ же какъ и всѣ республиканскіе журналисты, печатно заявили, что они не раздѣляютъ воззрѣній редактора «Sentinelle» и вообще не имѣютъ съ нимъ ничего общаго. Кромѣ того, этотъ редакторъ, немедленно вслѣдъ за появленіемъ статейки, былъ посаженъ въ тюрьму на 4 мѣсяца, на что онъ былъ присужденъ передъ тѣмъ судомъ, и «Sentinelle» перестала выходить. Министръ Мартель ограничился, въ своемъ отвѣтѣ Кассаньяку, передачею этихъ фактовъ и прибавилъ только слѣдующія слова: «То, что вами прочитано съ трибуны—возмутительно, и очевидно, авторъ статейки—весьма плохой гражданинъ. Напечатанное имъ можетъ быть обидно главѣ великой націи, съ которою Франція находится въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, какія желала бы на всегда сохранить. Но слѣдовало ли публично читать эту ничтожную статейку и тѣмъ придавать ей значеніе и гласность, какихъ она не заслуживаетъ? При настоящемъ положеніи Европы, когда Франція только-что заявила о своемъ нейтралитетѣ и что она желаетъ поддерживать наилучшія отношенія со всѣми народами и государями, я считаю даже просто непатриот-

тичнымъ придавать гласность подобнымъ статьямъ». Это министерское заявленіе, выражавшее одновременно и искреннюю симпатію къ Россіи, и презрительное осужденіе жалкихъ попытокъ враговъ республики создать для Франціи всяческія затрудненія—было принято палатою съ положительнымъ энтузіазмомъ. Депутаты лѣвой стороны цѣлою сотнею оставили свои мѣста, чтобы позать руку Мартеля и поздравить его съ успѣхомъ.

Въ томъ же засѣданіи, другой имперіалистъ Гарнье сдѣлалъ вопросъ Жюлю-Симону по поводу отставки одного бонапартистскаго мэра и той учительницы, о которой я говорилъ въ прошлой хроникѣ и которая имѣла привычку сажать провинившихся ученицъ на раскаленную плиту. Приэтомъ, бонапартисты не выдержали отъ нанесенія личныхъ оскорбленій министру—и въ палатѣ произошло продолжительный шумъ. Сторонники цезаризма употребляли всѣ свои усилія, чтобы обратить мѣсто національнаго представительства въ подобіе бурнаго клуба. Для дискредитированія парламентаризма, они злоупотребили тѣми льготами, которыя внесло въ регламентъ республиканское большинство, въ видахъ бѣльшей свободы меньшинства, какъ бы въ воспоминаніе того, что оно тоже весьма долго было меньшинствомъ. Въ слѣдующее же засѣданіе, поэтому, отъ имени трехъ фракцій лѣвыхъ была потребована неотложность для проекта о возвращеніи къ регламенту 1849 года, существовавшему и въ собраніи 1871-го, которымъ узаконяются призванія къ порядку, парламентская цензура, штрафы и временныя запрещенія посѣщеній палатскихъ засѣданій. Неотложность эта была, конечно, тотъ часъ же принята.

Чтеніе муниципальнаго закона закончилось принятіемъ къ свѣдѣнію поправки о публичности засѣданій муниципальных совѣтовъ. Министерство оставило за собою право высказать о ней свое мнѣніе до втораго чтенія. 14-го мая, обсужденіе палаты подвергалось предложеніе бонапартиста Бюнео д'Орнано, уже четыре мѣсяца назадъ отправленное въ бюро палаты, о восстановленіи за жюри ассизныхъ судовъ права рѣшеній по проступкамъ и преступленіямъ печати. Предложеніе это, разумѣется, не могло встрѣтить никакой оппозиціи республиканцевъ. Отмѣна главной статьи закона Дюфора-Бюффе декабря 1875 нисколько не отвратилась къ Жюлю-Симону, и онъ имѣлъ тѣмъ больше право отстраниться по этому поводу отъ всякихъ преній, что бонапартисты, очевидно, желали поставить автора «Свободы» и «Долга» въ необходимость, при своихъ заявленіяхъ, встать, во имя правительства, въ противорѣчіе съ принципомъ полной свободы печати, который Жюль-Симонъ проповѣдывалъ въ теченіи всей своей жизни. Такимъ образомъ, законопроектъ д'Орнано, которымъ дѣла печати освобождались отъ судовъ исправительной полиціи, прошелъ при большинствѣ 377 голосовъ противъ 56.

Никто не могъ даже и подозрѣвать, чтобы это голосованіе, такъ же какъ и принатіе муниципальнаго закона въ первомъ чтеніи,

послѣ котораго должны были произойти съ пятнадцатидневнымъ промежуткомъ второе и третье, при чемъ могли быть введены въ немъ всякія измѣненія—могли послужить предлогомъ для министерскаго кризиса. Каково же было удивленіе представителей политической жизни Франціи, собравшихся на слѣдующее утро (15-го) на похоронахъ пожизненнаго сенатора Эрнеста Пивара, когда въ средѣ ихъ распространилось извѣстіе о внезапной отставкѣ Жюль-Симона! Въ тотъ же день, послѣ полудня, происходили похороны Таксиля Делора, журналиста-республиканца, бывшаго депутата Воклюзскаго Округа и друга Жюль-Симона. Когда послѣдній явился на нихъ, то былъ окруженъ сенаторами и депутатами, старавшимися непрерывно выразить ему какъ свое уваженіе и сочувствіе, такъ и негодованіе противъ поступка маршала, письмо котораго къ первому министру настолько же невѣжливое, какъ и противуконституціонное, стало уже въ это время извѣстнымъ.

Противуоконституціоннымъ письмо маршала дѣлала слѣдующая, заканчивающая его, фраза: «Если я, подобно вамъ—отвѣтственъ передъ парламентомъ, то я, кромѣ того, *отвѣтственъ и передъ Франціей*, что и составляетъ мою настоящую заботу». Невѣжливо же письмо не только по формѣ, такъ какъ въ наши дни едва-ли даже любой восточный деспотъ позволитъ себѣ такъ рѣзко отнестись къ своему первому министру, такъ и по существу. Начальное обвиненіе Мак-Магономъ хранителя печати и министра внутреннихъ дѣлъ въ томъ, что они не воспрепятствовали отміѣнъ закона Дюфора и не протестовали противъ принатія (еще не окончательнаго) муниципальнаго закона, показавшагося почему-то очень страшнымъ совѣту министровъ—могли бы быть прощены только ребенку или старику, впавшему въ младенчество. Ироническое заявленіе сомнѣнія въ нравственныхъ силахъ Жюль-Симона въ концѣ письма носить на себѣ непристойный характеръ торжества побѣдителей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, показываетъ, что пресловутое письмо это написано подъ вдохновеніемъ герцогини Маджентской, вѣроятно, самимъ доктринеромъ—академикомъ де-Бромби. На долю же Дюпанлу выпала, вѣроятно, обязанность придать нѣкоторымъ фразамъ такой оборотъ, чтобы онѣ приняли ядовитый характеръ.

Представитель власти національнаго большинства, подавшій въ отставку для «яснаго опредѣленія своего положенія», сдѣлалъ большую ошибку и нанесъ немалый ущербъ своему достоинству тѣмъ, что отвѣчалъ на письмо маршала разъясненіемъ своего поведенія по двумъ пунктамъ, вѣнненнымъ ему въ вину. Онъ доказалъ этимъ только, въ какомъ ложномъ положеніи находился онъ при главѣ государства, едва сдерживающемъ свою враждебность къ установившемуся въ странѣ порядку. Вмѣсто того, чтобы, даже послѣ отставки стараться выказать себя человекомъ болѣе интеллигентнымъ, чѣмъ маршалъ, Жюль-Симонъ сдѣлалъ бы гораздо лучше» какъ для своей политической будущности, такъ

и для своего имени въ исторіи, еслибы ничего не писалъ къ нему, а высказалъ бы уже все, ничего не скрывая, съ трибуны или напечаталъ все—въ видѣ прямого обращенія къ странѣ—очистивъ тотчасъ же вслѣдъ за своей подачей въ отставку (последнее онъ, впрочемъ, и сдѣлалъ) свой отель на площади Боо и переселившися на свою прежнюю квартиру пятого этажа на площади Мадленны.

17-го октября утромъ каждая изъ группъ лѣвой палаты собралась въ особое совѣщаніе для рѣшенія вопроса, что ей слѣдуетъ предпринять, а вечеромъ, всѣ группы, и въ томъ числѣ группа непримиримыхъ, еще въ первый разъ присоединившаяся къ нѣкѣ прочихъ фракцій—собрались въ «Grand Hôtel» на общее собраніе лѣвыхъ. Гамбетта, ставшій, послѣ знаменитаго перехода къ очередному порядку 4-го мая, безспорнымъ главою всего республиканскаго большинства счелъ необходимымъ только опредѣлить «странный поступокъ» маршала-президента противъ министерства, «ни разу не остававшагося съ меньшинствомъ ни въ одной изъ двухъ палатъ», и объяснить насколько необходимо, чтобы «власть страны» выказала твердость въ отстаиваніи своего законнаго и вполне конституціоннаго права противъ «провозглашенія личной отвѣтственности и попытки къ проявленію личной власти» одного человѣка «со всѣмъ соотвѣтственнымъ достоинствомъ, со всею ясностью выраженной». Всѣ республиканцы—отъ самаго крайняго радикала до самаго робкаго изъ угнранныхъ—единодушно примкнули къ плану Гамбетты, заключающемуся въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ: «восстановить еще разъ несокрушимость парламентскаго правительства на основаніяхъ министерской отвѣтственности, самымъ тщательнымъ образомъ охраняемой; напомнить странѣ, что республиканская политика представляетъ собою гарантію порядка и внутренняго благосостоянія; противодѣйствовать всякой политикѣ случайностей, которая, подъ вліяніемъ извѣстныхъ преступныхъ агитацій, возбуждаемыхъ неизвѣстно которымъ изъ претендентовъ, можетъ повергнуть Францію—страну мира, порядка и сбереженій—всѣмъ случайностямъ династическихъ и военныхъ предпріятій». Никто изъ 300 человѣкъ, находившихся въ собраніи, не потребовалъ слова послѣ Гамбетты—такъ счумѣлъ онъ резюмировать въ своихъ положеніяхъ всѣ стремленія республиканскаго большинства—и, когда онъ предложилъ проектъ очереднаго порядка, долженствовавшаго быть предложеннымъ въ первомъ же собраніи палаты, то онъ былъ тотчасъ же принятъ единодушно всѣми.

Между тѣмъ къ 10, 11-ти часамъ вечера, огромная масса публики собралась на дворѣ Grand Hôtel'а и на Бульварѣ Капуцинокъ. Безпрестанно слышался вопросъ: «уже не государственны ли это переворотъ?» на который повторялся чуть не одинъ и тотъ же отвѣтъ: «это—визитная карточка епископовъ». Нѣкоторые, притомъ, съ опасеніемъ прибавляли «а можетъ быть, и предъчъ вѣднней войны!» Однако, бонапартисты и всакіе реакціонеры,

едва скрывавшіе свою радость, напрасно ожидали, что въ толпѣ произойдутъ какіе-нибудь безпорядки, которые обусловятъ вмѣшательство полиціи, согнанной въ огромномъ числѣ на Бульваръ Капуцинокъ, а, можетъ быть, и войска, патрули котораго, несмотря на то, что Парижъ не въ осадномъ положеніи—весь день разъѣзжали по улицамъ. По окончаніи общаго собранія лѣвыхъ, когда среди толпы появился Гамбетта, котораго она привѣтствовала одобрительными криками—довольно было двухъ, трехъ его словъ, чтобы публика тотчасъ же начала расходиться: такъ всё хорошо понимали, что достаточно малѣйшей неосторожности, чтобы реакціонеры тотчасъ же раздули ее въ бунтъ и мятежъ, что послужило бы значительнымъ подспорьемъ для успѣха замысловъ враговъ республики и демократіи. Такимъ образомъ, ревностнымъ полицейскимъ сержантамъ, несмотря на всѣ поиски не удалось арестовать никого, кромѣ одного агента-provokatora, кричавшаго «долой Гамбетту», да другаго такого же агента или неосторожнаго крикуна, отвѣчавшаго на эти слова возгласомъ: «долой Мак-Магона!» Толпа сама собой разошлась безо-всякихъ безпорядковъ, такъ какъ единодушные крики: «Да здравствуетъ республика! Долой іезуитовъ!» и «Да здравствуетъ миръ!»—признать за безпорядокъ было уже неудобно и неблагоприятно.

Общественное мнѣніе не придало никакого значенія обвиненіямъ противъ Жюль-Симона, приведеннымъ въ письмѣ маршала; всё очень хорошо поняли, что причина кризиса—въ трудно-скрываемомъ негодованіи Мак-Магона на противуположный очередной порядокъ 4-го мая. Послѣ того, какъ итальянскій посланникъ Чіальдини, посѣтившій павшаго министра, сказалъ ему: «Нашъ обоимъ сразу побѣдили», а посланникъ Германіи Гогенлоэ, пріѣхавшій въ Елисейскій Дворецъ, чтобы узнать о намѣреніяхъ маршала, весьма сухо обошелся съ герцогомъ Девазомъ—въ Елисейскомъ Дворцѣ сочли необходимымъ сообщить черезъ «Агенство Гавасъ», для вывѣшенія на биржѣ и въ залѣ des Pas-Perdus палаты депутатовъ, слѣдующее заявленіе: «Президентъ республики принималъ сегодня утромъ весьма многихъ лицъ изъ дипломатическаго міра. Президентъ выражалъ свое твердое намѣреніе поддерживать мирную политику со всѣми державами и рѣшился непоколебимо *противодѣйствовать* всякимъ *возможнымъ ультрамонтанскимъ манифестациямъ*».

Это опроверженіе общаго убѣжденія, что кризисъ—результатъ протесковъ епископовъ, нисколько не подѣйствовало на парламентскихъ представителей, собравшихся 17-го въ Версали, за исключеніемъ чистыхъ легитимистовъ, которыхъ оно раздражило, такъ какъ имъ само собой, естественно представился вопросъ: для чего же въ такомъ случаѣ, маршалу понадобилось низверженіе кабинета, если онъ настолько согласенъ съ очереднымъ порядкомъ 4-го мая, что повторилъ его въ своемъ сообщеніи чуть не слово въ слово? Съ другой стороны, необходимость сдѣлать такое заявле-

ніе для иностранныхъ державъ, должно быть, нѣсколько испорчена первоначальный планъ министерства, какъ его задумалъ де-Бролли, и секретарь президента сдѣлалъ значительную ошибку, помѣстивъ въ «Journal Officiel» извѣстіе объ отставкѣ кабинета *въ полномъ ея составѣ*, не имѣя возможности одновременно сдѣлать извѣстными имена всѣхъ новыхъ министровъ. Такимъ образомъ, за неимѣніемъ отвѣтственнаго министра, который долженъ былъ бы, на основаніи конституціи, объявить палатѣ депутатовъ о закрытіи ея на мѣсяць по распоряженію президента республики — палата получила возможность собраться еще разъ въ засѣданіе, чего, разумѣется, допускать не желали бы виновники происшедшаго кризиса.

Несмотря на отказъ бывшаго министра Кристофи, который одинъ присутствовалъ въ засѣданіи на министерской скамкѣ, отвѣчать на вопросъ Девуку о причинахъ кризиса, Гамбетта получилъ возможность торжественно заявить всей Франціи о происшедшемъ. Принаравливаясь къ потребностямъ не парламентскихъ своихъ сочленовъ, которымъ все совершенно понятно, а обыкновенныхъ читателей отчетовъ о парламентскихъ засѣданіяхъ, которымъ было нужно ясно и сразу изложить всю интригу, ораторъ очень рѣзко заявилъ о существованіи «негласныхъ совѣтниковъ» главы государства, «дѣйствующихъ на него» помимо конституціоннаго механизма, «жалкихъ интригановъ и сѣтателей смуть и беспорядковъ», которые и произвели кризисъ *безъ парламентскихъ для того оснований*, дерзнувъ взволновать Францію «въ такую минуту, когда она только-что заявила о своемъ нейтралитетѣ и нуждается въ продолжительномъ спокойствіи и безопасности.» Онъ постарался провести различіе между своимъ маршаломъ и этими его совѣтниками, убѣдившии его въ правѣ его поставить личную отвѣтственность выше министерской и которые, конечно, оставятъ его одного, если онъ этимъ своимъ поступкомъ поставитъ себя въ гибельное для себя положеніе. Личное это напоминаніе о законности старому солдату, введенному въ заблужденіе совѣтниками — пріемъ оратора весьма ловкій и обдуманннй, такъ какъ, если даже и послѣ такого послѣдняго напоминанія, Мак-Магонъ станетъ продолжать упорствовать, то передъ цѣлымъ міромъ обнаружатся высшее состояніе его интеллектуальныхъ способностей и степени его политической нравственности. Но особенной ораторской высоты достигъ Гамбетта, напоминаясь собою въ эти минуты Мирабо и Дантона, когда онъ сталъ заявлять объ единодушномъ желаніи Франціи «мирной, мудрой и прогрессивной республики» и описывать ужасъ, возбуждаемый въ народѣ «иррациональными фигурами представителей реакціи», периодически появляющимися на свѣтъ божій для захвата власти въ свои руки въ «момента роковыхъ кризисовъ». Послѣднимъ словомъ его рѣчи было то, что онъ считаетъ себя выразителемъ чувствъ національнаго сознанія, когда высказываетъ, что распущеніе палаты, вызван-

ное и задуманное людьми правительства борьбы въ ущербъ странѣ, есть, въ то же время, и «предисловіе къ вѣннѣй войнѣ».

Правне, какъ бы ослѣпленные потоками свѣта, которые трибуны бросали въ національное сознаніе, противъ своего обыкновенія слушали рѣчь Гамбетты безмолвно и по окончаніи ея тоже молчали. Они позволили себѣ только одно замѣчаніе, высказанное графомъ Дюрфоромъ де-Сивракомъ, что переходъ къ очередному порядку, предложенный лѣвыми и направленный противъ дѣйствій главы исполнительной власти, свободнаго въ выборѣ министровъ — едва ли дозволяется конституціей. Ни одного голоса не поднялось, чтобы остановить начатое по этому очередному порядку голосованіе — такъ Гамбетта успѣлъ убѣдить всѣхъ, что кризисъ произведенъ маршаломъ въ противность конституціи, и редакция этого очереднаго порядка, въ томъ видѣ, какъ она была составлена наканунѣ въ «Grand Hôtel»'ѣ, была принята 347 голосами противъ 149. Вотъ этотъ знаменательный историческій документъ дословно: «Палата депутатовъ, принимая во вниманіе, что ей, при настоящемъ кризисѣ и во исполненіе полномочій, возложенныхъ на нее страной, приходится напомнить о томъ, что преобладаніе парламентской власти, выражающейся отвѣтственностью министровъ, составляетъ первое условіе управленія страны самою страной, для каковой цѣли и существуютъ конституціонные законы — заявляетъ, что на довѣріе большинства можетъ рассчитывать только кабинетъ свободный въ своихъ дѣйствіяхъ и рѣшившійся управлять страной на основаніи точныхъ республиканскихъ принциповъ, которые одни могутъ обезпечить какъ порядокъ и благосостояніе страны внутри, такъ и вѣннѣй миръ».

Многіе честные люди и послѣ этого еще ожидали, что маршалъ одумается и что, отступивъ неосторожно отъ обязательствъ, принятыхъ имъ на себя съ 25 февраля 1875 г., онъ не пойдетъ еще далѣе, пойметъ свои настоящіе интересы, не станетъ опираться на людей 24-го мая 1873 г. и, не ставши вполнѣ Монкомъ, станетъ дѣйствовать далѣе какъ полу-Уашигтонъ. Поэтому, послѣ слухи о кабинетѣ, составленномъ изъ членовъ лѣваго центра, до тѣхъ, поръ пока 18-го вечеромъ вся публика не прочла въ «Officiel»'ѣ копию съ маршалскихъ декретовъ, которыми герцогу де-Броль назначался президентомъ совѣта и министромъ юстиціи, де-Фурту — министромъ внутреннихъ дѣлъ, псевдонимъ де-Фаллу, виконтъ де-Мо — министромъ земледѣлія и торговли, извѣстный докладчикъ комиссіи тридцати Парі — министромъ общественныхъ работъ, пользующійся такою печальною репутаціею министръ Кальйо — министромъ финансовъ, сговорчивый бонапартистъ Бронзъ, бывшій прокуроръ при Имперіи, прославившійся своими гоненіями на журналистовъ — министромъ народнаго просвѣщенія и исповѣданій, хотя, по его собственному признанію, онъ чувствуетъ себя въ такому посту «рѣшительно неспособнымъ». Генераль Берто, по слухамъ, чуть не равшій на

себѣ волосы при первомъ извѣстїи о кризисѣ, изъ опасенїи войны, въ которой, по его мнѣнїю, армія еще недостаточно подготовлена, такъ какъ ея реорганизація еще не доведена до конца—остался военнымъ министромъ, потому что герцогъ Деказъ, на отвѣтственности котораго заявленіе о положительномъ нейтралитетѣ Франціи, согласился остаться министромъ иностранныхъ дѣлъ и напечатать письмо, полученное имъ отъ маршала, въ которомъ президентъ республики заявляетъ, что присутствїе его въ новомъ кабинетѣ должно служить порукою въ томъ, что Франція намѣрена продолжать добрыя отношенїя съ иностранными державами и выражать собою твердое желанїе Мак-Магона «чтобы во внѣшней политикѣ ничто не было замѣнено». Подобный составъ кабинета не удовлетворилъ вполнѣ ни бонапартистовъ, ни легитимистовъ, которые увидали, что орлеанизмъ оттанулъ себѣ въ немъ львиную долю добычи. Чистыхъ легитимистовъ и наиболѣе вѣрныхъ сторонниковъ напн особенно раздражало то, что въ составъ новаго министерства не вошелъ Ларэнти, у котораго происходили послѣднїя совѣщанїя клерикаловъ, такъ что ранѣе даже, чѣмъ кабинетъ началъ дѣйствовать, ультрамонтаны стали требовать отъ де-Брольи опроверженїя заявленїя «Агентства Гаваса», о которомъ я уже говорилъ. Де-Брольи сталъ отрицать официальное значенїе заявленїя и утверждать, что оно не исходило изъ Елисейскаго Дворца, но ультрамонтаны опровергли его тѣмъ, что имъ было навѣрно извѣстно, что доставлено оно было Агентству однимъ изъ секретарей Мак-Магона, д'Аркуромъ. Нѣкоторымъ изъ «дѣателей борьбы» не нравилось также, что Бюффе, такъ прославившїйся своимъ паденїемъ при выборахъ, не вошелъ въ министерство. Разсказываютъ, что, когда герцогиня Маджентская увидала, что въ списокъ министровъ нѣтъ его имени, то, обратясь къ де-Брольи замѣтила: «какъ жаль, что такого превосходнаго человѣка все такъ глубоко ненавидятъ!» Ходилъ также по Парижу и отвѣтъ маршала на предложенїе ему учредить особое министерство съ знаменитымъ лионскимъ Дюкро—во главѣ. «Нѣтъ, это будетъ уже лишнее, такъ какъ я самъ—первый полицейскїй сержантъ Франціи!»

Представляя собою случайный сборъ представителей разныхъ партій, связанныхъ между собою только общемъ ненавистью къ республикѣ, новый кабинетъ не отважился явиться въ полную своимъ составъ ни въ палатѣ, ни въ сенатѣ. Де-Брольи, въ сенатѣ, и Фуру, въ палатѣ, прочли президентское посланїе, написанное подъ ихъ диктовку, и, немедленно вслѣдъ за этимъ прочтенїемъ передали декретъ маршала о закрытіи парламента до 16 іюня. Ни Беранже, который былъ уполномоченъ глѣнымъ центромъ выразить уваженїе павшему министерству, ни Жюль-Симону, имя котораго упоминалось въ посланїи и который по этому поводу желалъ сдѣлать необходимыя объясненїя, ни маркизу де-Франльѣ, который хотѣлъ потребовать отъ новаго министерства формальнаго опроверженїя противуклерикальнаго заявленїя

«Агентства Гаваса», — не удалось быть выслушанными в сенатѣ. Де-Брольи не позволилъ даже д'Одиффре Павье объяснить сенаторамъ, что, на основаніи конституціи, нельзя ни возражать противъ президентскаго посланія, ни протестовать противъ декрета о временномъ закрытіи палаты. «Никто не имѣетъ права слова! Засѣданіе закрыто!» произнесъ онъ совершеннымъ хозяиномъ. И, въ самомъ дѣлѣ, еслибы хотя кто-нибудь сталъ бы въ это время говорить по поводу посланія, то, судя по смѣху и ропоту, какими сопровождалось его чтеніе, должно было ожидать, что первое изъ предложеніе, которое могло возникнуть, дало бы въ результатѣ такое голосованіе, при которомъ правительство получило бы даже и въ сенатѣ меньшинство. Сенатское же большинство необходимо правительству, такъ какъ безъ него ему не удастся будущее распушеніе палаты.

Ненужно я думаю и рассказывать, какъ принято было республиканскимъ большинствомъ чтеніе посланія Мак-Магона де-Фурту. Даже лѣвый центръ такъ откровенно выражалъ свое недовольство, что раздражилъ этимъ знаменитаго Поля де-Кассаньяка, который закричалъ: «Смиритесь! Вы стали мятежнымъ меньшинствомъ!» на что получилъ отвѣтъ отъ непримиримаго Дипортала: «Къ поворному столбу!» За это оба депутата были призваны къ порядку. Грени не далъ права слова ни де-Мёну, ни Гамбеттѣ, за что заслужилъ рукоплесканія правыхъ, но онъ же вызвалъ и одобреніе лѣвыхъ, когда, обратясь къ нимъ, произнесъ: «Господа! надобно оставаться въ предѣлахъ законности, съ твердостью, благоразуміемъ и довѣріемъ къ будущему!» Всѣ очень хорошо поняли, что въ словахъ этихъ заключался дозвонъ для республиканскаго большинства при его будущей оппозиціи «правительству борьбы», внезапно воскресшему изъ мертвыхъ на горе Франціи.

Съ тѣхъ поръ какъ Талейранъ проговорился, что официальная рѣчь есть «искусство скрывать свои мысли», едва ли существовалъ на свѣтѣ документъ, болѣе лживый, грубый и наглый, чѣмъ президентское посланіе 18-го мая. Мак-Магонъ осмѣливается утверждать въ немъ, что, «несмотря на законное содѣйствіе, оказанное имъ двумъ министерствамъ, Дюфора и Симона, ни то, ни другое не могли добиться въ палатѣ солиднаго большинства». Поэтому-то, объясняетъ онъ: — «я не могу дѣлать ни одного шага болѣе на этомъ пути». Это всякихъ основныхъ измѣненій въ учрежденіяхъ административныхъ, судебныхъ, финансовыхъ и военныхъ онъ отчуровывается до того, что отказывается принимать въ нихъ какое-либо участіе, «даже отдаленное, даже въ будущемъ». Идеи, служащія основой всей французской демократіи и всей современной цивилизаціи, онъ считаетъ навсегда «непригодными» и заявляетъ о своемъ нежеланіи «ни производить опыта ихъ приложенія къ практикѣ, ни облегчать возможность такого опыта для тѣхъ, кто займетъ впоследствии его мѣсто». Слова эти — формальное обязательство маршала помогать де-
Т. ССXXXII. — Отд. II. 15

Бромли и Фурту «во всѣхъ путяхъ ихъ» при избирательной воле ихъ и ихъ друзей за мѣстами депутатовъ, сенаторовъ, генеральныхъ и муниципальных совѣтниковъ, и, въ случаѣ, если честолюбіе ихъ не будетъ удовлетворено—самому съ ними погибнуть. Фраза о мирѣ перенесена въ посланіе Маршала д'Эликонъ изъ письма его къ герцогу Деказу, но о противодѣйствіи ультрамонтанамъ вѣтъ и помину. Развѣ съ лупой въ рукахъ можно разглядѣть въ посланіи этомъ приглашеніе епископовъ (которые не названы) къ словесному воздержанію, такъ какъ «всякія безрассудства на словахъ и въ печати» рекомендуется французамъ сдерживать «патріотизмомъ, котораго, благодаря Бога, не лишень ни одинъ классъ гражданъ во Франціи». Для вида и, конечно, потому, что было бы еще слишкомъ рискованно говорить иначе, въ посланіи упоминается, что маршалъ не имѣетъ никакого желанія предлагать какое бы то ни было измѣненіе въ учрежденіяхъ ранѣе 1880 года; мало того: въ немъ призывается неприятный фактъ существованія республики и заявляется «твердая рѣшимость уважать и поддерживать конституцію». Основной смыслъ всего этого посланія заключается въ томъ, что маршалъ рѣшилъ приложить къ Франціи всѣ приемы, изобрѣтенные «правительствомъ борьбы», для приведенія страны въ то положеніе, какое желательно представителямъ этой системы. Въ случаѣ неудачи, маршалъ или отступится отъ своей задачи, или подвергнетъ Францію, если это будетъ для него возможно, всякимъ указаніямъ. Извлечь эту мысль изъ посланія, написаннаго сбивчиво и темно, было бы очень трудно, еслибы этому не помогли официальные откровенія, сосудами которымъ служатъ два знаменитые органа печати: «Фигаро» и «Gaulois». Три партіи, весьма мало одна другой сочувствующія, составили между собою союзъ, основаніемъ котораго—одинаковая ихъ ненависть къ республикѣ. Союзъ этотъ понимаетъ, что онъ еще недостаточно силенъ, чтобы прибѣгнуть къ прямому и насильственному ея сверженію; но участники его, несмотря на горькій опытъ трехлѣтія, увѣрены, что имъ достаточно пяти мѣсяцевъ, чтобы завоевать въ свою пользу всеобщее голосованіе. Рискнуть слѣдовало во всякомъ случаѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ (какъ это показало опыты настоящаго года, когда республиканцы оказались большинствомъ въ генеральныхъ и муниципальных совѣтахъ)—и въ сенатѣ въ 1879 году оказалось бы республиканское большинство, такъ что ревизія конституціи 1880 г. привела бы только къ окончательному утвержденію прогрессивной республики. Конечно, Мак-Магонъ, лично, при такихъ министрахъ, какъ Жюль-Симонъ или ему подобные, мирно провелъ бы свое семилѣтіе, при всеобщемъ уваженіи и даже, еслибн за это время выказалъ готовность дать частное удовлетвореніе желаніямъ страны и общественнаго мнѣнія, то могъ бы быть снова переизбраннымъ на дальнѣйшій срокъ и умереть, можетъ быть, даже со славой—но что бы было тогда съ избирателями этого нагѣстника Тьера? И вотъ они, ради соб-

ственной спасеніи, рѣшились пожертвовать его будущностью или, по меньшей мѣрѣ, его скомпрометтировать. Такой способъ дѣйствій съ ихъ стороны и естественъ, и весьма понятенъ. Но какъ самъ маршалъ не видитъ, какую печальную роль принялъ онъ на себя! Въ случаѣ неудачи, они всё разсытятся и исчезнутъ — и Мак-Магонъ останется одинъ, раздавленный отвѣтственностью, принятою имъ на себя за ихъ дѣйствія.

Тотчасъ вслѣдъ за прочтеніемъ декрета о закрытіи палаты, лѣвые сошлись въ общее собраніе. Чтобы доказать, что всѣ республиканцы составили изъ себя общій и неразрушимый союзъ на защиту угрожаемой республики, непримиримый Луи-Бланъ занялъ въ бюро мѣсто рядомъ съ бывшимъ министромъ де-Марсёромъ, котораго выбрали въ председатели. Гамбетта, съ обычнымъ своимъ жаромъ и краснорѣчіемъ, заклеилъ на собраніи жалкихъ исцелителей приключеній, подвергнувшихъ, ради своего честолюбія Францію, всякимъ опасностямъ въ критическое время, переживаемое Европой, и съ изумительною ясностью опредѣлилъ, въ чемъ должны состоять въ настоящую минуту обязанности народныхъ представителей въ борьбѣ съ тѣмъ, «кто упорствуетъ въ достиженіи преступныхъ цѣлей во что бы то ни стало». Онъ доказалъ, что распушеніе палаты—неизбѣжно и что республиканцы, помогая его осуществленію, болѣе выиграютъ, тѣмъ проиграютъ. Напомнивъ собранію, что, при распушеніи палаты Карломъ X, новые выборы дали 221 депутата, которые ниспровергли монархію 1830 года, онъ заявилъ полную увѣренность, что новое всеобщее голосованіе, подобно океану, смоетъ всѣ осколки старыхъ партій. Послѣ этой рѣчи, въ собраніи былъ составленъ и подписанъ «Манифестъ депутатовъ къ націи». Какъ всякое коллективное заявленіе, манифестъ этотъ написанъ въ крайне умѣренномъ тонѣ, но въ немъ ясно изложено все, что слѣдуетъ знать странѣ и что должно быть принято ею въ руководство при будущихъ выборахъ. Въ немъ заявлено, что палата закрыта для того, что «правительству борьбы» необходимо добиться отъ сената декрета объ ея распушеніи. Низвергнутому кабинету отдается должный почетъ и ставится на видъ, что «онъ ни при одномъ голосованіи не терялъ большинства». Напоминавъ публикѣ о томъ, что всеобщее голосованіе 1875 года дало своимъ результатомъ санкцію республикѣ, депутаты выражаютъ увѣренность, что тотъ же результатъ, но только съ большимъ блескомъ, дастъ и новое къ нему обращеніе, для чего рекомендуютъ выказать и на этотъ разъ свое «терпѣливое хладнокровіе и твердую рѣшимость—не допустить, чтобы несправедливое меньшинство могло вырвать изъ рукъ страны управленіе ея самою собою». Отвѣтственность за нарушеніе хозяйственныхъ интересовъ страны, за невозможность, можетъ быть, осуществленія выставки въ 1878 году, за усиленіе всякихъ затрудненій въ сношеніяхъ съ другими государствами—должно нести, по словамъ манифеста, это же честолюбивое меньшинство.

*

Кончается манифестъ такими словами: «Черезъ пять мѣсяцевъ, самое большое, Франція снова получитъ право слова. Мы считаемъ за достовѣрное, что она не встанетъ въ противорѣчїе сама съ собою. Изъ урнъ народнаго голосованія возродится снова республика, но уже болѣе сильная, чѣмъ прежде. Партии прошлаго будутъ окончательно побѣждены, и Франція получитъ возможность смотрѣть на будущее съ довѣріемъ и радостью». Въ первоначальной редакціи была еще одна фраза: «Мы расходимся—депутатами, вновь же соберемся—судьями», но ее порѣшили выпустить, чтобы не запугать чистыхъ конституціонистовъ. За исключеніемъ Матъё-Бодэ и Дютелля—ревностныхъ партизановъ маршала, дѣйствительно, всѣ члены этой группы подписали виѣсть съ 4-мя фракціями лѣвой этотъ манифестъ, что позволило собрать громадное число подписей, а именно, 361 изъ общаго числа пятисотъ съ чѣмъ-то депутатовъ. Манифестъ подписали, какъ депутатъ, и Тьеръ и бывший полицейскій префектъ Леонъ Рено, чтобы показать, что онъ искренно обратился изъ орлеанста въ республиканца.

Въ то же время, когда этотъ манифестъ подписывался въ Hôtel de Resevoyitz, въ одномъ изъ бюро сената происходило общее собраніе трехъ лѣвыхъ сената. Викторъ Гюго произнесъ горячую рѣчь противъ «правительства, объявившаго Франціи войну», и совѣтовалъ ему прочесть текстъ конституціи, въ которомъ «оно могло бы найти весьма важныя статьи, навлекающія на него весьма сильную отвѣтственность». Послѣ этого, была составлена и «декларация республиканскихъ сенаторовъ». Она короче, но сильнѣе манифеста лѣвыхъ палаты. Вся она составляетъ протестъ противъ запрещенія всякаго обсужденія общественныхъ дѣлъ и конфискаціи свободы трибуны, такъ же, какъ и противъ кризиса, «произведеннаго безо всякихъ основаній и дающаго право на всякія сомнѣнія». Въ видахъ успокоенія страны, въ деклараціи заявляется «твердая увѣренность, что сенатъ не присоединится ни къ какому плану, цѣлю котораго будетъ уничтоженіе республиканскихъ учрежденій».

Подъ деклараціей находится 109 подписей. Сложивъ послѣднее число съ числомъ подписей манифеста, получимъ 470—цифру большинства, какая получилась бы противу остальныхъ 300 сенаторовъ и депутатовъ на конгрессѣ изъ соединенныхъ сената и палаты депутатовъ—еслибы таковой конгрессъ понадобился для обсужденія выхода въ отставку Мак-Магона, назначенія ему намѣстника или даже для ревизіи конституціи раньше 1880 года.

Такой конгрессъ можетъ состояться 17-го іюня, если къ этому времени правительство не сочтетъ себя довольно сильнымъ для произведенія внезапнаго государственнаго переворота, такъ какъ новая отсрочка засѣданій палаты не можетъ, кажется, состояться безъ того, чтобы въ немъ, при открытіи его, не состоялось бы хотя одного голосованія, и весьма можетъ случиться, что сенатъ,

которому послѣ этого голосованія будетъ предложено распущеніе палаты—на такое распущеніе не дастъ своего согласія.

Можетъ, впрочемъ, быть и такъ, что въ сенатѣ, благодаря трудности около двадцати членовъ лѣваго центра, въ числѣ которыхъ, къ сожалѣнію, и извѣстный либераль Лабурэ, который, изъ-за опасенія испортить дипломатическую карьеру своего сына, не рѣшился подписать деклараціи—образуется за распущеніе большинство голосовъ въ 10. Но для этого надобно, чтобы министерство до 16-го іюня сумѣло какъ-нибудь удовлетворить честолюбію всѣхъ трехъ партій, составившихъ коалицію, а нѣкоторыхъ сенаторовъ, если таковые найдутся, даже и просто подкупить деньгами. Но это пока еще въ будущемъ—до сихъ поръ еще никто изъ союзниковъ вполне неудовлетворенъ. Такъ, легитимисты, въ виду того, что герцогъ Деказъ не только сохранилъ противоклерикальный образъ дѣйствій во внѣшней политикѣ, но будетъ обязанъ еще, кажется, его усилить, печатно заявили, что они «будутъ сохранять строго-выжидательное положеніе» въ отношеніи къ новому кабинету. Бонапартисты насколько не интересуются новыми выборами, такъ какъ они не будутъ происходить послѣ какаго-нибудь ихъ coup de force—и исключительно въ ихъ пользу. Интимные же друзья Мак-Магона, по попыткамъ нѣкоторыхъ орлеанистовъ добиться въ Фрошдорфѣ отреченія въ пользу Луи Филиппа II, начинаютъ догадываться, что де-Брольи хлопочетъ о чемъ-то помимо усиленія власти маршала. Короче, подъ явнымъ крикомъ скрывается какой-то иной, сокровенный, и разладъ въ коалиціи, пока незначительный, можетъ въ 16-му іюня разгорѣться до весьма значительныхъ размѣровъ.

Кромѣ того, нельзя не замѣчать, что и внѣшнія дѣла Франціи могутъ принять дурной оборотъ. Въ средѣ всѣхъ монархическихъ партій, участвующихъ въ кризисѣ, не мало людей, желающихъ войны во что бы то ни стало и рассуждающихъ такимъ образомъ, что, какъ бы ни былъ неудаченъ ея исходъ—она все-таки уничтожитъ республику, а имъ, вѣдь, этого только и надо. Чувствуя за собою кое-какіе грѣшки за послѣднюю войну, самъ маршалъ не прочь былъ бы повоевать, чтобы заставить забыть хотъ Седанъ; кромѣ того, его можно такъ настроить, что «ловко подготовленный къ войнѣ, онъ съ радостью возьмется за роль спасителя отечества и религіи», а герцогиня Маджентская, при помощи духовнаго краснорѣчія, сумѣетъ его убѣдить, что это сдѣлаетъ его даже новою орлеанскою дѣвою—мужскаго, разумѣется, пола... Въ «Gaulois» было уже, между прочимъ, заявлено о какомъ то въ тайнѣ подготовленномъ соглашеніи между Англійей, Австріей, Бельгіей и Франціей. Хотя это извѣстіе и было тотчасъ же опровергнуто «Фигаро», но самая эта послѣдность показалась публикѣ подозрительною. Подобные слухи, правда, стали нѣсколько стихать съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстно, что вся Европа отнеслась съ осужденіемъ къ печальной продѣл-

въ 16-го мая. Но, съ другой стороны, извѣстно, что между Елисейскимъ Дворцомъ и Ватиканомъ завязалась дѣятельная переписка и что папа рекомендовалъ епископамъ быть нѣсколько поскромнѣе въ своей агитаціи, чтобы этимъ не помѣшать полезной дѣятельности новаго кабинета. Между тѣмъ, этотъ кабинетъ былъ уже вынужденъ къ шагу, для ультрамонтановъ до нельзя неприятному — къ высылкѣ изъ предѣловъ Франціи Дон-Карлоса, какъ говорятъ, по настоянію короля Альфонса, побужденнаго къ этому Германіей. Недовольство это полезное, такъ какъ можетъ помѣшать «правительству борьбы» ввязаться въ войну по поводу восточнаго вопроса, противъ желанія цѣлой націи, успѣвшей уже заявить, что она нуждается въ мирѣ и нейтралитетѣ.

Въ провинціяхъ продѣлка Мак-Магона, мотивы которой для большинства непонятны, встрѣтила повсюдно осужденіе. Неожиданное воскресеніе изъ мертвыхъ «правительства борьбы» встрѣчено всѣми классами населенія съ нескрываемымъ отвращеніемъ. Перетасовка сразу 80 префектовъ—это мастерской фокусъ де-Фурту—впрочемъ, мало кого испугалъ; причиною этого—недостатокъ довѣрія къ продолжительности существованія новаго министерства. Довольно того, что въ средѣ самихъ избранниковъ Фурту нашлось 8 человекъ, отказавшихся занять мѣста, на которые они предназначались—и это въ странѣ, гдѣ въ средѣ управляющихъ классовъ погоня за мѣстами и разшитой золотомъ одеждою составляетъ чуть ли не повальный недугъ! Еслибы распушеніе палаты произошло теперь же, то можно поручиться, что, кромѣ того, что всѣ 361 депутатъ, подписавшіе манифестъ, были бы снова выбраны, но что въ палату не прошло бы болѣе 10 ти роллистовъ и клерикаловъ, а бонапартистамъ пришлось бы надѣть маску свободныхъ мыслителей, чтобы сохранить за собою хотя половину нынѣ занимаемыхъ ими мѣсть. Начиная отъ негодяитовъ, дѣла которыхъ пострадали отъ переворота, до земледѣльцевъ, небогачихъ, чтобы ихъ тревожили во время жатвы, вся масса населенія недовольна, и что изумительно, въ то же время совершенно спокойна. Последнее происходитъ отъ того, что народъ уже достаточно ознакомился съ системою «нравственнаго порядка», понялъ невозможность для него прочности и увѣренъ, что новое всеобщее голосованіе смететъ его съ лица Франціи. Опытъ 1873—1875 годовъ былъ достаточно тяжелъ и продолжителенъ, чтобы могъ пройти безслѣдно. Какъ ни вызывали за это время монархисты смуты въ населеніяхъ, чтобы имѣть возможность показать массамъ реальнымъ призракъ анархіи, всѣ ихъ усилія пропали даромъ, и народъ потерялъ къ ихъ словамъ довѣріе. Теперь уже этимъ господамъ не удастся вызвать бурныхъ сходовъ ни въ Ліонѣ, ни въ Марсели, чтобы имѣть предлогъ къ объявленію провинцій въ осадномъ положеніи. Выпустить же бѣлые блузы въ самомъ Парижѣ—для нихъ немисленно такъ какъ по новымъ законамъ, въ случаѣ объявленія Парижа въ осад-

номъ положеніи, вслѣдое пріостановленіе засѣданій палаты прекращается, и она можетъ своею собственною властью снова открыть свои засѣданія. Для произведенія государственнаго переворота въ наполеоновскомъ жанрѣ существуютъ также нѣкоторыя прелатствія, о которыхъ я неоднократно упоминалъ уже въ своихъ корреспонденціяхъ, и, главнѣйшимъ образомъ, законъ Тревенёка, въ силу котораго генеральные совѣты имѣютъ право временно преобразовываться въ національное собраніе, взамѣнъ распущенной палаты. Благодаря этому закону, еслибы государственный переворотъ въ Парижѣ и удался, то онъ встрѣтилъ бы легальное сопротивленіе въ остальной Франціи. Но и въ самомъ Парижѣ теперь не такъ-то легко побудить войско къ дѣйствіямъ въ духѣ 2-го декабря. 16-го и 17-го мая, многіе изъ генераловъ, съ которыми Тьеръ вошелъ въ сношенія въ качествѣ председателя коммисіи о срокахъ военной службы, поспѣшили къ «маленькому буржуа» съ заявленіями, что они, въ случаѣ покушенія исполнительной власти на общественный порядокъ, ни въ какомъ случаѣ не позволятъ себѣ ей въ этомъ помогать. Въ числѣ этихъ генераловъ—двое командующихъ корпусами войскъ, въ Парижѣ расположенныхъ. Мало того—этому я даже и самъ не повѣрилъ бы, еслибы не зналъ навѣрное, знаменитый маркизъ Галиффѣ, прославившійся своею кровожадностью въ преслѣдованіи коммуналистовъ, писалъ къ одному изъ вице-президентовъ сената, что онъ «никогда не обнажитъ своей сабли для торжества духовенства!»

Всѣ такіа обстояательства вполнѣ объясняютъ, почему Мак-Магонъ съ самаго начала затѣяннаго имъ кризиса обрѣтается, такъ сказать, въ меланхоліи и весьма сухъ и придиричивъ въ сношеніяхъ съ своими новыми министрами и секретарями. Чиновники одного изъ навшихъ министровъ, очищая отъ его бумагъ одно присутственное мѣсто, гдѣ въ то время находился маршалъ, слышали, какъ онъ, въ отвѣтъ на какое-то обращеніе къ нему одного изъ министровъ, жолчно отвѣтилъ ему: «Вы меня впутали сами—что же васъ удивляетъ, что я запутанъ?»...

Я не позволю себѣ еще выводить никакого окончательнаго заключенія изъ настоящаго кризиса. Будущій мѣсяцъ все разъяснитъ. Парижане не выказали никакой боязни и пока еще только громко осмѣиваютъ его героевъ. Печать, и даже наиболѣе серьезныя ея органы, какъ «Temps», «Journal des Débats» и т. д., также смотрятъ на него насмѣшливо и рѣшительно впади въ тонъ «Chagivagi». Но, вмѣстѣ съ этимъ, серьезные люди глубоко понимаютъ, что, при разыгрываемой передъ глазами нашими комедіи, дѣло идетъ не только объ одной внѣшней формѣ республики, но на карту поставлено спасеніе или гибель Франціи. Я, лично, боюсь весьма многого, но, зная исторію моего отечества и вѣруя въ него, надѣюсь еще большаго.

III.

Бѣглый взглядъ на новости неполитическаго характера.—Художественная выставка 1877 года.—«Искусство быть дѣдушкою», новое произведеніе Виктора Гюго.—«Жанъ д'Асье», Шарль Ломона на сценѣ театра Французской Комедіи.—«Король Лагора», опера Массена.

Май, ознаменованнѣйшійся такими знаменательными событіями въ политической жизни Франціи, былъ въ то же время богатъ литературными, художественными и театральными новостями. Считаю необходимымъ передать въ нѣсколькихъ словахъ хотя о знаменательнѣйшихъ изъ нихъ, не оставляя этого до будущаго мѣсяца, когда, вѣроятно, въ виду имѣющихъ произойти политическихъ событій, мнѣ будетъ не до нихъ.

1-го мая, по обыкновенію, въ Елисейскихъ Поляхъ открылась ежегодная выставка художественныхъ произведеній. Она очень богата по числу выставленныхъ предметовъ, которыхъ даже болѣе, чѣмъ на прошлогодней, и весьма посредственна по качеству этихъ произведеній. Причина послѣдняго ясна. Наши лучшіе художники, скульпторы, архитекторы и гравѣры заняты тѣми работами, которые начаты ими для всемірной выставки 1878 года, почему на настоящую выставили только то, чему они сами, вѣроятно, не придаютъ первостепеннаго значенія. Скульптурный отдѣлъ, не представляя ни одного особенно выдающагося произведенія, вообще говоря, лучше остальныхъ, что зависитъ отъ того, что высшая обработка и вообще техника скульптуры доведена у насъ за послѣднее время до высокой степени совершенства. Въ отдѣлѣ живописи преобладаютъ пейзажная и портретная, отличающаяся такою же выработкою техники. Жанровъ мало, и они въ настоящемъ году какъ-то особенно неудачны какъ по сюжетамъ, такъ и по исполненію. Выборъ сюжетовъ показываетъ отсутствіе мысли, исполненіе или небрежное и аляповатое, или слишкомъ рабски-реальное, а потому производящее непріятное впечатлѣніе. Картины религіознаго содержанія очень мало, и всѣ онѣ весьма плохи, чему и быть слѣдуетъ вслѣдствіе того, что огонь, одушевлявшій прежнія произведенія старыхъ мастеровъ этого рода живописи, не согрѣваетъ уже современныхъ художниковъ, берущихся за религіозные сюжеты, но болѣе части потому только, что на нихъ, не переведши еще окончательно покупателей. Я думаю, что всѣ картины этого рода можно было бы даже называть уже не просто религіозною живописью, а продажно-религіозною. Собственно говоря, на всей настоящей выставкѣ находится только одно произведеніе, дѣйствительно, выходящее изъ ряда и превосходное, это—портретъ Тьера, писанный Бонна. Съ перваго же дня открытія выставки, портретъ этотъ какъ необычайнымъ сходствомъ съ «малель-

книж буржуа», такъ и изумительнымъ совершенствомъ выполненія, обратилъ на себя общее вниманіе и заслужилъ пальму первенства передъ всѣми выставленными картинами, но, послѣ 16-го мая, онъ сдѣлался предметомъ общаго любопытства, какъ получившій политическое значеніе. Публика тѣснится ежедневно передъ нимъ цѣлыми массами и, сравнивая интеллигентную внѣшность «освободителя территоріи» съ ничемъ невыражающею и казенною физиономіею Мак-Магона, портретъ котораго находится тутъ же по близости, невольно приходитъ къ выводамъ, не особенно благоприятнымъ для послѣдняго, общій смыслъ которыхъ, конечно—недоумѣніе; какимъ образомъ Франція могла свергнуть перваго, чтобы поставить на его мѣсто второго? Впрочемъ, въ этомъ случаѣ, и самъ «маленькій буржуа» значительно виноватъ: не даромъ ему приписываютъ слова, будто бы произнесенныя имъ на дняхъ въ одномъ обществѣ: «Я вижу, что я сдѣлалъ огромную ошибку тѣмъ, что позволялъ себѣ вытащить честную шпагу изъ седанской грязи».

«Искусство быть дѣдушкой» Виктора Гюго—было бы самымъ значительнымъ поэтическимъ событіемъ настоящаго года, подобно тому какъ «l'Assomoir» Золя былъ признанъ важнѣйшимъ событіемъ литературнымъ, еслибы знамоу Гюго не издалъ второй серіи своей «Легенды вълюбъ». «Легенды» затмили «Искусство», хотя и въ послѣднемъ не мало стихотвореній, исполненныхъ высокихъ поэтическихъ достоинствъ, не говоря уже о формѣ, замѣчательной гармоничностью, энергіей и изяществомъ стиха. Въ «Искусствѣ» много стихотвореній, носящихъ слишкомъ интимный характеръ и которыя поэтому не могутъ многимъ нравиться, но за то много и такихъ, которыя одинаково понравятся и дѣтамъ, и взрослымъ. Въ ней найдете все отъ эпической поэмы до дѣтской пѣсенки. Вообще, Гюго въ новомъ своемъ произведеніи, поражаетъ избыткомъ сохраненнаго имъ юношескаго огня и свѣжести вдохновеній. Нѣкоторыя стихотворенія производятъ просто чарующее впечатлѣніе.

Мнѣ очень досадно, что я не могу, по недостатку мѣста, представить вамъ подробный разборъ новой пьесы молодого писателя Шарля Ломона (ему нѣтъ еще 25 лѣтъ), съ которою онъ выступилъ впервые передъ публикою на сценѣ театра Французской Комедіи. Пьеса эта «Жанъ д'Асье», драма въ стихахъ, въ 5-ти актахъ—и имѣла громаднѣйшій успѣхъ, исполнѣ ею заслуженный, такъ какъ давно уже на нашихъ сценахъ не являлось драматическихъ произведеній, которыя соединяли бы въ себѣ столько литературныхъ достоинствъ. Въ упрекъ автору можно поставить развѣ только то, что онъ еще неполнѣ владѣетъ знаніемъ сцены и что нѣкоторыя мѣста его пьесы напоминаютъ «Шарлоту Кордэ» и «Влюбленнаго Льва» Понсара. Дѣйствіе ея происходитъ въ эпоху первой французской революціи; все дѣло въ ней идетъ о справедливой борьбѣ права съ привилегіей, и какъ фабула, такъ и коллизіи между дѣйствующими лицами, при-

думаны и проведены мастерски. Стихи, которыми она написана, весьма хороши, а мѣстами — глубоко-поэтичны. Высота замысла и любовь къ свободѣ, которую проникнута вся пьеса — доставили молодому автору честь ожесточенныхъ нападокъ всей влержальной и пресмыкающейся печати, а вмѣстѣ съ тѣмъ и такихъ горячихъ почитателей, которые уже и теперь предвидятъ въ Шарль Ломонъ — будущую гордость французскаго театра.

На представленіяхъ театра Французской Комедіи издавна, по вторникамъ, собирается весь цѣвъ «управляющихъ классовъ» и орлеанизма. Орлеанисты особенно привыкли къ этимъ вторникамъ. Театръ Французской Комедіи, былъ нѣкогда привилегированнымъ театромъ ихъ короля и вполне моднымъ театромъ, такъ какъ чуть-ли не всѣ члены орлеанскаго дома выбрали себѣ любовницъ изъ среды актрисъ этого театра. Въ первый же вторникъ, вслѣдъ за появленіемъ на сценѣ «Жана д'Асье», въ театрѣ собрались, по обыкновенію, всѣ его аристократическіе завсегдатаи и вся ветошь изъ Сен-Жерменскаго Предмѣстья и предмѣстья Сент-Оноре. «Вольности» новой драмы пришлось весьма не по сердцу этой публикѣ, и она гнѣвно перестала слушать пьесу и начала шумно разговаривать. Демократическая публика партера сначала не обращала на это вниманія, но, когда въ пьесѣ дѣло дошло до великолѣпной сцены, въ которой двое изъ дѣйствующихъ лицъ, д'Асье, приговоренный къ разстрѣлянню, и другъ его — представитель народа Берто, вынужденный провинности его осужденіе — говорятъ между собою о великой будущности свободной Франціи, весь партеръ единодушными свистками заставилъ замолчать шумѣвшихъ зрителей. Орлеанисты, удивленные такимъ пассажемъ, тотчасъ же разѣхались изъ театра и въ слѣдующій вторникъ для нихъ «Жанъ д'Асье» уже былъ замѣненъ другою пьесою.

Новое правительство послѣ 16-го мая уже дѣлало попытки къ запрещенію пьесы, но пока оно еще не можетъ найти для этого вполне благовиднаго предлога, и успѣхъ «Жана д'Асье» растетъ съ каждымъ представленіемъ. Молодежь нарочно собирается въ театрѣ, чтобы громкими рукоплесканіями подчеркивать каждое слово пьесы, дающее поводъ къ сопоставленіямъ съ настоящимъ порядкомъ дѣлъ во Франціи. Благодаря 16 мая, такихъ словъ, даже и помимо желанія автора, оказалось въ пьесѣ великое множество...

Национальная академія музыки тоже отличилась въ этомъ мѣсяцѣ постановкою оперы Массенэ «Король Лагора». Оперу эту также можно назвать первостепеннымъ музыкальнымъ произведеніемъ, хотя, при исполненіи своемъ, она и не имѣла такого блестятельнаго успѣха, какъ драма Ломона. Причиною этому главнѣйше — неудачное либретто, заимствованное изъ индійской легенды и дѣйствіе которой происходитъ на половину на землѣ, а на-половину — въ раю. Интрига этого либретто не обладаетъ ни малѣйшимъ интересомъ и «Король Лагора» — вообще

представлять собою какую-то полудраму и полусказку. Несмотря, однако, на такіе недостатки либретто, молодой композиторъ обработалъ его съ взымательнымъ мастерствомъ и добросовѣстностью и, помимо блестящихъ симфоническихъ страницъ, сумѣлъ написать на него вообще чрезвычайно эффектную и драматическую музыку, что и было сразу оцѣнено всѣми ея серьезными знатоками. Должно думать, что самъ Вагнеръ, несмотря на всю свою галлофобію, навѣрпе сталъ бы рукоплескать весьма многимъ мѣстамъ оперы. Вообще, первымъ своимъ произведеніемъ Массенэ сразу доказалъ, что онъ, какъ композиторъ, стоитъ на высотѣ современныхъ требованій отъ музыкальнаго искусства и, если попадетъ на такія либретто, на какія писалъ Мейерберъ, то, вѣроятно, напишетъ оперу, не уступающую произведеніямъ послѣдняго. Старѣющій Гуно имѣетъ въ немъ положительно себѣ наследника, сравниваемаго съ нимъ по знанію музыки и даже превосшедшаго его по широтѣ и выдержанности вдохновеній. «Король Лагора» отлично поставленъ на сцену и былъ весьма хорошо исполненъ оркестромъ, сила котораго была приноровлена въ громаднымъ средствамъ зала, въ разнѣбрахъ до сихъ поръ еще небывалыхъ. Хоры были посредственны, но исполнители-солисты, за исключеніемъ одного баритона Лассала, весьма неудовлетворительны; и, даже сама знаменитая Решкѣ, на представленіи, которое я слушалъ, детонировала безпрестанно и самымъ безбожнымъ образомъ.

Парижъ, 1-го Іюня 1877 года.

Людвигъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи. *II. А. Соколовскаго.* Спб. 1877.

Около двадцати лѣтъ тому назадъ, вопросъ о происхожденіи и историческихъ судьбахъ нашей сельской общины былъ предметомъ оживленнаго спора между двумя историческими школами, представителями которыхъ выступили гг. Бѣляевъ и Чичеринъ. Споръ этотъ, бывши отголоскомъ сильнаго интереса, возбужденнаго въ обществѣ къ этой формѣ землевладѣнія, окончился, какъ извѣстно, безъ рѣшительнаго перевѣса той или другой стороны, главнымъ образомъ, вслѣдствіе недостаточности данныхъ, находившихся въ рукахъ изслѣдователей. Вопросъ о сельской общинѣ не пересталъ и понынѣ интересоватъ общество; въ послѣднее время, онъ еще болѣе оживился, благодаря новымъ даннымъ, которыя представились для его разъясненія: масса фактовъ

и наблюдений относительно общины современной собрана правительственными комиссиями; съ другой стороны, огромное пособие для болѣе правильной постановки общаго теоретическаго и историческаго вопроса объ общинномъ вопросѣ представили труды новой историко-сравнительной школы юристовъ и экономистовъ за-ида. Труды эти показали, вмѣстѣ съ тѣмъ, какую важность имѣть въ данномъ случаѣ историческое изученіе предмета и какъ тѣсно связывается оно съ потребностями самой жизни. Все это должно бы, повидному, поощрять нашихъ ученыхъ на новую историческую разработку вопроса о русской общинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно найти другую болѣе благодарную тему для изслѣдованія: на ней, какъ въ фокусѣ, сходятся и требованія, выдвигаемыя жизнью, и требованія науки не только русской, но и общеευропейской. Ни въ одной европейской странѣ первобытные принципы земледѣнія не сохранились съ такою чистотою и такъ долго, какъ въ нашемъ отечествѣ; поэтому правдивое возстановленіе историческихъ судьбъ русской общины несомнѣнно способствовало бы разъясненію многихъ темныхъ вопросовъ въ исторіи земледѣнія вообще.

Но, несмотря на всю настоятельную потребность въ научныхъ работахъ въ названномъ направленіи, мы до крайности бѣдны ими, и до сихъ поръ еще, по справедливому замѣчанію г. Соколовскаго, «въ области исторіи нѣтъ ни одного вопроса, который былъ бы такъ мало разъясненъ, какъ вопросъ о происхожденіи и развитіи нашей общины».

Книга г. Соколовскаго имѣетъ цѣлью пополнить отчасти этотъ недостатокъ. Г. Соколовскій не задается, впрочемъ, вопросомъ объ историческихъ судьбахъ русской общины вообще, а ограничиваетъ районъ своего изслѣдованія только сѣвѣрною полосою Россіи, входившей прежде въ составъ новгородскихъ владѣній. При этомъ, г. Соколовскій представляетъ и общій очеркъ быта древнаго сѣвѣрнаго крестьянства, преимущественно съ экономической стороны.

Постараемся дать въ нѣсколькихъ словахъ отчетъ о содержаніи этого интереснаго труда. «Для того, чтобы характеризовать экономическій бытъ народа въ какую либо эпоху, говоритъ г. Соколовскій:—необходимо, главнымъ образомъ, показать: 1) величину той доли продукта земледѣльческаго труда, которая идетъ на удовлетвореніе потребностей самихъ земледѣльцевъ, а также отношеніе этой доли къ количеству продукта, потребляемаго классами неучаствующими въ производствѣ, и 2) способъ распределенія труда и продукта между самими производителями». Въ книгѣ своей, г. Соколовскій дѣлаетъ попытку отвѣтить на оба эти вопроса для новгородской области. Для періода времени до конца XV вѣка онъ ограничивается лишь бѣглымъ очеркомъ н-ловій земледѣльческаго быта.

Подробное изслѣдованіе г. Соколовскій начинаетъ только съ этой эпохи, для характеристики которой онъ воспользовался бо-

гатымъ матеріаломъ, представляемымъ писцовыми книгами. Писцовыя книги, какъ извѣстно, суть подворныя описи крестьянскихъ хозяйствъ, производившіяся періодически правительствомъ, для опредѣленія ихъ доходности и платежной силы. На основаніи данныхъ, заключающихся въ этомъ драгоценномъ источникѣ, г. Соколовскій восстанавливаетъ въ общихъ чертахъ картину быта землевладѣльцевъ новгородскаго края XV и XVI ст. Выяснивъ первоначально тѣ разряды, на которые распадалось новгородское крестьянство, онъ изслѣдуетъ обстоятельно вопросъ о размѣрахъ крестьянскаго землевладѣнія, о платежахъ и повинностяхъ, упадающихъ на каждый изъ помннутыхъ разрядовъ крестьянъ, и приводитъ, наконецъ, примѣрный бюджетъ крестьянина XVI в., средней зажиточности. Въ результатъ своего анализа, г. Соколовскій приходитъ къ слѣдующему выводу: «Смѣшно было бы, замѣчаетъ онъ: — говорить о блаженствѣ новгородскаго крестьянина, когда хлѣба хватало въ обрѣзъ лишь на удовлетвореніе самыхъ первыхъ потребностей, когда, за невозможностью сдѣлать запасы, неурожаи производили страшные голода въ родѣ того, какой свирѣпствовалъ въ 1420 году, который былъ слѣдствиемъ три дня шедшаго снѣга; когда грабежи разныхъ нахаловъ могли отнять послѣдній кусокъ хлѣба: но это было далеко не бѣдствующее населеніе, не итѣвшее, во всякомъ случаѣ, ни малѣйшаго скотства съ его теперешними потомками. Страна была, по выраженію одного современника, «и хлѣба, и скоты велики, и дѣнь, и жельво добро»; крестьянинъ имѣлъ возможность жить своимъ трудомъ, не прибѣгая къ займамъ у кулаковъ, не перебѣгая съ мѣста на мѣсто, какъ впоследствии, не скитаясь по фабрикамъ и отхожимъ промысламъ. Въ эту пору, не рѣдкость — случаи, что крестьяне жили на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Если и бывали переходы, то лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и, при томъ, обыкновенно въ ближайшія деревни. Какую мѣстность мы ни станемъ изслѣдовать, вездѣ найдемъ густое усѣвшееся населеніе, дѣятельно занятое разработкою естественныхъ богатствъ страны, почвы, рыбныхъ ловель, рудъ и проч. (38—39).

Таково было экономическое положеніе сѣвернаго крестьянства тотчасъ послѣ завоеванія Новгорода. Далеко не въ томъ видѣ представлялось оно чрезъ столѣтіе московскаго владычества, въ восьмидесятихъ годахъ XVI вѣка. Изобразивъ картину всеобщаго паденія и запустѣнія хозяйства крестьянъ этой эпохи, г. Соколовскій задается вопросомъ: какими причинами вызвано было это паденіе и находитъ эти причины въ соединенномъ дѣйствіи фискальныхъ поборовъ и требованій землевладѣльцевъ. «Ни войны, ни физическія бѣдствія не могли бы произвести такого опустошенія, еслибы не дѣйствовали съ такимъ постоянствомъ обѣ указанныя причины. Возвышеніе ноборовъ было неизбѣжнымъ слѣдствиемъ развитія потребностей правительства, которое заводило постоянныя войска, строило крѣпости, вело войны и т. д., и (зе-

землеуладѣльцевъ, начинавшихъ усваивать себѣ привычки вольскихъ магнатовъ и шляхты. Потому-то оно и совершалось такъ систематически». Разрушеніе крестьянства вызвало усиленіе побѣги и постоянное передвиженіе населенія, прежде осѣдаю; чтобы положить конецъ этому передвиженію, правительству побѣгло, какъ извѣстно, въ закрѣпощенію крестьянъ. На этомъ моментѣ г. Соколовскій оканчиваетъ общій историческій очеркъ судьбы сѣвернаго крестьянства, имѣвшій цѣлью отвѣтить на первый изъ поставленныхъ имъ вопросовъ—о томъ количествѣ продукта, которое приходилось на долю земледѣльческихъ классовъ, и переходить къ изслѣдованію второго вопроса о самой организаціи землеуладѣнія и земледѣльческаго труда.

Сводя тѣ данныя, которыя заключаются по этому предмету въ историческихъ памятникахъ, г. Соколовскій приходитъ къ выводу, что общинная система была, въ VХ и VХI вѣкахъ, преобладающею формою крестьянскаго землеуладѣнія. Онъ отличаетъ при этомъ два главные типа общины: одинъ древнѣйшій типъ общины *волости*, когда въ нераздѣльномъ пользованіи находились земли нѣсколькихъ деревень, и другой—болѣе поздній типъ общины *деревни*, или собственно сельской общины. Волостныя общины находились уже въ XVI вѣкѣ въ процессѣ разрушенія: онѣ сохранились въ полности только на сѣверѣ Россіи, да кое-гдѣ остались нѣкоторые ихъ слѣды въ формѣ совмѣстнаго пользованія нѣсколькихъ деревень угодьями и т. п. Что касается сельской общины, выдѣлившейся, по всей вѣроятности, въ первобытной—волостной, то, въ *поземельномъ* отношеніи, община эта представляла, въ главныхъ чертахъ, тотъ же видъ, который она имѣетъ и теперь. Единственное крупное измѣненіе, которое внесла послѣдующая исторія въ сельскую общину, это—загнѣтъ прежней единицы распредѣленія, двора, новою—ревизскою душю. Невыгодныя послѣдствія этой перемѣны для земледѣлія извѣстны. Установивъ такимъ образомъ древность происхожденія общины и привада нѣсколько современныхъ свидѣтельствъ, указывающихъ на несомнѣнную живучесть общинной формы и въ настоящее, г. Соколовскій задается вопросомъ: вслѣдствіе какихъ именно причинъ возникла и крѣпко держится эта замѣчательная система распредѣленія земли? Какъ извѣстно, въ литературѣ существуетъ относительно этого вопроса нѣсколько противоположныхъ мнѣній. Нашъ авторъ, не примыкая ни къ одному изъ нихъ, считаетъ главнѣйшимъ мотивомъ къ созданію общины присущее людямъ стремленіе къ общежитію, взаимности и равенству, которое тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе препятствуютъ ему вѣнныя или внуренныя причины. «Община, говоритъ онъ (стр. 130):—обязана своимъ происхожденіемъ и существованіемъ сознанію людей, что, при общежитіи, организованномъ на началахъ равенства и взаимности, гораздо полнѣе удовлетворяются потребности каждаго человѣка». Община являлась, такимъ образомъ, «средствомъ для осуществленія личнаго благосостоянія и свободн личнаго»

ума». Такому широкому опредѣленію общины могутъ противорѣчить, повидимому, нѣкоторыя черты, отличающія общину въ позднѣйшую эпоху, между прочимъ, вошедшій въ нее, въ известной мѣрѣ, элементъ принудительной власти общины надъ своими сочленами. Чтобы устранить недоразумѣніе въ этомъ отношеніи, г. Соколовскій останавливается на выясненіи различія между первоначальнымъ и позднѣйшимъ характеромъ отношеній общины къ своимъ сочленамъ. Если, въ смыслѣ *поземельномъ*, сущность общины мало измѣнилась, то характеръ прочихъ сторонъ общиннаго союза много потерялъ въ теченіи послѣднихъ вѣковъ, и только путемъ историческаго анализа мы можемъ отбросить позднѣйшія наслоевія и возстановить въ чистомъ видѣ первобытный типъ общины. «Древняя русская община, говоритъ г. Соколовскій:—существенно отличалась отъ позднѣйшей, представляющей, съ одной стороны, одинъ изъ факторовъ государственной власти, съ другой—ассоціацію, замнутую въ средѣ поземельныхъ интересовъ и характеризующуюся принудительными отношеніями общины къ ея членамъ. Древняя община представляла, напротивъ, вольный союзъ лицъ, имѣвшій цѣлью лишь всестороннее и равное для всѣхъ удовлетвореніе интересовъ своихъ членовъ, независимо отъ какихъ либо другихъ задачъ. Въ основѣ этого союза лежала не связь по землѣ, а сознание необходимости солидарности и взаимной помощи для осуществленія стремленія ея членовъ къ благосостоянію и самостоятельности. Для достиженія этой цѣли, община обеспечивала каждой семьѣ равное право на участіе въ занимаемой ею землѣ, реализуя это право самыми разнообразными способами; устанавливала и распределяла налоги, выбирала должностныхъ лицъ для исполненія различныхъ службъ, помогала своимъ членамъ въ трудныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни, напримѣръ, при ненамѣренномъ совершеніи преступленія, при вступленіи въ бракъ, заботилась о будущихъ поколѣніяхъ, увеличивая свои владѣнія покупкою и захватомъ незанятыхъ пространствъ. Органомъ ея былъ сходъ. Въ случаяхъ нарушенія права какого либо изъ членовъ злою волею другихъ, общественное мнѣніе, опираясь на обычай и убѣжденіе въ необходимости взаимныхъ соглашеній, непосредственно или чрезъ посредство судей, приводило столкнувшіеся интересы къ согласію. Для рѣшенія столкновеній между двумя общинами составлялись, какъ кажется, смѣстные суды (136—137)». Въ этой древней общинѣ принудительная власть общины надъ своими членами не могла имѣть мѣста, «такъ какъ, въ такомъ случаѣ, интересы этихъ послѣднихъ не получали бы всесторонняго удовлетворенія». Только съ тѣхъ поръ, какъ община лишается своей самостоятельности и получаетъ тяглый характеръ, въ нее вторгается принудительный элементъ. Государство, ограничивая все болѣе и болѣе личную свободу членовъ общины, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать общину способною удовлетворять новымъ задачамъ, на нее возлагаетъ,

вооружать ее и принудительной властью. Насколько новым функциям общины были несовместимы съ ея основныи принципомъ, видно изъ неудачи попытокъ правительства сдѣлать общину государственнымъ факторомъ—попытокъ, окончившихся полнымъ устраненіемъ общинъ отъ участія въ управленіи. Исторію этой пассивной борьбы общинъ противу новыхъ принциповъ общественнаго строя г. Соколовскій заканчиваетъ историческую часть своего изслѣдованія и переходитъ, въ послѣдней главѣ книги, къ объясненію современной организаціи общиннаго пользованія землею и угодьями на сѣверѣ Россіи. Мы не последуемъ за авторомъ въ этой части его труда (представляющей тоже большой интересъ) и заключимъ нанѣ обзоръ общинъ выводомъ, который дѣлаетъ г. Соколовскій въ концѣ своей книги. «Въ виду приведенныхъ фактовъ, говоритъ онъ:—не можетъ быть болѣе сомнѣнія, что въ средѣ нашего крестьянства существуетъ совершенно законченная система социальнo-экономическихъ отношеній, принципиально отличная отъ господствующей у насъ и на Западѣ. Давая каждому возможность приложить свой трудъ и обезпечивая безспорное пользованіе продуктами этого труда, народная система, въ противоположность господствующей, отрицаетъ приложеніе принципа собственности къ тому, что не составляетъ продукта труда—къ землѣ, признавая ее неотчуждаемою собственностью всѣхъ жителей известной территоріи. Основанная на началахъ взаимности и общинности, на началахъ совершенно противоположныхъ тѣмъ, которыя лежатъ въ основѣ господствующей системы и которыя можно назвать началомъ индивидуализма, народная система устанавливаетъ равенство членовъ въ трудѣ и продуктѣ, во всѣхъ выгодахъ и потеряхъ, признавая этотъ путь единственнымъ для практическаго осуществленія идеи общаго блага. Начала эти, составляющія продуктъ народнаго самосознанія, воспитаннаго на вѣковомъ опытѣ, признають весь строй экономической жизни крестьянства даже и въ настоящее время, несмотря на всевозможныя неблагопріятныя вліянія».

Внутренняя прочность общинныхъ началъ не можетъ потому подлежать никакому сомнѣнію. Но по нѣкоторымъ признакамъ можно предвидѣть для общины опасность съ другой стороны: есть основанія бояться насильственнаго ея нахѣненія. «Будемъ, однако, надѣяться, говоритъ г. Соколовскій:—что примѣръ западныхъ странъ, сожалеющихъ теперь, въ лицѣ лучшихъ представителей науки, о преждевременномъ уничтоженіи общины, и безпристрастное отношеніе къ интересамъ народа спасутъ русское крестьянство отъ новыхъ испытаній и что, напротивъ, ему будетъ предоставлена большая претивъ теперешняго возможность развивать далѣе свои излюбленныя формы быта» (181—183).

Уже изъ приведеннаго бѣглаго очерка труда г. Соколовскаго можно видѣть, сколько важныхъ вопросовъ имъ затрогивается.

Трудъ этотъ, безъ сомнѣнн, составитъ цѣнный вкладъ въ литературу о русской общинѣ. Особенный интересъ представляютъ, по нашему мнѣнню, тѣ части книги г. Соколовскаго, въ которыхъ разсматриваются условія земледѣльческаго быта и судьбы общины послѣ XV—XVI вѣка. Относительно болѣе ранняго періода прямыя свидѣтельства источниковъ скудны и позволяютъ только догадки, а отъ пособия сравнительнаго приѣма г. Соколовскій рѣшительно отказывается. «При чрезвычайной трудности сравненія социальныхъ явленій, говорить оны:—употребленіе этого метода, испытанное множество разъ изслѣдователями старины, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ приводило къ результатамъ, достоверность которыхъ не подлежала бы спору. При сравненіи, необходимо принимать во вниманіе не одно только изучаемое явленіе, а всю совокупность условій, при которыхъ оно совершилось, а это-то, въ большинствѣ случаевъ, и оказывается невозможнымъ, вслѣдствіе того же недостатка вѣрныхъ данныхъ. Несоблюденіе этого необходимаго условія при употребленіи сравнительнаго метода было причиною, съ одной стороны, быстрого созиданія теорій, предложенныхъ въ послѣднее время различными учеными для объясненія быта древней Россіи, съ другой—не менѣе быстрого ихъ разрушенія. И въ настоящее время положеніе русской исторической науки таково, что въ ней нѣтъ ни одного вопроса, на который нельзя было бы привести дюжину отвѣтовъ, одинаково основанныхъ болѣею частью на аналогіи и одинаково неубѣдительныхъ. Вотъ почему, продолжаетъ г. Соколовскій:—мнѣ показалось, по меньшей мѣрѣ, бесполезнымъ, при восстановленіи быта нашихъ предковъ, представлять соотвѣтствующія черты изъ жизни земледѣльческаго класса у другихъ народовъ: въ концѣ концовъ, это не привело бы ни къ какимъ положительнымъ выводамъ» (4—5). Съ такимъ возрѣніемъ весьма трудно согласиться послѣ тѣхъ блестящихъ результатовъ, которые дало примѣненіе сравнительно-историческаго приѣма изученія именно къ вопросу объ общинѣ въ западной литературѣ. Намъ кажется даже, что нѣкоторые изъ выводовъ самого г. Соколовскаго получаютъ значительную долю убѣдительной силы, только благодаря даннымъ, выработаннымъ западнымъ сравнительнымъ школою. О ригоризмѣ г. Соколовскаго относительно употребленія сравнительнаго приѣма можно пожалѣть тѣмъ болѣе, что отъ гипотезъ и выводовъ по аналогіи относительно первобытной общины оны все-таки не удержался, а только лишилъ себя важнаго подспорья, воспользовавшись которымъ, оны стоялъ бы на болѣе твердой почвѣ. Нельзя не замѣтить, что, въ настоящей своей постановкѣ, нѣкоторые выводы автора относительно ранняго характера общиннаго союза страдаютъ недостаточною доказательностью и извѣстною долею идеализаціи. Самое объясненіе происхожденія общиннаго строя *присущимъ* людямъ стремленіемъ къ справедливости и равенству нѣсколько туманно и сомнительно. Извѣстно, что община есть весьма ранняя форма быта; изслѣдованіе же

первобытных общественных формъ показываетъ, что онѣ возникли естественно и скорѣе сами способствовали развитію общественныхъ идей и стремленій, нежели служили сознательнымъ ихъ воплощеніемъ. Да и вообще, не прослѣдивъ генезиса известной бытовой формы, трудно дѣлать выводы о причинахъ, ее вызвавшихъ, а генезисъ общины можетъ быть построенъ только путемъ широкаго сравнительнаго изученія ¹.

Указанныя слабыя стороны труда г. Соколовскаго, безъ сомнѣнія, выкупаются вполнѣ тѣми его достоинствами, о которыхъ мы уже говорили, и намъ остается только пожелать, чтобы благой примѣръ г. Соколовскаго направилъ и другихъ нашихъ молодыхъ ученыхъ на всестороннее изслѣдованіе вопроса объ исторіи нашей общины, имѣющаго такое капитальное значеніе и для науки, и для жизни.

Теорія цѣнности.—Критико-экономическое изслѣдованіе А. Антоновича. Варшава, 1877.

Едва ли въ какой нибудь другой наукѣ можно указать такъ много одновременно существующихъ противоположныхъ теорій, какъ въ политической экономіи. Оно и вполнѣ понятно, такъ какъ политическая экономія гораздо ближе другихъ наукъ касается самыхъ жгучихъ вопросовъ дѣйствительности, и потому, помимо всѣхъ прочихъ причинъ, указанное разнообразіе взглядовъ изслѣдователей неизбежно вызывается уже самою противоположностью интересовъ тѣхъ общественныхъ элементовъ, представителями которыхъ они являются. Полная объективность здѣсь труднѣе, чѣмъ гдѣ либо; поэтому, за немногими исключеніями, большинство экономическихъ теорій страдаютъ односторонностью, и односторонность эта представляется тѣмъ болѣе рѣзкою, чѣмъ одностороннѣе тѣ интересы, которые такъ или иначе отражаются въ данной теоріи.

Г. Антоновичъ задался цѣлью примирить въ высшемъ синтезѣ всѣ одностороннія экономическія воззрѣнія по вопросу о цѣнности, составляющему, какъ известно, узелъ и многихъ другихъ экономическихъ вопросовъ. Дѣлаетъ онъ это самымъ радикальнымъ образомъ, пытаясь доказать, что основная причина разногласій—противоположность различныхъ частно хозяйственныхъ интересовъ—въ сущности только недоразумѣніе. Въ самыхъ явленіяхъ цѣнности г. Антоновичъ «осознаетъ» законъ, приводящій постепенно всѣ интересы къ солидарности, такъ что цѣнность является «условіемъ союзности въ общемъ дѣлѣ удовлетворенія потребностей».—Выводъ этотъ г. Антоновичъ основываетъ главнымъ образомъ на замѣчаемомъ имъ движеніи

¹ Не можемъ, мимоходомъ, не отмѣтить одного недосмотра, вразнагося въ книгу г. Соколовскаго. На стр. 183, упоминая объ условіяхъ раздѣла общинныхъ земель на подворные участки, г. Соколовскій говоритъ, что для этого необходимо *большинство* ²/₄ голосовъ мірскаго схода; въ дѣйствительности, для этого рода рѣшаній, по положенію 19 февраля, большинствомъ ²/₃ голосовъ.

цѣнности по двумъ направленіямъ. Съ постепеннымъ экономическимъ развитіемъ, говоритъ онъ:—производство постоянно растетъ, и масса продуктовъ, т. е. общая или такъ называемая абстрактная цѣнность, постоянно, увеличивается; съ другой стороны, самое это расширеніе производства вызывается его удешевленіемъ; такимъ образомъ, одновременно съ увеличеніемъ абстрактной или общей цѣнности совершается постоянное паденіе цѣнности конкретной или цѣнности каждой отдѣльной единицы продукта.—Указанное двойное движеніе цѣнности само собою примиряетъ интересы потребленія и производства, спроса и предложенія. Увеличеніе *абстрактной* цѣнности удовлетворяетъ требованію потребленія относительно *полноты* удовлетворенія потребностей, а уменьшеніе *конкретной* цѣнности—относительно легкости этого удовлетворенія. Двойное движеніе цѣнности вызывается дѣйствіемъ закона спроса и предложенія, который является, такимъ образомъ, факторомъ экономическаго прогресса въ удовлетвореніи потребностей. Нетрудно видѣть также, что самыя противоположности интересовъ спроса и предложенія сглаживаются этимъ движеніемъ». Вообще, противоположность разныхъ частно-хозяйственныхъ интересовъ можетъ существовать, по мнѣнію г. Антоновича, только на низшихъ ступеняхъ общественнаго развитія: чѣмъ органичнѣе дѣлается общество, тѣмъ болѣе устраняются эти противорѣчія. Экономисты возвели ихъ въ принципъ потому только, что упустили изъ вида, что экономическіе законы постепенно развиваются, и частныя уклоненія принимали за принципиальныя. «Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, говоритъ г. Антоновичъ:—правда въ мѣнующихъ сношеніяхъ дѣйствительно хромаетъ. Человѣкъ, изнуренный жаждой среди безводныхъ степей, можетъ предложить за стаканъ воды все, чѣмъ только онъ владѣетъ. Другой человѣкъ, подѣ влияніемъ нужды, продаетъ самого себя въ рабство за количество хлѣба, едва достаточное для дневнаго пропитанія. Быть можетъ... но можно ли пересчитать всѣ болѣзни, которыми болѣетъ или можетъ болѣть человѣчество? При всемъ томъ, какъ странно большое количество считатъ здоровымъ, такъ не менѣе странно и отрицаніе факта здоровья въ человѣчествѣ только на основаніи факта существованія болѣзней. Не придумывать идеалы экономическаго здоровья, но осознать его естественныя законы—вотъ задача экономической науки». Г. Антоновичъ и осозналъ таковой естественный законъ въ цѣнности, ведущій ко всеобщему благу и солидарности и къ примиренію всѣхъ противоположныхъ интересовъ. Къ сожалѣнію, едва ли можно сомнѣваться что это «осознаніе» есть плодъ простаго незнанія (а, можетъ быть, и умышленнаго игнорированія) и историческихъ фактовъ, и установленныхъ научныхъ экономическихъ истинъ. «Новая» теорія г. Антоновича, въ сущности—только отголосокъ очень старыхъ и давно уже потерявшихъ въ наукѣ всякій авторитетъ «гармоническихъ» теорій. Постоянное и прогрессивное расши-

рение производства, сопряженное съ уменьшеніемъ стоимости отдѣльныхъ продуктовъ, составляетъ давно уже фактъ общезвѣстный; но общезвѣстно и то, что прогрессъ производства далеко не всегда сопряженъ съ прогрессомъ благосостоянія массъ, и вѣрѣю даже оба эти явленія представляются прямо противоположными. Точно также, въ настоящее время, едва ли можно отрицать, что, въ общемъ, обмѣнъ происходитъ только равноцѣнностями и что въ развитомъ экономическомъ обществѣ продавецъ и покупатель не норовятъ надуть другъ друга; но, вѣдь, такое надувательство—только самый грубый видъ экономической борьбы. Въ обществѣ съ болѣе развитыми отношеніями наблюдѣ напряженная экономическая борьба вызывается конкуренціею производительныхъ единицъ *между собою*. Какимъ же образомъ эта борьба устраняется формулою г. Антоновича? Повидимому, онъ полагаетъ, что въ примиреніи нуждаются только интересы продавцовъ и покупателей, а интересы продавцовъ уже сами-собою солидарны. Не трудно видѣть, впрочемъ, что и самое примиреніе интересовъ контрагентовъ обмѣна, путемъ указанного движенія цѣнности, есть только наивная иллюзія (или недобросовѣстная передержка). Г. Антоновичъ, какъ и всѣ сторонники гармоническихъ теорій, повидимому, забываетъ, что, при современномъ экономическомъ строѣ, предметами обмѣна служатъ не только вещественные продукты, но что самый главный товаръ есть человѣческій трудъ, рабочая сила. Какимъ путемъ совершается движеніе этого рода цѣнности и насколько способствуетъ оно водворенію всеобщаго благоденствія, г. Антоновичъ не касается вовсе. А между тѣмъ, самое главное противорѣчіе интересовъ контрагентовъ и констатировано безпристрастною наукою въ этомъ именно видѣ обмѣна, и, пока противорѣчіе это не будетъ разрѣшено, всякія попытки построения гармоническихъ теорій неизбѣжно будутъ только пустыни и праздными фантазіями.

Содержаніе книжки г. Антоновича неисчерпывается изложенною теоріею движенія цѣнности. Кромѣ приведенной выше *динамической* формулы, г. Антоновичъ строитъ и *статистическій* законъ цѣнности или законъ сохраненія хозяйственныхъ силъ. «Цѣнности, при постоянномъ движеніи, говоритъ онъ:—должны тяготѣть къ какому нибудь центру, имѣть естественный регуляторъ». Такимъ регуляторомъ г. Антоновичъ считаетъ общественно-необходимое время производства, т. е. необходимое для проявленія дѣятельности производительныхъ силъ (природы, капитала и труда). Эта формула есть видоизмѣненіе опредѣленія цѣнности, даваемого школою Рикардо, по смыслу котораго, цѣнность продуктовъ измѣряется количествомъ вложеннаго въ нихъ труда или, по болѣе точному выраженію Маркса, заключающагося въ нихъ *общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ*. Г. Антоновичъ считаетъ такое опредѣленіе одностороннимъ, такъ какъ оно не принимаетъ въ расчетъ участія въ производствѣ силъ

природы и капитала, и замѣняетъ его своимъ, приведеннымъ выше. Было бы скучно и бесполезно слѣдить за аргументаціею, посредствомъ которой г. Антоновичъ опровергаетъ и «исправляетъ» «одностороннюю» теорію рикардовской школы. Насколько выигрываетъ формула Рикардо отъ дополненій г. Антоновича, можно судить уже потому, что, по смыслу этихъ дополненій, двойное время, потребное для получения одного изъ двухъ продуктовъ, добываемыхъ съ *равною затратою* труда, должно возвысить цѣнность этого продукта *едвое* (стр. 118). Нужно забыть азбуку политической экономіи, чтобы утверждать подобныя вещи. Вообще, чтобы дополнять или исправлять какую нибудь теорію, необходимо прежде всего знать и ясно понимать ее. Насколько хорошо понимаетъ г. Антоновичъ теорію рикардовской школы, видно изъ того, что онъ считаетъ самонарушеніемъ и внутреннимъ противорѣчіемъ этой теоріи проводимое въ ней строгое различіе между цѣностію труда, овеществленнаго въ продуктахъ, и труда, какъ рабочей силы. Различіемъ этимъ, какъ извѣстно, и объясняетъ К. Марксъ (самый послѣдовательный изъ рикардистовъ) происхожденіе добавочной цѣнности при капиталистическомъ производствѣ и самое накопленіе капиталовъ. Всего любопытнѣе, что, цитируя по этому поводу Маркса, г. Антоновичъ (стр. 182—84) увѣряетъ, что Марксъ, съ похвальною логикою, доводитъ до конца выводы односторонней производственной теоріи цѣнности (по которой цѣнность есть зло), признаетъ и цѣнность труда *зломъ* (sic) — и что, по ученію Маркса, «цѣнность труда имѣетъ свои *естественные* законы, на основаніи которыхъ *не все производимое трудомъ должно принадлежать труду*». Повидимому, г. Антоновичъ (который, замѣтимъ, всегда цитуетъ Маркса «своими словами») впадаетъ здѣсь въ самое забавное недоразумѣніе насчетъ истиннаго смысла ученія писателя, съ которымъ всего болѣе приходится считаться каждому экономисту, претендующему на созданіе новой теоріи цѣнности.

Приведеннаго слишкомъ достаточно, чтобы показать настоящее значеніе книжки г. Антоновича. Мы бы не остановились на ней вовсе, если бы она не отличалась нѣкоторымъ внѣшнимъ видомъ научности въ изложеніи, способнымъ ввести въ заблужденіе неопытнаго читателя.

Поволжье въ XV-мъ и XVI-мъ вѣкахъ (очеркъ изъ исторіи края и его колонизаціи).—Исслѣдованіе *Г. Перетятковича*. Москва, 1877.

Заглавіе книги г. Перетятковича обѣщаетъ нѣсколько болѣе того, нежели она даетъ. Въ сущности, это—не столько исторія края, сколько исторія его покоренія. Г. Перетятковичъ всего болѣе занимается, въ своемъ изслѣдованіи, воспроизведеніемъ во всей подробности той борьбы, которая велась за обладаніе поволжьемъ между московскимъ государствомъ, съ одной стороны, и татарскими ордами (казанцами, астраханцами, ногаями), посе-

лившимся здѣсь со времени монгольскаго нашествія—съ другою. Нужно отдать справедливость г. Перетятковичу: эта сторона дѣла обработана имъ тщательно и съ большою обстоятельностью, по источникамъ первой руки, частью напечатаннымъ, частью архивнымъ. Но зато онъ даетъ очень мало данныхъ и выводовъ о внутреннемъ состояніи края, о тѣхъ отношеніяхъ, въ которыя стало русское населеніе къ инородцамъ, а равно и о мирной колонизаціи Поволжья и томъ расширеніи русской земли, которое велось здѣсь топоромъ и сохой. Впрочемъ, и при такой относительной бѣдности содержанія книги г. Перетятковича, факты, въ ней собранные, не лишены известной поучительности. Періодъ времени, къ которому относится изслѣдованіе г. Перетятковича—одинъ изъ самыхъ важныхъ въ исторіи внутренняго строя Россіи: въ эту именно эпоху создалось и окрѣпло русское государство; конецъ ея знаменуется закрѣпленіемъ земледѣльческаго сословія. Можно даже сказать, что приблизительно съ этого времени опредѣляется надолго будущій характеръ русской исторіи. Та борьба, которую слагалось государство выдерживало въ XV—XVI-мъ вв. на Востока, была однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ факторовъ въ созданіи направленія, отличающаго внутреннюю исторію этого времени. Поэтому точное и подробное изслѣдованіе обстоятельствъ этой борьбы и потребностей, ею вызываемыхъ, не можетъ не имѣть значенія для правильнаго освѣщенія историческихъ судьбъ русской земли.

Сочиненія графа А. В. Соллогуба. Томъ первый. Спб. 1877.

Графъ А. В. Соллогубъ—можетъ быть, сынъ известнаго древняго писателя того же имени—превосходно знаетъ человѣческое сердце. Впрочемъ, это—только банальная фраза «человѣческое сердце». Графъ Соллогубъ превосходно знаетъ тончайшія подробности соотношеній души и тѣла, неизслѣдованныя еще ни однимъ физиологомъ, психологомъ, вообще специалистомъ. Въ повѣсти «Нерѣшенный вопросъ» онъ ведетъ слѣдующій поучительный разговоръ съ неизвѣстной ему женщиной въ маскарадѣ:

— Дай мнѣ твою руку.

— Руку? для чего?

— Чтобы узнать: кто ты.

— Развѣ это можно? Да ты—козлунъ? засмѣялась опять маска.

— Вообще нѣтъ. Но, по рукѣ я узнаю, если не все, то многое. Когда рука уродлива, то можно быть увѣреннымъ, что и женщина некрасива. Это毫无疑问но вѣрно. Собственница такой руки можетъ быть добра, даже и остроумна, а иногда и энергична. Обыкновенно же, это—рука *практической женщины*. Я такихъ женщинъ не люблю: это—проза въ женщинѣ.

— А если у меня рука некрасива? спросила маска.

— Такъ что же? Есть и некрасивыя руки, которыя имѣютъ что-то важное въ своихъ формахъ, такъ сказать, что-то добродушное. *Собственница такой напой руки, болышею частью—идеалъ женщины*. Она—недурна собой, легка, насколько женщинѣ слѣдуетъ быть кокеткой. У такой женщины сердце не думаетъ и не разбираетъ, но, все-таки, не ошибается. А если даже и оши-

бется и полюбитъ недостойнаго, то, все-таки, она останется такою же въ потоки жизни, какъ и цѣтокъ, вѣкомнй ручьемъ и плывущій все дальше и дальше, пока ручей самъ не полюбитъ цѣтка и не оставитъ его у себя на днѣ (!)

— А ты знавала такую женщину? спросила маска.

— Знавала! отвѣчалъ я.

— У меня рука не такая, замѣтила незнакомка, полусмѣясь, полусерьезно.

— Мало ли еще какихъ рукъ бываетъ! Есть также и рука длинная, сухая, немного морщинистая; это—рука дурной женщины, дурной природы. Въ такой женщинѣ пропасть пороковъ; какъ бы она ихъ ни серживала, а они, все-таки, завалятъ себя. Есть также и рука широкая, плоская; это рука вообще всѣхъ некрасивыхъ женщинъ. Вѣдь, я никогда не кончу... Рука, наконецъ, покажетъ мнѣ замужемъ ты, или нѣтъ; если даже ты и смѣла кольцо, то слѣдь, все таки, осталась.!

— И это все? спросила маска.

— Нѣтъ. Есть также иногда на руки едва замѣтная голубенькая жемка (такимъ рукъ мало), которая расскажетъ мнѣ цѣлую исторію. Эта рука героини, женщины, знающей, что значить жизнь и понимающей сладость страданій. Такая рука утирала слезы.

— Это слезы не проливалъ?! замѣтила маска.

— Я говорю о слезахъ, пролитыхъ сердцемъ, а не падающихъ съ рѣсницъ... Такими слезъ ты проливать не станешь и будь рада тому, продолжалъ я, смотря на протянутую бѣленькую ручку.

— Посмотрите хорошенько, сказала она.

Въ голосѣ маски что-то поразило меня.

— Нѣтъ, вижу, я ошибся... Да вотъ, и жемка, о которой я говорилъ. Неужели и вы женщина такая, какою она должна быть? спросилъ я, озадачен ный страннымъ выраженіемъ глазъ незнакомки.

— Можетъ быть! отвѣчала она, вдыхая.—Вѣдь, вы меня не знаете.

— А можетъ быть, и знаю. Из-подъ вашей капюшона выглядываютъ черные волосы, а волосъ у васъ блондинки. Вы—замужемъ. Вотъ—обручальное кольцо, а вотъ кругое, маленькое, съ бирзой. Оно рассказываетъ мнѣ, что въ минуты одиночества вы не о мужѣ думаете, а о томъ, кто подарилъ вамъ кольцо.

Весь этотъ діагнозъ оказывается совершенно вѣрнымъ. Естественное дѣло, что, обладая такою чисто слѣдовательною проницательностью и такими глубокими познаніями въ сферѣ соотношеній души и тѣла, графъ Соллогубъ долженъ былъ избрать профессію слѣдователя по особо важнымъ амурнымъ дѣламъ. Онъ такъ и поступилъ. Весь первый томъ его сочиненій (правда, очень небольшой) представляетъ рядъ такого рода слѣдствій, произведенныхъ авторомъ въ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ слояхъ и при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ. Напримѣръ, на морѣ буря: «ванты то натагивались, какъ струны, то обвисали, смотря по тому, на какой бокъ клонился корабль. Надо было крѣпко держаться за сезни, чтобы не быть отброшеннымъ, какъ мячикъ, въ море. Молнія, давно уже разсѣлавшая небо, озарила окрестность» (23). Но весь этотъ кавардакъ стихій не мѣшаетъ слѣдователю по особо важнымъ амурнымъ дѣламъ допрашивать «бодмана второй вахты» Авдѣева. Бодманъ второй вахты дѣлаетъ трогательныя показанія, а слѣ-

дователь графъ Соллогубъ дѣлаетъ изъ нихъ разсказъ «Авдѣевъ». Такимъ же образомъ допрашиваетъ онъ и вливушу, и кѣмекую дѣвицу, и яличнива, и свѣтскаго хлыща. Все это выходитъ, однако, ординарно, плоско и вообще во всѣхъ смыслахъ плохо. Любопытнѣе другихъ (по замыслу) первый разсказъ—«Подсудимые».

На этомъ мы могли бы и покончить съ гр. А. В. Соллогубомъ, но намъ хочется сдѣлать одно замѣчаніе. Современныхъ беллетристовъ, то-есть недавно опредѣлившихся и вновь вступающихъ, часто упрекаютъ въ томъ, что они выбираютъ тѣмъ, не подлежащія вѣдѣнію искусства, и забываютъ добрыя преданія русскаго романа. Мы не будемъ разсуждать, насколько эти упреки справедливы и великъ ли заключенный въ нихъ смыслъ. Одно вѣрно: они слишкомъ огульны. Великъ Богъ земли русскою—старыя формы, старыя основы, старыя тѣмы и приемы разсказа не исчезли. Мы не говоримъ, разумѣется, о талантѣ, который есть даръ природы и не покупается ни трудомъ, ни размышленіемъ. Оставляя его въ сторонѣ, люди, дѣлающіе нынѣшней беллетристикѣ вышеозначенныя упреки, должны признать, что есть въ ней, однако, и ласкающіе взоръ оазисы. Таковъ гр. Сальясъ, таковъ же гр. Соллогубъ, такова появившаяся недавно съ благословенія г. Тургенева, въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» г-жа Н. Га—рини. Да и мало ли ихъ еще. Чрезвычайно любопытно наблюдать такого рода писателей. Излюбленная и даже, можно сказать, единственная тѣма стараго романа—любовь. Говорятъ, это—тѣма вѣчная. Это—вздоръ, конечно. Тѣма изнашивается, какъ сапоги, какъ все на свѣтѣ, какъ самъ свѣтъ, наконецъ. Любовь способна принимать очень разнообразныя формы и оттѣнки. Но долженъ наступить, наконецъ, такой моментъ (во всѣхъ литературахъ такой моментъ наступалъ), когда новыя комбинаціи, способныя заинтересовать читателя и писателя, дадутся только съ огромнымъ трудомъ. Тогда остаются два исхода для беллетристики: или она вводитъ новыя! мотивы, бытовые, политическіе и т. п., среди которыхъ любовь занимаетъ уже второстепенное мѣсто; или же беллетристы берутъ старыя, изношенныя любовныя комбинаціи, но приправляютъ ихъ болѣе или менѣе праннымъ соусомъ, рассчитаннымъ на то, чтобы раздражить притупившійся вкусъ. Вотъ этими-то пранными соусами, по необходимости, перепачканы оазисы въ родѣ гг. Сальяса, Соллогуба, Га—рини и проч. Соусы, разумѣется, разные. Напримѣръ, гр. Сальясъ ѣздитъ за ними въ Испанію и даже въ Африку. Онъ сдѣлаетъ даже, вѣроятно, кругосвѣтное путешествіе въ этомъ направленіи, разскажетъ, какъ по немъ сохла краснокожая индіанка, какъ изнывала китайка съ крошечными ножками и косыми глазами и т. п. И выходитъ, на первый взглядъ, какъ-будто, что-то новое, еще не надѣванное. Это—соусъ, такъ сказать, этнографическій. Соусъ г-жи Га—рини гораздо интереснѣе, потому что гораздо распространеннѣе. Собственно говоря, рецептъ его очень простъ и состоитъ въ томъ,

чтобы налегать на такія подробности любовныхъ отношеній, которыя, обыкновенно, прикрываются вуалью на манеръ винограднаго листка. Объ этомъ стоить сказать два слова, хотя бы потому, что такой судья, какъ г. Тургеневъ (въ письмѣ въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника»), нашелъ въ рассказѣ г-жи Га—рини «правдивость и грацію». Прекрасная русская дама, проживая въ окрестностяхъ Турина, влюбляется въ молодого красавца-итальянца; онъ въ нее влюбляется еще сильнѣе, и все идетъ какъ по маслу. Что можетъ быть проще? Сюжетъ до такой степени избитый и обидчивый, что безъ какого-нибудь пріятнаго соуса его лучше и не подносить читателю. И вотъ вамъ нѣсколько подробностей. Красавецъ-итальянецъ упалъ въ колодезь и расшибся. Прекрасная русская дама, узнавъ объ этомъ... Но пусть она говоритъ сама: «Я испытывала потери въ жизни — у меня умеръ отецъ, умеръ любимый братъ, но никогда не чувствовала я себя такъ глубоко несчастной, какъ въ эту минуту... Жалость и — сказать ли? (еще бы не сказать, когда въ этомъ все и дѣло) страшная досада наполнила мое сердце. Я раскаялась, что не наслаждалась счастьемъ, когда оно у меня было подъ рукою, что теперь, можетъ быть, свѣжій, страстный красавецъ — изувѣченный трупъ!» Однако, красавецъ Фіоріо не былъ трупомъ. Онъ сталъ выздоравливать, а прекрасная дама стала его сидѣлкой. «Cattiva! cattiva!» (злая! злая!), говорилъ онъ, слабо улыбаясь и ласково сжимая мнѣ руку. На мнѣ былъ фартукъ съ зелеными и лиловенькими полосками, прожженный папироской. Онъ шутивно расширилъ пальцемъ отверстие. — Ecco! un buccino qui! adesso vengo poi far all'amore! (Вотъ — дырочка!.. А я теперь приду, чтобы любить...) Поблѣднѣлъ весь, подъ глазами посинѣло, и запрокинулъ голову на подушки. «Фіоріо, сказала я, наклоняясь къ его уху: — если вы выздоровѣете, я васъ не буду больше огорчать, даю вамъ слово!» Потомъ прекрасная дама поиграла въ ревность. Фіоріо оправдывался, просилъ прощенія. «Былъ теплый, словно весенній, прозрачный лунный вечеръ, мы были одни: онъ былъ близко подлѣ меня съ своею красотою, милый и кроткій, просящій прощенія безъ вины, меня подстрекала ревность къ маэстрѣ.. Я... простила его...» — O che piasì, che piasì! повторилъ онъ по-піемонтски: «какое удовольствіе!» — Положимъ, желать «свѣжаго, страстнаго красавца» ни одной прекрасной русской дамѣ не возбраняется. Но идеализировать это желаніе, выставлять его на показъ съ особеннымъ упоромъ на свѣжесть и страстность, приглашать читателя къ сочувствію, это — цинизмъ. Восклицаніе Фіоріо «che piasì!» можетъ быть очень «правдиво и граціозно»; но опять-таки идеализація его составляетъ эффектъ чрезвычайно грубый и весьма мало, такъ сказать, «гуманный», ибо восклицаніе Фіоріо приличествуетъ всякому звѣрю, хотя онъ его и не можетъ выразить членораздѣльными звуками. А, между тѣмъ, безъ подобныхъ усиленій дозы пріятностей старая формы и приемы ро-

мана удержаться не могут. Они даже и еще должны простить...

Союзъ гр. А. В. Соллогуба несравненно скромнѣе. Онъ довольствуется хиромантійей. Этотъ приемъ очень любилъ Балъзакъ. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы гр. Соллогубъ былъ вообще похожъ на Балъзака. Ну, да и времена не тѣ.

Современная Россія. Составитель-редакторъ *В. Андреевъ*. Кіевъ 1877. (На внутренней оберткѣ: 1876).

Г. Андрееву пришла въ голову чрезвычайно смѣлая и оригинальная мысль: собрать все—понимаете ли? *все*—написанное объ Россіи, съ придачею всего, что объ ней не написано! «Гдѣ, говоритъ онъ въ предисловіи:—гдѣ въ наше время, при множествѣ изданій специальныхъ и общихъ, каждому прочесть всё, что пишется въ книгахъ, журналахъ и газетахъ по его предмету». Гдѣ ужъ, конечно! Другое дѣло, когда г. Андреевъ перепечатаетъ все это въ своей «Современной Россіи», расположивъ, разумѣется, въ систематическомъ порядкѣ. Но это—только одна половина задачи. «Кому приходилось имѣть дѣло съ такъ-называемою (къмъ?) непишущею массою, тотъ знаетъ, сколько въ ней живетъ свѣдѣній, вынесенныхъ изъ опыта, изъ близкихъ отношеній къ окружающей природѣ. И все это уходитъ въ могилу съ представителями непишущихъ десятковъ милліоновъ этой народной массы? Гдѣ секретари ея?» До сихъ поръ такихъ секретарей не было, а теперь есть—г. Андреевъ. Чрезвычайно грандіозный планъ: все написанное и все ненаписанное... До сихъ поръ ни въ природѣ, ни въ другихъ мѣстахъ, не замыслилось ничего подобнаго. Немудрено, что, издавъ первый томъ, г. Андреевъ уже проситъ прощенья: онъ не надѣется издать въ скоромъ времени слѣдующіе томы. Но, если посмотрѣть на дѣло съ другой стороны, такъ ничто не мѣшаетъ ему издать второй томъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ такъ ужъ трудно набрать плохихъ повѣстей, рассказовъ, разнообразныхъ перепечатокъ изъ книгъ, газетъ, журналовъ, не останавливаясь на передѣ «замѣтками о Босніи и Герцеговинѣ», ни передѣ «разведеніемъ карповъ въ Курляндіи», ни передѣ «трихинною болѣзнію въ Россіи», ни передѣ «рыбами съ кудинарной точки зрѣнія», и пр., и пр., и пр.? Право, кажется, нетрудно быть «составителемъ-редакторомъ» такой окрошки. Другой вопросъ—можетъ ли она кому-нибудь пригодиться?

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Страсть нашихъ земствъ къ грандіознымъ идеямъ и новаторству.—Несостоятельность херсонскаго земства. — Общественныя пожертвованія вообще и въ нижнѣйшую войну.—Днѣпровское наводненіе.—Измѣна г. Петра Боборикина.— Измѣна князя Васильчикова. — Статья: «Наши пессимисты» и мораль ея. — Гдѣ лучше быть сибирскому университету: въ Омскѣ, Томскѣ или въ Иркутскѣ.

Когда заходитъ рѣчь о земскомъ самоуправленіи, мы всегда рекомендуемъ нашимъ земствамъ держаться строго въ районѣ ихъ правъ и обязанностей, изображенныхъ въ «Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ», не усиливаясь посредствомъ натянутыхъ толкованій ни присвоивать себѣ такихъ правъ, ни обременять себя такими обязанностями, которыхъ вовсе не содержится въ буквальномъ смыслѣ означеннаго Положенія. Мало того: мы рекомендуемъ земствамъ даже въ несомнѣнно-законной чертѣ ихъ дѣятельности беречь мужицкія деньги, которыми они распоряжаются, паче зѣнницы ока, употреблять ихъ только на предпріятія и учрежденія, безспорно полезныя для народа, и притомъ такія, исполненіе которыхъ не соединено съ рискомъ убить напрасно деньги или, что еще хуже—не можетъ лечь новымъ обременительнымъ налогомъ на народъ. Дѣлаемъ мы все это потому, что у нашего земства замѣчаются двѣ слабости: Оно, во-первыхъ, постоянно стремится выйти изъ предѣловъ, указанныхъ ему Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, и, вмѣсто своего прямого, легальнаго дѣла, заняться такими учрежденіями и предпріятіями, заниматься которыми ему вовсе не предписано въ Положеніи и даже права на это не дано. Такъ, мы много разъ упоминали уже, что въ практику многихъ земствъ вошло устраивать на земскія деньги среднія учебныя заведенія, мужскія и женскія, даже классическія прогимназіи, на что они вовсе не имѣютъ никакого права; что нѣкоторые земства взяли даже за желѣзно-дорожныя спекуляціи, взваливъ гарантію дорогъ на мужицкія шен; что, наконецъ, есть такія земства, которыя на земскія деньги устраиваютъ телеграфы!! Другая слабость земства, это—его страсть къ новаторству: едва успѣетъ явиться какая-нибудь грандіозная идея, какой-нибудь блестящій проектъ по такимъ предметамъ, которые входятъ въ кругъ вѣдѣнія земства, непременно сейчасъ же найдутся земства,

которыя берутся за примѣненіе у себя этихъ идей и проектовъ, не соображался съ своими средствами, не убѣдившись часто даже въ возможности ихъ исполненія и, слѣдовательно, несомнѣнной производности тѣхъ громадныхъ затратъ, которыхъ требуетъ ихъ выполненіе. Такъ необычайное у насъ и драгоцѣнное даже для Петербурга заведеніе, какъ петербургская земледѣльческая колонія для малолѣтнихъ преступниковъ въ Петербургѣ, сразу бросилось въ глаза многимъ земствамъ, именно тѣмъ, что оно необычайно и драгоцѣнно — и нѣкоторыя земства, у которыхъ не только нѣтъ швель даже для десятой части дѣтей швольнаго возраста, но въ районѣ которыхъ населеніе остается до сихъ поръ беззащитнымъ отъ хищныхъ звѣрей, если не потратили, то готовы были потратить большія деньги на основаніе и у себя этихъ заведеній барской прихоти. Бывшіе назадъ тому годъ или два въ модѣ идеи и проекты объ облѣсеніи, осушеніи, орошеніи привели въ волненіе и земства. Напрасно мы старались успокоить и охладить взволнованныя земства, писали сами и печатали статьи специалистовъ о томъ, что — способствовать ли облѣсеніе плодородію почвы, это — еще вопросъ не рѣшенный, что не всякую даже мѣстность можно осушить и къ осушенію той или другой мѣстности можно приступить только послѣ тщательнаго изслѣдованія какъ это сдѣлать, и что, наконецъ, орошеніе часто орошаетъ слезами радости только тѣхъ, кому вручаются деньги на орошеніе — земля же остается по прежнему изсушеною отъ зноя. — Нѣкоторыя земства послѣжили открытъ свои сундуки и для облѣсенія, и для осушенія, и для орошенія.

Достигли ли они какихъ-нибудь результатовъ — незнаемъ. Но опытъ осушенія Полѣсья вопреки высказаннымъ нами сомнѣніямъ, повидимому, удастся.

Въ помѣщеніи въ «Русскомъ Инвалидѣ» описанія работъ, представленныхъ 5-го мая на Высочайшее возрѣніе, заключаются, между прочимъ, слѣдующія свѣдѣнія о работахъ въ Полѣсьи: «Въ теченіи лѣта 1876 года, въ Полѣсьи продолжались нивелированіе, буреніе, наблюденія термометра, барометра и уровня воды въ Припети и ея притокахъ, а также осушка болотъ Рѣчицкаго и Мозырскаго Уѣздовъ.

«Пронивелировано болѣе 2,000 верстъ, изъ 3,000 предполагаемыхъ каналовъ. Сдѣлано 38 буровыхъ скважинъ, глубиною отъ 5—12 сажень по долигѣ Припети и по направленію къ ней, перпендикулярному, черезъ середину Полѣсья. Произведены многочисленныя шурфовки. Проложено 130 верстъ каналовъ, а всего съ 1874 по 1876 годъ, въ общей сложности, вмѣстѣ 300 верстъ каналовъ и боковыхъ канавъ, шириною отъ 5 до 12 аршинъ и глубиною отъ 1½ до 3-хъ аршинъ. Изъ этого числа около 200 верстъ каналовъ сплавныхъ, по которымъ весною текущаго 1877 года сплавлено болѣе 10,000 штукъ разнаго рода лѣса.

«Проложенными каналами осушено 200,000 десятинъ, изъ нихъ около 50,000 десятинъ прежде недоступныхъ болотъ и топей по-

крѣпятся хорошими трудами. По осушенному пространству проложены новыя дороги, спрямившія прежніе окольные пути. Новыя сообщенія дали возможность сократить въ Мозырскомъ и Рѣчицкомъ Уѣздахъ по одной станціи, изъ которыхъ каждая обходилась прежде въ годъ по 1,000 рублей.

«Новые сносы на осушенныхъ болотахъ доставляютъ уже такое количество сѣна, что часть его можетъ быть обращена на удовлетвореніе потребностей вѣт Польска. По этому предполагается приступить къ оттамъ прессованія сѣна и въ такомъ видѣ доставлять его въ мѣста расположенія войскъ смежныхъ воеводствъ».

Кромѣ этого офціального извѣстія, было и частное извѣстіе изъ Минска («Голось» № 105), въ которомъ сообщаются тѣ же самыя извѣстія, въ томъ числѣ и то, что «около 50,000 десятинъ, еще недавно занятыхъ непроходимыми болотами и трясинами, а потому остававшихся безъ всякой растительности, въ настоящее время покрылись прекрасною зеленью».

Все это можетъ быть и такъ. А, все-таки, мы совѣтовали бы тѣмъ земствамъ, которыя до сихъ поръ не приступали ни къ обгѣсенію, ни къ осушенію, ни къ орошенію и еще погодить, и выждать окончательныхъ результатовъ отъ принятыхъ въ разныхъ мѣстахъ обгѣсеній, осушеній, орошеній. Государство можетъ рисковать, расходуя для производства опытовъ даже такія громадныя суммы, какія употребляются на осушеніе Польска. Но земство, при его ничтожномъ бюджетѣ, котораго далеко не хватаетъ на его насущныя, настоятельныя потребности, не имѣетъ права тратить своихъ денегъ на эксперименты. Всякій расходъ оно должно дѣлать навѣрняка, въ твердой увѣренности, что получится именно тотъ результатъ, для котораго дѣлается затрата.

Примѣръ херсонскаго земства, сдѣлавшагося въ настоящее время несостоятельнымъ для исполненія своихъ прямыхъ обязанностей, долженъ служить для всѣхъ земствъ урокомъ, какъ опасно земствамъ не только пускаться въ какія-нибудь рискованныя предпріятія, но и принимать на себя такія обязанности, которыя вовсе не возложены на нихъ Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ. Въ одномъ изъ нашихъ прошедшихъ обзорѣній мы говорили о той тароватости, съ которою херсонское земство тратитъ мужицкія деньги на учрежденіе среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, въ томъ числѣ и классическихъ прогимназій, на пособія разнымъ подобнымъ учебнымъ заведеніямъ, на содержаніе стипендіатовъ въ нихъ. Еслибы земство въ продолженіи своего существованія удержалось отъ однихъ только этихъ расходовъ, нисколько для него необязательныхъ, совершаемыхъ имъ не только произвольно, но даже безъ всякаго права на то, то у него и въ такомъ случаѣ было бы въ запасѣ вдвое болѣе денегъ, чѣмъ сколько оказывается нужнымъ теперь на покрытіе потребностей, вынужденныхъ военнымъ временемъ. Намъ могутъ сказать, что «запаса этого земство, все-таки, не

сохранило бы, а употребило бы его на первоначальныя крестьянскія школы и, слѣдовательно, въ концѣ концовъ, нужныхъ ему теперь денегъ въ рукахъ, все-таки, не имѣло бы». Положимъ, и такъ, Но у земства оставалось бы тогда нравственное право обложить народъ для новыхъ потребностей новымъ сборомъ, такъ какъ бывшій у него запасъ былъ потраченъ имъ на пользу народа; кромѣ того, въ случаѣ крайней нужды, основанныя на запасѣ первоначальныя крестьянскія школы временно могли быть сокращены и деньги, расходуемыя на нихъ, могли бы быть временно употреблены на возпощія потребности минуты. Теперь земство находится совсѣмъ въ другомъ положеніи. Оно не можетъ остановить своихъ расходовъ на основанныя имъ среднія учебныя заведенія, на отпускаемыя имъ пособія разнымъ учебнымъ заведеніямъ, на содержимыхъ имъ стипендіантовъ и т. п. А между тѣмъ, всѣ эти расходы чисто своей прихоти, дѣлаемые рѣшительно безъ всякой пользы для народа, земство должно возмѣщать на народѣ и сверхъ того его же обложить новымъ сборомъ для удовлетворенія потребностей военныхъ, въ возмѣщеніе тѣхъ же расходовъ прихоти, затраченныхъ въ прошлѣмъ. А такъ какъ народъ, вслѣдствіе послѣднихъ неурожаевъ трехъ лѣтъ, не въ состояніи платить сполна даже обычныхъ сборовъ и налоговъ, то земство, по необходимости, должно прибѣгнуть къ займу, оплата процентовъ котораго должна также пасть на народъ.

Съ просьбою объ открытіи себѣ кредита въ 150,000 руб. изъ 3% съ тѣмъ, чтобы погашеніе долга произвести въ теченіи пяти лѣтъ, херсонское земство обратилось было къ правительству. «Но г. министръ финансовъ, гласить докладъ херсонской губернской земской управы отъ 14-го февраля: — на это ходатайство отозвался, что на государственное казначейство не можетъ быть возложено пополненіе недостатка въ денежныхъ средствахъ земствъ. Въ допущеніи же изыатія изъ сего—въ виду вызываемыхъ и внѣшними политическими обстоятельствами чрезвычайныхъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ возложено уже на государственное казначейство—не представляется возможности».

Вслѣдствіе этого отказа министра финансовъ, херсонское земство, для покрытія своихъ экстренныхъ расходовъ по случаю значительнаго сосредоточенія войскъ въ Херсонской Губерніи, рѣшилось заложить въ государственномъ банкѣ на 300,000 р. имѣющихся въ его рукахъ процентныхъ бумагъ изъ капиталовъ съ специальнымъ назначеніемъ (всѣхъ этихъ капиталовъ имѣется у земства 847,555 р., изъ этого числа 220,000 р. заложено еще прежде) съ тѣмъ, «чтобы правительство разрѣшило земству, въ случаѣ необходимости, дѣлать отсрочки (перезалоги) безъ взноса ссуды». А что если война продолжится два или три года? Если земству придется поставить одно или два ополченія? Если, затѣмъ, истощенные войною и неурожаами, мужики совсѣмъ перестанутъ вносить налоги и сборы? Тогда хоть закрывай лавочку и публично

отказывайся отъ дарованнаго самоуправленія. «Мы, дескать—россіяне, до этого еще не созрѣли!»

И, пожалуй, на дѣлѣ оказывается, что мы, дѣйствительно, не совсѣмъ созрѣли. Многія изъ земствъ, судя по ихъ дѣйствіямъ, думаютъ, что ихъ задача состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы добросовѣстно и точно исполнять только тѣ обязанности, которыя указаны имъ Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, а, напротивъ, и сверхъ того предпринимать и приводить въ исполненіе многое такое, что въ «Положеніи» не предписывается, но вмѣстѣ съ тѣмъ буквально и не запрещено, и часто именно то, что дѣлается сверхъ положенія, нѣкоторыя изъ земствъ и считаютъ казовымъ концомъ своей дѣятельности. А затѣмъ, когда земскихъ денегъ, затраченныхъ на такія ненужныя или, по крайней мѣрѣ, неходящія въ программу дѣятельности земствъ дѣла, окажется недостаточнымъ для потребностей земства прямыхъ, насущныхъ, эти мужи російскаго самоуправленія не находятъ для себя ничего ни непряличнаго, ни постыднаго прибѣгать за деньгами въ государственную казну. Точно казна—алхиміи, которая сама творитъ золото, а не получаетъ его изъ тѣхъ же самыхъ источниковъ, изъ которыхъ получаетъ и земство, и получаетъ по возможности въ такомъ только количествѣ, въ какомъ это нужно для государственныхъ потребностей!

Отвѣтъ, данный министромъ финансовъ на ходатайство херсонскаго земства о займѣ изъ казны 150,000 р., есть, по нашему мнѣнію, самый отрезвляющій и поучительный для земствъ Земства должны начертать его для себя—я не скажу золотыми буквами, ибо это вовлечетъ ихъ въ обременительныя для ихъ суммъ расходы—а самыми крупными буквами, какими пишутся выѣски, и поставить его въ залахъ своихъ собраній, дабы онъ, въ случаѣ ихъ увлеченій какими-нибудь грандіозными идеями и проектами, угрожающими опустошеніемъ земскимъ кассамъ, охлаждалъ ихъ увлеченія, служа имъ *memento mori*. Въ отвѣтѣ этомъ заключаются двѣ мысли: 1) земство не имѣетъ никакого ни основанія, ни права смотрѣть на государственное казначейство, какъ на свою кладовую, изъ которой оно можетъ во всякое время позаимствовать нужное ему количество денегъ; 2) даже въ случаяхъ чрезвычайныхъ, земство не можетъ рассчитывать на помощь государственнаго казначейства: на обязанности государственнаго казначейства лежитъ удовлетвореніе государственныхъ потребностей, которыхъ всегда такъ много, что нѣрѣдко расходы, даже въ обыкновенное время, далеко превышаютъ сметное назначеніе. Слѣдовательно, въ чрезвычайныхъ случаяхъ тѣмъ менѣе можно ожидать здѣсь какихъ-нибудь остатковъ, которыми могло бы воспользоваться земство.

Съ точки зрѣнія отвѣта министра финансовъ, мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о тѣхъ пожертвованіяхъ, которыя дѣлаются представителями нашихъ самоуправленій на разныя общественныя нужды изъ общественныхъ сундуковъ.

Величина и количество пожертвованій, дѣлаемыхъ въ той или другой странѣ на разныя общественныя дѣла, если только эти пожертвованія дѣлаются искренно, съ охотою, безъ всякаго тайныхъ корыстныхъ видовъ, можетъ несомнѣнно служить признакомъ роста страны, указателемъ, насколько сильна общественная мысль въ странѣ, насколько понято обществомъ значеніе сама общественно-государственнаго и насколько интересамъ его дѣлается предпочтеніе предъ интересами своекорыстно-узкими индивидуальными интересами. Если посмотрѣть на Россію съ этой точки зрѣнія за послѣднія двадцать лѣтъ, то мы увидимъ, что, въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, наше общество значительно выросло. Кромѣ прежнихъ пожертвованій, извѣстныхъ подъ именемъ богоугодныхъ, имѣвшихъ цѣлю церковное благолѣпіе, призрѣніе больныхъ, бѣдныхъ, и т. п.—за послѣднее время явилось много пожертвованій съ цѣлю распространенія какъ народнаго образованія, такъ и образованія вообще—одно изъ крупнѣйшихъ пожертвованій этой категоріи въ миліонъ рублей принадлежитъ барону Штиглицу; потомъ, съ цѣлю обезпеченія быта крестьянъ: многіе помѣщики дали за выкупъ крестьянамъ болѣе земли, чѣмъ сколько слѣдовало по Положенію 19 го февраля; другіе подарили крестьянамъ слѣдовавшіе имъ надѣлы; самое крупное пожертвованіе послѣдней категоріи въ 900,000 р. на выкупъ крестьянъ въ Псковской Губерніи принадлежитъ покойному помѣщику этой Губерніи Пантелѣеву (что-то не слышно: какія распоряженія сдѣлали по духовному завѣщанію Пантелѣева?). Обильныя пожертвованія были принесены и продолжаютъ приноситься разными обществами и лицами, по случаю объявленія войны съ Турціею: на раненыхъ, на содержаніе семействъ ушедшихъ на войну солдатъ, дѣтей ихъ, на призрѣніе семействъ и дѣтей тѣхъ, которые падутъ на войнѣ и т. п. Если посмотрѣть, какъ относится къ нынѣшней войнѣ турецкое общество, къ войнѣ, которая объявлена у нихъ «священною», то мы можемъ справедливо гордиться нашимъ ростомъ и развитіемъ. Въ одномъ письмѣ изъ Константинополя въ «Пол. Корр.», отъ 1-го іюня (н. с.) пишутъ:

«Недавно были образованы различныя комитеты для сбора пожертвованій на военные расходы. Но, такъ какъ пожертвованія притекали очень скудно, то Порта приказала забрать здѣсь всѣхъ верховныхъ и урядныхъ лошадей чиновниковъ и оттоманскихъ подданныхъ. Но и эта мѣра удалась только на половину, потому что большая часть чиновниковъ, особенно армянскіе, или отослали отсюда своихъ лошадей, или продали за безцѣноу иностраннымъ подданнымъ. Почти такъ же поступала и большая часть оттоманскихъ подданныхъ. Чтобы сохранить для себя своихъ лошадей, они на время передали ихъ иностраннымъ подданнымъ. Сераскериатъ могъ захватить до сихъ поръ только до тысячи лошадей. Понисками за лошадьми занимаются индѣи Редифа-наши, и всегда очень счастливы, когда имъ приходится

дѣло имѣть не съ иностранными подданными, которые обыкновенно горды стоять за свое добро. Кромѣ того, правительство рѣшилось снять свинцовыя крыши съ мечетей, баней и другихъ общественныхъ зданій для употребленія ихъ на пули. Нѣкоторыя мечети уже лишлись своихъ кровель. Точно также забираются въ мечетахъ на государственныя нужды канделябры, люстры и другія серебряныя вещи. Была рѣчь даже о томъ, чтобы забрать серебряныя вещи въ церквахъ, однакожь, отъ этого на сей разъ удержались по весьма понятнымъ причинамъ». (N. A. Z.).

Какая разница между этимъ отношеніемъ къ общественному дѣлу и той готовностію на жертвы, какую выказало наше общество при объявленіи манифеста о войнѣ!!

Всматриваясь, однакожь, въ наши пожертвованія, я не могу сказать, чтобы и та высота, на которой мы стоимъ, была особенно значительна. Еслибы наше общество было болѣе развито, то, несомнѣнно, и масса пожертвованій была бы много громаднѣе, чѣмъ теперь, и самый источникъ, и способъ пожертвованій былъ бы другой, болѣе соответствующій понятіямъ и чувствамъ общества дѣйствительно высокоразвитаго.

Всѣ пожертвованія безъ заднихъ мыслей, искреннія, которыя дѣлаются въ настоящую войну, вызываются, конечно, двумя главными стимулами: 1) желаніемъ по возможности облегчить тяготы государственной казны или государства, обыкновенныя платежныя силы котораго чрезвычайными военными расходами доводятся до крайняго, едва переносимаго напряженія, и 2) сочувствіемъ къ той идеѣ, за которую ведется война, слѣдовательно, сочувствіемъ ко всѣмъ лицамъ, участвующимъ въ ней, желаніемъ облегчить, а, въ случаѣ нужды, устроить судьбы ихъ женъ, дѣтей и т. д.

Такъ какъ тяготы государственныя у насъ, главнымъ образомъ, лежать на народѣ, на немъ же онѣ остаются и въ чрезвычайное военное время, слѣдовательно, и въ военное время истощаются преимущественно его платежныя силы и средства, то первыми и главными жертвователями какъ въ военное время, такъ и вообще во времена чрезвычайныхъ бѣдствій въ государствѣ, требующихъ экстраординарныхъ финансовыхъ средствъ, какъ-то: голода, наводненій, пожаровъ и т. п., должны являться привилегированныя сословія государства. Они всѣ вообще болѣе или менѣе состоятельны; при этомъ они, какъ или совсѣмъ избавленныя отъ податной тяги, или только участвующія въ ней самымъ легкимъ образомъ, далеко несоразмѣрно своимъ доходамъ, должны чувствовать на себѣ нравственный долгъ помогать государству въ его трудныя минуты своимъ достояніемъ. Въ обществѣ высоко-развитомъ, но въ которомъ привилегированныя классы остаются еще не привлеченными, какъ у насъ, къ одинаковой, пропорціональной своему состоянію, податной тягѣ съ народомъ, правильнѣй порядкомъ пожертвованій былъ бы только тогда, когда бы всѣ привилегированные классы, и, притомъ, прежде всѣхъ,

Т. ССХХІІ. — Отд. II. 17

для примѣра другимъ, высшіе слои ихъ добровольно положили жертвовать извѣстный процентъ со всѣхъ своихъ доходовъ во все время войны. У насъ единственный примѣръ подобнаго рода пожертвованій показали только члены святѣйшаго синода, отказавшись на время войны отъ получаемаго ими жалованья. Я не думаю, однакожъ, чтобы и этотъ примѣръ, достойный, бесспорно, величайшаго уваженія и похвалы, возбудилъ къ подражанію лицъ, находящихся въ вѣдомствѣ святѣйшаго синода, и не почему-нибудь другому, а единственно потому, что въ данномъ примѣрѣ остается неизвѣстнымъ отношеніе сдѣланнаго пожертвованія къ остальнымъ доходамъ жертвователей. Большая часть служащихъ не только въ вѣдомствѣ святѣйшаго синода, а и вездѣ, живутъ исключительно однимъ жалованьемъ и, слѣдовательно, никоимъ образомъ не могутъ пожертвовать дѣлаго жалованья. Но каждый изъ служащихъ, навѣрное, принесъ бы и изъ своего скуднаго жалованья часть, пропорціальную той, которую приносятъ лица выснія изъ всѣхъ своихъ доходовъ. Если бы лица, стоящіе во главѣ разныхъ отраслей государственнаго управленія, во главѣ міра финансоваго, торговаго, промышленнаго и т. д. и т. д., собравшись вмѣстѣ, добровольно согласились жертвовать извѣстное количество процентовъ, положимъ, 5%, 10%, 20% со всѣхъ своихъ доходовъ, то ихъ примѣру съ охотою послѣдовали бы всѣ лица, имъ подчиненныя или вращающіяся съ ними въ одномъ и томъ же мірѣ. Нужно только, чтобы главные представители всѣхъ высшихъ міровъ какъ официальныхъ, такъ и неофициальныхъ, сдѣлали это разомъ, сообща положили одинаобразный процентъ съ своихъ доходовъ. — Рядомъ съ этимъ могли бы идти пожертвованія и отъ добротныхъ дателей, тѣхъ, которые особенно сочувствуютъ идеѣ — принадлежали ли бы они къ сословіямъ привилегированнымъ, но пожелали бы дать болѣе того процента, которымъ эти сословія себя обложили, или къ непривилегированнымъ. При такомъ порядкѣ собралась бы такая громада пожертвованій, о которой нынѣшнія пожертвованія, во всей ихъ совокупности, не могутъ дать никакого представленія. Очень можетъ быть, что тогда пожертвованіями устранялась бы потребность государственнаго займа. Затѣмъ, если бы война продолжалась, если бы потребовались еще средства для покрытія расходовъ, тогда уже можно бы было обратиться къ общественнымъ сундукамъ, имѣющимъ специальное назначеніе, и взять изъ нихъ тѣ суммы, которыя не могутъ своерѣдно потребоваться для тѣхъ дѣлъ, для которыхъ онѣ назначены и трата которыхъ не внесла бы никакого замѣшательства въ эти дѣла. Тогда представители всѣхъ общественныхъ сундуковъ, въ которыхъ есть такіа деньги, имѣли бы право съ спойною совѣстью взять ихъ и положить на алтарь отечества, въ виду сильнаго его ослабленія, и имѣли бы право съ неменѣе спойною совѣстію требовать внослѣдствіи возмѣщенія ихъ отъ тѣхъ,

кто обязанъ наполнять тѣ общественные сундуки, изъ которыхъ сдѣланы пожертвованія.

Теперь пожертвованія дѣлаются порядкомъ, совершенно обратнымъ тому, о которомъ мы говоримъ. Конечно, и къ этому способу пожертвованій нельзя не относиться съ сочувствіемъ, ибо онъ во всякомъ случаѣ показываетъ готовность жертвовать. Но это совсѣмъ не то, чего бы можно было ожидать отъ дѣйствительно развитыхъ общественныхъ представителей и чего можно было бы желать. Не то -- потому, что въ подобныхъ пожертвованіяхъ лично участвуютъ только представители общественныхъ ящичковъ, а представляемые ими не участвуютъ. Предполагая даже, что воля послѣднихъ вполне совпадаетъ съ волею первыхъ, мы, все таки, должны будемъ согласиться, что здѣсь къ пожертвованію привлекаются лица, уже внесшія и вносящія далеко не вдоволь лепту на общественныя дѣла въ разныхъ налогахъ и сборахъ, а не тѣ, которые отъ налоговъ и сборовъ или совсѣмъ свободны, или соприкасаются къ нимъ самымъ легкимъ образомъ. Еще относительно сербской войны было замѣчено, что нѣсколько милліоновъ на пользу славянъ составились изъ пятковъ и трешниковъ, принесенныхъ простымъ народомъ, что сословія привилегированныя участвовали въ образованіи этихъ милліоновъ очень мало. Тоже, пожалуй, можетъ впоследствии оказаться, когда будетъ сводиться окончательный отчетъ о пожертвованіяхъ въ нынѣшнюю войну. Было бы совсѣмъ не то, если бы для сбора пожертвованій былъ принятъ тотъ порядокъ, о которомъ я говорю. Теперь средніе и высшіе, и даже въ значительной части высшіе слои привилегированныхъ сословій или не участвуютъ вовсе въ пожертвованіяхъ, или не участвуютъ въ нихъ въ мѣру своихъ достатковъ, потому что не видятъ для себя примѣра и возбужденія въ высшихъ представителяхъ привилегированныхъ классовъ. И это очень понятно. Возьмемъ для примѣра хоть міръ торговый. Предположимъ, что въ Петербургѣ есть десять человѣкъ такихъ купцовъ, которые имѣютъ ежегодно чистаго дохода по 500,000 руб., и они именно и суть самые высшіе представители торговаго петербургскаго міра. Предположимъ, что они сошлись бы и согласились жертвовать на потребности военнаго времени, пока оно продолжается -- по 10% своего чистаго дохода, т. е. каждый по 50,000 руб. Тогда и тѣ купцы, которые имѣютъ чистаго дохода всего 5,000 руб. въ годъ, принесли бы каждый по 500 руб. на эти потребности, и я думаю, большая часть принесла бы съ удовольствіемъ, и только нѣкоторые развѣ потому, чтобы не уронить себя. Но, разъ представители торговаго міра не даютъ такого примѣра, никакъ нельзя ожидать, чтобы купецъ, получающій въ годъ чистаго дохода всего 5,000, сталъ жертвовать ежегодно по 500 руб., исключая развѣ нѣсколькихъ личностей съ особенно-патріотическимъ настроеніемъ. Нельзя ожидать потому, что каждому купцу, имѣющему доходу всего 5,000 руб., весьма естественно, будутъ приходить въ голову слѣдующія мысля: съ

какой стати я буду жертвовать по 500 руб. въ годъ, когда люди одного со мною званія, получающіе въ сто разъ болѣе меня, дадутъ только какіе-нибудь гроши? Потомъ, если я одинъ и буду ежегодно давать по 500 руб., какую пользу такой ничтожной суммой я доставлю дѣлу, на которое нужны милліоны?» Точно также разсуждаютъ, и разсуждаютъ не совсѣмъ безъ основанія, люди средніе и младшіе и во всѣхъ официальныхъ и неофициальныхъ мірахъ привилегированнаго класса. Оттого пожертвованія изъ этого класса всегда туги и совсѣмъ не въ размѣрѣ тѣхъ средствъ, которыми онъ обладаетъ, и не въ соответствии съ тѣми тягостями, которыя несетъ народъ.

Есть и другія соображенія, по которымъ нынѣшній порядокъ пожертвованій никакъ нельзя признать наилучшимъ, самымъ желательнымъ. Война не застраховываетъ страну отъ случайныхъ бѣдствій внутреннихъ, какъ-то: пожаровъ, голода, наводненій и т. п. Потому общественные сундуки, на специальной обязанности которыхъ лежитъ заботиться о благосостояніи жителей тѣхъ или другихъ мѣстностей, всегда должны оставлять настолько у себя запаса, чтобы, въ случаѣ какихъ-нибудь случайныхъ бѣдствій, имѣть возможность дать хоть небольшую помощь пострадавшимъ. Такъ и въ настоящее время разливомъ Днѣпра причинены страшныя бѣдствія на огромномъ протяженіи. Въ «Одесскій Вѣстникъ» въ прошедшемъ мѣсяцѣ писали, что «все Поднѣпровье отъ Кременчуга до Херсона затоплено: села, деревни, хутора и усадьбы стоятъ въ водѣ. Такъ, въ селеніи Грушевкѣ около ста домовъ совершенно разрушены; церковь, училище и экономическія постройки затоплены; около трехсотъ десятинъ посѣвовъ находятся подъ водою. Вблизи Херсона виднѣется изъ-подъ воды крестъ и крыша монастыря; вѣсковые дубы выглядываютъ изъ воды своими верхушками, а на берегу рѣки находятъ зачастую утонувшихъ воловъ». Въ обыкновенное спокойное время подобное громадное бѣдствіе обратило бы на себя вниманіе всей Россіи. Теперь вниманіе всѣхъ отвлечено войною; на военныя же потребности обращены и всѣ пожертвованія частныхъ лицъ. Государство, еще болѣе занятое войною, не можетъ оказать, еслибы и хотѣло, большой помощи пострадавшимъ, да можетъ считать себя, по всей справедливости, и не обязаннымъ къ этому, разъ имъ дано самоуправленіе, учрежденъ особый самостоятельный органъ, на который возложена обязанность заботиться о мѣстныхъ нуждахъ: это — земство. Но чтѣ будетъ дѣлать въ подобныхъ случаяхъ земство съ своими пустыми сундуками? Мы уже видѣли, въ какомъ положеніи находится сундукъ херсонскаго земства. Не въ особенно лучшемъ положеніи, вѣроятно, сундуки и другихъ земствъ. И какая, спрашивается, польза государству изъ того, что земства, разбросавъ сотни тысячъ на дѣла, имъ неуказанныя, оставляютъ потомъ безъ помощи и руинируютъ вѣранный имъ прямому и непосредственному попеченію районъ? Не отнимать

ли они въ этомъ случаѣ у государства въ десять, во сто разъ болѣе, чѣмъ сколько даютъ въ другомъ?

Прискорбно видѣть, что, въ то самое время, когда, выражаясь словами «Московскихъ Вѣдомостей», «дѣйствительно лучшая часть Россіи да почти вся, за немногими исключеніями *русскихъ иностранцевъ*, съ изумительнымъ самоотверженіемъ несетъ свою кровь, свои потомъ добываемыя деньги на великое, святое дѣло освобожденія братьевъ и обезпеченіе своихъ самыхъ жизненныхъ интересовъ», когда вмѣстѣ съ этимъ подвигомъ дѣла соединяется подвигъ слова и чувства и каждый истинный патріотъ съ презрѣніемъ относится не только къ разнымъ навѣтамъ, клеветамъ, сплетнямъ продажной иностранной журналистики, но не обращаетъ вниманія на пристрастныя, своекорыстныя или узкія сужденія и самыхъ европейскихъ обществъ—мало того: равнодушно относится къ протестамъ и угрозамъ недружелюбныхъ намъ турколюбивыхъ правительствъ и радуется тому, что Россія, освободившись отъ сѣтя дипломатіи, можетъ идти своею собственною дорогою по своему усмотрѣнію, прискорбно, говоримъ, видѣть, что въ это самое время начинается пробиваться измѣна въ русской литературѣ, измѣна уже не молчанія, въ которой обвинялъ насъ «Русскій Міръ», а измѣна слова, слѣдовательно — измѣна, способная внести смуту въ умы.

Первый такую измѣну учинилъ г. Петръ Боборыкинъ. Отправленный газетою «Нашъ Вѣкъ» корреспондентомъ въ австрійскія земли, «очевидно—поясняютъ «Московскія Вѣдомости» — съ цѣлью сообщать своимъ читателямъ интересныя новости и событія изъ политическаго міра, въ связи съ ходомъ настоящей войны», онъ уже на первыхъ шагахъ началъ спотыкаться въ своихъ корреспонденціяхъ. «И въ Варшавѣ, и въ Вѣнѣ, почтенный русскій литераторъ, пишутъ «Московскія Вѣдомости»:—озабоченъ главнѣйшимъ образомъ тѣмъ, чтобы передъ разными свѣтлами иностранной журналистики оправдать Россію въ взводимыхъ на нее тяжкихъ обвиненіяхъ въ недостатокъ либерализма и европеизма». Вотъ онъ каковъ г. Петръ Боборыкинъ! Но это—только начало: чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Въ Вѣнѣ австрійско мадьярская атмосфера начинаетъ дѣйствовать удушающимъ образомъ на г. Боборыкина: не только патріотизмъ его здѣсь начинаетъ пошатываться, но въ него закрадывается рѣшительная измѣна. Онъ заводитъ сношенія съ младшими сотрудниками «Neue freie Presse»—мало того: идетъ, наконецъ, на свиданіе съ самимъ редакторомъ этой газеты—преститутки—Этьеномъ. Еслибы это свиданіе имѣло патріотическую цѣль, если г. Боборыкинъ далъ Этьену почувствовать подъема русскаго духа, пригрозилъ ему или, по крайней мѣрѣ, какимъ-нибудь образомъ выразилъ свое неудовольствіе, то это было бы еще понятно. Но г. Боборыкинъ повелъ себя не такъ. «Передъ этимъ господиномъ, говорятъ «Московскія Вѣдомости», имѣющимъ (по словамъ г. Боборыкина) видъ *(будто бы только*

видъ! Зам. М. В.) quasi-либеральнаго, преданнаго биржѣ и легкой наживѣ буржуа, нашъ передовой мыслитель съелъ нужнымъ расшаркиваться, оправдывать большинство нашей печати, лучшую часть нашего общества, желающихъ также только того, за что якобы ратуетъ «Neue freie Presse». Онъ, г. Боборыкинъ, принужденъ говорить г. Этьену, самому Э-т-ъ-е-н-у, что онъ смѣшиваетъ двѣ вещи—официальную сторону и націю въ лицѣ лучшихъ ея представителей и въ формѣ искреннихъ народныхъ стремленій». Но и на этомъ дѣло не остановилось. Г. Боборыкинъ до того увлекся или возбужденъ былъ Этьеномъ, что, когда тотъ высказалъ, что русскіе хотятъ водворить въ Европѣ социализмъ, подкочпаться подъ европейскую культуру, то г. Боборыкинъ чуть не поступилъ въ корреспонденты «Neue freie Presse», по крайней мѣрѣ, откровенно высказалъ, что «какъ бы не задвинулъ себя туркофильскій органъ вѣнской журналистики, *хорошій патриотизмъ* заключается въ томъ, чтобы заставить эту газету печатать о Россіи честныя и правдивыя письма. Иначе нельзя добиться очистки даже фактической почвы». Это ужъ совсѣмъ изъ рукъ вонъ! Помогите, что всѣ похождения г. Боборыкина въ редакціи «Neue freie Presse» могутъ быть объяснены отчасти простымъ любопытствомъ, а отчасти и патриотическимъ даже желаніемъ видѣть слабыя стороны своего врага, намѣреніе же его обратитъ на путь истинны человѣкъ, который тѣмъ и живетъ, что торгуетъ истиною и совѣстью, сразу обдаетъ свойственнымъ болѣе или менѣе всѣмъ намъ россиянамъ прекраснородіемъ или, если угодно, легкомысліемъ... Но, вѣдь, и измѣна, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать, можетъ прикрываться этими невинными качествами? Кто можетъ различить: гдѣ дѣйствуетъ простое любопытство, патриотизмъ, прекраснородіе, легкомысліе и гдѣ кроется измѣна? А между тѣмъ, такіе явно преступныя и измѣнническіе поступки, какъ свиданіе съ младшими редакторами «Neue freie Presse», свиданіе даже со старшимъ и расшаркиваніе предъ нимъ, наконецъ, покушеніе заставить говорить о насъ хорошо ненавидящую насъ газету и прославленіе подобнаго покушенія, яко бы хорошаго патриотизма, если бы всѣ эти дѣйствія были никѣмъ не обличены, они очень легко могли бы, повѣданныя Россіи, произвести смуту въ неопытныхъ умахъ, парализовать наше патриотическое настроеніе, поселивъ въ нихъ сомнѣніе въ либерализмъ и европеизмъ нашего отечества. Вотъ почему нельзя не благодарить тѣ органы печати, которые стоятъ на стражѣ патриотизма, неусынно и нещадно обличая даже другъ друга въ измѣнѣ. Но въ особенности приятно, что поползновенія къ измѣнѣ зорко замѣчаются въ каждомъ частномъ писателѣ и обличаются немедленно по появленіи; приятно потому, что этимъ предупреждается, съ одной стороны, смута неопытныхъ умовъ, а съ другой—писателю дается возможность немедленно объясниться, а впредь подобныя поползновенія въ себя сокращать. На этотъ разъ благодарность принадлежитъ «Московскимъ Вѣдомостямъ». Они порядочно потрепали г. Бо-

борьбина и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выяснили ему и всѣмъ, конечно, кому то вѣдать надлежитъ, что, вопреки его мнѣнiю, «хорошiй патриотизмъ, по ихъ понятiю, заключается въ томъ, чтобы не унижаться русскому литератору, русскому образованному, снисходя до посвѣщенiя господъ Этьеновъ и Ко.»—Ну, это ужъ, мнѣ кажется, немножко слабовато. Положимъ, что я до посвѣщенiя какого-нибудь... съ позволенiя сказать, Этьена не унижусь; но неужели же, если онъ гдѣ-нибудь случайно встрѣтится со мной на улицѣ, на гуляньѣ, въ обществѣ, неужели это такъ ему и спустить? Даже такъ, яко-бы не нарочкомъ, и на ногу не наступить, и локтемъ не толкнуть?.. Нѣтъ, ужъ это, какъ хотите, совсѣмъ было бы непатриотично... не искренно...

Другую измѣну учинилъ... кто бы этого могъ даже ожидать? Князь Васильчиковъ, тотъ самый, который издалъ двѣ большiя книги—одну о самоуправленiи, а другую о землевладѣнiи. По поводу вынѣшней войны князь Васильчиковъ напечаталъ въ «Сѣвер. Вѣстн.» статью, подъ заглавiемъ: «Наши пессимисты», въ которой доказываетъ, что, не будь у насъ пессимистовъ, вынѣшняя война была бы нами избѣгнута, что именно празднословiе ихъ «о разстройствѣ нашей армiи и финансовъ, о растлѣнiи нашихъ общественныхъ нравовъ, о расслабленiи вообще колосса»—вселило въ иностранныхъ дипломатахъ надежду на возможность нашего пораженiя, а они—дипломаты—«шепнули Турцiи послѣднее слово, которое и привело насъ къ войнѣ». Положимъ, что предположенiе это и не лишено въ извѣстной степени вѣроятiя. Но какъ высказывать его теперь, когда, выражаясь словами «Русскаго Мiра», «подъемъ народнаго духа», «великая минута» и т. д. и т. д. чувствуется вездѣ и всѣми! Если бы оно было и вполнѣ истинно, не прямая ли наша обязанность тщательно скрывать его, чтобы не разстроить гармонiи всеобщаго патриотическаго настроенiя? Какого истиннаго патриота не взорветъ мысль, что мы не желали войны, что мы хотѣли ея избѣгнуть, что намъ ее навязали!?? И она дѣйствительно взорвала редактора-издателя «Петербургскихъ Вѣдомостей», полковника Комарова.—«Такъ вотъ къ чему, восклицаетъ онъ, по поводу таковаго предположенiя князя Васильчикова:—сводитъ князь Васильчиковъ то вполнѣ народное и единодушное стремленiе всей Россiи, вызвавшее великую борьбу за свободу и братство славянскаго мiра. Во всемъ виновны какiе-то кружки и праздные разговоры (пессимистовъ) съ иностранцами. Князь Васильчиковъ маленькiе кружки замѣтилъ, а народное движенiе проглядѣлъ? Еслибы подобная статья, заключаетъ г. Комаровъ:—появилась въ «Neue Freie Presse», гдѣ и было собственно ея настоящее мѣсто, то въ Россiи она вызвала бы только улыбку»... Сейчасъ видно, гдѣ патриотизмъ—только слѣпое чувство, и гдѣ въ основанiи его есть разумная мысль, гдѣ онъ только трещитъ и копытитъ и гдѣ свѣтитъ. Князь Васильчиковъ, какъ человекъ не военный, не можетъ отрѣшиться отъ мысли, что война есть бѣдствiе, что начинать ее дозволи-

тельно только по праву, съ резонотъ, и изыскиваетъ ближайшія, послѣднія причины настоящей войны. Полковникъ Комаровъ самыя изысканія такихъ правъ и причинъ считаетъ позоромъ для русскаго патриотизма. «Какъ, говоритъ онъ, чтобы я могъ допустить, чтобы кто нибудь другой былъ виноватъ въ послѣдней войнѣ, а не мы. Да какъ это возможно допустить? За свободу и братство славянскаго міра мы всегда готовы безъ всякихъ правъ и причинъ...»

Иной, на нашемъ мѣстѣ, спросилъ бы г. Комарова: «согласился, что вполнѣ народное и единодушное стремленіе всей Россіи, какъ вы говорите, вызвало великую борьбу, за свободу и братство славянскаго міра»: но вѣдь должны быть причины, по которымъ это стремленіе осуществилось именно въ послѣдній годъ, а не прежде? Затѣмъ, извѣстно всѣмъ, что это вполнѣ народное и единодушное стремленіе соглашалось и отложить войну на извѣстныхъ условіяхъ, слѣдовательно, должны быть причины, по которымъ эти условія не приняты. А если такъ, то весьма естественно и изысканіе этихъ причинъ. Но мы этихъ вопросовъ г. Комарову не предложимъ изъ уваженія къ тому, что, занятый за послѣднее время дѣлами и хлопотами по штабу тимоокско-моравской арміи, онъ отвыкъ отъ гражданской печати и мало ее разумѣетъ, и изъ уваженія къ тому пылу патриотизма, воодушевленный которымъ онъ обличилъ измѣну князя Васильчикова.

Человѣкъ не военный въ статьѣ князя Васильчикова нашелъ бы пищу для своихъ размышленій и недоумѣній скорѣе въ томъ странномъ приѣмѣ или, правильнѣе сказать, той хитрой постановкѣ, которую онъ далъ своей статьѣ, такъ что, прочитавъ ее, трудно рѣшить: что онъ такое: измѣнникъ въ смыслѣ «Петербургскихъ Вѣдомостей», или патриотъ?

Дѣло въ томъ, что подъ именемъ пессимистовъ въ своей статьѣ князь Васильчиковъ разумѣетъ не пессимистовъ во имя идеала, а пессимистовъ-эмпириковъ или, правильнѣе сказать, пессимистовъ-эгоистовъ, сдѣлавшихся пессимистами потому, что новые порядки отняли у нихъ много привилегій и интересовъ, которыми они прежде пользовались. Извѣстно, что каждый переворотъ или каждое широкое преобразование въ странѣ порождаетъ всегда массу такихъ недовольныхъ. Точно также и у насъ крестьянская реформа съ рядомъ послѣдующихъ реформъ должна была, естественно, создать себѣ много недовольныхъ и враговъ въ числѣ тѣхъ, интересы и привилегіи которыхъ были ея разрушены или уменьшены—и она дѣйствительно создала. «Между ними были, говоритъ князь Васильчиковъ:— и лица съ большимъ вѣсомъ и громаднымъ состояніемъ, занимавшіе въ послѣднее время (передъ крестьянскою реформою) высшія мѣста гражданскаго, придворнаго и дипломатическаго вѣдомствъ. Одни изъ нихъ удалились отъ дѣла по досадѣ оскорбленнаго самолюбія, видя, что ихъ предостереженія не остава-

вливаютъ преобразовательнаго стремленія, другія, по чувству прямой враждебности къ новымъ порядкамъ мирового и судебного управленія, но всѣ покидали свое отечество съ убѣжденіемъ, что, если направленіе это не измѣнится, то бунты крестьянъ, матежи студентовъ и раззореніе помѣщиковъ въ скоромъ времени доведутъ Россію до полнѣйшаго безсилія, до матеріальнаго и нравственнаго распадѣнія. Эти-то свои мнѣнія, вздохи и плачь они выносили съ собою въ чужія страны, и, такъ какъ главнымъ притономъ русскихъ туристовъ и эмигрантовъ была всегда Франція, такъ какъ въ Парижѣ, Ниццѣ, По образовались въ то время цѣлыя колоніи русскихъ, то естественно, что отголоски такихъ отзывовъ доходили до французскихъ, проникали и въ парижскіе клубы, и въ политическіе салоны, и даже въ правительственныя сферы бонапартистовъ, гдѣ многія русскія фамиліи принимались, какъ домашніе и родственники». Болтовня этихъ пессимистовъ имѣла, по словамъ князя Васильчикова, своимъ послѣдствіемъ то, что нѣкоторыя европейскія правительства, увѣренныя въ безсиліи Россіи, осмѣлились послать ей ноты по поводу польскаго возстанія. Это вмѣшательство было, однакожь, остановлено на первомъ шагу твердымъ словомъ канцлера. Но внутренней пессимизмъ этимъ не унялся. Напротивъ, все росъ и росъ въ великосвѣтскомъ нашемъ обществѣ, проникнутомъ насквозь тѣмъ мнѣніемъ, что «на пути реформъ мы зашли слишкомъ далеко, идемъ слишкомъ быстро и что, будто бы, отъ этого, отъ быстроты движенія закружились головы, замутились чувства религиозности, нравственности, любви къ отечеству, преданности къ Государю». «Можно сказать, говоритъ князь Васильчиковъ:— что въ извѣстныхъ сферахъ, и, въ сожалѣнію, въ тѣхъ, гдѣ имѣютъ наиболѣе доступа иностранцы, туристы, дипломаты, военные агенты, иностранные принцы и ихъ многочисленные свиты, рѣдко гдѣ можно было услышать похвальное, замѣчательное слово о нашемъ экономическомъ и общественномъ положеніи; все представлялось на изнанку, и изъ пребыванія своего въ Петербургѣ наши гости должны были неминуемо выносить впечатлѣніе, что, при такомъ общемъ разстройствѣ страны и народа, всякая политическая инициатива немислима». Вотъ мысли, которыя постоянно, впродолженіи 20 лѣтъ, черпала относительно насъ Европа изъ нашего великосвѣтскаго общества. Когда началось послѣднее возстаніе славянъ и поднялся восточный вопросъ, вся Европа понимала, что Турцію можно только принужденіемъ заставить сдѣлать то, что испрашивалось славянами и что требовалось европейскими правительствами. Князь Васильчиковъ справедливо говоритъ, что весь вопросъ съ самаго начала сводился къ тому: рѣшится ли Россія поддержать силою оружія заявленную ею и поддержанную съ болшею или меньшею искренностью другими кабинетами домогательства и требованія? «Тогда нашимъ пессимистамъ, продолжаетъ князь Васильчиковъ:— открылось широкое поприще. Они доказывали и, къ сожалѣнію, убѣ-

длинъ нѣкоторые правительства, что ни въ какомъ случаѣ ни не хотимъ, и еслибы хотѣли, то не можемъ обнажить мечъ по необходимости у насъ ни денегъ, ни арміи. Дипломаты иностранные принимали пессимистовъ за органы общественнаго мнѣнія и правительственныхъ воззрѣній и отписывали своимъ дворамъ: «что вы, молъ, Россіи не опасайтесь: за исключеніемъ нѣсколькихъ чувствительныхъ особъ женскаго пола и московскихъ славянофиловъ, никто и не думаетъ вести войну за братья-славяны; люди денежные сокрушаются о разстройствѣ финансовъ, упадкѣ фондовъ, пониженіи курсовъ; люди военные оплакиваютъ упадокъ дисциплины; высшіе сановники озабочены нигилистическимъ настроеніемъ юношества» и т. п. На основаніи всего вышесказаннаго, князь Васильчиковъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: «въ данномъ случаѣ, въ настоящемъ кризисѣ можно навѣрное сказать, что Англія не рѣшилась бы сдѣлать Турціи отклонить требованія русскаго правительства, еслибы она не думала, что движеніе въ пользу славянъ — поверхностная и искусственная агитація, которая не можетъ быть поддержана ни русскимъ оружіемъ, ни русскими финансами по крайнему ихъ разстройству. Такимъ образомъ, наши миролюбивые пессимисты оказали Россіи медвѣжьёю услугу и вовлекли насъ въ войну, которая, вѣроятно, безъ нихъ была бы избѣгнута».

Та сторона статьи князя Васильчикова, о которой я теперь говорю, превосходна. Намъ, не имѣющимъ понятія о великосвѣтскомъ обществѣ, авторъ своимъ изображеніемъ этого общества открываетъ новую Россію, такъ не похожую на всю остальную Россію, такъ чуждую ей, можно сказать, даже невѣроятную для каждаго русскаго. Мы думали до сихъ поръ, что некое великосвѣтское общество, какъ высоко поставленное надъ уровнемъ обыкновеннаго общества, близкое къ Европѣ, воспитанное въ европейскихъ началахъ и привычкахъ, имѣющее въ средѣ своей людей, стоящихъ у кормила государства, самымъ горячимъ образомъ сочувствуетъ преобразовательному движенію Россіи, идетъ даже впереди этого движенія, намѣчаетъ ему инициативу. (Оказывается совсѣмъ напротивъ. Въ то время, когда вся Россія съ пріивѣтомъ и восторгомъ принимала каждую изъ реформъ послѣдняго времени, начиная съ крестьянской, и, прилагая ихъ къ дѣлу въ своей жизни, не стѣснялась ихъ широтою, въ это самое время великосвѣтское общество, на каждое расширеніе правъ народа и общества, даруемое верховною властію, смотрѣло съ неудовольствіемъ, парализировало дѣйствіе реформъ, компрометировало ихъ за-границею и — *horribile dictu* — накликало на насъ даже войну. Такъ изображаетъ великосвѣтское общество князь Васильчиковъ, а онъ знаетъ его. Предположимъ, что онъ даже нѣсколько преувеличиваетъ, предположимъ, что только на половину справедливо все то, что онъ пишетъ о великосвѣтскомъ обществѣ; но, и въ такомъ случаѣ, надобно принимать мѣры... Не

забудемъ при этомъ, что князь Васильчиковъ говоритъ только о вліяніи великосвѣтскаго общества на за-граничныя правитель-ства. Это для насъ хета и очень важно, но, все-таки, не такъ важно, какъ вліяніе великосвѣтскаго общества на ходъ нашихъ реформъ, если бы таковое предположить — о чемъ князь Васильчиковъ не говоритъ. Можно ли, однакожъ, этого не предположить, имѣя въ виду, что изъ великосвѣтскаго общества выходятъ не мало официальныхъ и болѣе или менѣе крупныхъ дѣятелей и по крестьянскому благоустройству, по надѣлу крестьянъ землею и по самоуправленію и т. д.?

Практическій выводъ изъ своей статьи князь Васильчиковъ ограничиваетъ совѣтомъ, чтобы пессимисты — въ виду вреда, который они наносятъ Россіи, попридерживали языкъ за зубами, не давали ему много воли. Но самъ князь Васильчиковъ, конечно, очень хорошо понимаетъ всю непрактичность этого практическаго совѣта. Ни одинъ пессимистъ его не послушаетъ и впродъ будетъ дѣйствовать, конечно, такъ же, какъ онъ дѣйствовалъ до сихъ поръ. Да и вліяніе пессимистовъ, по признанію самаго князя Васильчикова, держится настолько на ихъ личномъ авторитетѣ, сколько на той видимости, которая подтверждаетъ ихъ праздную болтовню. Но видимость не есть, однакожъ, настоящая дѣйствительность. Это — только бросающійся въ глаза наружный покровъ дѣйствительности, ея отертая всѣмъ поверхность при спокойномъ состояніи общества. Когда общество выходитъ изъ своего равновѣсія, когда общественныя силы приводятся въ напряженіе, тогда является настоящая дѣйствительность, въ которой не оказывается ничего похожего на ту видимость, которую мы принимаемъ за дѣйствительность. Такъ это случилось и въ настоящую войну. Это показываетъ, что мы не знаемъ нашей настоящей дѣйствительности, а потому не понимаемъ надлежащимъ образомъ и нашей видимости, не знаемъ, въ какомъ она находится отношеніи къ послѣдней, хотя такое отношеніе несомнѣнно есть. Въ такомъ мракѣ и недоразумѣніи относительно нашей настоящей дѣйствительности мы будемъ пребывать до тѣхъ поръ, пока не спустимся въ эту дѣйствительность, не объяснимъ ея для себя и не установимъ ея правильнаго отношенія къ нашей видимости. Какъ это сдѣлать, какими путями привести видимость въ гармонію съ настоящею дѣйствительностію, и какъ найти эти пути — вотъ тотъ, по нашему мнѣнію, прямой вопросъ, къ которому должны были привести князя Васильчикова его соображенія о болтовнѣ пессимистовъ. Тогда только у послѣднихъ отнялась бы навсегда возможность пользоваться видимостію для своихъ цѣлей. Князь же Васильчиковъ, повидимому, думаетъ, что видимость можетъ оставаться такою же, какова она есть, что можетъ оставаться во всей своей прежней силѣ и тотъ порядокъ вещей, который производитъ подобную обманчивую видимость, и что для благоденствія общества, для того, чтобы съ нимъ и на будущее время не послѣдовало такого неожиданнаго казуса, какъ война отъ болтов-

ни пессимистовъ, довольно имъ прочесть только ту мораль, которую онъ читалъ. Они — такіе неопытные, что ничего до сихъ поръ подобнаго не слышали и не знали, а разъ теперь услышали это отъ князя Васильчикова, сейчасъ и прикусать азыкъ...

Въ заключеніе, я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о сибирскомъ университетѣ. Когда шла рѣчь объ основаніи въ Сибири университета, я два раза говорилъ о томъ, что въ Сибири университетъ основывать пока рано, что гораздо болѣе получить пользы Сибири, если то количество денегъ, которое потребуется на основаніе университета и на его ежегодное содержаніе, Сибирь будетъ употреблять на образованіе урожденныхъ сибиряковъ въ университетахъ столичныхъ и кончившихъ здѣсь курсъ будетъ давать привилегіи на сибирской службѣ съ тѣмъ, чтобы они оставались навсегда въ Сибири. Теперь вопросъ объ основаніи въ Сибири университета уже рѣшенъ. Идутъ споры только о томъ: гдѣ его основать? Одни желаютъ, чтобы университетъ былъ основанъ въ Томскѣ, другіе — въ Омскѣ. Потому образована особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ товарища министра народнаго просвѣщенія, съ дѣлью избрать мѣсто для сибирскаго университета. Мы не знаемъ, какія именно права даны коммиссіи? Имѣетъ ли она право избирать мѣсто для университета въ любомъ сибирскомъ городѣ, или ей предоставлено выбрать одинъ изъ двухъ спорныхъ въ настоящее время пунктовъ, т. е. Омскъ или Томскъ. На всякій случай мы выскажемъ, однакожь, и наше мнѣніе за третій пунктъ для сибирскаго университета, о которомъ до сихъ поръ никто, сколько намъ помнится, въ печати не говорилъ — именно за Иркутскъ.

О Сибири имѣются весьма скудныя и неопредѣленныя понятія въ Россіи. Всѣ знаютъ, конечно, что Сибирь — страна отдаленная, очень обширная, малонаселенная, но дистанціи ея, по ихъ громадности, имѣютъ очень мало походяго на дистанціи российскихъ, хотя и въ Россіи онѣ не маленькія; оттого онѣ у людей, не бывавшихъ въ Сибири, какъ-то трудно-удерживаются въ памяти и аснаго предствленія объ этихъ дистанціяхъ не въ то время, конечно, когда российскийъ человѣкъ пишетъ какую-нибудь статью о Сибири и запасается свѣдѣніями изъ источниковъ, а въ обыкновенномъ обиходномъ разговорѣ, почти-что не существуетъ. Вамъ не рѣдко случается здѣсь слышать даже въ бесѣдахъ образованнаго общества, что пріѣзжаго изъ Омска спрашиваютъ о тѣхъ или другихъ дѣлахъ и знакомыхъ въ Томскѣ, Иркутскѣ, пріѣзжаго изъ Иркутска — о дѣлахъ и знакомыхъ въ Благовѣщенскѣ, Николаевскѣ. Никто не будетъ пріѣхавшаго изъ Москвы спрашивать, что у васъ дѣлается въ Владимірѣ или Тулѣ, или пріѣхавшаго изъ Курска, что у васъ дѣлается въ Харьковѣ или Кіевѣ, хотя разстояніе между этими городами сравнительно съ сибирскими со-всѣмъ ничтожное. Не будутъ также спрашивать пріѣхавшаго изъ Тифлиса о томъ, что дѣлается въ Ставрополѣ или въ Валу, и на-

оборотъ, хотя Кавказъ такое же общее понятіе для всѣхъ этихъ городовъ, какъ и Сибирь для всѣхъ сибирскихъ городовъ. Все это показываетъ, что о сибирскихъ дистанціяхъ не существуетъ такого яснаго представленія, какое имѣется о дистанціяхъ российскихъ городовъ. Поэтому, прежде, чѣмъ говорить о мѣстѣ для университета, приведемъ въ нѣкоторую ясность дистанціи отдаленныхъ сибирскихъ городовъ:

	Москва	Томскъ	Иркутскъ
Николаевскъ.....	9,380 верстъ	5,796 верстъ	4,237 верстъ
Якутскъ... ..	7,961 >	4,377 >	2,818 >
Благовѣщенскъ	7,552 >	3,968 >	2,409 >
Чита	6,032 >	2,448 >	889 >
Кяхта.....	5,799 >	2,215 >	646 >

Предположимъ теперь, что университетъ будетъ основанъ въ Томскѣ. Въ Восточной Сибири будутъ пользоваться имъ почти только города, лежащіе по-сю сторону Иркутска, по ту сторону Иркутска — онъ будетъ доступенъ, самое большее, только развѣ для Читы. И изъ Приморской Области, и изъ Амурской, и изъ Якутской сюда въ состояніи будутъ отправлять на ученіе дѣтей своихъ лишь люди съ хорошимъ достаткомъ. Талантливыя дѣти родителей малосостоятельныхъ въ этихъ областяхъ точно такъ же не будутъ имѣть доступа къ высшему образованію, какъ и теперь. Если же университетъ будетъ въ Иркутскѣ, то онъ будетъ доступенъ для всѣхъ означенныхъ областей, не исключая самого крайняго пункта самой отдаленной области Приморской, благодаря дешевому водному сообщенію. Намъ могутъ сказать, что населеніе всѣхъ этихъ областей пока очень незначительно и не можетъ дать значительнаго контингента учащихся для университета. Совершенная правда. Но университетъ строится не на 10, не на 20 лѣтъ. А между тѣмъ, мы думаемъ, что въ теченіи не болѣе какихъ-нибудь 20-ти лѣтъ населеніе областей Амурской и Приморской сдѣлается очень значительнымъ. По богатству своей природы, по своему счастливому географическому положенію, доставляющему ему водяной путь въ Океанъ и возможность торговаго сношенія съ Японіей, Китаемъ, Америкой, край этотъ имѣетъ блестящую будущность, какой не можетъ надѣяться никакая другая изъ частей Сибири. При малѣйшемъ вниманіи и содѣйствіи правительства, край быстро заселится и разцвѣтетъ. Въ надеждѣ одного этого будущаго полезно имѣть въ возможной близости къ этому краю такое высшее учебное заведеніе, которое могло бы воспринимать изъ туземцевъ его, интересующихся краемъ, людей, способныхъ раскрыть и оцѣнить его богатства, намѣтить тѣ естественныя фонды, на разработку которыхъ должно быть обращено особенное вниманіе. Должно сказать, впрочемъ, что не только области Амурская и Приморская, но вообще Восточная Сибирь, представляетъ для ученыхъ изслѣдованій всѣхъ родовъ гораздо болѣе интереса, чѣмъ Западная Сибирь. Флора Восточной Сибири, неисчислимыя минеральныя богатства, прошедшее края, въ отношеніяхъ геоло-

гическомъ, историческомъ и т. д.—все это представляет почти неплохую еще почву для ученых изслѣдованій. Одинъ интересъ этихъ изслѣдованій можетъ привлечь такихъ преданныхъ наукъ талантливыхъ ученых на кафедры профессоровъ въ университетѣ иркутскомъ, какихъ ни за какія деньги не достанешь въ университетъ—въ Томскѣ или Омскѣ. (Объ университетѣ въ Омскѣ, впрочемъ, даже и говорить не стоитъ. Казенныя деньги, отпущенныя на основаніе университета здѣсь, были бы брошены совсѣмъ на вѣтеръ). Контингентъ студентовъ иркутскаго университета будетъ первоначально не великъ, если правительство не дастъ какихъ-нибудь особенныхъ льготъ въ немъ для воспитанниковъ отдаленныхъ гимназій и семинарій Западной Сибири и российскихъ губерній. Онъ будетъ состояться первоначально, главнымъ образомъ, изъ учениковъ семинарій и гимназій иркутской, красноярской, томской. Но, вмѣстѣ съ основаніемъ университета въ Иркутскѣ будутъ основаны, вѣроятно, гимназій и семинарій и въ нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ нами выше отдаленныхъ областей; а, кромѣ того, съ основаніемъ университета, несомнѣнно увеличится контингентъ учащихся въ гимназіяхъ и семинаріяхъ иркутской, красноярской, томской. Количество учащихся въ университетѣ сначала будетъ, во всякомъ случаѣ, не велико, но ученые, занимающіе профессорскія кафедры, принесутъ большую пользу краю и наукѣ научными изслѣдованіями края, каждый по своей специальности.

Впрочемъ, что касается контингента учащихся, то мы увѣрены, что и университетъ въ Томскѣ едва ли будетъ имѣть большее число учащихся, чѣмъ контингентъ въ Иркутскѣ. Потому что и университетъ томскій будетъ получать воспитанниковъ изъ тѣхъ же самыхъ гимназій и семинарій, какъ и иркутскій, т. е. изъ томской, красноярской, иркутской. Ни изъ Тобольска, ни изъ Омска, ни изъ Тюмени воспитанники гимназій и семинарій сюда не поѣдутъ, и вотъ почему:

	Москва.	Казань.	Томскъ.
Тобольскъ отъ	2,332 версты	1,506 версты	1,252 версты
Омскъ >	2,707 >	1,871 >	877 >
Тюмень >	2,075 >	1,249 >	1,509 >

Вы видите изъ этой таблички, что разстояніе Тобольска до Казани только на 250 верстъ болѣе, чѣмъ отъ Томска; Тюмень даже на 260 верстъ ближе къ Казани, чѣмъ къ Томску. Только Омскъ вдвое далѣе отъ Казани, чѣмъ отъ Томска, но мы не должны забывать, что теперь уже болѣе чѣмъ четвертая часть этого пути совершается водою—именно отъ Казани до Перми, а сверхъ того не сегодня-завтра отъ самой Тюмени будетъ идти желѣзная дорога до Перми, а тогда изъ Омска до Казани добхать гораздо будетъ удобнѣе и дешевле, чѣмъ до Томска. Тогда, вѣрнѣе мнѣ, ни одинъ самообдѣланный даромъ мальчишъ никогда не говорю уже изъ Тобольска или изъ Тюмени, а даже изъ Омска не поѣдетъ учиться въ томскій уни-

верситетъ. Я самъ—сибирякъ, отправлялся на ученье въ Россію изъ Сибири, и еслибы меня спросили теперь: что меня болѣе влекло въ Россію: стремленіе ли къ знанію (а оно было очень сильно во мнѣ), или желаніе видѣть Россію, то я, признаюсь, затруднился бы отвѣтить на этотъ вопросъ. И признаюсь откровенно, что, еслибы мнѣ сказали тогда, что, вотъ, молъ, дескать, высшее учебное заведеніе очень хорошее въ Томскѣ, и очень посредственное—не говорю въ Петербургѣ или въ Москвѣ—а даже въ Казани, то я непременно поѣхалъ бы въ Казань, а никакъ не въ Томскъ. Это все равно, что еслибы теперь любому ученику семинаріи или гимназіи російской предложили на выборъ, гдѣ онъ хочетъ лучше учиться: въ прекрасномъ ли университетѣ московскомъ или петербургскомъ, или посредственнымъ эрлангенскомъ или гиссенскомъ? Онъ на вѣрное избралъ бы послѣдній. Вообще, на Сибирь Западную, граничащую съ Россіей, на губерніи Тобольскую и Томскую нельзя въ настоящее время смотрѣть глазами времени Сперанскаго. Обѣ эти губерніи—Томскую въ значительной ея части—при существующихъ нынѣ путяхъ сообщенія, давно бы слѣдовало причислить къ внутреннимъ губерніямъ Россіи. Я думаю, что и генерал-губернаторство въ Омскѣ теперь совсѣмъ не имѣетъ никакого *raison d'être*, при существующемъ Семирѣченскомъ и Туркестанскомъ Краѣ. Однимъ словомъ, въ настоящее время, когда имѣется въ виду сдѣлать что-нибудь собственно для Сибири, для развитія этого края, надобно всегда принимать въ расчетъ, главнымъ образомъ, Сибирь Восточную, а не Западную. Послѣдняя и теперь во всѣхъ отношеніяхъ можетъ быть подведена подъ общія условія съ внутренними російскими губерніями. Восточная же Сибирь, по своей отдаленности, которую только сокращать, но не уничтожать даже желѣзные пути сообщенія, по своему географическому положенію, обуславливающему въ ея новыхъ областяхъ, Амурской и Приморской, совершенно другіе пути для ея развитія и процвѣтанія, а не тѣ, которыми пользуется западная Сибирь, навсегда останется болѣе или менѣе обособленною отъ Россіи, всегда будетъ имѣть нужду въ особыхъ самостоятельныхъ центрахъ для развитія своей культуры, промышленности, торговли.

ВЪ ПЕРЕМЕНКУ.

(ФАВТАЗІЯ, ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, ВОСПОМИНАНІЯ, ПРЕДСКАЗАНІЯ).

VII.

- Хотите видѣть спирита, медиума?
- Не хочю.
- Отчего?
- Оттого, что вздоръ.
- А вы все астрономіей, чтѣ ли, занимаетесь?
- Какой астрономіей?
- Да такъ вообще, пустяковъ никогда не дѣлаете?

Такой разговоръ происходилъ у меня однажды съ Шивой. Онъ убѣждалъ; я упирался, но, въ концѣ-концовъ, согласился. Сова и Нибушъ на отрѣзъ отказались. Любопытно, что я нимало не удивился предложенію Шивы, то есть тому не удивился, что именно онъ, Шива, къ которому, повидимому, такъ не шло вѣзаться со спиритизмомъ, знакомъ съ медиумомъ и даже устраиваетъ у себя спиритическій сеансъ. Я уже привыкъ знать, что онъ видится и водится, Богъ его знаетъ зачѣмъ, съ самыми разнообразными народами. По его словамъ, онъ и самъ въ первый разъ долженъ былъ увидѣть «эти фокусы»; съ медиумомъ познакомился случайно, и только объ немъ и знаетъ, что его зовутъ Канавинъ и что онъ изъ крестьянъ. Последнее, дѣйствительно, несомнѣнно обыкновенное обстоятельство его, кажется, преимущественно интересовало. Надо замѣтить, что теперешній мой рассказъ относится къ тому времени, когда о Бредифѣ еще помину не было и когда спиритическія упражненія, по крайней мѣрѣ, у насъ, въ Россіи, были сравнительно очень просты.

Въ назначенный день, я отправился въ извѣстную уже мнѣ квартиру Апостолова на Загородномъ Проспектѣ, но опоздалъ и засталъ все общество не только въ сборѣ, а даже за дѣломъ. Отворивъ мнѣ дверь, Апостоловъ сѣлъ къ круглому столу, стоявшему посреди комнаты, вокругъ котораго сидѣло уже нѣсколько человѣкъ. На предложеніе Шивы принять участіе въ манипуля-

дѣи, я сказалъ, что подожду, и сѣлъ поодаль у окна. Остальная публика только посмотрѣла на меня, молча. Публика была вотъ какая. Во-первыхъ, двое молодыхъ людей изъ «тетереватъ», которыхъ я зналъ по наслышкѣ. Это были ничѣмъ не замѣчательные молодые люди, одинъ—брюнетъ, другой—блондинъ. Оба, очевидно, конфузились и подбодривали себя той неопредѣленной, двусмысленной улыбкой, которую вы, вѣроятно, видали у людей, принимающихъ участіе въ дѣлѣ, въ серьезность котораго они не вѣрятъ и которое даже презираютъ. Они сидѣли рядомъ. По правую сторону блондина помѣщался широкоплечій, черноволосый мужчина лѣтъ сорока пяти, съ широкими скулами, узенькими, татарскаго покроя глазами и низкимъ лбомъ, который казался еще ниже, благодаря пересѣвавшему его отъ виска до виска, немножко нависось, шраму. Онъ носилъ только большіе, рыжевато-черные усы; энергически выдавшійся впередъ подбородокъ былъ выбритъ. Одѣтъ онъ былъ въ черный, до верку застѣгнутый сюртукъ. Я съ разу призналъ въ немъ медиума, потому что все въ немъ было мрачно, таинственно, необычно, даже, признаюсь, какъ то пошло необычно. Такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, показалось подъ влияніемъ моего болѣе, чѣмъ скептическаго отношенія къ спиритизму. Возлѣ медиума сидѣлъ Шива. Затѣмъ, нѣсколько знакомый мнѣ художникъ Токмаковъ, съ длинной рыжей бородой и рѣзкими чертами лица. А дальше двое незнакомыхъ—мужчина и женщина. Мужчина былъ высокій молодой человекъ лѣтъ, примѣрно, двадцати двухъ. Очень худое и точно восковое лицо его чуть-чуть залушилось бородкой, совсѣмъ свѣтлой, чухонскаго цвѣта. Такіе же у него и волосы были, длинные и рѣдкіе, падавшіе свади на воротникъ неровными косицами. Несоразмѣрно большіе свѣтло-сѣрые глаза смотрѣли необыкновенно кротко и, въ то же время, какъ будто, туповато. Молодой человекъ носилъ очки, одно изъ стеколъ которыхъ было треснуто поперекъ. Возлѣ него сидѣла дама съ весьма замѣчательнымъ лицомъ. Если хотите, самое лицо было вовсе не замѣчательное: чисто русское съ неопредѣленными, расплывающимися чертами. Но, во-первыхъ, надъ этимъ лицомъ возвышалась цѣлая корона совершенно сѣдыхъ волосъ, чисто серебряныхъ. Именно корона. Представьте себѣ два толстыхъ жгута, положенныхъ другъ на друга, въ видѣ вѣнковъ. Вдобавокъ, эти серебряные волосы представляли такой контрастъ съ сравнительно молодоюостью лица дамы, что, поневолѣ, казалось, будто это—чтò-то постороннее, надѣтое. Поразительны были тоже глаза дамы или, вѣрнѣе, взглядъ этихъ сѣрыхъ глазъ, острый, пронзительный. Очень тоже не подходилъ этотъ рѣзкій взглядъ къ мягкимъ, неопредѣленнымъ чертамъ лица дамы. Она не смотрѣла, а точно парой гвоздей приколачивала. Она и на меня такъ взглянула, когда я вошелъ, но тотчасъ же перевела свои гвозди на медиума, и мнѣ казалось, что ему немножко не по себѣ отъ этого упорнаго взгляда. Да-

мою съ серебряной короной заканчивался кругъ. Больше никого не было. Все маленькое общество держало руки на краяхъ стола, прикасаясь другъ къ другу большими пальцами и мизинцами. На столѣ лежалъ карандашъ, нѣсколько клочковъ бумаги, колокольчикъ. Всѣ молчали.

Прошло пять минутъ, десять... Мое положеніе было довольно глупое. Оно было бы, кромѣ того, до нѣльзя тоскливо и скучно, еслибы не фizioноміи медиума и дами въ серебряной коронѣ, которыя, поневолѣ, привоивали къ себѣ вниманіе. Глади на нихъ, я испыталъ ощущеніе, всѣмъ, безъ сомнѣнія, знакомое. Мнѣ вдругъ показалось, что когда-то, гдѣ-то я точно также сидѣлъ въ углу, у окна, а посерединѣ комнаты сидѣли вокругъ стола люди и молчали. То есть, не то, чтобы все это такъ отчетливо представлялось, но общій колоритъ минуты какъ будто уже былъ однажды пережитъ. Я не знаю, отчего это такъ бываетъ, да и никто, кажется, не знаетъ. Знаю только, что ощущеніе это довольно безпокойное и хотъ не то, чтобы тяжелое, а, все-таки, совсѣмъ ненужное. На этотъ разъ я былъ выведенъ изъ-подъ его власти голосомъ дамы въ серебряной коронѣ.

— Ничего вѣрно не будетъ, насмѣшливо сказала она, вполачивая свои гвозди прямо въ глаза медиума.

Тотъ сумрачно взглянулъ на нее и вдругъ вскрикнулъ. И въ это же время произошла короткая, но истинно безобразная сцена. Послышался какой-то стукъ, всѣ вскочили.

— Вотъ... вотъ... тамъ стояло... говорили: ничего не будетъ... вотъ... говорилъ медиумъ торжествующимъ и прерывающимся отъ волненія голосомъ.

— Къ ногамъ привязано было... осмотрите его ноги; я и не такіе фокусы видала, почти кричала дама въ серебряной коронѣ.

Рыжебородый художникъ громко хохоталъ. Бѣлокурный молодой человѣкъ присѣлъ на корточки и внимательно и сповоино осматривалъ стоявшее возлѣ стола кресло. «Тетеревята» бросились къ ногамъ медиума; тотъ отбивался и бормоталъ какую-то негѣпичу...

— Господа, что вы дѣлаете? такъ нельзя, остановите сцену Шива.—Господинъ Канавинъ самъ позволить вамъ осмотрѣть его ноги, а если и не позволить, такъ, все-таки, не годится...

Освобожденный медиумъ быстро направился къ двери.

— Отъ благородныхъ, образованныхъ людей я не думалъ такого... такой неприличности, сказалъ онъ все тѣмъ же прерывающимся голосомъ, ни къ кому въ особенности не обращаясь и выходя въ переднюю. Онъ сильно поблѣднѣлъ: густые черные волосы вздрагивали, а шрамъ на лбу точно обожглся, посвѣжѣлъ, поблѣднѣлъ. При этомъ заглушшее-было во мнѣ ощущеніе вторичности всего переживаемаго мною момента какъ будто обострилось: это блѣдное лицо съ багровымъ шрамомъ на лбу казалось такимъ знакомымъ, такимъ близкимъ. Апостоловъ

пошелъ проводить медіума, и я слышалъ, какъ онъ извинился передъ ними, объясняя поведеніе своихъ гостей внезапнымъ порывомъ. Однако, не удерживалъ. Медіумъ ничего не отвѣчалъ.

Я попросилъ рассказать мнѣ, въ чемъ дѣло, потому что рѣшительно ничего не понималъ. Оказалось слѣдующее. Свади и невозможно сбоку медіума стояло кресло, на которое навалена была порядочная груда книгъ. Кресло это вдругъ само собой подкатилось къ медіуму, такъ что ударило его одной ручкой въ бокъ. Всѣ присутствующіе это видѣли, кромѣ меня; всѣ ни малѣйше не сомнѣвались, что это—шарлатанство, даже мало искусное. Всѣ, опять-таки, кромѣ меня. Не потому, чтобы я допускалъ возможность самопроизвольнаго движенія кресла. Нѣтъ: я просто былъ совсѣмъ не тѣмъ занятъ. Передо мной все стояло блѣдное лицо съ взерошенными и вздрагивающими волосами и кровавымъ шрамомъ на лбу. И вдругъ мнѣ стало совершенно, безповоротко ясно, что медіумъ Канавинъ есть некто иной, какъ тотъ самый Яковъ, который нѣкогда забавлялъ меня глотаніемъ горячей пакли, вытаскиваніемъ лентъ изо рта и проч.; который потомъ разбилъ себѣ лобъ, сбѣгая по крутой каменной лѣстницѣ къ рѣкѣ, чтобы утопиться; образъ котораго, наконецъ, фантастически сплетаясь съ образомъ брата-мужика, терзалъ и ласкалъ меня въ моментъ первыхъ проблесковъ моего покаянія. Память быстро пробѣжала по этимъ забытымъ клавишамъ. Только заключительный аккордъ неприятно рѣзалъ ухо. Какъ ни какъ, Яковъ былъ мнѣ дорогъ и по прямымъ воспоминаніямъ, и по тому запасу молодыхъ душевныхъ силъ, который я въ свое время вложилъ въ эти воспоминанія, расцвѣтивъ ихъ и изукрасивъ. И этотъ дорогой для меня человекъ — шарлатанъ! Но въ ту же секунду я вспомнилъ наивную вѣру, съ которою фокусникъ Яковъ ходилъ въ полночь въ «старый домъ» для встрѣчи съ чортомъ, глубоко искренній тонъ его разсказовъ о превращеніи бѣлой вошки въ кучу денегъ, о «причащеніи адовскому бегу», которое совершалъ мой дѣдъ Темкинъ-Лютый и проч. Вспомнилъ и отказался судить Якова за шарлатанство. Какъ все это могло ввязаться вмѣстѣ—шарлатанство и вѣра, сознательное фокусничество и искреннее тяготѣніе къ таинственному — этого я даже не пытался разбирать, да и нѣкогда было: гораздо быстрее мелькнули всѣ эти мысли, чѣмъ ходитъ теперь мое перо по бумагѣ. Мнѣ одно нужно было, одного хотѣлось—сейчасъ же увидѣть Якова. Единственно для того, чтобы услышать подтвержденіе своей догадки, я спросилъ Апостолова, какъ зовутъ медіума, но онъ зналъ только фамилію. Ни имени, ни, что въ особенноти было прискорбно, адреса его онъ не зналъ. Торопливо показавъ руку Шивѣ и кивнувъ головой остальнымъ, я, не отвѣчая на распросы, кинулся вслѣдъ за Канавинымъ. Нальто я надѣлъ свое, но шапку захватилъ, въ торопяхъ, чужую и только на дворѣ замѣтилъ, что она, такая же бѣлая баранья, какъ моя.

*

была мнѣ чрезмѣрно велика: по самыя уши меня накрыла. Веротиться было, однако, некогда. Было часовъ десять. Фонари тускло горѣли въ морозномъ воздухѣ. Снѣгъ скрипѣлъ подъ полозьями саней. Рѣдкіе пѣшеходы старательно закрывали лица въ воротники, башлыки, платки.

— Яковъ! Яковъ!.. Господишь Канавникъ! крикнулъ я, выбѣжавъ за ворота и вглядываясь направо и налево.

— Чего орешь на прищехтѣ? осадилъ меня, довольно, впрочемъ, снисходительно, сидѣвшій у воротъ дворникъ. Онъ кутался отъ холоду въ полушубокъ.

— Сейчасъ тутъ человѣкъ вышелъ... Куда онъ пошелъ?

— Много тутъ вашего брата шляется! Въ кабакъ пошелъ...

— Въ какой кабакъ?

— Мало-ль кабаковъ... вонъ кабакъ...

Я пошелъ въ кабакъ черезъ улицу. Блокъ на кабацкой двери заскрипѣлъ, со мной ввалили глубы морознаго воздуха. Въ кабакъ было много народа: двое солдатъ, извозчикъ, цѣлая компанія мастеровыхъ. Было дымно отъ табаку и шумно. У самой стойки, за которою бойко хозяйничалъ молодой малый въ ситцевой рубахѣ подъ накинутымъ сверху полушубкомъ, стоялъ спиной къ дверямъ человѣкъ въ длинной шинели. Молодой малый ловко вывертывалъ для него крючкомъ пробку изъ какой-то посуды. Мнѣ показалось, что это долженъ быть Яковъ. Но, подойдя къ стойкѣ и заглянувъ ему въ лицо, я увидѣлъ, что ошибся. Молодой малый освѣдомился, чего я «позволю» налить. Я оглядывался.

— Эхъ, хочется барину выпить, да видно денегъ нѣтъ!

— Эй! баринъ! шапка-то у тебя чужая; гдѣ стиралъ?

Нелѣпная слабость заставила меня сконфузиться этихъ остротъ веселой компаніи. Я выпилъ какой-то гадости, налитой мнѣ молодымъ малымъ, заплатилъ и ушелъ, провожаемый дальнѣйшими остротами. Сивуха съ разу ударила въ голову, но не одурманила, а, напротивъ, придала бодрость и ясность мысли. Я пошелъ очень скоро, заглядывая въ лица прохожихъ и разсуждая примѣрно такъ: дворникъ подшутилъ надо мной, пославъ въ кабакъ, или ошибся, принявъ другого за того, кого я спрашивалъ; однако, зачѣмъ я иду влѣво, къ Владимірской? гораздо вѣроятнѣе, что Яковъ пошелъ въ противоположную сторону; можетъ быть, онъ даже живетъ гдѣ-нибудь въ Семеновскомъ Полуку—непремѣнно такъ; въ небольшой этакой комнатѣ, перегороженной пополамъ ситцевой драпировкой; но какая вообще вѣроятность, что я его нагоню? Глупо; онъ, можетъ быть, на извозчикѣ поѣхалъ; извозчикъ погналъ шибко, потому — холодно, да если и пѣшкомъ, такъ ужъ теперь далеко ушелъ.—Разсужденіе было вполне логическое, и оставалось только принять его къ руководству, то есть прекратить несообразное преслѣдованіе Якова и либо домой идти, либо къ Шивѣ вернуться. Я выбралъ

послѣднее, разсчитывая, все-таки, хоть что-нибудь подходящее услышать.

Гости Апостолова еще не всё разошлись. Дама въ серебряной коронѣ и высокой бѣлокурый молодой человекъ въ разбитыхъ очкахъ были на лицо. Они чайничали. На вопросъ, отчего я такъ внезапно убѣжалъ, я разсказалъ какое значеніе имѣеть для меня медиумъ Яковъ Канавинъ. Разсказалъ горячо и нескладно, отчасти благодаря выпитой въ кабакѣ гадости, но, во всякомъ случаѣ, вызвалъ сочувствіе. Даже гвозди дамы въ серебряной коронѣ какъ будто смягчились, хотя сначала она и сдѣлала очень рѣзкое замѣчаніе насчетъ того, что Яковъ—мошеникъ. Бѣлокурый молодой человекъ, дѣтски-ласково положивъ мнѣ руку на плечо, тихо, медленно и слегка заикаясь, посовѣтовалъ сходить въ адресный столъ. Онъ самъ, очевидно, понималъ всю малоцѣнность своего совѣта и очень скорбѣлъ, что не могъ придумать ничего лучшаго: это можно было, какъ въ книгѣ, причитать въ его огромныхъ, вроткихъ глазахъ. Шива, съ своей стороны, общалъ непремѣнно разьяскавъ Якова и, притомъ, съ такимъ то же участіемъ, съ такимъ теплымъ чувствомъ, какаго я за нимъ и не подозревалъ даже. Ему, впрочемъ, ничего и не стоило разьяскавъ Якова. Онъ встрѣтился съ нимъ въ одномъ великосвѣтломъ семействѣ, въ которомъ давалъ уроки, и, слѣдовательно, всегда могъ навести справки.

Онъ сдержалъ свое слово...

Впрочемъ, теперь не объ этомъ. Теперь мнѣ хочется разсказать про даму въ серебряной коронѣ, про бѣлокураго молодого человека въ разбитыхъ очкахъ, про рыжебородого художника. Очень достойные вниманія люди, особливо по нынѣшнему времени, когда васъ съ разныхъ сторонъ увѣряли, увѣряютъ и отчасти даже успѣли увѣрить, что ничего достойнаго вниманія нѣтъ, а есть какая-то дребедень, жалкая и смѣшная, въ которую даже вглядываться не стоитъ. Теперь, когда наши добровольцы уже совершили свои подвиги въ Сербіи, а наши войска еще совершаютъ подвиги въ Европѣ и Азіи, на сушѣ и на водѣ, многіе радуются, что вотъ, дескать, виѣшній толчокъ насъ разбудилъ, вызвалъ новыя чувства, новыя мысли, новыя стремленія, а то, дескать, вся Русь спала спомъ непробуднымъ. «Вся Русь»—это слишкомъ сильно сказано. Увѣряю васъ, она не вся спала, и вамъ стоитъ только немного повдумчивѣе осмотрѣться, чтобы увидѣть, что бодрственная жизнь шла и идетъ своимъ чередомъ. Вы ея не замѣчали—тѣмъ хуже для васъ: вы пропустили много любопытнаго, занимательнаго и поучительнаго. Что касается патріотическихъ чувствъ, мыслей, стремленій, то я даже совершенно не понимаю, какъ можно ихъ считать и назы-

вать новыми: крымская война и польское возстаніе, кажется, отъ насъ не за горами. Я, впрочемъ, ничего не имѣю сказать объ этихъ чувствахъ, мысляхъ и стремленіяхъ. Это—дѣло высшей, такъ сказать, политики, въ которую я не мѣшаюсь. И заговаривать-то я объ ней только для того, чтобы сказать, что не объ ней говорить хочу. На всякій случай, чтобы недоразумѣнія каковаго не вышло. Однако, довольно прелюдій. Сами увидите, достойны ли вниманія личности, съ которыми я васъ хочу познакомиться, и, если достойны, то въ какомъ смыслѣ.

Захваченную у Апостолова чужую шапку я унесъ съ собой домой: какъ держалъ въ рукахъ, такъ и унесъ, забывшись. На другой день пошелъ отыскивать хозяина. Прежде всего, раз угадается—къ Шибѣ. Онъ объяснилъ мнѣ, что шапка, но всѣмъ видностямъ, должна принадлежать Николаю Ивановичу Сицкому, бѣловуруму молодому человѣку въ разбитыхъ очкахъ; что Сицкий этотъ живетъ тамъ-то и тамъ-то, на Выборгской Стронѣ. На вопросъ объ томъ, что онъ за человѣкъ, Апостоловъ отвѣчалъ довольно загадочно:

— Знаете пословицу: рѣзвенькій самъ набѣжитъ, а на тихонькаго Богъ нанесетъ. Ну, такъ, вотъ, онъ—изъ тихонькихъ.

Сицкий самъ отворилъ мнѣ дверь. Онъ былъ въ блузѣ, вотрая, какъ на вѣшалкѣ, висѣла на его длинномъ, нескладномъ туловищѣ. Волосы были перехвачены узенькимъ ремешкомъ поперекъ лба. Въ одной рукѣ онъ держалъ большія портняжнія ножницы. Онъ внимательно и нѣсколько удивленно посмотрѣлъ на меня и потомъ протянулъ:

— А! это—вы!

Долженъ сознаться, что въ тонѣ этого восклицанія было мало для меня лестнаго. Видно было, что молодой человѣкъ кого-то ждалъ, но только совсѣмъ не меня, и что мое появленіе его значительно разочаровало. Я объяснилъ въ чемъ дѣло.

— Да, да, пойдѣте ко мнѣ, сказала молодой человѣкъ, вводя меня изъ кухни (она же—и передняя) въ свою комнату (квартира вся состояла изъ комнатъ отъ жильцовъ).—Да, да, я думаю, вамъ очень неловко было въ моей шапкѣ; у меня очень большая голова...

— Вамъ, я думаю, еще хуже пришлось. Извините, пожалуйста...

— Нѣтъ, что-жь? Мнѣ ничего. Я, сверхъ шапки-то, знаете, илѣтомъ носовымъ повязался. Даже очень хорошо вышло, потому что уши не мерзли.

Напоминаю читателю, что голосъ у Сицкаго былъ очень слабый, говорилъ онъ очень медленно и немножко заикался. Впрочемъ, своими голосовыми недостатками онъ ни мало не стѣс-

влялся и говорилъ чрезвычайно спокойно: не торопился, не удер- живался отъ заневанія, не насилывалъ голоса. Такимъ я его слы- шалъ не только въ этотъ разъ, а и впоследствии, при самыхъ разнообразныхъ обстановкахъ. Комнату онъ занималъ маленькую, низенькую, сырую и холодную. Единственное окно выходило на маленький, но пустынный дворъ. У окна стоялъ столъ, на столѣ были аккуратно разложены части распоротого сюртука или пид- жака. Тутъ же лежалъ наперстокъ, нитки, куски матеріи. Де- сятка два книгъ красовались на прибитой къ стѣнѣ полкѣ. Кро- вать, три стула, еще столъ, на которомъ стоялъ самоваръ, чай- никъ и два стакана, дополняли меблировку. Все было очень чи- сто и аккуратно.

— Ну, что же, Апостоловъ еще не узналъ адресъ этого... какъ его? Медіума-то?

— Нѣтъ, гдѣ же? вчера вечеромъ, вѣдь, только общалъ...

— Да, да. А это очень интересно, что вы вчера... Звонять, кажется?

Сидцкій вскочилъ и вышелъ.

— Не ко мнѣ, грустно сказалъ онъ, возвращаясь. Давайте чай пить.

За чаепитіемъ повторилась та же исторія, то есть, заслу- шавъ звонокъ, Сидцкій вскочилъ, выбѣжалъ въ кухню и вернулся огорченный. Я, наконецъ, спросилъ, не стѣсняю ли я его, такъ какъ онъ, очевидно, кого-то ждетъ.

— О, нѣтъ. Я бы прямо сказалъ, еслибы вы мѣшали. За что же я васъ буду въ такое положеніе ставить? Напротивъ, я вамъ очень, очень радъ. Это правда, что я жду... Но это ничего, увѣ- ряю васъ... Видите ли, сегодня ко мнѣ долженъ придти одинъ мужикъ, долгъ отдать. Только вы не подумайте... Видите ли, какъ дѣло было. Онъ подошелъ ко мнѣ на улицѣ. «Дай, гово- рить, баринъ:—на два дня двадцать три копейки, не хватаетъ на сапожнишеш», знаете, валенки. Я ему далъ тридцать пять копеекъ, двугривенный и пятиалтынный, такая монета случи- лась. Онъ мой адресъ взялъ, сегодня вотъ придетъ. Придетъ, вѣдь, я думаю, а?

— Право, не знаю. Вѣришь, что не придетъ. Много, вѣдь, такихъ-то на улицѣ взаимно берутъ. Какой ужъ тутъ заемъ!

— Ну, нѣтъ, онъ, вѣдь, общалъ, самъ общалъ. Онъ бы могъ просто попросить, а то говорить: непременно, говорить, принесу...

Видно было, что Сидцкій самъ нетвердо вѣрилъ въ исполне- ніе обещанія прокожого мужика и только очень хотѣлъ вѣрить. Мнѣ тоже хотѣлось, чтобы мужикъ пришелъ, больше изъ сочув- ствія къ этому большоголовому, большеглазому, кроткому суще- ству. Я сомнѣвался, однако. Сомнѣвался и былъ посраженъ, потому что, послѣ слѣдующаго звонка, Сидцкій ввелъ въ комнату небольшого, невзрачнаго и молодого еще мужика.

— Ну, вотъ, ну, вотъ, пришелъ, спасибо, говорилъ Сицкій, нелѣпо хватая мужика за плечи, точно собирався поднять его на воздухъ.

— Тебѣ спасибо, Миколай Иванычъ, степенно возражалъ тотъ. Онъ приставилъ къ стѣнѣ бывшую у него въ рукахъ пилу, свалилъ тутъ же съ плечъ мѣшокъ, досталъ изъ-за пазухи кошель и торжественно поднесъ Сицкому на лѣвой ладонѣ двугривенный и пятиалтынный. Потомъ сталъ опять накидывать мѣшокъ на плечо.

— Чего-жь ты? Какъ тебя звать-то?

— Семень Петровъ.

— Чего-жь ты собираешься, Семень Петровичъ? Садись, гость будешь, чайку попьешь.

— Нелзя, Миколай Иванычъ, на Микольскій надо, и то поза-мѣшкался, парня одного поджидалъ. Часовъ одиннадцать, поди, есть?

— Есть. Ну, въ другой разъ заходи.

— На этомъ опять же спасибо. Прощенья просимъ.

— Такъ зайдешь? Ежели чтò по портняжной части понадобится, такъ тащи. Починка ли какая, или чтò—штаны такія сошью, что либо два.

— Ай, мастеришь?

— Мастерю.

— Я думалъ, ты по ученой, по книжной, значить, части.

— И этотъ грѣхъ есть. Книжку захочешь почитать — найдемъ.

— Не знаю я граматѣ-то.

— Выучу.

Мужикъ засмѣялся и окончательно распростился.

Сицкій какимъ-то задумчивымъ гоголемъ ходилъ по комнатѣ, широко разставляя длинныя ноги и побрякивая въ рукѣ только-что полученными двугривеннымъ и пятиалтыннымъ.

— Ну, вотъ какъ вы ошиблись! сказалъ онъ, останавливаясь передо мной и счастливо улыбаясь, больше глазами, чѣмъ губами.

— А вы развѣ такъ ужъ увѣрены были, что онъ придетъ?

— Нѣтъ, и я не былъ увѣренъ. Только, все-таки, такого полнаго, настоящаго невѣрія у меня не было. Конечно, тутъ могло разное выйти, могъ онъ и не придти. Это—какъ въ лотерей: больше вѣроятности, что не выиграешь; ну, а можетъ, и счастливый билетъ выкинется. Только тутъ наоборотъ...

— То-есть, тутъ больше вѣроятности, что мужикъ пришелъ бы? (Сицкій утвердительно мотнулъ головой). И вы настолько знаете народъ, чтобы говорить такъ рѣшительно?

— Какъ вамъ сказать? Народъ я знаю мало, да и кто-жь его знаетъ немало? Вглядывался... но больше такъ, теоретически, думалъ больше, много думалъ...

— Мало, вѣдь, этого, во всякомъ случаѣ.

— О, да, я знаю, что все это надо дополнить, провѣрить, надо много самому видѣть. Я именно теперь къ этому готовлюсь.

— Гм... Развѣ большія приготовленія нужны?

Сицкій изумленно посмотрѣлъ на меня, потомъ снисходительно улыбулся, сѣлъ рядомъ и положилъ мнѣ руку на плечо — любимый его жестъ въ разговорѣ.

— Огромныя, Темкинъ, оч-чень, оч-чень большія. Нужно, во-первыхъ, знаніе, не грошовое какое-нибудь, а очень точное и полное, потому что народъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно требователенъ, гораздо требовательнѣе нашего брата... Вотъ вы улыбаются; оно, съ перваго-то раза — какъ будто и въ самомъ дѣлѣ вздоръ, а вы подумайте хорошенько, такъ и увидите, что не вздоръ. Нашъ братъ больше для куска хлѣба учится, для диплома тамъ, для экзамена. И такъ это укоренилось, что малый мальчишка и тотъ ужъ имѣетъ въ виду. А если мужикъ что узнать хочетъ, такъ потому, что душа знанія просить. Ну, читать, писать, считать, это — для домашняго обихода, а что сверхъ этого — все для души. Значить, тутъ требованіе иное. Возьмите опять вотъ что. У насъ все вопросы: женскій вопросъ, восточный вопросъ, вопросъ о происхожденіи человѣка, о свободѣ воли. Мужикъ не можетъ такъ хронически въ вопросительномъ видѣ стоять. У него или нѣтъ вопросовъ, или они сейчасъ же разрѣшеніе получаютъ, потому ему ясность, точность, опредѣленность нужна. Мы вотъ вчера съ вами подъ столъ лазили, чорта искали, котораго вашъ другъ Яковъ показать хотѣлъ, а мужикъ чорта очень хорошо знаетъ: у него, говорятъ, заячья лапа. Вотъ до какой точности, до какой подробности... Я разсмѣялся.

— Конечно, тутъ негѣпостей много, спокойно продолжалъ Сицкій: — я вамъ только о тѣхъ требованіяхъ говорю, которыя народъ знанію ставитъ. Если вы слушаете вопросъ о чортѣ разработать совершенно по своему вкусу, ну, сообразно тамъ наукѣ, но чтобы было такъ же полно, подробно, отчетливо, какъ теперешнее представленіе мужика о чортѣ, мужикъ пойметъ и опѣнитъ. А въ колебательномъ видѣ: либо дождишь, либо снѣгъ, либо будетъ, либо нѣтъ — этого лучше и не несите народу, слушать не станеть и всякое къ вамъ уваженіе потеряеть. Или еще... Вы гдѣ учились?

Я сказалъ.

— Ну, вотъ, возьмемъ какую-нибудь вамъ знакомую науку — ну, химию, что ли. Вамъ интересно знать, что древніе насчитывали четыре стихіи, четыре простыя тѣла, что понятіе это съ теченіемъ времени измѣнилось такъ-то и такъ-то и прочее. Нашего брата даже всегда танеть непремѣнно такъ начать: прежде полагали такъ-то, потомъ иначе, потомъ еще иначе, а нынѣ

полагають равно — одни такъ, другіе иначе. Вы очень ученѣйшій будете человекъ, если будете знать все это, то-есть весь рядъ ошибокъ и заблужденій мысли. И это, разумѣется, очень важно, но мужику даромъ не нужно. Какъ кто думалъ, это для него не интересно, а интересно, какъ самому думать. Опять-таки, чтобы ясно, полно...

— Послушайте, Сицкій, вы вотъ сейчасъ про Якова говорили. Такъ, вѣдь, онъ — тоже мужикъ, народъ...

— Ну, какой же онъ мужикъ? Лавески, вы говорите, былъ, фокусами занимался... Нѣтъ! А, впрочемъ, не знаю. Очень интересный, во всякомъ случаѣ, человекъ, и ты меня съ нимъ, пожалуйста, познакомьте, когда разшищете. Очень, очень интересно...

Сицкій задумался. Я съ нѣкоторымъ изумленіемъ смотрѣлъ на него, даже, долженъ откровенно признаться, съ нѣкоторою мелкою досадою. Забѣгая впередъ, скажу, что мы его впоследствии прозвали «бѣднымъ музыкантомъ». Прозвище тѣмъ болѣе, повидимому, нелѣпое, что Сицкій ни на какомъ инструментѣ не игралъ. Такъ ужъ вышло. Во время одного любопытнѣйшаго похождения Сицкаго (я его въ другой разъ расскажу), Нибушъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на него, да и говорить: «эхъ, бѣдный ты музыкантъ!» И такъ эта кличка и пристала къ нему, точно пластырь. Нелѣпо и, въ то же время, удивительно похоже, удивительно кстати, такъ что даже изумляться надо было, что онъ такъ долго безъ этой клички ходилъ. «Бѣдный музыкантъ» значитъ, можете сами судить, впечатлѣніе чего-то жалостнаго, безпомощнаго. Такое впечатлѣніе Сицкій произвелъ на меня съ перваго же раза, на неудавшемся спиритическомъ сеансѣ у Апостолова. И вдругъ этотъ «бѣдный музыкантъ», который, добавокъ, моложе меня годами, говорить со мной, какъ учитель. Такъ и по формѣ выходило, и по сущности, потому что я долженъ былъ признать нѣкоторую для меня новость соображеній Сицкаго. Недостатки его рѣчи придавали ей даже какую-то особенную силу: тихо, медленно, съ заиканіемъ, но совершенно спокойно, увѣренно. Видно было, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, «много думалъ» о предметѣ разговора, пришелъ къ непререкаемымъ для него результатамъ и даже не можетъ себѣ представить маломальскихъ резонныхъ возраженій. А мнѣ, какъ на грѣхъ, ни одно не приходило въ голову.

— Значить, вы отвергаете пользу исторіи мысли? спросилъ я, самъ чувствуя, что говорю неподходящее.

— Совсѣмъ нѣтъ. Совсѣмъ даже напротивъ. Вы меня не поняли. Для васъ исторія мысли любопытна, даже необходима, потому что уяснять дѣло. Вы должны знать и ее, и самыя важныя изъ современныхъ взглядовъ на предметъ и, уже переработавши все это, такъ чтобы имѣть определенное, неколеблящееся понятіе, можете предложить результатъ, замѣтите, резул-

тотъ мужику. А процессъ развитія мысли весь при васъ останется. Когда-нибудь и мужикъ имъ заинтересуется, ну, а теперь просто спросу нѣтъ. Въ нѣкоторыхъ сферахъ онъ есть и теперь. Напримеръ, исторія религиозныхъ вѣрованій, насколько я понимаю, можетъ заинтересовать мужика...

— Позвольте, однако, Сицкій; вѣдь мы начали съ того, что вы готовитесь въ познанію, такъ сказать, народа. А между тѣмъ, вы, во-первыхъ, такъ говорите, какъ будто знаете его и теперь ужъ вдоль и поперекъ. А, во-вторыхъ...

— Я составилъ себѣ понятіе, перебилъ Сицкій:—если увижу, что оно не помяно или вѣдорно, такъ дополню или брошу...

— А, во-вторыхъ, продолжалъ я:—узнать народъ и учить его, это—двѣ разные вещи. И я все-таки думаю, что для того, чтобы узнать его, особенныхъ приготовленій не требуется. Это всякій можетъ при добромъ желаніи.

— Напрасно вы такъ думаете. Съ чего это мужикъ станетъ, ради вашего добраго желанія, душу передъ вами раскрывать? Вы должны его уваженіе приобрести, представиться ему прежде всего дѣльнымъ, стоящимъ человѣкомъ...

— Прежде всего! Замѣйте, вы все это еще «во-первыхъ» говорите. Во-первыхъ—знаніе. Ну, хорошо. Значить, есть и во-вторыхъ?

— Есть и во-вторыхъ, и въ-третьихъ. Во-вторыхъ, какой-нибудь физическій трудъ, мастерство, что-нибудь, вообще какая-нибудь умѣлость. Неумѣлость народъ только ородивымъ да блаженнымъ прощаетъ. А въ-третьихъ, подвиговъ...

— Какой такой подвиговъ?

— Какой подвигъ—это вы можете изъ исторіи узнать...

— Не всѣмъ же, однако, быть героями, замѣтилъ я съ раздраженіемъ.—Простымъ-то смертнымъ, нашему брату, куда дѣваться?

— Для простыхъ дѣлъ нужны простые люди, для героическихъ—геромъ.

— И вы изъ героевъ, конечно?

— Я попробую, просто сказалъ Сицкій, даже не останавливая своей прогулки задумчиваго гоголя.

Это было уже слишкомъ! Онъ попробуетъ! Онъ сказалъ это такимъ тономъ, какимъ бы вы сказали: я попробую переставить стулъ, или: я попробую пройти по Невскому. Эта, какъ мнѣ казалась, бездонная пропасть самолюбія просто выводила меня изъ себя. Милый «бѣдный музыкантъ!» Ты попробовалъ, за тобой нѣтъ недоумокъ, ты совершилъ свой подвиговъ. Прости же мнѣ ту мелкую, дрянную, завистливую досаду, съ которою я выслушалъ твое «я попробую»... Досада моя была тѣмъ сильнѣе, что съ нею начинало уже борьбу чувство уваженія, которое невольно заградывалось въ душу при видѣ этого безмятежнаго спо-

койствія. Чѣмъ-нибудь да приобрѣтено же оно, есть же за нимъ сила.

— Будьте понисходительнѣе, господинъ Сидцкій, сказалъ я.— Ну, хорошо; ну, вы—герой, будущій... Честь вамъ и слава, опять-таки въ будущемъ. Но, у васъ все такъ взвѣшено и смѣрено, что, можетъ быть, вы и мнѣ не откажетесь подать совѣтъ.

Я иронизировалъ, глупо, грубо, но иронизировалъ. Онъ не обратилъ, однако, никакого вниманія, да, какъ теперь припоминаю, и вообще не понималъ ироніи.

— Ахъ, я буду очень радъ, если съумѣю. Только, вѣдь, я васъ совсѣмъ не знаю, отвѣчалъ онъ какъ ни въ чемъ не бывало.—Это отъ очень равныхъ личнымъ обстоятельствъ зависитъ. Я и про себя не знаю. Силъ не хватаетъ—ну, что-жь дѣлать? Шить, кроить умѣю, граматѣ знаю—жить все-таки можно, на что-нибудь пригожусь. Главное, надо тщательно свои силы, какъ вы говорите, взвѣсить и смѣрить, а тамъ ужъ и выбирать. Главное, не за свое дѣло не братья...

— Гм... Какъ бы, однако, вотъ чего не вышло: иной, пожалуй, дурно взвѣситъ, да въ герои и полѣзеть, знаете, какъ у Гоголя, «выше своей сферы», а иной изъ трусости откажется отъ дѣла, которое можетъ дѣлать...

— Да, злоупотребленія всегда—дѣло возможное. Я про честныхъ людей говорю, вотъ какъ я, вы...

— Покорнѣйше васъ благодарю!

Сидцкій недоумѣвающе посмотрѣлъ на меня съ секунду и потомъ продолжалъ, отказываясь, повидимому, проникнуть въ смыслъ моей иронической благодарности:

— Трусость! Трусость—несчастіе. Состояніе нервовъ, которое до извѣстной степени можно, конечно, преодолѣть, но которое надо тоже взять во вниманіе при оцѣнкѣ своихъ силъ. Если человекъ добросовѣстно работалъ надъ собой и, все-таки, не могъ преодолѣть, такъ пусть онъ такъ прямо и говоритъ: того-то и того-то я выносить не могу. Кто-жь его попрекнетъ за это? Одинъ можетъ десять пудовъ поднять, другой—три. Только, чтобы была дѣйствительно добросовѣстная работа надъ собой и добросовѣстная оцѣнка...

Въ комнату вошла старая женщина въ сарафанѣ, съ метлой въ одной рукѣ и съ тряпкой въ другой.

— Что-жь, голубь, идти тебѣ пора, прибраться пришла, сказала она очень громко, какъ говорятъ глухіе, и наклонилъ ухо въ сторону Сидцаго, очевидно, привычная къ его слабому голосу.

— Пора, пора, бабушка, сейчасъ уйдемъ.

— А пиважь-отъ ванюшенинъ готовъ, аль нѣтъ?

— Экъ ты, бабушка, захотѣла! Видишь, только еще распродажь.

— Ну ладно, ладно, я такъ...

Мы вышли вмѣстѣ и прямо отъ воротъ повернули въ разныя стороны.

Само собою напрашивается сравненіе Цицкаго съ Апостоловымъ. Я очень завидую обоимъ, завидую теперь ужъ, конечно, безъ всякой подмѣсы драматическаго, полужлобнаго чувства, а напротивъ, съ глубочайшимъ уваженіемъ къ умѣнью взвѣсить свои силы и распорядиться ими. Вы можете разное смотрѣть на ихъ мнѣнія и на нихъ самихъ, но вы должны признать за ними великое счастье полной сознательности ихъ личной жизни. Я не выдаю ихъ за непогрѣшимыхъ папъ, даже не пытаюсь убѣдить васъ въ справедливости ихъ мнѣній, хотя думаю, что, въ общемъ, и тотъ, и другой, въ своемъ родѣ, правы. Возможны для нихъ, конечно, разнаго рода уклоненія и ошибки. Насколько я могу судить по нѣкоторымъ отрывочнымъ разговорамъ Апостолова, ихъ было у него въ прошломъ даже довольно много. Но, въ концѣ-концовъ, оба стоятъ на совершенно опредѣленной дорогѣ, имѣя при себѣ багажъ, строго соразмѣренный съ ихъ силами и способностями. У Цицкаго эта соразмѣренность была даже какою-то идее фиксе. Онъ очень часто возвращался къ ней въ разговорахъ и строилъ на ней цѣлую утопію. Достигнувъ вѣрной самоцѣлки (она была безусловно вѣрна, какъ покажетъ его дальнѣйшая исторія), Цицкій думалъ, что и всякій на это способенъ. Этимъ именно путемъ, полагалъ онъ, должны исчезнуть мелочныя самолюбія, становящіяся попережь дороги всякому общему дѣлу. Съ его точки зрѣнія, не было никакого позора въ какомъ-нибудь природномъ недостаткѣ, если только человѣкъ пытался съ нимъ бороться. Въ этомъ направленіи онъ шелъ до послѣднихъ предѣловъ. Я помню его уморительно-смѣшную бесѣду съ однимъ пріателемъ. Пріатель этотъ бралъ на себя непосильную для него роль. Цицкій отговаривалъ его, доказывая, между прочимъ, что роль эта требуетъ ума, а онъ, пріатель, не уметь. Пріатель былъ совсѣмъ много о себѣ мнѣнія и потому сердился. Но Цицкій былъ невозмутимъ. По обыкновенію, словоохотливо, пространно, медлительно и завязаясь, онъ дѣлалъ опредѣленія ума и глупости и подгонялъ подъ эти опредѣленія личность претендента. Это было, впрочемъ, единственный извѣстный мнѣ случай, что Цицкій такъ грубо (хотя у него и это какъ-то не грубо вышло) вмѣшался въ чужое личное дѣло. Онъ былъ инстинктивный врагъ всякой кружковой и личной тирании. Роль товарищей, хоть будь они семи падеи во лбу, ограничивалась для него посредственнымъ содѣйствіемъ уясненію субъектомъ его жизненной задачи. Окончательный рѣшающій голосъ долженъ былъ принадлежать самому субъекту, такъ что, если онъ сказалъ: я это могу сдѣлать, или: я этого не могу сдѣлать — говорить ничего не оставалось. Съ самимъ Цицкимъ былъ

разъ на моихъ глазахъ такой случай. Въ довольно большомъ обществѣ, ему была предложена одна очень щекотливая обязанность. Онъ отказался. Кто-то сзади крикнулъ: «подлецъ!» Это было до такой степени дико, до такой степени несообразно съ чистотой души Бѣднаго Музыканта, что всѣ оторопѣли. Сидикъ широко раскрылъ свои и безъ того огромные глаза. Онъ, кажется, только удивлялся. Водворилось молчаніе, прерванное басомъ Нибуша: «тотъ—подлецъ, кто Сидкаго подлецомъ назвалъ!» Къ Сидкому протиснулся одинъ молодой человекъ, горбоносій, бородатый брюнетъ Манвеловъ и, протягивая ему руку и краснѣя какъ, ракъ, сказалъ съ не-русскимъ акцентомъ: «я—подлецъ... и говорилъ... ошибка». Сидикъ внимательно посмотрѣлъ на него, потомъ кивнулъ головой, притянулъ его къ себѣ, посадилъ рядомъ и положилъ ему руку на плечо. Весѣда пошла своимъ чередомъ. Манвеловъ сидѣлъ, не поднимая глазъ и стараясь не шевелиться, чтобы не тревожить руки Бѣднаго Музыканта...

Въ той массѣ всѣхъ колебаній, волненій, сомнѣній, запутанностей, среди которой намъ приходится жить, люди съ строго обдуманной, твердо намѣченной задачей жизни составляютъ сравнительно большую рѣдкость (я не о тѣхъ, разумеется, говорю, кто твердо намѣтилъ какой-нибудь жирный кусокъ). Оттого такіе люди нѣсколько давятъ окружающихъ, своимъ ужъ импонирующъ имъ. Свалить эту тяжесть можетъ только очень короткое съ ними знакомство, большая близость отношеній. Апостоловъ, напримѣръ, съ которымъ подобная близость была немислима, почти всегда производилъ въ окружающихъ непріятное ощущеніе тяжести. Съ Сидкимъ ничего такого не было. Апостоловъ всегда держалъ кое-что про себя и только очень изрѣдка позволялъ заглядывать себѣ въ душу поглубже. Сидикъ, напротивъ, съ перваго же раза былъ весь на ладони. Вы видѣли, что въ первое же наше свиданіе я узналъ его святая святыхъ безъ всякихъ съ моей стороны разспросовъ и вообще усилій. Апостолова чуждались и, если по совѣсти говорить, не любили. Съ Сидкимъ же всякій чувствовалъ себя легко, и всѣ, кромѣ надменныхъ дураковъ, его очень любили. Апостоловъ былъ холодный и просто добрый человекъ, готовый, при случаѣ, оказать услугу. Сидикъ былъ какое-то ходячее самопожертвованіе. Онъ предавался ему со страстью. Когда я вамъ расказалъ хоть то его похожденіе, которое подало поводъ прозвищу «бѣдный музыкантъ», вы увидите до какихъ даже малоброютныхъ вещей могъ онъ въ этомъ направленіи доходить.

Во всякомъ случаѣ, знакомство и извѣстная короткость Шили и Бѣднаго Музыканта очень естественны. Въ сущности, они съ перваго же взгляда оказывались одного кола годами. Такъ,

даже по внѣшности. Но присутствіе на вечерѣ у Апостолова дамы въ серебряной коронѣ меня нѣсколько удивило. Я еще больше удивился, когда узналъ, что она—вдова статскаго совѣтника и мать двухъ дѣтей. А между тѣмъ, эта статская совѣтница во многихъ отношеніяхъ была гораздо родственнѣе Апостолову, чѣмъ Свицкій и всѣ мы.

Исторію ея я знаю отчасти отъ Шивы, отчасти отъ нея самой, отчасти изъ другихъ источниковъ. Кое-что видѣлъ самъ. Звали ее Марья Львовна Вѣлозерская. Мужъ ея былъ не совсемъ обыкновенный статскій совѣтникъ. Но разныя его необыкновенности къ дѣлу не идутъ, и я скажу только (въ интересахъ нѣжеслѣдующаго), что, прослуживъ двадцать лѣтъ въ одномъ вѣдомствѣ, славящемся своею хлѣбностью, онъ оставилъ семью нищею. Сама Марья Львовна была за то совершенно обыкновенная статская совѣтница, впрочемъ, престаая, неглупая и добрая женщина. Жили они тихо, смиренно, благополучно, вообще хорошо. Однажды мужъ повдно засидѣлся за работой. Жена, поджидая его, прилегла, какъ была одѣтая, въ спальнѣ и задремала. Вдругъ слышитъ въ кабинетѣ стукъ, точно что упало. Окликнула мужа—молчать, въ другой разъ — молчать. Встала вдова (она уже была вдовой въ эту минуту), пошла въ кабинетъ и увидѣла, что мужъ лежитъ навзничъ на полу, раскинувъ руки. Ему дурно, конечно; надо его вспръснуть водой, намочить голову одеколономъ, дать понюхать нашатырнаго спирту, послать за докторомъ. Все это исполняетъ вдова, но задолго до прихода доктора убѣждается, что мужъ умеръ. Теперь представьте вы себѣ женщину, привычную къ тихой, смиренной, благополучной жизни, остающуюся ночью наединѣ съ трупомъ любимаго мужа. (Дѣти спать, и хорошо еще, что спать; кухарки не оказалось дома, нянька ушла за докторомъ). Сомнѣній нѣтъ: это — трупъ, она — вдова, дѣти — сироты, тихая, спокойная жизнь надломлена въ одно мгновеніе нелѣпой случайностью, называемою апоплексическимъ ударомъ. Очень обыкновенный случай вообще, очень необыкновенный въ жизни вдовы. Чтѣ тутъ передумано, чтѣ перечувствовано—это вы ужъ постарайтесь сами себѣ представить. Я рассказывать не стану, потому что не слышу, да и не особенно жалѣю объ этомъ. Но за то тѣмъ сильнѣе жалѣю, что не могу вамъ въ яркихъ образахъ и картинахъ рассказать рядъ послѣдующихъ обыкновенностей: будочкики, протоколъ, судебный приставъ, обывальщица, гробовщикъ, чистальщики псалтыря, священники, Факельщики. Никто, кажется, не изображалъ въ литературѣ обыкновенной обстановки смерти во всѣхъ ея подробностяхъ. У насъ есть нѣсколько превосходныхъ, высокохудожественныхъ описаній смертнаго часа, но всѣ они мало касаются того ряда мелкихъ обстоятельствъ, которыми смертный часъ обманъ, какъ крупный брильянтъ мелкими розами. Это очень жаль, потому что и въ розахъ отражается и

переливается свѣтъ, и онѣ способствуютъ общей красотѣ всей драгоцѣнности. Я, конечно, не мечтаю восполнить этотъ пробѣлъ въ литературѣ. Миѣ жаль только, что я не умѣю рассказать вамъ, какъ эти розы украсили серебряной короной голову вдовы статскаго совѣтника и превратили ея глаза въ острые гвозди.

Все складывалось какъ нельзя лучше. Будочники немедленно узнаютъ о событіи и являються. Убитая горемъ, почти обезумѣвшая отъ неожиданности вдова проситъ ихъ поднять трупъ и положить его на кровать. Будочники оказываются чрезвычайно любезными и милыми людьми, успокаиваютъ вдову, просятъ ее «не убиваться», но, такъ какъ они, вмѣстѣ съ тѣмъ—прекрасные будочники, строгіе блюстители порядка и исполнители своего долга, то они отказываются прикоснуться къ трупу до прихода начальства. И вдова смотритъ на помертвѣлое лицо статскаго совѣтника, на его расклевнувшіяся руки, на его распростертое на полу туловище. Является начальство. Оно тоже очень любезно, очень внимательно, но, по долгу службы, не можетъ поднять трупъ, пока не написана будетъ послѣдняя строчка протокола. И дорогой трупъ все валяется, какъ камень. Обмывальщица и гробовщикъ, конечно, не заставляютъ себя ждать. На счастье, они—тоже прекрасные люди и желаютъ имѣть по возможности точный и подробный заказъ, чтобы потомъ не вышло какихъ-нибудь недоразумѣній, пререканій, неприятностей. Какъ добро-совѣстный человѣкъ, гробовщикъ осведомляется сколько орденъ было у покойника и сколько, слѣдовательно, понадобится подушекъ. Вдова не понимаетъ. «Да, были ордена, думаетъ она:—Андрюша ждалъ Анны на шею... какіе ордена?.. чего этому человѣку нужно?»—Гробовщикъ видитъ, что тутъ ничего не подѣлаешь, и рѣшается отложить второстепенный вопросъ о количествѣ подушекъ подъ ордена до завтра. Но ему необходимо нужно знать, съ балдахиномъ или безъ балдахина будетъ катафалкъ. Такъ какъ вдова и со стороны балдахина оказывается недостаточно понятливою, то онъ, будучи нѣсколько добросовѣстнымъ, но и чрезвычайно доброжелательнымъ и уважительнымъ человѣкомъ, даетъ совѣтъ, чтобы съ балдахиномъ: потому покойникъ носилъ чинъ немалый, не титулярный какой-нибудь, и до превосходительства уже недалеко было! Священникъ. Почтенный старичокъ съ восковымъ взглядомъ. Онъ привыкъ утѣшать неутѣшенныхъ и знаетъ слова утѣшенія. Онъ совѣтуетъ молиться и радоваться, что статскій совѣтникъ умеръ до вознесенья дня, вслѣдствіе чего панихиды будутъ начинаться и оканчиваться радостною пѣніемъ «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ». Но ему нужно, однако, знать: съ діаволомъ или безъ діавона будутъ служить панихиды, а также насчетъ сорокуоста. Вдова бессознательно отвѣчаетъ наудачу: съ діаволомъ. Священникъ одобряетъ и находитъ, что статскій совѣтникъ долженъ

быть почтенъ нѣкоторою пышностью, хотя и соразмѣрною со средствами статской совѣтницы. Діаконъ. Онъ тоже знаетъ слова утѣшенія. А дѣти теребятъ положенный на столъ трупъ новопреставленнаго боярина Андрея и кричатъ: «напа, вставай!» И щемитъ сердце вдовы, и кружится ея голова. «Отецъ-діаконъ, говорить она съ отчаяніемъ:—какъ могу я теперь молиться?»!— «Это точно, простодушно отвѣчаетъ отецъ-діаконъ:—это точно, Марья Львовна; говоримъ мы эти слова утѣшенія, а сами знаемъ, что вамъ теперь не до того».—Вдова благодарно смотритъ на отца-діакона: его простодушныя слова именно своимъ простодушіемъ и неформенностью проливаютъ каплю бальзама въ измученную душу. Но одна капля бальзама въ измученной душѣ гораздо даже меньше, чѣмъ капля воды въ морѣ... Судебный приставъ. Достойный молодой человѣкъ, вполне изящный и современный. Онъ вынужденъ беспокоить вдову описью и печатаніемъ имуществъ. Серебряный портсигаръ и золотыя часы съ цѣпочкой онъ не беретъ во вниманіе. «Я не видалъ этого, говорить онъ, любезно улыбаясь:—спрячьте, все-таки, пригодится». Онъ опишетъ только мебель и, главное, капиталы. Но капиталовъ оказывается только четыре билета внутреннихъ съ выигрышами займовъ. Какъ же это? недоумѣваетъ достойный молодой человѣкъ:—статскій совѣтникъ, двадцать лѣтъ служилъ и въ такомъ вѣдомствѣ...

А вдова все думаетъ, чѣмъ она виновата. «Господи, думаетъ она:—чѣмъ я провинилась, за что я такъ страшно наказана? и чѣмъ дѣти-то виноваты?» А когда къ ней пристають съ орденами, балахнами, статскимъ совѣтничкомъ, она думаетъ: «да чѣмъ же я виновата, что онъ былъ статскій совѣтникъ?!» Весь порядокъ, весь строй ея жизни, съ которымъ она такъ срослась, что почти не замѣчала его, получаетъ новое освѣщеніе и возмущаетъ ее. Все, что ей было близко, дорого, свято, мило, все, чѣмъ она гордилась и что почитала—все поочередно протирается ножомъ ея сердце. И нехорошо становится въ этомъ истинномъ сердцѣ. Такъ нехорошо, что, когда новопреставленнаго боярина Андрея опустили въ могилу, на головѣ Марьи Львовны уже висилась серебряная корона, а глаза начали оттачиваться въ гвоздинныя острия. Они отточились совсѣмъ, когда, по прошествіи нѣкотораго времени, вдова получила способность спокойно оглянуться на тѣ мелкія розы, которыя окружали крупный брильянтъ смерти статскаго совѣтника. Ей, между прочимъ, пришелъ въ голову вопросъ: каково тѣмъ вдовамъ, которымъ выпадаютъ на долю будочники нелюбезныя, начальство неласковое, читальщики псалтыри нетрезвыя, судебныя пристава не изящныя?

Марья Львовна уѣхала въ Петербургъ, во первыхъ, потому что ей было очень тяжело на мѣстѣ, а во-вторыхъ—потому, что надѣялась тамъ вѣрнѣе найти кусокъ хлѣба. Она жила уроками

и переводами и устроились въ родѣ Апостолова: прислуги не держала, сама готовила обѣды и мыла полы и, въ то же время, учила дочь (сына она пристроила въ учебное заведеніе). Какъ ея на все это хватало—я рѣшительно не понимаю.

О рыжебородомъ художникѣ, въ другой разъ. Притомъ же, онъ—совсѣмъ особъ статья.

Г. Тенингъ.
(Ник. Мухоморовъ)

О Г Л А В Л Е Н И Е

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ 1877 г.

(По общей нумераціи тома ССХХХ).

Май № 5.

	СТРАН.
ЗОЛОТЫЯ СЕРДЦА. III—V. И. Златоверхскаго.	5
СТИХОТВОРЕНІЯ Алексѣя Мещушкинова	48
НОВѢЙШЕЕ ФАБРИЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВЕЛИКОБРИТАНИИ. (Report of the Commissioners appointed to inquire into the working of the Factory and Workshops Acts with a view to their consolidation and amendment etc. II vol. London, 1876). Гл. V—IX. Зиберга	51
ЖЕНСКАЯ ЖИЗНЬ. Барышня. VIII—XII. А—ва	113
ЖЕРТВА ФИЛАНТРОПИИ. (La fille Elisa). Романъ Эдмона Гонкура. (Книга вторая и окончаніе) А. П.	139
ФИЗИЧЕСКІЙ ТРУДЪ, КАКЪ НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТЪ ОБРАЗОВАНІЯ. (Окончаніе)	179
НИЩІЯ ДѢТИ. (Съ французскаго). Стих. Петра Вейнберга.	242
ЖИЗНЬ РАБОЧИХЪ ВЪ АНГЛІЙСКОЙ ГВІАНѢ. Романъ Эдуарда Дженнингса, автора «Дженнингсова Младенца». (Окончаніе)	245
ИЗЪ ЛЕНАУ. Стих. Петра Вейнберга	293
НА РѢКѢ. (Фотографія). Л. Рускина.	295
СОРВИ-ГОЛОВА. Романъ Вильяма Бэна. (Приложеніе въ концѣ книги). (Окончаніе).	

Іюнь № 6.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ НИ ПАВЫ, НИ ВОРОНЫ. (Дневникъ домашняго учителя). А. Осиповича	313
МАЛЫТІЙСКІЕ РЫЦАРИ ВЪ РОССІИ. (Изъ сказаній XVIII столѣтія).—I—X. Е. Карповича.	353

ЮМОРИСТЪ-АМЕРИКАНЕЦЪ ОБЪ АМЕРИКѢ. («Книга Очерковъ» Марка Туайна). П. М. В.	411
ЖОРЖЪ-ЗАНДЪ.—I—III	439
УАРДА. Романъ изъ времянь древняго Египта. Георга Эбера. Часть первая.—I—X	473
ПОСВЯЩЕНІЕ. (Изъ Лонгфелло). Стих. Д. Михаловскаго	573
ГОЛОДНАЯ СМЕРТЬ. (Отрывокъ изъ памятной книжки). Г. Иванова	575
НЕНАВИСТНИКЪ ЖЕНЩИНЪ. Романъ Чарльза Рида. (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 1—48).	

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Май № 5.

ФАНТАЗИЯ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ВЪ ДѢЛѢ НАШЕЙ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ.	1
ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Театральныя и музы- кальныя новости.—Жалкое состояніе парижскихъ теа- тровъ въ литературномъ смыслѣ.—«Ребенокъ» гг. Ген- некена и Нажака на сценѣ театра Гимназіи.—«Ссыл- ные» г. Любомирскаго на театрѣ Сенъ-Мартенскихъ Воротъ.—Возобновленіе «Моира» Жоржъ-Занда въ «Одеонѣ». — Новыя оперы: «Серебрянный колоколъ» Сен-Санса, «Браво» Сальвэира и «Cinq Mays» Гуно.— Окончаніе концертнаго сезона: концерты консерваторіи. — Пьянистка Шарвади.—II. Политика.—Нейтра- литетъ Франціи въ русско-турецкой войнѣ.—Усиленіе дѣятельности іезуитовъ въ виду возможности скорой смерти папы.—Католическіе заговоры и агитація.— Министры Симонъ и Сэ въ Италиі.—Запрещеніе като- лическаго комитета въ Парижѣ.—Петиція противъ Ита- ліи —за папскую власть.—Письмо неверскаго епи- скопа къ маршалу.—Циркуляръ хранителя государ- ственной печати.—Конференціи отпа Гіасента.—Сен- жерменскій епископъ.—Правительственныя предостере- женія духовенству.—Настроеніе депутатовъ и опасе- нія де-Брольи.—Бюджетъ исповѣданій и бюджетная комиссія.—Народное недовольство безвравственностію духовныхъ.—Привговоръ надъ Пслемъ де-Кассанья- комъ.—Выборы въ Брло и Константинѣ.—Союзъ лѣ- выхъ. Людовика	26

НОВЫЯ КНИГИ. Ю. Э. Янсонъ. Опытъ статистическаго
вслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ.—
Эксплуатация желѣзныхъ дорогъ. Составилъ инженеръ
путей сообщенія А. Шишковъ. — Сборникъ государ-
ственныхъ знаній. Подъ редакціей В. П. Безобразова.—
Изнавка сербской войны. — Русскіе и сербы. Письма
М. Н. Хвостова. — Сербскіе рассказы. Капитана Ки-
рилыча. — Иванъ Посошковъ. Соч. А. Бригнера. — На
краю свѣта. Разсказъ Н. С. Лѣсова. — Неутомимый
труженикъ. Соч. Самуила Смайльса. — Загадочный
міръ. Доктора І. Б. Ф. Дескюре 49

**РАСТРАТА ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ЗЕМЕЛЬ АМЕРИКАН-
СКИМЪ КОНГРЕССОМЪ. В. 3. 81**

**ЕЩЕ О ССУДО-СВЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССѢ ДЛЯ ЛИТЕ-
РАТОРОВЪ 98**

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Несомнѣнное сочувствіе на-
рода и общества нынѣшней войнѣ. — Почему народъ
желалъ войны и какъ? — Какія дѣли имѣеть нынѣш-
няя война?—Трудности предстоящей войны и громад-
ность жертвъ, требуемыхъ вообще войнами.—Сикофан-
ство «Русскаго Міра». — Недоставленіе ни «Русскимъ
Міромъ», ни его сотрудниками, бывшими дѣятелями
въ штабѣ тимокскоморавской арміи, свѣдѣній о рас-
ходованіи русскихъ денегъ въ этомъ штабѣ. — Ми-
стификаціи газетъ. — Бить оны, или не бить? . . . 108

**ОТЧЕТЪ ОБЩЕСТВА ДЛЯ ПОСОБІЯ СЛУШАТЕЛЬНИ-
ЦАМЪ ВРАЧЕБНЫХЪ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ
КУРСОВЪ ЗА 1876 Г. 134**

Іюль № 6.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ЛЕВИТОВЪ. (Его жизнь и
сочиненія). Статья первая. А. Смиловичаго 337

СВѢТОЧИ БУДУЩАГО. (Фельетонъ изъ уголовной стати-
стики Россіи). Д. С...о—М...ь 173

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Открытіе палатъ
1-го мая. — Заявленіе герцога Деказа о нейтралитетѣ
Франціи. — Вопросъ де-Мѣна. — Противуклерикальный
запросъ. — Леблонъ и Сильва. — Странная рѣчь Жюля
Симона. — Рѣчь Гамбетты и ея послѣдствія. — Возра-
женія де-Мѣна.—Очередной порядокъ 4-го мая.—Во-
просъ Францѣ. — Выборъ въ Сен-Мало. — Несостоя-

- шійся запросъ въ сенатѣ. — Герцогъ де-Брольи. — Письмо парижскаго архіепископа. — II. Эпизодъ съ Кассаньякомъ. — Первое чтеніе муниципальнаго закона и отиѣна закона о печати Дюфора. — Внезапная отставка Симона. — Письмо маршала президента и отвѣтъ перваго министра. — Полное собраніе лѣвыхъ въ Grand Hôtel'ѣ. — Противуклерикальное заявленіе изъ Елисейскаго Дворца. — Очередной порядокъ палаты 17-го мая. — Министерство де-Брольи. — Президентское посланіе 18-го мая. — Закрытіе палатъ до 16-го іюня. — Планъ правительства борьбы и положеніе Мак-Магона. — Манифестъ четырехъ фракцій лѣвой палаты депутатовъ. — Заявленія трехъ фракцій лѣвой сената. — Затрудненія правительства. — III. Бѣглый взглядъ на новости неполитическаго характера. — Художественная выставка 1877 года. — «Искусство быть дѣдушкою», новое произведеніе Виктора Гюго. — «Жанъ д'Асье», Шарля Ломона на сценѣ театра Французской Комедіи. — «Король Лагора», опера Массенэ. *Людовина* 200
- НОВЫЯ КНИГИ.** Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи. П. А. Соколовскаго. — Теорія дѣвности. — Критико-экономическое изслѣдованіе А. Антоновича. — Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ (очерки изъ исторіи края и его колонизаціи). — Изслѣдованіе Г. Перетатовича. — Сочиненія графа А. В. Соллогуба. — Современная Россія. Составитель-редакторъ Б. Андреевъ . 227
- ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.** Страсть нашихъ земствъ къ грандіознымъ идеямъ и новаторству. — Несостоятельность херсонскаго земства. — Общественныя пожертвованія вообще и въ нынѣшнюю войну. — Дѣпровское наводненіе. — Измѣна г. Петра Воборыкина. — Измѣна князя Васильчикова. — Статья: «Наши пессимисты» и мораль ея. — Гдѣ лучше быть сибирскому университету: въ Омскѣ, Томскѣ или въ Иркутскѣ 243
- ВЪ ПЕРЕМЕЖКУ.** (Фантазія, дѣйствительность, воспоминанія, предсказанія). — VII. Г. Тешкина 264

1-го іюня вышла и разослана подписчикамъ VI-я, іюньская,
книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ: I. Невѣсты цесаревича Павла Петровича 1768 — 1776 гг. — II. Отечественная война 1812 года. Исслѣдованіе А. Н. Попова. — III. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ 1779 — 1831 гг., историко-біографическій очеркъ. — IV. Посольство Ермолова въ Персію. — V. Подвигъ Архипа Осипова въ 1840 г. — Разказы А. Панаева о кн. Меншиковѣ и Севастополѣ. — VII. Война Россіи съ Турціей и ея союзниками въ 1854 г.; письма императора Николая Павловича и донесенія его полководцевъ.

Приложенія. Рисунки: Галера «Тверь» 1767 г.; Медаль 1779 г. и памятникъ рядовому Архипу Осипову, гравировалъ академикъ Л. А. Стряковъ.

12 книгъ «Русской Старины» 1877 г. съ портретами и рисунками восемь рублей съ пересылкой.

Гг. иногородные подписчики имѣютъ высылать свои требованія, адресуя такъ: въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Русская Старина», Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.

Городскіе подписчики «Русской Старины» обращаются въ контору сего журнала: въ С.-Петербургѣ, на Невскій Проспектъ, противъ Гостиного Двора, при книжномъ магазинѣ *Ник. Ив. Мамонтова*, д. № 46.

Отдѣленія главной конторы «Русской Старины» въ Москвѣ, при книжныхъ магазинахъ: *И. Г. Соловьева*, на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣева, и *Ник. Ив. Мамонтова*, на Бузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

